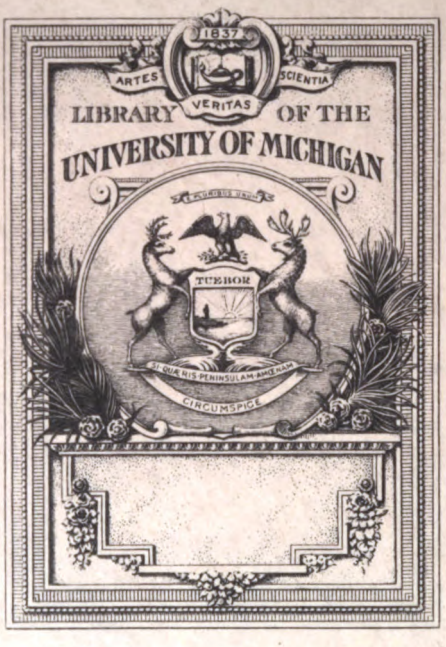
928,895


1837
ARTES
SCIENTIA
VERITAS
LIBRARY OF THE
UNIVERSITY OF MICHIGAN
TUEBOR
SI QUAERIS PENINSULAM AMOENAM
CIRCUMSPICE

891.78
S5A4
1904

ПОЛНОЕ СОБРАНІЕ СОЧИНЕНІЙ

А. К. ШЕЛЛЕРА-МИХАЙЛОВА.

ИЗДАНІЕ ВТОРОЕ

подъ редакціею и съ критико-біографическимъ очеркомъ А. М. Скабичевскаго и съ приложеніемъ портрета Шеллера.

ТОМЪ ЧЕТЫРНАДЦАТЫЙ.

Приложеніе къ журналу „Нива“ на 1905 г.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
Изданіе А. Ф. МАРКСА.
1905.

Артистическое заведеніе А. Ф. МАРКСА, Измайл. пр., № 29.

ИЗЪ ТРЯСИНЫ НА ДОРОГУ.

РОМАНЪ.

Comp. Philology
Monclit
1-8-29
3581

I.

— Ли-за, это кто тамъ приходилъ?

— Дворникъ, бабушка! За квартиру требуетъ.

— А ты бы ему сказала, что вотъ, молъ, какъ отецъ мѣсто получитъ, такъ и отдадимъ! Откуда намъ теперь взять? Совсѣмъ неоткуда!..

Отвѣта не послѣдовало.

Въ небольшой комнатѣ съ двумя окнами, безъ занавѣсокъ и шторъ, съ двумя кроватями, нѣсколькими потертыми стульями и обѣденнымъ столомъ, воцарилась тишина. Слышались только легкое постукиваніе вязальныхъ иголокъ въ рукахъ непомѣрно расплывшейся и рыхлой старушки въ бѣломъ чепцѣ, сидѣвшей у одного окна на большомъ засаленномъ креслѣ и вязавшей чулокъ, да частое щелканье иглы по коленкору въ рукахъ молодой, ярко румяной дѣвушки, помѣстившейся на стулѣ у другого окна и занятой шитьемъ.

— Пристаютъ тоже: отдай за квартиру, а какія цѣны дерутъ сами,—немного нараспѣвъ начала старушка и, опустивъ на колѣни вязанье, сдвинула очки на лобъ, что̀ всегда означало у нея приготовленіе къ продолжительному разговору.—Когда мы съ моимъ покойнымъ Лукьяномъ Аркадьевичемъ въ Хутынскѣ съ полкомъ стояли, мы цѣлый домъ тамъ занимали, а платили всего сто восемьдесятъ рублей ассигнаціями въ годъ за весь домъ. Прекрасный домъ былъ, и съ садомъ, и на солнцѣ весь. Въ саду, бывало, лѣтомъ ягодъ не оберешься. Я вѣдь всегда лакомка была; какъ поспѣетъ малина—меня изъ саду и не выгонишь. И молода была: на четырнадцатомъ году и замужъ отдали. Куклу въ первые дни замужества подъ подушкой держала. Покойный Лукьянъ Аркадьевичъ такъ меня «ребятишкой» и звалъ. Бывало, пора спать: возьметъ меня на

руки и несетъ въ спальню. «Спать, спать, ребятишка, пора», а самъ меня на ходу цѣлуетъ. Нечего сказать, очень любилъ меня, хоть и былъ на двадцать лѣтъ старше.

На минуту снова воцарилось молчаніе. Добродушное лицо замолчавшей и охваченной воспоминаніями старушки, съ отвислыми розовыми щеками, озарилось улыбкой; крупныя губы довольно большого рта слегка шевелились, точно продолжая разсказывать что-то о ея свѣтломъ прошломъ; полупотухнувшіе каріе глаза безцѣльно глядѣли на окно, за стеклами котораго шлепались крупныя капли съ быстро таявшихъ ледяныхъ сосулекъ и толкались на подоконникѣ голуби, привыкнувшіе къ тому, что имъ ежедневно высыпались изъ форточки крошки хлѣба. Старушка, наконецъ, громко вздохнула и опять заговорила вслухъ:

— А здѣсь-то мы, Лиза, что платимъ въ годъ?— спросила она.

— Триста рублей, бабушка,— громко отвѣтила внучка.

Лиза старалась возвышать голосъ, такъ какъ бабушка начинала плохо слышать.

— Это на серебро, Лиза? Нынче вѣдь все на серебро считать стали. И съ чего это? Считали, считали все на ассигнаціи и вдругъ приказали всѣмъ на серебро считать. Зачѣмъ? Я вотъ и до сихъ поръ не научилась. Ты говоришь, триста рублей мы за квартиру платимъ. А на ассигнаціи-то сколько это будетъ?

— Тысячу пятьдесятъ рублей, бабушка,— почти выкрикнула внучка.

— Господи, какая куча денѣжищъ-то! Ты-сячу пять-десятъ рублей! Шутка сказать! Ахъ, какая куча! А что за помѣщеніе! Двѣ премизерныя комнатёнки въ третьемъ этажѣ, на второмъ дворѣ. И свѣту-то Божьяго не видно. Ни небесъ, ни солнца не видимъ, точно въ колодцѣ сидимъ. Въ Хутынскѣ у насъ дома были низенькіе, одинъ, либо два этажа, не болѣе; комнаты просторныя и свѣтлыя... А тутъ конурки подъ небесами и ты-сячу пять-десятъ рублей платимъ, а...

— Съ дровами зато, бабушка,— перебила ее Лиза, не дослушавъ начатой рѣчи.

— Съ дровами?— повторила старушка и, пожевавъ губами, что-то вспомнила:— Что-жъ Лена вчера наплела: говорила, что дровъ не хотятъ давать? А ты говоришь: съ дровами.

— Если не заплатимъ, бабушка, такъ не будутъ давать

дровъ. Это вчера старшій дворникъ мамѣ пригрозилъ,— пояснила Лиза.—Сердится онъ, что мало ему платимъ и на чаи не даемъ. Тарасовы, вѣрно, объ этомъ и не знаютъ; это онъ отъ себя: и рвеніе хочетъ показать, и непріятность намъ нанести.

Старушка беззвучно пошевелила губами, качая головой.

— У насъ при покойномъ Лукьянѣ Аркадьевичѣ изъ полка дрова привозили, когда мы въ Хутынскѣ стояли,— припомнила она, вздыхая.—Ну, а у себя въ имѣніи, въ «Пчелиной балкѣ», лѣсъ свой былъ, да и все тамъ свое было. Ахъ, лѣсъ, лѣсъ! Вотъ-то я любила въ лѣсъ ходить! Никоновна, нянюшка-то моя, бывало все пугала: «Ужъ съѣдятъ тебя, пучеглазая, когда-нибудь волки голодные въ этомъ самомъ лѣсу! Убѣжишь, самовольница, а потомъ ищи тебя, озорницу, отвѣчай за тебя передъ Лукьяномъ Аркадьевичемъ!» Извѣстно, старуха была, ворчать любила, въ строгости меня держала, а сама не меньше меня лѣсъ любила; только я, бывало, бѣгаю по немъ, аукаюсь, а ей какъ бы посидѣть въ немъ, въ тишинѣ да привольѣ, въ шушунъ завернувшись. Сядетъ, бывало, на опушкѣ, прислонится къ деревцу, зажмуритъ глаза и грѣется на солнышкѣ, а внизу, рѣчкой перерѣзанные, широко луга раскинулись, цвѣтами яркими разубранные, и конца-края нѣтъ имъ...

На минуту старушка снова замолчала, отдавшись воспоминаніямъ. Память ей стала сильно измѣнять относительно всего, что касалось недавнихъ происшествій, но старину она помнила хорошо; казалось, непроглядный мракъ черною тучей окуталъ все окружавшее ее, и яркое веселое солнце озаряло только безконечныя дали.

— И что за лѣсъ-то у насъ былъ въ «Пчелиной балкѣ», а-ахъ, какой лѣсъ!—заговорила она, опять нараспѣвъ.—Въ былые годы, бѣглые и разбойные люди въ тамошнихъ лѣсахъ скрывались, скиты раскольничьи строились въ чащахъ непролазныхъ. Удивительные лѣса въ нашей сторонѣ были. Отецъ твой вотъ помнитъ нашъ-то пчельниковскій лѣсъ... Да что я говорю-то... Ты вѣдь тоже его должна помнить. Родилась тоже тамъ.

— Онъ ужъ былъ вырубленъ, бабушка, когда я жила тамъ,—со вздохомъ сказала Лиза.

— Вы-ру-бленъ?—протяжно проговорила бабушка не безъ удивленія и наконецъ припомнила:—Да, да, вырубленъ! Точно что вырубленъ! Дѣла, видишь, Лиза, подъ гору тогда у насъ пошли, одно за другимъ, одно за другимъ, дальше

да больше, ну, и лѣсъ вырубили. Чуть не родилась я въ немъ, а что-жъ дѣлать—дѣла пошли хуже да хуже, ну, и вырубили. Тарасовы тогда и скупили все: откупами они жили, и у нихъ все въ гору, а у насъ подъ гору пошло...

Старушка опять вздохнула, въ раздумьѣ качая головой. Никакъ не могла она въ толкъ взять, какъ это случилось, что дѣла у нихъ тогда пошли подъ гору, хуже да хуже, а у какихъ-то мужиковъ-міроѣдовъ Тарасовыхъ въ гору, все лучше и лучше. Молодая дѣвушка поднялась съ мѣста, чувствуя, что у нея подступаютъ къ горлу слезы.

— Ты куда это, Лизокъ?

— Въ кухню, бабушка, взглянуть, кипитъ ли супъ,— отвѣтила внучка, скрываясь за дверью.

Въ передней, отдѣленной стеклянною перегородкой отъ полутемной кухни, послышался легкій звонокъ. Лиза открыла дверь. Въ переднюю вошла женщина лѣтъ сорока пяти, худая, высокая, съ проступавшими на щекахъ красными пятнами, съ полусѣдыми волосами, выбившимися на ходу прямыми прядями изъ-подъ измятой старой шляпки. Ея легкое, для холоднаго времени года, пальто порыжѣло отъ времени, покрылось пятнами, а мѣстами и протерлось почти до дыръ. Войдя въ переднюю и повѣсивъ на вбитый въ стѣну гвоздь свое пальто, она, съ трудомъ переводя дыханіе и слегка кашляя, присѣла на подоконникъ, за неимѣніемъ въ передней стула или табурета.

— Устала, мама?—спросила особенно заботливо и ласково Лиза.

Пришедшая махнула безнадежно рукой, съ трудомъ переводя духъ.

— Много ли дали за вещи?—спросила дочь.

— Сорокъ рублей.

— Что-жъ мы дѣлать будемъ? За квартиру двадцать пять рублей надо отдать, хоть за мѣсяцъ; дворнику тоже...

— Я тебѣ говорила, я говорила, что надо было давно съѣхать на другую квартиру,—отрывисто и нѣсколько строптиво заговорила мать:—въ подвалъ куда-нибудь, въ уголъ. Такъ слушать меня не хотѣли!..

— Мама, насъ пятеро!.. И притомъ, какъ же будетъ учиться Сережа, гдѣ?—тихо проговорила дочь.

— А голодать лучше?—перебила ее рѣзко мать.—Голодный-то онъ можетъ учиться? Ты мнѣ отвѣть: можетъ? Нѣтъ, мать моя, нѣтъ! Все равно придется гибнуть. Что ты мнѣ

говоришь о томъ, что нельзя жить въ углу? *Нужно* такъ жить! Нищіе все должны выносить.

— Мама, не сердись, тебѣ вредно,—ласково начала ее успокаивать дочь.—Все это еще перемѣнится. Вотъ отецъ достанетъ мѣсто.

— Ахъ!—вырвался болѣзненный стонъ у матери.—Что ты мнѣ говоришь о мѣстѣ! Мало непріятностей, что ли, что еще и ты раздражаешь глупостями? Никакого мѣста не будетъ. Проклятые люди, проклятые, развѣ они войдутъ въ чужое положеніе? Съ голоду умри—они пальцемъ не шевельнутъ. Натопить бы надо было квартиру, закрыть двери, окна и трубы, и помереть всѣмъ отъ угара. Напечатали бы въ газетахъ: «Страшная драма. Цѣлая семья Волошиновыхъ съ голоду рѣшилась на самоубійство». У, проклятые, самимъ бы имъ ни дна, ни покрышки!

Она стала кашлять, вздрагивая всѣмъ тѣломъ. Молодая дѣвушка поникла головой. Если воспоминанія добродушной и немного выжившей изъ ума бабки о быломъ богатствѣ ихъ семьи доводили ее иногда до слезъ, то проклятія матери на судьбу и на людей, сопровождавшіяся то истерическими слезами, то припадками кашля, положительно приводили ее въ отчаяніе. Каждый разъ, въ такихъ случаяхъ, въ ея головѣ поднимался одинъ и тотъ же проклятый вопросъ: гдѣ же исходъ? Неужели, дѣйствительно, имъ всѣмъ придется наложить на себя руки? Этотъ вопросъ мучилъ ее и теперь. Незапертая входная дверь въ эту минуту отворилась и въ нее вошелъ довольно полный и грузный господинъ въ военной фуражкѣ и въ порыжѣвшемъ статскомъ пальто. Его добродушное и озаренное улыбкой лицо было обвѣтрено и красно, глаза, сильно выпуклые, были навыкатъ, какъ бываетъ часто у страдающихъ зобистымъ воспаленіемъ. Незнавшіе его люди по лицу могли бы легко заподозрить, что онъ сильно выпиваетъ. На голоднаго и несчастнаго онъ во всякомъ случаѣ не походилъ по виду.

— Ну, что?—спросила его Волошинова, немного успокоившаяся отъ кашля.

— Анекдотъ, доложу вамъ,—проговорилъ онъ, усмѣхаясь не то безпечно, не то съ горькой ироніей.—Просидѣлъ три часа въ пріемной у Филина. Семьдесятъ человѣкъ сидѣло. Ей-Богу. Ну-съ, вышелъ секретарь, князекъ какой-то съ моноклемъ въ глазу, вызвалъ по фамиліямъ десятерыхъ, а остальнымъ объявилъ, что ихъ его высокопревосходительство не приметъ. Ей-Богу! Тутъ форменно бунтъ начался: «Какъ

не приметъ! Мы пятую пятницу ходимъ! Когда же приметъ?» А тутъ одинъ маленькій чиновникъ, лицо съ кулачокъ, кривыя ножки, мнѣ и выяснилъ шепоткомъ, подъ шумокъ, все дѣло. «Его высокопревосходительство,—говорилъ онъ, табачкомъ носъ затыкая,—принимаетъ только тѣхъ, у кого, значитъ, отъ особъ, а тѣмъ паче отъ высшаго духовенства, отъ іерарховъ, такъ сказать, рекомендательныя письма есть. А такъ, безъ письма, никогда никого, доложу вамъ, не приметъ. Ни-ни». Ей-Богу!

— Да ты, вѣрно, не заходилъ къ Лыжину? Ахъ, Кадя, Кадя, вѣдь еще вчера говорили, что надо было къ Лыжину зайти. Вѣдь онъ знакомъ съ Филинымъ. Ты же хотѣлъ у него попросить рекомендательное письмо къ Филину,—нѣсколько раздражительно упрекнула мужа жена.

— Ну, это, доложу тебѣ, одно горе и полтора несчастія. Ей-Богу,—отвѣтилъ мужъ, снова усмѣхаясь.—Зашелъ я, изволите видѣть, къ Лыжину, говорю: «такъ и такъ, Иванъ Савельевичъ, теперь все это отъ васъ зависитъ, дайте мнѣ письмо къ Филину». А онъ: «Я, говоритъ, Аркадій Лукьяновичъ, душой бы радъ услужить вамъ, но я по принципу никого не рекомендую; я врагъ всякихъ протекцій и кумовства». Анекдотъ, анекдотъ, однимъ словомъ.

— Негодяй онъ этакій! — воскликнула рѣзко Волошинова.—Да вѣдь матушка же сотни разъ разсказывала, что твой отецъ его голоштаннымъ гимназистомъ прикармливалъ, въ Петербургъ на службу отправилъ на свой счетъ...

— А у него, изволишь видѣть, принципъ теперь, чтобы протекцій и кумовства не было,—проговорилъ съ усмѣшкой Волошиновъ:—вотъ ты тутъ и вертись. Филинъ безъ письма рекомендательнаго не принимаетъ, а Лыжинъ по принципу писемъ этихъ никому не даетъ...

И съ добродушной улыбкой прибавилъ:

— Ну, да чортъ съ ними! У меня теперь, кажется, на другой сторонѣ дѣло выгоритъ. Заводимъ изъ другой оперы музыку. Барыньку одну обѣщали мнѣ пустить въ ходъ; на одного туза она вліяетъ: что прикажетъ ему, то онъ и дѣлаетъ. Мужъ ея въ секретаряхъ или чиновникомъ особыхъ приключеній состоитъ у туза-то, а она, изволишь видѣть, дѣлами чуть не министерскими ворочаетъ. Обѣщали замолвить ей за меня слово, ей-Богу. Только, знаешь, сегодня не могъ я ужъ идти къ ней, проголодался до смерти. Завтра пойду.

— Ахъ, и завтра то же будетъ!—безнадежно сказала жена

упавшимъ голосомъ.—Въ воду, съ головой нам'ъ, Кадя, броситься надо—вотъ и все.

— Да полно, Лена, что ты, голубка! Вотъ, ей-Богу, выдумала!—немного испуганно проговорилъ онъ и ласково поцѣловалъ ее въ голову.

Слова отца о голодѣ напомнили Лизѣ объ обѣдѣ и она торопливо пропала въ кухню, а отецъ и мать направились въ комнату, гдѣ сидѣла за вязаньемъ старушка.

— А, вернулись!—сказала она, увидѣвъ входившихъ въ комнату сына и его жену.—Ну, что, Кадя?

— Все то же, мамахенъ, все то же!—сказалъ Аркадій Лукьяновичъ, цѣлуя ея руку.—Все завтраками кормятъ, а хотѣлось бы, наконецъ, и пообѣдать! Ей-Богу!

Онъ смотрѣлъ почти молодымъ человѣкомъ, хотя ему было подъ пятьдесятъ лѣтъ. Онъ былъ на видъ почти такъ же добродушенъ и веселъ, какъ въ то время, когда вышелъ въ отставку изъ военной службы, чтобы приняться за сильно разстроенное его отцомъ и старшими братьями хозяйство въ деревнѣ. Хорошій армейскій офицеръ, превосходный товарищъ, душа каждаго провинціальнаго общества,—гдѣ онъ смѣшилъ всѣхъ и не хитрыми остротами, и фокусами,—онъ принялъ послѣ отца имѣніе въ запущенномъ видѣ, «голыми руками», какъ говорилъ самъ, и сразу началъ путаться еще въ бо́льшихъ долгахъ. «Пчелиная балка» въ былыя времена была полною чашей, гдѣ пили и ѣли званые и незваные, друзья и недруги. Покойный Лукьянъ Аркадьевичъ держался всегда однихъ и тѣхъ же правилъ въ управленіи имѣніемъ; первое правило гласило: «чтобы у меня все было»; второе говорило: «а не то я по-военному». И откуда-то все являлось, такъ что «по-военному» не приходилось расправляться, по крайней мѣрѣ, самому барину, за котораго, спасая свою шкуру, расправлялись по-своему съ мужиками приказчики, конторщики и старосты. Дѣла шли такимъ порядкомъ вплоть до того времени, когда подросли Никишка и Лёнька, старшіе сыновья Лукьяна Аркадьевича, и когда начался періодъ непрерывныхъ войнъ между Никишкой и Лёнькой съ одной стороны и Лукьяномъ Аркадьевичемъ съ другой. Сыновья оказались прожигателями жизни, мотами, кутилами и ворами. Сначала Лукьянъ Аркадьевичъ только журилъ ихъ и платилъ карточные и другіе долги; потомъ сталъ дѣлать имъ генеральныя сраженія, отказывался наотрѣзъ платить долги и, въ концѣ концовъ, все-таки платилъ ихъ; наконецъ, онъ рѣ-

шительно выгналъ дѣтей изъ дому и въ одинъ прекрасный день умеръ отъ удара, когда, съ одной стороны, узналъ, что Никишка проворовался въ казнѣ и угодилъ въ солдаты, а съ другой—впервые услыхалъ отъ старосты, въ отвѣтъ на приказъ: «чтобы у меня все было», горькое извѣстіе, что денегъ нѣтъ, а занмодавцы грозятъ судомъ самому ему, Лукьяну Аркадьевичу. Именно въ эту-то пору и пришлось Аркадію Лукьяновичу, или «Кадькѣ-баляснику», «Кадькѣ-бабѣ», «Кадькѣ-юбочнику», какъ называлъ его отецъ, взяться «голыми руками» за поправленіе разстроенныхъ дѣлъ.

Въ спискѣ геніальныхъ людей Аркадій Лукьяновичъ никогда не числился; едва ли можно было ему выдать свидѣтельство и на званіе умнаго человѣка; всѣ, даже очень недальновидные люди, пившіе и ѣвшіе на его счетъ, говорили про него послѣ его обѣдовъ, что онъ пороху не выдумаетъ, и всѣ отлично знали, что его способности—смѣшить барышень, дѣлать фокусы, быть хорошимъ товарищемъ, любить мать, жену и дѣтей—къ дѣлу управленія имѣніемъ были вовсе не пригодны. Взявшись за это дѣло, онъ метался, какъ муха въ паутинѣ, покуда не пришлось сперва все заложить и перезаложить, а потомъ продать и съ кое-какими крохами перебраться окончательно въ Петербургъ, гдѣ онъ надѣялся найти хоть какое-нибудь мѣсто. Этой надеждой онъ питался нѣсколько лѣтъ, живя не на проценты съ оставшихся крохъ, а проѣдая капиталъ. Въ теченіе четырехъ-пяти лѣтъ, при помощи экономіи Елены Степановны, жизнь въ Петербургѣ была еще сносною, и Аркадій Лукьяновичъ удивлялся умѣнью жены сводить концы съ концами, при чемъ самъ онъ продолжалъ все говорить о необходимости достать мѣсто. Но въ послѣдніе годы началось предвѣстіе голода и нищеты, такъ какъ Волошиновы жили уже и не на капиталъ, а на закладываньe вещей: сегодня закладывалась шуба, завтра платье и серебро, затѣмъ вся сколько-нибудь сносная мебель; груда билетовъ «гласныхъ кассъ» росла и пожирала деньги на уплату процентовъ, такъ что чѣмъ бѣднѣе становились Волошиновы, тѣмъ болѣе приходилось имъ тратить денегъ помимо квартиры, ѣды и одежды; наконецъ и проценты было не изъ чего платить, и вещи пропадали, продавались за ничто. Мѣсто же все не являлось, хотя Аркадій Лукьяновичъ сталъ уже не только говорить о мѣстѣ, но и серьезно хлопотать о немъ, то-есть обивалъ зря и наивно пороги всякихъ канцелярій, конторъ,

управленій, справлялись, нѣтъ ли мѣста, и уходилъ, получивъ отвѣтъ, что мѣста нѣтъ.

— Анекдотъ, доложу вамъ! Ей-Богу!—говорилъ онъ, видя безплодность своихъ поисковъ.

Но этотъ анекдотъ начиналъ превращаться въ трагедію, по крайней мѣрѣ, для Елены Степановны. Выросшая въ деревенской глуши на подножномъ корму, провинціальною барышней, не знавшею никакихъ заботъ и нуждъ, и полюбившая когда-то до безумія своего Кадю за его доброту и веселость, она никогда не роптала на судьбу, когда пошатнулись ихъ дѣла: въ тяжелые дни, она по-своему, правда, нѣсколько безтолково, экономничала, шила съ грѣхомъ пополамъ что умѣла, стряпала, какъ могла, нехитрыя кушанья, мыла даже, хотя и съ большимъ усиліемъ, полы. Но ея экономія, ея трудъ и трудъ дочери все же не могли спасти семью отъ нищеты, когда, не говоря уже о разныхъ родахъ, крестинахъ, болѣзняхъ и похоронахъ нѣсколькихъ человѣкъ дѣтей, нужно было не только кормиться самимъ, но еще давать образованіе сыну-гимназисту и содержать старуху мать. Еленѣ Степановнѣ стало понемногу измѣнять здоровье и начали появляться въ характерѣ желчность, ропотъ на судьбу, досада на свою неумѣлость, проклятія на людей.

— Жить не умѣли,—говорила теперь она, сердясь и на это неумѣнье, и на запоздалость своего раскаянія,—прежде къ намъ всѣ шли, пили и ѣли, драли съ насъ и печенымъ, и варенымъ, а когда вотъ нужда пришла—никто и руки не протянетъ для помощи, въ подворотни, подлецы, попрятались. Тоже вѣрили людямъ, ну, и обиралъ каждый, кто могъ. Нѣтъ, если хочешь цѣлъ остаться,—грабь, притѣсняй, гроша никому не давай, хоть бы съ голоду люди рядомъ умирали. Только подлецы да кулаки и могутъ жить, ихъ еще прославляютъ за то, что они изъ награбленнаго храмы да богадѣльни строятъ и людямъ благодѣтельствуютъ; имъ и на томъ свѣтѣ хорошо будетъ, потому что ихъ вѣчно поминать будутъ за ихъ пожертвованія изъ награбленныхъ денегъ, а простота хуже воровства,—простотой до того доведешь себя, что безъ рубашки останешься да хуже преступника въ глазахъ людей будешь.

Эти рѣчи, какъ нѣчто непривычное и новое въ характерѣ матери, пугали Лизу, которой чаще всего приходилось выслушивать ихъ. Она пробовала возражать матери:

— Ну, мама, у насъ хоть совѣсть чиста!

— Ахъ, что ты мнѣ говоришь: совѣсть чиста!—строптиво

восклицала мать.—У кого это она чиста? У тебя чиста, потому что ты жертва. А мы? Ты думаешь, меня не грызетъ совѣсть, когда я вижу, какъ ты бьешься въ черномъ трудѣ? Тебя надо было въ институтъ отдать, дипломъ добыть тебѣ, а мы разсуждали «ей не въ гувернантки идти» и давали тебѣ домашнее образованіе, какихъ-то гувернантокъ обтерханныхъ съ улицы брали, глядя не на то, что онѣ знаютъ, а на то, что онѣ симпатичны и бѣдны. Вотъ и осталась ты такой же малообразованной, какъ я да отецъ. Будь у тебя дипломъ, ты хоть сыта бы была, служа въ гувернанткахъ, да полонъ не мыла бы.

— Развѣ я жалуюсь, мама?—бодро говорила дочь.

— Добивать не хочешь насъ, вотъ и все,—произносила мать съ горечью.—Ты думаешь, меня не грызетъ и то, что я тебя въ свое время не уговорила выйти замужъ за Тарасова?

— Мама, не раздражай меня этимъ! перебила ее дочь, каждый разъ въ этихъ случаяхъ краснѣя до ушей. Ты знаешь, что я никогда не пошла бы за этого нахлеца.

— Жена этого нахлеца-то въ каретахъ ѣздитъ...

— Ну, и Богъ съ ней, я ей не завидую!..

Но мать не унималась и продолжала высчитывать свои грѣхи, за которые ее упрекала теперь совѣсть.

— А Аркадій? Подумай о немъ!—съ особеннымъ сокрушеніемъ восклицала она.

— Что-жъ, братъ Аркадій на службѣ въ полку,—замѣчала уклончиво дочь, зная, что мысль объ Аркадіи является однимъ изъ самыхъ больныхъ мѣстъ матери.

— На службѣ! на службѣ!—восклицала мать.—Хороша служба: гдѣ-то на плацу маршировкой занимается. Тоже работа. Отецъ-то вотъ послѣ этой работы ни къ чему другому неспособнымъ сталъ. И Аркадій такой же. Ты сама знаешь, почему я боюсь за Аркадія. Слава Богу, письма его видишь.

Каждое письмо Аркадія было или жалобой на безденежье, или просьбой о присылкѣ денегъ.

— А кто виноватъ? Мы же! — продолжала Елена Степановна.—Пока въ корпусѣ учился, мы ему и деньжонки посылали, и всякіе капризы его исполняли, и ни разу не написали, что ждетъ его въ будущемъ.

— Вы же не знали тогда, что дѣла пойдутъ такъ плохо.

— Надо было знать! Надо! Мы не Тарасовы: у насъ все не въ гору шло, а подъ гору; это Тарасовы наживались,

когда мы въ долги влѣзали. Мы-то вотъ сюда ни съ чѣмъ пріѣхали, а у нихъ дома ужъ здѣсь были. На виду все это дѣлалось. Должны мы были знать, до чего это доведетъ. Такъ нѣтъ, глаза закрывали, дѣтей обманывали. Вотъ зачѣмъ въ корпусъ Аркадія отдали? Потому что дѣдъ, дядя и отецъ военными были! Не знали мы, что ли, что даетъ военная служба, къ чему пріучаетъ? Какія такія знанія у Аркадія? Что онъ станетъ дѣлать, если придется ему выйти въ отставку, какъ отцу?

— Да зачѣмъ же ему, мама, выходить въ отставку? Худо въ полку, а все же лучше, чѣмъ безъ мѣста.

— Зачѣмъ выходить въ отставку? зачѣмъ? Не знаю я этого, а чуетъ мое сердце, что будетъ это когда-нибудь. Тогда онъ же насъ проклинать будетъ. Еще, можетъ-быть, въ дядюшекъ выйдетъ. Хороши тоже были. Одинъ съ круга спился, другой проворовался и въ солдаты угодилъ. Вонъ мы объ Аркадіи только то знаемъ, что онъ жалуется на ограниченность своихъ средствъ и у насъ денегъ проситъ. А гдѣ мы ему возьмемъ? Душу мою переворачиваетъ каждое его письмо. А ты говоришь: совѣсть у насъ чиста. Нѣтъ, не чиста, потому что мы своихъ собственныхъ дѣтей загубили. Недостаетъ только, чтобы Сергѣй изъ-за нашей нищеты не доучился...

Эти рѣчи мучительно отзывались на Лизѣ, а рядомъ шли другія рѣчи—рѣчи бабки о томъ, какъ она жила съ покойнымъ Лукьяномъ Аркадьевичемъ.

— Преосвященный Иринархъ, бывало, всегда уже въ праздникъ къ покойному Лукьяну Аркадьевичу заѣзжалъ на обѣдъ,—нараспѣвъ разсказывала въ тысячный разъ старушка одну и ту же исторію.—«Нигдѣ, говоритъ, бывало,—такихъ рыбныхъ котлетъ я не ѣдалъ, какъ у тебя, Лукьянъ Аркадьевичъ». А это нашъ поваръ Ермолай рыбьи котлеты на сливочномъ маслѣ такъ готовилъ. Удивительный былъ поваръ! Пилъ, какъ бочка; сколько разъ покойный Лукьянъ Аркадьевичъ дралъ его за это на конюшнѣ, а ужъ чуть пиръ надо устроить—безъ Ермолая не обойдешься, никакъ не обойдется! Водой отольютъ, выдерутъ, а ужъ готовитъ обѣдъ не кто другой, какъ онъ. Самъ губернаторъ—Челищевъ, большой гурманъ, тогда еще у насъ губернаторомъ былъ—все уговаривалъ покойнаго Лукьяна Аркадьевича, чтобы онъ продалъ ему Ермолая. «Продай да продай!» Только покойный Лукьянъ Аркадьевичъ и слышать не хотѣлъ. «Запорю, говоритъ, бывало,—въ гробъ вколочу, а ни-

кому не продамъ этого подлеца». Разъ, въ мои именины, покойный Лукьянъ Аркадьевичъ далъ обѣдъ...

И долго-долго распространялась старушка медленно и однотонно о былыхъ пирахъ, не дослыша, какъ изъ груди Елены Степановны вырывались мучительныя восклицанія:

— Господи, хоть бы не рвала сердца на части! Душу всю вымотала! Дѣды и отцы бражничали, а дѣтей по-міру пустили...

И теперь Елену Степановну, какъ ножомъ, рѣзалъ по сердцу разговоръ, завязавшійся между вернувшимся Аркадіемъ Лукьяновичемъ и его матерью по поводу Лыжина. Аркадій Лукьяновичъ шутливымъ тономъ разсказывалъ «анекдотъ» о томъ, что Лыжинъ по принципу не хлопочетъ ни за кого, а старушка Волошинова пустилась въ длиннѣйшія воспоминанія о томъ, что сдѣлалъ покойный Лукьянъ Аркадьевичъ для противнаго этого Ванюшки. Вспоминалась каждая пара сапогъ, подаренная этому «голяку», перечислялось количество дней, когда подкармливался этотъ «поросенокъ» въ «Пчелиной балкѣ».

— Да я сама пойду къ нему и пристыжу его, негоднаго этакого человѣка,—пояснила старушка, волнуясь.—Всѣмъ обязанъ покойному Лукьяну Аркадьевичу, а тутъ вдругъ принципы какіе-то завелись, чтобы не поддерживать никого. Да что бы съ нимъ-то было, если бы его не поддерживали, голоштанника? Покойный Лукьянъ Аркадьевичъ его и преосвященному Иринарху рекомендовалъ, потому что у преосвященнаго Иринарха большія связи были въ Петербургѣ, ну, а у насъ онъ свой человѣкъ былъ. Бывало, каждый праздникъ у насъ обѣдывалъ. Ермолай для него...

Елена Степановна, принявшаяся уже за шитье, быстро, нетерпѣливымъ движеніемъ, отбросила работу и вышла въ переднюю: тамъ стояли Лиза и юноша лѣтъ семнадцати, съ карими, сосредоточенно смотрѣвшими, глазами и съ небольшимъ лбомъ, который казался еще меньше, когда юноша нахмуривался. Выраженіе упрямства и настойчивости, а въ то же время и смышленности, сразу бросалось въ глаза въ этомъ некрасивомъ лицѣ. Елена Степановна уловила фразы дочери и сына.

— Что?—спрашивалъ онъ.

— Все то же!—отвѣтила Лиза.

— Да, да, голубчикъ, все то же,—замѣтила мать, въ отвѣтъ на эти фразы.—Совѣстно глядѣть-то на тебя. Горю конца нѣтъ, а тутъ учись...

— Ну, мнѣ же все легко дается,—рѣшительно отвѣтилъ онъ самоувѣреннымъ тономъ и поцѣловалъ мать.—А вотъ ты-то береги себя: Лиза на тебя жаловалась. Опять отчаяніе! Этимъ не поможешь.

— Не могу же я такъ относиться къ дѣлу, какъ отецъ и ты...

Юноша слегка сдвинулъ брови, видимо задѣтый за живое.

— Развѣ я такъ отношусь къ дѣлу, какъ отецъ?—проговорилъ онъ нѣсколько рѣзко и вспыльчиво.

Мать заторопилась поправиться:

— Нѣтъ, нѣтъ! Папа добродушенъ, безпеченъ, а ты... Молодъ ты, Сережа, бодрости и энергіи у тебя много. Ты только напрасно винишь папу...

— Я не виню его,—перебилъ онъ:—только... Шутитъ онъ все!.. Чего тутъ шутить, когда ты сама на себя не похожа?.. И ты, и Лиза вотъ бьетесь, а онъ...

Мать только вздохнула. Ей самой иногда было тяжело слышать шутливый тонъ мужа, но она такъ любила его, что простила бы ему даже и этотъ тонъ; мало того, она чутко слышала, въ послѣднее время, въ этомъ тонѣ горечь и не безъ тревоги замѣчала, что эта горечь все усиливается и усиливается, шутки начинаютъ превращаться въ сарказмы и упреки судьбѣ. Въ то же время она не смѣла винить и сына за то, что онъ порою не безъ нѣкоторой рѣзкости обрывалъ шутки отца, такъ какъ ему-то, самолюбивому юношѣ, было вовсе не до нихъ.

Когда всѣ собрались за обѣденнымъ столомъ, отецъ спросилъ сына:

— Ну, что, молодецъ, пуля не закрутили за латынь?

— Покуда нѣтъ, а если бы и закрутили, такъ удивляться было бы нечему—сухо отвѣтилъ сынъ:—хоть это и не было бы забавно.

— Тебѣ бы министромъ быть по серьезности,—подшутилъ отецъ, глядя на сдвинувшіяся густыя брови сына.

— Только бы не пришлось гранить мостовую,—отвѣтилъ сынъ хмуро.

Мать поспѣшила прервать эту бесѣду. Ей было больно за обоихъ, и обоихъ она оправдывала въ душѣ: Кадя, кажется, умирать съ голоду будетъ, а шутить на словахъ не перестанетъ; сыну же не до шутокъ, когда учиться негдѣ и некогда—онъ угла не имѣетъ свободнаго, а еще уроки сталъ давать за деньги и все время первымъ ученикомъ въ гимназіи числится. Особенно сильно она чувствовала нынче,

что сыну, можетъ-быть, не до шутокъ, такъ какъ самой ей было горько, какъ никогда. Въ возможность достать мѣсто черезъ какую-то жену чьего-то секретаря,—какъ сказалъ Аркадій Лукьяновичъ,—она не вѣрила вовсе. Напротивъ того, именно это обстоятельство какъ будто бы окончательно убило всѣ ея надежды, казалось какой-то насмѣшкой, точно мужъ сказалъ ей: «ну, теперь только остается надѣяться на китайскаго императора, онъ-то навѣрное достанетъ мѣсто». Но что же дѣлать, если надеждъ на мѣсто болѣе нѣтъ?.. Должать еще за квартиру и жить впроголодь? Вѣрныхъ у нихъ всего тридцать пять рублей ассигнаціями,—пенсія старухи Волошиновой. На эти десять рублей серебромъ не проживешь. Шитье и вязанье ея и Лизы приносятъ пустяки: онѣ не ученыя вязальщицы или швеи и могутъ вязать и шить только простые носки и простое бѣлье, не умѣя даже кроить и строчить мужскихъ деннныхъ сорочекъ изъ тонкаго полотна. Бѣлоручками росли. Имъ не выработать даже настолько, чтобы доплатить недостающія деньги для найма этой квартиры. А пить и ѣсть? А обувь и одежда? А книги и тетради для Сергѣя? Нѣтъ, имъ надо нанять помѣщеніе гдѣ-нибудь въ подвалѣ, въ семь-восемь рублей, и то не сведутъ они концовъ съ концами. Ихъ пять ртовъ. И еще «бабушка» все ноетъ, что давно она ничѣмъ не лакомилась. Пойдетъ пенсію получать и, глядишь, цѣлый рубль истратитъ на яблоки, на пирожное, на пряники. Сколько сценъ изъ-за этого выходитъ. Сдерживать себя совсѣмъ разучилась Елена Степановна. Разбушуется, а потомъ самой совѣстно: кого вѣдь попрекаетъ? несчастную, выживающую изъ ума старуху! А какъ будетъ учиться Сережа, когда у него и вовсе угла не будетъ? Теперь вотъ онъ хоть въ кухнѣ пристроился, вечеромъ и ночью можетъ тамъ заниматься... И зачѣмъ это она, Елена Степановна, не уговорила дочь выйти замужъ за Тарасова? Положимъ, Иванъ Дмитріевичъ—необразованный купчикъ, не особенно красивъ собою и грубоватъ въ обращеніи, но съ нимъ бы Лиза не только не голодала, но и могла бы помогать семьѣ, главное, дала бы возможность Сережѣ встать на ноги. Старуха-тетка Тарасова, Наталья Аѳанасьевна, правду сказала ей при случайной встрѣчѣ въ церкви, что въ прежнее-то время дѣвокъ и не спрашивали, нравится или не нравится имъ тотъ или другой женихъ, потому что по своему невинному положенію онѣ и понимать-то не смѣли, что мужчина можетъ нравиться; только нынче этотъ срамъ завелся, оттого и разлады всякіе

да несуразности пошли, такъ какъ яйца курицу учить стали. Положимъ, Наталья Аѳанасьевна недалекая женщина, только за богатство почетомъ пользуется, а въ этомъ она все же права.

— Нѣтъ, разъ съ преосвященнымъ Иринархомъ анекдотъ случился, Сереженька, такъ ужъ именно анекдотъ,—медленно и однотонно разсказывала, между тѣмъ, внуку старушка Волошинова, сидя за вечернимъ чаемъ.—Къ намъ былъ назначенъ новый губернаторъ, Эймерсъ. Челищева онъ смѣнилъ. На нѣмцевъ въ то время урожай пошелъ. Куда ни плюнь, все нѣмецъ сидитъ. Сынъ у него былъ идіотъ совершенный, хоть и учили его разные гувернеры и учителя. Вотъ только-что разъ преосвященный Иринархъ и пріѣзжаетъ съ визитомъ къ Эймерсу, а тотъ еще не одѣтъ былъ, заторопился и говоритъ своему сыну: «Прими преосвященнаго владыку, скажи, что я сейчасъ выйду, ну, и займи его на пять минутъ, какъ слѣдуетъ, разговоромъ; спроси о здоровьѣ, пока я переодѣнусь». Самъ и ушелъ. Входитъ владыка; молодой Эймерсъ раскланивается, расшаркивается: «Мое почтеніе, преосвященный владыка, батюшка сейчасъ выйдетъ. Садитесь». Владыка присѣлъ. «Какъ ваше здоровье?—спрашиваетъ вѣжливый хозяинъ.—Супруга ваша здорова ли?» Владыка сдвинулъ брови, а вѣжливый хозяинъ продолжаетъ: «Какъ поживаютъ ваши дѣтки?»—«Да ты съ кѣмъ это говоришь-то?» спросилъ гнѣвно владыка. Горячій былъ у насъ Иринархъ-то. И вѣдь чуть не уѣхалъ, сочтя это за насмѣшку. Потомъ только ужъ старикъ Эймерсъ выяснилъ ему, что сынъ у него идіотъ, что его, какъ попугая, научили говорить при появленіи гостей такія фразы: «какъ ваше здоровье, супруга ваша здорова ли, какъ поживаютъ ваши дѣти». Извѣстно, идіотъ.

— Идіотъ!—повторилъ насмѣшливо Сережа, нахмуривъ узенькій лобъ, надъ которымъ щетиной стояли коротко остриженные и вихрастые темные волосы.—А вы говорили: потомъ онъ служилъ?

— Служилъ, служилъ, и до большихъ чиновъ дослужился по благотворительнымъ учрежденіямъ,—проговорила старушка.—Не все же однимъ умнымъ служить, голубчикъ. Да тамъ и ума особеннаго не требуютъ, отъ благотворительныхъ-то учрежденій. И дѣти потомъ у него были. Люди говорили: «Простъ онъ и недалекъ, а ничего!» Ну, да вѣдь и то сказать, звѣзды съ неба не всѣ хватаютъ.

— Чего ему было и хватать ихъ съ неба, когда онѣ

сами ему на грудь, изволите видѣть, валились,—замѣтилъ, шутя, Волошиновъ-отецъ.

— Связи, Кадя, связи!—пояснила старушка, обращаясь къ сыну.—Безъ связей ничего не подѣлаешь: будь-ка живъ теперь преосвященный Иринархъ, этотъ Филинъ все бы для тебя сдѣлалъ; онъ вѣдь для такихъ лицъ, какимъ былъ преосвященный Иринархъ, въ воду полѣзетъ, а мѣсто доставитъ человѣку. Благочестивый человѣкъ. Тоже вотъ графиня Строгова будь жива, да она бы всѣхъ на ноги подняла, а мѣсто тебѣ достала бы. Она, бывало, когда ей кто скажетъ, что чего-нибудь нельзя сдѣлать, такъ и говорила: «И что это за глупости! Нельзя только птичьяго молока достать, а остальное все возможно». Екатерининскаго времени женщина была, ничего невозможнаго для нея не было.

— Это со связями-то, бабушка?—допрашивалъ Сергѣй.

— Конечно, Сереженька, со связями и съ деньгами, а безъ связей и безъ денегъ—кому же мы нужны? Это вѣдь все слова пустыя, когда тамъ говорится: «добрый онъ человѣкъ», «умный онъ человѣкъ». Прежде всего, на связи и на деньги смотрятъ,—разсуждала старушка.—Вотъ когда покойный Лукьянъ Аркадьевичъ мой живъ былъ, развѣ мы такъ жили, какъ теперь? Развѣ мы не были и умными-то, и добрыми-то людьми? Кто-кто не бывалъ у насъ въ имѣніи! Бывало, именинный обѣдъ пятаго сентября устроитъ покойный Лукьянъ Аркадьевичъ въ честь мнѣ...

И старушка начала разсказывать о своемъ житьѣ-бытьѣ при мужѣ, о ежегодныхъ парадныхъ обѣдахъ въ день ея именинъ,—«выматывать душу», какъ выражалась Елена Степановна.

Особенно сильно расшатало ей нервы такое выматываніе души въ этотъ вечеръ.

— Ужъ хоть бы не разсказывала о безпутномъ прошломъ, когда настоящее такъ страшно, что хоть въ воду съ головой!—проговорила она досадливымъ шопотомъ и выронила изъ рукъ блюдечко, которое вытирала полотенцемъ.

Блюдечко со звономъ разлетѣлось на мелкіе куски. Елена Степановна раздражительно поднялась съ мѣста.

— Посуды перемыть не умѣю!—болѣзненно вырвалось у нея восклицаніе.—Въ домѣ нищета, а я еще посуду бью!

Она рѣзкимъ движеніемъ положила на столъ полотенце и пошла въ другую комнату. Лиза и Сергѣй замѣтили, что у нея брызнули изъ глазъ слезы, и тревожно переглянулись между собой. Даже Аркадій Лукьяновичъ замѣтилъ

выраженіе сильно осунувшагося лица жены и встревожился. Наскоро допивъ свой стаканъ, онъ тоже прошелъ въ другую комнату, гдѣ обыкновенно спали онъ и его жена. Войдя въ спальню, онъ думалъ, что жена уже уснула, такъ какъ она лежала, не шевелясь, на постели; но онъ услышалъ ея тихія всхлипыванія и подошелъ къ кровати.

— Лена, голубушка, полно! На себя ты не похожа сегодня!—заговорилъ онъ ласково.—Что же отчаиваться, вѣдь я же говорилъ тебѣ, что завтра...

— Ничего не будетъ завтра, ничего!—перебила она его рѣчь, неутѣшно плача.—И какъ ты можешь еще надѣяться? На чью-то любовницу, на какую-то потаскушку надѣяться! Это насмѣшка, это втаптыванье въ грязь человѣческаго достоинства... Нѣтъ, довольно! Все для насъ кончено, все. И самъ ты это знаешь, только скрываешь. Развѣ я не вижу, какъ ты сталъ улыбаться? Улыбаешься, а на глазахъ слезы! Такой ли ты былъ прежде?

Онъ, точно пойманный врасплохъ, только могъ растерянно прошептать:

— Вотъ выдумала!

И къ его горлу тоже подступили слезы... Нервы у него были давно уже разстроены, пожалуй, не меньше, чѣмъ у нея, но онъ по привычкѣ шутилъ и улыбался, жалко улыбался почти идіотской улыбкой, какъ нерѣдко улыбаются растерявшіеся отъ несчастій недалекіе люди. Она продолжала страстнымъ и безсвязнымъ шопотомъ говорить о томъ, что исхода нѣтъ, что имъ слѣдуетъ переѣхать въ подвалъ, что у нихъ петля на шеѣ, что было бы лучше всего умереть, такъ какъ они неумѣлые люди, недалекіе невѣжды, искалѣченные бѣлоручки. Дочери не могли порядочнаго образованія дать; сынишка долженъ учиться въ голодѣ и холодѣ; о другомъ сынѣ и говорить нечего—онъ еще покажетъ имъ себя, еще наплачутся они съ нимъ. И во всемъ одни они виноваты, а не кто другой. У нея недоставало теперь достаточно сильныхъ выраженій, чтобы высказать вполнѣ все презрѣніе къ своей собственной неумѣлости и безпомощности. Онъ испугался:—самъ онъ никогда не думалъ до этой поры о томъ, что они такое ничтожество, что имъ остается только смерть.

— Лена, милая, не говори этого, не говори!—перебилъ онъ ее.—Не говори о смерти. Ну, тяжко намъ, все потеряно, но все же, изволишь видѣть, мы всѣ любимъ другъ друга, это уже счастье. Ей-Богу! Вѣдь вотъ мы, какъ въ

первый день нашей свадьбы, оба преданы другъ другу, ничто не поколебало этихъ чувствъ. Да, Лена? Ты не разлюбила своего Кадю?

— Этого только недоставало!—сквозь слезы произнесла она и хотѣла еще что-то сказать.

Но онъ покрывалъ уже поцѣлуями ея руки и лицо, не умѣя утѣшать ее словами, не зная ужъ этихъ утѣшительныхъ и ободряющихъ словъ, не отличаясь вообще мастерствомъ говорить серьезно, безъ шутокъ и прибаутокъ.

— Кадя, перестань... Тише,—прошептала она въ смущеніи, стараясь отстраниться.

Теперь уже заговорилъ онъ, заговорилъ сбивчиво и испуганно о томъ, что онъ неудачникъ, что онъ запутался въ долгахъ, что у него, можетъ-быть, и умѣнья мало, и развитія нѣтъ, но что онъ всегда былъ честенъ, что онъ людямъ дѣлалъ только добро, въ этомъ его утѣшеніе; онъ передъ людьми и передъ Богомъ чистъ.

— Да развѣ я не знаю тебя, Кадя,—шептала она.—Что ты оправдываешься?

— Знаешь, да, знаешь?.. Меня все мучило, изволишь видѣть, что ты меня винишь... Я точно что... но я, изволишь видѣть, не самъ по себѣ... Оно, конечно, со стороны можно винить... Ей-Богу... а какъ взглянешь...

— Да, полно, полно!—остановила она его спутанную рѣчь.—Развѣ я тебя виню?

— Не винишь?.. Нѣтъ?.. Голубка!

Онъ опять сталъ горячо цѣловать ее; а она притихла, смутилась, уговаривала его успокоиться. За дощатой стѣной слышалось, какъ укладывается, кряхтя и охая, бабушка въ постель, какъ перемываетъ чашки Лиза.

II.

На слѣдующій день утромъ, какъ только Аркадій Лукьяновичъ и Сергѣй ушли изъ дому, Елена Степановна, особенно долго возившаяся въ это утро въ своей комнатѣ и какъ-то мелькомъ являвшаяся въ общую комнату, заторопилась идти нанимать новую квартиру. Лиза, въ свою очередь, все утро какъ-то особенно тревожно присматривавшаяся къ матери, когда та на минуту выходила изъ спальни, наконецъ не выдержала и сказала:

— Мама, ты бы не ходила сегодня.

— Чѣмъ скорѣе это рѣшится, тѣмъ лучше,—отвѣтила Елена Степановна, озабоченно перебирая какіе-то лоскутки

своей работы.—Каждый лишній день затягиваетъ только петлю на шеѣ, да и квартиру, что я присмотрѣла, могутъ занять. Бѣднаго-то люда не мало; за дешевымъ угломъ всѣ гонятся...

— Но не ходи сегодня; ты смотришь такой усталой,— настойчиво проговорила дочь.

— Всегда я такая, а не сегодня только,—коротко и отрывисто проговорила Елена Степановна, быстро отвернувшись въ сторону.—Выдумала тоже!

— Ты такъ долго плакала ночью,—пояснила Лиза.

Лицо Елены Степановны покрылось пятнами румянца, и она совсѣмъ отвернулась отъ дочери.

— Радоваться-то нечему,—почти сердито проворчала она и торопливо, не глядя на дочь, вышла изъ своей квартиры.

Спустившись съ лѣстницы во дворъ, она встрѣтила господина лѣтъ двадцати пяти. Это былъ, повидимому, богатый, щегольски одѣтый купчикъ, изъ тѣхъ, которые вкусили частичку цивилизаціи въ первыхъ классахъ коммерческаго училища и окончательно доцивилизовались въ циркахъ, въ опереткахъ, въ балетахъ. Онъ заботливо осматривалъ лошадь, выведенную кучеромъ изъ конюшни на дворъ, и горячо обсуждалъ, почему она захромала. Увидавъ Волошинову, онъ приподнялъ вѣжливо свою бобровую шапку и спросилъ:

— Какъ поживаете? Давно не имѣлъ удовольствія васъ видѣть.

Волошинова немного смутилась, стѣсняясь передъ нимъ своимъ нарядомъ, но, вспомнивъ что-то, поспѣшила овладѣть собою и проговорила:

— Я очень рада, что вижу васъ. Мнѣ надо было сказать вамъ нѣсколько словъ. Я хотѣла сама зайти къ вамъ.

Ея сердце забилось сильнѣе: такъ она обрадовалась внезапно пришедшей ей въ голову мысли.

— Всегда къ вашимъ услугамъ. Чѣмъ могу служить?— съ дѣланной вѣжливостью отвѣтилъ онъ, расшаркиваясь на снѣгу и разводя руками, и отошелъ отъ кучера, державшаго подъ уздцы лошадь.

Волошинова перевела духъ, точно ей было очень трудно говорить. Тѣмъ не менѣе, она рѣшилась прямо высказать озарившую ее неожиданно мысль.

— Мы, Иванъ Дмитріевичъ,—заговорила она:—какъ вы сами знаете, живя въ домѣ вашего покойнаго дяди много лѣтъ, платили всегда исправно за квартиру; черезъ васъ

же нерѣдко и деньги передавали; а вотъ теперь передъ вами оказываемся неисправными плательщиками.

— Неужели?—спросилъ онъ и любезно замѣтилъ:—Пустяки какіе-нибудь. Я, признаюсь, еще не разсматривалъ домовыхъ книгъ послѣ смерти дяди... да покуда домъ и принадлежитъ-то вовсе не мнѣ: тетушка будетъ до смерти пользоваться съ него доходами, и я только по ея просьбѣ завѣдую ея дѣлами...

Волошинова начала поясянть ему:

— Мы задолжали за два мѣсяца...

— Ну, пустяки и есть!—проговорилъ онъ, перебивая ее.—Живите спокойно... Тетушкѣ это наплевать...

— Вотъ въ томъ-то и дѣло, что мы можемъ теперь отдать только за мѣсяцъ,—торопливо сказала уже обрадованная оборотомъ дѣла Елена Степановна:—а между тѣмъ намъ придется съѣхать съ квартиры.

Онъ посмотрѣлъ на нее удивленными глазами.

— Съѣхать?—спросилъ онъ.—Съ чего это?

— Мы не можемъ нанимать даже и такой квартиры, какую нанимаемъ теперь. Намъ придется немного сократить свои расходы и стѣснить себя.

— Да ужъ чего же еще болѣе стѣснять-то? Кажется, и такъ стѣсняете...

— Ну, что же дѣлать. У всякаго своя судьба. Я вотъ только хотѣла просить васъ: обождите незаплаченныя за мѣсяцъ деньги. Мы переѣдемъ и понемногу уплатимъ вамъ этотъ долгъ.

Онъ пожалъ плечами.

— Я и совсѣмъ не вижу для васъ нужды выѣзжать. Ну, задолжаете еще, потомъ поправитесь—отдадите. Тетушка потерпитъ...

— Нѣтъ, нѣтъ, Иванъ Дмитріевичъ!—почти съ испугомъ сказала Волошинова.—Мы этимъ-то пугемъ и запутались въ долгахъ, только этимъ. Надо было сразу обрѣзать себя во всемъ, признать себя нищими, а мы все думали: «поправимся и отдадимъ»: закладывали, перезакладывали, платили проценты и только путались. Въ этомъ все и зло,—въ надеждахъ-то, въ неумѣньѣ во-время понять, что исхода нѣтъ, что нужно сократить расходы или вовсе самимъ сократиться. Долги только долги и родятъ. Это вѣдь снѣжный комъ—долги-то. Я это по опыту знаю... Впрочемъ, что же я вамъ досаждаю этими разсужденіями. Вы меня простите;

это у меня наболѣло. Я только попросить хотѣла, чтобы вы и ваша тетушка обождали...

Онъ смотрѣлъ совершенно серьезно; его румяное, круглое лицо, обыкновенно туповатое и самодовольное, было теперь осмысленно. Казалось, онъ что-то соображалъ.

— Ну, хорошо, такъ вѣдь за квартиру можно сбавить,— началъ онъ.—Вы въ какую цѣну берете теперь квартиру?

Ея исхудалыя щеки покрылись румянцемъ.

— Нѣтъ, мы въ захолустье переѣзжаемъ и добыли очень дешевую квартиру:—заговорила она, уклоняясь отъ прямого отвѣта на его вопросъ.—Я только прошу извинить насъ, что за мѣсяцъ мы останемся должны...

Онъ покачалъ головой и пожалъ плечами.

— Гордости въ васъ много, дворянства этого самаго много,—рѣзко проговорилъ онъ.—И въ васъ, и въ Лизаветѣ Аркадьевнѣ... Это и дядя покойный говаривалъ. Это васъ и погубило. Нынче на дворянство-то свое наплевать надо. Деньги, вотъ что важно... Ну, да что-жъ толковать, насильно милъ не будешь.

И, раскланиваясь съ Волошиновой, онъ небрежно проговорилъ уже нѣсколько хвастливымъ, пошловатымъ тономъ:

— А о такихъ пустякахъ, какъ какіе-нибудь двадцать пять рублей, не извольте безпокоиться... Для тетушки и для меня это гроши. Она вонъ въ годъ на каторжниковъ въ тюрьму вдесятеро больше жертвуетъ... А я... У меня вонъ вчера наши приходскіе попы выпросили двадцать тысячъ на домъ для приходской богадѣльни. Что-жъ намъ ваши двадцать пять рублей?

Онъ направился опять осматривать лошадь, а Волошинова пошла къ воротамъ. По двадцати тысячъ онъ можетъ бросать на какія-то богадѣльни, а они, Волошиновы, голодаютъ! А немного лѣтъ тому назадъ имъ стоило сказать слово, и онъ женился бы на Лизѣ. Они, отецъ и мать, не сказали этого слова и Лиза отказала ему, отвѣтивъ, что она никогда не выйдетъ за такого «нахала». Что-жъ, она была тогда совсѣмъ дѣвочкой, не понимала ничего; въ родныхъ четырехъ стѣнахъ выросла, какъ въ теплицѣ; она могла отказаться отъ такой партіи ради пустого дѣтскаго каприза. Можетъ-быть, ей еще что-нибудь натрубила тогда въ уши и ея полоумная гувернантка Любовь Васильевна. Тоже нашли они, Волошиновы, кого взять въ воспитательницы дѣтей! Такая юродивая могла, конечно, только поддакнуть дѣвчонкѣ, когда та заартачилась выйти замужъ. А они-то,

отецъ и мать, понимали вѣдь, что близки къ нищетѣ, что такой женихъ, какъ Тарасовъ, для ихъ дочери настоящій кладъ, что имъ только Бога благодарить оставалось за такую партію. Они должны были растолковать ей, что этотъ «нахалъ» можетъ спасти и ее, и ихъ. И не растолковали, не растолковали! Ихъ дитя къ гибели шло, а они не сумѣли указать этому дѣтищу другого пути—пути къ спасенію! И ничего такого онъ не сдѣлалъ, чтобы было за что особенно негодовать на него. Когда они, Волошиновы, переѣхали нѣсколько лѣтъ тому назадъ въ домъ его дяди, котораго они еще въ «Пчелиной балкѣ» знали,—такъ какъ «Пчелиная балка» и перешла къ его отцу,—тогда Лизѣ было лѣтъ двѣнадцать; краснощекая, большеглазая, бѣлозубая, съ вѣчнымъ смѣхомъ на лицѣ, она могла назваться настоящей русской деревенской красавицей, какія вырастаютъ только въ провинціи. Она и росла до этой поры почти исключительно въ деревнѣ. Они наняли квартиру въ домѣ Тарасовыхъ въ первомъ этажѣ въ пять комнатъ. Тогда у нихъ еще были на это средства или, вѣрнѣе сказать, имъ еще казалось, что у нихъ были эти средства: не понимали, что они уже нищіе. Черезъ нѣсколько времени Лиза попросила, чтобы въ ея комнатѣ, выходившей окнами на дворъ, сдѣлали занавѣски у нижнихъ стеколъ, такъ какъ за ней подсматривалъ какой-то мальчишка изъ хозяйской квартиры; потомъ раза два она пожаловалась, что ей не даетъ проходу на лѣстницѣ все тотъ же молодой нахалъ, и какъ-то разъ она даже пришла домой вся въ слезахъ, обиженная этимъ негодяемъ, при чемъ никто не могъ отъ нея добиться, въ чемъ состояла обида. Затѣмъ прошло не мало времени, и этотъ нахалъ и обидчикъ, кругленькій, румяный и голубоглазый, точно откормленный на убой теленокъ, съ глуповато-самодовольнымъ видомъ, сталъ появляться подъ разными предлогами отъ имени своего дяди въ ихъ квартирѣ и каждый разъ Лиза сдвигала брови и краснѣла до ушей при его появленіи и спѣшила уйти въ свою комнату. Сами Волошиновы ничего не замѣчали въ этомъ молодомъ человѣкѣ, что могло бы возмутить ихъ: онъ казался недалекимъ, неособенно образованнымъ, любилъ слегка покутить, былъ нѣсколько распущенъ, но и только,—не хуже, не лучше другихъ. Наконецъ, онъ прямо присватался къ Лизѣ. Когда ей сказали объ этомъ, она проявила такой гнѣвъ, что Елена Степановна даже испугалась. Никогда она не считала Лизу способной на проявленіе такой ненависти къ человѣку.

— Негодяй, какъ смѣлъ! Да его на порогъ не слѣдовало бы пускать! Знаетъ, что я ничего не разскажу, потому и осмѣлился не только прійти, но еще и просить моей руки!

Отецъ и мать старались сначала разспросить ее о причинѣ этого взрыва негодованія, но Лиза расплакалась и наотрѣзъ отказалась выяснить что бы то ни было.

— Оскорблять только умѣетъ, пользуясь безпомощностью дѣвушки. Я тогда еще ребенкомъ была, а онъ Богъ вѣсть что придумывалъ, проходу не давалъ.

Жившая у нихъ въ то время горничная тоже выразила свое неодобреніе Тарасову и замѣтила про него:

— Ужъ такого-то озорника да обидчика поискать надо! Почище всякаго мастерового будетъ! Знамъ, что благородные люди здѣсь живутъ, а онъ у себя нагишомъ, прости Господи, передъ окномъ ходилъ, да Богъ знаетъ чему ребенка учить вздумалъ.

И тутъ же посплетничала на неуважаемую ею гувернантку Волошиновыхъ:

— Не будь наша Любовь Васильевна блаженненькою, она бы его отбрила при первой же встрѣчѣ за озорство. Ну, а Любовь Васильевна — муха ей сядь на носъ, она и того не замѣтитъ... А ужъ что онъ дѣлалъ, что дѣлалъ!

Отплевываясь и бранясь, она продила нѣкоторый свѣтъ на циничныя выходки юнаго нахала.

Узнавъ объ этомъ и видя серьезную тревогу дочери, отецъ и мать оставили ее въ покоѣ и не стали ни разспрашивать о дальнѣйшихъ подробностяхъ, ни уговаривать принять предложеніе Тарасова. А между тѣмъ,—какъ теперь вполнѣ убѣдилась Елена Степановна, — уговорить было нужно. Если, будучи мальчишкой, Тарасовъ и оскорбилъ нравственное чувство ихъ дочери какими-то циничными выходками, то это слѣдовало ему простить, принявъ во вниманіе его юность, его среду, его необразованность. Притомъ и страсти у него расходились отъ любви къ Лизѣ. Они же ничего не сообразили и отказали ему, а вѣдь сами знали, что ихъ дѣла уже были окончательно разстроены, что имъ нужно искать спасенія. Прошло не болѣе года, какъ Ивана Дмитріевича женили на какой-то богатой купчихѣ, а они, Волошиновы, въ это время должны были отпустить не только жившую у нихъ гувернантку, но даже и прислугу, и переѣхать въ ту тѣсную квартиру, гдѣ жили теперь. Лиза такъ и осталась недоучившейся, потому-что ей было уже не до ученья. Теперь вотъ,

когда домъ, гдѣ они жили, уже перешелъ, въ сущности, къ Ивану Дмитріевичу, теткѣ котораго были оставлены только по смерть доходы съ этого дома, имъ нечѣмъ платить и за эту квартиру; приходится даже просить Ивана Дмитріевича и его тетку подождать уплаты двадцати пяти рублей. Неожиданно для себя самой, Елена Степановна перескочила отъ воспоминаній о томъ, что они упустили изъ рукъ крупное богатство и счастіе дочери, къ мысли о томъ, что нельзя ли не отдать теткѣ Ивана Дмитріевича и тѣхъ двадцати пяти рублей, которые она хотѣла отдать. И съ чего это она сразу не попросила простить весь долгъ, благо ужъ ее случайно осѣнила счастливая мысль поговорить объ этомъ долгѣ? Ему вѣдь все равно, а у нихъ сберегутся всѣ сорокъ рублей, и они переѣдутъ въ новое помѣщеніе не безъ гроша. Это соображеніе поглотило всѣ ея мысли и даже ободрило немного. Да, ему и его теткѣ все равно: двадцать пять или пятьдесятъ рублей задолжаютъ имъ Волошиновы, а имъ, Волошиновымъ, передохнуть можно, имѣя въ рукахъ, при переѣздѣ на новую квартиру, сорокъ рублей. Надо будетъ зайти къ самой Натальѣ Аѳанасьевнѣ и объясниться съ нею. На каторжниковъ жертвуетъ сотни рублей, такъ ужъ имъ-то, навѣрно, пятьдесятъ рублей проститъ. Незамѣтно для самой себя, Волошинова теперь думала не объ отсрочкѣ долга за квартиру, а о полномъ прощеніи этого долга кредиторами-хозяевами.

Новая квартира была уже намѣчена ею и теперь приходилось только дать задатокъ: правда, Сережѣ будетъ нѣсколько дальше ходить въ гимназію съ Петербургской стороны, но учиться ему будетъ можно и въ этой квартирѣ, такъ какъ его съ отцомъ помѣстятъ въ чистой комнатѣ, а онѣ, женщины, помѣстятся въ просторной кухнѣ. Это даже и не подвалъ, а просто первый этажъ вросшаго въ землю дома; окна только находятся почти на землѣ, но все же они не малы, въ шесть стеколъ. А дешевизна-то какая: семь рублей въ мѣсяцъ; дровъ выйдетъ, круглымъ счетомъ, рубля на три въ мѣсяцъ; значитъ, вся квартира и съ услугами дворника обойдется рублей въ одиннадцать или двѣнадцать. Изъ пенсіи «бабушки» почти можно оплачивать жилище. Хоть на улицѣ подъ заборомъ они не помрутъ. Если бы сразу по пріѣздѣ въ Петербургъ они поняли, что имъ такъ именно и нужно жить—на-вѣкъ хватило бы имъ оставшихся послѣ продажи имѣнія крохъ, такъ нѣтъ — надѣялись они на что-то, проживали капиталъ, закладывали вещи, путались въ долгахъ..

И снова ее охватило позднее раскаянье, поднялись упреки за неумѣлость, за непредусмотрительность. Вся прошлая жизнь теперь представлялась ей рядомъ неумѣлыхъ поступковъ, неразсчетливости, ошибокъ. Именно этимъ путемъ люди и доходятъ до нищеты; а разъ они дойдутъ до нищеты — всѣ отшатнутся отъ нихъ, всѣ станутъ презирать. Въ ея душѣ опять закипѣло негодованіе на отвернувшихся отъ нихъ людей, на людей вообще, такъ какъ всѣ люди отвернулись отъ нихъ. Исключеніемъ явилась развѣ только одна Любовь Васильевна, гувернантка Лизы, да и то потому, что она такъ же глупа, какъ сами Волошиновы. Когда-то Волошиновы и взяли ее въ гувернантки потому, что она показалась имъ очень несчастною и очень симпатичною. Они не справились даже о серьезности ея знаній, и эти знанія оказались потомъ далеко не удовлетворительными: хромали и нѣмецкій языкъ, и музыка. «Оттого и несчастна, что глупа», — почти съ презрѣніемъ подумала теперь о ней Волошинова. Она презирала теперь всѣхъ неумѣлыхъ, глупыхъ бѣдняковъ и съ озлобленіемъ чувствовала, что сознаніе неумѣлости не сдѣлало ее болѣе умѣлой.

Шагая по тротуарамъ, мокрымъ отъ растаявшаго подъ февральскимъ солнцемъ снѣга, она не замѣчала ничего, вся охваченная думами, говоря иногда вслухъ съ самой собою. Только приближаясь къ своему жилищу, она чувствовала страшную усталость и едва добрела по лѣстницѣ до своей квартиры.

— Анекдотъ, ей-Богу, одинъ анекдотъ,—долетѣлъ до нея громкій голосъ Аркадія Лукьяновича, когда она вошла въ переднюю и присѣла передохнуть на подоконникъ.

Аркадій Лукьяновичъ разсказывалъ своей матери и дочери о посѣщеніи той особы, которая, — какъ говорилъ пріятель, — могла доставить ему мѣсто:

— Живетъ, доложу вамъ, какъ принцесса какая-нибудь. Шелкъ, бархатъ, бронза, сама разодѣта, брильянтовыя кольца, браслеты. И за что дается все? Ни кожи, ни рожи, ей-Богу! Только юркая, вертлявая, стрекотать умѣетъ по-сорочьи. Приняла меня, извольте видѣть, точно мы друзьями всегда были. Усадила, начала говорить: «я и такого-то опредѣлила, и такому-то пенсію выхлопотала, и такой-то дѣтей помѣстилъ черезъ меня въ учебныя заведенія». А сама вертится на креслѣ и хохочетъ, соловьемъ заливается. «У меня вѣдь,—говоритъ,—лучшее петербургское общество собирается, итальянцы прежде всего, по пріѣздѣ въ Петербургъ, у меня

ются, всѣ артисты у меня на обѣдахъ бываютъ, лучшіе писатели, — вотъ эти Дунинъ, Григоровъ, Ботенинъ, — да, всѣ, однимъ словомъ, у меня свои драмы и комедіи читаютъ». Чортъ ее знаетъ, хвастаетъ, пожалуй, а, можетъ-быть, и точно всѣ передъ ней такъ лебезятъ, зная, кто ей покровительствуетъ. Потомъ стала мнѣ ни съ того, ни съ сего разныя картины, статуэтки показывать. «Это,—говоритъ,—мнѣ наши художники на память преподнесли». И тутъ же начала выкладывать, кто и куда черезъ нее пристроилъ за дорогую цѣну свои художественныя произведенія. Трещала, трещала, такъ что я, извольте видѣть, едва могъ высказать ей свою просьбу о мѣстѣ. «Да, да,— говоритъ,— меня уже просилъ за васъ вашъ пріятель. Я все сдѣлаю. Я для всѣхъ готова. Какъ жаль только, что васъ нельзя пристроить по моему вѣдомству. Вотъ, если бы вы были артистъ или художникъ— завтра же все сдѣлала бы. Но вы не отчаивайтесь. Я могу и по другимъ вѣдомствамъ. У меня изъ разныхъ вѣдомствъ случайные люди бываютъ. Меня всѣ уважаютъ. Вы мнѣ напишите письмо. Я ужъ буду настаивать. Вѣдь мы, женщины, все можемъ: не добьемся лаской, истерика въ ходъ пойдетъ, губки надуемъ». И захохотала, захохотала, мечась на кушеткѣ, какъ угорѣлая. «Вы знаете, — говоритъ, — что значитъ для мужчины, когда женщина надуваетъ губки?»

Онъ махнулъ рукою.

— Чортъ ее знаетъ, что за бѣсъ! Кувыркается, визжитъ, въ ладоши хлопаетъ. Ей-Богу! Въ горничныя ее не взялъ бы, а она, вонъ, извольте видѣть, говоритъ: «по нашему вѣдомству я все могу да и по другимъ могу постараться». Посмотримъ, что выйдетъ.

Елена Степановна, уже сбросившая пальто и шляпку, рѣзкимъ движеніемъ вошла въ комнату и проговорила:

— Шлюха! Ничего не выйдетъ. И какъ это ты можешь надѣяться на какую-то шлюху?

Она обратилась къ дочери и дѣловито проговорила:

— Надо будетъ укладывать вещи. Квартиру я наняла и переговорила съ нашимъ хозяиномъ: онъ не потребуетъ при переѣздѣ всѣхъ денегъ.

О томъ, что она рѣшилась не отдавать ему вовсе денегъ, она не упомянула, хотя и была уже твердо увѣрена, что не отдастъ ни копейки изъ этого долга, хоть умри они — не отдастъ! У нея за послѣднее время вошло въ привычку скрывать даже отъ дочери, если у нея откуда-нибудь утягивался лишній рубль. Ей все казалось, что домашніе ста-

нуть тратить больше, узнавъ объ этомъ припрятанномъ на время рублѣ.

— А Иванъ Дмитріевичъ предлагалъ не мѣнять квартиры, предлагалъ сбавить цѣну съ этого помѣщенія и ждать уплаты сколько угодно, — проговорила она, съ укоризной взглянувъ на Лизу. — Что тамъ ни говори, а онъ добрый человѣкъ. Вотъ на-дняхъ пожертвовалъ двадцать тысячъ на богадѣльню.

— Слава Богу, что мы уѣдемъ подальше отъ этого наглеца,—сказала нѣсколько раздражительно Лиза.—Это только и примиряетъ меня съ новой квартирой. Хоть встрѣчать его не буду. Понять тоже не можетъ, что мнѣ тяжело его видѣть. Лѣзетъ всегда въ глаза съ поклонами да съ улыбками.

Мать вздохнула.

— Голода мы не знали бы съ этимъ-то наглецомъ, — проворчала она тономъ упрека.—А теперь и близокъ локоть да не укусишь.

Лиза поднялась съ мѣста, чтобы идти въ кухню.

— Ты это напрасно дуешься, когда правду говорятъ,— вдогонку ей проговорила раздраженная мать.

У Лизы выступили на глазахъ слезы.

— Плачешь? О чемъ? Опять стряслось что-нибудь?—сталъ разспрашивать ее вернувшійся изъ гимназіи Сергѣй.

— Пустяки, Сережа,—отвѣтила Лиза и постаралась улыбнуться. — Услыхала вотъ, что Иванъ Дмитріевичъ на приходскую богадѣльню двадцать тысячъ пожертвовалъ и, вѣрно, позавидовала и богадѣльнѣ, и его женѣ...

Она нервно засмѣялась. Прежде она часто смѣялась неудержимымъ смѣхомъ и ее звали «хохотушкой», но прежде ей смѣхъ не былъ такимъ истеричнымъ, какимъ сталъ теперь.

— Зачѣмъ ты лжешь?—рѣзко спросилъ братъ, котораго всегда передергивало отъ этого напускного смѣха. — Мать, вѣрно, опять попрекнула, что ты не вышла замужъ за этого прохвоста?

— На маму нельзя сердиться, — вмѣсто отвѣта сказала Лиза.—Ей тяжело...

Онъ разгорячился, поняпъ, что мать точно опять попрекнула Лизу Тарасовымъ.

— А тебѣ? а мнѣ легко? Развѣ мы виноваты въ томъ, что они разорились?—строптиво заговорилъ онъ.—Разорились сами и разорили насъ? Они пожили, они насладились жизнью, а мы... Легко тебѣ кухаркой быть? Легко мнѣ учиться среди этой обстановки, среди этой жизни впрого-

лодь? Иногда бросилъ бы все, опустилъ бы руки, хоть трава не расти! Оборванцемъ въ гимназію теперь хожу. Сколько разъ замѣчанія дѣлали за неряшливость. А я первый по ученью!

Цѣлый потокъ жалобъ и упрековъ полился съ языка раздраженнаго юноши. Лиза испугалась: ей было жаль брата, жаль отца и мать; она знала, что буйный порывъ брата кончится какой-нибудь рѣзкой сценой за обѣдомъ.

— Успокойся, успокойся, Сережа! Всѣмъ намъ не легко,— уговаривала она его.—Что-жъ дѣлать? Никто въ этомъ не виноватъ.

Онъ молча, тяжело дыша, подошелъ къ крану въ кухнѣ, налилъ въ ковшъ воды и выпилъ ее почти залпомъ, большими глотками. Потомъ онъ вошелъ въ комнату, гдѣ уже былъ накрытъ столъ, и поздоровался молча съ отцомъ, матерью и бабкой.

— Что, братъ, вѣрно, государственными дѣлами озабоченъ?—спросилъ насупившагося сына, за обѣдомъ, Аркадій Лукьяновичъ своимъ обычнымъ шутливымъ тономъ.

Лицо Сергѣя покрылось яркимъ румянцемъ, и онъ уже готовился что-то отвѣтить, когда Лиза поспѣшно заговорила:

— Мы вотъ сейчасъ толковали о переѣздѣ на новую квартиру. Когда, мама, переѣзжать будемъ? Завтра или послѣзавтра?

— Не знаю еще, все же поторопимся,—отвѣтила мать и тоже поспѣшила заговорить о новой квартирѣ, инстинктивно почуявъ, что нельзя давать Сережѣ возможность заговорить съ отцомъ.—Квартирка очень удобная. Не надо подниматься по этой проклятой лѣстницѣ. Воздухъ тамъ чище, на Петербургской-то сторонѣ. Садъ есть при домѣ. Вотъ только тебѣ, Сережа, ходить дальше будетъ въ гимназію.

— Мнѣ все равно,—отрывисто отвѣтилъ онъ.

— Ноги еще молодыя,—замѣтилъ отецъ:—не уходились.

— Этого еще недоставало, чтобы и силы измѣнили! — рѣзко вставилъ сынъ вызывающимъ тономъ, почти гнѣвно взглянувъ на отца.

Мать и сестра опять торопливо заговорили, какъ они размѣстятся. Бабушка Елизавета Евлампіевна, сама Елена Степановна и Лиза помѣстятся въ кухнѣ. Кухня очень большая. Драпировку можно въ ней сдѣлать. И покупать ситцу не придется: хватитъ того, что прежде висѣлъ у кухарки и горничной около кроватей въ видѣ пологовъ. Хорошо вотъ, что сберегли; полиняетъ онъ, а ничего, — крѣпокъ. Отлично

имъ будетъ въ кухнѣ. А у Сережи и Аркадія Лукьяновича останется просторная комната.

— Значитъ, мы на положеніи господъ будемъ жить, — проговорилъ Аркадій Лукьяновичъ, продолжая шутить: — а прекрасный полъ будетъ не въ авантажѣ обрѣтаться. Пожалуй, что это и не по-рыцарски будетъ. Ты какъ объ этомъ думаешь, философъ?—обратился онъ къ сыну.

Сергѣй взглянулъ на отца почти съ ненавистью. Этотъ безпечный, шутливый тонъ выводилъ его изъ себя; чѣмъ безотраднѣе становилась жизнь, тѣмъ досадливѣе дѣлались шутки; горечи въ шутливомъ тонѣ отца сынъ еще не умѣлъ подмѣтить. Наскоро кончивъ обѣдъ, Сергѣй всталъ изъ-за стола, поблагодарилъ за обѣдъ отца и мать, и вышелъ въ переднюю.

— Куда ты?—спросила его Лиза, видя, что онъ одѣвается.

— Не знаю; куда глаза глядятъ, — отвѣтилъ онъ. — Не могу я, не могу жить съ нимъ! Мы на краю пропасти, мы нищіе, а онъ шутитъ и смѣется, точно умышленно вызываетъ меня на ссору.

Онъ вышелъ, оставивъ Лизу въ тревогѣ. Сергѣй шелъ, дѣйствительно, «куда глаза глядятъ», безъ опредѣленной цѣли, безъ сознанія, куда онъ идетъ. Ему нужно было просто уйти изъ дому, чтобы не видать и не слыхать ничего, что тамъ дѣлается. Эта потребность бѣгства изъ дома ощущалась имъ все чаще и чаще. Мать, начавшая озлобляться и попрекавшая Лизу за то, что та не вышла замужъ за нелюбимаго ею человѣка; отецъ, цѣлыхъ два года искавшій службы и въ то же время продолжавшій, повидимому, безпечно шутить и смѣяться, простодушно дразня сына за его серьезность; бабушка, жившая воспоминаніями о былomъ богатствѣ среди нищеты и неумышленно вызывавшая въ душѣ внука озлобленіе противъ людей и порядковъ; нѣжно любимая сестра, превращавшаяся изъ безпечной хохотушки въ истеричную дѣвушку,—все это раздражало страстную молодую душу. Ото всего этого хотѣлось бѣжать, какъ отъ хаоса, среди котораго не было силъ разобраться, на чемъ-нибудь успокоиться. Скорая ходьба и свѣжій воздухъ чудеснаго февральскаго дня мало-по-малу успокоили расходившіеся нервы юноши. Онъ безсознательно умѣрилъ шаги и оглянулся кругомъ: передъ нимъ бѣлѣлось широкое пространство Невы, черезъ которую тянулись мостки на Петербургскую сторону. Почти не отдавая себѣ отчета, Сергѣй машинально свернулъ на нихъ и направился черезъ

Неву давно знакомою ему дорогой. Прошло еще нѣсколько минутъ и онъ уже стоялъ передъ дверью хорошо знакомой ему квартирки въ деревянномъ домѣ, недалеко отъ домика Петра I. Сколько разъ, взволнованный чѣмъ-нибудь дома, онъ почти безсознательно направлялся именно къ этой квартирѣ. Онъ постучался въ двери, дверь отворилась, и онъ спросилъ у служанки:

— Любовь Васильевна дома?

— Дома! дома, Сережа!—раздался изъ сосѣдней комнаты женскій голосъ, звучавшій такой радостью, точно относился къ кому-то прибывшему послѣ долгой разлуки на первое свиданіе.— Кофеемъ вотъ пробавляюсь...

Онъ переступилъ порогъ этой комнаты, небольшой, но довольно чистенькой, съ постелью, застланной бѣлымъ пикейнымъ одѣяломъ, съ дешевыми цвѣтами на окнѣ, съ бѣлыми кисейными занавѣсками,—и двѣ довольно неуклюжія, крупныя руки съ длинными пальцами сжали нѣсколько экзальтированно его руку. Передъ нимъ стояла съ широкой улыбкой на некрасивомъ розовомъ лицѣ съ воспаленной кожей дѣвушка лѣтъ тридцати пяти, низенькая ростомъ, съ сильной наклонностью къ полнотѣ. Въ крѣпкомъ, почти мужскомъ рукопожатіи, въ широкой улыбкѣ, въ тонѣ разговора у дѣвушки слышалась сильная восторженность, приподнятость настроенія, склонность къ преувеличеніямъ. Она смотрѣла какъ-то особенно, въ неопредѣленное пространство, иногда улыбаясь, точно видя передъ собой какіе-то волшебные образы и сцены. Это была бывшая гувернантка Сергѣя и его сестры, Любовь Васильевна Дымова. При видѣ Сергѣя, ея щеки раскраснѣлись еще болѣе, а въ сѣрыхъ мечтательныхъ глазахъ отразилась радость.

— Угощать кофеишкой? — спросила она преувеличенно развязнымъ тономъ.

— Да, я выпью, Любовь Васильевна, — отвѣтилъ онъ, снимая пальто и вѣшая его на гвоздь около двери.

— Ваше здоровье?—спросила она, наливая ему кофе.— Ничего особеннаго, надѣюсь, не случилось?

— Всѣ здоровы покуда, и все идетъ по-старому!—отвѣтилъ онъ, и легкая тѣнь проскользнула по его лицу.

Она уловила не эту тѣнь, такъ какъ уже смотрѣла въ пространство, но подмѣтила горечь тона и пошутила:

— Бѣдная мама сердится, несчастный папа шутитъ, бабушка живетъ въ прошломъ...

Онъ страстно перебилъ ее:

— О, бѣжалъ бы, бѣжалъ бы отъ этихъ раздраженій, шутокъ, воспоминаній!

— Ну! Бѣжалъ бы отъ шутокъ, — проговорила она съ легкой гримасой:—а самъ идешь ко мнѣ! Я тоже неунывающая россіянка, гляжу на все шутя. И чего тужить?

Въ эту минуту ей и точно казалось, что она смотритъ на все шутя, что она очень смѣла, хотя въ дѣйствительности ничего этого вовсе не было.

— Вы знаете, что я только у васъ и отдыхаю душою,— сказалъ онъ мягко, взглянувъ съ любовью на ея некрасивое улыбающееся лицо.

— Я знаю,—отвѣтила она съ блаженной улыбкой, кивая головой.—Меня всѣ любятъ. Это большое счастье!

Она желала, чтобы ее всѣ любили, и потому была твердо увѣрена въ томъ, что ее точно любятъ всѣ,—и обучаемые ею усердно, хотя и съ сильными поблажками, нисколько не боявшіеся ея ученики, и обсчитывающіе ее родители этихъ учениковъ, убѣжденные, что для нея «и того довольно», и разные, иногда прошедшіе огонь и воду, сироты, которыхъ она назойливо пристраивала черезъ разныхъ, морщившихся при одномъ ея появленіи, благотворителей въ пріютахъ. Если бы она не вѣрила въ эту общую любовь къ ней, она была бы безмѣрно несчастна со своей смѣшно-некрасивой наружностью, со своимъ бѣганьемъ по урокамъ въ холодъ и дождь, со своей жизнью впроголодь. Къ счастію, она, шлепая по грязи въ заплатанной обуви, витала мысленно въ какихъ-то райскихъ обителяхъ, гдѣ всѣ люди были любящими братьями и притомъ братьями, восхищавшимися ея красотой. Кромѣ нея самой, только Сергѣй покуда не находилъ ее уродомъ.

Никогда онъ не могъ понять, какъ могутъ люди называть ее некрасивой дѣвушкой или «кускомъ сырого мяса», какъ называла ее теперь его озлобленная мать. Все въ ней казалось ему прелестнымъ: и ея порывистыя движенія, и бодрая смѣлость, и полные мечтательности глаза, и ея мягкая, блаженная улыбка, скользившая по лицу, когда Любовь Васильевна, уносясь мыслями въ созданный ею рай, смотрѣла безцѣльно въ пространство. Ему казалось, что никто не умѣетъ такъ причесывать волосы, какъ она, причесывавшая ихъ совершенно гладко, закручивая косу на затылкѣ въ простой узелъ; онъ былъ увѣренъ, что нельзя одѣться болѣе къ лицу, чѣмъ она, одѣтая въ мѣшковатое сѣрое шерстяное платье, съ чернымъ ременнымъ кушакомъ,

съ бѣлыми гладкими воротничкомъ и манжетами, какъ у мужчины.

— Ну, садись и пей кофе, пока онъ горячъ, — сказала она, подвигая къ нему стаканъ. — Сегодня, вѣрно, опять наглупилъ, надѣлалъ дерзостей отцу, огорчилъ маму и Лизу, а потомъ, какъ кающійся грѣшникъ, сбѣжалъ? Такъ вѣдь? А?

— Почти такъ,—отвѣчалъ онъ, кивнувъ головой:—хотя дерзостей и не надѣлалъ, но былъ близокъ къ тому; огорчилъ всѣхъ и сбѣжалъ. Старая исторія, Любовь Васильевна!

Она сдѣлалась на минуту серьезной, повидимому, переставъ носиться мыслями въ облакахъ.

— Когда же новая будетъ?

— Дайте мнѣ свою душу, тогда, можетъ-быть, и пойдетъ новая исторія,—отвѣтилъ онъ.

Она покачала головой.

— Ахъ, Сережа, Сережа, неисправимъ ты!—проговорила она, смотря на него съ лаской, какъ на любимаго брата.— Кажется, я скоро отрекусь отъ тебя!

Онъ засмѣялся.

— Не пугайте—не испугаюсь; знаю, что не отречетесь!

— Нѣтъ, въ самомъ дѣлѣ, голубчикъ, нельзя же такъ жить, — мягко сказала она. — Неглупый юноша, читаешь много, учишься хорошо, а характеръ...

— Ужъ не станете ли вы меня за характеръ упрекать? Кажется, я...—началъ онъ горячо.

Она перебила его и вдругъ впала въ дидактическій тонъ, заговоривъ книжными фразами:

— Да, да, за характеръ! Совсѣмъ глупый характеръ. Силы воли нѣтъ. Владѣть собой не умѣешь. Не можешь привыкнуть къ тому, что передѣлать ближнихъ нельзя, что, живя съ ними, надо прежде всего примириться съ ихъ мелкими недостатками, хорошо сознавая, что это люди добрые, честные, а — главное — глубоко несчастные. Люди всѣ несчастны, а твои родные—особенные неудачники. Да что я говорю: ты это все самъ знаешь и любишь ихъ, конечно, больше, чѣмъ я, а все же укротить себя не умѣешь и подливаешь горечи въ ихъ, и безъ того не сладкую, жизнь.

— А мнѣ сладко?—запальчиво спросилъ онъ.

— Не сладко и потому ты хочешь, чтобы имъ было еще хуже?—спросила она. — Логика тоже! Да что логика? Безъ логики можно жить, а безъ доброты, безъ снисхожденія къ ближнимъ...

— Ну, да, вы хотите, чтобы подставлять правую щеку, когда бьютъ по лѣвой...

— А ты хочешь, чтобы другіе были искалѣчены за то, что тебѣ больно?—спросила она съ ироніей.—Ну, что-жъ, вѣчная потасовка и будетъ. Обезоружить ихъ старайся, обезоружить, а то и они въ синякахъ будутъ, и ты съ фонарями подъ глазами будешь ходить. Эффектное зрѣлище! Вѣдь ужъ если люди веревочкой связаны, такъ надо приспособляться...

Онъ хотѣлъ что-то сказать, протестовать, но она быстро продолжала, довольная собой и пользуясь случаемъ пооратор-ствовать:

— И съ чего ты кипятишься? Отецъ шутитъ и подсмѣивается? Такъ вѣдь это его привычка. Ты это долженъ разъ навсегда запомнить. Онъ даже не понимаетъ, что это можетъ тебя сердить, да если бы и понималъ — не могъ бы отвыкнуть отъ этого. И для чего отвыкать на старости лѣтъ? Вѣдь ужъ теперь, какъ онъ ни смотри на жизнь, лучше она не пойдетъ. Прошлаго не воротишь и только дай Богъ, чтобы новаго чего-нибудь дурного не проявилось и въ образѣ жизни и въ привычкахъ.

— То-есть чего это?—спросилъ Сергѣй.

— А вдругъ пить съ отчаянья начнетъ! Нѣтъ, ужъ пусть лучше шутитъ, пока шутится. Горе — не свой братъ. Вотъ и твоя мама? Развѣ она была прежде придирчива и сварлива? Помнишь, какимъ милымъ человѣкомъ она была? На всякое чужое горе отзывалась, всѣхъ жалѣла. Теперь только все это исчезло. Это горе ее сдѣлало такой раздражительной, желчной, несправедливой.

— Ну, и меня не радость сдѣлала раздражительнымъ!— воскликнулъ онъ, ходя по комнатѣ. — Имъ вы все прощаете, а мнѣ...

— Тутъ дѣло не въ прощеніи! Но подумай: что же потомъ-то будетъ съ тобою?—спросила она, перебивая его.— Меня только это и заботитъ. Потому только я и журю тебя. Что станешь послѣ дѣлать? На стѣну полѣзешь? Драться съ людьми станешь? Теперь тебя любящіе люди раздражаютъ, а потомъ вѣдь чужіе, совсѣмъ чужіе люди будутъ стоять около тебя; тѣ еще менѣе поцеремонятся, совсѣмъ не станутъ справляться о твоихъ вкусахъ. Что же ты станешь дѣлать съ ними? Опять синяки и фонари подъ глазами въ ходъ пойдутъ? Голубчикъ, всѣхъ не перебьешь!

— Что же, по-вашему, подставить шею, — пусть меня бьютъ?

— Нѣтъ, надо идти по возможности своей дорогой и пусть лаютъ: полаютъ и отстанутъ.

Она что-то вспомнила и засмѣялась.

— Вотъ надъ моей круглой шляпой долго смѣялись за ея простоту, а теперь попривыкли къ ней, даже поняли, что бѣдной учительницѣ было бы неприлично ходить въ цвѣтахъ и въ перьяхъ, мѣняя, ради моды, десятки разъ головной уборъ. Я доказала всѣмъ, что иначе одѣваться, чѣмъ я одѣваюсь, учительницѣ просто неприлично, и всѣ это поняли.

И она сѣла на своего конька, пустилась въ разсказы о томъ, какъ ее любятъ, какъ уважаютъ и какъ слушаютъ. Разсужденія на эту тему приводили ее въ восторженное состояніе, въ такой экстазъ, въ какой могутъ впадать только набожныя визіонерки.

Они допили кофе; она вымыла посуду и убрала ее въ маленькій шкапъ; потомъ принялась за вязанье кружевъ, улыбаясь и слегка шевеля губами. Онъ продолжалъ ходить въ раздумьѣ изъ угла въ уголъ. Въ комнатѣ было тепло, уютно, тихо. На рабочемъ столикѣ Любови Васильевны лежалъ томикъ въ ярко-красной блестящей обложкѣ, съ закладкой на серединѣ. Сергѣй взялъ книгу, присѣлъ къ столу, раскрылъ ее на томъ мѣстѣ, гдѣ была вложена закладка, и мелькомъ спросилъ Любовь Васильевну:

— Читать?

— Да, продолжай, — сказала она, не переставая улыбаться и видимо думая о другомъ. — Я нарочно безъ тебя не читала.

Онъ принялся за чтеніе прочитаннаго до половины романа. Это былъ «Николай Никльби» Диккенса во французскомъ переводѣ. По мѣрѣ чтенія, волненіе юноши все болѣе и болѣе утихало, личныя невзгоды забывались, на душѣ стало тихо и хорошо. Въ присутствіи убѣжденной въ своемъ счастіи Любови Васильевны онъ всегда испытывалъ это ощущеніе. Ничто не измѣнялось въ его жизни въ эти минуты, но измѣнялось его личное настроеніе, и этого было довольно для счастія, которое есть не что иное, какъ чисто личное ощущеніе. Онъ все болѣе и болѣе ясно начиналъ сознавать это, присматриваясь къ Любови Васильевнѣ. Когда онъ кончилъ чтеніе, пробило уже семь часовъ.

— Пора!—сказалъ онъ, закрывая книгу.

— Когда зайдешь опять? — спросила она, ласково глядя ему въ лицо и держа его руку въ своихъ теплыхъ рукахъ.

— Завтра забѣгу. Теперь скоро будемъ видѣться каждый день. На-дняхъ переѣдемъ на Петербургскую сторону. Вы не знаете, какъ я радъ этому переѣзду.

— Да?

— И вы еще спрашиваете!

Онъ склонился къ ея рукѣ и горячо поцѣловалъ ее. Она съ чувствомъ прикоснулась губами къ его лбу.

Выйдя отъ нея, онъ почти безсознательно, по привычкѣ, свернулъ къ домику Петра. Этотъ домикъ онъ любилъ не менѣе жилища Любови Васильевны, любилъ безъ думъ, безъ размышленій, безотчетной любовью. Заходилъ онъ сюда часто съ той поры, какъ разъ побывалъ здѣсь случайно съ отцомъ. Его тянуло сюда, какъ магнитомъ. Ему было сладко молиться здѣсь въ тяжелыя минуты, видѣть вокругъ себя бьющихся о помостъ людей, иногда вздыхающихъ, иногда плачущихъ, мечтать о неопредѣленномъ будущемъ въ этомъ садикѣ въ лѣтніе дни, задумываться о томъ, что въ этихъ крошечныхъ комнатахъ жилъ не кто иной, какъ самъ великій царь, довольствовавшійся ими, работавшій, какъ простой плотникъ. Развѣ вообще нельзя такъ жить людямъ? Что въ роскоши, въ богатствѣ? Самъ Христосъ жилъ въ простой плотничьей семьѣ. Онъ задумывался, какъ провелъ дѣтство Христосъ, среди какой обстановки, за какимъ трудомъ... Въ часовнѣ еще теплились лампады и горѣли свѣчи передъ образомъ Спасителя, когда въ нее вошелъ теперь Сергѣй. Юноша, осѣнясь крестнымъ знаменіемъ, опустился на колѣни, устремивъ взоръ къ изображенію Христа въ терновомъ вѣнцѣ. Большіе, пристально глядящіе глаза страдающаго за міръ Богочеловѣка смотрѣли, казалось, прямо на него, серьезно и спокойно. Такъ же серьезно и спокойно было теперь на душѣ у Сергѣя. Ему вспомнились слова Христа: «Пріидите ко Мнѣ вси труждающіе и обремененные и Азъ упокою вы. Возьмите иго Мое на себя и научитесь отъ Меня, ибо Азъ кротокъ и смиренъ сердцемъ, и обрящете покой душамъ вашимъ. Ибо иго Мое благо есть». Именно въ этомъ домикѣ впервые услышалъ онъ эти знаменательныя слова въ тяжелую минуту жизни, и они глубоко запали въ его душу, запали сразу глубже всякихъ спряженій и склоненій латинской и греческой грамматикъ, надъ которыми приходилось ему изъ года въ годъ просиживать ежедневно долгіе вечера въ своемъ углу въ кухнѣ. Онъ по-

мимо своей воли сталъ задумываться объ этихъ словахъ, объ этихъ «труждающихся и обремененныхъ», объ этомъ пгѣ и объ этомъ обѣщанномъ упокоеніи.

III.

Давно уже Елена Степановна не чувствовала себя въ такомъ сильномъ возбужденіи, какъ наканунѣ переѣзда на новую квартиру. Утромъ въ этотъ день ей пришлось посѣтить Наталью Аоанасьевну Тарасову, а вечеромъ нужно было укладывать съ дочерью вещи и посуду. И то, и другое сильно расшевелило ея больные нервы. Это сказывалось въ теченіе всего дня рядомъ отрывистыхъ отвѣтовъ и мелкихъ придирокъ. Сережѣ досталось за то, что онъ «опять, вѣрно, къ поврежденной идетъ», то-есть къ Любови Васильевнѣ. Аркадій Лукьяновичъ, все еще надѣявшійся на протекцію «случайной барыни», выслушалъ нѣсколько рѣзкихъ замѣчаній жены насчетъ того, что стыдно въ его лѣта вѣрить въ каждый вздоръ, какъ мальчишкѣ. По адресу бабушки, нѣвуче разсказывавшей о преосвященномъ Иринархѣ, — благо она плохо слышала,—было направлено нѣсколько болѣзненныхъ восклицаній: «душу вымотала», «и кого она отпѣваетъ?», «да когда же это кончится?» Къ вечеру все немного поутихло: Сережа ушелъ къ Любови Васильевнѣ; Аркадій Лукьяновичъ, узнавшій отъ «случайной барыни», что по ея вѣдомству его нельзя опредѣлить, а что въ другихъ вѣдомствахъ она не рѣшается, по нѣкоторымъ причинамъ, хлопотать за него,—пошелъ справляться къ пріятелю, почему не выгорѣло его дѣло и почему барыня перемѣнила тонъ по отношенію къ нему; бабушка прилегла «отдохнуть на часокъ», и Елена Степановна осталась съ глазу на глазъ съ одной Лизой, всегда умѣвшей молчать, когда горячилась и придиралась мать.

— Одни лохмотья остались, жидъ ломанаго гроша за все не далъ бы,—ворчала Елена Степановна, перебирая и укладывая въ комодъ остатки столоваго и носильнаго бѣлья и всякія принадлежности одежды. — Истинные нищіе! Нѣтъ, ты посмотри, посмотри, до чего износилось бѣлье,—настойчиво говорила она молчавшей дочери, развертывая передъ нею салфетки и сорочки и показывая ихъ на свѣтъ.—Рѣшето рѣшетомъ! Заплатокъ некуда нашивать. Мыть станешь—все въ корытѣ останется.

Лиза давно уже знала не хуже матери, насколько все это расползлось, и только молчала, боясь и подумать о томъ

времени, когда нужно будетъ все это пополнить или остаться вовсе безъ бѣлья и одежды, безъ возможности выйти на улицу. Теперь, укладывая все это, мать и дочь должны были какъ бы подводить итоги своего обнищанія. Оно было поистинѣ страшно. Вещи уже были заношены до того, что руки не поднимались ихъ чинить: отъ штопанья все расползалось. Елена Степановна особенно сильно напирала теперь на это положеніе ихъ скарба и, казалось, испытывала своеобразное наслажденіе, тыча пальцами въ каждую прорѣху, какъ бы бередя со страстнымъ ожесточеніемъ больныя язвы. Съ нѣкоторыхъ поръ, у нея появилась въ характерѣ новая черта—желаніе терзать и мучить себя толками о безвыходности положенія ея семьи. Молодая дѣвушка молчала, боясь проронить слово, такъ какъ каждое слово могло еще болѣе раздражить мать. Она усердно завертывала въ бумагу и тряпки, и потрескавшіяся разнокалиберныя чашки, и блюдечки, и тарелки, засовывая все это въ комодъ между бѣльемъ.

— Не укладывать, а выбросить бы все это нужно было, сжечь, какъ негодный хламъ,—продолжала озлобленно ворчать Елена Степановна. — Скоро нагишомъ будемъ ходить. И теперь чуть не босыми ходимъ. Штопать нечего ужъ. Это развѣ чулки? А? Ужъ лучше босой ходить, чѣмъ въ этой рвани! А изъ чего новые сдѣлать? Все, что наработаешь, въ брюхо идетъ. Еще бы! пять ртовъ ѣдятъ!

Она въ изнеможеніи сѣла на кровать.

— А другіе утопаютъ въ богатствѣ,—наконецъ, договорилась она до того, что грызло ее въ этотъ день. — Выше горла сыты. Вотъ посмотрѣла я сегодня на Наталью Аѳанасьевну. Господи, чего-чего у нихъ въ домѣ нѣтъ! И что за помѣщеніе! Столовая — сто человѣкъ помѣстить можно, все въ русскомъ вкусѣ отдѣлано, потолокъ рѣзной, стѣны рѣзныя; каждая салфетка, каждая скатерть ручной вышивки. Старуха вся въ шелку, въ лентахъ пріѣхала отъ ранней обѣдни, на столѣ и чай, и кофе, и булки; и просфоры нарочно для нея каждый день просвирня печетъ, а кругомъ цѣлая свора прихлебательницъ, — и родныя, и знакомыя, чтобы не скучно было старухѣ, и всѣ-то сытыя, довольныя, говорятъ, точно поютъ, отъ пресыщенія задыхаются. Истинно сытое царство!

Оборвавъ эту рѣчь, она съ горечью замѣтила:

— Меня чуть не закормила: тяжело имъ видѣть передъ

собою исхудалаго человѣка, точно боятся, что онъ возьметъ да и помретъ при нихъ, покой ихъ смутитъ.

Она тяжело вздохнула.

— Сердце у меня перевернулось, какъ я на нихъ посмотрѣла. Всѣ-то онѣ такія довольныя, мягкія, добродушныя, живутъ, какъ у Христа за пазухой; умирать не надо, попавъ въ такое царство небесное.

Лиза немного раздражилась.

— Добродушныя, а пальцемъ о палецъ не стукнутъ, чтобы кого-нибудь спасти.

— Ну, ужъ ты это напрасно!—сурово возразила мать. — Совсѣмъ напрасно! Что же имъ идти на улицу, что ли, и раздавать свое богатство? На-те, берите, молъ, нищіе и голодные. Тогда самимъ придется по-міру идти. Вотъ бабушка-то да ея Лукьянъ Аркадьевичъ разбросали все, а теперь намъ-то каково? Преосвященныхъ Иринарховъ, — прости, Господи,—на убой кормили, а дѣтей съ голоду помирать оставили. Раздать-то все можно, только каково будетъ дѣтямъ послѣ того? Нѣтъ, такая-то доброта, мать моя, хуже воровства. А Наталья Аѳанасьевна хоть и не швыряетъ денегъ направо и налѣво, а близкаго бѣднаго человѣка не обидитъ. Ты посмотри на ея прислугу: у всѣхъ рожи отъ жиру лоснятся; а живущія при ней родственницы и подруги—у каждой счастье-то на лицѣ написано. Въ домѣ и сытость, и тишина. Сама-то такъ и говоритъ: «Всѣмъ не поможешь, а слава Богу, если кругомъ тебя люди поддержаны тобою». Тоже и къ чужому горю не глуха она. Сама въ молодости видѣла горе и не забыла, каково переносить его. Вотъ, хоть бы къ примѣру, я пришла... Обидѣли мы ихъ сами... ужъ что говорить, обидѣли...

Лиза затаила дыханіе, боясь, что вотъ-вотъ мать заговоритъ объ ея отказѣ Тарасову. Мать продолжала:

— А какъ только заговорила я о долгѣ, такъ сейчасъ Наталья Аѳанасьевна и руками замахала: «Полноте, полноте, не заботьтесь! Ну, понемногу заработаете. Я вотъ вамъ работы припасу. У меня всегда есть работа. И зачѣмъ съѣзжаете съ квартиры? Жили бы, ей-Богу. Раньше-то что не сказали? Вѣдь ни я, ни Ваня не гонимъ васъ. Конечно, Ваню обидѣла ваша барышня, ну, да что-жъ дѣлать, насильно милъ не будешь. Молода она тогда была.

Елена Степановна оборвала рѣчь и замѣтила со вздохомъ:

— Да, истинно добрые люди!.. На моей душѣ лежитъ

грѣхъ, что мы не породнились съ ними... Я одна въ этомъ виновата...

— Мама, не говорите мнѣ объ этомъ!—остановила ее Лиза.—Я не жалѣю...

— Не жалѣешь, не жалѣешь!—перебила ее строптиво мать.—Не жалѣешь, что придется тебѣ всю жизнь чуть не кухаркой быть, не жалѣешь, что всѣ мы голодать и холодать весь вѣкъ должны? Да Иванъ Дмитріевичъ тебя на рукахъ бы носилъ и насъ покоилъ бы. А ужъ о Натальѣ Аѳанасьевнѣ и говорить нечего: чужихъ она пригрѣваетъ. Нѣтъ, нѣтъ, ты мнѣ не возражай!—горячо остановила она дочь, подмѣтивъ ея нетерпѣливое движеніе и думая, что та хочетъ возражать.—Этотъ грѣхъ на моей душѣ лежитъ. Да! Ты была дѣвочкой, ты могла оскорбиться и разсердиться, что онъ тамъ обидѣлъ тебя чѣмъ-то. А я-то вѣдь знаю людей. Мало ли мальчишки и юноши какія пакости дѣлаютъ и какъ дурятъ,—такъ каждое лыко нельзя въ строку ставить. Ты теперь ужъ не дѣвочка, должна понимать, съ чего это и къ чему ведетъ. Мальчишки и юноши распущены вездѣ, воображеніе разнуздано уже въ школѣ; говорятъ о всякихъ сальностяхъ съ шестнадцати лѣтъ; какъ только усы пробьются, уже хороводятся съ разными дѣвчонками—и все такое. Иной изъ нихъ даже и не подозрѣваетъ, что можно дѣлать, чего нельзя. Ну, вотъ и онъ надурилъ; можетъ-быть, еще и не въ своемъ видѣ тогда былъ,—такъ это не смертный грѣхъ, не кровная обида. Пройдетъ юность—пройдетъ и это. Повѣнчались бы — и забылось бы! Вотъ и теперь онъ,—послушала бы ты!—съ какимъ почтеніемъ о тебѣ говоритъ. А ему тоже не легко; несчастнымъ, можетъ-быть, изъ-за тебя сдѣлался...

— Несчастнымъ? Изъ-за меня?—съ удивленіемъ сказала Лиза, обернувшись лицомъ къ матери.

— Ну, да, ты отказала ему, а онъ съ горя и женился на первой встрѣчной, которую ему дядя посваталъ. Можетъ, въ пику тебѣ женился: на, молъ, знай, что за меня всякая пойдетъ. Что-жъ, и пошла! Человѣкъ онъ простой души, не шлифованный.

Лиза презрительно усмѣхнулась.

— Тоже хороши взгляды на любовь, на бракъ. Одну любилъ, на другой женился! Любить-то, вѣрно, не умѣетъ.

— Молода ты, не смыслишь ты еще ничего въ жизни!

— Не жизнь это, а сумбуръ,—отвѣтила Лиза.—Былъ онъ развратнымъ нахаломъ-мальчишкою, а теперь сдѣлался, вѣ-

роятно, скернымъ мужемъ и обвиняетъ во всемъ жену, въ гробъ еще ее вгонитъ...

Елена Степановна покачала укоризненно головой.

— И откуда у тебя эта злоба на человѣка явилась, который ничего въ сущности не сдѣлалъ тебѣ дурного? Ты вотъ оскорбила его отказомъ, ты его толкнула на несчастье, а послушала бы ты, какъ о тебѣ отзываются и Наталья Аѳанасьевна, и онъ самъ. «Хорошая, чистая она у васъ дѣвушка. Труженица». Только я отъ нихъ и слышала о тебѣ. Тѣни неудовольствія у нихъ противъ тебя нѣтъ, а ты вотъ...

— Мама, для чего вы мнѣ все это говорите?—неожиданно спросила Лиза болѣзненнымъ тономъ, точно кто-то терзалъ ее.

— А потому, что мнѣ горько видѣть, какъ ты несправедлива къ людямъ, которые насъ же выручаютъ.

— Да, двадцать пять рублей долгу ждать будутъ!

— А хоть бы и такъ, хоть бы и двадцать пять рублей. Двадцать-то пять рублей эти намъ передохнуть дадутъ. Нищіе мы, каждый рубль для насъ спасеніе. Да и въ будущемъ работу тоже Наталья Аѳанасьевна намъ дастъ. «У меня, говоритъ, всегда есть работа. Слава Богу, всѣхъ обшить надо». Работа-то для насъ тоже благодѣяніе. Не всякая намъ повѣритъ: не ученыя мы швеи, не магазинъ у насъ; коли дадутъ намъ работу, такъ это мы за благодѣяніе должны принимать. Люди такихъ-то швей опасаются: имъ работу дадутъ, а онѣ ее въ залогъ съ голоду снесутъ. Бывало это тоже не разъ. Очень просто!

Елена Степановна впала въ тотъ тонъ, который для Лизы былъ страшнѣе раздражительности и негодованія матери. Этотъ «тонъ нищихъ» положительно приводилъ въ отчаяніе Лизу, не мирившуюся съ тѣмъ, что они должны теперь считать даже и работу за благодѣяніе, и работодателей—за благодѣтелей.

— Я пойду укладывать кухонную посуду,—проговорила она, спѣша уйти отъ матери.

Войдя въ кухню, она присѣла на кровать брата и задумалась, смотря на царствовавшій здѣсь хаосъ: горшки, кочерги, щипцы, старые кофейники, чайники, утюги,—все это было сдвинуто въ кучу, приготовлено къ уборкѣ. На полу стоялъ ящикъ изъ-подъ свѣчей, въ который надо было укладывать кухонную посуду. Тутъ же лежало сѣно. Все было неприглядно, старо, плохо вычищено, такъ какъ у Лизы и Сергѣя не хватало еще умѣнья чистить кухонную посуду. На минуту, впервые въ жизни, въ головѣ молодой дѣвушки

мелькнула горькая мысль о томъ, точно ли хорошо она сдѣлала, что наотрѣзъ отказалась отъ предложенія Тарасова. Одно слово ея могло бы спасти всю семью отъ нищеты. Она этого слова не сказала, но развѣ она тогда знала, что будетъ съ ними черезъ какой-нибудь годъ или два? Отецъ и мать скрывали положеніе своихъ дѣлъ или, вѣрнѣе сказать, обманывались сами насчетъ этого положенія. Если бы она знала все, что ждетъ ихъ впереди, она, конечно, не отказалась бы тогда отъ предложенія Тарасова, принесла бы всякія жертвы. Она поймала себя на этой мысли и сердито сдвинула брови, вспомнивъ, какое негодованіе вызвалъ въ ея еще дѣтскомъ сердцѣ этотъ нахалъ своими циничными выходками, какъ долго заливалъ ея щеки яркій румянецъ при встрѣчѣ съ этимъ человѣкомъ, на котораго она положительно не могла смотрѣть безъ стыда и отвращенія. Онъ первый пробудилъ въ ея воображеніи грязныя мысли и оскорбилъ ея цѣломудріе. Торопливо поднявшись съ мѣста, она принялась укладывать въ ящики кое-какую кухонную посуду, стараясь заглушить въ себѣ всякія думы. Она такъ углубилась въ это занятіе, что даже не слыхала, какъ вошли въ переднюю братъ и почти слѣдомъ за нимъ отецъ.

— Я же тебѣ говорилъ, чтобы ты не возилась съ уборкой этого хлама,—окликнулъ Сергѣй.—Я сказалъ, что приду и уложу все.

Она вздрогнула и поднялась съ пола, на которомъ стояла на колѣняхъ.

— Безъ дѣла хуже,—отвѣтила она.

— Нѣтъ, нѣтъ, оставь, я это все уложу передъ сномъ,—настаивалъ Сергѣй, вырывая изъ ея рукъ кухонную посуду, и съ особымъ тревожнымъ видомъ спросилъ ее, указывая движеніемъ головы на прошедшаго въ комнату Аркадія Лукьяновича:—Что съ отцомъ? Ты видѣла его? на себя не похожъ. Точно пришибли его.

— Вѣрно, узналъ, что мѣста не дадутъ,—сообразила Лиза.—Вчера уже эта барыня, что сперва взялась хлопотать за него, сказала, что «по ея вѣдомству», какъ она говоритъ,—нельзя его опредѣлить, а по другимъ вѣдомствамъ хлопотать о немъ она не можетъ...

— Ну, это старая пѣсня, отказы-то,—замѣтилъ Сергѣй.—Одинъ анекдотъ и больше ничего, какъ онъ говоритъ. Къ этому онъ привыкъ. Нѣтъ, тутъ что-то другое случилось, похуже и посерьезнѣе...

Братъ и сестра вошли въ общую комнату, гдѣ семья

обыкновенно обѣдала и пила чай. Аркадій Лукьяновичъ ходилъ по комнатѣ изъ угла въ уголъ и смотрѣлъ какимъ-то смущеннымъ, жалкимъ.

— Что же, Кадя, узналъ что-нибудь у пріятеля-то своего?— разспрашивала его старуха-мать, поднявшись съ кровати.

Онъ очнулся отъ думъ и разсѣянно отвѣтилъ:

— Какъ же, какъ же, узналъ...

— Ну, что же?— продолжала допрашивать Елизавета Евлампіевна.

— Все старая исторія, все старая исторія,—отвѣтилъ онъ разсѣянно и потеръ лобъ рукою.

— Ничего, вѣрно, не выхлопотала эта барыня,—сообразила старушка и, качая головой, начала говорить нараспѣвъ:—Охъ, ужъ эти нынѣшнія хвостотрепки: егозятъ, егозятъ, наобѣщаютъ, насулятъ всего, и ничего не сдѣлаютъ. Нѣтъ, въ наше время не то было. Правда, и тогда черезъ женщинъ многое въ администраціи дѣлалось. Но зато какія женщины-то были? Старыя барыни, изъ аристократіи, изъ вельможъ величественныхъ, при дворѣ роль играли. А эта такъ себѣ, изъ дрянца какого-нибудь. вѣрно, случайно выщелкнулась, пристроилась при какомъ-нибудь чиновномъ человѣкѣ, за деньги дѣлишки обдѣлываетъ, чтобы пополнить то, чего онъ не додастъ. Теперь эти чиновныя-то особы изъ выскочекъ все норовятъ, какъ бы даже содержанку на казенный коштъ содержать, не изъ своего кармана ей платить. Оно, конечно, обоимъ выгода. Ну, зато ужъ такія-то безъ денегъ шагу не ступятъ. Вотъ и тебѣ она наболтала съ три короба, а ничего не сдѣлала безъ подачки. Смазка имъ нужна; онѣ тѣмъ и живутъ при своихъ чиновникахъ.

— Да, да, не по ея вѣдомству ищу мѣста,—проговорилъ Аркадій Лукьяновичъ.—«Жаль, говорила, изволите видѣть, вчера,—что вы актеромъ никогда не были... То же, если бы картину вашу пристроить надо было»... Точно вышучивала, точно на смѣхъ поднимала. А сперва такъ горячо приняласъ... Ей-Богу! Странная исторія, странная...

Онъ оборвалъ рѣчь, присѣлъ къ окну и сталъ барабанить пальцами по подоконнику, покачивая въ раздумьѣ головой. Что-то видимо тяготило его, какое-то новое горе ошеломило, и онъ, казалось, не могъ разобраться въ своихъ мысляхъ.

— Рожа, и та поперекъ дороги встала,—вдругъ произнесъ онъ съ горечью, не обращаясь ни къ кому.

Въ эту минуту вошла въ комнату Елена Степановна. Онъ обратился къ ней.

— Вотъ, Лена, лицо, изволишь видѣть, передѣлать надо,— заговорилъ онъ съ непривычной горечью и силясь улыбнуться.—Пятьдесятъ слишкомъ лѣтъ съ этой физіей проходилъ, а теперь богопротивной оказалась она, передѣлывай на другую. Ей-Богу! Покровитель этой барыни, что мѣсто мнѣ хотѣла достать по своему вѣдомству, отказался, изволишь видѣть, опредѣлить меня, объявилъ, что онъ никогда не взялъ бы къ себѣ на службу такого забулдыгу, какъ я, хоть бы я и могъ занять мѣсто по его вѣдомству. Для него, видишь ли, благообразіе прежде всего. Ну, а гдѣ же у меня благообразіе? На лицѣ, видишь ли, написано, что горькую пью. Это я-то! Ей-Богу! Вотъ такъ анекдотъ!

— Да ну ихъ, мерзавцевъ!—раздражительно воскликнула Елена Степановна, оскорбившаяся за своего Кадю.—Сами трескаютъ шампанское, такъ и въ другихъ пьяницъ видятъ. На улицахъ не валяются только потому, что у нихъ собственные экипажи есть. Личину-то съ нихъ боятся сорвать, а то увидали бы всѣ, что они грязнѣе грязи. Связываться-то не стоило съ этими людьми. Я тебѣ впередъ говорила.

— Вотъ свинья-то!—проворчалъ Сергѣй, тоже обозлившись за отца, и прошелъ въ кухню ставить самоваръ.

Онъ теперь былъ убѣжденъ, что отца ошеломилъ именно этотъ отзывъ о немъ. Да какъ же и не ошеломить: человѣкъ не пьетъ, а про него говорятъ, что его нельзя взять на мѣсто уже ради его физіономіи, говорящей, что онъ— забулдыга и пропойца. Это ли не обида? По мордѣ бы избить того, кто сказалъ это про отца! Наливъ самоваръ и наложивъ въ трубу горячихъ угольевъ, Сергѣй услыхалъ, что отецъ продолжаетъ что-то разсказывать, и сталъ прислушиваться.

— Да это мнѣ наплевать бы, что думаютъ обо мнѣ разные подлецы,—продолжалъ Аркадій Лукьяновичъ:—а мнѣніе-то ихъ не прошло даромъ и Богъ вѣсть, этотъ господинъ, что за забулдыгу меня счелъ, все-таки сталъ наводить обо мнѣ справки въ разныхъ мѣстахъ и добился-таки, что узналъ истину, благо связей да знакомствъ у него много. Фактъ! Сообщилъ ему, между прочими свѣдѣніями, кто-то изъ военныхъ, что я не только разорившійся и неумѣлый землевладѣлецъ, а не что иное, какъ мазурикъ, выгнанный изъ полка за растрату казенныхъ денегъ, или за какіе-то фальшивые векселя, или за какую-то грязную картежную продѣлку.

Точно онъ не могъ опредѣлить моего преступленія, но зналъ навѣрное, что меня попросили удалиться изъ полка.

— Это они тебя съ твоимъ покойнымъ братомъ Никитой смѣшали!—воскликнула Елена Степановна.—Старую исторію вспомнили. Имъ вѣдь все равно: виноватъ Никита—марай грязью Аркадія!

— Господи, и въ могилѣ-то не дадутъ покоя человѣку,— со вздохомъ сказала старушка Елизавета Евлампіевна.— Никитка былъ виноватъ, что говорить; такъ онъ и кару понесъ за это. Нечего теперь кости его тревожить. И не онъ виноватъ въ сущности. Самъ покойный Лукьянъ Аркадьевичъ,—не тѣмъ будь онъ, голубчикъ, помянутъ!— избаловалъ и его, и Лёню. Оба и сбились съ пути...

Аркадій Лукьяновичъ всталъ и заходилъ опять въ сильномъ волненіи по комнатѣ, проговоривъ тревожно:

— Въ томъ-то и бѣда, что это не старая исторія, а недавняя, и что этого выгнаннаго изъ полка негодяя, по справкамъ этихъ господъ, зовутъ не Никитой, а тоже Аркадіемъ. Фактъ!

Всѣ притихли. Сергѣй, оставивъ кухню, стоялъ молча въ дверяхъ. Всѣхъ точно пришибло тайное предчувствіе, что этотъ, выгнанный недавно изъ полка, Аркадій—не кто иной, какъ старшій сынъ Аркадія Лукьяновича. Среди тишины, какимъ-то чуть слышнымъ стономъ пронесся вопросъ, ни къ кому не обращенный, вырвавшійся изъ груди совершенно растерянной Елены Степановны:

— Господи, что же это будетъ?!

IV.

Первые лучи майскаго солнца заливали яркимъ свѣтомъ просторную, хотя и низенькую комнату, оклеенную довольно свѣтлыми дешевыми обоями, съ двумя окнами, выходившими на дворъ и почти касавшимися земли нижними краями. Въ комнатѣ, кромѣ нѣсколькихъ потертыхъ стульевъ и большого стола съ письменными принадлежностями, учебниками и тетрадями, стояли три желѣзныя кровати. На двухъ изъ нихъ спали сладкимъ утреннимъ сномъ двое мужчинъ, на третьей лежалъ юноша, успѣвшій уже давно проснуться и всматривавшійся задумчивыми карими глазами въ одного изъ спящихъ людей. Этотъ спящій лежалъ на спинѣ съ растрепавшимися курчавыми волосами, съ разгорѣвшимися щеками, съ открытыми ярко-красными губами, изъ-за которыхъ виднѣлись красивые бѣлые зубы. Онъ немного раз-

метался и изъ-подъ его сорочки виднѣлась широкая бѣлая грудь. Темныя брови дугою, длинныя рѣсницы, правильный носъ, легкій пушокъ надъ верхней губой и едва курчавившіяся около ушей баки,—все это дышало свѣжестью, молодостью, здоровьемъ. Онъ былъ очень красивъ. Около его кровати стоялъ стулъ, на которомъ лежали принадлежности офицерской формы. Это былъ только наканунѣ пріѣхавшій въ Петербургъ Аркадій Аркадьевичъ Волошиновъ. Разглядывавшій его теперь, лежа на кровати, Сергѣй любовался его полной силы фигурой и удивлялся въ то же время безмятежному спокойствію его лица. Смотря на выраженіе лица этого спящаго человѣка, трудно было представить весь тотъ переполохъ, всѣ тѣ тревоги, которыми ознаменовался его пріѣздъ къ родителямъ вчера. Онъ всѣмъ точно снѣгъ на голову упалъ. Въ головѣ Сергѣя мелькали теперь всѣ мельчайшія подробности вчерашняго дня,—горькая шутка отца: «на подножный кормъ собрался», рѣзкое замѣчаніе матери: «не голодалъ видно», и бойкіе отвѣты новопріѣзжаго: «довольно ногами служить, когда голова есть». Смѣлость и бойкость новопріѣзжаго настолько поразили всѣхъ, что никто не рѣшился даже заикнуться о томъ, выгнали ли его изъ полка, или онъ ушелъ по доброй волѣ, проворовался онъ, или задохнулся среди провинціальной армейской атмосферы; никто не узналъ даже того, на время ли онъ пріѣхалъ въ Петербургъ, или совсѣмъ, въ отставкѣ ли онъ, или только въ отпуску. Онъ же самъ шумно ораторствовалъ только о пустотѣ такой дѣятельности, какъ шагистика, о затхлости провинціальнаго общества, о потребностяхъ ума и сердца, о необходимости умственной жизни для молодого человѣка, о карьерѣ, про которую нельзя и думать въ провинціи, безъ связей, тогда какъ въ Петербургѣ легко достигнуть всего, когда могутъ помочь и князь Петя Зудовъ, и графъ Коля Чибисовъ, и баронъ Фрицъ Морензеймъ, однимъ словомъ, всѣ гимназическіе однокашники... И вдругъ среди этихъ воспоминаній, при взглядѣ на кровать, на которой спалъ Аркадій, Сергѣй безсознательно задалъ себѣ вопросъ:

— А на чемъ же спитъ сегодня Лиза?

Лишнихъ кроватей или диванова въ квартирѣ не имѣлось, и Лиза уступила брату свою кровать, которую и перенесли вчера вечеромъ сюда изъ кухни, гдѣ спали за ситцевой драпировкой женщины.

— Я какъ-нибудь устроюсь,—сказала Лиза.

Какъ-нибудь! Долго ли ей придется спать «какъ-нибудь»? Что думаетъ предпринять Аркадій? Что это вообще за человѣкъ? Сергѣй его почти не зналъ. Аркадій воспитывался въ военной гимназіи, потомъ въ военномъ училищѣ, затѣмъ служилъ въ провинціи. О немъ приходилось слышать только одно: «Аркадію нужны деньги», «Аркадій пишетъ, что на офицерское жалованье нельзя жить», «Аркадій надѣлалъ долговъ». Мысль о немъ преслѣдовала Елену Степановну, какъ кошмаръ, и чѣмъ плачевнѣе становилось положеніе семьи, тѣмъ чаще Елена Степановна восклицала въ отчаяніи: «А вотъ еще, спаси Господи, Аркадій пріѣдетъ: что тогда будетъ?» Перечитывая письма Аркадія, Сергѣй всегда представлялъ его себѣ весельчакомъ, легкомысленнымъ и безпечнымъ человѣкомъ. «Вѣроятно, онъ таковъ и есть»,—думалъ теперь юноша, смотря на старшаго брата и вспоминая, какъ вчера хохоталъ Аркадій, разсказывая анекдоты. «Пріѣхалъ въ семью, не справившись, можетъ ли она принять его, не извѣстилъ даже никого о своемъ намѣреніи пріѣхать; увидалъ, что семья живетъ тѣсно, въ подвалѣ, и все же остановился у нея въ квартирѣ». Сергѣй не замѣтилъ даже неудовольствія или смущенія на лицѣ брата, когда тотъ увидалъ, какъ живутъ его родные. Онъ болталъ такъ развязно и безпечно, точно кругомъ него всѣ были и счастливы, и довольны судьбою. «Вѣрно, шалопай онъ, а все же добрый малый»,—заключилъ Сергѣй.

Аркадій въ это время проснулся, сладко зѣвнулъ, потянулся и началъ слегка похлопывать себя ладонями по голой груди, едва слышно насвистывая что-то. Потомъ его заинтересовали его бѣлыя красивыя руки; онъ сталъ поглаживать ихъ, разглядывая отъ локтя до кисти, затѣмъ залюбовался своими ногтями, дѣйствительно ровными и выхоленными. Почти случайно онъ бросилъ взглядъ на Сергѣя, увидалъ, что тотъ не спитъ, и небрежно замѣтилъ:

— А ты, вѣрно, съ пѣтухами просыпаешься?

— Привыкъ рано вставать. По будиямъ рано въ гимназію надо уходить. Далеко! —отвѣтилъ Сергѣй.

— Да, васъ вѣдь мучатъ. Латынь, греческій языкъ, вся эта ненужная чепуха убиваетъ молодыя силы, сушитъ мозги. Не мудрено, что молодежь на первыхъ же порахъ дѣлается и худосочною, и болѣзненною. И на что нужны всѣ эти глупости? Я понимаю, въ католическихъ земляхъ, въ государствахъ, получившихъ наслѣдіе Рима; а у насъ-то?.. Мы славянство должны изучать, должны имъ проникнуться, а

не у нѣмцевъ въ хвостѣ идти. Непониманіе собственныхъ интересовъ и того, въ чемъ наша сила!

Онъ сбросилъ съ себя простыню и поднялся съ постели въ одной сорочкѣ. Пройдя къ столу, онъ взялъ портъ-табакъ, вынулъ листикъ папиросной бумаги и, положивъ въ него щепотку табаку, сталъ дѣлать «кручонку», уже довольно громко насвистывая «Стрѣлочка». Вставивъ папиросу въ мундштукъ и закуривъ ее, онъ сталъ прогуливаться по комнатѣ, похлопывая себя по голому тѣлу и задавая брату отрывистые вопросы:

— Что наша старушенція все еще благоговѣйно вспоминаетъ о своемъ Лукьянѣ Аркадьевичѣ и о событіяхъ изъ временъ царя Гороха? Деспотъ ея Лукьянъ Аркадьевичъ былъ и развратникъ. Тридцати пяти лѣтъ женился онъ на четырнадцатилѣтней дѣвочкѣ, изнасиловалъ ее и держалъ потомъ, какъ въ гаремѣ, немного лучше крѣпостныхъ любовницъ. Всѣ они, наши дѣды, таковы были: татары въ душѣ съ европейской полировкой снаружи. Пикнуть она передъ нимъ не смѣла. Двухъ старшихъ сыновей такъ и загубилъ онъ своимъ деспотизмомъ. А у нея, у жены-рабы, убита всякая воля, остановилось всякое развитіе; атрофія умственныхъ способностей явилась. Должно-быть, не весело вамъ слушать ея вѣчные гимны и пѣснопѣнія въ честь прошлаго. Недаромъ мать такой раздражительной стала.

Онъ на минуту остановился передъ Сергѣемъ.

— Сколько мнѣ помнится, прежде она была благоразумнѣе. Я вѣдь очень давно не видалъ всѣхъ васъ, многое забылъ и вообще былъ мало знакомъ съ господами родителями и родственниками. Но все же, помнится, она не была такой салопницей.

— Ты это о комъ спрашиваешь?—спросилъ Сергѣй.

— О мамахенъ. Она теперь привередничаетъ, шипитъ какъ-то, ехидныя словца вставляетъ. Прежде, кажется, этого не было. Человѣческій языкъ еще былъ въ ходу.

Сергѣя передернулъ отзывъ о матери.

— Жизнь не легка!—отвѣтилъ онъ.—Ты бы пожилъ на ея мѣстѣ!

— Кто-жъ виноватъ, что глупо все прожилось? Съ дворянской неумѣлостью и бѣлоручничествомъ далеко не уйдешь. Теперь ужъ рабовъ нѣтъ!

Онъ усмѣхнулся.

— Да и трагизмъ дѣлать изъ того, что въ шелкахъ нельзя ходить, тоже смѣшно. Мужики и того часто не имѣютъ,

что имѣемъ мы. Надо по одежкѣ протягивать ножки, умѣть приспособляться къ жизни, знать, что за насъ никто не станетъ мозгами ворочать.

Сергѣй услыхалъ, что въ кухнѣ зашевелились, и сталъ торопливо одѣваться. Проснулся и Аркадій Лукьяновичъ, немного удивившійся спросонья при видѣ своего старшаго сына.

— А вы богатырскимъ сномъ спите,—сказалъ Аркадій.— Мы тутъ уже съ полчаса философствуемъ съ Сергѣемъ pro domo sua.

— Что-жъ мнѣ и дѣлать, какъ не спать, если, изволишь видѣть, ни на что другое не признаютъ годнымъ,—отвѣтилъ Аркадій Лукьяновичъ.— Жаль вотъ, гимнастикѣ не учился, а то, можетъ-быть, въ клоуны въ циркъ взяли бы.

Аркадій засмѣялся.

— Да, да, я еще помню, вы прежде умѣли разныя штучки отмачивать и колѣнца откалывать. Потѣшали всѣхъ балагурствомъ.

Отецъ промолчалъ, но его если не задѣлъ за живое, то какъ будто опечалилъ развязный тонъ сына, вызванный его неосторожной фразой о себѣ. Сергѣй, поспѣшно прибирая постель, вдругъ необычайно рѣзко обратился къ брату:

— Однако ты, франтъ, не очень-то путешествуй нагишомъ: сейчасъ нужно будетъ отворить двери, а тамъ сестра, мать... У насъ не десять комнатъ...

И, не дожидаясь отвѣта, прибавилъ:

— Да прибери свою постель! У насъ слугъ нѣтъ.

— Я удивляюсь, что вы не возьмете какую-нибудь дѣвчонку: за рубль, за два въ мѣсяцъ она бы у васъ всю грязную работу дѣлала,— проговорилъ Аркадій. — Этихъ босоножекъ на всѣ руки вездѣ много шляется безъ пристанища.

— Рублей-то этихъ нѣтъ!—сказалъ Сергѣй.

— Глупости это. Выгадали бы ихъ на чемъ-нибудь другомъ.

Аркадій Аркадьевичъ одѣлся и, не постилая постели, кое-какъ задернулъ ее одѣяломъ. Сергѣй покосился на него, и въ его головѣ мелькнула злая мысль:

«Ужъ не думаешь ли ты, что я за тобой прибирать буду?»

Невольно его взглядъ окинулъ комнату: на полу около кровати Аркадія лежалъ раскрытый чемоданъ; на столѣ, гдѣ лежали книги Сергѣя и стояла чернильница, было насорено табакомъ и стояли окурки папиросъ, обожженныя

концами вверхъ; тутъ же валялись остатки «кручонокъ». Сергѣя это раздражало. Недоставало еще того, чтобы ихъ жилище, и безъ того неказистое, превратилось въ мусорную яму. Чистотой его дорожила вся семья. Отчасти это мирило ихъ съ «подваломъ», какъ называла свою квартиру Елена Степановна; отчасти являлось простою необходимостью, такъ какъ въ сору и грязи было неудобно шить и вышивать Еленѣ Степановнѣ и Лизѣ, у которыхъ теперь не переводилась работа, доставлявшаяся имъ Натальею Аѳанасьевною. Глядя на безпорядокъ въ комнатѣ, Сергѣй почувствовалъ, что у него съ братомъ прежде всего начнутся изъ-за этого ссоры. Онъ ужъ, разумѣется, не спуститъ брату и заставитъ его приноровляться къ порядкамъ дома.

Когда всѣ уже были умыты и одѣты, семья собралась въ кухнѣ за чайнымъ столомъ. Аркадій уже успѣлъ прифрантиться и въ своемъ военномъ мундирѣ смотрѣлъ бравымъ красавцемъ. Ходя изъ угла въ уголъ и прихлебывая чай изъ стакана, онъ сообщилъ, что намѣренъ сегодня осмотрѣть Петербургъ,—посмотрѣть Исаакіевскій соборъ, завернуть въ Эрмитажъ, побывать на Невскомъ и разыскать кое-кого изъ прежнихъ товарищей: князя Петю Зудова, графа Колю Чибисова, барона Фрица Морензейма. Да, въ провинціи ничего этого не увидишь, на свиней развѣ смотрѣть на улицѣ, ожидая того времени, когда самъ сдѣлаешься не человѣкомъ, а такимъ же грязнымъ хрюкающимъ животнымъ. Онъ говорилъ насмѣшливо и не безъ нѣкоторой пошловатой ѣдкости о провинціи.

— Дьяконъ у насъ въ Боровскѣ, и тотъ съ тоски допился до бѣлой горячки и сталъ жаловаться на преслѣдованіе со стороны соціалистовъ—«спеціалистами» онъ ихъ называетъ,—а почтмейстеръ въ мистицизмъ отъ одурѣнія впалъ и началъ философствовать: что лучше—рай или нирвана, блаженство или небытіе? Да что люди! Въ прошломъ году появился у насъ на улицахъ страдающій силиномъ боровъ, заставлявшій визжать барышень, когда онъ появлялся, громко сопя и ожесточенно тыча въ грязь носомъ на улицахъ. Что-жъ мудренаго, что нашъ мѣстный тузъ Сила Терентьевичъ Лавровъ въ умопомраченіи такіе дебоши и карамболи сталъ производить, что не то полицейскія мѣры надо было противъ него принимать, не то врачебную помощь призывать и въ сумасшедшій домъ его вести, для спасенія отъ него высѣченной имъ публично жены. Водка и карты, карты и водка, — вотъ въ чемъ

ищутъ забвенія всѣ въ нашихъ Богомъ забытыхъ, захолустьяхъ.

Его не прерывалъ никто; всѣ находились въ какомъ-то подавленномъ настроеніи. Это настроеніе сразу охватило всѣхъ, какъ только онъ пріѣхалъ, и все еще не могло разсѣяться. Съ чего? въ этомъ никто еще не могъ дать себѣ отчета. Наконецъ, онъ допилъ чай и собрался идти.

— Нѣтъ ли платяной щетки?—обратился онъ къ Сергѣю.— Почисти мнѣ сзади сюртукъ.

Сергѣй всталъ и сердито началъ чистить сюртукъ брата.

— Спасибо!—проговорилъ Аркадій и взялъ пальто.— Подержи. Мнѣ неудобно надѣвать его самому, погоны задѣваютъ. Глупѣйшая форма: навѣсили разныхъ цацъ, а про главное забыли—про потребности желудка—и вышло, что у каждаго изъ насъ на брюхѣ щелкъ, а въ брюхѣ—щелкъ.

Онъ надѣлъ пальто при помощи Сергѣя и, простившись со всѣми, вышелъ.

Сергѣй молча сѣлъ на свое мѣсто допивать чай. Въ его угловатыхъ движеніяхъ сказывалось раздраженіе.

— Ты не знаешь, надолго ли онъ пріѣхалъ?—спросила Елена Степановна у мужа.

— Хорошо, если не навсегда,—вмѣсто отвѣта сказалъ Аркадій Лукьяновичъ.

— Какъ навсегда, если намъ самимъ тѣсно тутъ?—рѣзко проговорила жена.—И не можетъ же Лиза валяться Богъ вѣсть какъ, на тычкѣ спать.

— Мнѣ, мама, довольно мѣста у васъ на постели,—замѣтила Лиза.—Я отлично спала эту ночь!

Елена Степановна видимо смутилась.

— Нельзя же намъ всегда на одной постели спать,— проговорила она и вдругъ тяжело вздохнула:—Ахъ, Господи, Господи!

Это былъ болѣзненный стонъ, какой-то безпомощный вопль о спасеніи. Не разъ уже слышала Лиза за послѣднее время такіе стоны матери. Ее поражали они, такъ какъ именно за послѣднее время причинъ для отчаянія было меньше, если не считать пріѣзда Аркадія. Работы въ это время было у семьи достаточно; Наталья Аоанасьевна давала то дѣлать мѣтки на бѣльѣ, то подрубать простыни и полотенца, то шить ночное бѣлье для Ивана Дмитріевича. «Кормитъ голодныхъ»,—говорила при полученіи новыхъ заказовъ Елена Степановна, и сама Лиза стала мало-помалу понимать, что Тарасова дѣйствительно «изобрѣтаетъ»

работы, чтобы только накормить ихъ семью. Съ чего же именно теперь стала такъ часто и болѣзненно стонать мать?

— Надо будетъ кровать сегодня же купить,—рѣшила Елена Степановна:—и матрацъ тоже. Ты сходи, Кадя.

— Мама, потѣснимся еще двѣ-три ночи!—сказала Лиза, знавшая, какъ тяжела матери выдача въ пять-шесть рублей, и удивившаяся, что она рѣшается на этотъ расходъ, тогда какъ обыкновенно держится теперь обѣими руками за каждый рубль при новой затратѣ.—Можетъ-быть, Аркадій не долго пробудетъ здѣсь. Вѣдь онъ, вѣрно, въ отпускъ пріѣхалъ.

— Нѣтъ, нѣтъ,—возразила мать.—Это неудобно. Мало ли что можетъ случиться. Ты сходи, Кадя, и купи... Да, вотъ бѣда-то, вотъ бѣда!

Потомъ она обратилась опять къ дочери.

— Ты сходи сегодня, Лизокъ, къ Натальѣ Аѳанасьевнѣ съ работой... Мнѣ не такъ-то здоровится сегодня... Не хотѣлось бы одѣваться...

Лиза встревожилась: ей было тяжело идти къ Тарасовой, у которой она не была еще ни разу, и въ то же время ее безпокоило нездоровье матери. Вообще она замѣчала, что мать смотритъ какъ-то странно въ послѣдніе дни: ходитъ въ кофтѣ, постоянно накидываетъ на себя большой платокъ и какъ-то избѣгаетъ глазъ Лизы, когда та пристально смотритъ на нее.

Къ полудню, кромѣ Елены Степановны и бабушки, всѣ Волошиновы разошлись въ разныя стороны: Аркадій Лукьяновичъ пошелъ покупать кровать и матрацъ, Сергѣй направился къ Любови Васильевнѣ, Лиза пошла къ Тарасовой. Нѣкоторое разстояніе Сергѣю и Лизѣ пришлось пройти вмѣстѣ. Онъ предложилъ:

— Не отнести ли мнѣ за тебя работу? Снесу, получу деньги—и конецъ. Тебѣ тяжело; пожалуй, еще увидишь этого нахала, да и сама Тарасова играетъ роль благодѣтельницы.

— Нѣтъ, я снесу, ничего; надо же когда-нибудь побывать и самой у нихъ. Мама что-то все больше сидитъ дома, одѣваться даже не можетъ, лифы жмутъ, все въ кофтѣ сидитъ. Что съ ней? Кажется, кашель пересталъ, легче ей...

Они поговорили съ безпокойствомъ о матери и у дома, гдѣ жила Любовь Васильевна, простились. Лиза сказала на прощанье, что она зайдетъ на минуту за братомъ на воз-

братномъ пути. Любовь Васильевна засыпала Сергѣя вопросами, какъ это всегда бывало, если они не видались два-три дня. Ее болѣе или менѣе интересовало все, касавшееся семьи Волошиновыхъ.

Братъ Аркадій пріѣхалъ. Точно снѣгъ на голову свалился и поразилъ насъ всѣхъ, сказалъ Сергѣй.

— Въ отпускъ? спросила Любовь Васильевна.

— Нѣтъ, кажется, навсегда; отставку, должно-быть, взялъ,—пояснилъ Сергѣй. Никто еще ничего не знаетъ: спросить всѣ боятся,—такъ поразилъ.

И онъ сталъ горячо передавать свое впечатлѣніе. Братъ—красавецъ: бойко и много говоритъ: тонъ такой, точно повелѣваетъ и требуетъ, чтобы всѣ повиновались безъ возраженій: разобраться трудно въ томъ, что онъ говоритъ, чего хочетъ, а фразы громки и трескучи; горя или горечи и слѣда нѣтъ,—смѣется, остритъ. Службу военную ругаетъ, провинцію тоже, толкуетъ о потребностяхъ умственной жизни, о болѣе широкой дѣятельности, о литературѣ и театрѣ.

— Теперь у сестры и матери еще лишній ротъ прибавится,—заключилъ онъ рѣзко.

— Но, можетъ-быть, онъ дѣйствительно отыщетъ какое-нибудь занятіе, проговорила Любовь Васильевна, стараясь вездѣ искать, прежде всего, хорошее.

— Ничего онъ не отыщетъ и искать не будетъ,—рѣшительно возразилъ Сергѣй. — Чувствую я одно, что намъ всѣмъ теперь будетъ еще тяжелѣе жить. Я, по крайней мѣрѣ, и ума не приложу, что будетъ дальше, что дѣлать.

Любовь Васильевна немного растерялась, не зная, что посовѣтовать юношѣ, какъ успокоить его. Прописныхъ истинъ у нея всегда былъ большой запасъ, практическихъ совѣтовъ не находилось никогда.

— Сначала, судя по его письмамъ, я думалъ, что онъ просто безпечный весельчакъ, добрый малый, пустельга армейская,—заговорилъ Сергѣй:—а теперь мнѣ кажется, что въ немъ бездушный эгоистъ сидитъ.

Онъ сталъ передавать подмѣченныя имъ мелочи, ничтожныя черточки, бросившіяся ему въ глаза.

— Сядетъ онъ на насъ и поѣдетъ,—рѣзко заключилъ Сергѣй.

— Ну, ты-то не дашь сѣсть на себя,—замѣтила шутливо Любовь Васильевна, у которой уже ныло сердце за семью Волошиновыхъ.—Тоже воевода!

Сергѣй смотрѣлъ, однако, хмуро, чувствуя, что и Любови Васильевнѣ какъ-то не шутилось; обычныхъ одобрительныхъ совѣтовъ у нея не находилось, да и что же можно было посовѣтовать, когда у голодныхъ явился еще одинъ лишній ротъ. Къ счастію, Любовь Васильевна была неспособна долго печалиться настоящимъ и дѣйствительнымъ, и быстро уносилась въ заоблачныя страны, созданныя ея воображеніемъ. Тамъ все было свѣтло и радостно.

Лиза, вернувшаяся отъ Тарасовой, застала брата въ невеселомъ настроеніи. Она же, напротивъ того, смотрѣла довольно бодро. Отъ ея разгорѣвшагося лица вѣяло молодымъ здоровьемъ.

— Ну, что, не случилось никакихъ непріятностей?— спросилъ братъ, здороваясь съ нею.

— Нѣтъ, нѣтъ; мама правду говорила, что Наталья Аѳанасьевна добродушная женщина, — отвѣтила Лиза.— Сразу обласкала, ободрила. Странное впечатлѣніе она производитъ: сытая, спокойная, мало подвижная, она смотритъ какой-то милостивой богиней.

Лиза засмѣялась.

— Она ужъ и тѣмъ похожа на богиню, что не старится: свѣжа, бѣла, румяна, а ей ужъ подъ шестьдесятъ.

— Еще бы стариться, когда горя нѣтъ,—вставилъ Сергѣй.—Живетъ въ свою утробу, ни до кого и дѣла нѣтъ.

— Ну, ты этого не говори,—возразила Лиза.—Она, можетъ-быть, и точно пальцемъ о палецъ не стукнетъ для спасенія человѣка, умирающаго съ голоду гдѣ-то на сторонѣ, за тысячу верстъ, а если передъ ней человѣкъ стоитъ—ей все хочется усадить его, чтобы онъ не усталъ; если онъ не ѣстъ—ей все кажется, что онъ голоденъ, и она угощаетъ его. Я воть принесла узелъ съ работой—ты видѣлъ, небольшой узелокъ былъ,—а она первымъ дѣломъ начала ужасаться, что я пѣшкомъ шла и тащила его по жарѣ, да вѣдь такъ искренно начала ужасаться, точно сама чувствовала боль отъ тяжелой ноши.

Лиза разсмѣялась и обратилась къ брату съ вопросомъ:

— А ты знаешь, кто она? Она вовсе не изъ купеческаго званія, а была выходной актрисой на русской сценѣ, изъ очень бѣдныхъ. Она мнѣ сейчасъ все разсказала о своемъ прошломъ, неторопливо, спокойно, просто, не рисуясь. «Я—говоритъ—сама испытала бѣдность. Матушка у меня тоже бѣдной швеей была, при театрѣ держали. Ахъ, ужъ эта швейная работа,—ослѣпнуть можно! Тоже

капризы: то не такъ, это не ладно! Бѣда! И мнѣ не сладко пришлось въ театрѣ, когда пристроили туда. Объ ученьѣ ужъ и не говорю, способностей ни на что не было, а пѣть и танцовать, и музыкѣ все же учили. Сколько за одни танцы били да слезъ заставили пролить. А на что нужны танцы, чтобы за нихъ тиранить? И хоть бы толкъ вышелъ, а то дальше выходной актрисы ни до чего не доучили. Трусость мнѣ во всемъ мѣшала. Бывало, роль дадутъ маленькую, а у меня сердце отъ страху въ груди колотится, ноги дрожатъ передъ выходомъ. Крестишься, молишься, прежде чѣмъ выйти. Большихъ мнѣ ролей такъ и не давали, отчасти по интригамъ, отчасти потому, что ужъ очень пуглива я была. Разъ отъ страха сказала вмѣсто: «слеза скатилась по щекѣ»—«щека скатилась по слезѣ». Весь театръ чуть ли не до истерики смѣялся. Оштрафовали. И то сказать, какъ тутъ не трусить: на дѣвушекъ вообще мужчины нахально смотрятъ, а на актрисъ еще болѣе. На выставкѣ актрисы: точно товаръ на прилавкѣ, ихъ выставляютъ. Какъ же тутъ не трусить. Нѣтъ, плохо вообще дѣвушкѣ жить на свѣтѣ, а въ актрисы и злѣйшей непріятельницѣ не совѣтовала бы идти. Совсѣмъ какъ на продажу выходишь. И сколько слезъ я пролила, когда мнѣ гусаромъ пришлось разъ выйти. И стыдъ передъ людьми, и грѣхъ передъ Богомъ. И для чего все это?»

Лиза опять улыбнулась.

— Смѣшная она. «За скромность, говоритъ, на мнѣ и женился мой покойный Терентій Николаевичъ и далъ мнѣ вздохнуть свободнѣе,—взялъ изъ театра, отъ грѣха этого. Люди бѣдствуютъ, люди спины не разгибаютъ, люди въ тюрьмахъ томятся, а тутъ это скоморошество. На что заведено? на одинъ срамъ и грѣхъ».

— Вотъ она какая!—проговорилъ задумчиво Сергѣй.

— Мелькомъ замѣтила мнѣ,—продолжала Лиза:—что она жалѣетъ, что я не вышла замужъ за Ивана Дмитріевича. «Конечно, молоды вы были, почти ребенокъ, не понравился онъ вамъ чѣмъ-то, ну, и отказали. Жаль, мамаша ваша тогда не подумала со мной повидаться; тоже и онъ все тайкомъ дѣлалъ. Я бы уговорила васъ, даромъ, что онъ не нравился вамъ. И что такое: нравится или не нравится? Это пустяки. Дѣвушкѣ стыдно даже понимать это. Каковъ ни будь мужчина, все равно, лишь бы былъ не извергъ рода человѣческаго. Добрый человѣкъ всегда понравится послѣ замужества. Дѣвушкой же оставаться весь вѣкъ—

бѣда сущая. Конечно, при богатствѣ можно, а бѣдной—петля на шеѣ. Что дѣвушка можетъ сдѣлать? Шить, вышивать, стряпать? Да развѣ этимъ можно жить? И тоже ни защиты, ни безопасности. Всего насмотрится, всего натерпится».

Лиза опять улыбнулась.

— Странная она, право! Она это говоритъ, а около нея приживалки смѣшныя такія, въ косичкахъ, въ буколькахъ на височкахъ, съ проборами на боку, одна даже шепелявитъ изъ кокетства, всѣ изъ старыхъ дѣвъ,—какъ только услыхали о беззащитности дѣвушекъ, сейчасъ же заговорили всѣ разомъ: «Ахъ, по улицѣ одной нельзя пройти, чтобы не пристали, и все съ озорствомъ! А чего можно насмотрѣться и наслушаться, живя по меблированнымъ комнатамъ,—самыхъ то-есть послѣднихъ скандаловъ! Да вотъ въ газетахъ недавно писали, какъ къ одной дѣвицѣ благороднаго поведенія ворвался пьяный господинъ и погубилъ ее, прежде чѣмъ она пискнуть успѣла». И всѣ онѣ—старыя дѣвы, некрасивыя, смѣшныя и всѣ говорятъ разомъ и боятся мужчинъ.

Лиза была видимо ободрена Тарасовой, а потому безпечно и весело шутила, представляя въ комическомъ видѣ всю обстановку Тарасовой. Любовь Васильевна и Сергѣй не могли удержаться отъ смѣха, когда Лиза разсказывала мелкія подробности о жизни въ этомъ домѣ. Отъ бездѣлья, сама Тарасова и ея старыя дѣвы-приживалки дрессируютъ кошекъ и собакъ, ходящихъ на заднихъ и на переднихъ лапахъ, кувыркающихся, носящихъ поноски. Всѣ эти штуки тотчасъ же продѣлываются передъ каждымъ новымъ гостемъ. Кормить въ домѣ стараются всѣхъ на убой и приходятъ въ ужасъ отъ разсказовъ и извѣстій о голодѣ въ какой-нибудь мѣстности или семьѣ. Вообще ужасъ вызывается каждымъ газетнымъ дневникомъ приключеній и вызываетъ наивныя восклицанія. «И зачѣмъ это сдѣлали желѣзныя дороги? Души только христіанскія губятъ!»—восклицала одна дѣва, услышавъ о человѣкѣ, раздавленномъ на полотнѣ желѣзной дорогѣ. «Господи, вѣдь этакъ и людей больше не будетъ, если вездѣ пойдетъ холера!»—ужасаются онѣ, прочитавъ о холерѣ гдѣ-то въ невѣдомой имъ Сиріи. «Да какъ же жить-то безъ ѣды, если всѣ продукты поддѣлываютъ?»—волнуются онѣ, узнавъ о поддѣлкѣ съѣстныхъ припасовъ. Вообще всѣ и все, что находится за предѣлами ихъ дома, возбуждаетъ ихъ страхъ и ужасъ, точно вся

жизнь—какой-то адъ, а земля кажется такой маленькой-маленькой—въ одну холеру вся опустѣть можетъ.

— Что-жъ, адъ, не адъ, а сумбуръ-то изрядный,—замѣтилъ Сергѣй съ серьезностью школьника, считающаго себя взрослымъ.—Вотъ посадить бы ихъ къ намъ, пусть бы разобрались въ этомъ сумбурѣ. Одинъ пріѣздъ братца чего стоитъ!

Лиза вдругъ сдѣлалась серьезной и озабоченной.

— Да, слышали вы объ этомъ горѣ?—обратилась она къ Любови Васильевнѣ. Я рѣшительно не знаю, что мы станемъ дѣлать, если онъ останется жить у насъ.

— Не останется!—безъ всякаго основанія успокоила Любовь Васильевна и начала разсуждать:—Нельзя же думать, чтобы человѣкъ его лѣтъ не понялъ, что вамъ и безъ него тяжело. Онъ же долженъ понимать вещи. Да и ему самому неудобно будетъ у васъ. Франтъ онъ, какъ говоритъ Сережа.

Лиза пожала плечами.

— Я боюсь, что онъ ничего не пойметъ!

Сестра и братъ пошли домой. Лиза попробовала дорогой снова настроиться на веселый тонъ, говоря о Тарасовой, но веселое настроеніе уже исчезало.

— А она очень хвалила его, вдругъ сказала она, видимо договоривъ вслухъ бродившія въ головѣ мысли.

— Ты это про кого?—спросилъ братъ, продолжая думать объ Аркадіи.

— Про Ивана Дмитріевича. Его хвалила Наталья Ѳанасьевна,—пояснила Лиза.

— Это нахала-то этого?—воскликнулъ братъ.

— Она не знаетъ, почему я отказала ему,—сказала сестра.—Думаетъ, что онъ лицомъ мнѣ не понравился. «Съ лица, говоритъ, не воду пить. А онъ, говоритъ, человѣкъ такой, что жены не обидитъ. Истинно теленокъ».

— Ужъ ты не жалѣешь ли, что не вышла за него замужъ?

— Ну, вотъ еще! Мнѣ только горько, что бѣдность эта...

Она вздохнула.

— Была бы замужемъ за нимъ, конечно, не нуждались бы...

Они дошли до дома. Мать уже ждала ихъ къ обѣду. Аркадій Аркадьевичъ вернулся съ прогулки и ораторствовалъ объ Исаакіи, Невскомъ, Пассажѣ. Это не свиные хлѣва провинціи. Здѣсь памятники искусства, великія созданія

генія, плоды цивилизаціи. Всѣ слушали его молча, понуро, точно что-то опять пригнетало всѣхъ.

— Князя Петра Зудова встрѣтилъ,—мелькомъ сообщилъ Аркадій небрежнымъ тономъ.—Ужасно обрадовался. Надо будетъ завернуть къ нему, вспомнить старину. Вмѣстѣ вѣдь на школьной скамьѣ сидѣли.

Бабушка тотчасъ же вмѣшалась въ разговоръ, услышавъ фамилію князя Зудова.

— Это ужъ не изъ нашихъ ли князей Зудовыхъ, что въ Хутынскѣ жили, когда покойный...

— Тѣ, бабушка, давно померли!—почти выкрикнулъ Аркадій.

— Ой, батюшка, какъ ты кричишь!—обидѣлась Елизавета Евлампіевна.—Не такъ же я глуха, чтобъ кричать. И почему ты знаешь, что они всѣ умерли?

— Потому что имъ было давно пора умирать,—такъ же громко сказалъ Аркадій.—Имъ теперь было бы по полутораста лѣтъ съ небольшимъ.

— И вовсе неправда, вовсе неправда!—запротестовала бабушка.—Князь Викторъ Ивановичъ Зудовъ...

— Можно вставать?—обратился Аркадій къ матери, не обращая вниманія на бабку.—Больше ничего не будетъ?

— У насъ не изъ-за чего десять блюдъ готовить,—не безъ ѣдкости отвѣтила мать.

— Да я и не прошу столько, — равнодушно отвѣтилъ Аркадій и всталъ изъ-за стола.

Обѣдъ кончился. Всѣ поднялись съ мѣстъ. Старуха-бабушка направилась къ своему креслу у окна, ворча вполголоса о томъ, что князь Викторъ Ивановичъ Зудовъ былъ ровесникомъ ей, а вовсе не такимъ старикомъ, чтобъ ему было теперь сто пятьдесятъ лѣтъ И съ чего это Аркадій выдумалъ?

Сергѣй поспѣшно прошелъ изъ кухни въ комнату и припялся за чтеніе книги, сѣвъ къ своему столу. Аркадій тоже вошелъ въ комнату, походилъ по ней, куря папиросу, потомъ сѣлъ на кровать, снявъ сюртукъ, и сталъ стаскивать щегольскіе узенькіе сапоги. Они не слѣзали съ ногъ.

— Сережа,—окликнулъ онъ брата.—Помоги стащить эти проклятые сапоги. Жмутъ, канальи, точно кандалы.

Сергѣй обернулся къ нему съ хмурымъ выраженіемъ на лицѣ.

— Ты что же это сапогъ самъ снять не умѣешь?—спросилъ онъ.

— Да эти вонъ и высоки, и узки, всегда денщика приходилось звать.

— Ну, здѣсь денщиковъ нѣтъ. Надо самому приучаться.

— Пожалуйста, безъ наставленій! — прикрикнулъ Аркадій. — Трудно тебѣ, что ли? Или: какъ это можно благородному юношѣ съ брата сапоги снимать? Видно, нужда-то еще спеси не сшибла?

— Не тебѣ объ этомъ говорить! — рѣзко оборвалъ его Сергѣй.

— А я думаю, что именно мнѣ-то и нужно учить тебя,— сильнѣе прикрикнулъ Аркадій. — Не драли, видно, давно; Ты еще мальчишка и жизни не знаешь. Со спесью далеко не уйдешь.

Въ эту минуту вошелъ Аркадій Лукьяновичъ и, увидавъ старшаго сына сидящимъ на постели и силящимся снять одною ногою сапогъ съ другой, спросилъ:

— Ты это что?

— Сапога не могу стащить.

Аркадій Лукьяновичъ подошелъ къ нему, наклонился, взялся за сапогъ и снялъ его съ ноги сына, потомъ проговорилъ:

— Давай другую ногу! Да упрись въ мою!

И снялъ другой сапогъ съ ноги Аркадія.

Лицо Сергѣя залилось румянцемъ. Въ его головѣ разомъ поднялись сотни вопросовъ. Что же это будетъ? Слугами придется всѣмъ быть у братца? Какъ поступать? Переругиваться? Заставлять отца играть роль денщика? Или, какъ говоритъ Любовь Васильевна, примиряться съ мелкими недостатками ближнихъ и услуживать брату для избѣжанія ссоръ? А онъ будетъ платить имъ тѣмъ же или сядетъ на нихъ и поѣдетъ верхомъ, благо они не сопротивляются?

V.

Лѣто было въ полномъ разгарѣ и на дворѣ стояли тѣ дни, когда человѣка, особенно въ многолюдныхъ, сильно застроенныхъ столицахъ, невольно тянетъ изъ душныхъ комнатъ на свѣжій воздухъ, куда-нибудь за городъ, гдѣ больше простора, больше зелени. Въ эти дни Сергѣй,—уже, по обыкновенію, прекрасно сдавши переходные экзамены и свободный на лѣто отъ гимназическихъ занятій, — сталъ почти ежедневно уходить изъ дому рано по утрамъ, когда всѣ еще спали въ квартирѣ Волошиновыхъ. Чтобы не будить домашнихъ путешествіемъ черезъ кухню и отмыканіемъ входной

двери, онъ пускался на свои утреннія прогулки просто черезъ окно, вооружившись удочкой и всякими принадлежностями рыбной ловли. Цѣлые часы проводилъ онъ внѣ дома, ловя рыбу, съ какого-нибудь плота, или съ барки въ пустынныхъ уголкахъ около Петровскаго и Крестовскаго острововъ, и тутъ же купаясь на вольномъ воздухѣ. Его привлекало не самое уженье рыбы, не ея количество, не купанье въ холодной невской водѣ, а возможность побыть одному, отдаться вполнѣ своимъ думамъ о томъ, какъ быть, что дѣлать дальше. Онъ уходилъ на уженье рыбы въ трудныя минуты жизни, какъ прежде уходилъ въ такія же минуты къ Любови Васильевнѣ—отвести душу за чтеніемъ, за спорами, за обмѣномъ мыслей, или въ часовню Спасителя, гдѣ всегда одинаково успокаивающимъ образомъ дѣйствовали на него слова евангелія и видъ скромной дворцовой комнаты великаго царя. Теперь трудныхъ минутъ у него было уже слишкомъ много; казалось даже, что вся его семейная жизнь превратилась въ сплошныя трудныя минуты и уже ни у Любови Васильевны, ни въ домикѣ Петра не находилъ юноша успокоенія и отдыха. Жизнь становилась сложной и нестерпимой; разные возникавшіе въ головѣ вопросы не разрѣшались такъ просто, какъ прежде, такъ какъ давила уже не одна нищета, а начиналъ чувствоваться какой-то разъѣдавшій семью разладъ, какія-то неясности въ отношеніяхъ членовъ семьи, точно всѣ что-то скрывали другъ отъ друга. Страстный и увлекающійся по натурѣ, Сергѣй съ неопытностью недальновиднаго юноши все дурное въ семьѣ приписывалъ теперь Аркадію Аркадьевичу. Этотъ красавецъ-мужчина, этотъ праздный краснобай, этотъ нарядный бѣлоручка сдѣлался у него бѣльмомъ на глазу. Сергѣя, подавленнаго съ дѣтства все ухудшавшимся матеріальнымъ положеніемъ семьи и почти не знавшаго дѣтскаго веселья, бѣсилъ даже безпечный смѣхъ Аркадія Аркадьевича, любившаго беззаботно балагурить и смѣяться, и отличавшагося завидною способностью быть веселымъ и добродушнымъ черезъ какія-нибудь пять минутъ послѣ того, какъ онъ всласть накричался за что-нибудь на младшаго брата, что случалось нерѣдко и разстраивало Сергѣя на цѣлые дни. Аркадій былъ просто нестерпимъ для Сергѣя. Онъ мѣшалъ Сергѣю читать, начиная ораторствовать, когда тотъ брался за книгу; онъ вынуждалъ Сергѣя убирать за нимъ въ комнатѣ, такъ какъ по его милости всюду разбросаны были окурки, вездѣ валялось грязное бѣлье, постоянно лежало неприбранное платье; изъ-за него

нерѣдко не во-время обѣдали и просыпались ночью отъ сладкаго сна, такъ какъ онъ изволилъ возвращаться съ загородныхъ гуляній въ часъ и два ночи; со времени его пріѣзда, Сергѣй сталъ ощущать непріятное чувство необходимости перебранокъ, мелочной войны изъ-за всякихъ пустяковъ. Окрики: «болванъ», «оболтусъ», «дуракъ» то и дѣло летѣли по его адресу и, когда онъ нахмурился на цѣлый день, братъ съ пренебреженіемъ и смѣхомъ замѣчалъ: «нашъ Федулъ опять губы надулъ». Самъ Аркадій Аркадьевичъ, какъ говорилъ онъ о себѣ, не былъ ни злопамятнымъ, ни мстительнымъ, имѣлъ отходчивое сердце, и могъ, какъ ни въ чемъ не бывало, выругавъ человѣка, тотчасъ же шутить съ нимъ. Сотни неуловимыхъ мелочей дѣлали все болѣе и болѣе страстной ненависть Сергѣя къ Аркадію, и потому Сергѣй сталъ уже приписывать всѣ бѣды исключительно брату. Бѣдъ же было не мало и болѣе всего тревожили Сергѣя два обстоятельства—положеніе матери и сестры. Елена Степановна за послѣднее время стала неузнаваема; желчность и раздражительность теперь стали проявляться рѣже и замѣнялись то какой-то растерянностью, то тупой апатіей, то горькими слезами; она казалась человѣкомъ, на котораго нежданно-негаданно обрушилась бѣда, и потеряла способность понимать, какъ быть, что дѣлать. Сергѣй былъ убѣжденъ, что эта бѣда есть не что иное, какъ появленіе въ домѣ брата Аркадія. И точно, развѣ это не бѣда? Мало того, что въ домѣ прибавился лишній ротъ, — мать должно мучить поведеніе Аркадія: вышелъ онъ въ отставку или числится на службѣ? Имѣетъ онъ право носить мундиръ или нѣтъ? На какія средства онъ одѣвается, ѣздитъ по увеселительнымъ заведеніямъ? Гдѣ онъ пропадаетъ иногда по ночамъ? Какъ онъ, живущій на счетъ голодной семьи, можетъ заводить знакомства съ богачами, о которыхъ то и дѣло говоритъ дома? Развѣ всѣ эти вопросы могутъ не безпокоить, не убивать мать? Больнѣе всего было для Сергѣя то, что мать какъ будто немного боялась Аркадія и отчасти признавала въ немъ умнаго и способнаго человѣка. Они вотъ изъ богатыхъ людей въ нищихъ превратились, а Аркадій еще сдѣлаетъ себѣ карьеру, не сгніетъ въ подвалѣ. Порой казалось, что она даже немного гордится своимъ старшимъ сыномъ, когда онъ начиналъ говорить небрежно и свысока о высокопоставленныхъ лицахъ, съ твердой увѣренностью, что и онъ дойдетъ до степеней извѣстныхъ, такъ какъ не боги же горшки обжигаютъ. И въ сестрѣ, конечно, подъ

вліяніемъ того же обстоятельства, то-есть пріѣзда брата, происходитъ ощутительная перемѣна, какъ замѣчалъ Сергѣй. Лиза волей-неволей все чаще и чаще посѣщаетъ теперь Тарасову, такъ какъ прихварывающая мать почти не выходитъ изъ дому. Тарасова теперь является если не единственной, то во всякомъ случаѣ главной поддержкой ихъ семьи, давая имъ работу, и Лиза все больше и больше чувствуетъ благодарность къ ней, видя въ Тарасовой уже не работодательницу, а благодѣтельницу. Раза два-три у Лизы вырвалось даже сожалѣніе о томъ, что она ради «ребяческихъ глупостей» отказала Тарасову. Сергѣй страшно разсердился на нее за это и сталъ стыдить за эти сожалѣнія, но, несмотря на его рѣзкія слова, Лиза коротко и грустно замѣтила, что онъ еще мальчикъ и ничего не понимаетъ, что есть обстоятельства, когда на все пойдешь ради близкихъ. Его поразилъ горькій тонъ, какимъ сказала это Лиза, и онъ понялъ, что и Лизу подавило ихъ теперешнее положеніе, вызванное пріѣздомъ брата Аркадія. Онъ даже замѣтилъ ей не безъ злобы, что жалѣть ей нечего о потерѣ богатаго жениха, такъ какъ, въ сущности,—что ни дѣлай,—въ ихъ семьѣ лучше не будетъ, потому что братецъ «Аркадій Аркадьевичъ все слопаетъ». Сергѣй пояснилъ, что самого его, Сергѣя, не веселятъ теперь даже его заработки на урокахъ: приноситъ онъ заработанныя деньги въ домъ и знаетъ, что частью этихъ денегъ поживится братецъ-лежебока, котораго стоило бы не кормить, а въ шею вытолкать на улицу; мало того, что онъ ѣстъ и пьетъ на счетъ семьи, онъ еще осмѣливается «перехватывать» у матери деньги на свои поѣздки въ увеселительныя заведенія, коротко замѣчая при этомъ, что ему нужны связи съ вліятельными людьми, а потому сидѣть сиднемъ дома не приходится. Чѣмъ болѣе росла и крѣпла въ душѣ Сергѣя ненависть къ брату, тѣмъ глубже и горячѣе дѣлалась его привязанность къ матери и сестрѣ, страдавшимъ изъ-за брата. Даже къ отцу онъ началъ относиться нѣсколько теплѣе, видя, что отецъ становится все серьезнѣе, все рѣже шутитъ и подсмѣивается. Но понялъ онъ, что творится въ душѣ отца, не сразу, чисто случайно.

Однажды, поднявшись на зарѣ для обычной прогулки, Сергѣй удивился, увидавъ, что отецъ тоже успѣлъ не только проснуться, но и уйти изъ комнаты. «Куда это онъ вышелъ ни свѣтъ, ни заря?» — подумалъ Сергѣй, уходя изъ дому. Онъ, по обыкновенію, пошелъ удить рыбу и купаться. Но

даже и свѣжій утренній воздухъ, и любимый его уголокъ между Петровскимъ и Крестовскимъ островами, — откуда виднѣлась гладь залитаго солнцемъ, блестящаго, какъ полированное серебро, взморья,—не произвели на него успокаивающаго впечатлѣнія. Мысль объ отцѣ тревожила его. Куда ушелъ отецъ? Почему онъ такъ рано поднялся? Что вообще дѣлается съ нимъ за послѣднее время? Для чего это старикъ такъ услуживаетъ Аркадію? Снимаетъ съ того сапоги,— чиститъ ему эти сапоги. Вздумалъ даже разъ вычистить сапоги и ему, Сергѣю. Это послѣднее обстоятельство заставило юношу взволноваться. Онъ ясно припомнилъ происшедшую тогда сцену: увидавъ, что отецъ чиститъ его сапоги, онъ съ невольной рѣзкостью вырвалъ ихъ изъ рукъ отца и проговорилъ:

— Что это ты вздумалъ? Рукъ у меня, что ли, нѣтъ?

— Онѣ и у меня есть,—отвѣтилъ добродушно отецъ, видимо смущенный рѣзкостью сына.

— Я, кажется, не просилъ, чтобы за мной прибирали и чистили, — проговорилъ Сергѣй. — Пусть другіе пользуются твоими услугами, если стыда нѣтъ. А я вовсе этого не желаю.

Онъ, тяжело переводя духъ, сталъ самъ отчищать свои сапоги.

— А онъ у васъ съ душкомъ!—вдругъ послышался насмѣшливый голосъ Аркадія. — Сапогъ не дастъ вычистить, а нагрубитъ за двоихъ.

Сергѣя точно водой облило это замѣчаніе. Онъ даже не могъ ничего отвѣтить брату, чувствуя, что онъ точно былъ крайне грубъ съ отцомъ.

Вспомнивъ случайно эту сцену теперь, онъ съ горечью подумалъ о томъ, что былъ всегда грубъ и рѣзокъ съ отцомъ, а въ этотъ разъ даже не могъ оправдать своего поведенія. Отецъ добродушно желалъ услужить ему, а онъ нагрубилъ отцу. Онъ не на отца и разсердился тогда, а на брата, который позволялъ отцу чистить его сапоги; но вышло такъ, что, сердясь на брата, онъ въ сущности огорчилъ отца за его желаніе услужить. И теперь, сожалѣя о своей выходкѣ, онъ мысленно упрекалъ все-таки отца: зачѣмъ онъ лакействуетъ, и передъ кѣмъ же? Передъ своимъ сыномъ, передъ лежебокомъ! И теперь этотъ сынокъ уже командуетъ отцомъ, смотритъ на послѣдняго, какъ на денщика, къ чорту посылаетъ всѣхъ, если у него не вычищено платье:

— Мнѣ такъ въ люди нельзя показаться! мнѣ связи

нужны! Мнѣ по-свинѣски ходить нельзя. Будешь свиньею смотрѣть—никакого мѣста не получишь, ничего не добьешься. Кажется, по себѣ вы это должны бы знать! Куда вотъ вы сунетесь въ своихъ лохмотьяхъ? Я не намѣренъ, какъ другіе, хлѣвомъ свинымъ довольствоваться. Если мое все прожито другими, то мнѣ самому надо добыть хлѣбъ!

Сколько разъ уже слышалъ эти окрики Сергѣй и видѣлъ, какъ терялся отъ нихъ отецъ, не пытавшійся даже оправдываться или прикрикнуть на сына.

Сергѣй поднялся съ мѣста, сложилъ удочки, потомъ раздѣлся и бросился въ воду. Холодная вода немного освѣжила его и успокоила. Одѣвшись снова, онъ направился домой. Проходя по двору къ своей квартирѣ, онъ услыхалъ легкое насвистываніе какого-то грустнаго мотива и бросанье досокъ въ ихъ сараѣ. Онъ направился къ полуоткрытымъ дверямъ сарая и увидалъ тамъ отца. Аркадій Лукьяновичъ, въ одной рубашкѣ и панталонахъ, разбирался среди набросанныхъ въ безпорядочную груду обрѣзковъ досокъ и полѣньевъ, сортируя ихъ, сбрасывая и складывая въ болѣе правильномъ порядкѣ, у стѣны сарая. И куски досокъ, и полѣнья были мокры; изъ нѣкоторыхъ торчали гвозди, и Волошиновъ, замѣтивъ ихъ, брался за клещи и молотокъ, чтобы вытащить эти гвозди, которые выправлялись и складывались имъ въ отдѣльную кучку. Съ его лба катились струйки пота.

— Ты это что, отецъ, дѣлаешь?—спросилъ Сергѣй.

— Да вотъ, изволишь видѣть, часть провизіи заготовлена, такъ надо въ порядокъ ее привести, чтобы очистить мѣсто,—отвѣтилъ Аркадій Лукьяновичъ, обернувшись къ сыну раскраснѣвшимся и вспотѣвшимъ лицомъ. — Зима-то, братъ, скоро придетъ, а холодъ не свой братъ.

— Купилъ дровъ?—спросилъ Сергѣй.

— Набралъ,—отвѣтилъ отецъ:—продолжая вытаскивать изъ досокъ гвозди.

— Набралъ?—переспросилъ съ удивленіемъ Сергѣй.

— Да, понемногу-понемногу, а, видишь, сколько набралось: въ одну кучу ужъ и валить нельзя. До зимы, Богъ дастъ, весь сарай заполню. Ей-Богу!

Сергѣя охватило странное ощущеніе: его опять поразила въ отцѣ простота отношенія къ дѣлу, которая поразила его и тогда, когда отецъ впервые снялъ при немъ съ Аркадія сапоги.

— Ты когда же это успѣлъ?—началъ онъ тихо и нерѣшительно.

— Да вотъ, изволишь видѣть, по утрамъ: ты рыбу ловишь, а я полѣнья да чурки разныя собираю; въ хозяйствѣ все пригодится, сгоритъ,—отвѣтилъ Аркадій Лукьяновичъ.—Тутъ съ солдатикомъ однимъ я сдружился; лодка у него есть; изъ-за нея самой, доложу тебѣ, и сдружились: вмѣстѣ и удимъ полѣшки. Славный старикъ. Про николаевскія времена все бесѣдуетъ. Прелюбопытно. Ей-Богу!

И добродушное его лицо вдругъ озарилось улыбкой. Казалось, онъ былъ радъ возможности мирно побесѣдовать съ сыномъ. Давно уже дома у него какъ-то не клеились разговоры съ семьей.

— Вотъ зимой-то ты и увидишь, что въ теплѣ будетъ удобнѣе тебѣ изучать твоихъ римлянъ и грековъ,—безхитростно пошутилъ онъ.

Лицо Сергѣя вдругъ залилось румянцемъ, точно его задѣли за живое. Съ его языка невольно сорвалось рѣзкое замѣчаніе:

— Не ради же одного меня ты это дѣлаешь!

Отецъ поднялъ голову и съ удивленіемъ взглянулъ на него, заслышавъ снова рѣзкія ноты въ его голосѣ.

— Разумѣется, тепло всѣмъ нужно... не одному тебѣ, — отвѣтилъ онъ и снова принялся за работу.

Сергѣй уже каялся въ душѣ за сорвавшійся у него съ языка грубый вопросъ, вызванный добродушною шуткой отца.

— Отчего же ты мнѣ раньше не сказалъ, что ловишь дрова,—началъ онъ рѣшительно.—Я бы помогъ тебѣ...

— Тутъ и помогать-то нечего, дѣло не трудное,—отвѣтилъ отецъ.—Ты рыбу удишь, изволишь видѣть, а я дрова ловлю...

— У тебя все не трудное дѣло! Сапоги съ ногъ сыновей стаскиваешь, чистишь имъ обувь, комнату убираешь; скоро станешь выносить послѣ нихъ...

Сергѣй замолчалъ, не кончивъ фразы и со стыдомъ вспомнивъ, что отецъ и теперь уже исполняетъ самыя послѣднія услуги ради Аркадія. Аркадій Лукьяновичъ опять поднялъ голову отъ досокъ, изъ которыхъ вытаскивалъ клещами гвозди.

— Ишь ты математикъ какой, — съ горькой усмѣшкой проговорилъ онъ: — все сосчиталъ, ничего не пропустилъ безъ вниманія. Ей-Богу! Съ тобой этакъ страшно, какъ разъ у тебя въ долгу останешься... Аркадій вотъ, изволишь видѣть, давно высчиталъ все, что я ему задолжалъ...

Сергѣй что-то хотѣлъ сказать, но Аркадій Лукьяновичъ перебилъ его непривычно-серьезнымъ и горькимъ тономъ:

— Ну, ну, не кипятись! Не попрекаю я тебя. Ей-Богу. Я только знаю, что ты въ разговорѣ каждое лыко въ строку ставишь и шутокъ не любишь... Что-жъ ты, изволишь видѣть, ученымъ хочешь быть, серьезнымъ человѣкомъ хочешь сдѣлаться, въ профессора мѣтишь; заниматься тебѣ не легко, такъ оно и точно, что тебѣ не до шутокъ... потому того... дѣло твое серьезное... А я и учился мало, и въ провинціи заржавѣлъ, и характеръ тоже дурацкій, все кажется, что какъ пошутишь, такъ будто и легче; иногда, доложу тебѣ, и самъ не радъ, что̀ глупость съ языка сорвется, такъ что матери грозу отводить приходится, между нами становиться...

Онъ опять наклонилъ голову къ работѣ и уже совсѣмъ грустно добавилъ:

— Только мать-то беречь теперь надо: нездорова она, вредно ей тревожиться изъ-за насъ.

Сергѣй стоялъ, какъ пришибленный. Никогда до этой минуты онъ даже и не подозрѣвалъ, что происходитъ въ душѣ отца; никогда онъ не думалъ, что отецъ замѣчалъ рѣзкія выходки, вызванныя его шутками и прекращавшіяся вмѣшательствомъ матери или сестры.

— Ты, отецъ, извини меня,—началъ онъ искреннимъ тономъ.

— За что?—спросилъ Аркадій Лукьяновичъ и засмѣялся.—За то, что кипятишься-то? Что-жъ, съ характеромъ ничего не подѣлаешь, изволишь видѣть, да и жизнь-то не сладка. Это фактъ! Вонъ недаромъ, доложу тебѣ, Аркадій говоритъ, что мы васъ ограбили и разорили.

— Подлецъ онъ!—горячо воскликнулъ Сергѣй.

— Что-жъ, онъ правъ отчасти; и мать, и я сознаемся, что не умѣли сберечь для васъ послѣднихъ крохъ; чужое добро,—дѣтское добро растратили; это наша вина,—спокойнымъ тономъ сказалъ Аркадій Лукьяновичъ, точно это вовсе и не касалось его.—И онъ, и Лиза, и ты въ правѣ упрекать насъ за это, да, вѣрно, и упрекали не разъ въ душѣ... Какъ не упрекать!.. Тоже люди!.. Хоть, можетъ-быть, изволишь ли видѣть, мы и не совсѣмъ виноваты: воспитали насъ самихъ такъ, что не умѣли мы ничего, то-есть, сберечь... не умѣли, значитъ, ни за что приняться... за торговлю, либо... Ну, да, видно, дрова вотъ только ловить способны...

По его лицу скользнула горькая усмѣшка.

— Вотъ тебѣ бы разсказать про мои мытарства въ по-

искахъ за мѣстомъ, такъ ты ужаснулся бы. Ей-Богу! Въ одномъ мѣстѣ не принимаютъ, потому—что же умѣетъ дѣлать отставной офицеръ? Въ другомъ косятся, потому что со своимъ хозяйствомъ не управился, значитъ, изволишь видѣть, съ чужимъ и подавно не сладитъ. Въ третьемъ, физія не нравится, такъ какъ по виду ужъ легко замѣтить пропойцу. Въ четвертомъ, дворянина боятся взять въ какіе-нибудь смазчики колесъ или въ десятники при постройкѣ, потому что, изволишь видѣть, ему нельзя зуботычину дать и крѣпкимъ словцомъ его выругать. Одинъ подрядчикъ изъ мужиковъ такъ и сказалъ мнѣ прямо: «Нѣтъ ужъ, ваше благородіе, ты ступай. Я тебѣ сгоряча въ морду дамъ, такъ ты меня по судамъ измаешь. Одинъ грѣхъ будетъ». Фактъ! Эхъ, всего и не разскажешь. Въ крючники пошелъ бы, лишь бы приняли, потому что тоже не легко, доложу тебѣ, жить на заработки жены, дочери и сына...

— Я-то при чемъ тутъ! Что я добываю?—воскликнулъ Сергѣй.

— Уроки даешь...

И опять, даже не подозрѣвая настроенія сына, Аркадій Лукьяновичъ пошутилъ грустнымъ тономъ:

— Да еще, изволишь видѣть, считаешься, если тебѣ отецъ въ благодарность сапоги почиститъ!

Сергѣй закусилъ губы, опять почуявъ въ словахъ отца заслуженный упрекъ. До сихъ поръ онъ и не воображалъ, что онъ на каждомъ шагу огорчалъ отца—огорчалъ пустяками, не умѣя относиться такъ же просто къ старику, какъ тотъ относился къ семьѣ. Ему вдругъ вспомнилось все прошлое: недалекій по уму, неразвитой, вѣчно шутящій кстати и некстати, Аркадій Лукьяновичъ любилъ семью той безхитростной любовью, при которой не ведется никакихъ счетовъ между членами семьи и не соблюдается никакихъ предосторожностей въ обращеніи, не ставится каждое лыко въ строку. Наколоть дровъ, вымыть полъ, вычистить посуду, исполнить самую грязную работу, все это готовъ былъ сдѣлать Волошиновъ для семьи. Въ то же время, онъ не стѣснялся, подшучивая надъ собой и надъ близкими, и не думалъ, что этими шутками оскорбится кто-нибудь, не понявъ, что онѣ вызваны простой, безхитростной любовью, что безъ нея человѣкъ воздержался бы отъ нихъ и взвѣшивалъ бы каждое свое слово.

Не замѣчая растерянаго выраженія въ лицѣ сына, Аркадій Лукьяновичъ окончилъ работу, досталъ платокъ изъ

кармана повѣшеннаго на гвоздь холщеваго пиджака, отеръ потъ съ лица и потомъ облачился въ этотъ пиджакъ. Было уже около перваго часа, когда обыкновенно обѣдала лѣтомъ семья Волошиновыхъ. Отецъ и сынъ прошли въ свою квартиру. Въ кухнѣ работали женщины: онѣ тутъ и стряпали, и шили, хотя обыкновенно шитьемъ занимались въ комнатѣ, такъ какъ тамъ было удобнѣе и чище утромъ, во время стряпни. Увидавъ, что шьютъ въ кухнѣ, Сергѣй сразу понялъ, что Аркадій еще не вставалъ. Это опять взволновало и взбѣсило его. Онъ со злымъ выраженіемъ на лицѣ прошелъ въ комнату и увидалъ Аркадія, по его собственному выраженію, «берущимъ воздушныя ванны», то-есть расхаживающимъ въ одной сорочкѣ по комнатѣ.

— Ты это что,—только-что всталъ?—спросилъ отрывисто Сергѣй.

— Да,—коротко отвѣтилъ Аркадій, видимо находившійся не въ духѣ.—Поздно вернулся и уснуть здѣсь нельзя въ эти проклятыя лѣтнія ночи: завѣсили какой-то дырявой кисеей окна, а чортъ ли въ ней, если она свѣтъ со двора пропускаетъ? Цѣлыхъ два часа проворочался, прежде чѣмъ уснуть...

— Ну, да ужъ сколько бы ты ни ворочался, а спать до обѣда нельзя,—отвѣтилъ Сергѣй.—Изъ-за тебя всѣмъ приходится въ кухнѣ сидѣть.

— Я никому не мѣшаю и здѣсь сидѣть.

— Когда ты нагишомъ ходишь?

— Ну, вотъ еще! Сидѣли бы здѣсь—не ходилъ бы такъ. Да и что мы чужіе, что ли, или не видали другъ друга въ дезабилье? Ужъ если живемъ въ этой трущобѣ и спимъ чуть не въ повалку, такъ разныя дворянскія церемоніи да деликатности въ сторону приходится отбросить...

— Ужъ ты-то не либеральничалъ бы!—сердито сказалъ Сергѣй, выходя изъ комнаты.

Аркадій сталъ одѣваться. Въ это время часы пробили часъ и въ кухнѣ послышался звонъ посуды, возвѣщавшій о приготовленіи къ обѣду. Аркадій началъ ворчать, что семья ввела нелѣпый обычай обѣдать ни свѣтъ, ни заря, когда порядочные люди только завтракаютъ. Когда всѣ собрались за обѣденнымъ столомъ, Аркадій, по обыкновенію, оживился и началъ говорить за всѣхъ. Онъ обладалъ изумительною способностью развязно говорить, не умолкая и не стѣсняясь, со всѣми и обо всемъ, какъ могутъ говорить только болтливые дураки, невѣжды или наглецы. Иногда онъ,

въ пылу увлеченія, перемѣшивалъ иностранныя слова и, ни на минуту не смущаясь этимъ обстоятельствомъ, продолжалъ ораторствовать, какъ ни въ чемъ не бывало. Въ обществѣ, какъ онъ хорошо зналъ, эта способность къ болтовнѣ создавала ему успѣхи, но въ его семьѣ всѣ чувствовали себя словно придавленными, когда онъ начиналъ ораторствовать, точно учитель, точно старшій въ семьѣ, точно все знающій, говоря съ апломбомъ и въ приподнятомъ тонѣ даже о пустякахъ. Его всезнайство часто ставило втупикъ не только малообразованныхъ и недалекихъ по уму отца и мать, считавшихъ въ душѣ старшаго сына чуть не геніемъ по уму; но самого Сергѣя, учившагося очень прилежно и уже успѣвшаго прочитать не мало книгъ, знанія брата сильно озадачивали. О любой книгѣ, о любой картинѣ могъ говорить Аркадій авторитетнымъ тономъ; онъ даже нерѣдко разсуждалъ о петербургскихъ театрахъ, объ оперныхъ русскихъ и итальянскихъ артистахъ, хотя въ домѣ всѣ знали, что онъ все время жилъ въ провинціи и не могъ видѣть этихъ артистовъ. Никто не могъ сообразить, откуда у него всѣ эти свѣдѣнія, и никто, конечно, не подозрѣвалъ, что Аркадій, не прочитавшій внимательно ни одной серьезной книги, не изучавшій основательно ни одной науки, прошелъ всю школу газетнаго образованія и всю школу скитанья съ полковыми пріятелями по разнымъ россійскимъ кафе-шантанамъ, клубамъ, трактирамъ и кабакамъ. Его свѣжая память была складомъ всего вычитаннаго въ газетахъ и слышаннаго по разнымъ угламъ Россіи. Онъ умѣлъ отдѣлать любого генія литературы, музыки и живописи по бойкой фельетонной замѣткѣ, уснащая рѣчь словами: «реализмъ», «тенденціозность», «архитектоника», «ракурсы», «мазки», «музыка кучкистовъ» и могъ въ то же время указать на тѣ или другіе недостатки и достоинства нашей торговли на разныхъ ярмаркахъ или гдѣ-нибудь въ Персіи, со словъ какого-нибудь купчика, встрѣченнаго имъ гдѣ-нибудь въ провинціальномъ трактирѣ или въ вагонѣ желѣзной дороги. По газетнымъ извлеченіямъ онъ зналъ статьи государственной росписи, порицая излишество затратъ по тому или другому министерству, и изъ тѣхъ же газетъ почерпалъ хозяйственные совѣты о лучшемъ способѣ соленія огурцовъ и стирки бѣлья, нерѣдко поражая слушателей своими оригинальными и новыми остротами и анекдотами, которые перешли въ русскія газеты изъ иностранныхъ современныхъ изданій. Бойкость и рѣзкость выраженій и

критическія замѣчанія насчетъ всѣхъ и всего, смѣлый и громкій голосъ дѣлали его непогрѣшимымъ оракуломъ, или заглушавшимъ споры своимъ возвышеннымъ голосомъ, или прекращавшимъ ихъ кстати сказанной шуткой. Слабыя и дурныя стороны легче отыскивать, чѣмъ сильныя и хорошія, и потому онъ казался всегда наблюдательнымъ человѣкомъ, а умѣнье вышутить ближнихъ всегда привлекаетъ къ остроумному шутнику русскихъ людей, не научившихся относиться съ уваженіемъ къ человѣческой личности, потому что цѣлые вѣка они не встрѣчали этого уваженія и по отношенію къ себѣ.

— А я сегодня встрѣтилъ твой предметъ,—съ ироніей замѣтилъ онъ Сергѣю.

— Ты про кого это?—спросилъ угрюмо Сергѣй.

— А развѣ у тебя уже много амуровъ?—засмѣялся Аркадій.—Раненько началъ. Я думалъ, что ты преданъ душой и тѣломъ одной Любови Васильевнѣ.

Лицо Сергѣя покрылось румянцемъ.

— Глупости ты выдумываешь!—проворчалъ онъ и покраснѣлъ, еще не привыкнувъ къ разнымъ двусмысленнымъ намекамъ брата насчетъ любовныхъ похожденій.

— Нѣтъ, какъ же! Вѣдь и мама говоритъ, что ты все свободное время у нея пребываешь,—продолжалъ Аркадій.— Что у васъ все еще теорія проходится или дошли до практики?

— Я съ нею читаю по-французски,—отвѣтилъ Сергѣй, не отвѣчая на двусмысленность.—Мнѣ нужно знать хоть какой-нибудь новѣйшій языкъ... Въ гимназіи...

— Ну, да, толкуй! Нѣжные романы читаете вмѣстѣ, подучиваетесь чувствительнымъ сценамъ. Въ твои годы всегда въ такихъ зрѣлыхъ дѣвъ влюбляются. Что-жъ, это ничего. Только ужъ и выбралъ же ты, братецъ, рожу. Есть и получше въ ея годы.

Сергѣй вспылилъ.

– Оставь ее въ покоѣ!

– Виноватъ, виноватъ! Для тебя вѣдь она, конечно, красавица. Но ужъ что кислятина она—это вѣрно. Я встрѣтилъ ее сегодня и разговорился съ нею, какъ она можетъ такъ жить: бѣгаетъ по урокамъ, десять лѣтъ одну шляпку треплетъ, въ комнатенкѣ грошовой жмется—и довольна! И какъ вы думаете, что она мнѣ отвѣтила?—обратился онъ къ сидящимъ за столомъ и пояснилъ:—«А вамъ, говоритъ, непремѣнно хочется быть изъ тѣхъ, которые исторію со-

здаютъ?» «Ну, говорю, во всякомъ случаѣ я не желаю быть человѣкомъ, играющимъ вѣчно въ своей собственной участи на пониженіе». Впрочемъ и то сказать, ей-то иначе и нельзя жить: въ такую, какъ она, никто не влюбится, кромѣ развѣ мальчиковъ, изучающихъ съ нею французскій языкъ. Отъ нихъ не разживешься и не развернешься вволю, у нихъ все par amour, а не за деньги. Да и платоническими вздохами все больше ограничивается... Поневолѣ надо прикидываться довольной своею мышиною участью въ подпольѣ и прихваливать выпадающіе на долю объѣдки, наперекоръ угрямъ на лицѣ...

Онъ засмѣялся.

— И что у нея за манія: воображаетъ, что ее всѣ любятъ.

— Сама она всѣхъ любитъ, такъ ей хотѣлось бы, чтобы всѣ и ее любили,—пояснилъ Сергѣй.

— Ишь какая ненасытная!—съ гримасой сказалъ Аркадій.—Хорошо, что природа надѣлила ее такой рожей непозволительной, а то у нея было бы больше любовниковъ, чѣмъ у Тамары Коварной и Лукреціи Борджіи...

— У тебя все пошлости на умѣ,—вспылилъ Сергѣй.—Она нравственная дѣвушка.

— По независящимъ обстоятельствамъ,- вставилъ Аркадій.—Потому и одурѣла. Одной половиной живетъ, такъ тутъ поневолѣ съ ума сойдешь.

— Она пользу людямъ приноситъ, а не баклушничаетъ,—горячо проговорилъ Сергѣй тѣмъ подчеркнутымъ тономъ, которымъ говорятся юношами великія истины или ѣдкія колкости.

Аркадій захохоталъ.

— Это и въ прописяхъ рекомендуютъ дѣлать. Только не подросъ ты еще, сусликъ, настолько, чтобы прописи-то забыть или понять ихъ нелѣпости. Пользу приноситъ! Кому? какую? Кто это знаетъ, въ чемъ польза? Какой философъ? Кантъ? Спенсеръ? Шопенгауэръ? Почитать тебѣ надо, чтобы этихъ благоглупостей прописныхъ о принесеніи пользы не говорить. Разрѣши этотъ вопросъ о принесеніи пользы или вреда—и весь міръ перевернется... Зло каждому дураку ясно, только ни одинъ мудрецъ не указалъ еще средствъ для борьбы съ нимъ... А она—переродить, что ли, человѣчество она хочетъ? Ну, такъ нравственными сентенціями, педагогическими назиданіями святые не дѣлаются. Подрастешь, поумнѣешь, такъ узнаешь, что для этого надо.

Онъ откинулся на стулъ и, ковыряя въ зубахъ спичкой, насмѣшливо сказалъ:

— Я вотъ видѣлъ тысячи людей, уже ведущихъ безупречную жизнь, не пьянствующихъ, не прелюбодѣйствующихъ, не эксплуатирующихъ другъ друга, не грабящихъ, не убивающихъ своихъ ближнихъ, посѣщающихъ аккуратно храмъ Божій...

Сергѣй не безъ удивленія взглянулъ на брата.

— Видѣлъ? Гдѣ это?—спросилъ онъ.

— Въ одиночномъ заключеніи въ тюрьмѣ,—отвѣтилъ Аркадій:—гдѣ же и могутъ такъ жить люди, какъ не тамъ? Святыми только тамъ и можно быть; а на волѣ—ты не ограбишь, такъ тебя ограбятъ, ты не зарѣжешь—тебя зарѣжутъ.

Елена Степановна тяжело вздохнула и проговорила:

— Дѣйствительно, волками люди стали!

— Да и всегда такими они были и будутъ,—отвѣтилъ Аркадій.—И слава Богу: этимъ только прогрессъ и создается. Борьба, конкуренція, война,—вотъ главные двигатели человѣчества. Нужно быть поврежденнымъ, чтобы не понимать этого. Чтобы жить и выиграть среди близкихъ—напроломъ нужно идти!

Всѣ поднялись изъ-за стола.

Аркадій и отецъ послѣ обѣда легли отдохнуть, остальные члены семьи принялись за работу; Сергѣй взялся за книгу. Чтеніе не шло у юноши. Въ его головѣ назойливо повторялись слова брата о томъ, что въ жизни надо идти напроломъ. Для него этотъ взглядъ былъ новъ: никто еще въ его семьѣ не шелъ напроломъ; всѣ жили спустя рукава; всѣхъ несло какое-то теченіе. Мало того, съ дѣтства около него стояла такая личность, какъ Любовь Васильевна, которая по убѣжденію проповѣдывала если не покорность, то примиреніе, проповѣдывала это даже тогда, когда всѣ осыпали ее насмѣшками, какъ юродивую, и обманывали, какъ дурочку. Наконецъ, сегодня онъ убѣдился, что и его отецъ въ сущности, можетъ-быть, безсознательно является послѣдователемъ этой теоріи покорности, примиренія, смиренія. И вдругъ, среди этого царства пассивной выносливости, громко произносится фраза о необходимости идти напроломъ. Опустивъ книгу, Сергѣй всматривался изъ своего угла въ лицо сладко заснувшаго брата. Здоровый, румяный, безмятежный, съ широкой грудью, равномѣрно поднимавшейся и опускавшейся подъ сорочкою, съ полуоткрывшимися во снѣ, соч-

ными алыми губами, изъ-за которыхъ виднѣлись здоровые бѣлые зубы, онъ могъ внушать зависть своею красотой, своей фигурой, своимъ богатырскимъ здоровьемъ. Такой человѣкъ могъ идти напроломъ. Онъ и шелъ такъ: пріѣхалъ въ голодную семью, поселился въ ней, пьетъ и ѣстъ на заработокъ другихъ, ѣздитъ на разныя гулянья, повидимому, имѣетъ даже деньги на это. Онъ стѣснилъ всѣхъ, и всѣ точно покорились ему, выбиваясь въ то же время изъ силъ надъ работой. Мать даже начинаетъ, какъ кажется, гордиться имъ, когда онъ развязно говоритъ о своихъ связяхъ, о своихъ знакомствахъ, и, вѣроятно, втайнѣ надѣется, что онъ спасетъ когда-нибудь семью отъ нищеты. У Сергѣя этихъ надеждъ нѣтъ, онъ видитъ въ братѣ только обузу, разорителя, нахала,—видитъ это и пальцемъ о палецъ не стукнетъ, чтобы освободиться отъ него. Отчего же не пойти напроломъ противъ него, чтобы освободиться отъ его присутствія? Отчего никто не попробуетъ этого? Вотъ уже слишкомъ мѣсяцъ, какъ онъ живетъ въ домѣ, а никто не знаетъ даже, вышелъ ли онъ въ отставку, или нѣтъ, и что онъ намѣренъ дѣлать дальше. Никто не знаетъ даже, зачѣмъ къ нему изъ полиціи приходили и почему его требовали въ какое-то управленіе,—къ коменданту, кажется. Надо же когда-нибудь все выяснить.

Въ душѣ Сергѣя созрѣло рѣшеніе выдвинуть всѣ эти вопросы прямо и открыто.

Когда Аркадій проснулся, Сергѣй спросилъ его, поѣдетъ ли онъ куда-нибудь сегодня. Аркадій отвѣтилъ, что сегодня онъ никуда не ѣдетъ.

— Такъ пройдемся хоть въ Петровскій паркъ или на Елагинъ островъ.

— Пожалуй, хоть я и не очень-то люблю шляться пѣшкомъ по этимъ мѣстамъ. Скучища тамъ.

Однако, Сергѣй уговорилъ его идти. Дома говорить откровенно съ братомъ ему было неудобно. Едва они достигли Петровскаго парка, какъ Сергѣй заговорилъ:

— А ты что думаешь дѣлать? Выйдешь изъ военной службы?

— Да я уже въ отставкѣ теперь. Платье вотъ статское на-дняхъ будетъ готово,—отвѣтилъ Аркадій.—Довольно магистикой заниматься и киснуть въ провинціи.

— Какъ? ты и статское платье заказалъ?—спросилъ Сергѣй, пропуская мимо ушей послѣднюю фразу.

— Нельзя же ходить въ военномъ мундирѣ. И то въ управленіе призывали...

— А деньги?

— Что деньги? Безъ денегъ не стали бы шить!

— Такъ онѣ у тебя есть, а дома... какъ же ты не поможешь отцу и матери!

— Мнѣ самому едва хватаетъ. Или ты думаешь, что я могу ухлопать все въ домъ на ѣду, да бабушкѣ на лакомства, и ходить оборванцемъ? Вонъ отецъ достукался до своей амуниціи, теперь и явиться просить мѣста не въ чемъ. Пристраиваться, искать мѣста можно только до тѣхъ поръ, пока ты прилично одѣтъ, пока ты можешь швейцарамъ и писарямъ на чаи давать. Обтрепался, оборвался, не имѣешь гроша въ карманѣ—ну, и скажи прости-прощай всякому порядочному мѣсту. Люди, братъ, по одеждѣ встрѣчаютъ, а по уму провожаютъ. Христа Самого въ домъ не впустятъ въ рубищѣ, не мытаго и не бритаго. И если кто будетъ возражать тебѣ противъ этого, то такъ и знай, что онъ лжетъ и притомъ знаетъ, что лжетъ.

Онъ усмѣхнулся.

— А если оборванца впустятъ въ порядочный домъ, такъ ты такъ и знай, что этотъ оборванецъ не бѣднякъ, а юродствующій богачъ. Я вотъ видѣлъ, какъ разныхъ самодуровъ въ смазныхъ сапогахъ въ гостиныхъ на шелковую мебель сажали, такъ это потому, что у этихъ нахаловъ туго набитые кошели были. Деньги, братъ, все и противъ нихъ идутъ только тѣ, у кого ихъ по горло много. Не имѣющіе денегъ никогда не возстаютъ противъ нихъ, не будучи сумасшедшими, и знаютъ, что на свѣтѣ только деньги и спасаютъ. Только когда обожрешься, тогда и начнешь противъ обжорства возставать. Мнѣ нужно связи поддерживать, потому и нужно смотрѣть щеголемъ и ненуждающимся человѣкомъ. Я вотъ тутъ разыскалъ старыхъ товарищей въ гвардіи, черезъ нихъ орудую, перехватилъ деньжищъ, мѣста ищу.

— Ну,—недовѣрчиво сказалъ Сергѣй, знавшій уже, что мѣста добываются съ трудомъ:—мѣсто не легко найти... да тутъ еще про тебя говорили, что у тебя въ полку какая-то нехорошая исторія была, сцена,—и это тебѣ можетъ помѣшать.

— А! и до васъ дошли слухи,—воскликнулъ Аркадій.— Далеко разнеслось! Я и не зналъ, что вамъ говорили объ этомъ.

— Отцу зато и не дали одного мѣста, смѣшали его съ тобой.

— А онъ выяснить не могъ! Простота ходячая! Нѣтъ, меня на этомъ не подцѣпишь. Я эту исторію самъ разсказываю вездѣ. Ничего тутъ позорящаго нѣтъ. Задолжалъ я и потомъ далъ плюху своему кредитору,—вотъ и все. Пришлось, правда, изъ-за этого выйти изъ полка, но это не бѣда—я билъ, а не меня били, вотъ что главное: это честь, а не позоръ. А ужъ будь я не я, если я не выведу окончательно на свѣжую воду и не ошельмую этого подлеца, изъ-за котораго пришлось уйти изъ полка: и побилъ, и потоплю!

И онъ началъ съ горячностью говорить о мерзавцахъ, дающихъ въ долгъ деньги, берущихъ расписки и прижимающихъ потомъ должниковъ. Между благородными людьми и между товарищами такъ поступать нельзя. Умѣешь одолжать деньги—умѣй и ждать.

— Но когда же ты думаешь получить мѣсто?—спросилъ Сергѣй, прерывая его горячую рѣчь.

— А, право, не знаю покуда. Удочекъ много закинуто. Тутъ, главнымъ образомъ, улыбается одно мѣсто — главное управленіе имѣніями князей Зудовыхъ.

— Да развѣ ты знаешь сельское хозяйство?

— А для чего мнѣ его знать? Тутъ нужно только умѣть воровъ-управляющихъ и конторщиковъ ловить. Это легко: воруютъ *всѣ* и потому накрывай любого человѣка — всегда попадешь на вора. Не ворующихъ нѣтъ, есть только градаціи воровъ. Графиня Горичева хлопочетъ обо мнѣ. Бабенка она ничего себѣ, за сорокъ лѣтъ, а сохранилась, — на-черно волосы выкрашены, зубы вставлены бѣлые...

Онъ разсмѣялся.

— Дастъ это мѣсто—въ претензіи на насъ не останется, лицомъ въ грязь не ударимъ, ну, а не дастъ — у насъ и другія бабенки найдутся.

Сергѣй недоумѣвалъ.

— Она, видишь ли, сильно пріударяетъ теперь за мной. У ея брата, князя Петра Зудова, я недавно встрѣтился съ нею. Увидала и влюбилась; вотъ оно и заиграло; ну, а я прежде всего закинулъ удочку о мѣстѣ; безъ мѣста у насъ, молъ, не клюетъ,—шалишь, матушка. Она, конечно, съ радостью дала бы мѣсто, да ея имѣнія не отдѣлены отъ имѣній братьевъ, и одинъ изъ нихъ покуда упрямится, стоитъ за стараго завѣдующаго дѣлами ихъ имѣній. Петька, конечно, на моей сторонѣ, какъ товарищъ. Да и дуракъ онъ, на кривой кобылѣ его объѣхать можно. Ну, а старшій

братъ—кремень. Посмотримъ, чья возьметъ. Я, впрочемъ, надѣюсь на успѣхъ и потому не беру покуда никакихъ другихъ мѣстишекъ...

— Ты бы отцу выхлопоталъ мѣсто, если у тебя есть въ виду нѣсколько мѣстъ.

Аркадій пожалъ плечами.

— Кто его возьметъ? Старъ, недалекъ, необразованъ, да и физія-то очень ужъ подгуляла у нашего папахенъ. Совсѣмъ кабацкимъ ярыгой смотритъ.

Сергѣй разсердился.

— Стыдись такъ объ отцѣ говорить!

— Да развѣ я ему такую физію далъ? Отъ Бога это. Ну, а ужъ если она разъ такая, то въ карманъ ее не спрячешь. Это ты только можешь воображать, что и твоя Любовь Васильевна—красавица.

Сергѣй, пропуская это замѣчаніе мимо ушей, продолжалъ идти къ цѣли разговора:

— Ну, самъ-то ты хоть скорѣе пристраивайся. Отцу и матери крайне трудно насъ всѣхъ содержать.

Аркадій усмѣхнулся.

— Что-жъ, мы не просили, чтобы они насъ рожали. Вотъ и тебя придется имъ еще лѣтъ пятокъ кормить. Пока не кончишь гимназіи и университета, будешь сидѣть такъ или иначе у нихъ на шеѣ. И будутъ возить. Это ужъ какъ ни вертись, а ихъ обязанность. А тамъ, глядишь, поднимай на ноги и новаго гостя. Люби, братъ, кататься — умѣй и саночки возить.

Онъ увидалъ проѣзжавшій экипажъ и обратилъ на него вниманіе:

— Каковы лошади? Это зудовскаго завода. Старшій князь Зудовъ проѣхалъ,—Вадимъ. Ему бы шею свернуть. Ну, да ужъ приберу я его, упрямаго осла, къ рукамъ, какъ онъ ни лягайся.

Сергѣй пропустилъ и это безъ вниманія и спросилъ:

— О какомъ еще новомъ гостѣ ты сейчасъ сказалъ?

— А Господь его вѣдаетъ: о сестрицѣ, либо о братцѣ. Это у бабушки-повитухи надо спросить.

— Да насъ же трое. Я не понимаю.

— Будетъ и четвертый.

Сергѣй даже остановился.

— Что ты плетешь?—воскликнулъ онъ, краснѣя до ушей.

— Да ты слѣпъ, что ли, что не видишь, въ какомъ положеніи мать? Тебѣ сколько лѣтъ-то, паренекъ? Чай, сем-

надцать-то годковъ давно минуло? У иныхъ свои дѣтки въ эту пору есть.

Онъ засмѣялся.

— Или ты думаешь еще, что журавли братцевъ и сестеръ изъ-подъ кустика приносятъ?

Сергѣя точно пришибло. Аркадій началъ разглагольствовать. Вотъ нищаются отецъ и мать, а семью плодятъ. Что ни шагъ, то глупость! Теперь и молодые люди ограничиваютъ число дѣтей: одинъ-два ребенка и шабашъ! Слава Богу, средствъ на это придумано много. Нельзя же распускаться. И что за радость въ этихъ поросятахъ? Хорошо еще, если помретъ новорожденный, увидавъ, что вовсе нѣтъ никакого резона жить; а какъ вдругъ возьметъ, дуракъ, да и выживетъ на зло всѣмъ людямъ и курамъ на смѣхъ. Бываютъ такіе чудаки. Какъ будутъ тогда родители поднимать его на ноги! Да еще вдругъ сами умрутъ, тогда придется братьямъ и сестрѣ поднимать на ноги поросенка. Благодарю, не ожидалъ! Это ужъ точно неожиданный реприманъ! И чего отъ него ждать: дохленькій какой-нибудь родится поскребышъ. Только и дѣлаютъ на своемъ вѣку папахенъ и мамахенъ, что дурятъ. Сами сознаютъ это: вотъ мать все сидитъ въ большомъ платкѣ, скрыть старается свое положеніе, сквозь землю готова провалиться, только бы люди ничего не замѣтили. Какъ будто это можно скрыть: Лицо-то не подъ маской. Отецъ тоже дѣлаетъ видъ, что ничего не замѣчаетъ: мое, молъ, дѣло—сторона. Охъ, ужъ эти блудливые коты! Набѣдокурятъ, облизнутся и отойдутъ къ сторонкѣ съ смиреннымъ видомъ постниковъ. Не я, молъ, молоко вылакалъ! Лиза,—та совсѣмъ растерянной ходитъ, точно сама нагрѣшила и готовится сдѣлаться матерью. Оно, конечно, ей стыдно: съ одной стороны надо дѣлать видъ, что ничего такого и не понимаешь по своему дѣвическому положенію, а съ другой—приготовляться къ назрѣвающимъ событіямъ. Одна бабушка перевираетъ по-старому про времена царя Гороха, когда Принархъ у нея котлеты рыбныя ѣлъ, а покойный дѣдушка Лукьянъ Аркадьевичъ драль мужиковъ и насиловалъ дѣвокъ.

Онъ говорилъ еще много, все въ томъ же пренебрежительномъ тонѣ съ сальными намеками, но Сергѣй уже ничего не слыхалъ, ничего не понималъ, охваченный одной страшной для него мыслью, что у нихъ готовится рожденіе брата или сестры. Что будетъ съ ребенкомъ, съ матерью, со всей семьею, и безъ того терпящей нужду? И вдругъ

ему пришла мысль: а роды? Это, говорятъ, что-то страшное, мучительное, опасное. Выживетъ ли мать? Что если она умретъ? Ребенокъ тоже, можетъ-быть, не выживетъ. А если мать умретъ, а ребенокъ останется живъ, кто выкормитъ его, кто подниметъ на ноги? И какъ переживется ими всѣми это время?

VI.

Въ квартирѣ Волошиновыхъ царствовала мертвая тишина, нарушаемая только барабанившимъ въ окна дождемъ. Съ утра погода стояла хорошая, но послѣ обѣда начали набѣгать темныя тучи, густымъ слоемъ заволакивая небо, и, наконецъ, къ пятому часу начался сильный дождь съ порывистымъ холоднымъ вѣтромъ, напоминавшимъ о близости осени. Изо всей семьи Волошиновыхъ дома оставались только Елизавета Евлампіевна и Елена Степановна: Аркадій уѣхалъ съ утра куда-то на гонку; Аркадій Лукьяновичъ и Сергѣй отправились на лодкѣ ловить дрова съ пріятелемъ Аркадія Лукьяновича, солдатомъ Анемподистомъ Четыркинымъ; Лиза понесла работу къ Тарасовымъ, жившимъ еще на дачѣ, на Каменномъ островѣ. Перемѣны погоды съ утра не предвидѣлъ никто, и потому всѣ вышли изъ дома налегкѣ, не запасшись ничѣмъ на случай дождя и холода. Елена Степановна была сильно встревожена этимъ обстоятельствомъ, то и дѣло посматривая на широкій, мѣстами покрытый травою дворъ, раскинувшійся передъ окнами ея квартиры и теперь почти сплошь залитый водою. Видя вскакивающіе на лужахъ крупные пузыри, она пришла къ убѣжденію, что сегодня нечего и ждать конца дождя и, по обыкновенію, ей стали представляться разныя бѣды: всѣ простудятся и заболѣютъ, придется звать доктора, а у нихъ и такъ всего въ обрѣзъ. Она уже такъ привыкла къ тому, что на нихъ обрушиваются всякія несчастія, что постоянно предвидѣла ихъ впередъ и волновалась, прежде чѣмъ они наступали.

— И кто могъ думать, что такой дождь начнется!—говорила она, глядя на стекла оконъ, по которымъ быстро слезились струйки воды.—Перемокнутъ всѣ, перепростудятся.

— Не даромъ у меня кости сегодня ломило,—замѣтила старушка-бабушка.—Это ужъ всегда у меня передъ погодой. Я такъ и ждала, что либо дождь, либо вѣтеръ будетъ.

— Ну, у васъ это отъ лѣтъ,—отрывисто отвѣтила Елена Степановна, недовольная даже тѣмъ, что бабушка предви-

дѣла приближеніе дурной погоды, а вотъ она не предвидѣла.

— Что лѣта! — проговорила старушка.—Вонъ покойный Иринархъ чуть не до ста лѣтъ жилъ, а бывало все шутитъ, все анекдоты разсказываетъ. Отъ заботъ человѣкъ старѣется: кто заботливъ, такъ и старѣется. А преосвященный Иринархъ...

— Ахъ, Господи, Господи, и сапожки-то у Лизы прюнелевые, мало что промокнутъ, такъ еще и разлѣзутся,— вздохнула тяжелымъ вздохомъ Елена Степановна, не слушая бабушку.

Старушка подняла на лобъ очки и, смотря на Елену Степановну, спросила:

— Да куда же это, Лена, они всѣ разбѣжались? Кадя-то съ Сережей куда ушли?

Дрова ловятъ по обыкновенію,—отвѣтила Елена Степановна и съ горечью проговорила: — Какъ разъ подходящее дѣло для дворянъ! Тоже помѣщикъ былъ, офицеръ, а вотъ теперь... съ солдатомъ какимъ-то въ дружбу вступилъ, еще и одолжается имъ...

Она съ отчаяніемъ махнула рукой.

— Сергѣю-то и позволять бы не слѣдовало этимъ дѣломъ заниматься,—сказала она. Ужъ пусть бы онъ зналъ свое дѣло, учился, а этимъ не занимался. Не уличный мальчишка, не мужицкій сынъ, слава Богу, а на что сталъ похожъ? Совсѣмъ мужикомъ становится. Лучше ужъ въ холоду сидѣть, чѣмъ... Охъ, нужда, нужда, и самъ человѣкъ не знаетъ, до чего изъ-за нея опустится... Вонъ я этой Тарасихѣ кланяюсь и Лизу туда посылаю, а не будь нужды, такъ я, можетъ-быть, и смотрѣть-то не захотѣла бы ни на нее, ни на ея племянника-оболтуса. Тоже Лизѣ каково бывать тамъ? Безъ нужды не пошла бы...

Она начала жаловаться на свое положеніе съ горечью, съ озлобленіемъ. Хуже всего нужда именно тѣмъ, что заставляетъ она и кошкѣ въ ножки кланяться, принижаетъ человѣка, подличать заставляетъ.

— Привираю вотъ Тарасихѣ о своемъ положеніи, издѣваясь надъ собой,—сказала она.—Безъ того оно скверно, а я еще привираю; боюсь, что не разжалобится, если только одну правду буду говорить! Не обѣдаемъ, говорю, по недѣлямъ...

— Это вѣрно, Лена, вѣрно,—простодушно согласилась старушка и, всегда имѣя въ запасѣ примѣры на случай, начала разсказывать нараспѣвъ: — Вотъ, когда мы еще въ

«Пчелиной балкѣ» съ покойнымъ Лукьяномъ Аркадьевичемъ жили, былъ у насъ одинъ сосѣдъ, Вахрамѣевымъ звали, Анемподистомъ Вахрамѣевымъ. Пренесчастный человѣкъ былъ. «Макаромъ» его въ шутку прозвалъ покойный Лукьянъ Аркадьевичъ, потому что на Вахрамѣева, какъ на бѣднаго Макара, что называется, всѣ шишки валились. И перехоронилъ-то онъ всѣхъ близкихъ, и погорѣлъ-то весь, и сосѣдъ-то богатый землицу оттягалъ у него. Іовъ многострадальный, какъ есть Іовъ. Какъ сейчасъ его помню: сгорбившійся, облысѣвшій, плюгавенькій, глазки красные моргаютъ, руки морщинистыя трясутся, а самъ всего конфузится и боится, въ растерянности все волосы на височкахъ слюнями приглаживаетъ. Такъ что ты думаешь, до чего онъ дошелъ? Образъ человѣческій потерялъ, ни чести, ни стыда, ни совѣсти. За какую-нибудь подачку, за кусокъ хлѣба или вышивку всякія штуки былъ готовъ выдѣлывать, руки и ноги у людей цѣловать, пѣтухомъ на потѣху пѣть. Для одного глумленія люди его къ себѣ и принимали, и хуже, чѣмъ надъ послѣднимъ скотомъ, надъ нимъ издѣвались, тѣшились. Разъ даже покойный Лукьянъ Аркадьевичъ за одну его продѣлку грязную, среди опьянѣвшихъ шутниковъ-помѣщиковъ, съ омерзѣніемъ его ногой въ лицо ткнулъ, такъ что онъ отъ боли расхныкался. Няняша покойная тогда еще жива была и тоже разсердилась: «И мало еще, говоритъ, отплевываясь,—тебя, сударь, казнятъ за дѣйствія твои безстыдныя; не то, что мы, простые люди, а тварь неразумная, да и та до такихъ пакостей не дойдетъ, до какихъ ты достукался. Какъ ты передъ Господомъ-то Богомъ, послѣ скверныхъ этихъ, предстанешь на страшномъ судилищѣ!» А все это отъ бѣдности, отъ нищеты, потому какова ни будь жизнь, а жить человѣку хочется. Вотъ, говорятъ, во время голода матери собственныхъ дѣтей съѣдали.

Елена Степановна неожиданно разрыдалась.

— Ты что же это, Лена?—озабоченно спросила старушка, глядя на нее широко открытыми глазами съ выраженіемъ недоумѣнія.

— Да зачѣмъ вы это мнѣ разсказываете? Душу вы у меня выматываете!—воскликнула Елена Степановна съ горечью, продолжая плакать.

— Да вѣдь это, Лена, давно было, еще при покойномъ Лукьянѣ Аркадьевичѣ, — пояснила старушка, качая головой.—Самого этого Вахрамѣева и на свѣтѣ нѣтъ. Успокоился тоже отъ треволненій земныхъ. Всѣ успокоились...

Она покачала въ раздумьѣ головой и тихо замѣтила:

— Да, тоже много несчастныхъ людей пришлось мнѣ на своемъ вѣку видѣть. Вотъ тоже вспоминается мнѣ...

Елена Степановна быстро встала и, отирая слезы и шумно сморкаясь, вышла изъ комнаты на кухню. Бѣжать ей хотѣлось куда-нибудь, бѣжать отъ этой нищенской обстановки, отъ сознанія, что не только для нея, но и для ея дѣтей нѣтъ исхода; отъ мысли о томъ, что ждетъ ея будущаго ребенка; отъ разсказовъ бабушки про то, до чего доводитъ бѣдность. Хорошо знала это Елена Степановна: до униженія, до подлостей, до болѣзней, до смерти доводитъ бѣдность. И погибнутъ всѣ они, Волошиновы, непремѣнно погибнутъ; спасется развѣ только Аркадій; онъ одинъ силенъ и тѣломъ, и духомъ.

— Мама, что случилось? Опять слезы?—окликнула Елену Степановну вернувшаяся Лиза, видя, что мать сидитъ въ кухнѣ и плачетъ.—Не бережешь ты себя!

Елена Степановна отерла платкомъ глаза и проговорила:

— Ничего... Ты-то какъ дошла? Перемокла вся? Господи, и съ узломъ еще... Раздѣвайся скорѣе. Вотъ я бѣлье достану. Башмаки-то сними, а то еще расползутся отъ сырости; высушить ихъ скорѣе на плитѣ надо, новыхъ-то не изъ чего покупать...

Елена Степановна поднялась поспѣшно съ мѣста, чтобы достать бѣлье для Лизы. Лиза ее остановила.

— Я не смокла,— произнесла она въ смущеніи, и ея и безъ того сильно зарумянившееся лицо покраснѣло еще болѣе.—Меня довезли... въ крытомъ экипажѣ... Тутъ только по двору пробѣжала...

И, не допуская дальнѣйшихъ разспросовъ, она сама торопливо стала разспрашивать, гдѣ отецъ и Сергѣй. Она смотрѣла необыкновенно оживленной.

— За дровами ушли... Будь они прокляты, эти дрова,— страстно заговорила мать. — Для чего отецъ сталъ брать Сергѣя? Неужели и ему предстоитъ нищимъ быть, щенки собирать на улицѣ? Къ этому мы его готовили, что ли? Ты взгляни на него, чѣмъ онъ сдѣлался за послѣднее время? Бѣгаетъ по лавкамъ, рубитъ и колетъ дрова, собираетъ щенки, сдружился съ какимъ-то старикомъ-солдатомъ, который лодку имъ даетъ. Вотъ уроки-то блаженной дуры Любови Васильевны и сказались: о равенствѣ всѣхъ людей говорила, толковала, что жить просто надо...

— Мама, при чемъ же тутъ Любовь Васильевна?—вступилась за свою бывшую гувернантку Лиза.

— Ну да, и она, и я, и отецъ, всѣ, конечно, одинаково виноваты... Да не въ томъ дѣло, а въ томъ, что̀ съ Сергѣемъ будетъ... Ужъ не думаетъ ли онъ гимназію бросить?

— Полно, мама! Просто старается юноша помочь въ домѣ, какъ можетъ!—заступилась за брата Лиза.

— Это и отецъ говоритъ! — воскликнула Елена Степановна. — Ну, да отецъ-то со всѣмъ свыкся, со всѣмъ примирился, у него вонъ теперь и лучшаго друга нѣтъ, чѣмъ его Четыркинъ, а ты-то! Неужели ты не понимаешь, что Сергѣй опускается? На сына порядочной семьи перестаетъ походить. Неряхой становится. Манеры-то какія пріобрѣлъ? Шапку-то какъ сталъ носить? Замѣтила? Нахлобучитъ на затылокъ, смотрѣть тошно. А руки-то—кажется, что ногтями покойниковъ изъ земли вырывалъ. Точно дразнитъ кого: смотрите, молъ, чѣмъ я не мужицкій сынъ, чѣмъ я не фабричный! И съ чего это вдругъ? Да что я говорю! Не вдругъ это сдѣлалось! Все одно къ одному шло: мало, что мы довели семью до нищеты, такъ еще такимъ людямъ поручали дѣтей воспитывать, какъ Любовь Васильевна. Ужъ довольно и того, что нищета принижала, а тутъ еще эта блаженная пѣла: не бѣдность страшна, а безчестье! Гдѣ эта честь-то при бѣдности? Бѣднякъ-то хуже подлеца: прокаженный это, зачумленный; сторонятся отъ него, чтобы не запачкаться...

— Мама, не волнуйся!—перебила Лиза Елену Степановну, видя, что у той проступили на лицѣ багровыя пятна. — Просто, Сережа видитъ, что намъ теперь все труднѣе становится жить... и...

Лиза оборвала рѣчь, не смѣя сказать матери о томъ, что Сергѣй, вѣроятно, отлично знаетъ, что за событіе готовится въ ихъ семьѣ. Объ этомъ готовящемся событіи она сама ни разу еще не говорила ни съ матерью, ни съ братомъ, но она была увѣрена, что Сергѣй все видитъ и все понимаетъ. Недаромъ же онъ смотритъ какъ-то особенно торжественно и серьезно, точно хранитель великой тайны или участникъ великихъ событій. Вообще Сергѣй съ нѣкоторыхъ поръ сталъ неузнаваемъ: онъ, казалось, готовъ былъ выбиться изъ силъ, только бы помочь семьѣ мелкими услугами, черной работой, замѣчая при этомъ: «мы должны беречь мать», «не все же отцу за насъ работать». Несмотря на нескрываемое нерасположеніе къ старшему брату, онъ теперь

даже услуживалъ ему: чистилъ сапоги, стлалъ ему постель, прибиралъ за нимъ, однимъ словомъ, дѣлалъ все то, что до сихъ поръ безмолвно и спокойно дѣлалъ отецъ. Къ отцу онъ началъ чувствовать особенную привязанность: безмолвная покорность судьбѣ, спокойное сознаніе своихъ прошлыхъ ошибокъ и неумѣлости, безтревожное прилаживаніе къ обстоятельствамъ, къ черному труду, — все это стало бросаться теперь въ глаза Сергѣю и удивляло его. Онъ все чаще и чаще сталъ разговаривать съ отцомъ, чего прежде никогда не дѣлалъ. Среди этихъ разговоровъ отецъ нерѣдко замѣчалъ:

— Что-жъ, я, изволишь видѣть, въ военной службѣ служилъ, такъ всего насмотрѣлся. Ей-Богу! И подъ открытымъ небомъ ночевалъ, и одними заплѣсневѣлыми сухарями питался. Меня никакими лишеніями не удивишь. Это фактъ! За васъ, изволишь видѣть, только страшно.

Иногда онъ при Сергѣѣ заговаривалъ съ Четыркинымъ о службѣ въ арміи и Анемподистъ оживлялся: разсказывать про военную службу николаевскихъ временъ — это было конькомъ отставного служаки. Четыркинъ былъ отъявленнымъ ненавистникомъ новыхъ порядковъ: по его мнѣнію, все теперь ослабло, и человѣкъ потому, съ одной стороны, «осмѣлился», а съ другой «опрохвостился». Это ужъ неизбѣжно: лошадь — скотина простая, а и та, если ее не взнуздывать да на вожжахъ не держать, такія тебѣ штуки покажетъ, что вверхъ тормашками съ нея полетишь. Четыркинъ говорилъ весьма спутаннымъ языкомъ, такъ что было не легко услѣдить за нитью его мыслей. Но понятія его о человѣкѣ были очень просты и несложны: не потакай, тогда человѣкъ и будетъ «гнать свою линію»; какъ станешь потакать, такъ прохвостомъ и сдѣлается человѣкъ. Закалиться надо, а безъ закала человѣкъ слабъ, потому прохвостничество въ немъ съ рожденія сидитъ; недаромъ говорится, что въ грѣхѣ родится человѣкъ. — грѣхъ-то этотъ и надо выбить изъ него; слабому человѣку бѣда, потому въ жизни-то всего бываетъ: сегодня густо, а завтра пусто, такъ вотъ ты и будь ко всему готовъ. Къ слабымъ людямъ Четыркинъ относился презрительно, сильныхъ одобрялъ. Онъ одобрялъ и Аркадія Лукьяновича, потому что считалъ его сильнымъ, то-есть пригоднымъ на всякое дѣло. Баринъ онъ, офицеръ, а вотъ съ мужикомъ въ работѣ потягается,—значитъ и не пропадетъ. Сергѣю очень нравилось, что Анемподистъ похваливаетъ его отца. Какъ это онъ прежде не

замѣчалъ, что отецъ на практикѣ, можетъ-быть, безсознательно исполняетъ то, чему учила его, Сергѣя, Любовь Васильевна, когда совѣтовала прилаживаться къ обстоятельствамъ и людямъ. «Возьмите иго Мое на себя»—вспомнились ему любимыя слова Христа, и онъ чуть не съ гордостью говорилъ: «Отецъ взялъ на себя это иго». Подражать отцу, облегчать его трудъ, идти съ нимъ рука объ руку—это было теперь главной задачей Сергѣя.

— Вотъ ужъ наказываетъ насъ Богъ за наши грѣхи и ошибки, — проговорила Елена Степановна, присаживаясь противъ принявшейся за шитье Лизы и продолжая роптать.— Одинъ сынъ омужичивается въ нищетѣ, а другой... Надѣялась я на него, какъ онъ пріѣхалъ: говоритъ мастеръ, собой красивъ, знаетъ все. «Ну, думала, этотъ пробьетъ дорогу». А на повѣрку что вышло: пальцемъ о палецъ онъ не стукнетъ и только пыль въ глаза всѣмъ пускаетъ.

— Какъ знать, мама, что изъ него выйдетъ, онъ скрытенъ, хоть и кажется говорливъ.

— Ничего изъ него не выйдетъ!

— Ты знаешь, его Иванъ Дмитріевичъ сильно расхваливаетъ,—невольно сорвалось съ языка Лизы.

— Иванъ Дмитріевичъ? Ты его видѣла?—спросила Елена Степановна, пытливо взглянувъ на дочь.

— Да, мелькомъ,—отвѣтила Лиза въ смущеніи и, отвернувшись въ сторону, хотѣла перемѣнить разговоръ.

Ей почему-то не хотѣлось говорить о томъ, что сегодня ее и подвезъ Тарасовъ, но мать полюбопытствовала:

— Какъ они познакомились?—спросила она.

— Гдѣ-то на скачкахъ. Ты вѣдь знаешь, Иванъ Дмитріевичъ любитъ лошадей. Ну, Аркадій тоже, какъ онъ говоритъ, безъ ума отъ нихъ. Вотъ они и встрѣчались на скачкахъ. Самъ Аркадій подошелъ къ нему и отрекомендовался, поблагодарилъ за заботы Натальи Аѳанасьевны о насъ. Очаровалъ Ивана Дмитріевича толками о лошадяхъ и страстью къ нимъ. И откуда у него эти познанія и любовь? Конечно, на этомъ конькѣ легко объѣхать Ивана Дмитріевича, любителя и знатока лошадей. Да его и вообще легко объѣхать. Такта у него нѣтъ, тонкости и чутья въ обращеніи съ людьми нѣтъ, а сердце...

Она вдругъ оборвала свою горячую рѣчь и въ смущеніи смолкла, замѣтивъ пристальный взглядъ матери. Мать не знала, что Лизѣ уже много разъ приходилось бесѣдовать съ Иваномъ Дмитріевичемъ, который какъ-то случайно

всегда попадалъ въ покои Натальи Аѳанасьевны, когда тамъ бывала Лиза. Сама Лиза ни разу не задумывалась объ этихъ встрѣчахъ и даже не подозрѣвала, что она, мало-по-малу, хорошо ознакомилась съ Тарасовымъ. Только теперь, заговоривъ о немъ съ матерью, она вдругъ сознательно уразумѣла, что не только узнала коротко Тарасова, но даже составила опредѣленное мнѣніе о его характерѣ—мнѣніе въ пользу Тарасова, котораго она уже не называла наглецомъ. Это ее сильно смутило, — смутило главнымъ образомъ потому, что ея теперешнія мнѣнія о Тарасовѣ вовсе не походили на прежніе взгляды.

— Да ты-то развѣ его знаешь? Говоришь съ нимъ?— спросила Елена Степановна въ недоумѣніи.

— Такъ мелькомъ, — отвѣтила уклончиво смущенная Лиза.—Но вѣдь разглядѣть его сразу можно...

— Да, а вотъ прежде говорила, что нахалъ!

Лиза вспыхнула до ушей.

— Что же, онъ мимо воли можетъ оскорбить и обидѣть чуткаго человѣка до слезъ! — горячо заговорила она. — У него ни чуткости, ни деликатности, ни воспитанія нѣтъ. Это я и теперь скажу. Иногда приживалки Натальи Аѳанасьевны чуть не плачутъ отъ него, когда онъ при нихъ же безъ всякаго умысла ругаетъ всякихъ дармоѣдовъ или глумится надъ старыми дѣвами. Скажи ему, что онъ обидѣлъ ихъ, — онъ удивится: «развѣ я про нихъ говорилъ, вотъ дуры-то!»

Мать тяжело вздохнула. У нея мелькнула въ головѣ мысль, что было бы съ ними, если бы Лиза вышла замужъ за Ивана Дмитріевича. Въ каретахъ ѣздили бы! А кто виноватъ, что не случилось этого? Она, мать! Не умѣла настоять на своемъ, потакала капризамъ дочери-дѣвочки. Вотъ и теперь не умѣетъ она сына спасти, хоть и видитъ, что онъ гибнетъ.

Часамъ къ семи вернулись домой и Аркадій, и Аркадій Лукьяновичъ съ Сергѣемъ. Переодѣвшись въ сухое платье, Аркадій Лукьяновичъ и Сергѣй направились въ сарай прибирать добытыя ими дрова, чтобы очистить мѣсто для будущей добычи. Оба они были бодры и почти веселы. Аркадій Лукьяновичъ шутилъ теперь совершенно свободно и Сергѣй не сердился на шутки, отшучиваясь въ свою очередь... Сразу бросалось въ глаза измѣненіе отношеній между отцомъ и сыномъ.

— А ты меня и не замѣтила, прокативъ мимо съ Ива-

номъ Дмитріевичемъ,—обратился, между прочимъ, Аркадій къ Лизѣ, ходя по кухнѣ и смотря, какъ сестра раздуваетъ уголья въ самоварѣ.

Лиза смутилась. Елена Степановна зорко взглянула на дочь.

— Онъ меня подвезъ,—отвѣтила брату Лиза.—По дорогѣ ему было...

— Превосходныя лошади у него. Дура ты, право, что не вышла за него замужъ. Такой мужъ—кладъ. Ужъ одного того довольно, что сотнями тысячъ ворочаетъ и глупъ. Вотъ-то олухъ! Въ мужѣ это обстоятельство да богатство главнѣе всего. Богатство все, а своимъ трудомъ его не наживешь, хоть будь семи пядей во лбу. Я вотъ напроломъ готовъ идти, а все же когда-когда еще что перепадетъ. Можетъ-быть, роса глаза выѣстъ, прежде чѣмъ солнце взойдетъ...

Онъ обернулся къ матери:

— Да, кстати, мамахенъ, я перебираюсь отъ васъ: мѣсто опрастываю для новыхъ жильцовъ.

Онъ усмѣхнулся, подмигнувъ глазомъ.

— Переѣзжаешь, мѣсто досталъ? — спросила, обрадовавшись, Елена Степановна.

— Нѣтъ, еще не досталъ покуда, но достану, — самоувѣренно отвѣтилъ Аркадій.—Здѣсь неудобно и невыгодно: прежде всего, надо имѣть возможность не только бывать у людей, но и у себя принимать ихъ. Мѣста хорошія выпадаютъ не тѣмъ, кто ищетъ ихъ ради голода, а тѣмъ, кто можетъ выбирать между мѣстами. Вообще, если хочешь быть сытымъ, умѣй и самъ прикармливать.

— Да, это такъ, такъ! — согласилась съ Аркадіемъ бабушка. — Преосвященный Иринархъ бывало говаривалъ: «бросишь хлѣбъ позади, а онъ»...

— Это, бабушка, не преосвященный Иринархъ говаривалъ,—возразилъ со смѣхомъ Аркадій.

— А кто же, скажешь? — запротестовала старушка.— Всегда ты споришь! Манеру тоже взялъ. Ужъ я очень хорошо помню, что это онъ говаривалъ. Разъ даже...

— Это прописи, бабушка, говорятъ, а не преосвященный Иринархъ,—крикнулъ ей почти у самаго уха Аркадій.

Старушка заворчала что-то, а Аркадій сталъ снова развивать свои мысли о томъ, какъ и при какихъ обстоятельствахъ можно быть требовательнымъ въ полученіи мѣста. Не тотъ, кто въ дырявыхъ сапогахъ пороги обиваетъ, получаетъ хорошія мѣста, а тотъ, кто успѣетъ во-время кутнуть

съ нужными людьми. Съ Минерашекъ да изъ будуаровъ кокотокъ вѣрнѣе всего путь къ хлѣбнымъ мѣстамъ. Онъ называлъ нѣсколько крупныхъ администраторовъ, которые именно изъ этихъ мѣстъ проникли на высшія должности.

— Всѣхъ этихъ дѣйствительныхъ статскихъ совѣтниковъ изъ балета и не пересчитаешь, — закончилъ онъ небрежно.

При этомъ онъ не пропустилъ случая мимоходомъ хвастливо замѣтить, что и у него уже есть въ виду нѣсколько мѣстъ, но всѣ они кажутся ему мелкими.

— А на что же жить будешь до мѣста? — спросила мать.

— На первый случай у меня есть деньги. Въ Петербургѣ вовсе не трудно раздобыть ихъ, — отвѣтилъ Аркадій. — Разумѣется, какой-нибудь нищій или проходимецъ не достанетъ денегъ, а порядочный человѣкъ никогда не останется безъ нихъ. Не добудешь въ одномъ мѣстѣ, достанешь въ другомъ; не достанешь у пріятелей, разживешься у ростовщиковъ.

— А платить-то изъ чего?

— Будутъ деньги — будетъ чѣмъ и платить долги, а не будетъ денегъ — кредиторы же въ накладѣ останутся, потому что на нѣтъ и суда нѣтъ.

Вошедшій въ комнату Сергѣй, услыхавъ, что братъ переѣзжаетъ отъ нихъ, чуть не вскрикнулъ отъ радости. Онъ такъ былъ обрадованъ этой новостью, что даже шепнулъ мимоходомъ отцу:

— Слава Богу, братъ переѣзжаетъ на отдѣльную квартиру!

Эта новость обрадовала даже Елену Степановну, которая то гордилась старшимъ сыномъ, то сомнѣвалась въ немъ, но во всякомъ случаѣ стѣснялась его присутствіемъ въ ихъ маленькой квартиркѣ, — стѣснялась особенно при мысли о томъ, что должно было произойти въ болѣе или менѣе близкомъ будущемъ. Ложась спать въ эту ночь, она задумалась невольно объ этомъ будущемъ и расплакалась. Что будетъ? Выживетъ ли она? Какъ отнесутся къ этому дѣти? Какой стыдъ и срамъ, что это такъ случилось! Стыдъ терзалъ ее болѣе всего.

— Мама, полно! Тебѣ это вредно! — послышался около нея голосъ подошедшей Лизы. — Богъ дастъ, все обойдется благополучно...

Она еще ни разу не заговаривала съ матерью объ этомъ щекотливомъ вопросѣ. Но теперь рѣшилась объясниться: слезы матери въ затишьѣ ночи надрывали ей сердце.

— Лиза, прости ты меня! Въ глаза никому не смѣю смо-

трѣть!—проговорила въ волненіи Елена Степановна, сразу понявъ, что дочь уже все знаетъ. — О, Господи, стыдъ какой! Что Сережа скажетъ! Онъ уже большой мальчикъ, а не ребенокъ. И что будетъ... какъ я подниму ребенка?... Гдѣ силы?..

— Мама, это не твоя забота! Это мой ребенокъ будетъ! Я его выкормлю и воспитаю!—горячо сказала Лиза.

— Ты? Дѣвочка! Гдѣ же тебѣ! — проговорила мать. — И такъ довольно у тебя заботъ.

— Нѣтъ, нѣтъ, это будетъ мой ребенокъ. Я... вотъ ты увидишь, какимъ славнымъ ребенкомъ онъ вырастетъ у меня. Да я все сдѣлаю, чтобы поднять его. Ты такъ и не думай о немъ...

— Голубушка, не знаешь ты, что значитъ съ дѣтьми няньчиться!—сказала мать.

— Ну, вотъ и узнаю, — бодро отвѣтила Лиза. — Вѣдь, если бы я была замужемъ, пришлось бы со своими дѣтьми возиться...

Она долго успокаивала мать, которая съ нервной раздражительностью повторяла о томъ, что ей стыдно дѣтямъ смотрѣть въ глаза, что она предчувствуетъ ожидающія ихъ несчастія и тому подобное. А бабушка? Она ничего не видитъ, не понимаетъ. Всѣмъ будетъ мѣшать и надоѣдать, когда это все случится. И убрать ее некуда на-время. Хоть бы только на десятокъ дней убрать во время родовъ! Елена Степановна уже давно дошла до того настроенія души, когда люди придираются къ каждому удобному случаю, чтобы пожаловаться и поплакать. Теперь она дала полную волю слезамъ и жалобамъ. Далеко за полночь продолжалась бесѣда дочери съ матерью, и въ чуткой тишинѣ ночи, когда полуглухая бабушка и не желавшій ни во что вслушиваться Аркадій покоились сладкимъ сномъ, Сергѣй и Аркадій Лукьяновичъ слышали, лежа на своихъ кроватяхъ, похожій на шорохъ мыши шопотъ въ кухнѣ и тихое, осторожное сморканье плакавшихъ Елены Степановны и Лизы. «Неужели начинается? Кажется, еще рано, — мысленно разсуждалъ Аркадій Лукьяновичъ и, пересчитывая мѣсяцы, насчитывалъ всего шестой мѣсяцъ. — Нѣтъ, должно-быть, это такъ, просто понездоровилось ей сегодня, къ перемѣнѣ погоды. А все же, слава Богу, что Аркадій выбирается отъ насъ теперь. Неловко, если бы при немъ. Богъ съ нимъ, пусть живетъ на сторонѣ». «Это она съ Лизой объ *этомъ* говоритъ,—разсуждалъ въ свою очередь Сергѣй.—Тревожитъ ее

это. А что опасно *это* или нѣтъ? Вотъ мы же родились, не умерла она. Надо будетъ ее въ комнату помѣстить, а самимъ въ кухню перебраться. Такъ будетъ удобнѣе. И какое счастье, что Аркадій переѣзжаетъ».

На слѣдующее утро Сергѣй смотрѣлъ особенно пытливо на мать и сестру. Его начинало тревожить будущее, близкое будущее, какъ начинало казаться ему. Улучивъ свободную минуту, онъ обратился къ Лизѣ:

— Ты бы посовѣтовала мамѣ перебраться въ комнату, а мы съ отцомъ перешли бы въ кухню. Такъ будетъ лучше для матери. Братъ, слава Богу, уѣзжаетъ, и намъ съ отцомъ будетъ удобно въ кухнѣ.

— Зачѣмъ же,—начала Лиза, немного смутившись.

— Ты же понимаешь, что нашъ долгъ теперь заботиться о матери,—отвѣтилъ онъ съ серьезностью взрослаго и спросилъ:—*Это* не опасно, какъ ты думаешь?

— Я думаю, нѣтъ, — отвѣтила она, стыдливо глядя въ сторону.—Я еще не знаю... съ докторомъ не говорили.

— Надо будетъ поговорить. Ты должна настоять. Мнѣ же неудобно говорить съ ней объ этомъ.

— Она-то и не думаетъ о докторѣ.

— Мало ли что! Она все только разсчитываетъ гроши. Это наша обязанность позаботиться о ней. Она намъ мать.

Онъ вдругъ обернулся къ сестрѣ и почти весело, съ оживленіемъ проговорилъ:

— А знаешь, я очень, очень радъ этому... У насъ хоть цѣль въ жизни будетъ... Да, вѣдь?..

Онъ крѣпко сжалъ руку сестры. Цѣль въ жизни — ребенокъ, съ которымъ они будутъ возиться, котораго они вырастятъ съ колыбели, для котораго они будутъ жить. Съ чисто дѣтскимъ увлеченіемъ онъ восторгался этою мыслью и былъ готовъ принести всякія жертвы ради этого, еще никому невѣдомаго ребенка. Какія жертвы будутъ для этого нужны—этого не знали ни онъ, ни его сестра.

VII.

Въ ненастные дни октября, Елена Степановна стала все чаще и чаще прихварывать, и ее охватывалъ неодолимый страхъ передъ близкимъ будущимъ, передъ предстоящими расходами. Денегъ, вырабатываемыхъ ею, Лизой и Сергѣемъ, едва хватало на самыя первыя потребности,—на ѣду, одежду и обувь. Для экстренныхъ же расходовъ не могло быть при-

пасено ничего. Особенно тяжелы были для Елены Степановны долгія безсонныя ночи, когда мысли, не развлекаемыя ничѣмъ постороннимъ, становились все мрачнѣе и мрачнѣе, сосредоточиваясь на одномъ и томъ же: «что будетъ?» когда пугающія предчувствія громоздились одно за другимъ, когда наводилъ уныніе какой-нибудь неустанно барабанившій въ окна дождь, а какой-нибудь заунывный вой продрогнувшей на холоду дворовой собаки Урѣзки казался зловѣщимъ пророчествомъ будущихъ несчастій.

— Господи, и что это она воетъ, что это она воетъ! — тихо шептала Елена Степановна и уже представляла себя лежащей въ гробу среди обезумѣвшей отъ горя семьи.

Въ одну изъ такихъ ночей, страдая отъ безсонницы и головной боли, она не могла удержаться отъ стоновъ:

— Охъ, не могу я, не могу, смерть моя приходитъ!

Эти тихіе стоны пробудили Лизу, спавшую въ комнатѣ съ Еленой Степановной и бабушкой, тогда какъ Аркадій Лукьяновичъ и Сережа уже перемѣстились въ кухню, такъ какъ Аркадій освободилъ семью отъ своего присутствія. Лиза торопливо вскочила со своей постели, подбѣжала къ матери и послышался сдержанный шопотъ.

— За акушеркой, за докторомъ надо послать?

— Нѣтъ, нѣтъ, голубка, не надо... Это такъ еще разнемоглась я... То еще не скоро... И будить-то тебя не хотѣлось... мучу только людей... Силъ только болѣе нѣтъ терпѣть... Ты мнѣ только горчичникъ поставь къ затылку... Голову разломило у меня... Вотъ ужъ истинно не то, такъ другое: только порадовалась, что кашель совсѣмъ прекратился, а тутъ эти головныя боли явились... Въ шкапчикѣ есть горчица готовая, въ баночкѣ... на тряпочку намажь... Охъ, и что это Урѣзка нынче все по ночамъ воетъ!..

— Мама, хорошо ли это, горчичники-то? Не лучше ли за докторомъ сперва съѣздить?—съ опасеніемъ спросила Лиза

— Нѣтъ, нѣтъ, не надо... Горчичникъ только...

Въ полутемной комнатѣ, едва озаренной свѣтомъ лампады, постоянно теплившейся въ послѣднее время у образа, начались хлопоты. Лиза, въ надѣтыхъ на босую ногу башмакахъ, сновала по комнатѣ отъ посуднаго шкапчика къ постели матери, стараясь не шумѣть, чтобы не разбудить никого. Но ея старанія были напрасны: въ кухнѣ уже не спали ни Аркадій Лукьяновичъ, ни Сергѣй и прислушивались, затаивъ дыханіе, и къ шопоту женщинъ, и къ движеніямъ Лизы; въ то же время, и отецъ, и сынъ боялись встать,

заговорить другъ съ другомъ, мучительно выжидая, что вотъ-вотъ ихъ позоветъ на помощь Лиза.

— Охъ, измучила я тебя! — шептала больная. — Что же послѣ-то будетъ? Худшее-то впереди... Хоть бы еще бабушки не было... А то она по рукамъ и ногамъ свяжетъ, одними разспросами съ ума сведетъ; выкрикивать ей все нужно... Тоже Сережа... юноша онъ... Хорошій примѣръ, нечего сказать... Нѣтъ, уйти мнѣ надо будетъ. Въ родильный пріютъ уйти надо... Господи, наказалъ Ты меня!

Лиза пробовала успокоить мать, но и ее сильно тревожила мысль о томъ, какъ сложатся далѣе обстоятельства.

Ужъ не первый разъ приходилось ей проводить безсонныя ночи, или помогая матери, страдавшей то головными болями, то тошнотой, или утѣшая ее, когда она вдругъ начинала плакать и жаловаться на судьбу. Каждый разъ послѣ такихъ безсонныхъ ночей, Сергѣй зорко всматривался въ лицо сестры, не рѣшаясь спросить ее, скоро ли кончится *это*. Воображеніе его преувеличивало опасности, рисовало будущность въ самыхъ мрачныхъ краскахъ, а окружающая жизнь не радовала ничѣмъ, что могло бы настроить юношу болѣе празднично. Порой, сидя въ классѣ, онъ вдругъ вспоминалъ: «А что мать?» и все, что происходило вокругъ него,—разговоры школьниковъ, вопросы учителя, выученные уроки, — исчезало, заслонялось картинами происходившихъ дома событій. Его думы прерывались внезапнымъ возгласомъ учителя. «Волошиновъ, отвѣчайте!» Онъ поднимался съ мѣста, точно очнувшись отъ сна, не сразу соображалъ, зачѣмъ его зовутъ, чего отъ него хотятъ, путался въ отвѣтахъ. Какія отмѣтки ставились ему учителями — ему было уже все равно. Товарищи не узнавали въ немъ прежняго—самолюбиваго и настойчиваго—перваго ученика въ классѣ. Что творится съ нимъ—они не знали, такъ какъ онъ сразу отстранился отъ нихъ и сдѣлался рѣзкимъ и грубымъ. Онъ отстранился, впрочемъ, не только отъ нихъ, но почти пересталъ навѣщать и Любовь Васильевну, такъ какъ ея утѣшенія и подбадриванія стали только раздражать его. «Вотъ тоже создала по своему вкусу фантастическій міръ,—ворчалъ онъ теперь про нее:—населила его выдуманными ею самою людьми; вообразила, что всѣ они ее любятъ, и счастлива, слепая по грязи и служа предметомъ насмѣшекъ». Самъ онъ жилъ всецѣло интересами своей семьи и ея заботами...

Особенно тревожно слѣдилъ онъ за сестрою послѣ той

безсонной ночи, когда онъ въ затишьѣ ясно разслышалъ шопотъ матери о бабушкѣ и о немъ самомъ.

— Ты что же, Сережа, не идешь въ гимназію? — спросила его Лиза утромъ, видя, что онъ не собирается идти въ классы.

— А у насъ сегодня первыхъ уроковъ не будетъ, — отвѣтилъ онъ въ замѣшательствѣ, безъ подготовленія выдумавъ отговорку, и озабоченно поторопился отозвать сестру въ сторону.—Лиза,—началъ онъ:—это скоро будетъ теперь?

— Я не знаю,—отвѣтила она и прибавила, не глядя на него:—Кажется, черезъ мѣсяцъ...

— Надо навѣрное узнать,—настойчиво проговорилъ онъ.

Тогда она отвѣтила уже прямо:

— Я навѣрное знаю, что черезъ мѣсяцъ...

Онъ немного стѣснялся сказать то, что надо было сказать, наконецъ объяснилъ:

— Я слышалъ, что мама говорила сегодня ночью обо мнѣ и бабушкѣ... Это она правду сказала... Видишь ли, я придумалъ: я найду уголъ у Четыркина на это время... Много ли мнѣ мѣста нужно? Калачомъ свернусь и вездѣ усну... А если пристроюсь у Четыркина, то удобно будетъ для всѣхъ: понадоблюсь я тебѣ на помощь — тутъ рукой подать до него, всего два дома... А съ бабушкой...

Онъ нерѣшительно посовѣтовалъ сестрѣ:

— Ты бы съ Тарасовой, Лиза, поговорила... У нея тамъ приживалки разныя, квартира въ пятнадцать комнатъ... Что ей значитъ пріютить старуху на недѣльку. Это вѣдь не дольше продолжится? Да?..

— Я не знаю; вѣроятно, не дольше,—отвѣтила Лиза. — А насчетъ Тарасовой — это ты хорошо придумалъ, Сережа, хоть и тяжело мнѣ просить... Я сегодня же схожу...

— Да, да, сегодня. У насъ вотъ первыхъ уроковъ нѣтъ... ты и сходишь, а я побуду дома... одного отца нельзя же оставить, понадобится докторъ или акушерка,—съ кѣмъ онъ оставитъ мать? Бабушка не помощница... совсѣмъ изъ ума выживаетъ.

Онъ ни на минуту не остановился на мысли о томъ, что ему не слѣдуетъ пропускать классовъ: всѣ его мысли были теперь заняты положеніемъ матери. Впервые въ жизни гимназія и ученье совсѣмъ отошли у него на задній планъ, перестали играть роль въ его жизни, даже начинали раздражать его, когда приходилось о нихъ вспоминать поневолѣ. «Ничѣмъ не до ученья»,—отрывисто говорилъ онъ про себя.

Лиза отправилась къ Тарасовой, волнуясь надеждами и сомнѣніями. Какъ приступить къ Тарасовой со щекотливой просьбой? Исполнитъ ли она эту просьбу? Она вѣдь даже не знаетъ бабушку; видѣла старуху раза два въ церкви и то давно. Очень ужъ безцеремонно просить ее — пріютить незнакомую и почти безпомощную женщину. И безъ того, подъ видомъ заказовъ, Тарасова въ сущности благодѣтельствуетъ имъ; иногда рублей на двадцать въ мѣсяцъ онѣ нашьютъ ей. Онѣ уже не просто бѣдныя труженицы, а нищія, для которыхъ изобрѣтаются работы. И все же можетъ ихъ семья жить трудомъ только впроголодь, а чуть понадобится обувь, одежда—тотчасъ же имъ нечѣмъ и обернуться. Еще хорошо, что отецъ научился сапоги шить и чинить,—все же помощь. И какъ быстро носятся эти дешевыя вещи, точно сгораютъ. Что же будетъ дальше, когда понадобится акушерка, можетъ-быть, акушеръ, лѣкарства? Одѣяльца новенькаго для ребенка не могли они приготовить, пеленки изъ старыхъ тряпокъ готовять... У нея навернулись на глаза слезы. Все бы она сдѣлала, все бы отдала, только бы это дитя явилось въ міръ при лучшихъ условіяхъ, не было бы съ перваго же дня жизни облечено въ лохмотья. Всѣ эти мысли неотступно роились въ головѣ молодой дѣвушки во время дороги, и все-таки, переступая порогъ квартиры Натальи Аѳанасьевны, Лиза не обдумала даже, съ чего начать разговоръ съ Тарасовой... Къ счастью, ее тотчасъ же неумышленно выручила сама Наталья Аѳанасьевна.

По обыкновенію, Лиза застала Тарасову за чайнымъ столомъ, вокругъ котораго собрались и ея приживалки со своими болонками и мопсами. Эта «богадѣльня престарѣлыхъ дѣвицъ»,—какъ шутливо называлъ домъ тетки Иванъ Дмитріевичъ, — вѣчно что-нибудь ѣла или пила, играла въ карты или забавлялась съ собачками, немолчно жужжа, какъ пчелиный рой. Столовая была сборнымъ пунктомъ всѣхъ домашнихъ и знакомыхъ Тарасовой.

— А, Лизочка, здравствуйте, — привѣтливо сказала Наталья Аѳанасьевна и, не трогаясь съ мѣста, протянула Лизѣ свою выхоленную бѣлую руку.

Старуха,—если только можно было назвать старухою эту, все еще блиставшую своей холодной красотой, женщину,— была по обыкновенію одѣта щеголевато—въ костюмъ своего любимаго стальнаго цвѣта, съ массою бѣлыхъ кружевъ и бантовъ лиловаго цвѣта. Въ ея ушахъ были большія серьги съ темными аметистами. На груди виднѣлась крупная брошка,

а на бѣлыхъ рукахъ красовались тяжеловѣсные браслеты съ такими же каменьями. Приживалки, принаряженныя, подпудренныя, въ завитушкахъ на лбахъ, повставали съ мѣстъ, съ сладенькими улыбочками чмокая въ губы и щеки молодую дѣвушку. Всѣ онѣ уже ухаживали за ней: однѣ только за то, что къ ней благоволила Тарасова; другія, можетъ-быть, и за то, что она сама была симпатичнымъ существомъ.

— Вы что это, Лизочка, сегодня плакать изволили, что ли!—спросила Тарасова, смотря на Лизу своими спокойными, слегка холодными глазами. — Ну, вотъ и покраснѣли опять! Ну, еще немного, еще! — ласково пошутила она, видя, какъ заливается отъ ея словъ яркой краской лицо Лизы.

— Мамѣ нездоровится,—отвѣтила Лиза въ смущеніи.

— Чаю или кофе?—спросила Тарасова, взявъ въ руки чашку для Лизы.

— Мнѣ все равно,—отвѣтила Лиза.

— Ну, такъ я кофе налью. Сейчасъ сливки привезли съ дачи, густыя, какъ сметана, — рѣшила Тарасова и, опять переходя къ начатому разговору, спросила:—Звали доктора къ мамѣ?

— Нѣтъ, обошлись своими средствами покуда...

Лиза до этой поры все еще не знала, понимаетъ ли Тарасова положеніе ея матери. Но Тарасова сказала ей теперь:

— Смотрите, въ ея положеніи нельзя шутить болѣзнью.

Тогда Лиза отвѣтила:

— Я знаю это, Наталья Аѳанасьевна. Потомъ, разумѣется, надо будетъ прибѣгнуть къ медицинской помощи... черезъ мѣсяцъ *это*...

Тарасова вздохнула и посовѣтовала:

— Не запускайте, смотрите!

Она подала Лизѣ чашку кофе и замѣтила:

— И какъ досадно, что вы въ нашемъ домѣ не остались жить... Надо было откровенно все сказать... Тутъ все бы подъ рукой было... И тѣсно, вѣроятно, у васъ теперь?

— Ну, что дѣлать,—въ замѣшательствѣ сказала Лиза и пояснила:—Вотъ только бабушка мѣшать будетъ во время болѣзни... глуховата она, все кричать ей надо... тоже ноги иногда измѣняютъ...

— Да вы ее сюда сплавьте, — раздался за Лизою веселый голосъ незамѣтно вошедшаго въ комнату Ивана Дмитріевича:—въ дополненіе коллекціи...

Лиза чуть не вскрикнула отъ неожиданности и опять раскраснѣлась до ушей. Слышалъ ли онъ все, о чемъ говорили онѣ? Онъ, глядя на нее безцеремонно въ упоръ, поздоровался съ нею и обратился къ теткѣ:

— Ничего серьезнаго съ Беркутомъ; пусть денекъ отдохнетъ,—вотъ и все. А Якову я нахлобучку дамъ: не умѣетъ съ лошадьми обходиться; думаетъ, что лошадь то же, что мужикъ.

— Бѣда со своими лошадьми, — пояснила Наталья Ѳеанасьевна, не обращаясь ни къ кому въ особенности:—только привыкнешь, полюбишь, а тутъ что-нибудь и приключится.

Затѣмъ она обратилась къ Лизѣ:

— А это правду Ваня сказалъ: вы привезете сюда свою старушку, пусть погоститъ... У насъ и просторъ, и свѣтъ, и подправится она немного.

Лицо Лизы горѣло: ей послышалось даже, вмѣсто слова «подправится», слово «подкормится». Она сдѣлала надъ собой усиліе и сказала:

— Мы и безъ того такъ обязаны вамъ и Ивану Дмитріевичу...

— Мнѣ-то за что?—спросилъ Тарасовъ.—За то развѣ, что подвезъ васъ однажды въ дождь... Ну, такъ эта услуга вамъ самимъ дорого обошлась...

Лиза взглянула на него вопросительно.

— Пришлось въ наказанье цѣлыхъ полчаса пробыть въ моемъ обществѣ съ глазу на глазъ,—пояснилъ онъ съ насмѣшливой улыбкой, смущая ее своимъ пристальнымъ взглядомъ.—Можетъ-быть, для васъ легче бы было до костей промокнуть.

— Я бы не поѣхала съ вами, если бы это было мнѣ такъ непріятно,—просто отвѣтила Лиза.

Иванъ Дмитріевичъ не спускалъ съ Лизы глазъ. Въ ней все пробуждало въ немъ страстныя ощущенія: въ ея отсутствіи онъ часто вспоминалъ о ней съ чисто животными желаніями, которыя пробудила она въ немъ уже въ тѣ дни, когда онъ былъ почти мальчишкой и «еще не перебѣсился», какъ онъ говорилъ самъ, и эти животные инстинкты наводили его на мысль, что «онъ отдалъ бы все за нее» и сдѣлалъ бы все, чтобы обладать ею. При ней же, со времени ея отказа, онъ проникался какимъ-то невольнымъ уваженіемъ и говорилъ съ ней, насколько могъ, серьезно, какъ ни съ кѣмъ, особенно съ женщинами, которыхъ онъ презиралъ и ставилъ наравнѣ съ вещами,—и это безотчетное

уваженіе къ ней бѣсило его, точно ему казалось обиднымъ чувствовать себя порабощеннымъ какою-то «дѣвчонкою». Послѣ каждой встрѣчи съ Лизой, онъ на нѣкоторое время былъ не въ духѣ, окончательно охладѣвалъ къ женѣ и придирался къ ней за ея мелочные капризы, за ея безвкусное щегольство, за ея жеманное кривлянье, — однимъ словомъ, за каждый шагъ этой богатой купеческой дочки, желавшей играть роль свѣтской барыни и благотворительницы. Все въ ней казалось ему гораздо хуже, чѣмъ было на самомъ дѣлѣ, и онъ даже не старался или, вѣрнѣе, не умѣлъ скрыть этого, какъ не умѣлъ скрывать ничего, даже и тогда, когда глубоко оскорблялъ людей своей «душой на распашку», своимъ «нашему нраву не препятствуй». Нерѣдко дѣло доходило до безобразныхъ выходокъ съ женой. Та приглашала его ѣхать въ театръ, а онъ замѣчалъ:

— Вы бы, Марья Потаповна, взглянули сегодня на себя въ зеркало: на кого вы похожи! На камелію французскую! А я съ камеліями только въ отдѣльные кабинеты ѣзжу, а не въ театры.

Или вдругъ ни съ того, ни съ сего оскорблялъ ее совѣтомъ:

— Вы бы умылись. У васъ лицо въ мукѣ запачкано!

Марья Потаповна обыкновенно не оставалась въ долгу, и между мужемъ и женою происходили возмутительныя сцены площадныхъ перебранокъ, при чемъ Ивану Дмитріевичу казалось отвратительнымъ въ женѣ все,—каждая черта, каждый жестъ, каждое слово. Ему вспоминалась въ этихъ случаяхъ Лиза: ея цвѣтущая здоровьемъ фигура, ея румяное лицо, ея спокойная походка, ея сдержанная рѣчь, ея всегда простое платье съ гладкимъ лифомъ, на который онъ не могъ смотрѣть безъ волненія, мысленно раздѣвая ее. Нерѣдко въ немъ поднималось глухое негодованіе на Лизу, почти ненависть къ ней за то, что она отказала ему, за то, что онъ изъ-за нея женился «на крашеной куклѣ на пружинахъ»; за то, что она и теперь словно дразнитъ его и появляется передъ нимъ такой спокойной, все проще и проще относясь къ нему и ужъ не думая бѣжать прочь, какъ въ былые дни. Такой порывъ раздражительности охватилъ его со всей силой теперь при послѣднихъ словахъ Лизы. Онъ грубовато и насмѣшливо проговорилъ:

— Это съ которыхъ же поръ, Лизавета Аркадьевна, васъ перестало тошнить отъ одного моего присутствія? Любопытно было бы знать!

Ее точно обожгло отъ этого вопроса, отъ этого тона. Краска бросилась ей въ лицо; она почувствовала, что вотъ-вотъ у нея брызнутъ изъ глазъ слезы. Но она сдѣлала усиліе надъ собой, замѣтивъ, что всѣ приживалки слѣдятъ за нею, и съ легкимъ смѣхомъ, стараясь скрыть волненіе, отвѣтила:

— Да, вѣроятно, съ той поры, Иванъ Дмитріевичъ, когда я перестала ожидать отъ васъ такихъ вопросовъ, какъ теперешній.

И, отвернувшись отъ него, она заговорила съ Натальей Аѳанасьевной о какой-то вышивкѣ, наобумъ, поспѣшно, только бы избѣжать дальнѣйшихъ объясненій съ нимъ. На минуту ей вспомнился прежній «нахалъ», но она не разсердилась на него, а просто почувствовала, что ей стало больно за него: зачѣмъ онъ не сдерживаетъ себя!

Минутъ черезъ десять, получивъ позволеніе привезти бабушку къ Тарасовой, когда будетъ нужно, Лиза поспѣшила домой.

Ходъ къ квартирѣ Тарасовой находился на первомъ большомъ дворѣ, выложенномъ узоромъ, мелкими камнями, залитыми асфальтомъ, и украшенномъ двумя высокими канделябрами, поставленными у подъѣзда съ бронзовыми рѣшетками, съ массивными дубовыми дверьми, съ зеркальными узорчатыми стеклами. Старуха жила въ третьемъ этажѣ, тогда какъ на площадкѣ бель-этажа находилась входная дверь занимаемой Иваномъ Дмитріевичемъ половины. Какъ только вышла Лиза изъ квартиры Натальи Аѳанасьевны, на лѣстницѣ за нею послышались торопливые мужскіе шаги.

— Вы разсердились на меня?—остановилъ Лизу голосъ нагнавшаго ее Тарасова.

— Разсердилась?—переспросила Лиза, покачавъ головой и продолжая спускаться съ лѣстницы.—Нѣтъ! Я уже давно потеряла право сердиться на кого бы то ни было.

— Нѣтъ, я знаю, что разсердились,—настаивалъ онъ.

— Увѣряю васъ, что нѣтъ, сказала она.—Но мнѣ обидно стало. Это точно. Вы какого отвѣта ждали на свой вопросъ? Чтобы я сказала, что я примирилась съ вашимъ присутствіемъ съ той поры, какъ мы обнищали, съ той поры, какъ ваша тетушка стала благодѣтельствовать намъ? Да?

— Позвольте,—началъ онъ въ замѣшательствѣ:—я и не думалъ...

— Нѣтъ, вы именно этого отвѣта, только этого отвѣта и могли ждать,—настойчиво и страстно перебила она его съ

горящимъ лицомъ.—Но вы ошибаетесь: меня не нищета заставила иначе относиться къ вамъ, не страхъ потерять расположеніе вашей тетки. Нѣтъ, я еще до этого не дошла. Мнѣ просто стало казаться, что вы лучше на дѣлѣ, чѣмъ казались мнѣ сперва. Вотъ и все.

— А теперь вы пришли къ заключенію, что я и на дѣлѣ таковъ, какимъ показался вамъ съ перваго взгляда?

— Вамъ ни тепло, ни холодно отъ того, что и кто думаетъ о васъ, — отвѣтила она, уклоняясь отъ прямого отвѣта.

— Вы думаете?—спросилъ онъ.

— Я въ этомъ убѣждена, да и вы сами знаете это.

Онъ хотѣлъ что-то сказать, но Лиза заторопилась, поровнявшись съ дверями его квартиры, на площадкѣ бельэтажа:

— Вы меня, Иванъ Дмитріевичъ, простите, я тороплюсь; матушка одна дома, и я могу тамъ понадобиться.

Она поспѣшно сошла съ лѣстницы, оставивъ Тарасова одного. Лиза вернулась домой съ хорошими вѣстями: бабушку можно было «сбыть съ рукъ» на недѣлю, на двѣ къ Тарасовой. Тѣмъ не менѣе, Сергѣй не повеселѣлъ. И тотчасъ же по возвращеніи Лизы домой куда-то заторопился. Все это утро онъ провелъ въ тревогѣ и, улучивъ минуту, спросилъ отца:

— А какъ мы справимся съ деньгами, папа, когда понадобятся экстренные расходы?

Аркадій Лукьяновичъ посмотрѣлъ на сына вопросительно, потомъ сообразилъ, что тотъ уже все знаетъ и видитъ, и отвѣтилъ:

— Я ужъ и такъ, доложу тебѣ, руками развожу. Если бы чорту душу отдать было можно — отдалъ бы. Ей-Богу!

— Ты бы къ Аркадію обратился,—посовѣтовалъ Сергѣй:— переѣхалъ онъ, живетъ припѣваючи...

Аркадій Лукьяновичъ перебилъ слова сына:

— Какое же я право-то имѣю? Его же деньги растратилъ, изволишь видѣть, а теперь къ нему пойду. Нѣтъ, ужъ это не резонъ.

— Никакихъ ты его денегъ не тратилъ! Чего ты обвиняешь всегда себя?—прервалъ его горячо Сергѣй.

— Ну да, положимъ, что и такъ, то-есть, что не я виноватъ, но и въ этомъ случаѣ, изволишь видѣть, чего же можно требовать отъ него. Поди, самъ перебивается съ хлѣба на квасъ. Ей-Богу!

— Не перебивается, а пыль въ глаза пускаетъ людямъ.

— Ты же откуда знаешь?

— У насъ племянникъ графини Горичевой учится въ гимназіи. Спрашивалъ меня, не мой ли братъ онъ. Отъ этого Горичева я и знаю, что онъ съ золотой молодежью кутитъ.

Аркадій Лукьяновичъ вздохнулъ.

— Что же, это ничего не доказываетъ. Изволишь видѣть, и дяди его кутили, а кончили — хуже, чѣмъ я, кончили. Ей-Богу.

— Ну, онъ-то такъ не кончитъ,—сказалъ Сергѣй съ явнымъ нерасположеніемъ къ брату. — Онъ и себя, и душу свою продастъ, а выйдетъ сухъ изъ воды. Онъ изъ новыхъ.

Мысль о необходимости достать денегъ на черный день,— на то время, когда могутъ понадобиться и акушерка, и докторъ, и лѣкарства,—теперь засѣла въ головѣ Сергѣя, и онъ пошелъ, никому не сказавъ объ этомъ, къ брату. Какъ утопающій, онъ готовъ былъ схватиться за каждую соломинку. Аркадій Аркадьевичъ поселился въ очень приличныхъ «меблированныхъ комнатахъ» и жилъ, повидимому, хорошо, не нуждаясь. Сергѣй засталъ его дома. Тотъ въ домашнемъ пиджакѣ ходилъ изъ угла въ уголъ, засунувъ руки въ карманы брюкъ и что-то насвистывая. Онъ былъ хмуръ и озабоченъ.

— Ты какими судьбами?— отрывисто спросилъ онъ брата, когда тотъ вошелъ къ нему.

— По дѣлу,—отвѣтилъ Сергѣй, здороваясь съ нимъ

— Изъ гимназіи, что ли, выгнали?—спросилъ небрежно Аркадій и прибавилъ: — Ты, кажется, юродствуешь тамъ, плохо учишься, обращаешь на себя вниманіе своимъ поведеніемъ, держишь себя странно. Чѣмъ бы сблизиться съ порядочными товарищами, ты...

— Я къ тебѣ не за наставленіями пришелъ,—перебилъ его Сергѣй.

— Мало ли что, а я считаю долгомъ старшаго брата учить тебя. Или ты желаешь быть такимъ же нищимъ, какъ отецъ, чтобы и отъ тебя отвернулись всѣ порядочные люди?

— Кого ты порядочными-то людьми считаешь?—спросилъ Сергѣй.—Всѣхъ прохвостовъ, у которыхъ деньги есть?

— А ужъ ты не тѣхъ ли только и считаешь за угодниковъ Божіихъ, у которыхъ рыла вымыть нечѣмъ, которые нагишомъ ходятъ?—проговорилъ Аркадій.—Ахъ, вы, юроды!

Онъ вдругъ остановился передъ Сергѣемъ и придирчивымъ тономъ спросилъ его, окидывая глазами его костюмъ:

— Сегодня ты былъ въ гимназіи?

— А тебѣ что?—въ свою очередь спросилъ Сергѣй.

— А то, что если былъ, то тебя могли выгнать за неряшество! Это у тебя какая рубашка надѣта? Изъ трубы вынута? А это что? Гдѣ пуговица? Это чѣмъ залито?

Онъ тыкалъ въ его мундиръ рукою и трясъ его за рукавъ, принявъ начальническій строгій тонъ. Сергѣй стиснулъ зубы, стараясь удерживаться, чтобы не разругаться съ братомъ.

— Да у насъ въ корпусѣ ты бы изъ-подъ ареста не выходилъ за неряшество!—прикрикнулъ на него Аркадій.— Тебя бы драли какъ сидорову козу...

— А ты бы далъ намъ денегъ, чтобы мы могли жить, какъ ты, въ чистотѣ и порядкѣ,—отвѣтилъ сдержанно Сергѣй и прибавилъ:—Я вотъ и пришелъ затѣмъ, чтобы...

— Денегъ, денегъ!—перебилъ его раздражительно Аркадій.—У меня у самого гроша нѣтъ. Но я не свинья, какъ вы, я всегда привыкъ жить по-человѣчески и всегда буду жить такъ...

— Вотъ ты и дай намъ, чтобы мы тоже могли жить по-человѣчески,—сказалъ Сергѣй.

— Откуда у меня деньги, чтобы раздавать? Меня же ограбили, да я же еще помогать долженъ.

— Ты знаешь, у отца и матери скоро будутъ большіе расходы.

— Ахъ, это ты про роды? Ну, умѣли кататься, пусть и саночки возятъ... Я вотъ не хожу къ нимъ за помощью, а у меня хуже родовъ обстоятельства. Они у меня вотъ гдѣ сидятъ,—онъ показалъ на затылокъ.—Вотъ ты бы послушалъ, что сейчасъ передъ твоимъ приходомъ изволилъ говорить здѣсь одинъ изъ моихъ кредиторовъ.

Онъ въ волненіи заходилъ быстрѣе по комнатѣ.

— Если черезъ мѣсяцъ я не получу мѣста или денегъ, крупныхъ денегъ—мнѣ надо будетъ пулю въ лобъ пустить. Эти мерзавцы-кредиторы меня погубятъ: они даютъ, но умѣютъ и прижать. Каждой кошкѣ въ ножки придется кланяться...

Онъ перевелъ съ трудомъ духъ.

— Ну, да я даромъ судьбѣ не сдамся! Я самъ скорѣе кого-нибудь задушу, чѣмъ меня задушатъ. Я не щенокъ паршивый, котораго можно въ мѣшокъ да и въ воду!

Онъ опять началъ насвистывать въ раздраженіи какой-то мотивъ, шагая изъ угла въ уголъ. Сергѣй сидѣлъ понуривъ

голову и, тупо смотря въ полъ, вертѣлъ въ рукахъ порыжѣвшую гимназическую фуражку. Онъ видѣлъ, что отъ Аркадія, который самъ прижатъ къ стѣнѣ, нечего ждать помощи. Но гдѣ же ее взять? Какъ быть, когда настаетъ роковое время родовъ? Онъ, точно пришибленный, машинально поднялся съ мѣста и въ забывчивости, не прощаясь съ братомъ, нацѣпъ фуражку, побрелъ изъ комнаты.

— Эй ты, слухъ!—крикнулъ ему въ догонку Аркадій.— Въ конюшнѣ ты, что ли, что фуражку надѣлъ?

— А, ну тебя!—отрывисто отвѣтилъ Сергѣй, махнувъ рукою, и вышелъ.

Ему было не до брата, не до приличій: его всего охватила тревога за будущее, подавляющее отчаяніе. Возвращаясь домой, онъ встрѣтилъ Любовь Васильевну. Она сейчасъ же начала оживленно разспрашивать, здоровы ли всѣ его домашніе; что дѣлается у нихъ, и на отвѣтъ его о томъ, что у нихъ дѣла идутъ все хуже и хуже, сказала успокоительнымъ, ободряющимъ тономъ:

— Ну, Богъ дастъ, все обойдется хорошо!..

Онъ сильно раздражился

— Что вы ходячія-то фразы безъ смысла повторяете?— рѣзко оборвалъ онъ ее.—Богъ дастъ! Богъ дастъ! Ничего еще покуда съ неба не падало, чтобы надѣяться на то, что теперь манна на насъ посыплется. Хорошо вамъ говорить, когда вы одна, какъ перстъ, и за облаками витаете!

Онъ махнулъ безнадежно рукою и пошелъ своей дорогой, даже не простившись съ озадаченной Любовью Васильевной.

VIII.

Откинувшись на спинку большого кресла у письменнаго стола и протянувъ на черной медвѣжьей шкурѣ свои ноги подъ этимъ столомъ, Иванъ Дмитріевичъ Тарасовъ, съ зубочисткой въ рукѣ, слушалъ не безъ любопытства, послѣ сытнаго обѣда, горячую рѣчь гостя, ходившаго походкой военнаго по его просторному и заставленному разными предметами роскоши кабинету, и отъ времени до времени задавалъ короткіе вопросы словоохотливому посѣтителю. Хозяинъ говорилъ нѣсколько пренебрежительнымъ тономъ и, повидимому, не особенно стѣснялся со своимъ посѣтителемъ, прерывая его иногда на полусловѣ или возражая ему со своимъ нестерпимо-откровеннымъ лаконизмомъ: «Это все чепуха», «это ужъ вы вздоръ говорите», «выдумывать-то вы мастеръ». Отъ такихъ замѣчаній по лицу гостя пробѣ-

гали едва замѣтныя гримасы, говорившія, что онъ мысленно называетъ, вѣроятно, хозяина и «осломъ», и «скотомъ», и «мужикомъ»; тѣмъ не менѣе, онъ внѣшнимъ образомъ оставался попрежнему хлыщевато-развязнымъ и не обрывалъ своей рѣчи, такъ какъ «собака лаетъ — вѣтеръ носитъ» и «на всякое чиханье не наздравствуешься». Разговоръ больше всего вертѣлся на Лизѣ Волошиновой, о которой разспрашивалъ хозяинъ, хотя гость, разсыпаясь въ похвалахъ Лизѣ, старался въ то же время свести рѣчь на какой-нибудь другой предметъ, очевидно, гораздо болѣе интересовавшій его въ данную минуту, чѣмъ Лиза.

— Такъ, значитъ, ваша семья находится въ гораздо болѣе скверномъ положеніи, чѣмъ я предполагалъ, — замѣтилъ Тарасовъ, прочищая зубы черепаховой зубочисткой.

— Я вамъ говорю, что отецъ все прожилъ, все до копейки,—отвѣтилъ ходившій по кабинету господинъ, въ которомъ не трудно было узнать Аркадія Аркадьевича.—Кромѣ того, что онъ разорилъ насъ неумѣлымъ веденіемъ хозяйства, глупыми аферами и бросаньемъ денегъ направо и налѣво, я имѣю основаніе предполагать, что онъ и жилъ шибко, въ карты проигрывалъ много и, вѣроятно, тайкомъ попивалъ. Недаромъ въ старой арміи служилъ,—превратился въ бурбона. Вы, впрочемъ, замѣтили видъ его лица—и этого довольно.

— Пьянымъ я его не видалъ, — сухо сказалъ Тарасовъ.

— Я тоже не могу ничего сказать навѣрное, — проговорилъ Волошиновъ:—но отъ него всего можно ждать, тѣмъ болѣе, что два его брата прямо спились съ круга. Эти люди безъ твердыхъ характеровъ, неумѣлые и нерасчетливые, чаще всего спиваются съ кругу отъ неудачъ. Они раскисаютъ тамъ, гдѣ надо бороться. Но какъ бы то ни было, меня, какъ громомъ, поразило все то, что я увидалъ дома, пріѣхавъ въ Петербургъ.

— Вы раньше не знали, въ какомъ положеніи находится ваша семья?—спросилъ Тарасовъ.

— О, если бы я раньше зналъ это, развѣ я вышелъ бы въ отставку, развѣ я не взялъ бы выгоднаго мѣста въ провинціи? Это мнѣ было такъ легко сдѣлать въ губернскомъ городѣ, гдѣ всѣ порядочные люди хорошо знали меня. Но отъ меня скрывали все до послѣдней минуты, вѣроятно, боясь, что я явлюсь въ Петербургъ и прекращу во-время безалаберную жизнь. Наконецъ, будь я здѣсь—сестра ни-

когда не надурила бы, и ей не пришлось бы горько раскаиваться за прошлую ошибку, какъ теперь.

— Ну, это вы напрасно о сестрѣ, — проговорилъ грубовато Тарасовъ.—Ни въ чемъ она не кается.

— Вы думаете? — мелькомъ спросилъ Аркадій Аркадьевичъ.—Голодать не сладко, голодъ заставитъ рѣшиться на все.

— Не изъ такихъ она! — сказалъ рѣзкимъ тономъ Тарасовъ.

Онъ положилъ на столъ зубочистку и началъ молча обрѣзать сигару.

— Ахъ, вы не знаете, что значитъ голодъ! — произнесъ Волошиновъ.

— Ну, голодать-то, я полагаю, вашей сестрѣ еще не приходилось во всякомъ случаѣ, — сказалъ Тарасовъ, закуривая сигару.

— Вы ошибаетесь!—горячо возразилъ Аркадій Аркадьевичъ.—Я вамъ не все досказалъ. Когда я пріѣхалъ и увидалъ, въ какой нищетѣ живетъ вся моя семья, я пришелъ въ ужасъ и, разумѣется, отдалъ ей все, что у меня было. Правда, пустяки были, какіе-нибудь двѣсти-триста рублей сбереженій, вотъ и все. Но что это значитъ тамъ, гдѣ нѣтъ ни бѣлья, ни одежды, ни обуви, а ѣды просятъ пять ртовъ! И вѣдь это не дѣти, не малолѣтки, а взрослые люди, которымъ даже не втолкуешь, что надо быть экономными, какъ, напримѣръ, выживающей изъ ума бабкѣ. Ей извольте и лакомства давать, она къ этому привыкла. Семья съѣла сразу не только привезенныя мною деньги, но заставила меня влѣзть въ долги. Вотъ почему я, какъ уже говорилъ вамъ, и рѣшился сегодня обратиться...

Тарасовъ съ нѣкоторой поспѣшностью перебилъ его рѣчь именно на томъ самомъ мѣстѣ, къ которому уже нѣсколько разъ съ разныхъ сторонъ подходилъ Волошиновъ.

— Чѣмъ же они теперь живутъ?—тревожно спросилъ онъ.

— О, и сказать не могу! Конечно, я дѣлалъ все, чтобы помочь имъ, поддержать ихъ, такъ какъ у меня былъ до нынѣшняго дня кое-какой кредитъ въ ожиданіи обѣщаннаго мнѣ мѣста. Но сегодня мнѣ самому пригрозили кредиторы, и я очутился въ такомъ положеніи, что не только не могу помочь теперь семьѣ, но и опасаюсь не дожить до полученія мѣста, которое обезпечило бы мою семью. А между тѣмъ, еще сегодня ко мнѣ забѣгалъ братишка сказать, что у нихъ завтра ѣсть будетъ нечего. Много ли я могъ дать? Тяжело признаваться, но мнѣ самому остается

только пустить себѣ пулю въ лобъ. Вотъ почему я, какъ уже сказалъ вамъ, и рѣшился...

Тарасовъ опять прервалъ его на полусловѣ:

— Значитъ, они такъ-таки и голодаютъ?—спросилъ онъ не безъ видимаго волненія.

— Я же вамъ это и говорю,—сказалъ Аркадій Аркадьевичъ.—Голодаютъ въ буквальномъ смыслѣ слова.

— У вашей матери, кажется, на-дняхъ долженъ родиться ребенокъ?—спросилъ Тарасовъ мелькомъ.

— Да, этой глупости еще недоставало! — воскликнулъ Волошиновъ презрительно.—Новую обузу навяжутъ сестрѣ. Она, конечно, готова на все для нихъ. Она не понимаетъ, что они искалѣчили и такъ всю ея жизнь, а теперь еще добьютъ ее. И такъ ужъ часто приходится плакаться, вспоминая, что было и что могло бы еще быть...

Тарасовъ всталъ и заходилъ по комнатѣ, почти не слушая того, что продолжалъ говорить Аркадій Аркадьевичъ. Его впервые охватило глубокое сожалѣніе къ Лизѣ, безъ всякой примѣси тѣхъ животныхъ чувствъ, которыя она пробуждала въ немъ всегда. Какъ сквозь сонъ, доносились до него слова Аркадія Аркадьевича о томъ, что отецъ и мать—эти страшные эгоисты—превратятъ Лизу чуть не въ кухарку, заставятъ няньчиться съ ребенкомъ, дѣлать за нихъ черную работу и все для того, чтобы она, затянувшись въ этой работѣ, въ концѣ-концовъ, все-таки погибла, не спасши никого и ни отъ чего, такъ какъ гдѣ же ей спасти всю семью: и безпутнаго дармоѣда-отца, и больную, ворчливую мать, и выжившую изъ ума нѣженку-бабку, и грубіяна-брата, начинающаго даже плохо учиться, и, наконецъ, того жалкаго щенка, который Богъ вѣсть для чего долженъ родиться на свѣтъ! Разумѣется, помочь можетъ только онъ, Аркадій Аркадьевичъ, получивъ обѣщанное ему крупное мѣсто главнаго управляющаго у князей Зудовыхъ, которые уже извѣстили его, что черезъ мѣсяцъ, а можетъ-быть, и раньше, мѣсто будетъ предоставлено ему. Но для того, чтобы получить это мѣсто, нужно ждать мѣсяцъ, а въ этотъ мѣсяцъ... Сестра вѣдь, пожалуй, на улицу пойдетъ, себя продастъ ради спасенія семьи... Онъ припомнилъ малороссійскую пословицу о томъ, что «прежде чѣмъ взойдетъ солнце—роса очи выѣстъ».

— Я уже говорилъ вамъ, что мой кредиторъ...—коснулся онъ опять того вопроса, къ которому приступалъ уже чуть ли не въ десятый разъ въ этотъ визитъ къ Тарасову.

— Вамъ сколько нужно-то? — отрывисто спросилъ выведенный изъ раздумья Тарасовъ, на минуту останавливаясь передъ нимъ, и что-то недружелюбное прозвучало въ его голосѣ.

— Пятьсотъ рублей, по крайней мѣрѣ,—смѣло отвѣтилъ Волошиновъ.—Я не рѣшился бы просить, если бы, кромѣ уплаты долговъ, мнѣ не предстояли расходы на семью...

— Хорошо.—перебилъ его рѣзко Тарасовъ и прибавилъ насмѣшливо.—Я вамъ, *по крайней мѣрѣ*, именно столько и дамъ.

Онъ вынулъ бумажникъ, досталъ деньги и, передавая ихъ Волошинову, отчетливо проговорилъ:

— Только вы не воображайте на будущее время, что я охотно швыряю деньги и даю ихъ въ долгъ первымъ встрѣчнымъ.

Аркадій Аркадьевичъ вспыхнулъ до ушей и стиснулъ зубы, чтобы не обругать Тарасова «хамомъ», но тутъ же его охватило веселое настроеніе при мысли, что все же онъ «облапошилъ болвана».

Иванъ Дмитріевичъ, между тѣмъ, снова продолжалъ ходить по кабинету, опять погрузившись въ думы и, повидимому, забывъ о Волошиновѣ. Въ его головѣ неотступно вертѣлась мысль, что Лиза можетъ пойти на улицу для спасенія семьи... Аркадій Аркадьевичъ помялся немного на мѣстѣ и, наконецъ, сталъ откланиваться, увѣряя, что онъ, какъ порядочный человѣкъ, сочтетъ долгомъ тотчасъ по полученіи мѣста... Тарасовъ протянулъ ему руку и, не дослушавъ его рѣчи, простился съ нимъ, какъ бы говоря, что ему здѣсь болѣе нечего дѣлать. Уже не разъ бывалъ у него Аркадій Аркадьевичъ, напросившись на знакомство съ нимъ на скачкахъ, и, послѣ двухъ-трехъ визитовъ Волошинова къ Тарасову, Марья Потаповна Тарасова, слыша безконечные разсказы Аркадія Аркадьевича о разныхъ графахъ и князьяхъ, нашла, что онъ — «очень милый болтунъ», а Иванъ Дмитріевичъ Тарасовъ, тоже послѣ двухъ-трехъ визитовъ гостя, что онъ—«презрядный прохвостъ», при чемъ жена стала ждать, когда Волошиновъ станетъ за ней волочиться и объясняться ей въ любви, а мужъ сталъ ждать, когда новый знакомый займетъ у него денегъ. Ожидаемое Тарасовымъ событіе произошло. Аркадій Аркадьевичъ заѣхалъ къ Ивану Дмитріевичу отобѣдать и послѣ обѣда заговорилъ о томъ, какъ разорилась вся его семья; но это, давно ожиданное Тарасовымъ, объясненіе открыло ему то,

чего онъ никакъ не ожидалъ; онъ узналъ, что Волошиновы не просто «стѣснили себя», не просто «прижались», не просто «поразорились», но что они — наканунѣ голодной смерти. Это никогда и въ голову не приходило Ивану Дмитріевичу до настоящей минуты. И Лиза — Лиза можетъ пойти на улицу!.. Правда, Аркадій Аркадьевичъ старался сгущать краски для своихъ цѣлей, но Тарасовъ своимъ здоровымъ практическимъ умомъ русскаго купчика понялъ не однѣ громкія и трескучія фразы, а и *суть* дѣла. «Пять ртовъ и десять рублей въ мѣсяцъ вѣрныхъ получекъ», — вотъ что лучше всѣхъ громкихъ словъ обрисовывало положеніе семьи Волошиновыхъ. Стоитъ заболѣть самой Волошиновой, и семьѣ дѣйствительно останется одно — умереть съ голоду; какая же работа пойдетъ на умъ Лизѣ во время болѣзни матери, да если бы и пошла, то что же она можетъ сдѣлать одна? Торговать собой придется!»

«Кается за прошлое», мелькнули въ его головѣ слова Аркадія Аркадьевича, и онъ вдругъ разсердился.—«Ни въ чемъ она не кается! Видно, правда, что насильно милъ не будешь. Еще сегодня на лѣстницѣ оборвала меня и отдѣлала». Опять поднялась въ его душѣ злоба на нее. Отказала ему, не согласилась выйти замужъ, толкнула его связаться съ какой-то накрашенной дурой, а теперь и сама терпитъ мýки, и его терзаетъ...

— Барыня приказали доложить, что онѣ готовы, — прервалъ его думы голосъ лакея.

Тарасовъ очнулся и вопросительно взглянулъ на слугу, не сразу понявъ, о чемъ тотъ говоритъ. Слуга пояснилъ:

— Въ оперу-съ ѣхать...

— Скажи, что я не поѣду,—отвѣтилъ отрывисто Тарасовъ.

Лакей вышелъ. Не прошло и пяти минутъ, какъ въ кабинетъ Ивана Дмитріевича вошла, шелестя шелковымъ платьемъ, молодая женщина съ узенькимъ лбомъ и завитой чолкой надъ самыми бровями, со вздернутымъ носомъ и довольно крупнымъ ртомъ. Въ косѣ у нея красовались двѣ чайныя розы съ дрожавшей въ нихъ брильянтовой звѣздой и такія же розы были приколоты брильянтовою брошкой у довольно большого вырѣза на лифѣ посрединѣ груди. Волоча длинный шлейфъ съ массою кружевъ, она не безъ кокетства драпировалась въ слегка накинутую на плечи бархатную ротонду на бѣломъ мѣху, придерживаемую ею спереди руками въ длинныхъ бѣлыхъ перчаткахъ, на которыхъ блестѣли браслеты съ крупными брильянтами.

— Ты не ѣдешь? — спросила она, входя въ комнату къ Ивану Дмитріевичу и останавливаясь посреди нѣ.—Опять какіе-нибудь капризы? Это, наконецъ, становится скучнымъ! По крайней мѣрѣ, нужно было бы предупредить, чтобъ я могла кого-нибудь пригласить съ собою. Я одна не могу сидѣть въ ложѣ, какъ какая-нибудь кокотка. Да и тѣ возятъ съ собой компаньонокъ.

Онъ взглянулъ на нее со злой насмѣшкой.

— Жаль, что вотъ этотъ прохвостъ Волошиновъ ушелъ. Съ нимъ ты могла бы ѣхать,—пояснилъ онъ.—Тебѣ вѣдь и онъ кажется изящнымъ кавалеромъ и милымъ болтуномъ.

— Ужъ ты не ревновать ли вздумалъ за то, что я была любезна съ нимъ сегодня за обѣдомъ?—спросила она, гримасничая.—Отъ тебя всего можно ожидать!

— Ахъ, матушка, можешь, кому угодно, бросаться на шею, мнѣ все равно,—отвѣтилъ онъ.

— Ты и дождешься этого!—произнесла она небрежно.

— Я знаю, что ты на все способна,—сказалъ онъ.

— Это просто становится глупымъ! — проговорила она и спросила:—Однако, ѣдешь ты или нѣтъ?

— Не ѣду!

— Такъ я поѣду и одна, только не пеняй потомъ...

Онъ отвернулся и пробормоталъ съ презрѣніемъ:

— Кому ты нужна?

Она возбуждала въ немъ отвращеніе: ея взбитая челка изъ чужихъ волосъ, ея подведенныя брови, которыя были слишкомъ свѣтлы безъ искусственной подкраски, ея привязной шиньонъ, ея губы, всегда сальныя отъ красной губной помады,—все было ему противно теперь. Онъ видалъ ее въ спальнѣ и зналъ, сколько у нея всего чужого, всего притертаго, всего накрашеннаго. Онъ взглянулъ ей вслѣдъ, когда она пошла изъ его кабинета. И откуда у нея эта привычка вилять бедрами на ходу? У Карменъ переняла, что ли, и думаетъ, дура, что этимъ можно мужчину привлечь... У него сорвалось съ языка площадное ругательство. И тутъ же ему вспомнился другой образъ... Эта вотъ женщина, которой бы слѣдовало судомойкой быть или шляться по Невскому, одѣта въ шелкъ и въ бархатъ, ѣздитъ по операмъ, принята въ такъ-называемомъ порядочномъ обществѣ, а та, прекрасная, чистая, самоотверженная, погибаетъ въ нищетѣ среди чернаго труда. Говорилъ онъ, что онъ всегда любилъ ту прекрасную дѣвушку, а между тѣмъ, пальцемъ о палецъ не стукнулъ, чтобы по-

мочь ей, облегчить ея участь, спасти ее. Мало того, онъ даже не справлялся серьезно, до какихъ размѣровъ дошла ея бѣдность...

Онъ торопливо пошелъ изъ кабинета и, точно боясь куда-то опоздать, боясь передумать что-то, быстро вышелъ изъ дому, нанялъ извозчика и поѣхалъ. Быстрый въ своихъ рѣшеніяхъ, онъ понималъ теперь только одно: что надо помочь, спасти...

— Господи, опять Урѣзка заливается лаемъ... Ночью опять выть станетъ, это ужъ непремѣнно,—говорила Елена Степановна, слыша на дворѣ неистовый лай дворовой собаки.—Ахъ, ужъ эти ночи, ночи! Душу онѣ всю у меня вымотаютъ. Выйди, Сережа, посмотри, что тамъ. Опять, вѣрно, дворникъ въ трактирѣ сидитъ, а на дворѣ кто-нибудь чужой бродитъ...

Сережа накинулъ пальто и вышелъ. По темному двору, дѣйствительно, кто-то бродилъ, ища дворницкой.

— Вамъ кого?—окликнулъ Сергѣй незнакомаго человѣка.

— Скажите, юноша, гдѣ тутъ живутъ Волошиновы? — раздался голосъ Тарасова.

Сергѣй узналъ этотъ голосъ и смутился. Впервые онъ устыдился, что кто-то чужой,—и притомъ не просто чужой, а «нахалъ» Тарасовъ,—увидитъ, какъ они живутъ.

— Мы вотъ тутъ живемъ, — началъ онъ въ смущеніи и безсознательно остановился у входа въ сѣни, какъ бы защищая его: — только теперь... поздно теперь... и притомъ мамѣ несовсѣмъ хорошо...

Тарасовъ тоже неожиданно растерялся, узнавъ Сергѣя, и былъ ужъ не радъ, что явился сюда. За минуту передъ тѣмъ ему казалось, что дѣло очень просто: зайдетъ онъ къ Волошиновымъ, дастъ денегъ и конецъ. Теперь же онъ чувствовалъ, что изумитъ всѣхъ своимъ приходомъ и оскорбитъ всѣхъ своимъ «подаяніемъ».

— Да я и не зайду къ вамъ,—началъ онъ и обрадовался пришедшей ему неожиданно въ голову мысли: — Я только заѣхалъ по дорогѣ сказать, что тетушка завтра пришлетъ въ двѣнадцать часовъ экипажъ за вашей бабушкой, такъ пусть она будетъ готова...

— Спасибо,—коротко отвѣтилъ Сергѣй.

— А я васъ и не узналъ сразу,—сказалъ Тарасовъ, чтобы только что-нибудь сказать.

— Темно.

— Да, да... Ну, что, учитесь вы?

Теперь не до ученья, отвѣтилъ Сергѣй.

Такъ какъ же?.. Надо же кончить курсъ.

Сергѣй, не отвѣчая на вопросъ, сказалъ:

— Такъ я передамъ. Иванъ Дмитріевичъ, матери, что вы говорили.

— Да, да, скажите, — произнесъ Иванъ Дмитріевичъ и, пожавъ руку Сергѣю, вышелъ.

Его удивило, какою широкою, шершавою и мозолистою стала рука Сергѣя, совсѣмъ какъ у мужика. Онъ направился къ воротамъ и уже изъ калитки оглянулся на деревянный надворный флигель, гдѣ въ нижнемъ этажѣ, на освѣщенной изнутри бѣлой коленкоровой занавѣскѣ, вырисовывался силуэтъ занятой шитьемъ Лизы. Тарасовъ посмотрѣлъ съ минуту, какъ равномѣрно-быстро поднималась и опускалась рука дѣвушки, поспѣшно сшивая что-то. Вотъ эта рука опустилась совсѣмъ, и онъ замѣтилъ, какъ склоненная головка поднялась отъ работы и повернулась въ сторону. Вѣроятно, это вошелъ Сергѣй и началъ разсказывать о немъ, о Тарасовѣ. Прошло съ минуту, Лиза снова принялась шить. Тарасовъ сѣлъ на дрожки и поѣхалъ. Въ головѣ поднялись думы: съ чего онъ не вошелъ къ нимъ? съ чего сконфузился? Онъ думалъ помочь имъ и, вѣроятно, на него посыпались бы благословенія всѣхъ членовъ семьи, а онъ вотъ переступить ихъ порога не смѣлъ. Ужъ не она ли такъ пугаетъ его? Да вѣдь не могла бы она отказаться отъ помощи. Ее до этого родные не допустили бы, да и сама она теперь не отказалась бы. Теперь на все она согласится! Голодъ не тетка. Онъ досадовалъ на себя, ругалъ себя мальчишкой, кисляемъ. Какой-то дѣвчонки боится! И что ему въ ней? Не захотѣла быть женой, такъ любовницей и подавно не будетъ! Чего-жъ особенно и думать о ней? Мало ли людей гибнетъ съ голода! На днѣ души его снова поднималась безотчетная злоба. Опять онъ наговорилъ бы Лизѣ колкостей, если бы встрѣтился съ нею въ эту минуту...

IX.

Было около десяти часовъ утра, когда Лиза поспѣшно вышла изъ дому и направилась къ Тарасовымъ. Ея лицо было блѣднѣе обыкновеннаго, ея глаза носили еще слѣды слезъ. Минувшая ночь досталась ей дорого и потрясла ее такъ, какъ не потрясали давно никакія бѣды, посѣщавшія ихъ семью за послѣднее время. Это была та послѣдняя капля, которая переполняетъ налитый до краевъ сосудъ.

Когда наканунѣ Сергѣй вернулся вечеромъ въ квартиру послѣ разговора на дворѣ съ Тарасовымъ, онъ передалъ сестрѣ, что за бабушкой пришлютъ экипажъ отъ Натальи Аѳанасьевны. Лиза радостно обратилась къ матери и выяснила ей, что это она просила Тарасову взять бабушку погостить на-время, что Тарасова очень добродушно согласилась на это, и теперь даже экипажъ за бабушкой пришлетъ. Молодая дѣвушка немного оживилась, пріободрилась и начала соображать, какъ объяснить завтра бабушкѣ, почему ее везутъ къ Тарасовой, какъ ее принарядить, чтобы старушка была попригляднѣе. Обсуждая все это, Лиза объявила, что она встанетъ рано утромъ и приготовитъ бабушкѣ тотъ чепецъ, который старушка надѣвала къ причастью во время говѣнья. Онъ совсѣмъ еще новенькій и чистый, и его только нужно разгладить утюгомъ, расправивъ смявшіяся кружевца. Болтая объ этомъ, Лиза даже добродушно подшутила о томъ, какъ будетъ рада бабушка возможности разсказать новымъ людямъ о преосвященномъ Иринархѣ и покойномъ Лукьянѣ Аркадьевичѣ, замѣтивъ при этомъ, что «она вѣдь, право, очень интересной будетъ для нихъ, такъ какъ ея разсказовъ на мѣсяцъ хватитъ». Давно неслыханный юморъ, давно неслыханная веселость звучали въ словахъ молодой дѣвушки, когда она, желая развеселить мать, стала представлять, какъ будетъ бабушка разсказывать о поварѣ Ермолаѣ и о приготовлявшихся имъ рыбьихъ котлеткахъ. Елена Степановна, однако, при первыхъ же словахъ Лизы измѣнилась въ лицѣ и притихла, точно пришибленная или приговоренная къ смерти. Лиза замѣтила это, наконецъ, и не могла понять, что дѣлается съ матерью. Она съ грустью подумала о томъ, что ея бѣдную мать теперь не радуютъ даже хорошія вѣсти: такъ она привыкла къ горю. Когда всѣ улеглись спать, она услышала тихія всхлипыванья Елены Степановны и поспѣшила подойти къ ея кровати.

— Мама, что съ тобой?—спросила она тревожно.—Опять плачешь? Плохо тебѣ?

— Смерти на меня нѣтъ! — прошептала въ отчаяніи мать. — До всякихъ низостей дошла, до воровства дошла. Только этого и недоставало!

У нея мелькнула мысль, что у матери сдѣлался бредъ.

— Да, да! Воровкой стала, родныхъ граблю!.. Не въ чемъ везти бабушку... Салопъ ея... сатентюрковый салопъ я еще тамъ, когда на той квартирѣ жили, заложила... Потихоньку

отъ всѣхъ, воровски заложила, а теперь... пропалъ онъ, пропалъ въ закладѣ!

У Лизы замеръ духъ отъ волненья. Она знала, что у бабки изъ теплой одежды, кромѣ этого салопа, былъ одинъ дырявый шушунъ.

— И платье, капотъ сатентюрковый, что къ причастью всегда надѣвала... тоже и это украла,—прерывисто разсказывала Елена Степановна.— Воровка, старушку обокрала... Это вотъ, когда Сережа былъ нездоровъ въ январѣ, тогда я рѣшилась... ни на доктора, ни на лѣкарства тогда денегъ не было. Думала: выкуплю, а потомъ... пріѣхалъ это Аркадій, расходы начались большіе и хлопоты эти... ну, и не перезаложила; не отсрочила... запамятовала. Да лучше бы мнѣ сквозь землю теперь провалиться, чѣмъ это... Вѣдь я все это время только и думала: вдругъ соберется старуха въ церковь, что я скажу ей, какъ объясню, когда она и понимаетъ-то плохо. Врала-то сколько, когда переѣзжали съ квартиры: увѣрила ее, что далеко запрятала салопъ, и заставила ее въ шушунѣ рваномъ ѣхать. Потомъ ее же разбранила, когда она разъ пристала, чтобы я вынула ей салопъ: «и безъ васъ хлопотъ по горло, на ногахъ еле держусь, а тутъ еще отрывай вашн, уложенныя въ сундуки, вещи»... Уложенныя вещи! Гдѣ онѣ? Что доставать-то было?

Она вдругъ въ порывѣ отчаянія призналась:

— Думала, подлая я женщина: «авось не спроситъ покуда, а тамъ умретъ!» Да, да, только этой мыслью себя и успокаивала... Господи, думала ли я, что доживу до такихъ низостей! Злилась на нее, придиралась за то, что живетъ...

— Ну, полно, мама,—упавшимъ голосомъ сказала Лиза.

— Нѣтъ, нѣтъ, ты что же думаешь, что я своей души не знаю, — горячо продолжала больная: — не знаю, что все во мнѣ исподличалось, загрязнилось, затаскалось... Ни любви, ни сожалѣнія ни къ кому нѣтъ.

Лиза впервые въ жизни не находила въ душѣ даже словъ для утѣшенія матери. Она молчала, не видя болѣе выхода. Теплый салопъ бабки изъ сатентюрка и ея платье изъ той же матеріи, надѣвавшееся ею только къ причастію и изрѣдка къ обѣднямъ по большимъ праздникамъ, были единственныя цѣнныя вещи изъ гардероба бабки, хранившіяся сю болѣе двадцати пяти лѣтъ. Замѣнить ихъ было нечѣмъ, безъ нихъ нельзя было вывезти бабку гостить къ Тарасовой, такъ какъ безъ теплаго салопа ѣхать нельзя, а имѣвшіяся у старухи еще два платья изъ ситца были такъ жалки, что

въ нихъ было бы странно гостить у Тарасовой. Вѣроятно у судомойки Натальи Аѳанасьевны была лучшая одежда. Лиза не обвиняла, не упрекала мать,—она была просто подавлена, точно впервые поняла вполнѣ то, до чего они дошли, въ какую трясину погружались по уши. Что будетъ дальше, какъ они выберутся на дорогу, она не думала объ этомъ; теперь она сознавала только, что ей не далѣе, какъ завтра же утромъ, надо будетъ идти къ Тарасовой и объявить, что бабушка не пріѣдетъ къ ней гостить. Почему? Надо будетъ сказать, что старушка нездорова, что опасно везти. Лгать надо. Нельзя же сказать всю правду. Развѣ чужіе люди поймутъ, какимъ путемъ дошла мать до такихъ проступковъ! Все это надо пережить, перестрадать, чтобы понять...

Именно ради этихъ объясненій насчетъ нездоровья бабки она и направилась къ Тарасовой въ десять часовъ поутру, несмотря на слякоть и мелкій дождь. Проходя по двору къ подъѣзду Тарасовой, она увидала Ивана Дмитріевича. Онъ осматривалъ захромавшаго наканунѣ и еще не оправившагося Беркута. Замѣтивъ идущую по двору Лизу, онъ немного удивился ея раннему посѣщенію и не безъ тревоги поспѣшилъ къ ней навстрѣчу.

— Лизавета Аркадьевна, что съ вами? Случилось что-нибудь?—поспѣшно спросилъ онъ, пристально всматриваясь въ ея глаза, еще хранившіе слѣды слезъ, и задерживая ея руку въ своей.

— Нѣтъ, Иванъ Дмитріевичъ,—отвѣтила она въ смущеніи.—То-есть случилось, но это пустяки. Бабушка не можетъ пріѣхать сегодня; немного прихворнула. Знаете, старый человѣкъ; день здорова — два лежитъ. Я вотъ и иду къ Натальѣ Аѳанасьевнѣ предупредить ее, чтобы она не присылала экипажа.

— И отъ этого вы всю ночь плакали? — спросилъ онъ рѣзко, угадывая, что Лиза что-то скрываетъ, и, замѣтивъ, что Лиза смутилась еще сильнѣе, онъ болѣе мягкимъ тономъ проговорилъ:—и зачѣмъ вы говорите неправду?

Она тихо отвѣтила:

— Что-жъ разсказывать? Кому какое дѣло до насъ?

— А! вотъ что! Одолжаться не желаете!—опять рѣзкимъ тономъ сказалъ онъ.—Только не знаю я, кого вы удивить хотите тѣмъ, что ваша мать изъ-за вашей гордости безъ помощи умереть можетъ!

Лиза вздрогнула при этихъ словахъ о смерти матери и съ горечью сказала:

— У меня и такъ довольно горя, Иванъ Дмитріевичъ!

Онъ уловилъ этотъ болѣзненный тонъ упрека и опять произнесъ мягко:

— Нѣтъ, въ самомъ дѣлѣ, Лизавета Аркадьевна, поговоримте серьезно о вашемъ положеніи.

Они поднимались въ это время по лѣстницѣ и дошли до площадки бельэтажа.

— Тетушка еще не вернулась отъ обѣдни, такъ зайдемте переговорить ко мнѣ,—проговорилъ онъ:—а то тамъ всѣ эти престарѣлыя дѣвицы облѣпятъ, какъ мухи...

Лиза смутилась и отвѣтила:

— Къ вамъ?.. Нѣтъ, Иванъ Дмитріевичъ...

— Что же вы меня за разбойника съ большой дороги считаете? Я еще никого не грабилъ и не насиловалъ!—съ необычайной грубостью произнесъ онъ и, круто поворачивая къ двери въ свое жилище, закончилъ насмѣшливымъ, вульгарнымъ тономъ:—Впрочемъ, навязываться со своими услугами я не стану-съ, если онѣ такъ оскорбляютъ васъ. Мое почтеніе-съ!

Онъ быстро отомкнулъ дверь висѣвшимъ у него на цѣпочкѣ часовымъ ключикомъ и, раскланявшись молча съ Лизой, скрылся за дверь, прежде чѣмъ Лиза успѣла что-нибудь отвѣтить. Вся эта сцена почти не оставила въ ея душѣ никакого впечатлѣнія: такъ сильно тревожили ее другіе вопросы. У нея въ головѣ былъ положительно хаосъ; разобраться въ своихъ мысляхъ она не могла; не могла дать себѣ отчета, зачѣмъ она идетъ къ Натальѣ Аѳанасьевнѣ. Не затѣмъ ли, чтобы сказать, что экипажа за бабушкой не надо присылать? Но это скажетъ Тарасовой и Иванъ Дмитріевичъ. Не затѣмъ ли, чтобы попросить денежной помощи у Натальи Аѳанасьевны? Но у нея не поворотится языкъ просить о чемъ бы то ни было. Она дошла до дверей Тарасовой и позвонила. Когда служанка отперла ей двери, она попросила ее вызвать одну изъ приживалокъ Тарасовой, Ольгу Дмитріевну Пустовцеву. Эта молодящаяся старая дѣва, картавящая, сюсюкающая и по-ребячески подпрыгивающая, выскочила къ Лизѣ въ бѣлыхъ панпльоткахъ на лбу, съ нестертой пудрой на носу и на щекахъ, и, облобызавъ Волошинову, затараторила:

— Сто зе вы, ангелъ Лизоцка, не лаздѣвастесь? Наталья Аѳанасьевна сколо велнется отъ обѣдни. Въ домовую целковь къ Званцовымъ поѣхала она къ обѣднѣ; тамъ быстло концаютъ.

— Нѣтъ, я на минуту зашла, хотѣла только сказать, что бабушка немного прихворнула, такъ что я прошу сегодня не присылать за ней экипажа,—отвѣтила Лиза.

— Экипаза? Да лазвѣ Наталья Аѳанасьевна хотѣла сегодня плислать за нею калету?

— Да.

— Нѣтъ, дусецка, вы осибаетесь. Объ этомъ и лазговола не было вчела. Богомъ вамъ клянусь!

— Вы вѣрно не знали, Ольга Дмитріевна. Наталья Аѳанасьевна говорила объ этомъ Ивану Дмитріевичу.

— Да она не видала его послѣ того, какъ вы вышли отъ насъ съ нимъ.

— Да я же знаю навѣрное, что она ему говорила объ этомъ.

— Ахъ, Бозе мой, кто зе луце меня цто-нибудь знаетъ! Вплочемъ, милоцка, цтобы успокоить васъ, цто я не влу, я сейцасъ у Аннетъ и у Мимки сплавлюсь. Ахъ, вы Ѳома, Ѳома невѣлный!..

И, прежде чѣмъ Лиза успѣла что-нибудь сказать, Ольга Дмитріевна уже понеслась вприпрыжку къ Аннетъ и Мимкѣ, двумъ другимъ приживалкамъ, жившимъ у Тарасовой.

«Значитъ, это онъ отъ себя, — промелькнуло въ головѣ Лизы. — Заботится! Что мы ему? Я обидѣла его, отказала, а онъ... Да развѣ я могла согласиться выйти за него тогда? И что бы за жизнь это была; онъ терзалъ бы меня своими безтактными выходками... Правда, мама, отецъ, бабушка, всѣ спасены были бы, а теперь»...

Она прислонилась безъ силъ къ двери, точно у нея подламывались ноги.

— Нѣтъ, нѣтъ, ангелоцекъ, это осибка,—зазвенѣлъ около нея дребезжащій голосъ Пустовцевой.—И Аннетъ, и Мима навѣлное знаютъ, цто Наталья Аѳанасьевна сегодня не собилалась посылать за вашей сталушкой.

— И прекрасно, и прекрасно, — пробормотала какъ бы во снѣ Лиза и сдвинулась съ мѣста, безучастно отдавшись на минуту объятіямъ и поцѣлуямъ Ольги Дмитріевны и прибѣжавшихъ вслѣдъ за нею другихъ приживалокъ Тарасовой, Аннетъ и Мимки, тоже тарантившихъ что-то около нея... Очутившись за дверями, она стала спускаться внизъ и вздрогнула, услышавъ оглушительные крики Ивана Дмитріевича: «Чтобы твоего духа, мерзавецъ, въ моемъ домѣ не было! Всѣхъ я васъ разгоню, подлецы». Казалось, эти крики гремѣли около ея уха. Она оглядѣлась и поняла, что

это онъ кричитъ на слугъ за стеклянной дверью своей квар
тиры. Она вздохнула тяжелымъ вздохомъ и пошла дальш
Какъ она сошла съ лѣстницы, какъ направилась домой,—
она сама не сознавала. Въ головѣ мелькала только одн
мысль: «что если я теперь заболѣю и свалюсь!» Это ее пр
водило въ ужасъ. Она сознавала, что теперь не имѣ
права хворать. Хворать? Думала ли она когда-нибудь о б
лѣзни еще два года тому назадъ? Гдѣ ея цвѣтущее зд
ровье, ея вѣчный смѣхъ, ея жизнерадостность? Все э
точно замерло среди этой безвыходной трясины, называем
бѣдностью и засасывающей человѣка. За что же ухватиться
чтобы выбиться на свѣжій воздухъ, на просторъ, на дорог
Въ сѣнцахъ передъ входомъ въ свою квартиру Лиза, к
своему крайнему изумленію, неожиданно натолкнулась н
Елизавету Евлампіевну, давно уже почти никуда не вых
дившую изъ дома.

— Бабушка, вы куда? — спросила съ испугомъ Ли
видя, что старушка идетъ куда-то въ накинутомъ на плеч
ватномъ старинномъ шушунѣ, покрытомъ заплатками
штопками.

— Ахъ, это ты, Лизокъ... За отцомъ твоимъ... Вышел
вотъ, а у насъ бѣда... Съ Леной что-то... Стонетъ, мечется...

Старушка, видимо, совсѣмъ растерялась. Лиза наскор
спросила:

— Гдѣ же отецъ?

— Къ Четыркину пошелъ, сапоги тамъ починяетъ... св
ихъ колодокъ нѣтъ...

— Ну, ступайте, ступайте домой, я сейчасъ сбѣгаю
Скажите мамѣ, что я побѣжала за отцомъ.

Лиза побѣжала за отцомъ и въ какія-нибудь пять м
нутъ отецъ и дочь были уже дома. Елена Степановна м
талась на постели. Нужно было бѣжать за докторомъ, з
акушеркой. Все уже дѣлалось теперь впопыхахъ.

— Лизочка, да что же это?.. Беременна, значитъ, Лен
была?—допрашивала внучку старушка-бабка.

— Да, да,—отрывисто отвѣтила Лиза, разводя огонь в
плитѣ и ставя на нее чайникъ и котелокъ, чтобы имѣ
подъ рукой нагрѣтую воду.

— То-то я замѣчала, что полнѣетъ она все въ тальѣ, а
лицо худое,—соображала Елизавета Евлампіевна.—И чег
скрывала? Отъ дурного глаза если, такъ все это глупости
Я вотъ когда была беременна Кадей, такъ уже такой ж
полной была, какъ вотъ теперь...

— Бабушка, послѣ, послѣ! — прервала ее Лиза и побѣжала изъ кухни въ комнату на зовъ матери.

Та охала:

— Вотъ, Лиза, Господь наказываетъ... Вчера, какъ это я созналась тебѣ, мысль пришла въ голову—руки на себя наложить... удавиться... силъ не хватило... всѣхъ бы освободила. Ты на мѣсто пошла бы, бабушку пристроили бы... Охъ!

— Полно, мама! — остановила ее Лиза. — Тебѣ теперь спокойствіе нужно...

— Да, да, силъ нѣтъ больше... Докторъ бы скорѣе пришелъ,—снова заметалась больная.

Наконецъ, явились докторъ и акушерка:

— Вѣроятно, было какое-нибудь нравственное потрясеніе?—вопросительнымъ тономъ говорилъ докторъ, осмотрѣвъ больную и прописывая для нея въ кухнѣ лѣкарства.

— Нѣтъ, — растерянно отвѣтилъ стоявшій около него Аркадій Лукьяновичъ:—кажется, ничего особеннаго не случилось... Что-жъ особеннаго можетъ быть у насъ?.. Ничего, доложу вамъ. Это фактъ... А только вотъ жизнь сама, — изволите видѣть,—нравственное потрясеніе. Ей-Богу.

Докторъ взглянулъ на его лицо и сразу понялъ, что это одинъ изъ тѣхъ пропойцъ, которые потеряли даже способность связно говорить.

— Да, но надо постараться, чтобы хотя во время болѣзни ничто не нарушало спокойствія вашей жены,—строго и внушительно сказалъ врачъ, и на него непріятно подѣйствовала глуповатая и жалкая улыбка Аркадія Лукьяновича.

— Гдѣ ужъ тутъ спокойствіе! — пробормоталъ Волошиновъ.

— Надо заботиться, стараться, чтобы оно было, — сказалъ докторъ.—Иначе не для чего и лѣкарства прописывать.

X.

Въ столовой Натальи Аѳанасьевны вся ея обычная компанія была въ сборѣ и сидѣла за чайнымъ столомъ. Нѣкоторое время всѣхъ развлекало, какъ Бижу Мимы или, иначе говоря, Маремьяны Порфирьевны Дребезговой, обучился кататься кубаремъ по полу, чтобы за это получать куски сахару. Потомъ Ольга Дмитріевна заняла всѣхъ разсказами, какъ она вылѣчила безъ всякихъ этихъ «ветериналовъ» своего кота Ваську, явившагося къ ней «въ са-

момъ то-есть «ободранномъ видѣ». И какъ онъ, почувствовавъ облегченіе, сталъ самъ ходить къ ней «на целевязку». Затѣмъ Мима, какъ любительница собакъ, заговорила о неблагодарности кошекъ, за которыхъ и вступилась Ольга Дмитріевна, при чемъ начала разсказывать о разныхъ случаяхъ благодарности кошекъ.

Интересные разсказы Ольги Дмитріевны были прерваны приходомъ Ивана Дмитріевича. Всѣ взглянули на него съ особеннымъ любопытствомъ, и сразу увидали по его сдвинутымъ бровямъ и характерной, залегшей между ними, поперечной складкѣ, что онъ былъ все еще «не въ духахъ», какъ выражались приживалки Натальи Аѳанасьевны, наперерывъ одна передъ другой утѣшавшія въ теченіе нѣсколькихъ дней «душечку Марью Потаповну», приходившую жаловаться капризнымъ тономъ тетѣ на своего «противнаго» мужа. Отъ душечки Марьи Потаповны всѣ они знали, что онъ «рветъ и мечетъ» и «бѣсится съ жиру», и совершенно резонно увѣряли ее, что «это пройдетъ», а когда она уходила, начинали серьезно обсуждать на всѣ лады вопросъ о причинахъ этого бѣшенства. Всѣ старыя дѣвы приходили къ заключенію, что «это, вѣрно, отъ ревности», на что опытная въ супружескихъ дѣлахъ Наталья Аѳанасьевна равнодушно и спокойно поясняла имъ, что «у мужчинъ это бываетъ отъ разныхъ причинъ, такъ какъ у нихъ свои дѣла». Когда это пройдетъ? и чѣмъ это кончится? — эти вопросы не только занимали всѣхъ старыхъ дѣвъ, не менѣе вопросовъ о здоровьѣ Васьки или Крыски, — кошекъ и собакъ, бывшихъ въ домѣ, — но даже внесли нѣкоторое оживленіе въ однообразную сытую жизнь и заставляли то ту, то другую изъ старыхъ дѣвъ шмыгать въ накинутыхъ на головы платочкахъ по грязному ходу къ душечкѣ Марьѣ Потаповнѣ съ вопросами: «ну, что? ну, какъ?» Отвѣтомъ на эти вопросы служили однѣ и тѣ же жалобы на грубость и необразованность Ивана Дмитріевича, которому слѣдовало бы взять въ жены не порядочную барышню, а деревенскую дѣвку, — совсѣмъ простую деревенскую дѣвку.

— А, Ваня!—привѣтствовала племянника своимъ невозмутимымъ тономъ Тарасова:—здравствуй. Чаю или кофе?

— Ничего я не хочу! — отрывисто отвѣтилъ онъ, цѣлуя ея руку.

— Здоровъ?

— Что намъ дѣлается! Развѣ вотъ отъ обжорства лопнемъ, — отрывисто проговорилъ онъ, и тотчасъ же сталъ

жаловаться:—взбѣсили вотъ меня сейчасъ! Распустили вы прислугу и дворника, и швейцара. Крестите у нихъ ребятишекъ, они и думаютъ, что они родня Тарасовымъ. Вездѣ грязь, неисправность.

И цѣлый рядъ преступленій былъ взваленъ имъ на виновныхъ дворника и швейцара. Приживалки переглядывались многозначительно между собою, какъ бы говоря одна другой: «все еще бѣсится». Онѣ знали, что всѣмъ приходится плохо, когда онъ раздраженъ чѣмъ-нибудь.

— Да вѣдь ты же самъ крестилъ этихъ ребятъ со мною,— отозвалась равнодушно Тарасова.

— Ну я, ну я, такъ что же изъ того?—запальчиво воскликнулъ Тарасовъ.—Крестилъ ради васъ и очень жалѣю, что сдѣлалъ это... И чортъ меня дернулъ самому управлять домомъ. Грошъ бы заплатить Волошинову-старику, такъ онъ, высуня языкъ, бѣгалъ бы по дому.

— Вотъ въ самомъ дѣлѣ не пришло тогда въ голову,— согласилась Тарасова.

— Намъ ничего никогда не придетъ въ голову во-время, хоть умирай человѣкъ рядомъ съ нами съ голоду, — отрывисто сказалъ Тарасовъ.

Наталья Аѳанасьевна обернулась, не спѣша, къ Ольгѣ Дмитріевнѣ:

— Ольга Дмитріевна, вели убирать посуду... засидѣлись мы сегодня за чаемъ... скоро и завтракать время, а у насъ еще утренній самоваръ на столѣ...

Потомъ, также неспѣшно, она обернулась къ Ивану Дмитріевичу:

— А кстати о Волошиновыхъ. Я сегодня посылала узнать, выздоровѣла ли ихъ старушка-бабка, и, представь себѣ, у нихъ роды... совсѣмъ неожиданно, прежде времени...

— Роды?—почти воскликнулъ онъ.—Какъ же... Что же... Вы послали имъ что-нибудь?.. Вѣдь они, вѣрно, безъ гроша сидятъ.

— Да, вотъ послѣ завтрака пошлю,—отвѣтила Тарасова.

— Послѣ завтрака, послѣ завтрака! — передразнилъ ее Иванъ Дмитріевичъ. — Они безъ хлѣба умереть могутъ съ голоду, а мы—послѣ завтрака пойдемъ къ нимъ на помощь! А еще добрыми людьми слывемъ, благодѣтелями, богадѣльни строимъ, въ тюремныхъ комитетахъ засѣдаемъ!..

Онъ, почти не прощаясь, вышелъ изъ столовой тетки, хлопнувъ дверью, и какъ только закрылась за нимъ дверь,

такъ тотчасъ же всѣ приживалки заговорили разомъ, и перебой:

— Правду сказала душечка Марья Потаповна, что это не только не соскочило съ него, а еще хуже стало: не тронись до него, точно порохъ!

И онѣ затараторили о Тарасовѣ, припоминая всѣ мелочи его дурного настроенія, которыя онѣ разузнали отъ душечки Марьи Потаповны и отъ слугъ или подмѣтили сами. Опять начались предположенія, за что онъ разсердился на жену, къ кому ее приревновалъ. Тарасова покачала головой, слушая ихъ предположенія, и проговорила:

— Ничего я не соображу; только одно вѣрно, что не ему надо ее ревновать, а скорѣе ей...

— То-есть какъ это, Наталья Ѳоанасьевна? — спросила одна изъ старыхъ дѣвъ, не понимая мысли Тарасовой.

— Да такъ... Онъ и ухомъ не повелъ бы, если бы за его женой сталъ кто-нибудь ухаживать, а вотъ онъ ухъ что-то очень близко къ сердцу принялъ судьбу Волчининыхъ...

Одна изъ приживалокъ сообразила, въ чемъ дѣло.

— Вы думаете, онъ это ради Лизочки?

— Какъ знать, Мимочка? Первая его любовь это,—сказала старуха.

— Ахъ, Лизочка не такая, чтобы позволить ему ухаживать за нею!—воскликнула Маремьяна Порфирьевна.

— Да, да, она честная!—проговорила Тарасова въ раздумьѣ и вышла изъ столовой.

Когда она вышла, старыя дѣвы заговорили опять разомъ:

— А что, если и въ самомъ дѣлѣ, онъ ради Лизы волнуется? Никогда онъ не любилъ душечку Марью Потаповну. Что же Лиза-то скажетъ, если замѣтитъ, что онъ за нею опять ухаживаетъ? И какіе такіе намеки онъ дѣлалъ Лизѣ въ послѣдній разъ? И тоже, когда она ушла—сорвался съ мѣста, какъ саврасъ безъ узды, и побѣжалъ за нею.

Онѣ терялись въ догадкахъ, и интересъ ко всей этой исторіи поглотилъ ихъ всецѣло. Онѣ начали дѣлать еще болѣе предположеній насчетъ причинъ дурного расположенія духа Тарасова.

— Вѣрно, Лизочка опять ему карету подала, какъ и тогда, когда онъ сватался за нее! Вотъ онъ и рветъ, и мечетъ. Да иначе и не можетъ быть, потому что Лизочка—честная дѣвушка и сама себя потерять не захочетъ. Ему-то

на все наплевать, а у нея дѣвичья честь есть. Ужъ бѣснуйся онъ или нѣтъ, а Лизочка чести своей не погубитъ.

— И резона ей вовсе нѣтъ теперь, — поясняла Ольга Дмитріевна: — согласаться на какія-нибудь гнусныя его предложенія, лазъ узе отказалась быть его зеной.

— Конечно, конечно! — восклицали подруги Ольги Дмитріевны и радовались:—пусть поскачетъ теперь, пусть! Это чудесный урокъ имъ, мужчинамъ! Думаютъ, что нашу сестру только пальцемъ помани... Нѣтъ, многихъ тоже манили, а онѣ своей чести не продали!

Дѣйствительно, съ той самой минуты, когда Тарасовъ грубо простился съ Лизой, онъ не могъ не только настроить себя на свой обыкновенный ладъ безпечнаго и самодовольнаго богача, жившаго въ свое удовольствіе, но не могъ даже дать себѣ отчета, на кого и за что онъ сердится. Какими-то безсвязными отрывками прорывалась его злость. Онъ злился на то, что сдуру далъ денегъ этому шалопаю, мерзавцу, прохвосту—всѣ эти эпитеты казались ему недостаточно сильными для Аркадія Аркадьевича,—благо этотъ мерзавецъ подвернулся не въ добрый часъ, тогда какъ старикъ Волошиновъ на его глазахъ погибалъ съ семьею, и онъ не предложилъ ему, ну, хоть бы мѣста управляющаго домомъ, «старшаго дворника» въ домѣ, какъ онъ выражался со злобой. Отъ этихъ злыхъ мыслей онъ перескакивалъ съ негодованіемъ на мысли о женѣ, ругая ее за то, что она только и знаетъ, что подрумяниваться, подкрашиваться, подвиваться и кокетничать, тогда какъ «другимъ женщинамъ» приходится убивать и здоровье, и силы, и молодость на черный трудъ,—и дѣлалъ на каждомъ шагу сцены женѣ, точно именно она была виновата въ страданіяхъ этихъ «другихъ женщинъ». Рядомъ съ этимъ, въ немъ вспыхивали порывы мстительнаго самодурства относительно Лизы, и онъ со злобнымъ смѣхомъ говорилъ про себя: «ну-съ, Лизавета Аркадьевна, не угодно вамъ было пользоваться благодѣяніями, такъ и попляшите отъ голода; еще кулаками слезы будете утирать да только поздно будетъ». И вдругъ тутъ же, сжимая кулаки и грозя ими самому себѣ, громко выругивался: «и подлецъ же я, подлецъ!» Все это было чѣмъ-то стихійнымъ, хаотическимъ—и вдругъ все это слилось, послѣ разговора съ Натальей Аѳанасьевной, въ одно такое же стихійное рѣшеніе: «Помочь Волошиновымъ! Спасти Волошиновыхъ!»

Онъ захватилъ съ собой денегъ и покатилъ къ Волоши-

новымъ. Ни колебаній, ни сомнѣній у него уже не было въ душѣ, ни на секунду онъ не задумывался о томъ, ловко ли пріѣхать къ нимъ и привезти деньги, приметъ ли Лиза помощь. Онъ былъ теперь вполнѣ убѣжденъ, что она приметъ все, что онъ предложитъ ей, и приметъ съ благодарностью, какъ отъ добраго знакомаго. Почему? Онъ самъ не отдавалъ себѣ въ этомъ отчета. Мало того, ему казалось теперь, что онъ и Лиза не только близко знакомые, но друзья, родные. И опять-таки онъ не задумывался, почему ему приходятъ въ голову такія мысли, не нелѣпы ли онѣ? Когда онъ переступилъ порогъ подвала Волошиновыхъ, онъ увидалъ Лизу, стоящую на колѣняхъ и растапливающую огонь въ плитѣ. Отблески огня ярко освѣщали ея лицо, разгорѣвшееся яркимъ румянцемъ. Она подняла голову, услыхавъ скрипъ двери, и, увидавъ Тарасова, тихо проговорила:

— А, это вы, Иванъ Дмитріевичъ!.. Спасибо вамъ... Я хотѣла вамъ писать...

Онъ ждалъ именно этого, ждалъ привѣтливаго пріема, и все-таки смутился. Тонъ ея мягкаго голоса, едва замѣтная привѣтливая улыбка, ласковыя слова,—все это тронуло его, шевельнуло какія-то новыя струны въ его душѣ. Лиза не безъ усилія поднялась съ полу, видимо измученная и усталая отъ непосильной лихорадочной дѣятельности, отъ безсонныхъ ночей, отъ непрерывныхъ заботъ. Только теперь, когда ее пересталъ озарять отблескъ огня, Тарасовъ увидалъ, какъ она измѣнилась въ лицѣ: всѣ эти опасенія, хлопоты, заботы, безсонныя ночи оставили на ея лицѣ глубокій слѣдъ.

— Вотъ вамъ, вотъ на первый разъ, — торопливо пробормоталъ онъ, сунувъ ей деньги въ руку, безъ всякихъ предисловій. — Вамъ надо передохнуть, переѣхать! Такъ нельзя!

И, не зная, что сказать еще, онъ спросилъ:

— А ребеночекъ живъ?

— Живъ, живъ!—радостно сказала Лиза, и растроганно прибавила:—Какой вы добрый!

Она отвернулась, чтобы скрыть слезы. Изъ-за этого ребенка она пошла бы на все.

— Полноте! о чемъ же? Теперь все пойдетъ хорошо! — проговорилъ онъ и ласково положилъ ей на плечо руку, заглядывая въ лицо.

Она не шевельнулась, продолжая тихо, безмолвно пла-

кать. Эти слезы давно уже душили ее, и ей нуженъ былъ только предлогъ, чтобы разрыдаться. Въ комнатѣ раздался зловѣщій кашель.

— Кто это?—спросилъ Тарасовъ, осматриваясь вокругъ.

— Мама,—отвѣтила Лиза и въ тревогѣ, отеревъ слезы, стала разсказывать: — Прежде мама сильно кашляла, всѣ даже боялись, что у нея чахотка; потомъ, мало-по-малу, прошло это совсѣмъ, а вотъ теперь, послѣ родовъ, опять сразу начался кашель да еще такой страшный...

— Простудилась, вѣрно,—проговорилъ Тарасовъ.—У васъ сыро здѣсь.

Онъ осмотрѣлся кругомъ на стѣны, съ зловѣщими пятнами плѣсени.

— Да, конечно,—отвѣтила Лиза.—Сначала не замѣчали: обои были новыя, чистенькія, при переѣздѣ сюда, а теперь вездѣ пошла плѣсень по угламъ, хоть мы и топимъ много... Доктору я разсказывала, спрашивала, отчего это у мамы опять возобновился кашель. Говоритъ, что это бываетъ въ такихъ случаяхъ, что квартира тутъ ни при чемъ.

— Все же вамъ надо переѣхать, — настаивалъ Тарасовъ.—Тутъ жить нельзя... Докторъ вретъ, что это не отъ квартиры... всѣ они врутъ.

— Главное не это, — проговорила она. — Вы даете возможность спасти ребенка...

Она немного замялась и пояснила потомъ.

— У мамы молока нѣтъ. Кормилицу приходится взять, ребенокъ слабъ и на рожкѣ не выживетъ. Вотъ почему я и хотѣла писать вашей тетѣ... вамъ... Голову я потеряла. Вѣдь тутъ идетъ вопросъ о жизни малютки...

— Такъ вы возьмите еще...

Онъ сдѣлалъ движеніе, чтобы достать еще денегъ; она удержала его руку.

— Нѣтъ, нѣтъ, зачѣмъ же? Вы и такъ дали слишкомъ много.

Онъ усмѣхнулся и съ досадой воскликнулъ:

— Много? Въ иной вечеръ на одну попойку больше тратится! На всякую сволочь больше швыряется.

— Что-жъ, вы въ правѣ на себя тратить свои деньги,— замѣтила тихо Лиза.

Слабый плачъ ребенка въ сосѣдней комнатѣ прервалъ ихъ разговоръ. Лиза мелькомъ сказала Тарасову, что тамъ при ребенкѣ ея братъ Сережа,—бѣдный юноша даже гимназію забросилъ для этого;—но онъ не умѣетъ няньчиться

съ малюткой, неловкій, неумѣлый, какъ всѣ мужчины, въ этомъ дѣлѣ. И, наскоро простившись съ посѣтителемъ, она прошла въ комнату къ матери. Успокоивъ новорожденнаго, съ которымъ няньчился Сергѣй, Лиза подошла къ матери и, видя, что та не спитъ, проговорила ей:

— Теперь, мамочка, все пойдетъ хорошо! Иванъ Дмитріевичъ привезъ намъ денегъ и можно даже мамку взять. Какой онъ добрый!

— А мнѣ все равно... все равно!—слабымъ голосомъ прошептала равнодушно Елена Степановна, держась за грудь и едва переводя духъ.—Вотъ только бы Урѣзка перестала выть... а то она нѣтъ, бабушка хранитъ, а Урѣзка воетъ... къ смерти это... И какъ еще живу: днемъ бьетъ кашель, а ночью — Господи, что это за ночь!—все въ голову приходитъ, все прошлое, настоящее, будущее. И потомъ скажи...

Больная сильно закашляла и замолчала, хватаясь въ отчаяніи за грудь и мечась на постели.

— Мама, ты что-то начала говорить, — сказала Лиза, когда кашель Елены Степановны стихъ.

Молодая дѣвушка не безъ тревоги стала замѣчать, что за послѣдніе дни мать часто теряетъ нить начатыхъ разговоровъ и начатыхъ фразъ.

— А? что я начала говорить? —словно проснувшись отъ сна, проговорила Елена Степановна и, наконецъ, вспомнила:— Да, скажи этой блаженной-то, Любови Васильевнѣ, чтобы она не ходила сюда сидѣть у меня... Раздражаетъ только своими утѣшеніями. У нея все «Богъ дастъ», «все устроится»... Гдѣ она живетъ, въ какомъ царствѣ, что жизни не понимаетъ?.. Ничего не устроится, ничего Богъ не дастъ... горя одного ждать можно, а не счастія... смерть моя вотъ пришла, а для васъ—никто вамъ не поможетъ... Сколько лѣтъ еще мучиться придется!

Она, въ сильномъ возбужденіи, снова страшно раскашлялась и потомъ впала въ забытье отъ изнеможенія. Лиза на цыпочкахъ вышла на минуту изъ комнаты въ кухню, гдѣ шопотомъ разговаривали Сергѣй и Аркадій Лукьяновичъ, вернувшійся съ рынка. Лиза торопливо разсказала отцу, что у нихъ былъ Иванъ Дмитріевичъ и привезъ денегъ. Теперь они передохнутъ, имѣя возможность спасти и мать, и ребенка. Надо только поскорѣе найти кормилицу. Это необходимо для ребенка, иначе нечего и думать спасти его. Въ сильномъ возбужденіи она торопила отца ѣхать за мамкой. Теперь ей уже казалось, что каждая минута дорога

для спасенія жизни ребенка. Потомъ она распорядилась, чтобы Сережа вымылъ мясо, очистилъ зелень и поставилъ вариться супъ, а сама снова вернулась къ постели матери. Отецъ, Лиза и Сережа во всѣ эти дни чередовались между собою въ занятіяхъ и буквально не имѣли ни минуты свободной. У нихъ не было средствъ даже для найма самой простой поденщицы. Иногда къ нимъ заходила Любовь Васильевна, но она не столько помогала въ работѣ, сколько старалась утѣшить ихъ своими теоретическими соображеніями о томъ, что все устроится, все пойдетъ къ лучшему. Эти утѣшенія особенно сильно раздражали теперь больную и Сергѣя, который грубовато говорилъ своей бывшей любимицѣ:

— Нѣтъ, ужъ вы объ этомъ послѣ распространяйтесь... Теперь хлѣбъ нуженъ, а не разсужденія о томъ, что будетъ, когда мы помремъ.

По уходѣ Аркадія Лукьяновича, въ квартирѣ воцарилась тишина и было только слышно, какъ въ кухнѣ храпѣла за ситцевой драпировкой бабушка, проводившая теперь почти все время лежа на постели, такъ какъ въ эти дни суматохи ее совершенно затолкали всѣ возившіеся около больной и ребенка люди, и если бы она лучше слышала—она услыхала бы, что на нее прикрикиваютъ раздражительно даже тѣ лица, которыя всегда говорили съ ней терпѣливо и ласково. Она вдругъ стала не просто лишней въ домѣ, но даже помѣхой, не во-время подвертывалась подъ руку, когда несли горячую воду, или начинала громко говорить, когда нужна была полнѣйшая тишина. Сидя теперь въ комнатѣ у постели задремавшей матери, Лиза ощутила впервые за послѣдніе дни сладкое чувство отъ сознанія, что скоро она можетъ немного отдохнуть и физически, и нравственно. Наймутъ они кормилицу, и ребенокъ будетъ спасенъ; имѣя деньги, они попросятъ доктора посѣщать мать по два раза въ день, и онъ навѣрное поможетъ ей, такъ какъ кашель, мучившій больную, навѣрное можетъ пройти и теперь, какъ прошелъ онъ еще недавно; это не чахотка, а простуда; чахотка не могла бы прекратиться и начаться опять; ея теченіе, какъ слышала Лиза, не останавливается. Сережа также примется за занятія: бѣдный юноша сколько времени уже не ходитъ въ гимназію и сбился съ ногъ, какъ и отецъ, таская воду и дрова, бѣгая въ аптеку, стряпая и вынося помои; онъ отсталъ, вѣроятно, за эти дни отъ товарищей, а какъ прекрасно учился, какъ рѣдко, — и то во

время болѣзней,—онъ манкировалъ уроками прежде. Какъ тяжело, должно-быть, ему сознавать, что онъ уже не будетъ первымъ ученикомъ въ классѣ, какъ это было въ теченіе всѣхъ семи лѣтъ его пребыванія въ гимназіи. Впрочемъ, онъ наверстаетъ потерянное; онъ самолюбивъ и настойчивъ; что захочетъ сдѣлать, то и сдѣлаетъ; недаромъ же ему завидуютъ такіе баловни, какъ графъ Горичевъ. Ну, да теперь вообще все пойдетъ хорошо. Спасъ ихъ Иванъ Дмитріевичъ, хотя онъ и имѣлъ право сердиться на нихъ! По глупости она, Лиза, отказала ему когда-то въ согласіи на бракъ, и родители не выяснили ей этой глупости. Женился онъ послѣ того на нелюбимой имъ дѣвушкѣ. Тоже скороспѣлка! Все у него порывами дѣлается. А потомъ раскаиваться приходится, вотъ какъ въ этой женитьбѣ. Раза два онъ мелькомъ, съ горечью, уже замѣтилъ Лизѣ, что нѣтъ бо́льшаго несчастія, какъ быть скованнымъ брачными узами съ нелюбимымъ существомъ. Тогда она пропустила мимо ушей эти слова, теперь она понимаетъ всю ихъ горечь. Конечно, онъ самъ виноватъ, что сдѣлалъ эту глупость—женился. Но у него характеръ такой: горячъ онъ, неразборчивъ въ поступкахъ и такта нѣтъ. Зато, что за сердце! Въ какую минуту пришелъ онъ къ нимъ на помощь!

— О ребенкѣ спросилъ: «А ребеночекъ живъ?»—почти вслухъ повторила она его тономъ его слова, и по лицу ея скользнула улыбка.

Ей вспомнилось, какъ сконфуженно совалъ онъ ей въ руку деньги, какъ заботливо разспрашивалъ о мелочахъ... Плачъ ребенка прервалъ ея думы. Она подошла къ малюткѣ и взяла его за руку. Елена Степановна почти вовсе не думала объ этомъ непрошеномъ гостѣ и со страшнымъ эгоизмомъ, который проявляется нерѣдко у жестоко страдающихъ больныхъ, вся сосредоточивалась на однѣхъ своихъ мукахъ. Видъ ребенка, между тѣмъ, былъ удручающимъ. Это было жалкое, маленькое, морщинистое существо, какъ бы состарѣвшееся уже въ утробѣ матери, какъ бы насупившееся, подъ бременемъ огорченій и лишеній. Трудно было ожидать, чтобы изъ этого младенца-старичка вышелъ здоровый, бодрый и красивый человѣкъ. Но Лиза смотрѣла на него съ безпредѣльной любовью, точно это было ея собственное, много обѣщавшее въ будущемъ, дитя, и тихо шептала:

— Погоди, погоди, крошка, сегодня тебѣ дадутъ молочка! Сегодня тебя накормятъ до-сыта!

XI.

Стоялъ ненастный петербургскій ноябрь. Дни становились все короче и короче. Разсвѣтало поздно, смеркалось рано. Солнца не было видно по цѣлымъ днямъ, и дождь чередовался со снѣгомъ. Мостовая то покрывалась липкой, скользкой грязью и большими лужами; то, скованная морозомъ, гремѣла, какъ чугунъ, подъ колесами экипажей и копытами лошадей. Окна въ бѣдныхъ квартиркахъ, сырыхъ или холодныхъ, то покрывались, какъ слезами, каплями и струйками воды, то разукрашивались сплошными морозными узорами, пропуская въ комнаты мало свѣта, когда его и такъ недоставало рабочимъ людямъ. Въ такую пору—больше всего больныхъ, въ такую пору учащаются самоубійства... Въ это-то время, въ жилищѣ Волошиновыхъ нравственное положеніе семьи стало невыносимымъ, такъ какъ всѣ ясно сознавали, что въ этомъ жилищѣ угасаютъ двѣ жизни, которымъ, казалось, недоставало свѣта, недоставало чистаго воздуха. Правда, одна изъ этихъ жизней гасла тихо, безъ протестовъ, безъ проклятій: маленькое существо, еще недавно явившееся на свѣтъ, было не только хило, болѣзненно, безпомощно, но у него не хватало даже голоса на крики и плачъ; оно только пищало и морщилось, но этотъ пискъ, эти конвульсивныя гримасы крошечнаго созданія, неудавшагося человѣка, щемили сердце хуже всякихъ буйныхъ проявленій здороваго и сильнаго, но чѣмъ-нибудь недовольнаго и неудовлетвореннаго организма. Не такъ прекращалась другая жизнь—жизнь Елены Степановны. Когда Лиза объясняла доктору, что «мама прежде кашляла сильно, въ послѣднее же время кашель прошелъ совсѣмъ—или, какъ выразилась тогда Лиза, «вылѣчился»,—и только вотъ теперь, послѣ родовъ, вдругъ Богъ знаетъ съ чего возобновился опять въ такой страшной степени», — докторъ отвѣтилъ ей коротко, что «это бываетъ». Онъ не договорилъ, что именно бываетъ, не объяснилъ ей, что чахотка нерѣдко какъ бы прекращается по внѣшнимъ признакамъ въ послѣднее время беременности, зато послѣ родовъ часто сразу дѣлается галопирующей, скоротечной. Лиза потеряла голову, слыша страшный кашель матери и проклятія больной на судьбу, на людей. Сдѣлавшись вдругъ какъ бы безчувственной по отношенію ко всѣмъ окружающимъ, къ ихъ усталости, къ ихъ страданіямъ, Елена Степановна сознавала только одно,—что она сама страдаетъ нестерпимо, что ей

самой грозитъ неминуемая смерть, и въ квартирѣ слышались только ея гнѣвныя и нетерпѣливыя жалобы.

Да разбудите вы бабушку, чтобы она перестала храпѣть! раздражительно говорила больная. — Ни днемъ, ни ночью покоя нѣтъ отъ нея. Привыкла, чтобы около нея ходили на цыпочкахъ, а до другихъ ей и дѣла нѣтъ... Господи, не можете вы, что ли, унять Урѣку, чтобы она не завывала... И безъ того ночи конца нѣтъ, а тутъ еще этотъ вой... Точно въ аду живемъ...

«Перемѣнить квартиру надо; скорѣе перемѣнить ее надо,— мелькало въ головѣ Лизы.—Это нужно и для ребенка, и для мамы, и для Сережи, и для отца. Не сладко Сережѣ и отцу ночевать у Четыркина, жаться гдѣ-то на полу вдвоемъ. И учиться Сережа не можетъ. Ходить тоже, бѣдняжка, какъ ночь темная. А какъ занимался-то всѣ семь лѣтъ! Первымъ всегда былъ въ классѣ, а теперь... Гдѣ ужъ теперь ему учиться!»

И рядомъ съ этимъ возникали вопросы: а какъ же перевезти больныхъ — ребенка и мать? Не перепростудятся ли они еще болѣе? Какъ перевезти бабушку, когда старухѣ придется объяснить, что ея салонъ пропалъ въ закладѣ? Ей кричать объ этомъ надо, а она начнетъ переспрашивать, распространяться, ворчать, охать, и все это встревожитъ мать. Крупныя опасенія смѣшивались съ мелкими: иногда даже эти мелкія тревоги терзали сильнѣе, чѣмъ крупныя опасенія. Но за переѣздъ стоялъ и Иванъ Дмитріевичъ. Онъ то и дѣло навѣдывался къ Лизѣ и настаивалъ на переѣздѣ семьи въ другое помѣщеніе. Онъ готовъ былъ теперь щедро сорить деньгами, только бы доставить семьѣ всѣ удобства и спасти ее отъ всякихъ лишеній; онъ предложилъ Волошинову поступить управляющимъ въ его домъ, занятый сплошь мелкими жильцами и потому требовавшій управителя, что, впрочемъ, Иванъ Дмитріевичъ признавалъ необходимымъ только теперь, такъ какъ прежде управлялъ домомъ одинъ старшій дворникъ. Въ его отношеніяхъ къ Лизѣ проявлялась теперь такая сердечность, на какую, казалось, нельзя было считать его способнымъ: повидимому, онъ уже видѣлъ въ ней не просто соблазнявшую его когда-то своею красотою дѣвушку, но существо родное, близкое, связанное съ нимъ прочными узами; онъ уже не просто былъ влюбленъ въ нее, но любилъ глубоко, искренно, не разсуждая даже о томъ, что будетъ дальше. Расчеты сразу отошли куда-то на задній планъ; руководила дѣйствіями

одна только любовь. Онъ торопилъ Лизу рѣшиться переѣхать изъ ея проклятаго подвала, боясь потерять ее, боясь, что ея силы не выдержатъ.

— Добрый вы человѣкъ, Иванъ Дмитріевичъ,—сказала она ему въ одно изъ посѣщеній, когда онъ особенно горячо уговаривалъ ее перебраться въ новое помѣщеніе.—Все-то вы тревожитесь о насъ. Я вотъ спрошу доктора, можно ли намъ перевезти больныхъ.

— Да вы сегодня же, голубушка, спросите, сегодня же,—настаивалъ онъ и взялъ ее за обѣ руки. — Да? спросите, Лизавета Аркадьевна?—приставалъ онъ, глядя ей въ глаза.

— Хорошо, хорошо! спрошу сегодня же,—отвѣтила она, стараясь улыбнуться.

Въ эту минуту вошелъ въ кухню Сергѣй и, недружелюбнымъ взглядомъ взглянувъ на Тарасова, дружески сжимавшаго руки Лизы, угловато поклонился ему и торопливо прошелъ въ комнату.

— Кстати, мамѣ, кажется, немного легче,—продолжала Лиза:—кашель какъ будто уменьшился и сердиться она перестала на то, что бабушка и Урѣзка мѣшаютъ ей спать...

— Ну, вотъ видите, значитъ отчаиваться нечего,—живо проговорилъ Тарасовъ. —Если здѣсь ей лучше становится, то въ хорошемъ помѣщеніи она и совсѣмъ поправится.

Тарасовъ не успѣлъ еще уйти, когда явился докторъ. Иванъ Дмитріевичъ обрадовался.

— А мы васъ ждали, докторъ,—сказалъ онъ, здороваясь съ нимъ.—Посовѣтоваться надо съ вами Елизаветѣ Аркадьевнѣ. Перевезти больныхъ на новую квартиру она думаетъ. Можно ли это сдѣлать безъ вреда для нихъ? Разумѣется, въ экипажѣ ихъ повезутъ, закутаютъ,—простудиться будетъ трудно.

Онъ торопился объяснить все за Лизу, боясь, что она не будетъ такъ энергично настаивать на вопросѣ о переѣздѣ.

— Конечно, можно,—отвѣтилъ докторъ.—Здѣсь и тѣсно, и неудобно.

— Да? Можно?—радостно воскликнула Лиза и стала пояснять:—къ тому же мамѣ, кажется, лучше. Кашляетъ она сегодня меньше, не раздражается, что ее безпокоятъ шумомъ. Да вы пройдите къ ней, докторъ, взгляните...

Докторъ прошелъ въ комнату вмѣстѣ съ Лизой. Тарасовъ остался въ кухнѣ, нетерпѣливо ожидая рѣшительнаго отвѣта доктора.

Въ квартирѣ было тихо; только слышалось, какъ воро-

чалась и охала на постели бабушка за драпировкой. Старуха уже почти не сходила съ своей кровати, все чаще и чаще ворча на то, что и обѣдъ, и чай нынче даются не во-время и что «тоже нашли, кого заставить приготовлять обѣдъ: Кадю и Сережу! Повара—нечего сказать! Да покойный Ермолай ихъ за уши отъ плиты оттащилъ бы, если-бъ былъ живъ»...

Прошло съ четверть часа. Докторъ и Лиза вышли, наконецъ, снова въ кухню.

— Ну, что, докторъ? какъ нашли больную? — спросилъ поспѣшно Иванъ Дмитріевичъ.

— Слаба, очень слаба,—отвѣтилъ докторъ, нерѣшительно и съ видимымъ смущеніемъ.

— Да, но перевезти-то ее все же можно? — допрашивалъ настойчиво Тарасовъ.

— Отчего же и нѣтъ, хотя...

Докторъ замялся и искоса взглянулъ на Лизу.

Она поблѣднѣла и торопливо спросила:

— Докторъ, она въ опасности? Ради Бога, не скрывайте ничего! Лучше все знать... все.

Докторъ на минуту затруднился отвѣтомъ, потомъ сказалъ:

— Конечно, вы должны быть готовы ко всему: ея болѣзнь такова...

— Но ей легче, кажется, — перебила его Лиза.

— Ей гораздо хуже,—отвѣтилъ докторъ, подчеркивая эту фразу.—Она не жалуется на шумъ, потому что уже не слышитъ его...

— Но если перевезти ее, если...— начала горячо Лиза.

— Лучше уже не тревожить ее теперь, — отвѣтилъ безнадежно докторъ.

Лиза закрыла лицо руками и горько заплакала. Тарасовъ безсознательно охватилъ ее рукою за плечи, и она безпомощно припала головой къ его плечу. Она только сознавала, что мать можетъ умереть каждую минуту; онъ былъ весь охваченъ страхомъ за Лизу. Докторъ началъ успокаивать Лизу банальными фразами, досадливо понимая въ то же время всю ихъ банальность. Онъ сталъ совѣтовать увезти скорѣе ребенка съ кормилицей куда-нибудь въ лучшее помѣщеніе.

— Это я устрою... это сегодня же все будетъ исполнено,— заторопился Иванъ Дмитріевичъ. — Квартира готова, обстановка есть... это сегодня же... Только какъ же оставить больную одну?..

— Какъ одну?—проговорила Лиза, отирая слезы.— А я-то? Пусть всѣ переѣдутъ—я все-таки останусь при мамѣ.

— Сидѣлку вѣдь можно къ ней взять,—началъ Тарасовъ.

— Да... но я все же не уйду отсюда, пока она жива...

Докторъ ушелъ, и Лиза въ сильномъ волненіи обратилась къ Тарасову:

— Ради Бога, ради Бога, сдѣлайте все... спасите, голубчикъ, хоть ребенка. Я... я...

Она схватила его руку и, не понимая сама, что дѣлаетъ, прижала ее къ своимъ губамъ. Онъ оторопѣлъ, растерялся и, взявъ ее за голову, поцѣловалъ въ лобъ.

— Полноте! полноте! — заговорилъ онъ въ смущеніи. — Вамъ надо успокоиться, отдохнуть. Положитесь во всемъ на меня.

Онъ заторопился, почти побѣжалъ изъ квартиры Волошиновыхъ. У него вдругъ явились: цѣль въ жизни, серьезныя заботы, тревожившія его хлопоты. До этой поры онъ приказывалъ: «сдѣлать то-то», «устроить это», «сходить туда-то». Теперь ему казалось, что никто не можетъ сдѣлать ничего за него: надо было самому наблюсти, хорошо ли протопили въ его домѣ квартиру, отведенную Волошиновымъ; нужно было самому пригласить сидѣлку къ больной и озаботиться наймомъ въ комиссіонерской конторѣ служанки для Лизы; слѣдовало не только послать за ребенкомъ и за бабушкой экипажъ, но и присмотрѣть, какъ ихъ усадятъ.

Совершенно противоположную роль въ это время играли Сергѣй и Аркадій Лукьяновичъ. У нихъ, казалось, вдругъ не стало ни собственной воли, ни свободы дѣйствій, и они пассивно подчинились какой то стихійной силѣ: сначала они должны были удалиться, покуда длились роды, искать пристанища въ ночное время у Четыркина, — благо онъ далъ имъ уголъ даромъ,—а днемъ рыскать въ аптеки за лѣкарствами, по рынку за провизіей и выполнять всѣ тяжелыя и черныя работы по дому, которыя были не подъ силу Лизѣ. Потомъ, когда явилась помощь, ихъ переселили по волѣ Ивана Дмитріевича въ теплую и свѣтлую квартиру, гдѣ помѣстились также ребенокъ, кормилица, бабушка, служанка. Аркадій Лукьяновичъ отнесся къ своему новому положенію просто и пассивно, не радуясь особенно тому, что наконецъ-то онъ, столько времени тщетно старавшійся пристроиться, неожиданно получилъ мѣсто «управляющаго домомъ», и не сѣтуя на то, что это мѣсто открылось для него слишкомъ поздно, чуть не наканунѣ женина смерти.

которой онъ, не обманывая себя никакими надеждами, ожидалъ съ часу на часъ, скорбно и покорно. Не такъ отнесся къ происшедшему Сергѣй: выбиваясь изъ силъ въ домашнихъ хлопотахъ, бѣгая по двадцати разъ въ мелочныя лавки то за не купленной по разсѣянности солью, то за недоставшимъ хлѣбомъ, то за какимъ-нибудь фунтомъ сахару, таская воду, вынося помои и растапливая плиту и печь, онъ былъ весь поглощенъ думами о матери и новорожденномъ братѣ; гимназія была забыта и брошена, точно она никогда и не играла видной роли въ его существованіи, точно онъ не хвалился съ гордостью тѣмъ, что все время числился первымъ ученикомъ, обгоняя всякихъ матушкиныхъ сынковъ, въ родѣ ненавидѣвшаго его графа Горичева, у котораго были гувернеры и репетиторы изъ гимназическихъ учителей. Когда однажды отецъ заговорилъ съ нимъ о гимназіи, Сергѣй коротко отвѣтилъ:

— Мнѣ нечего и думать доучиваться въ ней теперь...

Отецъ вопросительно взглянулъ на него.

— Что же ты будешь дѣлать?.. нельзя же, изволишь видѣть, такъ бросать все... Ей-Богу!

— Пусть пройдетъ это время, а тамъ подготовлюсь къ чему-нибудь и безъ гимназіи, — отвѣтилъ Сергѣй. — Теперь все равно не могу учиться... силъ нѣтъ... голова идетъ кругомъ отъ того, что дѣлается...

— Что-жъ, теперь, изволишь видѣть, все же поправляются немного дѣла... положеніе стало лучше..

— Полно, лучше ли?—хмуро спросилъ Сергѣй. — Иного улучшенія хоть бы и не было...

Отецъ вздохнулъ, но не возражалъ, не спрашивалъ, на что намекаетъ Сергѣй, не говорилъ, что онъ понимаетъ этотъ горькій намекъ. Чтобы не тревожить Лизу, Аркадій Лукьяновичъ не сказалъ ей ни слова о рѣшеніи Сергѣя. Объ этомъ рѣшеніи онъ снова заговорилъ только съ самимъ Сергѣемъ, когда они перебрались на новую квартиру.

— Теперь ты могъ бы, Сережа, продолжать ученіе,—началъ онъ осторожно:—дѣла, изволишь видѣть, поправляются... Теперь у меня свои собственныя заработанныя деньги есть...

Сергѣй перебилъ его:

— Не говори объ этомъ... Я ужъ такъ рѣшилъ. Не могу я ходить въ гимназію, гдѣ Богъ вѣсть что говорятъ о братѣ... Что-жъ ты хочешь, чтобы скандалъ у меня вышелъ съ Горичевымъ?.. Рта я ему не зажму, а онъ — давно уже онъ меня ненавидитъ и теперь радъ случаю вывести изъ тер-

пѣнія. Ты знаешь, это легко и безъ того; я несдержанъ, а теперь и подавно...

Сергѣй не разсказывалъ, что именно говорили ему объ его братѣ графъ Горичевъ и его прихвостники, случайно встрѣтившіеся съ Сергѣемъ; Аркадій Лукьяновичъ не разспрашивалъ. Онъ спросилъ только сына:

— Что же ты думаешь дѣлать?

— Буду подготовляться дома къ выпускнымъ экзаменамъ... Директоръ любитъ меня... Еще бы! гордился мною... Я объяснюсь съ нимъ, что болѣзнь и домашнія обстоятельства... Ну, да какъ бы тамъ ни было, а онъ похлопочетъ обо мнѣ и постарается сдѣлать, что можно... Я во всякомъ случаѣ не пропаду... А потомъ, кромѣ того, при первой возможности сдамъ экзаменъ на званіе народнаго учителя...

— Народнаго учителя?—переспросилъ отецъ.

— Да, тошно здѣсь... Не смотрѣлъ бы на то, что дѣлается въ домѣ и вокругъ. Гдѣ-нибудь въ деревнѣ легче было бы. Вотъ бы вмѣстѣ съ тобою тамъ пожить вдвоемъ.

Отецъ вздохнулъ.

— Да, доложу тебѣ, я и самъ бы радъ... Ну, да что говорить объ этомъ... Слава Богу, что и здѣсь мѣсто добылъ!

— Слава Богу!—повторилъ Сергѣй, и въ его голосѣ послышалась злоба. — Слава Богу! Нѣтъ, лучше бы никогда не было этого мѣста... этой помощи.

И, неожиданно для него самого, у него сорвалось съ языка:

— Вотъ на-дняхъ встрѣтилъ я одного изъ Горичевыхъ блюдолизовъ, и этотъ негодяй тоже о братѣ Аркадіи началъ распространяться. Вертится онъ среди этихъ прохвостовъ. Такія вещи выдѣлываетъ, что со стыда сгорѣть надо. Ну, а эта сволочь рада про него трезвонить, конкурента въ немъ видитъ, боится, что онъ ея лакомый кусокъ оттягиваетъ. Избилъ бы этихъ людей, хоть и знаю, что правду говорятъ...

Его всего передернуло.

— Да, поправились мы, поправились! — желчно проговорилъ онъ.—Были нищими, съ голоду погибали, да людямъ прямо въ глаза могли смотрѣть, а теперь...

Онъ торопливо вышелъ изъ комнаты, чтобы не говорить болѣе объ этомъ предметѣ. Вспышки злобы и гнѣва теперь то-и-дѣло проявлялись въ его характерѣ, и отецъ, замѣчая ихъ, только вздыхалъ, зная, какъ не сладко живется его самолюбивому и чуткому сыну, который все понималъ, все видѣлъ, что дѣлается въ семьѣ. И вообще для всѣхъ те-

перь настало такое время, когда никто не упрекалъ другъ друга ни за какія неровности, рѣзкости и вспышки, какъ не считаются люди толчками и тычками во время пожара или наводненія, зная, что тутъ нельзя требовать ни деликатности, ни вѣжливости, ни осторожности. Но перечувствовалось, перестрадалось, тѣмъ не менѣе, каждымъ очень многое за это время. Привередничать въ эту пору могла только бабушка Елизавета Евлампіевна, все болѣе и болѣе выживавшая изъ ума среди окружавшихъ ее тревогъ и неурядицъ. Перебравшись на новую квартиру, она занялась отъ безделья, между сномъ и ѣдою, разборомъ своего скуднаго скарба въ старинномъ кованномъ сундукѣ и громко ворчала:

— Да гдѣ же мой сатентюрковый салопъ? Ужъ не подъ кроватью ли у себя его держитъ Лена? Отъ нея всего станется. И тоже капота сатентюрковаго нѣтъ. Такія дорогія вещи — и Богъ знаетъ гдѣ валяются. Очумѣли, право, всѣ! И Лиза-то хороша, нарядила меня, какъ кухарку, при переѣздѣ сюда, въ шушунъ старый, когда у меня салопъ сатентюрковый есть. Люди-то, поди, какъ на чучело глядѣли!..

Не нашедши завѣтныхъ вещей среди своихъ старыхъ тряпокъ, она поймала на ходу Аркадія Лукьяновича и поручила ему спросить объ этихъ вещахъ у Лизы, а потомъ, когда онъ ушелъ, пристала къ Сергѣю:

— Ужъ ты, Сережа, это непремѣнно скажи Лизѣ. Пусть поищетъ у матери гдѣ-нибудь. Этакія вещи прекрасныя и затискали Богъ вѣсть куда! Ты скажи Лизѣ. Отецъ-то забудетъ. Нынче онъ все забывать сталъ. Это у него и прежде замѣчалось, а теперь и совсѣмъ безпамятенъ сталъ. Это у него не отъ лѣтъ, — какіе еще его годы! Это у него сроду разсѣянность-то. Недаромъ покойный мой Лукьянъ Аркадьевичъ называлъ его вѣтрогономъ. Бывало, ему о дѣлѣ говорятъ, а онъ, глядишь, съ барышнями балагуритъ. Прелегкомысленный человѣкъ!

— Хорошо, хорошо, — отрывисто отвѣчалъ Сергѣй, не слушая бабку, и поспѣшилъ изъ дому.

— И что это они всѣ нынче точно угорѣли? — начала разсуждать старушка, провожая взглядомъ Сергѣя и укоризненно качая головой. — Мать родила, такъ мало ли кто родитъ? Слава Богу, у меня десять человѣкъ дѣтей родилось, а никогда никакой суматохи не бывало и все шло своимъ порядкомъ. Разъ пріѣхалъ къ намъ преосвященный Иринархъ на пятой день послѣ рожденія Никиты и удивился, когда я къ нему вышла, точно ничего со мной и не

случилось, румяная, здоровая; только въ тальѣ поопала немного. Ну, развелъ онъ руками, а самъ смѣется: «вы, говоритъ, Елизавета Евлампіевна, по-военному дѣйствуете». Любилъ тоже пошутить, хоть и строптивъ былъ... И что же тутъ такого особеннаго? Каждый день родятся дѣти. Вотъ бабы жнутъ, жнутъ, родятъ, а тамъ опять жнутъ, жнутъ. Совсѣмъ обыкновенное дѣло!

Она присѣла къ окну предназначенной для нея чистенькой комнатки и задумалась о прошломъ, о настоящемъ: опять развернулись передъ ея воображеніемъ озаренныя яркимъ солнцемъ дали прошлаго и опять какимъ-то непонятнымъ представилось настоящее.

— И что за суматошливое время нынче! — разсуждала она въ раздумьѣ.—Всѣ точно съ ума сошли. Съ одной квартиры на другую скачутъ. То въ подвалъ какой-то перекочевали, теперь опять въ порядочную квартиру перетащились. И зачѣмъ было тогда съѣзжать? Такъ, зря, тормошатся. Нѣтъ, въ наше время не то было. Солидные люди были. По десяткамъ лѣтъ на одномъ мѣстѣ жили.

И ярко-ярко озарился передъ нею весь ея домъ въ «Пчелиной балкѣ», гдѣ она прожила десятки лѣтъ со своимъ Лукьяномъ Аркадьевичемъ; стали вырисовываться тучная и приземистая фигура ничѣмъ не волнующагося преосвященнаго Иринарха, сановитый образъ гурмана Челищева, сухощавый нѣмецъ Эймерсъ, пристраивающій къ мѣсту даже сына идіота, вѣчно пьяный поваръ Ермолай, котораго драли до обѣда и драли послѣ обѣда... Какъ давно все это было, но какъ хорошо она все это помнила!..

Совсѣмъ обыкновенное для Елизаветы Евлампіевны дѣло кончалось для Елены Степановны страшною развязкою — смертью. Бывали минуты, когда Лиза не знала, о чемъ молиться: о скорой ли смерти матери, или о томъ, чтобы она прожила еще, — такъ тяжелы были муки больной, особенно по ночамъ, когда она металась и бредила. проклиная и жизнь, и людей, и свою нищету.

— Души нѣтъ въ людяхъ, — бредила больная: — только тогда и опомнятся, когда человѣкъ умретъ съ голода... Пока еще пухнетъ съ голоду — не вѣрятъ: «обманываетъ», говорятъ; «отъ водки», говорятъ... Охота связываться тебѣ съ ними, Кадя, наплюй на нихъ, на шлюху эту; никакого мѣста она тебѣ не дастъ... А?

Больная озиралась кругомъ, приходя въ сознаніе; потомъ опять начинался бредъ.

— Вотъ жена-то его въ экипажахъ ѣздитъ, а мы съ голоду умираемъ... Не завидуешь? нѣтъ, нельзя не завидовать, когда семья гибнетъ... Уведите же бабушку, уведите, глаза намозолила, надоѣла, душу выматываетъ со своимъ Иринархомъ... А куда увести? Некуда увести! Вотъ и Урѣзка опять завыла. А куда увести?.. Совсѣмъ некуда.

Лизѣ иногда начинало дѣлаться страшно отъ этого бреда больной, силившейся подняться на постели и смотрѣвшей вокругъ блуждающими глазами. Еще большій страхъ охватывалъ молодую дѣвушку, когда больная лежала, какъ мертвая, и только хрипѣніе мокроты въ груди говорило о томъ, что физическій процессъ жизни еще не прервался въ этомъ разрушавшемся организмѣ. Два раза больная, среди ночного затишья, въ страшномъ волненіи потребовала:

— Образъ, образъ дайте! дѣтей благословить передъ смертью. Скорѣе, скорѣе!

Но, прежде чѣмъ успѣли призвать Сережу, она уже забыла о своемъ желаніи и снова лежала неподвижно, какъ мертвая.

Иванъ Дмитріевичъ, заходя ежедневно справляться о здоровьѣ Лизы, желалъ только одного, чтобы скорѣе настала развязка, чтобы Лиза не сломилась подъ гнетомъ тяжелыхъ испытаній. Впервые, послѣ давно забытаго дѣтства, онъ горячо сталъ молиться—молиться о спасеніи любимаго имъ существа, заходя въ церковь, ставя свѣчи и служа молебны. Съ суевѣрнымъ страхомъ онъ думалъ о томъ, что Богъ наказываетъ его за грѣхи, что онъ заслуживаетъ наказанія. Жены, дома для него уже не существовало, и кругомъ него всѣ шептались о происшедшей въ немъ перемѣнѣ: онъ похудѣлъ, поблѣднѣлъ, не кричалъ и не раздражался, какъ прежде, и былъ подавленъ горемъ. Онъ даже не задумывался о томъ, какъ это такъ вдругъ случилось, что онъ сталъ жить чужой жизнью, чужими мѵками, чужими интересами.

Смотря на него, Наталья Аѳанасьевна качала съ сомнѣніемъ головою и, вздыхая, говорила загадочно:

— Ну, теперь ужъ выхода ему нѣтъ...

Ея приживалки тоже угадывали истину и разсуждали:

— Да неужели вы считаете Лизочку способною разстроить чужое семейное счастье?

Наталья Аѳанасьевна такъ же загадочно отвѣчала:

— А убить любящаго ее человѣка развѣ она способна? Да вообще и у нея выхода нѣтъ...

И ей вспомнилось ея далекое, далекое прошлое, какъ ея

покойный мужъ—тогда еще женихъ—говорилъ ей, что онъ наложитъ на себя руки, если она, бѣдная актриса, боясь сопротивленій и угрозъ его матери-старовѣрки, не выйдетъ за него замужъ. И она вышла за него, хоть это и стоило жизни его матери, съ которой сдѣлался параличъ, когда она узнала, что сынъ женился «на проклятой актеркѣ». И тоже очень ужъ жутко было ея положеніе на сценѣ,—выйти изъ него хотѣлось...

XII.

— Лизавета Аркадьевна... Лизочка... милая, дорогая моя,— слышался тихій мужской шопотъ около лежавшей на диванѣ, почти безъ чувствъ, Лизы.

Она открыла глаза и увидала около себя при свѣтѣ свѣчи, заслоненной абажуромъ, склонившагося надъ нею Ивана Дмитріевича. Она тяжело вздохнула и провела рукой по глазамъ, силясь вполнѣ очнуться.

Онъ припалъ къ ея рукамъ губами. Она не отнимала этихъ рукъ, не протестовала, усталая, впавшая въ апатичное состояніе.

— Гдѣ же папа, Сережа?—спросила, наконецъ, она, какъ бы сквозь сонъ, обводя незнакомую ей комнату глазами, и вспомнила:—Тамъ панихида?

— Да... Но успокойся... береги себя... для меня береги,— нѣжно прошепталъ Тарасовъ.

Ее не удивило даже, что онъ говоритъ ей «ты», что онъ тутъ, около нея, въ какомъ-то незнакомомъ ей помѣщеніи, въ то время какъ тамъ, въ подвалѣ, идетъ панихида. Ее теперь ничто не волновало, не тревожило. Упадокъ силъ былъ полный.

— Зачѣмъ мнѣ не сказали, что и ребенокъ умеръ? — спросила она.

— Развѣ мало было для тебя мукъ и безъ того за эту недѣлю?—сказалъ онъ.

— Да, устала я,—слабымъ голосомъ произнесла она.

Спустя нѣсколько минутъ, приподнявшись на локтѣ, она спросила:

— Когда же меня привезли сюда? Утромъ? Да, должно-быть, утромъ. Какая ночь была, какая страшная ночь! *Она* все твердила, что бабушка храпитъ и Урѣзка воетъ... унять просила, а ихъ уже не было... Потомъ проклинать стала всѣхъ, и эти конвульсіи... эти конвульсіи! Ахъ, какъ страшно умирать!

Она содрогнулась и опять закрыла глаза, казалось, для того, чтобы не видать вспоминавшейся ей сцены страшной смерти. Эта сцена врѣзалась ей въ память со всѣми ужасающими мелочами послѣдней борьбы, послѣдняго протеста побѣжденнаго и не желающаго сдаться человѣка.

— Эти конвульсіи, эти конвульсіи! - шептала она. — Я ихъ никогда не забуду!

— Полно, полно! успокаивалъ онъ ее. — Береги теперь себя... береги для меня...

Она взяла безсознательно въ свои руки его голову и стала пристально всматриваться въ лицо, качая въ раздумьѣ головой.

— Похудѣлъ какъ, бѣдный... тоже измучился... Это я виновата,—какъ бы во снѣ шептала она.

И вдругъ, опомнившись, рѣзкимъ движеніемъ попробовала приподняться.

— Нѣтъ, что же я... Мнѣ надо туда. Мама умерла. На панихиду надо...

Она хотѣла встать, идти куда-то, и опять упала безъ чувствъ на диванъ... Когда вернулись съ панихиды Аркадій Лукьяновичъ и Сергѣй, они застали еще не ушедшую изъ дома кормилицу умершаго ребенка и Тарасова въ хлопотахъ около Лизы. Сережа, сдвинувъ брови, вышелъ тотчасъ же изъ комнаты, даже не взглянувъ на лежавшую безъ памяти сестру.

— Далъ бы хоть мать похоронить прежде! -злобно проворчалъ онъ.

Никогда еще въ жизни не ненавидѣлъ онъ никого такъ какъ ненавидѣлъ въ эту минуту Ивана Дмитріевича. Онъ видѣлъ въ немъ не безумно любящаго его сестру человѣка, а гнуснаго развратника, который пользуется случаемъ, чтобы купить себѣ любовницу. И какимъ случаемъ пользуется въ какія минуты! Въ молодой страстной душѣ шевельнулись проклятія этому человѣку, людямъ, судьбѣ. Сергѣй понималъ только одно, что на его брата указываютъ пальцами, какъ на человѣка, пристроившагося на содержаніе къ старой богатой женщинѣ, а теперь и его любимая сестра дѣлается любовницей женатаго человѣка, и онъ съ отцомъ будетъ жить на средства этого человѣка.

Онъ вышелъ изъ новой квартиры и направился опять къ жилищу, гдѣ лежало тѣло его матери. Тамъ было все по возможности прибрано, приведено въ порядокъ; полъ былъ посыпанъ пескомъ и ельникомъ, около покойницы лежали

дорогіе вѣнки, было видно, что кто-то сорилъ деньгами, чтобы прикрасить эту конуру. Сергѣй и это задѣло за живое, какъ издѣвательство надъ прахомъ его матери: кто заботится о приличной обстановкѣ въ этой конурѣ? тотъ, кто дѣлаетъ своей любовницей дочь этой покойницы... Въ квартирѣ оставались только два читальщика. Сергѣй прошелъ къ тѣлу матери, открылъ ея исхудалое лицо, прикрытое кисеей, посидѣлъ около нея, всматриваясь въ ея — теперь вполнѣ спокойныя—черты; потомъ закрылъ ея голову снова и прошелъ въ кухню, гдѣ и прилегъ на сдвинутыхъ имъ стульяхъ. Часовъ въ десять сюда пришелъ и Аркадій Лукьяновичъ, и очень удивился, увидавъ здѣсь дремавшаго сына. Сережа очнулся и всталъ.

— А ты что же... Ночевать сюда пришелъ? — спросилъ Аркадій Лукьяновичъ.

— Что-жъ, не бросать же ее одну, благо она умерла... Другой матери не будетъ,—отвѣтилъ Сергѣй.—Я не Аркадій и не...

Онъ не кончилъ.

— Ну, что же... и Аркадій проявился сегодня, — замѣтилъ отецъ.—Тоже пришелъ, изволишь видѣть, на панихиду... Слышалъ ты: мѣсто получилъ. Главный завѣдующій главной конторой князей Зудовыхъ, изволишь видѣть...

— Главный прохвостъ онъ, вотъ что!—проворчалъ Сергѣй и вдругъ горячо произнесъ:—Нѣтъ, Господь бы далъ только возможность бѣжать отъ всего этого... въ деревню скрыться, не видать ничего, забыть...

Аркадій Лукьяновичъ вздохнулъ. Они замолчали, погрузившись въ думы.

— Ты тоже хочешь здѣсь остаться?—спросилъ, наконецъ, Сергѣй, видя, что отецъ не собирается уходить.

— Да... жизнь, изволишь видѣть, прожили вмѣстѣ, — пояснилъ отецъ.—Тоже все перенесли вмѣстѣ — и радость, и горе...

Онъ опустилъ голову, руки его упали на разставленныя колѣни.

— Никогда, доложу тебѣ, словомъ дурнымъ не обидѣли другъ друга... По любви сошлись, тоже подъ вѣнцомъ клялись... ну, и жили вмѣстѣ... общей то-есть жизнью, изволишь видѣть...

Онъ оборвалъ рѣчь, не умѣя выяснить ничего, а слезы такъ и лились по его лицу, по бородѣ, падали на полъ. Они снова замолчали, погрузившись опять въ тяжелыя

думы о прошломъ, о радостяхъ, о горестяхъ, прожитыхъ с усопшею. Что-то прочное связало ихъ въ эти минуты, хо они не говорили другъ другу ни чувствительныхъ фра ни какихъ-нибудь увѣреній въ томъ, что они и дальш пойдутъ рука объ руку, но оба невольно думали о том что хорошо бы имъ вмѣстѣ уѣхать въ деревню и зажи новою жизнью, отдохнуть за другою работою, среди иных людей.

Какъ-то инстинктивно они оставались неразлучными з панихидами, на похоронахъ. Только къ Лизѣ, лежавшей в постели, Аркадій Лукьяновичъ заглядывалъ одинъ, бе Сергѣя, который, при мысли о сестрѣ, нахмуривалъ бров и чувствовалъ, что у него на душѣ поднимается буря. Ещ такъ недавно онъ чуть не боготворилъ ее...

Его душевной бурѣ суждено было, наконецъ, разразиться Дней черезъ пять послѣ похоронъ Елены Степановны, в Волошиновымъ заглянулъ Аркадій Аркадьевичъ. Онъ застал Аркадія Лукьяновича и Сергѣя сидящими за вечернимъ чаемъ. Лиза была еще больна, а бабушка уже успѣла лечь спать. Аркадій Аркадьевичъ, расфранченный, въ кольцах съ брильянтовой булавкой въ галстукѣ, смотрѣлъ веселым и бодрымъ, говорилъ развязно и покровительственным тономъ. Онъ теперь устроилъ всѣ свои дѣла. Князья Зу довы и графиня Горичева поручили ему наблюденіе всѣми ихъ имѣніями. Онъ — главный завѣдующій главно конторою князей Зудовыхъ и графини Горичевой. На нем теперь будетъ лежать контроль надъ всѣми управляющим князей Зудовыхъ и графини Горичевой. Онъ зналъ, чт этимъ все должно кончиться. Графиня Горичева долго н могла придумать предлога, чтобы удалить старика, главна завѣдующаго главною конторою; тогда онъ, Аркадій Ар кадьевичъ, попросилъ показать ему отчеты этого старика. тотчасъ же нашелъ упущенія — упущенія всегда можн найти. Хочешь выдвинуться — накрывай воровъ и ни упущеній, и то, и другое найдется— вотъ ты и выдвинешься Въ имѣніи Воронежской губерніи главный завѣдующій н былъ почти два года; въ новогородскомъ имѣніи, как узналъ Аркадій Аркадьевичъ, управляющимъ былъ зя старика и, значитъ, навѣрное «рука руку мыла»; важне всего то, что старикъ не вводилъ ничего новаго, позволял вести во всѣхъ имѣніяхъ дѣло рутиннымъ порядкомъ, н знакомился вовсе съ научными указаніями при веден сельскаго хозяйства.

— Впрочемъ, я въ засѣданіи нашего «общества» успѣлъ завоевать благорасположеніе даже этого осла, князя Вадима, который больше всего и упрямился, когда говорили о моемъ назначеніи,—съ усмѣшкой закончилъ Аркадій Аркадьевичъ свой разсказъ.

— А развѣ у нихъ засѣданія бываютъ по управленію имѣніями?—спросилъ Аркадій Лукьяновичъ.

— У кого это? у князей Зудовыхъ? Я же не о нихъ говорю, а о нашемъ «обществѣ дрессированныхъ охотничьихъ собакъ». Меня выбрали секретаремъ комитета. У насъ теперь состоятъ членами...

И онъ началъ пересчитывать имена важныхъ и высокопоставленныхъ особъ.

— Премилый народъ! Я съ ними сошелся!—проговорилъ онъ, перечисливъ десять именъ.

Онъ, довольный всѣми и всѣмъ, заходилъ по комнатѣ, охваченный сильнымъ возбужденіемъ.

— Да, теперь наши неурядицы, кажется, кончились!— проговорилъ онъ.—Теперь вотъ я ѣду на-время съ графиней Горичевой въ ея южное имѣніе; тамъ, вѣроятно, пробуду мѣсяца полтора.

Онъ усмѣхнулся.

— Нельзя же, медовый мѣсяцъ!..

Потомъ, перемѣняя тонъ, добавилъ:

— Я особенно радъ тому, что теперь могу спокойно уѣхать, зная, что вы пристроились, хотя теперь, конечно, вы могли бы и безъ мѣста просуществовать, пока живы.

Онъ говорилъ такъ, какъ будто бы поддерживалъ прежде семью или просто хотя бы справлялся, не голодаетъ ли она. Аркадій Лукьяновичъ молчалъ, и по его лицу было трудно угадать, что онъ ощущалъ при словахъ старшаго сына, но Сергѣя всего передернуло отъ нихъ, и онъ нѣсколько грубо пробормоталъ:

— Да если бы отецъ и не пристроился, тебѣ не было бы ни тепло, ни холодно.

Аркадій свысока взглянулъ на брата, съ выраженіемъ пренебреженія.

— Я думаю, это во всякомъ случаѣ заботило меня гораздо больше, чѣмъ тебя, такъ какъ ты въ восемнадцать лѣтъ еще сидишь на шеѣ отца, а я вотъ уже который годъ самъ пробиваю себѣ дорогу,—отвѣтилъ онъ:—и, разумѣется, мнѣ бы пришлось теперь позаботиться о семьѣ,

если бы нашъ милѣйшій Иванъ Дмитріевичъ не поддержа во-время нашего отца.

— Истинно во-время! — съ раздраженіемъ сказалъ Серг котораго больно кольнула фраза брата: «*нашъ* милѣйш Иванъ Дмитріевичъ». — Умретъ-то и мать, и братиш могли бы и безъ него...

— Ахъ ты, глупецъ! — насмѣшливо сказалъ Аркадій А кадьевичъ. — Что же нашъ Иванъ Дмитріевичъ — Богъ, ли, чтобы требовать отъ него спасенія людей отъ смер какихъ-то чудесъ? И при немъ, и безъ него могли умереть и мать, и братишка! Нашелъ, за что упрека человѣка! Важно то, что теперь онъ избавляетъ васъ дальнѣйшей нужды, что вы теперь за нимъ, какъ за кам ной стѣной. Нужно бы быть болѣе благодарнымъ...

— Ради насъ онъ, что ли, это дѣлаетъ? Кажется, ты младенецъ, понимаешь, что дѣлается, — отрывисто про говорилъ Сергѣй и глухо прибавилъ: — Не дай Богъ нико спасаться такой цѣной!

Аркадій Лукьяновичъ смутился и, стараясь прерва разговоръ, торопливо спросилъ Аркадія, не хочетъ ли е еще чаю.

— Нѣтъ, — коротко отвѣтилъ отцу Аркадій и обрати снова къ брату: — Что ты за тонъ принялъ въ послѣ время? Это ужъ не отъ того ли, что ты изволишь лодыр ничать? Кстати, я слышалъ, что ты еще не началъ ходи въ гимназію.

— Я и не буду болѣе посѣщать ее, — отвѣтилъ Сергѣй.

— То-есть, это какъ же? — сказалъ Аркадій, останавл ваясь передъ братомъ. — Слоновъ намѣренъ продавать? И съ шарманкой будешь ходить? То-то мнѣ молодой граф Горичевъ говорилъ...

— Оставь его, — сухо и коротко сказалъ старшему сы Аркадій Лукьяновичъ.

Выраженіе его лица сдѣлалось необычайно мрачно; бы видно, что въ его душѣ происходитъ нѣчто необычайное.

— То-есть какъ это оставить? — запальчиво спросилъ А кадій Аркадьевичъ, не замѣчая, что отецъ измѣнился лицѣ. — Я очень хорошо знаю, что вы на все смотри спустя рукава, что вы всю жизнь прожили...

— Не тебѣ учить отца! — оборвалъ его запальчи Сергѣй. — Да и не меня...

— Нѣтъ, именно мнѣ, потому что я старшій братъ вовсе не желалъ бы видѣть тебя, въ концѣ концовъ, гд

нибудь на скамьѣ подсудимыхъ, таскающимъ въ грязи нашу фамилію.

— Не я ее таскаю въ грязи! — отрывисто произнесъ Сергѣй.

Аркадій Лукьяновичъ поднялся съ мѣста и съ непривычной для него суровостью прикрикнулъ на старшаго своего сына:

— Прекрати этотъ разговоръ!

— Да не могу же я прекратить его, если я яснѣе васъ вижу послѣдствія извѣстныхъ поступковъ! — съ возрастающимъ задоромъ отвѣтилъ Аркадій Аркадьевичъ.—Кажется, вы по личному опыту знаете разные скользкіе пути жизни и можете понять, до какихъ мерзостей способенъ дойти Сергѣй. Сегодня начнется лѣнь, завтра шлянье по улицамъ, дальше — пьянство и всякія подлости и преступленія. Эти господа лодыри всегда являются кандидатами на скамью подсудимыхъ и на путешествіе по Владиміркѣ. Его поведеніе и такъ бросается всѣмъ въ глаза. Правду молодой графъ Горичевъ говорилъ про него, что онъ юродствуетъ...

Сергѣй поднялся съ мѣста, тяжело переводя духъ.

— Оставишь ты меня въ покоѣ или нѣтъ?—гнѣвно проговорилъ онъ. — Вѣдь я же не говорилъ тебѣ, щадя отца, что тотъ же Горичевъ называетъ тебя Альфонсомъ, живущимъ на содержаніи у его беззубой тетки...

— Мерзавецъ!—крикнулъ Аркадій Аркадьевичъ и звонко ударилъ по щекѣ Сергѣя.

Прежде чѣмъ опомнился Сергѣй отъ неожиданной пощечины, сильная рука Аркадія Лукьяновича уже схватила за шиворотъ и душила Аркадія Аркадьевича за горло.

— Какъ собаку задушу, какъ собаку!—хрипло шепталъ старикъ посинѣвшими губами, тряся за воротъ сына и колотя объ стѣну.—Своими руками задушу!

Онъ былъ поистинѣ страшенъ. Его широкое лицо побагровѣло; и безъ того выпуклые глаза налились кровью и, казалось, вышли изъ орбитъ. Его мощныя мозолистыя руки съ узловатыми жилами тряслись, какъ пустой мѣшокъ, тщетно старавшагося высвободиться изъ нихъ посинѣвшаго Аркадія Аркадьевича. Сергѣй испугался и только могъ молящимъ голосомъ пробормотать:

— Родной, родной, оставь! Папа!

Аркадій Лукьяновичъ пришелъ въ себя, опустилъ руки и, тяжело дыша, почти безсознательно продолжалъ шептать:

— Собака! собака!

Прислонившійся къ стѣнѣ Аркадій Аркадьевичъ моталъ головою и передергивалъ плечами, расправляя шею и еще не собравшись съ силами.

— Уходи!—шепнулъ ему Сергѣй, все еще охваченный паническимъ страхомъ и за него, и за отца.

Аркадій Лукьяновичъ, между тѣмъ, сидѣлъ грузно на стулѣ и тяжело дышалъ. Сергѣй подалъ ему стаканъ съ водою.

— Выпей, папа, выпей!—говорилъ онъ, поднося ему ко рту воду.

Аркадій Лукьяновичъ жадно выпилъ ее большими глотками, потомъ молча обнялъ одною рукою Сергѣя за плечи и прижалъ его голову къ своей груди, точно боясь, что кто-нибудь его обидитъ или отниметъ у него. Оба они не проронили ни слова. Сергѣй только чувствовалъ, какъ по всему крупному тѣлу отца пробѣгала конвульсивная дрожь.

Аркадія Аркадьевича уже не было въ комнатѣ.

XIII.

Лиза уже давно оправилась отъ болѣзни и могла выходить изъ дому. Здоровый организмъ сдѣлалъ свое дѣло, и на лицѣ молодой дѣвушки появился опять прежній румянецъ. Бывали минуты, когда она даже чувствовала себя безконечно счастливой; правда, это бывали только минуты,— тѣ минуты, когда она украдкой, съ глазу на глазъ, видалась съ Иваномъ Дмитріевичемъ, шептавшимъ ей сладкія слова любви, готовымъ просиживать съ нею цѣлые часы, безъ конца любоваться ею. Но и въ эти минуты свиданій иногда передъ нею вставалъ вопросъ: а что же будетъ дальше? и она вся точно холодѣла, не смѣла высказать вслухъ своихъ мыслей, чувствуя, что и онъ, любимый ею человѣкъ, съ несвойственною ему нерѣшительностью, пугливо старается обойти этотъ роковой вопросъ. Чѣмъ болѣе оправлялась она, тѣмъ сильнѣе начиналъ ее безпокоить и вопросъ о томъ, какъ она взглянетъ на Наталью Аѳанасьевну. Надо же когда-нибудь зайти къ Тарасовой. Та такъ много помогала ей и ея матери; она справлялась о здоровьѣ матери, она даже была на панихидахъ и на похоронахъ Елены Степановны; она не разъ справлялась и о здоровьѣ самой Лизы, и черезъ слугъ, и сама лично. Ни разу Лиза не слышала отъ старухи ни одного намека, говорившаго, что старуха что-нибудь подозрѣваетъ. Тѣмъ не менѣе, идти къ ней, въ тотъ домъ, гдѣ живетъ Тарасовъ со своею женою, она долго не рѣшалась, откладывая со дня на день этотъ визитъ.

Самъ Иванъ Дмитріевичъ, когда заходилъ вопросъ о посѣщеніи Лизою Натальи Аѳанасьевны, разсѣянно говорилъ:

— Да, да, конечно, надо какъ-нибудь собраться... Тетка спрашивала о твоемъ здоровьѣ, а впрочемъ...

Онъ не договаривалъ и отрывисто замѣчалъ:

— Какъ-нибудь соберешься...

Наконецъ, Лиза рѣшила, что откладывать этотъ визитъ нельзя: что чѣмъ дальше будетъ онъ откладываться, тѣмъ затруднительнѣе будетъ ея положеніе,—надо будетъ изобрѣтать отговорки, лгать, почему она такъ долго не шла.

Выбравъ свѣтлый декабрьскій день, она направилась къ Тарасовой. Ее всю охватило смущеніе, когда она вошла во дворъ этого дома, гдѣ пережила не мало свѣтлыхъ дней дѣтства, еще не предчувствуя разоренія своей семьи, и такъ много скорбныхъ дней молодости, когда ей стало ясно, въ какую трясину увязаетъ ея семья. Вотъ окна, которыя она просила завѣсить, чтобы скрыться отъ наглыхъ взглядовъ юноши Тарасова. Какъ ненавидѣла она тогда этого нахала! Вотъ и лѣстница, гдѣ, много лѣтъ спустя, она впервые смутно угадала, какъ безумно любитъ ее Иванъ Дмитріевичъ. Какъ защемило ей тогда сердце, какъ жаль стало ей этого человѣка. Она на минуту остановилась на площадкѣ бельэтажа, точно надѣясь услышать тамъ, за стеклянной дверью, его голосъ, потомъ рѣшительно пошла дальше, стараясь побѣдить охватившій ее страхъ. Что-жъ, нельзя же воротиться! Надо же исполнить этотъ тяжелый долгъ. Она позвонила у дверей квартиры Натальи Аѳанасьевны, и черезъ двѣ-три минуты ее разомъ охватила знакомая атмосфера «пріюта престарѣлыхъ дѣвъ», какъ называлъ Иванъ Дмитріевичъ квартиру тетки. Вотъ такъ же сидятъ Наталья Аѳанасьевна и ея приживалки за чаемъ, такъ же безмятежно-привѣтливо протягиваетъ ей руку хозяйка дома и такъ же бросаются къ ней навстрѣчу, съ объятіями и поцѣлуями, ея приживалки. Раздаются возгласы:

— Да вы все такая же красавица!

— Лизоцка наса, цайная лозоцка!

— Расцвѣли еще за это время!

— И какъ къ вамъ идетъ черный нарядъ!

«Съ чего это онѣ всѣ говорятъ о моей красотѣ?»—мелькнуло въ головѣ Лизы, и она смутилась, покраснѣла. Наталья Аѳанасьевна тоже особенно пристально всмотрѣлась въ нее и вздохнула. Дѣйствительно, Лиза похорошѣла, стала не такой полной, какъ была; въ черномъ шерстяномъ платьѣ

ея фигура казалась и стройнѣе, и граціознѣе, чѣмъ прежде, въ лицѣ появилось совсѣмъ новое выраженіе тихой задумчивости; оно стало болѣе осмысленнымъ, дѣтское выраженіе пропало окончательно. Начался разговоръ о томъ, что теперь Лиза совсѣмъ здорова, что она теперь опять приметса за работу.

— Ну, зацѣмъ зе, ангелоцекъ мой, тепель вамъ лабтать?—сорвался возгласъ съ языка Ольги Дмитріевны.

— Какъ же жить безъ работы, Ольга Дмитріевна?—проговорила Лиза, снова краснѣя.

— Да тепель васъ папаса залованье полуцаетъ, или мѣстѣ онъ,—поясняетъ Пустовцева.

— Нѣтъ, нѣтъ, довольно вы поработали, надо и отдохнуть,—поддержала Пустовцеву Аннетъ, и чѣмъ-то шипящимъ отозвалось ея замѣчаніе:—Работа и здоровье, и красоту уноситъ.

— Ну, и отъ бездѣлья можетъ и то, и другое пропасть,—проговорила Лиза.

— Кофе или чаю? безмятежнымъ тономъ спросила Тарасова.

— Позвольте кофе,—отвѣтила Лиза.—Мнѣ чай еще запрещенъ...

Ей хотѣлось сказать, что не нужно ни чаю, ни кофе, что ей нужно торопиться, что ее ждутъ дома. Ей вдругъ стало какъ-то жутко здѣсь, точно какое-то предчувствіе сжало ей сердце. Она торопливо стала пить налитый ей кофе, чтобы скорѣе уйти, и даже не замѣтила, что Мими Дребезгова куда-то вышла изъ-за стола. Не прошло и четверти часа, какъ дверь въ столовую распахнулась и въ ней шумно появилась довольно стройная фигура молодой женщины, съ сильно подкрашеннымъ лицомъ, съ курчавой челкой надъ бровями, въ шелковомъ платьѣ съ длиннымъ трэномъ, въ тяжелыхъ браслетахъ на рукахъ. Она небрежно, театральнымъ движеніемъ, сбросила съ головы дорогую кружевную косынку и поздоровалась съ Натальей Аоанасьевной.

— А, Маша!—безстрастнымъ тономъ произнесла Тарасова и, видя, что молодая женщина пристально смотритъ на Лизу, отрекомендовала ей послѣднюю:—Лизавета Аркадьевна Волошинова...

— А-а!—протяжно произнесла молодая женщина, сощуривъ глаза, и кивнула небрежно Лизѣ головой, не протягивая руки и окинувъ ее пристальнымъ взглядомъ.—Я объ васъ слышала...

Лиза почувствовала, что ея лицо горитъ, какъ въ огнѣ, что все кружится передъ ея глазами, и опять не замѣтила, что Мими Дребезгова появилась снова въ столовой съ невиннымъ видомъ кошки, слакавшей тайкомъ чужое молоко.

«Уйти! уйти! — пронеслось въ головѣ Лизы и тутъ же мелькнула мысль:—Тогда всѣ поймутъ разомъ, скажутъ, что я испугалась! Нѣтъ, надо хоть нѣсколько минутъ переждать».

А Марья Потаповна, жаждавшая разыграть въ жизни одну изъ сценъ, какія она видѣла не разъ на сценѣ въ театрѣ, уже заговорила съ неделикатностью мстящей и торжествующей соперницы-мѣщанки о томъ, что она сейчасъ только кончила чтеніе какого-то романа.

— И что за глупыхъ героинь рисуютъ эти романы!—воскликнула она, кривляясь и гримасничая.—Вообразите, жена умираетъ отъ измѣны мужа. Совершенно вотъ такъ, какъ въ «Свѣтскихъ ширмахъ». Боже мой, съ чего тутъ умирать изъ-за какихъ-то шалостей и интрижекъ мужчинъ! Кто же не знаетъ, что безъ этого не можетъ прожить ни одинъ мужчина. Женамъ тутъ нечего волноваться. Законный мужъ всегда останется законнымъ мужемъ, потому что развѣнчать нельзя и развестись тоже насильно нельзя, а любовница, въ концѣ концовъ, надоѣстъ... и будетъ брошена...

— Ахъ, душечка Марья Потаповна, развѣ можно на это разсчитывать!—воскликнула Мими Дребезгова.—А вдругъ не надоѣстъ?

— Ахъ, и сколько такихъ случаевъ бывало!—высказала свое мнѣніе Аннетъ.

— Цесныя зенцины нелѣдко стладаютъ!—со вздохомъ произнесла Ольга Дмитріевна.

— Ну, такъ что же,—проговорила съ пренебреженіемъ Марья Потаповна.—Даже если и не надоѣстъ любовница, то именно ей-то и будетъ не сладка жизнь. Законная жена всегда останется законной и уважаемой въ обществѣ, а любовница—кто же станетъ принимать въ порядочные дома ее и ея незаконныхъ дѣтей?

Она разсмѣялась вульгарнымъ смѣхомъ:

— Наконецъ... я не знаю, конечно, законовъ, но, кажется, даже по законамъ назначается какое-то наказаніе этимъ... ну, вотъ этимъ, что соблазняютъ женатыхъ мужчинъ...

Лиза сидѣла, какъ приговоренная къ смерти; прежде ее мучило, что она разбиваетъ чье-то счастье: теперь она ясно сознавала, что эта женщина не стоитъ сожалѣнія; но это сознаніе не обрадовало ее, не ободрило; ее всю охватилъ

непреодолимый ужасъ передъ тѣмъ, чего могутъ ожидать отъ этой женщины въ будущемъ и она, и Иванъ Дмитріевичъ. Такая особа пойдетъ на все, на скандалы, на преслѣдованія, на доносы, если не изъ злобы, то по глупости. «И какъ же долженъ страдать онъ съ такою женою! До чего она можетъ довести его при его характерѣ»... Лиза не разслышала даже, что ее окликнула Наталья Ѳанасьевна.

— Лизочка!—повторила Наталья Ѳанасьевна.

— А?—отозвалась Лиза, вздрогнувъ отъ испуга.

— Однако, какая вы мечтательница!—опять съ тѣмъ же вульгарнымъ смѣхомъ проговорила ей Марья Потаповна.

— Я? мечтательница? переспросила Лиза, слегка пожавъ плечами.

— Да!.. Тетя васъ зоветъ, а вы замечтались и не слышите!—съ гримасой пояснила Марья Потаповна.

— У меня такъ много было горя, что я еще не совсѣмъ оправилась отъ потрясеній, сдержанно пояснила Лиза.

— Такъ, значитъ, о васъ плохо заботятся?—уже совсѣмъ нагло спросила Марья Потаповна.

— Я думаю, никакія заботы не могутъ возвратить мнѣ матери,—отвѣтила Лиза и встала на зовъ Натальи Ѳанасьевны, говорившей ей:

— Пойдемте, Лизочка, я вамъ покажу работу, которую мнѣ нужно сдѣлать!

Лиза пошла за старухой и услыхала, какъ вслѣдъ ей, прежде чѣмъ за нею затворилась дверь, раздался насмѣшливый голосъ Марьи Потаповны, спрашивавшей у прижившокъ тетки:

— Какъ? ее еще заставляютъ работать? Хороша любовь!

Наталья Ѳанасьевна ввела Лизу въ свою спальню и, усадивъ ее противъ себя, со вздохомъ проговорила своимъ спокойнымъ, ровнымъ голосомъ, которымъ она обыкновенно спрашивала: «вамъ чаю или кофе?»

— Я не ради работы васъ вызвала сюда, а потому что боялась, какъ бы не сдѣлалось вамъ дурно. Лица на васъ не было. Вы не сердитесь, Лизочка, на то, что я вамъ скажу. Я васъ не осуждаю и не виню ни за что. Я человѣкъ не молодой и на все насмотрѣлась, все понимаю.. Но все же вамъ лучше не заходить ко мнѣ. Я васъ очень люблю, но что же дѣлать съ моими старыми дѣвками? Всегда онѣ могутъ вамъ наговорить чего-нибудь непріятнаго или, вотъ какъ сегодня, напустить на васъ эту дуру. Вы видѣли, что это за сокровище!

Тарасова опять вздохнула.

— Жаль мнѣ васъ, право, жаль, потому что я и предвидѣть не могу, чѣмъ это кончится для васъ. Развода вѣдь она никогда ему не дастъ, а у васъ могутъ быть дѣти. Положимъ, Ваня не броситъ васъ для другой любовницы, обезпечитъ дѣтей, положитъ деньги и на ваше, и на ихъ имя...

— О!—вырвался какой-то болѣзненный стонъ изъ груди Лизы, и сама она не могла дать себѣ отчета, когда ей было больнѣе: въ присутствіи ли пошлаго врага, раздражительно оскорбившаго ее, или въ присутствіи этого безмятежнаго друга, выражавшаго ей свое сочувствіе, свои сожалѣнія и свои утѣшенія.

Тарасова положила свою выхоленную руку на руку Лизы, видя, что та хочетъ подняться съ мѣста.

— Конечно, сдѣланнаго не передѣлаешь, но я вамъ дружески посовѣтую, Лизочка: поберегите Ваню. Онъ человѣкъ вспыльчивый, необузданный, безъ шлифовки. Ему не много надо, чтобы довести его до ножа.

Лиза чуть не вскрикнула.

— Да, да, Лизочка. Не настаивайте на разводѣ, старайтесь не вооружать его противъ этой дуры, терпите и сносите свое положеніе, а то... Боюсь я, Лизочка, что онъ въ одинъ прекрасный день возьметъ да и прирѣжетъ это сокровище-то. Тогда вы-то, голубушка, и передъ людьми, и передъ Богомъ въ отвѣтѣ будете...

У Лизы кружилась голова, она не могла даже говорить... Она не помнила, какъ выбралась изъ этого дома; она не могла собраться съ мыслями, что-нибудь обдумать; она только чувствовала, что ея ноги не переступятъ больше этого порога. А давно ли ей казались такими добрыми всѣ эти женщины среди своего сытаго счастья? Давно ли всѣ эти Мимочки, Аннеточки, Олечки осыпали ее такими горячими поцѣлуями? Теперь же онѣ, казалось, готовы были нанести ей всякія оскорбленія, чтобы только услужить этой ненавидящей ее женщинѣ. И сколько еще такихъ же личностей придется ей встрѣтить въ жизни? А роковыя предположенія и пророчества Натальи Аѳанасьевны? «Конечно, Ваня не броситъ васъ для другой... Берегите его, чтобы онъ не убилъ жену... Передъ людьми и передъ Богомъ будете въ отвѣтѣ». Отрывки этихъ фразъ проносились въ головѣ Лизы, приводя ее въ ужасъ.

Подавленная и смущенная, она подходила къ подъѣзду того дома, гдѣ жила теперь, и смутилась еще болѣе, увидавъ, какъ

швейцаръ, разговаривавшій у воротъ съ дворниками дома, оки
метью бросился къ подъѣзду отворять ей дверь. «Любовник
хозяина меня считаетъ»,— мелькнуло въ ея головѣ. Но она см
лала надъ собой усиліе, и пожала нетерпѣливо плечами, рѣшив
«какія глупости лѣзутъ въ голову; швейцаръ всѣмъ ст
рается услужить, а мнѣ и подавно, такъ какъ я дочь упр
вляющаго домомъ; нервы у меня и безъ того разстроен
а эта женщина разстроила ихъ еще болѣе».

Она дошла по лѣстницѣ до дверей своей квартиры, п
звонила и вошла въ комнату, которая служила для сем
гостиной. Тотчасъ же при ея появленіи, изъ этой комнат
вышелъ Сергѣй, задумчиво ходившій взадъ и впередъ
отцомъ. Не разъ уже, при появленіи Лизы, Сергѣй старал
поспѣшно уйти, явно избѣгая встрѣчи съ нею, но она
настоящей минуты не замѣчала этого; теперь же ей брос
лось это въ глаза, отозвалось какъ-то больно въ серд
Прежде она жила съ братомъ душа въ душу, и не бы
того дня, когда онъ не подѣлился бы съ нею своими р
достями и горестями. Что же произошло теперь? Онъ поч
не говоритъ съ нею, онъ бѣгаетъ отъ нея: онъ, какъ об
теперь ясно вспомнила, все шепчется съ отцомъ и уходи
при ея появленіи. Чѣмъ онъ недоволенъ? За что сердится
Отчего ей не скажетъ ничего отецъ, если онъ что-нибуд
слышалъ отъ Сергѣя про нее?

Она невольно взглянула на отца и увидала, что онъ н
то смущенъ, не то опечаленъ.

— Я помѣшала, кажется,—нетвердымъ голосомъ начал
она, снимая шляпку.

Она вдругъ рѣшилась выяснить все сегодня же, сей
часъ же.

— Нѣтъ, Лизочка, нѣтъ,—растерянно проговорилъ Аркад
Лукьяновичъ.—Такъ, изволишь видѣть... говорилъ съ С
режей... Съ кѣмъ же мнѣ и говорить теперь, какъ не с
нимъ?..

— Что съ нимъ?—спросила она отрывисто.

— То-есть, какъ это: что съ нимъ?—переспросилъ Аркадій
Лукьяновичъ.—Ничего, Лизочка...

— Онъ бросилъ гимназію, бѣгаетъ отъ меня...

— Ну, вотъ еще выдумала...

Аркадій Лукьяновичъ вздохнулъ, не зная, какъ начат
объясненіе съ дочерью, какъ сказать Лизѣ то, что онъ еж
дневно обсуждалъ съ Сережей. Онъ былъ во всемъ согла
сенъ съ тѣмъ, что говорилъ ему сынъ, но глубоко сожа-

лѣлъ дочь и боялся сказать ей правду, откладывая объясненіе съ нею. То ему казалось, что она еще не оправилась, то онъ считалъ себя недостаточно подготовленнымъ къ объясненію. Теперь она сама требовала этого объясненія, и онъ смутился до послѣдней степени. Хитрить онъ не умѣлъ, и душевная тревога отразилась на его лицѣ.

— Папа, у тебя есть что-то на душѣ, чего ты не хочешь мнѣ сказать,—проговорила Лиза.

— Въ другой разъ, Лизочка, въ другой разъ,—началъ Аркадій Лукьяновичъ просящимъ тономъ.

— Нѣтъ, ужъ ты лучше выскажи все сегодня,—настойчиво сказала она и прибавила:—сегодня меня уже ничто не взволнуетъ...

Она была увѣрена, что не можетъ услышать ничего худшаго, чѣмъ то, что выслушала въ домѣ Тарасовой.

— Ну, какъ знаешь!—со вздохомъ сказалъ Аркадій Лукьяновичъ.—Какъ знаешь! Сережа, изволишь ли видѣть, самъ боится...

— Онъ сдѣлалъ что-нибудь дурное?—быстро и заботливо спросила Лиза.

— Нѣтъ, нѣтъ, Лизокъ... Развѣ ты не знаешь Сережу... Что же дурного онъ могъ сдѣлать?—поспѣшно вступился за своего любимца Аркадій Лукьяновичъ.—Боится онъ самъ объясниться съ тобою, изволишь ли видѣть, потому... Какъ бы это тебѣ сказать? Понимаешь ли, все же онъ братъ, а не отецъ... осторожности, изволишь видѣть, не можетъ быть. Ну, и молодъ онъ, горячъ...

Онъ запутался совсѣмъ и, вынувъ платокъ, отеръ мокрый отъ поту лобъ.

— Я тебя не понимаю!—нетерпѣливо проговорила Лиза.—Рѣшительно не понимаю.

— Жить намъ здѣсь неудобно,—вдругъ отрѣзалъ Аркадій Лукьяновичъ и передохнулъ широкимъ вздохомъ.

Она вопросительно смотрѣла на отца, продолжая недоумѣвать.

— Ты понимаешь, Лизочка, неудобно намъ жить здѣсь по многимъ причинамъ,—началъ пояснять онъ, опять теряясь.—И тебя, изволишь видѣть, мы стѣсняемъ...

— Меня?—переспросила она съ удивленіемъ.

— Ну, да, Лизочка... Ты не сердись, голубушка, и не обижайся. Сережа, конечно, мальчуганъ, юноша, и опять же идеи у него разныя изъ книжекъ... ну, онъ ничего и не понимаетъ... А я, я, изволишь видѣть, могу понять... Онъ

только кипятится, а я... я, Лизокъ, знаю все, понимаю все, прощаю все, потому мнѣ самому, изволишь видѣть, Господь да проститъ... а все-таки... неудобно тебѣ тутъ, при юношѣ-братѣ...

Аркадій Лукьяновичъ снова вытащилъ платокъ, отеръ себѣ лобъ и, улыбнувшись жалкой, плачевной улыбкой, пошутилъ:

— И ораторъ же я, Лизокъ... Сережа вотъ говорилъ, изволишь видѣть, что я лучше... Вовсе не лучше.

Онъ замолчалъ и, продолжая улыбаться, не замѣтилъ, что по его щекамъ катятся одинокія слезинки. Лиза теперь смутно уже поняла, что хотѣлъ сказать отецъ своей сбивчивой рѣчью: ей неудобно принимать при юношѣ-братѣ и при отцѣ своего любовника. Да, да, онъ именно это хотѣлъ сказать! Братъ строптивый юноша и обвинятъ ее за то, что она пошла въ любовницы. О, да, да, какъ же ему не обвинять ее за это? Она вѣдь не разъ, вмѣстѣ съ нимъ, возмущалась братомъ Аркадіемъ, говоря, что онъ на содержаніе готовъ идти; они вѣдь возмущались поведеніемъ легкомысленныхъ дѣвушекъ и женщинъ. «Идеи у него разныя изъ книжекъ»,—сказалъ отецъ. И у нея есть эти идеи, и она читала эти книжки. Любовь Васильевна тоже говорила... изъ книжекъ же!

Лиза прислонилась къ стѣнѣ, точно ища опоры, и безсознательно прошептала:

— Такъ, такъ... что же дальше?..

— Тоже и для насъ, изволишь видѣть. Мнѣ все равно, я буду служить, я буду жалованье получать за труды... А Сережа... Ты прости его, Лизокъ. Онъ молодъ, изволишь видѣть... «Не могу, говоритъ, я жить на счетъ...» Ну, ты понимаешь? Я ему толковалъ, Лизочка, все время толковалъ, что это онъ на мой счетъ будетъ жить, а онъ... Ахъ, молодость, молодость! Говоритъ, вотъ, что дворники и швейцаръ и тѣ будутъ указывать пальцами: «вотъ, молъ, отецъ и братъ хозяйской...» Въ гимназію вотъ онъ теперь не ходитъ, потому тамъ этотъ графъ Горичевъ и его прихлебатели знаютъ, изволишь видѣть, на какія средства Аркадій живетъ... «Мундиръ, говоритъ Сережа, не въ заплатахъ увидятъ и то скажутъ: это онъ сшилъ на счетъ брата, благо тотъ на содержаніи живетъ, или тоже на счетъ сестры...» Юноши развращенные и злые, а Сережа обидчивъ. Я бы вотъ все снесъ... Что мнѣ? Я оббился... Вотъ тоже и Любовь Васильевна говоритъ: «наплевать! Надо мной тоже

смѣялись». Любовь Васильевна въ небесахъ, изволишь видѣть, живетъ, не отъ міра сего, потому и уговариваетъ, а онъ-то... это я про Сережу... бродитъ это еще все въ немъ, дрожди эти... изъ книжекъ...

Аркадій Лукьяновичъ, окончательно спутавшись, смолкъ на минуту.

Она опять безсознательно прошептала:

— Такъ, такъ...

Аркадій Лукьяновичъ, видя, что она согласилась съ нимъ, заторопился.

— Такъ вотъ Сережа переѣхать думаетъ въ каморку какую-нибудь... покуда, изволишь видѣть... пока экзамены сдастъ, чтобы то-есть ни тебя не стѣснять, ну, и тоже самому не видать... И вотъ тоже я хочу просить Ивана Дмитріевича. У него, изволишь видѣть, много знакомыхъ изъ этихъ желѣзнодорожниковъ, знаешь... Мѣстишко бы мнѣ въ провинціи, на станціи гдѣ-нибудь, подальше... какое бы то ни было. Я не баринъ... дрова готовъ таскать... въ стрѣлочники пойду. Мы бы съ Сережей потомъ и уѣхали, народнымъ учителемъ хочетъ онъ сдѣлаться... проще жить. Бабушку бы взяли...

— Бабушку?—какъ эхо, повторила Лиза.

— Ну, да, что же? она только стѣснять тебя будетъ, приставать начнетъ: какъ и что?.. Дѣтки тамъ Богъ дастъ будутъ, а она начнетъ спрашивать: «когда же замужъ вышла? за кого?» Гдѣ же все объяснить... она старушка, другого вѣка человѣкъ, ей всего не выяснишь...

И вдругъ, видя, что она падаетъ, онъ бросился къ ней съ крикомъ:

— Лизочка, Лизочка! Маточка моя, что съ тобой?

Вся будущая жизнь Лизы зависѣла теперь отъ одного человѣка: онъ могъ наградить эту жизнь краденымъ счастьемъ и могъ превратить ее въ мрачную драму.

ДЯДЯ КОЛЯ.

РАЗСКАЗЪ.

ДЯДЯ КОЛЯ.

Я то, что французы называютъ «фланеромъ». Можетъ-быть, фланерство лежитъ въ моей натурѣ; можетъ-быть, оно развилось вслѣдствіе одиночества, неимѣнья семейнаго гнѣзда, тяжелыхъ условій жизни; можетъ-быть, я отдался этому широко наблюдающему окружающее бездѣлью потому, что я давно презираю узко интересующуюся *однимъ* своимъ *я* дѣловитость. Не знаю. Фактъ тотъ, что я болѣе всего люблю бродить по городу, заходить лѣтомъ въ общественные сады, посѣщать зимою кафе, собранія, театры, и все это для того, чтобы посмотрѣть, какъ скучаютъ или веселятся люди. Иногда я захожу въ церкви, если тамъ вѣнчаютъ кого-нибудь; иногда я бреду за похоронной процессіей на кладбище. Потомъ, набродившись по городу, я неспѣшно иду домой, гдѣ меня никто не ждетъ, и въ головѣ роятся думы объ актерахъ даровыхъ зрѣлищъ, видѣнныхъ мною днемъ; въ душѣ пробуждаются различныя чувства, презрѣнье, злоба, скорбь, и гдѣ другіе видятъ только комедію—я чутко угадываю драму. Въ теченіе моей сильно затянувшейся, давно уже не нужной мнѣ самому жизни я, какъ старый фланеръ, сдѣлалъ не мало уличныхъ, шапочныхъ знакомствъ, и мнѣ извѣстна жизнь этихъ случайныхъ знакомыхъ, какъ мои пять пальцевъ,—жизнь порою глубоко потрясающая по сущности и совершенно будничная по внѣшнему виду. Среди этихъ случайныхъ знакомыхъ съ совершенно особеннымъ чувствомъ вспоминаю я объ одномъ человѣкѣ. Онъ мнѣ совершенно чужой; мы мало походимъ другъ на друга по развитію: наши жизненные пути совершенно различны; но каждый разъ, смотря на него, я вижу въ немъ что-то родственное мнѣ по судьбѣ одинокаго бобыля, хотя оба мы распорядились этою судьбою по-своему, и когда я сержусь на него, мнѣ кажется, что я сержусь не на него, а на себя за то, что я не сумѣлъ устроиться такъ, какъ устроился

онъ. Я это сознаю и, тѣмъ не менѣе, глумлюсь надъ нимъ, представляю его въ комическомъ видѣ. Я навѣрное былъ бы счастливѣе, если бы не встрѣтился съ нимъ, хотя онъ не игралъ ровно никакой активной роли въ моей жизни. Это странно, но это такъ.

Впервые я встрѣтилъ этого человѣка лѣтъ пятнадцать тому назадъ въ Лѣтнемъ саду. Онъ сидѣлъ на скамьѣ около памятника Крылова и, глядя, какъ играютъ дѣти и подростки, тихо перекидывался отдѣльными фразами съ сидѣвшей около него бонной или гувернанткой. Мы, петербуржцы, въ особенности изъ холостыхъ, давно утратившіе вѣру въ доброе въ самихъ себѣ, прежде всего отыскиваемъ въ другихъ дурное. Намъ дѣлается даже какъ-то неловко, если мы не можемъ сразу отыскать это дурное. Подъ вліяніемъ этой привычки вездѣ видѣть прежде всего оборотную сторону медали, я счелъ этого человѣка за одного изъ мелкихъ ловеласовъ, посѣщающихъ сады и скверы, гдѣ играютъ дѣти, съ цѣлью поухаживать за нянъками, боннами, кормилицами, гувернантками. Я усмѣхнулся и сталъ разсматривать этого человѣка. Онъ былъ очень невысокъ ростомъ, съ маленькими руками, съ маленькими ногами, съ фигурой мальчика. Сколько ему лѣтъ? Не то девятнадцать, не то двадцать пять. Бѣлокурый, розовый, немного женственный, онъ принадлежалъ къ числу господъ, долго сохраняющихся «молодыми людьми». Я сѣлъ неподалеку отъ него на пустую скамью и сталъ закуривать папироску. Увидавъ, что я зажегъ спичку, онъ быстро всталъ и, доставая портсигаръ, направился ко мнѣ съ просьбой:

— Позвольте закурить!

Голосъ былъ молодой, свѣжій, безъ хриплости.

— Дядя Коля, дядя Коля, развѣ ужъ пора? Ты уходишь?—раздались дѣтскіе голоса, и его сразу окружило нѣсколько ребятишекъ.

— Нѣтъ, папиросу закурилъ,—отвѣтилъ онъ.

— То-то! смотри, еще рано уходить!—крикнули дѣти и помчались играть.

Онъ опустился на скамью рядомъ со мною.

— Это ваши ребятки?—спросилъ я.

— Дѣти сестры,—отвѣтилъ онъ и сразу разоткровенничался:—вдова она, больная женщина, вотъ и вожусь съ ними.

И тотчасъ же, точно боясь, что я буду осуждать ее за то, что она навязываетъ ему дѣтей, добродушно прибавилъ:

— Она со мной няньчилась, я съ ними... И люблю я дѣтвору. Только тутъ и есть искренность, правдивость, нелицемѣрная привязанность...

Онъ слегка вздохнулъ. Я невольно улыбнулся, какъ улыбаются люди при видѣ разочарованнаго мальчика.

— А вы уже не вѣрите въ людей?—спросилъ я не безъ иронiи.

Онъ сконфузился, какъ пойманный въ шалости мальчуганъ, и сталъ оправдываться:

— Не то, чтобы не вѣрилъ, а... время такое и притомъ столица тутъ... портятся быстро люди... Конечно, въ глуши, въ провинцiи, тамъ люди еще неиспорченные...

— А вы вѣрно провинцiалъ?

Онъ еще больше смутился.

— Я? Нѣтъ... я никогда не бывалъ въ провинцiи... Но говорятъ, что тамъ люди лучше...

Онъ опять слегка вздохнулъ, точно грустя, что онъ не видалъ этихъ лучшихъ людей.

— Вы студентъ?—спросилъ я.

— Я-съ? О, нѣтъ. Я служу. Въ банкѣ вотъ уже восемь лѣтъ служу...

— Восемь лѣтъ?—не безъ удивленiя спросилъ я.

— Да. Мнѣ двадцать пятый годъ.

— О, да вы совсѣмъ старикъ!—пошутилъ я.

Его розовыя щеки зарумянились еще сильнѣе; только у дѣвушекъ, и то очень молоденькихъ, встрѣчалъ я такую способность постоянно краснѣть. Онъ помолчалъ немного, смотря въ пространство, потомъ обернулся ко мнѣ:

— Да, совсѣмъ старикъ—и кто же не старикъ у насъ здѣсь въ двадцать пять лѣтъ?

Въ его тонѣ послышалась грусть, тихая, мягкая, женственная.

— Одни успѣваютъ совсѣмъ развратиться къ этому возрасту,—пояснилъ онъ:—другiе несутъ уже устало все бремя житейскихъ заботъ, третьи дѣлаются ярыми карьеристами. Все это признаки преждевременной зрѣлости. Молодости здѣсь нѣтъ—развѣ годъ, два она длится, а то—сегодня мальчикъ, а завтра хуже старика—усталость, апатiя, безнадежность...

И вдругъ, точно испугавшись своего грустнаго настроенiя, своего пессимистическаго взгляда, онъ ободрился:

— Великое счастье, когда есть семья, когда любишь ее, когда есть для кого жить.

— Вы женаты?—спросилъ я.

— Нѣтъ. Но у меня же семья сестры. Это все равн Мы живемъ душа въ душу. Дѣти...

Они, легкія на поминѣ, прибѣжали къ нему, затор шили его:

— Дядя, теперь домой! Завтра сговорились на лодкѣ к таться. Ты уговорись съ лодочникомъ. Пораньше на Идемъ скорѣй, мы проголодались.

Они командовали, тянули его за рукава, за полы, смѣя прыгая. Онъ поднялся и вѣжливо раскланялся со мн Окруженный дѣтьми, родными и чужими, онъ пошелъ аллеѣ, точно ведомый подъ конвоемъ арестантъ. Тольк этого арестанта было такое веселое, такое счастливое в раженіе лица, что ему можно было позавидовать. Я сидѣл провожая его глазами. Мнѣ представилась его уютн квартирка—почему-то мнѣ казалось, что она непремѣн уютна,—тамъ поджидаетъ его любимая и любящая сестр на столѣ уже шумитъ самоваръ, счастливый молодой чел вѣкъ входитъ въ столовую, и дѣти размѣщаются вокру него, идетъ безконечная, шумная болтовня, ничѣмъ не н поминающая скучнаго холостого одиночества. Я позавид вать ему въ душѣ...

Дня черезъ два я снова проходилъ по Лѣтнему са отправляясь къ Излеру. Было еще рано садиться на пар ходъ. Я сталъ прогуливаться по аллеямъ сада. Какъ-т случайно я опять забрелъ на площадку къ памятнику Кр лова и увидалъ своего новаго знакомаго. Я подошелъ к нему и присѣлъ на скамью. Онъ узналъ меня и слов обрадовался. Потомъ я узналъ, что это было у него в манерѣ—встрѣчать людей привѣтливо и ласково, точно в міръ состоялъ изъ его друзей. Мы пожали другъ другу рук

— А вы опять здѣсь,—сказалъ я.

— Я здѣсь почти каждый день. Дѣти любятъ Лѣтн садъ. И точно, это оазисъ въ пыльной и душной столицѣ.

Мы закурили папиросы.

— А я къ Излеру пробираюсь,—замѣтилъ я.

— А! Давно я не бывалъ въ этихъ загородныхъ садахъ.— проговорилъ онъ.—Лѣтъ восемь уже.

— Такъ давно?—удивился я.

— Дорого обходятся эти гулянья. Къ тому же дѣтей н на кого оставить. Моя сестра постоянно больна посл смерти мужа.

— А онъ давно умеръ?

— Лѣтъ восемь... Да, ровно восемь лѣтъ.

— Вы, значитъ, совсѣмъ посвятили себя ей и ея дѣтямъ?

— Какъ же иначе? Она женщина больная и небогатая. Надо же поддерживать.

Мало-по-малу я, немного назойливо, заставилъ его разсказать мнѣ его исторію. Это была простая и будничная исторія. До семнадцати лѣтъ сестра воспитала его, урывая у себя послѣдніе гроши. Потомъ у нея умеръ мужъ, оставя ее съ тремя дѣтьми и безъ всякихъ средствъ, кромѣ маленькой пенсіи. Не долго думая, мальчуганъ-братъ бросилъ гимназію и опредѣлился въ банкъ, чтобы содержать семью. Онъ не только помогалъ семьѣ, но и ходилъ за сестрою, почти не покидавшею постели. Онъ трогательными чертами обрисовалъ мнѣ любовь его сестры къ нему. Она любила его, какъ сына. За эту любовь онъ пожертвовалъ ей своей карьерой, не кончилъ ученья, не поналъ въ университетъ. Онъ не видѣлъ въ этомъ никакого подвига. Напротивъ того, онъ сожалѣлъ, что не можетъ сдѣлать для семьи ничего больше того, что дѣлалъ. Онъ говорилъ только о самоотверженныхъ заботахъ сестры о немъ.

— Ну, вы за это отплатили, какъ кажется, сторицею,— сказалъ я. — Добываете средства для семьи, ходите за больной.

— Да это же такъ удобно и важно для меня самого. Вліяніе семьи благотворно для холостого человѣка и, кромѣ того, уходъ за больной развиваетъ извѣстную деликатность, мягкость...

Онъ улыбнулся.

— Сестра, и здоровая, и больная, приносила мнѣ одинаковую пользу, пробудила во мнѣ нѣсколько женственныя черты, сгладила свойственныя намъ, молодымъ мужчинамъ, угловатости, спасла отъ холостой распущенности...

— Да, но вамъ приходится много работать для другихъ,— сказалъ я.

Онъ простодушно усмѣхнулся.

— Не было бы обязанностей, все равно работалъ бы много для картъ, для трактировъ, для попоекъ, для кокотокъ, мало ли для какихъ глупостей работаетъ молодежь. Холостая жизнь пріучаетъ къ мотовству, къ швырянью денегъ на удовольствія.

— Нельзя же жить безъ нихъ,—вставилъ я.

— Да вѣдь и я не лишенъ удовольствій,—сказалъ онъ:—

только они иного рода, чѣмъ у другихъ холостяковъ, благороднѣе, возвышеннѣе...

И онъ сталъ мнѣ описывать, какъ сладко сознавать, что каждый рубль, добытый трудомъ, принесетъ радость дѣтямъ, что вечеръ, проведенный у постели больной, дастъ облегченіе ея страданіямъ. Поцѣлуй ребенка, обрадованнаго игрушкой, улыбка больной, утѣшенной чтеніемъ ей книги вслухъ,—все это такія наслажденія, выше которыхъ нѣтъ ничего.

— Надо было быть самому бѣднымъ и больнымъ въ дѣтствѣ, чтобы понять это,—закончилъ онъ:—а я былъ и бѣднымъ, и больнымъ въ дѣтствѣ и потому знаю цѣну всего этого.

Я сказалъ жесткую фразу,—по необдуманности? изъ чувства зависти? безъ всякой причины? право, не знаю,—но все же сказалъ:

— Не прочно счастье, построенное на такихъ основаніяхъ. Ваша сестра можетъ умереть, дѣти подрастутъ и забудутъ васъ.

Онъ вздрогнулъ. Легкая тѣнь грусти скользнула по его лицу.

— Зачѣмъ вы это говорите,—тихо, съ едва замѣтнымъ упрекомъ сказалъ онъ.

Потомъ, подумавъ немного, добавилъ:

— И всякое счастье не прочно. Хуже всего тѣмъ, у кого нѣтъ и этого непрочнаго счастья...

Я подмѣтилъ въ немъ женское желаніе уколоть меня, хотѣлъ что-то возразить, но онъ, взглянувъ на часы, замѣтилъ:

— Пора домой, да и вы не опоздайте къ Излеру.

Я почти разсердился.

— А вы думаете, что я много потеряю?—сказалъ я.

— О, нѣтъ,—отвѣтилъ онъ.—Какая же можетъ быть потеря въ томъ, что не побываешь лишній разъ въ какомъ-нибудь изъ этихъ кабачковъ? Но все же разъ собрались—надо ѣхать...

Мы простились.

Я былъ чѣмъ-то раздраженъ, мысленно иронизировалъ надъ этимъ маленькимъ человѣкомъ. Добродѣтельный мѣщанинъ, недоразвившаяся улиточка, ходячая сентиментальность. Всѣ эти эпитеты сами собою сложились въ моей головѣ. И въ то же время мнѣ было точно досадно на самого себя. За что я злюсь на него? Наконецъ, мнѣ-то что за дѣло до него? Досадно, что онъ счастливѣе меня? Нрав-

ственный его образъ, что ли, колетъ глаза? Я ругалъ уже самого себя, но, несмотря на все мое желаніе, не могъ отдѣлаться отъ мысли объ этомъ человѣкѣ.

Я сѣлъ на пароходъ, кругомъ меня шумѣла уже подкутившая толпа этихъ кавалеровъ и этихъ дамъ, стремившихся убить остатокъ вечера и ночи у Излера. Я искалъ знакомыхъ лицъ, чтобы разсѣяться, отдѣлаться отъ мысли объ одиночествѣ. Но знакомыхъ не было. Я былъ одинъ. Я уѣхалъ въ людное мѣсто разсѣивать скуку, съ полнымъ сознаніемъ, что она не разсѣется тамъ, а въ головѣ моей носилось представленіе уютнаго домика, гдѣ уже стихаетъ дѣтскій говоръ, и молодой, еще полный силъ человѣкъ садится у постели больной любимой сестры и услаждаетъ часы ея безсонной ночи чтеніемъ книги.

— Поль - де - Кока читаетъ! — вдругъ проговорилъ я почти вслухъ, и самъ какъ-то брезгливо устыдился за себя.

На меня напала хандра—это безпредметное недовольство, безотчетная тоска, безысходная скука. Я не понималъ, зачѣмъ я притащился къ Излеру. Слушать надоѣвшіе пошлые мотивы оперетки? Наблюдать за извѣстною до мелочей кафе-шантанною публикою? Ходить по сырымъ аллеямъ, обоняя запахи пива, кухни, табачнаго дыма и воображая, что это чистый воздухъ? Но куда же дѣваться? Идти въ чужія семьи не въ урочный часъ съ сознаніемъ, что улыбающіеся тебѣ казенной улыбкой люди посылаютъ тебя въ душѣ къ чорту? Тащиться къ кому-нибудь изъ холостыхъ знакомыхъ, зная навѣрное, что всѣ они гдѣ-нибудь рыщутъ, и если кто-нибудь изъ нихъ застрялъ дома, то это значитъ, что у него или болятъ зубы, или нѣтъ ни гроша денегъ? Я сталъ размышлять о томъ, что и всѣ пришли сюда потому, что имъ некуда дѣваться. «Нѣтъ больной сестры, чтобы ухаживать за ней, нѣтъ дѣтей-племянниковъ, чтобы няньчиться съ ними»,—думалось мнѣ, и, дѣлая презрительныя гримасы, я сердился на человѣка, отравившаго мнѣ вечеръ...

Но привычка—вторая натура. Дня черезъ три, черезъ четыре я снова собрался къ Излеру, снова шелъ черезъ Лѣтній садъ, направляясь къ пароходу. Поровнявшись съ площадкой, гдѣ стоитъ памятникъ Крылова, я свернулъ сюда съ большой аллеи и, только очутившись передъ памятникомъ, сообразилъ, зачѣмъ я безсознательно зашелъ сюда. Я поискалъ глазами своего знакомаго незнакомца и не нашелъ его. Вѣрно, онъ ушелъ раньше обыкновеннаго. Я пошелъ дальше, думая о

другомъ. А гдѣ-то въ уголку мозга вертѣлся вопросъ: «почему онъ ушелъ такъ рано?»

Еще и еще разъ я заходилъ случайно на это мѣсто, и дяди Коли здѣсь не было. Онъ и его ребятишки перекочевали, должно быть, куда-нибудь въ другой садъ. Приближалась осень, загородныя гулянья прекращались, и я, наконецъ, пересталъ ѣздить на пароходѣ и проходить черезъ Лѣтній садъ. Мой случайный знакомый былъ забытъ мною...

. . .

Прошло три года.

Въ одинъ изъ ноябрьскихъ вечеровъ я поѣхалъ въ оперу. Давали «Фауста». Я дошелъ до шестого ряда креселъ и остановился въ проходѣ, лѣниво и безучастно осматривая въ бинокль ложи, ища знакомыхъ лицъ, разглядывая открытые туалеты дамъ.

— Виноватъ!—послышался около меня мягкій голосъ.

Я опустилъ бинокль и посторонился, чтобы дать пройти человѣку, которому я загораживалъ дорогу. Этотъ человѣкъ, маленькій, розовый, былъ онъ, мой знакомый по Лѣтнему саду. Я его сразу узналъ: онъ нисколько не измѣнился. Онъ, повидомому, тоже припомнилъ что-то, но, вѣроятно, смутно, такъ какъ не поклонился мнѣ, а только пристально смотрѣлъ на меня. Я опять поднялъ бинокль и сталъ осматривать ложи. Заиграли увертюру. Я опустился на свое мѣсто. Мое и его кресло были рядомъ. Мой сосѣдъ отъ времени до времени взглядывалъ на меня, очевидно, что-то усиленно припоминая. Это не ускользнуло отъ моего вниманія, не ускользнуло отъ моего вниманія и то, что онъ часто шептался со своей сосѣдкой, молоденькой красавицей. «Невѣста или жена?—думалъ я.—Завелся или обзаводится семьей?—«Невѣста»,—рѣшилъ я наконецъ, видя, какъ внимательно и заботливо онъ отвѣчаетъ на ея тихіе вопросы. Вѣрно, съ молоденькой барышней веселѣе быть въ оперѣ, чѣмъ сидѣть съ больной сестрой. Я улыбнулся при этой мысли, и наши глаза встрѣтились. Фаустъ былъ уже соблазненъ, помчался въ поиски за Гретхенъ, и потому можно было заговорить. Заговорилъ онъ первый:

— Мы гдѣ-то встрѣчались?

— Въ Лѣтнемъ саду,—отвѣтилъ я.

Онъ вдругъ оживился, вспомнилъ, радушно протянулъ мнѣ руку.

— Знакомые незнакомцы,—сказалъ онъ весело и отрекомендовался:—Николай Петровичъ Шеметовъ...

Я назвалъ себя.

— Вы уже не живете затворникомъ, какъ прежде?

— Нѣтъ, оперу посѣщаю чуть не каждый день,—отвѣтилъ онъ.—Я любитель музыки...

— А ваша сестра какъ же?

По моему лицу скользнула насмѣшливая улыбка, и я невольно бросилъ взглядъ на сосѣдку Николая Петровича. Онъ на мгновеніе опечалился.

— Сестра вотъ уже три года какъ умерла,—отвѣтилъ онъ.

— А ея дѣти? При васъ?

— Нѣтъ; мать ихъ отца взяла ихъ въ Москву. Покуда сестра была жива—ихъ можно было не отдавать бабкѣ, ну, а послѣ ея смерти противиться волѣ старухи было невозможно...

— Значитъ, я былъ правъ, говоря о непрочности счастья, которымъ вы тогда наслаждались?

Я продолжалъ улыбаться, глядя на его миловидную спутницу и чувствуя, что онъ утѣшился. Онъ ничего не отвѣтилъ мнѣ. По его лицу прошла тѣнь. Я понялъ, что онъ не забылъ этого счастья, несмотря на свою милую спутницу. Я поспѣшилъ сказать:

— Но, конечно, дѣти осаждаютъ васъ письмами?

Онъ очнулся и проговорилъ:

— Нѣтъ, гдѣ же... они учатся, занятій такъ много въ гимназіи... не до переписки...

«А, забыли, значитъ!» — мелькнуло въ моей головѣ. Я точно обрадовался чему-то.

— Занятій много!—проговорилъ я насмѣшливо.—Скажите просто, что дѣти всегда эгоисты. Кто пригрѣваетъ, того и любятъ, кто далеко, того и забываютъ.

Онъ поднялъ на меня добрые, грустные глаза:

— Вы очень, должно-быть, не любите дѣтей, какъ настоящій холостякъ... Я, со своей стороны, цѣню въ дѣтяхъ уже то, что они рѣдко умѣютъ притворятся... Лучше откровенно забыть, чѣмъ дѣлать видъ, что помнишь, и писать о томъ, чего не чувствуешь...

— Вы женились?—спросилъ я.

— Нѣтъ,—отвѣтилъ онъ.

Подняли занавѣсъ, и мы сѣли. Я такъ и зналъ, что это не жена, а невѣста; даже и не невѣста, а дѣвушка, за которой онъ ухаживаетъ. Недаромъ онъ все наклоняется къ ней и точно что-то объясняетъ. Юбочникъ онъ, какъ видно, не

изъ послѣднихъ. Въ слѣдующій антрактъ и онъ, и я пошли курить.

— Вы не одни въ театрѣ,—сказалъ я.

— Да, съ Зинушей...

Онъ смутился и тутъ же весело разсмѣялся своимъ милымъ, простодушнымъ смѣхомъ.

— Я назвалъ ее вамъ такъ, какъ будто вы должны знать, кто она... Впрочемъ, черезъ два-три года вы будете знать, кто она... Всѣ будутъ это знать...

Онъ весь просіялъ, лицо разрумянилось.

— Ваша жена будетъ?—тихо спросилъ я съ невольной улыбкой.

Онъ засмѣялся и отрицательно покачалъ головой.

— Это моего покойнаго брата дочь, и потому тутъ и можетъ-быть и рѣчи о женитьбѣ. Нѣтъ, Зинуша обѣщаетъ быть одной изъ звѣздъ первой величины въ оперномъ мірѣ! Если бы вы слышали, что за голосъ, что за музыкальный талантъ! Она теперь учится; профессора въ восторгѣ; пророчатъ блестящую будущность...

Онъ заговорилъ горячо о способностяхъ племянницы, о ея успѣхахъ, о своемъ счастіи. Оказалось, что она сирота, что у нея нѣтъ средствъ, что она живетъ у него. Онъ не говорилъ мнѣ о томъ, что для нея онъ бѣгаетъ, высуня языкъ, къ профессорамъ, къ театральнымъ властямъ, что ради нея онъ работаетъ какъ волъ, чтобы имѣть болѣе средствъ. Я это узналъ послѣ отъ другихъ. Говорилъ же онъ только о своемъ счастьи. И точно онъ сіялъ счастьемъ, такимъ счастьемъ, что я не выдержалъ и замѣтилъ:

— Право, вамъ можно позавидовать!

— Еще бы, еще бы!—согласился онъ, улыбаясь.

Когда мы вернулись въ зрительный залъ, онъ представилъ меня своей племянницѣ. Это было очаровательное созданье: молодость, красота, грація, прелестный голосокъ. Да для такого существа можно пожертвовать многимъ, даже будучи только «дядею».

Еще болѣе позавидовалъ я ему, когда черезъ годъ въ одномъ изъ концертовъ появилась начинающая пѣвица Зинаида Шеметова. Ея успѣхъ, несмотря на робость молодой пѣвицы, несмотря на нѣкоторые недостатки и недочеты въ обработкѣ голоса, былъ полный, блестящій, шумный. Николай Петровичъ, сіяющій, смѣющійся, взволнованный, отиравшій со лба потъ, точно пѣлъ онъ самъ, а не она, принималъ поздравленія и говорилъ:

— Нѣтъ, господа, это только еще первый робкій шагъ, а что будетъ дальше... что будетъ дальше...

Я чувствовалъ, что дальше будетъ рядъ тріумфовъ, и опять скверное чувство шевельнулось во мнѣ. Да, ее ждетъ рядъ тріумфовъ—дядя Коля окажется въ отставкѣ; его будутъ третировать, какъ третируютъ юноши стараго дядьку; онъ будетъ носить ея вѣеръ, ея букетъ, ея накидку; онъ будетъ проводить безсонныя ночи, ожидая ея возвращенія домой; на него будутъ сердиться за то, что онъ мѣшаетъ ея любовнымъ свиданіямъ, можетъ-быть, даже ему когда-нибудь скажутъ: «вы живете на мой счетъ». Это будущее—будущее знаменитой пѣвицы и ея воспитателя—казалось мнѣ неизбѣжнымъ, и я ждалъ его, посмѣиваясь въ душѣ надъ наивнымъ простякомъ. Казалось, я буду счастливѣе, когда онъ сдѣлается несчастнымъ... Какъ знать,—можетъ-быть, и точно я испыталъ бы извѣстное наслажденіе, если бы все случилось такъ, какъ я предвидѣлъ. Человѣческое сердце такъ испорчено. Для него часто служитъ утѣшеніемъ и то, что несчастно не одно оно, что несчастны и другіе.

Шеметовъ сдѣлался на нѣкоторое время предметомъ толковъ среди извѣстнаго кружка молодежи. Ему, молодому дядѣ молоденькой красавицы, завидовали и потому его чернили. Одни намекали, что онъ не безкорыстно няньчится съ красавицей-племянницей. Другіе говорили, что это крайне ограниченный человѣкъ, живущій какой-то улиткой: не ѣздитъ на пикники, не играетъ въ карты, не пьянствуетъ. Третьи просто называли его Тартюфомъ и говорили, что, кромѣ того, онъ непроходимо глупъ. Я понималъ, почему они его ругаютъ, и не присоединялся къ ихъ брани, сознавая, что у меня нѣтъ такъ же, какъ и у нихъ, никакихъ данныхъ, чтобы бранить его. Но злился на него я, быть-можетъ, больше другихъ, злился за то, что онъ сумѣлъ сдѣлать свою жизнь счастливою, нашелъ, въ чемъ его счастье... Я избѣгалъ разговоровъ о немъ, избѣгалъ встрѣчъ съ нимъ, чувствуя, что это сіяющее радостью и счастьемъ лицо каждый разъ портитъ на цѣлый день настроеніе моего духа...

Какъ-то разъ, раздосадованный безголосой Валентиной въ «Гугенотахъ», я замѣтилъ своему знакомому, бывшему со мной въ театрѣ:

— Еще слава Богу, что Шеметова теперь, вѣроятно, скоро появится: у нея удивительный голосъ.

— Да она же не появится вовсе въ операхъ,—отвѣтилъ мой собесѣдникъ.

— Какъ такъ? Опять какія-нибудь интриги?

— О, нѣтъ! Но она на-дняхъ вышла за секретаря р
скаго посольства и уѣхала за границу.

— Что вы говорите!

— Да.

Я вспомнилъ о Николаѣ Петровичѣ. Мнѣ даже жаль
стало. Въ то же время по моему лицу скользнула улы
Такъ въ свѣтѣ сожалѣютъ люди своихъ соперниковъ, к
тѣ являются въ смѣшномъ видѣ. Про нихъ говорятъ: «
какъ жаль», а на лицахъ играетъ злорадная усмѣшка.

— Жаль ея дядю, бѣднягу, замѣтилъ я вслухъ.

— Да, для него это большой ударъ,—отвѣтилъ мой з
комый. Онъ даже куда-то скрылся изъ Петербурга. В
крайней мѣрѣ, я его давно не встрѣчалъ... А вы съ ни
не знакомы?

— И да, и нѣтъ! Шапочное знакомство. Это, кажется, д
рый малый, простякъ,—небрежно замѣтилъ я.

— Хорошій цѣнитель музыки,— вставилъ мой пріятел
Я глядѣлъ на ложи и, мало интересуясь разговоро
разсѣянно отвѣтилъ:

— А я не зналъ, что онъ музыкантъ.

Послышалось замѣчаніе:

— Не музыкантъ, но знатокъ и цѣнитель музыки... М
бы быть замѣчательнымъ музыкальнымъ критикомъ, если
вздумалъ писать... Его сужденія мѣтки и оригинальны...

— Ну, для этого нужно образованіе,—сказалъ я всколь
Мой собесѣдникъ какъ-то странно посмотрѣлъ на мен
точно не понимая меня.

— Онъ, кажется, и седьмого класса гимназіи не кончилъ,
сказалъ я въ поясненіе своихъ словъ, опустивъ бинокль
зѣвая.

Мой пріятель кивнулъ головой.

— А! вы вотъ о чемъ! Да, онъ точно вышелъ изъ ги
назіи изъ седьмого класса. Эта была жертва семейных
привязанностямъ. Онъ вѣдь вѣчно жертвуетъ собою др
гимъ.

Я, какъ петербуржецъ, съ большимъ скептицизмомъ отн
шусь къ «жертвамъ» и очень сомнительно слушаю разска
о добродѣтельныхъ людяхъ. Когда мнѣ говорятъ о подви
никахъ, я прежде всего мысленно спрашиваю: «какія в
годы они хотятъ извлечь изъ этого и кого стараются обм
нуть?» Слова моего пріятеля раздражили меня, и я про
ворилъ:

— Ну, это еще не большая жертва—освободиться отъ школьной скамьи и отдѣлаться отъ плохо дававшагося ученія.

Мой знакомый открылъ широко глаза.

— Да вы совсѣмъ его не знаете,—замѣтилъ онъ.—Это былъ первый ученикъ въ гимназіи, общій любимецъ, даровитый юноша...

Я пожалъ плечами.

— Я съ нимъ вмѣстѣ учился,—продолжалъ мой пріятель:—и потому хорошо знаю, что онъ оставилъ гимназію, не вслѣдствіе лѣни, неуспѣховъ, желанія бросить ученіе, а просто вслѣдствіе глубокаго сознанія, что надо придти на помощь семьѣ. У него была въ это время сильная рука, и ему предложили сносное мѣсто. Онъ воспользовался случаемъ и оставилъ школьную скамью.

Я сухо замѣтилъ:

— Не смѣю спорить; вамъ, какъ его товарищу, все это должно быть лучше извѣстно. Я этому вполнѣ вѣрю, тѣмъ болѣе, что я сразу подмѣтилъ въ немъ одну черту—онъ немного сердечкинъ...

Мой собесѣдникъ опять пристально взглянулъ на меня, видимо, пораженный моимъ насмѣшливымъ тономъ.

— Онъ, кажется, почему-то не нравится вамъ? Но, право же, вы его не знаете вовсе. Это человѣкъ долга, сильная натура и притомъ натура, въ своей простотѣ не сознающая даже того, что она сильна. Такіе люди рѣдки, но они есть...

Я засмѣялся и ехидно вставилъ:

— Да, и простоту его я замѣтилъ. Очень ужъ она бросается въ глаза.

Мой пріятель холодно и сухо замѣтилъ:

— Еще бы! онъ ничѣмъ не рисуется и даже не понимаетъ, что онъ можетъ рисоваться чѣмъ-нибудь: ни одного публичнаго скандала не сдѣлалъ, ни разу не сидѣлъ на скамьѣ подсудимыхъ, никогда не былъ объявленъ несостоятельнымъ должникомъ. Чѣмъ же тутъ рисоваться?

Я понялъ, что мы сейчасъ начнемъ дѣлать другъ другу колкости, и сухо перемѣнилъ разговоръ.

Тѣмъ не менѣе, въ моей душѣ опять поднялось враждебное чувство противъ Шеметова. За что? Я самъ не понималъ. Просто было досадно, что человѣкъ дѣлаетъ что-то такое, что другіе называютъ исполненіемъ долга, жертвами, подвигомъ, и въ чемъ я не могу отыскать грязненькихъ мотивовъ, мелкихъ побужденьицъ, той пошлости и ничтожества, которыя нахожу вездѣ и всюду, которыя считаю неизбѣж-

ными спутниками всей нашей свѣтской жизни. «Впрочемъ, юродивые и блаженные бывали во всѣ времена и во всѣхъ слояхъ общества»,—рѣшилъ я и мысленно старался представить себѣ смѣшныя стороны Шеметова...

Столичная жизнь имѣетъ свойство быстро стирать въ памяти образы, сцены, впечатлѣнія. Сегодня кому-нибудь дали публично пощечину, завтра раздавили кого-то конкою, послѣзавтра поетъ новая пѣвица и танцуетъ новая балерина, гдѣ же тутъ останавливаться долго на какомъ-нибудь одномъ явленіи? Съ похоронъ попадаешь на свадьбу; возмущенный кражею Юханцева ради цыганокъ, ѣдешь въ театръ для подношенія подарка и цвѣтовъ балетной плясуньѣ; спѣша мимо ведомыхъ городовыми полуголодныхъ оборванцевъ-карманниковъ, торопишься взять съ бою за баснословно дорогую цѣну билетъ на первое представленіе знаменитой дивы, и когда вечеромъ или, вѣрнѣе сказать, утромъ ложишься спать послѣ тревогъ, наслажденій, попоекъ, «милліона терзаній», то чувствуешь одно—пустоту, сопровождаемую иногда изжогой въ горлѣ, тошнотою или болью въ спинѣ. Гдѣ же тутъ помнить о какомъ-то «добродѣтельномъ Шеметовѣ»?

Этотъ добродѣтельный пигмей совершенно затерялся въ моей памяти, какъ ничтожная булавка въ массѣ болѣе крупнаго сора, тѣмъ болѣе, что прошло съ нашей послѣдней встрѣчи нѣсколько лѣтъ.

Я пріѣхалъ въ Зоологическій садъ смотрѣть новую феерію и встрѣтился у воротъ съ цѣлой компаніей знакомыхъ кутилъ. Они уже кричали и хохотали у самаго входа въ садъ. Окруженный ватагой этихъ подгулявшихъ пріятелей и нѣсколько черезъ мѣру веселыхъ фрацуженокъ, я пробирался къ театральной кассѣ, чтобы взять билетъ, и столкнулся лицомъ къ лицу съ Шеметовымъ. Онъ тоже бралъ билеты въ театръ. Онъ мало постарѣлъ, хотя уже около глазъ были морщинки, лицо смотрѣло серьезнѣе, строже, но румянецъ попрежнему игралъ на щекахъ, и голубые глаза смотрѣли по-дѣтски ясно.

— А вы и по зоологіямъ нынче похаживаете?—сказалъ я, здороваясь съ нимъ.

— Да, феерію хотѣлось посмотрѣть,—отвѣтилъ онъ:—какъ свѣтъ побѣждаетъ обскурантизмъ...

Я усмѣхнулся, не уловивъ въ его тонѣ тонкой иронін.

— Значитъ, съ педагогической цѣлью?—насмѣшливо сказалъ я.

Онъ взглянулъ мнѣ прямо въ глаза, уловивъ тонъ моего замѣчанія, и это былъ странный взглядъ, холодный, рѣзкій, строгій. Прежде онъ такъ не смотрѣлъ.

— Да,—отвѣтилъ онъ:—хочу показать своему юнцу одну изъ сторонъ нашей столичной жизни.

— Ахъ, опять съ какимъ-нибудь племянникомъ возитесь,—замѣтилъ я насмѣшливо.—Смотрите, не прельстился бы онъ этой стороной жизни, къ которой вы хотите, повидимому, пробудить въ немъ отвращеніе.

Онъ покачалъ головой.

— О, нѣтъ, ею трудно прельститься.

— Однако, народа много... значитъ, прельщаются многіе...

— Потому что бѣжать имъ некуда...

Къ нему подошелъ юноша лѣтъ семнадцати, красивый, серьезный, съ открытымъ выраженіемъ на загорѣломъ лицѣ.

— Взялъ билетъ?—спросилъ онъ.

— Да.

— Пойдемъ же.

Меня тоже уже звали къ себѣ мои кутящіе пріятели, и одна изъ развязныхъ дамъ въ этой компаніи тащила меня за рукавъ къ буфету.

Шеметовъ взялъ подъ руку юношу и что-то заговорилъ съ нимъ. Тотъ обернулся и безцеремонно, какъ настоящій юнецъ, окинулъ меня съ головы до ногъ глазами. Въ этомъ взглядѣ ясно сказалось любопытство посмотрѣть на «писателя» и нѣкоторое удивленіе къ окружающей его компаніи. Воображалъ, вѣрно, что писатели подвижническую жизнь ведутъ. Я грубо высвободилъ свою руку изъ рукъ развязной спутницы и рѣзко сказалъ ей, что я не особенно люблю водить кого бы то ни было. Она назвала меня русскимъ медвѣдемъ, и мнѣ пришлось уклониться, чтобы избѣжать фамильярнаго прикосновенія ея вѣера къ моему лицу. Мнѣ вдругъ показалось, что окружающіе смотрятъ на насъ съ любопытствомъ, что на меня указываютъ взглядами. Фамильярности этихъ дамъ не шокируютъ въ отдѣльныхъ кабинетахъ, но на публичныхъ гуляньяхъ даже привычному человѣку дѣлается иногда неловко, особенно, если сознаешь, что тебя знаютъ многіе и что на твоемъ лицѣ лежатъ уже слѣды полувѣковой жизни. «Вотъ Шеметова никто не знаетъ,—вдругъ мелькнуло въ моей головѣ:—и лѣтъ его не опредѣлишь. Можетъ выкидывать какія угодно штуки». И тутъ же мнѣ стало

досадно, что никакихъ штукъ онъ не выкидываетъ. Еще бы, добродѣтельный мѣщанинъ, безкровная улитка, деревянная кукла на пружинахъ! Я опять былъ не въ духѣ, отдѣлился отъ кутящей компаніи, пошелъ бродить около звѣрей, одинокій, хандрящій, и, наконецъ, остановился передъ открытой сценой, гдѣ уже шла феерія. Около меня кто-то громко и искренно смѣялся надъ глупостями пьесы. Это былъ задушевный, молодой смѣхъ. Я обернулся и увидѣлъ Шеметова и бывшаго съ нимъ юношу. Оба они были оживлены и заразительно веселы.

— А вамъ, кажется, очень весело?—спросилъ я.

— Еще бы, это такъ глупо!—быстро отвѣтилъ юноша.— Я не воображалъ даже, что можетъ быть нѣчто такое...

Шеметовъ поспѣшилъ представить его мнѣ, видя, что онъ безцеремонно говоритъ со мною.

— Андрей Ивановичъ Михалковъ.

— Племянникъ?—спросилъ я съ улыбкой.

— О, нѣтъ, мы не родня. Сынъ моего покойнаго товарища по гимназіи.

«Опять няньчится съ кѣмъ-то и доволенъ»,—сообразилъ я. Я злобно кольнулъ его:

— А ваши надежды относительно Зинаиды Павловны такъ и не сбылись,—сказалъ я.

— Да, предпочла личное счастье славѣ,—отвѣтилъ онъ спокойно.

Его равнодушіе показалось мнѣ напускнымъ. Мнѣ захотѣлось разбередить рану. Такъ разбередить, чтобы видѣть на его лицѣ отраженіе боли.

— Это былъ, должно-быть, большой ударъ для васъ?

Юноша немного нахмурился и искоса метнулъ на меня сердитый взглядъ. Мальчишка туда же угрожать вздумалъ! Николай Петровичъ остался равнодушенъ.

— Какъ же, даже закутилъ сдуру,—пояснилъ онъ съ улыбкой.—Безсонница одолѣла, началъ пить опій и привыкъ на-время. Ужасно втягиваешься въ это, стоитъ только начать. Да вотъ онъ отрезвилъ.

Онъ указалъ глазами на своего спутника съ доброй улыбкой на лицѣ.

— Долгъ и обязанности—великое дѣло,—сказалъ онъ серьезно.—Это отрезвляетъ... А потомъ я и самъ сталъ радоваться на Зинушу. Слава развращаетъ, бездушнымъ эгоистомъ дѣлаетъ человѣка, всякія знаменитости почти всегда сухіе и холодные люди. И въ театральной средѣ Зинушка

не ужилась бы. Тамъ нужно быть интриганкой, подставлять другимъ ногу. Она же была менѣе всего способна на это...

— Значитъ, все къ лучшему дѣлается въ мірѣ?—вставилъ я съ явной ироніей.

— Ну, не все, а что Зинушка теперь счастливѣе, чѣмъ была бы на театральныхъ подмосткахъ—это я вижу изъ каждаго ея письма... Она во многомъ похожа на меня. Ей прежде всего нужны извѣстныя обязанности, а всякіе публичные успѣхи—не грѣютъ они...

Я слушалъ его и только теперь начиналъ понимать его.

— Какъ странно,—сказалъ я.—Вы созданы для семейной жизни и остались холостякомъ.

Онъ пожалъ плечами.

— Едва ли я созданъ исключительно для семейной жизни. Просто люблю я людей и чувствую себя счастливымъ, если могу быть полезнымъ имъ—вотъ и все. Жениться же...

Онъ задумался.

— Моя сестра лишила меня возможности жениться. Это была идеальная женщина, и мнѣ нужно было найти дѣвушку, хотя сколько-нибудь напоминающую ее, чтобы полюбить ее и связать свою судьбу навсегда съ ея судьбою. А хорошія женщины, какъ и хорошіе мужчины, вы знаете, попадаются не часто... Брать же въ лотерею билеты—это не въ моемъ характерѣ...

Я мелькомъ замѣтилъ:

— Однако, вы вѣчно съ кѣмъ-нибудь связываете свою жизнь—это вѣдь тоже лотерея.

— О, тутъ обѣ стороны вполнѣ свободны,—возразилъ онъ.

Онъ взглянулъ на своего спутника и прибавилъ:

— Вотъ онъ—будетъ время, когда онъ или разойдется со мной во многомъ, или заведетъ свою семью—мы простимся, какъ добрые друзья, которымъ предстоятъ разные пути. Съ женой же такъ не разстанешься, тамъ много неизбѣжной фальши, ломки, насилія.

Онъ говорилъ такъ просто, такъ искренно, что я не находилъ, да и не искалъ возраженій. Смотря на его лицо, слушая его рѣчи, я понялъ, что онъ чувствуетъ себя вполнѣ счастливымъ, что онъ вовсе не сознаетъ, что онъ приносилъ для кого-нибудь жертвы или совершалъ подвиги.

Я сказалъ ему:

— Вы удивительно устроили свою жизнь: не гонитесь ни за чѣмъ, ни за славой, ни за шумными наслажденіями, ни за выдающейся дѣятельностью, а между тѣмъ...

— Да развѣ въ этомъ счастіе?—спросилъ онъ, пер[illegible] меня. Счастливъ тотъ, кто всю жизнь сознаетъ, ч[illegible] нуженъ хоть какому-нибудь больному щенку. Другого с[illegible] нѣтъ.

— А неблагодарность развѣ это не отравляетъ с[illegible]

— Неблагодарность?—переспросилъ онъ и наивн[illegible] бавилъ:—Я же всегда благодаренъ тѣмъ, кто давалъ мнѣ [illegible] можность быть счастливымъ хоть годъ, хоть мѣсяцъ..

И, спохватившись, что я не о томъ говорилъ, приб[illegible]

— Впрочемъ, вы, вѣрно, не о томъ говорили, вы [illegible] о неблагодарности тѣхъ, кому я былъ полезенъ.

Онъ положилъ свою руку на мою и дружески сказалъ мн[illegible]

— Вѣрьте мнѣ, что получаетъ больше тотъ, кто дае[illegible] чѣмъ тотъ, кто беретъ. Это старая пословица.

И задушевно мягко закончилъ:

— Я много слышалъ о васъ, о вашей жизни. Скаж[illegible] мнѣ, вы извѣстный писатель, вращающійся въ шумн[illegible] обществѣ, ведущій разсѣянную жизнь, чувствовали ли [illegible] себя хоть когда-нибудь вполнѣ счастливымъ, то-есть нужны[illegible] кому-нибудь, какъ воздухъ..

Одинъ изъ знакомой мнѣ компаніи кутилъ отыскалъ ме[illegible] и сталъ со смѣхомъ тащить въ буфетъ. Я обозлился—[illegible] него или на слова Шеметова—не знаю. Я вырвалъ св[illegible] руку изъ рукъ пріятеля, сказалъ, что не пойду, и въ н[illegible] вольномъ возбужденіи рѣзко замѣтилъ въ отвѣтъ на сло[illegible] Шеметова:

— А вы любите читать непрошеныя проповѣди даж[illegible] взрослымъ.

Онъ мягко, но твердо возразилъ:

— Это просто та же откровенность, съ которой вы п[illegible] стоянно высказывали свои взгляды на мое поведеніе.

Я понялъ его упрекъ за мои назойливыя приставанья к[illegible] нему, за мои замѣчанія и ироническія выходки, и замо[illegible] чалъ. Замолчалъ и потому, что въ моей душѣ вдругъ ста[illegible] невыразимо пусто.

ПОЗОЛОЧЕННЫЙ ПОЗОРЪ.

РОМАНЪ.

I.

Въ просторной комнатѣ съ новенькой шаблонной мебелью изъ плохого свѣтлаго дуба, предназначенной рынкомъ исключительно для столовыхъ комнатъ людей средняго достатка, собралась къ утреннему чаю цѣлая семья. За чайнымъ столомъ сидѣли другъ противъ друга два мальчика лѣтъ тринадцати и двѣнадцати и двѣ дѣвочки лѣтъ десяти и девяти и пили чай, распущенно и капризно шаля, болтая и споря между собою. Около самовара помѣщалась мать семейства, женщина лѣтъ тридцати двухъ, съ очень красивымъ и выразительнымъ лицомъ нѣсколько цыганскаго суховатаго типа, съ густыми и волнистыми черными волосами, закрученными на затылкѣ въ едва сдерживаемую шпильками тяжелую косу. Она была тонка и стройна, и ея красивая и гибкая фигура ловко охватывалась узкимъ ярко-краснымъ фланелевымъ капотомъ съ черными шнурами и кистями. Держа въ рукѣ карандашъ, она то закусывала бѣлыми зубами его очиненный кончикъ, очевидно что-то записывая имъ на длинномъ и узенькомъ лоскуткѣ бумаги.

— За ужиномъ мороженое? — вопросительнымъ тономъ проговорила она, обращаясь къ мужу.

Онъ, господинъ лѣтъ около сорока, съ курчавыми русыми волосами и такими же баками, ходилъ взадъ и впередъ по головой, не выпуская изо рта папиросы и засунувъ руки въ карманы брюкъ. Онъ, повидимому, не разслышалъ вопроса жены и погрузился въ какія-то думы, смотря безцѣльно впередъ большими, круглыми, свѣтло-голубыми глазами.

— Я спрашиваю, Егоръ Егоровичъ: мороженое нужно въ ужину?—повторила она.

Онъ очнулся.

— Да!.. Что?.. Мороженое? Ну, да, надо, — отрывисто

отвѣтилъ онъ и досадливо прибавилъ: И какъ все это м
надоѣло, всѣ эти счеты и записи, всѣ эти пиры...

Она чуть замѣтно, сдержанно пожала плечами. По
лицу скользнула презрительная гримаса.

— Развѣ это пиры?.. Обыкновенный ежемѣсячный jour fixe... Нельзя же намъ жить безъ нужныхъ людей...

Она стала что-то записывать и не безъ горечи замѣтил

— Мы еще далеки отъ того положенія, когда люди б
дутъ нуждаться въ насъ, а не мы въ нихъ.

— А мнѣ кажется, что мы и никогда не дойдемъ
этого положенія, — раздражительно процѣдилъ онъ сквозь зубы и залибо[illegible]альничалъ:—мы не титулованное ничтожество не набитые золотомъ грязные мѣшки, намъ, какимъ-то Ни[illegible]ким, никакая бабушка не ворожитъ, мы самой судьбой предназначены, чтобы тянуть лямку, ни до чего не добившись...

Она подняла голову и холоднымъ взглядомъ посмотрѣла на мужа.

— Ты думаешь? Это было бы очень грустно! Однако Кусовъ мнѣ обѣщалъ...

Мужъ вдругъ раздражился еще сильнѣе, услышавъ фа милію Кусова.

— Уже не Александръ ли Ивановичъ? — началъ онъ насмѣшливо.

— Иванъ Николаевичъ мнѣ говорилъ,—твердо произнесла она, не измѣняя холоднаго выраженія лица.—Онъ видѣлъ со мною на общемъ собраніи «Покровителей убогихъ сиротъ», у себя въ домѣ...

— А! Кусовъ-père! А то я ужъ думалъ, что этотъ шалопай-сладкопѣвецъ! — заговорилъ онъ все съ тѣмъ же раздраженіемъ.

Она опять пожала плечами, точно совсѣмъ не понимая причины его злости.

— Въ порядочные дома пускать бы его не слѣдовало,— продолжалъ онъ горячиться, не замѣчая, что жена смотритъ на него съ холоднымъ изумленіемъ. — Нѣтъ женщины, которой онъ не компрометировалъ бы своимъ знакомствомъ. Для него вѣдь нѣтъ ничего святого, ничего завѣтнаго. Онъ желаетъ наслаждаться жизнью, и больше ни до чего ему нѣтъ дѣла. И для чего онъ сталъ шляться къ намъ? Что здѣсь-то ему нужно?

Она едва замѣтно презрительно усмѣхнулась.

— Всѣ знаютъ, какое мѣсто въ обществѣ занимаетъ он

отецъ, и потому понимаютъ, почему принимаютъ сына,— сухо сказала она и опять съ едва замѣтной ироніей, какъ бы желая подразнить его, пояснила:

— Вѣдь вотъ, напримѣръ, ты не можешь же отказать ему отъ дома и долженъ принимать его, если не желаешь выходить въ отставку и испортить свою карьеру.

Онъ нахмурилъ брови.

— Карьера! карьера!—проговорилъ онъ мрачно.—Что ты мнѣ говоришь о карьерѣ? Она четырнадцать лѣтъ тому назадъ мною испорчена! Надо было въ адвокаты идти или къ профессурѣ подготовиться, а не въ департаментѣ гдѣ-то стулья просиживать, смотря, какъ меня обгоняютъ матушкины сынки и бабушкины внуки. Еще хорошо, что мои способности и образованіе...

Она съ скучающимъ выраженіемъ на лицѣ наклонилась опять надъ реестромъ закусокъ и ужина и спокойнымъ голосомъ, не слушая желчныхъ рѣчей своего мужа, какъ чего-то такого, что давно надоѣло ей до тошноты, спросила:

— Какихъ винъ купить?

Отвѣта она не дождалась и, повидимому, рѣшилась не спрашивать больше мужа, нанося на записку все, что, по ея мнѣнію, слѣдовало купить для ужина назначеннаго дня.

— А ты знаешь, мама, Александръ Ивановичъ шьетъ платье себѣ у лучшаго портного и сапоги тоже у лучшаго сапожника заказываетъ?—неожиданно проговорилъ старшій изъ мальчиковъ, удивительно напоминавшій лицомъ мать, только еще дѣтски кругленькій, румяный, а не худощавый и блѣдный, какъ она.

— Вѣроятно,—разсѣянно отвѣтила она.

— Я навѣрное знаю, — утвердительно сказалъ мальчуганъ. — Мнѣ его братъ Жоржъ говорилъ. «Онъ, говоритъ, все въ лучшихъ магазинахъ покупаетъ».

Онъ откинулся на спинку стула, засунулъ пухлыя руки въ карманы панталонъ и заговорилъ самоувѣренно:

— Всѣ смотрятъ на него, когда онъ по Невскому гуляетъ. Я непремѣнно буду одѣваться такъ, какъ онъ. Шикарно!

Отецъ раздражительно замѣтилъ:

— Смотри, чтобы не пришлось тебѣ безъ штановъ ходить! Набаловали тоже сопляка: сюртучокъ не сюртучокъ, пальто не пальто! Вкусы тоже модные развились! Щенокъ еще, а разсуждаетъ о нарядахъ! Еще, можетъ-быть, по-міру напляешься! Руку протягивать будешь за милостыней!

Мать пожала плечами.

— Надѣюсь, что отъ этого несчастія мы избавимъ н
шихъ дѣтей,—сухо сказала она.

— Несчастіе! несчастіе!—воскликнулъ запальчиво муж
готовый теперь придираться къ каждому ея слову. — Ес
несчастія похуже. Опрохвоститься изъ-за разныхъ благ
вотъ несчастіе! Размѣнять душу на тряпки, вотъ несчаст

Она нѣсколько презрительно и нетерпѣливо перебила е
желчную рѣчь:

— Ахъ, все это громкія фразы! Когда ты отучишься
отъ нихъ? Кажется, мы не юноши! Ты очень хорошо зна
ешь, что и преступниковъ, и тряпичныхъ душъ, и холопс
унижающихся людей творитъ гораздо чаще бѣдность, чѣм
богатство и хорошее положеніе въ обществѣ. Воровать
когда сытъ по горло, никто не станетъ, это, кажется, да
у васъ въ ученыхъ сочиненіяхъ самой статистикой доказан

Ея тонъ былъ презрительнымъ. Она, казалось, презирал
и громкія фразы мужа, и эту статистику, о которой упомя
нала, и весь тотъ вздоръ, который называется убѣжденіям
направленіями, принципами. Она была твердо самой практи
кой убѣждена, что ото всего этого никому ни тепло, н
холодно, что обо всемъ этомъ говорится только въ книгах
и что въ жизни никто этому не слѣдуетъ; всѣ знаютъ на
изусть всѣ заповѣди и никто не исполняетъ ни одной из
нихъ. Не ожидая отвѣта мужа, она обратилась къ дѣтям:

— Хотите еще чаю? Нѣтъ?.. Маша,—кликнула она гор
ничную.—Убирайте самоваръ.

Она встала. Ея фигура была красива, граціозна и гибка
какъ у молодой дѣвушки. Было трудно повѣрить, смотря н
нее, что это мать четырехъ дѣтей.

Въ передней раздался звонокъ.

— Кто это ни свѣтъ, ни заря?—проговорилъ мужъ н
довольнымъ тономъ.

— Тетя, вѣроятно,—отвѣтила жена и прошла въ свою
спальню, не обративъ вниманія на брезгливую гримасу
Егора Егоровича.

Почти вслѣдъ за нею въ спальню вошла высокая, плот
ная старуха, съ рѣзкими и угловатыми мужскими манерами
съ твердой и быстрой поступью, довольно безвкусно и пестр
одѣтая, въ яркой шали, съ вышитымъ шерстями сакъ-вояж
жемъ на рукѣ. Взглянувъ на нее, сразу можно было опре
дѣлить ея профессію женщины-комиссіонерши. Она поцѣлы
вала молодую женщину на ходу, бросила сакъ-вояжъ н
стулъ и стала развязывать завязки черной шляпки с

яркими клѣтчатыми бантами, заговоривъ быстро, съ едва замѣтнымъ иностраннымъ акцентомъ:

— Отыскала шелковое платье, точно на тебя сшито, надѣвано не болѣе разу, шикарное...

— Да, но отъ кого... Ловко ли будетъ купить?.. можетъ-быть, его замѣтилъ кто-нибудь изъ нашихъ знакомыхъ,— сказала хозяйка дома.

— Ну, вотъ, развѣ я не знаю, что ты можешь купить, чего не можешь,—отрывисто сказала тетка:—не отъ барыни; отъ француженки одной изъ содержанокъ, Эммы Месмеръ. Кому было замѣтить изъ твоихъ знакомыхъ? Отдаетъ чуть не даромъ. Возлюбленный, который сдѣлалъ ей это платье, бросилъ ее, вотъ она со злости всѣ его подарки и распыриваетъ. Новый обожатель другіе дѣлаетъ. Имъ дешево все самимъ достается, такъ и швыряютъ вещами.

Молодая женщина вздохнула съ оттѣнкомъ зависти.

— Счастье!—проговорила она и, что-то вспомнивъ, торопливо сказала:—надо будетъ взглянуть теперь же.

— Оно у меня,—отвѣтила тетка.—Заѣзжай какъ-нибудь. Торопиться, впрочемъ, нечего. До тебя другимъ не покажу.

— Нѣтъ, я сегодня, сейчасъ же, съ вами отправлюсь,— поспѣшно пояснила Никитина.

— Какъ знаешь, если дома дѣлать нечего и уйти надо,— сказала тетка и какъ-то особенно пристально взглянула на племянницу, точно желая заглянуть въ самый грязный уголокъ ея души.

Та заторопилась переодѣться, скрывшись за ширмами.

— Ну, а что у тебя дѣлается?—спросила усѣвшаяся на стулъ тетка, закуривая папироску и положивъ по-мужски ногу на ногу.

— Все то же!—отрывисто отвѣтила племянница.

— Благовѣрный все куксится?

— Ахъ, какъ мнѣ все это надоѣло, какъ надоѣло,— раздражительно воскликнула молодая женщина, переодѣваясь за ширмами. — Самого заѣло честолюбіе, терзается, когда какой-нибудь Иванъ Ивановичъ обгонитъ его по службѣ или крестъ получитъ, а самъ все брюзжитъ за то, что надо принимать нужныхъ людей у себя, что нужно ѣздить къ вліятельнымъ лицамъ, поддерживать связи. Чуть не до министра въ душѣ хотѣлъ бы дослужиться, да на словахъ желаетъ жить свободнымъ аркадскимъ пастушкомъ въ пустынѣ. Нѣтъ, хочешь добиться чего-нибудь, такъ и бейся, обивай пороги, пускай въ ходъ всѣ средства...

— Ждетъ, чтобы жареные рябчики сами въ ротъ влетѣли,— презрительно проговорила тетка и засмѣялась вульгарнымъ смѣхомъ.—Слава Богу, и въ дѣвкахъ насмотрѣлась ты на это. Тоже отецъ-то ждалъ, что они влетятъ ему въ ротъ, да такъ и не дождался, до сѣдыхъ волосъ съ разинутымъ ртомъ проходилъ. Съ тѣмъ и въ могилу ушелъ. Всего насмотрѣлась ты тогда.

— Да, да, всего! — воскликнула страстно хозяйка, выходя изъ-за ширмъ, и даже слегка раскраснѣлась отъ волненія.— Довольно съ меня, вотъ по которыхъ поръ довольно!

Она провела, какъ ножомъ, ребромъ руки по горлу.

— Тоже честнымъ человѣкомъ считался, а жену голодомъ да холодомъ до того довелъ, что съ первымъ встрѣчнымъ сбѣжала, — заговорила съ насмѣшкой въ голосѣ тетка. — Каролина не такъ была воспитана, чтобы голодъ да холодъ терпѣть. Тутъ поневолѣ сбѣжишь. Такъ онъ же ее обвинилъ, не принялъ потомъ къ себѣ и тебя ей не отдалъ. Въ больницѣ далъ умереть, точно собакѣ бездомной. А ты-то чего натерпѣлась. Безъ чулокъ хаживала. Люди пальцами указывали: дочь учителя, а чулокъ нѣтъ! Фуй!

Молодая женщина стиснула зубы, чтобы не расплакаться при воспоминаніи о тяжеломъ прошломъ. Она ненавидѣла это прошлое, ненавидѣла за него своего отца, «помѣшавшагося на честности», какъ говорила она, ненавидѣла всѣхъ, кто проповѣдывалъ всѣ эти «глупости» и «пошлости». Фарисеи! Въ ея глазахъ блеснулъ недобрый огонь.

— Люди! Люди! Горло бы имъ перервала!—воскликнула она съ негодованіемъ и оживленно отдалась горькимъ воспоминаніямъ:—Помните Машку Сидорову? Лепешка, лавочника дочь, чурбанъ неотесаный, а и она передо мной носъ задирала. А самъ Сидоровъ? Старый, красноносый, лысый, и туда же мнѣ сталъ говорить: «вамъ бы съ вашей красотой въ экипажахъ ѣздить, барышня!» А мнѣ всего пятнадцать лѣтъ тогда было!

— И къ Сидорову бросилась бы на шею, если бы еще по мелочнымъ лавкамъ пришлось бѣгать,—сказала тетка.

— И бросилась бы! Очень просто! — подтвердила племянница.

— Что говорить! — воскликнула старуха. — Не ты бы первая, не ты бы послѣдняя была. Съ горя на все идутъ. Отецъ честностью своей гордился, а дочь, какъ горничная, трепалась по мелочнымъ лавкамъ, прислуги не имѣя. Пожилъ бы еще — увидалъ бы тебя чьей-нибудь любовницей.

Это какъ пить дать! Въ мелочной-то лавкѣ одинъ сквернословитъ, другой при тебѣ горничную или кухарчонку какую-нибудь облапитъ, третій и тебя самоё щипнетъ. Ну, и научишься всему. Школа! Твое счастье, что я пріѣхала сюда изъ Варшавы да отецъ-то Богу душу отдалъ, а то ходить бы тебѣ по Невскому съ твоей красотой да характеромъ? И твой-то благовѣрный, не пріодѣнь я тебя, не женился бы на тебѣ. Хоть бы и полюбилъ, а безъ чулокъ въ жены не взялъ бы, развѣ полюбовницей при себѣ продержалъ бы годъ-два, а тамъ и бросилъ бы. Ну, а увидалъ тебя на положеніи барышни, на попятный-то и нельзя было безъ скандала отретироваться, хоть ты и была во всемъ сама виновата. Я вѣдь его такъ-то не выпустила бы изъ рукъ, съ грязью смѣшала бы. Онъ это понялъ и струсилъ. Скандалъ-то не радость для ихъ брата. Знаемъ мы ихъ, мужчинъ-то.

— Да, женился, — съ горечью сказала Никитина: — а теперь глаза колетъ тѣмъ, что ради меня карьеру испортилъ, ни въ ученые не пошелъ, ни въ адвокаты, а поспѣшилъ чиновникомъ сдѣлаться ради вѣрнаго куска хлѣба.

— Ну, коли не коли глаза, а не развѣнчается теперь,— замѣтила спокойно старуха.—Да и вретъ онъ, ничѣмъ бы онъ не сдѣлался!

По ея лицу вдругъ скользнула самодовольная улыбка.

— А что твой-то новый вздыхатель, Александръ Ивановичъ, все еще влюбленъ въ тебя?

Молодая женщина испуганно оглядѣлась кругомъ и торопливо проговорила:

— Тише! что вы!.. Мужъ и такъ ревнуетъ! И съ чего вы?

По измѣнившемуся выраженію ея лица было не трудно догадаться, что она испугалась словъ тетки не на шутку.

— Какъ не ревновать къ такому красавцу, да еще зная тебя,—сказала тетка.

Молодая женщина уже овладѣла собой и холодно отвѣтила своимъ обычнымъ тономъ:

— Глупости! мало ли кто ухаживаетъ! За кого вы меня считаете?

Тетка покачала головой.

— Со мной-то что хитришь?

— Чего мнѣ хитрить?

— Ну, ну, Богъ съ тобой. Мнѣ что теперь до этого за дѣло! Пора бы только за умъ взяться.

— Нѣтъ, въ самомъ дѣлѣ!—быстро начала увѣрять ста-

руху Никитина.—Я же васъ увѣрю, что все это пустя
Онъ бываетъ у насъ, онъ нужный человѣкъ, сынъ начал
ника моего мужа, вотъ и все. Мнѣ его отецъ обѣщалъ хл
потать о назначеніи мужа въ учреждаемую комиссію по и
слѣдованію чего-то. «Это, говоритъ, его выдвинетъ». Это
назначенія и самъ Егоръ жаждетъ; оно должно состоять
не сегодня, такъ завтра...

Лицо молодой женщины даже разгорѣлось отъ волненія
Ей видимо хотѣлось разсѣять въ душѣ старухи всякія под
зрѣнія.

— Ты что же сейчасъ ко мнѣ хочешь зайти?—спросил
тетка, немного щуря глаза.

— Да, да, теперь,—поспѣшно отвѣтила племянница.—
Взгляну на платье...

— Ну что-жъ, пойдемъ, а я по дорогѣ на минуту завер
въ костелъ. Хлопочу тутъ одного мальчугана пристроит
сирота, на улицѣ остался. Отецъ Доменикъ обѣщалъ пр
строить. Жаль бросить, красавецъ писанный ребенокъ-
этотъ.

— У себя пріютили?—спросила молодая женщина, пер
одѣваясь въ щеголеватый костюмъ.

— Да. Онъ ужъ четыре года какъ переходилъ изъ ру
въ руки. Мать умерла, объѣлась устрицами и холоднымъ
шампанскимъ и умерла внезапно, ну, и остался ницимъ
мостовой.

— А отца тоже нѣтъ?

— Отца и не было; неизвѣстно, отъ кого былъ прижит
Мать-то не то въ бонны, не то въ гувернантки сюда пр
ѣхала, заболталась здѣсь, ну, и нажила ребенка. Какъ-т
перебивалась съ нимъ, сперва трудами, потомъ покровител
нашла, закрутилась и—вотъ умерла. Пять лѣтъ ему был
Бланшъ взяла его; знаешь, эта, что у Беклемишева был
на содержаніи; понравился ей мальчуганъ. Точно красавец
Въ Италіи сейчасъ бы въ натурщики попалъ. Ну, повози
лась Бланшъ съ нимъ года два, какъ съ куклой, съ собо
на прогулки, на пикники таскала, все равно какъ моп
а потомъ дѣла у самой пошли подъ гору, не до него стал
попалъ онъ къ Декрэ въ парикмахерскую, тутъ тоже го
два проболтался, знаешь: «мальшикъ, огня», «мальшик
пиницы», а теперь Декрэ ликвидировали свои дѣла, купил
подъ Авиньономъ землицу, пропріетерами стали и уѣхал
а его мнѣ по знакомству пристроили, мальчика-то. У мен
конечно, дѣло найдется: и въ булочную сбѣгать, и узе

съ вещами стащить, и жильцамъ прислужить, да жаль какъ-то ребенка въ лакеи превратить; красавецъ онъ, еще карьеру можетъ сдѣлать, вотъ я и хлопочу, чтобы отецъ Доменикъ его въ люди вывелъ. Отецъ Доменикъ любитъ симпатичныхъ дѣтей. Будь рожа богопротивная, такъ и помирились бы съ тѣмъ, что отъ рожденія на гибель предназначенъ, а о хорошенькомъ каждый горячѣй похлопочетъ.

Молодая женщина была уже совсѣмъ одѣта и стала заботливо натягивать длинныя перчатки, смотря, какъ старуха торопливо завязала шляпку, порылась потомъ въ сакъ-вояжѣ, разсуждая вслухъ о томъ, всѣ ли нужныя отцу Доменику бумаги захватила она съ собою.

— А вы такая же хлопотунья, какъ и прежде,—замѣтила она.

— Ахъ, матушка, на чужой сторонѣ лежачимъ камнемъ нельзя быть,—отвѣтила старуха:—да и нигдѣ подъ лежачій камень и вода не течетъ. Я это и Адольфу теперь говорю каждый день. Это мальчика моего, сироту-то, Адольфомъ зовутъ. Я и тебѣ это всегда говорила, только ты—въ отца своего ты вся вышла. Русскій байбакъ былъ, говорить только умѣлъ: «честь-честь», ну, и умеръ нищимъ. Не честь это, а лѣнь.

Онѣ вышли изъ дома и ихъ разомъ охватило яркимъ свѣтомъ октябрьскаго утра. Воскресный день и хорошая погода выманили на улицу массу народа, сновавшаго пѣшкомъ и на дрожкахъ во всѣхъ направленіяхъ. Молодая женщина едва поспѣвала идти за старухой, шагавшей быстрыми и крупными шагами и продолжавшей говорить на ходу. Для разговоровъ у нея всегда былъ неисчерпаемый запасъ новостей. Она знала чуть не весь городъ. Ее интересовало все: политическія событія, дѣла частныхъ лицъ, ея собственныя дѣлишки. Обо всемъ этомъ говорилось горячо и страстно, немного по-театральному, съ сильными жестами, точно все это одинаково чувствительно задѣвало ее за живое.

Никитина вздохнула свободнѣе, когда на одномъ изъ перекрестковъ тетка поспѣшно сказала, что ей теперь надо свернуть по Невскому къ католической церкви, и оставила племянницу одну. Никитина замедлила шаги и направилась, уже не спѣша, къ жилищу тетки. Странное ощущеніе охватило ее теперь: безъ тетки ей было не только легче идти, такъ какъ она могла не торопиться, не дѣлать большихъ шаговъ; но она теперь не чувствовала и стѣсненія, чего-то въ родѣ стыда, который невольно охватывалъ ее рядомъ съ

этой шагающей по-солдатски, одѣтой по старой модѣ, махающей руками и громко говорящей стаухой. Мало того, она каждый разъ чувствовала себя безъ этой старухи свободно, самостоятельной, тогда какъ старуха пригнетала ее и своимъ властолюбивымъ характеромъ, и своимъ страннымъ способомъ относиться къ вещамъ: она въ упоръ спрашивала ее о ея любовникѣ; она, не стѣснялась, говорила, что она, Софья Леонтьевна Никитина, «подцѣпила» мужа случайно; она вообще называла все своими именами и не смущалась ничѣмъ. Съ мужемъ, съ дѣтьми, со знакомыми Софья Леонтьевна сама старалась показать себя женщиной съ сильнымъ характеромъ, самостоятельной, и во всякомъ случаѣ признавалась другими женщиной «скрытной» и «сдержанной», но при теткѣ она чувствовала себя какой-то дѣвчонкой, которую старуха могла каждую минуту словить на словѣ, въ чемъ-нибудь уличить, за что-то пожурить. Въ такія отношенія онѣ встали еще тогда, когда Софьѣ Леонтьевнѣ не было и шестнадцати лѣтъ, и эти отношенія не измѣнились до сихъ поръ. Вотъ и сегодня тетка прямо спросила: «А что твой новый вздыхатель?» Потомъ прибавила: «Чего ты со мною-то хитришь?» Эти же фразы слышала отъ тетки Софья Леонтьевна лѣтъ пятнадцать тому назадъ, когда вздыхателемъ Софьи Леонтьевны явился молодой жилецъ тетки, Егоръ Егоровичъ Никитинъ. Лицо молодой женщины вдругъ покраснѣло при этомъ воспоминаніи и ей вспомнилась еще одна фраза тетки, сказанная ей тогда:

— Что, влопалась?

А затѣмъ полился цѣлый потокъ упрековъ:

— Я тебѣ говорила: не юли, не хитри! Я-то умнѣе, я думаю, чѣмъ ты,—проще, а умнѣе. Книгъ не читала, да людей знаю. У меня вѣдь такого отца-буквоѣда, какъ твой, не было. Теперь кто поправлять-то дѣло будетъ? Ты или я? Онъ поиграетъ тобой и броситъ тебя. А чѣмъ жить будешь? Ты не я, ты лежачій камень. Я не пропала; я наплевала на того, кто меня обманулъ, и пробилась. Я ломовая лошадь. Онъ-то, говорили потомъ, подъ заборомъ издохъ, даромъ что мужчина, а я пробилась, хоть и баба. А ты пробьешься? Что же молчишь? Пробьешься? А? Языкъ-то есть? Вѣдь не пробьешься? Да? А туда же, скрытничала, хитрила, юлила? А теперь что? Поди, и матерью скоро будешь? Ребенка-то кто воспитывать будетъ?

Софью Леонтьевну и теперь охватывалъ стыдъ при воспоминаніи объ этой сценѣ, не потому, что она стыдилась

своего проступка, а потому, что тетка ее тогда унизила, словъ этихъ грубыхъ наговорила. Тетка втоптала ее въ грязь, прежде чѣмъ спасти, то-есть заставить Егора Егоровича жениться на ней. И онъ,—какимъ мальчишкой оказался онъ передъ ея теткой, хотя онъ и былъ тогда уже кандидатомъ правъ и все толковалъ о научныхъ и общественныхъ вопросахъ, о Шульцѣ-Деличѣ, о связи молочнаго хозяйства съ земледѣліемъ, о мелкомъ народномъ кредитѣ для заведенія машинъ въ деревняхъ, о крупномъ и мелкомъ землевладѣніи. А тутъ передъ ея теткой вдругъ въ мокраго цыпленка превратился. Краснѣлъ, мялся на мѣстѣ, заикался:

— Я... я... что же... я готовъ... Говорите, что я...

— Тряпка, вы, вотъ вы что!—кричала на него тетка.— Только и умѣете, что блудить. Дитя невинное соблазнили и погубили! Вы о послѣдствіяхъ-то думали?

Потомъ, когда онъ поправилъ грѣхъ, то-есть женился, она пристала къ нему, чѣмъ онъ жить будетъ и чѣмъ содержать жену и ребенка станетъ. Адвокатомъ будетъ? То-есть сидѣть станетъ у моря и ждать погоды, плюя въ потолокъ; сегодня густо, а завтра пусто? Ученую карьеру изберетъ? Говоритъ онъ больше, чѣмъ учится; къ ученой карьерѣ приготовляется, потому что это даетъ возможность ничего не дѣлать покуда и только говорить, что работаешь. Много она на своемъ вѣку лѣнтяевъ видѣла, которые все въ ученые готовились, ничего не дѣлая. Чиновникомъ онъ долженъ быть: въ извѣстный часъ прикажутъ сидѣть, ну, вотъ и будетъ дѣло дѣлать; безъ палки онъ палецъ о палецъ не стукнетъ, а все только говорить будетъ. Охъ, ужъ эти русскіе болтуны! Много она ихъ на своемъ вѣку видѣла!.. И къ мѣсту его опредѣлила тетка же: надѣла свою желтую шаль, шляпку съ пестрыми бантами и пошла хлопотать къ какому-то важному чиновнику, сказавъ, что онъ для нея все сдѣлаетъ, такъ какъ въ былыя времена, когда онъ еще чуть не мальчишкой былъ, онъ у нея комнату нанималъ для тайныхъ любовныхъ свиданій. Не опредѣли она Егора Егоровича, онъ самъ и пальца о палецъ не стукнулъ бы для пріисканія мѣста. И откуда у старухи это знаніе людей, эта наблюдательность? Теперь-то Софья Леонтьевна знаетъ сама своего мужа не хуже, чѣмъ знала его тогда ея тетка. У него все одни слова: брюзжитъ на всѣхъ и на все, то не такъ, это не такъ, а самъ, краснощекій, здоровый, спитъ за двоихъ, въ карты играть или плясать готовъ хоть всю

ночь, только бы дѣла не дѣлать; какъ дѣло есть, такъ сейчасъ либеральничать начинаетъ—и чернильною-то душою его сдѣлали и въ бѣличьемъ-то колесѣ онъ вертится, и канцелярщиной-то онъ никому ненужной заѣденъ. «Канцелярскія крысы», «строчилы-мученики», «чинодралы», иначе и не называетъ чиновниковъ, а самъ земли подъ собой не слышитъ, когда старикъ Иванъ Николаевичъ Кусовъ скажетъ ему нѣсколько ласковыхъ словъ. И сейчасъ у него пойдетъ бахвальство:

— Онъ же видитъ, съ кѣмъ онъ имѣетъ дѣло! Я не писарь, не безграмотный дуракъ, не канцелярская тупица! Въ департаментѣ, кромѣ меня, не на кого положиться: одни заскорузлыя чернильныя души, другіе матушкины сынки изъ лежебоковъ, умѣющіе только фанфаронить, а я человѣкъ съ университетскимъ образованіемъ!

И пойдетъ, и пойдетъ: «я, я, я», не сознавая даже, что Кусовъ иногда поощряетъ его только ради нея, ради Софьи Леонтьевны. Да, правду говорила ему тетка, что на словахъ онъ города возьметъ, а на дѣлѣ штановъ не сумѣетъ пріобрѣсти. Такъ санкюлотомъ и звала его въ шутку. Не даромъ теткѣ пришлось и мѣсто ему выхлопотать, а теперь если его старикъ Кусовъ и отличаетъ и хлопочетъ о томъ, чтобы пристроить его въ какую-то открывающуюся комиссію, то вовсе не за его услуги...

Софья Леонтьевна сдвинула немного брови, вспомнивъ о Кусовѣ. На минуту у нея все затуманилось въ головѣ, ее всю охватило волненіе, губы немного полуоткрылись, глаза устремились неопредѣленно въ пространство, точно тамъ, гдѣ-то далеко проносились передъ нею волновавшія ее сцены. Крикъ извозчика: «берегись!» заставилъ ее вздрогнуть всѣмъ тѣломъ и очнуться. Она оглядѣлась кругомъ и замѣтила только теперь, что она прошла домъ, гдѣ жила тетка. Софья Леонтьевна вернулась, дошла до дома, гдѣ было жилище тетки, вошла въ подъѣздъ и поднялась во второй этажъ до дверей съ надписью: «Меблированныя комнаты Денизы Андреевны Дублонъ». Не звоня, она отворила дверь, и ее обдало знакомымъ запахомъ меблированныхъ комнатъ, который распространялся по всему коридору изъ кухни, гдѣ вѣчно шумѣли самовары, кипѣли кофейники, грѣлись на плитѣ утюги, что-нибудь варилось и жарилось, раздавались чьи-то громкіе голоса, слышались шлепанье туфель и скрипъ сапогъ, плюханье капель въ рукомойникѣ и шипѣнье чего-то на плитѣ. Чѣмъ-то знакомымъ, чѣмъ-то роднымъ пахнуло на

Софью Леонтьевну въ этомъ жилищѣ, которое она такъ полюбила когда-то послѣ затворнической жизни у отца среди скучныхъ книгъ, среди восторженныхъ толковъ о красотахъ поэзіи, среди вѣчныхъ возвышенныхъ нравоученій, среди постоянныхъ матеріальныхъ лишеній, и ей вспомнилось вдругъ, какъ когда-то, поселившись у тетки, она изучила здѣсь каждый шорохъ, каждый голосъ, каждую походку, какъ она здѣсь познакомилась сразу съ десятками жизненныхъ романовъ и комедій, какъ въ условные часы она шмыгала здѣсь, вонъ въ ту крайнюю дверь, къ Егору Егоровичу, еще неопытная, но уже страшно жаждавшая любви или того, что она считала любовью,—интрижки съ мужчиной, заигрываній, поцѣлуевъ, ласкъ.

Она прошла въ комнату тетки, узенькую и неприглядную, съ невзрачной обстановкой, безъ всякихъ претензій на удобства или комфортъ. По ея лицу скользнула брезгливая гримаса: никогда она не могла понять, какъ можетъ тетка такъ жить и для кого она копитъ деньги. Для живущихъ у нея племянницъ и племянниковъ, но она уже поставила всѣхъ ихъ на ноги и потому могла бы отдохнуть, могла бы обставиться съ большими удобствами. Никитина оглядѣла комнату и тотчасъ же ея глаза блеснули радостью, любопытствомъ: она увидала лежавшее на постели тетки темно-синее шелковое платье съ роскошной отдѣлкой изъ черныхъ плетеныхъ кружевъ и синяго бархата. Въ одну минуту оно уже было въ ея рукахъ, и на нее пахнуло сильнымъ ароматомъ какихъ-то духовъ. Она поднесла близко къ лицу лифъ этого платья и жадно впивала его наркотическій ароматъ. Прикинувъ его къ себѣ, она стала искать глазами зеркала, но зеркала не было въ комнатѣ тетки.

— Что, хорошо?—окликнулъ ее голосъ тетки.

Софья Леонтьевна немного смутилась, точно ее застигли врасплохъ, поймали на мѣстѣ преступленія.

— Да, недурно,—отвѣтила она, равнодушно положивъ платье снова на постель.

— Не дурно, а у самой глаза разгорѣлись!—насмѣшливо сказала тетка.—Вамъ, чиновницамъ, только развѣ послѣ такихъ-нибудь кокотокъ и заполучить такія сокровища. Мужья такихъ не дарятъ. Это на бѣшеныя деньги дѣлается. Вы кружева-то разсмотрѣли! Настоящій гипюръ. А бархатъ, прямо изъ Ліона вывезенъ. Да, только отъ кокотокъ и можно добывать такія вещи.

— Имъ легко достается, отвѣтила Софья Леонтьевна презрѣніемъ.

— Ну, не легко, а съ умѣньемъ. Вы бы и рады доб да умѣнья нѣтъ.

Старуха весело засмѣялась.

— Колоды неподвижныя! Будь я мужчиной—минуты об себя не потерпѣла бы такихъ ходячихъ мумій. Въ женщи должна жизнь быть, подвижность, огонь...

Тетка сняла шляпку, сбросила свою пеструю шаль желтой серединой и присѣла, отдуваясь.

— Устали?—спросила ее Софья Леонтьевна.

— Съ чего устать, не возъ везла,—отвѣтила тетка и звонила.

Вошла горничная.

— Адольфъ дома!—спросила хозяйка.

— Нѣтъ, изъ перваго номера баринъ послали его за та комъ въ Морскую.

— Хорошо, ступай!

Горничная вышла.

— Хотѣла тебѣ показать его. Славный мальчишка и сча ливчикъ: отецъ Доменикъ обѣщалъ пристроить его. Н даромъ въ картишки къ себѣ приглашаю его играть. Теп и пригодился. Какъ вотъ связи есть, такъ все можно с дѣлать. Безъ связей ничего не сдѣлаешь.

— Да, это только мой Егоръ Егоровичъ понять этого можетъ и брюзжитъ за то, что мы принимаемъ нужны людей,—замѣтила молодая женщина.

— Это на вашихъ-то jours-fixes,—пренебрежительно спр сила тетка, закуривая папиросу.—Ну, я ихъ никогда дѣлала, а связи все-таки есть. Да, кстати, въ нынѣшн среду ваши день, значитъ Миша ко мнѣ придетъ ночева

Софья Леонтьевна пожала плечами.

— Я не понимаю, для чего онъ взялъ эту привычку, сказала она.

— Что-жъ ему болтаться среди взрослыхъ до четыре часовъ ночи?—возразила тетка.—Я очень рада, когда о ко мнѣ приходитъ. Любознательный мальчуганъ и бойкій

— Нелюдимъ и неряха,—замѣтила Софья Леонтьевна. Ему бы мастеровымъ быть и бродягой: то возится съ клее красками, что-то мастеритъ, то пропадаетъ Богъ вѣсть г И своеволенъ сталъ, точно взрослый, ему говоришь од а онъ и ухомъ не ведетъ, дѣлаетъ свое.

— Ахъ, матушка, ты нападаешь на ребенка за то,

онъ не научился еще франтить, какъ твой Володя. И никакого своевольства я не замѣтила въ Мишѣ: придетъ онъ ко мнѣ, выучитъ уроки и цѣлый вечеръ сидитъ со мною и разспрашиваетъ меня обо всемъ.

— Да, носъ совать онъ во все умѣетъ—это его дѣло,—раздражительно отвѣтила Софья Леонтьевна.

— А ты бы жила съ мужемъ такъ, чтобы не бояться того, что дѣти узнаютъ то, чего имъ не слѣдуетъ знать,— замѣтила Дениза Андреевна.

Бой часовъ заставилъ Никитину прервать разговоръ и заторопиться.

— Домой?—спросила тетка, смотря на нее немного сощуренными глазами.

— Да... То-есть тутъ надо еще зайти по дѣлу одному, а потомъ домой,—отвѣтила племянница, подавляя смущеніе и стараясь не встрѣчаться со взглядомъ тетки.

— Смотри, не попадись,—проговорила старуха.

Племянница вспылила.

— Что вы придумываете? Кому попасться?

Старуха усмѣхнулась.

— Почему я знаю! я вѣдь не угадчица.

И еще болѣе насмѣшливымъ тономъ она спросила:

— А что же платье? Не понравилось вѣрно? Ты вѣдь ради него и изъ дома со мной вышла, а теперь спѣшишь домой, не спросивъ даже цѣны.

Софья Леонтьевна съ досадой закусила губу и проговорила:

— Нѣтъ, оно мнѣ нравится, но... должно-быть, дорого... а я не при деньгахъ.

— Ну, я и въ долгъ повѣрю,—отвѣтила старуха.—Нравится, такъ бери; понемногу выплатишь. Не въ первый разъ.

Она поднялась съ мѣста и стала прощаться съ племянницей, повторивъ снова:

— А все же не попадись. Теперь ужъ я не помогу, какъ тогда...

Софья Леонтьевна сдѣлала нетерпѣливое движеніе и поспѣшила уйти, чувствуя, что старуха читаетъ въ ея душѣ. Еще бы и не читать, когда она, Софья Леонтьевна, теряла всякое самообладаніе въ присутствіи этой старухи и сама выдавала себя на каждомъ шагу. Выйдя изъ коридора меблированныхъ комнатъ, Софья Леонтьевна поспѣшно спустила густой вуаль и, свернувъ на улицѣ съ набережной Мойки, пошла довольно скорыми шагами по Гороховой, по-

направленію къ Большой Морской. Ея глаза смотрѣли въ пространство, но все передъ ними словно застилалось туманомъ отъ охватившаго ее волненія.

— Софи,—тихо окликнулъ ее голосъ.

Она вздрогнула и подняла глаза на окликнувшаго ее человѣка. Это былъ молоденькій, очень красивый господинъ, напоминавшій лицомъ фарфоровую куклу, щегольски одѣтый, по послѣдней модной картинкѣ.

— Я тебя ждалъ уже нѣсколько минутъ,—проговорилъ онъ, предлагая ей руку.

Она молча взяла его подъ руку, слегка пожимая эту руку, и пошла съ нимъ по направленію къ Александровскому саду. Нѣкоторое время они шли молча, торопясь пройти людныя мѣста.

— Я сегодня очень встревожена, — почти шопотомъ начала она, наконецъ, прерывающимся отъ волненія голосомъ, какъ бы боясь, что кто-нибудь подслушаетъ ея слова и узнаетъ ее по голосу.—Сегодня утромъ онъ опять раздражился, заговоривъ о тебѣ; потомъ, сейчасъ вотъ, тетка моя высказала подозрѣнія. Положительно я боюсь, что за нами слѣдятъ. Отъ него всего можно ждать.

Онъ засмѣялся.

— А вотъ мы сейчасъ скроемся отъ любопытныхъ глазъ, — замѣтилъ онъ и сдѣлалъ знакъ кучеру кареты, стоявшей около рѣшетки Александровскаго сада.

Кучеръ подобралъ вожжи, а молодой человѣкъ отперъ дверцу кареты и посадилъ въ экипажъ Софью Леонтьевну. Черезъ минуту карета понеслась по направленію къ Дворцовой набережной.

II.

Третій часъ былъ въ исходѣ, когда Софья Леонтьевна Никитина съ разгорѣвшимся на воздухѣ лицомъ, немного утомленная прогулкой, какъ бы помолодѣвшая въ это ясное, слегка морозное утро, поднималась нѣсколько лѣнивой походкой по лѣстницѣ къ своей квартирѣ. Въ головѣ ея бродили сладкія мысли о томъ, что она сейчасъ пройдетъ въ свою спальню и крѣпко заснетъ до обѣда, когда вернется мужъ, по обыкновенію, дѣлающій въ воскресные дни разные офиціальные визиты къ «нужнымъ» людямъ, которые онъ проклинаетъ на словахъ и которые любитъ въ душѣ не менѣе самой Софьи Леонтьевны, такъ какъ это даетъ ему возможность говорить «мы толковали объ этомъ съ баро-

ессой Розенкампфъ», или «меня просила объ этомъ графиня Шапирова».

Какъ и всегда, Софья Леонтьевна чувствовала себя отлично послѣ катанья съ Александромъ Ивановичемъ Кусовымъ.

Вотъ уже годъ, какъ онъ, увлеченный ея кокетствомъ, началъ ухаживать за нею, въ концѣ-концовъ добившись, почти неожиданно для нея, почти неожиданно для себя ея взаимности. Сперва она испугалась своей «ошибки», потомъ рѣшила, что эта ошибка непоправима, и отдалась теченію событій. Въ сущности, она была очень довольна тѣмъ, что случилось. Онъ молодъ, ловокъ, красивъ собою, и ей очень льститъ то, что его не можетъ отбить у нея ни одна француженка, хотя она, Никитина, почти на семь лѣтъ старше его. Она ѣздитъ съ нимъ на свиданія и считаетъ эти свиданія своимъ счастіемъ, и это счастіе немного опьяняетъ ее среди монотонной семейной жизни небогатыхъ людей, для которой она не была ни создана, ни подготовлена и которую она ненавидѣла за необходимость присутствовать при счетѣ горничною грязнаго бѣлья, за неизбѣжное пересматриваніе продырявившихся у мужа носковъ, за окрики раздраженнаго мужа: «Ты бы хоть посмотрѣла, всѣ ли у меня пуговицы на нижнемъ бѣльѣ!», за все то, что можетъ искраситься только любовью, что можетъ перенестись только во имя любви, что безъ любви возбуждаетъ или брезгливость, или злобу, и заставляетъ женщину представлять себя не въ высокой и святой роли жены и матери, а въ унизительной роли служанки и рабыни, принужденныхъ рыться въ грязныхъ тряпкахъ ихъ господина. Ее не терзали никакія угрызенія совѣсти, такъ какъ, по ея мнѣнію, всѣ такъ живутъ, и знакомая мужа, баронесса Эльвира Карловна Шольцъ, и кузина мужа, Тото Козлинина, и даже та лавочница Машка Сидорова, вышедшая замужъ за милліонера-купца Сбоева и возбуждающая во всѣхъ знающихъ ее безпредѣльную зависть, однимъ словомъ, всѣ, всѣ такъ живутъ въ обществѣ, да и нельзя же жить безъ всякихъ радостей. Но она боялась, чтобы никто не узналъ ея близости съ Кусовымъ, потому что тогда все узнаетъ ея мужъ. Эта боязнь подавляла въ ней всѣ другія чувства, и она сама со злобой называла ее въ душѣ «подлой», но побѣдить ее не могла. Вѣдь онъ, ея мужъ, можетъ выгнать ее, какъ ея отецъ выгналъ ея мать,—выгналъ, какъ собаку, хотя она, прося прощенія, обнимала и цѣловала его ноги,

ползала передъ нимъ по полу, а онъ, какъ помѣшанна
какъ маніакъ, твердилъ одно: «ты опозорила мое чест
имя!» Честное имя какого-то выжившаго изъ ума учит
Иванова! Что за него дадутъ? Съ этимъ честнымъ имен
отецъ весь вѣкъ жилъ впроголодь, и когда онъ у
его помянули только тѣмъ, что сказали: «неуживчивый б
человѣкъ». Ея мужу можетъ придти въ голову та же бл
Онъ фразеръ и въ горячности часто принимаетъ свое ф
зерство за свои искреннія убѣжденія и за свои настоя
чувства. Отъ него можно ждать всякихъ глупостей, к
онъ раздраженъ, хотя онъ и тряпка.—или, вѣрнѣе ска
отъ него именно и можно ждать всякихъ глупостей, по
что онъ тряпка. Имѣя дѣло съ людьми твердаго характ
всегда впередъ знаешь, какъ они поступятъ въ извѣст
случаѣ, а люди тряпичные находятся всегда въ рук
разныхъ случайностей. Если онъ выгонитъ ее—что
будетъ дѣлать? Это ее страшно пугало: ея мать нѣско
ночей ночевала въ ночлежныхъ пріютахъ среди всяк
сброда и, наконецъ, умерла въ городской больницѣ,
нищетѣ. Она, Софья Леонтьевна, нищеты боялась п
смерти, натерпѣвшись всего еще въ дѣтствѣ. Если бы
эта боязнь, ничто не смущало бы ее теперь, какъ ни
не смущаетъ тѣхъ женщинъ, которымъ она такъ завидов
въ ранней молодости, всѣмъ этимъ Бланшъ, Эммамъ, Л
Въ чемъ тутъ преступленіе, если разлюбишь одного и
любишь другого? Она этого понять не могла. Сердцу
казать нельзя: «люби, не смѣй любить!» Она непремѣ
пошла бы сразу по дорогѣ всѣхъ женщинъ легкомысленн
поведенія, если бы тетка самовластно не заставила Н
тина жениться на ней. Не женился бы онъ—она сд
бы себѣ карьеру со своей красотой.

Она позвонила, вошла въ открытую горничною д
сбросила верхнюю опушенную мѣхомъ накидку и пр
въ спальню.

Ходившій большими шагами изъ угла въ уголъ Е
Егоровичъ внезапно остановился передъ женою, какъ то
она переступила порогъ спальни. Она вскрикнула отъ
ожиданности и хотѣла уже сухо упрекнуть его слова
«Ахъ, какъ ты меня испугалъ», но онъ не далъ ей
разинуть.

— Гдѣ ты была? Гдѣ была? Говори! Говори!—гн
крикнулъ онъ, схвативъ ее больно за руку.

Она сразу поняла, что говорить нечего, что онъ

знаетъ, въ ужасѣ прижалась къ косяку двери и хотѣла что-то солгать. Языкъ, однако, не повиновался. Въ головѣ молніей проносилась одна трусливая фраза:

— Выгонитъ! сейчасъ выгонитъ на улицу!

— Молчи! молчи, тварь!—опять крикнулъ онъ, не дожидаясь ея оправданій и еще больнѣе стискивая ея руку, точно съ мелочно-злымъ желаніемъ изломать, исковеркать ее.—Я все знаю; я видѣлъ. Тварь! Тварь!

Онъ съ силой отшвырнулъ ее къ стѣнѣ, такъ что она почти упала на стулъ, и заходилъ снова, съ трудомъ переводя духъ, такъ что было слышно, какъ онъ тяжело дышитъ. Ей казалось, что онъ сейчасъ станетъ ее бить. Пусть! Только бы не выгонялъ! Только бы не выгонялъ! Какъ ужасно смотрѣла ея мать, когда она въ лохмотьяхъ, разбитая, растрепанная, вернулась къ мужу просить прощенія, угла, куска хлѣба!

— Убить бы тебя слѣдовало, какъ и этого мерзавца! Да я его и убью! А тебя слѣдуетъ выгнать, какъ собаку, на улицу, чтобъ ты подохла подъ заборомъ!—вскрикивалъ онъ въ безсильномъ бѣшенствѣ.—И чего я ждалъ, чего ждалъ, когда ты уже дѣвчонкой вѣшалась мнѣ на шею! Тварь! Тварь! Тебѣ бы бродячей женщиной быть!

Она молчала, какъ убитая, неподвижно сидя на стулѣ, куда онъ ее отшвырнулъ, опустивъ на колѣни похолодѣвшія руки, продолжая бояться не того, что онъ ее побьетъ, а все того же, что онъ можетъ ее выгнать изъ дома! Она не раскаивалась, а чувствовала ненависть къ мужу за то, что онъ можетъ по праву ее выгнать. Было время, когда она сама нѣсколько разъ думала бросить все и уйти изъ дому отъ дѣтскаго крика, отъ раздражительныхъ придирокъ мужа, отъ грязнаго бѣлья. Теперь же ее пугала мысль остаться на улицѣ, такъ какъ молодость уже ушла, а тотъ, другой, не возьметъ ее къ себѣ... Это она поняла теперь вдругъ, разомъ, хотя прежде никогда и не думала объ этомъ, и глухая злоба на минуту пробудилась въ ней и къ тому, другому мужчинѣ, связанному съ ней тѣмъ, что̀ еще недавно, сегодня даже, она называла любовью! Въ головѣ мелькнула злая мысль:

«Всѣ они такіе!»

Ея молчаніе приводило мужа все болѣе и болѣе въ бѣшенство. У него не было словъ для объясненія того, что онъ давно подозрѣвалъ ее, давно слѣдилъ за нею, и, наконецъ, сегодня увидѣлъ, какъ она садилась въ карету съ

Кусовымъ,—увидалъ совершенно случайно и сразу узналъ ее по опушенной мѣхомъ накидкѣ, вовсе не думая на этотъ разъ выслѣживать ее. Въ теченіе двухъ часовъ, шагая въ спальнѣ и готовясь встрѣтить жену, онъ хотѣлъ все ей высказать ей, хотѣлъ высказать ей еще что-то, но что именно, онъ самъ не зналъ, хотя только объ этомъ и думалъ. Увидавъ ее, онъ точно съ ума сошелъ и только отрывисто ругалъ ее площадными словами, сотни разъ бросивъ ей въ лицо слово «тварь!» Казалось, это доставляло ему наслажденіе. Въ душѣ шевелилось желаніе избить ее, избить больно, до синяковъ...

Въ сосѣдней комнатѣ послышались бѣготня, говоръ и смѣхъ играющихъ дѣтей.

Это разомъ измѣнило направленіе мыслей. Ему вспомнилось, что въ теченіе двухъ часовъ, только-что проведенныхъ имъ въ спальнѣ жены, онъ на сотню ладовъ передумалъ, какъ надо ему поступить. Выгнать ее вонъ, оставивъ дѣтей у себя? Но что же дальше? Можетъ ли онъ тогда оставаться на службѣ подъ начальствомъ старика Кусова? Выйти въ отставку ему придется, выйти въ отставку почти наканунѣ полученія новаго назначенія? Чѣмъ онъ будетъ содержать дѣтей? Двое изъ нихъ теперь пристроены на казенный счетъ, дѣвочекъ тоже есть надежда при помощи связей пристроить, а тогда... О, дѣти, дѣти, если бы не было ихъ, тогда совсѣмъ другое дѣло! Онъ вышелъ бы въ отставку, бросилъ бы все. Онъ начиналъ снова перебирать въ умѣ всѣ пути, которые онъ могъ избрать, чтобы выпутаться изъ этой исторіи, и, въ концѣ-концовъ, приходилъ опять къ заключенію, что ради дѣтей приходится если не примириться съ совершившимся несчастіемъ, то молчать. Дѣти! дѣти! никогда онъ не думалъ, что ради нихъ ему придется принести такую жертву. Онъ даже могъ бы сказать, что онъ и вовсе не думалъ о нихъ никогда. Теперь онъ старался увѣрить себя, что онъ приноситъ великую жертву именно ради нихъ, только ради нихъ. Заслышавъ ихъ голоса въ сосѣдней комнатѣ, онъ остановился передъ женою и сдавилъ ей руками плечи съ такой силой, что она стиснула зубы, чтобы не вскрикнуть отъ боли.

— Что сидишь, какъ истуканъ?—шипящимъ голосомъ сказалъ онъ, сильно встряхивая ее, какъ пустой мѣшокъ.— Слышишь, тамъ дѣти, мои дѣти! Ради нихъ я не выгоню тебя. Я не хочу, чтобъ они знали, какая у нихъ мать. Ты должна будешь всю жизнь имъ отдать, помни, что ради

нихъ, только ради нихъ я не хочу тебя позорить. Но мнѣ ты больше не жена. Слышишь?

Онъ опять съ силой потрясъ ее за плечи.

— Ты будешь жить здѣсь, какъ наемная холопка, но если когда-нибудь замѣчу еще что-нибудь...

Онъ съ ярости стиснулъ передъ ея лицомъ кулаки. Онъ повернулся къ ней спиною и вышелъ, хлопнувъ дверью.

Она вздрогнула, точно пробужденная этимъ стукомъ отъ мрачнаго кошмара, и начала тяжело дышать, словно отдыхая отъ страшной усталости послѣ ходьбы. Ея лицо смотрѣло теперь сурово, почти свирѣпо; оскорбленія, нанесенныя ей мужемъ, вызвали непримиримую вражду къ нему; было ясно, что этого дня, этой сцены она никогда не забудетъ, до самой послѣдней минуты жизни не забудетъ. Когда-то она пошла за него замужъ, потому что это былъ первый молодой человѣкъ, начавшій ухаживать за нею, видя въ ней легкомысленную барышню. Любви онъ къ ней не чувствовалъ вовсе, но любезничалъ съ нею, какъ любезничалъ и съ другими дѣвушками и женщинами, которыя это позволяли. Каждое его слово она принимала за чистую монету, потому что еще не знала, что въ такихъ случаяхъ всѣ подобные ему молодые люди говорятъ подобнымъ ей молодымъ барышнямъ однѣ и тѣ же пошлыя любезности. Ей даже казалось, что она любитъ его, когда они любезничали еще тайкомъ въ уголкахъ по коридорамъ «меблированныхъ комнатъ» тетки. Это казалось ей началомъ романа ея жизни. Потомъ, когда она, уже сдѣлавшись его женою, увидала, что онъ умѣетъ больше говорить, чѣмъ дѣлать дѣло, то-есть наживать деньги, она стала считать его такой же тряпкой, какой былъ ея отецъ, перестала уважать его, и начала злиться на него въ душѣ за то, что послѣдній поклонникъ доставляетъ болѣе удобствъ и развлеченій любимой женщинѣ, чѣмъ онъ ей, а между тѣмъ у этихъ женщинъ нѣтъ даже и обязанностей никакихъ, ни хозяйства, ни дѣтей; на этихъ женщинахъ не лежитъ обязанности думать о чистой сорочкѣ возлюбленнаго; ихъ не ругаютъ за испорченный обѣдъ, а ей приходилось, кромѣ всего этого, заботиться еще и о карьерѣ мужа. Она была не безъ основанія убѣждена, что только при ея помощи онъ дошелъ уже до извѣстнаго положенія, такъ какъ она умѣла заводить знакомства, связи, кокетничать съ чиновными мужчинами и заискивать въ свѣтскихъ барыняхъ, которыя съ удовольствіемъ помыкали ею и посылали ее вмѣсто себя навѣщать въ вонючихъ под-

валахъ опаршивѣвшихъ убогихъ сиротъ, благо она ради своихъ цѣлей играла роль рьяной филантропки. Другая женщина на ея мѣстѣ не сумѣла бы этого сдѣлать, такъ какъ не у всѣхъ же встрѣчаются разомъ и красота, и довольно солидное образованіе, то-есть то, чѣмъ обладала она, унаслѣдовавшая отъ матери красоту и получившая отъ отца болѣе или менѣе серьезныя и разностороннія научныя познанія.

— Что же будетъ теперь?—вдругъ остановилась она на мысли о будущемъ.—Убьетъ, говоритъ, Александра? Выгонятъ тогда со службы? Нищими останемся? Нѣтъ, нѣтъ, я уйду, уйду, уйду! Куда? Къ теткѣ уйду! Тетка не выгонитъ тогда. Итакъ въ аду живу...

Горничная пришла сказать, что поданъ обѣдъ и что «баринъ уѣхали». Софья Леонтьевна почти безсознательно прошла въ столовую, гдѣ уже сидѣли за столомъ и дурачились дѣти, болтая ногами и перебрасываясь хлѣбными шариками, шаловливыя, распущенныя, брошенныя безъ всякаго руководства. Мать даже не взглянула на нихъ, радуясь только тому, что мужъ уѣхалъ, и думая о томъ, что будетъ дальше. Куда онъ уѣхалъ? Не къ Александру ли? На дуэль вызоветъ? Отъ него всего можно ждать въ минуты его бѣшенства. Безхарактерный дуракъ, пустой болтунъ! Исковеркаетъ всю жизнь, пуститъ по-міру и ее, и дѣтей. Не написать ли Александру, не предупредить ли его? Кстати пусть онъ поторопитъ отца выхлопотать этому дураку обѣщанное назначеніе...

Никогда еще не переживала она такого тяжелаго состоянія духа. Голова работала плохо, ничего не могла ясно сообразить. Маленькій умъ былъ не способенъ рѣшать крупныхъ задачъ.

Тотчасъ послѣ обѣда она прошла въ спальню, написала наскоро Александру: «Мужъ все узналъ, подкарауливъ насъ. Прими мѣры противъ него. Пусть отецъ, какъ можно скорѣй, завтра же выхлопочетъ ему командировку или что онъ тамъ обѣщалъ. Это его усмиритъ. Я, право, ничего не могу сообразить. Я потеряла голову». Она велѣла горничной опустить это письмо въ почтовый ящикъ, и легла спать. Сонъ всегда выручалъ ее, когда у нея начинала болѣть голова отъ непріятностей.

Былъ уже вечеръ, когда она проснулась. Она не сразу вспомнила, что произошло передъ обѣдомъ. Потомъ, припомнивъ все, она заволновалась, позвала горничную и спросила:

— Баринъ пріѣхалъ?

— Нѣтъ, не пріѣзжали еще.

— Напойте дѣтей часомъ. Мнѣ нездоровится и я не буду пить чаю.

— Слушаю-съ!

Горничная приготовила барынѣ постель къ ночи и ушла изъ спальни. Софья Леонтьевна стала неторопливо раздѣваться, немного успокоенная тѣмъ, что мужа нѣтъ дома, что онъ хоть не вернется къ ней въ эту минуту. Снявъ платье, она прошла за ширмы, присѣла на постель и задумалась, разглядывая неподвижно опущенныя на колѣни бѣлыя, красивыя руки. Какая-то мысль случайно мелькнула въ ея головѣ, и она невольно презрительно усмѣхнулась.

— Хорошо бы, если бы напился...

И она стала вспоминать, какъ раза два-три во время ея супружеской жизни Егоръ Егоровичъ напивался съ горя по случаю разныхъ неудачъ. Горе какъ рукой снимало при помощи этихъ попоекъ. Она пожала презрительно плечами.

— Что-жъ, можетъ-быть, и теперь... Вѣдь, вѣрно, у когонибудь изъ друзей застрялъ... Ахъ, хоть бы совсѣмъ пропалъ...

Она слегка махнула рукой и торопливо начала свертывать волосы на головѣ къ ночи. Ей снова хотѣлось теперь одного—уснуть крѣпкимъ сномъ, чтобы успокоиться, отдохнуть отъ всей этой передряги.

Софья Леонтьевна не ошиблась. Егоръ Егоровичъ дѣйствительно былъ у одного изъ своихъ пріятелей, Антона Петровича Кокина, стараго холостяка, тономъ гаера говорившаго всѣмъ и каждому, что жизнь — это или веселая попойка, или адская скучища. Заплывшій жиромъ, лѣнивый въ движеніяхъ, съ краснымъ лоснящимся лицомъ, съ блестящей лысиной, Кокинъ или старый Фальстафъ, какъ его величали друзья, не подозрѣвавшіе, что это просто старый пошлякъ, напоминалъ скорѣе разжирѣвшаго борова, чѣмъ человѣка. Вся его жизнь внѣ служебныхъ банковскихъ занятій, которыя онъ проклиналъ и исполнялъ кое-какъ, исправно получая за нихъ деньги, состояла изъ путешествій изъ ресторана въ ресторанъ, изъ одного кафе-шантана въ другой такой же кафе-шантанъ, изъ одного игорнаго дома въ другой не менѣе веселый притонъ. Зачѣмъ и для чего отправился Егоръ Егоровичъ именно къ этому человѣку, о которомъ онъ обыкновенно говорилъ съ благороднымъ презрѣніемъ, какъ о вредномъ коптителѣ неба и

о паразитѣ — онъ и самъ хорошенько не могъ дать себѣ отчетъ; толкнуло его къ этому, вѣроятно, чисто инстинктивное, безсознательное желаніе слабодушнаго человѣка залить виномъ горе, какъ это ужъ не разъ случалось съ нимъ.

— Ба-ба-ба! Кого вижу! Егоръ Егоровичъ! — веселымъ басомъ воскликнулъ Кокинъ, увидавъ Никитина, входившаго въ его меблированную комнату, всегда напоминавшую собою какую-то мусорную яму съ невынесенными помоями.— На кончикѣ засталъ. Мы вотъ съ Никитой Ивановымъ собрались въ растеряцію пообѣдать.

Егоръ Егоровичъ пожалъ широкую руку некрасивому нескладному по фигурѣ гиганту-хозяину, и поздоровался с бывшимъ у него въ гостяхъ ихъ общимъ знакомымъ, маленькимъ и лысенькимъ неопредѣленныхъ лѣтъ господиномъ съ улыбающимся розовымъ личикомъ.

— Ты, Антонъ Петровичъ, не стѣсняйся,—замѣтилъ Никитинъ, видя, что хозяинъ переталъ переодѣваться и присѣлъ на кресло въ одной сорочкѣ и еще не застегнутыхъ панталонахъ.—Я охотно отобѣдаю вмѣстѣ съ вами.

— Ну, и дѣло,—одобрилъ хозяинъ, поднявшись и натягивая на себя жилетъ и сюртукъ.—Значитъ, трогаемся.

Всѣ трое минутъ черезъ пять вышли въ коридоръ, пропитанный чадомъ и табачнымъ дымомъ, изъ комнаты, которую хозяинъ замкнулъ, спрятавъ ключъ въ карманъ.

— Куда же тронемся? Къ Палкину или въ Ярославецъ? — спросилъ Никита Ивановичъ, и его круглое, какъ полный мѣсяцъ, личико осклабилось глуповатой улыбкой.

— Да мнѣ все равно,—сказалъ Егоръ Егоровичъ.

— А мы, собачка, начнемъ съ Палкина, — объявилъ Антонъ Петровичъ, называвшій своего неизмѣннаго друга Никиту Ивановича Пастушкова своей «собачкой».

«Начнемъ» на ихъ языкѣ означало, что за началомъ послѣдуютъ переходы изъ одного трактира въ другой.

— Начнемъ и съ Палкина, если угодно, господинъ бегемотъ,—отвѣтилъ Никита Ивановичъ.

Егоръ Егоровичъ хорошо зналъ этотъ обычай, и въ обыкновенное время либерально возмущался имъ, и вообще жизнью этихъ циниковъ. Но въ настоящую минуту ему было все равно, съ кѣмъ идти, куда идти, гдѣ пить. Онъ даже не пробовалъ наводить разговора на какія-нибудь излюбленныя имъ общественныя темы и не обрывалъ ни Кокина, ни Пастушкова, разсказывающихъ на перебой цѣлую массу пикантныхъ анекдотовъ и скабрезныхъ исторій

на которыхъ лежала печать пошлости и тупости. Онъ чувствовалъ себя глубоко несчастнымъ и не безъ рисовки передъ самимъ собою съ трагизмомъ повторялъ мысленно:

«Теперь мнѣ все равно».

Сперва онъ обѣдалъ и пилъ съ пріятелями у Палкина, потомъ закусывалъ и снова пилъ съ ними въ Ярославцѣ, затѣмъ смотрѣлъ, какъ два шуллера играютъ на бильярдѣ у Доминика, свернувъ сюда по дорогѣ, и тоже пилъ, наконецъ, Антонъ Петровичъ поощрительно и фамильярно похлопалъ его по плечу и спросилъ:

— А ты, мальчикъ, сегодня молодецъ! Совсѣмъ нестромки порвалъ?

Егоръ Егоровичъ глуповато разсмѣялся, но уже не сознавая, что ему говорятъ.

— Порвалъ? — повторилъ Антонъ Петровичъ вопросительно.

— А что?

— Да такъ, мы еще вотъ дальше экскурсію направимъ въ разныя злачныя мѣста, въ «варіэты» и «шантоники» разныя. Съ нами?

Никита Ивановичъ, ничего уже не соображая и только слыша слова «злачныя мѣста» скоморошества, запѣлъ тоненькимъ дискантикомъ:

— Ахъ, много есть окрестъ
Чудесныхъ злачныхъ мѣстъ.

— Не визжи ты своихъ экспромптовъ, маленькая собачка,—басовито остановилъ его Антонъ Петровичъ.

— Что-жъ, маленькая собачка до старости щенокъ, а вы, господинъ бегемотъ, и въ колыбели уже казались старцемъ,—огрызнулся Никита Ивановичъ.

Они, хмелѣя, всегда пикировались другъ съ другомъ, задѣвая одинъ у другого самыя больныя мѣста.

— Такъ какъ же? — обратился Антонъ Петровичъ къ Никитину.

— Что-жъ, мнѣ все равно,—отвѣтилъ Егоръ Егоровичъ безнадежно.

— Молодчина! Ей-Богу, молодчина, даромъ что къ бабѣ пришился!—ободрялъ его Антонъ Петровичъ.

— Да, васъ вотъ не сподобилъ Господь этого счастія,— замѣтилъ не безъ ехидства Никита Ивановичъ, дѣлавшійся по мѣрѣ подпитія все болѣе и болѣе задорнымъ и храбрымъ, несмотря на свою плюгавость.

— Можетъ-быть, я самъ не желалъ!—огрызнулся Антонъ

Петровичъ. Вотъ тебя такъ ужъ точно что не сподобилъ, потому плюнуть на тебя не на что.

— Малъ золотникъ да дорогъ, а велика Ѳедора да дура,— хвастливо отвѣтилъ Никита Ивановичъ.

— Затявкалъ!—проворчалъ Антонъ Петровичъ и, подражая собачьему лаю, подразнилъ:- Тявъ! тявъ! На-на, кусь!

Они начали обмѣниваться пошлыми колкостями и перебраниваться, что не помѣшало имъ вмѣстѣ съ Егоромъ Егоровичемъ направиться далѣе...

Было уже совсѣмъ свѣтло, когда Егоръ Егоровичъ вернулся домой...

III.

Былъ одиннадцатый часъ утра. По широкой лѣстницѣ съ большими пролетами, по длиннымъ коридорамъ и помѣщеніямъ канцелярій обширнаго зданія казенной архитектуры, давно уже ходили съ бумагами курьеры и сторожа, и сновали мелкіе чиновники, по большей части, молодежь съ едва пробивавшейся растительностью на лицахъ. Раскланиваясь болѣе или менѣе почтительно съ медленной и тяжелой поступью направлявшимися къ своимъ обычнымъ мѣстамъ стариками съ орденами въ петлицахъ и на шеяхъ, молодежь то тутъ, то тамъ сходилась въ кучки и перебрасывалась между собою болѣе или менѣе отрывочными фразами.

Въ одной группѣ вспоминали:

— А я вчера на бильярдѣ въ пухъ продулся. Наскочилъ на бестію какую-то. Изъ Москвы пріѣхалъ облапошивать. Вотъ такъ франтъ!

— Нѣтъ, меня вчера въ винтъ со старухами усадили играть. Сущая мука. Плачутъ при каждомъ ремизѣ.

— Значитъ, я и хорошо сдѣлалъ, что махнулъ прямо къ сапожникамъ въ клубъ. Тамъ хоть позвонить можно съ разными канашками.

Въ другой группѣ таинственно разсуждали:

— Ну, и напоролся!

— Такъ-таки прямо на самого?

— Прямо на мужа! Могу сказать, вышло табло!

— А ты впередъ отъ замужнихъ сторонись. Это мое правило.

Къ третьей группѣ разговаривающихъ быстро подошелъ какой-то длинноногій молодой человѣкъ, съ узенькимъ лбомъ, съ длинной шеей, съ видомъ ищейки, съ сощуренными подслѣповатыми глазами, pince-nez на носу и быстро заговорилъ:

— Господа, кто при деньгахъ? Мнѣ рубль только, извозчику надо отдать.

— Что-жъ ты у Мартына не перехватилъ?

— Подлецъ ломается, говоритъ, что нѣтъ.

— Ну, вотъ, у него-то! Ей-Богу, сейчасъ помѣнялся бы съ нимъ мѣстами: онъ на мое, я на его, въ швейцары.. Лафа швейцарамъ!

— Рубль-то, рубль у кого есть?—торопилъ господинъ съ видомъ ищейки.—Извозчикъ ждетъ!

Вмѣсто отвѣта одинъ изъ разговаривающихъ запѣлъ вполголоса:

А смотришь, гордый сей испанецъ
Въ своемъ углу на чердакѣ
На свой сапогъ наводитъ глянецъ
Съ сапожной щеткою въ рукѣ.

— Свинство это одно, господа!—проговорилъ длинноногій молодой человѣкъ, видя, что рубля никто ему не даетъ.

Онъ, шагая черезъ двѣ ступени, устремился далѣе разъискивать того, кто далъ бы ему рубль, и на ходу чуть не сшибъ съ ногъ почтеннаго старика, остановившагося на площадкѣ лѣстницы и сосредоточенно расправлявшаго клѣтчатый фуляровый платокъ, чтобы предварительно хорошенько высморкаться, прежде чѣмъ войти въ канцелярію.

— А-а-а!—раздался гдѣ-то чей-то протяжный и сладкій зѣвокъ не выспавшагося человѣка, и сразу десятки людей почувствовали непреодолимую потребность зѣвнуть такъ же сладко и у всѣхъ мелькнула одна мысль:

— Соснуть бы теперь еще часокъ-другой!

Отзвуки и слѣды вчерашняго воскреснаго дня еще лежали на всемъ: измятыя лица, желтизна дряблой кожи, синіе круги вокругъ глазъ, праздничные разговоры, зѣвки невыспавшихся кутилъ и картежниковъ, самое дыханіе людей, еще отдававшее запахомъ вина, все говорило, что надо всѣмъ еще тяготѣютъ «вчерашній тлѣнъ, вчерашній прахъ»...

— Что это съ Егоромъ Егоровичемъ?—спросилъ товарищей въ одной изъ группъ, стоявшей на площадкѣ, молодой чиновникъ, указывая на Никитина, поднимавшагося усталой походкой по лѣстницѣ.

— Нечего сказать, хорошъ! Видно кутнулъ во всю, — отвѣтилъ другой молодой человѣкъ, взглянувшій мелькомъ черезъ перила на лицо Никитина.

— Что же ему и не кутить,—замѣтилъ третій:—на него

обращаютъ вниманіе, ему чертовски везетъ. Говорятъ, его не сегодня, такъ завтра назначатъ въ открывающуюся комиссію по изслѣдованію платежныхъ силъ... На виду будетъ стоять!

Никитинъ былъ дѣйствительно неузнаваемъ. Онъ шелъ опустивъ голову, нахмуривъ брови, не глядя ни на кого, съ измятымъ послѣ кутежа лицомъ, съ безсмысленно сосредоточеннымъ выраженіемъ въ посоловѣлыхъ голубыхъ глазахъ, напоминавшихъ теперь тупой, бычачій взглядъ. Въ его головѣ происходилъ какой-то сумбуръ, не было никакой опредѣленной мысли, а просто что-то давило его и ему хотѣлось не то плакать, не то снова напиться, уйти куда-то. Открытая имъ измѣна жены, грубо распущенный и ничѣмъ не окрашенный кутежъ наканунѣ, отрывки ни съ того, ни съ сего вдругъ посыпавшихся на него, Никитина, изъ устъ Антона Петровича грубыхъ ругательствъ, легкій ознобъ отъ простуды, горечь и досада на все происшедшее, все смѣшалось вмѣстѣ въ душѣ Никитина, и онъ даже не пробовалъ разобраться въ этомъ хаосѣ. Онъ былъ словно разбитъ и едва держался на ногахъ, чувствуя, что вотъ-вотъ онъ заболѣетъ. И зачѣмъ было идти въ должность въ такомъ состояніи? Не лучше ли было остаться дома?..

— Кусовъ! — быстро шепнули другъ другу молодые чиновники, говорившіе о Никитинѣ, завидѣвъ кого-то въ самомъ низу лѣстницы, и вдругъ, какъ отъ дождя, куда-то исчезли, точно разомъ провалились сквозь землю.

Лѣстница и коридоры вдругъ опустѣли и только Никитинъ, не замѣчая ничего и никого, не спѣша, продолжалъ подниматься въ третій этажъ, да какой-то молодцоватый и бодрящійся старикъ низенькаго роста, съ розовыми щеками, отъ котораго разбѣжались по комнатѣ канцелярскіе чиновники, бодрой походкой направлялся къ бель-этажу. Онъ, мелькомъ окинувъ глазами опустѣвшую лѣстницу, увидалъ медленно идущаго впереди Никитина и сдѣлалъ характерный жестъ рукою съ приподнятымъ указательнымъ пальцемъ, видимо о чемъ-то внезапно вспомнивъ. На площадкѣ бель-этажа онъ свернулъ къ двери, которую особенно торопливо и подобострастно распахнулъ передъ нимъ сторожъ изъ унтеровъ, съ густыми сѣдыми бакенбардами, и пріостановился:

— Черезъ полчаса попросить ко мнѣ Егора Егоровича Никитина,—сказалъ старикъ, обращаясь къ молодому, точно

выросшему изъ-подъ земли франтоватому курьеру.—Не забыть! Когда онъ придетъ, доложить мнѣ!

— Слушаю-съ, ваше превосходительство, — проговорилъ курьеръ.

Иванъ Николаевичъ Кусовъ прошелъ въ свой кабинетъ. Разсѣянно взглянувъ на бумаги, лежавшія на большомъ письменномъ столѣ и ожидавшія его резолюцій, онъ заходилъ по своему кабинету, неторопливо стягивая съ замѣчательно бѣлыхъ и нѣжныхъ рукъ перчатки и обдумывая съ непривычной ему озабоченностью предстоявшее ему сегодня объясненіе. Необходимость этого объясненія явилась совершенно для него неожиданно, какъ снѣгъ на голову упалъ. Какой-нибудь часъ тому назадъ его избалованный имъ сынъ Александръ — ce polisson! ce mauvais sujet! — явился къ нему, Ивану Николаевичу Кусову, и тѣмъ неподражаемо беззаботнымъ тономъ, какимъ умѣлъ говорить только онъ, вполнѣ посвятилъ его, своего отца, въ свои «шалости» и разсказалъ, до чего его довели его «проказы». Уже съ годъ онъ стоитъ въ извѣстныхъ отношеніяхъ съ madame Никитиной, и эта женщина сводитъ его съ ума своею страстностью и своимъ умѣньемъ притворяться неприступною при другихъ. Вакханка наединѣ съ нимъ, съ Александромъ, она при постороннихъ суровая весталка. Это дразнитъ, подзадориваетъ, опьяняетъ. C'est agaçant! По добродушному, напоминавшему лицо младенца или купидона, розовому лицу старика скользнула улыбка и какія-то шаловливыя мысли пробѣжали въ головѣ. Ради этой женщины Александръ пересталъ даже кутить и путаться съ балетчицей Птицыной и съ француженками, и остепенился немного, то-есть пересталъ чрезъ мѣру пить шампанское. Привычка сына пить давно уже серьезно озабочивала Ивана Николаевича, такъ какъ онъ опасался за здоровье своего «шалуна», своего «мальчика», какъ онъ называлъ своего сына, хотя тотъ и былъ уже далеко не мальчикомъ и насчитывалъ себѣ не менѣе двадцати пяти лѣтъ. Старикъ такъ былъ благодаренъ этой madame Никитиной за то, что она немного остепенила Александра, что онъ снизошелъ почти до знакомства съ этой женщиной и не только говорилъ съ нею въ своемъ домѣ на двухъ общихъ собраніяхъ благотворительнаго общества покровителей убогихъ сиротъ, но даже забросилъ ей свою карточку и вообщалъ оказать протекцію ея мужу—хлопотать о назначеніи именно его въ учреждаемую комиссію изслѣдованія платежныхъ силъ. Исполнить это было тѣмъ

легче, что Егоръ Егоровичъ былъ хорошо подготовленъ къ дѣлу университетскимъ образованіемъ. И вдругъ случилась эта неожиданность. Этотъ Никитинъ вчера узналъ, что Александръ близокъ съ его женою, и, какъ извѣстила Александра въ коротенькой запискѣ madame Никитина, сегодня утромъ готовится сдѣлать какой-то скандалъ. Скандалъ? C'est étrange! Этотъ господинъ Никитинъ, кажется, человѣкъ изъ довольно порядочнаго круга, сносно воспитанный? И Александръ, и Иванъ Николаевичъ были увѣрены, что онъ давно уже знаетъ все и относится къ этому несчастію, какъ слѣдуетъ порядочному человѣку изъ общества. C'est la fatalité, судьба, какъ говоритъ прекрасная Елена, и только! Нельзя же запретить сердцу женщины любить! Всѣ эти сцены ревности мужей дѣлаютъ только смѣшными самихъ несчастливцевъ. Нужно философски смотрѣть на вещи. Нужно все понять. Tout comprendre—tout pardonner! Ахъ, къ сожалѣнію, немногіе это понимаютъ! И что онъ хочетъ сдѣлать, этотъ господинъ Никитинъ? Вызвать Александра на дуэль? Побить? Навязать совсѣмъ ему на шею эту женщину? Не можетъ же Александръ на ней жениться, на этой madame Никитиной! Иванъ Николаевичъ почувствовалъ, что у него начинаетъ ломить високъ отъ непривычныхъ для него думъ. У него всегда дѣлалась мигрень, когда ему надо было думать. Къ счастію, это случалось такъ рѣдко. Да и о чемъ было думать? Съ колыбели у него все было готовое, все было даже въ изобиліи, по горло, черезъ край. По службѣ онъ шелъ отлично, хотя, въ сущности, она была ему вовсе не нужна, такъ какъ въ обществѣ онъ пользовался бы тѣмъ же уваженіемъ и въ томъ случаѣ, если бы такъ и не пошелъ дальше нигдѣ не кончившаго курса недоросля изъ дворянъ, какимъ онъ вступилъ на службу, для пользы которой уже черезъ нѣсколько лѣтъ онъ былъ произведенъ въ статскіе совѣтники. Ему везло и помимо службы; съ самой ранней юности онъ плѣнялъ всѣхъ своею красотою и пользовался успѣхомъ у женщинъ, независимо отъ своего богатства. Il était charmant, ce petit Koussoff! Онъ и до сихъ поръ гордится тѣмъ, что женщины его продолжаютъ баловать, ухаживая за нимъ, какъ за избалованнымъ ребенкомъ. Сказать по правдѣ, онъ и есть ребенокъ — старый ребенокъ, легкомысленный, добродушный, наивный. Правда, у него тоже есть маленькое огорченіе, тѣсно связанное съ его успѣхами у женщинъ: это ни на чемъ зачастую не основанная ревность его жены. Его жена такъ ревнуетъ его

ко всѣмъ, что дѣлаетъ ему чуть не ежедневныя сцены въ теченіе всей ихъ супружеской жизни и называетъ его «чудовищемъ». Но эта ревность отчасти льститъ его самолюбію, особенно теперь, когда онъ сталъ уже почти старикомъ, кромѣ того, нисколько не мѣшаетъ ему невинно фолишонничать. Правда, съ его женой заодно держится его замужняя дочь, наивная биготка изъ великосвѣтскихъ сектантокъ, придумавшая, что молиться нужно непремѣнно уткнувшись лицомъ въ спинку стула; она вѣчно съ мольбою поднимаетъ къ небу глаза, прося отпущенія какихъ-то невѣдомыхъ никому, но подозрѣваемыхъ ею грѣховъ, и не безъ аффектаціи называетъ свою мать страдалицей и «мученицей». Bigotte! Иногда, когда его считаютъ провинившимся, она поселяется на нѣсколько дней въ спальнѣ матери и охраняетъ послѣднюю, какъ въ крѣпости. Какъ смѣшно смотритъ ея птичье лицо съ выпуклыми удивленными глазами, когда она ужасается, слушая шутки отца. Но зато его сынъ Александръ вполнѣ на его сторонѣ. И они оба смѣются безпечнымъ смѣхомъ и надъ женою, и надъ дочерью Ивана Николаевича: кислыя мины и вытянутыя физіономіи этихъ пуританокъ доставили не мало веселыхъ минутъ отцу и сыну. Они вмѣстѣ покучиваютъ, они закадычные друзья, они дѣлятся другъ съ другомъ своими маленькими тайнами, ихъ всѣ видятъ неразлучными въ Зоологическомъ саду, въ Аркадіи, на Крестовскомъ, въ опереткѣ. Послѣднее приводитъ въ ужасъ жену и дочь Ивана Николаевича. Онѣ не понимаютъ, какъ можетъ человѣкъ въ положеніи Ивана Николаевича бывать въ такихъ мѣстахъ, сидѣть гдѣ-то въ буфетѣ Зоологическаго сада, говорить тамъ Богъ вѣсть съ какими женщинами и публично аплодировать этимъ... тирольскамъ!.. И жена, и дочь Кусова почему-то не могутъ говорить безъ содроганія о тирольскахъ, и когда нужно выразить полное презрѣніе къ какому-нибудь увеселительному мѣсту, онѣ говорятъ: «Тамъ какія-то тирольки поютъ». Если въ чемъ иногда не сходились отецъ и сынъ, такъ это только въ пристрастіи Александра не къ однѣмъ женщинамъ, но и къ шампанскому. Иванъ Николаевичъ признавалъ, что «смѣшивать эти два ремесла есть тьма охотниковъ», изъ числа которыхъ самъ онъ никогда не былъ, признавая это гибельнымъ для здоровья. Онъ пилъ вмѣсто шампанскаго сельтерскую воду. Это только освѣжаетъ, бодритъ. Теперь Александръ, увлеченный этой madame Никитиной, сталъ отвыкать отъ шампанскаго, и это радовало отца. Она и

точно прелестная особа, и то, что говорилъ о ней Александръ, вполнѣ оправдываетъ его увлеченіе ею, несмотря на то, что она, кажется, на десять лѣтъ старше Александра. Впрочемъ, при чемъ тутъ лѣта: Нинонъ де-Ланкло была чуть не ста лѣтъ! И вдругъ это неожиданное вмѣшательство мужа,—разумѣется, неожиданное, потому что онъ долженъ же былъ знать и раньше, долженъ же былъ понять, что есть вещи, съ которыми... Ахъ, все это его личное дѣло! Зналъ? не зналъ? — все это не важно! Важно одно, какъ быть, что сдѣлать въ данную минуту? Иванъ Николаевичъ никогда не находился въ такомъ щекотливомъ положеніи. Александръ, правда, второпяхъ набросалъ ему, отцу, программу дѣйствій, сообщилъ, что Никитинъ карьеристъ, честолюбецъ, что онъ мечталъ о профессурѣ, что ему и теперь хочется только выдвинуться на видное мѣсто, что его можно подкупить самой грубой лестью...

— C'est le corbeau de la fable! сказалъ, въ концѣ-концовъ, Александръ.

Но можно ли прямо приступить къ дѣлу, не будетъ ли это рискованно именно сегодня? Отчего же? Надо вообще идти смѣло всему навстрѣчу! Въ эту минуту дверь въ кабинетъ Ивана Николаевича отворилась и въ нее вошелъ съ кипой бумагъ молодой чиновникъ. Онъ былъ свой человѣкъ при Кусовѣ, входилъ безъ доклада, и добрякъ-старикъ допускалъ съ нимъ даже извѣстную фамильярность.

— А! это вы,—проговорилъ Кусовъ, кивнувъ ему головой и дѣлая недовольную гримасу. Доклады? Да, да! Но надо подождать...

— Вы приказали въ субботу, чтобы сегодня.

— Мало ли что я приказалъ вамъ! У меня сегодня... именно теперь спѣшное дѣло тутъ одно... Надо подождать... Я васъ потомъ позову или... ну, отложить слѣдуетъ, что ли... Не могу же я разорваться...

— Я думалъ, —началъ чиновникъ, соображая сразу, что начальникъ противъ обыкновенія не въ духѣ.

— Предоставьте мнѣ думать, — оборвалъ его Кусовъ непривычно рѣзко.—Ваше дѣло — только исполнять... Я разорваться не могу. Васъ много, а Иванъ Николаевичъ одинъ. Иванъ Николаевичъ долженъ за все отвѣчать передъ высшимъ начальствомъ. Я долженъ все просмотрѣть, все обдумать... Вы вотъ опять изволите написать «послѣ землетрясенія положеніе жителей было потрясающее», а я съ этимъ

то вашими докладами могу опять пойти и вызвать ими улыбку... Потрясающее!

— Этотъ же докладъ писалъ не я,—поспѣшилъ замѣтить чиновникъ.

— Мнѣ все равно-съ, кто его писалъ, вы или не вы!—загорячился Кусовъ.—Я знаю только, что подписалъ его я... Потрясающее!

Онъ, неумѣвшій никогда никого распекать, немного путался и сбивался, думая вовсе о другомъ, и только мимоходомъ, какъ это бывало всегда, когда онъ находился не въ духѣ, припомнилъ этотъ злополучный докладъ «о потрясающемъ положеніи жителей разрушеннаго землетрясеніемъ города»—докладъ, который, пройдя черезъ нѣсколько рукъ, гдѣ-то еще выше, вмѣсто тяжелаго впечатлѣнія, вызвалъ только насмѣшливую улыбку и замѣчаніе:

— Еще бы не быть потрясающимъ, если ихъ трясло!

— Такъ я потомъ явлюсь,—сказалъ молодой человѣкъ.

— Да, да, потомъ... вы потомъ!—болѣе спокойно и привѣтливо проговорилъ Кусовъ, желая поскорѣе отдѣлаться отъ него.

Чиновникъ поклонился и пошелъ. Въ дверяхъ онъ столкнулся съ курьеромъ, пришедшимъ доложить Кусову о приходѣ Никитина.

— Пригласи, пригласи!—заторопился вдругъ растерявшійся Кусовъ и съ живостью, стараясь скрыть смущеніе, обернулся къ двери, въ которую входилъ теперь Никитинъ.

Кусовъ сразу замѣтилъ, какъ было измято и желто лицо Никитина, сообразилъ причину этой перемѣны, пожалѣлъ его немного въ душѣ и, любезно протянувъ ему руку, особенно предупредительно пригласилъ его сѣсть, сознавая, что впервые въ жизни чувствуетъ себя неловко и растерянно. Съ одной стороны, все же Александръ виноватъ передъ нимъ, а съ другой...

«Чортъ знаетъ этого дурака, еще можетъ надѣлать дерзостей!»

— А мнѣ давно нужно было, такъ сказать, поговорить съ вами,—началъ Иванъ Николаевичъ, вертя въ рукахъ костяной ножъ для разрѣзанія книгъ и немного небрежно откинувшись въ своемъ креслѣ.—Но дѣла, дѣла и вѣчно дѣла, минуты не остается свободной. Сегодня вотъ выдался день, когда... когда, такъ сказать, нѣтъ никакихъ докладовъ, и я воспользовался этимъ, чтобы серьезно поговорить съ вами.

Онъ немного путался не отъ одного присутствія Никитина, но и отъ неумѣнья разговаривать дѣловымъ тономъ, по-русски и притомъ при такихъ обстоятельствахъ, такъ какъ ему въ частной жизни былъ знакомъ только языкъ милаго ферлакура, а въ служебной спасавшій его отъ ошибокъ лаконизмъ приказаній: «поступить по закону!» «принять къ свѣдѣнію!» «навести справку!»

— Вы вѣдь курите?—неожиданно для самого себя и для своего собесѣдника спросилъ онъ, предлагая Никитину открытый серебряный портсигаръ, испещренный золотыми надписями, и взявъ въ зубы папиросу.

— Если позволите, ваше превосходительство!—отвѣтилъ въ смущеніи Никитинъ и тоже взялъ папиросу.

Оба закурили. На минуту воцарилось молчаніе. Кусовъ разсматривалъ крышку своего портсигара, на которой среди золотыхъ монограммъ и вензелей красовалась эмальированная муха съ брильянтовыми глазками. Какую прелестную женщину напоминала она. Она, прозванная маленькой мухой—la petite mouche,—была очаровательна. Онъ вдругъ очнулся и сконфуженно заторопился.

— Я слышу со всѣхъ сторонъ такъ много лестныхъ отзывовъ о васъ и вашей семьѣ,—заговорилъ Кусовъ:—что мнѣ искренно хотѣлось бы добиться болѣе широкаго назначенія для васъ, то-есть для вашей дѣятельности. Я уже говорилъ объ этомъ вашей милѣйшей супругѣ. Вы, я знаю это отъ Александра, много работаете...

У Никитина кровь прихлынула къ головѣ при упоминаніи о Софьѣ Леонтьевнѣ и объ Александрѣ Кусовѣ, и его губы судорожно искривились. Ему хотѣлось крикнуть: «подлецъ, подлецъ вашъ сынъ», но тутъ же почти паническій страхъ за свою судьбу охватилъ его всего, и онъ какъ-то съежился и притихъ, точно боясь, что старикъ можетъ прочитать его сокровенныя мысли. Этотъ страхъ не переставалъ его угнетать вплоть съ той минуты, когда онъ вернулся наканунѣ домой послѣ своего открытія проступка жены и сталъ обдумывать, что ему дѣлать дальше. Выгнать ее? Избить Кусова? Произвести скандалъ? А мѣсто? Чѣмъ жить? Что будетъ съ дѣтьми? Тогда онъ обрадовался почти, вспомнивъ о дѣтяхъ, и началъ увѣрять себя, что ради нихъ онъ долженъ молчать, сказать ей, что она тварь, но не выгонять ее ради дѣтей. Утромъ послѣ непредвидѣнной попойки и кутежа это настроеніе только выросло. Отъ воспоминанія объ Антонѣ Петровичѣ и Никитѣ Ивановичѣ дѣлалось ему омерзительно

тошно. Вотъ они, люди безъ цѣли въ жизни, безъ широкой дѣятельности, безъ честолюбія, прожигающіе жизнь. Въ эту тину безшабашной трактирной и кабацкой жизни затянется съ горя и онъ, если его выгонятъ со службы или ему придется самому ее бросить. Нѣтъ, тогда ужъ лучше наложить на себя руки. Умереть? самому придушить себя, какъ собаку? Онъ вздрогнулъ. Да онъ и права не имѣетъ сдѣлать это. У него дѣти. Неожиданно онъ почувствовалъ сильную любовь къ нимъ и разсентиментальничался: «Для дѣтей онъ всѣмъ поступится! Для дѣтей онъ все сдѣлаетъ! Ахъ, дѣти, дѣти!»

«Пьянъ я еще»,—рѣшилъ онъ мысленно и разсердился на себя на минуту.

А къ глазамъ подступали слезы, въ душѣ была жажда передъ кѣмъ-то излить свое горе, кому-то пожаловаться на судьбу. Въ то же время ему вдругъ пришла въ голову мысль: не жаловался ли онъ вчера Антону Петровичу и Никитѣ Ивановичу? Не посвятилъ ли онъ этихъ оскотинившихся людей въ свою тайну? Онъ сталъ припоминать все вчерашнее, и снова почувствовалъ отвращеніе ко всему этому грошевому прожиганію ненужной жизни, не наполненнаго ничѣмъ времени. Точно чадъ, носились въ его головѣ всѣ эти мысли, и подъ гнетомъ плаксиваго настроенія онъ, полу-больной, чувствуя начало лихорадки, не могъ ни отдѣлаться отъ нихъ, ни придти къ какому-нибудь рѣшенію.

— Да, вы много работаете,—долетѣлъ до него голосъ Кусова:—а между тѣмъ этотъ канцелярскій, такъ сказать, трудъ пропадаетъ незамѣтно, когда вы могли бы примѣнить свои знанія на болѣе широкомъ и болѣе замѣтномъ поприщѣ. Здѣсь вы положительно можете затеряться...

— Я, я, ваше превосходительство,—началъ въ волненіи почти плаксивымъ тономъ Никитинъ,—никогда не жаловался... всякому свой удѣлъ... Моя жизнь, моя пѣсня спѣта...

Онъ не могъ продолжать далѣе, ему съ чего-то показалось, что вотъ-вотъ Кусовъ-отецъ выгонитъ его со службы за то, что Кусовъ-сынъ сдѣлалъ его несчастнымъ, опозорилъ его,—выгонитъ подъ тѣмъ предлогомъ, что ему нужна какая-то другая дѣятельность. Старикъ Кусовъ былъ немного удивленъ его плаксивымъ тономъ. Онъ никогда не представлялъ, чтобы обманутый мужъ могъ говорить такимъ тономъ. Ему всегда казалось, что въ этихъ случаяхъ прилично или дѣлать видъ, что ничего не понимаешь, или гре-

мѣть голосомъ Отелло, голосомъ героя французской мелодрамы. Онъ, конфузясь за Никитина, сталъ ободрять его.

— Я знаю, что вы не жаловались, но я всегда имѣлъ васъ въ виду, зная васъ и ваши, такъ сказать, силы. Всего вдругъ, конечно, нельзя достигнуть, но я не терялъ васъ изъ виду. У насъ тутъ въ высшихъ сферахъ предполагается, какъ я уже говорилъ вамъ, рядъ изслѣдованій, касающихся народной экономіи и хозяйства... имѣется, такъ сказать, въ виду переустройство... то-есть нѣкоторыя реформы... Вы вѣдь, кажется, прежде политическую экономію спеціально изучали, какъ я слышалъ отъ Александра?

— Да,—глухо отвѣтилъ Никитинъ съ поникшей головой, все еще не понимая, къ чему ведетъ рѣчь Кусовъ:—политическую экономію...

— Да, да, теперь я вспомнилъ, Александръ говорилъ, что вы къ профессурѣ готовились... такъ сказать, къ ученой карьерѣ... Не удалось занять каѳедру, что дѣлать, что дѣлать! Все молодость виновата... la jeunesse... поторопились, такъ сказать, жениться и должны были... такъ сказать, поступиться завѣтными идеями. Что дѣлать! вотъ и я не ожидалъ, что мой Александръ будетъ такъ долго, такъ сказать, не у дѣлъ и закружится... Кстати, я вамъ очень благодаренъ, что вы отвлекли его хотя немного отъ кутежей, открывъ ему, такъ сказать, свой домъ, семейный, почтенный домъ.

Иванъ Николаевичъ немного смутился: онъ самъ не зналъ, какъ и для чего онъ говорилъ все это. Вовсе этого не нужно было говорить! Онъ и не хотѣлъ этого говорить, а такъ какъ-то сболтнулъ помимо своей воли. Но Никитинъ смотрѣлъ совсѣмъ осовѣвшими глазами въ пространство, онъ не зналъ, вышучиваетъ ли его старикъ Кусовъ или говоритъ все это въ блаженномъ невѣдѣніи всего происшедшаго; онъ даже не думалъ объ этомъ и только желалъ, чтобы разговоръ кончился какъ можно скорѣе, такъ какъ ему ломило голову и хотѣлось спать. У Ивана Николаевича, между тѣмъ, мелькнула въ головѣ мысль, что Никитинъ не только все знаетъ про жену, но и совсѣмъ примирился, такъ что съ нимъ можно говорить вполнѣ спокойно. Онъ откинулся еще болѣе въ креслѣ и, уже вполнѣ довольный собой, въ роли умиротворяющаго генія, зафантазировалъ немного въ сентиментальномъ тонѣ. Онъ любилъ иногда играть роль добраго пастыря-проповѣдника.

— Да, счастливъ тотъ въ молодежи, кого пригрѣютъ.

такъ сказать, въ честномъ семейномъ домѣ. Мы всѣ спотыкаемся въ юности... да, да, именно спотыкаемся и только потому, что около насъ нѣтъ честной семьи, гдѣ насъ, такъ сказать, пригрѣли бы, откуда насъ не тянуло бы Богъ вѣсть въ какіе вертепы, заставляющіе иного часто отказываться отъ исполненія своихъ, такъ сказать, завѣтныхъ плановъ...

Онъ передохнулъ и прервалъ на минуту свою пѣвучую импровизацію, немного утомленный этой необходимостью говорить о такихъ предметахъ, о которыхъ онъ никогда и не думалъ, и чувствующій потребность выбраться какъ-нибудь изъ того лабиринта, куда завело его желаніе охладить и умиротворить сыновняго соперника.

— Да, такъ возвратимся, такъ сказать, à nos moutons,— началъ онъ снова.—Я уже хлопоталъ, чтобы на васъ были возложены нѣкоторыя работы по изслѣдованію народной экономіи и сельскаго хозяйства, которыя могутъ выдвинуть васъ въ глазахъ вліятельныхъ людей, и теперь этотъ вопросъ почти рѣшенный. Конечно, васъ не въ члены комиссіи назначатъ,—пошутилъ онъ:—но вы будете правою рукой, такъ сказать, господъ членовъ. Это дѣло почти улаженное. Мнѣ будетъ нужно, такъ сказать, поговорить еще съ вами предварительно у меня на дому. Александръ совѣтовалъ мнѣ просто показать вамъ проектъ этихъ работъ, говоря, что вы поймете все сразу сами, безъ выясненій, такъ сказать, но я думаю, что я долженъ дать вамъ нѣкоторыя руководящія, такъ сказать, инструкціи... нити, такъ сказать...

— Ваше превосходительство,—началъ растерянно Никитинъ, не вполнѣ понимая, что съ нимъ дѣлается, но чувствуя, что ему открываютъ какой-то новый путь къ карьерѣ. — Ваше превосходительство...

— Не благодарите, не благодарите! — перебилъ его Кусовъ, предчувствуя, что тотъ долженъ теперь начать благодарить его.—Я былъ радъ для васъ сдѣлать все, что могъ, и отъ васъ будутъ зависѣть ваши дальнѣйшіе успѣхи.

Кусовъ съ видомъ человѣка, исполнившаго очень затруднявшую его миссію и, въ то же время, сіяющаго отъ сознанія своего безмѣрнаго благодушія и сдѣланнаго имъ благодѣянія, поднялся съ мѣста и милостиво пожалъ руку Никитину, назначая день и часъ, когда Никитинъ можетъ посѣтить его на дому для полученія свѣдѣній о будущихъ работахъ и выслушанія наставленій. Никитинъ стоялъ передъ нимъ все въ томъ же полусознательномъ состояніи, слушая, какъ Кусовъ развиваетъ передъ нимъ всѣ выгоды

и преимущества, связанныя съ работами, къ которымъ и рекомендаціи Кусова должны привлечь его, Никитина. И опять, среди этихъ заманчивыхъ надеждъ и обѣщаній, Кусовъ повторилъ, что Никитина рекомендовалъ Александръ, и при этомъ старикъ чувствительно замѣтилъ, что его «обѣдный» Александръ, къ несчастію, не чувствуетъ себя способнымъ къ подобнымъ трудамъ, требующимъ спеціальныхъ занятій и еще непріобрѣтенной имъ усидчивости...

— Нѣтъ, что бы сказалъ Александръ, если бы увидалъ, какой я дипломатъ, — проговорилъ съ улыбкой, потирая руки, Кусовъ, когда закрылась дверь за Никитинымъ. — Теперь это все пойдетъ на ладъ: у этого господина будетъ удовлетворено честолюбіе, а у Александра... Этотъ polisson всегда знаетъ, гдѣ зимуютъ раки... Однако, и перевернула же эта передряга этого господина... Бѣдняга...

Никитинъ же, поднимаясь по лѣстницѣ въ третій этажъ, шелъ какъ въ туманѣ: Александръ Кусовъ обольститель его жены; Александръ Кусовъ хлопочетъ о томъ, чтобы ему было дано занятіе, согласное съ его способностями; старый Кусовъ благодаритъ его за то, что онъ допускаетъ его сына въ свою честную семью; и отецъ, и сынъ Кусовы сожалѣютъ, что Александръ не такъ серьезенъ, какъ онъ, Никитинъ; старикъ Кусовъ сулитъ ему въ будущемъ чуть не золотыя горы, а главное, чуть не прочитъ его въ будущемъ въ министры. Онъ вдругъ усмѣхнулся глуповатой, безсмысленной улыбкой при мысли, мелькнувшей въ его головѣ: «а вѣдь онъ не замѣтилъ, что я еще пьянъ», и тотчасъ же, словивъ себя на этой мысли, онъ сдѣлалъ серьезную, почти сердитую мину. Ему стало досадно, обидно за себя. Онъ взялся за голову; она сильно болѣла. Ахъ, если бы не вчерашняя попойка съ этими прощалыгами, — онъ, вѣрно, все могъ бы обдумать, обсудить, понять, а теперь онъ сознавалъ, что онъ никогда еще не былъ такой тряпкой, какъ теперь...

— Что, братъ, была баня?—окликнулъ его чей-то голосъ.

— Какая баня? — безсмысленно спросилъ онъ, поднимая посоловѣвшіе глаза на встрѣтившагося съ нимъ товарища.

— А у его превосходительства,—пояснилъ товарищъ. — Сегодня *мы*, вѣдь, что-то не въ духѣ. Вонъ Марковъ говорилъ, что какъ онъ принесъ бумаги, такъ *мы* опять попрекнули его потрясающимъ положеніемъ.

— Потрясающимъ положеніемъ? — переспросилъ Никитинъ, ничего не понимая.

Пріятель посмотрѣлъ на него съ недоумѣніемъ, широко открывъ глаза, и покачалъ головой:

— Нѣтъ, братъ, ты сегодня невмѣняемъ, и если его превосходительство не попросилъ тебя подать въ отставку, поговоривъ съ тобой, такъ ужъ ты, вѣрно, въ сорочкѣ родился...

Никитинъ пожалъ плечами, какъ бы желая этимъ выразить свое недоумѣніе и насчетъ потрясающаго положенія, и насчетъ рожденія его въ сорочкѣ...

IV.

Въ квартирѣ Никитиныхъ царила та зловѣщая тишина, которая нерѣдко царствуетъ въ домахъ, гдѣ есть опасно больные. Кухарка и горничная ходили на цыпочкахъ, дворника предупреждали, чтобы онъ не швырялъ дровъ со всего размаху, дѣтей то и дѣло отрывистымъ шопотомъ останавливали: «не шумите», барыня смотрѣла грустной и озабоченной и аккуратно перемѣняла больному компрессы и давала лѣкарства. Когда заболѣлъ Егоръ Егоровичъ, возвратившись домой послѣ свиданія съ Иваномъ Николаевичемъ Кусовымъ, Софья Леонтьевна струсила не на шутку; прежде всего ее испугала мысль: «Что будетъ, если онъ умретъ?» Это не былъ страхъ потерять любимаго человѣка; это былъ ужасъ при мысли остаться безъ поильца и кормильца. Пенсіи онъ еще не выслужилъ, скопленныхъ денегъ у нихъ вовсе нѣтъ, дѣтей у нихъ четверо, и за всѣхъ нужно платить за ученье, что же станетъ она дѣлать. Тотъ, другой, такъ страстно увѣрявшій ее въ любви чуть не наканунѣ, не поможетъ ей ничѣмъ, если она останется вдовою съ четырьмя дѣтьми, а если и поможетъ, то на очень короткое время, пока она не надоѣстъ ему. Ни содержать ее на свой счетъ онъ не станетъ, ни жениться на ней не вздумаетъ. Это сразу теперь стало ей ясно, и опять подняло въ ней злое чувство противъ этого человѣка. До этой минуты, легкомысленно увлекшись молодымъ красавцемъ Кусовымъ, Софья Леонтьевна ни разу не думала о томъ, что бы было, если бы мужъ бросилъ ее или если бы ея мужъ умеръ. Теперь она все это передумала и поняла, что и въ томъ, и въ другомъ случаѣ на Александра Ивановича ей было нечего разсчитывать. У нея было много того мелкаго мѣщанскаго практическаго смысла, который развивается подъ вліяніемъ толковъ въ небогатой средѣ, въ низшихъ классахъ городского общества, въ томъ кругу, въ которомъ она вращалась съ

дѣтства, бѣгая по лавкамъ, а потомъ живя въ меблированныхъ комнатахъ тетки. Онъ могла неосторожно и легкомысленно пасть въ увлеченіи кокетствомъ, могла поскользнуться въ рискованной игрѣ съ огнемъ, но вѣрить въ минуты отрезвленія въ вѣрность Александра Ивановича до гроба не могла. Онъ могъ поиграть съ нею въ любовь и только; поддержкою же ей былъ и останется только мужъ. Въ ея средѣ все знаютъ, начиная отъ кухарки и кончая ея теткой, что мужъ, каковъ бы онъ ни былъ, все же мужъ и развѣнчаться не можетъ. По закону нельзя. Во имя этого разсужденія тетка и замужъ ее поспѣшила выдать за Егора Егоровича. Въ любви-то объясняться всякій умѣетъ, это легко; нѣтъ, а ты женись, чтобъ это крѣпко было, чтобъ дѣвчонкѣ потомъ не пришлось мостовую грашить. Онъ и женился, онъ кормитъ ее — любитъ или не любитъ, а кормитъ. Значитъ, она должна сдѣлать все, чтобы спасти его. Въ ея душѣ шевельнулось даже что-то въ родѣ раскаянія, ужаса при мысли, что это она «убила» его, и она нѣкоторое время какъ бы умышленно терзала и мучила сама себя этимъ тяжелымъ сознаніемъ, ругая себя въ душѣ «подлою женщиной». Это ощущеніе, впрочемъ, прошло довольно быстро, когда она поняла, что опасности нѣтъ, что болѣзнь была слѣдствіемъ кутежа и простуды во время того же кутежа. Вслѣдъ за этимъ пошли разсужденія, что она ради него же хлопотала, заискивала, кокетничала и, Богъ вѣсть, какъ пала. Развѣ она предвидѣла это? Онъ самъ не умѣетъ пробивать дорогу, его надо толкать. Конечно, она виновата, но она сама не знаетъ, какъ случилось, что она зашла слишкомъ далеко на скользкомъ пути. Она почти оправдывала себя, лицемѣрила и лгала сама передъ собою съ какимъ-то необъяснимымъ, смутнымъ страхомъ въ душѣ передъ кѣмъ-то. Тѣмъ не менѣе, она продолжала усердно ходить за больнымъ и просиживала въ его комнатѣ цѣлые часы, ожидая, что онъ вотъ-вотъ потребуетъ чего-нибудь. В эти томительные часы бездѣйствія и скуки она передумала многое, разобралась мысленно въ своемъ положеніи. Что было бы, если бы мужъ умеръ и она осталась бы нищею. Ну, переѣхала бы она къ теткѣ. Сколько работы взвалила бы на нее тетка? Сколько рѣзкостей наслушалась бы отъ тетки. Эта женщина не умѣетъ щадить людей, не умѣетъ быть снисходительной. А между тѣмъ, кромѣ нея никто и не подумалъ бы объ ней, Софьѣ Леонтьевнѣ. Всѣ ея теперешніе вліятельные знакомые навѣрное отшатнулись бы отъ нея

Перестали бы даже кланяться, увидавъ, что она нищая. Они и теперь третируютъ ее немного свысока. Серафима Степановна Кусова, эта сухая биготка, вѣчно поучающая всѣхъ, что роптать не слѣдуетъ, что нужно покорно нести свой крестъ, что у каждаго человѣка на землѣ есть свое горе, обращается къ ней всегда съ фразой «душа моя» и каждый разъ Софья Леонтьевна чувствуетъ, что она для Кусовой значитъ не болѣе, чѣмъ горничная. Въ душѣ Софьи Леонтьевны поднялась желчь, злоба противъ тѣхъ, въ комъ она заискивала. Всѣ они подлые, подлые люди. Они не человѣка цѣнятъ, а его денежныя средства, его связи, его наряды. Безъ мужа она была бы вышвырнута изъ ихъ среды. Слава Богу еще, что онъ поправляется.

Дѣйствительно, его здоровье поправлялось. Дня два онъ плохо сознавалъ, что съ нимъ дѣлается, почему онъ лежитъ, что было предъ его болѣзнью. Потомъ, мало-по-малу, онъ припомнилъ все,—припомнилъ вяло, безъ раздраженія, такъ какъ упадокъ силъ былъ великъ,—и не безъ удивленія началъ соображать, какъ же это такъ случилось, что онъ чуть не выгналъ жену, а она вотъ сидитъ теперь около него почти цѣлые дни и ночи, не ложась спать, не раздѣваясь. Ужъ не представлялъ ли онъ всего этого въ бреду? Можетъ-быть, все это ему только казалось? Нѣтъ, это все совершилось наяву, все это было въ дѣйствительности. Всматриваясь незамѣтно въ лицо жены, онъ замѣтилъ на этомъ лицѣ слѣды слезъ, усталости, печали. Что это: раскаяніе? притворство? Кто ее разберетъ! Всегда она была для него загадкой. Никогда онъ не могъ заглянуть ей въ душу. Постоянно она, холодная кокетка, умѣла и лгать, и притворяться, какъ никто. И что ему разбирать все это теперь, если онъ все порвалъ съ нею? Да, онъ все порвалъ съ нею, онъ обошелся съ нею, какъ съ собакой. Онъ закрылъ глаза, и въ воображеніи вставала вся сцена его объясненій съ женой, какъ онъ назвалъ ее тварью, какъ швырнулъ на стулъ, какъ давилъ и трясъ за плечи. Точно ли она такъ виновата? Какъ она дошла до паденія? Отвѣта онъ не находилъ. Его голова работала еще плохо и онъ большею частью дремалъ, — начнетъ думать и задремлетъ, не обдумавъ ничего. Но, открывая глаза, онъ видѣлъ постоянно ее, только сидящею на креслѣ или перемѣняющею ему компрессы, и ему приходилъ въ голову вопросъ:

— Когда же она спитъ?

Разъ вечеромъ — это было уже на девятый день его бо-

лѣзни—онъ открылъ глаза и въ полумракѣ увидалъ слегка задремавшую въ креслѣ Софью Леонтьевну. На ея лицо падалъ свѣтъ отъ лампы, заслоненной отъ глазъ больного абажуромъ. Она показалась ему крайне похудѣвшею, очень блѣдною. Ему стало жаль ее и страшно, что за нимъ некому будетъ ходить, если она сляжетъ.

— Ты устала?—окликнулъ онъ ее.—Шла бы спать!

Она разомъ очнулась и подошла къ нему.

— Нѣтъ, ничего! — отвѣтила она. — Тебѣ что-нибудь нужно? пить?

— Нѣтъ, нѣтъ, — слабымъ голосомъ проговорилъ онъ. — Но ты усни... сляжешь еще сама...

— Что я!—воскликнула она.—Кому я нужна.

Она вдругъ снова вспомнила все, что передумала за эти безсонныя дни и ночи, — вспомнила о томъ, что тотъ, другой, бросилъ бы ее безъ мужа, о томъ, что она осталась бы нищей безъ мужа, о томъ, что всѣ барыни, съ которыми она, надѣясь на разныя связи, играетъ теперь въ благотворительность, не чувствуя никакой склонности къ этому дѣлу, отвернулись бы отъ нея, оставшейся на мостовой, какъ осталась когда-то ея несчастная мать, — и разрыдалась. Нервы у нея были уже давно разстроены среди всей этой передряги и это сказалось теперь въ истерическомъ плачѣ.

— Полно!—проговорилъ онъ едва слышно съ легкой досадой на то, что она безпокоитъ его, и безъ того больного, своимъ плачемъ.—Захвораешь еще...

— Захвораю! Что-жъ! И пускай, пускай захвораю! Умереть мнѣ надо. Умереть!—отрывисто заговорила она, рыдая.

Въ его головѣ мелькнула скверная мысль, что тотъ Александръ Ивановичъ, вѣрно, бросилъ ее, потому она и говоритъ, что она никому не нужна, потому и плачетъ, и онъ на минуту почувствовалъ опять мелочную злобу на нее. Но она продолжала говорить надорваннымъ голосомъ:

— На что мнѣ жизнь, когда ты никогда, никогда не простишь мнѣ моего увлеченія, моей ошибки! Я сама знаю, какъ я виновата передъ тобою! Мнѣ нѣтъ оправданій! Это было какое-то безуміе! Мать семейства, почти старуха—и этотъ позоръ!

И она нервно, истерично стала объяснять: онъ, Егоръ Егоровичъ, все жаловался на неудачи; ее за сердце хватало сознаніе, что онъ загубилъ свою жизнь, что не можетъ сдѣлать карьеры, что его не умѣютъ цѣнить; тогда

она стала выбиваться изъ силъ, чтобы завоевать ему положеніе въ обществѣ, на службѣ; безъ связей, безъ протекцій, въ обществѣ теперь вѣдь нельзя ничего добиться; сколько хитростей нужно было употребить, чтобы попасть въ кружокъ вліятельныхъ дамъ; сколько униженій и обидъ иногда переносила она отъ нихъ; третировали онѣ ее, посылая навѣщать въ вонючихъ подвалахъ, въ невообразимыхъ трущобахъ разныхъ паршивыхъ дѣтей, разныхъ отвратительныхъ уродовъ, и ничего все-таки не дѣлали для нея; эта Кусова, ихъ предсѣдательница, эта бездушная биготка и лицемѣрка, только умѣетъ говорить, что надо терпѣливо нести свой крестъ, а сама—отъ ревности до старости лѣтъ зеленѣетъ, вотъ и весь ея крестъ; о, если бы было завоевано положеніе въ обществѣ ею, Софьей Леонтьевной, она нарядила бы въ шутовской колпакъ эту старую влюбленную въ своего старика-мужа дуру, посмѣшищемъ сдѣлала бы ее; наконецъ, ей пришла въ голову несчастная мысль дѣйствовать черезъ Александра Кусова, такъ какъ его обожаетъ отецъ, готовый сдѣлать для него все; она легкомысленно стала кокетничать съ этимъ мальчишкой, играть съ огнемъ.

— Что-жъ, ты добилась своего,—проговорилъ Егоръ Егоровичъ съ ироніей:—завоевала любовь!

— Любовь! любовь! — воскликнула она, перебивая его страстно. — На что мнѣ эта любовь, когда теперь разбита вся моя жизнь, когда ты презираешь меня? Будь она проклята, эта любовь! Развѣ я за ней гналась? Развѣ я ее искала? Я добивалась благополучія нашей семьи. Мнѣ не нужно ничьей любви, мнѣ нужно было, чтобы ты выбился на дорогу, чтобы наши дѣти были счастливы... А теперь—теперь я не смѣю глядѣть на тебя...

Онъ вопросительно взглянулъ на нее, удивленный тѣмъ, что она говорила.

— А онъ?—спросилъ онъ.

— Что мнѣ онъ? На что мнѣ онъ? Я думала только о тебѣ!

Она говорила, уже не сознавая, гдѣ ложь, гдѣ правда,—говорила, не придумывая, не разсчитывая, въ нервномъ волненіи, готовая безсознательно клеветать и на себя, и на другихъ. Она опустилась на колѣни, схватила его руку и прижала къ своимъ губамъ.

— О, прости, прости меня!

Ей вспомнилась опять ея мать, какъ та валялась въ ногахъ мужа и все-таки была вышвырнута на улицу. Это былъ

ея вѣчный кошмаръ. Ей стало жутко, и въ ея голосѣ зазвучали искреннія ноты. Никогда, ни въ эту минуту, ни послѣ, при воспоминаніи объ этой сценѣ, она не могла опредѣлить, было ли сплошною правдой или сплошною ложью все то, что вылилось сразу въ эту ночь въ ея страстной импровизаціи. Во всякомъ случаѣ, она сознавала, что ею руководитъ отчаяніе быть выгнанной. Трусость передъ нищетой брала въ ней верхъ надо всѣми другими чувствами, такъ какъ хуже нищеты нѣтъ ничего на свѣтѣ: непосильный трудъ, холодъ, голодъ, лохмотья, грязь и, кромѣ всего этого, брезгливое презрѣніе окружающихъ. Она рѣшилась ползать у его ногъ до тѣхъ поръ, пока онъ не проститъ ея. Онъ былъ слишкомъ слабъ, чтобы бушевать; его мозгъ работалъ еще настолько плохо, что онъ не могъ протестовать.

— Я буду твоей вѣрной сторожевой собакой. Я буду твоей служанкой!—клялась она, унижаясь, подличая, цѣлуя его руки.—Бей меня, но скажи, что ты простишь меня!..

Онъ слабымъ голосомъ говорилъ, не то прощая ее, не то желая отдохнуть отъ ея просьбъ:

— Да... да... хорошо... Усталъ я, ты видишь...

Ему теперь было всего дороже его собственное спокойствіе. Эгоизмъ больного бралъ верхъ надъ всѣми остальными чувствами.

— О, дорогой, милый! Ты простишь? Ты простилъ?—воскликнула она, цѣлуя его руки.

Онъ уже дремалъ, безсознательно положивъ руку на ея голову. Впрочемъ, онъ даже не зналъ, онъ ли положилъ ей на голову свою руку или это она положила себѣ на голову эту руку, какъ бы заставляя его приласкать ее. Она, чтобъ не безпокоить его, осталась сидѣть на коврѣ у его постели, поджавъ подъ себя ноги, склонившись головой къ матрацу.

На улицѣ уже было совсѣмъ свѣтло, когда проснулся Егоръ Егоровичъ. Утреннія солнечные лучи падали прямо на бѣлыя опущенныя шторы и мягкій свѣтъ озарялъ всю спальню больного. Егоръ Егоровичъ не безъ удивленія увидалъ, что у его постели, сидя на полу и склонивъ на край матраца голову, спитъ Софья Леонтьевна, на головѣ которой попрежнему лежала его рука. Онъ сразу ясно вспомнилъ все, и въ немъ шевельнулось сожалѣніе къ ней. Она, эта всегда гордая и твердая женщина, относившаяся къ нему постоянно раздражительно, почти съ презрѣніемъ, теперь, словно надломанная, валяется у его ногъ, готовая сдѣлаться его рабой, его вѣрной собакой. Да, она и вино-

вата передъ нимъ, страшно виновата, такъ что ей только и остается, что валяться у его ногъ. Онъ могъ ее выгнать на улицу. Никто не вступился бы за нее и всѣ забросали бы грязью ее, выгнанную мужемъ за измѣну изъ дома.

Онъ сталъ припоминать, что она говорила о своемъ проступкѣ, какъ объясняла его. Сперва легкомысленно кокетничала, мечтая добиться протекціи черезъ Кусовыхъ для него, Егора Егоровича, потомъ незамѣтно запуталась въ своихъ же сѣтяхъ. Вѣчная исторія всѣхъ женщинъ. Не могутъ онѣ понять, что это такъ легко! Что стоитъ вообще увлечь женщину, что стоитъ довести ее до паденія? Егоръ Егоровичъ зналъ это хорошо по собственному опыту. Сколькихъ онъ увлекалъ, сколькихъ бросалъ! У него это чуть не со школьной скамьи началось, когда онъ, живя на кондиціяхъ въ деревнѣ, встрѣтилъ одну молоденькую горничную. Гдѣ-то она теперь? По какой дорогѣ пошла? Тогда оба они лишились мѣстъ, потому что его соперникомъ, неудачнымъ соперникомъ, какъ онъ сознавалъ съ гордостью — былъ самъ отецъ ученика, бравый отставной полковникъ. Красивъ былъ тогда онъ, Егоръ Егоровичъ, потому и бросались ему на шею, потому и побѣждалъ онъ сердца, а онъ, конечно, только радовался своимъ успѣхамъ. Всѣ мужчины одинаковы, а женщины—иная кажется и сильной, и стойкой, и неприступной, а въ сущности всѣ онѣ игрушки въ рукахъ мужчинъ, жалкія игрушки. Вотъ и она, его жена, хотѣла помочь ему, у нея сердце болѣло за его неуспѣхи, а что вышло въ результатѣ? Чуть не убила его, исковеркала всю жизнь...

Онъ взглянулъ на Софью Леонтьевну, удивился опять, какъ она похудѣла, какъ поблѣднѣла за эти дни. Бѣдняга, тоже не легко, видно, и ей. Устала она, измаялась въ эти дни, это была ея казнь. Онъ безсознательно погладилъ ее по головѣ. Она вздохнула и открыла глаза, недоумѣвая, гдѣ она и что съ нею, чувствуя, что у нея отъ неловкаго положенія тѣла бѣгаютъ въ ногахъ мурашки. Онъ довольно ласково проговорилъ:

— Ступай, усни! Мнѣ лучше, гораздо лучше сегодня...

Она молча поцѣловала его руку и поднялась, чувствуя, что она вся точно разбита. Она, съ трудомъ ступая затекшими ногами, которыя теперь покалывало какъ бы иголками, прошла въ свою спальню, раздѣлась и улеглась въ постель. Ее всю охватило сладкое чувство сознанія, что она теперь можетъ долго полежать на постели, вытянуться во

весь ростъ, крѣпко выспаться. Давно уже не засыпала она такъ сладко, какъ теперь. Ея тѣло немного ныло отъ усталости, но это было ей даже пріятно, такъ какъ при этомъ отдыхъ и сонъ казались вдвое слаще. Въ головѣ уже не было тяжелыхъ, гнетущихъ мыслей о будущемъ. Это будущее было ясно для нея. Ея мужу лучше, онъ поправится и примется за дѣла. Назначеніе, котораго такъ долго добивались и которое должно выдвинуть его на видъ, получено. Внутренній раздоръ ихъ улаженъ, ей нечего бояться остаться на мостовой... Ей вспомнился молодой Кусовъ. Въ душѣ не пробудилось ни любви, ни увлеченія. Почувствовалось только, что дальше представятся осложненія и неловкости въ ихъ отношеніяхъ. О характерѣ этихъ отношеній она не стала даже и думать. Въ головѣ мелькнула только мысль о томъ, что было бы теперь хорошо, если бы Егору Егоровичу удалось поскорѣй получить видное мѣсто гдѣ-нибудь въ провинціи, чтобы уѣхать отсюда, отъ Александра, а то... Нѣтъ, нѣтъ, съ нея довольно и одной этой передряги!.. Въ душѣ не было въ эту минуту и слѣдовъ того, что она считала любовью къ Александру Ивановичу: она помнила только одно, что изъ-за него ее чуть не выгналъ мужъ и что она не могла бы ожидать никакой поддержки отъ Александра въ случаѣ ея изгнанія мужемъ.

V.

Егоръ Егоровичъ совершенно оправился отъ болѣзни и могъ приняться за дѣло въ открывавшейся комиссіи, куда уже состоялись окончательно всѣ назначенія. Онъ, какъ и многіе другіе чиновники, давно жаждалъ назначенія въ канцелярію этой комиссіи, зная впередъ по слухамъ, изъ какихъ лицъ составится сама комиссія, и понимая, что именно здѣсь онъ можетъ сразу выдвинуться впередъ. Басня о простомъ и дикомъ цвѣточкѣ, попавшемъ въ одинъ пучокъ съ гвоздикой и сдѣлавшемся отъ того душистымъ, никогда не забывается людьми, стремящимися составить себѣ карьеру. Бо́льшая часть лицъ, назначенныхъ засѣдать въ комиссіи, состояла изъ такихъ людей, которые нуждаются прежде всего въ дѣловитыхъ и знающихъ секретаряхъ и дѣлопроизводителяхъ и которые обыкновенно не имѣютъ привычки оставаться въ долгу у послѣднихъ за ихъ усердную службу. Назначеніе Никитина вести дѣла въ комиссіи состоялось благодаря настойчивымъ хлопотамъ старика Кусова, и Егоръ Егоровичъ былъ вполнѣ доволенъ и тѣмъ, что онъ можетъ

вращаться среди вліятельныхъ людей, и тѣмъ, что онъ можетъ много говорить о своихъ трудахъ, играя роль виднаго и нужнаго человѣка, и тѣмъ, что въ перспективѣ у него были и повышенія по службѣ, и крупныя протекціи въ будущемъ. Ходя постоянно съ дѣловымъ и озабоченнымъ видомъ, онъ сознательно или безсознательно вовсе не касался дома вопроса объ Александрѣ Ивановичѣ Кусовѣ, о томъ, какъ будетъ далѣе относиться къ этому человѣку Софья Леонтьевна. Она тоже не задѣвала этого больного мѣста и только старалась быть заботливой и предупредительной съ мужемъ, какъ бы выражая этимъ, что она хотя и прощена имъ, но все же чувствуетъ свою вину и старается искупить ее покорностью и смиреніемъ. Никогда прежде не было въ ихъ отношеніяхъ столько лживости и лицемѣрія, сколько было теперь. Они дѣлали видъ, что вся эта исторія прошла и забылась, и очень хорошо сознавали, что ничто не прошло, ничто не забылось. Софья Леонтьевна сумѣла скрыть все происшедшее между нею и мужемъ даже отъ Денизы Андреевны, хотя послѣдняя завернувъ однажды къ Никитинымъ во время болѣзни Егора Егоровича, съ свойственнымъ ей чутьемъ, видимо поняла, что между мужемъ и женою произошло что-то неладное, и даже прямо съ обычною своею рѣзкостью замѣтила племянницѣ:

— Что, видно, на хвостъ наступили?

На это Софья Леонтьевна нетерпѣливо отвѣтила:

— У васъ вѣчно какія-то нелѣпыя подозрѣнія!

И поспѣшила перемѣнить разговоръ.

Тогда тетка серьезно заговорила съ ней о томъ, что лучше бы она, чѣмъ хвосты по улицамъ трепать и поклонниковъ да вздыхателей заводить, позаботилась о дѣтяхъ. Затѣмъ старуха пересчитала кстати всѣ прорѣхи въ дѣтскомъ гардеробѣ, всѣ незаштопанныя дыры на сорочкахъ и чулкахъ. Софья Леонтьевна сдѣлала гримасу и сказала съ ядовитой ироніей, что она даже и не подозрѣвала того, что Дениза Андреевна такъ усердно роется въ грязномъ бѣльѣ дѣтей. Тетку этими колкостями и шпильками было трудно смутить. Она стояла выше мелкой обидчивости.

— Не роюсь, а вижу,—рѣзко сказала Дениза Андреевна.— Заплаты-то и дыры каждому сами въ глаза лѣзутъ.

Тогда Софья Леонтьевна высказала подозрѣніе, что это, вѣроятно, Миша служитъ шпіономъ и доносчикомъ, постоянно бѣгая къ теткѣ. Это окончательно взбѣсило Денизу Андреевну, и она грубо вступилась за своего любимца: ни-

когда онъ не былъ и не будетъ ни шпіономъ, ни доносчикомъ, а если мальчикъ часто забѣгаетъ къ ней, такъ это потому, что онъ у нея и ласку видитъ, и въ тишинѣ поработать можетъ, и въ свободные часы ему есть съ кѣмъ поговорить, тогда какъ дома-то на кого дѣти брошены? на прислугу, хуже сиротъ живутъ.

— Или ты думаешь, что съ вѣтра взятая прислуга добру дѣтей научитъ?—воскликнула въ запальчивости Дениза Андреевна. — Или остерегаться она передъ ними въ своихъ разговорахъ и шашняхъ будетъ? Нѣтъ, матушка, и тебя-то передъ дѣтьми не постѣснятся эти люди грязью вымазать, благо ты подолы марать умѣешь, а замывать ихъ не желаешь.

Старуха взволновалась не на шутку и высказала въ пылу негодованія даже болѣе, чѣмъ хотѣла. Вопросъ объ исторіи между Софьей Леонтьевной и Егоромъ Егоровичемъ такимъ образомъ отошелъ на задній планъ и забылся тетокою, заслоненный болѣе важнымъ вопросомъ о дѣтяхъ.

Не могъ онъ такъ легко забыться самими супругами, но и мужу, и женѣ приходилось теперь оставаться съ глазу на глазъ не часто и не надолго; мужъ былъ занятъ дѣлами своей комиссіи и свиданіями съ ея членами у нихъ на дому, такъ какъ они то и дѣло приглашали его къ себѣ для объясненія имъ разныхъ мелочей, разныхъ подробностей, почему дважды два четыре, а не пять, а жена волей-неволей должна была усерднѣе прежняго отдаться дѣятельности по обществу покровителей убогихъ сиротъ, такъ какъ наступалъ разгаръ зимняго сезона, когда каждое благотворительное общество наперерывъ другъ передъ другомъ спѣшитъ хотя что-нибудь сорвать съ вовсе не думающаго о какихъ-нибудь убогихъ сиротахъ, но падкаго до развлеченія и удовольствій люда. Чтобы накормить впроголодь десятокъ сиротъ, неизбѣжно нужно дать возможность сотнямъ людей вволю натанцоваться, нагуляться, напиться публично пьяными и накутиться.

Въ первый же день послѣ выздоровленія и выхода изъ дома Егора Егоровича, Софья Леонтьевна, оставшись дома одна, серьезно задумалась о своихъ дальнѣйшихъ отношеніяхъ къ Александру Ивановичу Кусову, такъ какъ не думать объ этомъ было нельзя: не сегодня, такъ завтра ей придется опять выѣзжать, придется бывать въ домѣ Серафимы Степановны Кусовой, а, значитъ, придется и встрѣтиться гдѣ-нибудь съ Александромъ Ивановичемъ. Въ ка-

кія же отношенія встать къ нему? Порвать все разомъ? Рисковать еще? Ждать того времени, когда она надоѣстъ ему и онъ самъ ее броситъ? Теперь послѣ этой несчастной исторіи она была уже увѣрена, что, въ концѣ-концовъ, онъ ее броситъ. Она даже сердилась на себя за то, что прежде ей не приходило этого въ голову. Надо было просто пококетничать съ нимъ и не болѣе. Конечно, если бы мужъ сталъ смотрѣть на это сквозь пальцы, тогда... Она задумалась объ Александрѣ Ивановичѣ Кусовѣ и вздохнула. Какъ онъ еще молодъ и красивъ! Сколько страстности въ его отношеніяхъ къ ней! Неужели, онъ дѣйствительно влюбленъ въ нее? Она на семь лѣтъ его старше!..

Ее вдругъ заставилъ вздрогнуть голосъ горничной, говорившей, какъ послышалось Софьѣ Леонтьевнѣ, что-то про Кусова. Съ чего она назвала эту фамилію? Неужели онъ пріѣхалъ?

— Кусовъ? Александръ Ивановичъ?—торопливо спросила Никитина, оборачиваясь къ горничной, и поблѣднѣла.

— Госпожа Кусова пріѣхала,—громче прежняго повторила горничная, видя, что барыня не поняла ее.

— Сейчасъ, сейчасъ, проси!—заторопилась немного растерявшаяся Софья Леонтьевна и, наскоро оправившись передъ зеркаломъ, вышла въ гостиную къ рѣдко посѣщавшей ее гостьѣ.

Въ гостиной ее ждали немолодая, худощавая высокая дама, напоминавшая по виду идущихъ съ молитвенникомъ въ церковь или съ гидомъ любоваться природою, старыхъ, прямыхъ, какъ палки, и чопорныхъ дѣвъ-англичанокъ, съ сложенными спереди у тальи руками, съ застывшимъ выраженіемъ цѣломудренной холодности на лицѣ, и бѣлокурый, тоже худощавый, поминутно осклабляющійся наглой улыбкой господинъ среднихъ лѣтъ съ землисто-сѣрымъ, почти зеленоватымъ лицомъ, въ форменномъ сюртукѣ.

— Простите, ради Бога, я заставила васъ ждать,—проговорила Софья Леонтьевна, здороваясь съ Кусовой и ея спутникомъ.

Всѣ трое размѣстились у преддиваннаго стола.

— Что съ вами, душа моя, вы на себя не похожи?—замѣтила Кусова, вглядываясь въ лицо Никитиной безстрастными свинцовыми глазами.—Вы, вѣрно, были больны?

— Мнѣ пришлось провести нѣсколько безсонныхъ ночей у постели больного мужа,—отвѣтила Софья Леонтьевна.

— Но, надѣюсь, вашъ мужъ теперь здоровъ? — спросила съ обычнымъ холоднымъ безучастіемъ Кусова.

— Да, то-есть старается быть здоровымъ, — нѣсколько желчно отвѣтила Никитина. — Люди въ его положеніи не имѣютъ права хворать, имѣя на рукахъ четверыхъ дѣтей.

Не ропщите, душа моя! Это большой грѣхъ!—сухимъ тономъ наставленія проговорила Кусова, уловивъ горечь въ голосѣ Софьи Леонтьевны. Богъ дастъ, дѣти подрастутъ и будутъ вамъ утѣшеніемъ въ будущемъ, а служить и работать мы всѣ должны. Это заповѣдь Бога, душа моя.

— Да, если я и мужъ доживемъ до того, что наши дѣти подрастутъ, тогда, конечно, будетъ легче, — вскользь замѣтила Софья Леонтьевна и холоднымъ тономъ прибавила, перемѣняя разговоръ: — Впрочемъ, что бы ни было, я опять теперь къ вашимъ услугамъ. Теперь, вѣдь, скоро костюмированный балъ, вѣроятно, надо устроить?

— Да, комитетъ рѣшилъ въ нынѣшнемъ зимнемъ сезонѣ устроить и костюмированный балъ, и базаръ, и концертъ, и, если можно, гулянье гдѣ-нибудь въ манежѣ, — пояснила Кусова. Дѣла вообще будетъ много. Начнемъ съ костюмированнаго бала. Николай Тарасовичъ беретъ часть хлопотъ, по обыкновенію, на себя; но комитетъ рѣшилъ просить и васъ поработать вмѣстѣ съ нимъ. Вы знаете, душа моя, что большинство членовъ комитета не отличается особенной дѣятельностью и притомъ тутъ нужна практическая опытность.

Худощавое и желтое лицо спутника Кусовой оскалилось улыбкой.

— Мы уже съ Софьей Леонтьевной такъ, вѣрно, и должны быть присяжными устроителями всякихъ увеселеній,—проговорилъ онъ грубоватымъ и насмѣшливымъ голосомъ. — Что-жъ, будемъ тѣшить людей!

— Ахъ, если бы только у самихъ на душѣ веселѣе было!— замѣтила Софья Леонтьевна.

— Это, душа моя, для добраго дѣла, наставительно сказала Кусова.— Я нарочно сама заѣхала къ вамъ вмѣстѣ съ Николаемъ Тарасовичемъ, чтобы лично отъ имени комитета попросить васъ похлопотать.

«Хочетъ, чтобы благодарили за оказанную честь», мелькнуло въ головѣ у Никитиной, и злое чувство еще сильнѣе охватило ее.

— Вы знаете, Серафима Степановна, что я никогда не отказывалась служить доброму дѣлу, хотя, признаюсь, у меня и безъ того много заботъ,—замѣтила Софья Леонтьевна.

Противъ обыкновенія, въ ея тонѣ звучало раздраженіе, которое никогда не проявлялось прежде въ разговорахъ съ Кусовой.

— Это для Бога! это для Бога, душа моя!—проговорила Кусова.—Я, душа моя, такъ привыкла на васъ надѣяться.

— Я и не отказываюсь, покуда есть силы, — отвѣтила Никитина и нѣсколько рѣзко прибавила:—Но вы сами видите, что мое здоровье далеко не блестяще...

— Да, да,—согласилась Кусова и попросила: — Но ужъ ради Бога, ради Бога, помогите намъ. У насъ такъ истощились средства. Мы совсѣмъ, совсѣмъ безъ денегъ сидимъ...

— Еще бы, если господа члены разсчитываютъ только на сборъ и увеселенія и сами ничѣмъ не жертвуютъ,—сорвалось съ языка у Никитиной.—Сами богаты, а стараются все съ массы собрать грошами...

— Да, нельзя сказать, чтобы насъ баловали деньгами члены комитета или частные жертвователи, — вставилъ замѣчаніе Николай Тарасовичъ.—Все потому, что наше общество не можетъ никакихъ орденовъ выхлопатывать и мундировъ не имѣетъ права давать. Эту вотъ статью развить бы.

— Подробности комитетскихъ рѣшеній передастъ вамъ Николай Тарасовичъ,—сухо проговорила Кусова, пропуская мимо ушей сдѣланныя замѣчанія: — а мнѣ еще нужно по дѣламъ все утро ѣздить сегодня. Я тоже такъ устала, такъ устала!

— Всѣмъ приходится уставать!—холодно сказала Софья Леонтьевна, не безъ иронiи пародируя Кусову.

Кусова встала, прямая, съ поджатыми губами, съ сложенными на тальѣ спереди руками, похожая на куклу на пружинахъ. Софья Леонтьевна тоже поднялась съ мѣста и пошла провожать ее. Николай Тарасовичъ Ивашинцевъ остался одинъ въ гостиной. Его черные глаза, составляющіе рѣзкій контрастъ съ его свѣтлыми, какъ ленъ, волосами, зорко окинули хищническимъ взглядомъ комнату, какъ бы желая убѣдиться, нѣтъ ли въ ней чего-нибудь новаго, чего онъ еще не видалъ. Этотъ взглядъ былъ непріятенъ, какъ было непріятно все въ этомъ человѣкѣ, начиная съ его свѣтлыхъ, не то желтыхъ, не то сѣрыхъ сухихъ волосъ и кончая его черными холодными и рѣзкими глазами. Николай Тарасовичъ Ивашинцевъ хотя носилъ форменное платье, но, въ сущности, не имѣлъ опредѣленныхъ служебныхъ занятій, а вѣчно куда-то прикомандировывался, куда-то причислялся, къ чему-то пристегивался и дѣлалъ что-то, не

имѣвшее ровно ничего общаго съ тѣмъ вѣдомствомъ, форму котораго онъ носилъ. То онъ состоялъ временно чѣмъ-то при какомъ-то театрѣ, въ родѣ замѣстителя отбывшаго за границу надсмотрщика за штукатуркой, то ему поручалось случайно наблюденіе за кантонистской школой, гдѣ онъ организовывалъ какія-то чтенія съ туманными картинами и спектаклями, въ которыхъ молоденькіе кантонистики играли и мужскія, и женскія роли, то подъ его наблюденіемъ заводилась швальная мастерская въ обществѣ призрѣваемыхъ бездомныхъ бѣдняковъ и бродягъ, то онъ писалъ декораціи для домашняго спектакля какого-то юнаго богача и проектировалъ рисунки костюмовъ для новой оперетки на частномъ театрѣ. Худощавый, длинноногій, съ вѣчно осклабленной улыбкою физіономіей, быстрый въ движеніяхъ, онъ производилъ впечатлѣніе ищейки, что-то вынюхивающей, что-то разыскивающей. Несмотря на крайнюю любезность и даже льстивость, несмотря на заискивающія улыбки, нельзя было не подмѣтить чего-то жесткаго и злого въ его черныхъ глазахъ, какой-то затаенной зависти, чего-то говорившаго объ оскорбленномъ самолюбіи, о неудовлетворенномъ честолюбіи. Онъ въ числѣ другихъ обязанностей занималъ и должность секретаря общества покровителей убогихъ сиротъ. Вернувшаяся въ комнату, Софья Леонтьевна застала его разсматривающимъ лампу на преддиванномъ столѣ.

— А я у васъ не видалъ этой лампы! Новенькая? — спросилъ онъ, осклабляя свои большіе и крѣпкіе желтые зубы.

— Нѣтъ, давно уже куплена,—отвѣтила какъ бы вскользь Никитина, и по ея лицу мелькнула тѣнь досады.

— У Никонова?—спросилъ Ивашинцевъ, глядя въ упоръ ей въ лицо.

— Право, не помню; кажется, у него, — отвѣтила неохотно Никитина.

— Да, вѣроятно, у него; я видѣлъ у него такія лампы. У меня тоже есть отъ него лампа, только я взялъ понаряднѣе. Что ему въ зубы смотрѣть. Вообще онъ и хорошія вещи держитъ, и даетъ выбирать, когда много покупаешь у него. Вы позволите? — спросилъ онъ, вынимая папиросу.

— Пожалуйста, курите! — сказала хозяйка, подавая ему спички.

— Такъ мы, конечно, и нынче по части лотереи къ Никонову же обратимся?—спросилъ Ивашинцевъ, и какая-то нотка наглости послышалась въ его словахъ.—Вы тоже вѣдь ничего не имѣете противъ него?

— Что-жъ я могу имѣть противъ него? — сказала Никитина.

— Да, сговорчивый человѣкъ и все же меньше надуетъ, — пояснилъ онъ. — А и наживается же онъ, бестія, отъ насъ! Обществу на грошъ барышей отъ лотерен выпадетъ, а ему сотни рублей. Всѣ наши затѣи въ сущности не убогимъ сиротамъ прибыль приносятъ, а этому краснощекому коммерсанту.

И вдругъ совершенно неожиданно онъ спросилъ:

— А васъ можно поздравить? Егоръ Егоровичъ въ новооткрывшуюся комиссію назначенъ по пересмотру какихъ-то тамъ обложеній или приложеній, право, ужъ и не знаю, чего. Карьеру, такъ сказать, сдѣлаетъ. Объ этомъ говорятъ съ завистью. Многіе вѣдь добивались попасть на это мѣсто. Разныя мамаши пороги обивали, разъѣзжая по важнымъ особамъ съ просьбами о своихъ сынкахъ. Нечего сказать, въ сорочкѣ Егоръ Егоровичъ родился. Это, вѣроятно, наша добрѣйшая Серафима Степановна за него похлопотала?

— Вы ошибаетесь!—горячо возразила Никитина.—Серафима Степановна едва ли даже знаетъ объ этомъ! Моего мужа назначили въ эту комиссію, потому что, наконецъ, уже было невозможно обойти его.

— Ну, обойти по службѣ всегда можно!—вставилъ онъ.

Но Никитина продолжала горячиться:

— Серафима Степановна тутъ вовсе ни при чемъ. Я ни о чемъ ее не просила, ни о чемъ не прошу...

— И совсѣмъ напрасно,—спокойнымъ тономъ возразилъ ей Ивашинцевъ.—Совсѣмъ напрасно! Для какого же рожна и трудиться?

Онъ всталъ и заходилъ по комнатѣ, видимо раздражившись близкимъ ему вопросомъ, но стараясь скрыть волненіе.

— Подъ лежачій камень и вода не течетъ,—продолжалъ онъ говорить. — Случайными людьми нужно пользоваться нашему брату. Не попросите вы ихъ — они сами не догадаются сдѣлать для васъ что бы то ни было. А не сдѣлаютъ ничего для васъ теперь, — кто вамъ поручится, что вы и завтра будете стоять съ ними въ хорошихъ отношеніяхъ? Вѣдь не ради же филантропіи мы втираемся къ нимъ? О чужой крышѣ не намъ заботиться, когда у насъ сквозь свою каплетъ. Нѣтъ-съ, мы не милліонеры, не вельможи, чтобы намъ пренебрегать протекціями. Да если и будемъ пренебрегать — никто не повѣритъ, всегда въ подозрѣніи будемъ; не воры, молъ, по суду, а въ подозрѣніи оставлены...

Я бы вотъ на вашемъ мѣстѣ, напримѣръ, прямо попросилъ теперь объ опредѣленіи своихъ дочерей куда-нибудь въ институтъ, въ гимназію, мало ли куда. Ничего тутъ постыднаго нѣтъ, и не можете же вы весь вѣкъ безвозмездно работать на этихъ барынь.

— Я не для нихъ работаю, а дѣлаю доброе дѣло.—проговорила Софья Леонтьевна съ досадой.

Онъ засмѣялся. Когда онъ смѣялся, Софьѣ Леонтьевнѣ всегда казалось, что у него стучатъ и колотятся другъ о друга верхніе и нижніе зубы, какъ у голоднаго волка. Она такъ и звала его «смѣющимся волкомъ».

— Да вѣдь и пристройство своихъ дѣтокъ тоже не злое, а доброе дѣло, не все однихъ убогихъ сиротъ къ мѣстамъ пристраивать! Впрочемъ, я о дѣвочкахъ-то вашихъ заговорилъ такъ, кстати, потому что Ѳедоръ Ѳедоровичъ Арцымовъ въ комитетъ третьяго дня выбранъ вмѣсто покойнаго Суслова, а Арцымовъ въ дѣлѣ пристройства дѣвочекъ теперь все. У него по этой части связи большія. Вы бы его какъ-нибудь попросили. Старикъ серьезенъ, суровъ на видъ, но сердце у него доброе. Не упустите случая!

— Благодарю васъ за совѣтъ,—холодно отвѣтила Софья Леонтьевна.

Ей всегда было досадно, когда этотъ циникъ, какъ она называла мысленно Ивашинцева, судя всѣхъ по себѣ, угадывалъ то, что дѣлалось въ ея душѣ, къ чему она сама тайно стремилась.

— А насчетъ переговоровъ съ Никоновымъ,—продолжалъ Ивашинцевъ, снова осклабляя свои зубы насмѣшливой и нахальной улыбкой и смотря на Никитину наглымъ выразительнымъ взглядомъ: — такъ если у васъ тутъ много семейныхъ заботъ и хлопотъ, то я и одинъ переговорю, а вы только ужъ съѣздите потомъ пригласить нѣкоторыхъ балетчицъ и актрисъ тамъ разныхъ на вечеръ торговать винами и цвѣтами.

Онъ посмотрѣлъ на нее злыми глазами, усмѣхаясь гадкой улыбкой.

— Нѣтъ, зачѣмъ же! Я не отказываюсь! — начала она торопливо, и опять ее охватила досада и на него за его предложеніе, и на себя за свою торопливость.

— Да вѣдь что-жъ утруждать васъ, — продолжалъ онъ, видимо глумясь въ душѣ надъ нею. — Мнѣ ужъ все равно, пусть говорятъ, что я взятки беру съ Никонова. Одной сплетней больше или меньше—мнѣ все равно.

Онъ засмѣялся.

— И удивительное, право, дѣло: я чуть не воръ; а безъ меня одинъ годъ попробовали устроить разные вечера и базары, и сѣли на мель. Нѣтъ, видно, и воровать надо умѣть, такъ чтобъ и себѣ не въ убытокъ было, и другимъ выгодно.

Она нетерпѣливо пожала плечами.

— Для чего вы говорите эти вещи! — раздражительно сказала она.—Воромъ называете себя, о взяткахъ толкуете, вѣдь это...

— Это же и другіе говорятъ, — невозмутимымъ тономъ перебилъ онъ ее съ злой усмѣшкой.—Въ печати даже проскользнули намеки, въ одной газетишкѣ, что «господинъ Ивашинцевъ опять пристроился въ распорядители такого-то вечера и смотрѣлъ въ немъ самымъ счастливымъ изъ всѣхъ присутствующихъ, точно одинъ выигралъ безъ билета въ аллегри всѣ выигрыши разомъ». Не въ бровь, а прямо въ глазъ. Это же такъ понятно; со стороны кажется, что у насъ и Богъ вѣсть что къ рукамъ прилипаетъ; чужіе доходы всегда спать другимъ не даютъ. Людей, вѣдь, не увѣришь, что и весь-то барышъ — какая-нибудь посудина фарфоровая, лампочка какая-нибудь...

Она, чувствуя безсильную злобу, отвращеніе, презрѣніе къ нему, засмѣялась нервнымъ смѣхомъ, перебивая его.

— Нѣтъ, если бы кто-нибудь посторонній подслушалъ васъ, онъ счелъ бы васъ воромъ!—проговорила она.

— Да, вѣдь, и не подслушавъ, считаютъ тѣмъ же, — отвѣтилъ онъ.

Она порывисто встала съ мѣста и съ выраженіемъ плохо скрытой брезгливости спросила:

— Что-жъ, мы сегодня ѣдемъ къ Никонову?

— Да, терять золотого времени нечего, — отвѣчалъ онъ.

Она вышла на нѣсколько минутъ изъ гостиной, чтобы взять шляпу и позвать горничную. Никогда еще не было ей такъ противно принимать участіе въ распорядительствѣ костюмированнымъ баломъ и аллегри, какъ теперь. Казалось, она рѣшилась бы на многое, только бы не распоряжаться разными увеселеніями общества рядомъ, рука объ руку съ Ивашинцевымъ. Но развѣ можно что-нибудь сдѣлать безъ него! Пробовали въ обществѣ обойтись безъ его помощи и переплатили за все втридорога, не умѣли рекламировать вечеръ, не добились даже хорошихъ публикацій въ газетахъ на видныхъ мѣстахъ. Онъ же все умѣлъ

устроить, раздуть вечеръ и надуть публику, взявъ съ нея хорошія деньги. Онъ такъ и говорилъ, что «публикѣ нечего въ зубы смотрѣть», что «съ нея, какъ съ барана, надо шкуру драть», что главное «афишечку саженную тремя красками пустить да названьице вечеру дать позазвонистѣе и конецъ». И снова въ ея головѣ мелькнула мысль: «О, если бы Егоръ Егоровичъ получилъ скорѣе мѣсто въ провинціи, чтобы можно было хоть на-время уѣхать отсюда».

Софья Леонтьевна одѣлась и вышла изъ дома вмѣстѣ съ Ивашинцевымъ. Они наняли извозчика и усѣлись вмѣстѣ.

— Ахъ, да,—вспомнилъ Николай Тарасовичъ.—Тутъ на разныхъ балетчицъ и актрисъ не только изъ знаменитостей, а и изъ смазливенькихъ наприглашать на нашъ праздникъ, такъ вы ужъ, голубушка моя, уступите это дѣло моимъ протеже; у меня тутъ есть нѣсколько безусыхъ мальчугановъ изъ золотой молодежи съ толстыми кармашками; хочется имъ, знаете, начать жить, въ свѣтъ, что называется, пуститься, ну, вотъ я и хочу подстроить имъ это. Пусть хорошимъ знакомствомъ обзаводятся. Вамъ хлопотъ будетъ меньше и успѣхъ вѣрнѣе, потому что этимъ актрисочкамъ тоже интересъ есть познакомиться съ этими неоплетенными еще никѣмъ концами, готовыми подносить разные букетики и подарочки въ бенефисы своимъ знакомымъ актрисамъ, ну, а эти—знаютъ, гдѣ раки зимуютъ. А съ васъ, вѣдь, ни ни шерсти, ни молока, вы на бенефисы-то ихъ не поѣдете.

И вдругъ совершенно неожиданно, осклабляя свои зубы, онъ вспомнилъ:

— Помню я, какъ лѣтъ шесть-семь тому назадъ Александръ Ивановичъ Кусовъ млѣлъ около этой Птицыной, когда я допустилъ его и пригласить ее, и привезти въ каретѣ къ намъ на вечеръ. Шампанскимъ она и тогда въ кіоскѣ торговала. Всегда она шампанскимъ торгуетъ. Онъ такъ и не отходилъ отъ нея, точно прилипился, и ужъ какъ потомъ довезъ ее домой—это одинъ Аллахъ вѣдаетъ: лыкъ не вязалъ. Съ этого дня онъ и шампанское полюбилъ, и жить началъ пошире. У меня рука легкая. Видно, потому въ нашемъ обществѣ безъ меня и не обойтись. Теперь вотъ только что-то Александръ Ивановичъ поостепенился какъ будто. Вѣрно, какія-нибудь иныя дѣла завелись. Онъ вѣдь сердечкинъ, чуть что—сейчасъ и размякнетъ, цѣловаться со всякимъ лѣзетъ. Не разъ къ разнымъ проходимцамъ въ лапы изъ-за этой мягкости попадалъ. Въ папашу. Только тотъ насчетъ питья—ни-ни!

Она сидѣла ни жива, ни мертва. Она боялась оборвать Ивашинцева, боялась поддержать разговоръ. Въ головѣ вертѣлся одинъ вопросъ: «знаетъ ли онъ что-нибудь про ея отношенія къ Александру или нѣтъ? Онъ вездѣ, какъ ищейка, все умѣетъ пронюхать». Она вздохнула свободнѣе, когда они подъѣхали къ магазину Никонова.

Магазинъ Никонова былъ однимъ изъ тѣхъ магазиновъ, у оконъ которыхъ вѣчно тѣснится толпа праздныхъ зѣвакъ, съ горящими отъ любопытства и зависти жадными глазами, смотрящихъ на всякія блестящія бездѣлушки. Бронза и фарфоръ, серебро и брильянты, письменныя принадлежности и статуи, все перемѣшивается на этихъ окнахъ вмѣстѣ, составляя одну яркую по блеску и пестротѣ картину, повторяющуюся въ боковыхъ зеркалахъ и кажущуюся не имѣющей конца. Почти все здѣсь поддѣльно; поддѣльные брильянты, поддѣльные цвѣты, поддѣльная бронза, но именно потому, что все это поддѣльно, внѣшность этихъ вещей особенно тщательно отдѣлана, особенно бросается въ глаза. У этихъ оконъ не въ одну молодую душу закрадывались разныя искушенія: «украсть бы деньги у отца или у матери—и можно бы было купить эту цѣпочку!» Около нихъ въ вечерніе часы не одна дѣвочка изъ магазина, заглядѣвшаяся съ раскраснѣвшимся личикомъ на эти прелести, слышала тихій, ласково сюсюкающій шопотъ какого-нибудь старичка-искусителя: «хотѣлось бы, душечка, имѣть такія сережки?» Переступая порогъ этого магазина, вы поражаетесь еще болѣе, и васъ невольно охватываетъ нѣкоторая робость: вамъ кажется, что вы вотъ-вотъ задѣнете за эти хрупкія бисквитныя статуетки, за эти дрожащіе на тонкихъ стебляхъ фарфоровые цвѣты, за эти украшенныя дрожащими хрусталиками и тонкими вызолоченными цѣпочками люстры, канделябры и бра. Все это точно старается силой овладѣть вашимъ вниманіемъ, вами самими, надвигается на васъ, цѣпляется за васъ, спускается на ваши головы въ узкихъ лабиринтахъ, по которымъ, какъ по траншеямъ, вы должны проходить. Вы идете и видите, что все это словно оживаетъ, колеблется и движется, вы останавливаетесь на минуту и тогда только понимаете, что вы введены въ заблужденіе: всѣ эти вещи твердо стоятъ на своихъ мѣстахъ, но за ними и между ними поставлены зеркала, въ которыхъ отражаются всѣ ваши движенія и движенія вашихъ спутниковъ, что вы и принимаете за движенія и колебанія самихъ этихъ вещей. У Софьи Леонтьевны всегда разгоралось

лицо среди всѣхъ этихъ бездѣлушекъ, этажерочныхъ мелочей, комнатныхъ украшеній, и въ душѣ пробуждалось алчное желаніе забрать все это, украсить всѣмъ этимъ свои комнаты.

Она шла по узкому проходу, не зная, на что смотрѣть, спѣша пробраться въ конецъ первой комнаты магазина, гдѣ обыкновенно находился самъ хозяинъ.

— Ну-съ, а мы опять къ вамъ,— фамильярно проговорилъ Ивашинцевъ, увидавъ замѣтившаго ихъ и шедшаго имъ навстрѣчу молодого и довольно краснваго господина, котораго портила только его слишкомъ парикмахерская прическа съ проборомъ во всю голову.

Это былъ самъ Никоновъ.

— Очень радъ, очень радъ!—проговорилъ онъ, пожимая руки Николаю Тарасовичу и Софьѣ Леонтьевнѣ.

— Еще бы не радоваться! Всякій хламъ опять можно будетъ сбыть!— насмѣшливо сказалъ Николай Тарасовичъ и, прежде чѣмъ немного обидѣвшійся хозяинъ успѣлъ что-нибудь отвѣтить, жадный взглядъ Ивашинцева остановился на крупной фарфоровой группѣ амуровъ, везшихъ цѣлый возъ фарфоровыхъ цвѣтовъ.—А! вотъ это вещь! Это я понимаю! Э, какіе бутузы!

Ивашинцевъ, осклабляя желтые зубы, почти съ сластолюбивымъ видомъ похлопалъ одного изъ амуровъ по обнаженному тѣлу. Хозяинъ, стараясь не говорить объ этой группѣ, заторопился и заговорилъ любезнымъ тономъ:

— Что нынче думаетъ устроить общество? Базаръ! Аллегри? Или и то, и другое?

— Нѣтъ, ужъ вы меня не торопите,—отвѣтилъ Ивашинцевъ, продолжая алчно разсматривать со всѣхъ сторонъ группу и поглаживать рукою амуровъ. Вотъ-то пупочки!.. Ахъ, шельмецы вы этакіе, право, шельмецы! Такъ бы взялъ да и съѣлъ бы васъ. Нѣтъ, я, батенька, не оторвусь отъ этой группы... А что она стоитъ?

Хозяинъ досадливо закусилъ губу.

— Это очень дорогая вещь,—холодно отвѣтилъ онъ и заговорилъ съ Софьей Леонтьевной о лотереѣ.

Ивашинцевъ вдругъ обратилъ на него злые, почти свирѣпые глаза, точно чуя, что у него хотятъ силой вырвать добычу.

— Да? дорогая? дороже денегъ?—сказалъ онъ насмѣшливо, и въ тонѣ его голоса послышалась угроза.

— Нѣтъ, конечно, не дороже денегъ,—съ натянутой улыбкой и торопливой предупредительностью отвѣтилъ хо-

зяинъ:—Но она дорога, потому что это единственный экземпляръ, привезенный мною изъ-за границы, показной...

— Единственное-то и нравится, на новинку-то и набрасываются,—проговорилъ Ивашинцевъ и засмѣялся грубымъ смѣхомъ.

Софья Леонтьевна поспѣшила опять заговорить о дѣлѣ...

VI.

Костюмированный балъ въ пользу общества покровителей убогихъ сиротъ устраивался всегда въ довольно широкихъ размѣрахъ, хотя само общество и было ничтожно по своимъ доходамъ. Немногочисленные богатые члены общества вносили въ его кассу свои пятирублевые взносы и этимъ исчерпывалась ихъ благотворительность; остальныя средства приходилось срывать съ публики, заманивая ее всѣми способами на разныя увеселенія; на это-то дѣло и тратилась, главнымъ образомъ, дѣятельность членовъ комитета, и то далеко не всѣхъ, а двухъ-трехъ дѣльцовъ, которымъ поручалось устройство увеселеній. Устройство бала было сложно и требовало большихъ хлопотъ не только со стороны Николая Тарасовича и Софьи Леонтьевны, бывшихъ главными заправилами этого дѣла, но и нуждалось въ помощи нѣсколькихъ декораторовъ, работавшихъ за деньги, и извѣстнаго числа добровольцевъ-распорядителей изъ молодежи, которыхъ прикомандировалъ Николай Тарасовичъ спеціально въ адъютанты къ разнымъ артисткамъ изъ балета, безъ присутствія которыхъ не могъ обойтись балъ. Широковѣщательная реклама, печатаніе саженныхъ афишъ, заманчивые разсказы о стоимости премій и выигрышей, все пускалось въ ходъ, лишь бы завлечь легковѣрную публику на балъ. Софья Леонтьевна уже не въ первый разъ занималась этимъ хлопотливымъ дѣломъ, но никогда она не чувствовала себя такой раздраженной, такой озлобленной, какъ въ этотъ разъ. До этого времени у нея было только одно желаніе вытянуть при помощи кого-нибудь изъ членовъ общества своего мужа на новую дорогу и устроить свои матеріальныя дѣлишки, теперь же, послѣ случившейся дома передряги, она не могла отдѣлаться отъ одной мысли: она хлопочетъ, выбивается изъ силъ, тратитъ послѣднія деньги на разъѣзды по дѣламъ, а умри завтра ея мужъ, и она останется нищей. Вѣдь только этотъ циникъ Николай Тарасовичъ воображаетъ, что она наживается отъ всѣхъ этихъ вечеровъ, подобно ему, умѣющему срывать подачки, брать

комиссіонные проценты и утягивать гроши и у Никонова, и у молодежи, и у рабочихъ, и у содержателя ресторана. Это только онъ ради своихъ выгодъ сумѣлъ сдѣлать такъ, что теперь все, начиная съ буфета и кончая лотереей, сдается на аренду, за грошовую плату, тогда какъ арендаторы-антрепренеры наживаютъ огромные барыши. Она наживается! Ужъ не это ли назвать ея наживой, что Никоновъ «презентовалъ», по его выраженію, ей какую-то лампу, какіе-то бронзовые подсвѣчники? Ивашинцевъ дѣйствительно наживается отъ этихъ увеселеній; онъ не откажется не только отъ подарковъ, но и отъ денежныхъ взятокъ; онъ навѣрное срываетъ большія деньги даже съ той же молодежи, которую онъ прикомандировываетъ къ артисткамъ, такъ какъ ей лестно числиться среди знакомыхъ этихъ дѣвицъ. Ей вспомнился разсказъ Ивашинцева о Птицыной, съ легкой руки которой началъ кутить Александръ Ивановичъ Кусовъ. Эти женщины вотъ умѣютъ обдѣлывать свои дѣла, а она, Софья Леонтьевна, не можетъ даже появиться нынче на вечерѣ, такъ какъ не ѣхать же ей въ томъ поношенномъ платьѣ, которое она пріобрѣла у тетки и за которое еще не заплатила денегъ. Старыя тряпки! Богъ вѣсть съ чьего плеча!

Въ одинъ изъ такихъ дней, когда ея раздраженіе дошло до послѣднихъ предѣловъ подъ вліяніемъ мелкихъ домашнихъ заботъ и недостатковъ, она поѣхала къ Серафимѣ Степановнѣ съ рѣшительнымъ намѣреніемъ окончательно отказаться отъ всякаго участія въ устраиваемомъ обществомъ вечерѣ. Горничная только-что сообщила ей, что «у барышень калошки и сапожки расхудились», тогда какъ у нея вовсе не было на покупку новой дѣтской обуви денегъ; ихъ не было даже на то, чтобы дотянуть мѣсяцъ безъ долга въ мясную лавку, и уже нѣсколько дней подъ рядъ она, не глядя на кухарку, говорила особенно небрежнымъ тономъ: «сегодня возьмите мясо безъ денегъ». Все это подняло цѣлую бурю негодованія въ душѣ Софьи Леонтьевны, и она поѣхала къ Кусовой въ такомъ настроеніи, что легко могла бы наговорить послѣдней всякихъ дерзостей. Ничего для нея не сдѣлала эта женщина, а между тѣмъ она называетъ Софью Леонтьевну своей правой рукой, она прикомандировываетъ ее къ Николаю Тарасовичу, чтобы онъ меньше кралъ. Нѣтъ, пора кончить эту игру, тутъ ничего не добиться.

Поднимаясь по лѣстницѣ къ Кусовой, Софья Леонтьевна

неожиданно столкнулась лицомъ къ лицу съ Александромъ Ивановичемъ, собравшимся выйти изъ дому. Кровь прилила ей въ голову. Она, со времени роковой поѣздки съ нимъ на острова, еще не встрѣчалась ни разу. Два раза онъ писалъ ей, но она даже не рѣшалась ему отвѣтить, не зная, какъ вести себя далѣе по отношенію къ нему.

— Наконецъ-то я вижу тебя,—радостно проговорилъ онъ, протягивая ей руку.—Вѣдь мы не видались цѣлую вѣчность!

Она вздрогнула и инстинктивно осмотрѣлась кругомъ, нѣтъ ли кого-нибудь на лѣстницѣ.

— Для моего спокойствія мнѣ было бы лучше и никогда не видѣться съ вами,—сдержанно отвѣтила она.—Я слишкомъ дорого заплатила за все.

Она хотѣла уже идти, но онъ задержалъ ея руку въ своей рукѣ.

— Куда же ты спѣшишь, подожди минуту,—сказалъ онъ страстнымъ шопотомъ.—И что за тонъ!

— Или вы хотите, чтобы, кромѣ моего мужа, всѣ знали истину?—проговорила она строго и, высвободивъ свою руку, пошла дальше.

Она прошла черезъ залъ и гостиную въ кабинетъ Кусовой. Ее принимали безъ доклада. Въ кабинетѣ кромѣ хозяйки дома присутствовала дочь Кусовой, Аделаида Ивановна Воронихина, молодая женщина съ длинной тонкой шеей, съ остроносымъ профилемъ, съ срѣзаннымъ книзу подбородкомъ, съ выдающимися впередъ губами, съ большими круглыми глазами еще не оперившейся птицы, и сѣдовласый, еще красивый и бодрый старикъ высокаго роста съ неподвижно строгимъ выраженіемъ лица, одѣтый во фракъ съ виднѣющеюся изъ-подъ лацкана звѣздою. Это былъ Ѳедоръ Ѳедоровичъ Арцымовъ, только недавно занявшій мѣсто въ комитетѣ общества покровителей убогихъ сиротъ.

— А я васъ ждала еще вчера, душа моя,—проговорила Серафима Степановна, протянувъ блѣдную и сухую руку Никитиной.

Софья Леонтьевна, поздоровавшись съ присутствующими и сѣвъ въ кресло, отвѣтила довольно сухо Кусовой:

— У меня было такъ много дѣла за эти дни.

— Ахъ, душа моя, мы всѣ завалены по горло дѣлами,—отвѣтила Кусова.

— Да, можетъ-быть, но у меня ихъ ужъ черезчуръ много,—сказала Никитина.—Я, впрочемъ, очень рада, что мнѣ удалось во-время исполнить всѣ возложенныя на меня

порученія по устройству костюмированнаго бала. Отъ дальнѣйшихъ хлопотъ мнѣ придется уже отказаться.

— То-есть, какъ это, душа моя?—спросила Кусова.—Вѣдь у насъ еще предполагается спектакль и базаръ. Общество покровителей убогихъ сиротъ нуждается въ средствахъ.

— А!—перебила ее раздражительно Никитина:—нельзя же все хлопотать о чужихъ дѣтяхъ, какъ бы они ни нуждались, когда прежде всего нужно подумать о своихъ! У меня на рукахъ двѣ дочери, требующія воспитанія, образованія, ухода! Года уходятъ, а онѣ еще никуда не опредѣлены, и потому мнѣ самой нужно теперь серьезно заниматься съ ними...

Она постаралась сдѣлать усиліе надъ собой и приняла дѣловой тонъ.

— Успѣхи нашего вечера обезпечены вполнѣ, и я сдѣлала все, что лежало на моей обязанности,—проговорила она.—Разные мелкіе счеты и отчеты я передала Николаю Тарасовичу, такъ какъ на самомъ вечерѣ я лично не буду.

— Какъ же такъ, душа моя?—съ удивленіемъ и тревогою спросила Кусова. Вы знаете, что я безъ васъ, какъ безъ рукъ. Притомъ я же не буду, вѣроятно, на этомъ вечерѣ. И Адочка тоже потеряется безъ васъ. Что же можетъ Адочка?

Адочка встрепенулась, сейчасъ же сдѣлала невинное лицо и, какъ эхо, повторила:

— Что же я могу!

Никитина пожала плечами:

— Въ вечерѣ будетъ принимать участіе столько дамъ.

— Да, но вы знаете, душа моя, что ни я, ни Ада не имѣемъ ничего общаго съ этими дамами,—почти съ ужасомъ произнесла брезгливымъ тономъ Кусова.

— Я тоже, кажется, не имѣю ничего общаго съ ними!—обидчиво и сухо сказала Никитина, и въ ея глазахъ блеснулъ недобрый огонекъ.

Арцымовъ пристально смотрѣлъ на ея красивое лицо, озаренное выраженіемъ гордости.

— Ахъ, душа моя, развѣ я это сказала? Я этого никогда не говорила! Я вовсе и не хотѣла сказать,—заторопилась Кусова, заговоривъ плаксивымъ тономъ.—Но вы были всегда такъ добры, душа моя, и принимали на себя тяжелую обязанность сноситься съ ними. Богъ видитъ эту жертву!

— Теперь меня замѣнитъ Николай Тарасовичъ,—пояснила Софья Леонтьевна.

Кусова сдѣлала гримасу и со вздохомъ обратилась по-французски къ Арцымову.

— Вотъ человѣкъ, котораго приходится поневолѣ переносить!

— Загадочная репутація?—въ видѣ вопроса сквозь зубы процѣдилъ Арцымовъ.

— О, менѣе всего! — вставила брезгливо Никитина и усмѣхнулась презрительной улыбкой.—Онъ щеголяетъ циничною откровенностью!

— Ужасная откровенность!—почти съ содроганіемъ произнесла Кусова и опять обратилась къ Никитиной:—Нѣтъ, нѣтъ, душа моя, ради Бога не оставляйте меня одну съ нимъ, съ этими людьми.

Аделаида Ивановна уставилась на Арцымова своими птичьими, глупо изумленными глазами и стала пояснять:

— Вообразите, мама всегда теряется съ такими людьми, какъ этотъ monsieur Ивашинцевъ!

— Да, да, я теряюсь,—подтвердила Кусова.

Ада начала жаловаться птичьимъ голоскомъ:

— Вообразите, пригласили въ прошломъ году опять устраивать вечеръ, такъ какъ третьяго года былъ одинъ убытокъ, а онъ и говоритъ: «что, ваше превосходительство, видно безъ вора нельзя барышей получить?» Мама даже испугалась и говоритъ: «Какъ безъ вора? Кто это воръ? Гдѣ воръ?» А онъ, вообразите, прямо ей такъ и сказалъ: «Да я воръ! Меня вѣдь устранили, чтобы не кралъ, а получился убытокъ! Видно, надо воровать, да дѣла дѣлать». Мама тогда совсѣмъ растерялась.

Арцымовъ взглянулъ на Никитину. Она брезгливо пожала плечами и слегка приподняла брови. Ада продолжала жаловаться.

— Вообразите, онъ прошлаго года объявилъ, что вечеръ будетъ «Оазисъ и миражъ въ пустынѣ съ шествіемъ каравана». А потомъ, когда мама спросила его на вечерѣ: «А гдѣ же шествіе каравана?» Онъ ей отвѣтилъ: «Караванъ-то? На афишѣ онъ, и вонъ на той сторонѣ это верблюды изображены, а барыши въ кассѣ общества». Мама тогда тоже совсѣмъ растерялась.

Кусова подняла со вздохомъ глаза къ потолку.

— Къ несчастію, такіе люди только и дѣлаютъ дѣла,— сказалъ сухо Арцымовъ.

— Мама, право, не выдержала бы болѣе работы съ нимъ, если бы не помогала мамѣ madame Никитина,—проговорила Адочка и опять начала жаловаться:—И вдругъ теперь мы должны будемъ имѣть дѣло съ нимъ!

Софья Леонтьевна сухо замѣтила:

— Я уже сказала, что я не по капризу отказываюсь отъ дальнѣйшихъ хлопотъ по вечеру...

Въ эту минуту портьера кабинета раздвинулась и въ комнату безъ доклада вошелъ Александръ Ивановичъ Кусовъ. Лицо Софьи Леонтьевны залилось румянцемъ. Она поняла, что этотъ неосторожный человѣкъ ждалъ ея возвращенія отъ Серафимы Степановны гдѣ-нибудь на улицѣ, у подъѣзда, и наконецъ, рѣшился вернуться домой и зайти въ кабинетъ матери, чтобы только увидать ее, Софью Леонтьевну. Кусова сдѣлала строгое лицо и сказала сыну:

— Мы тутъ говоримъ о дѣлахъ.

— Я, вѣроятно, не помѣшаю,—небрежно отвѣтилъ онъ и поздоровался съ Арцымовымъ, сестрой и Софьей Леонтьевной.— Все хлопочете о вечерѣ?—спросилъ онъ и разсмѣялся.— Много уже крови испортили?

— Ахъ, пожалуйста, не шути серьезными вещами!— остановила его мать.

— Тебѣ хорошо, когда ты только пріѣдешь на этотъ вечеръ, чтобы веселиться!—упрекнула его сестра, выпячивая и безъ того выдававшіяся впередъ губы.—А мы вотъ теперь совсѣмъ теряемся: madame Никитина отказывается принимать дальнѣйшее участіе въ вечерѣ, и мы, какъ безъ рукъ, однѣ остаемся.

— Вы не будете на вечерѣ?—поспѣшно спросилъ Александръ Ивановичъ, обращаясь къ Софьѣ Леонтьевнѣ.

— Я не могу быть!—сухо отвѣтила она, не смотря на него.

Арцымовъ посмотрѣлъ на часы и поднялся съ мѣста. Едва онъ скрылся за портьерой, поднялась и Софья Леонтьевна. Кусова удержала ее за руку.

— Нѣтъ, нѣтъ, душа моя, мнѣ надо поговорить съ вами,— сказала она и обратилась къ дѣтямъ:—Мнѣ нужно поговорить съ madame Никитиной.

Александръ и Ада вышли въ гостиную.

— Душа моя, вы чѣмъ-то недовольны, что-то скрываете отъ меня,—сказала Кусова, оставшись наединѣ съ Никитиной.

— Я ничѣмъ не недовольна, ничего не скрываю,—отвѣ-

тила Никитина.—Но я уже говорила вамъ, что у меня масса семейныхъ хлопотъ. Мои дѣвочки подрастаютъ, мнѣ приходится учить ихъ самой, мнѣ надо хлопотать о помѣщеніи ихъ куда-нибудь въ институтъ. Вы знаете, что я жертвовала всѣмъ своимъ временемъ обществу, пока могла, но теперь было бы безбожно и безнравственно забрасывать своихъ дѣтей для чужого дѣла. Я не такъ богата, чтобы нанимать гувернантокъ, чтобы платить за дѣвочекъ куда-нибудь за полный пансіонъ.

— Да ихъ же можно пристроить на казенный счетъ, душа моя,—сообразила Кусова:—или чьими-нибудь пансіонерками.

— У меня нѣтъ протекцій и, признаюсь откровенно, я не привыкла просить,—сказала гордо Никитина.—Вы видите, я сама помогала своимъ трудомъ обществу, приносила посильную помощь доброму дѣлу, но просить за себя, за своихъ дѣтей я не хочу и не буду.

— Душа моя, кто же этого требуетъ?—воскликнула Кусова.—Нашъ святой долгъ позаботиться о нихъ за ваши услуги...

— Я не продавала своихъ услугъ!

— О, что вы говорите! Я вовсе не хотѣла этого сказать, душа моя! Развѣ я это сказала? Я этого никогда не говорила!

Кусова подняла глаза къ небу, какъ бы призывая его въ свидѣтели чистоты своихъ помысловъ.

— Видитъ Богъ, душа моя, что этого никто и не подумаетъ! Наконецъ, хлопотать о вашихъ дѣвочкахъ совсѣмъ пустое дѣло. Мнѣ стоитъ слово сказать Арцымову, и Ѳедоръ Ѳедоровичъ устроитъ вашихъ дѣвочекъ чьими-нибудь пансіонерками въ институтъ. Это ему ничего не стоитъ при его связяхъ.

— Я очень благодарна, но...

— Нѣтъ, нѣтъ, ради Бога безъ этихъ «но»,—воскликнула Кусова. — Вы будете попрежнему душою нашего общества, а я ручаюсь за судьбу вашихъ дѣвочекъ. Вы, душа моя, знаете, что я не даю пустыхъ обѣщаній...

Она протянула руку Софьѣ Леонтьевнѣ и, стараясь быть особенно любезною, что никогда не удавалось ей, пошутила:

— Недобрая! хотѣла насъ бросить!

Онѣ обѣ поднялись съ мѣстъ, и Софья Леонтьевна пошла изъ кабинета Кусовой. Простившись съ хозяйкой дома, Адой и Александромъ Ивановичемъ, Никитина направилась домой. Она еще не успѣла свернуть изъ Милліонной въ

М ковъ переулокъ, какъ ее нагналъ Александръ Ивановичъ.

— Нѣтъ, сегодня ты не ускользнешь отъ меня без объясненій,—весело проговорилъ онъ, равняясь съ нею.

Она вздрогнула отъ испуга и съ строгимъ видомъ напомнила ему:

— Мы на улицѣ, кругомъ народъ!

— Ахъ, что мнѣ за дѣло до народа! Я тебя не видал цѣлую вѣчность!

— Да, но мнѣ-то дорога моя репутація, если она н дорога вамъ!—горячо возразила Софья Леонтьевна. —Я не понимаю, что вамъ все равно, что я пережила за эти дни, что мнѣ приходится переживать теперь?

— Мать наговорила чего-нибудь непріятнаго?—озабоченн спросилъ онъ.

— Чего же непріятнаго могутъ сказать эти дамы какой-нибудь госпожѣ Никитиной, — съ иронією сказала Софья Леонтьевна.—Онѣ желаютъ, чтобы я устраивала въ пользу ихъ общества съ какими-то негодями вечера, базары, л тереи, гулянья.

— Это съ Ивашинцевымъ? — спросилъ онъ. — Тоже негодяй!

— Да, это и онѣ знаютъ, и потому поручаютъ мнѣ работать съ нимъ вмѣсто нихъ, — продолжала желчно Никитина. —Но этого мало! Я должна еще фигурировать на этомъ вечерѣ, чтобы вмѣсто нихъ быть любезною и предупредительной съ разными француженками, дѣвицами изъ балета, которыя въ видѣ маріонетокъ-приманокъ приглашенк продавать вино и цвѣты, должна помогать этому высокому нравственному дѣлу. Онѣ бы спросили, есть ли у меня туалеты, чтобы стоять рядомъ съ этими дамами.

— Ради Бога... У тебя нѣтъ денегъ? —горячо спросилъ он

Она окинула его холоднымъ и гордымъ взглядомъ. Он еще болѣе торопливо проговорилъ:

— Да полно... не сердись! Неужели же все кончено? За что? Я же такъ же безумно...

— Ради Бога тише! — съ искреннимъ страхомъ сказал она. —Что же мнѣ бѣжать? на помощь звать?

— Ахъ, что ты говоришь? Кто тутъ слышитъ? никог нѣтъ здѣсь!—воскликнулъ онъ.

Они дѣйствительно шли уже по пустынной мѣстности, по набережной между Мойкою и зданіями кочюшеннаго вѣдомства, по направленію къ Михайловскому саду. Суровость и

неприступность Софьи Леонтьевны въ это утро, довольно продолжительная разлука послѣ послѣдней ихъ прогулки вмѣстѣ, ея разгорѣвшееся отъ волненія лицо, все это только возбуждало Александра Ивановича. Казалось, онъ впервые старается одержать побѣду надъ этой неприступной женщиной, а трудность побѣды надъ нею была одною изъ главныхъ причинъ того, что онъ для этой женщины забылъ на-время общества разныхъ Птицыныхъ, съ одной стороны, и разныхъ Армансъ, съ другой. Онъ, несмотря на всѣ кутежи и любовныя похожденія, былъ все еще юнъ, и побѣда надъ замужней, строго державшей себя, по виду порядочной, женщиной очень льстила его самолюбію, казалась ему чѣмъ-то необыкновеннымъ. Долго ли продолжалось бы это очарованіе—трудно сказать, но послѣднія событія, открытіе мужемъ этой связи, снова раздразнили Александра Ивановича. Опять онъ, во что бы то ни стало, жаждалъ быть около этой женщины, сторонившейся другихъ поклонниковъ.

— Нѣтъ, ты должна меня выслушать или я надѣлаю безумствъ!—страстно говорилъ онъ.—Ты говоришь: мужъ! люди! Что мнѣ въ нихъ? Развѣ мы виноваты въ томъ, что мы любимъ другъ друга, что мы не можемъ повѣнчаться? Мы мужъ и жена передъ своею совѣстью! Насъ повѣнчала любовь! Вѣдь ты не разлюбила? Нѣтъ? Скажи, скажи одно слово!

— Сумасшедшій!—прошептала она, опять охваченная чувствомъ страсти, той страсти, которой никогда не пробуждалъ въ ней мужъ.

Онъ уже не помнилъ себя отъ радости, торопливо возвращаясь съ нею назадъ, къ тому мѣсту, гдѣ стояли кареты.

VII.

Часы пробили одиннадцать, когда Софья Леонтьевна открыла глаза и съ недоумѣніемъ осмотрѣлась вокругъ себя, точно не сознавая, гдѣ она находится, какъ она попала на свою постель, послѣ костюмированнаго бала, бывшаго наканунѣ. Она чувствовала себя крайне усталою, будто разбитою.

Мало-по-малу, въ ея памяти стали воскресать всѣ событія вчерашняго дня. Съ утра она ѣздила по городу, дѣлая послѣднія распоряженія относительно вечера, покупая послѣднія необходимыя бездѣлушки для своего туалета: цвѣты, перчатки, шнурки, шпильки. Потомъ послѣ обѣда она заторопилась одѣваться, и ей все казалось, что она опоздаетъ.

Это ощущеніе, что надо спѣшить и торопиться, вообще не покидало ее въ послѣдніе дни ея дѣятельности, сдѣлавшейся подъ конецъ лихорадочной. Наконецъ, она была одѣта и могла ѣхать. Она вышла въ гостиную, чтобы взглянуть на свое отраженіе въ новомъ платьѣ въ простѣночномъ зеркалѣ. Въ гостиной горѣли двѣ лампы и, кромѣ того, горничная держала въ рукахъ, поднявъ высоко, двѣ свѣчи. Смотрѣть на мать въ новомъ платьѣ прибѣжали дѣти, и дѣвочки, захлопавъ въ ладоши отъ радости, хотѣли обнять мать. Она въ испугѣ поспѣшила замахать руками, проговоривъ:

— Нѣтъ, нѣтъ, запачкаете или сомнете. Не подходите.

Володя съ видомъ взрослаго цѣнителя и знатока нарядовъ тоже вошелъ въ гостиную, сѣлъ верхомъ на стулъ и, опершись подбородкомъ на спинку стула, съ засунутыми въ карманы брюкъ руками, одобрилъ мать:

— Шикарно!

Въ это время вышелъ изъ кабинета Егоръ Егоровичъ и замѣтилъ:

— Ты ужъ собралась?

Она отвѣтила, что ей нужно быть одной изъ первыхъ, какъ представительницѣ комитета, такъ какъ Кусова навѣрное не пріѣдетъ на балъ подъ предлогомъ болѣзни, и спросила его вскользь, стараясь быть вполнѣ спокойной, будетъ ли онъ на вечерѣ. Онъ, сохраняя дѣловой и озабоченный видъ, сказалъ, что будетъ, попозже пріѣдетъ. У него еще есть доклады, которые надо кончить. Ужасно все это сложно и запутанно!

Она зачѣмъ-то сказала дѣтямъ обычную фразу: «ну, не шалите» и, вовсе не думая о нихъ, не замѣчая даже, что Миши опять нѣтъ среди нихъ, — онъ все пропадалъ у Денизы Андреевны — пошла къ выходу съ одной тревожной, не покидавшей ее мыслью: «Какъ онъ, ея мужъ, встрѣтится съ Александромъ?» Она не знала, встрѣчался ли мужъ съ Александромъ Ивановичемъ послѣ ихъ «исторіи».

Странное впечатлѣніе произвели на нее залы собранія въ этотъ вечеръ «Алжирскаго праздника», какъ былъ названъ этотъ костюмированный балъ: ей показалось, что она попала за кулисы въ театръ и видитъ близко все то, что можетъ казаться хоть сколько-нибудь приглядным только издали,—грубо намалеванныя декораціи бѣлыхъ зданій въ восточномъ вкусѣ на густой зелени невѣдомыхъ растеній: массу изображеній пальмъ, выстроенныхъ, какъ солдаты, въ рядъ и долженствующихъ изображать перспективу длин-

ныхъ аллей; какія-то намалеванныя фигуры людей въ бѣлыхъ и полосатыхъ бурнусахъ и женщинъ съ закрытыми лицами; какихъ-то накрашенныхъ охотниковъ, прицѣливающихся изъ-за скалъ въ громадныхъ съ косматыми гривами львовъ, роющихъ ярко-желтый песокъ въ пустынѣ и задравшихъ хвосты съ пучками темно-желтой шерсти. Все это было скорѣе смѣшно и противно, чѣмъ характерно, когда приходилось стоять рядомъ съ этими свирѣпыми львами и съ этими храбрыми охотниками. А посреди всего этого стояли палатки, кіоски и бесѣдки, наскоро сколоченные, наскоро сплетенные изъ прутьевъ, досокъ и раскрашенныхъ бумажныхъ тканей, кое-гдѣ продырявившихся, мѣстами съ облѣзлой краской, ясно свидѣтельствовавшихъ о своей долголѣтней службѣ на пользу бѣдныхъ и сиротъ. Нужно было имѣть очень пылкое воображеніе, чтобы всѣ эти доски, парусину и малярныя краски принять за предметы восточной роскоши.

Когда Никитина явилась въ собраніе, въ залахъ находились еще рабочіе въ грязныхъ, насквозь промокнувшихъ подъ мышками отъ пота рубашкахъ, таща за стволы чахлыя растенія въ горшкахъ, ящики съ винами, посуду, и тутъ же сновали татары-лакеи, съ бритыми головами и въ потертыхъ фракахъ, перебрасываясь отрывистыми гортанными фразами на своемъ языкѣ и точно ругаясь между собою. Она брезгливо приподняла платье, боясь, что ея подолъ сразу покроется слоемъ пыли, и пробралась къ Ивашинцеву. Онъ былъ весь въ поту, раскраснѣлся, растрепался.

— Я говорила, что мы опоздаемъ!—тревожно сказала она.

— Не волнуйтесь, барынька, не волнуйтесь!—охрипнувшимъ голосомъ успокоилъ ее онъ мимоходомъ и устремился къ группѣ рабочихъ, устанавливавшихъ кадки съ цвѣтами около одного изъ кіосковъ. — Ну, живѣй, живѣй, распротоканальи!—раздался вдали его осипнувшій отъ криковъ голосъ.—Я вамъ покажу, какъ у меня копаться!

И понесся далѣе; онъ, точно вихрь, выметалъ изъ залы весь этотъ рабочій людъ, суетливо спѣшившій кончить дѣло вездѣ, гдѣ появлялся Ивашинцевъ съ крѣпкими, площадными ругательствами. Чрезъ какихъ-нибудь десять-пятнадцать минутъ рабочихъ не было въ залахъ, и вмѣсто нихъ стали появляться, мало-по-малу, люди въ модныхъ фракахъ съ бантами на лацканахъ, — франтоватая, раздушенная молодежь. Откуда-то послышалось шипѣніе льющейся на что-то горячее влаги, и по заламъ понесся душистый бѣло-

ватый паръ: это торопливо проносили раскаленные конфорки, поливая на нихъ разведенными водой духами. Въ кіоскахъ, бесѣдкахъ и палаткахъ замелькали, мало-по-малу, дорогіе наряды, брильянтовые уборы, красивыя лица улыбающихся заказными улыбками дѣвицъ изъ разныхъ театровъ и изъ балета, ухитряющихся жить такъ экономно и благоразумно, чтобы при шестистахъ рубляхъ годового жалованья дѣлать себѣ десятки тысячныхъ нарядовъ и публично щеголять этой роскошью не безъ внутренней гордости, зная, какую зависть возбуждаетъ она въ другихъ. Около нихъ уже увивались ихъ поклонники- распорядители. Софья Леонтьевна обошла всѣхъ, пожимая десятки рукъ съ снисходительно любезной улыбкой распорядительницы, обмѣниваясь милыми, ничего не значащими фразами съ этими дѣвицами и дамами, которыхъ она презирала въ душѣ. Она озабоченно осмотрѣла зачѣмъ-то еще разъ уже осмотрѣнную ею въ этотъ вечеръ выставку выигрышей, которая была дѣйствительно очень блестяща на видъ, хотя и Ивашинцевъ, и Никитина знали очень хорошо, что лучшія вещи выставляются Никоновымъ только для вида и никогда никому не достаются. Спустя еще нѣсколько минутъ, Софья Леонтьевна уже сидѣла у колеса лотереи-аллегри и тихо разговаривала съ какимъ-то коротко-остриженнымъ, черноволосымъ, широкимъ въ кости, коренастымъ, загорѣлымъ и краснощекимъ юношей, почти мальчуганомъ по виду, прикомандированнымся помогать ей.

— Вы обрекаете себя на эту му́ку?—послышался около нея голосъ, заставившій ее вздрогнуть.

Она подняла голову и увидала Александра Ивановича Кусова. Они пожали другъ другу руки. Она спросила его о матери и сестрѣ. Онъ отвѣтилъ, что мать по обыкновенію не пріѣдетъ, отговариваясь мигренью отъ бала, а сестра уже здѣсь, и стоитъ у другого колеса лотереи-аллегри.

— Кстати. Володя,— обратился онъ къ стоявшему около Софьи Леонтьевны юнцу, походившему на румяный персикъ, едва покрывшійся пушкомъ:—пройди къ Адѣ и спроси ее, не нужно-ли ей еще помощника.

Юноша, къ которому обратился Александръ Ивановичъ, съ озабоченнымъ видомъ поспѣшилъ исполнить порученіе Александра Ивановича, довольный тѣмъ, что онъ играетъ дѣятельную роль на этомъ балу.

— Я отослалъ этого деревенскаго дурака, чтобы сказать тебѣ, что ты очаровательна сегодня!—поспѣшилъ сказать Александръ Ивановичъ, глядя влюбленными глазами на Никитину.

— Не безумствуй хоть здѣсь,—отвѣтила она, едва замѣтно шевеля губами и пристально разбирая тетрадь, гдѣ были записаны названія выигрышей.

— Этотъ черный бархатъ и эти чайныя розы — ты не могла придумать ничего лучше, — продолжалъ онъ, разсматривая ея туалетъ.

Она почувствовала, что ея щеки покрылись румянцемъ при этихъ словахъ: впервые на ней былъ нарядъ, заказанный на его деньги. Какое чувство стыда, обиды, досады перестрадала она, прежде чѣмъ онъ убѣдилъ ее взять у него деньги. Онъ говорилъ ей страстно, что, вѣдь, взяла бы она у него деньги, если бы была его законной женой? А развѣ она нравственно не жена его? И гдѣ же любовь, если люди считаются грошами? Объ этомъ даже говорить не слѣдуетъ! Этотъ торгъ оскорбляетъ! Онъ убѣдилъ ее тогда взять деньги, онъ прислалъ даже ей въ подарокъ брильянтовыя серьги и брошь. А вотъ теперь, когда онъ похвалилъ ея нарядъ, — она снова вся раскраснѣлась отъ смущенія. Чтобы скрыть свое волненіе, она стала разспрашивать Кусова, кто этотъ юноша, прикомандированный къ ней.

— Володя? — спросилъ съ гримасой Кусовъ. — Это мой двоюродный братъ, племянникъ матери, князь Жеребцовъ. Изъ поврежденной семьи. Его братъ помѣшался на любви къ народу и на простотѣ жизни, его хочетъ тоже въ народолюбца превратить и держитъ въ деревнѣ. Теперь оба брата въ Петербургѣ на-время.

Разговоръ на этомъ оборвался, такъ какъ пришелъ самъ князь Владиміръ Васильевичъ Жеребцовъ.

Лежа въ постели и перебирая всѣ мелочи прошедшаго вечера, она остановилась мысленно на этомъ моментѣ своего смущенія передъ Кусовымъ ради воспоминанія о его подаркахъ. Ей вспомнилось, что когда-то, давно, Егоръ Егоровичъ, ухаживая за ней, дѣвушкой, дѣлалъ ей мелкіе подарки, и она цѣловала за нихъ его, своего жениха. Ни разу она не устыдилась тогда. Не понимала она тогда, что ли, ничего или тогдашніе подарки Егора Егоровича были не тѣмъ, чѣмъ были полученныя ею теперь деньги отъ Александра Ивановича.

Она вдругъ съ мучительнымъ выраженіемъ на лицѣ стиснула свои зубы, вспомнивъ что-то. Ей показалось, что она снова совершенно явственно слышитъ хриплый, похожій на

звукъ вертящагося несмазаннаго колеса, голосъ Николая Тарасовича:

— А сегодня Птицына такъ-таки всю ночь и не уснетъ,— проговорилъ онъ, наклонясь надъ нею съ осклабившимся лицомъ, когда отъ нея на минуту отошелъ Александръ Ивановичъ.

Она почувствовала, что Ивашинцевъ хочетъ сказать что-то скверное, и коротко отвѣтила ему:

— Я ее вовсе не знаю!

— Вотъ она въ палевомъ платьѣ, вышитомъ жемчугомъ, въ кіоскѣ съ шампанскимъ,—указалъ глазами Ивашинцевъ.

— Она меня вовсе не интересуетъ!

— Еще бы! Зато она съѣсть васъ глазами хочетъ! Сегодня въ плѣнъ вы взяли Александра Ивановича. Онъ все здѣсь, какъ мотылекъ около огня, вьется.

— Я никого не удерживаю при себѣ, ни васъ, ни его, такъ какъ мнѣ взялся помогать князь Владиміръ Васильевичъ.

— Князь по части лотереи помощникъ, а такъ-то что въ немъ. Мальчуганъ.

Она взглянула на Ивашинцева холоднымъ, строгимъ взглядомъ, какъ бы желая заставить его молчать. Но его было трудно испугать взглядами. Онъ продолжалъ:

— А знаете, кто еще поднялъ бы сегодня переполохъ? Серафима Степановна, будь только она здѣсь! Вѣдь это у нихъ, въ свѣтѣ, не принято, чтобы молодой человѣкъ находился все при одной и той же дамѣ въ теченіе всего вечера.

— Мнѣ иногда кажется, что вы не всегда отдаете себѣ отчетъ въ томъ, что вы говорите,—сказала она, отвернувшись отъ него.

Въ ея головѣ мелькала мысль, чего хочетъ отъ нея этотъ человѣкъ. Въ его голосѣ ей слышались какія-то зловѣщія ноты. Его улыбка съ осклаблявшимися отъ нея желтыми зубами казалась особенно гадкой.

До ея слуха долетѣли громко сказанныя слова Ивашинцева, обращенныя къ князю Владиміру Васильевичу Жеребцову, къ этому краснощекому и безусому здоровяку-юношѣ, который былъ прикомандированъ къ ней или, вѣрнѣе, самъ прикомандировался къ ней и который являлся такимъ рѣзкимъ контрастомъ съ остальной молодежью, по своей крѣпости, свѣжести и здоровью.

— Что, князь, продажа-то билетовъ идетъ на славу у васъ? вотъ что значитъ, когда торговля находится въ ру-

кахъ волшебницы и очаровательницы? Гордиться вы должны тѣмъ, что у этого колеса стоите ассистентомъ.

— Я очень доволенъ!—краснѣя проговорилъ юноша, опираясь на красивыя плечи Никитиной.

— Еще бы? — сказалъ Ивашинцевъ и что-то шепнулъ ему на ухо.

Тотъ покраснѣлъ еще болѣе.

— А знаете, у Аделаиды Ивановны, вѣрно, талисмана нѣтъ,—обратился Ивашинцевъ къ Никитиной.—У нея совсѣмъ не берутъ билетовъ на лотерею. А ужъ она ли не таращитъ на людей глазъ!

Никитина промолчала. Она увидала, что къ ней опять направляется Александръ Ивановичъ, и встревожилась. Пусть бы онъ ушелъ; не подходилъ бы къ ней. Однако, онъ подошелъ и заговорилъ съ нею. Тогда, улучивъ минуту, она, не глядя на него, шепнула:

— Уйдите! За нами наблюдаютъ! Подите къ Птицыной.

Ея выразительные глаза указали въ сторону Ивашинцева. Но она въ волненіи не замѣтила, что за Ивашинцевымъ пробирался въ толпѣ другой человѣкъ, котораго и увидалъ Александръ Ивановичъ. Это былъ Егоръ Егоровичъ. Александръ Ивановичъ сразу понялъ, что означаютъ слова и взглядъ Софьи Леонтьевны, и исчезъ въ многолюдной толпѣ.

Толпа уже была очень густа; изъ цирка и изъ французскаго театра сразу набралось множество народа; точно волной ихъ сюда прибило, и нѣкоторые изъ пріѣхавшихъ уже были слегка навеселѣ, успѣвъ закусить въ разныхъ буфетахъ до пріѣзда на костюмированный балъ, гдѣ ѣда и вина были дороги и гдѣ притомъ нерѣдко для части незнакомыхъ лакеямъ-татарамъ гостей не находилось нигдѣ мѣстъ. Нѣкоторые изъ молодежи уже расхрабрились до того, что цѣловали ручки продавщицъ, улыбавшихся всѣмъ и каждому однѣми и тѣми же казенно-привѣтливыми улыбками. Александръ Ивановичъ Кусовъ пробрался къ кіоску Птицыной и попросилъ шампанскаго. Она засмѣялась глуповатымъ смѣхомъ балетной танцовщицы, показавъ два ряда бѣлыхъ зубовъ и проговорила:

— Наконецъ-то!

Онъ отвѣтилъ:

— Лучше поздно, чѣмъ никогда.

— Скажите, пожалуйста, какое самомнѣніе! — проговорила она.

— Такъ лучше никогда?—спросилъ онъ.

Угадайте' отвѣтила она.

— А вы сами не скажете?

— Не скажу!

У нихъ завязалось перебрасыванье двусмысленными намеками, понятными только имъ.

Въ это время мимо кіоска проходили двѣ личности — бодрый приземистый старикъ съ розовымъ добродушнымъ лицомъ и высокій статскій блондинъ, почтительно старавшійся казаться ниже ростомъ, чтобы маленькому старику было удобнѣе говорить съ нимъ.

— Смотрите, гдѣ шампанское — тамъ и Александръ! — шутя проговорилъ старикъ и остановился. — О, неисправимый мой сынъ!

Его спутникъ смутился, но, тѣмъ не менѣе, вѣжливо протянулъ руку Александру Ивановичу. Отступленіе уже было невозможно. Это былъ Егоръ Егоровичъ. Александръ Ивановичъ крѣпко сжалъ ему руку и, не выпуская ее изъ своей, сказалъ:

— Позвольте съ вами чокнуться!

Егоръ Егоровичъ молча протянулъ лѣвую руку къ бокалу, чувствуя себя крайне неловко.

— И вы тоже! — покачалъ ему головой старикъ Кусовъ съ шутливымъ упрекомъ и пояснилъ, что онъ уѣзжаетъ, такъ какъ на минуту заглянулъ сюда.

Александръ Ивановичъ и Егоръ Егоровичъ въ неловкомъ положеніи остались съ глазу на глазъ у кіоска среди шумящей и движущейся толпы. Александръ Ивановичъ протянулъ еще бокалъ Егору Егоровичу и спросилъ его:

— Вы давно здѣсь?

— Нѣтъ, минутъ десять какъ пріѣхалъ, — отвѣтилъ Никитинъ немного хриплымъ голосомъ, чувствуя, что ему затруднительно говорить свободно.

— Немного скучно здѣсь! На эти балы нужно ѣздить дружеской компаніей, иначе помрешь съ тоски.

— Да, это правда,—согласился Егоръ Егоровичъ.

— Я, впрочемъ, вообще предпочитаю интимные ужины гдѣ-нибудь въ отдѣльномъ кабинетѣ въ небольшомъ кружкѣ, безъ церемоній, на распашку.

— Это правда!

— Однако, насъ затолкали!—сказалъ Александръ Ивановичъ.—Допьемъ же и уступимъ мѣсто другимъ.

— А ужинаемъ вмѣстѣ?—спросила Птицына.

— Это же рѣшеный вопросъ, — отвѣтилъ Кусовъ и пояснилъ Никитину: — Составляется компанія человѣкъ въ пять-шесть. Надо провѣтриться послѣ этой духоты... санный путь отличный...

Онъ еще разъ чокнулся съ Никитинымъ, осушилъ бокалъ, бросилъ на прилавокъ горсть кредитныхъ билетовъ и, взявъ Никитина подъ руку, затерялся съ нимъ въ толпѣ. Онъ чувствовалъ, что подъ его рукою находится точно одеревянѣвшая несгибающаяся рука, что голосъ его собесѣдника звучитъ сдавленно, сипло, что этотъ человѣкъ не знаетъ, какъ держать себя съ нимъ. Ему вдругъ стало жалко этого человѣка: онъ вотъ готовъ теперь весь міръ обнять, всѣхъ расцѣловать, и Птицыну, и Софью Леонтьевну, и Никитина, а этотъ бѣдняга все еще сердится на него, все еще смотритъ обиженнымъ. Онъ въ невольномъ порывѣ стиснулъ его руку около локтя и прошепталъ сердечно:

— Вы не простили меня?

Это было совершенно неожиданно для Никитина. Въ другое время онъ, быть-можетъ, произвелъ бы скандалъ, разбушевался, но теперь и жена стала для него почти чужою, и привыкъ онъ къ мысли, что прошлаго не воротишь, и вино, выпитое имъ, настроило его, по обыкновенію, на нѣсколько плаксивый тонъ. У него защемило сердце, и онъ не могъ ничего отвѣтить сразу.

— Голубчикъ, есть поступки, за которыя мы не можемъ отвѣчать, — продолжалъ Кусовъ тѣмъ же сердечнымъ голосомъ.—Если бы вы знали, какъ я люблю васъ и какъ мнѣ горько, что мы сошлись на скользкомъ пути...

— Ну, что-жъ теперь говорить объ этомъ!—печально сказалъ Никитинъ.—Вы разбили мое счастье!

— Нѣтъ, нѣтъ! не говорите такъ! Мнѣ это больно! — воскликнулъ Кусовъ.

— Вы думаете, мнѣ легко?—сказалъ Никитинъ.

— А мнѣ? Нѣтъ мы оба несчастны одинаково! Оба! — проговорилъ Кусовъ.

Они безсознательно поднялись на хоры, пробрались въ какой-то уголокъ и приказали подать вина...

Софья Леонтьевна, осаждаемая весь вечеръ покупателями билетовъ, давно уже должна была прекратить свою торговлю, за распродажею билетовъ, и начинала скучать, выслушивая общія фразы любезныхъ кавалеровъ, отъ которыхъ все болѣе и болѣе отдавало запахомъ вина. Въ залахъ было уже и душно, и угарно отъ смѣси ароматовъ вина, духовъ, цвѣ-

говъ и людского пота. Кое-гдѣ вмѣстѣ съ щелканьемъ пробокъ раздавались возгласы гулякъ; дамы сомнительнаго свойства уже успѣли завербовать себѣ кавалеровъ; среди паяцевъ, арлекиновъ, полишинелей, пьереттъ и цвѣточницъ появилось уже два-три костюма очень откровеннаго покроя и среди блеска золота и брильянтовъ виднѣлись и такіе украшенные мишурой и фольгой наряды, которые были взяты явно изъ табачной лавки и говорили о малой требовательности ихъ носительницъ, — то тутъ, то тамъ слышались фразы, отъ которыхъ могли бы покраснѣть и не особенно стыдливые люди; собраніе начинало принимать видъ обыкновеннаго кафе-шантана, гдѣ шли пьянство, разгулъ. Сюда уже ворвалась улица со всею ея грязью и разнузданностью, со всею ея принаряженною для вида бѣдностью и жаднымъ высматриваніемъ, гдѣ бы поѣсть на чужой счетъ. Пробравшись сквозь полупьяную толпу, къ Никитиной подошелъ немного невѣрной походкой Ивашинцевъ и подвелъ подъ руку какую-то даму, одѣтую въ пестрые лоскутья.

— Рекомендую: «Общественное мнѣніе» — моя жена, — сказалъ онъ и засмѣялся громкимъ смѣхомъ.

Нарумяненная дама въ пестрыхъ лоскутьяхъ развязно протянула руку Никитиной, обтянутую въ загрязнившуюся и пропотѣвшую насквозь перчатку. Софья Леонтьевна ее пожала не безъ гримасы.

— Мы сейчасъ ужинали! пояснилъ Ивашинцевъ и опять глупо засмѣялся. —Никифоровъ...

«Общественное мнѣніе» ударило его вѣеромъ по носу.

— Ну, пооткровенничай еще! — обрывая его на полусловѣ, сказала дама съ гримасой. —Онъ у меня такій глупый, когда спьянѣетъ! —пояснила она.

Толпа оттерла эту пару отъ Софьи Леонтьевны, уже начинавшей негодовать на Ивашинцева и его безцеремонную даму въ лохмотьяхъ... Среди этого хаоса, отъ котораго рябило въ глазахъ и кружилась голова, Софья Леонтьевна, уже давно тревожившаяся мыслью, почему пропалъ Александръ Ивановичъ и почему не пріѣхалъ на балъ ея мужъ, замѣтила съ удивленіемъ что-то такое, что ей показалось сначала кошмаромъ, нелѣпымъ видѣніемъ: къ ней шли подъ руку Александръ Ивановичъ Кусовъ и ея мужъ, оба красные, оба улыбающіеся. Она ничего не могла сразу понять, кромѣ того, что они пришли заявить ей, что они ѣдутъ куда-то цѣлой компаніей провѣтриться и поужинать и что они пришли распорядиться насчетъ того, чтобы кто-нибудь

ее проводилъ домой. Александръ Ивановичъ все безсмысленно твердилъ:

— Володя проводитъ! Володя молодецъ! Ты проводишь, Володя? Володя радъ проводить!

Въ отвѣтъ на это Егоръ Егоровичъ повторялъ тоже безсвязно:

— Такъ это-то Володя и есть? пусть онъ провожаетъ! Онъ проводитъ! молодецъ, Володя!

Она чувствовала, что они не понимаютъ, что они говорятъ, и поспѣшила уйти, скрыться въ сопровожденіи князя Владиміра Васильевича и отъ мужа, и отъ Кусова. Князекъ, весь вечеръ услуживавшій ей и таскавшій ей то чай, то мороженое, теперь, весь сіяющій отъ радости, укуталъ ее въ мѣховую ротонду, накинулъ кое-какъ свое пальто, и заботливо сталъ усаживать ее въ карету, очень долго и усердно оправляя неумѣлыми руками ея шлейфъ, чтобы не наступить на него ногами. Она нѣсколько разъ повторяла ему, чтобы онъ не заботился, что онъ простудится, но онъ былъ такъ счастливъ, что не чувствовалъ холода. Онъ, проведшій все дѣтство въ деревнѣ, впервые игралъ роль на балу, впервые видѣлъ подобный балъ, куда потащили его, чтобы «Адочкѣ не ѣхать одной». Въ каретѣ онъ успѣлъ разсказать, что онъ учился и учится дома въ деревнѣ, готовясь весной держать выпускной экзаменъ въ гимназіи, что ему не особенно нравится въ Петербургѣ, такъ какъ онъ любитъ деревню, что ему уже восемнадцать лѣтъ, что онъ только моложавъ на видъ, и далъ понять, что онъ не кутитъ и ведетъ воздержанную и даже замкнутую жизнь, что этимъ онъ обязанъ, главнымъ образомъ, своему старшему брату Жоржу—ахъ, какой это удивительный человѣкъ!—и тому, что онъ самъ привыкъ съ дѣтства глубоко уважать женщинъ, что онъ не только боится, но и не желаетъ затянуться въ тѣ омуты, гдѣ теряется это уваженіе. При этомъ онъ неумышленно осудилъ своего кузена Александра Ивановича Кусова, замѣтивъ, что «вотъ Александръ былъ сегодня совсѣмъ неприличенъ». Все это сообщалось по-юношески, торопливо и безсвязно, какъ будто съ боязнью опоздать познакомить спутницу съ своею особою. Она слышала его только на половину, и когда онъ, прощаясь, сталъ почтительно цѣловать ея руку, она уже думала не о немъ, а объ Александрѣ и мужѣ. Они оба стали ей вдругъ противны, и ей казалось, что оба глубоко оскорбили ее.

Теперь, поутру, ясно вспоминая ихъ лица, ихъ улыбки,

ихъ рѣчи, она съ сдвинутыми бровями поднялась съ постели и стала одѣваться. Въ ея головѣ повторялась одна гнѣвная фраза: «Пропили меня, какъ вещь».

VIII.

— Что это ты, мать моя, разоспалась сегодня?—раздался грубоватый голосъ Денизы Андреевны, вошедшей въ спальню Софьи Леонтьевны и заставшей послѣднюю еще въ постели.

— Поздно вчера съ бала вернулась и страшно устала,— отвѣтила Никитина, здороваясь съ теткой.

— Вотъ, то-то и есть, поздно вернулась, а съ вечера не распорядилась, чтобы Женю сводили сегодня въ церковь къ обѣднѣ. Чай, дѣти-то у тебя православныя, да и сама не татарка!—упрекнула племянницу Дениза Андреевна, бывшая строгой католичкой и часто посѣщавшая костелъ, ревниво исполняя всѣ обряды, предписываемые католической церковью.—Поди, и забыла, что сегодня день рожденія Жени.

Софья Леонтьевна досадливо закусила губы, она дѣйствительно забыла среди заботъ и хлопотъ о балѣ, что этотъ день былъ днемъ рожденія ея старшей дочери. Не возражая теткѣ и не стараясь оправдываться, она начала одѣваться.

— Ахъ, вы, матери, матери! Въ Бога-то не умѣете вы учить дѣтей вѣровать,— упрекнула ее ворчливо старуха.— Къ чему готовите-то ихъ? Чѣмъ объ убогихъ-то сиротахъ хлопотать, ты бы свою семью оберегла, спросила бы, перекрестили ли лбы твои дѣти, вставши поутру. А потомъ сами же жаловаться станете, когда изъ дѣтей негодяи сдѣлаются... У васъ только и заботы, чтобы все показное прилично было, а въ семьѣ хоть кабакъ будь—вамъ все равно, лишь бы все было шито и крыто. Благодѣтели!.. Однако ты очень-то долго не копайся, тамъ тебя какой-то господинъ ждетъ,— закончила Дениза Андреевна, закуривая папиросу.

— Какой господинъ?

— Развѣ я всѣхъ твоихъ знакомыхъ знаю? Да я его и не видала, горничная сказала, что кто-то ждетъ...

— Что же мнѣ не сказали? — взволновалась Софья Леонтьевна и позвала горничную: — Кого это ты впустила? Вѣдь видѣла, что я еще не вставала?

— Это господинъ Ивашинцевъ,— объяснила горничная.— Они сказали, что подождутъ, когда вы встанете... Да отъ нихъ не отдѣлаешься ни крестомъ, ни пестомъ!.. Я ужъ и то обругала ихъ. Много воли рукамъ даютъ!

Потомъ она въ нѣкоторомъ смущеніи добавила:

— И еще пріѣхали молодой господинъ... такъ въ родѣ мальчика... Карточку просили передать... Я и ихъ приняла... потому что вы не приказывали, чтобы отказывать сегодня... И тоже неловко было отказывать, потому они видѣли господина Ивашинцева...

Софья Леонтьевна уже умывалась въ эту минуту и не могла взять изъ рукъ горничной визитной карточки. Ее взяла прохаживавшаяся, подбоченясь, по спальнѣ Дениза Андреевна и прочла вслухъ, не выпуская изо рта папиросы:

— Князь Владиміръ Васильевичъ Жеребцовъ.

— Ахъ, Боже мой, что ему надо? — воскликнула Никитина, волнуясь.—И какъ ты могла принять?.. Я не одѣта еще, Богъ знаетъ, сколько времени ждать придется... Человѣкъ въ первый разъ пріѣхалъ...

Она начала быстро вытирать лицо, ворча и сердясь на прислугу. Въ порядочныхъ домахъ не умѣютъ служить, сама не можетъ понять, что нельзя принимать гостей, когда господа спятъ. Она вспомнила что-то.

— Ты барина хоть вызови!—приказала она.

— Баринъ-съ не ночевали дома и ихъ еще нѣтъ,—отвѣтила горничная.

Софья Леонтьевна обратилась къ теткѣ и строптиво заговорила:

— Вотъ жизнь! Женатый человѣкъ, отецъ семейства, и Богъ вѣсть гдѣ ночуетъ! Вы вотъ все меня вините...

— Ну, оба вы хороши!—отвѣтила Дениза Андреевна совершенно равнодушно.—Одного поля ягоды!.. А ты одѣвайся скорѣе, а то гости-то твои заснутъ тамъ...

Она вышла въ дѣтскую.

А въ гостиной въ это время ходили изъ угла въ уголъ Николай Тарасовичъ и Владиміръ Васильевичъ.

— А вы, князь, скоропалительный человѣкъ,—подшучивалъ Николай Тарасовичъ надъ юношей. — Побѣду прямо хотите одержать? Что-жъ, барынька пикантная.

Князекъ былъ красенъ, какъ вареный ракъ. Черноволосый, чернобровый, здоровый, какъ откормленный теленокъ, онъ былъ прелестенъ. Въ немъ все говорило, что это еще нетронутое здоровье, что это еще вполнѣ чистое по нравственности существо. Въ отвѣтъ на двусмысленные намеки Ивашинцева онъ сконфуженно пробормоталъ:

— Нѣтъ, что же... я просто очень радъ познакомиться... Я такъ много слышалъ о madame Никитиной отъ тети

Серафимы Степановны... Тоже кузина Ада говорила... Я такъ радъ, что вчера мнѣ пришлось быть ассистентомъ у madame Никитиной... Я просилъ позволенія сдѣлать визитъ ей... У меня нѣтъ ни одного знакомаго семейнаго дома здѣсь, а безъ брата я точно оспротѣлъ...

И, немного тревожась, онъ спросилъ:

— Но, можетъ-быть, я поторопился?.. Вы какъ думаете, этого не слѣдовало дѣлать сегодня? Вы знаете, мнѣ не у кого спросить! Братъ никакихъ свѣтскихъ приличій не признавалъ, и потому я...

— Пустое! Чего тутъ стѣсняться?—засмѣялся, осклабляя свои желтые зубы, Ивашинцевъ. — Одни штурмомъ беруть крѣпости, другіе голодомъ заставляютъ непріятеля сдаться, измором. Лишь бы цѣли достигнуть, а на остальное наплевать.

Въ эту минуту въ комнату вошла манерною плавною походкою, съ приподнятой курчавой головкой, нарядно одѣтая дѣвочка лѣтъ десяти съ коробкой монпансье въ рукахъ и сдѣлала чопорный реверансъ гостямъ.

— Здравствуйте, барышня, здравствуйте! Ручку дайте!— слащавымъ голосомъ заговорилъ Ивашинцевъ и, нѣжно гладя дѣтскую руку, наклонился поцѣловать дѣвочку въ губы.—Это что же у васъ, барышня? конфеты?

— Да, мое рожденье сегодня,—жеманно проговорила она.

— Такъ это вамъ маманя и подарила?

— Нѣтъ, это мнѣ tante Денизъ принесла.

— Жаль, не зналъ я этого,—не зналъ, а то бы и я вамъ, барышня, подарилъ конфетъ, вотъ и князь подарилъ бы,— пояснилъ Ивашинцевъ, указывая глазами на Владиміра Васильевича.—Подарили бы, князь?—спросилъ онъ, обращаясь къ Жеребцову.

— Я... я, отчего-же!—воскликнулъ князекъ конфузясь.— Я даже хоть сейчасъ... А вы какъ думаете, это не будетъ неприлично, если я теперь? А?

Онъ вдругъ громко засмѣялся, обрадованный этой мыслью.

— А? вѣдь это хорошо будетъ? А? Я поѣду и привезу?

Онъ схватился за шляпу и быстро направился къ двери.

— Да вы получше!.. куклу, что ли... или отъ ювелира что-нибудь...—крикнулъ ему вдогонку Ивашинцевъ.—Чѣмъ дороже, тѣмъ больше благодарности.

Потомъ онъ снова обратился къ дѣвочкѣ:

— Вотъ мы ваше дѣльце и обдѣлали, барышня! И будете вы съ подарочкомъ, — пояснилъ онъ, цѣлуя ее крѣпко въ

щеку, и сталъ ее разспрашивать слащаво, сюсюкая и шелявя:

— А что же мамаша и папаша подарили вамъ, душечка?

— Мама еще не видала меня сегодня, а папы нѣтъ дома,— пояснила Женя.—Папа не ночевалъ дома.

— Развѣ папа не всегда ночуетъ дома?

— Да, папа не всегда ночуетъ дома, а мама всегда, — отвѣтила дѣвочка, жеманно разглаживая рукой оборки своей юбочки.

— А кто у васъ чаще всего бываетъ? А?

— Всѣ часто бываютъ.

— Нѣтъ, а кто чаще другихъ? Всѣ часто, а чаще всѣхъ кто?

Дѣвочка не успѣла отвѣтить, какъ дверь отворилась и въ гостиную вошла Софья Леонтьевна. Здороваясь съ Ивашинцевымъ, она въ недоумѣніи обвела комнату глазами, не находя въ ней Жеребцова, и мелькомъ, немного рѣзко замѣтила дочери:

— Зачѣмъ ты здѣсь?

— Да мы вотъ тутъ поздравляли вашу обворожительную барышню,—пояснилъ Ивашинцевъ.—Отъ земли не видать, а ужъ манеры есть, приличныя дѣвицѣ. Одно очарованіе! Князь даже ускакалъ за конфетами. О, юность, юность! Безъ ума уже онъ отъ васъ...

Софья Леонтьевна пожала плечами.

— Это вы ему посовѣтовали сдѣлать глупость? — рѣзко спросила она.

— Отчего же глупость? пусть ихъ, эти князьки подносятъ намъ по силамъ и средствамъ свои дары...

Она отрывисто перебила его, взглянувъ на лежавшій на столѣ портфель Ивашинцева:

— Вы, вѣроятно, со счетами?

— Да, есть тутъ кое-какіе, подмахнуть вамъ надо,—скакалъ онъ и въ его голосѣ зазвучали сухія нотки.

— Ихъ же нужно сначала просмотрѣть — провѣрить,— отвѣтила она.

— Ужъ будто я такъ и стану явно воровать,—проговорилъ онъ, осклабляясь ядовитой улыбкой.—Нѣтъ, вы ужъ не сомнѣвайтесь, что тутъ проставлено, то вѣрно; комаръ носа не просунетъ. Я на этотъ счетъ аккуратенъ.

Ее всегда коробило отъ этой манеры Ивашинцева говорить о своей дѣятельности, гдѣ рядомъ съ гаерствомъ шелъ цинизмъ, и у нея всегда являлось только одно желаніе по-

скорѣй отдѣлаться отъ него. Поймать его на какой-нибудь кражѣ она не могла, да онъ и не крадъ, а только бралъ гдѣ можно, проценты, подарки и взятки. Она, мелькомъ взглянувъ на счета, стала подписывать ихъ. Онъ въ это время прохаживался по комнатѣ, слегка посвистывая.

— А ужъ для барышни вашей конфеты такъ за мной и будутъ,— сказалъ онъ, наконецъ, видя, что всѣ бумаги подписаны, и забирая счета. Какъ же это такъ: былъ день рожденья у барышни и вдругъ безъ подарка? Это не манера!

Едва успѣла затвориться за нимъ дверь, какъ пріѣхалъ снова Владиміръ Васильевичъ. Онъ былъ теперь и смѣшонъ и очаровательнѣе въ своей растерянности съ дорогою куклой въ коробкѣ и съ изящной бонбоньеркой въ рукахъ. Онъ все еще не сознавалъ, прилично ли онъ дѣлаетъ, таща сюда эти подарки, или нѣтъ, и смотрѣлъ сконфуженнымъ до послѣдней степени. Софья Леонтьевна не могла даже разсердиться на него, такъ комиченъ показался ей онъ, раскраснѣвшійся, улыбающійся и что-то бормочущій въ оправданіе себѣ. Въ эту минуту онъ болѣе чѣмъ когда-либо походилъ на мальчика, еще не превратившагося въ юношу.

— Владиміръ Васильевичъ, если бы я имѣла надъ вами какія-нибудь права, ну хоть права старшей кузины, я непремѣнно бы васъ...

Она взяла себя за кончикъ уха и показала, что она сдѣлала бы съ нимъ.

— Ну, извольте, извольте! — весело воскликнулъ онъ, нагибая къ ней голову.

Ему ничего такъ не хотѣлось въ эту минуту, какъ того, чтобы она взяла его за ухо. Она засмѣялась и проговорила:

— Ну, ужъ Богъ съ вами!

Она протянула ему руку, къ которой онъ быстро припалъ своими пунцовыми губами. Не прошло и пяти минутъ, какъ онъ уже перецѣловалъ обѣихъ ея дѣвочекъ и далъ слово Манѣ, что онъ и ей привезетъ такую же куклу, какъ Жени. Потомъ онъ опять заговорилъ съ Софьей Леонтьевной о себѣ: у него нѣтъ ни отца, ни матери, но есть братъ старшій, на пятнадцать лѣтъ его старше; ихъ была большая семья, но всѣ умерли и остались только они вдвоемъ; братъ его очень любитъ, какъ сына, нѣтъ, даже больше, чѣмъ сына.

— И потому избаловалъ васъ,—вставила она.

Онъ засмѣялся.

— Вы находите? Нѣтъ, я вовсе не избалованъ, то-есть не привередничаю и не кучу. Меня кузенъ Александръ дѣвчонкой называетъ, желая этимъ уязвить меня. Это потому, что я не кучу съ его друзьями. Привычки нѣтъ! Да мнѣ и не съ кѣмъ кутить въ деревнѣ. Я мало вижу людей. Вы знаете, братъ, если бы онъ былъ здѣсь, и вчера уговорилъ бы меня не ѣздить на этотъ балъ. Онъ всегда говоритъ и шутя и серьезно, что нужно остерегаться во всемъ только первой рюмки. Я самъ это понимаю. Только мнѣ очень ужъ хотѣлось вчера быть на балу, я сказалъ тетѣ Серафимѣ Степановнѣ, что я при Адѣ буду состоять, ну, тетя и обрадовалась.

— А вы и обманули ее?

— Нѣтъ, что же, я Аду и привезъ и отвезъ,—сказалъ онъ.

— Какъ отвезли?—удивилась Никитина.—Вы же со мной уѣхали.

Онъ засмѣялся съ дѣтскимъ лукавствомъ.

— А вы и не замѣтили, что я исчезалъ на полчаса? Я отвезъ Аду и вернулся опять. Ахъ, если бы вы знали, какъ я боялся, что вы уѣдете безъ меня или...

Она вопросительно взглянула на него.

— Съ вами могли поѣхать вашъ мужъ или кузенъ Александръ,—пояснилъ онъ.

Она презрительно усмѣхнулась.

— О, имъ вчера было не до меня!

И вдругъ впала въ наставительный тонъ:

— А, право, я посовѣтовала бы вамъ, какъ мать... Я вѣдь, по лѣтамъ, вамъ въ матери гожусь...

— Вы-то!—воскликнулъ онъ, протестуя.

— Да, я; мнѣ уже за тридцать лѣтъ... Я посовѣтовала бы вамъ не ѣздить на подобные балы. Если вы теперь смотрите милымъ юношей, то послѣ двухъ-трехъ такихъ баловъ въ васъ не будетъ ни душевной свѣжести, ни душевной чистоты. Вы видѣли, каковы были къ концу вечера тѣ живые цвѣты и букеты, которые вы принесли мнѣ. Такъ вянетъ все свѣжее на этихъ балахъ, разсчитанныхъ только на дурные инстинкты человѣка: они устраиваются съ благотворительной цѣлью, а въ дѣйствительности поощряютъ разгулъ и пьянство молодежи, развиваютъ дурныя стремленія.

Онъ слушалъ ее чуть не со слезами на глазахъ и восторженно воскликнулъ:

— Ахъ, если-бъ васъ слышалъ Жоржъ! Онъ говоритъ то

же самое! Жоржъ удивительно чистый и нравственный человѣкъ!

— Это кто же Жоржъ?

— Мой братъ! Ахъ, да я и не сказалъ вамъ еще, какъ его зовутъ! Да, Жоржъ—мой братъ!

И онъ восторженно, какъ влюбленные говорятъ о своихъ возлюбленныхъ, началъ говорить о своемъ братѣ: братъ Жоржъ очень умный и ученый человѣкъ; онъ очень добръ и снисходителенъ къ людямъ, но онъ ведетъ очень замкнутую и скромную простую жизнь, такъ какъ... Князекъ замялся на минуту и потомъ, понизивъ голосъ, въ смущеніи и краснѣя, пояснилъ, что Жоржъ долго жилъ съ одной дѣвушкой не изъ ихъ круга и потомъ, послѣ смерти отца и матери, женился на ней: это mésalliance и ее нельзя вывозить въ свѣтъ, но она добрая и честная женщина. Ее уважаютъ всѣ ученые и профессора, посѣщающіе его брата и пріѣзжающіе къ нимъ гостить въ деревню. Жоржъ вѣдь только въ ихъ кругу и вращается. Онъ самъ занимается изслѣдованіями по археологіи. Его труды по этой части доставили ему уже солидную извѣстность даже за границей, гдѣ его статьи печатаютъ въ ученыхъ журналахъ...

— Братъ даже съ Шлиманомъ и Эберсомъ въ перепискѣ. Онъ желалъ бы, чтобы и я шелъ по этой дорогѣ, но я еще не знаю, что меня больше влечетъ. Я и музыку, и живопись люблю, и... Ахъ, какъ мнѣ хотѣлось бы путешествовать, много-много, весь свѣтъ объѣхать!

— Ну, въ этомъ вы сошлись бы съ моимъ младшимъ сыномъ,—съ улыбкой замѣтила Софья Леонтьевна.

— А онъ тоже любитъ путешествія?—обрадовался князекъ.

— Какъ всѣ дѣти!—шутливо пояснила она.—Начитался Эмаровъ, Верновъ...

Когда князекъ уѣхалъ, Софья Леонтьевна была убѣждена, что она знаетъ всю жизнь и самой этой еще вполнѣ юной души, и его чудака-брата, гнущаго горбъ надъ какими-то древностями и живущаго просто... Какъ это «жить просто»? Что это значитъ? Голодать, что ли?..

Она прошла въ дѣтскую, двѣ дѣвочки еще раздѣвали и одѣвали новую куклу Жени, показывая ее со всѣхъ сторонъ Денизѣ Андреевнѣ.

— И охота было покупать такую дорогую игрушку,—небрежно сказала Софья Леонтьевна, только теперь разсмотрѣвъ подарокъ, сдѣланный князькомъ. — Вѣроятно, рублей двадцать заплатилъ?

— Ну, и всѣ пятьдесятъ,—сказала Дениза Андреевна, знавшая цѣну вещамъ.—Да что же ему значатъ эти деньги. У его брата милліонное маіоратное состояніе, а онъ, кромѣ своихъ сотенъ тысячъ, получитъ и братнинъ капиталъ, когда тотъ умретъ.

Софья Леонтьевна широко открыла глаза. Этого она не предполагала.

— Развѣ его братъ такъ богатъ?—спросила она съ удивленіемъ.—Онъ мнѣ говорилъ, что тотъ ведетъ скромную... какую-то простую, какъ онъ сказалъ, жизнь, археологіей занимается... живетъ по большей части въ деревнѣ...

— Да, юродствуетъ, какъ говорятъ люди, а въ сущности опротивѣли они ему всѣ,—ну, и отвернулся отъ нихъ, какъ отъ гадинъ. Счастье еще, что нашелъ жену по себѣ... Дѣтей—вотъ только жаль, нѣтъ, хвораетъ она все... Вотъ и теперь повезъ онъ ее за границу по предписанію врачей... Потому и братишка здѣсь болтается... нашъ Вили Шольцъ сапоги на нихъ шьетъ...

Дениза Андреевна все знала, что касалось богатыхъ людей: объ однихъ отъ знакомыхъ кокотокъ, о другихъ отъ своей родни—сапожниковъ, перчаточниковъ, модистокъ.

IX.

За шесть дней до рождественскихъ праздниковъ Софью Леонтьевну поразила неожиданная новость.

Со дня костюмированнаго бала она замѣтила нѣкоторую перемѣну въ отношеніяхъ къ ней Александра Ивановича и Егора Егоровича. Оба они были какъ будто сконфужены и смотрѣли провинившимися школьниками. Первый старался скрыть свое смущеніе особенною поддѣльною ласковостью и цѣлымъ рядомъ разныхъ мелкихъ подарковъ, точно откупаясь за свою вину. Второй выказывалъ необычайную торопливость и суетливость при встрѣчахъ съ женой, постоянно куда-то спѣша съ дѣлами, принимая озабоченный видъ и, повидимому, только желая ускользнуть отъ какихъ-то объясненій съ женой. Сначала это ее раздражало, потомъ она почувствовала къ нимъ обоимъ что-то въ родѣ презрѣнія и мысленно называла ихъ трусами. «Пропили ее, какъ вещь, и сами струсили своего поступка».

Однако, долго задумываться надъ этимъ вопросомъ ей было некогда: водоворотъ столичной жизни, этотъ ужасный водоворотъ, заставляющій человѣка дѣлать почти безсознательно цѣлую массу мелкихъ ошибокъ и крупныхъ поступ-

ковъ, не имѣя времени предварительно обсудить ихъ или тотчасъ же дать себѣ отчетъ въ нихъ, не давалъ ей покоя, не оставлялъ ее ни на минуту одну съ ея думами, съ ея совѣстью. Засѣданія въ комитетѣ, приготовленія къ благотворительному концерту, посѣщенія бѣдныхъ, выѣзды съ необходимыми визитами, бѣготня по магазинамъ, все это шло одно за другимъ, утомляло, заставляло играть постоянно ту или другую роль, не быть самой собою, и она бывала очень рада тѣмъ минутамъ, когда ее посѣщалъ «князекъ-болтушка», какъ она въ шутку прозвала Владиміра Васильевича Жеребцова. Онъ вносилъ въ домъ какое-то особенное, совершенно своеобразное оживленіе, что-то дѣтски жизнерадостное. Онъ, заѣзжая на часокъ, на полтора вечеромъ послѣ своихъ уроковъ, то возился съ дѣтьми, то игралъ на фортепіано, то разсказывалъ Софьѣ Леонтьевнѣ о себѣ, о братѣ, отъ котораго онъ привозилъ ей поклоны, говоря, что братъ, узнавъ изъ его письма о его знакомствѣ съ хорошимъ семейнымъ домомъ, очень обрадовался этому: братъ, уѣзжая изъ Петербурга, боялся, что онъ, Володя, будетъ скучать въ домѣ Кусовыхъ, гдѣ поселился онъ на зиму и гдѣ у него не было ни съ кѣмъ ничего общаго. Онъ замѣтилъ кстати, что братъ боится только одного, какъ бы онъ, Володя, не надоѣлъ ей, что онъ проситъ ее не стѣсняться его присутствіемъ или прямо гнать его, если онъ придетъ не во-время. Она и не стѣснялась съ нимъ, видя, что это вполнѣ мальчикъ, хотя ему и восемнадцать лѣтъ, что онъ чувствуетъ еще себя одинаково хорошо и съ нею, и съ ея дѣтьми, и съ ея рѣзвымъ молодымъ мопсомъ, который тотчасъ же при появленіи Жеребцова прибѣгаетъ въ гостиную, радостно звеня бубенчиками своей сбруи, и назойливо тычетъ гостя тупымъ рыломъ въ ноги, если тотъ не обращаетъ на него вниманія. Князекъ по привычкамъ, по нравственности былъ вполнѣ ребенокъ,—болѣе ребенокъ, чѣмъ жеманящіяся и кривляющіяся при взрослыхъ дочери Софьи Леонтьевны и вѣчно ходящій съ засунутыми въ карманы панталонъ руками, постоянно садящійся верхомъ на стулъ съ положеннымъ на спинку стула подбородкомъ, старшій сынъ Никитиной. Софья Леонтьевна это почувствовала сразу. Въ то же время она почувствовала, что этотъ ребенокъ получилъ широкое образованіе, обладаетъ талантами, и можетъ не только играть съ дѣтьми, но и цѣлые часы бесѣдовать съ взрослыми. Душа этого человѣка была открыта для всѣхъ, и ее было не трудно узнать сразу, тѣмъ болѣе, что онъ лю-

билъ поговорить. Никитина узнала всю его жизнь, всѣ его вкусы. Онъ любитъ деревню, любитъ верховую ѣзду, любитъ гимнастику, любитъ переплывать быстрыя мѣста родной рѣки въ родовомъ имѣніи брата; его будущее еще не вполнѣ ясно для него, такъ какъ его манитъ все въ жизни, и наука, и живопись, и музыка. Города, особенно столицы, Москва и Петербургъ, его нѣсколько стѣсняютъ, какъ и его брата: они не привыкли къ своему кругу, изъ котораго братъ давно вышелъ ради своей женитьбы, а онъ, Владиміръ Васильевичъ, бывалъ въ этомъ кругу только мальчикомъ; конечно, братъ сейчасъ же могъ бы завязать прежнія связи, но зачѣмъ ему это, когда онъ въ Петербургъ и въ Москву наѣзжаетъ только на короткое время, когда онъ весь погруженъ въ свои деревенскіе интересы и въ свои археологическія изысканія? Теперь онъ, правда, долженъ былъ съ мѣсяцъ прожить въ Петербургѣ—Владиміръ пробудетъ здѣсь до лѣта, а братъ его, Жоржъ, прожилъ только ноябрь: жена брата болѣетъ и братъ привозилъ ее въ Петербургъ для совѣта съ докторами, которые рѣшили, что нужно скорѣе увезти ее за границу, отъ зимы, отъ весеннихъ непогодъ; за границей ей будутъ дѣлать какую-то операцію. Говорятъ, опасности нѣтъ никакой, но братъ очень тревожится. А онъ, Володя, будетъ здѣсь держать весною экзамены при одной изъ гимназій и послѣ отъѣзда брата поселился у тетки Серафимы Степановны, чтобы не жить одному въ гостиницѣ. Онъ говорилъ такъ откровенно, что Софья Леонтьевна въ какіе-нибудь три-четыре его визита узнала, сколько тысячъ бросаетъ братъ Жоржъ на больницу, на школу, на богадѣльню въ деревнѣ и сколько тратитъ на собраніе древностей, которыя когда-нибудь, вѣроятно, передадутся имъ въ одинъ изъ публичныхъ археологическихъ музеевъ; она узнала и то, что оба князя въ деревнѣ ходятъ въ простой мужицкой одеждѣ, что они держатъ очень неприхотливый столъ, что жена старшаго брата сама шьетъ имъ бѣлье, что у нея въ деревнѣ есть закадычная пріятельница «хроменькая поповна», которую всѣ любятъ и уважаютъ за ея умъ, доброту и дѣятельность. Ахъ, что это за золотое сердце! Ее нельзя не любить, несмотря на ея убожество! Впрочемъ, это и убожествомъ нельзя назвать! Она едва замѣтно хромаетъ!.. Каждый разъ при упоминаніи о хроменькой поповнѣ онъ вспыхивалъ до ушей и его глаза свѣтились особенно яркимъ блескомъ. Похваламъ ей не было конца, и если бы судить о ней только по его разсказамъ, то можно бы было поду-

мать, что это не дѣвушка, а ангелъ, слетѣвшій на землю съ неба... Софья Леонтьевна сразу поняла, что Володя до безумія влюбленъ въ эту хроменькую поповну, и потому можетъ говорить о ней по цѣлымъ часамъ... Вообще же онъ говорилъ сжато и съ одушевленіемъ, довольно мѣтко очерчивалъ двумя-тремя словами личности и искренно радовался и негодовалъ; эти качества его бесѣды поддерживали въ Софьѣ Леонтьевнѣ интересъ къ его пестрымъ разсказамъ, въ которыхъ, въ сущности, все было и чуждо, и непонятно для нея. Вопросъ, удастся ли въ нынѣшнюю зиму отцу Игнатію склонить деревню дать зарокъ не пить и выселить кабакъ; сожалѣніе о томъ, что въ Петербургѣ невозможно ходить въ удобной мужицкой одеждѣ, скакать на неосѣдланной лошади, сближаться съ такими людьми, какъ «хроменькая поповна»; озлобленіе противъ кулаковъ и міроѣдовъ и серьезное раздумье о томъ, какими средствами можно бороться съ этими язвами; обо всемъ этомъ она никогда не думала, ничѣмъ этимъ она не интересовалась, но она слушала эти оживленные и сердечные толки Володи, какъ слушаютъ анекдоты, и не зѣвала, тѣмъ болѣе, что Володѣ можно было, когда вздумается, прервать, попросить его что-нибудь спѣть и сыграть на фортепіано или напустить на него ребятишекъ и монса, съ которыми онъ начиналъ по-дѣтски возиться. Но иногда онъ заставлялъ ее смущаться: это именно въ тѣ минуты, когда онъ начиналъ восхищаться ея жизнью: кузина Ада и тетя Серафима Степановна говорятъ, что она главная опора ихъ «общества», что она одна заботится объ увеличеніи средствъ «общества» и о посѣщеніи всякихъ убогихъ сиротъ; въ то же время она у себя дома всегда окружена дѣтьми, они растутъ около нея; эта полная дѣятельности жизнь была тѣмъ идеаломъ, о которомъ всегда мечтаетъ и его братъ, когда говоритъ о людяхъ; любящая семья, отецъ, занятый трудомъ, мать, заботящаяся о дѣтяхъ, дѣти, растущія безъ притѣсненій, и въ то же время посвященіе всѣхъ свободныхъ минутъ на общую пользу, на общественную дѣятельность; да, такова семья Никитиныхъ, такъ какъ даже и отецъ семейства является осуществленіемъ идеальнаго отца—онъ вѣчно занятъ работой и, являясь на минуты въ общую комнату, говоритъ горячо и красно, какіе важные вопросы народнаго хозяйства придется ему обдумывать и если не рѣшать, то подготовлять къ рѣшенію. Тетя Серафима Степановна и кузина Ада готовы безъ конца восхвалять Софью Леонтьевну, когда ихъ

разспрашиваетъ о ней Арцымовъ, которому все кажется мало разсказовъ о ней, ея характерѣ и ея жизни. Софья Леонтьевна смущалась, когда Володя восхищался всѣмъ этимъ. И съ чего это Арцымовъ разспрашиваетъ объ ней? Ахъ, да, онъ вѣдь хлопочетъ о помѣщеніи ея дѣвочекъ! Хочетъ узнать, достойна ли она этой милости! Боится, что окажетъ благодѣяніе недостойнымъ людямъ! Гдѣ душа, гдѣ сердце у этихъ людей? Еще слава Богу, что Кусовы хвалятъ ее. Пожалуй, и Володя тамъ восторгается ею и ея семейнымъ счастіемъ!.. «Вотъ я показала бы ему образчикъ нашего счастія»,—съ горечью думала она въ тотъ роковой день, когда у нея зашелъ въ виду приближавшихся праздниковъ разговоръ съ мужемъ о деньгахъ...

Она застала врасплохъ Егора Егоровича, спросивъ его, когда онъ получитъ передъ праздникомъ жалованье, завтра или позже: онъ растерялся и проговорилъ:

— У меня, видишь ли, Соня, тутъ маленькое несчастье случилось... И чортъ знаетъ, какъ это произошло... Вообрази, потерялъ бумажникъ со всѣми деньгами...

— Да развѣ жалованье въ декабрѣ уже выдавали?—спросила она въ недоумѣніи.

— Нѣтъ, это въ прошломъ мѣсяцѣ,—пояснилъ сконфуженно Егоръ Егоровичъ.—Я, знаешь, не хотѣлъ огорчать тебя и перехватилъ снова у казначея... Ну, а нынче онъ не можетъ дать опять впередъ передъ самымъ праздникомъ... надо обождать...

Онъ опять повторилъ:

— И чортъ знаетъ, какъ это случилось! Въ должности еще, хорошо помню, пересчитывалъ, и вдругъ... Я ужъ у всѣхъ спрашивалъ, думалъ, не подшутили ли...

Ее страшно это встревожило, сбило съ толку. Она не доставила даже себѣ удовольствія кинуть ему въ лицо упрекъ:

— Ты не потерялъ, а пропилъ эти деньги въ ту ночь!

Вопросы болѣе важные, чѣмъ мелкіе упреки, поднялись сразу въ ея головѣ: къ празднику нужны лишніе расходы, подарки прислугѣ, отдача неотложныхъ лавочныхъ долговъ, наконецъ, эти дѣти начнутъ пищать о елкѣ. Главное, главное, это лавочники и прислуга! Хоть съ голоду умирай, а долги уплати и подарки дай.

— Что же мы будемъ дѣлать?—проговорила она.—Мы не можемъ остаться безъ денегъ въ праздники.

— Надо какъ-нибудь извернуться... заложить что-нибудь,— началъ онъ.

— Что? рѣзко спросила она. Лампы? Тряпки? Качественное серебро?

Ей вдругъ пришло въ голову: «брильянтовыя серьги и брошь», и тутъ же она рѣшила: «ни за что на свѣтѣ! Александръ увидитъ, что ихъ нѣтъ на мнѣ, спроситъ... Нѣтъ, нѣтъ, ни за что не заложу ихъ теперь».

— А у тетки нельзя ли перехватить?—нерѣшительно спросилъ онъ.

— Мы и такъ ей должны... Она уже ради того не дастъ чтобы проучить насъ на праздникъ.

— Чортъ знаетъ, что за положеніе!—проговорилъ онъ и, чтобы только отдѣлаться на-время отъ этого вопроса, замѣтилъ:—конечно, надо обдумать. Вывернуться всегда можно. Я постараюсь это обдумать!

И, оттоваривая дѣлами, онъ вышелъ. Въ ея душѣ поднялась буря.

Онъ обдумаетъ! никогда онъ никакихъ денежныхъ вопросовъ не обдумывалъ! Вѣчно за него изворачивалась она, занимала, закладывала, должала, путалась. Сколько дерзостей она наслушалась отъ лавочниковъ, отъ прислуги, швырявшей на столъ въ кухнѣ по возвращеніи изъ лавки пустую корзину для провизіи и говорившей:

— Не отпускаютъ больше въ лавкѣ безъ денегъ! Идите сами за говядиной!

Онъ ничего этого не переживалъ, никто не терзалъ его этими мелочами, никто не говорилъ ему прямо въ глаза тѣхъ дерзостей, которыя способна говорить только городская прислуга, чувствующая, что ея господа не настоящіе господа, а выжиги, рвань, голь. Не ему подносили почти къ самому лицу разорванную и стоптанную дѣтскую обувь, нахально говоря, что въ этой рвани нельзя барышнямъ ходить. Не онъ ублажалъ фыркавшую прислугу, поясняя ей, что ей нынче не отдадутъ жалованья до будущаго мѣсяца.

Среди этихъ все болѣе и болѣе разстроивавшихъ ей нервы думъ она вдругъ остановилась на злой мысли: «не вздумаетъ ли онъ занять у своего новаго друга?» Эта мысль заставила ее покраснѣть отъ стыда. Что-жъ, если могли въ пьяномъ видѣ на брудершафтъ выпить, если могли ее пропить, то теперь можно одному занимать, а другому ссужать деньги ради нея. У нея выступили слезы на глазахъ отъ злобы. Нѣтъ, надо бы было воровать такъ, какъ воруетъ Ивашинцевъ, чтобы только не нуждаться, не выносить позора, до котораго доводитъ недостатокъ денегъ!

Звонокъ въ передней заставилъ ее очнуться и быстро отереть слезы. Это, вѣроятно, Жеребцовъ. Онъ всегда заходитъ въ эту пору. Не во-время сегодня! Тѣмъ не менѣе, она сдѣлала привѣтливое выраженіе лица при видѣ входившаго въ гостиную князька.

— Вы нездоровы?—тревожно спросилъ онъ, здороваясь съ нею и глядя зоркими глазами на ея измѣнившееся лицо.

Онъ уже изучилъ каждое движеніе, каждую перемѣну этого выразительнаго лица.

— Нѣтъ, такъ что-то, голова болитъ немного,—отвѣтила она, стараясь улыбнуться.

Въ комнату вошли дѣвочки и, дѣлая низкій реверансъ, протянули руки Владиміру Васильевичу. Горничная каждый разъ при его посѣщеніи насмѣшливо говорила имъ:

— Ступайте, ступайте, можетъ-быть, опять конфетъ привезъ.

Онъ дѣйствительно принесъ имъ двѣ коробки конфетъ.

— Что это вы ихъ все балуете!—проговорила Софья Леонтьевна.—Я, право, не велю ихъ выпускать къ вамъ.

— Тогда я самъ проберусь въ дѣтскую,—со смѣхомъ сказалъ онъ.—Это же имъ доставляетъ удовольствіе. Вы знаете, я самъ въ дѣтствѣ до смѣшного любилъ жамки.

— Что?—спросила она.

— Жамки. Это такіе скверные пряники у насъ есть въ видѣ коротенькихъ палочекъ. Жмутъ ихъ изъ тѣста въ рукахъ и потомъ ладонями расплющиваютъ. Ну, вотъ они-то и были въ дѣтствѣ лучшимъ моимъ лакомствомъ. И какъ только нашъ староста Трофимъ пріѣдетъ, бывало, изъ города и придетъ съ отчетомъ къ брату, я ужъ сейчасъ и начинаю ходить около старика, какъ котъ около масла, и ужъ непремѣнно онъ вытащитъ фунтикъ съ жамками изъ заднаго кармана и пояснитъ степенно: «это Владиміру Васильевичу гостинецъ».

Въ гостиную вошелъ старшій сынъ Софьи Леонтьевны и, расшаркиваясь съ князькомъ, потрясъ ему руку, какъ взрослый.

— А у насъ скоро елка,—заговорила Женя.

— Ну, лучше бы и не дѣлать елки. Это пустяки. Мнѣ просто часы хотѣлось бы имѣть,—замѣтилъ Володя Никитинъ, презрительно пожимая плечами.—Елку все равно потомъ выбросить надо будетъ.

— Тебѣ и подарятъ часы на елку,—пояснила Женя.—А на елкѣ весело.

— Николай, елки нынче не будетъ,—сухо сказала Софья Леонтьевна.—Не до елки теперь.

Князекъ посмотрѣлъ на нее пристальнымъ взглядомъ.

— Вы это серьезно?—спросилъ онъ.

— Есть болѣе существенныя нужды,—отвѣтила она.

— Нѣтъ, для дѣтей это одно изъ величайшихъ удовольствій,—сказалъ онъ.

И затѣмъ разсказалъ, какія елки устраиваетъ его братъ въ деревнѣ. Правда, въ деревнѣ въ ихъ мѣстахъ это у крестьянъ вовсе не въ обычаѣ. Но братъ, тѣмъ не менѣе, у себя въ домѣ дѣлаетъ елку для ребятишекъ, сапоги, рубахи, фуфайки даритъ, пряники раздаетъ, туманныя картины показываетъ. Это его самого тѣшитъ, напоминаетъ его собственное дѣтство въ ихъ семьѣ.

— Хорошо, когда можно удовлетворять всѣ свои прихоти!—проговорила Софья Леонтьевна и съ горечью прибавила:—Темныхъ сторонъ жизни вы не знаете, Владиміръ Васильевичъ! Вы хоть и живете среди голодныхъ, а сущности бѣдности не знаете. Кто самъ не голодалъ, тотъ никогда не пойметъ, что значитъ голодъ...

Онъ озабоченно спросилъ:

— У васъ какое-нибудь горе?

— Что же я вамъ стану разсказывать!—отвѣтила она, пожимая плечами.

— Нѣтъ, ради Бога!—попросилъ онъ.—Я же хотѣлъ бы, чтобы вы смотрѣли на меня, какъ на близкаго человѣка. Я такъ счастливъ, что чувствую себя у васъ своимъ, близкимъ. Вы знаете, я здѣсь, въ Петербургѣ, очень одинокъ, особенно въ домѣ тети Серафимы Степановны... Тамъ все не по мнѣ... одни очень сухи, другіе слишкомъ распущены...

На минуту она поколебалась, но въ головѣ уже мелькала мысль, не выручитъ ли онъ. Можетъ-быть, черезъ него можно достать взаймы денегъ у его брата. Правда, писать придется, долго ждать. Но это все же лучше, чѣмъ ничего.

Она выслала дѣтей въ дѣтскую и заговорила:

— Я не хотѣла говорить при дѣтяхъ. Зачѣмъ отравлять имъ жизнь. Горя и впереди много. У насъ несчастіе случилось. Мужъ потерялъ деньги.

— Много?—быстро спросилъ онъ.

— Двѣсти съ чѣмъ-то рублей.

— О, это же пустяки!—воскликнулъ князекъ.—Зачѣмъ вы прямо не сказали мнѣ. Стоило ли объ этомъ плакать. Вы вѣдь плакали? Да? Я сейчасъ же замѣтилъ это, какъ вошелъ. Отъ меня вы ничего не скроете, я ваше лицо изучилъ. Я завезу завтра же вамъ деньги.

— Позвольте, позвольте!—воскликнула она, совсѣмъ растерявшись отъ неожиданности.

Она никакъ еще не могла освоиться съ мыслью, что этотъ «мальчикъ» можетъ свободно распоряжаться большими суммами денегъ. Для нея двѣсти рублей казались именно такой суммой, такъ какъ ей самой приходилось растягивать ихъ на цѣлый мѣсяцъ, на всѣ домашнія прорѣхи, на всѣ ежедневныя нужды.

— За кого же будетъ считать меня вашъ братъ, узнавъ, что я у васъ, у мальчика, беру деньги въ долгъ!—проговорила она.

— Во-первыхъ, я уже не мальчикъ,—съ улыбкой сказалъ князекъ:—а во-вторыхъ, братъ вовсе и не узнаетъ объ этомъ. Такія деньги у меня всегда есть въ моемъ безотчетномъ распоряженіи. Я уже вышелъ изъ-подъ опеки, да, въ сущности, и никогда не чувствовалъ ея. Братъ вообще не придаетъ значеніе деньгамъ.

— Если бы вы знали, какъ мнѣ горько и стыдно,—начала она, и дѣйствительно ея лицо залилось краскою стыда.

— Да вамъ и точно должно быть стыдно, что вы считаете меня за чужого,—сердечно сказалъ онъ.—Я въ вашемъ домѣ обласканъ, я чувствую себя здѣсь такъ же хорошо, какъ дома, а вы стѣсняетесь воспользоваться моими маленькими услугами.

— Маленькими!—воскликнула она.—Счастливецъ вы, не знаете вы, что значатъ для насъ, небогатыхъ людей, эти двѣсти рублей.

И она вдругъ разоткровенничалась: горечь за свои вѣчные недостатки, заставлявшіе постоянно жить мыслью среди мелочныхъ расчетовъ и счетовъ и пошлой прозы; зависть ко всѣмъ обезпеченнымъ людямъ, которые могутъ быть честными, могутъ отдаваться возвышеннымъ чувствамъ и мыслямъ, не нуждаясь ни въ чемъ, — все это разомъ охватило ее и вылилось въ жалобахъ на судьбу. Она всегда одушевлялась, когда начинала жаловаться на свою участь, и дѣлалась страстно краснорѣчивой. Съ дѣтства она знала только нужду и нужду. У нея былъ отецъ,—высокая, благородная личность! — выше всего цѣнившій свою честность, твердость своихъ убѣжденій, свою самостоятельность. Онъ умеръ чуть не нищимъ. Надъ нимъ же глумились, что онъ чудакъ, неуживчивый привередникъ, несносный фантазеръ. А чего же было и ждать ему отъ чужихъ, когда его собственная жена не вынесла, въ концѣ-концовъ, бѣдности,

когда сама она, Софья Леонтьевна, въ минуту горькой нужд... роптала на нее, святого человѣка!.. А ея мужъ! Ея бѣдный мужъ долженъ былъ отказаться отъ своей завѣтной мысли объ ученой карьерѣ ради необходимости поддерживать семью, и это отразилось на немъ, сдѣлало его изломаннымъ, искалѣченнымъ человѣкомъ!.. Она сама вотъ любитъ общественную дѣятельность, жаждетъ приносить пользу ближнимъ, не можетъ жить для одной себя, но все-таки придется въ конецъ-концовъ, отказаться отъ этой любимой дѣятельности. Гдѣ тутъ спасать бѣдняковъ, когда дома не можешь свести концовъ съ концами, когда порой отъ усталости подкашиваются ноги, а въ карманѣ нѣтъ денегъ даже на извозчика...

Князь Владиміръ Васильевичъ видѣлъ съ дѣтства многихъ бѣдняковъ и слышалъ толки о нихъ брата, но никогда еще онъ не слышалъ столько горечи и озлобленія изъ устъ нуждающагося люда. Тамъ, въ деревнѣ, нищета просто говорила о недостаткѣ хлѣба, а не о состояніи души, вызванномъ этимъ недостаткомъ хлѣба. Здѣсь на его молодую душу произвела потрясающее дѣйствіе эта страшная вспышка откровенности. Онъ на минуту заглянулъ въ душу Каина, считающаго себя обиженнымъ и обойденнымъ и готоваго убить взысканнаго небомъ Авеля. Ему было глубоко жаль и этого невѣдомаго ему честнаго и стойкаго учителя-старика, погибающаго чуть не съ голоду на глазахъ молоденькой дочери, и эту дочь сироту, которую пріютила изъ жалости тетка-огрубѣвшая среди мелкой борьбы изъ-за хлѣба, добрая по-своему, но не умѣющая щадить людей, и этотъ стремящійся къ наукѣ молодой человѣкъ, поневолѣ промѣнявшій любимую имъ научную дѣятельность на канцелярскій трудъ ради жены и дѣтей. Слушая Софью Леонтьевну, разгорѣвшуюся, иногда отиравшую слезы, иногда стискивавшую зубы точно отъ нестерпимой боли, онъ то ходилъ быстро по комнатѣ, то сжималъ ей руки и говорилъ въ волненіи:

— Успокойтесь! успокойтесь! я понимаю, какъ вамъ тяжело...

И самъ волновался чуть ли не больше ея.

— Нѣтъ, мнѣ легче, когда можно хоть передъ кѣмъ-нибудь высказаться,—говорила она.

И точно ей было сладко высказать все, что передумалось и перечувствовалось за много лѣтъ. Она сама не сознавала, что страстно высказываемая ею правда была близка ко лжи: факты не выдумывались ею, но окрашивались иначѣмъ были они окрашены въ дѣйствительности; порой ея

сказывалась только часть тѣхъ или другихъ фактовъ, и они отъ этого казались не такими, какими были въ жизни. Но вся эта не настоящая окраска, все это умолчаніе о нѣкоторыхъ явленіяхъ, все это усиленіе тѣхъ или другихъ обстоятельствъ и красокъ были безсознательными, были такими, какими представлялись въ ея воображеніи, и потому тонъ ея разсказовъ ни на минуту не прозвучалъ фальшью и былъ искреннимъ. Взволнованный до слезъ князекъ, сжимая и цѣлуя ея руку, просилъ ее только объ одномъ:

— Ради Бога, въ каждую тяжелую минуту обратитесь ко мнѣ, какъ къ другу. Если я буду не въ состояніи помочь вамъ, то, вѣрьте мнѣ, что мой братъ всегда охотно поможетъ вамъ.

— Вы милый, добрый мальчикъ,—проговорила она, цѣлуя его въ голову. — Простите, что я такъ васъ называю... Я вѣдь чуть не въ матери вамъ гожусь... Но я, право, боюсь, что скажетъ вашъ братъ.

— Я вамъ повторяю, что братъ и любитъ, и уважаетъ васъ, зная васъ по моимъ разсказамъ... Наконецъ, вы знаете, какъ къ вамъ относятся всѣ знающіе васъ, тетя Серафима Степановна, кузина Ада, Арцымовъ, эти строгіе и скупые на похвалы люди.

Она сжала его руки съ чувствомъ благодарности и со слезами на глазахъ повторила:

— Милый, добрый мальчикъ!

X.

Рождественскій базаръ, концертъ, домашній спектакль, гульнье въ одномъ изъ большихъ залъ, всѣ эти увеселенія, долженствовавшія пополнить совершенно истощенную кассу общества покровителей убогихъ сиротъ и еще болѣе обогатить разныхъ антрепренеровъ, русскихъ торгашей и еврейскихъ гешефтмахеровъ, прикрывавшихся флагомъ благотворительнаго общества для устройства въ свою пользу различныхъ кафе-шантанныхъ увеселеній съ тайной продажей водки въ чайникахъ на глазахъ у благотворителей, какъ всегда, тянулись въ продолженіе всего зимняго сезона и требовали много хлопотъ, много заботъ, выпадавшихъ, главнымъ образомъ, на долю Ивашинцева и Никитиной. Но едва ли одни эти хлопоты и заботы вызывали то лихорадочное настроеніе, которое нельзя было не замѣтить въ расположеніи духа Софьи Леонтьевны; она точно утратила свою обычную способность къ самообладанію и то являлась

съ строгимъ и суровымъ видомъ, точно желая перещеголять въ этомъ отношеніи даже Серафиму Степановну, то кокетничала напропалую со всею окружавшею ее на разныхъ благотворительныхъ вечерахъ молодежью, какъ будто стараясь отбить всѣхъ поклонниковъ у всякихъ балеринъ и француженокъ. Она видимо растерялась подъ вліяніемъ совершенно неожиданныхъ событій.

Сначала она стала замѣчать полное охлажденіе къ ней Александра Ивановича: онъ заѣзжалъ къ ней, дѣлалъ ей кое-какіе подарки, но при этомъ постоянно куда-то спѣшилъ и, казалось, только совѣстился еще порвать все разомъ. С той поры какъ онъ неожиданно «побратался» съ Егоромъ Егоровичемъ и опять кутнулъ напропалую съ Птицыной, Софья Леонтьевна, съ одной стороны, потеряла для него главную сторону привлекательности — она перестала быть запретнымъ плодомъ, а съ другой стороны старая привычка къ вину воскресла въ немъ съ новою силою и повела къ тому, что въ простонародьѣ называется «запоемъ» и только въ высшихъ кружкахъ общества облагораживается названіемъ «кутежа». Оргіи въ обществѣ Птицыной и ея подругъ опять затянули его въ свой водоворотъ, и у него уже не выдавалось ни одного дня, когда онъ могъ бы сказать, что онъ совершенно трезвъ. Никогда не чувствовавшая къ Александру Ивановичу настоящей любви, Софья Леонтьевна тѣмъ не менѣе была оскорблена тѣмъ, что онъ бросаетъ ее, что онъ мѣняетъ ее на какую-то Птицыну. Это была не ревность; это было чувство обиды, уязвленнаго самолюбія, стыда. Она почти раскаивалась, что она не бросила его первая. Охлажденіе Кусова оскорбляло ее тѣмъ болѣе, что такіе люди, какъ Ивашинцевъ, прямо сообщили ей, что Кусовъ опять попалъ въ руки Птицыной, вдавались въ грязныя подробности. За отсутствіемъ серьезныхъ задачъ и интересовъ въ жизни эти люди купаются въ грязи пошлыхъ сплетенъ, мелкаго шпіонства. Знаетъ Ивашинцевъ или не знаетъ, что Александръ Ивановичъ былъ близокъ къ ней съ Софьѣ Леонтьевнѣ? Этотъ вопросъ неотступно мучилъ Никитину. О, какъ желала бы она, чтобы онъ не зналъ этого. Ей было бы легче, если бы только она одна знала, что она брошена для Птицыной. Она показала бы Александру Ивановичу, что она вовсе не опечалена этимъ, что она сама первая охладѣла къ нему. Эта жажда показать ему, что вовсе не дорожитъ имъ, вовсе не замѣчаетъ его охлажденія къ ней, заставляла ее теперь кокетничать съ

всѣми, очертя голову, и кандидатовъ въ поклонники находилось не мало. Искатели свободныхъ женщинъ встрѣчались на каждомъ шагу.

Особенную назойливость въ этомъ отношеніи выказывалъ молодой князь Шеринадзе. Красавецъ, съ восточнымъ типомъ лица, въ затѣйливой національной одеждѣ, онъ уже давно, такъ сказать, мозолилъ глаза Софьѣ Леонтьевнѣ. Онъ постоянно становился на разныхъ балахъ и собраніяхъ вблизи нея въ красивыя позы въ профиль къ ней и какъ бы поощрялъ ее: «Любуйся мною и влюбляйся въ меня». Это была его постоянная манера ухаживать за женщинами. Говорилъ онъ обыкновенно очень мало и очень плохо, что не мѣшало ему высказывать въ немногихъ словахъ много пошлостей, изъ которыхъ каждая совсѣмъ недвусмысленно говорила, что онъ «согласенъ быть любимымъ». Онъ былъ убѣжденъ, что чары его красоты неотразимы, и позировалъ передъ тѣми женщинами, которымъ онъ желалъ дать право влюбиться въ него. Софью Леонтьевну онъ начиналъ бѣсить своею безцеремонностью, и порою ей казалось теперь, что эта безцеремонность вызывается не одною только природною пошлостью и непроходимою глупостью князя Шеринадзе, а и сознаніемъ, что она, Софья Леонтьевна, брошена Александромъ Ивановичемъ. Ужъ не хвасталъ ли Кусовъ передъ пріятелями своею побѣдою надъ ней? Вѣдь въ пьяномъ видѣ они, эти прожигатели жизни, на все способны! Вино побѣждаетъ всякія понятія о чести, и эти люди, гордящіеся своею выдержкою, съ омерзѣніемъ отвернулись бы отъ самихъ себя, если бы они сознавали, что они творятъ въ пьяномъ видѣ. Конечно, въ пьяномъ видѣ и Кусовъ былъ способенъ сдѣлаться подлецомъ. Она пробовала смѣяться надъ влюбленнымъ въ себя красавцемъ Шеринадзе, пробовала бравировать и злилась на себя, чувствуя, что теряетъ самообладаніе.

Но иногда ее вдругъ охватывалъ просто ужасъ: что ее бросаетъ Александръ — это еще не грозило ей гибелью, но что ея мужъ началъ кутить — это угрожало тѣмъ, чего она боялась болѣе всего, нищетою.

Дѣйствительно, Егоръ Егоровичъ, сблизившись съ Александромъ Ивановичемъ, наконецъ попалъ именно на тотъ путь, на которомъ онъ сразу почувствовалъ себя какъ рыба въ водѣ: это не были попойки съ какими-то грязными пропойцами въ родѣ Кокина и Пастушкова, чувствующими себя тѣмъ болѣе въ своей сферѣ, чѣмъ грязнѣе обстановка

ихъ пьянства; дружескій кружокъ Александра Ивановича Кусова былъ избраннымъ кружкомъ золотой молодежи и самыхъ красивыхъ женщинъ, веселившихся среди роскошной обстановки, серебра, зеркалъ, бронзы и тропическихъ растеній, подъ звуки французскихъ шансонетокъ и музыки Оффенбаха. Самый циничный разгулъ и самый разнузданный развратъ явились здѣсь въ такой блестящей позолоченной рамѣ, что только кружили голову, приводили въ восторгъ, помрачали умъ. Между разгуломъ Кокиныхъ и Пастушковыхъ и кутежами Кусовыхъ существовала та же разница, которая существуетъ между мелкими фотографіями сальнаго содержанія, продающимися тайкомъ за гривенники, и вакханаліями, написанными крупными художниками и смѣло фигурирующими на художественныхъ выставкахъ. Люди, считающіе себя порядочными, находятъ приличнымъ относиться къ первымъ съ видимой брезгливостью, но нисколько не стѣсняются упиваться вторыми, какъ бы не было разнузданно ихъ содержаніе. Кутежи въ компаніи Кусова два раза заставили Егора Егоровича яко бы потерять деньги, а на третій всезнающая Дениза Андреевна произвела цѣлую бурю у Софьи Леонтьевны, объявивъ ей, что она изъ достовѣрнаго источника узнала о займѣ Егоромъ Егоровичемъ подъ вексель пятисотъ рублей. Дениза Андреевна, какъ женщина въ высшей степени практическая, очень хорошо знала, что первый легкомысленно сдѣланный заемъ денегъ подъ большіе проценты является первымъ шагомъ къ полному разоренію, къ полной гибели, и потому не могла не разбушеваться, узнавъ, что мужъ ея племянницы занялъ деньги у ростовщицы.

— Въ чью это онъ голову дуетъ? кричала она, размахивая руками. — Изъ чего платить будетъ? Не съ меня ли думаетъ стянуть? Нѣтъ, я за него не плательщица. Хоть при мнѣ онъ петлю на шею надѣнь—гроша не дамъ. Пусть издохнетъ, а я не дамъ. Собакѣ собачья и смерть.

Она перевела духъ и опять заговорила:

— И нашелъ у кого занять! У Эммы Францовны Шульцъ, благо, когда-то у нея бралъ деньги черезъ Денизу Андреевну! Такъ вѣдь Эмка-то для Денизы Андреевны взяла тогда всего двѣнадцать процентовъ, а такъ-то она рубль на рубль готова взять. И думалъ, что Эмка не скажетъ Денизѣ Андреевнѣ? Да она тотчасъ же прибѣжала къ ней, къ Денизѣ-то Андреевнѣ: дать — дала деньги, да сейчасъ же и испугалась, прибѣжала, высуня языкъ, справляться, точно

ли онъ отдастъ ей долгъ. Подлая душа: обобрать каждаго хочетъ, а труситъ до того, что у самой поджилки трясутся: «ахъ, какъ бы не обманули! ахъ! какъ бы денежки не пропали!» Блудлива, какъ кошка, а труслива, какъ заяцъ! Фуй, что за подлая душа!

Софью Леонтьевну точно холодной водой облило, когда она услыхала все это, и она могла только заявить теткѣ, что она и не подозрѣвала объ этомъ займѣ, что изъ этихъ денегъ ни гроша не пошло ни на хозяйство, ни на нее лично.

— На какихъ-нибудь танцовщицъ ухлопываетъ деньги!— брезгливо окончила она. — Эти барышни готовы сорвать послѣднюю сорочку съ человѣка, отца семейства ограбить! Ничего святого для нихъ нѣтъ, привыкли себя, какъ товаръ, выставлять публично: кто больше заплатитъ! Піявки!

Теперь Софья Леонтьевна особенно желчно говорила о танцовщицахъ. Ради Птицыной всѣ онѣ казались ей личными врагами.

— Такъ это что же такое? значитъ, у тебя съ нимъ окончательно все по швамъ расползлось!—воскликнула Дениза Андреевна, пристально всматриваясь въ лицо Софьи Леонтьевны.—Что-жъ, теперь того и ждите, что оба кувыркомъ полетите въ яму. Онъ въ одну сторону, ты въ другую.

И, совсѣмъ обозлившись, она прибавила:

— И пенять не на кого будетъ: онъ это по твоей дорожкѣ пошелъ!

— Ахъ, что вы мнѣ говорите! Всегда онъ негодяемъ былъ, пользовался тѣмъ, что плохо лежитъ. Я тринадцать лѣтъ съ нимъ честно прожила, а онъ...

Она съ отвращеніемъ, стиснувъ зубы, проговорила:

— Горничными деревенскими не брезгалъ!

— Ну, матушка, ты мужчинъ-то на бабью мѣрку не мѣряй! — оборвала ее тетка: — что имъ можно, того намъ нельзя. Вотъ мужчины-то лыка иной разъ не вяжутъ, такъ натрескаются, а позорить ихъ за это на всю жизнь никто не станетъ, а попробуй ты, напейся да пройди пьяной по улицѣ, что про тебя станутъ говорить?

Софья Леонтьевна раздражилась:

— Ну да, имъ все позволяется, всякіе...

— Не все,—перебила ее старуха.—Вотъ иная дѣвушка за дряхлаго старика идетъ замужъ и ничего, ну, а попробуй юноша на беззубой старухѣ жениться.—на содержаніе пошелъ, скажутъ. Для всѣхъ свой законъ есть: для мужчинъ

одинъ, для женщинъ другой... Да мы не объ этомъ, а вотъ какъ вы выкручиваться-то будете? Денегъ-то откуда возьмете? На меня такъ и не надѣйтесь!

Этотъ вопросъ: «гдѣ взять денегъ?» сталъ теперь неотступно вертѣться и въ головѣ Софьи Леонтьевны. Ужъ не у князя ли Владиміра Васильевича просить снова? Онъ и такъ два раза заставилъ ее взять у него деньги. Положимъ, онъ дѣлаетъ это съ такимъ дѣтскимъ восторгомъ, благодаритъ ее за то, что она беретъ у него деньги, чуть не плачетъ, видя ее грустною, но все же онъ почти мальчикъ! Мальчикъ? Ему восемнадцать лѣтъ минуло! Да, но онъ чистъ, какъ ребенокъ. Ему, кажется, никогда и въ голову не приходитъ никакихъ нечистыхъ помысловъ относительно ея, хотя онъ очевидно чуть не влюбленъ въ нее и только не сознаетъ этого... Ахъ, съ чего это она объ этомъ думаетъ? Ей-то что за дѣло до его помысловъ? Соблазнить она его хочетъ, что ли? Господи, до чего она дошла!.. Она раздражалась на себя, на-время чувствовала къ себѣ что-то въ родѣ презрѣнія и отвращенія, какъ будто она и точно хотѣла соблазнить какого-то ребенка, и тутъ же рѣшила, что она ни за что не спроситъ у него денегъ: каждый разъ и она, и онъ расчувствуются, разсентиментальничаются, и самъ онъ не понимаетъ, какою страстью дышатъ его поцѣлуи, когда онъ цѣлуетъ ей руки, благодаря ее за откровенность съ нимъ. Да, онъ не понимаетъ своихъ отношеній къ ней, но ей стоитъ только сдѣлать шагъ и онъ будетъ въ ея рукахъ. Она, тяжело дыша, устремляла въ пространство неопредѣленный тупой взглядъ. Что-то мрачное было въ выраженіи ея лица, точно она задумывалась надъ вопросомъ, что лучше—позоръ нищеты или развращеніе этого юноши. «Но откуда же взять денегъ?» опять спрашивала она себя очнувшись. Для спасенія себя пойдешь на все! А спасаться нужно, такъ какъ бѣда близка. Какъ предупредить эту бѣду, какъ вывернуться, когда Егору Егоровичу понадобится платить по векселю? Она снова сдвигала брови и какъ бы застывала отъ тѣхъ страшныхъ видѣній, которыя проносились передъ нею. Опись имущества, потеря всего, необходимость выйти изъ того круга общества, гдѣ она вращалась, охлажденіе къ ней всѣхъ, кто любезничаетъ съ ней теперь, злорадство разныхъ Ивашинцевыхъ... О, все, все пусть будетъ, только не нищета! И чего она боится, если даже князь Владиміръ Васильевичъ сблизится съ ней? Ужъ не воображаетъ ли она,

что онъ долженъ быть вѣчно такимъ мальчикомъ? Точно о невинности какой-то барышни идетъ рѣчь. Смѣшно даже! И точно, она начинала смѣяться — смѣяться до слезъ, до истерики...

— Что это я съ ума схожу, что ли? — спрашивала она себя, очнувшись.

Въ одну изъ такихъ тяжелыхъ минутъ, когда она, забывъ все на свѣтѣ, сидѣла въ благотворительномъ концертѣ, съ сдвинутыми бровями, смотря суровымъ взглядомъ въ пространство, ее окликнулъ знакомый ей непріятный голосъ:

— Вы, кажется, за тысячу верстъ унеслись?

Она очнулась и увидала желтые, осклабленные зубы Ивашинцева.

— Вотъ Богъ не свелъ насъ во-время. Никогда бы не задумывались такъ, если бы были моею женою, — продолжалъ онъ, смѣясь своимъ наглымъ смѣхомъ.

— А вы думаете, что я вышла бы за васъ? — спросила она съ выраженіемъ нескрываемаго отвращенія къ нему.

— Вышли бы!

— За васъ?

— За меня!

Она сдѣлала гримасу, съ презрѣніемъ пожимая плечами.

Къ ней подошли какіе-то молодые люди. Одинъ, совсѣмъ еще юный, розовый, бѣлокурый, былъ женоподобенъ; другой, постарше, брюнетъ, съ восточнымъ типомъ, съ дѣланнымъ презрительнымъ выраженіемъ на лицѣ, видимо гордился своей красотой.

— Что это, Ивашинцевъ опять какіе-нибудь смѣлые парадоксы изрекаетъ?—сказалъ молоденькій блондинъ жиденькимъ голосомъ, здороваясь съ Никитиной.

— Не парадоксы, а обычныя глупости,—отвѣтила Никитина.—Сожалѣетъ, что онъ не предложилъ мнѣ руки и сердца, когда я еще не была замужемъ.

— О, это слишкомъ смѣло! — глуповато улыбаясь, сказалъ юноша.

Брюнетъ, остановившійся въ красивой позѣ, видимо рисуясь, немного гортаннымъ голосомъ и съ сильнымъ акцентомъ проговорилъ съ небрежной гримасой:

— Онъ, вѣроятно, исходитъ изъ того общаго убѣжденія, что для женщины мужчина красавцемъ кажется даже и тогда, когда онъ немного красивѣе Вельзевула.

— Женщины точно часто влюбляются въ умъ, — сухо

отвѣтила Никитина: — но пошлость даже въ самой красивой оболочкѣ только отталкиваетъ женщинъ.

— Отчего же только женщинъ? — насмѣшливо спросилъ брюнетъ, своеобразно коверкая слова и дѣлая на нихъ неправильныя ударенія.

— Отчего? — не знаю, — отвѣтила Никитина. — Но извѣстно, что мужчины очень склонны увлекаться красивыми дурочками.

Брюнетъ снова насмѣшливо улыбнулся и принялъ еще болѣе граціозную позу, подпершись въ бокъ рукою и видимо щеголяя своей перетянутой, какъ у женщинъ, таліей.

— Да, и это служитъ источникомъ мученій для эмансипированныхъ и ученыхъ женщинъ, не имѣющихъ счастія быть красивыми, — проговорилъ онъ съ ироніей.

Блондинъ захихикалъ одобрительнымъ смѣхомъ, восторгаясь находчивостью своего друга, съ котораго онъ не спускалъ глазъ.

— Да, этихъ женщинъ постигаетъ одна участь съ красивыми глупцами, — равнодушно отвѣтила Никитина.

Въ эту минуту неторопливо пробравшись сквозь густую толпу народа, къ ней подошелъ высокій ростомъ и прямо державшійся сѣдой старикъ съ серьезнымъ, почти строгимъ выраженіемъ лица. Это былъ Оедоръ Оедоровичъ Арцымовъ. Онъ почтительно и холодно поздоровался съ нею.

— А я васъ искалъ, Софья Леонтьевна, — проговорилъ онъ. — Мнѣ надо было кое-что передать вамъ, и я хотѣлъ даже заѣхать къ вамъ завтра.

— Надѣюсь, Оедоръ Оедоровичъ, что сегодняшняя встрѣча не лишитъ меня удовольствія видѣть васъ у себя завтра, — съ любезной улыбкой отвѣтила она и, мелькомъ взглянувъ вокругъ себя, прибавила: — Какая масса народу здѣсь и какъ душно.

— Въ гостиныхъ меньше народу, — замѣтилъ Арцымовъ и спросилъ: — Вы не имѣете ничего противъ того, чтобы я провелъ васъ туда?

— О, нѣтъ!

Они пошли, осторожно пробиваясь между пестрою толпою публики, — она, немного раздражительно жалуясь на необходимость посѣщать эти благотворительные концерты и быть окруженной какими-то пошлыми людьми, — онъ, сосредоточенно и внимательно слушая ея рѣзкія выходки противъ всей этой прикрывавшейся модными костюмами умственной и нравственной черни.

— А ты съ ней погрызься бы, если бы не помѣшали, —

глуповато засмѣялся жидкимъ голосомъ молоденькій блондинъ.

— Нэнавижу я, душэ моя, эту чиновницу, лэзущую въ арыстократію!—отвѣтилъ черноглазый красавецъ.

— Ну, ну, сознавайся, голубчикъ, ты немного пріударялъ за ней тоже!—сказалъ мягко блондинъ.

— Никогда я ни за одной бабой нэ пріударялъ! — отвѣтилъ брюнетъ.—А хочэшь въ мэнэ влюбляться, — ну, и на здоровье. Мнѣ все равно, хочешь—и влюбляйся.

— А она вотъ не влюбилась? — осмѣлился поддразнить его блондинъ.

— Ты почэму знаешь? Сорокъ на хвостѣ тэбэ приносилъ это? — загорячился кавказецъ. — Ужъ не думаэшь ли ты, душа моя, что я обиженъ неудачей? Просто надоѣло мнѣ канитэль тянуть. Я этихъ проволочекъ не тэрплю. Подвернулась другая, я и плэвать на эту хотѣлъ.

— Толкуй! — продолжалъ дразнить блондинъ. — Просто сама она попросила оставить ее въ покоѣ.

— Она-то? она-то? — загорячился восточный человѣкъ и рѣшилъ:—Да предложи ей Арцымовъ свои услуги, она и къ нэму повѣсится на шею. И что ты мнэ говоришь, будто я жэнщинъ не знаю! Тоже видалъ я ихъ!

— Арцымовъ! — воскликнулъ юноша. — Нашелъ кого сравнить!

— Что ты хочешь сказать? Богатъ? со связями? Такъ за то онъ старикъ!

— А о серьезномъ умѣ-то что она говорила?

— Ахъ, да, для тебя вѣдь всэ геніи!—насмѣшливо проговорилъ брюнетъ и обидѣлся не на шутку.—Тэбэ сказали про его умъ, ты и повэрилъ! Тэбэ только скажи, а ты ужъ и повѣришь.

Онъ всегда сердился и обижался, когда называли когонибудь умнымъ, точно наносили этимъ личное оскорбленіе ему.

— Ну, ты, голубчикъ, ужъ и сердишься!—печально произнесъ блондинъ и струсилъ.

— А ты мэнэ не серды!—грубо отвѣтилъ брюнетъ, отворачиваясь отъ него.

— Ты же долженъ понять, что я шучу!

— А ты нэ шуты!

Кавказецъ круто повернулся и пошелъ; блондинъ, какъ провинившаяся собачонка, засѣменилъ вслѣдъ за нимъ, что-то бормоча въ свое оправданіе.

Они тоже затерялись въ толпѣ, какъ и Софья Леонтьевна съ Арцымовымъ. Кто-то спросилъ у Ивашинцева:

— Кто это?

— Бѣлокурый? — спросилъ въ свою очередь Ивашинцевъ. И самъ же отвѣтилъ:

— Адамовичъ! полячекъ изъ мозглявыхъ.

— Нѣтъ, я про того, что постарше, спрашиваю, про брюнета,—пояснилъ спрашивавшій.

— Это-съ... по его мнѣнію, онъ геній, а по мнѣнію другихъ, злой пошлякъ... Князь Церинадзе.

— Восточный человѣкъ?

— Человѣкъ или нѣтъ—не знаю, а что это ходячая восточная глупость—это вѣрно. Впрочемъ, красивъ и влюбленъ въ себя не меньше, чѣмъ влюбленъ въ него Адамовичъ, его живая тѣнь.

XI.

На слѣдующій день, часу во второмъ, Софья Леонтьевна услыхала въ передней сильный звонокъ и взволновалась: она сразу угадала, что это, должно-быть, звонитъ Ѳедоръ Ѳедоровичъ Арцымовъ.

Она изрѣдка встрѣчала этого серьезнаго старика въ теченіе двухъ послѣднихъ лѣтъ на общихъ собраніяхъ общества покровителей убогихъ сиротъ и иногда во время своихъ утреннихъ визитовъ къ Серафимѣ Степановнѣ Кусовой. Говорить съ нимъ ей почти не приходилось, такъ какъ въ обществѣ онъ былъ вообще очень молчаливъ и только изрѣдка вставлялъ въ общій разговоръ серьезныя и дѣловыя замѣчанія. Что-то строгое и неприступное было въ выраженіи лица, въ манерѣ себя держать, въ характерѣ разговора этого старика. Софья Леонтьевна немного какъ бы боялась и избѣгала его, смущаясь его молчаливостью и строгимъ видомъ, и ея лицо невольно заливалось яркимъ румянцемъ, когда она ловила на себѣ его испытующій пристальный взглядъ. Взглядъ Ѳедора Ѳедоровича, холодный, спокойный, строгій, какъ ей казалось, какъ бы допрашивалъ ее о чемъ-то, какъ бы стремился заглянуть въ ея душу. Особенно стали ее безпокоить эти взгляды послѣ ея сближенія съ Александромъ Ивановичемъ Кусовымъ: ей все казалось, что Арцымовъ все знаетъ и хочетъ уличить ее, опозорить передо всѣми съ той безпощадностью, на которую, какъ казалось ей, можетъ быть способенъ такой человѣкъ, какъ онъ. Но откуда же могъ онъ узнать про ея связь съ

Кусовымъ? Александръ не могъ сказать этого Арцымову, а она умѣетъ держать себя такъ, чтобы стоять выше подозрѣній! Наконецъ, Володя говорилъ ей не разъ, что Серафима Степановна и Аделаида Ивановна расхваливаютъ ее, Арцымову, какъ примѣрную женщину. Но онъ—почему онъ такъ интересуется ею? Онъ вовсе не изъ тѣхъ стариковъ, которые увиваются за дѣвушками и женщинами и заводятъ интрижки. Неужели же онъ всматривается въ нее такъ только ради того, что желаетъ убѣдиться, стоитъ ли хлопотать за ея дѣвочекъ? Отъ него этого можно ожидать! Это какой-то ходячій идолъ... Отвѣта, однако, на всѣ ея вопросы не находилось. Только въ послѣднее время ей пришлось говорить съ Арцымовымъ, который нѣсколько разъ подходилъ къ ней на разныхъ вечерахъ и собраніяхъ, спрашивалъ о ея дѣвочкахъ, за которыхъ онъ хлопоталъ, и сообщалъ о результатахъ своихъ хлопотъ, выслушивая ея благодарности и жалобы на то, что ей приходится вращаться на этихъ вечерахъ «общества», въ дѣятельности котораго она видитъ все болѣе и болѣе темныхъ сторонъ... Вчера Арцымовъ прошелъ съ нею въ одну изъ гостиныхъ собранія и тамъ, сидя съ нею на диванѣ, сообщилъ, что ея дѣвочки зачислены пансіонерками кого-то изъ высокопоставленныхъ особъ, а потомъ мелькомъ спросилъ, много ли у нея еще дѣтей. По обыкновенію, она нѣсколько растерялась, говоря съ нимъ, чувствуя на себѣ его пристальный, допрашивающій взглядъ, слыша его сухой и глухой голосъ. Переговоривъ съ нею дѣловымъ тономъ, онъ попросилъ у нея позволенія пріѣхать къ ней на слѣдующій день. Зачѣмъ? Это сильно волновало ее, такъ какъ Арцымовъ былъ единственнымъ человѣкомъ, съ которымъ она не знала, какъ держать себя.

Чтобы скоротать утро, она взялась за какую-то года три-четыре тому назадъ начатую вышивку, которую и бросила на диванъ, заслышавъ его звонокъ.

— Я вамъ не помѣшалъ, Софья Леонтьевна?—спросилъ Арцымовъ, здороваясь съ нею и глядя прямо на ея разгорѣвшееся лицо.

— О, нѣтъ, я же ждала васъ, Ѳедоръ Ѳедоровичъ,—отвѣтила она, невольно опуская глаза, чтобы избѣжать его пристальнаго взгляда.

Она чуть-чуть подвинула ему кресло и сѣла сама спиной къ свѣту, точно боясь, что онъ можетъ замѣтить, какъ она краснѣетъ отъ смущенія. Онъ не торопился начать разго-

воръ, и она, чувствуя себя неловко среди молчанія, поспѣшила еще разъ поблагодарить гостя за своихъ дѣвочекъ.

— Теперь я могу смотрѣть впередъ спокойно,—пояснила ему она. — Участь дѣтей меня страшно безпокоила, а теперь, что бы ни случилось, я не боюсь за нихъ.

Онъ опять взглянулъ на нее пытливымъ взглядомъ.

— Что же можетъ случиться? — неторопливо и спокойно спросилъ онъ.

— О, мало ли что!—воскликнула она.—Я могу умереть...

— Въ ваши годы рано бояться смерти...

— Ея можно бояться во всякомъ возрастѣ: можно во всякомъ возрастѣ и не бояться ея,—проговорила Никитина.— Что касается до меня, то я ея и прежде не боялась, а теперь менѣе, чѣмъ когда-либо. Наконецъ, моя смерть не самое худшее, что можетъ случиться въ моей жизни...

Онъ, не прерывая ея, казалось, ждалъ, что она объяснитъ ему, что можетъ быть хуже смерти.

— Наше матеріальное положеніе далеко не прочно,—пояснила она, сдѣлавъ нѣкоторое усиліе надъ собой. — Дѣти могутъ остаться безъ средствъ, безъ возможности получить образованіе. Теперь, конечно, они будутъ застрахованы отъ этого несчастія.

Онъ неожиданно спросилъ ее:

— Вашего мужа нѣтъ?

— Да, онъ на службѣ.

— Мнѣ никогда не приходилось встрѣчаться съ нимъ,— сказалъ Арцымовъ.

— Онъ не вхожъ въ домъ Кусовыхъ, гдѣ вы встрѣчались со мной,—объяснила Софья Леонтьевна.

— Я видѣлъ васъ однѣхъ и на благотворительныхъ вечерахъ,—пояснилъ Арцымовъ.

— Мой мужъ не бываетъ на нихъ. У него дѣла.

— Такъ много дѣлъ?—проговорилъ онъ вопросительно, и она опять почувствовала его пытливый взглядъ на себѣ.

Ее начало это немного раздражать: чего онъ ищетъ въ ея душѣ? чего ему надо отъ нея?

Съ минуту длилось неловкое молчаніе. Наконецъ, онъ ровнымъ голосомъ спросилъ ее:

— Вы сказали, что ваше положеніе можетъ измѣниться къ худшему. Но вашъ мужъ состоитъ на коронной службѣ. Развѣ онъ можетъ почему-либо потерять мѣсто?

Она смутилась и немного раздражительно отвѣтила:

— Есть вопросы, Ѳедоръ Ѳедоровичъ, на которые неудобно отвѣчать постороннимъ лицамъ.

Въ ея голосѣ прозвучала нотка, которая должна была дать почувствовать Арцымову, что онъ держитъ себя неделикатно. Онъ уловилъ эту нотку.

— Даже тогда, когда эти лица сильно интересуются дѣломъ? — спросилъ онъ, и въ его тонѣ послышалась непривычная мягкость.

Не дожидаясь ея отвѣта, онъ сказалъ:

— Въ вашей душѣ есть какое-то горе, въ вашей жизни есть какое-то несчастіе, о которыхъ вы стараетесь не говорить. Зачѣмъ?

— Не говорю? Кому? Чужимъ? Покровителямъ убогихъ сиротъ? — страстно и съ раздраженіемъ произнесла она и засмѣялась нервнымъ смѣхомъ, растерявшись и не умѣя найти надлежащаго тона въ разговорѣ съ этимъ загадочнымъ для нея старикомъ.

— Я былъ въ этомъ увѣренъ!—проговорилъ онъ, точно она сама подтвердила высказанное имъ предположеніе о ея затаенномъ горѣ и несчастіи.

— Наконецъ, если бы я даже говорила объ этомъ, — въ волненіи продолжала она:—то изъ этого ничего бы не вышло, никто не помогъ бы, не могъ бы помочь. Бываютъ положенія, отъ которыхъ спасаетъ только смерть!

И, стараясь овладѣть собою, она попробовала улыбнуться.

— Но мнѣ, право, странно, что за оборотъ принялъ нашъ разговоръ—первый нашъ разговоръ здѣсь, у меня въ домѣ,— сказала она съ особеннымъ удареніемъ на послѣдней фразѣ.— Мнѣ самой...

Онъ неторопливо перебилъ ее.

— Я именно этого оборота и желалъ, — твердо проговорилъ онъ.

Она широко открыла глаза, окончательно недоумѣвая, что хочетъ онъ сказать.

— Мнѣ хотѣлось знать, слышать отъ васъ самихъ—счастливы ли вы,—произнесъ онъ, какъ бы желая пояснить ей свои мысли.—Вѣдь если вы еще очень мало знаете меня, то я-то знаю васъ какъ свои пять пальцевъ, и я очень радъ, что я не ошибся въ своихъ предположеніяхъ.

И, перемѣняя разговоръ, онъ спросилъ ее, какъ пристроены ея мальчики, пансіонерами или приходящими учениками. Если приходящими, то ихъ надо пристроить пансіонерами, такъ же, какъ и дѣвочекъ. Она замѣтила о сред-

ствахъ, которыя нужны на это, — онъ отвѣтилъ ей, сильно подчеркивая слова:

— О средствахъ думайте меньше всего; матеріальные расчеты пусть будутъ на самомъ послѣднемъ планѣ.

И, поднимаясь съ мѣста, онъ съ необычайной ласковостью въ тонѣ замѣтилъ:

— А главное, о чемъ не думайте — это о смерти! Пока мы живы, счастье всегда впереди; его нѣтъ только для мертвыхъ. Вотъ я и старикъ, а думаю еще о счастіи.

— Какой же вы старикъ! — сорвалась у нея съ языка банальная фраза.

— Сѣдой, — отвѣтилъ онъ, улыбаясь: — хотя мнѣ только пятьдесятъ пять лѣтъ...

Онъ дружески пожалъ ея руку и уѣхалъ, попросивъ позволенія бывать у нея.

У нея точно гора съ плечъ свалилась, когда онъ ушелъ. Совсѣмъ не умѣла она говорить съ нимъ. И съ чего это онъ заговорилъ о ея несчастіи и горѣ? По какому праву? Не потому ли, что она только Никитина и не больше того, что ей можетъ говорить Серафима Степановна «душа моя», что ее могутъ посылать распоряжаться куда-нибудь въ манежъ съ Ивашинцевымъ, въ эту сутолоку писарьковъ, кантонистиковъ, подонокъ и отбросовъ кутящей черни. Или никогда не волочившись за женщинами, этотъ живой манекенъ, этотъ ходячій идолъ приволокнуться хочетъ за нея на старости лѣтъ? Впрочемъ, какой же онъ старикъ, если ему всего пятьдесятъ пять лѣтъ? Красивъ и бодръ, какъ молодой человѣкъ. Взглядъ только тяжелъ, точно въ душу заглядываетъ, холодно, строго, неотступно. Она вдругъ нервно расхохоталась. Нѣтъ, нѣтъ, это какой-то маніей у нея становится! Чуть не въ грудныхъ младенцахъ, чуть не въ семидесятилѣтнихъ старцахъ она ищетъ замѣстителей Александру!.. О, позоръ, позоръ!

Ея думы прервалъ звонокъ, и она съ неудовольствіемъ увидала самаго частаго посѣтителя ея дома, Ивашинцева. Онъ за послѣднее время довелъ свою безцеремонность съ нею до того, что даже не приказывалъ докладывать о своемъ приходѣ. На этотъ разъ онъ пошелъ еще далѣе и явился не одинъ, и еще въ дверяхъ гостиной объявилъ:

— А я къ вамъ свою супружницу привезъ, хоть и не звали!

И онъ ввелъ за руку ту грубо набѣленную и нарумяненную женщину, которая была имъ представлена Софьѣ

Леонтьевнѣ на костюмированномъ балу. Приземистая, нѣсколько расплывшаяся, съ плоскимъ лицомъ, она не представляла ни одной характерной черты и напоминала тѣхъ шаблонныхъ молоденькихъ швеекъ, продавщицъ, мѣщаночекъ, которыя работаютъ только до той поры, покуда ихъ не возьмутъ на содержаніе. Одѣта она была неряшливо въ довольно затасканныя платье и шляпку.

— Ѣхали мимо,—пояснилъ Ивашинцевъ:—надо было мнѣ завернуть къ вамъ по дѣлу, ну, я и сказалъ ей: «зайдемъ вмѣстѣ, благо ужъ на балу познакомились, а то что-жъ на улицѣ мерзнуть». Валентиной Фортунатовной ее зовутъ.

Волей-неволей Никитиной пришлось принять непрошенную гостью. Валентина Фортунатовна, повидимому, никакого значенія не придала сухому и холодному пріему Софьи Леонтьевны, и очень развязно протянула ей руку, обтянутую грязной и вылинявшей отъ поту перчаткой. Она, кривляясь и жеманясь, заговорила съ сильнымъ польско-еврейскимъ акцентомъ:

— Онъ у меня такій глупій, что его нельзя одного пущать, и я тоже занята, у меня свое дѣло.

— Вы развѣ занимаетесь чѣмъ-нибудь? — вскользь спросила Никитина.

— А я же пою въ хорѣ,—отвѣтила Валентина Фортунатовна. — Въ оперетгѣ пою. Дѣла тоже много, потому зъ нами, зъ хористами, не церемонятся. На однѣ репетиціи сколько башмаковъ стопчешь.

По лицу Никитиной скользнула брезгливая гримаса.

— А я сейчасъ Арцымова встрѣтилъ, у васъ на лѣстницѣ,—сказалъ Ивашинцевъ.—Вотъ-то козырной тузъ. Богатъ, на видномъ мѣстѣ стоитъ, только малаго и недостаетъ—счастья.

— То-есть какъ это счастья?—спросила Никитина.

— Жену года три тому назадъ потерялъ и до сихъ поръ не утѣшился. Да я бы на его мѣстѣ десятокъ женъ успѣлъ за три-то года найти. Онъ только свистни.

— О, ты, глупій человѣкъ!—воскликнула Валентина Фортунатовна, смазавъ его по носу пальцемъ. — За тобой не присмотри жена, такъ ты и въ самомъ дѣлѣ каждый день зъ новыми зубы скалить начнешь. Завсѣмъ вѣтрогонъ, даромъ, что плѣшь на затылкѣ. Такій сластолюбивій, такій сластолюбивій, что срамъ!

— А что-жъ лучше, скажешь, носъ на квинту повѣсить и ждать у моря погоды, какъ Арцымовъ? — сказалъ Ива-

шинцевъ, и оскалилъ зубы сквернoй улыбкой, обращаясь къ Софьѣ Леонтьевнѣ. — Онъ, барынька, изволите видѣть, непремѣнно, коли полюбитъ, въ законномъ бракѣ любить желаетъ. Иначе и любви не признаетъ. Это, говоритъ, все развратъ.

— А што-жъ тутъ дурного, если жона законная будетъ, а не незаконная? Незаконная-то только и бѣгай за вами, да накрывай васъ, штобы вы не путались зъ другими,— загорячилась Валентина Фортунатовна. — Сладко, што ли, бѣгать-то да накрывать васъ? Законная-то всегда покойна за себя, спи себѣ да и не думай зъ кѣмъ мужъ путается, потому—попутается, попутается да и придетъ домой же...

Софья Леонтьевна поспѣшила заговорить съ Николаемъ Тарасовичемъ о базарѣ, чтобы только скорѣй отдѣлаться и отъ самого Ивашинцева, и отъ его жены. Оба они были ей противны. Но отъ нихъ было трудно скоро отдѣлаться. Когда Николай Тарасовичъ заговорилъ объ устройствѣ базара, его жена начала ходить по комнатѣ и разсматривать вещи, ощупывая портьеры и занавѣси, прерывая бесѣду мужа и хозяйки вопросами о цѣнѣ тѣхъ или другихъ вещей.

— А у насъ такіе-жъ подсвѣчники,—проговорила она, разсматривая и ощупывая бронзовые подсвѣчники на подзеркальномъ столикѣ.

— Да тоже у Никонова взяты,—отозвался Ивашинцевъ.

Лицо Софьи Леонтьевны залилось румянцемъ.

— А я его ругала, ругала,—обратилась Валентина Фортунатовна къ Никитиной:—зачѣмъ лучшихъ не бралъ: чего мнѣ, что эти зъ амурами, другіе тяжельче были; амуры все равно не живые, а поди продавать—зъ вѣсу будутъ покупать.

— Не стрекочи! — прервалъ ее Ивашинцевъ, грозя ей пальцемъ.—Видишь, смѣту составляемъ.

— Ну да, ты-жъ ее дома уже составилъ!

— Прикуси языкъ!

Она, тѣмъ не менѣе, продолжала и ворчать, и осматривать все, направившись съ обыскомъ въ слѣдующую комнату.

Съ какимъ наслажденіемъ выгнала бы ее отъ себя Софья Леонтьевна! И еще счастье, что эти люди пришли послѣ Арцымова, который брезгливо протягиваетъ Ивашинцеву только два пальца. О, будь у нея, у Софьи Леонтьевны, средства, она и двухъ пальцевъ не подала бы ни Ивашинцеву, ни этой нарумяненной женщинѣ, а теперь... Ей стыдно было глядѣть на подсвѣчники, стоявшіе на подзеркальномъ

столѣ, потому что Ивашинцевъ и его жена знали, откуда и какъ они взяты. «Презентъ» какого-то Никонова! Взятка за мелкое мошенничество! Проклятая бѣдность! До чего она доводитъ, до униженій, до подлостей. А что будетъ впереди, когда Эмма потребуетъ уплаты по векселю Егора Егоровича? Ему что? Онъ пулю въ лобъ себѣ пуститъ и конецъ. А что станетъ дѣлать она, Софья Леонтьевна? Останется съ дѣтьми съ грошовой пенсіей! Гдѣ же выходъ? И опять въ ея головѣ зароились вопросы. Ужъ не у князя ли Владиміра Васильевича просить. Какое право она имѣетъ обирать его? Наконецъ, его братъ узнаетъ и подумаетъ Богъ вѣсть что о ней. Нѣтъ, ужъ лучше броситься въ объятія какому-нибудь наглецу красавцу-мужчинѣ князю Шеринадзе, благо онъ такъ неотступно преслѣдуетъ ее. Пошлякъ, становится въ театральныя позы передъ нею и точно хочетъ сказать: «влюбитесь въ меня». Нѣтъ, никогда, никогда она не скажетъ ему привѣтливаго слова, хоть бы петля у нея была на шеѣ! И что ей лѣзутъ въ голову всѣ эти мысли? Каждый день лѣзутъ! О чемъ ни начнетъ думать, все придетъ къ этимъ мыслямъ о томъ, къ кому броситься на шею! Продажною женщиной она хочетъ сдѣлаться, что ли? Никогда. Она разъ оступилась во все время замужней жизни и довольно! Лучше смерть, чѣмъ этотъ позоръ. Сходиться, быть брошенной, искать новыхъ покровителей — нѣтъ, нѣтъ, никогда! Но гдѣ же исходъ? Вѣдь другого-то исхода нѣтъ? Ужъ не работой ли поправить свое положеніе? Какой работой? Что она знаетъ?.. Ее вѣдь барышней честный отецъ воспиталъ: исторію, литературу, географію она изучила. Ей вспомнились всѣ родственницы ея тетки, перчаточницы, жены сапожниковъ, булочницы. Онѣ только читать и писать умѣютъ, а хлѣбъ онѣ всѣ зарабатываютъ...

Ее душила злоба на ея положеніе, на отца, который воспиталъ ее барышней, на мужа, который кутитъ, мотаетъ деньги и не думаетъ о томъ, что и она, и дѣти пойдутъ въ концѣ концовъ по міру, на ремесленницъ родственницъ, которыя могутъ честно зарабатывать хлѣбъ...

И опять князь Владиміръ Васильевичъ засталъ ее въ слезахъ. Онъ быстро сталъ разспрашивать ее. Что случилось? Какое несчастіе? Сначала она молчала, отвѣчая ничего незначащими фразами, потомъ горе взяло верхъ, и она отрывисто проговорила:

— Развѣ вы не видите, что я все одна, одна? Вы еще мальчикъ, вы, конечно, не понимаете семейныхъ драмъ.

— Вашъ мужъ...—началъ онъ нерѣшительно.

— Сталъ кутить, мотать деньги!—пояснила она.

— Вы же были такъ счастливы?—проговорилъ онъ, недоумѣвая.

Она болѣзненно воскликнула:

— Счастье небогатыхъ людей! Счастье изломанныхъ людей! О, это такая непрочная, такая хрупкая игрушка! Гдѣ ужъ намъ быть счастливыми! Я не виню ни его, ни себя; это что-то фатальное, что-то такое, что выше насъ.

Она сбивчиво и страстно начала жаловаться на судьбу. И она, и мужъ въ сущности нищіе, а ихъ воспитали и образовали, какъ бѣлоручекъ. Въ этомъ ихъ несчастіе: они не могутъ шить сапогъ, содержать мелочную лавку, жить одними животными интересами, безъ книгъ, безъ общества...

— Успокойтесь,—заботливо проговорилъ онъ, видя, какъ возрастаетъ ея волненіе.

— Нѣтъ, Владиміръ Васильевичъ, мое спокойствіе навсегда убито,—страстно сказала она.—Я теряю голову, что будетъ дальше! Тутъ нельзя даже ничѣмъ помочь. Передо мной бездонная пропасть открылась, которой не забучишь ничѣмъ!

Его это взволновало до глубины души, и онъ только дружески сжималъ ея руки, говоря какія-то нѣжныя слова утѣшенія, покрывая поцѣлуями эти руки, не зная, какими ласками выразить ей свое участіе. Онъ видимо готовъ былъ на все, что могло бы хотя немного облегчить ея участь, успокоить ее. Въ эту минуту она, страдающая, плачущая, была ему дороже всего на свѣтѣ. Она смутно угадала это. Сейчасъ она можетъ сдѣлаться его любовницей. Ее всю точно передернуло. Она почти безсознательно вдругъ порывисто поднялась и, быстро отеревъ слезы, съ трудомъ переводя духъ, рѣзко проговорила:

— Нѣтъ, довольно!.. Ничѣмъ не можете вы мнѣ помочь!.. Идите!.. Вы сами не знаете, что играете съ огнемъ!.. Вы милый мальчикъ и оставайтесь имъ дольше, какъ можно дольше!.. Оставьте меня!

Онъ растерянно бормоталъ:

— Софья Леонтьевна!

Это была какая-то мольба. О чемъ онъ молилъ—онъ и самъ не зналъ.

— Идите же, идите!—приказала ему Никитина и почти грубо, точно онъ хотѣлъ погубить ее, произнесла: — Я же честная женщина!

Она почти насильно заставила его уйти, боясь не его, а самой себя.

Онъ точно очнулся и разомъ почувствовалъ, что онъ безумно влюбленъ въ эту женщину и что она это угадала— угадала и, какъ честная женщина, удалила его. До этой минуты онъ не задумывался надъ вопросомъ, какое чувство влечетъ его къ Никитиной. Теперь это стало ему ясно, когда она сама выяснила ему это. Такъ вотъ она, его первая любовь. Невѣдомая ему до этой минуты тоска охватила его. Онъ почувствовалъ, что онъ не имѣетъ права разсчитывать на что-нибудь: и онъ не негодяй, чтобы играть съ ней въ любовь, и она не изъ тѣхъ, которыя идутъ на подобныя сдѣлки. Вѣдь на серьезную связь они не могутъ разсчитывать, даже если бы Софья Леонтьевна была свободна, такъ какъ онъ годится ей въ сыновья, а играть въ любовь... О, она такая честная, такая безупречная женщина! Но поборотъ въ себѣ пробудившагося въ немъ чувства онъ, тѣмъ не менѣе, не могъ: впервые онъ сблизился такъ съ посторонней женщиной, какъ съ ней; впервые онъ, какъ взрослый, сдѣлался повѣреннымъ женскихъ сердечныхъ тайнъ; впервые онъ покрывалъ руки женщины такими поцѣлуями, какъ цѣловалъ ея руки. И теперь все это должно кончиться, потому что и она, и онъ вдругъ поняли настоящій смыслъ своихъ отношеній. Онъ плакалъ, какъ ребенокъ...

Не безслѣдно прошло это свиданіе и для Софьи Леонтьевны. Она сознавала, что она, разстроенная, взволнованная, была на шагъ отъ увлеченія этого юноши на ту дорогу, по которой идетъ вся окружающая ее молодежь, на дорогу мелкихъ любовныхъ интригъ и связей, заканчивающихся самымъ обыденнымъ, самымъ разнузданнымъ развратомъ. Она негодовала на себя за то, что она изнервничалась, что она, брошенная и мужемъ, и Александромъ, чувствуетъ себя такой одинокой, что готова броситься на шею каждому, полная жажды утѣшеній, ласки и—почти съ скрежетомъ добавила она — и денегъ, денегъ! О, если бы всѣ эти сапожницы, булочницы, перчаточницы изъ ея родни заглянули въ ея душу, какъ бы онѣ ужаснулись ея развращенности. Онѣ вѣдь честныя буржуазки, онѣ позволяютъ себѣ скабрезничать и сальничать только со своими мужьями. Съ нѣкотораго времени она все чаще и чаще вспоминала о нихъ и все болѣе и болѣе ненавидѣла ихъ...

Въ одинъ изъ слѣдующихъ дней былъ базаръ. Ей не хо-

тѣлось ѣхать на него, не хотѣлось никуда выходить. И для чего? Обойдутся и безъ нея! Что ей тамъ дѣлать? Слушать наглости Ивашинцева? Видѣть князя Шеринадзе, какъ онъ избоченясь станетъ въ профиль къ ней и будетъ ждать, чтобы она влюбилась въ него? Смотрѣть, какъ млѣетъ около нея этотъ несчастный мальчикъ, князь Владиміръ Васильевичъ? И зачѣмъ она открыла ему глаза на смыслъ его отношеній къ ней? Самъ онъ не понялъ бы этого! Онъ изъ такихъ, кажется, которые могутъ платонически млѣть передъ женщинами цѣлые годы, не допустивъ себя ни до одной нецѣломудренной мысли. Юродивый тоже! Теперь придется избѣгать встрѣчъ съ нимъ, а онъ навѣрное явится на базаръ и будетъ ей смотрѣть въ глаза съ глупой мольбой во взглядѣ. Еще Александръ явится туда же, полупьяный, оправдывающійся трусливо въ томъ, что онъ «все не можетъ попасть къ ней». Нѣтъ, нѣтъ, пора кончить со всѣмъ этимъ! Все равно, не сегодня, такъ завтра ея пѣсня будетъ спѣта. Эмма, когда настанетъ срокъ векселю, предъявитъ его ко взысканію и опишетъ весь ихъ скарбъ. Они останутся нищими. Господи, что заговорятъ тогда-то всѣ эти сапожники, всѣ эти булочники и ихъ жены, которыхъ такъ любитъ и ставитъ въ примѣръ ей Дениза Андреевна! Вѣдь ей придется каждый день встрѣчать ихъ, слышать о нихъ, такъ какъ ей некуда будетъ пріютиться, кромѣ тетки. Она вспомнила, что всѣ сходятся по большимъ праздникамъ у тетки, пьютъ пиво, играютъ въ лото и сальничаютъ на законномъ основаніи со своими супругами въ семейномъ кругу. Они не постѣснятся кольнуть ее, «надворную совѣтницу», ея бѣдностью. Всѣ они ненавидятъ ее за то, что она и умнѣе, и образованнѣе ихъ. Имъ будетъ доставлять наслажденіе возможность дѣлать ей дерзости. У нихъ чувства вѣжливости, деликатности, мягкости, пощады нечего искать. Для нихъ люди то же, что вьючный скотъ. Не даромъ же ихъ то и дѣло судятъ за истязанія учениковъ и ученицъ...

Ее заставилъ вздрогнуть звонокъ. Она вспомнила, что забыла сказать, чтобы никого не принимали, и услышала голосъ Арцымова. Зачѣмъ онъ? Что ему еще нужно? Съ чего онъ преслѣдуетъ ее?

— Вы не сердитесь, что я зачастилъ?—спросилъ онъ ее, здороваясь съ нею и съ тревогой всматриваясь въ ея лицо, хранившее слѣды недавнихъ слезъ. — Я встревожился, не видя васъ на базарѣ. Услыхалъ, что вы, вѣ-

роятно, не такъ здоровы, встревожился и вотъ пріѣхалъ справиться.

Въ его голосѣ звучала необычайная для нея тревога; въ его всегда суровомъ взглядѣ выражалось участіе.

— Да, я не такъ здорова, — сухо отвѣтила Софья Леонтьевна:—да и въ какомъ обществѣ я, кажется, болѣе не буду появляться на этихъ выставкахъ...

— Да?—спросилъ онъ мягко.—Знаете, я этому и радъ, и не радъ. Съ одной стороны, мнѣ всегда досадно видѣть васъ на этихъ, какъ вы вѣрно сказали, выставкахъ, а съ другой—мнѣ представится рѣже случай видѣть васъ.

— Мои двери, кажется, не закрыты для васъ.

— А вы не боитесь того, что могутъ говорить, видя меня слишкомъ частымъ вашимъ гостемъ? — спросилъ онъ. — Я вѣдь только вашъ знакомый, а не вашего мужа...

— Я, кажется, не изъ тѣхъ женщинъ, про которыхъ могутъ говорить Богъ вѣсть что, — начала она тѣмъ надменнымъ тономъ, которымъ она всегда останавливала Ивашинцева и Шеринадзе отъ ихъ неумѣстныхъ двусмысленностей.

— О, я знаю, иначе я не былъ бы у васъ, — поспѣшно перебилъ онъ ее.

Его лицо приняло озабоченное выраженіе. Онъ потеръ свой лобъ и, немного стѣсняясь, заговорилъ:

— Мнѣ нужно бы серьезно поговорить съ вами, Софья Леонтьевна. Я давно собирался сдѣлать это, но не находилъ удобнаго случая и все откладывалъ въ дальній ящикъ. Есть щекотливые вопросы, на которые трудно рѣшиться сразу... Я васъ не утомлю разговоромъ?

— Нѣтъ, говорите! — отвѣтила она, немного волнуясь и не зная, о чемъ онъ хочетъ говорить.

— Мнѣ нуженъ вашъ совѣтъ,—проговорилъ онъ серьезно.— будьте вполнѣ откровенны и не стѣсняйтесь сказать мнѣ правду—полную правду.

Онъ перевелъ духъ и потомъ заговорилъ снова.

— Вы, конечно, слышали, что вотъ уже болѣе трехъ лѣтъ, какъ я вдовѣю и живу совершенно одиноко. Я думалъ, что я, какъ старикъ, сумѣю примириться съ этимъ положеніемъ, но оказалось, что это не такъ легко даже въ мои лѣта.

— О, я знаю, что значитъ одиночество,—проговорила она.

— Да? — вопросительно произнесъ онъ и точно обрадовался. — Это ужасное чувство, его не заглушишь никакой

общественной дѣятельностью, никакими самообманами. Жажда личнаго счастья не умираетъ долго. Вотъ что побудило меня искать этого потерянаго мною счастія. Мнѣ показалось, что я еще могу найти его, но...

Онъ остановился на минуту и потомъ продолжалъ:

— Скажите, не нашли ли бы вы смѣшнымъ, если бы человѣкъ моихъ лѣтъ заговорилъ о любви, о любви серьезной, начавшейся не вчера, а созрѣвшей въ теченіе болѣе чѣмъ цѣлаго года, медленно, прочно?

— Что же тутъ смѣшного? Это такъ естественно! — сказала она, взглянувъ съ удивленіемъ на него.

Почему онъ спрашиваетъ объ этомъ ее? На что ему знать именно ея мнѣніе?

— Да, но какъ бы вы отвѣтили, если бы такой старикъ заговорилъ о своей любви именно съ вами?—спросилъ онъ, пытливо смотря на нее.

— Я? Я не отвѣтила бы вовсе никакъ, — проговорила она, мѣряя его глазами: — потому что со мной не посмѣли бы говорить о любви. Я замужемъ.

— За человѣкомъ, съ которымъ вы несчастны,—тихо добавилъ онъ.

Она подняла гордо свою голову: теперь ей было ясно, что онъ знаетъ про ея связь и разрывъ съ Александромъ и что онъ хочетъ быть его преемникомъ. Наглецъ, старый фарисей! Воображаетъ, что ему стоитъ махнуть женщинѣ рукой, и она бросится тотчасъ же къ его ногамъ. Не потрудился даже хотя бы изъ приличія сначала прикинуться влюбленнымъ, ухаживать за нею. Но кто же ему сказалъ о ея связи и разрывѣ съ Александромъ? кто могъ сказать?

— Несчастна съ мужемъ? И вы думаете, что этого достаточно, чтобы быть безчестной женщиной?— рѣзко сказала она, съ трудомъ дыша отъ негодованія.

Онъ думаетъ, что онъ богатъ, въ чинахъ, такъ у него и есть право презирать ее, потому что она какая-то Никитина, мелкая чиновница! Она готова была выгнать его вонъ. Онъ, видя, что она поднимается съ мѣста, сдѣлалъ движеніе рукою, какъ бы прося ее успокоиться. Она невольно безсильно опустилась на стулъ.

— Если бы я не уважалъ васъ, я не былъ бы здѣсь,— твердо сказалъ онъ. — Я не изъ тѣхъ, которые ѣздятъ къ женщинамъ, которыхъ нельзя уважать. Я васъ полюбилъ потому, что въ теченіе года научился уважать васъ.

Она сдѣлала опять движеніе, онъ опять остановилъ ее.

— Не торопитесь. Вы несчастны въ замужествѣ. Вашъ мужъ измѣняетъ вамъ. Онъ путается въ долгахъ.

— Я вамъ не говорила!—страстно перебила она.

— Я васъ и не спрашивалъ, потому что узналъ все это прежде, чѣмъ явился сюда съ опредѣленными намѣреніями,— пояснилъ онъ. — Вы несчастны, между вами и вашимъ мужемъ все порвано. Вы не отвѣтите ни передъ Богомъ, ни передъ нимъ, если вы рѣшитесь быть женой другого...

И опять останавливая движеніемъ руки ее, растерявшуюся, взволнованную, онъ закончилъ:

— Не спѣшите разбивать мои надежды отказомъ. Въ мои годы подобные удары переживаются не легко. Подумайте и дайте мнѣ отвѣтъ. Я не мальчикъ, я, не очертя голову, дѣлаю вамъ предложеніе. Оно обдумано, повторяю вамъ, въ теченіе цѣлаго года, въ который я слѣдилъ за вашей дѣятельностью въ обществѣ, за проявленіями вашего характера, за всѣмъ, что все болѣе и болѣе привязывало меня къ вамъ и что говорило мнѣ, что вы стоите не на своемъ мѣстѣ, не въ тѣхъ условіяхъ, въ которыхъ вы были бы должны стоять. Я прослѣдилъ въ послѣднее время и за поступками вашего мужа, я узналъ, что онъ живетъ не по средствамъ, что у него есть теперь...

Онъ сдѣлалъ неопредѣленный жестъ рукою и сказалъ:

— Не станемъ говорить о грязи жизни. Это было бы оскорбительно для васъ и противно для меня. Скажу просто: я убѣдился, что онъ не стоитъ васъ и что онъ тянетъ васъ въ пропасть...

Онъ опять перевелъ духъ и закончилъ:

— Я ни завтра, ни черезъ годъ не откажусь отъ своего рѣшенія, если вы дадите свое согласіе быть моею женою.

Онъ поднялся съ мѣста и сказалъ съ нѣкоторой горечью:

— Конечно, я не заблуждаюсь на счетъ того, что вы хоть когда-нибудь полюбите меня страстно, какъ юношу, но, можетъ-быть, и въ васъ проснется немного теплаго чувства въ отвѣтъ на мою безпредѣльную любовь. Честною же женою вы будете во всякомъ случаѣ.

Она хотѣла что-то сказать; но онъ, видимо боясь ея отвѣта, остановилъ ее:

— Не спѣшите! Обдумайте и тогда все будетъ рѣшено.

Онъ крѣпко пожалъ ея руку и тихо, немного понуривъ голову, вышелъ.

XII.

«И что это у насъ съ самой-то сегодня дѣлается? Ровно помѣшалась!»—разсуждала горничная Никитиныхъ въ кухнѣ и стала сообщать кухаркѣ замѣченную ею перемѣну въ Софьѣ Леонтьевнѣ.

— И ни пьетъ, и ни ѣстъ, ходитъ, какъ угорѣлая, изъ угла въ уголъ. Спрашивала ее сейчасъ: обѣдать подавать? А она смотритъ на меня, ровно ничего не понимаетъ, потомъ говоритъ: «Обѣдать? Нѣтъ! Я не буду. Обѣдайте сами». А сама взялась за голову и къ окну встала, лбомъ въ стекло уткнувшись, смотрѣть, Богъ вѣсть, куда. Съ чего это?

— Извѣстно, какъ самъ-то отъ дому отбился, такъ хвостъ и поджала,—сообразила кухарка.—Вотъ ужъ поистинѣ скажу, пять мѣстъ за эти два года перемѣнила, а такого ералашнаго дома не видывала. Тутъ долги, тамъ долги, а сама расфуфыренной ходитъ, а самъ на ночи цѣлыя на тройкахъ закатывается.

— Тоже выдумала, чему дивиться. Да нѣшто кто нынче изъ господъ иначе-то живетъ?—возразила горничная.—Вонъ я на послѣднемъ мѣстѣ, такъ и не то видала. Сама-то на клубныхъ сценахъ, чтобы себя показать, играла, хоть и изъ благородныхъ, а онъ-то, мужъ ейный, значитъ, не то аблокатъ, комилисіонеръ, либо писатель, такъ днемъ-то, бывало, они спятъ, а на вечеръ да на ночь въ клубы эти самые закатятся и, глядишь, къ утру кого-нибудь къ себѣ, какъ на постоялый дворъ, привезутъ; у него, значитъ, свои, а у нея свои знакомства. Ровно въ трактиръ въ нумера люди пріѣзжали. И ни стыда, ни совѣсти: одинъ это подлипало ейный захотѣлъ, чтобы она перекрасилась изъ брюнетокъ въ бѣлокурую, и что-жъ ты думаешь — вѣдь перекрасилась на старости лѣтъ.

— А мужъ?

— Что мужъ! Мужу все равно, будь брюнеткой, будь бѣлокурой, въ пьяномъ видѣ всякая хороша ему. Да и у него, говорю я, тоже свои амуры были.

— Богаты, видно, были!

— Нѣтъ, какое богаты. Тоже, какъ и наши, съ хлѣба на квасъ перебивались, все въ долгъ да въ долгъ. Опечатывали сколько разъ ихъ, да имъ что—какъ съ гуся вода: днемъ спятъ, ночь въ клубахъ коромболятъ, чего имъ тужить? Нѣтъ, нашей вонъ, видно, хвостъ совсѣмъ отдавили,

потому и ополоумѣла. Еще вотъ попляшетъ, какъ Дениза Андреевна придетъ да начнетъ ее пробирать. Вотъ ужъ фельдфебелемъ бы ей быть, Денизѣ-то Андреевнѣ, ей-Богу. Распушить умѣетъ, первый сортъ. Смѣхота да и только, какъ начнетъ она пилить: папиросу въ зубы, руку въ бокъ и отчитываетъ, и отчитываетъ. Однако, надо взглянуть, что сама-то дѣлаетъ.

И горничная пошла подсматривать, что дѣлаетъ сама.

Сама же Софья Леонтьевна все еще не могла придти въ себя и продолжала то молча сидѣть на одномъ мѣстѣ съ тупымъ выраженіемъ на лицѣ, то ходить изъ угла въ уголъ по спальнѣ, кусая себѣ губы и пожимая плечами. Дѣйствительно, она походила на помѣшанную. Не только въ продолженіе всего дня послѣ Арцымова, но и въ теченіе всей ночи Софія Леонтьевна не могла ни успокоиться, ни сомкнуть глазъ. Ей все казалось, что она сходитъ съ ума и бредитъ, что она видитъ на яву фантастическіе, несбыточные сны. Сдѣлаться женою Ѳедора Ѳедоровича Арцымова, играть видную роль въ обществѣ, не пресмыкаться болѣе никогда ни передъ кѣмъ, не завидовать никому, не бояться завтрашняго дня, видѣть у своихъ ногъ того самаго человѣка, передъ которымъ она всегда смущалась и робѣла, въ которомъ заискиваютъ всѣ окружающіе, чего же больше могла она желать? Развѣ все это не фантастическій сонъ, не несбыточныя грёзы? И какъ могло все это случиться такъ вдругъ: пришелъ, объявилъ, что любитъ, попросилъ руки? Какъ вдругъ? Совсѣмъ не вдругъ! Развѣ Арцымовъ не вглядывался въ нее въ теченіе почти года испытующими взглядами, точно желая разгадать, что она за человѣкъ? Развѣ не говорилъ Володя, что Арцымовъ никогда не устаетъ слушать разсказы Кусовой и Адочки о ней? Развѣ самъ Арцымовъ не сознался, что онъ справлялся о ея мужѣ, о ея житьѣ-бытьѣ, слѣдилъ шагъ за шагомъ за ней?.. Слѣдилъ? А ея связь съ Александромъ? Неужели онъ знаетъ это? Нѣтъ, нѣтъ, если бы онъ зналъ это, онъ никогда не предложилъ бы ей руки. Онъ не можетъ любить женщину, которую онъ не уважаетъ или которую не уважаютъ въ его кругу. Онъ самъ это сказалъ, да это и такъ ясно: стоитъ только взглянуть на этого гордаго, почти сурового старика, чтобы понять, что онъ не свяжетъ своей судьбы съ падшей, презираемой женщиной. Господи, что же будетъ, если онъ узнаетъ все? Онъ ее оттолкнетъ отъ себя, какъ гадину! Нѣтъ, нѣтъ, не отъ кого ему узнать о ея связи съ Але-

ксандромъ: эта связь извѣстна только ей и Александру, да еще ея мужу. Она вдругъ съ ужасомъ вспомнила о мужѣ. О, этотъ мужъ! Онъ, только онъ одинъ, стоитъ на дорогѣ къ ея счастію. Онъ давно не любитъ ее, да и никогда онъ не любилъ ее, женился его на ней насильно ея тетка, въ канканѣ онъ попался: потомъ десятки разъ онъ заводилъ разныя интрижки съ горничными, Богъ вѣсть съ кѣмъ. Она тоже давно не только не любитъ его, но чувствуетъ къ нему презрѣніе, порой ненависть. Они, въ сущности, должны только радоваться тому, что они могутъ, наконецъ, разстаться. Каторжники, скованные вмѣстѣ одной цѣпью, они только тогда и вздохнутъ свободно, когда порвется эта цѣпь. Но кто знаетъ, на что способенъ тряпичный человѣкъ, человѣкъ съ мелкими капризами, съ мелкимъ упрямствомъ? Ему стоитъ сказать: «нѣтъ, я не желаю развода!»—и она останется навсегда прикованною къ нему, обязанною выносить съ нимъ всѣ ужасы грозящаго имъ полнаго разоренія. Мало того, онъ можетъ очернить ее въ глазахъ Арцымова, и Арцымовъ съ презрѣніемъ отвернется отъ нея, отъ развратной женщины. За одно право мужа не дать ей свободы она чувствовала къ нему теперь непримиримую вражду, злобу, ненависть, какъ къ тюремщику. И чѣмъ болѣе увѣряла она себя въ томъ, что онъ не согласится на разводъ, тѣмъ болѣе ненавидѣла его. Жены убійцъ, каторжниковъ, казалось ей, счастливѣе ея: онѣ могутъ не слѣдовать за своими мужьями въ каторгу, но мужъ, доводящій семью до разоренія, путающійся съ падшими женщинами, не обращающій вниманія на жену, остается главою ея, остается распорядителемъ ея судьбы. Она прикована къ нему цѣпью. Это доводило ее до бѣшенства. Были минуты, когда въ ея головѣ мелькали чудовищныя мысли, и въ ярости она, какъ безумная, шептала:

— «Убью! отравлю! задушу!»

Потомъ она приходила въ себя, вздрагивала отъ ужаса и гнѣвно говорила:

— Это все онъ доводитъ меня до такихъ мыслей!

И вдругъ передъ нею всталъ вопросъ:

— Что же отвѣтить Арцымову?

Онъ долженъ былъ заѣхать дня черезъ два. Согласна ли она на его предложеніе? Развѣ можно быть несогласной? Но что въ этомъ согласіи, если мужъ не дастъ развода? Нѣтъ, нѣтъ, надо и не думать обо всемъ этомъ и ждать покорно, когда настанетъ нищета. Можетъ-быть, тогда онъ,

Егоръ Егоровичъ, самъ покончитъ съ собою. Ахъ, если бы это такъ сдѣлалось! Это былъ бы лучшій исходъ!.. И она начинала мечтать объ этомъ, какъ мечтаютъ о самыхъ свѣтлыхъ надеждахъ... Среди этого настроенія опять мелькали у нея мысли о томъ, что она сходитъ съ ума...

Пріѣхавшій къ ней за отвѣтомъ Арцымовъ засталъ ее въ слезахъ и испугался. Она поблѣднѣла, похудѣла за послѣдніе два дня. Казалось, она пережила тяжкую болѣзнь.

Онъ съ несвойственною ему живостію засыпалъ ее вопросами: что случилось? новыя непріятности? больна она?

— Нѣтъ, нѣтъ,—отвѣтила она:—но...

Она съ трудомъ перевела духъ.

— Зачѣмъ вы сдѣлали меня еще болѣе несчастною, чѣмъ прежде!—съ упрекомъ закончила она хватающимъ за сердце голосомъ. — Я примирилась давно съ участью брошенной жены, я ждала безъ ужаса разоренія, а теперь — теперь я сознаю, что я могла бы быть и любимой, и уважаемой...

Онъ радостно промолвилъ:

— Если вы только согласны, то...

— Согласна ли? — воскликнула она: — вы спрашиваете! Согласна ли идти къ свѣту, къ счастью, къ любви!

У нея навернулись на глазахъ слезы. Онъ съ любовью всматривался въ ея лицо, ловя искренніе звуки ея голоса. Она съ горечью вздохнула.

— Но тутъ все зависитъ не отъ моей воли, не отъ моего согласія, а отъ него,—пояснила она.

— Отъ вашего мужа?—спросилъ Арцымовъ и небрежно пожалъ плечами.—Я даже не беру въ расчетъ его согласія въ вопросѣ о нашемъ будущемъ. Это дѣло—дѣло моего повѣреннаго. За упрямство придется заплатить лишнихъ десять-пятнадцать тысячъ—вотъ и все.

Онъ сдѣлалъ брезгливую гримасу.

— Мой повѣренный устроитъ все: тутъ нужны разные свидѣтели, взятки, отступныя деньги, можетъ-быть, даже искусственное запутыванье вашего мужа въ долги, но не станемъ говорить, не станемъ думать объ этой грязи. Очень грустно, что нельзя обойтись безъ нея, дѣйствуя прямо и открыто, но и то счастіе, что и вы, и я будемъ избавлены отъ присутствія при всѣхъ этихъ сдѣлкахъ.

— Я васъ не понимаю?—сказала она, удивленно взглянувъ на него.

— Я все обдумалъ, давно обдумалъ: вы поѣдете за гра-

ницу, я тоже, здѣсь безъ насъ все это устроитъ мой невѣрный. Какъ? не будемъ даже думать объ этомъ.

— Но... но дѣти...

Она хотѣла сказать не то. Дѣти ее не безпокоили: ихъ пристроятъ, они будутъ сыты, получатъ образованіе. Ее смущало, какъ она скажетъ мужу о своемъ отъѣздѣ. Не обрадуется ли онъ возможности еще разъ надругаться надъ нею. О, она не забыла, какъ онъ называлъ ее тварью, трясъ за плечи, готовъ былъ избить!

— У васъ, вѣроятно, есть кто-нибудь изъ родни, — сказалъ Осдоръ Осдоровичъ: — кому можно будетъ поручить дѣтей на-время. Потомъ мы отдадимъ ихъ на полный пансіонъ. Лишать васъ дѣтей я вовсе не намѣренъ...

— Да, конечно, устроить ихъ на-время можно, но какъ же мужъ... какъ я скажу о своемъ отъѣздѣ за границу?— наконецъ, спросила она.

Онъ пожалъ плечами.

— Мало ли что можно придумать... Положимъ, можно сказать, что ваше «общество» отправляетъ васъ за границу ознакомиться съ пріютами. Вѣдь вамъ только бы уѣхать отсюда, а тамъ... тамъ вы даже не услышите о мужѣ, о всей этой процедурѣ развода, объ этой грязной сторонѣ дѣла...

Онъ началъ развивать весь планъ будущихъ дѣйствій. Она поѣдетъ за границу, онъ тоже. Онъ, разумѣется, не скомпрометируетъ ее ничѣмъ; онъ даже не скажетъ, что и онъ ѣдетъ за границу, и всѣ будутъ думать, что онъ ѣдетъ къ себѣ въ имѣніе на отдыхъ. Если онъ хочетъ ѣхать въ одномъ поѣздѣ съ нею, то только для того, чтобы ей не подвергаться никакимъ случайностямъ въ дорогѣ. Онъ даже будетъ останавливаться съ нею въ разныхъ отеляхъ, такъ какъ ея репутація—репутація его будущей жены—для него святыня. На будущей женѣ Арцымова не должно лежать ни одной тѣни, ни одного пятна. Она только твердила:

— Вы воскрешаете меня къ жизни и уже за одно это я сумѣю сдѣлать васъ счастливымъ!

— Любите немного меня, вотъ все, что я прошу,—сказалъ онъ.

— Развѣ вы можете сомнѣваться въ моей любви!—воскликнула она.

Онъ нѣжно поцѣловалъ ея руку, и ея губы коснулись его широкаго открытаго лба. Ни онъ, ни она не замѣтили, какъ пролетѣло нѣсколько часовъ въ ихъ толкахъ о будущемъ. Обоимъ оно казалось безоблачно-свѣтлымъ. Они обсудили

малѣйшія мелочи этого будущаго, начиная съ того, когда и какъ они уѣдутъ изъ Петербурга, и обоимъ все еще казалось, что они наговорились не обо всемъ. Арцымовъ говорилъ съ твердымъ убѣжденіемъ, что все должно дѣлаться такъ, какъ хочетъ онъ. Въ своихъ планахъ онъ принималъ въ расчетъ только свое счастье и не заботился ни о чемъ остальномъ, зная, что въ его положеніи можно достигнуть всего при помощи связей и денегъ. На него можно было положиться безъ колебаній, безъ сомнѣній. Софья Леонтьевна понимала это и оживилась. Она точно сразу помолодѣла на десятокъ лѣтъ, развеселилась, почувствовала приливъ прежней своей находчивости, и Арцымовъ, глядя на нее, слушая ее, чувствовалъ, что она вполнѣ счастлива. Это краснорѣчивѣе всякихъ клятвъ и увѣреній говорило ему, что онъ любимъ...

Когда онъ уѣхалъ, Софья Леонтьевна никакъ не могла успокоиться.

Она обезумѣла отъ радости; свобода, богатство, положеніе въ свѣтѣ были у нея впереди. Ни передъ кѣмъ уже не будетъ она унижаться, ни въ комъ не будетъ заискивать. О, она сумѣетъ держать себя на недоступной высотѣ, сумѣетъ сдѣлать такъ, что Арцымовъ будетъ гордиться своею женою. Какое счастіе, что отецъ далъ ей заботливо хорошее образованіе. Она способна вращаться въ какомъ угодно кругу общества и ужъ, конечно, ей не придется краснѣть за себя. И какъ все это легко устраивалось! Да, деньги величайшій рычагъ, при помощи денегъ все легко устроить—смирить строптиваго, покорить непокорнаго, запутать невиннаго. Мужа принудятъ согласиться на все. Ни дрязгъ, ни препирательствъ не будетъ. Мужъ получитъ деньги, ему дадутъ мѣсто въ провинціи къ тому времени, какъ она вернется женой Арцымова. Да если бы онъ и остался въ Петербургѣ, то гдѣ же имъ встрѣтиться? Она будетъ вращаться въ иномъ кругу людей, чѣмъ мужъ. Никогда, никогда не опустится она въ этотъ жалкій мірокъ людей, перебивающихся съ хлѣба на квасъ, подличающихъ изъ-за грошей, подкапывающихся другъ подъ друга изъ-за теплаго мѣстечка. Въ этомъ міркѣ нѣтъ, и не можетъ быть ничего честнаго, святого, непорочнаго, потому что этотъ мірокъ бѣдняковъ. Бѣднякъ не можетъ быть ни независимымъ, ни честнымъ; бѣднякъ долженъ идти на сдѣлки, если не ради себя, то ради семьи. Правда, въ этомъ міркѣ могутъ быть юродивые въ родѣ ея отца, которые выше всего дорожатъ своею честью, своею совѣстью, своими убѣжденіями, но—эти помѣшанные даже

понять не могутъ, что изъ-за ихъ юродства гибнутъ ихъ жены, дочери, сыновья отъ голода и холода. Ихъ дѣти болѣютъ отъ дурныхъ условій жизни и отъ отсутствія докторовъ, а они носятся со своею честностью; ихъ сыновья не могутъ получить разносторонняго образованія, такъ какъ за нихъ не изъ чего платить въ училище и имъ негдѣ спокойно учиться, а они кричатъ о своей неподкупности. О, они хуже всякихъ злодѣевъ, потому что они губятъ ни въ чемъ неповинныхъ людей ради какого-то призрака, надъ которымъ смѣются и потѣшаются всѣ, даже тѣ, которые громко ораторствуютъ о совѣсти и честности за сытными обѣдами. Она глубоко презирала этотъ міровъ бѣдняковъ и прежде, и теперь,—теперь болѣе чѣмъ когда-либо. Только бы скорѣй ей уѣхать, кончивъ объясненіе съ мужемъ и теткою, на попеченіи которой должны были остаться дѣти.

Она немного боялась этихъ объясненій. Тѣмъ не менѣе, она на слѣдующій же день рѣшилась поговорить съ мужемъ. Уловивъ свободную минуту, когда Никитинъ былъ дома, Софья Леонтьевна сказала ему, что ее хотятъ отправить за границу для осмотра благотворительныхъ пріютовъ.

— Наши денежныя дѣла такъ плохи,—сказала она:—что эта поѣздка будетъ, пожалуй, кстати. Денегъ мнѣ дадутъ, вѣроятно, достаточно, и я могу часть ихъ удѣлить тебѣ. У тебя вѣдь долги?

Она очень боялась, что мужъ запротестуетъ. Однако, противъ ея ожиданія, Егоръ Егоровичъ даже обрадовался, узнавъ, что она ѣдетъ на деньги общества покровителей убогихъ сиротъ за границу, особенно обрадовало его то, что она, уѣзжая, могла удѣлить ему нѣсколько сотъ рублей. Онъ даже посмѣялся вмѣстѣ съ нею надъ щедростью членовъ общества. На грошъ принесутъ пользы, а швыряютъ тысячи.

— Ну, не тысячи, а только одну тысячу рублей,—замѣтила она, испугавшись, что онъ потребуетъ съ нея, то-есть съ Арцымова, много денегъ.—Я дамъ тебѣ рублей триста, хотя мнѣ придется ради этого во многомъ обрѣзать свои расходы. Я поѣду въ третьемъ классѣ, остановлюсь гдѣ-нибудь въ маленькомъ отелѣ. Конечно, онѣ, эти барыни, думаютъ, что иначе нельзя ѣхать, какъ въ первомъ классѣ, потому и даютъ щедро деньги.

— Еще бы! Онѣ иначе не умѣютъ жить, хотя и кормятъ своихъ убогихъ сиротъ впроголодь,—полиберальничалъ онъ.

Она намекнула ему, что она все знаетъ о его долгахъ:

онъ можетъ уплатить ихъ и безъ нея изъ оставляемыхъ ею денегъ и изъ того, что сбережетъ изъ жалованья. Заложить тоже ея золотыя вещи онъ можетъ. Лѣтомъ ей онѣ не понадобятся.

— Да ты долго намѣрена пробыть тамъ?—спросилъ онъ.

— Право, не знаю,—отвѣтила Софья Леонтьевна.—Въ нашихъ выгодахъ нужно бы подольше пробыть. Денегъ мнѣ, вѣроятно, вышлютъ еще.

— Конечно, конечно,—согласился онъ, предвкушая всѣ наслажденія, ожидающія его въ эти мѣсяцы свободы.—Право, онѣ лучше ничего не могли придумать. Наши дѣлишки дѣйствительно пошатнулись.

Онъ сталъ серьезно разсуждать о выгодахъ всего этого дѣла для нихъ, Никитиныхъ, и самъ думалъ только о томъ, какъ бы скорѣе она уѣхала. Тогда онъ кутнетъ во всю. Срокъ векселя настанетъ еще не скоро, а когда настанетъ—онъ какъ-нибудь извернется, перепишетъ вексель, попроситъ Александра Кусова поставить бланкъ. Всѣ живутъ такъ: дѣлаютъ долги, пока не получатъ крупнаго или выгоднаго мѣста, ростовщики это знаютъ и вѣрятъ людямъ «стоящимъ на хорошей дорогѣ».

— А какъ же дѣти?—вспомнилъ онъ о дѣтяхъ.

— Что-жъ дѣти? Я ихъ поручу теткѣ. Не держать же ради нихъ эту квартиру. Тетка присмотритъ за ними.

— Да, да, это такъ! — обрадовался онъ.—У меня, ты знаешь, дѣлъ по́ горло...

Вспомнивъ о дѣлахъ, онъ началъ собираться идти. Софья Леонтьевна вздохнула спокойно.

Объясненіе съ теткой Софьѣ Леонтьевнѣ казалось гораздо болѣе легкимъ, и она поѣхала къ Денизѣ Андреевнѣ въ самомъ веселомъ настроеніи, рѣшивъ разсказать ей придуманную сказку самымъ небрежнымъ тономъ, смѣясь надъ глупыми затѣями филантропокъ. Обрадовались, что нынѣшняя зима дала много денегъ, и рѣшились расшвырять ихъ. Пришла тоже фантазія посылать для осмотра пріютовъ ее, Софью Леонтьевну. Тутъ и осматривать нечего. Все это давно извѣстно. Тетка презрительно смотритъ на всѣхъ этихъ барынь и, конечно, вмѣстѣ съ Софьей Леонтьевной посмѣется надъ ними.

Старуха выслушала торопливую, насмѣшливую рѣчь племянницы молча, сосредоточенно куря папиросу, и когда Никитина кончила, высказавъ все, спросила отрывисто:

— На содержаніе къ кому-нибудь попала?

Никитину точно холодной водой обдало.

— Что вы выдумываете?— воскликнула Софья Леонтьевна, чувствуя, что кровь прихлынула ей къ лицу.—У васъ одни пошлости на умѣ!

— Неужели Кусовъ?—продолжала тетка равнодушно.—Ивашинцевъ и эта вотъ... какъ ее зовутъ?.. ну, жена эта самая, содержанка-то его, Фортунатовна... говорили, что молодой Кусовъ путается съ Птицыной теперь...

— Я вамъ говорю, что я насчетъ общества ѣду,—перебила ее Никитина.

Тетка усмѣхнулась.

— Да ты чего же думаешь, что я не спрошу Ивашинцева?—спросила она.—Спрошу и узнаю все. Очень просто.

— Вы съ ума сошли! Вы всю мою жизнь исковеркаете!—воскликнула въ ужасѣ Никитина.—Разъ ужъ испортили мою жизнь, вытолкнувъ меня замужъ за этого негодяя...

— А ты не лги,—рѣзко сказала старуха:—тогда я и буду знать, чего держаться въ разговорѣ. Дурочку изъ себя валять я не привыкла. Съ кѣмъ ѣдешь?—повелительно закончила она.

— Съ Арцымовымъ,—тихо, какъ пришибленная, проговорила Софья Леонтьевна, пугливо оглядываясь кругомъ.

— Не подслушаютъ, ушей нѣтъ,—замѣтила тетка, гася папироску, и насмѣшливо закончила:— И его сумѣла соблазнить!

— Онъ женится на мнѣ! поторопилась объяснить Никитина.

— Женится?—спросила Дениза Андреевна.—При живомъ мужѣ.

— Какой мнѣ мужъ Егоръ! Онъ по-міру готовъ меня пустить съ дѣтьми! Онъ путается Богъ вѣсть съ кѣмъ, должаетъ. Я потребую развода!.. Но ради Бога, ради Бога, ни одного слова не говорите никому! Вѣдь отъ того зависитъ счастіе и мое, и Егора, и дѣтей. Арцымовъ обезпечитъ всѣхъ насъ, спасетъ насъ отъ нищеты. Я уѣду, и тогда мы станемъ хлопотать о разводѣ. Егору заплатятъ. Онъ долженъ согласиться!

Тетка покачала головой.

— Какъ не согласиться. Душу свою за деньги, а не то что жену или мужа продадите! Эхъ, вы!

И совсѣмъ сурово она замѣтила:

— Только помни: теперь тебѣ другимъ человѣкомъ придется быть; Арцымовъ не Егоръ Егоровичъ!

— За кого вы меня считаете! — воскликнула Софья Леонтьевна высокомѣрно.—Я честная женщина! Если бы я захотѣла, у меня на каждомъ шагу были бы возлюбленные! Я тринадцать лѣтъ терпѣла все, все, нужду, униженія, измѣны... Я...

Тетка презрительно усмѣхнулась.

— Нашла чѣмъ хвастать: тринадцать лѣтъ не имѣла случая въ грязь шлепнуться. Честность!

XIII.

Въ воздухѣ начинало вѣять близостью весны. Зимній сезонъ приходилъ къ концу и сравнительное затишье Великаго поста смѣнило уже давно шумную масленицу. Веселящемуся Петербургу успѣли уже надоѣсть даже представленія дутыхъ знаменитостей и иностранцевъ, всякіе малолѣтніе и слѣпые концертанты, всякіе фокусники и чревовѣщатели, однимъ словомъ, весь тотъ бродячій сбродъ, который только въ Великомъ посту можетъ разсчитывать на поживу въ Петербургѣ. Софья Леонтьевна въ эту пору лихорадочно приготовлялась къ отъѣзду за границу и разомъ отшатнулась отъ всякихъ развлеченій. Она теперь вся жила въ будущемъ: поѣздка за границу, освобожденіе отъ Егора Егоровича, бракъ съ Арцымовымъ и потомъ возвращеніе въ Петербургъ чрезъ нѣсколько мѣсяцевъ съ новымъ именемъ, съ новымъ положеніемъ въ обществѣ, все это рисовалось въ ея грезахъ. Не будетъ ее болѣе преслѣдовать страшнѣйшій изъ призраковъ—призракъ бѣдности; не нужно ей будетъ ни хитрить, ни интриговать, ни кланяться; она не только никогда не падетъ болѣе сама, но не допуститъ даже въ свой домъ такихъ грязныхъ, ничтожныхъ людей, какъ какой-нибудь Ивашинцевъ, при имени котораго ей теперь бросалась въ лицо краска стыда, такъ какъ онъ не только считалъ ее воровкою и способною продаваться женщиной, но даже осмѣлился подъ именемъ жены ввести къ ней какую-то хористку изъ оперетки, которая живетъ у него на содержаніи. О, негодяй, негодяй! Все это прошлое будетъ забыто ею, и она сумѣетъ явиться женщиной, достойной носить имя Арцымова. Она всегда чувствовала, что она создана приказывать, а не повиноваться, держать голову высоко, не гнуть спину, быть образцомъ нравственности и строгости, а не какой-то куртизанкой. Иногда только ей становилось жутко, когда она вспоминала о своемъ проступкѣ. Одинъ, только одинъ проступокъ, и между тѣмъ узнай объ

этомъ Арцымовъ—и для нея погибло все. Арцымовъ не изъ тѣхъ, которые прощаютъ виноватыхъ передъ ними людей. Онъ можетъ равнодушно говорить о ворахъ и убійцахъ, презирая ихъ; но онъ не проститъ того, кто хотя по неосторожности на минуту смутитъ его покой. Непростительно виноватъ въ его глазахъ только тотъ, кто виноватъ передъ нимъ, Арцымовымъ. А ужъ ее ли не сочтетъ онъ виноватою передъ нимъ, если узнаетъ о ея проступкѣ. Но объ этомъ знаютъ только Александръ Ивановичъ и ея мужъ. Александръ Ивановичъ, каковы бы ни были его недостатки, хорошо воспитанъ и имѣетъ твердыя понятія о чести; онъ, конечно, никогда не унизится до того, чтобы кому-нибудь разсказать о своей прошлой связи съ замужней женщиной, съ женщиней изъ семьи, а Егоръ Егоровичъ,—во-первыхъ, его постараются удалить въ провинцію на службу, а, во-вторыхъ, если бы онъ даже вздумалъ по злобѣ говорить что-нибудь про нее, то ея второй мужъ пойметъ, что это клевета изъ мести низкаго негодяя и, не повѣривъ ему, заставитъ его силою молчать. Но главное, что нужно теперь, такъ это осторожность въ данную минуту, умѣнье въ это время недолгаго пребыванія въ Петербургѣ вести себя съ тактомъ, не подавать повода ни къ какимъ толкамъ.

Никогда Софья Леонтьевна еще не вела такого замкнутаго образа жизни, какъ теперь; даже князь Владиміръ Васильевичъ сталъ очень рѣдко допускаться къ ней, такъ какъ она боялась, что и его частые визиты къ ней могутъ быть замѣчены Арцымовымъ и показаться непріятными ему. Мальчикъ... И почему это всѣ его считаютъ мальчикомъ, когда молодежь въ его годы въ Петербургѣ уже смотритъ и развращенной, и потасканной... Мальчикъ слишкомъ восторженъ по отношенію къ ней и стоитъ взглянуть на него, когда онъ смотритъ на нее и говоритъ съ ней съ блестящими глазами и рдѣющими щеками, чтобы понять, что онъ влюбленъ въ нее по-уши—влюбленъ именно такъ, какъ влюбляются впервые мальчики, глупо, не обращая вниманія ни на кого, забывая всякія предосторожности и думая, что ихъ молча раскрытые рты краснорѣчивѣе всякаго ораторства. Когда онъ съ нѣкоторою робостью жаловался ей, что онъ теперь такъ рѣдко застаетъ ее дома,—она вздыхала и поясняла, что—увы!—они скоро и совсѣмъ не будутъ встрѣчаться, такъ какъ ей скоро придется уѣхать изъ Петербурга. Она почему-то стѣснялась сказать ему, что она ѣдетъ за границу, и изъ ея намековъ онъ заключилъ, что

она уѣзжаетъ изъ Петербурга ради дурныхъ денежныхъ обстоятельствъ, ради экономическихъ соображеній. Этотъ отъѣздъ печалилъ его, такъ какъ домъ Никитиныхъ былъ единственнымъ домомъ, куда привыкъ заходить чуть не ежедневно Владиміръ Васильевичъ, чувствуя себя здѣсь почти такимъ же свободнымъ, какъ у себя въ деревнѣ. Въ Петербургѣ все было чуждо его вкусамъ и привычкамъ, но покуда онъ жилъ здѣсь съ братомъ и женою послѣдняго, онъ не чувствовалъ себя еще вполнѣ одинокимъ; когда же петербургскія медицинскія знаменитости окончательно рѣшили, что жена старшаго князя Жеребцова должна уѣхать за границу, и Егоръ Васильевичъ уѣхалъ съ нею, Владиміръ Васильевичъ чуть не смалодушничалъ и не удралъ обратно въ деревню отъ предстоящихъ ему на весну экзаменовъ. Если его что удержало отъ этого, такъ это именно встрѣча съ Никитиной. Незамѣтно для самого себя, онъ увлекся ею, и частыя посѣщенія ея дома примирили его съ жизнью въ Петербургѣ, гдѣ онъ чувствовалъ себя, одинокимъ, чужимъ. Правда, видя, что ему не удобно жить въ гостиницѣ, онъ перебрался тогда къ Кусовымъ, какъ къ своимъ ближайшимъ родственникамъ, на половину Александра Ивановича. Но родственныя связи не всегда совпадаютъ съ нравственными связями: юноша не имѣлъ ничего общаго съ сухою и фарисействовавшею Серафимой Степановной, съ глуповатой сплетницей-жалобщицей Аделаидой Ивановной, съ добродушнымъ кутилой Александромъ Ивановичемъ. Здѣсь нечего было ему искать даже той ласки и привѣтливости, на которыя была сначала очень щедра въ отношеніи къ нему Софья Леонтьевна, здѣсь нельзя было забыться даже въ ребяческой вознѣ, которую онъ начиналъ у Никитиныхъ, завоевавъ расположеніе даже дикаря Миши Никитина, здѣсь нечего было и думать даже разсказывать о деревенской жизни, такъ какъ Кусовыхъ возмущало и юродство его брата, и простые вкусы жены князя Жеребцова, и самыя привычки Володи, начиная съ крестьянской одежды, въ которой онъ разъ рискнулъ появиться въ общихъ комнатахъ въ домѣ Кусовыхъ. Серафима Степановна дрожащимъ отъ содроганія голосомъ заявила тогда, что она никогда не допуститъ въ своемъ домѣ никакихъ неприличій, а Адочка начала плаксиво жаловаться на наше время, когда такъ много людей совращается съ пути истины и развиваются эти нигилисты, опростѣлые и санкюлоты, а мама, бѣдная мама, такъ боится всего этого. Александръ Ивановичъ, правда,

не ужасался, слыша о взглядахъ и привычкахъ молодого своего кузена, но на каждомъ шагу вышучивалъ его: «А ты навозъ на поле будешь самъ возить?» «А платки носовые у тебя будутъ?» «А женишься ты на крестьянской дѣвкѣ или только на своей хроменькой поповнѣ?» Болѣе всего задѣвали за живое князя Владиміра Васильевича шутки надъ хроменькой поповной. И зачѣмъ онъ не сдержался, проговорился о ней! Да какъ же было не проговориться о ней, когда онъ гордился этимъ другомъ своего дѣтства, этой круглолицей, розовой, какъ румяное яблоко, никогда не унывающей дѣвушкой, отдавшей себя всецѣло служенію народу въ качествѣ учительницы и бывшей душою ихъ семьи? Если онъ незамѣтно для самого себя могъ влюбиться до безумія въ кокетничавшую съ нимъ Никитину, если она расшевелила въ немъ первыя уже не дѣтскія желанія, то хроменькая поповна оставалась попрежнему его святыней, чѣмъ-то въ родѣ его воплощенной въ человѣческій образъ совѣсти. Дѣлая тотъ или другой шагъ, онъ прежде всего думалъ: «а что бы сказала она?» Сколько они передумали вмѣстѣ, сколько переговорили вмѣстѣ обо всемъ! И зачѣмъ онъ уѣхалъ въ Петербургъ приготовляться къ сдачѣ выпускныхъ экзаменовъ? На что ему дипломъ? Для того, чтобы имѣть образовательный цензъ? Да развѣ безъ этого онъ, богачъ, не могъ бы попасть даже на тѣ выборныя должности, которыя требуютъ извѣстнаго образовательнаго ценза? Могъ бы, но ему не хотѣлось быть нигдѣ недоучившимся недорослемъ. Съ первыми предвѣстниками весны — болѣе долгими днями, тающимъ снѣгомъ, голубыми небесами, раздававшимся въ воздухѣ щебетаніемъ птицъ — тоска по деревнѣ начала у него расти и расти и, кончивъ свои занятія съ посѣщавшими его учителями, онъ начиналъ бродить, какъ тѣнь, гдѣ-нибудь по окрестностямъ Петербурга, не зная, какъ убить въ себѣ это щемящее чувство стремленія бѣжать туда, туда, гдѣ все и мило, и дорого ему. Иногда онъ подолгу останавливался гдѣ-нибудь у перилъ Невы и засматривался на бѣлыя облака, быстро проносившіяся въ лазурномъ небѣ, и ему казалось, что они, счастливыя, бѣгутъ туда, въ его родную глушь. Не глядитъ ли на нихъ въ эту минуту она, его милая «хроменькая поповна»?...

Въ одинъ изъ такихъ дней Владиміръ Васильевичъ, не зная куда дѣваться отъ щемящей сердце тоски, зашелъ послѣ обѣда въ комнату Александра Ивановича Кусова.

Тамъ были гости, Адамовичъ и Шеринадзе. На столикахъ стояли рюмки съ ликерами и чашки съ чернымъ кофе. Адамовичъ въ разстегнутомъ сюртукѣ полулежалъ въ граціозной позѣ на турецкомъ диванѣ и пускалъ розовыми губками колечки дыма, держа въ женственно маленькихъ бѣлыхъ рукахъ тоненькую папиросу. Шеринадзе, избоченясь, рисовался около книжнаго шкапа, точно позируя передъ фотографомъ. Александръ Ивановичъ качался въ качалкѣ, откинувъ назадъ голову. Всѣ были слегка навеселѣ.—А! ненаходящая покоя тѣнь!—воскликнули они, завидѣвъ Владиміра. Надъ нимъ уже давно подсмѣивались, видя, что онъ тоскуетъ. Владиміръ поздоровался съ присутствующими и замѣтилъ:—Весной вообще всѣмъ, должно-быть, тяжело въ городѣ. Въ эту пору людей, какъ перелетныхъ птицъ, невольно тянетъ куда-то въ иные края...

Александръ Ивановичъ засмѣялся.

— Вотъ Зоологическій садъ, Аркадія откроются, туда и насъ потянетъ.

— Ну, меня дальше тянетъ,—замѣтилъ Владиміръ.

— Не за Софьей ли Леонтьевной?—усмѣхнулся многозначительно Шеринадзе.

Не отвѣчая ему, Владиміръ Васильевичъ съ разлившейся по лицу его краской сказалъ:

— Да, она на-дняхъ куда-то ѣдетъ въ деревню, кажется...

— Нэтъ, за границу и притомъ, не на этихъ дняхъ, а нэ далѣе какъ послѣзавтра,—пояснилъ Шеринадзе.

— За границу?—спросилъ Владиміръ Васильевичъ, не безъ удивленія взглянувъ на него.—Вы вѣрно ошибаетесь.

— Ну вотъ, эщэ!—возразилъ небрежно Шеринадзе.—Она это скрываетъ.

— Что же тутъ скрывать?—сказалъ Жеребцовъ.

— Вѣроятно, имѣетъ свои основанія,—произнесъ Шеринадзе.—Ея мужъ какъ-то проговорился. На счетъ общества покровителей убогихъ сиротъ ѣдетъ, говорятъ. Конэчно, вретъ. Ты не слыхалъ, Александръ?

— Я въ дѣла благотворителей не вмѣшиваюсь,—сухо отвѣтилъ Александръ Ивановичъ, старавшійся какъ можно менѣе говорить о Софьѣ Леонтьевнѣ.

— Конэчно, вретъ,—повторилъ Шеринадзе.—Я спрашивалъ у Ивашинцева. Онъ скалитъ зубы. «Неужэли, говоритъ, столько могла съэкономить?»

— Негодяй этотъ Ивашинцевъ,—рѣзко и сердито замѣтилъ съ краской на лицѣ Владиміръ Васильевичъ.

— Что-жъ, тамъ кто можетъ, тотъ и воруетъ; и онъ, и она воровали,—сказалъ Шеринадзе.

— Вы не имѣете права говорить такъ о честной женщинѣ!—загорячился Владиміръ Васильевичъ.

Шеринадзе сдѣлалъ презрительную гримасу.

— Это она-то чэстная жэнщина? Ха, ха, ха! Адамовичъ, душэ моя, слышишь? Это она-то чэстная жэнщина!

Адамовичъ счелъ долгомъ захихикать въ отвѣтъ на слова своего друга.

— Да, она! И потому я,—началъ запальчиво Жеребцовъ.

Шеринадзе перебилъ его:

— Влюблэны были? Въ неэ многіе влюблялись и влюбляются. Конэчно, не всѣ были такъ счастливы, какъ Александръ.

— Что ты глупости говоришь, никогда я не былъ счастливъ!—сказалъ раздражительно Александръ Ивановичъ, въ свою очередь, перебивая его.

— А кто же тэбэ на-время отъ Птицыной отбилъ?—спросилъ Шеринадзе невозмутимымъ тономъ. — Птицына этого ей вэкъ нэ проститъ!

— Птицына дура!—нетерпѣливо сказалъ Кусовъ.

— Ну, я нэ знаю, умна она или нѣтъ, а фактъ остается фактомъ: ты сорвалъ долю счастія съ Никитиной и, конэчно, не пэрвый и не послѣдній.

— Это низко говорить такъ о женщинѣ, чернить ее! — воскликнулъ Владиміръ Васильевичъ, стискивая зубы и сжимая кулаки.

— Что вы горячитесь, юноша? Малака не обсохло на губахъ, а горячитесь!—сказалъ шипящимъ тономъ Шеринадзе и видимо сталъ злиться.—Завидуэте всэмъ ея любовникамъ и тому, на содержаніе къ которому она попала тэперь и котораго будетъ обирать.

— Мерзавецъ!—неистово крикнулъ Владиміръ Васильевичъ, не помня себя, и звонко ударилъ по щекѣ Шеринадзе.

Шеринадзе рванулся къ нему, чтобы дать ему тоже пощечину, но сильный и ловкій Жеребцовъ ударилъ его съ такою силой кулакомъ въ грудь, что Шеринадзе повалился на турецкій диванъ около Адамовича.

— Я къ вашимъ услугамъ!—пробормоталъ, задыхаясь, Жеребцовъ и вышелъ изъ комнаты, сквозь зубы повторяя:— Мерзавецъ! право, мерзавецъ!

Переступивъ порогъ своей комнаты, онъ налилъ въ ста-

канъ воды, выпилъ ее залпомъ и заходилъ изъ угла въ уголъ. Съ его языка срывались ругательства, грудь тяжело дышала. Онъ пилъ стаканъ за стаканомъ воду, чтобы только хотя немного успокоиться, и никакъ не могъ совладать съ собою. Никогда еще не чувствовалъ онъ ничего подобнаго, что испытывалъ теперь. Онъ сознавалъ, что онъ пережилъ минуту невмѣняемости. Ему было стыдно за себя, за эту дикую вспышку, и въ то же время онъ въ бѣшенствѣ повторялъ про Шеринадзе: «мерзавецъ! мерзавецъ! мараетъ честную женщину за то, что она не согласилась быть его любовницей!» Онъ сознавалъ, что подвернись ему Шеринадзе и теперь—онъ снова изобьетъ его, хотя ему и противна кулачная расправа.

XIV.

Софья Леонтьевна собиралась въ дорогу. Ея багажъ былъ отобранъ ею, сложенъ на стульяхъ и могъ помѣститься весь въ маленькомъ чемоданчикѣ, который лежалъ уже на полу. За границей она думала вышвырнуть всѣ эти «тряпки» и запастись всѣмъ новымъ, чтобы ничто не напоминало ей о быломъ. Ей были противны самые вензеля на ея бѣльѣ и платкахъ. Относительно домашняго скарба она не могла, конечно, дѣлать распоряженій, но все же посовѣтовала мужу поставить мебель къ Денизѣ Андреевнѣ, чтобы во время ея отсутствія не платить даромъ за квартиру и сдѣлать какъ можно болѣе экономіи. Вообще она дѣлала все, чтобы Егоръ Егоровичъ не заподозрилъ ни на минуту ея настоящихъ плановъ. Егоръ же Егоровичъ соглашался съ нею во всемъ и только думалъ о томъ, какъ бы скорѣе она развязала ему руки и дала бы возможность покутить вволю, по-холостому, какъ кутили Александръ Ивановичъ, Шеринадзе, Адамовичъ, вообще вся золотая молодежь. До отъѣзда Софьи Леонтьевны оставался только одинъ день, и она не чувствовала отъ радости подъ собою земли: завтра сядетъ она въ вагонъ второго класса и помчится по варшавской желѣзной дорогѣ, на первой же станціи она перейдетъ въ купэ перваго класса, гдѣ уже будетъ сидѣть Арцымовъ, и съ прошлымъ будетъ порвано. Арцымовъ не изъ тѣхъ людей, которые легкомысленно сходятся и расходятся съ женщинами. Это навѣкъ! Только бы ей уѣхать завтра съ нимъ, а тамъ уже ея судьба будетъ обезпечена.

Весь этотъ день она хотѣла провести дома, но, проснувшись утромъ, съ досадой вспомнила, что этотъ день былъ

днемъ рожденія Денизы Андреевны. Не поздравить старуху— это значило раздражить ее, и она могла Богъ знаетъ чего надѣлать, разгласивъ изъ злобы все дѣло прежде времени. Но Софья Леонтьевна знала, что въ этотъ день у Денизы Андреевны собирается вся ея родня, всѣ ея племянники и племянницы, всѣ эти сапожники, перчаточницы, парикмахеры. Встрѣчаться со всѣми этими людьми для Софьи Леонтьевны было крайне непріятно. Всегда они смотрѣли на нее съ насмѣшливыми улыбками сытыхъ мѣщанъ, смотрящихъ на голодную барыню: на брюхѣ шелкъ, а въ брюхѣ щелкъ, что твоя честь, когда нечего ѣсть. Она старалась бравировать, говорила съ ними свысока, «задавала тону» и чувствовала, что она сама въ эти минуты является такой же мѣщанкой, какъ они. Теперь ей было болѣе, чѣмъ когда-нибудь, тяжело встрѣтиться съ ними, такъ какъ ей уже хотѣлось совсѣмъ забыть, что у нея была когда-то такая родня: къ Арцымовой эта родня не посмѣетъ перешагнуть порога, передъ Арцымовой она ползкомъ поползетъ при встрѣчѣ. Тѣмъ не менѣе, ѣхать къ теткѣ было необходимо хоть утромъ, хоть на полчаса. Она поѣхала и, къ счастію, застала старуху еще одну безъ гостей. Дениза Андреевна хлопотала въ большой комнатѣ, которую занималъ ея племянникъ Луи, служившій въ банкирской конторѣ. Въ этой комнатѣ обыкновенно устраивались Денизой Андреевной обѣды для родныхъ въ торжественные дни. Посрединѣ комнаты, какъ это дѣлалось всегда въ подобныхъ случаяхъ, былъ съ утра уже вытянутъ во всю длину обѣденный столъ, покрытый бѣлой скатертью и украшенный парою вазъ съ маккартовскими букетами домашняго издѣлія одной изъ племянницъ Денизы Андреевны. Серебряныя ложки, ножи и вилки изъ мельхіора, бѣлыя салфетки съ вензелями лежали еще грудами на столѣ въ ожиданіи разныхъ молодыхъ родственницъ хозяйки, которыя помогутъ ей и служанкѣ симметрично разставить приборы и затѣйливо свернуть салфетки. Онѣ же помогутъ и убрать со стола посуду послѣ обѣда, когда подастся неизмѣнный вареный шоколадъ, при чемъ мужская половина гостей непремѣнно заявитъ, что она будетъ пить пиво. За шоколадомъ послѣдуетъ игра дамъ въ лото, а нѣкоторые изъ мужчинъ усядутся за винтъ или шахматы и домино. Въ это время сдѣлается въ комнатѣ шумнѣе, посыплются остроты и тосты и непремѣнно Вилли Шольцъ, толстый плѣшивый сапожникъ съ широкими золотыми цѣпочками на животѣ, заявитъ обществу:

— А Лотта будетъ сегодня играть въ лото на четыре карты, за двоихъ!

И съ громкимъ смѣхомъ пояснитъ:

— Die ist schon wieder gefüllt!

При этомъ онъ обратитъ вниманіе всѣхъ на талью краснѣющей и смѣющейся Шарлотты Шольцъ, и всѣ увидятъ, что она опять пополнѣла въ двѣнадцатый разъ послѣ тринадцатилѣтняго супружества.

— Она у меня счастлива!—проговоритъ Вилли и въ видѣ ласки тяжело похлопаетъ своей широкой огрубѣлой рукой жену по спинѣ.

Всѣ начнутъ острить, говоря двусмысленныя сальности, и всѣмъ станетъ весело.

Сколько разъ присутствовала на этихъ торжественныхъ пирахъ она, Софья Леонтьевна, и каждый разъ всѣ считали долгомъ чѣмъ-нибудь уколоть ее.

— А что, господинъ надворный совѣтникъ скоро въ министры попадетъ?—спрашивалъ съ жирнымъ смѣхомъ одинъ изъ сапожниковъ, толстый, румяный, самодовольный.

— Тетя мнѣ предлагала купить это платье, но я старыхъ не ношу,—замѣчала жена какого-нибудь перчаточника, оглядывая костюмъ Никитиной. — Богъ знаетъ, съ чьего плеча.

— И что же ты цѣлый день дѣлаешь?—разспрашивала съ презрительной улыбкой Софью Леонтьевну толстая и красная булочница Стефанія Кублицкая, двоюродная сестра Денизы Андреевны.—Визиты все дѣлаешь? гостей принимаешь? Теперь мужъ много ли жалованья получаетъ? Прибавили?

О, какое счастіе, что она, Софья Леонтьевна никогда болѣе не увидитъ этихъ людей!

— Ты не останешься обѣдать?—спросила се Дениза Андреевна, видя, что она не снимаетъ шляпки.

— Нѣтъ, нѣтъ, тетя!—заторопилась Никитина.—Я завтра ѣду. Я только хотѣла непремѣнно поздравить васъ сегодня.

— Еще бы ты не поздравила меня,—сказала старуха.— Кажется, другіе-то и не подумали изъ грязи тебя вытаскивать, когда на улицѣ, какъ собачонка, осталась...

Софья Леонтьевна промолчала.

— Дѣти-то когда переберутся ко мнѣ?—спросила тетка.

— Завтра же. Егоръ радъ будетъ поскорѣй отдѣлаться отъ нихъ,—сказала Никитина.—Потомъ я ихъ пристрою. Но покуда иначе нельзя, какъ къ вамъ помѣстить.

Въ коридорѣ послышались тяжелые шаги и громкій мужской голосъ. Софья Леонтьевна быстро встала.

— Мнѣ пора!—сказала она, обнимая тетку.—Вы меня простите, что я не могу остаться.

— Честныхъ людей боишься,—проговорила Дениза Андреевна.

Въ дверяхъ Софья Леонтьевна столкнулась съ мужчиной гигантскихъ размѣровъ съ совершенно лысой головой. Это былъ Вилли Шольцъ.

— А! вы здѣсь! —воскликнулъ онъ, увидавъ Никитину.— А я держалъ съ Лоттой пари, что нынче мы будемъ первые. Да вы куда же?

— За границу завтра уѣзжаетъ,—пояснила Дениза Андреевна, здороваясь съ Шольцомъ.

— Ого!—воскликнулъ съ удивленіемъ Шольцъ.

Въ коридорѣ Никитина увидала Шарлотту Шольцъ, неуклюже шедшую съ перевальцомъ и сильною одышкою беременной женщины. Объ женщины сухо поздоровались и разошлись въ разныя стороны, при чемъ Шарлотта Шольцъ окинула завистливымъ взглядомъ модный костюмъ Никитиной. Софья Леонтьевна почувствовала этотъ взглядъ и поняла, что вотъ сейчасъ тамъ, за ея спиною, начнутъ перемывать бока ей, «надворной совѣтницѣ», допытываясь у Денизы Андреевны, изъ какихъ средствъ ѣдетъ «надворная совѣтница» за границу. Дениза Андреевна не выдастъ ея тайны, но и не вступится за нее... Ахъ, да ей-то что за дѣло до всего этого! Завтра она навсегда порветъ со всѣмъ этимъ мѣщанскимъ міркомъ. Она наняла извозчика и поѣхала домой, спокойная, счастливая, полная радужныхъ надеждъ.

Дома она сама принялась укладывать необходимыя вещи въ чемоданчикъ, продолжая думать о будущемъ и строить различные широкіе планы. Арцымовъ занимаетъ видное положеніе въ обществѣ, но, сдѣлавшись ея мужемъ, онъ поднимется еще выше, такъ какъ она сумѣетъ постоянно разжигать его честолюбіе. Тогда до нея и до него не дойдутъ никакія сплетни о ней. Это одна изъ привилегій высокопоставленныхъ лицъ: имъ не смѣютъ говорить въ глаза, за кого ихъ считаютъ; они могутъ быть негодяями, не боясь, что имъ бросятъ въ лицо этимъ названіемъ...

Рѣзкій звонокъ заставилъ ее вздрогнуть, очнуться отъ думъ и оторваться отъ укладки вещей въ чемоданчикъ. Кто это могъ быть? Досадно, что она не распорядилась, чтобы никого не принимали.

— Барыня никого не велѣла принимать,—послышался голосъ горничной.

Софья Леонтьевна обрадовалась, что служанка впервые въ жизни догадалась, какъ слѣдовало поступить.

— Все равно, все равно! Мнѣ непремѣнно нужно ее видѣть!—раздался тревожный голосъ.

Софья Леонтьевна узнала голосъ Александра Ивановича Кусова и помертвѣла. Испугъ, недоумѣніе, гнѣвъ, все смѣшалось въ ея душѣ. Что случилось? Узналъ онъ, что ли, о ея отъѣздѣ съ Арцымовымъ? Ревность проснулась? Сцену желаетъ ей сдѣлать? Она нетерпѣливо передернула плечами. Шаги Александра Ивановича уже раздавались въ гостиной. Она поднялась съ пола отъ чемодана и быстро распахнула дверь въ гостиную.

— Чему я обязана, что вы силой врываетесь ко мнѣ?—рѣзко начала она.

— Ахъ, ради Бога, ради Бога, оставьте въ сторонѣ всѣ эти глупыя церемоніи!—быстро заговорилъ Кусовъ, видимо взволнованный и растерявшійся до послѣдней степени.—Дѣло идетъ о жизни человѣка, я потому и позволилъ себѣ потревожить васъ. Тутъ не до приличій!

— Какого человѣка?—спросила Софья Леонтьевна, сдвигая брови.—Что вы говорите?

— Вы должны спасти Володю!—проговорилъ Кусовъ.—Не далѣе, какъ вчера, у меня въ квартирѣ произошелъ скандалъ...

— Ахъ, что мнѣ за дѣло до всѣхъ вашихъ скандаловъ!—воскликнула она, нетерпѣливо пожимая плечами.

— Шеринадзе,—продолжалъ онъ, не обращая вниманія на ея слова:—заговорилъ у меня о васъ. Этотъ пошлякъ, негодяй...

— И вы его принимаете, и позволяете ему въ вашемъ домѣ говорить о порядочныхъ женщинахъ!—вставила она съ ироніей.

— Я ему не позволялъ,—торопливо продолжалъ Кусовъ.—Но дѣло не въ этомъ! Прежде, чѣмъ онъ успѣлъ кончить, Володя далъ ему пощечину... и, разумѣется, теперь неизбѣжна дуэль.

— А, сумасшедшіе, сумасшедшіе люди!—воскликнула она, блѣднѣя.—Кутятъ, пьянствуютъ, производятъ скандалы, путаютъ имена честныхъ женщинъ въ грязныя исторіи...

— Ради Бога, предупредите несчастье!—заговорилъ онъ, продолжая волноваться.—Вы можете, не упоминая моего

имени, не говоря, что вы узнали все это отъ меня, предупредить кого слѣдуетъ о готовящейся дуэли. Мнѣ нельзя этого сдѣлать, такъ какъ я приглашенъ секундантомъ, и поступилъ бы противъ правилъ чести, долженъ бы былъ самъ драться за это. А вы женщина, вы можете объяснить все...

— Я? я?—съ ужасомъ воскликнула Софья Леонтьевна, широко открывая глаза.—Да вы съ ума сошли! Я буду предупреждать, разсказывать, изъ-за чего должна состояться дуэль? Нѣтъ, нѣтъ, вы съ ума сошли! Запятнать самоё себя, разсказать, что одинъ негодяй говорилъ обо мнѣ, что другой глупецъ вступился за меня, что это было въ вашемъ домѣ, въ вашей квартирѣ... Нѣтъ, нѣтъ, вы съ ума сошли!

Она почти бѣгала по комнатѣ, не помня себя отъ страха. Что если все узнаетъ Арцымовъ? Тогда все пропало, все; она будетъ опозорена и нищею.

— Если бы я могла уѣхать сегодня же, сейчасъ же, я не задумалась бы ни на минуту!—вслухъ говорила она, сходя съ ума отъ паническаго ужаса.—Кого-то могутъ ранить, избить за то, что вы всѣ топтали мое имя въ грязь, и я должна вступаться, спасать, чтобы быть опозоренной, чтобы мою честь убили, меня убили, обрекли Богъ вѣсть на что.

Она засмѣялась истерическимъ смѣхомъ.

— Нѣтъ, нѣтъ, вы всѣ съ ума сошли! вамъ надо лѣчиться!

— Васъ просятъ спасти того, кто заступился за васъ!?—рѣзко сказалъ Кусовъ:—или вы не понимаете, что вамъ говорятъ? Это можетъ сдѣлать только женщина, можете сдѣлать только вы. Мужчинѣ пришлось бы подставить себя подъ пулю...

— Заступаться?—воскликнула она, не слушая его объясненій и глядя на него безсмысленнымъ, выражавшимъ ужасъ взглядомъ.—По какому праву? Что онъ!—мой мужъ, братъ, сынъ? А, вы хотите, чтобы я еще разсказала, что и онъ былъ моимъ любовникомъ, этотъ глупый мальчишка!

Ей вдругъ вспомнилось, что сейчасъ долженъ пріѣхать Арцымовъ. Она помертвѣла. Что если онъ застанетъ здѣсь Александра Ивановича. Все откроется разомъ. Тогда все пропало. Она быстро обратилась къ Кусову.

— Идите! Вамъ здѣсь нечего больше дѣлать! Идите!

— Такъ вы не только падшая, но и низкая, бездушная женщина!—крикнулъ онъ, выходя изъ себя.

— Вонъ! Идите вонъ!—не своимъ голосомъ закричала она, указывая ему на дверь.

— Вы освобождаете меня отъ обязанности молчать о вашемъ поведеніи,—проговорилъ онъ съ угрозой.

Она стояла, прислонившись къ косяку двери, и тяжело дышала; она не слышала, не понимала, что онъ говоритъ, замирая отъ страха, при одной мысли, что вотъ-вотъ сейчасъ войдетъ Арцымовъ. Кусовъ еще горячился, угрожая ей, но она уже ничего не понимала и только кричала:

— Идите вонъ! идите вонъ!

Она почти упала на стоявшій около двери стулъ, когда ушелъ Александръ Ивановичъ, и залилась слезами. Это были истерическія рыданія. Опять эта жизнь впроголодь, потеря всего, что было кое-какъ подготовлено для будущаго счастія, горькая жизнь съ нелюбимымъ ею и не любящимъ ее мужемъ, все это можетъ случиться теперь въ какія-нибудь нѣсколько минутъ. А тамъ пойдутъ цѣлые годы нищеты, презрѣнія со стороны ближнихъ, невыносимыя муки.

— Что съ вами, Софья Леонтьевна? Другъ мой! — раздался около нея тревожный голосъ Арцымова.

— О, спасите, спасите меня!—воскликнула она и впервые бросилась къ нему на грудь, какъ бы ища на этой груди защиты. — Я болѣе не могу здѣсь оставаться, ни минуты не могу!

— Что случилось? что случилось?—встревожился онъ не на шутку.—Мы же ѣдемъ завтра!

— Завтра! завтра! Еще сутки ждать!—воскликнула она, заламывая въ отчаяніи руки.

И вдругъ обрадовалась озарившей ее, какъ молнія, мысли.

— Спасите меня отъ мужа!—воплемъ вырвалось изъ ея груди.—Спасите меня отъ унизительной роли жены, которой хотятъ на прощанье доказать, что ее любятъ, которую терзаютъ притворными нѣжностями, которую... О... я съ ума схожу! Я не умѣю притворяться... это низко... гадко!

Онъ нахмурился и твердо рѣшительнымъ тономъ объявилъ:

— Успокойтесь! Сегодня до наступленія вечера мы уже будемъ внѣ Петербурга!..

По московскому шоссе на слѣдующее утро ѣхали двѣ коляски. Въ одной изъ нихъ сидѣли Шеринадзе и Адамовичъ, въ другой помѣщались Жеребцовъ и Кусовъ. По бокамъ дороги тянулись гладкія унылыя поля и болота, съ которыхъ уже сбѣжалъ снѣгъ и кое-гдѣ уступилъ мѣсто ярко зеленой свѣтлой и жидкой травкѣ. Съ одной стороны виднѣлись, какъ бы въ дымкѣ утренняго тумана, очертанія Пулковой горы и ленты желѣзно-дорожныхъ насыпей, съ

другой, кое-гдѣ синѣли лѣса и обозначались фабричныя зданія, тянувшіяся на нѣсколько верстъ и покрытыя клубами поднимавшагося изъ высокихъ трубъ дыма. Небо было прозрачно-синее и только бѣлыя, точно пуховыя, облачка уносились куда-то далеко-далеко. Въ обѣихъ коляскахъ царствовало почти непрерывающееся молчаніе. Только раза два Шеринадзе прервалъ его злобною, какъ скрежетъ, произнесенною сквозь зубы фразою:

— Я никогда не ходылъ съ битой мордою!

Также прервалось раза два молчаніе и въ другой коляскѣ Владиміромъ Васильевичемъ, слѣдившимъ пристально за бѣгущими бѣлыми облачками и точно вздохнувшимъ вслухъ:

— Хорошо, должно-быть, теперь у насъ въ дѣревнѣ!

Наконецъ, коляски остановились въ какомъ-то поселкѣ, и господа, приказавъ кучерамъ ждать, пошли пѣшкомъ по размытой грязью дорогѣ, свернули за небольшой лѣсокъ и остановились.

— Здѣсь удобно, кажется? — въ видѣ вопроса сказалъ Адамовичъ, уже забрызгавшій чуть не до колѣней свои щегольскіе сапоги.

— Да, очень ужъ грязно тащиться дальше,—рѣшилъ Кусовъ: —до колѣней забрызгались.

Они стали отмѣривать шаги, условливаться, когда можно стрѣлять. Шеринадзе стоялъ, избоченясь, и грызъ съ злымъ лицомъ ноготь большого пальца. Владиміръ Васильевичъ взглянулъ въ сторону, завидѣлъ катившійся по рельсамъ въ отдаленіи поѣздъ, и подумалъ, что онъ тотчасъ же уѣдетъ въ деревню, какъ только кончится дуэль, а стрѣлять онъ будетъ на воздухъ. Что бы сказали братъ, жена брата и она, милая его хроменькая поповна, если бы его увидѣли теперь. «Ай-ай-ай! какихъ ты глупостей надѣлалъ!» пожурила бы она его. Милые, милые, какъ онъ ихъ любитъ! И изъ-за чего все произошло? Вчера весь вечеръ Александръ объяснялъ ему, что за личность Софья Леонтьевна, и настаивалъ на томъ, что глупо и нелѣпо жертвовать жизнью за такую женщину. «Что-жъ дѣлать,—говорилъ Володя:—я вѣдь далъ ему пощечину. Не на колѣняхъ же просить прощенія?» Александръ чуть не плакалъ: онъ уже ѣздилъ для переговоровъ съ Адамовичемъ, желая добиться примиренія, но Адамовичъ растерянно говорилъ, что Шеринадзе повторяетъ одну и ту же фразу: «Я никогда не ходылъ съ битой мордой». Юный полячокъ былъ растерянъ не менѣе Александра Кусова и не столько жалѣлъ Жеребцова, сколько

ощущалъ ужасъ при мысли, что онъ увидитъ, какъ они убиваютъ другъ друга. Бодрѣе обоихъ секундантовъ смотрѣлъ самъ Володя: онъ былъ увѣренъ, что все кончится пустяками, но ему было обидно сознавать, что Софья Леонтьевна такая женщина, что за нее онъ оскорбилъ человѣка, что изъ-за нея они будутъ драться... Нѣтъ, нѣтъ, никогда болѣе онъ не вернется въ этотъ омутъ... Раздалась команда, напоминавшая, что надо начинать.

Жеребцовъ двинулся впередъ, увидавъ, что Шеринадзе сильно щурится, цѣлясь въ него. Въ его головѣ мелькнула мысль: «Неужели онъ непремѣнно хочетъ убить меня?» Раздался выстрѣлъ. Въ головѣ Володи пронеслась молніей опять мысль о деревнѣ, мелькнуло кругленькое, какъ румяное яблочко, личико хроменькой поповны и одновременно съ этимъ онъ почувствовалъ жгучую боль, точно что-то разорвалось въ немъ. Онъ инстинктивно схватился за грудь и упалъ навзничь, широко открывъ большіе удивленные глаза, вперивъ ихъ вверхъ. Надъ нимъ было голубое яркое небо и бѣлыя легкія облачка быстро-быстро неслись куда-то вдаль отъ дымнаго города.

— Убитъ!—злобнымъ крикомъ вырвалось изъ груди склонившагося надъ нимъ Александра Ивановича Кусова.

Женоподобное лицо Адамовича поблѣднѣло, какъ снѣгъ, исказилось страхомъ, и онъ какъ-то опасливо и растерянно искоса взглянулъ на Шеринадзе, прошептавъ плаксиво:

— Да, можетъ-быть, еще есть надежда!

— На что? — спросилъ его тѣмъ же злымъ тономъ Кусовъ.—Сердце большая цѣль!

Шеринадзе съ угрюмымъ видомъ осматривалъ свой дорогой револьверъ.

РАЗСКАЗЫ.

ПАСХАЛЬНАЯ НОЧЬ.

I.

Мнѣ, ради пересмотра старинныхъ рукописей, пришлось провести послѣднія недѣли одного изъ великихъ постовъ въ небольшомъ подгородномъ монастырѣ въ провинціи. Здѣсь же я встрѣтилъ и Свѣтлое Христово Воскресенье. Пасха въ этотъ годъ была очень поздняя, и весна уже стояла въ полномъ разгарѣ — снѣга стаяли, ледъ на рѣкахъ разошелся, на деревьяхъ зазеленѣли почки, издали казалось, что лѣса и сады стоятъ въ полномъ лѣтнемъ убранствѣ.

Отслушавъ въ монастырскомъ храмѣ заутреню и раннюю обѣдню, я пошелъ спать въ отведенную мнѣ комнату, однако, уснуть не могъ. Въ окно моей кельи смотрѣло бѣлое утро, до моего слуха, какъ тревожный шопотъ, доносилось немолчное щебетаніе птицъ, въ памяти воскресли воспоминанія о тѣхъ счастливыхъ годахъ, когда этотъ свѣтлый праздникъ встрѣчался мною не въ одиночествѣ, а среди любимой семьи, и тоскливое чувство защемило мнѣ сердце, въ головѣ зароились горькія думы о сошедшихъ въ могилу близкихъ и родныхъ, о прожитой жизни, о близости того времени, когда пробьетъ и мой часъ. Поднялись вопросы, тяжелые, жгучіе вопросы, какъ прожита жизнь, что сдѣлано. О, эти проклятые, мучительные итоги! Сколько прожито дней, мѣсяцевъ, лѣтъ и какъ мало, постыдно мало сдѣлано! Проворочавшись въ безплодныхъ усиліяхъ уснуть на своей постели, я рѣшился наконецъ встать и выйти освѣжить свою голову на воздухъ.

Монастырь стоялъ на довольно высокомъ берегу рѣки, отдѣлявшей его отъ города, раскинувшагося на другомъ, низменномъ берегу рѣки. Сообщались горожане съ мона-

[illegible] при помощи парома, хотя сюда можно было попасть и черезъ мостъ, но для этого приходилось дѣлать большой крюкъ. Я вышелъ изъ монастырской ограды черезъ отворенную въ эту ночь калитку и присѣлъ на плоскій камень, замѣнявшій скамью у монастырскихъ воротъ. Внизу тихо проносила свои желтовато-мутныя воды уже освободившаяся отъ ледяныхъ оковъ рѣка. У песчанаго берега стояло нѣсколько лодокъ и паромовъ, причаленныхъ окончившими свою перевозную работу монастырскими работниками къ кое-какъ устроенной пристанькѣ съ животрепещущими мостками, съ наскоро сколоченной будочкой и съ поднимавшейся вверхъ отъ плота головоломной лѣстницей. Народу не было видно нигдѣ, ни на берегу, ни на плоту, ни на лодкахъ. На горномъ берегу, слегка задернутомъ теперь ночною мглою, тоже царствовало полное затишье, нигдѣ не свѣтилось огоньковъ, нигдѣ не поднималось надъ домами дымковъ. Всѣ, очевидно, наслаждались сладкимъ сномъ, отдыхая послѣ всенощнаго богослуженія и розговѣнья. Въ воздухѣ было уже почти свѣтло, и короткая весенняя ночь готова была уступить мѣсто ясному утру.

— А рано [illegible] — послышался около меня [illegible].

Я [illegible] енной калиткѣ строй[illegible] послушниковъ съ тон[illegible] таліей, съ разсыпав[illegible] у женщины, густыми [illegible] удивленный его [illegible]

— [illegible] вы-то какъ не спите? [illegible] притомились...

[illegible] грустной улыбкой.

[illegible] Свѣтлаго Воскресенія,— [illegible]!

[illegible] куда-то вдаль свои прекрас[illegible] еся черными подъ густыми [illegible] меня давно интересовалъ. Съ [illegible] ванія въ монастырѣ я обра[illegible] го человѣка. Сперва меня по[illegible] красота этого блѣднаго матоваго лица, [illegible] и граціозной фигуры, мягкость его [illegible] движеній; потомъ, роясь въ монастырскихъ [illegible] видать въ немъ интеллигентнаго человѣка, съ [illegible] образованіемъ, съ извѣстною любознатель-

ностью; далѣе меня заинтересовалъ вопросъ, почему онъ пошелъ въ монастырь, гдѣ стоитъ какъ-то особнякомъ, отличается сдержанностью и скорѣе смотритъ ученымъ, чѣмъ монахомъ, роясь въ старыхъ рукописяхъ и книгахъ, приводя въ порядокъ древнія монастырскія сокровища. Теперь мнѣ показалось возможнымъ поговорить съ нимъ по душѣ, разспросить и разузнать хоть что-нибудь о его прошломъ, сильно возбуждавшемъ мое любопытство.

— Да, хорошая ночь,—повторилъ я его слова.—Вотъ и мнѣ не поспалось, потому что вспомнилось, какъ проводилась когда-то эта ночь въ моей родной семьѣ... И вамъ, вѣрно, вспоминается то же?.. Отъ этихъ воспоминаній одинокому человѣку не легко отдѣлаться...

— У меня не было семьи,—коротко отвѣтилъ онъ, продолжая задумчиво смотрѣть въ пространство.

Какая-то горькая нота прозвучала въ его голосѣ.

— Вы сирота?—спросилъ я.

— Да,—отвѣтилъ онъ.—Безродный.

На минуту водворилось молчаніе. Онъ опустился рядомъ со мною на камень и, глядя попрежнему въ пространство, гдѣ показалась чуть замѣтная полоска румяной зари, задумчиво заговорилъ:

— Мало того, что я росъ сиротою: я чуть не сдѣлался преступникомъ, отверженцемъ общества, однимъ изъ тѣхъ, которыхъ по праву самозащиты травятъ и истребляютъ, какъ дикихъ звѣрей, угрожающихъ и отдѣльнымъ лицамъ, и всему обществу. Нужно было случиться...

Онъ на минуту остановился, точно немного стѣсняясь продолжать, и съ мягкой усмѣшкой спросилъ меня:

— Вы, конечно, не вѣрите въ чудеса?

Не давъ мнѣ времени отвѣтить на предложенный вопросъ, онъ закончилъ:

— Нужно было случиться если не чуду, то сильному нравственному потрясенію, чтобы я спасся отъ ожидавшей меня участи...

Изъ его груди вырвался тихій вздохъ. Нѣсколько минутъ я ждалъ, думая, что онъ начнетъ мнѣ разсказывать о прошломъ. Но онъ молчалъ, погрузившись въ думы. Его блѣдное прекрасное лицо смотрѣло серьезно, тонкія черныя брови чуть-чуть сдвинулись, глаза выражали сосредоточенность.

Я окликнулъ его:

— Надѣюсь, ваше прошлое не тайна?

Онъ вздрогнулъ: казалось, онъ забылъ о моемъ присутствіи и не ожидалъ, что я могу заговорить.

— Нѣтъ. Какая же тайна!—сказалъ онъ, пожимая слегка плечами.

— Но, можетъ-быть, я неделикатно вызываю въ васъ грустныя воспоминанія, —замѣтилъ я.

По его губамъ скользнула улыбка.

— Я ничего не забылъ и не могу забыть, — отвѣтилъ онъ.—То, что я могу разсказывать вамъ вслухъ, ни на минуту не покидаетъ меня...

И съ какимъ-то особеннымъ оживленіемъ, точно съ испугомъ, онъ прибавилъ:

— Да и не дай Богъ когда-нибудь забыть это... Что же было бы тогда со мною?..

II.

— Вы какъ-то выразили удивленіе, замѣтивъ мою любовь рыться въ старыхъ рукописяхъ и книгахъ, — началъ мой молодой собесѣдникъ свой разсказъ.—Это просто привычка; она привилась ко мнѣ съ дѣтства. Какъ только я началъ помнить себя, я находился среди массы книгъ, большихъ и толстыхъ, старыхъ и ветхихъ. Многія изъ нихъ были чуть ли не больше и не толще, а ужъ во всякомъ случаѣ старше меня, ползавшаго среди нихъ въ кабинетѣ моего воспитателя. Это былъ старикъ профессоръ, ученый, академикъ, одно изъ тѣхъ лицъ, о которыхъ съ уваженіемъ говорятъ въ образованномъ обществѣ люди, чтобъ не прослыть невѣждами, и сочиненій которыхъ никто никогда не читаетъ, зная, что въ нихъ нѣтъ ничего интереснаго и общаго съ жизнью. Какъ и когда я попалъ къ нему, право, не могу вамъ сказать. Меня подкинула ему одна изъ его родственницъ, моя мать, когда мнѣ было года два—подкинула не такъ, какъ это дѣлается обыкновенно простыми бабами, не къ входнымъ дверямъ, не украдкой, не ночью, а среди бѣлаго дня она привезла къ старику и бросила меня у него. Едва ли онъ оставилъ бы меня у себя, если бы у него не было кухарки, Домны Савишны, ворчавшей на него сердито съ утра до ночи за все, — и за то, что онъ неряха, и за то, что онъ всю квартиру завалилъ хламомъ и мусоромъ, какъ она называла книги и древности, и за то, что онъ о ребенкѣ не можетъ подумать. За послѣднее ему доставалось болѣе всего, и каждый разъ при этой воркотнѣ старый холостякъ терялся, какъ провинив-

шійся школьникъ, и начиналъ суетиться, рѣшительно не зная, что надо ему сдѣлать. Онъ зналъ, на какую полку нужно поставить новую книгу, но куда и какъ приткнуть ребенка—до этого онъ самъ не могъ додуматься. Она, его помощница и руководительница въ практической жизни, настояла, чтобы онъ взялъ меня къ себѣ; она же пилила его, когда, по ея мнѣнію, нужно было что-нибудь сдѣлать для меня. Мой воспитатель не былъ ни золъ, ни грубъ, ни ворчливъ. Онъ просто забылъ обо всемъ существующемъ, стараясь разрѣшить вопросы о томъ, что давно перестало существовать, и даже о томъ, что, можетъ-быть, никогда не существовало. Его забывчивость доходила до того, что нерѣдко онъ забывалъ умыться утромъ, приглаживать всклоченные волосы передъ выходомъ изъ дома, отеребеть бороду во время ѣды и даже взять вилку, когда нужно было ѣсть, при чемъ онъ, не отрывая глазъ отъ книги, нагадъ тянулся пальцами въ соуса, за жаркимъ, за жаренымъ картофелемъ. Домна Савишна за все это ворчала долго и пространно, заканчивая постоянно воркотню однимъ и тѣмъ же припѣвомъ: «Вотъ у Вяченьки штанишекъ нѣтъ, а вамъ и дѣла нѣтъ», «вотъ Вяченьку учить, чай, надо, а вы и ухомъ не ведете». И тогда у меня появлялись штанишки, тогда меня начинали учить. Ворча на старика, Домна Савишна, тѣмъ не менѣе, старалась всячески оправдать и возвысить его въ моихъ глазахъ, толкуя мнѣ, что онъ «мухи не обидитъ», «что онъ простъ, что ребенокъ», что «всякій проходимецъ его провести можетъ». Все это я видѣлъ и понималъ и безъ нея и по-своему любилъ своего воспитателя уже за то, что онъ не тѣснилъ меня, не бранилъ меня, не муштровалъ меня. Тѣмъ не менѣе, Домну Савишну я любилъ больше; я почти обожалъ ее, и мнѣ казалось, что на свѣтѣ не было лучшаго существа, чѣмъ она. Я дорожилъ каждою ея лаской и едва ли я могъ бы спать такъ сладко и спокойно, если бы передъ сномъ Домна Савишна не подходила къ моей кроваткѣ, чтобы взглянуть, сплю ли я, и погладить пухлою мягкою рукою меня по волосамъ съ тихимъ шопотомъ: «спи, ангелочекъ, Христосъ съ тобой». Почти всѣ свободные отъ учебныхъ занятій часы я проводилъ въ кухнѣ въ обществѣ Домны Савишны. Она разсказывала мнѣ сперва сказки, потомъ передавала свои воспоминанія о прежнемъ житьѣ-бытьѣ крѣпостныхъ людей. Я читалъ ей вслухъ книги, которыя она прослушивала, кажется, болѣе изъ любви ко мнѣ, чѣмъ къ нимъ, но чаще

всего я читалъ ей Евангеліе, которое она очень любила слушать и почитать которое просила меня каждый разъ, когда я забывалъ самъ сдѣлать это. Такъ прошла моя жизнь до пятнадцатилѣтняго возраста.

На минуту разсказчикъ остановился, точно затрудняясь продолжать свою исповѣдь.

— Когда мнѣ минуло пятнадцать лѣтъ, мой пріемный отецъ опасно захворалъ, — продолжалъ онъ, наконецъ снова.—Домна Савишна сильно встревожилась и ходила за нимъ, какъ за ребенкомъ, иногда горько плача при мысли, что онъ умретъ. Въ это-то время впервые сказалось въ моемъ характерѣ что-то новое. — «Какъ же мы-то будемъ жить тогда?» — спросилъ я однажды Домну Савишну.— «Что мы!—отвѣтила она. — Богъ дастъ, не помремъ съ голоду. Онъ-то сокрушаетъ меня. Мучится такъ, что и не приведи Господи». Она о себѣ вовсе и не думала, но я началъ все сильнѣе и сильнѣе думать и о себѣ, и о ней. Неужели намъ придется идти по-міру? Неужели у старика не сдѣлано духовнаго завѣщанія? Неужели имѣющіяся у него деньги перейдутъ къ чужимъ? Муки старика меня уже не безпокоили вовсе, и иногда, представивъ себѣ, что онъ не сдѣлалъ духовнаго завѣщанія, я начиналъ злобствовать на него: «Вотъ весь вѣкъ копался во всякой литературной мертвечинѣ, а о живыхъ людяхъ и не подумалъ! Хоть погибай они—ему все равно! Книгоѣдъ!» Въ то же время какой-то другой внутренній голосъ упрекалъ меня за эти чувства и мысли: «Рядомъ страдаетъ и умираетъ пригрѣвшій и вскормившій тебя человѣкъ, а ты думаешь только о томъ, что будетъ дальше съ тобою!» Недѣли двѣ происходила во мнѣ эта первая внутренняя борьба, мѣшавшая мнѣ даже учиться въ гимназіи, какъ вдругъ однажды моему воспитателю сдѣлалось совсѣмъ худо, и началась агонія. Домна Савишна въ слезахъ прошептала: «Кончается!» Меня точно ножомъ рѣзнуло отъ этого слова. Я приблизился къ старику, посмотрѣлъ на него, онъ уже не дышалъ. «Умеръ!— воскликнулъ я въ ужасѣ и тутъ же задыхающимся голосомъ проговорилъ:—Надо скорѣй поискать, нѣтъ ли духовнаго завѣщанія, осмотрѣть, сколько осталось денегъ, а то все, все возьмутъ чужіе». Домна Савишна съ укоризной, почти съ негодованіемъ посмотрѣла на меня. «Глаза не закрыли, а грабить его станемъ!—рѣзко проговорила она сквозь слезы и болѣе мягко прибавила:—Полно, Вяченька!» Я растерялся и сталъ сбивчиво, точно въ лихорадкѣ, говорить ей, что ей

не по-міру же идти, что надо же знать, чѣмъ она будетъ существовать. Я говорилъ все о ней и думалъ о самомъ себѣ. Она перебила меня: «И по-міру не пойду, и воровкой не буду! Перебьемся какъ-нибудь...» И вотъ явились люди— чужіе люди, какъ говорилъ я, — и взяли все, что было у моего воспитателя. Мало того, они распоряжались на похоронахъ, съ пренебреженіемъ смотрѣли на меня и дѣлали намеки, что Домна Савишна, вѣроятно, украла часть капиталовъ старика. Они были убѣждены, что у него было гораздо болѣе денегъ, и искали на комъ бы сорвать свою злобу за обманутыя надежды. Я не стерпѣлъ этого и вечеромъ горячо высказалъ Домнѣ Савишнѣ: «Вотъ и дождались, что насъ выгонятъ отсюда чужіе люди, да еще какъ выгонятъ-то, обвиняя и ругая, какъ грабителей!»—«Полно, Вяченька, они не чужіе, а родня. Мы вотъ такъ чужіе»,— сказала старушка.—«Это ты-то чужая, когда ты весь вѣкъ няньчилась съ нимъ?» — воскликнулъ я. — «Я прежде крѣпостной его была, а потомъ за жалованье служила,—отвѣтила она:—а они кровные родные».—«Ну, если ты не родня ему, такъ я не чужой»,—запальчиво выразилъ я.—«Полно, Вяченька!—тихо и ласково сказала она.—Конечно, мнѣ не слѣдъ бы тебѣ этого говорить, да теперь не обойдешься, видно, безъ этого. Мамаша твоя племянницей доводилась покойному Петру Дмитріевичу, а ты не родня ему, голубчикъ, потому, да проститъ ее Господь Богъ, вѣнчана она не была съ твоимъ папашей...»

Опять разсказчикъ оборвалъ разсказъ, угрюмо смотря вдаль и какъ бы переживая въ душѣ все то, что, казалось, уже давно было забыто. Потомъ онъ отрывисто въ сильномъ волненіи прибавилъ:

— Въ эту минуту я возненавидѣлъ, казалось, весь міръ, своего воспитателя, свою мать, своего отца, своихъ незаконныхъ родственниковъ!..

III.

Несмотря на то, что мнѣ хотѣлось услышать конецъ этой исторіи, я не рѣшился бы просить разсказчика продолжать ее, такъ какъ ему, видимо, были тяжелы эти воспоминанія. Однако, немного помолчавъ и нѣсколько успокоившись, онъ самъ продолжалъ прерванный разсказъ. Онъ пристально взглянулъ на меня вопросительнымъ взглядомъ и проговорилъ:

— Приносилъ ли вамъ кто-нибудь жертвы? Полагалъ ли

кто-нибудь за васъ все, жизнь, душу? Изнемогалъ ли кто-нибудь изъ-за васъ подъ гнетомъ труда и лишеній? Если нѣтъ, то вы едва ли поймете, что̀ пережилъ, передумалъ и перечувствовалъ я, когда, выброшенный на улицу изъ дома своего воспитателя, я очутился на иждивеніи Домны Савишны, только на ея иждивеніи. Словами этого не передать; это нужно испытать самому, чтобы понять. Тутъ такія мелочи ощущеній и думъ: благодарность за приносимую жертву, горькое сознаніе, что живешь на чужой счетъ, муки за усилія и страданія другого существа и боязнь, что это существо надорвется подъ тяжестью труда—боязнь за него и за себя. Какъ бы я ни старался передать вамъ всѣ эти оттѣнки—это мнѣ не удастся сдѣлать даже и наполовину и все это вамъ придется пополнить самимъ своимъ чутьемъ. Моя старушка поступила въ услуженіе и стала содержать меня, нанявъ мнѣ каморку въ томъ же домѣ, гдѣ нашла себѣ мѣсто. Тщетно я бѣгалъ по городу и искалъ себѣ уроковъ, переписки, какихъ бы то ни было занятій. Я не находилъ ничего и долженъ былъ существовать исключительно на средства этой простой старухи, работавшей теперь неутомимо. Она жила служанкой у дальняго родственника моего покойнаго воспитателя; въ свободные часы она стирала мое бѣлье или занималась вязаньемъ и шитьемъ разныхъ принадлежностей женскаго туалета на продажу; она ложилась поздно и вставала рано, и все это ради того, чтобы я былъ одѣтъ, обутъ, сытъ и могъ учиться. Я хотѣлъ-было бросить гимназію, но она не допустила меня до этого и даже разсердилась и обидѣлась. «Дуракомъ-то кому ты будешь нуженъ?—говорила она мнѣ.—Или лѣнь работать стало? Такъ вонъ я старый человѣкъ, а работаю».—Я перебилъ ее горячо: «Потому я и хочу выйти изъ гимназіи, чтобы ты, старая, не гнула изъ-за меня горба».—«Что-жъ, я принцессой астраханской сложа руки сидѣть, что ли, буду?—отвѣтила она.—И какое тебѣ-то мѣсто дадутъ, неучу да молодятинѣ? Усы прежде отрасти, а тамъ и думай о мѣстѣ». Я покорился ей и принялся ревностно за ученіе. Но оно не могло заглушить въ моемъ мозгу зловѣщей работы мысли. Мать и отецъ подкинули меня трехлѣтнимъ ребенкомъ старику-дядѣ и даже никогда не справились обо мнѣ. Дядя, какъ собачонкѣ, позволилъ мнѣ жить у себя въ домѣ и даже не подумалъ о томъ, что я буду дѣлать, оставшись на улицѣ послѣ его смерти. Родные дяди, не посѣщавшіе его при жизни ради того, что онъ былъ «грязнымъ

старикашкой», называвшіе его презрительно «ходячей муміей», ограбили послѣ его смерти все его имущество и выгнали на всѣ четыре стороны близкихъ ему людей, меня и Домну Савишну, не постыдившись даже намекнуть, что мы, вѣрно, успѣли порядочно ограбить старика. Она, какъ волъ, работаетъ, чтобы поддержать меня, чужого ей человѣка, и не видитъ ни радостей, ни счастія, несмотря на свою доброту. Гдѣ же правда? Гдѣ справедливость? Не могу самъ сказать, что особенно сильно повліяло на мои нервы— тѣсная ли каморка въ подвальномъ жилищѣ, нанимаемая у столяра, не особенно питательная пища, упорное стремленіе идти первымъ въ гимназіи, усиленное чтеніе всякихъ книгъ безъ разбору въ свободные часы или мои мрачныя думы, не находившія отвѣта, — но знаю одно, что нервное разстройство было у меня страшное. Я выходилъ изъ себя во время споровъ съ товарищами; я задыхался отъ злобы, если въ классѣ кто-нибудь шелъ впереди меня, особенно тогда, когда меня обгонялъ кто-нибудь изъ богачей; я вздрагивалъ, когда неожиданно кто-нибудь окликалъ меня или дотрогивался до меня; я то неутѣшно плакалъ въ своемъ углу, то дѣлался угрюмымъ и ощущалъ въ душѣ какое-то ожесточеніе. Всѣ сколько-нибудь обезпеченные люди стали мнѣ врагами, потому что я въ нихъ видѣлъ личностей, похожихъ по своему преступному легкомыслію на моихъ отца и мать, или напоминавшихъ мнѣ черствый эгоизмъ засохнувшаго среди моихъ ученыхъ изысканій дяди, или воскрешавшихъ въ моемъ воображеніи образы тѣхъ раздушенныхъ и нарядныхъ моихъ родственниковъ, которые относились съ брезгливостью къ неряхѣ-старику и не побрезговали шарить въ каждомъ углу его жилища, когда происходилъ здѣсь грабежъ, называемый дѣлежомъ наслѣдства. Чтобы не походить ни-чѣмъ на этихъ людей, я сталъ мало заботиться о своей нѣшности, сталъ хвалиться прорѣхами на платьѣ, заплатами на сапогахъ. Но главной, преобладающей чертой въ моемъ характерѣ было, повторяю, ожесточеніе. За нимъ всегда слѣдовалъ упадокъ силъ. Пнуть ногой попавшуюся на дорогѣ собаку, обидѣть до слезъ товарища, съ наслажденіемъ посмотрѣть на буйную кровавую драку, все это тѣшило меня на-время, а потомъ я плакалъ, бился и каялся въ своей каморкѣ, называя себя негодяемъ, бездушною тварью, подлецомъ. И со всѣмъ этимъ было такъ легко окончить, — и съ моимъ нервнымъ разстройствомъ, и съ непосильной работой Домны Савишны, и со страхомъ за

будущее: стоило только ограбить того старика, у котораго жила теперь Домна Савишна.

Разсказчикъ произнесъ послѣднія слова особенно отчетливо, какъ бы подчеркивая ихъ, потомъ прервалъ разсказъ, снова сдвинулъ брови и тяжело дышалъ, точно отъ усталости.

— Вамъ тяжелы эти воспоминанія,—замѣтилъ я. — Мнѣ совѣстно, что я...

Онъ не далъ мнѣ кончить начатой фразы и нѣсколько отрывисто отвѣтилъ:

— Нѣтъ, что же... Я вамъ уже сказалъ, что мое прошлое постоянно живетъ въ моей памяти... Тяжело говорить, а не вспоминать...

И, собравшись съ силами, онъ продолжалъ разсказъ.

— Не день, не два преслѣдовала меня эта роковая мысль. Какъ кошмаръ, какъ преслѣдованіе злого духа, она мучила меня и днемъ, и ночью. Старался я отдѣлаться отъ нея, а въ мозгу помимо моей воли являлись доказательства, что иначе и Домна Савишна, и я только погибнемъ. Умри этотъ старикъ—и Домна Савишна опять останется на мостовой, а его богатствами завладѣютъ первые попавшіеся негодяи. Умри Домна Савишна раньше его—у меня не будетъ болѣе никакой поддержки, и я долженъ буду бросить даже гимназію, когда тѣ, другіе, разряженные въ щегольскіе мундирчики негодяи, будутъ вкушать плоды образованія. Я тогда иначе не называлъ сытыхъ, какъ негодяями. И что значитъ для этого человѣка, если у него пропадаетъ нѣсколько тысячъ? Да если бы даже эта потеря и отозвалась тяжело на немъ, то стоитъ ли его жалѣть? Самъ онъ никого не жалѣлъ ни прежде, когда занимался ростовщичествомъ, ни теперь, когда онъ живетъ на покоѣ. Какъ на грѣхъ, этотъ человѣкъ, дѣйствительно, не заслуживалъ ни уваженія, ни любви, ни снисхожденія. Когда-то онъ былъ ростовщикомъ, учитывалъ векселя за большіе проценты и, наживъ крупный капиталъ, зажилъ въ свое удовольствіе. Грязно нажитыя деньги проживались на грязный развратъ. Сморщенный, беззубый, лысый, въ черномъ парикѣ, съ подкрашенными бровями, этотъ сальный старикъ сталъ завсегдатаемъ клубныхъ маскарадовъ, бродилъ по Невскому, ловилъ разныхъ несчастныхъ созданій. Домну Савишну онъ взялъ къ себѣ только потому, что онъ зналъ ея честность и могъ спокойно оставлять на ея попеченіе свою квартиру во время своихъ вечернихъ и ночныхъ экскурсій. Обокрасть его ка-

залось мнѣ дѣломъ безгрѣшнымъ. Мало-по-малу, вопросъ сталъ сводиться для меня только на то, какъ украсть, чтобы схоронить концы въ воду. Я уже началъ передумывать объ этомъ, какъ о чемъ-то такомъ, что было нужно сдѣлать непремѣнно. Это былъ по-моему подвигъ, а не преступленіе. Если что и задерживало меня отъ приведенія въ исполненіе задуманнаго плана, такъ это то, что иногда въ головѣ мелькала мысль: «А если онъ застанетъ меня за кражей?» На это явился, наконецъ, жестокій отвѣтъ: «тогда придется покончить съ нимъ самимъ; собакѣ собачья и смерть». Эта мысль ободрила, обрадовала меня. Онъ, этотъ человѣкъ, котораго я почти не зналъ и только видѣлъ нѣсколько разъ мелькомъ, становился въ моихъ глазахъ моимъ личнымъ врагомъ. По своду законовъ, онъ былъ мнѣ совершенно чужой, но я увѣрялъ себя тогда, что я ему родственникъ, близкій родственникъ, и ругалъ, проклиналъ его за то, что онъ и знать не хотѣлъ меня. Предлоги мнѣ были нужны для ненависти и проклятій, для оправданія задуманнаго мной. Посѣщая Домну Савишну, по вечерамъ я проникалъ въ комнаты бывшаго ростовщика, присматривался, соображалъ и меня иногда тѣшила мысль: «вотъ здѣсь я его убью». «Вяченька, полно бродить-то,—звала меня тогда изъ кухни Домна Савишна. — Почиталъ бы лучше мнѣ книжку, чѣмъ впотьмахъ-то по комнатамъ бродить». Волей-неволей, я возвращался къ ней и исполнялъ ея желаніе, читалъ ей «Евангеліе» и «Житія»... Эти чтенія были теперь для меня пыткой. «Житія», которыя она такъ любила слушать, поднимали во мнѣ упреки совѣсти. Тутъ описывались люди, переносившіе стойко всякія мученія и дѣлавшіеся среди этихъ мукъ еще добродѣтельнѣе, еще добрѣе. А я? Я пробовалъ, сознательно обманывая свою совѣсть, кощунствовать, называть все это сказками, выдумками, невозможными нелѣпостями. Во мнѣ поднимался голосъ совѣсти, но я старался заглушить его, обманывая самого себя. «А Домна Савишна? Развѣ она когда-нибудь жалуется на судьбу?» являлся въ головѣ вопросъ. «Развѣ она не пришла въ ужасъ при мысли разбогатѣть грабежомъ, когда умеръ Петръ Дмитріевичъ? Развѣ она-то не сохранилась и чистой, и доброй среди всѣхъ испытаній...» «Что-жъ, она недалекая и неразвитая женщина, вотъ и все!» лгалъ я себѣ и глумился, злобно глумился надъ тѣми, кто считалъ нужнымъ быть добрымъ среди злыхъ, добродѣтельнымъ среди порочныхъ: «Овцы, идущія на закланіе! Цыплята, лѣзущіе подъ

ножъ повара!» «Вченька, родной мой, что съ тобою? Полѣчиться бы тебѣ,— тревожно говорила мнѣ Домна Савишна, участливо глядя на меня и щупая мою голову.—Головка-головка, какъ въ огнѣ, горитъ! Охъ, не хорошъ ты; краше въ гробъ кладутъ». Она была права: я былъ боленъ, очень боленъ, не столько физически, сколько нравственно.

IV.

Алая полоска зари, съ лѣвой стороны отъ города, гдѣ рѣка дѣлала крутой поворотъ, уже давно начала расширяться, и скоро должно было показаться солнце изъ-за далекаго лѣса, казавшагося теперь синевато-зеленымъ и рѣзко очерченнымъ въ ясномъ прозрачномъ воздухѣ. Я и мой собесѣдникъ какъ-то невольно устремили въ ту сторону взгляды и залюбовались живописнымъ пейзажемъ.

— Должно-быть, день будетъ очень хорошъ, — проговорилъ я.

— Да, весна въ самомъ разгарѣ,—отвѣтилъ съ тихимъ вздохомъ мой собесѣдникъ.—И тогда была весна, когда произошелъ во мнѣ великій переворотъ. Весна оживляетъ и здоровое и сильное, но горе больнымъ и слабымъ въ эту пору: здоровое дыханье весны часто не переносится больными нервами, измученною грудью. Колыбель здоровыхъ она является могилой больныхъ. Я помню хорошо, какъ тяжко отозвались тогда на моихъ нервахъ конецъ великаго поста и начало весны. Домна Савишна, строго соблюдавшая вообще посты и лишавшая себя многаго ради меня, расхворалась на Страстной недѣлѣ не на шутку, и меня охватилъ ужасъ. Я не столько тосковалъ при мысли, что она можетъ умереть, сколько боялся за свое будущее въ случаѣ ея смерти. Этотъ страхъ былъ сильнѣе моей любви къ ней. Я сознавалъ это, съ презрѣніемъ бичевалъ себя за это и не могъ пересилить это чувство. Я ходилъ, какъ въ бреду, и думалъ только объ одномъ: «что будетъ со мною? «Ограбить, ограбить скорѣе старика», шепталъ мнѣ тайный голосъ, и я составилъ планы, какъ это сдѣлать. И тутъ я болѣзненно, мучительно я спрашивалъ себя: «въ какой ужасъ пришла бы моя старушка, если бы узнала, что я замышляю о чемъ я думаю, предвидя ея близкую смерть?» Господи, что за хаосъ противорѣчій бываетъ иногда въ человѣческой душѣ! Въ этихъ лихорадочныхъ, полубезумныхъ думахъ я встрѣтилъ Свѣтлый праздникъ. Я не пошелъ къ заутрени, и, сидя въ своей каморкѣ передъ огаркомъ свѣчи, обдумы-

валъ свои планы. Я раскрылъ книгу, пробуя отогнать эти зловѣщія думы, но мнѣ это не удавалось. Онѣ сами собою лѣзли въ голову, назойливыя, какъ бредъ, какъ кошмаръ. Во мнѣ происходила страшная борьба, и мнѣ порой казалось, что я схожу съ ума. А съ улицы долеталъ радостный благовѣстъ, говорившій о воскресеніи Искупителя міра. Я облокотился на столъ, опустивъ на ладони голову, и мнѣ казалось, что эта голова готова треснуть. Вдругъ за мной быстро, какъ отъ сильнаго порыва вѣтра, растворилась дверь, и чей-то голосъ, торопливый и прерывистый, сурово заговорилъ: «Я воскресъ... изъ мертвыхъ воскресъ, а ты... Что ты дѣлаешь? Какъ ты смѣешь тутъ быть?.. Гдѣ ты? Что ты?.. Я Христосъ, а ты...» Я вскочилъ въ ужасѣ и очутился лицомъ къ лицу съ изможденной блѣдной фигурой, съ коротко остриженными, но густыми черными волосами, въ бѣлой одеждѣ, падавшей до полу, какъ хитонъ... На меня въ полутьмѣ въ упоръ гнѣвно смотрѣли черные, лихорадочно блестѣвшіе, большіе глаза. Меня облило холоднымъ потомъ, я отшатнулся къ столу, но невѣдомый мнѣ человѣкъ въ бѣлой одеждѣ сдѣлалъ еще шагъ ко мнѣ, и его исхудалое блѣдное лицо съ блестящими черными глазами близко-близко склонилось къ моему лицу, и я услышалъ поразившій меня шопотъ: «Я Христосъ, Іуда!» Никогда я не забуду этого взгляда и этого шопота, отъ которыхъ похолодѣло все мое тѣло и помутилось сознаніе. Прежде чѣмъ я опомнился, въ мою комнату ворвались съ шумомъ какіе-то люди и бросились на невѣдомаго мнѣ человѣка. Онъ закричалъ, заговорилъ быстро: «Я Христосъ! Я воскресъ! Опять распять хотите!» и началъ выбиваться изъ ихъ мощныхъ рукъ. Но они уже успѣли овладѣть имъ. Не понимая, что дѣлается со мною, видя только, что его хотятъ взять, что съ нимъ борются, я бросился защищать его, началъ кричать: «Оставьте, оставьте его, злодѣи!» Я кого-то билъ, кому-то вцѣпился въ одежду. Но меня грубо оттолкнули, потомъ скрутили незнакомцу руки и потащили его. Не знаю, долго ли я кричалъ и молилъ этихъ людей оставить его, долго ли я лежалъ безъ памяти, но помню только, что когда я пришелъ къ утру въ сознаніе, лежа на своей койкѣ, около меня стояли двѣ женщины: едва передвигавшая ноги Домна Савишна и жена моего квартирохозяина-столяра, и послѣдняя нараспѣвъ разсказывала, вѣроятно, уже въ сотый разъ:

— И чего испужался, мать моя? Нашего столяра Савку

не узналъ. Савка-то это изъ сумасшедшаго дома сбѣжалъ и прибѣгъ къ нему, а онъ и испужался.

Савка былъ молодой парень-столяръ, страдавшій сперва запоемъ, потомъ переставшій вдругъ пить и впавшій въ меланхолію. Въ припадкѣ тяжелаго душевнаго недуга онъ разъ попробовалъ даже повѣситься. Его вынули изъ петли и отправили въ домъ умалишенныхъ, гдѣ его душевный недугъ обострился еще болѣе. Я съ годъ тому назадъ видѣлъ этого Савку, зналъ и о его безотчетной тоскѣ, и его попыткѣ кончить съ собой, и его пребываніи въ домѣ умалишенныхъ, гдѣ онъ называлъ себя Христомъ и откуда онъ бѣжалъ въ эту ночь и неожиданно проникъ въ мою каморку, набушевавъ предварительно и въ комнатахъ столяра-хозяина... Все это объяснилось такъ просто, такъ естественно, и всѣ смѣялись надъ происшествіемъ, надъ Савкой, вообразившимъ себя Христомъ, надъ моимъ испугомъ и попытками защитить Савку. Не смѣялся только я. Мнѣ посовѣтовали уснуть и оставили меня одного. Утомленный, обезсиленный, я заснулъ тяжелымъ сномъ, и во снѣ мнѣ снился этотъ воспаленный взглядъ и слышался этотъ зловѣщій шопотъ: «Я Христосъ, Іуда!» Я просыпался въ холодномъ поту и боязливо озирался кругомъ. Домна Савишна на другой день, черезъ силу притащившись снова ко мнѣ и увидавъ меня, всплеснула руками отъ ужаса, такъ измѣнился я въ однѣ сутки. Меня точно что-то придавило...

Молодой человѣкъ замолчалъ на минуту и потомъ, глядя въ озаренную восходящимъ солнцемъ даль, въ раздумьи заговорилъ снова:

— Больше мнѣ нечего разсказывать. Въ короткихъ словахъ не перескажешь того, что дѣлается въ душѣ, а распространяться—пожалуй, умѣнья не хватитъ все передать, все выяснить. Мысль, что я сдѣлаюсь непремѣнно негодяемъ, если останусь жить въ міру, не переставала меня преслѣдовать съ этого дня. Она и прежде проскальзывала въ моемъ мозгу, но только проскальзывала, какъ свѣтъ молніи во мракѣ ночи. Теперь она озаряла яркимъ свѣтомъ мою душу. Да, мнѣ стало вполнѣ ясно, что я не способенъ ни къ выносливости, ни къ борьбѣ, что я завистливъ и несправедливъ, что во мнѣ сидитъ что-то порочное, что-то прежде всего толкающее на преступленіе. Кругомъ меня все еще шли толки и шутки насчетъ пьянаго Савки, а я, только я понималъ, что въ лицѣ Савки Господь послалъ

нѣ предупрежденіе противъ искушеній. Когда я пришелъ ослѣ праздниковъ въ гимназію, мнѣ замѣтили:

— Что это ты какъ въ воду опущенный?

Такимъ я оставался почти во все время до окончанія мною урса, до поступленія моего въ монастырь. Только вступивъ за эти стѣны, я вздохнулъ широкимъ облегчающимъ здохомъ: я почувствовалъ, что онѣ укрывали меня отъ преступленій...

— И васъ не удержала ваша Домна Савишна? — нельно спросилъ я.

— Она умерла, — отвѣтилъ со вздохомъ молодой человѣкъ.—Да если бы и не умерла, то не стала бы удерживать: я разсказалъ бы ей все, и она поняла бы меня. амъ, конечно, все это можетъ казаться страннымъ, а на была простымъ человѣкомъ, ей было бы легко понять се это...

— И вы не раскаиваетесь въ своемъ рѣшеніи?—не безъ обопытства спросилъ я.

— Что вы! Что вы! Господь съ вами! — горячо протестуя, почти испуганно воскликнулъ онъ.—Я здѣсь новымъ человѣкомъ сталъ...

И, точно не желая говорить болѣе о себѣ, онъ указалъ нѣ на даль:

— Взгляните, взгляните, вода точно горитъ, отражая олнце. Что за чудная картина!

Дѣйствительно, картина была поразительно хороша. Поднявшееся изъ-за лѣса солнце заливало теперь все своимъ ркимъ свѣтомъ, отражаясь въ водѣ. На городскомъ берегу уже ювали люди въ пестрыхъ праздничныхъ нарядахъ. Надъ омами изъ сотенъ трубъ вились бѣлые дымки, тая въ прозрачномъ воздухѣ. На паромѣ, потягиваясь и ежась, видѣлись два лодочника, вышедшіе изъ своей будки. Въ воздухѣ слышался веселый перезвонъ колоколовъ, и сотни тицъ немолчно щебетали и пѣли, порхая съ вѣтки на тку въ густыхъ деревьяхъ монастырскихъ кладбища и да.

ДЯДЮШКА ИЗЪ АМЕРИКИ.

...Какъ радовались всѣ его родные, когда онъ возвратился въ Россію на «Русланѣ» изъ долговременнаго кругосвѣтнаго плаванія! Но больше всѣхъ радовался онъ самъ своему возвращенію на родину, потому что, «чортъ возьми, въ гостяхъ хорошо, а дома лучше того». Тамъ приходилось переносить бури и тревоги, исполнять обязанности службы, чиниться чуть не въ каждомъ портѣ, почти перестраивать расшатавшееся судно въ Японіи, безучастно смотрѣть на чужую жизнь и пить со скуки; здѣсь можно было отдыхать, разсказывать тысячи случаевъ изъ своихъ воспоминаній и, главное, наслаждаться ласками многочисленной родни, сжимавшей въ теплыхъ объятіяхъ «милаго дядю изъ Америки», какъ назвала его въ шутку одна изъ его племянницъ. Всѣ были въ восторгѣ, всѣ не уставали слушать его, когда онъ явился впервые въ Петербургъ, и болѣе всѣхъ восторгался онъ самъ: когда онъ ѣхалъ обратно въ Кронштадтъ послѣ визитовъ къ роднымъ, онъ былъ до того счастливъ, до того веселъ, что, пошатываясь и улыбаясь, пѣлъ себѣ подъ носъ: «И дымъ отечества намъ сладокъ и пріятенъ», — напѣвая въ сотый разъ эту строчку, онъ все старался припомнить окончаніе этого «романса», никакъ не догадываясь, что это строка изъ «Горя отъ ума», а не изъ романса.

— Ну, ужъ и выдумалъ, что мнѣ привезти,—пренебрежительнымъ тономъ говорила одна изъ его племянницъ, послѣ его отъѣзда.—Шарфъ изъ японскаго крепона! Безобразіе какое! Не могъ привезти кружевную косынку изъ Парижа!

— Ахъ, да у него же совсѣмъ нѣтъ вкуса, — замѣтила другая племянница. — Ну, ты посмотри, что это за вѣеръ

онъ подарилъ мнѣ. Какія-то уродливыя китайскія фигурки, небывалые звѣри, кривыя деревья, точно на чайныхъ ящикахъ, и все такъ мелко вырѣзано. Кто же носитъ такіе вѣера? Не могъ выбрать какого-нибудь бѣлаго атласнаго, съ блестками, съ пухомъ на концахъ, чтобы годился для бала...

— Съ чего это дядюшка выдумалъ, что я играю въ шахматы?—разсуждалъ молодой его племянникъ.—Привезъ какіе-то шахматы изъ Китая: Они мнѣ вовсе не нужны. Ну, ружье бы привезъ, что ли, тамъ, или охотничій костюмъ, а то шахматы!

— Это ему, братъ, съ пьяныхъ глазъ померещилось, что ты не охоту, а шахматы любишь, — замѣтилъ ему другой племянникъ.

— Развѣ только... А онъ точно, должно-быть, любитъ клюнуть,—сказалъ первый изъ племянниковъ.

— Да ужъ, братъ, одинъ носъ достаточно свидѣтельствуетъ о слабости сего джентльмена къ горячительнымъ напиткамъ,—рѣшилъ второй.

— Да, измѣнился братъ, очень измѣнился, — вздыхала сестра пріѣзжаго.—Огрубѣлъ какъ-то, что-то солдатское въ манерахъ появилось и эти постоянныя «чортъ возьми» просто съ ума могутъ свести!

— Извѣстно, другъ мой, къ чему пріучаетъ холостая жизнь, вѣчное скитанье на кораблѣ, постоянный разгулъ съ товарищами,—замѣтилъ ея солидный мужъ.

— Ты когда-нибудь замѣть ему, Жакъ, чтобы онъ немного сдерживался при дѣвицахъ: онъ сегодня вѣдь такіе анекдоты разсказывалъ, что я готова была убѣжать изъ комнаты...

— Ты еще не все слышала, а что онъ намъ, мужчинамъ, разсказывалъ!

— То-есть кому это вамъ, мужчинамъ?

— Мнѣ и сыновьямъ...

— Какъ и Жоржъ, и Сержъ были тутъ? Ахъ, да онъ ихъ совсѣмъ испортитъ. Онъ, должно-быть, совсѣмъ опустился въ нравственномъ отношеніи... И то сказать, три года такой жизни много значатъ...

Но почтенная семья, замѣтивъ всѣ эти недостатки пріѣзжаго, замѣтила въ немъ одинъ еще болѣе крупный недостатокъ: дядюшка изъ Америки былъ очень простоватъ и довѣрчивъ; его было легко обмануть и подкупить въ свою пользу малѣйшей лаской; онъ не умѣлъ отличить, кто ближе

ему по кровной связи и по искреннему чувству. Вслѣдствіе этого недостатка, дядюшка изъ Америки посѣтилъ и одарилъ не только семью своей родной сестры, но также посѣтилъ и одарилъ и семью своего покойнаго двоюроднаго брата, семью, недостойную никакой любви, семью, вѣчно нуждавшуюся, а потому алчную до денегъ, семью, не имѣвшую, наконецъ, никакихъ правъ на щедрости дядюшки изъ Америки, такъ какъ покуда у него существовали болѣе близкіе родные, то-есть семья его родной сестры. Послѣдняя семья, на другой же день послѣ визита дядюшки изъ Америки, откомандировала одного изъ своихъ членовъ въ «недостойную семью», чтобы посмотрѣть, что привезъ этой семьѣ «дядюшка изъ Америки». Къ величайшему ужасу командированнаго оказалось, что члены недостойной семьи тоже получили и шарфъ изъ японскаго крепона, и китайскій вѣеръ, и шахматы изъ слоновой кости, однимъ словомъ, все то, что получила и семья родной сестры пріѣзжаго,—но хуже всего было то, что недостойная семья собиралась «на-дняхъ» посѣтить дядю въ Кронштадтѣ. Это сообщеніе произвело въ семьѣ родной сестры неописанный переполохъ, и взрывъ негодованія на недостойную семью дошелъ до послѣднихъ предѣловъ, когда командированный въ эту семью членъ передалъ въ своемъ кружкѣ слѣдующую, слышанную имъ въ недостойной семьѣ, фразу:

— Ужъ кто же можетъ быть ближе изъ насъ Ивану Сергѣевичу,—вѣдь онъ и жилъ съ нашимъ покойнымъ отцомъ, и Аня его единственная крестная дочь... а крестная-то дочь, какъ говорится въ законѣ, ближе родной...

— И въ какомъ это такомъ законѣ онѣ нашли это? Желала бы я знать! Это любопытно! — волновалась родная сестра пріѣзжаго.

— Ахъ, maman, чего же вы хотите отъ нихъ,—они совсѣмъ необразованные! — съ пренебреженіемъ замѣтила старшая племянница пріѣзжаго, сердившаяся, что дядя не привезъ ей кружевной косынки изъ Парижа.

— Но надо будетъ и намъ съѣздить, надо его какъ-нибудь предупредить на ихъ счетъ, а то они его совсѣмъ обойдутъ,—тревожилась родная сестра пріѣзжаго.

— Не съѣздить ли мнѣ одному?—спросилъ ее мужъ.

— Ахъ, нѣтъ, нѣтъ, онъ можетъ подумать, что мы отдаляемся отъ него... Ахъ, какъ это непріятно... Я вовсе не хотѣла везти къ нему дѣтей... Нѣтъ, да мы должны... я, наконецъ, родная сестра... я вовсе не желаю, чтобы кто-ни-

будь вторгался въ наши семейныя отношенія... какая-нибудь бывшая... Ахъ, да нѣтъ, это надо ему разъяснить... открыть глаза...

Родная сестра пріѣзжаго теряла голову...

— Охъ, жохи какіе, Жоржку своего командировала высмотрѣть, что намъ Иванъ Сергѣевичъ привезъ,—говорили между тѣмъ въ недостойной семьѣ.—Теперь лопнутъ отъ зависти, да ничего, на здоровье! Надо вотъ только съѣздить къ нему, къ голубчику нашему, а то еще наплетутъ на насъ чего-нибудь.

— Да, поѣдемте завтра,—предложила младшая дочь недостойной семьи.

— Что-жъ, завтра, такъ завтра,—рѣшила мать.—Вотъ-то взбѣсится сестрица родная, узнавъ, что мы, чужіе-то, раньше ея вздумали навѣстить его, нашего благодѣтеля!

Вся недостойная семья радовалась при мысли о бѣшенствѣ родной сестры пріѣзжаго...

...Они встрѣтились у него всѣ: и члены достойной семьи, и члены недостойной семьи, и стоило посмотрѣть, что за турниръ произошелъ здѣсь. Сначала всѣ эти люди перецѣловались между собою и дядюшкой изъ Америки; потомъ, когда хозяинъ побѣжалъ распоряжаться по хозяйству, чтобы угостить своихъ дорогихъ гостей, между гостями произошла ѣдкая пикировка, чуть-чуть не дошедшая до крупной брани и слезъ; далѣе, когда хозяинъ снова вернулся въ общество своихъ гостей, гости набросились на него съ такими ласками, улыбками, заискиваніями, какъ будто онѣ хотѣли разорвать его на части и унести эти частицы, какъ святыню, себѣ на память. Дядюшка изъ Америки растрогался, расчувствовался и, уже пропуская пятую рюмку вина за закуской, говорилъ о томъ, что ему предлагаютъ видный и выгодный постъ въ Петербургѣ, и что онъ хочетъ «бросить, наконецъ, навсегда якорь».

— Ахъ, Жанъ, какъ я буду рада, если мы опять будемъ жить вмѣстѣ, какъ мы жили въ дѣтствѣ,—восторженно произнесла его родная сестра.—Довольно тебѣ странствовать и толкаться Богъ знаетъ гдѣ...

— Я думаю, Сергѣю Ивановичу самое лучшее обзавестись своей собственной семьей,—замѣтила мать недостойной семьи.

— Ну, онъ въ такихъ лѣтахъ, что ему не легко сдѣ-

лать приличную партію,—замѣтила родная сестра хозяина.—Тоже не радость на какой-нибудь отжившей вдовѣ жениться...

— Я думаю, за Ивана Сергѣевича не только какая-нибудь отжившая вдова пойдетъ, а любая молоденькая барышня,—возразила мать недостойной семьи.

— Да, съ цѣлью приставить ему рога! ядовито прошипѣла родная сестра хозяина.

— Ну, есть и не такія дѣвушки,—еще болѣе ядовито проговорила мать недостойной семьи.—Вѣдь это тамъ—въ клубахъ, да въ собраніяхъ вертушки разныя воспитуются, а Иванъ Сергѣевичъ, слава Богу, не бѣдный человѣкъ и можетъ жениться на дѣвушкѣ бѣдной, выросшей въ скромной семьѣ.

— Да ужъ я, конечно, на деньгахъ не женился бы,—согласился хозяинъ.—Мнѣ нужна жена, а не деньги. Деньги и безъ жены найдутся...

Родная сестра хозяина была возмущена: она ясно видѣла, что недостойная женщина хочетъ продать свою дочь.

— Боже мой, они совсѣмъ опутаютъ брата! восклицала она, возвращаясь домой со своимъ семействомъ.—Впрочемъ, кажется, онъ крестилъ дѣвочекъ, онъ не можетъ ни на которой изъ нихъ жениться...

— Нѣтъ, maman, онъ крестилъ только Аню, а Катя можетъ выйти за него замужъ, замѣтилъ старшій сынъ.—Ну, и хорошая же парочка будетъ, не разъ поплачетъ дядя...

— Она, кажется, вѣтреница?—спросила мать.

Ея сыновья переглянулись между собою и лукаво улыбнулись.

— Нѣтъ, эту свадьбу надо будетъ разстроить, надо будетъ открыть глаза брату,—вздохнула родная сестра пріѣзжая.

— Это, maman, очень не трудно сдѣлать, но дядя можетъ разсердиться на насъ,—замѣтилъ ея старшій сынъ.

— Боже мой, неужели она не оставила въ покоѣ даже васъ?—съ ужасомъ спросила мать.

Оба брата улыбнулись.

По пріѣздѣ домой, мать призвала къ себѣ одного изъ сыновей.

— Жоржъ, я должна серьезно поговорить съ тобой,—сказала она.—Изъ нашего послѣдняго разговора я съ горечью убѣдилась, что эта дѣвчонка вступила съ тобой въ какія-то грязныя отношенія. Ты еще совсѣмъ мальчикъ...

— Мнѣ, maman, двадцать первый годъ,—замѣтилъ сынъ.

— Ты еще совсѣмъ мальчикъ,—сказала мать:—и я же-

лала бы, чтобы Жоржъ остался какъ можно дольше мальчикомъ. Но, конечно, если дѣвушка вѣшается сама на шею юношѣ, то онъ легко можетъ пасть. Я хотѣла бы знать, какія отношенія существуютъ между вами...

— Но, maman...

— Мнѣ нужно это для моего спокойствія...

— Если ты требуешь,—сказалъ сынъ:—я, пожалуй, разскажу, но мнѣ, право, неловко...

— Я мать, и ты можешь мнѣ говорить все, какъ сказалъ бы на исповѣди священнику...

— Это, maman, были просто шалости. Мы съ Сержемъ ухаживали за ней...

— Какъ, она увлекала обоихъ... двухъ братьевъ!—воскликнула мать, всплеснувъ руками.

— Но я же тебѣ говорю, что это были шалости,—сказалъ сынъ.—Свиданья въ саду, поцѣлуи, мы ее...

— Письма, письма есть ли?—прервала его мать.

— Есть,—отвѣтилъ сынъ.

— Ты передашь ихъ мнѣ!

— Но, maman...

— Ты передашь ихъ мнѣ! Ахъ, Богъ мой, что это за падшее созданье! И на такой-то дѣвушкѣ хотятъ женить оглупѣвшаго старика! Я надѣюсь, Жоржъ, что ты поймешь, надъ какой пропастью ты стоялъ, и остепенишься...

Сынъ поцѣловалъ руку матери и вышелъ.

— Что? на допросѣ былъ?—спросилъ его братъ.

— Да, разсказалъ про наши ухаживанья за Катей...

— Ну-у! для чего?

— Да оно, знаешь, лучше. Maman разстроитъ эту свадьбу, и намъ будетъ опять возможно играть съ дѣвчонкой въ любовь.

— Играть въ любовь! Если бы она вышла за дядю, тогда можно бы и подальше завести игру.

— Ну, братъ, дядюшка и намъ нуженъ; его сердить и выпускать изъ рукъ не слѣдуетъ. Старикашка-то, кажется, простъ, да мать говоритъ, что у него и деньга порядочная скоплена.

— Ну да, а жди, когда умретъ...

— Да онъ, братъ, на суши быстро скапутится. Онъ пьетъ изрядно и, кажется, насчетъ женскаго пола спеціалистъ.

— А ты видѣлъ, какія я у него японскія картины подцѣпилъ? И какъ сдѣланы: фигуры нарисованы, а одежда настоящая изъ шелку сдѣлана, превосходно...

— Только ужъ игры воображенія тутъ много, всѣ эти изображенія чистая фантазія, въ натурѣ это невозможно.

— Ну да, у насъ невозможно, а въ Японіи—чортъ ихъ знаетъ, что тамъ творится.

Въ этотъ же вечеръ въ недостойной семьѣ шли толки другого рода. Мать недостойной семьи рѣшала съ дѣтьми, какъ они будутъ жить, когда Катя выйдетъ замужъ за Ивана Сергѣевича—всѣ вмѣстѣ, или на два дома? Самый вопросъ о женитьбѣ Ивана Сергѣевича на Катѣ не подлежалъ уже никакому сомнѣнію.

— Но какъ же я съ нимъ, мама, жить буду? Онъ старый!—замѣтила Катя.

— Ну, мать моя, со старымъ, да съ богатымъ не штука прожить, а вотъ посмотрѣла бы я, какъ бы ты съ молодымъ-то, да съ голымъ прожила,—замѣтила мать.—А ты лучше подумай, какъ бы его изъ рукъ не выпустить, да привлечь къ себѣ.

— Удивительно! И не такихъ заставляли по себѣ вздыхать!—проговорила дочь.

Въ первый же слѣдующій пріѣздъ въ Петербургъ Иванъ Сергѣевичъ заѣхалъ снова въ недостойную семью и заночевалъ здѣсь. Онъ чувствовалъ себя въ этой семьѣ гораздо лучше, чѣмъ въ семьѣ родной сестры, такъ какъ здѣсь люди жили попросту, сейчасъ закуску ему на столъ ставили, просили сюртукъ разстегнуть и вообще были и сами на распашку, и другихъ не стѣсняли. Вечеромъ Катя играла на фортепіано и пѣла: «Ты скоро меня позабудешь». Иванъ Сергѣевичъ млѣлъ отъ восторга и совсѣмъ растерялся, когда Катя шепнула ему:

— Ахъ, если бы вы никогда отъ насъ не уѣзжали!

Когда нужно было идти спать, она сказала ему, что она сама постлала ему постель и что она всю ночь не будетъ спать, мечтая о немъ. Братья Кати далеко за полночь бесѣдовали съ Иваномъ Сергѣевичемъ о разныхъ фривольныхъ предметахъ и замѣтили, между прочимъ, что Катя—огонь-дѣвчонка. Иванъ Сергѣевичъ совсѣмъ растаялъ, и на слѣдующій день, встрѣтившись съ Катей, съ чувствомъ сжалъ ея руку, а Катя неожиданно прижалась къ нему и прошептала:

— Какой вы хорошій!

Все шло отлично, «своимъ путемъ», какъ выражалась мать недостойной семьи.

Иванъ Сергѣевичъ сталъ все чаще и чаще пріѣзжать изъ

Кронштадта прямо въ квартиру недостойной семьи, даже и не заглядывая къ родной сестрѣ, не потому, что онъ ея не любилъ, а потому, что недостойная семья не выпускала его отъ себя. И то сказать, какъ ему было вырваться куда-нибудь изъ этого дома: то шли тутъ закуски и толки съ молодыми людьми, то Катя играла на фортепіано и пѣла: «Не уѣзжай, голубчикъ мой!» Въ одинъ прекрасный день Иванъ Сергѣевичъ рѣшился... Онъ, можетъ-быть, и не рѣшился бы, но случай такой вышелъ: наканунѣ у него произошла такая сцена съ Катей...

— Господи, точно мичманъ какой увлекся!—бормоталъ Иванъ Сергѣевичъ, вспоминая эту сцену.—Впрочемъ, что же, я никакой подлости не сдѣлалъ; все равно, когда сдѣлается моею женою, такъ и не то будетъ. Пошалилъ немного, а что за дѣвушка, что за дѣвушка! И вѣдь нужно же ей было вчера явиться такой сиреной! Надо будетъ объясниться.

Ну, и объяснился, получилъ согласіе, возликовалъ. На радостяхъ онъ поѣхалъ къ родной сестрѣ: надо же ее извѣстить о предстоящей свадьбѣ.

— Жанъ, бѣдный Жанъ, что ты хочешь дѣлать, въ какую исторію ты попалъ!—воскликнула родная сестра дядюшки изъ Америки.

— Что такое? Я тебя не понимаю?—взволновался онъ.

— Ахъ, если бы я могла это предвидѣть!.. Да нѣтъ, развѣ можно было предвидѣть такую мерзость... это просто гнусно... низко... Ахъ, бѣдный, бѣдный Жанъ!..

Сестра даже отерла слезы на глазахъ.

— Да разскажи ты мнѣ, чортъ возьми, что случилось?—топнулъ ногою братъ.

— Да вѣдь она жила... фи! даже говорить скверно!.. она жила съ моими мальчиками, она и ихъ увлекла!—воскликнула сестра.—Я случайно нашла ея письма къ нимъ... свиданія тамъ у нихъ... и все такое...

Дядюшка изъ Америки заходилъ быстрыми шагами по комнатѣ, ероша свои волосы.

— Чортъ возьми!.. Что же это значитъ?.. Ты разскажи толкомъ!—бормоталъ онъ, топнувъ ногою.—Дурака нашли, пентюха, одурачить хотѣли... Ну, разсказывай!..

— Нѣтъ, нѣтъ, я не могу...—замахала рукой сестра.—Вотъ тутъ у меня письма ея... Да нѣтъ, пусть лучше мальчики сами разскажутъ тебѣ... Они, кажется, у себя... Только ты не говори, бѣдный мой Жанъ, что ты женишься, чтобы

не выставлять себя въ смѣшномъ свѣтѣ, а такъ разговорись о ней, выспроси... Они проболтаются...

Иванъ Сергѣевичъ отправился къ «мальчикамъ» и навелъ рѣчь на Катю...

— Да, славныя тѣлеса,—сказалъ Сержъ.

Иванъ Сергѣевичъ краснѣлъ на старости лѣтъ, слушая разсказы своихъ племянниковъ о своей невѣстѣ. Онъ далеко не такъ хорошо, не такъ подробно зналъ ея достоинства и прелести, какъ они. Его сцена съ нею блѣднѣла передъ ихъ сценами съ нею.

— Да, чортъ возьми, жениться вы на ней оба хотѣли, что ли? крикнулъ, наконецъ, дядя.

Племянники расхохотались.

— Развѣ на такихъ женятся, дядя!

Иванъ Сергѣевичъ подумалъ, что вѣдь и дѣйствительно на такихъ не женятся. Но какъ же это его одурачила она? Какъ же она смѣла его обманывать? Хорошъ бы онъ былъ, женившись на ней. Еще хорошо, что племянники ничего не знаютъ, а то на смѣхъ подняли бы.

— А что, дядя, вамъ она не разставляла своихъ сѣтей?— спросилъ вдругъ племянникъ Жоржъ.

— Еще бы... еще бы...—проговорилъ дядя въ сильномъ смущеніи.

— Ну, да вѣдь вы старый воробей, васъ на мякинѣ не обманешь...

— Еще бы... еще бы...— пробормоталъ дядя.

— Охъ, грѣховодникъ, вѣрно, тоже ужъ поиграли съ барышней!—похлопалъ дядю по колѣнкѣ племянникъ Сергѣй.

Дядюшка изъ Америки какъ-то глуповато подмигнулъ вмѣсто отвѣта.

— Ахъ, милый Жанъ, это вѣдь цѣлый комплотъ, заговоръ,—утѣшала вечеромъ брата родная сестра.—Тамъ они всѣ, вѣрно, въ заговорѣ, и мать, и дѣти. Знаютъ, какъ ты добръ и довѣрчивъ, ну, и рѣшились сдѣлать тебя жертвой гнусной интриги. Можетъ-быть, она, эта дѣвчонка, даже въ такомъ положеніи, что ей нужно выйти замужъ. Я, право, не знаю, какъ ты отдѣлаешься отъ нихъ; они, конечно, станутъ играть роль невинныхъ...

— Ну да, невинные! Сергѣй вонъ мнѣ разсказывалъ, что онъ...—загорячился дядюшка изъ Америки.

— Да я знаю, знаю,—перебила его сестра, боясь подробностей.—Вѣдь у меня же вонъ на столѣ лежатъ ея письма... Но я только о томъ говорю, что они станутъ притворяться

и плакать передъ тобою, объясняя, что дѣвушка просто увлеклась Сержемъ...

— Да вѣдь и Егоръ разсказывалъ, что онъ тоже съ нею...—перебилъ сестру дядюшка изъ Америки.

— Ну да, ну да,—поспѣшила прервать его сестра:—я все знаю, все, но они-то станутъ вывертываться... Безъ борьбы они тебя не выпустятъ изъ рукъ.

— Да что я, малолѣтокъ, что ли?—крикнулъ братъ.— Плевать я на нихъ хотѣлъ. Забылъ я у нихъ что-нибудь, что ли?

Иванъ Сергѣевичъ негодовалъ, сестра его утѣшала. Она говорила про распущенность недостойной семьи, про то, что сыновья тамъ уже попиваютъ, хотя они и мальчишки, что обѣ дочери завлекаютъ разныхъ неопытныхъ людей, распѣвая имъ романсы, что мать семейства старается оставлять дочерей наединѣ съ мужчинами, что завлекаемыхъ мужчинъ стараются споить виномъ, что подъ вліяніемъ винныхъ паровъ, нѣжныхъ романсовъ, сальныхъ намековъ, мужчины попадаются въ сѣти этихъ сиренъ. Иванъ Сергѣевичъ сознавалъ, что сестра права, что въ недостойной семьѣ дѣлается все именно такъ, какъ описываетъ она.

— Конечно, ихъ цѣль ясна, — закончила сестра. — Они хотѣли тебя женить на Катѣ, чтобы скрыть ея грѣхи и прибрать къ рукамъ твое состояніе... Они, вѣроятно, разсчитывали, что ты проживешь не долго... И то сказать, молодая жена легко можетъ уморить мужа твоихъ лѣтъ, а имъ, конечно, только и нужна была твоя смерть... У меня сердце обливается кровью, какъ я подумаю, что они хотѣли съ тобою сдѣлать, Жанъ!..

Потомъ сестра начала объяснять брату, какъ должна быть устроена порядочная семья, какъ хорошо жить въ порядочной семьѣ, какъ благотворно вліяетъ на человѣка аккуратная и уютная жизнь въ благородной семьѣ. Иванъ Сергѣевичъ понялъ, что благородная семья — это семья его сестры, и снова растаялъ отъ благодушнаго настроенія, когда одна изъ племянницъ звонко и горячо поцѣловала его во время вечерняго чая и спросила:

— Дядя, вы любите пѣніе?

— Люблю!—отвѣтилъ дядя.

— Такъ что же вы не велите мнѣ спѣть?

Дядя даже растерялся отъ этого милаго вопроса.

— Она у меня въ институтѣ первою кончила классы пѣнія,—пояснила мать.

— Вы, дядя, не стѣсняйтесь со мною и говорите, что вамъ нравится и что не нравится, сказала племянница тономъ наивной дѣвочки.

Она сѣла за фортепіано и запѣла.

«И чего я искалъ тамъ? — въ умиленіи думалъ Иванъ Сергѣевичъ. — У чужихъ людей любви и правды искалъ!»

Иванъ Сергѣевичъ бросилъ якорь, какъ онъ выражался самъ, или, говоря проще, взялъ мѣсто въ Петербургѣ и поселился у своей сестры. Съ этого времени для него началась блаженная жизнь стараго холостяка, пригрѣтаго семьею добрыхъ родственниковъ.

Правда, онъ помѣстился въ домѣ своей сестры въ одной изъ самыхъ неудобныхъ комнатъ, но это случилось по его доброй волѣ и противъ всякаго желанія его родныхъ. Сестра предлагала ему взять комнату «мальчиковъ», говоря, что они могутъ спать кое-какъ и въ залѣ, что они могутъ какъ-нибудь приготовлять свои лекціи въ какомъ-нибудь свободномъ углу, что они могутъ, ради дяди, кое-какъ перебиться, пока не кончатъ курса въ университетѣ, что они могутъ и должны поступиться своими удобствами для своего единственнаго родного дяди. Но Иванъ Сергѣевичъ не хотѣлъ принимать этихъ жертвъ. Онъ настоялъ на томъ, чтобы его помѣстили въ надворной комнатѣ.

— Жанъ, Жанъ, я не знаю, какъ благодарить тебя за твою доброту,—говорила со слезами на глазахъ его родная сестра.—Но ради Бога, скажи откровенно, если тебѣ покажется неудобнымъ жить въ этой комнатѣ. Ты знаешь, что вся наша квартира къ твоимъ услугамъ. Если бы тебѣ понадобилась моя спальня — я и ее уступлю тебѣ, только бы ты былъ покоенъ. Слава Богу, ты у насъ одинъ...

Иванъ Сергѣевичъ былъ растроганъ. Впрочемъ, его теперь трогало до слезъ все.

— Дядя, душечка, милый, возьми ложу на бенефисъ Петрова, —говорила ему младшая племянница и обнимала его, душила его въ своихъ объятіяхъ.

Онъ былъ въ восторгѣ: его еще никогда не цѣловала такъ горячо ни одна порядочная дѣвушка, потому что цѣловать такъ горячо мужчину порядочная дѣвушка можетъ только въ томъ случаѣ, если этотъ мужчина приходится ей близкимъ родственникомъ и притомъ не молодымъ, а пожилымъ родственникомъ.

— Мама, мы поѣдемъ въ благородное собраніе на балъ?— спрашивала его старшая племянница у своей матери.

— Ахъ, нѣтъ, у отца нѣтъ денегъ, — отвѣчала мать. — Надо отказаться отъ этого бала.

— Но мнѣ такъ хотѣлось бы,—вздыхала дочь.

— Мало ли чего намъ хочется! Надо сообразоваться со средствами,—замѣчала мать.—Я понимаю, что молоденькимъ дѣвушкамъ тяжело сидѣть дома, но нужно пріучаться къ лишеніямъ. Вашъ отецъ не такъ богатъ, чтобы баловать васъ.

— Ну, что за глупости, отчего и не поѣхать,—замѣтилъ Иванъ Сергѣевичъ.—Пустяковъ стоятъ всѣ эти тамъ платья бальныя, каретa... Я дамъ дѣвочкамъ денегъ...

— Не надо, не надо, Жанъ! — возражала его сестра.— Зачѣмъ ихъ баловать? Онѣ, конечно, рады пользоваться добротой дяди, но надо же и стыдъ знать. Было бы странно обирать тебя для ихъ прихотей...

— Э, полно! — возражалъ Иванъ Сергѣевичъ. — Стоитъ считать гроши! Есть деньги—ну, и пусть веселятся дѣвочки!

— Нѣтъ, нѣтъ, я тебѣ этого не позволю сдѣлать! — настаивала сестра:—и не говори.

Но Иванъ Сергѣевичъ уже таинственно подмигивалъ «дѣвочкамъ». Черезъ полчаса онѣ шептались съ нимъ въ его комнатѣ насчетъ стоимости бальныхъ платьевъ.

— Дядя, какія бы намъ платья сдѣлать?—говорили онѣ.

— Я думаю, бѣлыя, съ этакими, знаешь, вырѣзками вотъ здѣсь, — пояснилъ Иванъ Сергѣевичъ, проводя рукой около шеи одной изъ племянницъ. — А то тоже хорошо черныя прозрачныя, какъ они тамъ по-вашему называются, чтобъ тутъ знаешь, безъ подкладки было и просвѣчивало,—говорилъ Иванъ Сергѣевичъ, опять проводя рукой по плечамъ и груди племянницы.

— Да, да, черныя, это чудесно! Я съ бѣлыми камеліями сдѣлаю, а Женя съ пунцовыми, — восторженно восклицала старшая сестра.

— Дядя, а ты поѣдешь съ нами?—спрашивала младшая сестра.

— Отчего же не поѣхать, поѣду, — соглашался Иванъ Сергѣевичъ.

— Душонокъ, душонокъ!—сжимала его въ объятіяхъ одна изъ племянницъ. — Вотъ-то maman удивится, когда намъ принесутъ платья! Только ты не проговорись, голубчикъ!

Иванъ Сергѣевичъ былъ въ восторгѣ и хранилъ тайну

отъ сестры, шушукаясь съ племянницами и наслаждаясь ихъ поцѣлуями, волновавшими его кровь.

— Что не просидѣли еще стульевъ надъ лекціями? — смѣялся Иванъ Сергѣевичъ, заходя къ племянникамъ.

— Да и рады бы, дядя, не сидѣть, да нельзя выйти, — вздыхалъ одинъ изъ племянниковъ.

— А что?—спрашивалъ Иванъ Сергѣевичъ.

— Министерство финансовъ пусто!—смѣялся другой племянникъ. -Будь деньги, ужъ были бы мы сегодня у Берга. Тамъ бенефисъ Макса, и Камилла будетъ играть сцену изъ Прекрасной Елены... Ты, дядя, видѣлъ ее, Камиллу-то?.. Вотъ сложеніе-то!.. Въ Прекрасной Еленѣ она вѣдь выходитъ чуть не въ костюмѣ Евы... Ужъ если бы деньги были...

— Ну, ну, молчите, мальчишки! -грозилъ Иванъ Сергѣевичъ пальцемъ племянникамъ.—Никому ни гу-гу!.. Берите ложу и поѣдемъ!..

— А потомъ... дядя, на пикникъ свезешь? — плутовато улыбался младшій племянникъ.

— Охъ, ты, вѣтрогонъ!— грозилъ ему дядя пальцемъ.

Онъ платилъ за ложу у Берга, и за ужинъ на пикникѣ, и за... ну, за все платилъ, за что платятъ молодые люди, возвращаясь домой въ шесть часовъ утра. И какія же головомойки доставались ему отъ сестры и за то, что онъ балуетъ «дѣвочекъ», и за то, что онъ потакаетъ «мальчикамъ». Но именно въ этихъ-то головомойкахъ и была особенная прелесть для Ивана Сергѣевича: онъ смущался и волновался, слушая ихъ, потомъ шопотомъ передавалъ о нихъ «дѣвочкамъ» и «мальчикамъ», затѣмъ придумывалъ съ племянницами и племянниками, какъ бы половчѣе на слѣдующій разъ провести мать, наконецъ, приходилъ въ совершенно блаженное настроеніе, когда его душили въ объятіяхъ эти молодыя, нѣжныя, любящія созданія. Эти молодыя, нѣжныя, любящія созданія не разлучались съ нимъ никогда; какъ вѣрные рабы, окружали его вездѣ и всюду; они замѣнили для него всѣхъ его друзей, товарищей и знакомыхъ; они не подпускали никого къ нему даже и тогда, когда внезапная болѣзнь уложила его въ постель, и съ мужественною выносливостью чередовались у его кровати. Старый холостякъ былъ счастливъ вполнѣ и сознавалъ, что у него есть своя семья, что онъ не умретъ на чужихъ рукахъ, что его глаза закроютъ любящіе родные.

— Нѣтъ, не можетъ быть, врутъ карты, — говорила однажды вечеромъ его племянница, гадая въ гостиной.

— А что?—полюбопытствовала мать.

— Да вотъ все выходитъ, что будто выздоровѣетъ, — сказала дочь.

— Ну, глупости! Не можетъ же этого быть,—проговорила мать.—Докторъ Горвицъ вчера еще сказалъ, что нѣтъ никакой надежды.

— По духовной, мама, намъ сейчасъ все отдадутъ или еще судиться надо будетъ?—спросила другая дочь.

— Ахъ, какая ты глупенькая,—замѣтила мать.—О чемъ же тутъ судиться, когда все намъ законнымъ образомъ отказано...

— Но, вѣдь у него есть еще какой-то племянникъ, вашего и его брата сынъ,—сказала дочь.

— Ему же ничего не отказано по духовной, а дядя могъ распоряжаться своимъ состояніемъ, какъ ему угодно. У него все благопріобрѣтенное,—пояснила мать.

— Я, мама, еще разъ загадаю, — сказала дочь, тасуя карты. — Это будетъ въ третій разъ — самый вѣрный. Что выйдетъ, то и будетъ...

ДѢТИ УЛИЦЫ.

РОМАНЪ.

I.

Стояла ранняя, ненастная весна. Было уже совсѣмъ тепло. Мартовскій снѣгъ падалъ частыми крупными хлопьями, но тотчасъ же превращался подъ ногами прохожихъ и лошадей въ темную, липкую и скользкую грязь и только на навѣсахъ подъѣздовъ и лавочекъ, да на верхахъ газовыхъ фонарей изъ него образовались рыхлыя бѣлыя шапки, изъ-подъ которыхъ обильно струилась внизъ вода. Сновавшіе по улицамъ люди поднимали воротники и шли торопливою походкою, спѣша укрыться отъ несносной погоды. Только одна дѣвушка лѣтъ пятнадцати-шестнадцати по виду и по росту, въ одной изъ примыкающихъ къ Невскому проспекту улицъ, несмотря на эту непогоду и на свой слишкомъ легкій для холоднаго времени нарядъ, стояла на тротуарѣ и, повидимому, кого-то или чего-то ждала. Ожиданіе продолжалось довольно долго, и дѣвушка начала тихо всхлипывать, безпомощно прислонившись съ фонарному столбу. На ея платье лилась вода, но она, казалось, этого не замѣчала, поглощенная своимъ горемъ. Прохожіе, минуя ее, искоса бросали подозрительные взгляды на эту неподвижно стоявшую фигуру и шли дальше, исчезая во мракѣ плохо освѣщавшейся улицы или вмѣшиваясь въ густую толпу, двигавшуюся по тротуару Невскаго проспекта. На Невскомъ проспектѣ, несмотря на непогоду, было обычное оживленіе въ этотъ вечерній часъ закрытія мастерскихъ и магазиновъ, когда спѣшитъ по домамъ весь этотъ молодой людъ, состоящій «при мѣстахъ», приказчики, продавщицы, сидѣльцы, швеи. Толкаясь, обгоняя другъ друга, говоря громко на ходу, весь этотъ людъ торопился на отдыхъ послѣ тяжелаго двѣнадцатичасового труда. Никого изъ этихъ усталыхъ людей не могло заинтересовать, что какая-то дѣвочка въ легонькомъ лѣтнемъ нарядѣ стоитъ и плачетъ на улицѣ. Въ этихъ смежныхъ съ Невскимъ про-

спектомъ улицахъ, гдѣ въ вечерніе часы шмыгаетъ столько разныхъ несчастныхъ падшихъ созданій, украдывающихся въ полумракѣ и ожидающихъ случайной уличной добычи, каждому возвращающемуся домой съ работы въ эти вечерніе часы приходилось не разъ видѣть всякія возмутительныя сцены и всѣ привыкли къ нимъ, помня одно правило, хорошо знакомое жителямъ столицы, что прежде всего не слѣдуетъ «впутываться въ исторіи». Тѣмъ не менѣе, одинъ изъ прохожихъ заинтересовался плачущей дѣвушкой. Онъ прошелъ мимо нея, бросивъ на нее взглядъ, вернулся, прошелъ опять мимо и, наконецъ, рѣшительно подошелъ къ ней.

— О чемъ вы плачете?—добродушно спросилъ онъ.

Это былъ пріятный и мягкій молодой голосъ. Она, всхлипывая, почти дѣтскимъ голосомъ отвѣтила:

— Вонъ выгнали, а куда я пойду?.. ночь скоро...

Она отняла отъ глазъ мокрый платокъ и спрашивавшій ее молодой человѣкъ, увидавъ ея лицо, воскликнулъ съ изумленіемъ:

— Дора, это ты!

Она взглянула на него и изъ ея груди вырвалось радостное восклицаніе:

— Валентинъ Григорьевичъ... Господи... это вы! Вотъ-то не ожидала!..

И, вспомнивъ о томъ, что случилось въ этотъ вечеръ съ нею, она снова заплакала.

— Вотъ гдѣ Богъ привелъ свидѣться!.. Что подумаете... Стыдъ и срамъ,—заговорила она, всхлипывая, прерывисто.

— Полно, полно, Дора! ласково началъ онъ успокаивать ее.—Экая важность! Съ кѣмъ бѣды не бываетъ! Ты гдѣ живешь-то теперь?

— Нигдѣ я не живу!—отвѣтила она.

— Какъ нигдѣ не живешь? Ахъ, ты, чудачка! Вѣдь есть же у тебя квартира, уголъ?

— Ничего теперь нѣтъ... на улицѣ... — прерывающимся отъ слезъ голосомъ отвѣтила она.—Выгнали, сказали: «Ищи мѣста...» а гдѣ же... Аспиды проклятые!

— Да не грѣхъ ли тебѣ, что ты ко мнѣ не толкнулась?—воскликнулъ онъ, перебивая ее.

Она подняла на него съ выраженіемъ недоумѣнія глаза.

— Я думала,—начала она несмѣло:—думала, что и вы, Валентинъ Григорьевичъ, угла не имѣете... Да и гдѣ-жъ было искать теперь... вечеромъ...

Онъ засмѣялся добрымъ смѣхомъ при этихъ словахъ.

— Я-то угла не имѣю! — воскликнулъ онъ, продолжая смѣяться.—Да если бы у меня не было угла, я въ чужой пришелъ бы, къ дядюшкѣ, къ тетушкѣ, и заставилъ бы ихъ держать меня.

— Да, заставили бы, — сказала она по-дѣтски задорно, словно передразнивая его.—Я вотъ заходила и къ дядѣ, и къ теткѣ, такъ лакеи не допускали...

— Ну, Дора,—уже совсѣмъ серьезно проговорилъ онъ:— тебѣ-то какіе же они родные, сама ты это должна знать, слава Богу, уже не дитя, а отъ меня-то было бы не легко имъ откреститься, если бы я точно толкнулся къ нимъ. Я-то имъ не чужой. Ну, да что объ этомъ толковать... Иди ко мнѣ... Не на улицѣ же тебѣ оставаться...

Онъ крикнулъ извозчика и, не торгуясь, сѣлъ на дрожки съ молодой дѣвушкой. Она замѣтила ему:

— А вы все шикарите, не торговались...

— А ты думаешь, меня пятакъ создалъ, а не я его?— со смѣхомъ отвѣтилъ онъ. — Крови больше перепортишь, чѣмъ выгадаешь, если станешь изъ-за всякой копейки торговаться...

— Въ моего папашу вы!

— А, можетъ-быть, въ твою мамашу, — сказалъ онъ шутливо.

— А и то можетъ быть. Мама тоже швыряла деньги,— согласилась она и оживилась, охваченная сладкими воспоминаніями:—Ахъ, какъ жили! Какъ жили!

— Да, обѣды съ музыкой давали, домашніе спектакли устраивали,—проговорилъ онъ тоже оживленно.

— А елку, елку въ послѣдній годъ помните? — съ удивленіемъ спросила она.

— Какъ же, какъ же!—оживленно проговорилъ онъ.—Это для тебя, для Теодоры, для «Богомъ данной» устроили тогда елку, въ послѣдній разъ! Славное было житье!

Они оба оживились, какъ дѣти, отдавшись сладкимъ воспоминаніямъ о минувшемъ блескѣ. Осенняя непогода, всякія житейскія непріятности, все разомъ забылось подъ наплывомъ этихъ воспоминаній о былыхъ блескѣ и роскоши.

Смотря теперь на эту странную пару, никто бы не повѣрилъ, что обоимъ имъ живется не сладко, что онъ не сегодня, такъ завтра можетъ очутиться снова на мостовой, какъ очутился онъ на ней еще недавно, и что она, эта дѣвушка-ребенокъ, только-что пережила страшную катастрофу въ жизни, была позорно выгнана на улицу изъ того

швейнаго магазина, куда пристроилась въ послѣдніе годы. Правда, оба они были молоды—ему шелъ двадцать седьмой или двадцать восьмой годъ, а ей, вѣроятно, только-что минуло семнадцать лѣтъ, на видъ же казалось и того менѣе. Молодость всегда почти безпечна и легкомысленна. Но ихъ легкомысліе и безпечность выходили изъ ряду вонъ и, только зная всю ихъ жизнь, можно было понять, какъ могли сложиться такіе два своеобразные типа.

Это были вполнѣ дѣти улицы.

Улица приняла ихъ, выброшенныхъ случайностью изъ семьи, и воспитала ихъ среди своей суголоки, смѣны сценъ, то горькихъ, то мишурно-блестящихъ, выставокъ въ окнахъ магазиновъ, нарядной и оборванной толпы, вѣчной суеты за дѣломъ или отъ безділья. Когда-то у нихъ была и семья, но въ ихъ памяти, пріучившейся глядѣть только на мелькающихъ по улицѣ прохожихъ и экипажи, на разставленные въ окнахъ магазиновъ товары, воспоминанія о семьѣ складывались въ рядъ картинъ пировъ и баловъ. За этими пирами и балами они ничего не могли уже разсмотрѣть ослѣпленными внѣшнимъ блескомъ глазами. Блеска же въ прошломъ было много. Съ этой стороны имъ было чѣмъ помянуть старую жизнь.

Открытая жизнь Аркадія Павловича Перонова, въ домѣ котораго росли эти люди, была хорошо извѣстна Петербургу той давно прошедшей эпохи, когда процвѣтали откупа и откупщики, когда строились николаевская желѣзная дорога, церковь св. Исаакія, Благовѣщенскій мостъ и тому подобныя грандіозныя сооруженія, и когда въ числѣ остротъ, постоянно приписывавшихся все одному и тому же князю Меншикову, ходилъ по городу анекдотъ, что князь, доказывая свои математическія способности, сказалъ, что онъ возьмется высчитать даже и то, во что обошлись эти монументальныя постройки. Люди, знакомые съ этимъ временемъ только по книгамъ, представляютъ его нерѣдко какимъ-то мрачнымъ, точно тогда и солнце не свѣтило, и люди веселиться не умѣли. Это большая ошибка. Это было веселое время, такое веселое, что ему никогда, пожалуй, и не повториться. Съ одной стороны цѣлая масса маленькихъ людей-тружениковъ, подобно полчищу муравьевъ, ползла въ то время, цѣпляясь другъ за друга, куда-то въ гору, среди разныхъ канцелярій, отдѣленій и департаментовъ, и все превозмогающимъ усердіемъ и терпѣніемъ созидала себѣ и значеніе въ обществѣ, и капитальцы на черный день, скромно,

но весело справляя семейныя вечеринки, обозначавшія каждый разъ прибавленіе капитальца; съ другой стороны беззаботныя широкія натуры, не думая о заложенныхъ и перезаложенныхъ въ опекунскомъ совѣтѣ имѣніяхъ и душахъ, жили такъ, какъ теперь уже не живутъ и не могутъ жить люди, несмотря на всякіе взаимные кредиты, дворянскіе и всесословные банки. Никакіе праздные проклятые вопросы и уныло-пессимистическіе взгляды на жизнь не проникли ни въ ту, ни въ другую сферу, такъ какъ какая-нибудь булгаринская «Пчелка» или очкинскія «С.-Петербургскія Вѣдомости» этимъ суемудріемъ не занимались, да если бы и занимались, то ихъ читали очень немногіе, интересовавшіеся по большей части вопросами о производствахъ, наградахъ и тому подобныхъ семейныхъ дѣлахъ. Бывшія въ ходу книги служили тоже по большей части только для развлеченія людей, и пищеваренія не портили, да и ихъ было въ ходу очень ограниченное число. Этимъ мертвымъ капиталомъ запаслись немногіе чудаки, большинство же только брало книжечку у пріятелей «почитать» и эта книжечка обходила десятки и сотни пріятельскихъ рукъ, пока не зачитывалась совсѣмъ. Большинству было просто некогда удѣлять много времени на такую пустую забаву, какъ чтеніе: составлявшіе капитальцы люди усердно работали, а въ свободное время играли въ преферансъ, въ бостонъ, въ ералашъ или въ вистъ, широкія же натуры прожигали жизнь, рыща по баламъ, по театрамъ, по увеселительнымъ заведеніямъ, являвшимся въ обиліи въ видѣ тайныхъ или явныхъ танцклассовъ и тому подобныхъ веселыхъ домовъ. Итальянская опера, балетъ, французскій, нѣмецкій и русскій театры, модные цирки, разныя панорамы и звѣринцы, все это наполнялось падкой до развлеченій и поощрявшей искусство толпой, а въ танцклассахъ отплясывала кутящая молодежь средней руки, по части идей и вопросовъ невинная, какъ новорожденные младенцы, сосущіе безъ думъ и размышленій данныя имъ соски. Лѣтомъ въ Петергофѣ, на Елагиномъ и въ Екатерингофѣ бывали такія гулянья, о которыхъ теперь остались одни преданія, и даже какой-нибудь «сапожническій» Куллербергъ поражалъ тогда своимъ шумомъ и гамомъ, чудовищными выходками развернувшихся во всю ширь необузданныхъ натуръ. Въ обществѣ то и дѣло ходили толки о чудодѣяхъ, выкидывавшихъ разныя штуки на удивленіе столицѣ и каждый, казалось, хотѣлъ перещеголять извѣстныхъ своими выходками милліонеровъ Савву

Яковлева и Пономарева. Да, это было не мрачное, а веселое время.

Но едва ли гдѣ-нибудь веселье было такимъ постояннымъ, какъ въ домѣ Нероновa. Не говоря о томъ, что Аркадій Павловичъ Нероновъ и его молодая жена Сарра Гавриловна ѣздили почти каждый день въ театръ, гдѣ ихъ ложа превращалась въ какой-то сборный пунктъ для всей блестящей петербургской молодежи, то и дѣло заглядывавшей въ ложу, чтобы сговориться, гдѣ кончить вечеръ послѣ спектакля,— у Нероновыхъ ежедневно обѣдали посторонніе люди, а въ воскресные дни за обѣдомъ или нѣли нѣвчіе изъ казеннаго церковнаго хора, или играла военная музыка. Только ночью въ теченіе нѣсколькихъ часовъ въ домѣ Нероновыхъ не было посторонняго народа; въ остальное время этотъ домъ походилъ на базарную площадь во время ярмарки: посѣтители смѣнялись модистками, портными и обойщиками, которымъ всегда находилось дѣло въ этомъ домѣ; послѣ только-что конченнаго шумнаго обѣда шли торопливыя переодѣванья и приготовленія къ балу или спектаклю, и кромѣ всего этого Аркадію Павловичу приходилось еще перекидываться спѣшными дѣловыми разговорами съ какими-то чиновниками, приходившими къ нему съ бумагами и смиренно вытягивавшимися передъ нимъ, втягивая въ себя изъ чувства деликатности и подобострастія отраставшія брюшки.

Невысокій ростомъ, стройный, черноволосый и голубоглазый, вѣчно подвижной, красавецъ Нероновъ презиралъ отъ всей души этихъ выслужившихся изъ кантонистовъ и писарей «канцелярскихъ крысъ», какъ онъ называлъ ихъ, и они видимо трепетали передъ нимъ, такъ какъ онъ былъ любимчикомъ, по ихъ выраженію, «самого» и «самой», — главное «самой». Презрѣніе къ нимъ не мѣшало, однако, Неронову швырять имъ деньги, крестить у нихъ дѣтей, быть у нихъ посаженымъ отцомъ. Ихъ трепетъ передъ нимъ тоже не мѣшалъ имъ изъ-подъ его рукъ и подъ его безсознательной защитой урывать себѣ капитальцы и, выйдя отъ Неронова, важно выпячивать только-что втягивавшіеся изъ почтительности животы. Вѣчно веселаго, остроумнаго и безпечнаго Неронова тѣшила, какъ мальчишку, эта способность канцелярскихъ крысъ умиляться и худѣть въ его присутствіи, вырастая и тучнѣя за его дверями, а ихъ утѣшало то, что онъ только вышучиваетъ ихъ, а не ругаетъ и не гонитъ въ шею, оставляя ихъ свободно орудовать дѣ-

лами. «Шути, шути, насъ не убудетъ»,—думалъ каждый изъ нихъ, выходя отъ Неронова.

Если кто-нибудь могъ бы быть названъ болѣе безпечнымъ, чѣмъ Нероновъ, такъ это его жена.

Въ обществѣ Сарру Гавриловну еще въ дѣтствѣ прозвали въ шутку канарейкой за ея желтоватые волосы и за привычку вѣчно напѣвать что-то. Канарейкой она осталась и тогда, когда прошли годы дѣтства. Недурненькая собой, съ синими, какъ васильки, глазами, съ волосами цвѣта спѣлой ржи, эта маленькая женщина-птичка никогда не знала горя, и даже болѣе того—не знала, что горе вообще бываетъ на свѣтѣ. Въ то блаженное время такія женщины были еще не рѣдкостью. Крестьяне, которые кормили ея родную семью, были гдѣ-то далеко; въ домѣ жила сытая и нарядная прислуга изъ дворовыхъ грабителей; гувернантки—и француженки, и англичанки — читали ей только благородныя и возвышенныя произведенія о добрыхъ феяхъ и послушныхъ дѣвочкахъ; учащіе больше всего заботились о ея граціи и учили ее танцовать «па-де-шаль». Свободное отъ наукъ время проводилось въ пріемѣ богатыхъ гостей и выѣздахъ на богатые балы. Вышла она замужъ по любви, то-есть ей очень понравился лицомъ красавецъ Нероновъ, и веселъ онъ былъ такъ, что жизнь съ нимъ представлялась ей какимъ-то сплошнымъ водевилемъ.

И точно, ихъ жизнь была похожа на водевиль или на игру двухъ ребятъ сперва въ мужа и жену, а потомъ въ папу и маму, такъ какъ у нихъ черезъ нѣсколько лѣтъ послѣ бездѣтнаго брака явился пріемный сынишка, сынъ сестры Неронова. Эта женщина потеряла мужа и, разрѣшившись отъ бремени, умерла. Ребенка взяли Нероновы и назвали его Валентиномъ. Валентину накупили сразу столько кружевныхъ и шелковыхъ нарядовъ, одѣялецъ, покрывалъ, чепчиковъ и такую массу игрушекъ, превосходившихъ иногда по величинѣ его самого, что, по крайней мѣрѣ, половину этого добра кормилица и слуги разобрали для своихъ ребятишекъ. Нарядная кормилица, вся въ бусахъ и въ позументахъ, ежедневно приносила въ столовую Валентина Григорьевича, какъ звали его слуги уже съ пеленокъ, и показывала его пріемнымъ отцу и матери или гостямъ, и всѣ хохотали при видѣ его, такъ какъ и онъ, обвѣшанный разными дорогими бездѣлушками, постоянно смѣялся. Его такъ и звали «веселенькимъ ребенкомъ».

Когда веселенькій ребенокъ подросъ, всѣ стали находить

его не только веселенькимъ, но и остроумнымъ ребенкомъ. Къ нему взяли русскаго учителя, и его пріемная мать, зная по опыту, какъ скучно учиться, спросила его послѣ перваго же урока за обѣдомъ:

— Ну, не скучалъ ты за урокомъ со своимъ Зотовымъ?

— О, нѣтъ, меня развлекаетъ его носъ, — отвѣтилъ съ улыбкой мальчуганъ.

Всѣ засмѣялись.

У Зотова носъ былъ дѣйствительно комичный, похожій на маленькую луковицу. Комическій носъ учителя примирилъ Валентина съ началомъ ученья, а потомъ ученье пошло болѣе или менѣе успѣшно потому, что учитель оказался вообще «потѣшнымъ». Онъ не умѣлъ держать себя съ «аристократами», каковыми въ бурсацкой простотѣ онъ считалъ Нероновыхъ, такъ какъ для него богатство и аристократизмъ сливались въ одно неразрывное цѣлое. Онъ конфузился и терзался въ обществѣ аристократовъ и былъ или комично грубъ, или комично краснорѣчивъ. Иногда онъ въ припадкѣ грубости называлъ мальчика «дубиноголовымъ», «осиновымъ коломъ», «пробкой», «ослицей Валаама», и мальчикъ, нисколько не боявшійся его, хохоталъ до слезъ отъ этихъ эпитетовъ, при чемъ все болѣе и болѣе конфузившійся учитель только ворчалъ уже себѣ подъ носъ:

— Дурака валять только и умѣете!

Иногда же учитель на сложные вопросы любопытнаго ученика пускался въ пространныя объясненія, говорилъ высокопарнымъ слогомъ, уклонялся отъ главнаго предмета въ сторону, смущался, путался и снова вызывалъ смѣхъ ученика и своей книжной рѣчью, и своей конфузливостью, при чемъ мальчуганъ имѣлъ однажды дерзость замѣтить ему:

— А это не про васъ басню Хемницеръ написалъ?

— Какую?—спросилъ учитель.

— «Метафизика»,—бойко отвѣтилъ мальчуганъ.

Учитель совсѣмъ растерялся, потомъ нахмурился и какъ-то особенно рѣзко отвѣтилъ:

— На балаганахъ бы вамъ изображать «дѣда» на качеляхъ.

Нѣкоторое время онъ дулся на Валентина, а тотъ безъ заботно смѣшилъ своихъ пріемныхъ отца и мать разсказами «о метафизикѣ».

Это не помѣшало ученику и учителю въ одинъ прекрасный день сблизиться очень сердечно. Какъ-то Зотовъ появился на урокъ хмурымъ, озабоченнымъ и разсѣяннымъ.

Онъ не ругалъ ученика, не смѣшилъ его витіеватостью, объяснялъ и спрашивалъ коротко и отрывисто.

— Вы нездоровы?—спросилъ Валентинъ.

— Здоровъ,—коротко отвѣтилъ Зотовъ.

— Такъ что же съ вами?—спросилъ Валентинъ.

— Много будете знать, скоро состаритесь! — оборвалъ учитель.

Однако, на слѣдующій день онъ былъ не веселѣе. Валентинъ приставалъ къ нему съ разспросами. Зотовъ сдѣлалъ строгое лицо и сказалъ:

— Не разговаривайте, а отвѣчайте урокъ.

Валентинъ не привыкъ къ противорѣчіямъ и непокорности. Видя упорство учителя, онъ закрылъ книгу, откинулся на спинку стула и рѣшительно объявилъ:

— Я не стану отвѣчать урока, пока не скажете, что съ вами.

— Да вы это что выдумали?—прикрикнулъ Зотовъ.—Не хотите учиться? Ну, и не надо. Вотъ я возьму шапку и уйду.

— И уходите,—рѣшительно сказалъ Валентинъ.

Зотовъ протянулъ руку къ шапкѣ и остановился. Никогда не переживалъ онъ такой скверной минуты, какую переживалъ теперь. Этотъ капризный и привередливый мальчишка-аристократъ, какъ мысленно называлъ Валентина Зотовъ, способенъ былъ отказаться учиться у него. Отъ него всего можно ждать, а его милые родные потакать ему готовы. Что же будетъ тогда? Голодать придется? И такъ дома теперь жрать нечего. Онъ рѣзко швырнулъ шапку въ сторону и проговорилъ:

— Пороть бы васъ надо, не привередничали бы! Отвѣчайте урокъ!

— А вы скажите, почему вы такой и вчера, и нынче?—настойчиво спросилъ Валентинъ.

У Зотова сжимались кулаки, но онъ переломилъ себя и, несмотря на страстное желаніе, не надавалъ тычковъ и затрещинъ ученику.

— А вотъ потому, — заговорилъ онъ, чуть не скрежеща зубами:—что я не такой прохвостъ, какъ вы. Я вотъ дни по урокамъ бѣгаю, чтобы семью прокормить, а теперь вотъ двоюродный братъ на шею сѣлъ. Курсъ вотъ въ университетѣ кончилъ, а приходится гранитъ мостовую безъ куска хлѣба. У насъ ѣсть семьѣ нечего, а приходится и его кормить, потому на улицу его не выгонишь, когда онъ умираетъ съ голоду, не собака. Эхъ!

Онъ махнулъ рукою, раскрылъ книгу и началъ спутанно и торопливо объяснять урокъ ученику. Его голосъ былъ страненъ, казалось, этого крупно обтесаннаго и неуклюже сложеннаго бѣдняка съ корявымъ лицомъ и комическимъ носомъ-луковкой душили слезы. Валентинъ глядѣлъ не безъ любопытства и на его некрасивое лицо, на которомъ теперь выступили капли пота, и на его потертую одежду, на которой мальчикъ впервые увидалъ заштопанныя мѣста и заплаты.

Что объяснялъ ему учитель, Валентинъ на этотъ разъ не слыхалъ и мало интересовался этимъ; въ его головѣ вертѣлась одна странная мысль, что двоюродный братъ Зотова—умираетъ съ голоду. Онъ такъ буквально и понималъ это выраженіе, представляя себѣ худого-худого человѣка, лежащаго на постели и умирающаго съ голоду.

Когда урокъ кончился, Валентинъ быстро понесся въ комнату Нероновой и впопыхахъ разсказалъ, что у Зотова двоюродный братъ умираетъ съ голоду, что онъ кончилъ курсъ въ университетѣ, а мѣста нѣтъ, и онъ лежитъ и умираетъ съ голоду, что у Зотова тоже мало хлѣба, а онъ долженъ держать двоюроднаго брата, пока тотъ не умретъ съ голоду.

— Что же ему денегъ надо? Сколько?—спросила растерянно Неронова.

— Я не знаю, — отвѣтилъ не менѣе растерянно Валентинъ.—Ты какъ думаешь?

— Я тоже не знаю!—сказала она.—Надо будетъ Аркадія спросить. Онъ, вѣрно, знаетъ.

Они пошли къ Аркадію Павловичу, стали разсказывать, стали разспрашивать, сколько нужно дать, если человѣкъ умираетъ съ голоду? Тотъ разсмѣялся.

— Мѣсто надо дать. Вотъ что надо. У насъ найдется,— коротко рѣшилъ онъ.

— А вдругъ онъ умретъ съ голоду? — воскликнулъ Валентинъ.

— Подождетъ!—сказалъ съ усмѣшкой Нероновъ.

— Да, да, я скажу, чтобы онъ подождалъ,—рѣшилъ Валентинъ и спросилъ у Неронова:—а когда дашь мѣсто?

— Ну, пусть придетъ завтра, послѣзавтра, — отвѣтилъ Нероновъ:—все равно когда.

Валентинъ побѣжалъ въ свою комнату, быстро надѣлъ верхнюю одежду и тайкомъ убѣжалъ изъ дому: ему хотѣ-

лось скорѣе предупредить двоюроднаго брата Зотова, чтобы тотъ подождалъ умирать съ голоду.

Впервые въ жизни онъ очутился на улицѣ безъ провожатыхъ. Тѣмъ не менѣе онъ не растерялся и сумѣлъ разспросить городовыхъ и будочниковъ, какъ ему пройти въ первую роту Семеновскаго полка, гдѣ жилъ Зотовъ.

Какъ ураганъ влетѣлъ онъ въ бѣдную и тѣсную квартиру Зотова, гдѣ пахло и грязнымъ бѣльемъ, и горячимъ хлѣбомъ, и кислыми щами, и засталъ Зотова въ какомъ-то затасканномъ парусинномъ балахонѣ, смятомъ сзади и продранномъ на локтяхъ.

— Вы скажите, скажите своему двоюродному брату, чтобы онъ подождалъ,—началъ онъ, съ трудомъ переводя духъ:— завтра папа дастъ ему мѣсто.

Зотовъ растерянно смотрѣлъ на него. Валентинъ продолжалъ объяснять ему, что онъ говорилъ съ Нероновой, потомъ съ Нероновымъ и что послѣдній далъ слово пристроить молодого человѣка.

— А онъ не умретъ до тѣхъ поръ? — неожиданно спросилъ Валентинъ, перебивая свой собственный разсказъ.

Зотовъ очнулся и совсѣмъ растерянно, сконфуженно, съ глупой улыбкой на широкомъ лицѣ, проговорилъ:

— Ахъ, вы, физія!

Богъ вѣсть, что онъ хотѣлъ этимъ сказать. Валентинъ залился звонкимъ смѣхомъ.

— Какъ, какъ вы сказали?

— А ну васъ!—махнулъ рукою еще болѣе растерявшійся Зотовъ.—Спасибо!

Онъ потрясъ руку Валентина, сжавъ ее до боли, въ знакъ благодарности; но тотъ уже не отставалъ отъ него.

— Нѣтъ, нѣтъ, повторите, что вы сказали?

— Ну, прицѣпился!—проговорилъ Зотовъ.—Ну, сказалъ: ахъ, вы, физія!

— А что это значитъ?—допрашивалъ Валентинъ.

— А чортъ его знаетъ, что значитъ! Ничего не значитъ!—отвѣтилъ Зотовъ, опять махнувъ рукой.—Бѣдность что значитъ! Вотъ что!

Въ его голосѣ послышалась горечь.

Послѣдствіями этого происшествія было опредѣленіе на мѣсто двоюроднаго брата Зотова, превращеніе Зотова въ покровителя Валентина, который въ его мнѣніи изъ «паршивого аристократишки» превратился въ «широкое русское золотое сердце», и новое шутливое прозвище «комическому

носу» и «метафизику», котораго теперь Валентинъ называлъ «физіей».

Золотое сердце Валентина сказалось, впрочемъ, еще яснѣе въ его любви къ Теодорѣ.

Въ одинъ прекрасный день вся семья Нероновыхъ, безпечно болтая о проектируемыхъ ею развлеченіяхъ, сидѣла за завтракомъ. Вдругъ раздался сильный звонокъ въ передней, и Нероновъ особенно торопливо вскочилъ изъ-за стола, проговоривъ:

— Это кто такъ трезвонитъ?

Онъ для чего-то самъ пошелъ въ переднюю, хотя въ ней всегда дремалъ казачокъ, и быстро вернулся съ корзиной въ рукахъ:

— Смотри, смотри,—сказалъ онъ женѣ.—Дѣвочку намъ подкинули!

Неронова очень обрадовалась и даже не удивилась тому, что мужъ сразу угадалъ, что въ корзинѣ былъ младенецъ именно женскаго, а не мужского пола.

Новая игрушка обѣщала новыя развлеченія: наемъ мамки, шитье костюмовъ и для мамки, и для ребенка, покупку игрушекъ, однимъ словомъ, все то, что продѣлывалось и при принятіи въ домъ Валентина. Дѣвочка оказалась красавицей: черноволосая, голубоглазая, румяная, граціозная, она сильно напоминала самого Неронова, и только большія руки и ноги говорили о неблагородной примѣси къ этому подкинутому ребенку. Десятилѣтній Валентинъ, наравнѣ съ другими, обрадовался появленію въ домѣ этой дѣвочки, тоже какъ новой игрушкѣ. Онъ уже учился въ гимназіи, но по возвращеніи домой все свободное время проводилъ съ маленькой Дорой. Дѣвочку назвали Теодорой, то-есть «Божіимъ даромъ».

Четыре съ половиной года она каталась какъ сыръ въ маслѣ: ее наряжали, для нея дѣлали елки, она топоталась на утреннихъ дѣтскихъ балахъ, воображая, что и она также танцуетъ. Событія же шли своимъ чередомъ.

Восемнадцатаго февраля 1855 года разнесся въ Петербургѣ страшный слухъ о смерти государя Николая Павловича, и въ городѣ, пораженномъ неожиданностью этой преждевременной кончины, заговорили между прочими толками и о томъ, какъ были поражены и какъ глядѣли въ этотъ день нѣкоторыя изъ вліятельныхъ лицъ, которымъ грозила отставка. Въ числѣ лицъ, царство которыхъ неизбѣжно должно было окончиться въ это время, былъ одинъ

изъ тузовъ, ворочавшихъ милліонными дѣлами, лѣзшій въ гору и даже мечтавшій о своемъ «аристократизмѣ». Отъ этого титулованнаго представителя выскочекъ того времени зависѣло все значеніе и благосостояніе Неронова. При новыхъ порядкахъ не въ мѣру зазнавшемуся тузу приходилось сойти со сцены, чтобы избѣжать худшей участи.

Узнавъ тотчасъ же объ удаленіи со сцены общественной дѣятельности своего патрона, Нероновъ пріѣхалъ домой въ странномъ настроеніи: онъ былъ почти веселъ, его маленькая граціозная фигурка вертѣлась на каблукахъ и, побрякивая шпорами, онъ насвистывалъ выходную арію шута изъ «Риголетто». Съ беззаботнымъ видомъ неунывающій философъ мелькомъ сообщилъ женѣ:

— Сарра, нашъ Павелъ Ивановичъ остался не у дѣлъ.

— Неужели?—съ дѣтскимъ любопытствомъ спросила она, не понимавшая въ качествѣ канарейки никакихъ служебныхъ дѣлъ.—Это новость!

— Да, да, прелюбопытная исторія!—сказалъ мужъ и, повернувшись на каблукахъ, прошелъ въ свой кабинетъ.

Пощелкивая пальцами и продолжая напѣвать все ту же арію, онъ сталъ ходить по кабинету. Въ головѣ роились странныя думы, не имѣвшія ничего общаго съ шутовствомъ Риголетто: «Имѣнія всѣ проданы и съѣдены; жалованіе, доходы, значеніе, все будетъ потеряно завтра же; надо будетъ откуда-то добывать средства и ограничивать свои прихоти».

— Прелюбопытная исторія!—повторилъ онъ съ саркастической усмѣшкой и, пожимая плечами, рѣшилъ:—что-жъ, посмотримъ!

Хладнокровіе философа не измѣнило ему ни на минуту, и, можетъ-быть, онъ точно не безъ любопытства «посмотрѣлъ бы», каково жить безъ всякихъ средствъ, если бы не случилось одного обстоятельства.

У каждаго умирающаго льва найдется оселъ, который сочтетъ нужнымъ храбро лягнуть его. У патрона Неронова такихъ смѣлыхъ ословъ нашлось тѣмъ болѣе, чѣмъ грознѣе и кровожаднѣе онъ былъ во дни своей власти. Въ день своего удаленія отъ дѣлъ, какъ говорили въ городѣ, онъ получилъ цѣлую груду ругательныхъ и анонимныхъ писемъ. На него писались и ходили по рукамъ пасквили въ прозѣ и стихахъ. Среди этихъ письменныхъ засвидѣтельствованій ослиной смѣлости и холопской доблести было одно письмо, касавшееся Неронова и его отношеній къ «самой». Эти от-

ношенія были очень не двусмысленнаго свойства, что не мѣшало Неронову, какъ настоящему сердцеѣду и Донъ-Жуану, любить и другихъ женщинъ. Анонимный авторъ письма выяснилъ патрону и эти отношенія Неронова къ его женѣ, и даже приложилъ одно гдѣ-то перехваченное имъ «billet doux», написанное не только на бумагѣ съ вензелемъ «самой», но даже, вѣроятно, въ ея же кабинетѣ, какъ выражался авторъ анонимнаго письма.

Въ обѣдъ Нероновъ заѣхалъ къ Павлу Ивановичу и, къ величайшему своему изумленію, не былъ принятъ ни «самимъ», ни «самою». Онъ уже хотѣлъ уйти, когда его догналъ лакей и проговорилъ:

— Барыня приказала вамъ передать полученное барномъ письмо.

Онъ подалъ Неронову письмо. Нероновъ разорвалъ конвертъ и увидалъ въ немъ роковое анонимное письмо и приложенное къ нему «billet doux». Онъ поблѣднѣлъ и сквозь зубы прошепталъ:

— Мерзавецъ!

Лакей, слышавшій это слово, не зналъ, кого обругалъ Нероновъ, его, барина, или кого-нибудь другого. Нероновъ вышелъ изъ дома Павла Ивановича, пришелъ домой, вошелъ въ свой кабинетъ, написалъ коротенькую записку Павлу Ивановичу, отослалъ ее съ лакеемъ, подошелъ къ камину, бросилъ въ огонь анонимное письмо съ приложеннымъ къ нему «billet doux», подождалъ, когда и то, и другое сгорѣли, и не прошло получаса, какъ въ его квартирѣ начались страшный переполохъ, плачъ, крики, бѣготня.

Пятнадцатилѣтній Валентинъ тоже пробрался въ этотъ кабинетъ и увидалъ при свѣтѣ догоравшихъ въ кабинетѣ дровъ лежавшаго на полу съ разможженной головой Аркадія Павловича. Юноша вздрогнулъ и сталъ не безъ любопытства всматриваться въ этотъ бездыханный трупъ. Еще нѣсколько минутъ тому назадъ это былъ безпечный весельчакъ, первый щеголь, извѣстный красавецъ, ловкій шаркунъ и говорунъ, поражавшій всѣхъ своимъ остроуміемъ, находчивостью и колкостью, а теперь это была неподвижная масса съ обезображеннымъ лицомъ, лежавшая на полу въ лужѣ чернѣющей крови. Ее можно было пихнуть ногой; ее будутъ «потрошить», какъ говорили слуги; ее не будутъ даже хоронить по-христіански, какъ увѣряла старая экономка, а бросятъ ровно пса. И все это превращеніе произведено однимъ выстрѣломъ вонъ изъ этого пистолета, до

котораго никто не смѣлъ дотронуться до прибытія полиціи. Валентинъ всматривался съ жуткимъ любопытствомъ въ эту массу, которая, казалось, слегка шевелилась, озаряемая трепетнымъ краснымъ отблескомъ изъ камина, и ему хотѣлось найти отвѣты на родившіеся въ его головѣ вопросы. Изъ-за чего онъ застрѣлился? Ему, Валентину, вспомнился двоюродный братъ Зотова: тотъ умиралъ съ голоду, а вѣдь не застрѣлился же. Неужели же есть нѣчто болѣе ужасное, чѣмъ голодъ? Неужели же нельзя было бороться? Бороться всегда можно и нужно за жизнь. Не придется ли теперь и ему испытать борьбу? Побѣдитъ ли онъ? Неужели и онъ кончитъ такъ же? Ему стало жутко, и онъ пошелъ изъ кабинета.

Въ дверяхъ онъ встрѣтилъ Дору, на которую теперь никто въ домѣ не обращалъ вниманія.

— Постой, постой,—остановилъ онъ ее.—Не ходи туда, тебѣ не надо, ты маленькая!

Онъ взялъ ее на руки и унесъ въ дѣтскую.

Впервые въ жизни въ его умѣ не нашлось ни остроты, ни карикатуры, ни насмѣшки въ отвѣтъ на это событіе.

Петербургъ переживалъ такіе дни, что никто почти и не говорилъ о самоубійствѣ какого-то Неронова, а кто и говорилъ о немъ, тѣ дѣлали гримасы, понимая, что Нероновъ покончилъ съ собою, видя неизбѣжность отставки и окончательно прожившись, о чемъ ясно свидѣтельствовали нахлынувшіе въ его домъ кредиторы изъ разныхъ поставщиковъ и подрядчиковъ, изъ почетныхъ гражданъ и коммерціи совѣтниковъ и тому подобнаго люда.

Но это ничтожное само по себѣ событіе отозвалось страшно на трехъ лицахъ:

Сарра Гавриловна, какъ птичка Божія, не сѣявшая, не жавшая, а только клевавшая обильныя зерна всѣхъ наслажденій, совсѣмъ растерялась, когда у нея все описали, когда ей сообщили, что у нея ничего нѣтъ. Кто-то напомнилъ ей, что у нея одна изъ тетокъ состоитъ игуменьей въ большомъ женскомъ монастырѣ, и она можетъ пріютиться тамъ навремя. Она обрадовалась этой мысли. А какъ же Валентинъ? какъ же Дора? Одинъ изъ родственниковъ Неронова сказалъ, что онъ возьметъ покуда Валентина къ себѣ, что Ѳедору можно отдать въ пріютъ.

— И зачѣмъ брали!—замѣтилъ онъ небрежно, досадливо пожимая узкими плечами.

— Ахъ, это дочь Аркадія!—сказала Сарра Гавриловна.

— Мало ли такихъ дочерей у каждаго изъ мужчинъ,— презрительно проговорилъ родственникъ.—Ихъ именъ даже не знаютъ отцы.

Такъ и сдѣлали, какъ совѣтовали добрые люди.

Сарра Гавриловна уѣхала гостить на неопредѣленное время къ теткѣ въ монастырь; Ѳедору — теперь всѣ такъ звали дѣвочку, такъ какъ смѣшно же было называть Теодорой какую-то нищую изъ незаконнорожденныхъ—отдали въ частный благотворительный пріютъ куда-то на Козье болото, а Валентина помѣстили въ семью Ивана Петровича Вязьмитинова, обязательно принявшаго на себя на-время роль оракула въ глазахъ Сарры Гавриловны Нероновой.

Иванъ Петровичъ Вязьмитиновъ чувствовалъ себя однимъ изъ новыхъ людей, то-есть однимъ изъ тѣхъ людей, которые надѣялись составить себѣ блестящую карьеру при новыхъ порядкахъ. Такіе новые люди всегда являются при перемѣнѣ царствованій. Для того, чтобы прослыть новымъ человѣкомъ, требуется немногое: для этого нужно прежде всего бранить все старое и хвалить все новое. Такъ какъ новаго покуда, на первыхъ порахъ, было только одно: прекращеніе войны, то на эту тему и говорилось новыми людьми изъ породы Ивановъ Петровичей Вязьмитиновыхъ безъ конца, при чемъ еще наканунѣ прославлявшаяся, сопровождавшаяся барабаннымъ боемъ и фейерверками трескучихъ фразъ, война выворачивалась теперь на грязную изнанку и съ паѳосомъ называлась безумiемъ, несчастной идеей, доказательствомъ нашей несостоятельности, попыткой на самоуничтоженіе и Богъ вѣсть еще чѣмъ. Переходъ къ перемыванію грязнаго бѣлья, къ выискиванію только этого грязнаго бѣлья отъ возгласовъ «вотъ въ воинственномъ азартѣ воевода Пальмерстонъ поражаетъ Русь на картѣ указательнымъ перстомъ» былъ рѣзокъ и крутъ, но такіе люди, какимъ былъ Иванъ Петровичъ Вязьмитиновъ, не стѣсняются ничѣмъ въ области «настроеній». Порицаніе же стараго давало много простора уже потому, что въ старомъ было одно зло, на которое періодически нападаютъ всегда, когда можно нападать,—это взятки, которыя почему-то считаются исключительно принадлежностью нашего отечества. Всѣ знаютъ, что онѣ были всегда и что онѣ не уничтожатся ни отъ какихъ разговоровъ, но, тѣмъ не менѣе, эта неисчерпаемая тема даетъ возможность для громкаго фразерства. Нѣтъ ничего легче разговоровъ на эту тему. Иванъ Петровичъ Вязьмитиновъ внезапно открылъ въ себѣ необыкновенныя ораторъ-

скія способности, коснувшись этого предмета, и былъ однимъ изъ первыхъ, изобрѣвшихъ безкорыстнаго станового, либеральнаго исправника и возвышенно благороднаго чиновника на самомъ низшемъ окладѣ жалованья. Проповѣдуя необходимость новаго и порицая старое, Иванъ Петровичъ Вязьмитиновъ не могъ не касаться личностей, и такъ какъ на падшихъ и мертвыхъ все можно свалить, то козлищами отпущенія являлись Павелъ Ивановичъ, Нероновъ и его жена, какъ примѣры безпутной жизни на чужой счетъ. Сколько грязи нашелъ Иванъ Петровичъ Вязьмитиновъ въ жизни Нероновыхъ, которую онъ, конечно, хорошо могъ изучить, всегда присутствуя въ ихъ ложахъ, на ихъ пирахъ и на ихъ обѣдахъ! Ораторъ особенно оживлялся въ присутствіи разной молодежи, и въ числѣ этой молодежи былъ шестнадцатилѣтній Валентинъ. Валентинъ слушалъ все и даже смѣялся, когда Иванъ Петровичъ Вязьмитиновъ бывалъ въ ударѣ. Иванъ Петровичъ Вязьмитиновъ это видѣлъ и даже началъ нѣсколько поощрять умнаго юношу, смѣявшагося во время его ораторствованія не зря, не безъ толку, а въ мѣстахъ, требовавшихъ поощрительнаго смѣха слушателей, какъ вдругъ оратору попался какой-то листокъ бумаги, весь зачерченный карикатурными изображеніями людей, стоявшихъ въ шеренгу. Рисунокъ былъ сдѣланъ талантливой, хотя и неопытною рукою; несмотря на неопытность карикатуриста, легко было узнать во всѣхъ этихъ изображеніяхъ всѣхъ чадъ и домочадцевъ Ивана Петровича Вязьмитинова, начиная съ его матери, которую прятали отъ гостей за то, что она не умѣла держать себя въ обществѣ, и кончая восьмилѣтнимъ сыномъ Ивана Петровича Вязьмитинова, котораго стыдились показывать людямъ, потому что онъ смотрѣлъ совсѣмъ идіотомъ. Всѣ эти люди были изображены непомѣрно тощими и длинными. Передъ ними стоялъ, приподнявшійся на цыпочки, господинъ, указывавшій на нихъ величественно вытянутою рукою. Внизу была надпись: «Господа, вы видите, какъ всѣ мы тощи, но это потому, что мы честны и имѣемъ право ѣсть только габерсупы!»

Иванъ Петровичъ Вязьмитиновъ пришелъ въ неописанную ярость и, тыча почти въ лицо Валентину злополучной карикатурой, крикнулъ:

— Это твои упражненія? это ты намазалъ?

— Я,—отвѣчалъ Валентинъ.

— Ты что же это думаешь, что я Зотовъ, котораго ты смѣлъ называть комическимъ носомъ?—еще сильнѣе раскри-

чался Иванъ Петровичъ Вязьмитиновъ.—Меня комическимъ носомъ тебѣ не удастся сдѣлать.

Эта въ запальчивости произнесенная фраза заставила Валентина взглянуть на носъ Ивана Петровича Вязьмитинова, и юноша прыснулъ со смѣху: носъ Иванъ Петровича Вязьмитинова, длинный, точно вынюхивавшій что-то, былъ тоже комическимъ носомъ, пожалуй, даже болѣе комическимъ, чѣмъ носъ Зотова.

— Пошелъ вонъ, негодяй!—крикнулъ Иванъ Петровичъ Вязьмитиновъ, швырнувъ въ лицо Валентину скомканнымъ листомъ карикатуры.

Съ этой поры Валентинъ очутился на улицѣ.

Его помѣстили въ какой-то семьѣ, платя «изъ милости» за его содержаніе и не заботясь болѣе ни о чемъ. Онъ былъ вполнѣ свободенъ—могъ бродить по улицамъ, могъ плохо учиться, могъ прогуливать уроки. Это такъ соблазнительно въ годы юности.

Въ шестомъ классѣ Валентинъ засѣлъ на второй годъ. Тогда Иванъ Петровичъ Вязьмитиновъ призвалъ его къ себѣ и объявилъ ему, что онъ заплатитъ еще за годъ за него въ гимназію и за его содержаніе, а дальше...

— У меня нѣтъ шальныхъ денегъ для помощи лѣнтяямъ и негодяямъ. Ты уже взрослый шалопай,—закончилъ Иванъ Петровичъ Вязьмитиновъ:—и долженъ самъ прокармливать себя, если тебѣ угодно засиживаться въ классахъ. Слава Богу, теперь прошли тѣ времена, когда люди считали нужнымъ потакать Митрофанушкамъ.

Валентинъ былъ молодъ, здоровъ, безпеченъ и ужъ, конечно, не могъ упасть духомъ отъ того, что *черезъ годъ* ему придется остаться на мостовой. Онъ сорвалъ свою досаду на Иванѣ Петровичѣ Вязьмитиновѣ нѣсколькими карикатурами и удовлетворился этимъ.

Вполнѣ свободный отъ всякихъ опекуновъ и наставниковъ, весельчакъ и душа общества, окруженный всегда товарищами, онъ втянулся уже въ ту безпечную жизнь, въ которую такъ легко втягивается предоставленная сама себѣ молодость. Онъ не замѣтилъ, какъ прошелъ еще годъ. Для прежнихъ его товарищей конецъ учебнаго года былъ началомъ болѣе самостоятельной жизни, началомъ поступленія въ университетъ, а для него это было начало зарабатыванія денегъ. Онъ точно очнулся отъ сладкаго сна, когда ему волей-неволей пришлось вспомнить, что даромъ его не станутъ держать на квартирѣ и кормить; какъ всѣ легко-

мысленные люди, онъ могъ быстро переходить отъ радости къ горю, отъ самонадѣянности къ отчаянью. Цѣлый рядъ вопросовъ зароился въ его головѣ: что теперь дѣлать? не идти ли къ Ивану Петровичу Вязьмитинову съ покорной просьбой поддержать его еще на годъ? Согласится ли тотъ и какія горькія минуты униженія придется пережить, можетъ-быть, не достигнувъ ничего? Но если Иванъ Петровичъ Вязьмитиновъ не поможетъ, то что же тогда будетъ? Гдѣ исходъ?

Въ это время стояла чудесная весна, и Петербургъ, по обыкновенію, принялъ оживленный видъ: въ магазинахъ шла дѣятельная работа, въ окнахъ то и дѣло появлялись образцы новыхъ модныхъ вещей, сотни экипажей неслись по направленію къ островамъ, на Невскомъ проспектѣ и на Дворцовой набережной по вечерамъ бродили толпами нарядные люди, вездѣ встрѣчались возы съ мебелью, говорившіе о переселеніи на дачу, по Фонтанкѣ и по Невѣ сновали лодки съ молодежью, иногда съ этихъ лодокъ разносились далеко въ воздухѣ безпечныя пѣсни и смѣхъ. Все говорило о жаждѣ жизни. Валентинъ уже привыкъ бродить по городу, всматриваться въ ея уличную жизнь, глазѣть на богатыя выставки магазиновъ, пристывать у зеркальныхъ стеколъ, за которыми сверкали рубины, изумруды, брильянты, и слѣдить за жизнью людей.—Чѣмъ оживленнѣе былъ теперь городъ, тѣмъ назойливѣе становился роковой вопросъ: «а я, что будетъ со мною?»

Въ такомъ настроеніи онъ разъ прошелъ до Петровскаго парка и, утомленный, вошелъ, чтобы отдохнуть, въ полукруглую бесѣдку изъ акацій на берегу Невки. Здѣсь сидѣлъ какой-то человѣкъ, исхудалый, въ потертомъ пальто, съ папиросой въ зубахъ. При появленіи Валентина онъ вздрогнулъ, поднялъ опущенную голову и по его сухому, желтому лицу скользнула недружелюбная гримаса. Казалось, онъ увидалъ врага. Валентинъ досталъ изъ кармана папиросу, пошарилъ спичекъ и, не найдя ихъ, обратился къ незнакомцу:

— Позвольте закурить!

Тотъ, не глядя на него, подалъ ему свой окурокъ папиросы, проговоривъ отрывисто:

— Кажется, еще не погасъ, на ваше счастье.

Валентинъ сталъ закуривать, но это не удалось ему, такъ какъ окурокъ незнакомца потухъ.

— Досадно, спички вотъ забылъ дома,—пояснилъ Валентинъ, отдавая незнакомцу окурокъ.

Тотъ посмотрѣлъ на этотъ окурокъ тупымъ взглядомъ и бросилъ его, проворчавъ:

— Что-жъ мнѣ въ немъ, если не горитъ!

— А у васъ тоже огня нѣтъ?—сказалъ въ видѣ вопроса Валентинъ.

— Ахъ, если-бъ былъ!—произнесъ незнакомецъ и, опять опустивъ голову, впалъ въ раздумье.—Ничего нѣтъ!—какъ-то глухо проговорилъ онъ, какъ бы про себя.

Прошло нѣсколько минутъ въ молчаніи. Незнакомецъ заговорилъ первый и голосъ его сталъ какимъ-то хриплымъ, точно у него пересохло въ горлѣ.

— Вы гимназистъ?

— Да.

— Кончаете?

— Нѣтъ, еще годъ осталось пробыть въ гимназіи.

— А потомъ? въ университетъ?

— Не знаю. Хотѣлось бы.

Незнакомецъ засмѣялся едва слышнымъ смѣхомъ.

— И на что, на что! Гроша на спички нѣтъ, а хотѣлось бы въ университетъ. Еще чего хотѣлось бы? Всѣ книги прочесть? Всю премудрость узнать? А потомъ что?

Онъ сердито, точно бранясь, закончилъ:

— Денегъ нѣтъ—ничего не надо хотѣть, кромѣ смерти! Жить безъ денегъ подлецомъ сдѣлаться!

Проговоривъ это, онъ замолкъ. Валентину стало какъ-то особенно жутко. Голосъ, тонъ, смыслъ словъ этого страннаго человѣка, все было непріятно. Валентинъ ничего не отвѣтилъ на слова незнакомца и началъ задумчиво чертить на пескѣ узоры сорваннымъ прутомъ. Какъ-то инстинктивно онъ чувствовалъ, что незнакомецъ косится на него, и въ этомъ взглядѣ было что-то недружелюбное. Наконецъ, раздался отрывистый, раздражительный вопросъ:

— Ждете кого-нибудь здѣсь? Свиданіе, что ли, назначили?

— Нѣтъ,—отвѣтилъ Валентинъ.

— То-то, а то вѣдь вашей братьѣ по веснѣ еще и амуръ лѣзутъ въ голову, а не одни университеты, да академіи.

Незнакомецъ окинулъ его подозрительнымъ взглядомъ и что-то безумное на минуту отразилось въ его глазахъ. По лицу скользнула странная, какъ бы радостная улыбка.

— Такъ, можетъ-быть,—началъ онъ перѣшительно:—вы ожидаете меня... тоже задумали...

Онъ остановился и почти заискивающимъ, вызывающимъ на сочувствіе голосомъ прибавилъ:

— Скверная штука нищета, голодъ... А?.. Тоже предѣлъ есть, дальше не пойдешь... Такъ?..

И, точно вполнѣ убѣжденный въ томъ, что онъ что-то угадалъ, онъ съ усмѣшкой заговорилъ болѣе твердымъ тономъ:

— Вотъ мы сидимъ тутъ и пережидаемъ другъ друга и раздражаемся. А зачѣмъ притащились сюда? зачѣмъ усѣлись тутъ?

Валентинъ немного раздражился въ свою очередь и перебилъ его.

— Гулялъ я и просто присѣлъ отдохнуть. Вотъ и все.

И потомъ задорно онъ добавилъ:

— Я не понимаю, съ чего вы пристали ко мнѣ. Мѣшаю я вамъ, что ли?

— Ну да, мѣшаете!—отрѣзалъ незнакомецъ, снова нахмурившись и, видимо, разсердившись.—Мѣшаете!

— Паркъ для всѣхъ,—сказалъ Валентинъ.—Не нравится вамъ, что я здѣсь сижу, можете идти въ другое мѣсто. Скамеекъ много.

— А если я не могу?—отвѣтилъ тотъ.—Если усталъ до конца, до послѣдней возможности?

И совсѣмъ злобно, тономъ приказанія проговорилъ:

— Если много скамеекъ, такъ и идите въ другое мѣсто, а тутъ нечего торчать. Человѣкъ измучился, человѣку покой нуженъ, а вы торчите тутъ...

Валентинъ сообразилъ, что онъ имѣетъ дѣло съ сумасшедшимъ или пьянымъ, и рѣшился «не связываться» съ нимъ. Онъ проворчалъ что-то сквозь зубы о томъ, что «это чортъ знаетъ что такое», всталъ и пошелъ изъ бесѣдки.

Эта встрѣча немного возбудила его, точно кто-то безнаказанно оскорбилъ его, и онъ нѣкоторое время шелъ очень скоро, отрывисто ругая въ душѣ этого бродягу, оборванца, нахала. Потомъ, мало-по-малу, волненіе улеглось, шагъ сталъ замедляться, а въ головѣ начали бродить болѣе спокойныя мысли о томъ, что этотъ бѣднякъ, можетъ-быть, просто хотѣлъ растянуться на скамьѣ, чтобы уснуть, и стѣснялся присутствіемъ посторонняго человѣка, что, можетъ-быть, это одинъ изъ тѣхъ безпаспортныхъ, которые наполняютъ парки въ лѣтнее время. Не легка жизнь этихъ бѣдняковъ, не даромъ этотъ чудакъ сказалъ, что безъ денегъ ничего не надо хотѣть, кромѣ смерти. При этой мысли онъ сдвинулъ брови.

Неужели и онъ дойдетъ когда-нибудь до такого убѣжденія? Что же тогда дѣлать? Неужели наложить на себя руки?

Солнце уже зашло и въ воздухѣ начинало свѣжѣть. Валентинъ вздрогнулъ и рѣшился вернуться домой. Онъ пошелъ обратно той же дорогой, по которой дошелъ до конца Петровскаго парка. Дойдя до того мѣста въ Петровскомъ паркѣ, гдѣ стояла бесѣдка на берегу Невки, онъ вдругъ вспомнилъ о незнакомцѣ. Ушелъ ли тотъ изъ нея? Или спитъ? Начнетъ, пожалуй, ругаться, если не спитъ и увидитъ опять его! Но любопытство пересилило, и Валентинъ завернулъ въ бесѣдку. Его взглядъ упалъ на скамью, и на этой скамьѣ не было ничего, но въ то же мгновеніе онъ въ ужасѣ отшатнулся назадъ. Касаясь ногами этой скамьи, къ трельяжу прислонилась темная фигура незнакомца, съ посинѣвшимъ лицомъ, смотрѣвшаго, прикусивъ кончикъ высунувшагося языка, расширенными какъ бы отъ ужаса глазами въ пространство.

Валентинъ стремительно выбѣжалъ на дорогу и долго еще не могъ замедлить свои шаги, точно ему казалось, что его преслѣдуетъ этотъ страшный повѣсившійся человѣкъ.

Всю ночь его била лихорадка и, забываясь на минуту сномъ, онъ видѣлъ передъ собою то разможженную голову Перонова, то страшную голову повѣсившагося незнакомца, а въ мозгу проносилась одна роковая мысль, высказанная передъ смертію самоубійцею: «Безъ денегъ не слѣдуетъ ничего хотѣть, кромѣ смерти».

II.

— Ну, вотъ моя канура,—проговорилъ Валентинъ Григорьевичъ, вводя дѣвушку въ довольно просторную комнату, обставленную рыночною, сильно уже потертою и поломанною мебелью.

Эта комната находилась въ концѣ длиннаго темнаго коридора, освѣщавшагося и днемъ, и ночью лампою. Воздухъ былъ здѣсь тяжелый, пахло керосиномъ, табачнымъ дымомъ, чадомъ. Входъ въ коридоръ былъ свободный: входная дверь никогда не замыкалась; прислуги при входѣ не было. По обѣ стороны коридора было множество дверей меблированныхъ комнатъ. «Этими меблированными комнатами» были заняты три этажа дома, и здѣсь ютился всякій людъ, ищущіе мѣсть неудачники, дѣвушки подозрительнаго поведенія, старички, живущіе на пенсію, темныя личности, искавшія выгодныхъ аферъ. Репутація этого притона была не изъ

завидныхъ и, если онъ чѣмъ славился, такъ это свободою: жильцы и ихъ посѣтители могли приходить и уходить, никѣмъ не видимые и никѣмъ не стѣсняемые. Это привлекало сюда тѣхъ, кто боится надзора посторонних и дорожитъ болѣе всего свободою нравственности или, скорѣе, безнравственности.

— Ничего, комната хорошая! — сказала Дора, отряхиваясь и, въ то же время, съ любопытствомъ осматривая помѣщеніе.—И диванъ, и кровать, и ширмы, все какъ слѣдуетъ. А вотъ и зеркало даже.

Она подошла къ зеркалу, снимая мокрую отъ растаявшаго снѣга шляпу и не безъ кокетства разсматривая свое разгорѣвшееся на воздухѣ личико. Это заставило и Валентина Григорьевича обратить вниманіе на ея лицо.

Его поразила теперь ея красота, оригинальная, причудливая красота, напоминавшая лицо Неронова. Черные, какъ вороново крыло, волосы съ своеобразнымъ синеватымъ металлическимъ отливомъ, волнистые и вьющіеся отъ природы; длинныя, слегка загнутыя вверхъ, точно искусственно подвитыя, черныя рѣсницы, изъ-подъ которыхъ смотрѣли синіе глаза, какъ бы подернутые масломъ, казавшіеся слегка полузакрытыми; прямыя черныя брови, удивительно тонкія и вмѣстѣ съ тѣмъ густыя; замѣчательная бѣлизна матовой кожи съ легкимъ румянцемъ на щекахъ; очень небольшой гладкій лобъ; тонкій носъ съ вздрагивающими тонкими ноздрями; ярко-пунцовыя, нѣсколько чувственныя губы, полуоткрытыя и выказывавшія два ряда бѣлыхъ, мелкихъ и красивыхъ зубовъ, все это было характерно. Эта головка настолько поражала своею оригинальной красотой, что наблюдатель сразу даже не замѣчалъ мелкихъ недостатковъ этой красавицы, ея большихъ ногъ и рукъ, ея нѣсколько длинной для ея роста и немного толстой тальи.

— Волосы даже промокли, — сказала Дора, продолжая смотрѣть въ зеркало, и вынула шпильки изъ закрученной косы, тряхнувъ головой, отчего коса медленно раскрутилась и тяжело упала вдоль ея спины.—А ты знаешь,—сказала она: — меня разъ цыганка остановила и спросила, не цыганка ли и я, а то такъ жидовка заговорила со мной пожидовски. Смѣхота!

Онъ любовался ея красотой, какъ она развилась и выросла. Совсѣмъ сформировавшаяся дѣвушка. А давно ли была ребенкомъ!

— Мы вѣдь лѣтъ пять не видались съ тобой,—прогово-

рилъ онъ, соображая, когда они видѣлись въ послѣдній разъ.

— Да на Невскомъ въ послѣдній разъ встрѣтились, — отвѣтила она. — Я хорошо помню. Ухъ, какая у меня память! Меня тогда за неспособность къ наукамъ отдали къ мадамъ въ ученье. Я съ картонками бѣгала, глазѣла у магазиновъ, а тутъ и ты подвернулся, тоже глазѣлъ на брильянты. Тутъ мы и узнали другъ друга. Ты куда-то собирался уѣхать изъ Петербурга.

— Да, да, помню, — сказалъ онъ и оживился отъ воспоминаній. — Актерствовать задумалъ, въ провинцію уѣзжалъ. Тутъ ѣсть было нечего.

— Да ты развѣ актеръ? — съ удивленіемъ спросила она, обернувшись къ нему лицомъ.

— Все я: учитель, писецъ, актеръ, музыкантъ, повѣсть даже разъ написалъ. — сказалъ онъ, махнувъ рукою. — И напечатали; деньги даже недурныя заплатили... Однако, что же я болтаю. Надо чай пить. Озябла ты.

Онъ пошелъ распорядиться насчетъ самовара. Въ «меблированныхъ комнатахъ» насчетъ самовара и тому подобнаго было неудобно. Прислуга была всегда въ разгонѣ и заставляла долго ожидать исполненія всякихъ порученій. Покуда Валентинъ Григорьевичъ ходилъ хлопотать о самоварѣ, Дора развѣсила шляпку, кофточку на стульяхъ и начала осматривать все въ комнатѣ, щупая и поворачивая разныя вещи, выказывая мелочное любопытство человѣка, который любитъ все высмотрѣть, все ощупать, все взвѣсить. Когда вернулся Валентинъ Григорьевичъ, она засыпала его вопросами:

— Это твое собственное одѣяло? А подсвѣчники хозяйскіе? Съ постельнымъ бѣльемъ сдаютъ комнату или оно у тебя свое?

Онъ разставлялъ на столѣ стаканы, чайникъ, полоскательную чашку, отвѣчая коротко, на ходу:

— Все хозяйское! Я, какъ и всегда, голъ, какъ соколъ! Цыганомъ живу! Правда, теперь имѣется въ виду наслѣдство, да когда-то оно будетъ! Ухъ, если бы его получить, показалъ бы я себя. Да не легко получить-то. Прежде, пожалуй, подохну, чѣмъ получу его. Нужны деньги, чтобы собрать всѣ документы, а гдѣ возьмешь денегъ.

— Еще бы имъ быть, когда съ извозчиками не торгуешься, — попрекнула она его.

Онъ захохоталъ.

— Дора, да развѣ мнѣ гривенники нужны? Сотни рублей

нужны, чтобы добыть документы, съѣздить въ Москву, въ провинцію...

— Копеечка рубль бережетъ!—сказала она.

— Пустяки! Я, слава Богу, знаю жизнь!

— Ну, да, знаешь! Гдѣ вамъ, мужчинамъ, знать жизнь!

— А вы, женщины, что ли. ее знаете?

— Да ужъ получше васъ!

Служанка принесла грязный самоваръ, поставила его на столъ и искоса, не безъ любопытства, взглянула на Дору.

— Больше ничего не потребуется,—проговорилъ ей Валентинъ Григорьевичъ и хотѣлъ заваривать чай.

— Давай, я заварю,—сказала Дора и стала хозяйничать.

Служанка вышла.

Онъ разстегнулъ жилетъ, присѣлъ на диванъ и закурилъ папиросу. Его взглядъ невольно упалъ на руки Доры. Онѣ были велики и не гармонировали съ красотою ея лица. На пальцахъ правой руки оставались характерные слѣды отъ порѣзовъ нитками. Видно было, что она много работала.

— Ты все въ магазинѣ жила?—спросилъ онъ.

— Да, горбъ гнула за шитьемъ у проклятой мадамы, — отвѣтила она, и въ ея тонѣ послышались какія-то вульгарныя ноты.—Только шитьемъ у нея немного выиграешь. Не то у нея на умѣ. Подлая! Вонъ выгнала на всѣ четыре стороны сегодня, потому что по ея не сдѣлалось. Такъ я и стану по ея дудкѣ плясать! А все же не попадись ты—нечего дѣлать, вернулась бы къ ней. Не сладко, не сладко, а подохнуть не хочется. Ну, да и теперь придется еще вернуться. Куда я дѣнусь! У тебя у самого ничего нѣтъ.

Она досадливо смахнула рукой набѣжавшія на глаза слезы и, чтобы перемѣнить разговоръ, стала разспрашивать его:

— Ты какъ же, гимназію-то не кончилъ? На мѣсто пошелъ? Зачѣмъ не потерпѣлъ?

— Потерпѣть до голодной смерти, что ли!—сказалъ онъ.— Мнѣ жить хотѣлось.

— А Ивану Петровичу Вязьмитинову поклонился бы!

— Ну, кланяться не сладко, да и не вышло бы ничего изъ поклоновъ. Этотъ подлецъ былъ радъ, что отдѣлался отъ меня красивой фразой: «Митрофанамъ потакать не слѣдуетъ».

Онъ порывисто сорвался съ мѣста и заходилъ по комнатѣ, волнуясь и горячась.

— Показалъ бы я ему Митрофана теперь, если бы собрать документы всѣ. Я ближайшій наслѣдникъ, а не онъ,

послѣ дѣда. Ему ничтожная часть досталась бы. А теперь, пока я буду собираться—онъ успѣетъ заграбить все. Расхитить все. Негодяй! Вотъ кому перервалъ бы горло. Ищу теперь какого-нибудь ростовщика, чтобы добыть денегъ подъ векселя. Все наслѣдство убью на это, а уже Ивану Петровичу гроша лишняго не уступлю.

— Вотъ-то сласть! — воскликнула Дора. — Проклятому жиду за нѣсколько сотъ рублей отдать тысячи. Ты бы лучше къ Вязьмитинову сходилъ, сшѣлся бы съ нимъ.

— Ну, нѣтъ, ужъ къ нему-то я не пойду!

— Не голодалъ, видно, а то не на то бы еще пошелъ!

— Я, я не голодалъ? — воскликнулъ онъ, остановившись передъ нею. — Да я иногда петлю готовъ былъ надѣть на шею отъ нужды...

— А не надѣлъ же? Не надѣлъ? Нѣтъ, петлю не легко надѣть. Себя скорѣй продашь! Говорить-то легко только!

Онъ тяжело перевелъ дыханіе и опять заходилъ по комнатѣ. Она налила себѣ изъ чашки на блюдечко чай и стала его съ наслажденіемъ прихлебывать, отгрызая понемногу сахаръ. Онъ не дотрогивался до своего стакана, весь охваченный волненіемъ.

— Да, не легко,—заговорилъ онъ, наконецъ.—Себя скорѣй продашь! Правда!

Въ его воображеніи проходилъ рядъ мрачныхъ картинъ.

Онъ вышелъ изъ гимназіи изъ послѣдняго класса, выбившись изъ силъ содержать себя и польстившись на предложенное ему жалованье, какъ учителю въ уѣзжавшую въ провинцію семью. Онъ надѣялся подкормиться на этомъ мѣстѣ и потомъ выдержать гимназическій экзаменъ. Но какъ только онъ сталъ подкармливаться, такъ тотчасъ же забылъ о своихъ планахъ. Сытый, онъ никогда не думалъ о голодѣ. Для него существовалъ только настоящій день. Въ два года онъ подготовилъ двухъ дѣтей въ гимназію, а самъ перезабылъ многое, забросивъ учебники, какъ ненужный хламъ, и, очутившись снова безъ мѣста и безъ денегъ, сталъ опять думать о мѣстѣ, а уже не объ гимназическомъ экзаменѣ.

Побившись нѣкоторое время въ поискахъ за мѣстомъ въ Петербургѣ, онъ случайно встрѣтился съ однимъ провинціальнымъ актеромъ, и тотъ послѣ нѣсколькихъ выпитыхъ кружекъ пива сманилъ его въ провиціальную труппу. Служеніе искусству! Свободный трудъ! Независимость! Всѣ эти прелести, произнесенныя съ паѳосомъ актеромъ, убѣдили

Валентина Григорьевича, что лучше карьеры провинціальнаго актера ничего не можетъ быть, и онъ поѣхалъ въ провинцію. Это было глупо, такъ какъ нельзя же разсчитывать на хорошіе заработки юношѣ, игравшему только на любительскихъ спектакляхъ и въ сущности не умѣвшему ступить на сценѣ. Но, помимо даже увлеченія громкими словами, голодъ заставлялъ схватиться за соломинку, особенно, когда въ воображеніи вставали образы двухъ людей, покончившихъ самоубійствомъ счеты съ жизнью изъ страха передъ нищетою. Эти призраки преслѣдовали Валентина Григорьевича постоянно, когда онъ временно голодалъ.

Въ провинціи онъ дѣйствительно былъ принятъ въ бродячую труппу актеровъ и протаскался съ этой труппой годъ или два по разнымъ вороньимъ угламъ и медвѣжьимъ берлогамъ, переигравъ десятки ролей, начиная съ ролей лакеевъ и кончая Гамлетомъ, при чемъ ни лакейскія, ни шекспировскія роли не давали ему ничего, кромѣ возможности не подохнуть съ голоду. Въ это время онъ написалъ повѣсть «Провиціальный Гамлетъ» и послалъ ее въ Петербургъ. Повѣсть была не дурна, хотя и невыдержанна; недостатки выкупались страстностью и искренностью тона, какою-то раздражающею злобою. Ее напечатали. Онъ пришелъ въ восторгъ, вообразилъ себя будущимъ свѣтиломъ литературы, поскакалъ въ столицу, получилъ за повѣсть деньги, протранжирилъ ихъ въ ресторанахъ и кондитерскихъ и потомъ снова принялся писать. Но что онъ ни пробовалъ написать, все возвращалось ему съ фразой: «Это не отдѣлано; это не интересно». Еще бы! «Провинціальный Гамлетъ» былъ принятъ редакціей только ради оригинальности сюжета, бытового интереса и вложенной авторомъ въ разсказъ горячности, — былъ принятъ, какъ довольно цѣнный матеріалъ, надъ которымъ, тѣмъ не менѣе, пришлось усердно поработать чьей-то посторонней рукѣ; эта посторонняя редакторская работа была настолько велика, что самъ Валентинъ Григорьевичъ не могъ узнать въ нѣкоторыхъ мѣстахъ своей повѣсти ни прежней формы, ни прежняго слога. Онъ понялъ это послѣ нѣсколькихъ неудачныхъ попытокъ напечатать еще что-нибудь и бросилъ надежды сдѣлаться писателемъ, затаивъ въ душѣ враждебное чувство ко всѣмъ редакторамъ. Явилась опять необходимость искать заработка, уроковъ, корректуры, переписки бумагъ.

Онъ съ увлеченіемъ разсказывалъ все это Дорѣ. Сколько

униженій онъ вынесъ, какъ часто оставался безъ угла, на какія сдѣлки шелъ иногда.

— На бѣду еще рожа смазливая,—замѣтилъ онъ.—Одна мадамъ чуть не женила на себѣ.

— Старуха, видно?—спросила Дора.

— Карга!

— Такимъ всегда подавай молодыхъ!

Она перебивала его, входила въ подробности, интересуясь мелкими деталями, желая все знать. Ее подталкивало и любопытство, свойственное всѣмъ дѣтямъ улицы, и прежняя родственная любовь къ этому человѣку. Онъ былъ радъ, что его слушаютъ, что его судьбой горячо интересуются. Давно уже не испытывалъ онъ этого сладкаго ощущенія наговориться обо всемъ—главное, о себѣ—съ родной душой.

— Да, а вотъ кабы взялъ казенное мѣсто и не скитался бы,—рѣшила Дора.

— Въ десять часовъ быть въ должности, въ четыре уходить домой, строчить бумаги, просиживать всю жизнь одинъ стулъ. Нѣтъ, на это я не способенъ,—горячо запротестовалъ онъ.

— А въ гимназію ходилъ же? — заспорила она. — Тамъ, небось, просиживалъ одну скамью?

— Да, прежде, ребенкомъ,—проговорилъ онъ:—а потомъ, когда выгналъ Иванъ Петровичъ Вязьмитиновъ, отвыкъ я отъ этого, сталъ маникировать уроками...

Онъ вдругъ вспомнилъ что-то и оживился.

— Нѣтъ, я бродяга. Я даже въ деревнѣ не могъ бы ужиться. Мнѣ нуженъ Петербургъ. Огни на улицахъ, блестящіе магазины, озабоченно снующіе люди, несущіеся съ грохотомъ экипажи, пестрые наряды, немолчный говоръ и шумъ, на масленицѣ и на Святой балаганы съ кривляющимися «дѣдами», перваго мая и въ Троицу гулянье черни и купцовъ въ Екатерингофѣ, въ Духовъ день медленно движущаяся, чинная толпа въ аллеяхъ Лѣтняго сада.

По мѣрѣ того, какъ онъ говорилъ, у нея все ярче и ярче свѣтились глаза. Она облокотилась обѣими руками на столъ, подперла подбородокъ кулаками, полуоткрыла ротъ и жадно ловила каждое его слово, кивая головой съ шапкой густыхъ распущенныхъ волосъ въ знакъ согласія и одобренія.

— А брильянты въ магазинахъ, — задыхающимся голосомъ прервала она его: — ожерелья, серьги съ подвѣсками, браслеты и, когда огонь зажгутъ, все точно загорится.

И оба они разомъ увлекались разговоромъ на эту тему.

Ея и безъ того прекрасное лицо теперь стало просто восхитительно. Оно горѣло огнемъ страсти, увлеченія, восторга. Боже мой, чего-чего нѣтъ въ Петербургѣ! Цѣлыми днями можно не отрывать глазъ отъ магазиновъ, переходить отъ одного къ другому. Она еще продолжала говорить, когда онъ уже замолчалъ и только любовался ею, забывъ обо всемъ, кромѣ ея красоты. Выставить бы такую головку въ витринѣ какого-нибудь магазина, сотни бы людей стали тѣсниться около него. Да, отъ ея лица трудно отвести глаза, и какъ рѣдко ему удавалось видѣть около себя хотя сколько-нибудь сносную женскую физіономію. Тѣ женщины, съ которыми онъ сближался, по большей части, скорѣе отталкивали, чѣмъ привлекали. А онъ такъ любилъ все изящное, все красивое. Когда она замолчала, онъ съ грустной усмѣшкой сказалъ ей:

— Все бы это купилъ я тебѣ, если бы получилъ наслѣдство!

— Да, купилъ бы, а хочешь все уступить ростовщику за грошъ, лишь бы насолить Вязьмитинову!—съ упрекомъ сказала она.

— Что-жъ, это значитъ, что бодливой коровѣ Богъ рогъ не даетъ,—отвѣтилъ онъ и замѣтилъ:—ну, однако, пора и спать. Ты ложись тамъ за ширмами на моей кровати: я лягу на диванѣ.

Онъ самъ понесъ въ кухню самоваръ; потомъ вернулся за чашками, унесъ и ихъ. Когда онъ прибралъ все, она уже была за ширмами, и онъ, погасивъ свѣчу, сталъ раздѣваться и приготовляться на диванѣ. Ему не спалось. Въ его воображеніи носился ея образъ. Какъ она похожа на своего отца. «Донъ-Жуанъ, что ни женщина, то возлюбленная», вспомнились ему слова Ивана Петровича Вязьмитинова про Неронова. «Еще бы, красавецъ!» Да, и ей стоитъ захотѣть, и у нея явятся сотни поклонниковъ. Мерзавецъ какой-нибудь ничего не пожалѣетъ, чтобы погубить ее ради своей прихоти. Въ столицѣ тоже разныхъ проходимцевъ изъ породы ловеласовъ не мало. Для нихъ ничего нѣтъ завѣтнаго. Въ немъ поднялась злоба противъ того мерзавца, который купитъ и погубитъ ее. Онъ откинулъ пледъ, которымъ покрылся, и повернулся на бокъ, ощущая страшный жаръ.

— Я такъ и знала, что неловко тебѣ будетъ на диванѣ,—послышался голосъ изъ-за ширмы.—Какъ на одномъ мѣстѣ привыкнешь спать, такъ на другомъ и не спится.

Онъ промолчалъ.

— И коротко тебѣ тамъ, на диванѣ-то,—продолжала она.—Лучше бы меня тамъ уложилъ, я маленькая.

— Ты, Дора, не разговаривай, тогда скорѣе уснемъ,—посовѣтовалъ онъ.

Онъ сталъ думать о наслѣдствѣ. Вотъ получить бы это наслѣдство, тогда можно бы жениться на ней. Быть богатымъ и имѣть такую красавицу-жену! Да онъ просто съ ума сошелъ бы отъ радости. Къ несчастью, времена чудесъ прошли. Наслѣдства ему не видать, какъ ушей безъ зеркала, по крайней мѣрѣ, въ ближайшемъ будущемъ. Кто дастъ ему денегъ? Безъ денегъ же ничего не подѣлаешь. Не идти ли ужъ пѣшкомъ въ Вязьмитинову? Нѣтъ, не дойти ему. Онъ тяжело вздохнулъ.

— Будь я не я, коли я не достану тебѣ денегъ,—раздалось въ тишинѣ.

Его точно электрическимъ ударомъ подняло...

— Дора, милая, если бы ты знала, какъ мнѣ тяжело,—послышался его шопотъ уже тамъ, за ширмами.—Ты прости меня...

— Что-жъ, я и такъ потеряла себя...—шепталъ другой голосъ:—тоже не отъ радости... Не разъ тоже слезами обливалась...

— Ну, полно, полно... Только бы получить наслѣдство, тогда заживемъ...

— Милый ты мой... красавецъ... Я для тебя... на все пойду... себя продамъ...

— Не смѣй и думать этого... Довольно того, что и безъ меня тебя погубили... Теперь ты моя—вся моя...

На слѣдующее утро, когда проснулся Валентинъ Григорьевичъ, Дора была уже одѣта и кокетливо причесывала волосы, стоя передъ зеркаломъ и, очевидно, любуясь собой. Онъ слѣдилъ за нею глазами, восхищаясь ея красотой. Она казалась ему теперь еще прекраснѣе, чѣмъ вчера. Онъ видѣлъ въ ней уже не дѣвочку, а страстную женщину, одалиску по натурѣ. Когда она отошла отъ зеркала, онъ рѣшился встать. Она услышала, что онъ одѣвается за ширмами, и сказала:

— Заспался ты. Я уже собираюсь идти.

— Куда?—спросилъ онъ ее.

— Къ мадамъ, тамъ паспортъ, кое-какія вещи. А много надо тебѣ денегъ, чтобы наслѣдство получить?

— Не знаю, навѣрное,—отвѣтилъ онъ.—Рублей триста-

четыреста. Ну, да объ этомъ нечего говорить. Гдѣ ихъ возьмешь?

— А наслѣдство-то большое?

— Большое! Дѣдъ—двоюроднымъ дѣдомъ онъ мнѣ приходился, тоже Вязьмитиновъ,—былъ очень богатъ, какъ я слышалъ, и я являюсь однимъ изъ главныхъ наслѣдниковъ. Насъ много, должно-быть, но и на мою долю придется, вѣроятно, тысячъ пятьдесятъ... можетъ-быть, немножко больше...

— У, милліонщикомъ будешь!

Онъ засмѣялся.

— Съ пятьюдесятью-то тысячами милліонщикомъ!

— А то какъ же! Пятьдесятъ тысячъ—капиталъ. Большія деньги.

— Большія-то большія, да что толку?

Онъ, тяжело вздохнувъ, пояснилъ:

— Какъ бы не стать нищимъ, не добывъ во-время документовъ. Хорошо, если какой-нибудь ростовщикъ повѣритъ, что я не жуликъ, а настоящій законный наслѣдникъ, и дастъ взаймы. Скверно то, что ни связей здѣсь нѣтъ, ни знакомствъ среди денежныхъ людей...

— Я уже достану денегъ,—съ убѣжденіемъ сказала она.

— Полно глупости говорить!—рѣзко проговорилъ онъ.

— А вотъ увидишь!—настойчиво замѣтила она.—Покажемъ мы тогда себя, какъ деньги будутъ у насъ!

Онъ вышелъ изъ-за ширмъ, уже одѣтый, и поспѣшно умылся. Она ходила по комнатѣ и строила вслухъ воздушные планы. Онъ вѣдь купитъ ей бархатное платье? Синяго цвѣта платье хотѣлось бы ей. Страсть какъ идетъ къ ней синій цвѣтъ, особенно если бархатъ. Тоже ротонду бархатную, шляпку съ перьями, браслеты и кольца, и особенно съ брильянтами. Брошекъ она не любитъ: другіе видятъ, а сама безъ зеркала не видишь брошки на себѣ, что-жъ за сласть? Не для другихъ тоже наряды нужны, а и для себя. Она вотъ цѣлый день стояла бы передъ зеркаломъ, собой любуясь. Онъ смѣялся надъ ея наивностями.

— Ахъ, ты, мечтательница! — весело проговорилъ онъ, отеревъ полотенцемъ освѣженное водою лицо, и поцѣловалъ ее.—Хорошо и то, что можешь хоть этимъ тѣшиться.

И, самъ того не зная, тоже увлекся мечтами. Пересталъ бы онъ перебиваться съ гроша на грошъ. Зажилъ бы широко, а деньги идутъ къ деньгамъ. Теперь ничего нѣтъ, а тогда рубль родилъ бы другой рубль. Онъ не мотъ, онъ не

растранжирилъ бы денегъ. Нѣтъ, теперь онъ знаетъ хорошо ихъ значеніе.

Онъ самъ принесъ самоваръ, чашки, булку, заварилъ чаю.

— И за малымъ дѣло стало, только за тѣмъ, чтобы ихъ денегъ достала, — сказалъ онъ шутливо.

И въ ту же минуту ему стало какъ то не по себѣ: вчера онъ чуть не душилъ ее вымучивъ за то, что она хотѣла достать денегъ, а теперь самъ онъ подзадориваетъ ее. Что-жъ, вѣдь это простая шутка! И сорвалось это съ языка какъ-то случайно! Ѣды нѣтъ. Онъ убѣжденъ, что ей негдѣ достать денегъ. А если точно она знаетъ средства достать столько денегъ? Нѣтъ, не можетъ быть, будутъ у него деньги—онъ спасетъ ее отъ нищенства, онъ дастъ ей средства существовать, женится, наконецъ, на ней. Какое-то скверное чувство поднялось въ немъ противъ себя. На что онъ разсчитываетъ! Чѣмъ хочетъ воспользоваться!

— Только ты, пожалуйста, не дури,—сказалъ онъ ей, видя, что она собирается идти. Никакихъ денегъ ты не достанешь.

— Ну, ужъ это мое дѣло! отвѣтила она.

— Ты ко мнѣ-то, ко мнѣ только приходи,—сказалъ онъ, обнимая и цѣлуя ее.- Какъ-нибудь перебьемся и безъ наслѣдства, хоть и трудно будетъ.

Она ушла.

«Какъ-нибудь перебьемся и безъ наслѣдства, хоть и трудно будетъ»,—повторилъ онъ мысленно свою послѣднюю фразу и опять разсердился на себя. Зачѣмъ это онъ сказалъ? Точно подстрекнуть хотѣлъ. Ну, да подстрекай — не подстрекай, а денегъ она не добудетъ.

Въ немъ теперь точно два человѣка сидѣли: одинъ подталкивалъ поощрить ее добыть деньги, другой порицалъ его за это подстрекательство. Никогда съ нимъ не случалось ничего подобнаго. Семнѣній и колебаній въ этой душѣ не было никогда. Онъ всегда шелъ впередъ наобумъ, какъ бы гонимый какимъ-то теченіемъ, стихійными силами. Теперь явилась въ душѣ двойственность. Еще вчера онъ скорѣе задушилъ бы Дору, чѣмъ допустилъ бы ее идти добывать деньги Богъ вѣсть какимъ путемъ. Еще вчера онъ только о томъ и думалъ, что онъ съ ума бы сошелъ отъ счастія быть ея мужемъ. А теперь? Его уже не задѣваетъ теперь за живое мысль, что она добудетъ деньги не чистымъ путемъ. Ему уже не кажется особенно заманчивой перспектива сдѣлаться ея мужемъ. И что за жизнь будетъ у нихъ,

если они сойдутся нищими? Нѣтъ, голодать тяжело и одному.

Вспомнивъ о голодѣ, онъ вспомнилъ, что ему надо идти на урокъ. Въ настоящую минуту онъ жилъ только этимъ урокомъ да грошевой перепиской. И какъ жилъ! Сегодня безъ обѣда, завтра, можетъ-быть, безъ сапогъ. Другихъ же источниковъ для существованія не было и не предвидѣлось. Онъ заторопился, чтобы не опоздать къ назначенному для урока часу. Въ этой торопливости сказывалось отчасти желаніе отдѣлаться отъ непривычныхъ мрачныхъ думъ.

Почти цѣлый день ушелъ у него на бѣготню: сперва урокъ, потомъ пришлось сходить за перепиской, далѣе толкнулся онъ къ кое-кому разузнать, нельзя ли взять подъ вексель рублей триста-четыреста. Попытки добыть эти деньги были и наивны, и смѣшны. Его наслѣдству не вѣрили даже друзья, подзадоривавшіе его, впрочемъ, ради потѣхи, разсказывать о капиталахъ умершаго дяди: мало ли несчастныхъ людей толкуетъ о наслѣдствѣ, чтобы надуть кого-нибудь, мало ли находится маніаковъ, бредящихъ наслѣдствами, потому что у нихъ слишкомъ разыгрывается среди нужды фантазія и имъ грезятся дядюшки въ Америкѣ, скопившіе милліонныя состоянія и умершіе бездѣтными. Столица богата всевозможными типами неудачниковъ, начиная съ мелкихъ карманниковъ, идеаломъ которыхъ является кража настолько, чтобы перебиться сутки въ теплѣ и не голодая, и кончая голодающею и полубосою фамиліею поврежденныхъ, члены которой хлопочутъ и разсылаютъ всюду по Европѣ къ королямъ и патріархамъ письма по поводу своихъ претензій на королевскій престолъ на какомъ-то островѣ, захваченномъ Турціей. На пунктѣ милліонныхъ наслѣдствъ мѣшались въ умѣ многіе и кончали домомъ сумасшедшихъ.

Когда Валентинъ Григорьевичъ вернулся домой, къ нему забѣжала Дора.

— А я достала мѣсто,—бойко объявила она.

— Мѣсто? какое?—съ изумленіемъ спросилъ Валентинъ Григорьевичъ.

— Модисткой къ одной барынѣ,—пояснила она развязно.— Очень выгодное, такое выгодное, что и не разсказать. Ты погоди, я достану еще денегъ

Онъ засмѣялся.

— Черезъ годъ? Полно! Что глупости говорить!

— Ну, вотъ еще, раньше достану. Мнѣ дадутъ взаймы.

— Ну, хорошо, хорошо!—сказалъ онъ.—Сними лучше шляпку да оставайся сегодня у меня.

— Ахъ, нѣтъ, нѣтъ, мнѣ вечеромъ нужно тамъ быть!—почти испуганно сказала она.—Непремѣнно приказали сегодня придти.

Ея личико горѣло румянцемъ и было удивительно оживленно. Онъ, залюбовавшись ея красотой, привлекъ ее къ себѣ, заключилъ въ свои объятія.

— Останься! - тихо прошепталъ онъ.—А? останешься?

— Нѣтъ, нѣтъ, - - быстро запротестовала она: — останешься—разсердятся и тогда прощай все...

Онъ заходилъ по комнатѣ, покусывая губы. Въ немъ происходила опять какая-то внутренняя борьба.

— Ну, ступай!—отрывисто проговорилъ онъ, досадуя на себя, на нее, на нужду.

Она пошла.

Онъ не выдержалъ, бросился за ней и сжалъ ее въ объятіяхъ.

Когда, спустя часъ времени, Дора уходила отъ него, онъ плакалъ, какъ ребенокъ. До этого дня онъ даже и не подозрѣвалъ, что у него страшно расшатаны нервы. Она же только повторяла ему:

— Погоди, погоди, ужъ будемъ мы милліонщиками!

— А, чортъ бы побралъ эти деньги! - говорилъ онъ.

— Ишь ты какой богачъ! Нѣтъ, деньги самимъ нужны, ничего ихъ чорту отдавать!..

Никогда не переживалъ Валентинъ Григорьевичъ болѣе тревожнаго времени, чѣмъ въ эти дни. Его волновали самыя разнородныя чувства. Достанетъ ли ему Дора денегъ? Какъ она ихъ достанетъ? Кто тотъ, у кого она ихъ достанетъ? Какихъ жертвъ онъ потребуетъ? Гдѣ она живетъ? Не узнать ли въ адресномъ столѣ? Ну, и что же тогда? Если онъ узнаетъ ея адресъ, онъ пойдетъ къ ней и произведетъ скандалъ?

Когда дня черезъ три Дора забѣжала къ нему утромъ, онъ бросился къ ней, какъ безумный.

— Измучился я, истерзался, — быстро заговорилъ онъ, страстно обнимая ее.

— Завтра, завтра, милый, достану деньги!—сказала она.

— Ахъ, чортъ ихъ возьми!—воскликнулъ онъ въ опьянѣніи страстью. — Изорву я ихъ въ клочки! Не онѣ мнѣ нужны, а ты! ты!..

— Что ты! что ты!—испуганно воскликнула она, отстра-

нясь отъ него.—Какъ можно! Да такого случая никогда больше не будетъ! Люди годы ждутъ такихъ-то денегъ, а ты на—рвать ихъ хочешь! Вотъ сумасшедшій! Ты какъ получишь, сейчасъ и поѣзжай, чтобы скорѣе получить наслѣдство, а то...

— Что?—спросилъ онъ.

— Не хотѣлось бы мнѣ долго жить на мѣстѣ, тоже не сласть,—пояснила она.

— Да? Да? Не сладко?—обрадовался онъ.—Значитъ, хотѣлось бы сюда, ко мнѣ? Да?

Дора едва вырвалась отъ Валентина Григорьевича, настойчиво повторяя ему двадцать разъ, что «сама» будетъ сердиться за долгую отлучку.

— И пусть сердится! пусть сердится!

На слѣдующій день Дора явилась къ нему снова—явилась съ деньгами и въ какомъ-то лихорадочномъ состояніи. Она вытащила изъ кармана деньги и торопливо сунула ихъ Валентину Григорьевичу:

— Поѣзжай, поѣзжай скорѣе!

Онъ швырнулъ эти деньги въ сторону и хотѣлъ обнять ее.

— Нѣтъ, нѣтъ, что ты это! спрячь ихъ скорѣе и поѣзжай, поѣзжай сейчасъ же,—заговорила она, торопя его и командуя имъ въ волненіи.

— Теперь и поѣзда нѣтъ,—сказалъ онъ.

— Ахъ, все равно, все равно, поѣзжай скорѣе,—настаивала она, не имѣвшая даже понятія о путешествіяхъ и не выѣзжавшая изъ Петербурга дальше Крестовскаго острова и Лѣсного института.

— Да что же ты такъ торопишь меня? — спросилъ онъ въ недоумѣніи.

— Ишь ты какой!—воскликнула она тѣмъ вульгарнымъ тономъ, которымъ она говорила въ запальчивости.—Зачѣмъ тороплю? Сказалъ тоже! Чѣмъ скорѣй уѣдешь, тѣмъ скорѣй съ деньгами вернешься...

Она спѣшила проститься съ нимъ, говоря, что ей сегодня ни на минуту нельзя оставаться. Хватятся дома—бѣда! Тайкомъ она ушла. А то, Богъ вѣсть, что могло бы выйти. Никто не знаетъ, что она ушла. Она и ключъ отъ своей комнаты съ собой взяла. Сказалась больною, а сама удрала.

— Но куда мнѣ тебѣ писать?—спросилъ онъ.

— Не надо, не надо!—воскликнула она, махая рукой.—Недѣльку потерплю...

— Какъ недѣльку? Да я, можетъ-быть, полгода пробуду въ разъѣздахъ...

Она даже присѣла отъ ужаса на стулъ.

— Какъ полгода?—воскликнула она не своимъ голосомъ.

— Голубка, милая, какъ ты испугалась,—сталъ онъ утѣшать ее, ясно понявъ, какъ тяжела ей долгая разлука съ нимъ.—Мнѣ самому не легко, но эти дѣла скоро не дѣлаются.

Онъ сталъ ее успокаивать, утѣшать. Она сидѣла безмолвно съ растерянным видомъ, точно ее пришибло чѣмъ-то.

— Вотъ-то бѣда, вотъ-то бѣда!—проговорила она, наконецъ.—Сомлѣла я просто, какъ ты это сказалъ! Вотъ бѣда-то.

Онъ опять сталъ ее утѣшать, успокаивать. Что бы ни случилось, онъ не измѣнитъ ей, будетъ ее любить такъ же горячо, какъ теперь. Она для него все теперь, съ ума она его сводитъ.

Она сдѣлала нетерпѣливое движеніе.

— Не то ты все!—проговорила она досадливо.—Ничего не понимаешь!

Онъ снова заговорилъ о томъ, что онъ знаетъ, какъ ей тяжело. Но что же дѣлать? Нужно покориться на-время необходимости, перенести все теперь, благо послѣ будетъ хорошо. Какъ бы ни было ей трудно, она должна помнить, что все это преходящее. Она молча качала головой, казалось, не слушая его пустой болтовни и передумывая свои собственныя серьезныя думы. Наконецъ, она перекрестилась и проговорила рѣшительно:

— Ну, будь, что будетъ...

И порывисто обняла его.

— Ты только не забудь меня! Помни! Я для тебя все сдѣлала!

III.

По пыльной почтовой дорогѣ въ простой почтовой телѣжкѣ ѣхали на парѣ лошадей два человѣка, одинъ молодой, лѣтъ двадцати семи, другой почти уже старикъ, лѣтъ пятидесяти пяти. Первый былъ одѣтъ въ новенькое съ иголочки лѣтнее платье, на второмъ была порыжѣвшая шинель съ короткимъ, какъ видно, много разъ подрѣзавшимся и подшивавшимся воротникомъ и военная замасленная фуражка съ помятой кокардой и потрескавшимся козырькомъ, имѣвшая сверху видъ опрокинутой глубокой тарелки съ промаслившимся дномъ. Молодой человѣкъ кудреватый, красно-

щекій, дышалъ цвѣтущимъ здоровьемъ; старикъ смотрѣлъ помятымъ, обрюзглымъ, какъ видно, широко пожившимъ на своемъ вѣку. Это были двое изъ наслѣдниковъ вязьмитиновскаго богатства—Валентинъ Григорьевичъ и Дмитрій Платоновичъ Вязьмитиновы. Оба они молчали, погрузившись въ думы и дыша свѣжимъ весеннимъ воздухомъ.

По обѣ стороны дороги раскинулась безпредѣльная ширь ровныхъ полей; съ одной стороны далеко-далеко блестѣла, какъ зеркальная поверхность озера, разливавшаяся на нѣсколько верстъ рѣка. Апрѣльскій день былъ ясный и солнце уже грѣло настолько, что было тепло, какъ лѣтомъ.

— А хорошо, Валя, что я встрѣтилъ тебя въ ресторанѣ,—неожиданно заговорилъ старикъ сиповатымъ голосомъ:—а то, пожалуй, по образу пѣшаго хожденія, что называется *сюръ пье*, пришлось бы отмахать путь отъ губернскаго-то города до Вязьмитиновки. *Па зен су данъ ла пошъ, ву компренэ*,—пояснилъ онъ на томъ французскомъ языкѣ, на которомъ говорятъ русскіе люди, воображающіе, что они знаютъ по-французски, потому что лѣтъ тридцать или сорокъ тому назадъ ихъ обучали французской грамотѣ гдѣ-нибудь въ гимназіи или въ корпусѣ.

— А я, дядя, уже совершалъ этотъ путь по образу пѣшаго хожденія,—отвѣтилъ тоже очнувшійся отъ думъ Валентинъ Григорьевичъ:—и именно объ этомъ времени раздумывалъ сейчасъ. И грустно, и смѣшно, какъ вспомнишь прошедшее.

— Ходилъ? Когда же?—не безъ удивленія спросилъ старикъ.—Я думалъ, что ты и не зналъ о существованіи покойнаго нашего Креза.

— Лѣтъ пять-шесть тому назадъ,—отвѣтилъ Валентинъ Григорьевичъ.—Тоже думалъ: дѣдъ, авось, поможетъ...

И, охваченный наплывомъ воспоминаній, онъ сталъ разсказывать, какъ лѣтъ пять-шесть тому назадъ, странствуя съ труппой бродячихъ актеровъ, онъ очутился безъ гроша въ карманѣ, безъ связей, безъ знакомствъ, въ губернскомъ городѣ. Не имѣя ни души какихъ бы то ни было знакомыхъ, не зная, что дѣлать дальше, онъ рѣшился идти въ Вязьмитиновку, зная, по слухамъ, что тамъ живетъ его богатый двоюродный дѣдъ, братъ его родного дѣда. Тогда ему казалось, что старикъ непремѣнно поможетъ ему, приметъ его съ распростертыми объятіями. Молодъ онъ былъ и во многое вѣрилъ, не зная жизни.

— Ха-ха-ха!—громко захохоталъ старикъ и закашлялъ

отъ смѣха.—Надумалъ къ кому идти за помощью! *Шеръ принъ онкль!* Веревки, для желающаго повѣситься нищаго, не далъ бы онъ! Я это хорошо знаю! О, коню, біенъ коню!

Да, со вздохомъ отвѣтилъ Валентинъ Григорьевичъ:— я не зналъ его до той поры, а тутъ пришлось узнать. Это вѣдь не Плюшкинъ, не Гарпагонъ былъ, а какой-то идолъ, для котораго не существовало никого и ничего святого, кромѣ его самого.

Какъ же принялъ?—спросилъ Дмитрій Платоновичъ.— Это интересно!

— Да вовсе не принялъ, — отвѣтилъ Валентинъ Григорьевичъ.—Выслалъ сказать черезъ камердинера, что никакого Валентина Григорьевича Вязьмитинова онъ не знаетъ. Вотъ и все.

— Браво! браво! узнаю его, узнаю!—воскликнулъ старикъ, снова смѣясь и давясь кашлемъ. Ну, и что же? Ты его письмами сталъ бомбардировать? Да?

— Какое! Я просто совсѣмъ упалъ духомъ!—отвѣтилъ Валентинъ Григорьевичъ.

— Ну, я не такъ поступилъ съ нимъ! *Па комъ са; па комъ са!* Онъ вѣдь меня тоже не принялъ. Ну, я и рѣшился идти на приступъ. Я вѣдь роднымъ племянникомъ приходился, не кѣмъ-нибудь съ улицы! Онъ и узналъ, каково имѣть со мной дѣло. Я его разъ три мѣсяца держалъ въ осадномъ положеніи, бамбардируя письмами. Двадцать три письма написалъ ему!

— И что же, сдался на капитуляцію?

Старикъ поморщился, поджавъ пренебрежительно губы.

— Точно воды въ ротъ набралъ, ни слова не отвѣтилъ.— проворчалъ онъ сердито и тотчасъ же опять добродушно засмѣялся:—а все же двадцать три письма прочиталъ! И что за письма! По четыре, по восьми страницъ! Плачевныя и ругательныя! Отъ моего имени и отъ имени вымышленныхъ моихъ покровителей! Тоже крови ему не мало испортилъ, хоть этимъ отплатилъ. Оно, знаешь, пріятно досадить врагу хоть чѣмъ-нибудь. Не можешь въ открытомъ полѣ помѣряться силой—веди партизанскую войну... Ну, а какъ же ты-то? Такъ и отправился, повѣсивъ носъ, въ обратный путь ни съ чѣмъ?

— Нѣтъ, Агаѳья Матвѣевна помогла,—отвѣтилъ Валентинъ Григорьевичъ.—Вотъ доброта-то!

— А! Агаѳья Матвѣевна!—воскликнулъ, оживившись, старикъ и, передразнивая кого-то, должно-быть, именно ее,

Агаѳью Матвѣевну, заговорилъ, подражая женскому голосу:—«Ты его извини, *монъ шеръ*; *монъ фреръ* страдаетъ нервами и тоже печень болитъ; его нельзя судить строго, *монъ шеръ*, никакъ нельзя! Такъ вѣдь? А? А потомъ пошли поиски во всѣхъ углахъ; въ кошелечкахъ и въ бурсахъ разныхъ монетъ, презрѣннаго металла, *аржановъ*—и совсѣмъ уже съ сконфуженнымъ видомъ выдача нѣкоторой лепты, субсидіи, такъ сказать! О, женщина, женщина, знаю я тебя насквозь! Правду сказалъ одинъ великій человѣкъ: *шерше ля фамъ*».

Старикъ совсѣмъ оживился, вспомнивъ объ Агаѳьѣ Матвѣевнѣ въ частности и о женщинахъ вообще, и началъ разсказывать о томъ, какую роль играли женщины въ его тревожной и разнообразной жизни, полной, по его выраженію, превратностей судьбы. Женщины его губили,—женщины его спасали; это демоны и ангелы его жизни; безъ нихъ онъ не зналъ бы блаженства на землѣ и не прошелъ бы заживо чистилища, преддверья ада. Онъ говорилъ съ пафосомъ провинціальнаго трагика старыхъ временъ, постоянно вплетая въ рѣчь невозможныя французскія фразы. Несмотря, однако, на приподнятый, искусственный тонъ, въ его рѣчи слышались сердечныя фразы, что-то искреннее и трогательное, говорившее, что онъ дѣйствительно и хорошо зналъ, и горячо любилъ не мало женщинъ на своемъ вѣку. Онъ «любилъ любить».

Пока онъ разсказывалъ свои донъ-жуанскія похожденія безшабашнаго кутилы-армейца николаевскихъ временъ, промотавшаго среди женщинъ и на женщинъ значительное состояніе, Валентинъ Григорьевичъ невольно вспомнилъ о томъ, что и ему, въ настоящее время, помогла тоже женщина.

Все это произошло, какъ сонъ. Еще недавно онъ такъ нуждался и не зналъ, что дѣлать, какъ вдругъ ему, словно съ неба, упали четыреста рублей. Располагая этими деньгами, онъ могъ пріодѣться, уѣхать въ Москву, разыскать необходимые для него документы и войти въ соглашеніе съ однимъ изъ извѣстныхъ присяжныхъ повѣренныхъ. Дѣло его было ясное, безспорное. Теперь это было уже не наслѣдство «дядюшки изъ Америки», не выдумка мошенника, не бредъ маніака, а неоспоримый фактъ. О томъ, что его двоюродный дѣдъ, Павелъ Петровичъ Вязьмитиновъ, умеръ, не оставивъ духовнаго завѣщанія, и что дѣтей, то-есть прямыхъ наслѣдниковъ, у него не было, было извѣстно изъ

официальнаго вызова наслѣдниковъ умершаго. Наслѣдники должны были явиться братья Вязьмитинова или ихъ потомки, въ числѣ которыхъ былъ и Валентинъ Григорьевичъ. Документы были теперь налицо, и на обладателя этихъ документовъ уже смотрѣли съ уваженіемъ, какъ на будущаго богача. А еще такъ недавно этотъ будущій богачъ вызывалъ только насмѣшки и подозрительные взгляды.

Поговоривъ съ адвокатомъ въ Москвѣ, Валентинъ Григорьевичъ вышелъ отъ него на улицу съ сіяющимъ лицомъ преобразившимся, точно выросшій. Какъ все это просто складывается, когда на плечахъ надѣта сносная одежда, когда есть деньги на первые расходы и когда можно говорить съ адвокатомъ, не опасаясь быть принятымъ за хулигана. Даже деньги теперь не приходится просить, такъ какъ люди предлагаютъ ихъ сами, желая сдѣлать выгодную сдѣлку. Да, просто все это дѣлается теперь, а еще нѣсколько недѣль тому назадъ ему, Валентину Григорьевичу, не на что было ѣхать въ Москву, не въ чемъ было явиться къ адвокату, не на что было навести первыя точныя справки и сдѣлать копіи съ бумагъ, удостовѣряющихъ, что онъ сынъ своего отца, что его отецъ сынъ его дѣда, а его дѣдъ родной братъ покойнаго Павла Петровича Вязьмитинова. Еще недавно при вопросѣ о займѣ нѣсколькихъ сотенъ рублей всѣ только пожимали плечами, считая его не то мошенникомъ, желающимъ нажиться на хитрымъ обманомъ, не то за сумасшедшаго, который помѣшался на мысли о полученіи большого наслѣдства отъ какого-то недавно умершаго однофамильца. Одно его прошлое дѣлало его подозрительною личностью: не окончивши курса гимназистъ, бывшій безъ дипломный учитель, неудавшійся писатель, пишущійся по провинціямъ актеръ, то писецъ, то корректоръ и—сколько темныхъ знакомствъ, двусмысленныхъ связей было въ его прошломъ, и ютился-то онъ въ одномъ изъ тѣхъ вертеповъ, гдѣ то и дѣло создавались разные планы и проекты ловкихъ мошенничествъ. Такимъ ли людямъ повѣрятъ, когда они толкуютъ о крупныхъ наслѣдствахъ? И подверниись ему случайно Дора можетъ-быть, ему и не видать бы, какъ ушей безъ зеркала, этого наслѣдства. Безъ сносной одежды на плечахъ, безъ гроша въ карманѣ эти дѣла не дѣлаются, а если и дѣлаются, то очень медленно, да и то большая часть денегъ переходитъ въ руки благодѣтелей, рѣшившихся рискнуть и похлопотать за бѣдняка. Дора разомъ повернула дѣло въ его пользу. Добрая дѣ-

вочка! Какую жертву она принесла для него! Какъ она просила его скорѣе ѣхать, чтобы онъ могъ скорѣе вернуться! Въ этой просьбѣ слышалась не одна любовь къ нему, не одно опасеніе передъ долгой разлукой, а и страхъ передъ тѣмъ, что ожидаетъ ее во время разлуки. Да, не легко ей: онъ сталъ упрекать себя, зачѣмъ онъ не разспросилъ ее, кто тотъ человѣкъ, который заплатилъ ей деньги. Впрочемъ, лучше не знать, что это за человѣкъ? Можетъ-быть, это какой-нибудь гнусный старикъ, можетъ-быть... Нѣтъ, нѣтъ, лучше не знать! Если бы она сказала ему все откровенно, онъ, можетъ-быть, отъ всего отказался бы и тогда—опять нищета, опять скитаніе. Теперь же спасется онъ, спасется и она, хоть и потерпитъ горя. Онъ вздохнулъ, жалѣя ее.

Толчокъ, отъ котораго Валентинъ Григорьевичъ чуть не ткнулся носомъ въ спину ямщика, прервалъ его думы и заставилъ его осмотрѣться кругомъ, какъ бы очнувшись отъ сна. Онъ и его спутникъ уже ѣхали не по почтовому тракту, а по кочковатой мягкой дорогѣ, прилегающей къ почтовому тракту; по ней мѣстами были навалены жерди и сучья, на топкихъ мѣстахъ, которыя иначе были бы вовсе невылазными и недоступными ни для конныхъ, ни для пѣшихъ.

— Нечего сказать, хороша у васъ дорожка,—проговорилъ Дмитрій Платоновичъ.

— Павлу Петровичу она была не нужна, такъ какъ онъ никуда не выѣзжалъ, онъ ее и не чинилъ,—отвѣтилъ Валентинъ Григорьевичъ.

— Да, да, *переатъ мундусъ*, какъ выражаются классики, только бы Павлу Петровичу жилось безъ тревогъ, это былъ его девизъ,—сказалъ старикъ и засмѣялся громкимъ смѣхомъ, прерываемымъ кашлемъ, отъ котораго багровѣло его лицо.—А подкосило его подъ корень окончательно время эмансипаціи крестьянъ и реформъ. Этого афронта онъ не ждалъ. Сидѣлъ въ своей берлогѣ, сосалъ лапу и вдругъ новыя вѣянія, реформы безъ его согласія. Это ли не обида. Къ новому режиму не могъ привыкнуть, не зналъ, какъ себя держать. Комикъ тоже былъ. Даже въ обращеніи съ людьми послѣ этого измѣнился на старости лѣтъ.

— Да развѣ, дядя, вы съ нимъ видались?—спросилъ Валентинъ Григорьевичъ.

— Съ нимъ? Нѣтъ, съ нимъ не видался,—отвѣтилъ старикъ:—но Агаѳья Матвѣевна въ минуты жизни трудныя всегда выручала меня, и еще два года тому назадъ я по-

сѣщалъ ее. Она разсказывала, дворня тоже передавала. Потѣха тоже, какую онъ комедію разыгрывалъ. Прежде онъ держалъ себя азіатскимъ падишахомъ: «подать!» «принести!» «выпороть!» вотъ и всѣ его рѣчи, спокойно, коротко, ясно. Разговорами людей не удостоивалъ и достоинства своего не ронялъ. Приказалъ и кончено! Лаконизмъ, такъ сказать, спартанскій. А тутъ иронія проявилась въ отношеніи къ ближайшимъ, къ служащимъ, къ народу, шипѣніе началось, глумленіе надъ людьми, ехидничанье, скрежетъ зубовный: «Можетъ-быть, я и приказывать своимъ людямъ не имѣю права»; «можетъ-быть, я и выгнать слугу не смѣю»; «можетъ-быть, я и нанять другого человѣка не могу». Онъ-то, Титъ Титычъ-то нашъ! Агаѳья Матвѣевна, ужъ на что терпѣливый и блаженный человѣкъ, а и ту онъ измоталъ этими ехидничаньями и съ толку сбилъ, такъ что она сама растерянною ходитъ и спрашиваетъ: «Что же это будетъ, неужели и права всякія отнимутъ, и званіе дворянское отнимутъ? неужели и земли всѣ отнимутъ и изъ родовыхъ имѣній выгонятъ?» Это онъ ее пугалъ каждый день за завтраками и за обѣдами, для возбужденія своего аппетита, такъ что старуха каждымъ кускомъ давиться стала. Она вилку ко рту, а онъ ей ужасы разные расписываетъ, ну, и давится она каждымъ кускомъ. Его это утѣшало, вознаграждало за нанесенный ему афронтъ. А и афронтъ-то весь въ томъ состоялъ, что его мнѣнія не уважали, его благоглупостей не приняли во вниманіе, видя въ немъ поврежденнаго. Вѣдь онъ старъ-то былъ такъ, что, какъ говорится, царя Ирода помнилъ. Въ деревнѣ Богъ вѣсть сколько лѣтъ безвыѣздно жилъ и ничего не зналъ, что тамъ, въ Петербургѣ, дѣлается. Ну, для него и казалось все снѣгомъ на голову. Рѣчистъ даже сталъ онъ за послѣднее время, фрондерствовать сталъ. «Я, говорилъ онъ Агаѳьѣ Матвѣевнѣ про петербургскихъ заправилъ, не знаю этихъ молодыхъ людей, но они очень либеральны на чужой счетъ. Это начало безначалія и потрясенія основъ. Этихъ господъ мнѣ не приходилось видѣть, но голоштанниковъ я еще засталъ въ Парижѣ и потому могу составить себѣ нѣкоторое понятіе объ этихъ личностяхъ». А потомъ и начнетъ пугать Агаѳью Матвѣевну тѣмъ, что будетъ. Экзекуціи, демонстраціи, конституціи, революціи—однимъ словомъ, всякія страшныя слова въ ходъ пускалъ, только бы ее напугать. Каково ей-то? Весь вѣкъ только и знала, что стихи Василія Андреевича Жуковскаго да повѣсти Марлинскаго, со-

ловьиныя трели, мечтанія при лунѣ, романсы варламовскіе, а тутъ, вдругъ, ей говорятъ, что къ ней, къ дѣвицѣ, придутъ какіе-то голоштанники и потащатъ ее зачѣмъ-то, куда-то, на какую-то площадь изъ Вязьмитиновки. И какая это такая площадь, и зачѣмъ на нее нужно какимъ-то голоштанникамъ тащить ее, Агаѳью Матвѣевну, ничего она не могла въ толкъ взять. А *монъ фреръ* утверждалъ, что это будетъ и должно быть.

— А вотъ и она сама, Вязьмитиновка!—прервалъ рѣчь старика Валентинъ Григорьевичъ, завидѣвъ большой барскій домъ, построенный въ старинномъ вкусѣ въ видѣ большого четырехугольнаго ящика съ куполомъ на крышѣ, съ плоскими колоннами со всѣмъ четырехъ сторонъ, съ большой террасой въ садъ и съ широкимъ крыльцомъ, выходящимъ на дворъ.

У молодого человѣка сильно забилось сердце, въ головѣ невольно мелькнула мысль, что, можетъ-быть, этотъ домъ будетъ его домомъ, эта земля его землею. Онъ сталъ не безъ любопытства съ какимъ-то особеннымъ чувствомъ не то какъ оцѣнщикъ, не то какъ хозяинъ, всматриваться въ этотъ домъ, который онъ видѣлъ лѣтъ шесть тому назадъ.

Все здѣсь носило теперь слѣды запущенности, невниманія, отсутствія ухода. Стѣны дома были давно не крашены и облупились, окна большею частью были забиты досками, деревья въ саду, уже покрывшіяся листьями, когда-то подстригавшіяся въ причудливыя формы, теперь стояли какими-то рогатыми и неуклюжими, нѣкоторыя изъ многочисленныхъ надворныхъ пристроекъ полуразвалились.

Точно угадывая мысли Валентина Григорьевича, Дмитрій Платоновичъ замѣтилъ:

— Это онъ все въ пику новымъ порядкамъ запустилъ

Валентинъ Григорьевичъ очнулся отъ раздумья и могъ только сказать:

— Жалкій старикъ!

И тотчасъ же, замѣтивъ въ окнахъ около крыльца чьи то лица, онъ дернулъ своего спутника за шинель, прого воривъ:

— Смотрите, смотрите, вороны уже слетѣлись въ разоренную берлогу!

Въ этомъ восклицаніи послышались и смѣхъ, и радость, и торжество. Онъ узналъ въ этихъ лицахъ, привлеченныхъ къ окнамъ стукомъ колесъ, самого Ивана Петровича Вязьмитинова, его жену... Въ его головѣ пронеслись мысли о

томъ, какой переполохъ происходитъ теперь въ душахъ этихъ людей, не ждавшихъ его, считавшихъ его, можетъ-быть, уже мертвымъ. Почему бы и не считать его мертвымъ? Да онъ и долженъ бы былъ умереть съ голоду, съ холоду, брошенный ими мальчикомъ на произволъ судьбы, безъ руководителей, безъ опоры. Его можно было считать мертвымъ, не встрѣчая его въ Петербургѣ, видя, что онъ такъ долго не отзывается на вызовъ наслѣдниковъ. Нѣтъ, онъ не умеръ, онъ здѣсь, онъ вырветъ изъ ихъ рукъ значительную часть наслѣдства. Для одной этой минуты стоило мучиться цѣлые годы, не налагая на себя рукъ. А сколько разъ у него было достаточно причинъ, чтобы покончить съ собою! Но онъ все перенесъ и дождался торжества надъ этими людьми. Какія проклятія посылаютъ они, вѣроятно, въ душѣ ему, какія кислыя мины скорчатъ сейчасъ при его появленіи въ домѣ! Скрыть своей ярости не сумѣютъ даже.

Онъ разсмѣялся, онъ окилъ, словно одержалъ надъ кѣмъ-то побѣду.

Совсѣмъ иначе смотрѣлъ его спутникъ. Онъ сдѣлалъ гримасу, точно попробовалъ чего-то кислаго, и какъ-то инстинктивно торопливо началъ стряхивать пыль съ сюртука, сконфуженно и досадливо ворча себѣ подъ носъ:

— Чортъ, возьми, не ждалъ, что придется встрѣтиться съ этими питерскими джентльменами. Никогда ничего не соображу заранѣе! Да еще и женщины тутъ. *О, ле фамм. ле фамм!* Въ нищенскомъ облаченіи не люблю встрѣчаться съ прекраснымъ поломъ.

Онъ былъ и жалокъ, и смѣшонъ въ своемъ смущеніи, стѣсняясь прорѣхъ и заплатъ своей одежды и повторяя:

— И какъ было не предвидѣть, какъ было не подумать!

— Дядя, дядя, полноте!—сердечно проговорилъ Валентинъ Григорьевичъ, сжимая ободрительно его руки:—вы забываете, что вы-то главный наслѣдникъ и есть. Мы всѣ двоюродные внуки, а вы родной племянникъ.

— Ну, да,—съ кислой миной проворчалъ старикъ:—подумаютъ еще, что изъ кабака явился, а я, монъ шеръ, надо тебѣ сказать, шампанское пилъ, благородныя вина пилъ, а не кабакамъ—фи! фи! Я помнилъ всегда, какого я рода! Нѣтъ, мой отецъ при самой Екатеринѣ II въ фаворѣ былъ!

Онъ былъ очень комиченъ въ эту минуту и вызвалъ невольную улыбку на лицѣ Валентина Григорьевича. Послѣдній, выскочивъ изъ телѣжки на землю, небрежно, не считая,

росилъ ямщику столько денегъ, что тотъ, оторопѣвъ отъ ожиданности, могъ только проговорить:

— Ну, баринъ! спасибо! Вотъ такъ баринъ!

Валентинъ Григорьевичъ, раскраснѣвшійся, самодовольный, хваченный однимъ желаніемъ пустить кому-то пыль въ глаза, кого-то раздражить до послѣдней степени, взбѣжалъ на крыльцо и нетерпѣливо, съ шумомъ отворилъ дверь. Не прошло и пяти минутъ, какъ онъ уже стоялъ лицомъ къ лицу съ Иваномъ Петровичемъ Вязьмитиновымъ. Иванъ Петровичъ сильно посѣдѣлъ, похудѣлъ, пожелтѣлъ, его длинный носъ казался еще длиннѣе прежняго. Было видно, что этотъ человѣкъ страдаетъ и печенью, и геморроемъ, и катаромъ желудка, и болѣе всего неудовлетвореннымъ честолюбіемъ. Брюзгливое выраженіе этого пергаментнаго, сухого лица усилилось, сдѣлалось ярче, носило характеръ сварливости.

— Не ждали?—съ удареніемъ проговорилъ Валентинъ Григорьевичъ съ насмѣшкой на лицѣ и въ голосѣ.—Собирался ранѣе, да боялся разливовъ рѣкъ и весенней грязи. Торопиться все равно было не для чего: наслѣдство не медвѣдь, въ лѣсъ не уйдетъ. А вы, кажется, здѣсь уже со всей своей семьей?

— Да,—проговорилъ Иванъ Петровичъ, сухо здороваясь съ нимъ:—то-есть не со всей семьей, а я, жена и Оля здѣсь...

— Я, конечно, не запоздалъ и не задержалъ васъ по части раздѣла наслѣдства?—сказалъ Валентинъ Григорьевичъ, улыбаясь.—Кстати, позвольте вамъ отрекомендовать нашего главнаго сонаслѣдника, дядю Дмитрія Платоновича Вязьмитинова. Вы, вѣдь, кажется, не знакомы?

Старикъ пріосанился, немного выпятивъ грудь и выставивъ впередъ одну ногу.

— Не имѣю чести,—началъ онъ басомъ.—Не встрѣчались!

— Я... я слышалъ,—отрывисто началъ Иванъ Петровичъ, протягивая руку старику:—но мнѣ говорили... то-есть ходили слухи...

Онъ замялся, прерывалъ рѣчь, и, не зная, что говорить, сказалъ:

— Позвольте васъ отрекомендовать моимъ женѣ и дочери...

Онъ пошелъ изъ первой комнаты во вторую, гдѣ находились три женщины, двѣ молодыя, очень худощавыя дамы, и одна еще довольно молодая дѣвушка съ строгими и правильными чертами лица; Иванъ Петровичъ назвалъ ихъ по именамъ:

— Софья Никоновна, моя жена. Оля, дочь моя, Евлампія Даниловна Вязьмитинова, одна изъ нашихъ общихъ дальнихъ родственницъ.

Произошли взаимныя рукопожатія, довольно перемѣнныя и натянутыя. Одинъ Валентинъ Григорьевичъ, все еще по-прежнему возбужденный, ощущавшій потребность двигаться и говорить, чувствовалъ себя отлично и теперь не могъ оторвать глазъ отъ Ольги, удивившей его своею красотой. Задержавъ ея красивую и нѣжную руку въ своей рукѣ, онъ весело проговорилъ:

— Да неужели это ты... то-есть вы, Оля... Ольга Ивановна? Я васъ зналъ вотъ такой!

Онъ показалъ, какой онъ зналъ ее.

— И сажали на колѣни, и рисовали мнѣ картинки?—сказала она, слегка улыбаясь заученной улыбкой, дѣлавшей еще прекраснѣе ея лицо:—помню, помню все!

— Да, да, проявлялъ задатки художественнаго таланта, рисовалъ вамъ картинки и за одну изъ этихъ картинокъ очутился на мостовой,—развязно проговорилъ Валентинъ Григорьевичъ, бросивъ насмѣшливый взглядъ на Ивана Петровича.

— Ты нѣсколько измѣняешь факты,—сухо замѣтилъ Иванъ Петровичъ.—Ты очутился не на мостовой, а только былъ переселенъ на другую квартиру, которую я нанялъ тебѣ.

— Да кстати, я вашъ должникъ,—отвѣтилъ задорно Валентинъ Григорьевичъ, повернувъ къ нему голову:—и намъ нужно будетъ сосчитаться. Я не люблю неоплаченныхъ счетовъ.

— Я давалъ не взаймы,—проговорилъ Иванъ Петровичъ.

— О, конечно, конечно!—съ ироніей согласился Валентинъ Григорьевичъ.—Вы же были моимъ благодѣтелемъ! Къ сожалѣнію, я тогда былъ тунеядцемъ и лѣнтяемъ и плохо воспользовался благодѣяніями...

Софья Никоновна, вялая, апатичная, брезгливо относившаяся ко всякимъ дрязгамъ, прервала эту пикировку вопросомъ:

— Вы, вѣроятно, хотите завтракать? Оля, надо распорядиться.

Валентинъ Григорьевичъ быстро обернулся въ ея сторону.

— О, да, какъ же, мы порядкомъ проголодались!—отвѣтилъ онъ.—Но гдѣ же сама хозяйка? Ее надо расцѣловать и заставить...

— Какая хозяйка?—съ недоумѣніемъ спросилъ Иванъ

Петровичъ.—Здѣсь же никакой хозяйки нѣтъ. Или ты не знаешь, что покойный...

Валентинъ Григорьевичъ не далъ ему кончить.

— А Агаѳья Матвѣевна?—воскликнулъ онъ, перебивая Ивана Петровича.

Иванъ Петровичъ досадливо и пренебрежительно пожалъ плечами.

— Вотъ ты о комъ говоришь! Какая же хозяйка здѣсь эта особа? Она даже не наслѣдница. Двоюродная сестра покойнаго, со стороны матери, призрѣнная имъ изъ милости...

Старикъ Вязьмитиновъ внезапно оживился при этихъ словахъ.

— Она-съ не наслѣдница, но она намъ наслѣдство сохранила, потому что она здѣсь была все! — рѣзко проговорилъ онъ, неожиданно вмѣшавшись въ разговоръ и взъерошивъ свои сѣдые волосы, точно готовясь къ бою.—Если бы ея не было-съ здѣсь, а былъ бы кто-нибудь другой на ея мѣстѣ, то, вѣроятно, *же ву з'ассюръ*, мы всѣ не были бы здѣсь вотъ теперь...

Онъ шумно поднялся съ кресла, на которомъ сидѣлъ, и, сердито кашлянувъ, проворчалъ:

— Мы-то слетѣлись сюда, какъ коршуны на добычу, чтобы только подѣлить наслѣдство, а сберегла все она. *Вуаля ля веритэ!* Я-съ старый военный и миндальничать не люблю, а говорю всегда правду.

Онъ направился къ выходу изъ гостиной, Валентинъ Григорьевичъ тоже поднялся съ мѣста.

— Дядя, вы на поиски за Агаѳьей Матвѣевной?—спросилъ онъ.—И я съ вами. Надо же повидать ее, милую!

Ему теперь доставляла двойное наслажденіе встрѣча съ Агаѳьей Матвѣевной, такъ какъ онъ могъ этимъ не только доставить себѣ удовольствіе обласкать старушку, но и могъ взбѣсить Ивана Петровича.

Едва затворилась за нимъ дверь, какъ Евлампія Даниловна быстро приподнялась съ мѣста, закивала головой и заговорила торопливо и отрывисто ехиднымъ шопотомъ:

— Въ заговорѣ!.. Комплотъ устраиваютъ! Оба заодно! Грабить пріѣхали... Этотъ старый мнѣ извѣстенъ. Очень, могу даже сказать, хорошо извѣстенъ. Первѣйшій забулдыга. Не пьяница, врать не стану, а насчетъ женскаго пола, насчетъ донъ-жуанства, не здѣсь будь помянуто, — страсть. Ни одной изъ нашего сословія не пропустилъ!

— Ахъ, оставьте!—молящимъ тономъ произнесла Софья

Никоновна, бросивъ тревожный взглядъ на дочь.—Что намъ за дѣло до ихъ нравственности, до ихъ грязи!

— Да какъ же, какъ же, когда они грабить прибыли?— запротестовала Евлампія Даниловна, и ея глазки забѣгали отъ мужа къ женѣ, отъ жены къ дочери, точно спрашивая у всѣхъ отвѣта.— Развѣ же можно не говорить о нихъ? Да мы о нихъ кричать должны, на изнанку ихъ выворотить! У васъ семья, у васъ на рукахъ шестеро дѣтей, у васъ на хлѣбахъ матушка-старушка, а они пріѣхали грабить на кабаки и непутевыхъ бабъ! Я вѣдь его, старика-то, знаю. Не пьетъ, врать не стану, а на бабъ...

— Оля, ступай къ себѣ,—проговорила Софья Никоновна, теряя терпѣніе.

Иванъ Петровичъ ходилъ изъ угла въ уголъ по комнатѣ, молча покусывая губы. Хожденіе изъ угла въ уголъ и покусываніе нижней губы всегда выражали сильное раздраженіе. Наконецъ, онъ проговорилъ, обращаясь къ Евлампіи Даниловнѣ:

— Но какъ же вы говорили, что этотъ Сидоръ или, какъ его тамъ зовутъ, Терентій...

— Дмитрій Платоновичъ,—подсказала Евлампія Даниловна.

— Ну да, Дмитрій Платоновичъ. Мнѣ все равно, какъ его зовутъ... Вы говорили, что онъ умеръ гдѣ-то въ кабакѣ?

— Не въ кабакѣ, не въ кабакѣ, а въ самомъ что ни на есть неприличномъ мѣстѣ,—съ убѣжденіемъ пояснила Евлампія Даниловна.—И теперь скажу, что такъ по всей губерніи говорили, когда два года тому назадъ онъ исчезъ изъ нашего губернскаго города. И вы думаете, онъ въ лучшемъ мѣстѣ умретъ? И не предполагайте! Никогда! Ни въ жизнь! Какъ вотъ только онъ получитъ...

Иванъ Петровичъ нетерпѣливо пожалъ плечами и совсѣмъ грубымъ тономъ перебилъ ее.

— Мнѣ нѣтъ никакого дѣла, гдѣ онъ умретъ теперь. Существенно то, что онъ живъ, что все то, что говорилось про его смерть, было наглымъ враньемъ...

И, обрывая свою рѣчь, онъ обратился къ женѣ:

— Но что за нахалъ вышелъ изъ Валентина. Я всегда считалъ его наглецомъ, но такой наглости, такого нахальства, какъ его напоминанія о карикатурѣ, объ изгнаніи изъ нашего дома, я, признаюсь, не ждалъ...

— Ахъ, я всего ждала отъ него,—протяжно и брезгливо простонала Софья Никоновна.

Въ эту минуту въ комнату вбѣжала молоденькая дѣвушка, въ немного короткомъ, какъ у подростка, платьѣ, вся раскраснѣвшаяся, съ пучкомъ полевыхъ цвѣтовъ въ рукахъ, и быстро проговорила, обращаясь къ Евлампіи Даниловнѣ:

— Мама, какого я молодого человѣка сейчасъ видѣла! Просто прелесть! Совсѣмъ душка!

— Цыпка моя невинная, цыпка!—съ умиленіемъ воскликнула Евлампія Даниловна, выпячивая въ умиленіи впередъ трубочкою тонкія губы.—Берегись его! Берегись! Спроси дядю и тетю, что это за человѣкъ. Это коршунъ! Да, коршунъ! коршунъ!

Молодая дѣвушка немного оторопѣла и, глядя вопросительно на не обращавшихъ на нее никакого вниманія Ивана Петровича и Софью Никоновну, сконфуженно, съ сожалѣніемъ въ голосѣ сказала:

— Но онъ, мама, очень хорошъ собой!

— Цыпка! цыпка! я теперь должна тебя охранять, какъ зѣницу ока!—трогательно и съ паѳосомъ воскликнула мать и прижала къ тощей груди хорошенькую головку дочери...

Въ это время въ маленькомъ флигелечкѣ, похожемъ скорѣе на жиденькую бесѣдку, чѣмъ на жилое помѣщеніе, шла оживленная бесѣда между Дмитріемъ Платоновичемъ, Валентиномъ Григорьевичемъ и Агаѳьей Матвѣевной или, вѣрнѣе, Агатой Матвѣевной, какъ ее звали всѣ въ глаза. Агаѳья Матвѣевна, маленькая, кругленькая, розовенькая старушка съ выцвѣтшими голубыми глазами и съ крошечными ручками, была единственнымъ человѣкомъ, котораго если не любилъ, такъ какъ любить онъ не могъ никого, то терпѣлъ у себя Павелъ Петровичъ Вязьмитиновъ. Это не мѣшало ему ежедневно злиться на нее и говорить про нее и ей самой рѣзкости и грубости. Онъ раздражительно прозвалъ ее «безхвостой цесарской курицей», «дурой Царя Небеснаго». На безхвостую цесарскую курицу она, маленькая, кругленькая старушка въ короткомъ клѣтчатомъ сѣромъ платьѣ, можетъ-быть, и точно походила, но была ли она дурой — этимъ вопросомъ никто не задавался; всѣ только знали ея склонность къ мечтамъ, любовь къ поэзіи «Василія Андреевича», къ соловьямъ и звѣздамъ небеснымъ, страсть любоваться съ умиленіемъ, какъ восходитъ и закатывается солнце, да удивительную способность ни въ комъ и ни въ чемъ не видѣть дурного. Двоюродный братъ ея былъ золъ, сварливъ и желченъ, потому что, по ея мнѣнію, онъ, «бѣдный, страдалъ печенью»; кто-нибудь изъ дворовыхъ былъ пьяницей,

потому что онъ, «бѣдный, былъ въ горѣ». Нужно было очень хорошо знать и долго изучать Агаѳью Матвѣевну, чтобы всѣ эти сужденія о «бѣдныхъ людяхъ» не казались слащавыми до тошноты и не раздражали.

— Вы ужъ не назовете ли и того разбойника, который придетъ васъ убивать, бѣдненькимъ разбойничкомъ,—замѣтилъ ей разъ Павелъ Петровичъ, раздраженный ея «куриной кротостью», какъ онъ выражался.

— Какого разбойника?— сказала старушка и растерянно прибавила въ недоумѣніи:—Всегда вы какими-нибудь ужасами меня пугаете!

— Какой? какой?—сердито передразнилъ ее Вязьмитиновъ. Дѣло не въ томъ: какой! А вотъ если онъ придетъ убивать васъ...

— Да за что же меня убивать? Кому я что сдѣлала?— испуганно перебила его сестра.

— Ну, а если придетъ...

— Я и не знаю, съ чего вы это, mon frère, взяли? Конечно, если несчастный человѣкъ съ ума сойдетъ, — начала она.

— Дура!—перебилъ ее Павелъ Петровичъ.

Старушка покачала головой.

— Опять у васъ, вѣрно, печень болитъ, — кротко замѣтила она и вздохнула сострадательнымъ вздохомъ.

Онъ посмотрѣлъ на нее съ презрѣніемъ.

— Если бы я зналъ, что у васъ есть хоть крошка ума, хоть съ маковое зерно, то я подумалъ бы, что вы притворяетесь, — сказалъ онъ и ушелъ изъ комнаты, хлопнувъ дверью.

Тѣмъ не менѣе, когда разъ Агаѳья Матвѣевна захворала, съ Павломъ Петровичемъ произошло нѣчто необыкновенное: прежде всего онъ обозлился на нее, когда ему доложили, что она больна, и проворчалъ:

— Туда же нѣжности!

Съ тѣмъ же пренебреженіемъ онъ послалъ къ ней своего доктора:

— Посмотрите, какой тамъ у ней чирій вскочилъ!

Потомъ онъ зашагалъ у себя въ кабинетѣ, вполголоса ругая сестру:

— Дура старая! право, дура! На луну, вѣрно, глазѣла и влѣзла въ какую-нибудь лужу, ну, теперь и бьетъ лихорадка!

Когда докторъ объявилъ ему, что болѣзнь не опасна, но довольно серьезна, онъ рѣзко оборвалъ его:

— Серьезна! серьезна! Что можетъ быть серьезнаго у женщины!

Но уже дня черезъ три прислуга то и дѣло начала бѣгать къ «барышнѣ», чтобы узнать, скоро ли она поправится, такъ какъ безъ нея никому житья не было въ домѣ и особенно доставалось повару, который вдругъ сталъ готовить скверные завтраки и обѣды, по крайней мѣрѣ, такъ казалось Павлу Петровичу, и онъ вставалъ изъ-за стола голодный, за что, конечно, и отвѣчалъ поваръ.

— Драть его, мерзавца, надо! Шкуру спустить на конюшнѣ слѣдуетъ!—неистовствовалъ Павелъ Петровичъ. — Сказать ему, канальѣ, что я ему лобъ забрею, если онъ мнѣ еще такой обѣдъ подастъ!

Съ недѣлю пролежала Агаѳья Матвѣевна, и въ эти дни вся дворня успѣла перебывать у нея, прося ее «поскорѣе поправиться». Самъ Павелъ Петровичъ зашелъ взглянуть на нее, «мимоходомъ», какъ онъ отрывисто пояснилъ ей, и строго распекъ ее за ея глупость.

— Все это отъ вашей женской глупости! — отрывисто и грубо говорилъ онъ.—Докторъ каждый день ѣздитъ, не могли заранѣе посовѣтоваться съ нимъ! Какъ же можно: барышня, и вдругъ совѣтоваться съ докторомъ! Тысячу лѣтъ прожили, а все со своимъ дѣвичествомъ носитесь, какъ съ сырымъ яйцомъ! Кажется, можно бы и позабыть о немъ. А вотъ теперь и приходится валяться! Ноги больше не держатъ! А все отчего? Потому что по вечерамъ на луну вздыхать ходите! Предоставили бы ужъ собакамъ на нее выть. Ѣдите тоже, какъ птица, потому что какъ же можно ѣсть до-сыта дѣвицѣ!

Она была очень довольна, что онъ такъ любитъ ее и такъ безпокоится о ея здоровьѣ, и, едва держась на ногахъ, вопреки предписаніямъ доктора, при первой возможности пересилила себя и стала являться въ домѣ брата за завтраками и обѣдами. Какъ только появилась она въ домѣ, такъ тотчасъ же и къ повару явилось его прежнее умѣнье готовить кушанье, по крайней мѣрѣ, Павелъ Петровичъ сталъ ѣсть съ прежнимъ аппетитомъ и пересталъ обрушиваться гнѣвомъ на прислугу, травя и пугая, браня и вышучивая во время завтраковъ и обѣдовъ «безхвостую цесарскую курицу» и «дуру Царя Небеснаго».

Смерть Павла Петровича глубоко поразила старушку и не потому, что ей предстояло остаться на мостовой, не имѣя ни гроша за душой—объ этомъ она какъ-то вовсе не по-

думала, а потому, что она очень любила своего «бѣднаго братца» и даже не могла сообразить, какъ и для чего она будетъ теперь жить. Тотчасъ же послѣ смерти Павла Петровича прискакалъ въ Вязьмитиновку Иванъ Петровичъ Вязьмитиновъ и отрекомендовался ей, Агаѳьѣ Матвѣевнѣ, какъ наслѣдникъ, потомъ пріѣхалъ какой-то адвокатъ и заявилъ, что онъ представитель другого наслѣдника, брата Ивана Петровича, Николая, далѣе пріѣхала Евлампія Даниловна со своей цыпкой и съ первыхъ же словъ покорно объявила, что она вовсе не наслѣдница, но что ей любопытно узнать, не сдѣлалъ ли покойный ея родственникъ распоряженія насчетъ ея и ея цыпки въ духовномъ завѣщаніи, при чемъ и безъ ехидства замѣтила, что вѣдь и Агаѳья Матвѣевна вовсе не наслѣдница, а живетъ же покуда въ домѣ, значитъ и ей можно остаться въ этомъ домѣ до вскрытія духовнаго завѣщанія и пріѣзда остальныхъ наслѣдниковъ покойнаго. Старушка откровенно заявила, что духовнаго завѣщанія вѣроятно, нѣтъ, такъ какъ «бѣдный братецъ» боялся смерти и никакихъ распоряженій на этотъ счетъ не сдѣлалъ.

— Кромѣ меня и брата наслѣдниковъ нѣтъ,—рѣшительно сказалъ Иванъ Петровичъ.

— Валя,— осторожно замѣтила Агаѳья Матвѣевна:—тоже, кажется, имѣетъ права и...

— Валентинъ Григорьевичъ?—съ усмѣшкой проговорилъ Иванъ Петровичъ. Я думаю, что онъ давно погибъ гдѣ-нибудь подъ заборомъ или угодилъ въ мѣста не столь отдаленныя, съ потерей всякихъ правъ.

Старушка испугалась.

— Что вы говорите! Онъ, кажется, живъ, слава Богу, и за что же его сослать? Тоже Дмитрій Платоновичъ...

— Это еще кто такой? — спросилъ Иванъ Петровичъ, угрюмо сдвигая брови.

— Ахъ, это забулдыга, забулдыга такой, совсѣмъ не стоящій человѣкъ! — торопливо вмѣшалась въ разговоръ Евлампія Даниловна.—Самую то-есть непотребную жизнь велъ и умеръ гдѣ-то въ кабакѣ. Ужъ это я вѣрно знаю! Два года тому назадъ спутался Богъ вѣсть съ кѣмъ и умеръ.

Старушка даже перекрестилась отъ испуга.

— Господи, какъ же такъ? — воскликнула она. — И не пилъ онъ, кажется; никогда я...

— Ужъ вы не спорьте, не спорьте, Агаѳья Матвѣевна!— загорячилась Евлампія Даниловна.— Я лучше знаю. Вы дальше своего флигелька ничего и не видали въ жизни. А я на

народѣ живу, въ центрѣ! Весь городъ говорилъ про его авантюры. Самый какъ есть непутящій человѣкъ былъ. И все насчетъ женскаго сословія и сердечныхъ амуровъ!

Она обернулась умильнымъ лицомъ къ Ивану Петровичу.

— Вы не смущайте себя, дорогой Иванъ Петровичъ; этотъ человѣкъ вамъ не можетъ стать поперекъ дороги; у насъ всѣ давно знаютъ, что онъ умеръ.

И, отведя въ сторону Ивана Петровича, она стала униженно просить его позволить ей и цыпкѣ погостить въ домѣ Павла Петровича до вскрытія духовнаго завѣщанія, прозрачно, съ краснорѣчивыми подмигиваніями въ сторону Агаѳьи Матвѣевны, намекая на то, что она, между прочимъ, и присмотритъ кстати здѣсь за всѣмъ да и кое за кѣмъ.

— Что же, глазъ нуженъ, разворуютъ все, — прибавила она.—Ахъ, и какъ это легко, такъ я вамъ и изобразить не могу!

Иванъ Петровичъ, какъ власть имѣющій, любезно согласился на любезное предложеніе.

У него теперь была масса хлопотъ, разъѣздовъ, свиданій. Какъ безспорный наслѣдникъ, онъ охранялъ оставшееся имущество и хозяйничалъ въ домѣ, гдѣ все было описано и сдано ему на руки до раздѣла наслѣдства.

Въ домѣ покойнаго Павла Петровича, такимъ образомъ, совершенно неожиданно и невольно стали хозяйничать посторонніе люди. Агаѳья Матвѣевна, которую изъ милости не гнали изъ дома, жалась въ своемъ флигелечкѣ и не протестовала, не роптала и только иногда плакала о Валентинѣ, о которомъ не было ни слуха, ни духа, и о Дмитріи Платоновичѣ, который погибъ въ кабакѣ. Какъ же была она обрадована, когда получила письмо отъ Валентина Григорьевича, писавшаго, что онъ пріѣдетъ въ Вязьмитиновку. Но къ радости примѣшалось и горе: Валентинъ Григорьевичъ писалъ, что онъ сидитъ безъ гроша денегъ, и именно это обстоятельство задерживаетъ его въ Петербургѣ. У нея тоже не было ничего, чтобы послать ихъ ему. Она написала ему отвѣтъ, гдѣ горько жаловалась на судьбу, сыгравшую съ ними плохую шутку, и конфузливо извинялась по поводу своего безденежья; въ то же время она торопила Валентина перехватить гдѣ-нибудь денегъ и пріѣхать въ Вязьмитиновку, такъ какъ Иванъ Петровичъ уже находится въ имѣніи. Вслѣдъ за этимъ письмомъ обрадовало ее и другое письмо, отъ Дмитрія Платоновича. Онъ тоже писалъ, что пріѣдетъ или придетъ въ Вязьмитиновку. Письмо было

все полно шутокъ и веселости, хотя содержаніе его говорило, что старику живется далеко не весело: недаромъ же онъ пріютился гдѣ-то въ захолустномъ монастырѣ.

«Не весело ему, бѣдному, хоть и шутитъ,—со вздохомъ подумала старушка: —да и кому же теперь весело!..»

Она задумалась. Ей жилось теперь тоже тяжело.

— *Агатъ, каве ву?*—воскликнулъ Дмитрій Платоновичъ, съ шумомъ входя къ ней въ комнату съ Валентиномъ Григорьевичемъ и изумившись происшедшей въ ней перемѣнѣ.

Она осунулась, розовыя щечки поблѣднѣли, кожа на щекахъ обвисла.

— Дмитрій! Валя!—воскликнула старушка, увидавъ входившихъ къ ней родственниковъ, и торопливо и радостно стала обнимать ихъ обоихъ.—Я ужъ думала, вы не пріѣдете во-время, наслѣдства лишитесь.

— Мы-то, законные-то наслѣдники?—воскликнулъ Дмитрій Платоновичъ и расхохотался, кашляя на весь флигель.—*Кель иде!*

— Ахъ, развѣ я знаю эти дѣла!—проговорила старушка, отирая радостныя слезы.—Никакихъ дѣлъ я не знаю! И тоже стали говорить, что ты, Валя, въ Сибирь будто бы сосланъ и правъ всякихъ лишенъ, а ты, Дмитрій, умеръ гдѣ-то въ нехорошемъ мѣстѣ какомъ-то!

— *Жаме де ма ви!* воскликнулъ Дмитрій Платоновичъ и потрепалъ по плечу старушку.—Да я изъ гроба всталъ бы и пришелъ бы сюда хоть ради того, чтобы этотъ геморроидальный либералъ пережилъ *юнъ мове каръ д'еръ*!

— Про кого ты это?—спросила съ недоумѣніемъ старушка.

— Да вотъ про этого Ивана Петровича,—пояснилъ старикъ.—Мнѣ племяшъ нашъ поразсказалъ дорогой, что это за птица. Гусь! Но прежде всего, кузина, перекусить бы намъ чего, *юнъ морсо*, что называется.

Старушка сконфузилась и засуетилась, безцѣльно сунувшись къ шкапу, гдѣ у нея не было ничего, кромѣ остатковъ хлѣба.

— Да, да,—заговорила она растерянно:—только какъ-же... что дать?.. Я вѣдь теперь не хозяйка... Тутъ они поручили хозяйство этой... Евлампіи Даниловнѣ?.. Что-жъ я?..

— Они? Кто они? Кто здѣсь смѣетъ хозяйничать?—громко воскликнулъ Дмитрій Платоновичъ и постучалъ кулакомъ по столу.—Хозяйка здѣсь ты!

Старушка вздохнула, качая головой.

— Какая же я хозяйка... Сестра двоюродная послѣ брата не наслѣдница... Они тутъ хозяйничаютъ... и предводитель у нихъ былъ... и исправникъ... и... Не знаю я, кто у нихъ тутъ бываетъ, власти и судьи какіе-то, только поселились они тутъ и хозяйничаютъ...

Валентинъ засмѣялся.

— Ахъ, тетя, тетя, вы все такая же, всѣ на васъ насѣсть могутъ! Ну, да теперь все иначе пойдетъ. За нами вы, какъ за каменной стѣной, будете. Такъ, дядя?

— Еще бы! Ты намъ все сберегла, да тебя же и тѣснятъ. Нѣтъ, шалить изволите, господа! *Се сонъ де* пустяки, какъ говорится,—проговорилъ Дмитрій Платоновичъ.—Что тамъ ни будь, а усадьбу я оставлю за собой, чтобы уголъ на старость былъ мнѣ и тебѣ, а послѣ насъ все племяннику останется. Онъ у насъ славный малый. Я радъ, что познакомился съ нимъ.

Онъ потрепалъ по плечу Валентина Григорьевича.

IV.

Все общество наслѣдниковъ и родственниковъ покойнаго Павла Петровича Вязьмитинова собралось вмѣстѣ за обѣденнымъ столомъ, несмотря на то, что почти каждаго изъ нихъ волновали враждебныя чувства къ тѣмъ или другимъ изъ присутствующихъ за столомъ лицъ. Подобное настроеніе не могло содѣйствовать оживленію общества, и даже такой рѣдко унывающій человѣкъ, какъ Дмитрій Платоновичъ, чувствовалъ себя не въ духѣ и брюзжалъ, можетъ-быть, главнымъ образомъ потому, что на его потертую и засмаленную венгерку рыжаго цвѣта было брошено нѣсколько очень не двусмысленныхъ, брезгливыхъ взглядовъ Иваномъ Петровичемъ Вязьмитиновымъ и его женою. Они не считали даже нужнымъ маскироваться передъ этимъ «забулдыгою»,—какъ они называли старика. Понятно, что при такихъ отношеніяхъ присутствующихъ другъ къ другу обѣдъ тянулся довольно вяло. Говорили больше всѣхъ или, вѣрнѣе сказать, исключительно, Валентинъ Григорьевичъ и Ольга Ивановна. Они одни, казалось, сошлись дружески и не держали другъ противъ друга камня за пазухой. Разговоръ вертѣлся больше всего на воспоминаніяхъ прошлой жизни; Валентинъ Григорьевичъ коснулся, между прочимъ, того, какъ широко жилъ когда-то Нероновъ, и воодушевился, увлекся. Блескъ, роскошь, пиры, весь этотъ шумный и бле-

стящій фейерверкъ жизни всегда воодушевлялъ его и дѣлалъ краснорѣчивымъ. Ольга Ивановна слушала съ любопытствомъ, и ея темные глаза блестѣли какимъ-то особеннымъ блескомъ, особеннымъ оживленіемъ.

— Безпутное прожиганіе жизни съ девизомъ: «После на хоть потоп!»— желчно проговорилъ Иванъ Петровичъ.

Дочь мелькомъ бросила на него холодный, почти враждебный взглядъ, полный презрѣнія.

— Да, эта жизнь, должно-быть, опьяняла,—сказала она спокойнымъ тономъ, обращаясь къ Валентину Григорьевичу.— Это во всякомъ случаѣ интереснѣе скуки лицемѣрно добродѣтельнаго мѣщанства и благороднѣе тартюфства. А что, жизнь шла когда то здѣсь, въ давно былыя времена! Здѣсь вѣдь когда-то сама императрица Екатерина II пробыла сутки во время своего путешествія по Россіи. Одинъ этотъ день чего стоитъ.

— Неужели Екатерина была въ Вязьмитиновкѣ?—проговорилъ Валентинъ Григорьевичъ.

— Вы не знали этого?—удивилась Ольга Ивановна.— Наша фамилія этимъ гордилась. Это было событіемъ. Триумфальныя арки тутъ были построены, музыка выписывалась изъ другого имѣнія, гдѣ у отца Павла Петровича былъ свой театръ, и свой оркестръ, вся обстановка дома была передѣлана къ этому дню...

Она начала разсказывать живо и увлекательно объ этихъ событіяхъ, входя въ подробности, видимо гордясь тѣмъ, что одинъ изъ Вязьмитиновыхъ принималъ съ царской роскошью великую государыню.

— Да откуда вы все это знаете?— спросилъ Валентинъ Григорьевичъ, любуясь строгою красотою ея лица, разгорѣвшагося теперь яркимъ румянцемъ.

Въ этомъ оживленіи сказывалась страшная, хотя и затаенная жажда широкой жизни.

— Я же интересуюсь всѣмъ, что касается нашихъ родовыхъ преданій,—пояснила она.— Объ этомъ пріемѣ императрицы у насъ въ имѣніи есть и печатныя свѣдѣнія, и уцѣлѣла рукописная исторія въ семьѣ. Наша фамилія играла роль вообще въ русской исторіи.

— Да?—проговорилъ Валентинъ Григорьевичъ въ формѣ вопроса.—Я, признаюсь, мало интересовался этимъ да и гдѣ же было. Я вѣдь отрѣзаннымъ ломтемъ былъ, на улицѣ остался...

Иванъ Петровичъ сдѣлалъ нетерпѣливое движеніе, точно

его укололи или нанесли ему личную обиду. Но онъ сдержался, закусилъ нижнюю губу и не сказалъ ничего. Не обращая вниманія на отца, Ольга Ивановна сказала:

— Теперь можете ознакомиться: у покойнаго Павла Петровича былъ большой архивъ старинныхъ фамильныхъ бумагъ. Вообще у него домъ цѣлый музей: масса интересныхъ историческихъ документовъ, превосходныя коллекціи рисунковъ и картинъ, обширная библіотека.

— Вотъ какъ!—проговорилъ Валентинъ Григорьевичъ.— Надо будетъ познакомиться со всѣмъ. Я вѣдь даже не видалъ нашего дома. То-есть видалъ снаружи и только.

— Не хотите ли пройтись по дому?—предложила Ольга Ивановна.

— Да, да, это любопытно,—сказалъ Валентинъ Григорьевичъ.

Обѣдъ былъ конченъ и всѣ поднялись изъ-за стола. Всѣмъ уже давно хотѣлось разойтись въ разныя стороны. Ольга Ивановна и Валентинъ Григорьевичъ пошли осматривать комнаты стараго дома.

— А мнѣ тоже можно?—спросила цыпка своимъ дѣтскимъ молящимъ голоскомъ.

Ольга Ивановна пожала плечами и сухо, съ ироніей въ голосѣ отвѣтила:

— А вы думаете, что вамъ туда входъ запрещенъ?

— Цыпа, цыпа, ты только мѣшать будешь!—воскликнула Евлампія Даниловна, обращаясь къ дочери.

— Мама!—начала молящимъ голосомъ цыпка.

Ольга Ивановна бросила презрительный взглядъ на Евлампію Даниловну и сказала нѣсколько рѣзко ея дочери:

— Пойдемте же!

Они пошли въ парадныя, никѣмъ не обитаемыя послѣ смерти Павла Петровича Вязьмитинова комнаты, въ которыхъ теперь пахло немного сыростью, плѣсенью, своеобразнымъ запахомъ нежилыхъ и запертыхъ комнатъ. Во всѣхъ этихъ покояхъ пыль лежала уже довольно густымъ слоемъ, а пауки развѣсили то тутъ, то тамъ прозрачные узоры паутины. Обстановка здѣсь была характерная старинная, по большей части во вкусѣ временъ Людовика XV и до-революціонной эпохи, временъ фижмъ, напудренныхъ париковъ, шитыхъ бархатныхъ кафтановъ. Въ первой же комнатѣ Ольга Ивановна остановила вниманіе Валентина Григорьевича на нѣсколькихъ висѣвшихъ на стѣнахъ портретахъ. Это были портреты разныхъ Вязьмитиновыхъ.

Родовые портреты сгорѣли въ Москвѣ во время 1812 года,— пояснила Ольга Ивановна:—и потому имѣются только немногіе позднѣйшіе портреты. Вотъ это покойный Павелъ Петровичъ въ молодости. Характерное лицо: уже въ юности эта складка между бровей не обѣщала ни доброты, ни мягкости.

Валентинъ Григорьевичъ мало заинтересовался тусклыми и темными изображеніями родныхъ. Онъ остановился только передъ однимъ портретомъ.

— А это что за юный смѣющійся красавецъ?—спросилъ онъ.

— А, это отецъ Дмитрія Платоновича,—отвѣтила Ольга Ивановна.— Enfant terrible, bête noire Павла Петровича. Одинъ изъ тѣхъ прожигателей жизни, которыхъ такъ не любитъ папа.

— А вы любите?—съ любопытствомъ спросилъ Валентинъ Григорьевичъ.

— Я ихъ не видала,—отвѣтила она:—но во всякомъ случаѣ все новое, оригинальное любопытно.

Она оборвала этотъ разговоръ и предложила идти далѣе. Одна изъ гостиныхъ поразила Валентина Григорьевича особенною роскошью золоченой мебели и золоченыхъ причудливыхъ карнизовъ, которыми обрамлялись всѣ стѣны; обивка мебели и стѣнъ была шелковая, вышитая отъ руки цвѣтами по бѣлому, казавшемуся теперь сѣроватымъ, фону. Все это, и позолота, и вышивка, выцвѣло и полиняло, но было, тѣмъ не менѣе, прекрасно, даже, можетъ-быть, лучше, чѣмъ тогда, когда было ново; тона были мягче, нѣжнѣе, не рѣзали глазъ. На мозаичныхъ каменныхъ столешницахъ, обдѣланныхъ по краямъ бронзовыми рѣшетками и поддерживавшихся затѣйливыми золочеными ножками, красовались дорогіе подсвѣчники, часы, вазы, статуетки. Всѣ мелочи отличались фривольнымъ содержаніемъ, вездѣ были обнаженныя тѣла, идиллическія сцены любви. Валентинъ Григорьевичъ залюбовался всѣмъ этимъ, цѣлующимися голубками, танцующими нимфами, рѣзвящимися купидонами, покоящимися среди облаковъ или выходящими изъ морской пѣны Венерами.

— Смотрите, смотрите, утопаю!—воскликнула цыпка, бросаясь на одно изъ пышныхъ широкихъ креселъ, точно простиравшихъ объятія къ посѣтителямъ.

Подушки креселъ были набиты чистымъ пухомъ и, опускаясь на нихъ, человѣкъ точно тонулъ въ этихъ пуховикахъ. Валентинъ Григорьевичъ обратилъ вниманіе на ди-

ваны и канапэ и замѣтилъ, что они походили со своими пуховыми подушками на широкія мягкія постели.

— Да, люди тогда, должно-быть, умѣли жить въ свое удовольствіе,—проговорилъ онъ, какъ бы очнувшись, и невольно взглянулъ на отражавшееся въ зеркалѣ прекрасное лицо Ольги Ивановны, задумчиво остановившейся передъ группой амуровъ, везущихъ колесницу съ снопами ржи и возсѣдавшими на снопахъ другими амурами. Ея щеки были залиты румянцемъ, губы полуоткрыты, грудь подымалась усиленнымъ дыханіемъ.

«Какъ хороша она!—подумалъ онъ.—Жаль только, что немного высока ростомъ и крупна по фигурѣ».

Она инстинктивно замѣтила, что онъ вглядывается въ ея отраженіе, и торопливо заговорила:

— Да, умѣли жить, цѣльныя натуры были и притомъ вообще крупные люди. Это нынче все мельчаетъ и—ахъ, это скучное мѣщанство, это скучное мѣщанство! Какъ оно иногда тошно!

Онъ опять взглянулъ на нее и подумалъ, что она-то не можетъ жаловаться на измельчаніе, ну, а насчетъ жизни она, кажется, не очень-то довольна ею. Вѣрно, развернуться по-своему хотѣлось бы, да и пора вѣдь. Онъ началъ мысленно считать, сколько ей лѣтъ и мѣсяцевъ.

Они перешли въ залъ въ два свѣта, съ хорами, съ большими окнами внизу, съ расписанными стѣнами и потолками. Залъ казался съ непривычки немного пестрымъ, но потомъ заинтересовывалъ и производилъ пріятное впечатлѣніе, кругомъ былъ, казалось, весь Олимпъ въ сборѣ. Это была цѣлая исторія миѳологіи, нагія фигуры боговъ и богинь и вездѣ любовь, любовь и любовь.

— О, о!—крикнула громко цыпка и захохотала, услышавъ, какъ отдался ея голосъ подъ высокимъ куполомъ залы.—Кто тамъ? Это я. Кто ты? Цыпка,—продолжала она забавляться, перекликаясь съ эхо.

— Это зало, конечно, придется уничтожить тому, кто оставитъ за собой домъ,—сказала не безъ грусти Ольга Ивановна:—а между тѣмъ, какъ жаль эту стѣнную живопись! Вѣдь это все копіи съ болѣе или менѣе извѣстныхъ картинъ. Вотъ тамъ, видите, наверху, это «Аркадскія пастушки» Николая Пуссэна въ копіи, а тутъ вотъ въ томъ медальонѣ, на бюллюстрадѣ хоръ, совершенно вѣрно переданы «Мельпомена, Эрато и Полимнія» Сюера. Очень хорошія копіи. Въ коллекціяхъ картинъ покойнаго Павла

Петровича есть замѣчательные оригиналы и копіи съ рисунковъ въ особенности Прюдона и Фрагонара.

Она заговорила о живописи, называя особенно нравившіяся ей произведенія старыхъ мастеровъ, упоминая о лучшихъ европейскихъ коллекціяхъ, галлереяхъ, музеяхъ. Она знала даже анекдотическую часть жизни художниковъ и судьбы ихъ произведеній, жалѣла барона Гро за то, что онъ утопился, и вдавалась въ соображенія о томъ, что вышло бы изъ Александра Декана при правильномъ образованіи. Онъ слушалъ ее въ нѣкоторомъ смущеніи: для него все это были слова и только слова. Ни Пуссэновъ, ни Прюдоновъ, ни Фрагонаровъ, ни Дюреровъ, ни Кранаховъ, ни Грю онъ никогда не видалъ, никогда не слыхалъ о нихъ. Правда, онъ видѣлъ множество картинъ въ окнахъ эстампныхъ магазиновъ и даже очень любилъ нѣкоторыя изъ нихъ, не зная вовсе имена ихъ авторовъ и даже не интересуясь, кто авторъ какого-нибудь нравившагося ему францисканскаго монаха, пришелкивающаго языкомъ, пробуя доброе винцо; можетъ-быть, даже и не стоило запоминать имени автора этого монаха, такъ какъ такихъ монаховъ, щелкающихъ языкомъ, подмигивающихъ глазомъ и пьющихъ винцо, имѣются сотни и сотни изображеній, одни смѣшнѣе другихъ.

— Ау! ау! рѣзко пронеслось по залѣ съ хоръ и отдалось во всѣхъ ея углахъ.

Ольга Ивановна вздрогнула и сдѣлала досадливую гримасу, взглянувъ мелькомъ на перевѣсившуюся черезъ перила хоръ цынку.

— Вы любите, должно-быть, живопись?—спросила она у Валентина Григорьевича.- Въ дѣтствѣ вы подавали надежды сдѣлаться художникомъ.

— Да, люблю, но... но я не изучалъ этого предмета,— отвѣтилъ Валентинъ Григорьевичъ: -а вы... кажется, вы много занимались этимъ.

— Да, я изучала, то-есть читала много,—отвѣтила Ольга Ивановна.— Я и сама рисую на фарфорѣ, тоже занимаюсь выжиганьемъ на деревѣ...

— Выгодно это? спросилъ Валентинъ Григорьевичъ, не зная, что сказать.

— То-есть какъ это? -спросила удивленно Ольга Ивановна.—Я не ради выгоды.

— А для чего же?

Она съ еще бо́льшимъ удивленіемъ взглянула на него,

но не сразу отвѣтила ему. Потомъ, усмѣхаясь насильственной улыбкой, она проговорила:

— Пожалуй, вы и въ правѣ спросить: для чего же! но вѣдь такъ же нельзя сидѣть, безъ дѣла. Ахъ, какая скука наша жизнь! Вотъ и пишешь по фарфору, по атласу, выжигаешь по дереву, работаешь иглой на кожѣ. Оно все же интересно, особенно когда работаешь съ хорошихъ образцовъ или...

Она не кончила фразы, сознавая, что ей давно уже надоѣли всѣ эти работы, предпринятыя отъ скуки, никому не нужныя, ничтожныя, какъ тѣ люди, которые тѣшатся ими. У нея стало скверно на душѣ. Онъ не спѣшилъ поддержать начатаго ею разговора о живописи и торопливо заговорилъ съ цыпкой:

— А вы не боитесь, что перила обломятся?—крикнулъ онъ ей, глядя вверхъ.

— А свалюсь, вы меня словите! — отвѣтила она со смѣхомъ.

— А вдругъ не сдержу!—сказалъ онъ.

— Вы-то? Я легкая! Хотите, соскочу?

— Пойдемте въ библіотеку,—рѣзко и нетерпѣливо сказала Ольга Ивановна.

Въ ея движеніяхъ, въ ея голосѣ чувствовалось легкое нервное раздраженіе.

Они пошли дальше, слыша, какъ стучитъ каблучками о деревянныя ступени лѣстницы торопливо сбѣгающая съ хоръ цыпка.

— У, какъ здѣсь темно! —воскликнула цыпка, вбѣгая въ полутемную библіотеку, сплошь заставленную разными шкапами изъ темнаго дуба съ такимъ же круглымъ столомъ посрединѣ, окруженнымъ стульями съ высокими рѣзными спинками. Надъ столомъ высоко поднимался старинный глобусъ, на высокой ножкѣ.

— Да, здѣсь точно темно,—сказалъ Валентинъ Григорьевичъ, всматриваясь въ обстановку комнаты.

— Ставни почти у всѣхъ оконъ заколочены, это оттого и темно,—пояснила Ольга Ивановна.—Я именно потому и люблю эту комнату, тутъ есть что-то напоминающее средніе вѣка, алхимиковъ, искателей жизненнаго эликсира и философскаго камня. Мнѣ такъ и кажется, что тутъ за одной изъ этихъ высокихъ спинокъ стульевъ сидитъ, сгорбившись, какой-нибудь старый алхимикъ и смотритъ на это изображеніе земного шара, на эту большую игрушку, которую

хочетъ передѣлать и подчинить своей волѣ человѣкъ, и тутъ же невольно упадаютъ его взоры на это memento mori, говорящее о суетности всѣхъ нашихъ стремленій, о пустотѣ всего земного...

Валентинъ Григорьевичъ взглянулъ по направленію бѣлѣвшейся въ полутьмѣ руки Ольги Ивановны, указывавшей на что-то лежавшее на столѣ, наклонился немного къ столу и съ отвращеніемъ, почти съ испугомъ воскликнулъ:

— Да эту гадость выкинуть надо! Это чортъ знаетъ что! Человѣческая голова!

Ему вдругъ вспомнились двѣ другія мертвыя головы: одна съ прострѣленнымъ черепомъ, залитая кровью, и другая съ вытаращенными глазами и прикушеннымъ языкомъ.

Ольга Ивановна усмѣхнулась.

— Вы, кажется, стараго черепа испугались?

— Не испугался, а гадость это,—сказалъ Валентинъ Григорьевичъ, стараясь подавить свое волненіе.

Она взяла черепъ, старый, пожелтѣвшій, съ поломанными остатками зубовъ, и стала всматриваться въ него.

— Охота руки пачкать! брезгливо проговорилъ Валентинъ Григорьевичъ.

— Онъ же совершенно чистый,—равнодушно отвѣтила она и задумалась:—интересно бы знать, чей это черепъ, можетъ-быть, какого-нибудь человѣка, обольщавшаго всѣхъ своей красотой, а теперь...

«Ну, да, ты вотъ такой будешь»,—обозленно подумалъ Валентинъ Григорьевичъ, не любившій и боявшійся всякихъ напоминаній о смерти, и хотѣлъ выйти изъ библіотеки, какъ вдругъ позади его раздался голосъ цыпки:

— Нѣтъ, нѣтъ, взгляните сюда! что за видъ! Вы въ эту щелку взгляните!

Она потащила его къ окну, затащила за спущенныя тяжелыя занавѣси, приблизила къ ставню. Сквозь неплотно забитый ставень можно было разсмотрѣть передъ библіотекой видъ—широкую просѣку, тянувшуюся между двумя высокими стѣнами лѣса. Она заканчивалась прекраснымъ пейзажемъ: за нею былъ крутой обрывъ, а далѣе разстилалась широкая гладь полей съ разлившейся рѣкой на горизонтѣ: тамъ заходило въ эту минуту солнце, заливая все: и поля, и лѣсъ, и зеркальную гладь рѣки багровымъ заревомъ пожара.

— Хорошо? — тихо спросила Валентина Григорьевича цыпка и въ порывѣ восторга взяла его за рукавъ.—Правда, хорошо?

— Удивительно!—проговорилъ онъ, залюбовавшись чудной картиной.

Когда онъ и цыпка обернулись назадъ, раздвинувъ занавѣсъ, Ольга Ивановна въ какомъ-то тупомъ оцѣпенѣніи стояла все на томъ же мѣстѣ съ черепомъ въ рукахъ.

«Гамлетствующая дѣвица»,—мелькнуло въ головѣ Валентина Григорьевича, и онъ заторопился выйти изъ кабинета.

«Непремѣнно выброшу эту дрянь и вообще сдѣлаю эту комнату веселенькой, когда домъ достанется мнѣ»,—рѣшилъ онъ, направляясь изъ кабинета въ обратный путь...

Утомленный и поѣздкою, и хожденіемъ по дому, онъ рано отправился спать.

Во второмъ этажѣ большого дома шелъ цѣлый рядъ комнатъ окнами во дворъ; двери комнатъ выходили въ коридоръ; эти комнаты въ былые годы спеціально предназначались для гостей. Въ каждой комнатѣ стояли кровати, умывальники, шкапы, какъ въ номерахъ гостиницъ. Старикъ-слуга, введшій Валентина Григорьевича въ одну изъ этихъ комнатъ, замѣтилъ, шамкая, молодому барину, что эта комната и теплѣе другихъ и поспокойнѣе, «въ середкѣ приходится».

Валентинъ Григорьевичъ быстро раздѣлся и съ наслажденіемъ опустился на пуховикъ, заложивъ руки подъ голову и вытянувшись во весь ростъ. Около постели стоялъ ночной шкапикъ съ горящею на немъ свѣчою. Несмотря на усталость, Валентинъ Григорьевичъ не могъ уснуть сразу. Въ головѣ бродили безсвязные отрывки мыслей.

Точно въ сказкѣ, все перевернулось въ его жизни. Наслѣдство съ неба упало. Съ неба ли? Вязьмитиновы—старая фамилія, родни много, еще, можетъ-быть, и не одно наслѣдство онъ получитъ. Это какіе-нибудь Иваны, непомнящіе родства, на наслѣдство разсчитывать не могутъ. Да, хорошо быть родовитымъ человѣкомъ. Гамлетствующая дѣвица недаромъ исторію своего рода изучила, у нея не уплыветъ изъ рукъ никакое наслѣдство. Хороша она, только крупна очень и ужъ больно много знаній нахватала, и объ исторіи, и объ искусствѣ, и объ алхиміи. А черепъ надо будетъ выкинуть. И для какого чорта покойницкую голову въ домѣ держалъ Павелъ Петровичъ? Чтобы о смертномъ часѣ помнить? А не хотѣлось, должно-быть, умирать и ему, и всѣмъ его предкамъ. Хорошо они жили. Особенно хорошо, должно-быть, пожилъ тотъ вонъ, отецъ Дмитрія Платоновича, котораго гамлетствующая дѣвица назвала enfant ter-

rible и bête noire Павла Петровича. Недаромъ онъ такимъ красавцемъ былъ. Поди, отъ бабъ отбою не было. Тоже и онѣ хотятъ жить. Гамлетствующая дѣвица, вѣроятно, тоже не прочь пожить хорошо. Не даромъ нервничаетъ да мечтаетъ. Еще бы! выцвѣтать начала, по фарфору пишетъ, выжиганьемъ на деревѣ занимается—это ужъ не къ добру, начало конца. Съ радости фарфоровыя тарелки раскрашивать не станешь. Теперь вотъ развѣ выйдетъ замужъ, когда разбогатѣютъ. Да разбогатѣютъ ли? Семья-то у нихъ большая, а наслѣдство теперь не очень-то крупное достанется, вдвое меньше, чѣмъ ему и Дмитрію Платоновичу. Иванъ Петровичъ, вѣрно, съ охотою придушилъ бы ихъ, а она, гамлетствующая дѣвица, и съ руками, и съ ногами замужъ бы вышла за него, за Валентина Григорьевича. Еще бы! Теперь за него всякая пойдетъ: и хоронитъ собою, и молотъ, и богатъ...

Онъ самодовольно сладко потянулся и, задувъ свѣчу, началъ дремать, улыбаясь въ полуснѣ.

V.

Софья Никоновна страдала мигренью и лежала на кушеткѣ, брюзжа и охая, то и дѣло прикладывая ломтики лимона къ виску. Это ей облегчало боль въ вискѣ. Дурное расположеніе духа вызывалось не столько мигренью, сколько вчерашнимъ долгимъ разговоромъ съ мужемъ. Она относительно терпѣливо выносила всякія напасти и наказанія божескія, кромѣ разговоровъ мужа. Хуже этой напасти для нея не было ничего. Какъ нарочно, эта бѣда обрушивалась на нее всегда передъ ночью, когда мужъ и жена оставались одни въ своей спальнѣ. Такъ случилось и на этотъ разъ.

Иванъ Петровичъ наканунѣ вечеромъ проходилъ цѣлый часъ по спальнѣ, изъ одного угла въ другой, горячась и волнуясь по поводу пріѣзда нежданныхъ сонаслѣдниковъ. Все, что накипѣло въ его душѣ въ теченіе прошедшаго дня, должно было излиться и излилось теперь передъ женою. Обыкновенно, чѣмъ дольше онъ говорилъ, тѣмъ сильнѣе онъ взвинчивалъ свое дурное настроеніе, ускоряя шаги и возвышая голосъ. Трудно было уловить ходъ его мысли въ такія минуты раздраженія. Вчера, говоря съ женою или вѣрнѣе, говоря передъ женою, онъ ругалъ себя и за то, что онъ твердо вѣрилъ въ гибель и исчезновеніе съ лица земли или, по крайней мѣрѣ, съ лица Европейской Россіи

Валентина, и за то, что онъ поддался на удочку розсказней Евлампіи Даниловны, ораторствовавшей о смерти Дмитрія Платоновича въ кабакѣ или гдѣ-то въ худшемъ мѣстѣ. Эти два бродяги, какъ энергично выражался онъ, неожиданно смутили его миръ и спокойствіе, вставъ поперекъ дороги у него и у его брата. Положимъ, наслѣдство велико, но большая разница получить шестую часть его вмѣсто половины, и притомъ эти долги, долги! Ничего у нихъ не останется за отдачею долговъ. А какъ ихъ было не дѣлать? Онъ не кто-нибудь, онъ Вязьмитиновъ, онъ не въ подвалѣ какомъ-нибудь выросъ, онъ не въ какомъ-нибудь пріютѣ воспитывался, а въ училищѣ правовѣдѣнія! Онъ не можетъ жить по-свински. Онъ, навинчивая себя, дошелъ, по своему обыкновенію, до того, что началъ говорить невозможныя глупости. Подобныхъ бродягъ, какъ Валентинъ и этотъ старикъ, ораторствовалъ онъ, закономъ бы надо лишать правъ наслѣдства. Давать имъ подобныя права значитъ поощрять развратъ и пьянство, способствовать паденію нравовъ и разложенію общества. Только потому и падаютъ нравы и разлагается общество, что бродяги и честные граждане пользуются одинаковыми правами. Родовое наслѣдство, деньги, скопленныя скряжничествомъ въ теченіе десятковъ лѣтъ, все пойдетъ въ кабаки и въ веселые дома, на кутежи и оргіи. Честные люди сдѣлаются чуть не нищими, а мерзавцы разбогатѣютъ на ихъ счетъ. Онъ говорилъ все это серьезно, не замѣчая даже того, что онъ говоритъ сумбуръ. Далѣе онъ перешелъ къ покойному Павлу Петровичу. Хорошъ былъ этотъ старый скряга, выжившій изъ ума маніакъ! Никогда ничѣмъ не помогъ имъ и вдобавокъ не сдѣлалъ никакого духовнаго завѣщанія, чтобы его богатства попали въ достойныя руки.

Жена очень хорошо знала, что Иванъ Петровичъ въ такія минуты раздраженія готовъ ораторствовать цѣлые часы, вертясь около одной и той же темы, бѣгая по комнатѣ, какъ бѣлка въ колесѣ, бормоча и выкрикивая, какъ помѣшанный, все, что взбредетъ на умъ, и тоскливо слушала его, предчувствуя на завтра непремѣнную мигрень.

— Зато эта побирушка, эта приживалка, должно-быть, теперь ликуетъ и радуется!—вдругъ перескочилъ Иванъ Петровичъ къ новой темѣ.

— Ты это объ этой... какъ ее?.. объ Агаѳьѣ?—презрительно произнесла жена замогильнымъ тономъ.

— Вовсе не объ ней!—нетерпѣливо отвѣтилъ Иванъ

Петровичъ.—Вовсе не объ ней! Что она? Богомъ прибленный человѣкъ! Я говорю объ Евлампіи, объ этой черносалопницѣ, объ этой приживалкѣ съ ея пошлой цыпкой. Придумала тоже кличку для своей Евгеніи Семеновны! Ужъ просто звала бы ее дурищей, чортовой перечницей, ослицей Валаама! Это было бы характернѣе и ближе къ правдѣ!

Онъ уже выкрикивалъ слова и готовъ былъ ругаться, какъ пьяный мужикъ. Это всегда бывало съ нимъ въ минуты крайняго раздраженія.

— Чего же ей ликовать?—спросила тоскливо жена, ничего не понимая.

— Какъ чего?—воскликнулъ Иванъ Петровичъ.—И ты еще спрашиваешь! Да ты оглупѣла совсѣмъ со своими мигренями. Ты слышала вчера наивныя глупости этой цыпки, восклицанія о его красотѣ и пошлые ужасы ея матушки по поводу того, что это коршунъ. Дочь въ восторгѣ, а мать начнетъ ее еще взвинчивать насчетъ того, что коршунъ можетъ похитить цыпку. Коршунъ и цыпка! Мерзости! Шлюхи мокрохвостыя, шляются изъ дома въ домъ въ погонѣ за женихомъ.

Онъ еще болѣе быстро и нетерпѣливо зашагалъ по спальнѣ, мелькая, какъ маятникъ, взадъ и впередъ передъ глазами жены. Она ужъ теперь нисколько не сомнѣвалась въ томъ, что завтра у нея будетъ мигрень и «мельканіе въ глазахъ». Она чувствовала, что это уже начинается.

— Правда говорится, что дуракамъ и мерзавцамъ счастье!—заговорилъ онъ снова.—Они вотъ всѣ ликовать будутъ, а мы—теперь дай Богъ долги уплатить, а чтобы что-нибудь осталось дѣтямъ—объ этомъ нечего и думать. Тоже обзавелись семейкой, на каждый ротъ припасай пищу. Я думаю, дѣдъ въ гробу перевернулся бы, если бы узналъ, какимъ плутамъ и разбойникамъ его богатства достанутся. Да ему-то и подѣломъ бы!

— Но, можетъ-быть, Валентинъ и не обратитъ вниманія на эту глупую дѣвчонку,—проговорила жена уныло.

— Заставятъ обратить вниманіе, заставятъ, когда повѣсятся ему на шею!—вскрикнулъ Иванъ Петровичъ.—Развѣ онъ способенъ разбирать? Неучъ, неразвитой, невоспитанный человѣкъ, болванъ, ему чѣмъ глупѣе дѣвушка, тѣмъ лучше. Это одного поля ягода съ нимъ, пара ему! Да если бы и не такъ, то его подведутъ, заставятъ ее соблазнить, силой сдѣлаютъ виновнымъ и потомъ благословятъ въ рѣшительную минуту. Для нихъ всѣ способы хо-

роши, лишь бы была достигнута цѣль. Что имъ честь, этимъ бродягамъ!

Жена вздохнула.

— Бѣдная Оля!—проговорила она.—Я такъ надѣялась, что это наслѣдство дастъ ей возможность не быть безприданницей.

— Мало ли мы на что надѣялись! А теперь вотъ и придется ей сидѣть въ дѣвкахъ.

Онъ еще съ полчаса промучилъ жену и, наконецъ, когда у него стали подкашиваться отъ усталости ноги, съ шумомъ бросился на постель и улегся спать.

Софія Никоновна, какъ она и ожидала, встала на другой день съ страшною мигренью. Тотчасъ же послѣ утренняго чаю, къ ней пришла Евлампія Даниловна. Узнавъ, что та не такъ здорова, Евлампія Даниловна заохала, засуетилась, настояла, чтобы та легла на кушетку, и заботливо поправила подъ ея головой подушку, одернула на ея ногахъ юбки и платье, невыносимо досаждая ей и все повторяя, что при мигрени первое лѣкарство—спокойствіе. Затѣмъ, присѣвъ около кушетки и совѣтуя больной уснуть, поспѣшно заговорила:

— Ахъ, и я совсѣмъ сама не своя! Цыпка моя меня просто сокрушаетъ. Вотъ вообразила, что самый этотъ—какъ его?—Валентинъ Григорьевичъ, что ли?—красавецъ будто бы, и весь вечеръ, весь вечеръ со мной объ этомъ проговорила. Извѣстно, дитя наивное! Сердиться даже нельзя на нее. А я ужъ вижу, что это за гусь! Каторжникъ какой-то бѣглый...

— Ахъ, что вы за глупости говорите!—тоскливо воскликнула Софья Никоновна.—Какой же онъ каторжникъ.

— Да я въ томъ смыслѣ, ангелъ мой, какъ вы сами говорили, что онъ изъ гимназіи выгнанъ, какъ послѣдній негодяй, и бродягой сталъ, и дуракъ набитый...

— Вовсе я этого вамъ не говорила,—запротестовала больная.

— Нѣтъ, душечка, какъ же такъ? И вы, и Иванъ Петровичъ говорили это.

Она умильнымъ лицомъ обратилась къ сидѣвшей у открытаго окна съ книгою въ рукахъ Ольгѣ Ивановнѣ.

— Вѣдь такъ, ангелъ мой? И папаша, и мамаша не разъ разсказывали, какой онъ негодяй былъ еще ребенкомъ? Я его, еще не зная, возненавидѣла отъ всей души. И каково же материнскому моему сердцу было бы, если бы моя

невинная цыпка влюбилась въ него, въ этого аспида? Хотя она и не такого образованія и воспитанія, ангелъ мой, какъ вы, потому мы люди бѣдные и простые, а все же такого афронта я не перенесла бы. Я мать! Не такъ ли, ангелъ мой?

Не знаю,—сухо отвѣчала Ольга Ивановна, не отрывая глазъ отъ книги:—это ужъ ваше дѣло.

— Да ужъ вѣрно, вѣрно, что не перенесла бы,—съ убѣжденіемъ сказала Евлампія Даниловна:—хоть я не того круга и не того воспитанія, какъ ваши родители. Я и цыпкѣ все это разсказала, какъ вы его аттестовали и какими красками изобразили, чтобы цыпка боялась его. «Какъ отъ огня говорю, бѣги отъ него...»

Ольга Ивановна засмѣялась короткимъ, тихимъ смѣхомъ.

— Чему же вы, душа моя, чему?—спросила Евлампія Даниловна.

— А тому, что ваша дочь, какъ видно, не особенно послушна,—насмѣшливо отвѣтила молодая дѣвушка, мелькомъ взглянувъ въ окно, выходившее въ садъ.

— А что? А что?—подобопытствовала Евлампія Даниловна.

— Вонъ она гуляетъ по саду съ Валентиномъ Григорьевичемъ и Дмитріемъ Платоновичемъ,—пояснила Ольга Ивановна, продолжая снова глядѣть въ книгу.

— Что вы? Что вы?—съ ужасомъ воскликнула Евлампія Даниловна, подбѣжавъ къ окну, и всплеснула руками.—Ахъ, ахъ, и въ самомъ дѣлѣ! Смотрите, смотрите, смотрите! И этотъ старый донъ Жуанъ, прости, Господи, мое прегрѣшеніе, съ ними. Ну, научитъ тоже добру. Господи, вотъ бѣда-то! Хоть уѣхать, такъ въ пору...

— Зачѣмъ же дѣло стало?—холодно спросила Ольга Ивановна, пристально взглянувъ на Евлампію Даниловну.

— Да какъ же, какъ же уѣхать до раздѣла наслѣдства?—съ наивнымъ видомъ проговорила Евлампія Даниловна.—И притомъ, мы люди бѣдные, ангелъ вы мой, гдѣ приткнулись, такъ и слава Богу...

И, перемѣнивъ тонъ, она проговорила:

— Вотъ вы счастливица: барышня умная, образованная, всякія книги читали, людей знаете: васъ никакой проходимецъ на удочку не подцѣпитъ. Нѣтъ, не такъ это просто. Мамаша и папаша выяснили вамъ, что это за гусь лапчатый, вы не броситесь къ нему на шею, не станете рѣчамъ сахарнымъ, развѣся уши, внимать, а моя цыпочка—

сама простота и молода она! Охъ, а простота хуже воровства. Теперь бѣда мнѣ, смотри въ оба...

Она встала и направилась къ двери, громко разсуждая:

— Пойти позвать дѣвочку до бѣды! Неравенъ часъ и поздно будетъ!

Едва закрылась за ней дверь, какъ Ольга Ивановна поднялась съ мѣста и выпрямилась во весь ростъ, отбросивъ рѣзкимъ движеніемъ книгу. Въ эту минуту выраженіе ея красиваго лица походило на выраженіе лица Ивана Петровича, когда онъ сердился: тѣ же сдвинутыя брови, тотъ же взглядъ исподлобья, та же закушенная нижняя губа. Она прошлась по комнатѣ, какъ ходилъ въ минуты волненія ея отецъ, тяжело дыша высоко поднимавшейся грудью, и наконецъ, остановилась передъ матерью, зорко смотря на ея желтое лицо.

— Она непремѣнно рѣшилась выдать замужъ свою цыпку за Валентина?—спросила она.

— Ахъ, почему я знаю!—раздражительно воскликнула мать.—Мнѣ, право, не до того! У меня и такъ мигрень!

Дочь снова заходила по комнатѣ.

— И съ какой стати вы всѣ его бранили?—строптиво заговорила она.—Съ какой стати? Что онъ вамъ сдѣлалъ? Выгнали когда-то человѣка мальчикомъ на улицу за какую-то удачную и остроумную карикатуру и потомъ стали его же обливать грязью, когда онъ очень понятнымъ образомъ разлѣнился, засѣлъ въ классѣ. Вообразили потомъ почему-то, что онъ сосланъ въ Сибирь, что онъ умеръ, и теперь не находите ничего лучшаго, какъ ругать его при какой-то побирушкѣ, которая очень разсчетливо желаетъ женить его на своей дочери!

— Да намъ-то что до этого?—почти простонала мать.

Дочь посмотрѣла на нее такъ, какъ смотрѣлъ на жену иногда Иванъ Петровичъ, не то съ состраданіемъ, не то съ презрѣніемъ. Въ ея душѣ поднялась почти ненависть къ матери, къ отцу, къ той жизни, которую ее заставляли вести въ теченіе послѣднихъ четырехъ-пяти лѣтъ.

Неудавшійся карьеристъ изъ правовѣдовъ николаевскаго царствованія, Иванъ Петровичъ сдѣлался фрондеромъ и будирующимъ чиновникомъ. Новое царствованіе и новыя вѣянія породили въ его душѣ надежды, и онъ началъ на всѣхъ парахъ либеральничать. Отъ либеральнаго фразерства въ его домѣ нельзя было никуда укрыться, что не мѣшало

ему и гнуть спину передъ вліятельными людьми, и быть деспотомъ въ семьѣ. Его дѣти съ одной стороны должны были повторять либеральныя фразы отца, а съ другой не пикнуть передъ его волей. Болѣе всего испытала эту двойственность старшая дочь: она должна была быть эмансипированной дѣвицей и, въ то же время, вести знакомство только съ тѣми людьми, которые были нужны ея отцу. Эмансипированность ея заключалась въ томъ, что она ѣздила съ отцомъ на модныя лекціи, играла въ аристократическихъ спектакляхъ въ пользу трудящихся женщинъ, участвовала на свѣтскихъ базарахъ въ пользу яслей и пріютовъ, училась музыкѣ и пѣнію, рисовала и писала на фарфорѣ и на атласѣ, вышивала узоры на деревѣ, дѣлала цвѣты изъ кожи, однимъ словомъ, слѣдовала всему, что было въ модѣ для молодыхъ эмансипированныхъ дѣвушекъ хорошаго круга, а дома выносила вмѣстѣ съ братьями, сестрами и матерью бури по поводу отцовскихъ неудачъ въ карьерѣ или лишняго истраченнаго гроша. Эти бури были тѣмъ несноснѣе, что онѣ выражались не въ какихъ-нибудь грубыхъ выходкахъ, не въ кулачной расправѣ, а сводились къ разглагольствованіямъ, къ жалкимъ словамъ, къ брюзжанью безъ конца, къ пиленью тупымъ ножомъ. Это въ концѣ концовъ раздражало, какъ жужжанье неотвязнаго комара надъ самымъ ухомъ человѣка со связанными руками: это портило характеры, пріучая ихъ къ мелкой придирчивости, къ мѣщанской сварливости, къ страсти огрызаться. Неглупая отъ природы, Ольга Ивановна возненавидѣла либерализмъ и стала считать его синонимомъ выгодной лжи, лицемѣрію, тартюфствомъ, какъ выражалась она. Жить, то-есть, выѣзжать въ свѣтъ, она начала очень рано, такъ какъ отецъ разсчитывалъ на ея красоту и думалъ, что она составитъ выгодную партію. Ожиданія не сбылись. Годы шли, а жениховъ не являлось, хотя ухаживала за ней вся окружавшая ее молодежь. Молодые люди говорили, что она слишкомъ хороша для обѣдной невѣсты; другіе разсуждали, что она слишкомъ развита и эмансипирована для роли законной жены. Ей шелъ двадцать второй годъ, а она уже пять лѣтъ выѣзжала въ свѣтъ и уже начинала серьезно задумываться о томъ, что же будетъ дальше, когда пришло извѣстіе о смерти Павла Петровича Вязьмитинова, извѣстіе о наслѣдствѣ, о богатствѣ. Этой минуты ждали въ домѣ всѣ нетерпѣливо въ теченіе многихъ лѣтъ, досадуя, что этотъ старикъ зажился на свѣтѣ. Во имя этой минуты дѣ-

лались долги, давались векселя. Умретъ старикъ—все уплатится! Размѣры наслѣдства, по обыкновенію, преувеличивались. Наконецъ, настала минута награды за долготерпѣніе. Въ городѣ заговорили о милліонномъ наслѣдствѣ, объ огромномъ имѣніи, о какихъ-то домахъ въ Москвѣ. Иванъ Петровичъ былъ всегда способенъ на увлеченія и повѣрилъ въ эти толки, не сообразивъ даже того, что они возникли вслѣдствіе его собственнаго хвастовства и вслѣдствіе бахвальства его покучивавшихъ сыновей. Кромѣ грезъ о колоссальности наслѣдства, онъ увлекся и блестящими мечтами о томъ, что онъ и его братъ Николай, жившій постоянно за границей, являются единственными наслѣдниками, такъ какъ о Валентинѣ Григорьевичѣ не было ни слуху, ни духу, а о существованіи какого-то Дмитрія Платоновича Вязьмитинова Иванъ Петровичъ даже и не подозрѣвалъ. Теперь оказывалось, что наслѣдство вовсе не такъ велико, какъ предполагалось, и что, кромѣ того, оно должно дѣлиться на нѣсколько частей и часть Ивана Петровича вовсе не такъ значительна, какъ онъ предполагалъ. Львиная часть доставалась не ему, а двумъ другимъ сонаслѣдникамъ, получившимъ въ четыре раза болѣе, чѣмъ онъ. Молодую дѣвушку это извѣстіе точно пришибло. Она не думала ни о чемъ, кромѣ того, что у нихъ лично попрежнему не будетъ почти ничего и только убавятся долги. Но когда она увидала, что дочь Евлампіи Даниловны явно мѣтитъ завладѣть Валентиномъ Григорьевичемъ, у нея поднялось какое-то скверное чувство зависти. Ничего подобнаго не ощущала она прежде. Эта глупая, неразвитая, необразованная дѣвчонка завладѣетъ богатымъ женихомъ, а она и тутъ останется ни при чемъ со своею красотой, умомъ, образованіемъ. Ей самой было гадко это чувство; она относилась къ нему брезгливо, но побѣдить его она была не въ силахъ. Сердясь на себя за это чувство, она готова была теперь презирать всѣхъ: отца—за то, что онъ когда-то такъ черство и безсердечно выгналъ Валентина; мать—за то, что та носилась со своими мигренями болѣе, чѣмъ съ заботами о дѣтяхъ; Евлампію Даниловну—за ея пошлое поведеніе въ качествѣ матери, ловящей жениха для дочери; цыпку—за ея безстѣнчивое ухаживаніе за первымъ встрѣчнымъ; Валентина Григорьевича—за его сближеніе съ неизвѣстной ему дѣвчонкой. Всѣ эти люди казались ей пошлыми и глупыми, и чѣмъ пошлѣе и глупѣе казались они ей, тѣмъ досаднѣе ей было сознавать, что именно имъ-то она и завидуетъ, что

именно они-то и будутъ счастливы, тогда какъ она останется въ ожиданіи одного участи старой дѣвы.

А они и точно были счастливы: по крайней мѣрѣ, Валентинъ Григорьевичъ, цыпка, ея мать, Дмитрій Платоновичъ и Агаѳья Матвѣевна точно ожили со дня пріѣзда Валентина Григорьевича и Дмитрія Платоновича. Они вдругъ образовали какой-то отдѣльный кружокъ, точно заключили наступательный и оборонительный союзъ противъ семьи Ивана Петровича Вязьмитинова. Особенно счастливымъ чувствовалъ себя Валентинъ Григорьевичъ, отдыхая отъ недавнихъ невзгодъ и беззаботно слушая немолчныя щебетанья цыпки.

Цыпка была маленькое ростомъ, миніатюрное существо съ волосами льняного цвѣта, съ глазами цвѣта васильковъ, съ щебечущею рѣчью. Она говорила много и говорила о чемъ попало, все, что Богъ на душу положитъ, не стѣсняясь, не обдумывая своихъ словъ, глупо ли, умно ли—ей было все равно. Эти легкомысліе и откровенность часто приводили въ отчаяніе ея мать, но теперь они оказались какъ разъ кстати. Никакія хитрости и умные разговоры не могли завоевать сердца Валентина Григорьевича такъ, какъ завоевало его это щебетаніе, которое онъ теперь слушалъ по цѣлымъ днямъ.

— Вы гдѣ же собственно живете постоянно?—разспрашивалъ Валентинъ Григорьевичъ у цыпки, гуляя съ нею и съ Дмитріемъ Платоновичемъ по тѣнистому и обширному вязьмитиновскому саду.

— Нигдѣ мы не живемъ съ мамой, мы гостимъ все,—отвѣтила, не задумываясь, цыпка.

Дмитрій Платоновичъ разсмѣялся шумнымъ смѣхомъ, по обыкновенію перешедшимъ въ кашель.

— Какъ гостите?

— Да такъ, то у однихъ, то у другихъ знакомыхъ и родственниковъ гостимъ,—отвѣтила цыпка.—У насъ вѣдь ничего нѣтъ, ни земли, ни дому, ни квартиры.

— Ну, этимъ и я могу похвалиться,—благодушно сказалъ Дмитрій Платоновичъ.—Я вотъ тоже въ послѣднее время у одного благопріятеля въ монастырѣ жилъ въ банѣ. Ей-Богу! Келій свободныхъ не было, меня и пріютили въ банѣ...

Цыпка залилась смѣхомъ.

— Ай, дядя, не смѣшите, не смѣшите! Умру отъ смѣха! Какъ же такъ, значитъ, монахи и мылись при васъ?

— Ну, вотъ!—проговорилъ Дмитрій Платоновичъ.—Уходилъ я на то время, когда мылись. Бродилъ по кельямъ.

А вотъ потомъ и сыро, и душно бывало да *не фери, ма шеръ ніесъ,* самъ во всемъ виноватъ, спустилъ все! Ну, да кто не грѣшенъ!..

Валентинъ Григорьевичъ, смотря на цыпку, думалъ: «Милая, откровенная дѣвочка; я бы не могъ сознаться такъ просто въ томъ, что у меня тоже нѣтъ угла».

— Я и училась около чужихъ,—продолжала откровенничать цыпка.—Разъ два года прогостила у однихъ дальнихъ родственниковъ и училась съ ихъ дѣтьми. Потомъ у другихъ годъ училась. Я вѣдь нигдѣ не кончила курса.

— Ну, чтобы женой быть, никакіе курсы для этого не нужны,—замѣтилъ Дмитрій Платоновичъ.

— Да, это правда,—просто согласилась цыпка.—Мама то же говоритъ. А вдругъ я не выйду замужъ? Нынче очень трудно выйти замужъ. Вонъ какая хорошенькая, умная и образованная Ольга Ивановна, а двадцать третій годъ ей пошелъ, а все дѣвушка.

Она, соболѣзнуя объ участи Ольги Ивановны, вздохнула.

— Ну, а я и не красива, и не умна, и не образованна,— продолжала она.—Гдѣ же мнѣ выйти замужъ? Ахъ, я очень, очень боюсь, что я не выйду замужъ!

— Боитесь?—спросилъ Валентинъ Григорьевичъ.

— Еще бы! Теперь мнѣ шестнадцать лѣтъ, такъ я и прыгаю, а тамъ...

Она засмѣялась.

— Вдругъ останусь старой дѣвой. Волосы посѣдѣютъ, повылѣзутъ, свиной хвостикъ вмѣсто косы будетъ на затылкѣ торчать, зубы повыпадаютъ, ротъ ввалится, въ морщины все лицо стянется, точно печеное яблоко, и стану брюзжать: «Охъ, ужъ эти мужчины, все за дѣвчонками глупыми бѣгаютъ, уваженіе почтеннымъ особамъ не оказываютъ».

Она опять залилась звонкимъ смѣхомъ.

— Это я такую старую дѣву знаю,—пояснила она.—Тоже гостить то тутъ, то тамъ и вездѣ ее вышучиваютъ, или выживаютъ. Нѣтъ, страшно такой сдѣлаться!

Она вздохнула и поежила плечами, точно отъ холода.

— Счастливцы мужчины! Захотѣлъ жениться, предложилъ руку дѣвушкѣ и дѣло въ шляпѣ. А мы не можемъ такъ дѣлать. Жди, когда кто-нибудь руку предложитъ.

— Ну, вамъ предложатъ,—сказалъ Дмитрій Платоновичъ и шутливо прибавилъ:—вотъ получу я наслѣдство и предложу вамъ руку.

— Ахъ, нѣтъ, нѣтъ! Не надо, не надо!—воскликнула съ

испугомъ цыпка, торопливо замахавъ руками, и скофузилась.—Вы шутите, конечно,—въ смущеніи сказала она и покачала отрицательно головой:—я за старика не пошла бы.

— Ну, а если бы приходилось или старой дѣвой остаться, или за старика выйти?—спросилъ Валентинъ Григорьевичъ.

У нея въ глазахъ блеснули слезы.

— Я не знаю,—тихо сказала она:—какъ же такъ: или старой дѣвой, или за старика? Можетъ-быть, и найдется молодой, ну, хоть бѣдный-бѣдный...

Она замолчала и задумалась. Но долго думать и отдаваться грустному настроенію было не въ ея характерѣ. Она скоро оправилась и засмѣялась:

— Что это со мной? Есть о чемъ думать! Мнѣ еще шестнадцать лѣтъ. До старой дѣвы далеко. А за васъ все же не пойду, хоть и предложите руку!—шутливо и весело обратилась она къ Дмитрію Платоновичу.—Ни за что не пойду, хоть озолотите! А вы вотъ что сдѣлайте: получите наслѣдство, дайте мнѣ часть и найдите мнѣ жениха.

— Ого, чего захотѣли! Еще, пожалуй, не только молодого, но и красавца?—сказалъ Дмитрій Платоновичъ, смѣясь.

— А то какъ же!—проговорила она.—Молодого и красавца!

Валентину Григорьевичу она начинала нравиться. Они проводили вмѣстѣ почти цѣлые дни въ сопровожденіи Дмитрія Платоновича. Иногда ея откровенность просто смущала Валентина Григорьевича, но это подкупало его еще болѣе въ ея пользу.

Однажды, когда они гуляли по запущеннымъ аллеямъ вязьмитиновскаго сада вдвоемъ, цыпка спросила Валентина Григорьевича:

— Почему васъ всѣ не любятъ?

— Кто это: всѣ?—спросилъ онъ съ удивленіемъ.

— Иванъ Петровичъ, его жена, Ольга Ивановна,—пояснила цыпка.

— Сердятся, что нужно дѣлиться со мною наслѣдствомъ,—сказалъ онъ.

— Да, но они говорятъ, что вы были всегда дурнымъ человѣкомъ, лѣнтяемъ и тунеядцемъ. Что-жъ, это правда, что вы ничего не дѣлали и били баклуши?

— А это большой грѣхъ?—шутливо спросилъ Валентинъ Григорьевичъ.

— Я не знаю, грѣхъ или нѣтъ,—проговорила она, качая

въ раздумьи головою.—Я и мама тоже ничего не дѣлаемъ, но не хорошо это, особенно мужчинѣ.

— Да? Почему же?

— Да какъ же такъ жить? Вотъ и мы съ мамой все гостимъ, потому что ничего не дѣлаемъ, а мужчинѣ нельзя гостить у чужихъ и жить на ихъ счетъ.

— Ну, а если мужчина богатъ?

— Охъ, если богатъ, то у него и подавно дѣла будетъ много. Надо управлять имѣніемъ, считать, а то все въ трубу вылетитъ.

— Управляющаго можно нанять.

— Да скучно же будетъ такъ сидѣть, сложа руки!

Онъ сталъ объяснять ей, что богатымъ скучать некогда, что на свѣтѣ для богатыхъ есть такая масса развлеченій: театры, картинныя галлереи, путешествія, балы, карты. Когда же тутъ скучать? Вонъ Дмитрій Платоновичъ почти никогда ничего не дѣлалъ, а имѣлъ большое состояніе и прожилъ его, не зная скуки.

— Ахъ, развѣ это хорошо?—перебила она его горячо.—Имѣлъ деньги и прожилъ, чуть не нищимъ остался. Вонъ, самъ говоритъ, въ банѣ жилъ Христа-ради въ монастырѣ. Развѣ это хорошо? Я очень, очень полюбила нашего старичка и мнѣ жаль, что онъ былъ такимъ дурнымъ человѣкомъ прежде.

— Дурнымъ?—спросилъ Валентинъ Григорьевичъ.—Никогда онъ дурнымъ не былъ, а просто безпечнымъ былъ.

— Нѣтъ, нѣтъ! Онъ, мама говоритъ, обольщалъ женщинъ,—отвѣтила она.—Это не хорошо, обманывать. Очень не хорошо! Если полюбилъ одну, такъ и люби ее, а не обманывай. Что-жъ хорошаго, если дѣвушка повѣритъ, полюбитъ, а ее за это обманывать станутъ, бросятъ? Нѣтъ, этого я Дмитрію Платоновичу не прощу и Богъ не проститъ, потому онъ мужчина, а мужчинѣ легче обмануть. Захотѣлъ—и обманулъ! Мы, женщины, глупы и только напускаемъ на себя, будто и мы умны. Ну, насъ и не трудно обмануть тому, кто захочетъ. Это очень, очень дурно.

Она разгорячилась, но не находила словъ для объясненія своей мысли. Валентинъ Григорьевичъ молчалъ въ раздумьи. Въ душѣ шевельнулись упреки совѣсти. Ему вспомнилась Дора. Не обманетъ ли и онъ ее? Вотъ теперь ему нравится цыпка, и онъ почти забылъ Дору. Что-жъ въ этомъ? Не жениться же ему на Дорѣ. Она могла бы быть его возлюбленной, но никакъ не женою. Она несчастная падшая дѣ-

вушка. Развѣ на такихъ можно жениться? Это надѣвать себѣ петлю на шею, рисковать своею честью, своимъ именемъ. Жалѣть ее—онъ жалѣетъ, но жениться на ней—нѣтъ, онъ на ней не можетъ жениться. Бѣдняжка, что-то она теперь дѣлаетъ? Скорѣй бы настало время раздѣла, скорѣй бы кончились всѣ формальности этого дѣла. Онъ дастъ ей денегъ, онъ обезпечитъ ее вполнѣ, и тогда они будутъ квиты. Дальше, впрочемъ, его мечты не шли: онъ не думалъ о томъ, что онъ женится на цыпкѣ, что онъ сейчасъ же броситъ Дору. Она представлялась ему его возлюбленной; ему представлялось, что ихъ отношенія продлятся: его дразнила ея страстность, ея горячность. Онъ чувствовалъ, что у него сильнѣе билось сердце и разгорались щеки при воспоминаніи о ней. Цыпкой онъ любовался только какъ милымъ ребенкомъ, вѣчно веселымъ, вѣчно откровеннымъ, вѣчно щебечущимъ. Онъ даже не могъ представить себѣ ее иною.

А между тѣмъ, этому ребенку жизнь готовила огорченія. Цыпка ихъ не ожидала, не думала, что что-нибудь можетъ вдругъ смутить ея душевный миръ. Какъ-то разъ, ложась вечеромъ спать, Евлампія Даниловна окликнула свою дочь.

— Цыпа, ты не спишь?

— Нѣтъ, мама,—отозвалась дочь.

— Что Валентинъ Григорьевичъ не дѣлалъ тебѣ какихъ-нибудь этакихъ намековъ?—спросила мать.

— Какихъ, мама?

— Ну, насчетъ любви?

— Нѣтъ, мама.

Мать помолчала. По ея расчетамъ было уже время Валентину Григорьевичу заговорить о любви. Недаромъ же онъ, точно прилипчивый, все бродитъ по пятамъ цыпки. Она, задумавшись о чемъ-то, заговорила снова:

— Ты не знаешь, въ Петербургѣ-то у него тамъ нѣтъ какихъ-нибудь амуровъ, пассіи какой-нибудь, что ли?

— Не знаю, мама—отвѣтила дочь.

— Ты бы навела разговоръ какъ-нибудь обиняками. Какъ, молъ, да что, любили ли вы кого, не собирались ли жениться? Красивъ онъ! Поди, много дѣвчонокъ вѣшалось на шею.

Цыпка промолчала, тихо вздохнувъ. Ей онъ очень нравился. Не разъ ей хотѣлось обнять его и расцѣловать, такой онъ былъ хорошенькій, какъ думалось ей. Она ни отъ кого и не скрывала того, что онъ кажется ей красавчикомъ, и

говорила откровенно, что Валентинъ Григорьевичъ «душка» и «красавчикъ».

— Ты его не выпускай изъ рукъ!—прервала ея мечты о Валентинѣ Григорьевичѣ мать.

— То-есть какъ, мама, не выпускать?—спросила дочь.

— Глупенькая! Ну, кокетничай съ нимъ, говори о любви, объ увлеченіи. Молодые люди это очень любятъ. Это имъ придаетъ куражу. Человѣкъ онъ молодой, красивый, богатый. Такого жениха другого во вѣки не найдешь. И получше тебя пошли бы за него съ радостью, а для тебя это кладъ.

Цыпка приподнялась на локтѣ въ постели, стараясь въ полумракѣ вглядѣться въ лицо матери, и спросила:

— Какъ же, мама, а если онъ не любитъ меня?

— А ты сдѣлай, чтобы полюбилъ! Случая упускать нельзя. Подъ лежачій камень и вода не течетъ. Ты упустишь его, другія поймаютъ. Ахъ, люди своего не прозѣваютъ. Ты думаешь, Ольга-то не мѣтитъ выйти за него замужъ? Какъ же, держи карманъ шире. Теперь она съ руками и ногами къ нему бросилась бы на шею, только бы позволилъ. Зѣвать теперь нечего, отбить его у нея надо. Говори чаще съ нимъ о любви, вздыхай, мало ли какъ можетъ дѣвушка привлечь мужчину. Мудрости большой нѣтъ, надо только случаемъ пользоваться.

Лицо цыпки, какъ она это чувствовала сама, заливалъ теперь яркій румянецъ. Она вспомнила, какъ часто она говорила съ Валентиномъ Григорьевичемъ о любви, о замужествѣ, о страхѣ передъ участью старой дѣвы. Это именно то, что рекомендовала ей дѣлать мать. У нея, у цыпки, и въ умѣ не было, что этимъ способомъ можно завербовать жениха; просто болтала она о томъ, что чувствовалось, что приходило въ голову; теперь же оказывалось, что это могло быть сочтено Валентиномъ Григорьевичемъ за желаніе съ ея стороны заманить его въ свои сѣти. Ей стало стыдно до слезъ.

— Я, мама, никого обманывать не стану,—отвѣтила она сдавленнымъ голосомъ.

— О какомъ это обманѣ ты говоришь, дурочка?—спросила мать.—Развѣ онъ тебѣ не нравится? Сама же ты называла его красавцемъ. Красавецъ онъ и есть, а ужъ богатъ-то какъ будетъ—страсть. Такимъ мужчиной плѣниться не мудрено. Ну, а нравится, такъ и увлекай его, привяжи къ себѣ, женихи-то на улицахъ не валяются, а днемъ съ огнемъ искать ихъ надо!

— Богъ тебя знаетъ, мама, что ты говоришь,—проговорила печально цыпка и легла снова. Теперь вотъ ты мнѣ сказала мнѣ, а я вовсе не буду съ нимъ говорить. А что же они обо мнѣ подумаютъ? Совсѣмъ, совсѣмъ дурой станетъ думать!

Она не могла себѣ отдать яснаго отчета, почему ей показался такимъ совѣтъ матери, но она сознавала, что за ея и прошлые разговоры съ Валентиномъ Григорьевичемъ. Вотъ что значитъ глупой-то быть да болтушкой! Небось Ольга Ивановна ничего такого съ нимъ не говорила, и онъ не станетъ смѣяться надъ тою, а про нее, про цыпку, скажетъ: «Она мнѣ на шею вѣшалась!» Волъ-срамъ будетъ, когда всѣ узнаютъ! Она давала себѣ слово никогда болѣе не говорить съ нимъ о любви. Вообще теперь она съ нимъ говорить ни о чемъ не станетъ. Еще подумаетъ онъ, что она навязывается. А какъ ей хорошо было болтать съ нимъ обо всемъ, что приходило въ голову. Глупая она, сама не понимала, что означали ея разговоры.

Она тяжело, чисто по-дѣтски вздыхала, напрасно стараясь уснуть.

Мать пробовала опять заговорить, и стала развивать свои соображенія насчетъ намѣреній Ольги Ивановны. Хитрая та. Чуетъ она, что цыпка можетъ отбить у нея жениха, и ненавидитъ цыпку. Фыркать стала! Пожалуй, еще выживать ихъ станетъ изъ дому. Ну, да насчетъ этого теперь она. Евлампія Даниловна, покойна. Ихъ не дадутъ въ обиду. Валентинъ Григорьевичъ, ни Дмитрій Платоновичъ, ни Агаѳья Матѣевна. Эти на ихъ сторонѣ.

— Станутъ фыркать—я и сама зафыркаю, чтобъ теперь не выжить отсюда,—закончила Евлампія Даниловна.—Эхъ, какъ бы и навсегда остаться здѣсь. Тоже старыя кости покоя просятъ. Но гостямъ-то изъ милости гостить надоѣстъ. Мало сласти. Хочется и свой уголъ имѣть. Женится на тебѣ Валентинъ Григорьевичъ — будетъ и уголъ, хоть на старости лѣтъ скитаться-то не буду.

Цыпка молчала, притворяясь спящей.

На слѣдующій день она, присмирѣвшая, молчаливая, сидѣла съ вышивкой въ гостиной. Къ ней подошла Ольга Ивановна и съ насмѣшливой улыбкой замѣтила:

— Что это вы снова за свою вышивку принялись?

— А что?—спросила цыпка, не поднимая глазъ.

— Такъ, странно! Ваши вѣчные спутники, вѣроятно, ждутъ васъ уже въ саду.

Цыпка вся раскраснѣлась. Она подняла на Ольгу Ивановну свои откровенные голубые глаза и проговорила:

— Я не понимаю, на что вы намекаете.

— Я ни на что не намекаю,—все съ той же усмѣшкой сказала Ольга Ивановна, холодно пожимая плечами.—Я просто говорю, что ваши вѣчные спутники, вѣроятно, ждутъ васъ. Вонъ они гуляютъ въ саду. Какіе же тутъ могутъ быть намеки, я васъ не понимаю.

Цыпка совсѣмъ сконфузилась, растерялась, чувствуя себя глупенькой дѣвочкой передъ этой образованной и умной барышней, и сквозь слезы проговорила:

— Вы, Ольга Ивановна, умная и образованная дѣвушка и всегда можете меня сбить съ толку. Грѣхъ вамъ!

Ольга Ивановна опять пожала плечами.

— Я васъ окончательно не понимаю!—сказала она.—Говорите о какихъ-то намекахъ, упрекаете за что-то...

Цыпка опустила на колѣни вышивку и заговорила торопливо, по-дѣтски:

— Ну, да, вы хотите сказать, что я ловлю жениха! Это и мама думаетъ. Какъ это гадко, какъ гадко! Я никого не ловлю и не хочу ловить! Богъ за это счастья не дастъ. Я выйду за того, кто самъ меня полюбитъ, а кого ловить станешь, тотъ поймётъ это и броситъ потомъ обманщицу. Вы вотъ дѣвушка умная, свѣтская, вы должны это сами знать и не подозрѣвать другихъ въ этихъ гадостяхъ.

Ольга Ивановна немного растерялась отъ этой простой откровенности. Она попробовала вывернуться.

— Вы Богъ знаетъ что придумали!—сказала она небрежно.—Я рѣшительно не понимаю, что дурного въ томъ, что вы гуляете съ Валентиномъ Григорьевичемъ и съ Дмитріемъ Платоновичемъ. Вамъ весело съ ними, и это такъ естественно. Я удивилась, что вы сегодня, въ такой чудесный день, отказались отъ этого удовольствія, занявшись скучными вышивками. Вотъ и все.

Цыпка посмотрѣла на нее недоумѣвающимъ взглядомъ, покачала головой и сказала:

— Можетъ-быть, вы и правду говорите, только гулять съ ними я больше не буду.

— Отчего же?—полюбопытствовала Ольга Ивановна.

Цыпка промолчала и прилежно занялась вышиваньемъ.

Побродивъ по саду и въ душѣ поджидая обычнаго появленія цыпки, Валентинъ Григорьевичъ и Дмитрій Плато-

новичъ прошли въ гостиную, увидавъ въ окно голову дѣвушки, склоненную надъ вышивкой.

— Вы это что за вышивку усѣлись?—весело спросилъ Дмитрій Платоновичъ, входя въ гостиную съ Валентиномъ Григорьевичемъ и здороваясь съ дѣвушками.—День просто отдай все да и то мало, а вы вонъ за свои бродери усѣлись!

— Надо же что-нибудь дѣлать,—отвѣтила цыпка, не поднимая головы и краснѣя.—Нельзя же вѣчно гулять.

— Бросьте и пойдемте гулять,—проговорилъ Валентинъ Григорьевичъ.

— Я не буду больше гулять съ вами,—тихо отвѣтила она, попрежнему не поднимая головы.

— Вотъ тебѣ разъ! воскликнулъ Дмитрій Платоновичъ и засмѣялся, громко закашлявъ.—За что немилость? Чѣмъ провинились?

— Полноте! Говорите, за что разсердились?—шутливо сказалъ Валентинъ Григорьевичъ и дружески сталъ отнимать у нея вышивку.

— Оставьте, Валентинъ Григорьевичъ, оставьте!—проговорила въ сильномъ смятеніи цыпка.—Я вамъ не давала права такъ обращаться со мной!

Она въ волненіи поднялась съ мѣста. Ее душили слезы.

— За что вы сердитесь? Чѣмъ я оскорбилъ васъ?—съ изумленіемъ спросилъ Валентинъ Григорьевичъ.

— Вѣдь вы же не смѣете отнимать книгу у Ольги Ивановны, сказала въ слезахъ цыпка. Не смѣете! А я такая же... дѣвушка...

Она, тихо, какъ обиженный ребенокъ, всхлипывая, пошла торопливыми шагами изъ гостиной. Ольга, смотря ей вслѣдъ съ насмѣшливымъ выраженіемъ, презрительно пожала плечами.

— Что съ ней?—спросилъ въ смущеніи Валентинъ Григорьевичъ.

— Нервы!—насмѣшливо пояснила Ольга Ивановна.

Дмитрій Платоновичъ подозрительно взглянулъ на нее недружелюбнымъ взглядомъ.

— А вотъ я разузнаю причину нервовъ. Ни съ того, ни съ сего этого не бываетъ. Тутъ *иль я кольк шозъ*,—сказалъ старикъ и вышелъ изъ гостиной, что-то ворча себѣ подъ носъ о томъ, что обидѣть ребенка всякій можетъ.

— Дмитрій Платоновичъ, кажется, положительно очарованъ ею,—замѣтила съ улыбкой Ольга Ивановна, оставшись съ глазу на глазъ съ Валентиномъ Григорьевичемъ.

— Да она и стоитъ того,—отвѣтилъ онъ разсѣянно.

— Да, маленькая провинціальная мѣщаночка,—небрежно сказала Ольга Ивановна.—Къ ней такъ идетъ ея глупенькая наивность ребенка.

Онъ не возражалъ. Это немного разсердило ее.

— Она, кажется, недалека по уму?—въ видѣ вопроса сказала она и, не дождавшись отвѣта, продолжала:—вы бываете съ ней подолгу вмѣстѣ,—скажите, каково ея развитіе. Образована она, остроумна, развита, начитана? Меня очень интересуетъ этотъ типъ. Въ Петербургѣ, въ обществѣ такихъ не встрѣтишь. Я, по крайней мѣрѣ, не встрѣчала такихъ.

Онъ попрежнему не отвѣчалъ, задумавшись о чемъ-то. Она засмѣялась.

— Валентинъ Григорьевичъ, что съ вами? Вы даже не отвѣчаете...

Онъ очнулся.

— Да, вы интересуетесь ею? — разсѣянно проговорилъ онъ:—спрашиваете, образована ли она, остроумна ли, развита ли, начитана ли? Нѣтъ, въ ней ничего этого нѣтъ.

— Ну, какъ же?—съ сомнѣніемъ и точно съ сожалѣніемъ сказала Ольга Ивановна и едва замѣтно улыбнулась.—Есть же хоть что-нибудь привлекательнаго... Нельзя же, чтобы она нравилась за пустоту и неразвитость...

— Правдива она очень,—коротко отвѣтилъ Валентинъ Григорьевичъ.

— А-а!—протянула Ольга Ивановна.—Значитъ, въ мать!

Въ ея тонѣ послышалось пренебреженіе. Валентинъ Григорьевичъ не попросилъ у нея объясненій ея мысли и не вступился за цыпку. Молодой дѣвушкѣ это показалось страннымъ и сбило ее съ толку. Вѣрно, онъ не любитъ цыпку, иначе онъ протестовалъ бы. А Валентинъ Григорьевичъ сидѣлъ, какъ на иголкахъ, занятый весь мыслью о томъ, что случилось, почему цыпка ушла и сказала, что она не станетъ гулять съ нимъ. Что это съ нимъ? Ужъ не влюбленъ ли онъ въ нее? До этой минуты эта мысль и въ голову ему не приходила. Положительно онъ видѣлъ въ цыпкѣ только ребенка. Теперь вдругъ онъ сталъ на нее смотрѣть иначе. Въ его ушахъ звучали ея слова: «Я такая же дѣвушка». Да, она не ребенокъ.

Ольга Ивановна что-то говорила о какомъ-то романѣ, только-что прочитанномъ ею. Очень хорошій романъ, совершенно реалистическій, рисующій жизнь такою, какою она является въ дѣйствительности. Надоѣли всѣ эти идеализаціи жизни; люди должны трезво и смѣло взглянуть въ глаза

дѣйствительности. Всѣ несчастія происходятъ отъ того, что мы не знаемъ жизни и требуемъ отъ нея того, чего она не можетъ дать. Взглянуть въ глаза дѣйствительности — это главное. Валентинъ Григорьевичъ ничего не понималъ, но при послѣднихъ словахъ дѣвушки пробормоталъ:

— Да, да, надо взглянуть!

Онъ поднялся съ мѣста.

— Вы куда?—спросила она.

— Да вотъ... взглянуть,— отвѣтилъ онъ.—Это любопытно... что съ нею...

Онъ пошелъ, поглощенный думами о цыпкѣ. Ольга Ивановна досадливо отбросила книгу и заходила по комнатѣ.

— Ну, братъ, у насъ цѣлая драма. — началъ Дмитрій Платоновичъ, встрѣтивъ Валентина Григорьевича.—Цыпка мнѣ все разсказала. *О, ле фаммъ, ле фаммъ!* Ты, братъ, положительно долженъ жениться на этой дѣвочкѣ! Прелесть что за дѣвочка!

Онъ, не обращая вниманія на недоумѣніе слушателя, быстро сталъ передавать Валентину Григорьевичу все, что онъ узналъ отъ цыпки. Она, плача, передала ему и свой разговоръ съ матерью, и рѣчи Ольги Ивановны. Ничего она не умѣетъ скрыть. Ну, да и онъ умѣетъ выспросить все, что захочетъ, у женщины. Онъ съ женщинами умѣетъ говорить. Ни одна женщина не могла ничего скрыть отъ него. Цыпка тоже все высказала, прибавляя къ признаніямъ, что она никогда, никогда не станетъ болѣе не только гулять, но и говорить съ Валентиномъ Григорьевичемъ. Опала окончательная и безповоротная! Старикъ засмѣялся.

— И, конечно, завтра же будетъ и гулять, и говорить съ тобою! Это ужъ всенепремѣнно! Я даже намекнулъ ей, что ты самъ хочешь жениться на ней.

— Дядя, что вы!—воскликнулъ Валентинъ Григорьевичъ почти съ испугомъ.

— Да ужъ это вѣрно!—сказалъ старикъ, похлопавъ его по плечу.—Врѣзался ты въ нее давно, поди, съ первой же встрѣчи, ну, а и она тоже того—плѣнена вашею красотою, милостивый государь! Значитъ, честнымъ пиркомъ да и за свадебку.

И, не слушая никакихъ возраженій, Дмитрій Платоновичъ сталъ развивать свои планы, какъ они всѣ вмѣстѣ заживутъ въ Вязьмитиновкѣ купно съ Агаѳьей Матвѣевной.

Валентинъ Григорьевичъ молчалъ, а его мысли невольно перенеслись къ Дорѣ. Какъ же она-то? Неужели онъ такъ

и прекратитъ съ ней всякія отношенія? Положимъ, онъ не любитъ ее, но при одной мысли о ней у него пробуждаются чувственныя желанія, что-то такое, что кружитъ ему голову.

VI.

Валентинъ Григорьевичъ ходилъ взадъ и впередъ по своей комнатѣ, волнуясь и тревожась, какъ никогда. На столѣ лежало только-что полученное имъ съ почты письмо, и всѣ его мысли были поглощены содержаніемъ этого рокового письма. Оно опрокидывало вверхъ дномъ всѣ его мечты и планы, а главное поднимало такую душевную бурю, что онъ не зналъ, какъ овладѣть собою и запастись необходимымъ хладнокровіемъ.

Это было письмо отъ Доры.

Счетомъ это было третье письмо отъ нея. Въ первыхъ двухъ она говорила о томъ, какъ она любитъ его, своего Валю, и какъ ждетъ его обратно въ Петербургъ. Въ этихъ фразахъ, очень безграмотныхъ и неловкихъ по оборотамъ, не было ничего новаго, ничего такого, чего бы не зналъ Валентинъ Григорьевичъ и безъ ея писемъ. Восклицанія Доры о томъ, какъ бы онъ скорѣе вернулся, не тревожили его особенно, хотя иногда у него самого являлось сильное желаніе повидаться хоть на день, насладиться ея ласками. Но это были чисто животныя побужденія, а не тоска по любимой дѣвушкѣ. Любви въ сердцѣ не было. Совсѣмъ иное впечатлѣніе произвело послѣднее ея письмо. Въ этомъ письмѣ она уже не просто торопила его, а писала, чтобы онъ «ради самого Создателя тотчасъ же ѣхалъ, не медля, и спасъ ее». Что-то лихорадочное, что-то мучительное было въ каждой строкѣ этого малограмотнаго посланія. «Слезамъ обливаясь, молю я тебя, пріѣзжай, голубчикъ, и спаси меня. Вотъ-то бѣда стряслась и писать не смѣю о ней, а только погибель меня сущая ждетъ безъ тебя», писала она, и онъ чувствовалъ, что она пишетъ правду, видѣлъ слѣды слезъ на этомъ письмѣ. Тысячи предположеній охватили его мозгъ. Очевидно, у нея не хватило болѣе силъ терпѣть и она совершила какое-то безуміе, отъ котораго страдаетъ теперь. Надо ѣхать, спасти ее. Это его долгъ, его обязанность! Но какъ спасти? Что дѣлать? На что ѣхать? Проклятое дѣло объ утвержденіи въ правахъ наслѣдства все еще тянется и денегъ въ рукахъ еще нѣтъ ни гроша.

Къ нему зашелъ Дмитрій Платоновичъ.

— Ты что это въ уединеніи? — спросилъ старикъ. — Въ сладостныхъ мечтаніяхъ о супружествѣ обрѣтаешься?

— А, это вы, дядя!—разсѣянно сказалъ Валентинъ Григорьевичъ.—Ѣхать мнѣ надо, ѣхать!

— Куда? зачѣмъ?— изумился старикъ.

— Въ Петербургъ! пояснилъ Валентинъ Григорьевичъ.

— За приданымъ для цыпки, что ли? — пошутилъ старикъ.—Не рано ли? *Сапъ аржанъ, монъ шеръ, онъ не пе па!*

— А, Богъ съ нею, съ цыпкой! Что мнѣ она! Спасти человѣка надо, такъ не до цыпокъ тутъ! — рѣзко воскликнулъ Валентинъ Григорьевичъ.

— Какого человѣка? Съ ума ты сошелъ? — проговорилъ старикъ, глядя на него изумленными глазами.

Валентинъ Григорьевичъ остановился передъ старикомъ. Онъ чувствовалъ, что ему нужно признаться старику во всемъ—признаться теперь же, не медля, такъ какъ нужно было торопиться отъѣздомъ.

— Дядя, — началъ онъ въ волненіи: — вы должны все знать. Я васъ полюбилъ, какъ отца, и обманывать васъ я не стану и не могу. Слушайте.

Онъ началъ торопливо, сбивчиво передавать исторію Доры, свою встрѣчу съ ней, ея жертву. Онъ говорилъ вполнѣ откровенно, не скрывая ничего.

— Фью! — посвисталъ старикъ. — Женщина, вездѣ женщина! *Шерше ля фамъ*, какъ сказалъ какой-то великій знатокъ жизни.

И тотчасъ же торопливо освѣдомился, подмигивая однимъ глазомъ:

— Хороша собой? А?

— Красавица, страстная натура, — отвѣтилъ Валентинъ Григорьевичъ.

— И сильно влюбленъ въ нее?

— Я не знаю, любовь это или что-нибудь другое, но иногда у меня голова кружится, когда я вспоминаю о ея страсти.

— Гмъ!—проворчалъ старикъ.—Не о ней, а о ея страсти! Значитъ, въ жены бы не годилась, а возлюбленной могла бы быть...

— Не знаю я, ничего я не знаю, по крайней мѣрѣ, теперь,—отвѣтилъ Валентинъ Григорьевичъ, махнувъ безнадежно рукой.—Ясно одно, что мнѣ надо спѣшить спасти ее.

— А деньги есть?

— Нѣтъ, но я поѣду искать ихъ... къ дворянскому пред-

водителю... къ губернатору... къ ростовщикамъ... ко всѣмъ чертямъ, а все же добуду ихъ...

Старикъ задумался.

— Поѣдемъ къ дворянскому предводителю, — сказалъ онъ.—Онъ дастъ навѣрное. Теперь и времени-то до раздѣла наслѣдства не много осталось. Кстати и довѣренность мнѣ выдашь формальную быть твоимъ представителемъ.

— У меня есть адвокатъ.

— Ну, адвокатъ адвокатомъ, а дашь и мнѣ довѣренность. Но...

Старикъ на минуту задумался и потомъ продолжалъ:

— Но послушай меня, старика. Прежде всего не дури въ Питерѣ. Не попадись на удочку страстныхъ объятій и всякаго такого баловства. Страсть штука хорошая, но для супружества... лишнее это немного. Шампанскимъ однимъ не проживешь.

Онъ махнулъ рукою.

— Эхъ, горе, что не могу я съ тобой ѣхать, чтобы присмотрѣть за тобою, — проговорилъ онъ. — Боюсь я, что надуришь ты тамъ.

Старикъ началъ пространно толковать, что одной страстью не проживешь, что женитьба на падшей дѣвушкѣ не обѣщаетъ счастья, что одинъ необдуманный шагъ можетъ испортить всю жизнь. Потомъ онъ заговорилъ о цыпкѣ. Валентинъ Григорьевичъ не долженъ забывать ее. Дѣвочка любитъ его и уже знаетъ о томъ, что и онъ раздѣляетъ ея чувства. Обмануть ребенка было бы грѣшно. Она будетъ хорошею женою. Не чета какой-нибудь падшей дѣвушкѣ съ улицы.

— Ужъ не посовѣтуете ли вы мнѣ не ѣхать! — раздражительно перебилъ его Валентинъ Григорьевичъ.

— Подлецомъ не посовѣтую быть никому, — коротко и немного сурово отвѣтилъ старикъ. — Ты это, *монъ шеръ*, совсѣмъ напрасно...

Валентинъ Григорьевичъ сконфузился и сказалъ:

— Вы меня простите... голову я потерялъ...

— Вижу, вижу,—согласился старикъ:—а теперь-то она и нужна тебѣ... Ну, ѣдемъ!..

Онъ поѣхалъ съ племянникомъ къ дворянскому предводителю, уже успѣвшему познакомиться со всѣми наслѣдниками покойнаго Павла Петровича Вязьмитинова, и откровенно и сразу прямо объяснилъ предводителю, зачѣмъ онъ пріѣхалъ съ племянникомъ. Племяннику нужны деньги, нужны тотчасъ же. Тутъ дѣло не прихоти, а чести. Занимать у

ростовщиковъ не хотѣлось бы, и потому они обращаются къ нему, къ предводителю дворянства. Сомнѣваться въ отдачѣ долга, конечно, онъ не можетъ, такъ какъ дѣлежъ наслѣдства дѣло рѣшенное, вѣрное. Дворянскій предводитель вовсе и не думалъ ни въ чемъ сомнѣваться. Онъ былъ всегда готовъ служить чѣмъ могъ людямъ своего круга, дворянамъ своей губерніи. Дѣло займа двухъ тысячъ рублей улажено въ нѣсколько минутъ, и дворянскій предводитель спросилъ тѣхъ просителей, не мало ли будетъ этихъ двухъ тысячъ. Онъ прибавилъ любезно, что ему крайне пріятно, что они обратились именно къ нему, какъ къ предводителю мѣстнаго дворянскаго общества и защитнику всѣхъ его интересовъ.

Старикъ Вязьмитиновъ, выходя отъ него, пошутилъ, что онъ за это на общихъ дворянскихъ выборахъ всѣхъ мѣстныхъ дворянъ вербовать будетъ въ партію дворянскаго предводителя.

— Единогласно выберемъ!—рѣшилъ онъ.—Ну, а теперь, братъ, и въ путь-дорогу. Только, смотри, не дури въ Питерѣ! Помни, главное, цынку!

Въ тотъ же день въ господскомъ домѣ вязьмитиновскаго имѣнія всѣ узнали, что Валентинъ Григорьевичъ ѣдетъ въ Петербургъ. Извѣстіе это произвело переполохъ и подняло массу разнорѣчивыхъ толковъ и предположеній. Всѣ видѣли въ этомъ поспѣшномъ отъѣздѣ что-то таинственное и недоброе. Болѣе всѣхъ волновалась и суетилась Евлампія Даниловна, добиваясь толку, разспрашивая всѣхъ и каждаго и все-таки не зная ничего. Хуже всего было то, что даже Дмитрій Платоновичъ хранилъ гробовое молчаніе и не находилъ возможности успокоить Евлампію Даниловну или цынку. Онъ былъ хмуръ и не на шутку боялся, что Валентинъ Григорьевичъ, увидавъ въ Петербургѣ Дору, разжалобится и женится на ней. Старикъ зналъ по горькому опыту, какъ умѣютъ опутывать молодыхъ людей женщины извѣстнаго сорта.

Когда на другой день всѣ собрались къ чаю, Ольга Ивановна замѣтила не безъ злораднаго чувства, что у цынки опухли глаза отъ слезъ. Она усмѣхнулась. Когда же, оставшись наединѣ съ матерью, она услышала тоскливый и брезгливый вопросъ послѣдней:

— Зачѣмъ это уѣхалъ Валентинъ?

— Не нашелъ, вѣроятно, другого средства спастись отъ законнаго брака,—не безъ ѣдкости отвѣтила она.

И, не выдержавъ, засмѣялась.

— Я такъ и думала, что онъ, въ концѣ-концовъ, сбѣжитъ отъ этой дѣвчонки!

— Ты думаешь, что это онъ отъ нея?—спросила мать.

— О, я увѣрена! Она надоѣла ему! Она такъ глупа!

Валентинъ Григорьевичъ, между тѣмъ, летѣлъ на всѣхъ парахъ въ Петербургъ, и въ его головѣ вертѣлась теперь одна мысль: не опоздать бы. Въ чемъ опоздать? Какъ опоздать? Этого онъ не зналъ и только спѣшилъ и спѣшилъ, точно на пожаръ: Слава Богу, вотъ и Петербургъ виднѣется вдали. Закинувъ свои вещи въ гостиницу, Валентинъ Григорьевичъ поскакалъ въ адресный столъ узнать адресъ Доры...

«Господи! что же это такое? За что? Какимъ образомъ? Не можетъ быть, чтобы это была правда? Тутъ очевидная ошибка! И что такое могла она совершить! Какое преступленіе?»

Эти вопросы неотступно и мучительно вертѣлись въ головѣ Валентина Григорьевича, когда, наконецъ, онъ, послѣ долгихъ розысковъ, узналъ точно, гдѣ находится Дора.

Потомъ потянулся другой рядъ вопросовъ.

— У кого же узнать, за что? Какъ явиться съ этимъ вопросомъ? Какъ назвать себя? Родственникомъ? Любовникомъ? Знакомымъ?

Какой-то подлый страхъ охватилъ его, какой-то жалкій стыдъ овладѣлъ имъ. Въ головѣ внезапно мелькнула мысль:

— А если за воровство?

И тутъ же явились предположенія, что точно ее постигла бѣда за воровство и что воровство это совершила она для него. Его точно кипяткомъ обдало и въ душѣ поднялись протесты.

— Что за глупости! Тогда она попалась бы раньше! Да, наконецъ, если и такъ, то я долженъ тѣмъ болѣе узнать, спасти, помочь. Не могу же я бояться, что меня примутъ за соучастника? Я не зналъ ничего! Я чистъ, это одна она знала!..

А подлый страхъ опять охватилъ его:

— Не зналъ? А если спросятъ: «Откуда же, думали вы, взяла она деньги? Развѣ вы могли предполагать, что у нея могутъ быть четыреста рублей сбереженій?» Что отвѣчать? Какъ выпутаться? Ужъ не лучше ли оставить ее на произволъ судьбы? А если она все разскажетъ сама? Тогда что?

Онъ переживалъ страшную пытку. Но ѣхать было надо,

и онъ поѣхалъ узнавать, за что содержится въ тюрьмѣ Ѳеодора Ивановна Діодатова...

Никогда еще не испытывалъ такихъ ощущеній Валентинъ Григорьевичъ, какія онъ испытывалъ теперь. Онъ, казалось, вдругъ превратился въ ничтожное, безправное существо, которое тотчасъ же могутъ взять, арестовать, засадить въ тюрьму. Казалось, каждый мелкій чиновникъ въ судѣ смотрѣлъ на него подозрительно и думалъ: «А, голубчикъ, тебя-то мы и ждали!» Самыя ничтожныя фразы казались ему многозначительными и заставляли его быть настороже. Послѣ многихъ и долгихъ осторожныхъ разспросовъ, онъ, наконецъ, узналъ, куда ему надо было направиться, чтобы разузнать все, и не безъ страха переступилъ тотъ порогъ, за которымъ могли ему сообщить о ней, о воровкѣ. Тяжелую пытку перенесъ онъ, ожидая, покуда его приметъ то лицо, отъ котораго онъ можетъ получить точныя свѣдѣнія, и въ головѣ его являлась мысль, не лучше ли бѣжать.

— Прошу, — коротко проговорилъ молодой чиновникъ, указывая на мягкое кресло Валентину Григорьевичу, когда тотъ объяснилъ, что онъ пришелъ по дѣлу. — Чѣмъ могу служить?

Валентинъ Григорьевичъ, обыкновенно смѣлый и развязный, впервые совершенно растерялся, переступивъ порогъ кабинета этого чиновника, смотрѣвшаго юношей, гладко выбритаго, тщательно приглаженнаго, изысканно одѣтаго и спокойно вѣжливаго. У этого юноши-чиновника было теперь въ рукахъ слѣдственное дѣло дѣвицы Ѳеодоры Ивановой Діодатовой, обвинявшейся въ кражѣ процентныхъ бумагъ у нѣкоего Вильгельма Карловича Шмидта. Здѣсь можно было точно и опредѣленно разузнать все. Немного путаясь въ словахъ и обрывающимся голосомъ, Валентинъ Григорьевичъ объяснилъ, что онъ явился узнать о дѣлѣ этой самой дѣвушки Ѳеодоры Ивановой Діодатовой.

— Вы ея родственникъ? — ровнымъ голосомъ спросилъ чиновникъ, стараясь казаться строгимъ и суровымъ.

Валентину Григорьевичу краска бросилась въ лицо, и онъ поспѣшилъ заявить:

— О, нѣтъ, нѣтъ!..

— Да, но она писала вамъ изъ тюрьмы, — сказалъ чиновникъ, вертя въ рукахъ визитную карточку Вязьмитинова.

— Вы знаете...

— Черезъ наши руки проходятъ всѣ эти письма,—отвѣтилъ чиновникъ.

Вязьмитиновъ окончательно смутился, вспомнивъ смутно содержаніе письма Доры, и поспѣшно началъ пояснять:

— Это, надо вамъ сказать, несчастная дѣвушка, дитя любви, подкидышъ моего покойнаго дяди, Аркадія Павловича Неронова, я росъ съ нею и, конечно, горячо интересуюсь ея положеніемъ, хотя въ послѣднее время, къ сожалѣнію, я и потерялъ ее изъ виду. Дѣла требовали моего присутствія въ моихъ имѣніяхъ.

Онъ старался говорить какъ можно небрежнѣе, хотѣлъ сказать, что онъ богачъ, милліонеръ, выдумать что-то такое, что ошеломило бы этого человѣка.

— Положеніе ея не изъ блестящихъ,—сказалъ хозяинъ и, доставъ портсигаръ, спросилъ:—вы курите?

— Благодарю!—отвѣтилъ Вязьмитиновъ и хотѣлъ закурить папиросу.

— Вы не тѣмъ концомъ, — замѣтилъ хозяинъ, зажигая спичку.

Валентинъ Григорьевичъ сконфузился, перевернулъ папиросу и закурилъ ее.

— Украла шестьсотъ рублей,—продолжалъ чиновникъ.

— Какъ шестьсотъ?—торопливо спросилъ Вязьмитиновъ.

Хозяинъ вопросительно взглянулъ на него. Валентинъ Григорьевичъ поправился.

— Такъ вы говорите: шестьсотъ?

— Да,—отвѣтилъ хозяинъ и, щуря глаза, прибавилъ:— кстати, не знаете ли вы, не было ли у нея второго возлюбленнаго, которому она могла бы отдать эти деньги?

Онъ былъ близорукъ и притомъ зналъ, что къ его очень моложавой и интересной физіономіи идутъ сощуренные глаза. Вязьмитиновъ смутился окончательно.

— Второго возлюбленнаго?—повторилъ онъ.—А кто же первый?

Чиновникъ пожалъ плечами.

— Да, я не зналъ, что вы не знаете вовсе этого дѣла. Вы вѣдь были гдѣ-то въ имѣніи?

— Да, да, въ имѣніи,—поторопился сказать Валентинъ Григорьевичъ. — Еще наслѣдство получилъ, очень значительное, и надо было привести все въ порядокъ. Ужасно долго тянутся всѣ эти дѣла. Безъ меня, какъ главнаго наслѣдника, не могъ обойтись дѣлежъ. Какъ жаль, что я ранѣе не зналъ этой несчастной исторіи, я могъ бы помочь этой жалкой дѣвочкѣ, потушить дѣло, отдать эти проклятые шестьсотъ рублей...

— То-есть вамъ пришлось бы отдать только четыреста.— сказалъ чиновникъ.

Валентинъ Григорьевичъ побѣдилъ.

— Вы сказали,— началъ онъ, запинаясь:—шестьсотъ?

— Двѣсти рублей были найдены, — пояснилъ хозяинъ, перебивая его неторопливо. — Но четыреста пропали безслѣдно, и никакими мѣрами не могли добиться отъ нея, какой негодяй взялъ у нея эти деньги.

Вязьмитиновъ сдѣлалъ неопредѣленное движеніе, точно желая протестовать. Хозяинъ продолжалъ:

— Я васъ потому и спросилъ о второмъ ея возлюбленномъ. Перваго, этого старика Шмидта, она обокрала, конечно, для того, чтобы помочь другому. У этихъ барышень всегда такъ бываетъ: одинъ разоряется на нихъ, на другого разоряются онѣ. У нея тоже былъ второй возлюбленный. Вотъ кого я желалъ бы найти. Но она, хоть на куски ее рѣжьте, не говоритъ его имени. Правда, за ней нѣкоторое время слѣдили...

— Слѣдили?—вырвалось у Валентина Григорьевича.

— Да, когда старикъ Шмидтъ заявилъ о пропажѣ,— пояснилъ чиновникъ. — Сначала Шмидтъ не подозрѣвалъ именно ея. У него вѣдь не одна она жила. Вотъ-то интересный субъектъ этотъ Шмидтъ. Вы его увидите... Вѣдь вы, вѣроятно, будете въ судѣ при разбирательствѣ дѣла?

— Да, я хотѣлъ бы, — поспѣшно сказалъ Валентинъ Григорьевичъ и раскаялся тотчасъ же.

Зачѣмъ ему идти? Она можетъ увидать его, выдать себя. Положительно, это будетъ безуміемъ съ его стороны!

— Засѣданіе будетъ очень любопытнымъ и, вѣроятно, привлечетъ не мало публики; это страничка изъ нравовъ столицы,— пояснилъ хозяинъ. — Интересно взглянуть вамъ на этого Шмидта. Я его и этого скрывшагося негодяя охотнѣе бы сталъ обвинять, чѣмъ ее. Хотя я обязанъ обвинять ее, но, признаюсь, я почти готовъ защищать ее. Я, какъ опытный въ дѣлахъ подобнаго рода человѣкъ, понимаю, что это не преступница, а жертва двухъ мерзавцевъ.

Вязьмитиновъ вскочилъ съ мѣста. Молодой чиновникъ сощурилъ глаза.

— Васъ это возмущаетъ?—спросилъ онъ.

Вязьмитиновъ опомнился и пробормоталъ:

— Да, все это болѣе чѣмъ возмутительно!

— Еще бы! Одинъ держитъ у себя дѣвушку, почти ребенка, Богъ вѣсть для какихъ цѣлей, устроивъ игорный

домъ, другой заставляетъ ее обокрасть этого негодяя и скрывается съ деньгами, оставивъ ее на жертву. И должнобыть, это какой-нибудь смазливый мальчишка, врѣзалась она, вѣрно, въ него. Всѣ эти дѣти тротуара, дѣти улицы, тоже переживаютъ свои идиллiи любви, свои сентиментальные романы. Ей говорили, что назови она его имя—и она спасена.

Онъ сдѣлалъ гримасу.

— Конечно, ее и такъ оправдаютъ. Мое обвиненiе будетъ похоже на защиту и адвокату ничего не стоитъ разбить меня. Я, въ сущности, буду даже радъ этому.

— Кто ее защищать будетъ?—спросилъ Валентинъ Григорьевичъ.

— Не знаю, кто-нибудь по назначенiю отъ суда, — небрежно отвѣтилъ хозяинъ.—Въ этихъ случаяхъ защищаютъ слабо, но тутъ защита легка. Вотъ если вы хотите помочь ей, переговорите съ какимъ-нибудь извѣстнымъ адвокатомъ... Холтурина, напримѣръ, пригласить бы. У него слеза въ голосѣ. Тутъ это у мѣста: растрогаетъ присяжныхъ и вынесутъ оправдательный вердиктъ.

— Да, да, я непремѣнно сдѣлаю это,—разсѣянно проговорилъ Вязьмитиновъ:—если вы считаете это не лишнимъ.

— Хорошiй защитникъ никогда не бываетъ лишнимъ,— отвѣтилъ хозяинъ.

Они встали.

Валентинъ Григорьевичъ распрощался съ любезнымъ чиновникомъ, попросивъ у него извиненiя, что онъ отнялъ у него столько дорогого времени. Тотъ, какъ истинно свѣтскiй человѣкъ, сказалъ, что ему было очень пріятно, что онъ могъ ему быть полезнымъ, и еще разъ высказалъ свое участiе къ подсудимой.

— Вы посѣтите ее?—спросилъ онъ на прощанiе.

— Нѣтъ, нѣтъ, зачѣмъ же! — торопливо отвѣтилъ Вязьмитиновъ и, овладѣвъ собою, прибавилъ небрежно:—я принимаю въ ней участiе, готовъ ей помочь, но видѣть ее— на что же?

Онъ откланялся.

Выйдя на улицу, Валентинъ Григорьевичъ вздохнулъ полною грудью. Ему казалось, что онъ избѣжалъ страшной опасности — опасности быть признаннымъ сообщникомъ Доры. Его могла запутать въ дѣло и, можетъ-быть, погубить одна неосторожная фраза. Такъ ему казалось. При этой мысли онъ покраснѣлъ до самыхъ ушей, вспомнивъ,

какъ называлъ юный чиновникъ сообщника Доры: «Мерзавецъ», «негодяй». Какъ удержался онъ, Вязьмитиновъ, чтобы не перервать горла этому наглецу? Видно, своя шкура дорога. Да и что бы было, если бы онъ выдалъ себя? Ему пощады не было бы. Развѣ поняли бы эти люди его положеніе? Погубили бы его ни за грошъ, ни за денежку. А что если Дора не выдержитъ и назоветъ его? Несчастная дѣвушка, какую она жертву принесла для него и какъ она любитъ его! Ни словомъ не обмолвилась о немъ, хотя ей и обѣщали за это спасеніе отъ наказанія. Онъ уже ради этого долженъ ее спасти.

На нѣсколько минутъ онъ замечтался о ней, о ея любви, о ея страстности, о ея красотѣ. Какъ былъ бы онъ радъ, если бы могъ повидать ее. И зачѣмъ онъ сказалъ, что онъ не желаетъ ее видѣть? Боялся показать, что онъ слишкомъ близокъ къ ней, напустилъ на себя роль простого богача-покровителя этой дѣвочки, воспитывавшейся у его дяди. А между тѣмъ, видѣть ее не только было бы пріятно, но и нужно. Онъ могъ бы ее ободрить, шепнуть ей, что ей ничего не сдѣлаютъ, если она будетъ продолжать запираться, если она не выдастъ его. Необходимо было бы все это подсказать ей, а то она можетъ пасть духомъ, и тогда все пропало. Тоже въ судъ на процессъ онъ напросился, а вдругъ Дора, увидавъ его, вскрикнетъ, смутится, выдастъ его въ минуту волненія? Это вѣдь очень возможно. Что тогда будетъ?

Онъ шелъ, перескакивая отъ одной мысли къ другой, ничего не знающій, непрактичный, сбитый съ толку. Наконецъ, онъ вспомнилъ объ адвокатѣ и заторопился. Надо скорѣй идти къ нему, къ этому Холтурину. Холтуринъ? Холтуринъ? У нихъ въ гимназіи былъ Холтуринъ. Не онъ ли? Надо упросить его взяться за это дѣло. Досадно, что теперь его, вѣроятно, не застанешь дома. Надо отложить визитъ до завтра. Мучительно это откладываніе дѣла, когда сидишь, какъ на иголкахъ. Ну, да дѣлать нечего. Надо пойти пообѣдать.

Валентинъ Григорьевичъ вышелъ на Невскій и при видѣ нарядной толпы, несущихся экипажей, роскошно обставленныхъ магазиновъ, вдругъ какъ-то забылъ все, и деревню, и Дору, и опасность своего положенія. Его заблестѣвшіе глаза перебѣгали отъ предмета къ предмету. «А надо будетъ сшить такое пальто»,—машинально разсуждалъ онъ, смотря на идущаго передъ нимъ франта. Фасонъ этого пальто ему

понравился. Такихъ передъ отъѣздомъ изъ Петербурга онъ ще не видалъ. Вѣрно, это послѣдняя мода. Потомъ взглядъ го упалъ на выставленные въ окнѣ фруктоваго магазина рукты, закуски и вина, и онъ почувствовалъ, что онъ олоденъ. Куда зайти поѣсть? Онъ вспомнилъ про ресторанъ Вольфа. Сколько разъ прежде онъ завидовалъ тѣмъ, кто ходилъ въ этотъ ресторанъ. Сколько разъ онъ думалъ, акой чудный видъ, должно-быть, открывается изъ углового кна этого ресторана на Невскій проспектъ. Должно-быть, шлоть до Аничкина моста видно. Теперь ему ничего не тоило осуществить свое давнишнее желаніе. Деньги у него ыли. Онъ позвалъ извозчика и громко сказалъ:

— Къ Вольфу!

Франтъ въ модномъ пальто, услышавъ это приказаніе, бернулся, и Валентину Григорьевичу было очень пріятно то. Ему почему-то даже показалось, что тотъ завидуетъ ему. Можетъ-быть, на брюхѣ шелкъ, а въ брюхѣ щелкъ. Много тоже бываетъ такихъ модниковъ, что не знаютъ, гдѣ пообѣдятъ сегодня. По виду о счастьѣ людей нельзя судить. И тотчасъ же его охватило жуткое чувство: «Да, вотъ теперь и я къ Вольфу ѣду, а завтра, можетъ-быть, въ тюрьму поволокутъ! И чортъ возьми, въ какое время застаетъ эта исторія. Права на наслѣдство можно потерять». Онъ сталъ раздумывать: могутъ или не могутъ его лишить правъ на наслѣдство? Какъ досадно, когда не знаешь законовъ! За какія преступленія лишаютъ правъ? У кого бы узнать? Прескверная исторія выйдетъ, если его лишатъ правъ. Опять нищета настанетъ, нищета въ Сибири, нищета лишеннаго гражданскихъ правъ человѣка. Еще хорошо, что теперь съ голоду не умрешь во всякомъ случаѣ. Дядя-старикъ поможетъ. Славный малый онъ. Валентинъ Григорьевичъ внезапно почувствовалъ такую нѣжность къ старику Вязьмитинову, что будь тотъ здѣсь—молодой человѣкъ бросился бы ему на шею. И Агаѳья Матвѣевна славный человѣкъ. Дядя раздѣлитъ съ ней свою долю наслѣдства, и оба они не оставятъ его, Валентина Григорьевича. Это придало ему бодрости и даже развеселило его. Никогда онъ не унывалъ надолго. Теперь онъ опять былъ охваченъ надеждами: все кончится хорошо!

Въ этихъ думахъ онъ остановился у ресторана, соскочилъ съ дрожекъ, бросилъ извозчику, не считая, мелочь и поднялся по лѣстницѣ. Его заинтересовала обстановка ресторана, и онъ сразу замѣтилъ, что на него, какъ на

новичка здѣсь, устремились любопытные взгляды завсегдатаевъ. Онъ тотчасъ же овладѣлъ собою и сталъ «играть роль». Скитанія по провинціальнымъ сценамъ и изображенія «Чацкихъ», «Хлестаковыхъ», хлыщей и фатовъ много помогали ему въ извѣстныя минуты, научивъ его въ тѣхъ или другихъ случаяхъ «держаться на сценѣ». Онъ въ этихъ случаяхъ бывалъ доволенъ собою и не замѣчалъ, что «перегрываетъ», а другіе видятъ, какъ онъ «играетъ роль» и «прикидывается». Онъ думалъ, что никто въ немъ не видитъ «актера».

Онъ громко позвалъ лакея:

— Человѣкъ!

Съ особенной манерой, выдвинувъ впередъ и закруглив руки, онъ сталъ стягивать за концы пальцевъ перчатки и небрежно бросилъ ихъ въ шляпу, смотря въ то же врем нѣсколько бокомъ, скосивъ глаза, на лежавшее на сто меню обѣда.

— О-бѣдъ и бутылку краснаго вина...

Лакей подалъ карточку винъ. Вязьмитиновъ небрежн отодвинулъ ее и, вынимая папиросу, проговорилъ:

— Все равно какого, только изъ бургонскихъ... а не бордо.

Лакей заторопился подать ему огня. Онъ закурилъ папиросу и сталъ смотрѣть на движеніе толпы на Невскомъ. Нѣкоторое время онъ помнилъ, что ему для чего-то нужно играть роль передъ ресторанными лакеями и посѣтителями, и нѣсколько ломался, откидываясь на спинку стула, потягиваясь и зѣвая, переигрывая роль скучающаго фланера, но тяжелое, тоскливое настроеніе взяло верхъ надъ разыгрываніемъ роли, и въ головѣ опять неотступно вертѣлась одна мысль о томъ, что и пребываніе въ Петербургѣ, и щегольянье богатствомъ, и наслажденіе жизнью, все это разомъ можетъ выскользнуть изъ рукъ. Одно слово Доры можетъ погубить его. О, онъ къ ногамъ ея бросился бы, только бы отблагодарить ее за сдѣланное ею и умолить выдержать роль до конца. Скорѣй бы ея дѣло кончилось. Оправдаютъ ее, и онъ озолотитъ ее, женится на ней. И зачѣмъ онъ не заѣхалъ къ адвокату? Можетъ-быть, и засталъ бы того дома. Не попытаться-ль теперь заѣхать къ нему? Авось, застанетъ. Спокойнѣе онъ будетъ тогда.

Онъ сталъ торопиться ѣсть и походилъ на голоднаго, торопящагося насытиться и бѣжать. Если бы кто-нибудь слѣдилъ за нимъ внимательно, то нашелъ бы въ немъ два

разныя лица—одно до обѣда, другое за обѣдомъ. Но на него никто уже не обращалъ вниманія, такъ какъ особеннаго въ немъ не было ничего...

Когда онъ подъѣзжалъ къ дому Холтурина, онъ посмотрѣлъ на часы. Было уже десять минутъ восьмого. Онъ рѣшилъ, что не застанетъ дома адвоката, и упалъ духомъ. Однако, онъ все же позвонилъ у дверей квартиры Холтурина. Лакей отперъ дверь.

— Николай Ивановичъ Холтуринъ у себя? — спросилъ Вязьмитиновъ, прочитавъ на мѣдной дощечкѣ имя и отчество Холтурина.

— Сейчасъ увѣдомятъ,—отвѣтилъ слуга.

— Мнѣ на минуту,—сказалъ Вязьмитиновъ.

Въ дверяхъ изъ залы въ переднюю появился низенькій, черненькій господинъ, натягивавшій перчатки. Онъ сощурилъ немного подслѣповатые глаза, всматриваясь въ полутемной передней въ Вязьмитинова, и проговорилъ:

— Простите, уѣзжаю!

— Господинъ Холтуринъ? — спросилъ Валентинъ Григорьевичъ.

— Да. Съ кѣмъ имѣю удовольствіе говорить?

— Валентинъ Григорьевичъ Вязьмитиновъ, — сказалъ Вязьмитиновъ. И вдругъ вспомнилъ и это узколобое лицо, и эти черненькіе глазки, щурящіеся и смѣющіеся надъ всѣмъ и всѣми, и эти сочныя губы чуть-чуть открытаго рта, обдающія горячимъ, нѣсколько нервнымъ дыханіемъ.

— Кока? — воскликнулъ онъ, обрадовавшись, и заторопился объяснить: — а я-то чуть не дрожалъ въ лихорадкѣ, отправляясь къ знаменитому адвокату, и вдругъ? И какъ это я забылъ! Нѣтъ, это просто изъ рукъ вонъ!..

Николай Ивановичъ, щурясь, едва замѣтно улыбался, какъ бы выжидая, когда пройдетъ волненіе посѣтителя, и не трогался съ мѣста. Потомъ онъ протянулъ ему руку, крѣпко сжалъ его руку и проговорилъ по-французски:

— Надѣюсь, что не тебя надо защищать?

— О, нѣтъ, нѣтъ! — быстро отвѣтилъ Вязьмитиновъ по-русски.—Но я...

Холтуринъ, не выпуская его руки, перебилъ его:

— Ты свободенъ?

— Да.

— Ну, такъ поѣдемъ вмѣстѣ. Разскажешь все дорогой. Я ѣду на Стрѣлку, потомъ на Минеральные. Когда нарабо-

тается, нужны отдыхъ, воздухъ, развлеченіе et caetra, et caetra.

Онъ говорилъ мягко, что-то женственное было въ его манерахъ. Такимъ онъ былъ и въ гимназіи, и въ университетѣ. Его звали идеалистомъ, потому, можетъ-быть, что онъ брезгливо относился ко всякимъ связямъ изъ-за денегъ и всегда искалъ чистой любви, находилъ обожавшихъ его швеекъ и носилъ пестрые галстучки ихъ издѣлія изъ обрѣзковъ отъ заказанныхъ имъ шелковыхъ платьевъ. Всѣ товарищи такъ и знали, что означаетъ новый галстучекъ у Коки.

Сойдя съ лѣстницы, Холтуринъ и Вязьмитиновъ сѣли въ наемную двухмѣстную коляску, ожидавшую Холтурина у подъѣзда.

— Ты меня немного испугалъ своимъ видомъ,—сказалъ Холтуринъ, нѣжно положивъ свою маленькую, затянутую въ перчатку женскую руку на руку Вязьмитинова. — Пришелъ въ волненіи, заговорилъ порывисто, спрашиваешь *господина* Холтурина. Я думалъ, не влопался ли ты въ какое-нибудь пескудное дѣло. Тебѣ вѣдь послѣ гимназіи не везло, кажется?

Вязьмитиновъ заторопился.

— О, прежде не везло! Теперь я богатъ!

— Да?—удивился Холтуринъ.

— Ты знаешь, мы, Вязьмитиновы, всегда можемъ разсчитывать на разныхъ бабушекъ и дѣдушекъ. Это разные Безкровные да Безродные, холодные да голодные не могутъ ничего и ни отъ кого ждать. Я получилъ еще наслѣдство.

Онъ какъ-то случайно вставилъ это «еще» и обрадовался этой случайности: Холтуринъ будетъ думать, что у него и до полученія этого наслѣдства были средства. Хоть онъ и пріятель дѣтства, а все же съ нимъ нужно быть осторожнѣе. Присяжные повѣренные и прокуроры казались ему людьми одного сорта, и тѣхъ, и другихъ онъ смѣшивалъ со шпіонами, сыщиками и тайной полиціей.

— Тѣмъ не менѣе, волненіе мое очень понятно,—продолжалъ Валентинъ Григорьевичъ.—Ты знаешь Дору? Пріемышъ, жившій у насъ...

— Да, помню что-то... Побочная дочь брата твоей матери?

— Ну да, да! Вообрази, попалась въ кражѣ.

— Что ты?

— Да, да, и представь мое горе: случилось это, когда я поселился въ деревнѣ, въ нашемъ родовомъ имѣніи, Вязьмитиновкѣ. Будь я здѣсь, ничего бы этого не было, конечно.

Онъ горячо сталъ разсказывать дѣло. Дору онъ какъ-то

упустилъ изъ виду. Швейка она бѣдная. Гдѣ-то въ магазинѣ жила.

— Ахъ, несчастная дѣвушка!—вздохнулъ не безъ сентиментальности Холтуринъ.

— Да, ты вѣдь хорошо знаешь ихъ бытъ,—сказалъ Вязьмитиновъ, вспомнивъ галстучки Холтурина.

Тотъ только снова сентиментально вздохнулъ.

Валентинъ Григорьевичъ продолжалъ разсказывать, какъ онъ изъ писемъ Доры узналъ о постигшей ее бѣдѣ, какъ прискакалъ въ Петербургъ, какъ былъ у молодого товарища-прокурора, Громецкаго.

— Громецкій обвинять ее будетъ,—пояснилъ онъ.—Онъ меня и направилъ къ тебѣ. Говоритъ, что ты непремѣнно ее выручишь. Конечно, я заплачу за твои труды.

— Я съ удовольствіемъ,—отвѣтилъ Холтуринъ.—Въ такія дѣла я вкладываю свою душу. Я не знаю ничего ужаснѣе положенія этихъ дѣвочекъ, тубящихъ надъ шитьемъ свою молодость, красоту, здоровье. Помнишь Томаса Гуда: «Шей, шей, шей!»

Онъ неожиданно обернулся къ Валентину Григорьевичу.

— Ты не знаешь, кто ея любовникъ?

— Какой-то старикъ Шмидтъ,—отвѣтилъ Вязьмитиновъ и, предвидя другой вопросъ, сдѣланный ему уже Громецкимъ, прибавилъ:—а для кого она украла—я не знаю, и думаю, что Громецкій ошибается, подозрѣвая кого-то, для кого взяты эти деньги.

Холтуринъ нѣжно положилъ руку на руку Валентина Григорьевича, какъ бы останавливая его.

— Если бы даже его и не было, я долженъ изобрѣсти его,—пояснилъ онъ.—Иначе я не могу и защищать. Нѣтъ, нѣтъ, иначе я не могу защищать.

— Какъ? — проговорилъ растерянно Валентинъ Григорьевичъ.

— Да, мнѣ нуженъ этотъ человѣкъ. Онъ—это моя точка опоры, онъ—это козелъ отпущенія, онъ—это ширма, за которую я спрячу ее, чтобы спасти ее и наказать его.

— То-есть какъ это: наказать?—воскликнулъ въ волненіи Вязьмитиновъ.—Какъ наказать? Она же не называетъ его. Не назоветъ его.

— А мы все-таки накажемъ его! — настойчиво проговорилъ Холтуринъ.—Правосудіе должно совершиться! Жертва должна быть принесена!

Вязьмитиновъ совершенно растерялся. Они уже неслись

по Елагину острову, и Холтуринъ медленнымъ и плавнымъ движеніемъ головы, какъ чопорная женщина, раскланивался съ знакомыми. Онъ началъ называть Валентину Григорьевичу громкія фамиліи проѣзжающихъ и восхищался природой.

— Я такъ и остался поэтомъ въ душѣ,—съ чувствомъ мечтательно говорилъ онъ. — Давай мнѣ игигоду, игигоду и игигоду и больше мнѣ ничего не надо! Эти фантастическія очертанія медленно развивающихся облаковъ, съ ихъ то загорающимися, то потухающимися контурами, эти переливы воды, отражающей и небо, и деревья, и облака, эти сотни, тысячи разнообразныхъ звуковъ, начиная съ едва слышнаго, какъ шопотъ любви, шелеста листьевъ и кончая громкими, побѣдными трелями соловья, торжествующаго побѣду любви, о, развѣ что-нибудь и кто-нибудь можетъ замѣнить все это?

Онъ долго и увлекательно говорилъ о природѣ, называя почему-то «игигодой», хотя, обыкновенно, во всѣхъ другихъ словахъ онъ чисто выговаривалъ букву *р*, и направляясь отъ Стрѣлки къ «Минерашкамъ».

Тамъ онъ и Вязьмитиновъ пошли бродить по саду, заглянули въ длинный неуютный театръ, послушали шансонетки и направились въ буфетъ ужинать. Здѣсь они неожиданно для Вязьмитинова столкнулись лицомъ къ лицу съ Громецкимъ.

— Ба! всѣ главныя дѣйствующія лица знаменитаго судебнаго дѣла, и недостаетъ только подсудимой, — шутливо сказалъ Холтуринъ, дружески пожимая руку Громецкаго.— А я ужъ думалъ, что вы не пріѣдете. Одни?

— Одинъ,—отвѣтилъ Громецкій и пояснилъ, что какіе-то товарищи, собиравшіеся сегодня провести вечеръ съ нимъ и Холтуринымъ, не могли пріѣхать.

— Значитъ, ужинаемъ вмѣстѣ?

— Конечно.

Они прошли на террасу, нашли отдѣльный столикъ и усѣлись.

Сначала всѣ трое говорили о скукѣ, царствующей на Минерашкахъ, жаловались на невозможность уѣхать на все лѣто изъ Петербурга, горевали, что оно такъ скоро пришло къ концу, говорили, что завидуютъ Вязьмитинову, имѣющему возможность прожить до поздней осени въ имѣніи.

— А вотъ все же пришлось пріѣхать сюда,—сказалъ онъ со вздохомъ:—и въ какое время!

— Ну, дѣло кончится быстро, — замѣтилъ Громецкій и

обратился къ Холтурину: — а ваша кліентка просто красавица.

— Да?.. А я думалъ, что она не очень красива. Дѣвочкой была неуклюжа по фигурѣ и такъ себѣ лицомъ.

— А вы ее знали ребенкомъ?

— Да, видалъ нѣсколько разъ. Мы вѣдь съ Валентиномъ нѣкоторое время учились вмѣстѣ въ гимназіи.

— И представьте, я вовсе не подозрѣвалъ, что адвокатъ Холтуринъ — именно онъ, мой другъ, — проговорилъ Вязьмитиновъ.

Разговоръ перешелъ на воспоминаніе дѣтства, на анекдоты изъ школьной жизни. Услыхавъ отъ Холтурина о томъ, въ какой семьѣ росъ Вязьмитиновъ, Громецкій не безъ уваженія отозвался о знаменитомъ по богатству и силѣ патронѣ Неронова, Павлѣ Ивановичѣ, замѣтилъ, что онъ много слышалъ и о Нероновѣ, потомъ пожалѣлъ Дору, что она изъ такой обстановки дошла до настоящаго положенія.

— Ахъ, бѣдныя швейки, бѣдныя швейки!—съ чувствомъ проговорилъ Холтуринъ.

Въ его голосѣ послышались слезы.

— Сколько поэзіи пробуждается у меня въ душѣ при воспоминаніи о нихъ!—тихо закончилъ онъ.

Всѣ они подвыпили немного и стали менѣе сдержаны.

— И что съ нею дѣлалъ этотъ негодяй Шмидтъ, такъ это просто невѣроятно, — распространялся Громецкій про Дору. — Онъ систематически губилъ ее и ей подобныхъ, привлекая молодежь въ свой игорный домъ хорошенькими горничными. Вы, Валентинъ Григорьевичъ, непремѣнно будьте на этомъ дѣлѣ, — сказалъ онъ Вязьмитинову. — Вы должны видѣть этого человѣка. Это типичная личность. Такія создаются только въ столицахъ.

— О, да, столицы это ядъ, — согласился Холтуринъ. — Это засасывающія болота. Тутъ все такъ далеко отъ благодѣтельной матери-пригоды.

— Но вы думаете, что все кончится благополучно? — спросилъ Вязьмитиновъ, интересуясь дѣломъ Доры.

— О, я убѣжденъ! — воскликнулъ Холтуринъ, услышавъ нѣкоторыя подробности о Шмидтѣ. — Ужъ ради этого негодяя, котораго ждетъ Сибирь, ее слѣдуетъ оправдать.

— А будь еще тотъ другой на сценѣ, тогда мы имѣли бы еще удовольствіе упечь его въ Сибирь,—сказалъ Громецкій.

Вязьмитиновъ вздрогнулъ и выпилъ залпомъ стаканъ краснаго вина.

— Ну, а знаете ради чего, главнымъ образомъ, надо ее спасти?—спросилъ, подмигнувъ, выпившій Громецкій и пояснилъ:—ради ея красоты и...

Онъ обратился къ Валентину Григорьевичу:

— Вы извините, она вамъ немного родня...

— Ну, какая же родня! — воскликнулъ Валентинъ Григорьевичъ.

— Я... я... просто очарованъ ея красотой,—сказалъ Громецкій невѣрнымъ языкомъ. — И, должно-быть, огонь дѣвочка. Шмидтъ многому научилъ.

«Шмидтъ многому научилъ». Эти слова какъ-то странно и непріятно поразили Вязьмитинова. Начались холостые разговоры, анекдоты, скабрезности. Молодые люди сошлись по-пріятельски.

Было уже совершенно свѣтло, когда всѣ трое усѣлись въ одну двухмѣстную коляску Холтурина, тѣсно прижимаясь другъ къ другу. Всѣ они были въ духѣ, веселы и безпечны, и Валентинъ Григорьевичъ даже и позабылъ о томъ, что два его собесѣдника завтра же могутъ привлечь его на скамью подсудимыхъ.

VII.

Валентинъ Григорьевичъ переживалъ въ своей жизни не мало передрягъ и, какъ онъ самъ мысленно выражался, «бывалъ во всякихъ передѣлкахъ». Тѣмъ не менѣе, никогда онъ не чувствовалъ себя такъ скверно, какъ въ тотъ день, когда ему нужно было отправиться въ судъ для слушанія дѣла Доры. Ему все казалось, что судить будутъ и его, что случится нѣчто такое, отъ чего погибнетъ вся его будущность. Всегда смѣлый, немного наглый, старающійся храбриться и бравировать, онъ былъ похожъ на мокрую курицу, входя въ зданіе суда, и каждый сторожъ, казалось, смотритъ на него подозрительными глазами и точно говоритъ:

— А! и тебя, молодчика, притянули къ суду.

Онъ силился побѣдить и подавить въ себѣ «подлую трусость», но чувствовалъ, что у него нѣтъ на это силъ.

— А ты что это такой кислый сегодня?—спросилъ встрѣтившійся съ нимъ Холтуринъ, одѣтый въ этотъ день съ особенной щеголеватостью и смотрѣвшій ликующимъ, предвкушая побѣду.

— Нездоровится что-то,—отвѣтилъ Вязьмитиновъ, пожимая ему руку. — Все вашъ Петербургъ виноватъ... Послѣ деревни не могу свыкнуться.

— Ахъ, ты! Да меня никакими благами изъ Петербурга не заманишь въ деревню, хотя я и обожаю непогоду. Здѣсь борьба, здѣсь жизнь!

— Какая это жизнь! Безпутство одно!

— Толкуй!

Холтуринъ куда-то заторопился, его позвалъ кто-то, но на ходу онъ успѣлъ сказать Вязьмитинову:

— А вотъ мы сегодня встряхнемъ тебя!

— То-есть какъ это? — спросилъ испуганно Валентинъ Григорьевичъ.

— Извѣстно какъ, кутнемъ на радостяхъ!—сказалъ Холтуринъ и пошелъ прочь.

Вязьмитиновъ вздохнулъ тяжелымъ вздохомъ и направился въ залу засѣданія. Тамъ уже набралась публика. Онъ осмотрѣлся и пробрался въ уголъ, подальше отъ барьера, боясь быть замѣченнымъ Дорой, когда ее введутъ въ залу. Пожалуй, еще вздумаетъ переглядываться съ нимъ, обратитъ на него всеобщее вниманіе. Онъ былъ впервые въ судѣ и не могъ отдать себѣ отчета, что за люди снуютъ по залѣ съ цѣпями на шеѣ. Неужели это все судьи! Сколько же ихъ будетъ судить Дору? О чемъ будутъ спрашивать? Наконецъ, все начало мало-по-малу стихать, въ залѣ ощущалось напряженное ожиданіе, воцарилась какая-то торжественная тишина. Вязьмитиновъ вздрогнулъ, услышавъ условный возгласъ о томъ, что идетъ судъ. Онъ почувствовалъ, что у него холодъ пробѣжалъ по спинѣ и дрожатъ ноги, когда онъ поднялся вмѣстѣ съ другими съ мѣста при появленіи судей.

Странное впечатлѣніе произвела на Валентина Григорьевича Дора, когда ее привели въ залъ судебнаго засѣданія и указали ей мѣсто на скамьѣ подсудимыхъ... Прежде всего Вязьмитинову бросилось въ глаза то, что Дора немного похудѣла, немного поблѣднѣла, но именно это дѣлало ее еще болѣе прекрасною. Ея глаза, окруженные синевою, казались больше, темнѣе и глубже, блѣдность кожи и худощавость лица придавали дѣвушкѣ видъ страстной женщины; она уже совсѣмъ перестала казаться дѣвочкой. Среди публики пробѣжалъ тихій шопотъ:

— Что она цыганка или итальянка?

— Нѣтъ, жидовка, должно-быть.

— Красавица!

— Еще бы! не будь красавица, не попалась бы по такому дѣлу!

У Вязьмитинова закружилась голова при видѣ ея красоты, на минуту онъ забылъ все постороннее и видѣлъ только эту красоту; въ немъ поднялись животные инстинкты. ему захотѣлось обнять, расцѣловать, прижать къ груди эту красавицу. Въ его жизни бывали не разъ такія минуты, когда онъ, голодный, идущій искать работы, вдругъ останавливался передъ магазиномъ ювелира и жадно всматривался въ блескъ брильянтовъ, рубиновъ, изумрудовъ, забывъ про свою нищету. Теперь было то же: опасности были на мигъ забыты, и все вниманіе было поглощено красотой Доры. Зная, что ей извѣстно черезъ Холтурина его присутствіе въ залѣ суда, онъ ждалъ, что она станетъ искать его глазами, и не только не боялся этого, но досадовалъ на себя, что онъ затесался въ уголъ: если бы она увидѣла его, она улыбнулась бы ему! Но она сидѣла скромно, опустивъ длинныя рѣсницы, изрѣдка только бросая молитвенный взглядъ на образъ Христа. Это была воплощенная угнетенная невинность. Вязьмитиновъ удивился, какъ можетъ она такъ сдерживать себя и маскироваться. Вѣдь должна же она желать увидать его? Или этого желанія нѣтъ? Это немного раздражило его и пробудило въ немъ какое-то смутное чувство ревности и страха при мысли, что она разлюбила его. Что-жъ, развѣ она не могла разлюбить его? Она принесла для него столько жертвъ, а онъ даже не добился свиданія съ нею. Побоялся выдать и скомпрометировать себя, тогда какъ она ничего не побоялась, ни передъ чѣмъ не отступила ради него. Да, ради него она пошла на все, и въ этомъ доказательство того, что она не разлюбила его. И какъ любить-то! Онъ сталъ припоминать ея страстность, ея опьяняющія беззавѣтныя ласки, у него опять кружилась голова отъ этихъ воспоминаній. Серьезность минуты для него теперь была ничтожнѣе ихъ.

Онъ услыхалъ точно сквозь сонъ, что кто-то говоритъ, твердымъ голосомъ, задавая кому-то вопросы. На эти вопросы послышались отвѣты, произносимые едва слышнымъ, дрожащимъ отъ слезъ голосомъ. Онъ взглянулъ на Дору; она стояла, опустивъ голову, и едва шевелила губами, отвѣчая на вопросы предсѣдателя. Въ публикѣ сразу начали относиться къ ней съ симпатіей. Кое-гдѣ шушукались:

— Несчастная, какіе-нибудь негодяи погубили.

— И совсѣмъ еще молоденькая дѣвочка! И голосишко дѣтскій!

— Да, не легко такимъ живется!

— Гдѣ ужъ легко.

Валентинъ Григорьевичъ чуть не заплакалъ, услыхавъ ея голосъ.

«Господи! какъ она изстрадалась,—проносилось въ его головѣ.—Бѣдная, бѣдная! неужели ее не оправдаютъ?»

Въ его головѣ, способной на минутныя увлеченія, создавались уже рѣшенія на случай обвиненія. Что-жъ, если ее не оправдаютъ, онъ послѣдуетъ всюду за ней, онъ и въ ссылкѣ сдѣлаетъ ее счастливою, вознаградитъ ее за то, что она вытерпѣла для него. Такія жертвы не могутъ остаться безъ награды. И не все ли ему равно, гдѣ жить, лишь бы жить съ нею, съ этой обожающей его дѣвушкой. Такъ любить, какъ любитъ она, не сумѣетъ никто...

— Господинъ Шмидтъ! — долетѣлъ до его слуха опять чей-то голосъ...

Онъ снова поднялъ голову, какъ бы очнувшись отъ сна, и увидалъ стоящаго посреди залы, лицомъ къ предсѣдателю, прилично одѣтаго пожилого господина, державшагося очень прямо и почти надменно. Портилъ его скромный и прекрасно сшитый черный нарядъ только яркій пестрый галстукъ, какіе иногда носятся мелкими франтами дурного тона, принарядившимися приказчиками, писцами, лакеями. Этотъ галстукъ, бросавшійся въ глаза, какъ кричащее пятно на картинѣ, говорилъ не только о плохомъ вкусѣ, но и о стремленіи помолодиться, такъ какъ господинъ былъ не только не молодъ, а даже просто старъ. Желаніе скрыть свою старость сказывалось тѣмъ яснѣе, чѣмъ пристальнѣе вглядывался человѣкъ въ этого господина. Оно сказывалось во всѣхъ мелочахъ, комично, смѣшно, отчасти отвратительно. Вся его голова покрывалась чернымъ подвитымъ и припомаженнымъ парикомъ и, очевидно, была гола, какъ колѣно. Худощавое, прорѣзанное множествомъ морщинъ лицо поражало подозрительною чернотою густыхъ бровей и небольшихъ торчавшихъ щетиною усиковъ; не менѣе подозрительнымъ казался розовый румянецъ впалыхъ щекъ и тонкихъ губъ большого плотояднаго рта, изъ-за которыхъ виднѣлись во время разговора ослѣпительно бѣлые и слишкомъ ровные зубы. Ни съ завитымъ парикомъ, ни съ накрашенными бровями и усиками, ни съ поддѣльнымъ румянцемъ щекъ и губъ, ни съ вставленными челюстями не гармонировали отвислыя, мягкія уши, изъ которыхъ выглядывали цѣлые пучки сѣдыхъ волосъ, и дряблая желтая кожа тонкой, сморщенной, какъ кожа печенаго яблока, шеи. Взглянувъ

на эту личность, Валентинъ Григорьевичъ сразу почувствовалъ отвращеніе къ ней и въ немъ поднялось ощущеніе брезгливости. Это же враждебное чувство къ Шмидту ощущала вся публика.

— Субъектецъ,—проговорилъ кто-то около Вязьмитинова.

Валентинъ Григорьевичъ сталъ пристально всматриваться въ старика и мысленно разоблачалъ его, представлялъ его безъ парика, безъ зубовъ, безъ краски на усахъ, бровяхъ и щекахъ. Получалось нѣчто отвратительное, какой-то разлагавшійся трупъ.

— Ѳеодора Ивановна жила у васъ въ услуженіи?—раздался мягкій, женственный и заискивающій голосъ Холтурина.

— Да,—отвѣтилъ Шмидтъ, коротко и сухо.

— Въ горничныхъ?

— Да.

— Кромѣ нея у васъ была еще прислуга?

— Была.

Шмидтъ отвѣчалъ коротко, сдержанно, съ холоднымъ достоинствомъ, держась такъ прямо, какъ будто на немъ былъ корсетъ.

— Сколько прислуги держали вы, господинъ Шмидтъ?—продолжалъ допрашивать Холтуринъ.

— Три.

— Все дѣвушекъ?

— Да.

Шмидтъ бросилъ взглядъ на Холтурина и въ этомъ взглядѣ ясно сказалась холодная насмѣшка прошедшаго огонь, воду и мѣдныя трубы старика надъ разставляющимъ ему сѣти юнцомъ.

— Отчего вы держали именно женскую прислугу?

— Потому что я держалъ не мужскую прислугу, — отвѣтилъ онъ.

— Но,—началъ Холтуринъ:—вы холосты и держите...

Шмидтъ неторопливо перебилъ его немного наставительнымъ тономъ:

— Я не знаю, какъ относится этотъ вопросъ къ кражѣ у меня денегъ. Могу только сказать, что если бы я держалъ мужскую прислугу, то меня могли бы спросить, зачѣмъ я держу не женскую прислугу, а если бы я держалъ и кухарку, и лакея, то меня спросили бы, почему я держу у себя одновременно мужчинъ и женщинъ.

Въ его голосѣ послышалось легкое раздраженіе.

— Ишь мѣщанинъ нѣмецкій, а тоже рѣжетъ,—замѣтилъ тихо сосѣдъ Вязьмитинова. — За словомъ въ карманъ не полѣзетъ.

Допросъ продолжался.

— У васъ бываетъ много молодыхъ людей?—спрашивалъ Холтуринъ.

— И молодыхъ, и старыхъ знакомыхъ у меня много, какъ у всякаго небѣднаго человѣка, — отвѣтилъ не безъ достоинства Шмидтъ.

— Однако, молодежи собирается у васъ больше?

— Я не велъ статистики знакомыхъ,— насмѣшливо отвѣтилъ Шмидтъ. — Впрочемъ, вѣроятно, молодежи больше, такъ какъ старики тяжелѣе на подъемъ.

— Нѣкоторые остаются у васъ вплоть до утра?

— Гости уходятъ тогда, когда имъ вздумается.

— У васъ часто ночуютъ посторонніе?

— Какъ у всякаго другого холостяка.

— У васъ идетъ картежная игра?

— Да, у меня играютъ въ карты,—отвѣтилъ Шмидтъ.— Гдѣ собираются мужчины, тамъ всегда играютъ въ карты.

— Къ вамъ исключительно для этого и ѣздятъ.

— Не знаю. Можетъ-быть. Я не спрашиваю знакомыхъ, ради чего они ѣздятъ ко мнѣ.

Онъ усмѣхнулся.

Холтуринъ задалъ еще вопросъ:

— Ѳеодора Ивановна Діодатова уже жила у васъ прежде. Не можете ли вы сказать, сколько она жила и почему ушла?

— Жила полтора мѣсяца и ушла, вѣроятно, потому, что не хотѣла болѣе служить,—твердо отвѣтилъ Шмидтъ.

— Почему?

Шмидтъ сощурилъ немного глаза и презрительнымъ тономъ отвѣтилъ:

— Я не имѣю привычки разспрашивать, почему уходитъ прислуга, и если бы даже разспрашивалъ, то вѣрно забылъ бы, такъ какъ она жила у меня годъ тому назадъ. Гдѣ же помнить такія мелочи!

— Но вѣдь вы интересовались ею! Вы ходили нѣсколько разъ въ магазинъ, гдѣ она жила, и сманивали ее снова къ себѣ?

— Вы, кажется, думаете, что подсудимый это я, а не она,—дерзкимъ голосомъ отвѣтилъ Шмидтъ, очевидно, выведенный изъ терпѣнія.

Предсѣдатель сдѣлалъ ему замѣчаніе, что онъ долженъ

только отвѣчать на вопросы, а не вставлять своихъ замѣчаній и соображеній.

Шмидтъ пожалъ плечами и усмѣхнулся. Что-то враждебное скользнуло по его лицу. Въ душѣ, казалось, онъ презиралъ и ненавидѣлъ и всѣхъ судей, и самый судъ. Знаетъ онъ людей: попадись любой на его мѣсто—можно надавать ему такихъ вопросовъ, что онъ чернѣе сажи станетъ. Въ нравственную чистоту онъ вѣрилъ не болѣе, чѣмъ въ любую нелѣпую сказку, которыя создаются для дѣтей и дураковъ. Нравственность—это праздныя слова, въ которыя никто не вѣритъ и которыя всѣ повторяютъ или какъ попугаи, по привычкѣ, безъ смысла, или ради самыхъ безнравственныхъ цѣлей. Холтуринъ настойчиво повторилъ свой вопросъ. Шмидтъ посмотрѣлъ на него съ холодной иронией и отвѣтилъ коротко:

— Не помню.

— Не настаивали ли вы на томъ, чтобы она шла къ вамъ, не настаивали ли до такой степени сильно, что хозяева магазина, гдѣ жила она, побили ее и выгнали отъ себя за ея нежеланіе идти къ вамъ, такъ что ей пришлось одну ночь ночевать на улицѣ?

— Это любопытно,—вмѣсто отвѣта проговорилъ Шмидтъ.

— Что любопытно?

— Исторія, которую вы мнѣ разсказываете!

И, пожимая плечами, сухо добавилъ:

— Я не знаю, зачѣмъ вы это разсказываете мнѣ, и во всякомъ случаѣ не могу отвѣчать за то, что дѣлалось не въ моемъ домѣ, не мною, не при мнѣ.

Холтуринъ заявилъ, что у него покуда нѣтъ больше вопросовъ.

Послышался голосъ Громенкаго, разсматривавшаго пристально свои выхоленные ногти и подчищавшаго ихъ внимательно и заботливо батистовымъ платкомъ. Она сталъ разспрашивать Шмидта, когда могли пропасть деньги и какимъ образомъ. Шмидтъ пожалъ плечами и отвѣтилъ:

— Я самъ былъ бы радъ, если бы зналъ это. Я узналъ о пропажѣ, когда нужно было мѣнять купоны.

Громецкій спросилъ, гдѣ и какъ могла достать ключи похитительница.

— Я не имѣю привычки замыкать ящики, — отвѣтилъ Шмидтъ.—Я вѣрю людямъ.

— Ишь ты овца какая! — сказалъ сосѣдъ Валентина Григорьевича.

Предсѣдатель хотѣлъ уже отпустить Шмидта, когда Холтуринъ попросилъ позволенія задать ему еще вопросъ.

— Для чего вы возили Ѳеодору Ивановну Діодатову въ маскарадъ?—неожиданно спросилъ онъ.

Въ залѣ послышался легкій смѣхъ. Улыбки скользнули даже по лицамъ судей. Вопросъ былъ совершенно неожиданный для всѣхъ и прежде всего для самого Шмидта. Шмидтъ немного растерялся, но только на мгновенье. Онъ тотчасъ же оправился и поторопился отвѣтить:

— Для того же, для чего ѣздятъ въ маскарадъ и другіе, и я, и вы, для развлеченія.

Отвѣтъ былъ необдуманъ и неудаченъ. Холтуринъ спросилъ:

— Вы всѣхъ своихъ горничныхъ такъ развлекаете? Это странно немного.

Шмидтъ пожалъ плечами.

— Моя частная жизнь не касается никого.

— Сколько лѣтъ было Ѳеодорѣ Ивановнѣ Діодатовой, когда вы ее возили въ маскарадъ? — спросилъ Холтуринъ.

— Не знаю, — отрывисто отвѣтилъ, точно огрызнулся, Шмидтъ, и въ его глазахъ вспыхнулъ недобрый огонекъ ярости.

— Кажется, около пятнадцати лѣтъ, не больше?—подсказалъ Холтуринъ.

Шмидтъ упорно молчалъ.

Одинъ изъ присяжныхъ засѣдателей задалъ вопросъ:

— Въ какой же это маскарадъ?

Въ залѣ послышался опять чей-то легкій смѣхъ; по лицамъ присутствующихъ скользнули улыбки. Шмидтъ отвѣтилъ какъ-то раздражительно и глухо:

— Въ клубъ.

— Въ костюмѣ?—расхрабрившись, продолжалъ съ праздничнымъ любопытствомъ допрашивать наивный присяжный засѣдатель.

Веселое настроеніе охватило всю залу. Шмидтъ молчалъ, закусивъ губы. Вопросъ повторился. Онъ отвѣтилъ отрывисто:

— Въ домино.

Присяжный засѣдатель покачалъ головой и, тяжело вздохнувъ, проговорилъ про себя:

— Ишь, а горничная!

Холтуринъ улыбался, чувствуя, что побѣда останется за нимъ.

Казалось, все было спрошено, и онъ могъ успокоиться, но

Холтуринъ приберегъ на самый конецъ еще одинъ вопросъ. Онъ освѣдомился у Шмидта:

— Вы, кажется, прежде имѣли гласную кассу ссудъ?

Шмидтъ отвѣтилъ сквозь зубы:

— Да.

— Теперь вы уже оставили это занятіе или ваша касса ссудъ еще существуетъ?

— У меня нѣтъ кассы ссудъ. — отрывисто отвѣтилъ Шмидтъ.

Подъ ухомъ Валентина Григорьевича раздалось тихое восклицаніе:

— Ай да гусь!

Это было восклицаніе впечатлительнаго и экспансивнаго сосѣда Вязьмитинова.

Начался допросъ вызванныхъ защитникомъ свидѣтельницъ, служившихъ въ одно время съ Дорой у Шмидта. Это были хорошенькія собою, молоденькія дѣвушки, щеголевато одѣтыя, бойкія и вертлявыя, но принадлежавшія къ необразованнымъ слоямъ общества. Въ тайномъ игорномъ домѣ Карла Ивановича Шмидта, гдѣ хозяинъ считалъ не лишнимъ держать молоденькую прислугу, онѣ видимо запаслись извѣстною развязностью и даже наглостью. Передъ ними прошла такая масса мужчинъ, что онѣ вовсе не стѣснялись и здѣсь передъ лицомъ судей. Когда первую изъ нихъ спросилъ Холтуринъ:

— Вы служили у господина Шмидта?

Она глупо захихикала:

— Хи-хи-хи!

Холтуринъ повторилъ вопросъ:

— Служили вы у него?

— Хи-хи-хи! служила!

— Горничною?

— Хи-хи-хи!—опять безпричинно захихикала она и закрыла ладонью носъ и ротъ.

Что-то не просто вульгарное, но и тупоумное было въ выраженіи ея лица, въ ея манерахъ. Толку отъ нея, очевидно, было трудно добиться.

— Вы должны отвѣчать на предлагаемые вамъ вопросы,— замѣтилъ ей строго предсѣдатель.

Она сдѣлала плаксивую мину и испуганно жалобнымъ тономъ отвѣтила:

— Горничною-съ.

— Въ чемъ заключались ваши обязанности?

Она потупилась и, ломаясь немного, не то смѣясь, не то готовясь заплакать, сказала:

— Мнѣ стыдно-съ.

Холтуринъ началъ слово за словомъ вытягивать изъ нея признанія. Все это было некрасиво, говорило о характерѣ этого игорнаго дома, гдѣ бывшій ростовщикъ-хозяинъ приманивалъ и обиралъ всѣми способами падкую до всякихъ соблазновъ кутящую молодежь. Оказалось, что господинъ Шмидтъ появлялся то съ той, то съ другой изъ этихъ дѣвушекъ на Невскомъ проспектѣ и въ клубныхъ маскарадахъ, и выдавалъ знакомымъ молодымъ людямъ этихъ дѣвушекъ за родственницъ. Холтуринъ не упускалъ ни одной мелочи, разворачивалъ всю закулисную грязь жизни Шмидта. Всѣ слушали съ напряженнымъ вниманіемъ, сначала заинтересованные пикантностями, потомъ возмущенные безобразіями этой закулисной жизни, новой почти для всѣхъ. Предсѣдатель и судьи нѣсколько разъ перешептывались, не слѣдуетъ ли удалить публику, но Холтуринъ задавалъ вопросы такъ, что все объяснялось одними намеками и полусловами и не могло шокировать никого. Когда допросъ этой несчастной тупоумной дѣвушки кончился, Холтуринъ попросилъ позволенія задать одинъ вопросъ подсудимой.

— На вашу долю выпало то же?—спросилъ онъ.

— Да,—тихо отвѣтила она и поднесла платокъ къ глазамъ.

Холтуринъ попросилъ вызвать другую свидѣтельницу. Эта, какъ и первая, сообщила тѣ же подробности, но она не хихикала, какъ первая, а говорила отрывисто, дерзко, досадливо. Какая-то затаенная злоба чувствовалась въ ея короткихъ отвѣтахъ. Она скорѣе ругалась, чѣмъ отвѣчала. Должно-быть, этимъ тономъ она говорила и со Шмидтомъ, и съ другими посѣщавшими домъ Шмидта мужчинами, которыхъ, какъ можно было понять изъ двухъ-трехъ ея отвѣтовъ, она или презирала, или ненавидѣла. На вопросъ о томъ, что дѣлали у Шмидта вообще на игорныхъ вечерахъ гости, она коротко отвѣтила:

— Извѣстно, мужчины!

Этотъ отвѣтъ, произносимый не то съ презрѣніемъ, не то съ ожесточеніемъ, она повторила разъ десять, отвѣчая имъ иногда на совершенно неподходящіе вопросы. Видимо было, что она считала мужчинъ способными на всякія гадости и только на однѣ гадости, а такъ какъ здѣсь были все мужчины, то она и считала нужнымъ грубить имъ. Въ ея грубости было что-то привычное и, можетъ-быть, именно эта

грубость нравилась посѣтителямъ игорнаго дома, какъ н
что оригинальное. Дѣйствительно, это было оригинал
какъ дерзкія выходки и грубая правдивость древняго ж
котораго каждую минуту могли избить тѣ, кому онъ гру
и говорилъ правду. Въ этомъ была вся соль, въ этомъ бы
весь комизмъ положенія. Когда свидѣтельница конч
Холтуринъ опять обратился къ Дорѣ съ тѣмъ же вопрос
съ которымъ онъ обращался къ ней послѣ допроса пер
свидѣтельницы, и Дора дала тотъ же отвѣтъ, тѣмъ же
номъ и такъ же закрывши носовымъ платкомъ глаза.

Допросъ третьей свидѣтельницы не удался. Она ви
начертала себѣ впередъ программу отвѣтовъ. На вс
просы она отвѣчала коротко:

— Не знаю-съ. Такъ-съ. Обыкновенно, какъ слуг
Мы этого не знаемъ. Мы не причастны были къ э
Что господа велятъ, то и дѣлаемъ.

Какъ ни бился съ ней Холтуринъ, добиться онъ н
ничего не могъ. Тѣмъ не менѣе и при этомъ допросѣ м
вымучилъ изъ свидѣтельницы отвѣты на то, что гос
пріѣзжали въ карты играть, играли всю ночь, пили в
Онъ даже добился того, что она объяснила, какъ играл
карты, то-есть далъ понять, что играли въ азартную и
— Извѣстно какъ, соберутся около стола и играютъ.
— По-четверо?
— Какъ случится. И по-трое, и по-многу. Встанутъ
стола и играютъ.
— Стоя?
— Кто какъ хочетъ. Одни стоя, другіе сидя.

Сосѣдъ Вязьмитинова не выдержалъ и шепнулъ:

— Извѣстно, игорный домъ, банкъ метали. А горн
ныхъ покрасивѣе всегда въ такихъ домахъ держатъ, т
въ кондитерскихъ или кухмистерскихъ. Это для привл
нія, обстановка значитъ. Вонъ у насъ въ домѣ одна б
рыня игорный домъ держала...

Валентинъ Григорьевичъ не слушалъ, что шепчетъ о
Онъ весь былъ поглощенъ допросами свидѣтельницъ.

Отпустивъ послѣднюю свидѣтельницу, Холтуринъ опя
обратился къ Дорѣ и, извиняясь передъ нею, спросилъ
— Васъ силой отдали въ услуженіе къ господину Шми
— Били,— тихо отвѣтила она.
— Вамъ было тяжело у него?
— Стыдно,— еще тише отвѣтила она.—Все холостые
мужчины бывали, пили, буянили, въ растерзанномъ видѣ.

Вы убѣжали?—съ чувствомъ спросилъ Холту ринъ.

— Утопиться хотѣла,—уже плача сказала она.

— Успокойтесь, — заботливо проговорилъ Холтуринъ, обращаясь къ ней, какъ къ тяжело больной.—Еще одинъ только вопросъ. Почему вы снова весною поступили къ нему?

— Меня выгнали изъ магазина... за то, что я не хотѣла идти къ нему... Я... я на улицѣ ночевала... въ дождь... въ снѣгъ и потомъ вернулась... согласилась... На улицѣ не сладко!.. Наложить на себя руки силъ не хватило...

Она начала тихо всхлипывать. Холтуринъ съ милой предупредительностью спросилъ, не надо ли ей воды.

«Какъ же она говоритъ, что ночевала на улицѣ?—подумалъ Вязьмитиновъ.—Вѣдь она у меня ночевала».

Но онъ тотчасъ же сообразилъ, что она лжетъ, чтобы не проговориться про него. Бѣдная! лгать ей ради него приходится!

Призвали содержательницу и содержателя швейнаго магазина, поставлявшаго горничныхъ Шмидту. Шмидта они давно знали, когда онъ еще гласную кассу ссудъ держалъ. Шили они на него бѣлье. Про игорный домъ ничего не слыхали, а что онъ держалъ молодую женскую прислугу, это знали. Опять начались подробности, поразившія и возмутившія присутствующихъ.

— Всѣхъ бы этихъ господъ въ Сибирь угнать надо, а не ее,—совсѣмъ тихо шепнулъ одинъ изъ присяжныхъ засѣдателей своему сосѣду, едва шевеля губами и не поворачивая головы.

Предсѣдатель, уже совсѣмъ ознакомившійся съ подробностями дѣла и негодующій не на подсудимую, а на окружавшихъ ее лицъ, съ особенной рѣзкостью и придирчивостью сдѣлалъ нѣсколько замѣчаній во время допроса послѣднихъ двухъ свидѣтелей. Его видимо охватило гадливое чувство по отношенію къ этимъ людямъ. Онъ началъ нетерпѣливо относиться къ допросу свидѣтелей и въ этомъ нетерпѣніи опытный человѣкъ могъ прямо угадать, что предсѣдатель въ душѣ уже оправдываетъ Дору, какъ доведенное до гибели созданіе, и не считаетъ нужнымъ какія бы то ни было дальнѣйшія показанія для оправданія ея. Дѣйствительно, онъ оправдывалъ ее въ душѣ, какъ несчастную жертву, и не вполнѣ понималъ, какъ будетъ обвинять ее товарищъ прокурора. Онъ мелькомъ взглядывалъ на послѣдняго, точно спрашивая его: «Что-то ты скажешь?»

Громецкій продолжалъ возиться со своими ногтями, скобля

ихъ крючкомъ подпилкомъ. Онъ видимо уже не слушалъ и просѣкъ и не интересовался ими, изрѣдка зѣвая и желая скорѣе конца всей этой комедіи. Настроеніе присутствующихъ людей въ залѣ было ему ясно. Онъ самъ раздѣлялъ это настроеніе—отвращеніе къ Шмидту, къ содержателямъ винного магазина и состраданіе къ подсудимой.

Когда онъ заговорилъ—предсѣдатель, судьи, присяжные и Холтуринъ сразу поняли, что это не обвинительная рѣчь, а лѣнивое изложеніе никѣмъ не оспариваемаго факта. Ѳедора Ивановна Долгатова украла у Карла Ивановича Шмидта шестьсотъ рублей, изъ которыхъ двѣсти найдены у нея, а остальные истрачены; фактъ кражи доказанъ, подсудимая не отвергаетъ его, и присяжнымъ засѣдателямъ остается только признать, заслуживаетъ ли какого-нибудь снисхожденія виновная,—личность, очевидно, не знающая никакихъ нравственныхъ правилъ, способная украсть, быть-можетъ, завтра же, какъ она украла вчера.

Окончивъ эту сухую и короткую рѣчь, онъ сѣлъ на мѣсто и слегка зѣвнулъ.

Заговорилъ Холтуринъ. Онъ могъ тоже сказать рѣчь въ десятокъ фразъ, чувствуя настроеніе присяжныхъ и судей, но онъ не могъ удержаться отъ беллетристики. Ему представлялась возможность прочитать публично главу романа, и онъ прочелъ ее.

— Господа судьи и присяжные, — началъ Холтуринъ:— сущность дѣла, занимающаго всѣхъ насъ въ настоящую минуту, такъ ясна и проста, что собственно о ней не приходится много говорить: молодая дѣвушка поступила въ услуженіе, увидала, гдѣ лежатъ деньги у господина, и украла ихъ; господинъ узналъ о кражѣ, когда надо было отрѣзать купоны, заявилъ полиціи, у его служанокъ сдѣлали обыскъ и нашли часть украденной суммы у похитительницы; дѣвушку допросили, она созналась во всемъ и ее арестовали. Теперь она передъ вами, не отрицающая кражи и ожидающая приговора. Если бы вамъ пришлось обсуждать вопросъ только на основаніи этихъ простыхъ данныхъ, вы не могли бы отвѣтить ничего, кромѣ простого: «Да, виновна». Но жизнь—дѣло сложное и часто никакія страшныя трагедіи, никакіе потрясающіе романы, измышленные тѣми или другими господами сочинителями, не могутъ сравняться по ужасу съ тѣмъ, что создается самою жизнью. Такая жизненная драма раскрывается теперь передъ нами, и мы должны пристально вглядѣться, вдуматься въ нее прежде,

чѣмъ изречь свое: «да, виновна». Въ одинъ изъ тѣхъ домовъ, гдѣ жизнь является вѣчной масленицей, вѣчнымъ праздникомъ, лѣтъ семнадцать-восемнадцать тому назадъ принесли корзинку, гдѣ среди цвѣтовъ и кружевъ спало безмятежнымъ сномъ крошечное дитя... Представители вѣчной масленицы обрадовались новой игрушкѣ и назвали ее Ѳеодорой, надѣливъ ее фамиліей Діодатовой. Этотъ Богомъ данный ребенокъ сидитъ теперь передъ вами на скамьѣ подсудимыхъ и съ ужасомъ ждетъ вашего приговора. Какая страшная пропасть лежитъ между этими двумя періодами. Батистъ и кружево, шелкъ и бархатъ нарядовъ ребенка-игрушки, исполненіе всѣхъ его прихотей, безсмысленное баловство, все это окружало дѣвочку съ колыбели, и уже всѣ въ домѣ шептались о томъ, что ребенокъ, какъ двѣ капли воды, схожъ со своимъ пріемнымъ отцомъ, блестящимъ представителемъ свѣтскаго общества того времени, и пророчили ребенку блестящую будущность, когда безсмысленно прожигавшій жизнь отецъ этого ребенка промоталъ все и разомъ кончилъ расчеты съ жизнью. И вотъ ребенку дается первый урокъ жизни: среди блеска, роскоши и веселья дитя вбѣгаетъ въ кабинетъ пріемнаго отца и видитъ кровь, кровь и кровь и среди кровавой лужи обезображенный, ужасающій трупъ своего пріемнаго отца съ размозженной головой. О, одно это впечатлѣніе дѣтства должно было глубоко потрясти дѣвочку...

Въ головѣ Валентина Григорьевича мелькнула мысль о томъ, что Холтуринъ лжетъ. Никогда Дора не видала размозженной головы своего отца. Ради краснорѣчія привралъ Холтуринъ, что ли? Или Дора сказала ему, что она видѣла трупъ Неронова? Ахъ, ей, бѣдной, приходится столько лгать! Онъ поднялъ на нее глаза; она отирала слезы, сидя съ опущенной на грудь головой. Какое страдальческое выраженіе лица у нея.

— Таково было ея положеніе въ этомъ устроенномъ отъ скуки какими-то праздными благотворителями пріютѣ,—услыхалъ онъ восклицаніе Холтурина и разсердился на себя, что пропустилъ интересную для него часть защитительной рѣчи, а Холтуринъ опять восклицалъ:—это не воспитательное заведеніе, а пріютъ нищихъ, жизнь впроголодь, прозябаніе въ четырехъ стѣнахъ, чтобы потомъ быть выброшенной на улицу. Выброшенной на улицу? За что? За то, что мудрые воспитатели нашли ее неспособной къ наукамъ! Дѣвочку и выбросили на улицу, помѣстивъ въ какой-то

швейный магазинъ. Въ этотъ швейный магазинъ обыкновенно отдавали изъ этого пріюта дѣтей, которыхъ находили неспособными къ наукамъ. Въ швейномъ магазинѣ помѣщалось ихъ много, кормили ихъ скверно, спали онѣ на кроватяхъ, поставленныхъ одна на другую, какъ въ нарахъ спали дѣти. Когда пріѣзжалъ одинъ изъ попечителей пріюта справляться, какъ живется дѣвочкамъ, онѣ должны были лгать изъ страха передъ содержательницей пріюта и говорить, что кормятъ ихъ хорошо и что на ночь кровати ставятся на полъ по разнымъ комнатамъ, а только днемъ для удобства и простора, ставятся одна на другую. Все это было ложью, а покровители признавали это за правду и даже не замѣчали, что дѣвочки малокровны, тощи, болѣзненны. Объ истязаніяхъ я уже и не говорю: мужъ содержательницы магазина разъ уже судился за это. Такова была обстановка. Посмотримъ далѣе. «Не много шили тамъ и въ шитьѣ тамъ было дѣло». Дѣвочку посылали забирать прикладъ въ Перинной линіи, заставляли разносить заказы къ богатымъ барынямъ, бѣгать то туда, то сюда по петербургскимъ улицамъ. Это было своего рода школой—гибельной школой для подрастающихъ дѣтей. Въ этой школѣ росла и та дѣвушка, которая ждетъ вашего приговора. О, какъ полюбился ей Невскій проспектъ, съ его нарядной толпой, съ его выставками въ магазинахъ, какъ жадно глядѣла она на роскошную обстановку разныхъ дамъ полусвѣта, къ которымъ иногда относила заказы. Все это напоминало ей ея дѣтство, ея блестящую обстановку, ея свѣтлый сонъ жизни. Пожить бы еще такъ самой, поносить бы эти богатые наряды, покататься бы въ этихъ чудныхъ экипажахъ, понѣжиться бы въ этихъ прелестныхъ будуарахъ! И вотъ находится старикъ, ищущій, какъ мебель, какъ украшеніе, какъ приманку, молоденькихъ горничныхъ для своего игорнаго дома. Эта руина, замаскированная...

Предсѣдатель хотѣлъ остановить Холтурина, но тотъ понялъ сразу его рѣзкое движеніе и быстро сказалъ:

— Я не стану распространяться объ этомъ человѣкѣ, вы, господа присяжные и судьи, видѣли его здѣсь, могли все оцѣнить и взвѣсить. Слова тутъ не нужны. Скажу только, что этотъ человѣкъ пожелалъ взять къ себѣ въ услуженіе дѣвочку; ей обѣщали золотыя горы, и она пошла. Она не знала еще тогда, какой цѣной достаются деньги бѣднымъ дѣвушкамъ. Ей пришлось это узнать, оскорбительно, мучительно, постыдно. Вы слышали здѣсь допросъ

такихъ же несчастныхъ жертвъ, какъ она, вы должны были понять, что это была за жизнь. Бѣдная дѣвочка не выдержала и бѣжала отъ позора. Но куда же она могла бѣжать? Опять въ магазинъ, откуда ее продали. Другого пріюта у нея не было. Она и бѣжала туда, бѣжала попрежнему нищею, но уже опозоренною и вкусившею сладость баловъ, маскарадовъ, мелкаго разгула. Дѣвичья чистота была утрачена, жажда наслажденій сдѣлалась потребностью, явилась надобность не любви—этого святого чувства она не знала,— а сладострастія.

Вязьмитиновъ вздохнулъ и задумался. Да, ей нужно было не чувство любви, а сладострастіе. Это правда. Этотъ проклятый старикъ развратилъ ее. Въ какомъ вертепѣ она жила, какія сцены видѣла. Развѣ можно сохранить душевную чистоту въ такой обстановкѣ? Этотъ игорный домъ былъ притономъ негодяевъ, содержимымъ старымъ грѣховодникомъ. И какъ онъ, этотъ старикъ, отвратителенъ. Какъ могла она переносить его ласки? Другая бы скорѣе петлю надѣла на шею, чѣмъ пошла къ нему. Ему, Вязьмитинову, со стороны омерзительно вспомнить, что этотъ человѣкъ близокъ къ ней. Онъ загрязнилъ ее своею нравственною грязью. Этого не смыть, это выжженное клеймо. Никогда, никогда онъ, Вязьмитиновъ, не истребитъ въ себѣ этого гадливаго ощущенія. Этотъ человѣкъ будетъ стоять между нимъ и ею.

— Повторяю, господа присяжные и судьи, что моя клиентка не выдала имени этого негодяя,—вдругъ услыхалъ Валентинъ Григорьевичъ и понялъ, что онъ опять пропустилъ часть рѣчи Холтурина.—Она все приняла на себя, она за все рѣшилась одна нести кару. Но мнѣ ясенъ тотъ душевный процессъ, который она пережила въ это время. Опозоренная, ищущая привѣта, ласки, она поддалась на сладкія рѣчи одного изъ тѣхъ шалопаевъ, которыми кишитъ столица и которые ищутъ легкихъ интрижекъ среди разныхъ папиросницъ, горничныхъ, швеекъ. Этотъ молодой негодяй подбился къ ней, опуталъ ее.

У Вязьмитинова краска бросилась въ лицо, когда онъ вполнѣ понялъ, о чемъ говорилъ теперь защитникъ. Онъ со злобой взглянулъ на Холтурина, и вдругъ въ его головѣ мелькнула мысль:

«Самъ галстучки бралъ!»

— Вѣроятно, онъ былъ молодъ, красивъ, краснорѣчивъ, конечно, по-своему, но въ то же время онъ былъ и бѣденъ,—

продолжалъ Холтуринъ.—Нужно было добыть денегъ, разумѣется, не трудомъ, не упорной борьбой, не терпѣливымъ прилежаніемъ, а ловкой продѣлкой, мошенничествомъ, и вотъ онъ, это дитя подвала, этотъ выкидышъ улицы, обольщая неопытную дѣвушку, обманывая ее, толкаетъ ее на преступленіе. Что ему за дѣло, что она будетъ страдать, поступивъ вновь въ игорный домъ къ старику? Онъ ей повѣритъ, что у нея будутъ тамъ деньги, что безъ денегъ онъ долженъ будетъ ее бросить. Онъ знаетъ, что для нея это самая страшная угроза. Безъ него ей свѣтъ не милъ. Она рѣшается принести ему жертву, идетъ въ услуженіе, даетъ ему послѣдніе гроши, а онъ высасываетъ изъ нея деньги и все требуетъ еще и еще, ненасытный, какъ всѣ люди этого сорта; онъ наводилъ ее на мысли, что у старика много денегъ, что онѣ лежатъ плохо, что взять можно незамѣтно. Гдѣ же старику догадаться, что у него пропало нѣсколько сотъ рублей? Ей кажется тоже, что старикъ не точно не считаетъ денегъ, ихъ столько проходитъ черезъ его руки ежедневно! Гости оставляютъ цѣлыя груды проигранныхъ ими денегъ; все это переходитъ въ его руки. Нужно глубоко прочувствовать это положеніе между двухъ огней, положеніе страдающей и жаждущей ласки неразвитой дѣвушки, чтобы понять, какъ рѣшилась она совершить кражу. Наивное существо, она думала удержать этимъ при себѣ обманывавшаго ее негодяя; она до того вѣрила въ то, что не отдала ему всѣхъ денегъ сразу, а выдавала по частямъ, по мѣрѣ его требованій, не тратя ни гроша на себя. Изъ допроса свидѣтелей ясно видно, что она не сшила себѣ ни одного новаго платья изъ этихъ денегъ, не купила ни одной бездѣлушки и истратила все на этого негодяя, который скрылся какъ разъ въ то время, когда должна была открыться пропажа денегъ. Онъ зналъ лучше ея, что хватиться бумагъ должны именно во время того срока, когда нужно отрѣзать купоны. Она этого не знала. Она не ушла съ мѣста передъ этимъ временемъ, она не размѣняла оставшихся у нея бумагъ. Она ихъ берегла, думая, что любимому ею негодяю потребуетъ у нея еще денегъ. Вотъ вся исторія моей кліентки. Она похитила деньги. Но у кого? У того, кто дорого поплатился бы, если бы она сама предъявила къ нему искъ, поплатился бы и деньгами, и честнымъ именемъ, потому что она была почти ребенкомъ, когда попала въ его домъ. Для кого она похитила эти деньги? Для того мерзавца, который толкнулъ ее на этотъ путь и самъ пре-

дательски скрылся съ украденными ея руками деньгами. И вотъ эти люди свободны, сыты, счастливы, веселы, а она сидитъ здѣсь на скамьѣ подсудимыхъ и ждетъ своего приговора, беззащитная, безпомощная, обреченная на холодъ и голодъ даже и въ томъ случаѣ, если вы отпустите ей ея грѣхъ. Грѣхъ! что я говорю! Передъ кѣмъ она грѣшна?.. Передъ тѣми, кто погубилъ ее? Передъ обществомъ, которое выбросило ее безъ призора на улицу? Нѣтъ, она не грѣшница, а глубоко несчастное существо, заслуживающее нашего состраданія, сочувствія, нашихъ заботъ о ней, способныхъ загладить хотя отчасти тяжелыя, нанесенныя ей обиды.

Когда Холтуринъ кончилъ, предсѣдатель обратился къ подсудимой съ вопросомъ, не желаетъ ли она чего-нибудь сказать. Она поднялась и, всхлипывая, проговорила:

— Я... я... во всемъ виновата!

Она безпомощно опустилась на скамью.

Вязьмитиновъ быстро вышелъ въ коридоръ. Ему нужно было освѣжиться, провѣтриться, отдохнуть. Ему казалось, что судили не Дору, а его. Вся послѣдняя часть рѣчи Холтурина звучала въ его ушахъ и точно дробь выбивалось одно слово: «Негодяй! негодяй! негодяй!» Что будетъ съ нею, съ Дорой, — ему теперь было почти все равно. Онъ относился къ ней почти враждебно. Зачѣмъ она скрыла отъ него, что она хочетъ украсть деньги? Никогда не замаралъ бы онъ своихъ рукъ краденными деньгами! Зачѣмъ она спрятала часть украденныхъ денегъ? Чтобы дать ему въ случаѣ надобности? Но этимъ она съ головой выдала себя. Не будь этихъ спрятанныхъ денегъ, она не попалась бы. И почему не отдала она ему всѣхъ денегъ? Не довѣряла ему? Боялась, что онъ истратитъ все разомъ, какъ мотъ? И низкая, и мелочная душа! Да развѣ могло что-нибудь иное возрасти на той почвѣ, на которой взросла она? Это махровый цвѣтокъ подонковъ общества, того отребья, которое растетъ на улицѣ для улицы

— Ну-съ, вотъ и мы!—раздался около него веселый голосъ Холтурина.—Оправданы и свободны!

Вязьмитиновъ отшатнулся къ стѣнѣ: передъ нимъ стояли Холтуринъ и Дора, томно улыбающаяся, какъ-то особенно смотрящая на него.

— Очень радъ, очень радъ,—пробормоталъ онъ и пожалъ руку Холтурина, избѣгая встрѣтиться глазами съ Дорой.

Онъ въ душѣ чувствовалъ теперь смутную ненависть къ обоимъ, точно они вошли въ стачку и были его врагами.

VIII.

Вязьмитиновъ, Холтуринъ и Дора въ этотъ день ужинали вмѣстѣ. Надо было сдѣлать «экспромтъ освобожденія», какъ настаивалъ Холтуринъ. Валентину Григорьевичу хотѣлось избѣжать этой «попойки», какъ мысленно называлъ онъ этотъ ужинъ, но онъ, тѣмъ не менѣе, согласился ѣхать ужинать въ одинъ изъ петербургскихъ ресторановъ.

Онъ чувствовалъ себя скверно, оставшись съ глазу на глазъ съ Холтуринымъ и Дорой, потому что разговоръ вертѣлся, какъ и слѣдовало ожидать, все около процесса, о которомъ Вязьмитинову хотѣлось бы поскорѣе забыть; Валентинъ Григорьевичъ во время этого разговора ощущалъ «подлый страхъ», какъ онъ выражался мысленно,—страхъ при мысли, что Дора проговорится объ его роли въ этомъ дѣлѣ. Чѣмъ скверніе чувствовалъ онъ себя, тѣмъ болѣе раздражалъ его фамильярно ловеласническій тонъ Холтурина въ разговорѣ съ Дорой, смотрѣвшей побѣдительницей. Въ выраженіи лица молодой дѣвушки не было и слѣда того смиренія, которое такъ располагало всѣхъ въ ея пользу во время судебнаго разбирательства ея дѣла.

— А вы, барышня милая, превосходная актриса,— говорилъ, смѣясь, Холтуринъ Дорѣ и обратился къ Вязьмитинову: — ни въ чемъ не сбилась; какъ уговорились, такъ и держала себя. Въ подобныхъ дѣлахъ главное—умѣнье держать себя, подыгрывать на присяжныхъ судей.

— Да, въ тюрьмѣ-то не сладко сидѣть,—отвѣтила Дора.— На все пойдешь, лишь бы на волю вырваться.

— Такъ-то оно такъ, да вѣдь и умѣнье нужно, чтобы роль выдержать,— проговорилъ Холтуринъ.— Я на вашемъ мѣстѣ, право, на сцену поступилъ бы!

И со смѣхомъ Холтуринъ началъ пояснять Валентину Григорьевичу, какъ онъ уговорился съ Дорой насчетъ того, какъ ей держать себя въ судѣ, что говорить, въ какое время всплакнуть. Даже ея послѣднія фразы: «Я... я... во всемъ виновата», была подсказана имъ.

— Все, какъ по нотамъ, разыграли! — весело заключилъ онъ свой разсказъ.

Вязьмитинову стало еще болѣе непріятно, когда онъ узналъ, что угнетенный и смиренный видъ Доры въ судѣ былъ одною маскою: лжетъ она, всегда и во всемъ лжетъ!

— Ну, а и скрытности вамъ природа отпустила не малую дозу,— продолжалъ Холтуринъ, обращаясь къ Дорѣ, и опять

пояснилъ Вязьмитинову:—вѣдь вотъ такъ я и не могъ добиться, какой негодяй выманилъ деньги у Теодоры Ивановны. А ужъ я ли не доказывалъ ей, что адвокатъ тотъ же духовникъ: все должна ему высказать, какъ на исповѣди. Нѣтъ, не призналась!

Онъ быстро обернулся къ Дорѣ:

— Ну, а теперь, Теодора Ивановна, скажете?

— Нѣтъ, не скажу и теперь,— отвѣтила Дора и лукаво взглянула на Вязьмитинова.

— Не понимаю, на что это и нужно,—нетерпѣливо проговорилъ Вязьмитиновъ, пожимая плечами.

— А хоть бы для того, чтобы знать вкусъ Теодоры Ивановны,—пояснилъ Холтуринъ.—Это вопросъ не маловажный. Вы блондиновъ любите или брюнетовъ?

«Какъ былъ, такъ и остался пошлякомъ»,—подумалъ Вязьмитиновъ.

Дора звонко засмѣялась:

— А вы спросите Валю, онъ мой вкусъ знаетъ!—не безъ лукавства отвѣтила она.

Валентинъ Григорьевичъ вспылилъ, испуганный тѣмъ, что вотъ-вотъ она все разскажетъ, и непріятно раздраженный ея фамильярнымъ обращеніемъ къ нему. Какъ она смѣетъ его называть Валей при Холтуринѣ?

— Почему я знаю твои вкусы!— строптиво проговорилъ онъ, отвѣчая на ея вопросъ.

— Какъ же не знаешь!—спросила она съ удивленіемъ.— Вѣдь ты же...

Валентинъ Григорьевичъ еще болѣе испугался: вотъ-вотъ она скажетъ все. Онъ, опять ругая себя въ душѣ за подлую трусость, поспѣшилъ проговорить:

— Что за глупый разговоръ! Ну, знаю, слышалъ отъ тебя о твоихъ вкусахъ, но что за дѣло до этого другимъ!

И наставительно прибавилъ:

— Ты должна теперь серьезно подумать о томъ, чтобы перемѣнить образъ жизни, не вѣтренничать. Я, конечно, постараюсь дать тебѣ средства встать на ноги, но и ты должна приложить со своей стороны старанія, чтобы стать на честный путь, не ворочаться къ какимъ-нибудь Шмидтамъ.

Онъ вдругъ оборвалъ свое наставленіе и растерялся: при имени Шмидта ему неожиданно пришла въ голову какая-то новая, испугавшая его мысль:

— А что, Шмидтъ можетъ еще возобновить это дѣло,

обжаловать рѣшеніе суда? — обратился онъ торопливо къ Холтурину.

— Можетъ попробовать, но, я думаю, ему откажутъ. Формальности всѣ соблюдены,—отвѣтилъ Холтуринъ и, подумавъ минуты двѣ, рѣшилъ: — нѣтъ, ему, вѣроятно, не удастся добиться ничего.

— Но все же можетъ попытаться? — настаивалъ Вязьмитиновъ.

— Конечно! пытаться никому не возбраняется, хотя иногда и тщетно пытаются люди, — отвѣтилъ Холтуринъ и, подмигивая, обратился къ Дорѣ:—правда, Теодора Ивановна, попытаться всегда можно? А?

— Отчего же и не такъ, — отвѣтила она, кокетничая.

— А надѣяться на успѣхъ тоже не запрещается?

— Я не знаю!

Валентинъ Григорьевичъ, поглощенный своими мыслями, раздражительно произнесъ:

— Надо, значитъ, замазать этому подлецу роть.

— То-есть какъ это? — разсѣянно спросилъ Холтуринъ.

— Заплатить ему деньги,—пояснилъ Валентинъ Григорьевичъ.

— Ну, очень нужно! — воскликнула оживленно Дора. — Чего ты боишься?

— Ничего я не боюсь! Чего мнѣ-то бояться?—поспѣшно заговорилъ Вязьмитиновъ и взглянулъ на нее злыми глазами. — Я просто не хочу, чтобы тебя опять таскали по судамъ! Или тебѣ это пришлось по вкусу?

— Нѣтъ, нѣтъ, я не хочу, чтобы ты платилъ ему.— горячо и настойчиво заговорила она. — Самимъ эти деньги пригодятся. А ему наука. Скряга онъ. Пусть платится!

— Разумѣется, — подтвердилъ Холтуринъ и опять сталъ смотрѣть на Дору замаслившимися глазами. — Я бы и не такими деньгами на его мѣстѣ пожертвовалъ. Есть вещи, Теодора Ивановна, за которыя тысячъ не жаль. Что тысячи — жизнь отдашь и то мало!

Онъ слегка наклонилъ голову и вкрадчиво спросилъ ее:

— А вы изъ Петербурга никуда не уѣдете?

Она вопросительно посмотрѣла на Вязьмитинова и, не дождавшись его отвѣта, отвѣтила:

— Не знаю, какъ вотъ онъ... Ты, Валя, вѣдь поѣдешь еще въ имѣніе?

— Да, да, — торопливо отвѣтилъ Валентинъ Григорье-

шчъ.—Что за вопросъ? Что мнѣ здѣсь дѣлать? Ѣхать надо. ейчасъ же, т. е. завтра... Мнѣ надо скорѣе...

— И Теодору Ивановну возьмешь?—спросилъ Холтуринъ.

— Ну, что ты выдумалъ?—съ пренебреженіемъ сказалъ язьмитиновъ.—Въ чужое мѣсто, къ чужимъ людямъ! Этого олько недоставало!

Онъ сталъ торопиться: пора по домамъ, завтра надо рано тавать, бѣда, если онъ проспитъ. Его охватило радостное вство, точно онъ нашелъ путь ко спасенію. Другихъ ѣдствъ къ спасенію онъ не зналъ, кромѣ бѣгства. Изъ якихъ затрудненій онъ выпутывался только бѣгствомъ.

Онъ поднялся, заплатилъ по счету лакею и простился съ рядочно захмелѣвшимъ Холтуринымъ.

— А вы куда?—спросилъ Холтуринъ у Доры, смотря на е посоловѣвшими, пьяными глазами.

— Ей надо сегодня переночевать гдѣ-нибудь въ гости- цѣ, а завтра пріищемъ комнату отъ жильцовъ,—пояснилъ нее Вязьмитиновъ.

— Ты завтра съ утреннимъ поѣздомъ ѣдешь?—спросилъ лтуринъ у Валентина Григорьевича.

— Да,—отвѣтилъ Вязьмитиновъ.

— Я тебя пріѣду проводить!—сказалъ Холтуринъ.

— Спасибо,—равнодушно отвѣтилъ Вязьмитиновъ, торо- ясь проститься съ Холтуринымъ.

Онъ повезъ Дору въ гостиницу.

— Я къ тебѣ?—спросила она его, какъ только они оста- ись одни.

— Нѣтъ, нѣтъ, что ты, какъ можно! — воскликнулъ испуганно.—Что могутъ подумать, какіе слухи могутъ чтобы ти...

— Ну, вотъ! Теперь все кончено,—сказала она смѣло.— олодецъ я, Валя? Ничего не высказала! О, я врать ю и что не захочу сказать—не скажу, хоть по кускамъ ь. Бывало, въ пріютѣ набѣдокуришь, а стапутъ спра- ать—запрешься, запрешься и ни въ чемъ не сознаешься. е не сладко сознаваться-то, чтобы выпороли.

нъ не удержался и упрекнулъ ее:

- Да, я это знаю, что ты лгать умѣешь! И мнѣ все а, говоря, что пошла служить швеей къ барынѣ и что ла у нея денегъ.

- А не солги я, ты бы и не пустилъ къ Шмидту. При- овалъ бы.

- Горло бы надо было перервать этому мерзавцу.

— Ну, ну, не сердись. Брось его! Теперь, небось, радъ, что имѣніе получилъ. Радъ?

Она немного прижалась къ нему и взяла его за руку. Онъ почувствовалъ, что ей хочется приласкать, поцѣловать его,—и немного отстранился отъ нея.

— Оставь, мы на улицѣ, — сказалъ онъ нетерпѣливо и вдругъ почувствовалъ и злость, и брезгливость.— Со Шмидтомъ и его гостями, что ли, привыкла не стѣсняться при народѣ?

— Что онъ тебѣ далъ?..

— А то, что тошнитъ меня, когда вспоминаю объ этой рожѣ.

— Да ты его еще не видалъ безъ зубовъ, безъ парика и когда онъ слюнявитъ—вотъ-то смѣшокъ!—воскликнула она и засмѣялась.— Слюнявый, трясется весь и руки потныя, точно лягушку держалъ.

— Не разсказывай мнѣ о немъ! — прикрикнулъ на нее Вязьмитиновъ. — Если тебя не тошнитъ отъ этого, то у другихъ есть брезгливость.

— Серьезный ты сталъ, — замѣтила она.

— А ты думаешь, что я благодарить тебя долженъ за то, что ты меня чуть не погубила? — придирчиво проговорилъ Валентинъ Григорьевичъ.—Ты бы пережила то, что я пережилъ за эти дни.

— И мнѣ было не легко снѣсть,—сказала она.

— Ты знала, за что снесешь, а я по твоей милости въ негодяи да мерзавцы попалъ! Твой же Холтуринъ такъ назвалъ!

— Ну, какой же онъ мой!

— А! вмѣстѣ сговаривались врать!

Она перебила его:

— Ну, полно! Что вспоминать старое! Я рада, что теперь ты богатъ, что наслѣдство въ рукахъ...

— Ужъ не думаешь ли ты, что безъ твоихъ денегъ я лишился бы его? Чортъ знаетъ, что вбила себѣ въ голову! Наслѣдство никогда не ушло бы! Тоже нашлась спасительница!

Они доѣхали до одной изъ гостиницъ и Вязьмитиновъ нанялъ номеръ для Доры. Онъ сталъ прощаться съ нею, снѣша уйти.

— Ты и въ комнату не зайдешь?— спросила она несмѣло.

— Завтра передъ отъѣздомъ, а теперь нельзя же,—сказалъ онъ и ушелъ торопливо, не оглядываясь.

Очутившись на улицѣ, онъ вздохнулъ широкимъ вздохомъ. Всегда безпечный, живущій изо дня въ день, втянувшійся

въ жизнь улицы, онъ въ этотъ день вдругъ точно переродился. Никогда онъ не переживалъ ничего подобнаго тому, что пережилъ въ этотъ день. Его публично шельмовали, хотя и не называли по имени. Каждую минуту онъ ждалъ, что вотъ-вотъ его имя сорвется съ языка у той, которую судили. Еще недавно ему казалось, что онъ влюбленъ въ эту дѣвушку, что онъ жить не можетъ безъ ея ласкъ. Теперь онъ бѣсился за то, что она его чуть не погубила. Онъ допускалъ, что она продалась за тѣ деньги, которыя она дала ему, но онъ негодовалъ на нее за то, что она украла эти деньги и, такимъ образомъ, помимо его воли, сдѣлала его своимъ сообщникомъ въ дѣлѣ воровства. Но этого мало. Когда онъ увидалъ Шмидта, когда онъ услыхалъ подробности жизни въ домѣ этого человѣка, онъ ощутилъ въ себѣ такую брезгливость, что ему стало противно, тошно. Онъ вспоминалъ о своихъ отношеніяхъ къ Дорѣ и твердилъ мысленно: всему этому научилъ ее онъ. Ни любви, ни увлеченій, ни страсти, ничего этого у нея нѣтъ, а есть выучка разврата, безстыднаго, циничнаго, затверженнаго какъ урокъ. А эта лживость—лживость, хвастающая тѣмъ, что хоть на куски ее рѣжь, а правды не добьешься, если правда не выгодна. Она можетъ лгать передъ всѣми, передъ судьями, передъ защитникомъ, передъ нимъ. Лгала о поступленіи на мѣсто, лгала о займѣ денегъ, лгала о размѣнѣ украденной суммы. И почему не выдала его? Потому что тогда бы онъ попалъ тоже подъ судъ и, какъ она думала, лишился бы наслѣдства, если бы его обвинили. Тутъ не любовь была, а корыстолюбіе было. Надо было спасти его, чтобы потомъ получить отъ него денегъ. Да и онъ хорошъ былъ во всемъ этомъ дѣлѣ!

— По уши выкупался въ грязи и наглотался ея!—съ невольнымъ отвращеніемъ проговорилъ онъ.—И ради чего?

Онъ сталъ думать о томъ, что и безъ Доры онъ получилъ бы наслѣдство, если бы даже не получилъ денегъ отъ ростовщиковъ, если бы даже никто не повѣрилъ ему, что у него есть въ виду наслѣдство. При дѣлежѣ Агаѳья Матвѣевна и Дмитрій Платоновичъ заявили бы, что онъ, Валентинъ Григорьевичъ, живъ и здоровъ. Наслѣдство пропасть не могло, разъ онъ, Валентинъ Григорьевичъ, зналъ о немъ и могъ заявить о своемъ существованіи письмомъ. Все бы сдѣлалось законнымъ порядкомъ и безъ всякихъ подлыхъ сдѣлокъ. Она подвернулась ему подъ руку и впутала его въ кашу. Онъ ее не просилъ ни о чемъ, она сама первая

продложила ему помощь. Онъ сперва это за шутку принялъ, а потомъ...

— Сколько мерзостей, сколько гадостей произошло потомъ!—проговорилъ онъ, дѣлая гримасу. — Вотъ она, эта трущобная жизнь, до чего доводитъ!

Опять въ немъ пробудилось ощущеніе брезгливости. Это была брезгливость человѣка, жившаго съ дѣтства въ роскоши и, потомъ, послѣ долгихъ лѣтъ невольныхъ бродяжничествъ, нужды, грязи, попавшаго снова въ свою сферу и ощущающаго отвращеніе къ тому, что дѣлалъ онъ во дни нужды, какъ онъ низко падалъ въ безсильной борьбѣ. Если бы теперь его заставили ночевать ночь въ тѣхъ трущобахъ, гдѣ онъ ночевалъ еще недавно—онъ пришелъ бы въ ужасъ; если бы ему предложили теперь поѣсть тѣ кушанья, которыя онъ истреблялъ съ аппетитомъ какихъ-нибудь полгода тому назадъ—у него поднялась бы тошнота; если теперь бы Дора предложила ему ту сдѣлку, которая спасла его изъ безвыходнаго положенія,—онъ съ омерзѣніемъ выгналъ бы вонъ эту низкую личность. И вообще чего-чего онъ ни дѣлалъ прежде, отъ чего отвернулся бы теперь съ ужасомъ, съ омерзѣніемъ. Онъ теперь сдѣлался сытымъ человѣкомъ и потому сталъ разборчивѣе, чистоплотнѣе.

— Я сегодня уѣзжаю, принесите счетъ, — сказалъ онъ лакею гостиницы, когда тотъ вошелъ въ его номеръ поутру.

Въ его голосѣ было что-то особенное, сухое, строгое, барское. Еще вчера онъ казался растерянным, способнымъ оробѣть при малѣйшемъ подозрительномъ взглядѣ; теперь этой робости не было и слѣда. Онъ твердо намѣтилъ себѣ, какъ надо поступать далѣе, что дѣлать.

Одѣвшись, онъ поѣхалъ къ Дорѣ.

Она уже давно проснулась и ждала его. Увидавъ его, она бросилась къ нему навстрѣчу. Онъ протянулъ ей руку, пожалъ ее и заговорилъ дѣловымъ тономъ:

— Я тороплюсь. Вотъ тебѣ деньги. Живи экономно покуда. Когда получу наслѣдство, пришлю тебѣ еще.

— Развѣ ты самъ не пріѣдешь?—спросила она и какъ-то сразу почувствовала, что онъ говоритъ съ ней, какъ господинъ.

— Не знаю, какъ сложатся дѣла,—отвѣтилъ онъ.—А ты за что думаешь приняться? Работать? Купи машинку, заведи мастерскую. Это выгодно, если будешь добросовѣстно исполнять заказы. Я помогу. Вообще урокъ тебѣ хорошій дала жизнь, надо воспользоваться имъ. Ты сдѣлала проступокъ,

за который могла дорого поплатиться, могла и меня погубить. Я тебя не виню, но ты жестоко обманула меня.

Она приблизилась къ нему и тихо сказала:

— Валя, голубчикъ!

Въ ея голосѣ послышалась боязливая мольба.

— Ахъ, полно,—отстранилъ онъ ее, чувствуя, что она готова броситься въ его объятія.—Старайся исправиться отъ всего этого. Ты еще молода, можешь отвыкнуть. Этотъ негодяй развратилъ и тебя, и твое воображеніе. Эта дорожка скользкая, Дора; пойдешь по ней, станешь спускаться все ниже и ниже. Потомъ и возврата не будетъ. Ты еще не знаешь, какъ засасываютъ эти омуты.

Онъ взглянулъ на часы.

— Однако, мнѣ пора. Я радъ, что могъ помочь тебѣ, что теперь ты не будешь нуждаться. Мнѣ было бы тяжело сознавать, что ты нуждаешься. Случится нужда — пиши. Ну, прощай!

Онъ опять протянулъ ей руку. Она, растерянная, сконфуженная, смутно понимающая, что онъ сердится на нее за что-то, вдругъ захотѣла его разсмѣшить, удержать шуткою и, пожимая его руку, пощекотала ему пальцами ладонь, улыбаясь жалкой, молящей улыбкой. Онъ отдернулъ руку и брезгливо пробормоталъ:

— Что за привычки этотъ мерзавецъ развилъ у тебя. Будь же хоть немного порядочнѣе. Прощай.

Онъ повернулся и пошелъ.

Она осталась посреди комнаты съ растеряннымъ и жалкимъ выраженіемъ на лицѣ. Постоявъ немного на одномъ мѣстѣ, она, наконецъ, очнулась и прошла къ окну. Богъ вѣсть о чемъ она думала, смотря на оживленное движеніе на улицѣ. «Вонъ какая шляпа на барынѣ: бѣлой соломы и съ длиннымъ бѣлымъ пером, а накидка изъ бисеру. Лихача торгуетъ. Содержанка чья-нибудь. Имъ житье. Конечно, если старикъ, такъ тоже и деньги не сласть, а если молодой и любитъ, такъ живи, не тужи. А что если подлецъ Шмидтъ опять дѣло затѣетъ? Надо будетъ опять Холтурина просить защищать. Опять будетъ ругать Валентина Григорьевича. Что-жъ, Валентинъ Григорьевичъ не зналъ, что она украла. Онъ не виноватъ. Обѣщалъ денегъ ей, помогать будетъ. Денегъ, денегъ... что деньги!»... Она вытащила изъ кармана платокъ и начала отирать крупныя капли слезъ, катившіяся по ея щекамъ.

Она не помнила, сколько времени она провела у окна,

присѣвъ на подоконникъ и то смотря безцѣльно на улицу, то снова горько плача. Въ головѣ не было опредѣленныхъ мыслей, а проносились какіе-то обрывки думъ. Что ей дѣлать? Какъ жить? Куда идти? Работать? Шить? Выгодно это, говорить онъ. Пошилъ бы самъ! Онъ, конечно, баринъ, онъ ничего этого не понимаетъ, а она—ахъ, насмотрѣлась она на жизнь швей!

— О чемъ это? о чемъ?—раздался позади ея голосъ, заставившій ее вздрогнуть.

Она узнала этотъ голосъ и обернулась къ Холтурину, быстро отирая слезы.

— Ну-съ, какое горе? Говорите! — сказалъ Холтуринъ, протягивая ей руку. — Валентинъ Григорьевичъ уѣхалъ, что ли?

— Да! —отвѣтила она.

— Знаю, знаю, сейчасъ проводилъ его, — проговорилъ Холтуринъ.

— Да, проводили?

— Проводилъ! Провожать ѣздилъ затѣмъ, чтобы вашъ адресъ узнать...—Онъ заглянулъ ей въ лицо: — А мы... вы признайтесь... мы немножко влюблены въ него? Такъ?

— Красавецъ онъ!

— Вотъ что!—сказалъ Холтуринъ. — Красавецъ, но жестокъ, не отвѣчаетъ на любовь?

— Что-жъ, Валентинъ Григорьевичъ баринъ,—отвѣтила она.—Ему не такая нужна...

— Баринъ! А кто же я? -спросилъ Холтуринъ.—Я тоже не мужикъ, а вы мигните мнѣ только, и я у вашихъ ногъ... Хотите, сейчасъ?... Вы съ ума меня свели, я сегодня всю ночь уснуть не могъ...

Ей вдругъ вспомнилась другая ночь: и тогда другой молодой человѣкъ говорилъ ей почти тѣ же слова; она всей душой отдалась ему, потомъ украла для его спасенія денегъ, попала въ тюрьму; ее судили, оправдали, а онъ пришелъ къ ней, далъ деньги, сказалъ: «веди себя честно», и уѣхалъ, уѣхалъ! Она опустилась на стулъ, закрыла лицо руками и горько-горько заплакала, какъ плачутъ иногда совсѣмъ простыя дѣвушки-служанки.

— Полноте, полноте! — нѣжно уговаривалъ ее Холтуринъ. -Развѣ только и свѣту въ окошкѣ, что онъ?

И, что-то сообразивъ, онъ неожиданно замѣтилъ:

— Вы для него себя чуть не погубили...

— Онъ развѣ сказалъ вамъ?—быстро спросила Дора.

Холтуринъ только тутъ понялъ, для кого украла деньги Дора.

— А вы думали, я не знаю? Нѣтъ, я все знаю, и потому-то и говорю,—сказалъ онъ:—что вамъ не стоитъ портить глазъ изъ-за него!

Онъ взялъ ея руку и сталъ цѣловать.

— Дора, милая, не плачь, не плачь!

IX.

— Дядя, дорогой мой, вы ли это? Неужели меня встрѣчать выѣхали? Вѣдь это ужъ черезчуръ!

Такъ говорилъ Валентинъ Григорьевичъ, горячо обнимая Дмитрія Платоновича, выѣхавшаго къ нему навстрѣчу въ городъ.

— Ну, вотъ еще!—отвѣтилъ старикъ, въ свою очередь крѣпко обнимая молодого человѣка.—Захотѣлось поразмять кости, ну, и поѣхалъ встрѣчать тебя. Кстати и дѣлишки кое-какія въ городѣ были. Видишь, обмундировался. Да, признаюсь, и соскучился, заждался..

Онъ усмѣхнулся.

— Мы, вѣдь, старые бобыли, скоро привязываемся къ молодежи...

Онъ махнулъ рукою.

— Видно, какъ ни храбрись, а умирать одинокимъ скверно. Ну, да что объ этомъ говорить: *ла моръ е тужуръ тристъ*.

— Не могъ, не могъ раньше,—торопливо отвѣтилъ Валентинъ Григорьевичъ.—Едва вырвался.

— А какъ дѣло?—съ безпокойствомъ спросилъ старикъ.

— Ничего, пустяки все!—отвѣтилъ Валентинъ Григорьевичъ и, краснѣя, снова обнялъ старика.—Но какъ я радъ, что я снова здѣсь.

Старикъ посмотрѣлъ на него, какъ бы желая прочитать, что дѣлается въ его душѣ, и переспросилъ:

— Такъ пустяки?

— Да! тѣснили бѣдную дѣвушку за долгъ. Надо было заплатить и выручить ее,—солгалъ Валентинъ Григорьевичъ и заторопился разспросами:—ну, а какъ у васъ тутъ?

— Нѣтъ, ты постой,—серьезно остановилъ его старикъ.—Ты какъ же съ ней? Сошелся? Женишься?

— Дядя!—воскликнулъ Валентинъ Григорьевичъ.—Развѣ на такихъ женятся?

И быстро, точно желая порвать разомъ и окончательно

разговоръ на тему о женитьбѣ на Дорѣ, онъ отчетливо пояснилъ:

— У нея тамъ любовники.

Старикъ не замѣтилъ краски стыда, залившей при этой фразѣ все лицо Валентина Григорьевича, и радостно вздохнулъ облегченнымъ вздохомъ.

— Ну, и слава Богу! слава Богу! А я ужъ боялся, — заговорилъ старикъ: — боялся и за тебя, и за цыпку... Я, братъ, обстрѣленная птица, знаю, какъ на эти удочки попадаются люди... Охъ, молодость, молодость! Ну, а теперь — кончилось и аминь!.. Теперь будемъ говорить и о здѣшнихъ дѣлахъ. Дѣлежъ конченъ, остались кое-какія формальности. Я оставилъ за собой Вязьмитиновку, далъ отступного за нее Ивану Петровичу и повѣренному его брата. Чортъ ихъ подери. Пусть давятся деньгами!

Онъ засмѣялся.

— Ольга Ивановна спрашиваетъ: «На что вамъ эта берлога?» «Медвѣдю, говорю, подъ старость теплый уголъ нуженъ, а тутъ еще, можетъ-быть, соловьиное гнѣздышко совьется. *А? бьенъ ди, монъ шеръ?* Сейчасъ же пристала: «Какое такое гнѣздышко?» А я и брякнулъ: «Послѣ меня и Агаѳьи Матвѣевны все Валентину Григорьевичу перейдетъ, такъ, авось, онъ здѣсь и гнѣздо совьетъ».

— Дядя! — съ чувствомъ сказалъ Валентинъ Григорьевичъ, пожимая его руку.

— Ну! что: дядя! Самъ знаю, что я дядя. А что я оставлю тебѣ все послѣ своей смерти и послѣ смерти Агаѳьи Матвѣевны, такъ это вполнѣ понятно; не въ гробъ же Вязьмитиновку тащить...

— Ну, не будемъ говорить о смерти, — проговорилъ Валентинъ Григорьевичъ: — теперь жить надо...

— Кто говоритъ! Я самъ радъ теперь пожить, — сказалъ старикъ и прибавилъ: — да, хорошо знать, что есть своя берлога!..

Онъ оглянулся кругомъ. Какой просторъ, какая благодать! И все это теперь его собственность. Не будетъ онъ болѣе скитаться по бѣлу свѣту, не будетъ думать съ тревогой, гдѣ проведетъ день, гдѣ ночь, какъ приходилось думать ему еще недавно. Какія бѣдствія ему грозили впереди, какъ часто въ послѣднее время проводилъ онъ ночи безъ сна въ той монастырской банѣ, гдѣ его пріютилъ изъ милости пріятель монахъ. Онъ чувствовалъ, что ему начинаетъ измѣнять даже его вѣчная безпечность, его всегдашняя

шутливость и въ его шуткахъ слышатся уже слезы. Видно и у выносливости есть границы, видно, и у безпечности есть предѣлы. Старость-то не свой братъ. Не подъ силу ему стало его положеніе въ послѣднее время и, кажется, продлись еще немного такія лишенія—не вынесъ бы онъ. Давно уже ныли его старыя кости, и онъ только храбрился, старался бодриться. Теперь онъ ощущалъ это нытье въ костяхъ еще сильнѣе и ясно сознавалъ, что избавленіе пришло какъ разъ во-время.

Почти тѣ же думы проходили въ головѣ Валентина Григорьевича. Онъ не былъ старъ, у него не ныли еще кости, но, продлись еще немного его прежнее положеніе, и онъ дошелъ бы Богъ вѣсть до какого нравственнаго паденія. Оставаться нищимъ и быть нравственнымъ почти невозможно, изъ-за хлѣба на всякія сдѣлки идутъ люди. Почти съ ужасомъ онъ вспомнилъ теперь о нѣкоторыхъ изъ этихъ сдѣлокъ, обидныхъ, постыдныхъ, гнусныхъ. Ему вспомнилось, между прочимъ, какъ онъ воспользовался помощью Доры, даже не спросивъ, откуда она взяла деньги, боясь спросить. Чуть не погубилъ этимъ и себя, и ее. Вспомнивъ теперь о ней, онъ далъ теперь слово помочь ей, крупно помочь, чтобы она не имѣла нужды торговать собою. Что-жъ, съ деньгами она еще можетъ выйти замужъ: она молода, хороша собою, и если за ней водятся грѣшки, то это не бѣда, всегда найдется человѣкъ «ея круга», готовый простить эти грѣшки ради ея молодости, красоты и денегъ. Онъ думалъ теперь о ней свысока, какъ думаютъ о слугахъ, о простонародьи, прилагая къ нимъ иную мѣрку, чѣмъ къ себѣ. Ни на минуту ему уже не приходила въ голову мысль самому жениться на ней. Она въ его глазахъ была уже дѣвушкой не его круга, необразованной, вульгарной и, кромѣ того, падшимъ созданіемъ. Нѣтъ, не съ такой женой надо начинать новую жизнь.

— Но какая же будетъ эта новая жизнь? О, о чемъ же тутъ спрашивать? Съ богатствомъ ему открыты всѣ дороги. Земская дѣятельность, сельское хозяйство, служба по дворянскимъ выборамъ, мало ли чѣмъ можно заняться. Слава Богу, голова есть на плечахъ. Онъ вспомнилъ, что онъ не имѣетъ чина. И это добудется съ деньгами. Сдѣлается онъ попечителемъ какого-нибудь благотворительнаго учрежденія—явятся и чины, и ордена, умретъ статскимъ генераломъ. Не оставаться же недорослемъ изъ дворянъ. Ему вспомнилось, какъ Иванъ Петровичъ назвалъ его «Митрофанушкой».

Онъ усмѣхнулся самодовольной улыбкой: нѣтъ, онъ не Мигрофанушка, а человѣкъ съ блестящимъ будущимъ. Кто бы что ни говорилъ, все дѣло въ деньгахъ!

Дмитрій Платоновичъ и Валентинъ Григорьевичъ явились въ Вязьмитиновку прямо къ завтраку. Всѣ были въ сборѣ въ столовой, гдѣ теперь, какъ въ былые годы, распоряжалась Агаѳья Матвѣевна. Когда Валентинъ Григорьевичъ здоровался со всѣми, Ольгѣ Ивановнѣ бросилась въ глаза особенная серьезность, почти торжественность выраженія его лица. Онъ, казалось, переродился за время своего отсутствія изъ Вязьмитиновки, возмужалъ, остепенился.

— А ты долго задержался въ Петербургѣ,—сказалъ Иванъ Петровичъ. Мы успѣли тутъ и дѣлежъ кончить.

— Да, такъ сложились дѣла,—отвѣтилъ Валентинъ Григорьевичъ дѣловымъ тономъ.— Отъ нихъ не уйдешь.

— Дѣла?—немного саркастически произнесъ Иванъ Петровичъ, и по его лицу скользнула усмѣшка.—Я и не зналъ, что и у тебя дѣла.

— Мнѣ двадцать семь лѣтъ, — отвѣтилъ нѣсколько холодно Валентинъ Григорьевичъ:— такъ нельзя же въ эти годы баклушничать...

Ивана Петровича поразилъ тонъ, которымъ говорилъ Валентинъ Григорьевичъ. Казалось, онъ, Валентинъ Григорьевичъ, вдругъ переросъ Ивана Петровича и сталъ глядѣть на него свысока. Отвернувшись отъ Ивана Петровича, Валентинъ Григорьевичъ обратился къ цыпкѣ съ легкой покровительственной улыбкой:

— А вы не безпокоились, что я такъ загостился тамъ?

— Я?— спросила она сконфуженно и покраснѣла.—Почему же... мнѣ...

— И такъ и не вспомнили обо мнѣ? — тѣмъ же тономъ спросилъ онъ, вглядываясь въ ея раскраснѣвшееся личико.

— Вспоминала, вспоминала! *Же м'ассюр!*—воскликнулъ Дмитрій Платоновичъ, громко смѣясь и кашляя.

У цыпки навернулись на глаза слезы.

— Неправда, неправда,— запротестовала она.— Это вы все говорили мнѣ про Валентина Григорьевича, а я...

Валентинъ Григорьевичъ серьезно и мягко замѣтилъ ей:

— Я былъ бы очень счастливъ, если бы зналъ, что вы хоть иногда думали обо мнѣ...

Она подняла на него недоумѣвающіе глаза, точно боясь, что онъ подшучиваетъ надъ ней. Евлампія Даниловна не вытерпѣла и некстати вмѣшалась въ разговоръ:

— Не вѣрьте ей, дорогой Валентинъ Григорьевичъ, не вѣрьте!—слащаво заговорила она, глядя на него съ умиленіемъ.—Не было вечера, чтобы, ложась спать, она не сказала. «А гдѣ-то нашъ миленькій«...

— Мама, это неправда!—быстро перебила ее цыпка, и двѣ слезинки блеснули въ ея глазахъ.—Я не хочу...

Валентинъ Григорьевичъ сказалъ ей:

— Полноте, я вамъ вѣрю.

И, уловивъ презрительную гримасу на лицѣ Ольги Ивановны, пожавшей плечами и переглянувшейся съ отцомъ, онъ вдругъ почувствовалъ желаніе поглумиться надъ ней, надъ Иваномъ Петровичемъ, надъ его женой.

— Вы вотъ, Иванъ Петровичъ, къ зимѣ опять, вѣроятно, въ Петербургъ вернетесь, а я ѣздилъ сводить съ нимъ окончательные счеты,—заговорилъ онъ.

— Развѣ ты думаешь въ провинціи остаться?—спросилъ не безъ удивленія Иванъ Петровичъ.

— Да, непремѣнно. Дядя Дмитрій, надѣюсь, не выгонитъ. Хочу здѣсь за дѣятельность приняться. Моя будущая карьера мною вполнѣ намѣчена. Да и первое время послѣ женитьбы отрадно провести въ своей семьѣ, въ затишьѣ.

— Вы женитесь?—спросила жена Ивана Петровича.

— Да, если только получу согласіе, — отвѣтилъ Валентинъ Григорьевичъ.—Покуда приходится только ждать и питаться надеждами...

Онъ пристально взглянулъ на цыпку; она сидѣла, опустивъ глаза, и, кажется, не слыхала его словъ. Въ ея душѣ происходило что-то странное: ей было стыдно и больно, ей казалось, что всѣ глумятся надъ нею. Ольга Ивановна тоже не удержалась и съ любопытствомъ взглянула на нее. Въ ея душѣ поднялось враждебное чувство и къ этой «провинціальной мѣщаночкѣ», и къ этому наглецу, какъ она называла теперь мысленно Валентина Григорьевича—она поняла, что онъ заговорилъ о женитьбѣ, чтобы поглумиться надъ ней и надъ ея отцомъ. Это было пошло, нагло. Подталкиваемая враждебными чувствами, она не сдержалась и не совсѣмъ тактично сказала:

— Какъ жаль, что намъ не придется пировать на вашей свадьбѣ, такъ какъ намъ уже пора собираться въ путь. А я такъ люблю веселье.

— Надѣюсь, не секретъ, на комъ женишься? — спросилъ Иванъ Петровичъ.

Дочь взглянула на него злыми глазами, сердясь за этотъ

безтактный вопросъ. У Евлампіи Даниловны замеръ духъ; она не спускала глазъ съ Валентина Григорьевича, точно боясь пропустить то, что онъ отвѣтитъ.

— Покуда секретъ, — отвѣтилъ Валентинъ Григорьевичъ:—такъ какъ я могу еще получить отказъ.

— Вы-то? Отказъ?—воскликнула, не выдержавъ, Евлампія Даниловна. — Да за васъ всякая съ руками и ногами пойдетъ. И молоды, и видный изъ себя мужчина, и съ этими-то капиталами.

На губахъ Ольги Ивановны снова появилась брезгливая усмѣшка. Валентинъ Григорьевичъ разсмѣялся.

— Вообразите, Евлампія Даниловна, я самъ почти того же мнѣнія, — развязно сказалъ онъ:—и сомнѣваюсь только въ одной той, которую люблю. Есть натуры такія чистыя и правдивыя, которыхъ не подкупишь ничѣмъ, если онѣ не любятъ.

Цыпка, окончательно смущенная и сконфуженная, поднялась изъ-за стола, быстро допивъ чай, на ходу поцѣловала руку Агаѳьѣ Матвѣевнѣ и вышла поспѣшно изъ комнаты, Валентинъ Григорьевичъ на лету уловилъ выраженіе ея лица, говорившее, что вотъ-вотъ она разрыдается.

Когда всѣ поднялись изъ-за стола, онъ быстро пошелъ изъ столовой и спросилъ у служанки, куда пошла барышня Евгенія Семеновна. Та отвѣтила, что въ садъ. Онъ пошелъ туда же. Довольно долго бродилъ онъ по аллеямъ, наконецъ, въ самой глухой части сада увидалъ цыпку. Она сидѣла на скамьѣ и горько плакала.

— Что съ вами?—спросилъ онъ заботливо, садясь около нея.

— Уйдите! уйдите!—отвѣтила она.—Оставьте!

— Да говорите, что случилось?—спросилъ онъ.

— Стыдно вамъ, стыдно! — проговорила она прерывающимся голосомъ. — Вы... вы... недобрый человѣкъ... Смѣялись... и надъ Ольгой Ивановной... и надо мной... и надъ мамой...

— Что вамъ пришло въ голову? Я смѣялся надъ вами?— воскликнулъ онъ.

Она быстро отерла слезы и торопливо заговорила:

— Ну да, и надо мной! это вамъ стыдно! Вы знаете, что мама ищетъ мнѣ жениховъ, вызвали ее на этотъ разговоръ, всѣ слышали, всѣ подумаютъ, что и я ищу, а мнѣ не нужны женихи, не нужны, я хлѣбъ съ водой буду ѣсть, полы мыть стану, стирать буду, а навязываться...

Она поднялась съ мѣста и словно выросла.

— Если вы хороши собой и богаты, такъ это не дастъ права смѣяться надъ бѣдными. Это еще стыднѣе, да, да! И вы знаете, что мы здѣсь, какъ приживалки... Грѣхъ вамъ!

Она пошла торопливо, спотыкаясь, въ слезахъ. Онъ стоялъ, точно пораженный громомъ. Потомъ очнулся, побѣжалъ за ней, крича:

— Постойте, постойте, милая, дорогая моя!.. Поймите вы, что я безъ ума отъ васъ, что я...

Онъ нагналъ ее, обнялъ за талью. Она рѣзкимъ движеніемъ отстранила его, проговоривъ:

— Оставьте, оставьте меня! Вамъ хочется, чтобы всѣ насмѣхались надо мной, указывали пальцами: «Вотъ жениха богатаго подцѣпила». Я никогда... никогда...

Она не кончила и опять ускоренными шагами направилась впередъ. Она уже просто задыхалась отъ рыданій.

Въ одной изъ аллей она столкнулась съ Ольгой Ивановной. Та съ удивленіемъ взглянула на нее и удержала ее на ходу.

— Что случилось?—невольно спросила она.—Разскажите!

— Вамъ-то что, Ольга Ивановна, — коротко отвѣтила цыпка.—Мое горе не ваше...

Она освободила свою руку изъ рукъ Ольги Ивановны и прошла къ себѣ въ комнату.

Ольга Ивановна презрительно пожала плечами и пошла дальше. Навстрѣчу ей шелъ Валентинъ Григорьевичъ. Онъ былъ, видимо, разстроенъ и озабоченъ. Увидавъ ее, онъ проговорилъ разсѣянно и какъ бы безсознательно:

— А это вы... гуляете...

— Да, гуляю... а вы? Несчастье случилось, что ли, что вы такъ смотрите?..

Онъ проговорилъ тѣмъ же тономъ:

— Да, несчастье... то-есть не несчастье, потому что это такъ не можетъ остаться... а, впрочемъ...

Она засмѣялась.

— Нѣтъ, вы сами не знаете, что говорите!

Онъ провелъ рукой по лбу.

— Да, точно, не знаю, — отвѣтилъ онъ со вздохомъ. — Мнѣ сейчасъ отказала Евгенія Семеновна. Просилъ ея руки и отказала...

У Ольги Ивановны на мгновеніе сильнѣе забилось сердце. Отказала! Ему! Эта дѣвчонка можетъ выбирать женіховъ, можетъ отказывать! Она съ нѣкоторой брезгливостью словила себя на мысли, что она-то, Ольга Ивановна, не отка-

зала бы. Это раздражило ее, унизило въ ея собственныхъ глазахъ. Точно стараясь отомстить самой себѣ за это скверное чувство, она съ дѣланнымъ участіемъ сказала:

— Ну, это капризъ, она еще согласится!..

— Нѣтъ, вы ея не знаете, Ольга. Это удивительно честный и прямой человѣкъ... Она боится одной мысли, что ее заподозрятъ въ томъ, что она ловила жениха... Я самъ кругомъ виноватъ, я недостаточно серьезно относился къ вопросу любви, шутилъ, смѣялся...

— А она не допускаетъ шутокъ?—уже не безъ насмѣшки спросила Ольга Ивановна.

— Есть положенія, когда шутить съ дѣвушкой въ вопросахъ о любви и бракѣ нельзя, — сказалъ Валентинъ Григорьевичъ. — Прежде я этого не думалъ, теперь понялъ. Дѣйствительно, если дѣвушка находится въ такомъ положеніи, что по убѣжденію окружающихъ она рада за перваго встрѣчнаго выйти замужъ, лишь бы не остаться старой дѣвой безъ угла и безъ хлѣба, то шутить съ нею и при ней о бракѣ болѣе, чѣмъ жестоко.

Ольга Ивановна поблѣднѣла, точно онъ говорилъ про нее. Чтобы скрыть свое волненіе, она разсѣянно спросила:

— Что же вы намѣрены дѣлать?

— И ума не приложу, — отвѣтилъ онъ, пожимая плечами.—Надо будетъ попросить дядю и Агаѳью Матвѣевну уладить дѣло... выяснить...

— А если не уладятъ?—спросила она, искоса взглянувъ на него.

— Тогда... тогда, — растерянно отвѣтилъ онъ и рѣшительно, почти съ отчаяніемъ произнесъ: — да нѣтъ же, не можетъ это быть...

И, не обращая особеннаго вниманія на нее, весь поглощенный заботой о своемъ дѣлѣ, онъ прибавилъ шагу, говоря какъ бы про себя:

— Надо поскорѣй увидать дядю и Агаѳью Матвѣевну.

Ольга Ивановна опустила голову и отстала отъ него.

Тысячи разнородныхъ чувствъ волновали ея душу и одно было хуже другого. Зависть, злость, ненависть къ молодой дѣвушкѣ, къ молодому человѣку, горечь за свою судьбу, насмѣшки надъ цыпкой, презрѣніе къ Валентину Григорьевичу, лицемѣрное отрицаніе желанія выйти замужъ, страхъ передъ будущимъ, все это перемѣшивалось въ ея душѣ и, въ то же время, она говорила себѣ: «Скорѣй, скорѣй уѣхать отсюда».

Эту же фразу повторяла цыпка, поспѣшно входя въ свою комнату и отирая слезы. Вошла Евлампія Даниловна и увидала дочь въ слезахъ.

— Что это съ тобой?

— Мы должны уѣхать отсюда какъ можно скорѣе, — рѣшительно сказала дочь.

— Съ ума ты спятила? Дѣло на мази...

— Мы должны сегодня же уѣхать или я уѣду одна, — настойчиво и твердо перебила ее цыпка.

— Нѣтъ, ты и въ самомъ дѣлѣ рехнулась... Тутъ наклевывается...

Цыпка вышла изъ себя и топнула ногой.

— Не смѣйте, не смѣйте говорить этихъ гадостей! — запальчиво крикнула она.—Или я точно съ ума сойду. Я всей душой, всѣмъ сердцемъ полюбила человѣка, а вы отравили эту любовь! Бѣжать теперь надо...

Кто-то постучалъ въ дверь.

— Войдите,—откликнулась растерявшаяся Евлампія Даниловна и сейчасъ же начала заискивающе улыбаться, увидавъ Агаѳью Матвѣевну: — ахъ, это вы, ангелъ, благодѣтельница наша. А мы вотъ тутъ съ дочкой воюемъ. Ѣхать хочетъ... «Одна, говоритъ, уѣду».

Агаѳья Матвѣевна, не обращая вниманія на Евлампію Даниловну, подошла къ цыпкѣ, ласково взяла ее за голову, поцѣловала въ лобъ и тихо съ материнской нѣжностью спросила:

— Да вѣдь любишь, дитя мое!

— Очень!—такъ же тихо отвѣчала цыпка, скрывая на груди старушки свое пылающее лицо.

Старушка за ея спиною махнула рукой Евлампіи Даниловнѣ. Та поняла знакъ, радостно закивала головой и торопливо вышла изъ комнаты.

— Ну, сядь, — сказала Агаѳья Матвѣевна, садясь въ кресло и указывая на скамейку у своихъ ногъ цыпкѣ.

Та безмолвно и покорно опустилась у ея ногъ. Старушка заговорила:

— Кто заподозрилъ-то тебя? Онъ? Да онъ безъ ума отъ тебя. А шутитъ онъ любитъ. Ну, за это надо задать ему головомойку. Не шути, гдѣ не надо. Обо всемъ же остальномъ и думать не стоитъ...

— А что скажутъ,—прошептала цыпка.

— Кто скажетъ-то! Ужъ не думаешь ли ты, что мы, я и Дмитрій Платоновичъ, заподозримъ тебя? Какъ ни грѣхъ!

Или этихъ стыдишься, Ольги, Ивана Петровича, жены его. Ну, они, пожалуй, и заподозрятъ. Такъ они вѣдь не сегодня, такъ завтра уѣдутъ. Что тебѣ до нихъ? Тяжело будетъ, пока они здѣсь? Ну, побѣжай съ Богомъ на недѣльку, на двѣ къ сосѣдямъ, къ подружкамъ своимъ погостить. А счастье-то изъ-за пустяковъ нечего терять.

— Какая вы добрая, добрая женщина! — шептала цыпка, цѣлуя руки старушки.

Вопросъ былъ рѣшенъ. Въ тотъ же день цыпка уѣхала изъ Вязьмитиновки, и ея отъѣздъ поразилъ всѣхъ. Ольга Ивановна, Иванъ Петровичъ и Софья Никоновна не знали, что и подумать объ этомъ отъѣздѣ. Неужели эта нищая отказалась отъ такого завиднаго жениха? Они мысленно ругали ее и дурой, и дрянью, и испытывали какое-то скверное чувство, сознавая, что они-то были бы безмѣрно счастливы, если бы Валентинъ Григорьевичъ предложилъ свою руку Ольгѣ Ивановнѣ. Онъ теперь былъ для нихъ уже не Митрофаномъ, не негодяемъ, не бродягой, а выгоднымъ женихомъ. Изъ отдѣльныхъ фразъ, изъ любезнаго обращенія съ нимъ они угадывали это—и былъ безконечно счастливъ. Онъ даже не старался обдумать, что именно уважаютъ и цѣнятъ эти люди: его или его деньги. Ему было бы непріятно сознаться, что онъ для нихъ былъ попрежнему *ничто*, а его деньги были для нихъ *все*.

X.

Кто зналъ Вязьмитиновку въ послѣдніе годы ея существованія, при покойномъ Павлѣ Петровичѣ Вязьмитиновѣ, тотъ съ трудомъ бы узналъ это имѣніе лѣтъ черезъ семь послѣ суроваго, полупомѣшаннаго старика. Разоренная берлога прифрантилась, прикрасилась, наполнилась жизнью.

Ожила она и обновилась, благодаря своему новому владѣльцу, Дмитрію Платоновичу Вязьмитинову. Онъ тоже ожилъ подобно ей и вошелъ въ свою старую роль радушнаго хлѣбосольнаго хозяина, милаго болтуна, души общества, какимъ когда-то любило и знало его офицерство его полка, говорившее про него, что это «человѣкъ-рубашка». Не вернулись только кутежи, швыряніе денегъ направо и налѣво цыганамъ и цыганкамъ, все то, чего уже не позволяли дѣлать всесильные, помявшіе и поломавшіе человѣка годы. Тѣ же годы не позволяли ему донжуанствовать, какъ прежде, хотя они и не мѣшали ему, расшаркиваясь, цѣловать ручки у всѣхъ хорошенькихъ провинціальныхъ барынь и бары-

шень и иногда щипать мимоходомъ горничныхъ, при чемъ онъ каждый разъ тяжело вздыхалъ, повторяя съ комической грустью:

— *Регарде, регарде, ме не туше па.*

Агаѳья Матвѣевна, снова пополнѣвшая, зарумянившаяся, какъ бы помолодѣвшая, каталась, какъ шарикъ, вѣчно торопилась то въ погребъ, то въ кладовую, то на скотный дворъ, то въ птичникъ, гдѣ у нея были свои любимицы, въ родѣ тѣхъ куръ, которыхъ она ни за что не позволяла рѣзать на обѣдъ, наивно замѣчая при этомъ:

— Нѣтъ, какъ же это такъ: друзей и вдругъ рѣзать на обѣдъ? Пусть ихъ живутъ съ Богомъ!

За ея подоломъ таскались постоянно два нарядные ребенка, вѣчно что-то болтавшіе на своемъ неразборчивомъ дѣтскомъ языкѣ и не признававшіе надъ собой никакихъ иныхъ властей, кромѣ «Бабъ Агатъ», какъ они звали свою бабушку Агату Матвѣевну. Что позволила имъ «Бабъ Агатъ», того ужъ не могъ запретить никто, а у «Бабъ Агатъ» не было ничего запретнаго для нихъ. Это были дѣти Валентина Григорьевича и Евгеніи Семеновны Вязьмитиновыхъ. Евгенія Семеновна давно уже перестала казаться дѣвочкой и развилась въ прелестную женщину, дышащую завиднымъ здоровьемъ и пользующуюся полнымъ семейнымъ счастіемъ. Стоило только взглянуть на ея бѣлое и румяное, пополнѣвшее съ годами лицо, чтобы не сомнѣваться въ ея счастіи: имъ вѣяло отъ всего ея существа. Да было бы и странно, если бы она не была счастлива, богатая, здоровая, любимая мужемъ и влюбленная въ него, какъ въ первый день замужества.

Этого счастія молодой женщины не могла отравить даже Евлампія Даниловна, превратившаяся изъ смиренной и низкопоклонной приживалки, съ отощалымъ видомъ охотничьей собаки, гоняющейся за зайцами, въ чопорную и заносчивую, сильно расплывшуюся барыню, и сохранившая только старую страсть къ кляузничеству и сплетнямъ. Впрочемъ, на кляузничества и сплетни старухи никто въ домѣ теперь не обращалъ вниманія и чаще всего это только возбуждало смѣхъ всѣхъ членовъ семьи. Всѣ они были теперь настолько счастливы, что въ ихъ душахъ не могло найтись мѣста для сварливости, для подозрительности, для мелочности, и они пользовались высшимъ благомъ жизни—смотрѣли снисходительно на ближнихъ. Евлампія Даниловна одна никакъ не могла воспользоваться этимъ благомъ, и ей все казалось,

что кто-то имъ «устраиваетъ каверзу», что кто-то «грабительски грабитъ» ихъ, что кто-то «роетъ имъ яму». Впрочемъ, это разнообразило ея бездѣятельную жизнь «сбоку припеки», какъ она сама говорила про себя въ минуты раздраженія.

Болѣе всѣхъ перемѣнился Валентинъ Григорьевичъ. Онъ пополнѣлъ, его крупный подбородокъ сталъ еще крупнѣе, его высокій ростъ казался теперь еще выше, при исчезновеніи прежней торопливости въ манерахъ, его видъ внушительнѣе, и дамы называли его «Аполлономъ» и «*bel homme*». Въ минуты оживленія онъ любилъ попрежнему широко жестикулировать, но въ этой старой актерской привычкѣ теперь было болѣе благородства, и онъ уже напоминалъ не провинціальнаго Гамлета, Чацкаго и Карла Мора, а ловкаго оратора, желающаго убѣдить пламенною рѣчью и повелительными жестами толпу и готоваго при случаѣ горячо потолковать даже объ англійскомъ парламентѣ. Жена восхищалась имъ во время земскихъ собраній, слѣдя за нимъ влюбленными глазами, а его партія называла его «свѣтлой головой» и гордилась тѣмъ, что и у нея есть своя «свѣтлая голова». Онъ любилъ щегольнуть своимъ либерализмомъ и говорилъ, что либерализмъ есть истинный признакъ настоящаго барства, не боящагося что-то потерять и не старающагося что-то утянуть у другихъ. При этомъ онъ велъ хорошо свое обширное хозяйство и наглядно доказывалъ тѣмъ, что либерализмъ не всегда идетъ въ убытокъ себѣ. Большую часть года онъ жилъ въ деревнѣ, но на-время ежегодно ѣздилъ въ Петербургъ или за границу — освѣжиться. О своемъ прошломъ онъ почти не говорилъ и только иногда замѣчалъ:

— Ахъ, чего не приходится переживать въ молодости, въ этотъ періодъ бурь и стремленій! Счастливъ тотъ, кто уцѣлѣлъ отъ гибели, особенно въ наше время.

Окружающіе соглашались съ нимъ и радовались, что такая свѣтлая голова не погибла среди какихъ-нибудь мальчишескихъ увлеченій, при чемъ всѣ понимали подъ этими увлеченіями политическія бредни, хожденіе въ народъ и тому подобныя донъ-кихотства. Валентинъ Григорьевичъ не разубѣждалъ своихъ друзей и даже со вздохомъ замѣчалъ:

— Да, ради всего этого даже нарушается правильный ходъ образованія!

Всѣ понимали, что онъ былъ заговорщикомъ уже на гимназической скамьѣ, и многіе даже утверждали, что онъ

чуть ли не на тринадцатомъ году началъ скитаться и долго сидѣлъ по тюрьмамъ. Недаромъ же онъ былъ феноменально свѣтлый человѣкъ! Впрочемъ, Валентинъ Григорьевичъ старался, по большей части, избѣгать разговоровъ о своемъ прошломъ, и всѣ понимали причину этого:

— Ему тяжело вспоминать старое; онъ столько перенесъ...

Тѣмъ не менѣе, нерѣдко въ его памяти воскресало это прошлое, какъ тяжелый и мрачный сонъ, и онъ могъ только радоваться, что онъ очнулся отъ этого сна. Не многимъ выпадаетъ на долю такое счастье. Онъ благодарилъ за это судьбу, небо, Бога.

Сытый и самодовольный, веселый и снисходительный къ людскимъ проступкамъ и слабостямъ, не нарушавшимъ его личныхъ интересовъ, онъ даже съ семьей Ивана Петровича Вязьмитинова встрѣтился безъ всякаго злого чувства черезъ три года послѣ своей женитьбы и искренно пожалѣлъ, что дѣла Ивана Петровича идутъ попрежнему скверно. И выжившая давно изъ ума мать Ивана Петровича все еще живетъ чуть не сто лѣтъ, и все еще требуетъ, чтобы ее лѣчили; и сынъ его идіотъ, котораго стараются прятать отъ постороннихъ, не умираетъ, а ѣстъ за пятерыхъ, жиреетъ и требуетъ расходовъ на свое содержаніе, нуждаясь въ отдѣльной прислугѣ, въ особенномъ уходѣ, и старшіе сыновья его живутъ прилично своему положенію въ обществѣ, то-есть мотаютъ деньги, путаются въ долгахъ и дѣлаютъ скандалы отцу, когда онъ не платитъ за нихъ этихъ долговъ; и Ольга Ивановна разучила всю серьезную музыку, перерисовала дюжины тарелокъ, выжгла узоры на сотняхъ досокъ, написала масляными красками сотни букетовъ и гирляндъ и на атласѣ, и на зеркалахъ, а жениховъ все не было попрежнему. Иванъ Петровичъ подъ этими ударами судьбы дошелъ до послѣдней степени малодушія и не только изливался передъ женою въ желчныхъ жалобахъ на судьбу, но и жаловался постороннимъ, чего онъ не дѣлалъ прежде. Когда онъ излилъ свою желчь передъ Валентиномъ Григорьевичемъ,—тотъ не ощутилъ даже злорадства, а почувствовалъ только сожалѣніе къ этому неудачнику.

— Грустно, что вы слишкомъ понадѣялись на Петербургъ, — заговорилъ онъ дѣловито. — Въ провинціи вы бы лучше устроились съ вашими способностями и умомъ.

— У меня дѣти были, надо было имъ дать образованіе,— замѣтилъ Иванъ Петровичъ.

— Ахъ, и имъ было бы лучше въ провинціи. Какіе

примѣры въ Петербургѣ? Буффы, Берги, цирки, кутежи. Петербургъ это Вавилонъ, это Содомъ и Гоморра. Нѣтъ, я своихъ дѣтей буду держать какъ можно дольше дома, въ деревнѣ, подъ своимъ надзоромъ, въ простой и здоровой обстановкѣ.

И совершенно по-родственному онъ предложилъ:

— Не могу ли я быть вамъ чѣмъ-нибудь полезенъ?

Онъ зналъ, что Иванъ Петровичъ опять нуждался въ деньгахъ. Прежде, чѣмъ тотъ успѣлъ отвѣтить, онъ сказалъ:

— Помните, что я вашъ неоплатный должникъ и былъ бы радъ, если бы могъ хотя отчасти отблагодарить васъ...

— Ну, что объ этомъ говорить, — отвѣтилъ Иванъ Петровичъ: — я нѣсколько виноватъ передъ тобою.

— Вы? Да я же первый былъ виноватъ передъ вами!..

Валентинъ Григорьевичъ заговорилъ объ ошибкахъ молодости, сдѣлалъ нѣсколько комплиментовъ по адресу Ивана Петровича, и его искренно радовало, что онъ теперь можетъ такъ относиться даже къ этому человѣку, котораго онъ когда-то ненавидѣлъ. Ему было пріятно быть добрымъ, снисходительнымъ, не помнящимъ зла и платящимъ за зло добромъ. Иванъ Петровичъ, въ свою очередь, началъ каяться передъ нимъ за прошлое, высчитывать свои ошибки и провинности.

— Полноте, полноте! — перебилъ его Валентинъ Григорьевичъ: — кто же не дѣлаетъ ошибокъ!

Они нѣжно обнялись...

Такъ какъ Иванъ Петровичъ отказался отъ всякихъ денегъ, то Валентинъ Григорьевичъ, разузнавъ, что одинъ изъ сыновей Ивана Петровича задолжалъ двѣ тысячи по векселямъ, заплатилъ эти деньги и при этомъ отечески намылилъ голову молодому расточителю.

Заѣхавъ на другой день послѣ этой уплаты по векселямъ къ Ивану Петровичу, Валентинъ Григорьевичъ не безъ удовольствія почувствовалъ, что Иванъ Петровичъ какъ-то особенно крѣпко пожалъ его руку. Это была нѣмая благодарность. Вообще въ этотъ день всѣ были особенно привѣтливы съ Валентиномъ Григорьевичемъ и, видимо, чувствовали, что у нихъ гора свалилась съ плечъ съ уплатою по этимъ несчастнымъ векселямъ. Валентинъ Григорьевичъ почувствовалъ себя такъ хорошо, такъ весело, что сталъ звать всѣхъ гостить въ Вязьмитиновку. Увы, семья не могла ѣхать.

— Ну, а вы, Ольга?—спросилъ Валентинъ Григорьевичъ

и съ особеннымъ участіемъ взглянулъ на ея блѣдное, малокровное лицо съ мелкими-мелкими черточками морщинъ.

— Въ гувернантки или въ бонны къ вашимъ дѣтямъ?— спросила съ горечью она.

— Ольга, за что вы обижаете меня?—искреннимъ тономъ проговорилъ онъ.

— Нѣтъ, нѣтъ, — торопливо сказала она: — я вовсе не хотѣла обидѣть васъ. Я, право, поѣхала бы къ вамъ и бонной, и гувернанткой, только бы вонъ отсюда...

— Такъ поѣзжайте просто, какъ родственница, — проговорилъ онъ.—Право, дайте слово; жена будетъ рада.

— Я знаю, она добрый человѣкъ.

Послѣ обѣда они остались вдвоемъ. Ольга Ивановна заговорила первая:

— Увезите меня отсюда, Валентинъ! Я задыхаюсь здѣсь среди нашего фальшиваго положенія. Вы видите, карьера отцу не удалась, хотя онъ растратилъ все на обѣды и ужины, разыгрывая роли сановника. Сановникъ! Добился только того, что братья стали кутить, мотать деньги, лѣзть въ долги, а я становлюсь старой дѣвой.

— Ну...

— Ахъ, не возражайте! Я же сама знаю, сколько лѣтъ я уже выѣзжаю въ свѣтъ, пою, рисую, выжигаю! О, какъ все это кажется мнѣ и глупо, и пошло... Да, я становлюсь старой дѣвой и не смѣю думать выйти замужъ за *кого-нибудь*, такъ какъ это будетъ, по мнѣнію отца, mésalliance, люди же нашего круга, конечно, уже не предложатъ мнѣ руки.

Она нервно засмѣялась.

— Можетъ-быть, тамъ у васъ вы выдадите меня замужъ за какого-нибудь земца.

И тутъ же поспѣшно прибавила:

— Конечно, я шучу; замужество вовсе не манитъ меня; но уѣхать къ вамъ я хотѣла бы.

— Значитъ: ѣдемъ?

— А Женю вы все-таки спросите.

— Зачѣмъ? Женя думаетъ моими думами, чувствуетъ моими чувствами.

— Вы немного деспотъ?

— О, нѣтъ, но я же хозяинъ въ домѣ и притомъ ей нравится все, что нравится мнѣ.

Ольга Ивановна поѣхала въ Вязьмитиновку, и уже черезъ годъ всѣ стали говорить, что ее узнать нельзя: пропала блѣдность, исчезла худощавость, появился румянецъ.

Ишь на чужихъ хлѣбахъ какъ распустилась,—говорила шипящимъ голосомъ Евлампія Даниловна дочери, уже предвидя всякія «каверзы».—Ты только смотри, чтобы она у тебя мужа не отбила. Ты-то простота деревенская, а она изъ столичныхъ. Обойдетъ его!

Евгенія Семеновна смѣялась, увѣренная въ любви мужа.

— Нечего смѣяться-то! — сердилась мать. — Тоже взяли манеру: онъ ее Ольгой, она его Валентиномъ зоветъ. Чай, не родные братъ и сестра.

— Она, мама, почти невѣста, — замѣтила Евгенія Семеновна.

— Чай, давно невѣста, только безъ мѣста! Дѣвкѣ чуть не тридцать лѣтъ.

— За нее уже сватается женихъ.

Мать покачала головой.

— Охъ, не вѣрится что-то. Ну, а если есть женихъ, то скатертью ей дорога. Не спокойно мое материнское сердце, пока она здѣсь болтается.

Болтаться въ Вязьмитиновкѣ Ольгѣ Ивановнѣ пришлось, однако, не долго. Одинъ изъ сосѣднихъ помѣщиковъ, вдовецъ лѣтъ сорока, сдѣлалъ ей предложеніе. Она, не задумываясь, приняла его.

— Я радъ за Ольгу, — говорилъ въ своей семьѣ Валентинъ Григорьевичъ: — радъ, что намъ удалось ее пристроить.

Онъ теперь вообще любилъ оказывать олагодѣянія и съ особеннымъ наслажденіемъ посѣщалъ земскую больницу, земскую школу, куда дѣлалъ щедрые вклады. Сознаніе, что онъ добрый и щедрый человѣкъ, что его имя упоминаютъ съ благодарностью, разливало въ немъ внутреннее довольство. Особенно было ему пріятно, когда, пріѣзжая на короткое время въ Петербургъ, онъ встрѣчалъ кого-нибудь, кто говорилъ ему:

— Да, я слышалъ о васъ!

— Слышали? — спрашивалъ онъ.—Какъ? отъ кого?

— Помилуйте, какъ же не слыхать; у насъ общественныхъ дѣятелей одинъ-два да и обчелся. О вашей дѣятельности такъ часто пишутъ въ газетахъ.

Онъ усмѣхался, сознавая, что его «слава» разносится уже далеко. Дѣйствительно, его имя часто упоминалось въ газетахъ: «Нашъ извѣстный крупный землевладѣлецъ Валентинъ Григорьевичъ Вязьмитиновъ помогъ изъ своихъ средствъ построить школу»; «при горячемъ содѣйствіи на-

шего извѣстнаго земскаго дѣятеля Валентина Григорьевича Вязьмитинова у насъ учредилась больница»; «Валентинъ Григорьевичъ Вязьмитиновъ, глубоко сочувствующій всѣмъ животрепещущимъ вопросамъ, сказалъ горячую рѣчь о необходимости для женщинъ медицинскаго образованія». Все это сильно щекотало самолюбіе и подбадривало, подталкивало впередъ Валентина Григорьевича.

На этомъ пути къ славѣ явилась только одна тучка. Это уже было на седьмомъ году его женитьбы.

По дѣламъ земства ему пришлось пріѣхать въ Петербургъ лѣтомъ одному, безъ жены. Хлопотъ по дѣламъ было не мало, но, тѣмъ не менѣе, вечера оставались свободными и сидѣть въ душномъ номерѣ гостиницы было бы томительно скучно. Вслѣдствіе этого почти каждый вечеръ Валентинъ Григорьевичъ садился на пароходъ или въ вагонъ желѣзной дороги и отправлялся въ Павловскъ, въ Петергофъ, на загородныя гулянья. Особенно заинтересовали его эти загородныя гулянья. Сколько воспоминаній разомъ пробудили въ его душѣ эти притоны, гдѣ веселится лѣтомъ холостой Петербургъ! Когда-то, лѣтъ семь-восемь тому назадъ, Валентинъ Григорьевичъ такъ любилъ эти злачныя мѣста съ ихъ каскаднымъ репертуаромъ, съ ихъ свободными женщинами, съ ихъ случайными знакомствами и приключеніями. Теперь было уже не то. Впервые переступивъ черезъ порогъ этихъ вертеповъ, послѣ долгой, здоровой и дѣятельной жизни въ глуши, онъ точно оробѣлъ, сконфузился; все показалось ему здѣсь и неприглядно, и мишурно, и нелѣпо; фольга уже не казалась золотомъ, стекла не казались брильянтами; накрашенныя женщины скорѣе отталкивали, чѣмъ привлекали; кривлянья безголосыхъ пѣвцовъ и пѣвицъ не смѣшили, а сердили. Онъ невольно спрашивалъ себя: неужели же тутъ все измѣнилось къ худшему? Должно-быть, что такъ, иначе какъ же могъ бы я увлекаться всѣмъ этимъ? Или нужно втянуться во все это, чтобы находить здѣсь удовольствіе, чтобы восхищаться этой вонючей иллюминаціей, чтобы безъ омерзѣнія волочиться за этими изношенными, выштукатуренными созданіями, чтобы находить смыслъ въ этихъ скверно распѣваемыхъ на сценѣ безсмыслицахъ, чтобы безъ брезгливости смотрѣть на это чахлое отрепье хористовъ и хористокъ, задирающихъ для потѣхи публики ноги въ канканѣ, ради куска хлѣба? А эти осовѣлые юнцы и слюнявые старички, бѣгающіе и мечущіеся по аллеямъ сада съ одной мыслью продать или ку-

пить, развѣ они не противны? Это все продукты городской жизни, жизни улицы. Онъ теперь уже презиралъ улицу и при всякомъ удобномъ случаѣ нападалъ жестоко на городъ, на столицу. «Въ деревню! въ деревню!»—призывалъ онъ всѣхъ и сыпалъ громы проклятій на всякіе «новые Вавилоны». Тѣмъ не менѣе, онъ нѣсколько вечеровъ сряду завертывалъ въ этотъ пріѣздъ въ сады загородныхъ увеселительныхъ заведеній, наблюдая эту жизнь. Иногда къ нему подходили женщины, отъ которыхъ онъ сторонился съ нѣкоторой брезгливостью; порой попадались старые знакомые, съ которыми онъ перекидывался нѣсколькими фразами, вообще онъ скучалъ здѣсь, чувствовалъ себя уже не въ своей сферѣ.

— Какими судьбами здѣсь? — окликнулъ его кто-то изъ одно изъ посѣщеній имъ загороднаго гулянья.

Онъ обернулся и увидалъ Холтурина. Рядомъ съ Холтуринымъ стоялъ Громецкій. На минуту Валентинъ Григорьевичъ смутился передъ этимъ живымъ призракомъ горькаго прошлаго, но тотчасъ же онъ овладѣлъ собою.

— Ба! вотъ не ожидалъ встрѣтить васъ и притомъ вмѣстѣ! сказалъ онъ, протягивая руку старымъ знакомымъ.

— Какъ же, теперь идемъ по одной дорогѣ, — проговорилъ Холтуринъ. — Громецкій послалъ къ чертямъ прокуратуру и адвокатствуетъ. Нельзя же все на ниццѣ святого Антонія сидѣть. А перемѣнился ты. Не узнать. Мы съ четверть часа все ходили кругомъ да около тебя, боясь ошибиться.

— Ну, господа, и васъ тронуло время,—замѣтилъ Вязьмитиновъ. —Ты, Холтуринъ, и сѣдинкомъ слегка запорошенъ.

— Старость приходитъ, — со вздохомъ проговорилъ Холтуринъ.—Къ сорока годамъ идетъ.

— Однако, не присѣсть ли намъ въ сторонѣ?—сказалъ Громецкій.

— Я, господа, привыкъ рано ложиться спать,—замѣтилъ Валентинъ Григорьевичъ.

— Да и мы не долго тоже останемся,—сказалъ Холтуринъ.

Они прошли къ отдѣльному столику и сѣли. Приказали подать вина и закурили сигары. Началась болтовня, воспоминанія, холостая бесѣда праздныхъ людей. Валентинъ Григорьевичъ былъ радъ, что имя Доры не упоминалось никѣмъ. Онъ объ ней давно постарался забыть, какъ о какомъ-то самомъ темномъ пятнѣ своего прошлаго. Было уже около десяти часовъ, и Вязьмитиновъ собирался уходить. Мимо

Въ это время прошла какая-то дама въ бросающемся въ глаза туалетѣ.

— Видѣлъ? — живо спросилъ Холтуринъ, схвативъ за руку Вязьмитинова, и все его лицо какъ-то особенно оживилось.

— Камелія?—небрежно спросилъ тотъ.

— Дора!—отвѣтилъ Холтуринъ и его голосъ дрогнулъ.—Не узналъ?

Вязьмитиновъ смутился. Ему вдругъ захотѣлось уйти, скрыться. И зачѣмъ онъ зашелъ въ этотъ кабакъ? Сидѣлъ бы въ своемъ номерѣ или—ну, въ Павловскъ, что ли, съѣздилъ бы, туда, гдѣ собираются порядочные и степенные люди, а не эта кутящая сволочь. Въ душѣ была буря. Тѣмъ не менѣе, онъ овладѣлъ собою и равнодушно сказалъ:

— Но торной дорожкѣ пошла, значитъ!

— Ну, не совсѣмъ-то торная, — рѣзко отвѣтилъ Холтуринъ, выпивая залпомъ стаканъ вина.

Онъ былъ видимо сильно возбужденъ.

— Онъ-то это хорошо знаетъ,—проговорилъ Громецкій:— года три шелъ рука объ руку съ нею. И сегодня сюда меня затащилъ, зная, что она теперь стала бывать здѣсь каждый день.

Вязьмитиновъ встрепенулся, обернулся къ Холтурину съ вопросительнымъ видомъ.

— Да-съ, поскакали по этой торной дорожкѣ и теперь еще ноги болятъ!—произнесъ съ горечью Холтуринъ.—Видишь, снѣжокъ-то въ кудряхъ—это она навѣяла.

Онъ безнадежно махнулъ рукою и пробормоталъ сквозь зубы:

— А вернись, приди она опять—все забылъ бы и опять полетѣлъ бы по тѣмъ же ухабамъ и рытвинамъ! Чортъ знаетъ, что за женщина. Бѣсъ разгула въ душѣ сидитъ. Ничего святого, ничего запретнаго и, что скверне всего, а можетъ-быть и завлекательнѣе, такъ это то, что когда нашъ братъ совсѣмъ дуреетъ—отъ нея холодкомъ вѣетъ.

Онъ налилъ еще стаканъ вина и выпилъ его, какъ воду. Громецкій покачалъ головой.

— Свернетъ она тебѣ когда-нибудь шею,—проворчалъ онъ.

— Ты, кажется, въ старину не былъ особенно постояннымъ,—съ нѣкоторою насмѣшливостью замѣтилъ Вязьмитиновъ.

— Галстучки часто мѣнялъ?—съ иронією сказалъ Холтуринъ, сощуривъ глаза, и вдругъ озлился.—Ну да, ну да, не все коту масленица, приходитъ и великій постъ. То

галстучки мѣняль, а то такъ въ долги, вотъ, по уши влѣзъ изъ-за этой...

— Ну, у нея и свои деньги были,—проговорилъ невольно Вязьмитиновъ.

Немного захмелѣвший Холтуринъ принялъ слова Вязьмитинова за неловкіе къ его словамъ, о томъ, что онъ, Холтуринъ, тратился на Дору, получившую отъ Валентина Григорьевича пять тысячъ тотчасъ же послѣ раздѣла наслѣдства.

— Ты это про пять-то тысячъ говоришь, что ты швырнулъ ей къ видѣ отступного,— задорно заговорилъ Холтуринъ:—такъ плевать она на нихъ хотѣла, какъ и на тебя.

Вязьмитиновъ побѣлѣлъ. Онъ хотѣлъ что-то спросить, хотѣлъ уйти и не рѣшился. Онъ чувствовалъ, что вотъ-вотъ произойдетъ какой-то скандалъ, и не видѣлъ исхода, спасенія отъ него. Холтуринъ продолжалъ все болѣе и болѣе злымъ и наглымъ тономъ:

— Ты думаешь, я ничего не знаю? Я все знаю, и Громецкій все знаетъ...

— Что ты знаешь?—воскликнулъ внѣ себя Вязьмитиновъ.

— Полноте, господа! Что за счеты!—сказалъ Громецкій, взявъ за руку Холтурина.— И изъ-за кого!

— Нѣтъ! Онъ мнѣ галстучками глаза колетъ,—кричалъ Холтуринъ.— А онъ что взялъ у нея? что ты взялъ у нея? Отвѣчай! Ты ее къ Шмиту въ объятія бросилъ, ты ее веревкой сдѣлалъ, ты посадилъ ее на скамью подсудимыхъ и самъ поджалъ хвостъ, какъ собака...

Вязьмитиновъ вскочилъ съ мѣста, блѣдный, задыхающійся, не помнящій себя, сжимая въ рукѣ трость. Онъ готовъ былъ уже схватить за горло Холтурина или ударить его палкой по лицу, чѣмъ попало, какъ вдругъ передъ нимъ остановилась Дора. Онъ безпомощно опустилъ руки.

— А и ты здѣсь? Вотъ сюрпризъ!—своеобразно небрежнымъ тономъ заговорила она, протягивая ему руку.—А мнѣ Миша сейчасъ сказалъ, что Холтуринъ и Громецкій здѣсь. Я и пришла. Надо же взглянуть на старыхъ друзей. Да и скучно въ театрѣ. Всѣ старые и все старое. Тутъ хоть съ знакомыми поболтаешь. Да что вы всѣ рты разинули? Пьяны?

Она говорила быстро, развязно, немного приподнявъ голову вверхъ. Она еще больше прежняго походила теперь на своего отца. Даже въ манерахъ было теперь что-то общее съ манерами ея отца.

Громецкій нерѣшительно отвѣтилъ ей, указывая на Холтурина и Вязьмитинова.

— Повздорили? Кто? Изъ-за чего?

— Изъ-за тебя,—отвѣтилъ Громецкій.

Она презрительно передернула плечами.

— Нашли изъ-за кого ругаться!

И обратилась къ Холтурину и Вязьмитинову:

— Ну, миритесь, скучно это, когда мужчины ругаются. Женщины разругаются, такъ это забавно. А мужчины—скучно. Ну же миритесь, не то уйду.

— Мнѣ все равно,—покорно сказалъ Холтуринъ, опустивъ голову.

Вязьмитиновъ не зналъ, что ему дѣлать: бѣжать, провалиться сквозь землю, вызвать Холтурина на дуэль. Дора взяла его руку и протянула ее Холтурину.

— Ну, теперь садись!—приказала она ему.—Изъ-за чего разругались?

Громецкій въ короткихъ словахъ разсказалъ ей все. Она опять съ презрѣніемъ пожала плечами.

— Стоило! Всѣ вы хороши!

И обернулась съ ласковой улыбкой къ молоденькому, безусому и женоподобному лакею, не спускавшему съ нея глазъ:

— Миша, шампанскаго!

И весело засмѣялась, смотря, какъ онъ бросился бѣжать:

— Видѣли? Безъ ума отъ меня!

НЕСЧАСТНЫЙ БРАКЪ.

РАЗСКАЗЪ.

I.

Въ очень тѣсной передней, гдѣ пахло кухоннымъ чадомъ, на желтомъ деревянномъ стулѣ съ высокой выпиленной узорами спинкой, какіе обыкновенно ставятся въ небогатыхъ прихожихъ и въ швейцарскихъ комнатахъ, помѣщался, непосѣдливо ерзая на мѣстѣ, мальчуганъ лѣтъ четырехъ. Это былъ румяный длинноволосый блондинъ съ большими голубыми глазенками. Передъ нимъ стоялъ на колѣняхъ молодой человѣкъ лѣтъ двадцати семи съ шапкой русыхъ вьющихся волосъ на головѣ, упавшихъ ему на бѣлый гладкій лобъ. Онъ заботливо натягивалъ на ножонки малютки гамаши и теплые сапожки.

— Пойдемъ гулять... Яблоковъ мнѣ купишь... Я пѣшкомъ пойду, а ты яблоковъ за это купишь, — лепеталъ мальчуганъ, продолжая ерзать на стулѣ и шаловливо болтая ножонками.

— Непосѣда ты мой, дай прежде одѣть тебя,—уговаривалъ его молодой человѣкъ.

— А ты мнѣ яблоковъ купишь?—допрашивалъ мальчуганъ.—Большихъ, большихъ... вотъ такихъ.

Онъ широко развелъ ручонками въ обѣ стороны, желая показать, какія яблоки долженъ купить ему отецъ.

— Куплю, куплю, взяточникъ ты мой,—съ улыбкой говорилъ молодой отецъ.

Онъ кончилъ одѣванье мальчугана, снялъ его со стула, поставилъ на ноги и тяжело выпрямился, откинувъ назадъ густые волосы съ вспотѣвшаго раскраснѣвшагося лица и стряхнулъ пыль съ колѣнъ. Этотъ уходъ за нетерпѣливымъ, избалованнымъ ребенкомъ доставался ему, повидимому, не легко.

— Идемъ же, идемъ же!—заговорилъ мальчуганъ, нетерпѣливо таща отца за руку къ выходу.

— Погоди, торопилка; теперь надо и мнѣ одѣться,—отвѣтилъ отецъ и пояснилъ ему:—Нельзя же папѣ такъ идти безъ пальто...

Онъ снялъ съ вѣшалки теплое неказистое пальто, надѣлъ его, поднялъ маленькій, сильно потертый бархатный воротникъ и крикнулъ, обернувшись по направленію къ кухнѣ:

— Татьяна, затворите за нами двери!

Изъ кухни явилась довольно неряшливо одѣтая служанка,— одна изъ тѣхъ невзрачныхъ слугъ, которыя берутся служить «одной прислугой за всѣхъ», именно потому, что онѣ не умѣютъ хорошо исполнять никакой спеціальной обязанности, ни стирки, ни глаженья, ни стряпни, но достаточно наметались для того, чтобы кое-какъ дѣлать все, что имъ велятъ не особенно взыскательные господа изъ «средняго круга».

— Вы опять начадили,—замѣтилъ ей баринъ.

— Не самой же мнѣ подъ плиту сѣсть, если она у васъ чадитъ!—задорно отвѣтила служанка.

— Это и не помогло бы дѣлу; а не слѣдуетъ только проливать жиръ на плиту,—спокойно сказалъ онъ.

Она, молча, порывисто и торопливо открыла передъ бариномъ выходную дверь, точно говоря ему: «ужъ лучше уходи, чѣмъ ворчать-то!» Онъ ей даже и бариномъ-то настоящимъ не казался. Развѣ господа такіе бываютъ? Отецъ и сынъ вышли.

На эту сцену, происходившую въ полутемной передней, освѣщаемой только скуднымъ зимнимъ свѣтомъ, падавшимъ сквозь открытую дверь изъ гостиной, не безъ презрительнаго любопытства смотрѣла молодая женщина, удобно усѣвшаяся на кушеткѣ съ положенной на колѣни раскрытой книгой. Ея не особенно красивое малокровное лицо съ сильно заострившимся носомъ и подбородкомъ хранило выраженіе невыносимой раздражающей нервы скуки. Когда молодой человѣкъ уже готовился выйти съ сынишкой за дверь, она проговорила придирчивымъ тономъ:

— Пожалуйста, только опять не загуляйтесь до часу. Мнѣ надо выѣхать тотчасъ послѣ завтрака.

— Придемъ къ двѣнадцати,—равнодушно откликнулся уже изъ-за дверей молодой человѣкъ.

— Это всегда такъ говорится, а между тѣмъ всегда приходите позже,—попрекнула она его, но ея слова уже не могли коснуться его слуха.

Она, не перемѣняя позы, не принимаясь за прерванное или, можетъ-быть, даже еще не начатое ею чтеніе, зѣвнула все съ тѣмъ же скучающимъ видомъ. Ея блѣдно-сѣрые глаза были устремлены все въ томъ же направленіи къ передней, точно она все попрежнему продолжала смотрѣть на ту же раздражавшую ее и вызывавшую ея презрительныя гримасы сцену одѣванья сидящаго на высокомъ стулѣ ребенка его молодымъ, стоящимъ на колѣняхъ, раскраснѣвшимся отцомъ.

«Николаю въ дядькахъ бы, въ лакеяхъ бы служить»,— мелькали въ ея головѣ злыя мысли про мужа.

Никогда прежде не думала она, что онъ такой человѣкъ! Впрочемъ, въ дѣвушкахъ она не думала вообще ни о чемъ, не предвидѣла ничего, что обрушилось на нее послѣ ея замужества.

Болѣе несчастнаго брака не могло быть.

Погрузившись съ сощуренными глазами въ думы о своей нестерпимо и безвыходно тяжелой жизни, она изрѣдка едва замѣтно пожимала плечами и по ея лицу скользило чуть замѣтное выраженіе презрѣнія, насмѣшки, злобы...

Раздавшійся въ передней звонокъ заставилъ ее вздрогнуть. Нервы были уже такъ разстроены, что каждый неожиданно раздавшійся звукъ заставлялъ ее вздрагивать всѣмъ тѣломъ, точно отъ сильнаго электрическаго удара. Въ переднюю пробѣжала служанка, открыла дверь и почти тотчасъ же въ гостиной раздался нѣсколько рѣзкій торопливый женскій голосъ:

— По обыкновенію одна? Сидишь, скучаешь?

Хозяйка приподнялась съ кушетки и протянула руку вошедшей въ комнату дѣвушкѣ, въ пестромъ модномъ костюмѣ, бойкой, вертлявой, старающейся казаться моложе своихъ лѣтъ, сознавая, что ей минетъ скоро тридцать.

— Я твоего схимонаха сейчасъ встрѣтила съ вашимъ карапузикомъ,—продолжала пришедшая, стягивая длинную перчатку съ правой руки.—Онъ ужъ скуфью какую-то началъ носить. Я, право, ни на комъ не видѣла такихъ шапокъ, какъ на немъ. Съ какими-то ушами, какъ чухны носятъ. Хоть бы ты его образумила, вѣдь съ нимъ стыдно ходить.

— Ты знаешь, я и не хожу никуда съ нимъ,—съ пренебреженіемъ отвѣтила хозяйка.—Впрочемъ, куда же и ходить съ нимъ? На прогулки въ захолустныя улицы, куда онъ ходитъ съ Петей, таская его на рукахъ? Провожать его въ должность или встрѣчать его, когда онъ возвращается изъ должности? Вѣдь кромѣ этихъ выходовъ, другихъ у него

нѣтъ. Раззнакомился со всѣми, заставилъ и меня порвать всѣ связи...

— Да, мама и то удивляется, какъ ты все это выдерживаешь,—замѣтила гостья.—Право, глядя на тебя, я радуюсь, что я еще не вышла замужъ...

— Если бы теперь тетя взглянула на мою жизнь, она перестала бы удивляться,—отвѣтила хозяйка.—Онъ убиваетъ во мнѣ все... все... Нѣтъ, что я говорю, убиваетъ! Убилъ, окончательно убилъ все.

Она слегка вытянула впередъ руки, хрустнувъ плотно сжатыми исхудалыми пальцами, приподняла плечи, потянулась, какъ человѣкъ, сильно уставшій, и громко не то вздохнула, не то вскрикнула:

— А-ахъ!.. Когда все это кончится! Когда кончится!

Пришедшая, какъ человѣкъ, еще не испытавшій никакихъ горестей и печалей, скорѣе съ любопытствомъ, чѣмъ съ участіемъ взглянула на нее.

— Что же ты ждешь? На что надѣешься?—легкомысленно спросила она.

Хозяйка взглянула на нее съ недоумѣніемъ. Чего ей ждать? На что надѣяться? Ей нечего ждать! Не на что надѣяться! Впереди одинъ мракъ, непроглядный, безконечный, какъ вѣчная каторга. Забывши, что она не одна въ комнатѣ, она заходила изъ угла въ уголъ. Въ эту минуту она напоминала запертую въ клѣтку львицу. Гостья опять такъ же легкомысленно продолжала:

— Вѣдь такъ же жить нельзя, Соня. Если онъ желалъ вести монашескую жизнь, онъ не долженъ былъ жениться на тебѣ. Ты не привыкла къ такой жизни, какую ведетъ онъ. Ты вѣчно одна, онъ не вывозитъ тебя ни въ театры, ни на балы, у васъ почти никто не бываетъ. Онъ самъ даже не одѣвается такъ, какъ всѣ. Эта блуза дома, это пальто, напоминающее скорѣе подрясникъ, чѣмъ пальто; эта шапка, похожая на вылинявшую скуфью...

— Довольно, довольно!—проговорила нетерпѣливо и рѣзко хозяйка дома, остановившись передъ ней.—Или ты думаешь, Вѣра, что я ослѣпла отъ слезъ, лишилась разсудка отъ одиночного заключенія въ этой тюрьмѣ!.. Я все вижу, все знаю. Обо всемъ этомъ я думала и передумывала...

— Ну, ну, и что же?

Хозяйка дома снова опустилась въ кресло и неторопливо отвѣтила:

— Я попала въ пучину и изъ нея уже нѣтъ исхода...

Это не человѣкъ, а извергъ... ни сердца, ни чутья, одинъ холодный эгоизмъ, одна разсудочная честность... Я никогда даже не предполагала, что могутъ быть такіе бездушные люди... такіе злодѣи...

— Соня!—воскликнула посѣтительница, пораженная тономъ ненависти, звучавшей въ голосѣ молодой женщины.

— Да, да, злодѣи!—запальчиво повторила хозяйка дома.— Онъ меня тиранитъ, онъ меня изводитъ и даже не замѣчаетъ этого. За что? развѣ я виновата, что его отецъ проворовался, надавалъ фальшивыхъ векселей, отравился, избѣгая позора, и наложилъ несмываемое пятно на имя Мирзоевыхъ-Сокольниковыхъ? Вѣдь это онъ изъ рода Мирзоевъ-Сокольниковъ, а не я... Онъ говоритъ: «мы должны жить скромно, чтобы люди не имѣли основанія думать, что мы наслѣдовали что-нибудь отъ вора-отца»... «Мы должны стушеваться, чтобы на насъ не могли указывать пальцами, какъ на принадлежащихъ къ запятнанной семьѣ!..» «Мы должны стоять въ сторонѣ отъ той оргіи, которая называется общественной свѣтскою жизнью и которая ведетъ только къ легальному и нелегальному грабежу...» Мы! Мы! При чемъ я-то тутъ? Развѣ я знала, что его отецъ окажется воромъ, когда я шла за него замужъ?.. Развѣ вообще я искала этого брака?.. Развѣ я не жила...

Въ передней раздался звонокъ. Собесѣдницы смолкли.

Черезъ минуту въ дверяхъ передней показалась фигура молодого человѣка, держащаго на рукахъ бѣлокуренькаго курчаваго мальчугана.

— А мы гуляли... Пѣшкомъ... Я большой, самъ хожу... Яблоковъ папа купилъ,—залепеталъ мальчуганъ, ни къ кому не обращаясь.

Отецъ бережно посадилъ его опять на высокій деревянный стулъ въ передней и сталъ раздѣвать, снова опустившись передъ нимъ на колѣни. Онъ исполнялъ эту обязанность методично, какъ службу, какъ епитимью...

Хозяйка и ея посѣтительница перешли въ узкую столовую, куда слѣдомъ за ними явился и хозяинъ со своимъ сынишкой. Посѣтительница фамильярно поздоровалась съ вошедшимъ, назвавъ его «кузеномъ», и чмокнула въ щеку мальчугана, сказавъ ему какую-то небрежную фразу привѣтствія, назвала его не то «шишомъ», не то «фуфлыгой». Усадивъ сына на стулъ, на которомъ лежала подушка, чтобы ребенку было удобнѣе сидѣть, отецъ сталъ подвязывать ему салфетку около шеи. Потомъ, положивъ ему на

тарелку кусокъ жареного мяса, онъ нарѣзалъ бифштексъ на мелкіе кусочки. Самая заботливая нянька не могла бы усерднѣе исполнять свои обязанности. Ребенокъ болталъ безъ умолку, взрослые молчали.

Хозяйка дома начала разливать чай и уронила съ чайника крышку на тонкое фарфоровое блюдечко своей чашки, и блюдечка отскочилъ край. Она сдѣлала досадливое движеніе.

— Дай я разолью, —спокойно предложилъ ей мужъ.

Она молча рѣзкимъ движеніемъ руки отодвинула подносъ къ его сторону. Казалось, что она обвиняла въ душѣ его и за то, что она сама разбила блюдечко. Еще бы не разбить, когда онъ вѣчно раздражаетъ ее однимъ своимъ присутствіемъ!

— Ты всегда не умѣла чай разливать —замѣтила некстати посѣтительница.— Помнишь, разъ, когда ты жила еще у насъ...

— Ничего я не умѣю дѣлать,—отрывисто и раздражительно перебила ее хозяйка.—Я вовсе не готовилась быть кухаркой, горничной, ключницей, служить, какъ наша Татьяна, «твоей прислугой»!..

Мужъ спокойнымъ, настойчивымъ взглядомъ взглянулъ на нее, точно спрашивая, на кого и за что она сердится. Въ этомъ взглядѣ было столько холодности, что отъ него невольно становилось жутко. Она вдругъ замолчала и какъ бы упала духомъ, гнѣвно стиснувъ зубы. Онъ всегда поражалъ ее своимъ спокойствіемъ, своей сдержанностью, своею выдержкою, и она не знала сама, боится ли она его или только ненавидитъ.

Въ такія минуты она готова была его убить.

II.

— Теперь, папа, я запрягу Гнѣдку, потомъ Митька поѣдетъ кататься. Далеко, далеко поѣдетъ!—лепеталъ безъ умолку Петя, запрягая своего деревяннаго Гнѣдко въ лубочныя салазки и усаживая въ нихъ такого же деревяннаго Митьку.

Николай Петровичъ Мирзоевъ-Сокольниковъ, къ которому обращались эти слова говоруна-ребенка, ходилъ въ раздумьи изъ угла въ уголъ по своему кабинету-спальнѣ. На улицѣ уже надвигались сумерки ранняго зимняго вечера и невольно нагоняли какое-то тоскливое чувство на душу. Молодой человѣкъ весь отдался тяжелымъ думамъ о своемъ прошломъ, о настоящемъ, о будущемъ и только иногда от-

вѣчалъ короткими фразами своему болтливому любимцу-сыну то впопадъ, то невпопадъ:

— Да, да, сажай... катай!..

— Да нѣтъ же! Я еще не запрягъ Гнѣдку,—протестовалъ сынъ.—Какъ же катать, когда лошадка не запряжена?... Эхъ, какой ты, право!... Сперва запрячь надо, а потомъ катать...

— Да, да, катай,—отзывался отецъ.

— Ахъ, какой ты безтолковый!—качая головой, говорилъ сынъ.—Ничего не понимаешь...

— Да, да, такъ, молодецъ, молодецъ!—отзывался разсѣянно отецъ.

Онъ давно привыкъ думать подъ говоръ сына и отвѣчалъ ему въ такія минуты наугадъ. Онъ ухитрялся даже составлять дѣловыя бумаги, держа на колѣняхъ своего Петьку и тихо укачивая его, какъ заботливая нянька. Въ Петькѣ была вся его жизнь и даже больше: ради Петьки, во имя извѣстныхъ взглядовъ, извѣстныхъ принциповъ, извѣстныхъ обязанностей и долга, была въ конецъ искалѣчена и изломана эта жизнь.

Недаромъ же его, Николая Петровича Мирзоева-Сокольникова, всѣ считали чуть не съ самаго дѣтства страннымъ человѣкомъ.

И дѣйствительно онъ былъ страненъ. Это говорили всѣ знавшіе его. Его мать и отецъ, правда, не могли замѣтить, страненъ онъ или нѣтъ. Но, можетъ-быть, онъ потому и сдѣлались страннымъ, что они не могли во-время замѣтить его странностей. У нихъ не было на это времени. Они вели ту разсѣянную свѣтскую жизнь, которая не даетъ возможности присмотрѣться ни къ себѣ самимъ, ни къ своимъ собственнымъ дѣтямъ: сегодня у отца утромъ обученье маршировкѣ солдатъ или разводъ въ манежѣ, у матери визиты или заказы обновъ для визитовъ; въ обѣдъ отецъ и мать или принимаютъ гостей у себя, или ѣдутъ сами въ гости, терзаясь въ душѣ мыслью о томъ, что у нихъ нѣтъ достаточно времени для поддержки всѣхъ нужныхъ связей; вечеромъ или спектакль, или балъ, или азартная игра, длящаяся до утра, и сокрушеніе въ душѣ, что нельзя разорваться и попасть разомъ на всѣ званые вечера, на всѣ спектакли, на всѣ концерты. Кромѣ этихъ повседневныхъ явленій идутъ тяжелыя тревожныя заботы, гдѣ достать денегъ, какъ отсрочить векселя, какъ вывернуться, чѣмъ уплатить долги, заложивъ и перезаложивъ все, и имѣнія, и

дома, и фамильныя драгоцѣнности. Туть не до размышленій ни о смыслѣ своей собственной жизни, ни о странностяхъ своего ребенка. Ребенокъ приходитъ къ отцу и матери, говоритъ: «bonjour, papa», «bonjour, maman», «bonne nuit, papa», «bonne nuit, maman»; его наскоро цѣлуютъ и отпускаютъ въ дѣтскую, чтобы онъ не мѣшалъ; тамъ есть для него игрушки, книжки съ картинками, бонны, гувернантки, гувернеры, учителя, все, что считается нужнымъ для ребенка изъ богатой семьи. Чего же ему больше? Затѣмъ сынъ пристроенъ въ привилегированное учебное заведеніе, отецъ и мать продолжаютъ прежнюю жизнь, и ихъ сынъ уже не каждый день, а только разъ въ недѣлю говоритъ имъ: «bonjour, papa», «bonjour, maman», «bonne nuit, papa», «bonne nuit, maman». Онъ еще не кутитъ, не дѣлаетъ долговъ, не скандальничаетъ,—значитъ о немъ можно еще попрежнему не думать,— не думать даже о томъ, какъ странно, что онъ не началъ еще кутить, должать и скандальничать...

— Амалія Петровна, какъ освободитесь, удостойте выйти хоть на часокъ ко мнѣ изъ дѣтской,—галантно просилъ барскій камердинеръ бонну маленькаго Коли, краснощекую нѣмку изъ Риги:—совсѣмъ я извелся по васъ.

— Я всехта суботна, Иванъ Григорчъ; нашъ Колинька ровно мертвій,— есть ли онъ или нѣтъ ли онъ,—и не знаешь,— отвѣчала любезно бонна.

Дѣйствительно, ребенокъ былъ тихъ, молчаливъ и сосредоточенно разглядывалъ свои картинки, книжки, почти не говоря съ бонной. Богъ его знаетъ, былъ ли онъ чѣмъ-нибудь недоволенъ или былъ всѣмъ доволенъ по самое горло.

— Ужъ на него не можно пожаловаться, самій спокойній ребенокъ,—объясняла бонна, и на цѣлые часы оставляла его одного, предпочитая его обществу общество Ивана Григорьевича, обѣщавшаго жениться на ней впослѣдствіи, и въ виду этого обѣщанія безпечно урывавшаго у нея теперь крупные задатки будущаго супружескаго счастья.

Гувернеръ, смѣнившій бонну, не могъ тоже пожаловаться на своего воспитанника, зная хорошо, что тотъ не пожалуется на него отцу и матери даже тогда, когда гувернеръ напьется въ его присутствіи мертвецки пьянымъ или дозволитъ себѣ черезъ мѣру вольное обращеніе съ смазливой горничной.

— Этой рыбѣ все равно, что дѣлается вокругъ,—говорилъ пренебрежительно гувернеръ, точно упрекая въ душѣ своего

потатчика-воспитанника за попустительство.—Были бы книги, онъ и замретъ надъ ними.

Учителя въ привилегированномъ учебномъ заведеніи нѣсколько иначе относились къ нему и сердились на него за его «посторонніе» и «нелѣпые» вопросы во время уроковъ.

— Вы эти праздныя-то разсужденія о справедливости, ахъ, оставьте въ сторонѣ,—наставительно и съ оттѣнкомъ презрительной ироніи говорилъ ему учитель исторіи: — а учите то, что задано.

— Не твоего ума это дѣло,—сурово замѣчалъ ему законоучитель, когда онъ не довольствовался задалбливаньемъ напечатаннаго въ книгѣ.

Но и эти учителя не могли не согласиться, что характеръ у мальчика былъ превосходный, покладистый: разъ ему приказали не задавать посторонникъ вопросовъ и не вдаваться въ праздныя разсужденія—онъ сейчасъ же и покорился, еще болѣе углубившись въ книги и вѣря, что въ нихъ онъ непремѣнно отыщетъ то, чего не объясняли учителя.

Товарищи въ училищѣ тоже признали, что у него характеръ прекрасный, хотя и не особенно пріятный для общества: юноша каждому былъ готовъ помочь въ приготовленіи урока, въ разъясненіи трудной задачи, въ денежныхъ затрудненіяхъ, но онъ хмурился при малѣйшей распущенности товарищей, краснѣлъ при каждой слишкомъ вольной шуткѣ и какъ-то случалось такъ, что при немъ никто не рѣшался быть распущеннымъ. Мало того, онъ сумѣлъ внушить всѣмъ своею сдержанностью такое уваженіе, что надъ нимъ не рисковали даже подшучивать самые отъявленные повѣсы. А между тѣмъ, что же можетъ быть смѣшнѣе нравственнаго молодого человѣка изъ такъ-называемаго «свѣта» въ столицѣ? Но надъ нимъ не рисковали смѣяться, считая его за человѣка желѣзнаго характера.

— У него на все свои взгляды!—говорили про него.— Онъ своими принципами не поступится...

Онъ это зналъ и привыкъ даже рисоваться своей стойкостью, сознавая, что стойкость дается не даромъ.

И никто—ни отецъ, ни мать, ни бонна, ни гувернеръ, ни учителя, ни товарищи не знали, что Николай былъ потому страннымъ, что онъ былъ глубоко несчастнымъ.

— Да, несчастнымъ, глубоко несчастнымъ,—повторялъ теперь мысленно самъ про себя Николай Петровичъ, уже давно присѣвшій на турецкій диванъ и тихо гладившій по головкѣ своего задремавшаго сынишку.—Ну, да что объ

этомъ и думать! Былъ бы ты, моя крошка, счастливъ, вотъ все, что мнѣ теперь нужно...

Въ полутьмѣ онъ сталъ вглядываться въ разгорѣвшееся личико своего сына, и въ этомъ взглядѣ, въ выраженіи этого краснаго лица было теперь столько нѣжной любви, нѣмого обожанія, что невольно навертывался вопросъ:

— Неужели это тотъ самый человѣкъ, котораго жена называетъ извергомъ и злодѣемъ?..

Онъ любовался своимъ сынишкой, какъ можетъ художникъ любоваться своимъ великимъ произведеніемъ, стоившимъ ему многихъ трудовъ, усилій, жертвъ...

III.

И опять въ его головѣ заронились воспоминанія...

Николаю Петровичу Мирзоеву-Сокольникову шелъ двадцать третій годъ, когда онъ, послѣ долгихъ лѣтъ разлуки, снова встрѣтился въ одномъ изъ знакомыхъ семействъ съ Софьей Даниловной Рѣпниной. Ни радости, ни воспоминаній не пробудила въ немъ эта встрѣча, такъ какъ и прежде, и теперь онъ смотрѣлъ равнодушно на Рѣпнину, какъ и на всѣхъ другихъ женщинъ.

Это была дѣвушка, свободная, какъ вѣтеръ: ни отца, ни матери, ни опекуновъ, такъ какъ она вышла уже изъ того возраста, когда у людей еще бываютъ опекуны и попечители. Она была на годъ старше Николая Петровича. Что за существо была эта дѣвушка, какими добродѣтелями и пороками отличалась она, была ли она зла и капризна, или добра и кротка,—трудно было сказать: она только что пріѣхала,—какъ съ неба свалилась,—въ Петербургъ изъ-за границы, гдѣ провела нѣсколько лѣтъ съ больной матерью, которая и умерла на дорогѣ изъ Парижа въ Ниццу. Тетка и кузина Рѣпниной, у которыхъ она остановилась на первое время, пріѣхавъ въ Петербургъ послѣ смерти своей матери, знали ее чуть не дѣвочкой и теперь изумились, увидавъ, какъ она выросла, какъ развилась, какъ стала смѣла.

— Кто же изъ старыхъ знакомыхъ у васъ бываетъ? Тотъ черномазенькій юнкеръ, всегда покручивавшій намеки на усы и вздыхавшій о томъ, что молодые офицеры не могутъ жениться безъ реверса,—Степановъ, кажется?—конечно, вышелъ уже въ офицеры и нашелъ реверсъ въ придачу къ женѣ? А этотъ отъ земли невидный пажикъ, Семигродскій, котораго я накрыла, когда онъ тянулся на цыпочкахъ,

чтобъ поцѣловать въ темномъ углу нашу Дашу, выросъ или такъ и остался нуждающимся въ скамеечкѣ для поцѣлуевъ? Въ кого ты теперь влюблена? Кто особенно интересенъ?— допрашивала она у кузины въ первый же вечеръ послѣ своего пріѣзда, оставшись съ нею вдвоемъ.—Николай Петровичъ Мирзоевъ-Сокольниковъ, говоришь ты. Это тотъ, что всегда былъ затянутъ въ мундирчикъ, съ строгостью во взглядѣ и сдержанными отвѣтами на языкѣ: «Я не особенно люблю танцы! Съ незнакомыми они скучны, со знакомыми можно разговаривать и безъ нихъ»... Да, да, помню этого семнадцатилѣтняго кандидата на должность китайскаго божка, старавшагося скрыть сидящаго въ немъ чорта самолюбія. Что онъ теперь: судебный слѣдователь или прокуроръ; домучиваетъ людей до сознанія, что они достойны каторги, или просто, не требуя никакихъ сознаній, приговариваетъ ихъ къ ней? Онъ еще не нарушилъ своего цѣломудрія, не изумилъ свѣта внезапно выкинутымъ скандаломъ, не полетѣлъ еще кувыркомъ съ пьедестала высокой нравственности, на который онъ вскарабкался съ усердіемъ, достойнымъ лучшей участи?

Кузина Рѣпниной, Вѣра Игнатовна Лопухина, безсмѣнно въ теченіе двадцати четырехъ лѣтъ называвшаяся уменьшительнымъ именемъ Вѣрочки, не успѣвала ей отвѣчать на насмѣшливые вопросы и уже немножко завидовала ея развязности, казавшейся ей выраженіемъ шикарности, свѣтскости и ума. Кузинѣ Сонѣ можно было вообще завидовать: она не только набралась лоска въ Парижѣ и въ Баденъ-Баденѣ за разными tables d'hôtes, но къ тому же была вполнѣ свободна отъ всякихъ «старшихъ» и могла жить какъ ей угодно, имѣя до ста рублей пенсіи. Вѣрочка даже почувствовала себя вполнѣ-вполнѣ несчастной со дня пріѣзда вернувшейся изъ Парижа Сони—несчастной уже потому, что у нея, у Вѣрочки, есть кому на нее ворчать, то-есть имѣются налицо отецъ и мать. Вслѣдствіе сознанія своего несчастнаго положенія она нѣсколько дней подъ рядъ была не въ духѣ и дулась на отца и мать, какъ бы тайно обвиняя ихъ въ томъ, что они еще живутъ,—дулась во все время пребыванія кузины Сони въ домѣ тетки, что, впрочемъ, продолжалось не особенно долго, такъ какъ кузина Соня скоро наняла себѣ меблированную комнату, чтобы быть вполнѣ независимой. Она давно привыкла жить въ «пансіонахъ», обѣдать за «table d'hôte»,—смѣнять знакомства и впечатлѣнія, какъ грязныя перчатки...

Хорошо помнитъ Николай Петровичъ эту меблированную комнату...

Въ нее затащила его чуть не силой Софья Даниловна, встрѣтивъ его у Лопухиныхъ и разговорившись съ нимъ, какъ со старымъ знакомымъ. Шесть лѣтъ и перемѣна ученическаго мундирчика на статское платье мало измѣнили его. Онъ былъ свѣжъ, здоровъ, похорошѣлъ, но былъ попрежнему серьезенъ и сдержанъ. Сперва она попросила его проводить ее до дому, потомъ пригласила зайти къ ней, не достаточно наговорившись дорогой. Ее тѣшили его застѣнчивость, его сдержанность, его несообщительность. Что это за человѣкъ? Дуракъ? Сонливецъ? Угрюмый нелюдимъ? Ходячее самолюбіе? Ловкій фарисей, щеголяющій высокою нравственностью, подъ личиной которой такъ легко грѣшить? Она никакъ не могла этого опредѣлить. Впрочемъ, ей вообще было бы трудно опредѣлить чей бы то ни было характеръ, такъ какъ она не умѣла ни наблюдать, ни вглядываться въ людей, а только умѣла безъ удержу развязно болтать, не смущаясь ничѣмъ, и кокетничать напропалую со всѣми и каждымъ съ цѣлью и безъ всякой цѣли, благо никто не могъ ее сдержать. Чѣмъ менѣе поддавался на увлеченіе Николай Петровичъ, тѣмъ сильнѣе вызывалъ онъ въ ней желаніе «растормошить» его. Это такъ потѣшно—заставлять танцовать медвѣдя! Это ей удалось вполнѣ. Иногда ея болтовня вызывала невольную улыбку на лицѣ Николая Петровича; иногда ея кокетство туманило голову Николаю Петровичу, иногда Николаю Петровичу казалось, что надъ нимъ смѣются, видя его сдержанность, смѣются надъ тѣмъ, что онъ чего-то боится, когда ему ясно говорятъ: «бери меня! чего ты боишься?»

И точно, чего онъ боялся, чего онъ стѣснялся, когда до него не боялись, не стѣснялись другіе?..

Кто они такіе, эти другіе, много ли было ихъ, гдѣ они скрылись,— онъ не доискивался, не спрашивалъ, не интересовался этимъ. Да и для чего? Это было бы простою неделикатностью, ненужной оскорбительной грубостью. Не будутъ же объ этомъ спрашивать и тѣ, которые явятся ему на смѣну? А онъ, ни на минуту не сомнѣваясь, былъ вполнѣ увѣренъ въ томъ, что они явятся, такъ легко отнеслась къ ихъ неожиданному сближенію сама Рѣпнина. Наканунѣ этого случайнаго сближенія и на другой день послѣ него— она была все та же, не измѣнилась въ отношеніи къ нему ни на одну черту —стала только еще развязнѣе и смѣшливѣе,

точно между ними не произошло ничего особеннаго, точно они только съѣздили вмѣстѣ куда-то въ магазинъ, въ театръ, на балъ, провели веселѣе нѣсколько минутъ, чѣмъ проводили обыкновенно. Онъ понялъ, что все это для нея такъ просто, что даже онъ, смотрѣвшій строго на всѣ подобныя отношенія, могъ оставаться вполнѣ спокойнымъ, ни въ чемъ не упрекая себя и продолжая «дурачиться»...

Спокойствіе, однако, длилось не долго, и первая встревожилась она, истерично рыдая и проклиная впередъ судьбу за предстоящія ей мýки неожиданнаго материнства. Въ ея слезахъ и проклятіяхъ было что-то похожее на безуміе, на бредъ, на бѣшенство. Онъ подъ вліяніемъ этихъ слезъ и проклятій сразу потерялъ голову, почувствовалъ къ ней глубокую жалость и впервые сталъ обвинять себя.

«Она съ самыхъ юныхъ лѣтъ росла подъ вліяніемъ легкомысленной матери,—говорилъ онъ себѣ:—и привыкла смотрѣть поверхностно на все, а онъ-то, разсудительный, серьезный, строгій, онъ словно обрадовался, что встрѣтилъ, наконецъ, дѣвушку, не думающую ни о чемъ, смотрящую безпечно на все, не охраняемую никѣмъ, ни отцомъ, ни матерью, ни братомъ,—и воспользовался удобнымъ случаемъ: до сихъ поръ онъ не былъ безчестнымъ, но, вѣрно, только потому, что не попадалось подъ руку ничего, что бы плохо лежало!»

Онъ ясно видѣлъ, что она была такъ легкомысленна, что ее тревожили только ожидающія ее физическія муки, и она, кажется, вовсе не понимала, что ее ждутъ еще нравственныя мýки, что ей придется скрываться отъ своихъ родныхъ и знакомыхъ, порвать связь со всѣми ими, по крайней мѣрѣ, на-время, сдѣлаться матерью незаконнорожденнаго ребенка. Но развѣ этотъ незаконнорожденный ребенокъ принадлежитъ только ей, развѣ онъ, Николай Петровичъ, не отецъ этого ребенка?

Она широко открыла глаза, когда онъ сталъ ее утѣшать:

— За кого же ты меня считаешь, если думаешь, что я брошу тебя, брошу свое дитя? Ни ты, ни мой ребенокъ не будутъ имѣть права назвать меня подлецомъ.

Онъ говорилъ, что женится и загладитъ все. Иначе онъ не могъ поступить, какъ честный человѣкъ, какъ человѣкъ извѣстныхъ принциповъ. Она объ этомъ даже и не думала до его словъ. Она только проклинала ожидающія ее мýки, смертельно боялась умереть родами, обрадовалась бы всѣмъ

сердцемъ, если бы кто-нибудь спасъ ее отъ всего этого, а ребенокъ...

О немъ она вовсе не помышляла, она только желала скорѣй освободиться отъ него...

— Она и теперь желала бы того же! — съ горечью прошепталъ Николай Петровичъ, печально глядя на своего мальчугана.

И ему вспомнились его собственные отецъ и мать...

IV.

Петръ Петровичъ и Варвара Михайловна Мирзоевы-Сокольниковы попрежнему очень мало думали о своемъ сынѣ, такъ какъ онъ удачно пристроился къ мѣсту и попрежнему не дѣлалъ ни долговъ, ни безчинствъ, ни скандаловъ, то-есть не требовалъ ихъ вмѣшательства въ свою жизнь. Они, вѣроятно, и никогда не измѣнили бы своихъ прекрасныхъ родительскихъ отношеній къ нему, если бы однажды всегда скрытный и холодно сдержанный Петръ Петровичъ, жившій съ женою уже давно, какъ совершенно чужой ей человѣкъ, не замѣтилъ мотавшей деньги Варварѣ Михайловнѣ:

— Неужели вы слѣпы и не видите нашего положенія?

— При чемъ же я тутъ? — отвѣтила жена, не забывая того, что именно она принесла ему когда-то очень крупное приданое.—Я вамъ пожертвовала, кажется, всѣмъ. Вы дошли до того, что заложили мои послѣдніе бриллианты. Вы промотали...

— Пожалуйста, безъ этого милаго мѣщанства; кто изъ насъ имѣетъ право дѣлать упреки — это еще вопросъ,— брезгливо отвѣтилъ мужъ, женившійся когда-то на этой вульгарной женщинѣ только ради денегъ.—Я заговорилъ съ вами о нашихъ дѣлахъ только потому, что ихъ надо теперь же поправить, или я... Ну, я не знаю, что... Я долженъ утопиться, пустить пулю въ лобъ...

— И оставить меня нищею и опозоренною? — докончила жена.—Это очень благородно!.. Это ужъ дѣйствительно не по-мѣщански...

Мужъ холодно передернулъ плечами.

— Если васъ это пугаетъ, то устройте Николаю хорошую партію,—посовѣтовалъ какъ бы мимоходомъ мужъ.

Прямыхъ совѣтовъ или приказаній въ подобныхъ случаяхъ онъ не давалъ. Это было не въ его характерѣ. Но онъ не безъ основанія былъ увѣренъ, что жена схватится

за каждую мелькомъ оброненную имъ мысль и въ настоящемъ случаѣ найдетъ сыну выгодную партію.

Казалось, это было такъ легко. У Николая есть громкая фамилія, онъ имѣетъ сносное мѣсто и при протекціи можетъ выдвинуться впередъ, онъ молодъ и хорошъ собою...

Когда въ этотъ день Николай Петровичъ явился къ обѣду, мать впервые обратила на него пристальный взглядъ и, какъ опытный оцѣнщикъ, стала обдумывать, какой кушъ могли бы дать за эту «вещь». Такія вещи на базарѣ свѣтской суеты иногда сбывались за милліоны. О возможности же сбыта и говорить нечего, стоитъ только пожелать. Польстилась же она сама когда-то на подобную же вещь и принесла смазливому мужу съ именемъ и въ блестящемъ мундирѣ не одну сотню тысячъ рублей въ приданое... Когда же разговоръ матери съ сыномъ зашелъ на тему о невѣстахъ и о женитьбѣ, — выяснилось, мало-по-малу, что Николай Петровичъ вовсе не интересуется этимъ вопросомъ. Тогда мать ему прямо заявила, что она заговорила объ этомъ вопросѣ недаромъ, что въ его годы пора жениться, что отецъ и мать были бы рады, если бы онъ женился при ихъ жизни. Варвара Михайловна даже воскликнула не безъ пафоса:

— О, я тогда спокойно закрыла бы глаза!

Петръ Петровичъ, не проронивъ ни слова, только вздохнулъ...

Николай Петровичъ, всегда сдержанный, всегда серьезный, поднялъ на нее удивленный взглядъ... Это была первая комедія въ его жизни, которую разыгрывали передъ нимъ и для него его родители. Зачѣмъ это понадобилось имъ теперь? Никогда не интересовались они его внутреннею жизнью, а теперь желаютъ, чтобы онъ женился при ихъ жизни? Онъ ничего не отвѣтилъ матери и, такъ какъ обѣдъ былъ конченъ, вышелъ изъ-за стола.

«Что это имъ вздумалось заговорить о женитьбѣ и такъ не во-время?»—спрашивалъ онъ самъ себя.

За его же спиной шли соображенія его отца и матери. Какъ онъ равнодушно отнесся къ вопросу о женитьбѣ! Не влюбленъ ли онъ уже въ кого-нибудь и только скрываетъ это? Или просто онъ холоденъ, какъ рыба. Дѣйствительно не кутитъ, не дѣлаетъ долговъ, не скандальничаетъ, — совсѣмъ странный человѣкъ.

— Ахъ, думала ли я когда-нибудь, что изъ него выйдетъ такая мумія!—восклицала Варвара Михайловна, любившая людей развязныхъ, съ привычками старыхъ гусаровъ.

— У него, вѣроятно, есть тайные пороки, что-нибудь позорящее его,—сухо сообразилъ отецъ.

Онъ не могъ представить себѣ молодого человѣка, который не бѣгалъ бы за женскими юбками, не развратничалъ бы, не имѣлъ бы любовницъ.

На слѣдующій день у жены и мужа было снова короткое объясненіе.

— Мы не добьемся ничего, если будемъ ждать, когда Николай самъ выберетъ невѣсту,- сказалъ, наконецъ, отецъ, измѣняя въ виду критическаго положенія своему правилу стоять въ сторонѣ. — Надо дѣйствовать прямо и открыто. Я почти увѣренъ, что за него охотно вышла бы замужъ Щербачева.

— О, еще бы! Эту-то кривобокую мѣщанку... — начала брезгливо жена, поддаваясь безотчетно охватившему ее чувству отвращенія къ уродливой дѣвушкѣ.

— Она и кривобокая и, пожалуй, мѣщанка, какъ вы ее почему-то называете, хотя она, кажется, не къ мѣщанству приписана, — перебилъ ее сухо мужъ. -Но вы знаете, чья она дочь. Отецъ — ея крестный отецъ, -прибавилъ онъ съ иронической усмѣшкой:—дастъ за ней очень крупный кушъ и... и... я увѣренъ, что наши дѣла поправятся...

— Да, я понимаю, -согласилась все сообразившая теперь жена.—Но Николай... Ахъ, Боже мой, какія идеи могли ему внушить люди... Онъ непроницаемъ, какая-то загадка... Вдругъ онъ не согласится...

— Мнѣ тогда, Варвара Михайловна, пулю въ лобъ придется пустить, вотъ и все, — проговорилъ мужъ и впервые въ его голосѣ послышались желчныя ноты.

— Ахъ, не могу же я его этимъ застращать!— воскликнула Варвара Михайловна.

— А почему же и нѣтъ?- спросилъ онъ мелькомъ, сощуривъ глаза.

Когда явился опять за обѣдомъ Николай Петровичъ, вопросъ снова зашелъ о женитьбѣ, и на этотъ разъ Варвара Михайловна опредѣленно высказалась, что Мари Щербачева, это бѣдное хрупкое созданіе, безъ ума отъ него, отъ Николая. Онъ промолчалъ, чувствуя, что его начинаетъ уже волновать настойчивость, съ которою ему два дня сряду говорятъ о женитьбѣ. Тогда мать уже прямо заговорила, какъ идеально добра эта Мари Щербачева, этотъ хрупкій ребенокъ. На хрупкость этого идеально-чистаго созданія напиралось особенно сильно, точно этимъ ободрялся женихъ:

«она вѣдь проживетъ не долго, и ты будешь свободенъ». На этотъ разъ отецъ, хмурый и суровый, не проронилъ ни слова. Онъ былъ радъ, если бы дѣло уладилось, но онъ возмущался въ душѣ при мысли, что и ему надо бы уговаривать сына. Онъ мысленно умывалъ свои руки, готовясь взять добытый другими менѣе чистыми руками кладъ. По его мнѣнію, дѣйствовать иначе онъ не могъ бы по своему благородству. Тогда, вставая уже изъ-за стола, сынъ коротко отвѣтилъ матери:

— Я уже связанъ обѣщаніемъ!

И, не прибавивъ ни слова, вышелъ изъ комнаты, оставивъ ошеломленными, какъ громомъ, отца и мать.

V.

На Николая Петровича съ дѣтскихъ лѣтъ не обращали вниманія въ домѣ; теперь же мать, кажется, желала разомъ наверстать все прошлое и упорно слѣдила за каждымъ шагомъ сына, разузнавала о всѣхъ его знакомыхъ, заставляла шпіонничать прислугу, подглядывая за нимъ, разспрашивала его самого и натолкнулась только на тотъ выводъ, что отъ него трудно было узнать то, чего онъ не хотѣлъ высказать. Въ этомъ отношеніи онъ былъ сыномъ своего отца съ тою только разницею, что отецъ считалъ всякую откровенность мѣщанствомъ, вульгарностью, неблаговоспитанностью, а сынъ просто привыкъ быть скрытнымъ, привыкъ къ этому въ годы одинокаго дѣтства. Онъ дѣлался нѣмъ, какъ рыба, когда дѣло шло о сохраненіи тайны, своей или чужой, важной или ничтожной, это было для него безразлично. Тѣмъ не менѣе, мать, не зная, кому онъ далъ слово жениться, была вполнѣ убѣждена, что его женитьба будетъ позоромъ для всей семьи. Говоря съ пафосомъ, но совершенно наугадъ о томъ, что онъ хочетъ совершить какое-то безуміе, она рѣшилась въ то же время открыть ему глаза и на ихъ матеріальное положеніе, хотя, въ сущности, она сама не знала хорошо этого положенія.

— Мы стоимъ на краю гибели, наше положеніе безысходно,—съ жаромъ говорила она.—Ты не только обречешь себя и свою жену на бѣдность, но и погубишь насъ.

— Моя семья можетъ безбѣдно прожить на получаемое мной содержаніе,—отвѣтилъ онъ и прибавилъ:—Продавать же себя для поправленія чьихъ бы то ни было дѣлъ—это не въ моихъ правилахъ.

— Ты не сознаешь, что ты говоришь, безумецъ, — воз-

разила она. — Вопросъ идетъ не о поправленіи дѣлъ, а о спасеніи отца и матери. Какія могутъ быть правила, когда гибнутъ близкіе и ихъ, утопающихъ, надо спасти отъ смерти? Надо быть извергомъ, чтобы такъ разсуждать, какъ ты...

— Я вамъ уже сказалъ, что я далъ слово жениться и у меня нѣтъ возможности передѣлать сдѣланное.

«Извергъ», «безчувственное созданіе», «каменный истуканъ», всѣми этими эпитетами и вслухъ, и про себя мать осыпала сына. Онъ подмѣтилъ въ ней въ этотъ день новую для него черту: мать была очень вульгарна. Онъ вышелъ изъ ея комнаты, стараясь сохранять внѣшнее спокойствіе: тѣмъ не менѣе, онъ былъ далеко не спокоенъ. Что такое говорила она о своей гибели и гибели отца? Имѣютъ ли серьезное значеніе ея восклицанія о томъ, что родной сынъ не хочетъ спасти отца отъ позора и смерти? Потомъ почему она назвала его невѣсту несчастной авантюристкой? Развѣ она выслѣдила его и узнала, что онъ хочетъ жениться именно на Рѣшиной? Или это было сказано ею просто наобумъ? Какая она мелодраматическая актриса! Какъ она все преувеличиваетъ! Никогда онъ не подозрѣвалъ, что у него такая мать! Онъ видѣлъ ее всегда спокойную, сдержанную, приличную и не зналъ, что все это маска, надѣваемая при постороннихъ и для посторонихъ, какъ стѣснительный корсетъ. Неужели есть хоть доля правды во всемъ, что она говорила? Сынъ обрекаетъ на гибель отца и женится на какой-то авантюристкѣ? Значитъ, нужно продать себя для спасенія отца и кромѣ того прибавить другую подлость: бросить дѣвушку и своего ребенка на произволъ судьбы?..

Онъ, незамѣтно для себя, безъ устали ходилъ изъ угла въ уголъ, а въ головѣ вертѣлись одни и тѣ же назойливыя мысли.

— А гдѣ же тѣ, другіе, предшествовавшіе мнѣ? Кто они? Много ли ихъ было? Были ли у нихъ тоже отъ нея дѣти? Гдѣ эти дѣти?

Никогда прежде не приходили ему въ голову эти мысли, когда онъ сошелся съ Рѣшиной, точно ему было тогда рѣшительно безразлично, какіе отвѣты получались бы на эти вопросы. Теперь же было не то. А что если тѣ или хоть одинъ изъ тѣхъ станутъ указывать на него пальцами: «вотъ человѣкъ, женившійся на брошенной ими любовницѣ!» Ну, и пусть говорятъ! Онъ женится потому, что не желаетъ сдѣлать несчастнымъ своего ребенка. Они подлецы, если у нихъ были дѣти и они забросили этихъ дѣтей куда-нибудь

въ воспитательные дома. Онъ этого не сдѣлаетъ, потому что худшей подлости нѣтъ на свѣтѣ, какъ обреченіе на физическую или нравственную гибель своего ребенка. А что если ребенокъ родится мертвымъ? Онъ, Николай Петровичъ, женится на ней, а ребенокъ родится мертвымъ!..

Онъ чувствовалъ, что у него все перемѣшивается въ головѣ и кто-то шепчетъ ему подъ ухо:

— Ради какой-то авантюристки губишь себя, семью...

И чей-то другой голосъ прибавлялъ:

— Донъ-Кихотъ... Жалкій Донъ-Кихотъ...

Онъ осторожно сталъ наводить Рѣпнину на признанія. Кого она любила до него? Кто былъ тотъ, кто предшествовалъ ему? Она широко открыла глаза. Ужъ не ревнуетъ ли онъ ее къ прошлому и почему онъ вспомнилъ объ этомъ именно теперь, послѣ годового ихъ близкаго знакомства? Не хочетъ ли найти предлогъ къ разрыву, — найти этотъ предлогъ въ томъ, что когда-то, почти ребенкомъ, она сдѣлала ошибку, непоправимую уже потому, что самъ виновникъ этой ошибки умеръ? Она сказала это презрительнымъ насмѣшливымъ тономъ, какъ женщина, угадавшая недосказанное собесѣдникомъ и уличающая мужчину въ мелкости душонки. Его задѣло за живое ея замѣчаніе объ исканіи предлога къ ссорѣ, такъ какъ онъ въ душѣ смутно сознавалъ, что былъ бы точно радъ въ эту минуту поссориться съ ней, если-бъ это было возможно, если-бъ она не готовилась быть матерью. Онъ съ гадливостью сознавалъ, что гдѣ-то въ немъ сидитъ подлецъ... Тѣмъ не менѣе, онъ сдѣлалъ еще вопросъ какъ бы мимоходомъ, но въ то же время сознавая вполнѣ цѣль этого вопроса: онъ осторожно спросилъ ее, почему она такъ боится родовъ? Ему хотѣлось узнать, не было ли у нея когда-то ребенка, гдѣ этотъ ребенокъ? Но она просто отвѣчала:

— Говорятъ, это ужасно! О, я такъ боюсь физическихъ страданій! Мнѣ кажется, я не вынесу этихъ страданій.

Онъ опять смутился за себя, за напрасное подозрѣніе, за гаденькія чувства и, въ то же время, въ головѣ мелькали мысли: «А что же будетъ, если она не вынесетъ этого и умретъ? Что будетъ, если она умретъ, а ребенокъ будетъ живъ? Не слѣдуетъ ли жениться теперь, чтобы ребенокъ былъ законнымъ? Ну, а если умретъ ребенокъ, а не она?..»

Впервые въ жизни онъ подмѣчалъ въ себѣ цѣлую массу противорѣчій—смѣсь добра и зла, невольныхъ дурныхъ побужденій и мыслей, мелочныхъ расчетовъ и соображеній.

VI.

Мучительные крики, вопли и брань не умолкали ни на минуту и раздавались по всей квартирѣ изъ комнаты роженицы, болѣзненно отзываясь въ душѣ Николая Петровича. Это длилось безконечно долго: а онъ былъ и безъ того уже ошеломленъ въ самой спальнѣ Софьи Даниловны, услышавъ ея истерическіе крики:

— Уйди! уйди!

И совершенно растерялся, когда она стала проклинать его, всѣхъ мужчинъ, судьбу женщинъ, рождающихъ дѣтей. Тогда докторъ, силой уведшій его изъ этой комнаты, разъяснилъ ему на ходу, что все это нерѣдко бываетъ при тяжелыхъ родахъ и при извѣстномъ темпераментѣ больныхъ, что на все это въ сущности не стоитъ обращать, какъ на бредъ, никакого вниманія. Пройдутъ эти мученія—и все забудется. Тѣмъ не менѣе, Николай Петровичъ былъ смущенъ, какъ виноватый, и каждый новый стонъ и вопль порождали въ его головѣ новыя мрачныя мысли. Что, если она умретъ? Да она и должна умереть—это ясно по ея стонамъ и воплямъ. Докторъ напрасно его успокаиваетъ, увѣряетъ, что еще и не то бываетъ, да не умираютъ же женщины. Нѣтъ, пережить такія мýки, пережить мýки, продолжающіяся почти полсутокъ, нельзя. Что же тогда? Ребенокъ, если онъ родится живымъ, будетъ незаконнорожденнымъ, человѣкомъ безъ имени, безъ правъ. И ради чего? ради вины своего отца, ради подлости своего отца, оттягивавшаго женитьбу въ надеждѣ на то, что ребенокъ могъ родиться мертвымъ и такимъ образомъ миновала бы надобность въ женитьбѣ. Господи, какой негодяй онъ, Николай Петровичъ, этотъ примѣрный, выдержанный человѣкъ! Боясь жениться безъ особенной надобности, онъ, можетъ-быть, обрекъ на цѣлый рядъ житейскихъ непріятностей и невзгодъ свое ни въ чемъ не повинное дитя. Ему вдругъ вспомнился знакомый студентъ, окончившій первымъ съ золотой медалью курсъ по факультету восточныхъ языковъ и не получившій мѣста въ министерствѣ иностранныхъ дѣлъ только потому, что онъ незаконнорожденный, а незаконнорожденныхъ стараются не принимать въ это министерство. А тоже учился, потратилъ столько лѣтъ и поплатился за грѣхи родителей. Да и мало ли горя ждетъ незаконнорожденныхъ, если иногда приходится плохо и законнымъ дѣтямъ... А ужъ онъ ли не знаетъ, какъ отзываются на ребенкѣ всякія семейныя неурядицы...

И ясно-ясно представился въ его воображеніи заброшенный родителями среди богатой обстановки, массы игрушекъ, несчастный маленькій мальчикъ: по цѣлымъ часамъ оставался онъ забытымъ и одинокимъ, говорилъ самъ съ собой, говорилъ съ нѣмыми куклами, вскарабкивался на окно и черезъ стекло смотрѣлъ на улицу, на снующихъ прохожихъ, на мчащіеся экипажи, на бѣгающихъ по мостовой уличныхъ ребятишекъ. Онъ завидовалъ всѣмъ, считая всѣхъ болѣе счастливыми, чѣмъ онъ. Понятнѣе всего былъ для него одинъ день: противъ ихъ дома остановилась у стѣны какая-то молодая нищая, она держала на рукахъ закутанное кацавейкой дитя; иногда она укачивала его, иногда наклонялась къ его головкѣ и цѣловала его личико. Это продолжалось долго-долго. Въ этотъ день впервые мелькнула въ головѣ маленькаго богатаго ребенка печальная мысль:

«Отчего же моя мама никогда не носила меня на рукахъ?»

И разъ послѣ того онъ поразилъ свою бонну Амалію Ивановну страннымъ восклицаніемъ:

— О, лучше быть сыномъ нищей, чѣмъ такимъ несчастнымъ, какъ я!

Такъ какъ ребенокъ разрыдался, то Амалія Ивановна, пропадавшая въ этотъ день цѣлое утро и наслаждавшаяся предвкушеніемъ радостей своей будущей семейной жизни съ Иваномъ Григорьевичемъ, струсила, что мальчуганъ пожалуется на нее за ея постоянное отсутствіе, на свое скучное одиночество, и стала ему внушать:

— Фуй, это плачутъ только улишній дѣти, а не благовоспитанній ребенокъ. Тѣ вѣшно жалюются, вѣшно хнышутъ, а благовоспитанній ребенокъ долженъ быть vernünftig, блакоразумнымъ... Не жаловаться ни на что, не обвинять никого... Это, фуй! стыдъ какой...

Она долго изъ чувства самосохраненія читала ему эти наставленія, и они не пропали даромъ—богатый мальчикъ не жаловался болѣе на свою судьбу, но, Боже мой, Боже мой, какимъ несчастнымъ чувствовалъ онъ себя!

И вотъ теперь онъ, этотъ самый несчастный мальчикъ, сдѣлавшись большимъ, является, можетъ-быть, виновникомъ чужого несчастія, виновникомъ несчастія своего сына. Если бы онъ во-время женился, ребенокъ былъ бы законнорожденнымъ. Мало того, тогда былъ бы иной уходъ и за больной. Теперь она, укрываясь отъ родныхъ и знакомыхъ, перебралась въ Царское Село; квартира, нанятая наскоро, въ то время, когда лучшія зимнія квартиры были уже разо-

браны, и холодна, и неудобна, какъ помѣщеніе на бивуакахъ; около больной нѣтъ ни души родныхъ или знакомыхъ, даже и не подозрѣвавшихъ ея положенія и увѣренныхъ, что она уѣхала куда-то на югъ; акушерка и докторъ — чужіе люди, въ душѣ, можетъ-быть, презирающіе эту барышню-мать, которая, конечно, поселилась здѣсь, чтобы скрыть свою беременность и которая броситъ своего ребенка въ воспитательный домъ; прислуга нанята чуть не вчера и не можетъ быть ни преданною, ни рачительною,— сегодня она служитъ здѣсь, завтра на другомъ мѣстѣ. Что же мудренаго, что при такой обстановкѣ больная умретъ.

Раздирающій душу крикъ разомъ прервалъ эти мысли, и вслѣдъ за этимъ крикомъ водворилась какая-то роковая мертвая тишина.

У Николая Петровича выступилъ на лицѣ холодный потъ...

— Поздравляю васъ съ сыночкомъ... здоровенькій мальчуганъ,—говорили акушерка и акушеръ.

— А она... она... что съ ней?

— О, вполнѣ здорова!

— Это дамы наши кушаютъ много во время беременности... мало движутся... Ну, ребенокъ очень упитанъ, очень великъ, отсюда и муки...

— Тоже непривычка къ выносливости... потерпѣніе...

Николай Петровичъ точно обезумѣлъ отъ радости. Онъ былъ готовъ обнимать и цѣловать всѣхъ, не слушая никакихъ подробностей о чрезмѣрной ѣдѣ, о недостаткѣ движеній, и зная только, что у него есть сынъ, здоровый, большой ребенокъ.

— Жениться! жениться скорѣе!—твердилъ онъ, какъ помѣшанный, глядя на своего малютку.—Я не дамъ тебѣ права упрекать меня и мать за то, что мы бросили тебя на свѣтъ безъ роду, безъ племени...

VII.

По возможности коротко и безъ лишнихъ подробностей заявилъ Николай Петровичъ матери, что онъ женится на дняхъ. Когда же начались разные протесты и истерическія мелодрамы со стороны Варвары Михайловны, сынъ прервалъ ихъ, сказавъ такъ же коротко и категорически:

— Это долгъ чести!

Тогда Варвара Михайловна нашла нужнымъ пустить въ ходъ послѣднее средство.

— А если такъ, то никогда я не дамъ тебѣ моего бла-

гословенія! Я, напротивъ того, прокляну тебя!.. Ты мнѣ болѣе не сынъ!...

Во всю свою жизнь Варвара Михайловна не являлась передъ Николаемъ Петровичемъ въ роли матери и потому его не могло особенно тронуть ея отреченіе отъ него. Что же касается благословеній и проклятій, то на нихъ онъ могъ бы отвѣтить одно: «не кощунствуйте и не призывайте Бога, о Которомъ никогда не думали вы, бояться и любить Котораго вы ни разу не научили меня». Если онъ не сказалъ этого, то только потому, что онъ былъ вообще не любитель объясненій, споровъ, дрязгъ и сценъ. Его всегда коробило отъ этихъ разыгрываній мелодраматическихъ сценъ въ будничной жизни.

Выходя отъ истерически рыдающей матери, Николай Петровичъ былъ болѣе или менѣе спокоенъ. За послѣдніе дни онъ вполнѣ приглядѣлся къ ней и увидалъ тѣ стороны ея характера, которыхъ не зналъ прежде, видя ее до послѣдняго времени съ тѣмъ выраженіемъ лица и въ тѣхъ нарядахъ, которые предназначались спеціально для гостиной и сбрасывались только въ спальнѣ. Онъ узналъ теперь, какъ узналъ это лѣтъ двадцать пять тому назадъ его отецъ, что она была по натурѣ взбалмошна, вульгарна, мелочна, недалека по уму, умѣла притворяться, падая въ обмороки и истерически рыдая. Онъ чувствовалъ, что она, желая разстроить его свадьбу съ Рѣпниной и желая женить его ради выгодъ на Щербачевой, разыгрывала мелодраму и, завѣдомо прилыгая, угрожала ему какими-то ужасами, какимъ-то позоромъ. Что она все это выдумывала, что она все это лгала,—это ему было ясно уже потому, что объ этихъ ужасахъ ничего не сказалъ ему отецъ, когда Николай Петровичъ объявилъ и ему, что онъ женится и что это долгъ чести.

Не могъ же старикъ не знать своего положенія, когда это положеніе было извѣстно его женѣ? Отецъ, правда, отнесся къ извѣстію о женитьбѣ сына сухо, холодно, почти враждебно, но онъ не вступилъ съ сыномъ ни въ какія объясненія и только замѣтилъ:

— Это твое личное дѣло?

Вообще онъ избѣгалъ всякихъ объясненій съ сыномъ, замѣтно сторонился отъ него, не то боялся, не то ненавидѣлъ его. Вообще его внутренній міръ былъ загадкой: онъ жилъ изо дня въ день, проматывая свое состояніе и, главнымъ образомъ, состояніе жены, путался въ долгахъ, но никто не зналъ, все-таки, навѣрное, до какой степени всѣ эти дѣла

запуганы. Въ послѣднее время онъ, правда, обмолвился женѣ, что они стоятъ на краю пропасти и что счастливый исходъ можетъ быть развѣ въ томъ случаѣ, если сынъ ихъ женится на богачихѣ: онъ по опыту зналъ, что этихъ фразъ довольно, чтобы жена разыграла драму и начала пилить сына. Она такъ и сдѣлала: попрежнему мотала со своей стороны деньги, но передъ сыномъ разыгрывала сцены отчаянія, говоря, безъ всякаго яснаго сознанія важности дѣла, о грозящемъ имъ разореніи, стараясь испугать молодого человѣка какими-то грядущими ужасами, къ которымъ сама относилась въ душѣ съ легкомысліемъ никакихъ ужасовъ не испытавшей свѣтской женщины. На первыхъ же порахъ ея мужъ узналъ, что ея попытки тщетны, что сынъ не поддается никакимъ слезамъ и застращиваніямъ, и съ его языка сорвались желчныя фразы:

— Да, вѣдь у этихъ божковъ честности и сдержанности вмѣсто сердецъ камни!

Въ эту минуту онъ отъ всей души ненавидѣлъ этихъ честныхъ людей.

Она, по обыкновенію ничего не понимая, посовѣтовала:

— Ты долженъ самъ поговорить съ нимъ!

Онъ рѣзко отвѣтилъ:

— Я? говорить съ нимъ?.. Никогда!.. Когда я самъ былъ еще мальчишкой, я и тогда не позволялъ менторствовать надъ собой мальчишкамъ, а теперь...

И угрюмо прибавилъ:

— Я бы ему своими руками перервалъ глотку при первомъ его наставленіи.

Потомъ онъ иронически усмѣхнулся и безцеремонно рѣшилъ:

— Впрочемъ, онъ имѣетъ основаніе бояться, какъ огня женитьбы на деньгахъ, видя, къ чему это можетъ привести...

Не избалованный вниманіемъ отца и матери, Николай Петровичъ остался равнодушнымъ и къ истерикамъ матери, и къ сдержанно враждебному тону отца и отдался весь одному дѣлу: поспѣшному улаживанію своей женитьбы и изысканію средствъ записать своего сына законнымъ ребенкомъ.

День скромно отпразднованной имъ свадьбы былъ для него днемъ счастія: онъ сознавалъ, что его ребенокъ не будетъ имѣть права упрекнуть его за то, что онъ, дворянинъ, Мирзоевъ-Сокольниковъ, человѣкъ, имѣющій разныхъ высокостоящихъ родныхъ, богатыхъ хорошими связями, мо-

гущихъ оставить ему въ наслѣдство родовыя имѣнія, не далъ своему сыну ни званія, ни имени, ни правъ. И гдѣ-то въ тайникѣ души копошилась гордость, что онъ принесъ жертву, не поступившись честными принципами, не сдѣлавъ подлости, загладивъ сдѣланную неосмотрительно ошибку. Другой на его мѣстѣ, быть-можетъ, не женился бы, тѣмъ болѣе, что она, мать ребенка, не имѣла никакихъ правъ жаловаться на то, что ее увлекли и погубили... Прямо отъ вѣнца пришелъ онъ въ комнатку этого крошечнаго созданія и, наклонясь надъ его колыбелью, мысленно далъ обѣтъ, что этотъ ребенокъ не узнаетъ тѣхъ невзгодъ, которыя испыталъ въ дѣтствѣ онъ самъ. Софья Даниловна не безъ подтруниванія съ легкомысленнымъ смѣхомъ замѣтила ему:

— Я, право, не предполагала никогда, что ты способенъ такъ взвинчивать себя.

— Ты не испытала, Соня, несчастія быть сиротой при жизни отца и матери,—съ чувствомъ сказалъ онъ.

И тутъ же прибавилъ:

— Худшаго несчастія нѣтъ, какъ то положеніе, въ которомъ находился я. И въ дѣтствѣ, и въ юности, и теперь я былъ чужимъ для отца и матери. Ни при одномъ своемъ поступкѣ, ни при одномъ своемъ шагѣ они не задавались мыслію, какъ это отзовется на мнѣ, что будетъ со мною...

Эти слова вспомнились ему довольно скоро, такъ какъ онъ еще однажды въ жизни—и въ этомъ случаѣ уже въ послѣдній разъ—убѣдился, что никогда при томъ или другомъ своемъ поступкѣ его отецъ не принималъ въ расчетъ его, своего сына...

Мѣсяцевъ черезъ десять послѣ женитьбы Николая Петровича появилось въ газетахъ извѣстіе «о скоропостижной» смерти его отца. Рядомъ съ этимъ разнеслись слухи о промотавшемся состояніи, о подложныхъ векселяхъ, о принадлежности Мирзоева-Сокольникова къ шайкѣ шуллеровъ, содержавшей игорный домъ, объ отравленіи...

VIII.

Ужасные дни пришлось пережить Николаю Петровичу, когда самоубійство его отца разомъ раскрыло все, что тщательно скрывалось подъ личиною холодной сдержанности и свѣтской выдрессированности. Никто и не подозрѣвалъ, что этотъ всегда серьезный, холодный и невозмутимый баринъ, ежедневно появлявшійся въ первыхъ рядахъ креселъ въ балетѣ и оперѣ, слывшій покровителемъ и поощрителемъ

молодыхъ талантовъ, числящійся членомъ разныхъ благотворительныхъ обществъ, не только успѣлъ разориться въ пухъ и прахъ, не только успѣлъ надѣлать неоплатныхъ долговъ, но и рѣшился идти на подлоги, на выдачу фальшивыхъ векселей, на роль «приманки», «золотого крючка» въ нуллерскомъ кружкѣ.

Когда объ этихъ «низостяхъ» прошли первые смутные слухи, всѣ только презрительно пожали плечами съ такимъ видомъ, какъ будто услышали, что у кого-нибудь изъ нихъ знакомыхъ выросъ хвостъ. Нелѣпость выдумки была настолько очевидна, что о ней не стоило даже и толковать. Но это настроеніе общества длилось не долго, и раскрывшіеся факты, привлеченіе къ суду сообщниковъ самоубійцы измѣнили разомъ взглядъ на дѣло и на личность Петра Петровича — фамилія Мирзоева-Сокольникова сдѣлалась сказкой города, такъ какъ дѣло было слишкомъ крупно, слишкомъ скандально. Къ Мирзоеву-Сокольникову сразу всѣ почувствовали презрѣніе и никто даже не задумывался надъ поучительнымъ вопросомъ о томъ, какъ этотъ человѣкъ въ теченіе десятковъ лѣтъ послѣ перваго подлаго проступка—женитьбы ради денегъ на пошлой и вульгарной женщинѣ—сталъ постепенно падать со ступеньки на ступеньку: сперва бѣжалъ отъ своего дома къ разнымъ развратницамъ и развратникамъ въ притоны разгула, потомъ сталъ запутываться въ долгахъ, то скрывая ихъ отъ безцеремонной въ своемъ гнѣвѣ жены, то бушуя съ нею, чтобы заставить ее силой платить эти долги; затѣмъ попался на удочку людей, ловящихъ рыбу въ мутной водѣ, и пошелъ по скользкому пути поправлять матеріальныя обстоятельства всякими незаконными средствами. Это была одна изъ тѣхъ исторій, которыя нерѣдко повторяются въ обществѣ, которыя крайне поучительны. Но, къ сожалѣнію, общество не умѣетъ пользоваться уроками. Никому не было дѣла до того, что переживалъ въ теченіе всей жизни преступникъ; всѣмъ была только отвратительна его вина.

Это не прошло даромъ и для его сына. Николай Петровичъ сразу почувствовалъ, что онъ стоитъ въ двусмысленномъ положеніи: одни какъ бы чувствовали себя неловко въ его присутствіи, не зная, нужно ли выражать ему сочувствіе, или необходимо упорно молчать объ его отцѣ; другіе смотрѣли на него подозрительно, точно думая про себя: «да и ты, братъ, можетъ-быть, такой же гусь, яблоко недалеко укатывается отъ яблони», и въ душѣ соображали, сколько

денегъ успѣлъ передать ему заблаговременно отецъ; третьи избрали самый вѣрный путь, просто перестали узнавать сына этого «мошенника», какъ стали уже называть вездѣ покойнаго Петра Петровича. Не могло поправить или улучшить этихъ отношеній общества къ Николаю Петровичу и поведеніе его матери. Ее всегда всѣ считали пустою и легкомысленною женщиной и относились только снисходительно къ ней, покуда она могла швырять направо и налѣво деньги, ради которыхъ когда-то и женился на ней Мирзоевъ-Сокольниковъ. Теперь же она сразу стала вызывать всеобщее презрѣніе, не понимая, что ей нужно стушеваться и не лѣзть ни къ кому на глаза хоть на-время, когда успѣетъ все забыться. Она же съ безтактностью неразвитой и невоспитанной личности, которую теперь некому было останавливать и учить на каждомъ шагу, напротивъ того, врывалась ко всѣмъ въ дома съ жалобами на покойнаго мужа, женившагося на ней ради ея денегъ, разорившагося и опозорившаго ее, съ объясненіями, что ея сынъ виноватъ въ ихъ гибели, такъ какъ онъ отказался сдѣлать во-время приличную партію, взять невѣсту съ деньгами и женился на «нищей»—женился, такъ какъ долженъ былъ «прикрыть грѣхъ». Она не имѣла понятія о правилѣ, что «грязное бѣлье нужно стирать дома», и раскрывала передъ всѣми закулисныя тайны семейной грязи. Въ обществѣ дѣлается много позорнаго, безчестнаго, преступнаго, но глупая откровенность въ этихъ случаяхъ допускается менѣе всего. Всѣ возмущались этой женщиной, желавшей сдѣлать аферу изъ женитьбы сына; всѣ возмущались этой семьей, обсуждавшей эту аферу; всѣ возмущались и пожимали брезгливо плечами, говоря о нравственности этого сына, который прикидывался такимъ безупречнымъ молодымъ человѣкомъ; всѣ возмущались и этой молодой дѣвушкой-авантюристкой, которая пропадала Богъ-вѣсть гдѣ за границею лѣтъ шесть и тотчасъ по возвращеніи въ Россію сошлась съ первымъ встрѣчнымъ; вѣроятно, у нея и тамъ были романы. Однимъ словомъ, всѣ возмущались тѣмъ, что творится ими самими ежедневно, но насчетъ чего откровенничать могутъ только такія невѣжественныя и глупыя личности, какъ Варвара Михайловна, «дочь какого-то лабазника или откупщика»—ее иначе теперь не называли, точно стараясь глумленіемъ надъ ней вознаградить себя за былыя униженія передъ ней. Впрочемъ, она и точно заслуживала презрѣнія: можно сказать положительно, что если Петръ Петровичъ Мирзоевъ-Сокольниковъ наложилъ пятно

на свою фамилію, то Варвара Михайловна постаралась растереть это пятно и со всѣхъ сторонъ замазать грязью эту фамилію и доказать всѣмъ и каждому, что всѣ они такіе, эти Мирзоевы-Сокольниковы.

«И изъ-за этого-то наслѣдія, изъ-за доставленія его тебѣ, такъ терзался и бился я!» съ горечью думалъ Николай Петровичъ, бережно раздѣвая сынишку, окончательно уснувшаго на его турецкомъ диванѣ. «Далъ подлое имя, далъ чуть не ненавидящую тебя мать...»

Онъ поднялъ продолжавшаго спать, уже совсѣмъ раздѣтаго имъ ребенка и, какъ куколку, покрывая его поцѣлуями, снесъ его на маленькую кроватку, стоявшую въ той же комнатѣ. Положивъ тихонько на постель и закрывъ его одѣяльцемъ, онъ долго смотрѣлъ на него. Въ этомъ крошечномъ существѣ теперь была вся его жизнь. Онъ ясно сознавалъ это. Не будь этого малютки и ему не для чего будетъ жить. А жена? Что ему жена! Онъ давно сталъ для нея чужимъ! И Богъ вѣсть, было ли когда-нибудь время, когда бы онъ не былъ ей чужимъ! Что ихъ свело? Случайно проснувшіеся животные инстинкты. Тутъ не было ни духовнаго родства, ни сходства характеровъ, ни общности вкусовъ и привычекъ. Теперь же прошли даже животныя чувства: она боится вторично быть матерью, онъ былъ бы несчастливъ, если бы былъ причиною появленія на свѣтъ еще одного Мирзоева-Сокольникова. Они теперь похожи на арестантовъ, скованныхъ другъ съ другомъ случайно и чуждыхъ другъ другу, мѣшающихъ другъ другу. Правда, ей не все равно, существуетъ онъ или нѣтъ. Онъ усмѣхнулся горькой усмѣшкой, отходя отъ сына.

— Да, ей не все равно: пока я живъ—у нея есть кусокъ хлѣба!

А внутри его какой-то голосъ задалъ роковой вопросъ:

— Но развѣ у нея прежде не было куска хлѣба, тогда, когда ты заставилъ ее выйти за тебя замужъ?

Николай Петровичъ стиснулъ зубы, точно отъ физической боли... Ему вспомнилось, какъ часто упрекала она его за то, что онъ лишилъ ее пенсіи, лишилъ ее «своихъ собственныхъ средствъ».

IX.

Былъ еще довольно ранній часъ утра.

Николай Петровичъ, вставшій рано, сидѣлъ уже давно въ столовой со своимъ сынишкой и, по обыкновенію, самъ

разливалъ себѣ и ему чай. Софья Даниловна еще не выходила изъ своей спальни. Дни для нея и безъ того тянулись очень вяло и медленно, а потому приходилось искусственно сокращать ихъ, вставая попозже.

— А вчера была у насъ дама...—болталъ сынишка.—«Я, говоритъ, бабушка»... Что такое бабушка, папа?..

Николай Петровичъ видимо встревожился.

— Что ты болтаешь, Петруша?—спросилъ онъ.—Какая бабушка?

— Я же тебѣ говорю: дама,—пояснилъ мальчуганъ:—толстая-толстая такая дама... «Ты, говоритъ, внукъ, а я бабушка»...

— Не пойму я тебя,—сказалъ Николай Петровичъ.

— Ахъ, какой ты безтолковый!—сказалъ сынишка, качая, какъ взрослый, головенкой, и сталъ опять объяснять:—Пришла дама—толстая дама и говоритъ: «Я бабушка»...

Николаю Петровичу не хотѣлось понимать, не вѣрилось что то, что говоритъ Петушокъ, было не выдумкой, а правдой. У его жены мать умерла давно.

Его же мать, слава Богу, жила за полторы тысячи верстъ у своего брата, провинціальнаго коммерсанта. Неужели же Варвара Михайловна могла пріѣхать въ Петербургъ? Зачѣмъ?—на какія средства?—надолго ли? Вѣдь у нея нѣтъ никакихъ средствъ? Онъ недоумѣвалъ...

— Да этого никто и не поймет,—раздался раздражительный голосъ вошедшей въ комнату Софьи Даниловны, уловившей послѣднія слова мужа, обращенныя къ сыну.—Жить на всемъ готовомъ и поссориться... Пріѣхать сюда голодать, на чужую шею сѣсть...

— Варвара Михайловна пріѣхала?—спросилъ сдержанно Николай Петровичъ.

— Разумѣется, не моя же мать встала изъ гроба, а ваша бросила своихъ родныхъ и провинцію и прибыла сюда,—отвѣтила Софья Даниловна и сѣла къ столу.—Только я впередъ говорю вамъ, что жить съ нею я не намѣрена. Довольно съ меня и того, что я терплю и терпѣла до сихъ поръ.

Она уже давно привыкла начинать каждый разговоръ тѣмъ повышеннымъ тономъ, которымъ какъ бы объявлялась сразу домашняя война.

— Зачѣмъ ты волнуешь себя безъ всякихъ причинъ?—спокойно остановилъ ее Николай Петровичъ.—Никто и не подумаетъ поселить ее здѣсь. Это было бы нелѣпо.

Д[illegible] я [illegible] этого. Я говорю, что я и без[illegible] [illegible] и терпѣла,—продолжала волнуясь Софья Д[illegible] Вы говорите, что я волнуюсь безъ [illegible] какъ [illegible] А вы думаете, мнѣ было пріятно[illegible] [illegible] должно было начаться сейчасъ же [illegible] [illegible] малолѣтнихъ.

Не [illegible] бы играть, —посовѣтовалъ Николай Петровичъ [illegible] и когда сынъ подбѣжалъ играть [illegible] мелкимъ [illegible]—Неужели [illegible]

Ахъ, Боже мой, я не истуканъ каменный, чтобы [illegible] время для раздраженія: собравшись [illegible] или пасть въ обморокъ [illegible] и упреками!—отвѣчала Софья Да[illegible] Я не могу быть спокойн[illegible] [illegible] я съ улицы пришлая чужая [illegible] отбить меня, какъ кухарка кухар[illegible] что она *сама* мать. Он[illegible] [illegible] чтобы отравить жизнь, чтобы [illegible] чуть не въ могилу...

Ты [illegible], что и мнѣ этотъ пріѣздъ не можетъ [illegible] пріятенъ, сказалъ Николай Петровичъ.

Ахъ, [illegible] вы ради родственныхъ связей [illegible] продолжала жена [illegible] въ чужомъ пиру похмелье, провинившись [illegible] исполнить вашъ капризъ...

Онъ зналъ, что этимъ «его капризомъ» она называ[illegible] женитьбу на ней.

Если бы онъ рѣшился напомнить ей, что эта жен[illegible] [illegible] сына, она сказала бы:

«Ради того, чтобы онъ носилъ опозоренную фамил[illegible]

Если бы онъ возразилъ ей, что, женясь на ней [illegible] сына, онъ еще не зналъ о преступленіяхъ [illegible], она отвѣтила бы ему:

«Но ради этихъ преступленій вы вышли изъ свое[illegible] знакомыхъ, вы держите меня чуть не въ одиночномъ заключеніи, вы лишили меня своей женитьбой—права [illegible] лученіе пенсіи и теперь у меня нѣтъ своего гроша...

Въ три-четыре года своей супружеской жизни он[illegible] навыкъ, какіе отвѣты онъ получитъ на тѣ или [illegible] оправданія себя, и считалъ за лучшее больше молчать [illegible] возражать. Онъ никакъ не подозрѣвалъ того, что это [illegible] подливало въ огонь масла: сперва между мужемъ и [illegible]

были мелкіе споры, мелкія ссоры, мелкія размолвки—съ результатомъ бабьяго утѣшенія—слезъ и истерикъ; потомъ, мало-по-малу, явились въ ней чувства затаенной ненависти, молчаливой ярости, вызывавшихся его молчаніемъ и ея собственнымъ сознаніемъ, что онъ молчитъ изъ презрѣнія къ ней, не считая ее достойной возраженій и споровъ! Еще бы ему не презирать ее: онъ гордится своимъ подвигомъ, своей женитьбой на ней. Она въ его глазахъ пустая и легкомысленная бабенка, и онъ свысока третируетъ ее—ее, которая еще недавно такъ подтрунивала надъ нимъ, надъ всѣми знакомыми. Гдѣ же ея бойкость, ея развязность, ея смѣхъ?... Софья Даниловна стала вообще неузнаваема: отъ ея безпечнаго своеволія, отъ ея задорной насмѣшливости не было и слѣда, въ характерѣ явилась мрачная ожесточенность, вѣчное раздраженіе на то, что ей связали руки и ноги, обрѣзали крылья, преградили выходъ на свободу, поставивъ ее безъ гроша...

Уже не слушая ея жалобъ на свою судьбу, Николай Петровичъ задумался насчетъ пріѣзда матери: если онъ былъ связанъ «веревочкой» съ женою, то такъ же связанъ былъ онъ и съ матерью. Правда, она отреклась отъ него, зная о его рѣшеніи жениться, и послѣ смерти своего мужа въ теченіе трехъ-четырехъ лѣтъ она почти не тревожила сына, жила гдѣ-то въ провинціи у богатаго брата. Но теперь—зачѣмъ и для чего пріѣхала она въ Петербургъ?

Наскоро узнавъ у жены, гдѣ остановилась мать, онъ поспѣшилъ къ ней передъ отправленіемъ на должность.

Варвара Михайловна, какъ оказалось, остановилась въ довольно дорогомъ номерѣ одной изъ лучшихъ гостиницъ. При первомъ появленіи въ ея номеръ сына началась сцена.

— Скажите, соблаговолилъ пріѣхать!—воскликнула мать.— Я даже и не предполагала, что тебѣ скажутъ о моемъ пріѣздѣ. Твоя жена, какъ собаку, меня приняла. Нечего сказать, хороша невѣстушка...

— Скажите, вы по дѣламъ сюда пріѣхали?—спросилъ онъ, не слушая ея жалобъ.

— Жить пріѣхала,—отвѣтила она коротко.—Слава Богу, четыре года, обливаясь слезами, чужой хлѣбъ ѣла. Совсѣмъ онъ!

— Вы же у дяди жили, у своего брата.

— Да развѣ братъ сестру обязанъ кормить?—возразила Варвара Михайловна.—Я у моего-то и году не выжила. Внучишка-то его тоже золото, поѣдомъ заѣла: «что, моль,

благородный-то мужъ рубашку послѣднюю снялъ, такъ къ намъ, мужикамъ, пришли тѣло нагуливать?..» Отъ одного срама этого бѣжала я... Въ трехъ монастыряхъ я послѣ братца милаго успѣла побывать. У двухъ подругъ старыхъ по мѣсяцу гостила. Да, безъ денегъ-то человѣкъ никому не нуженъ...

Николай Петровичъ выслушалъ цѣлую эпопею скитаній своей матери. Она и у брата жила и поссорилась съ женой послѣдняго; и въ одномъ монастырѣ взялась грамотѣ дѣтей обучать; и получила гдѣ-то мѣсто начальницы пріюта солдатскихъ сиротъ; и въ компаніонки къ какой-то «содержанкѣ» пристраивалась; однимъ словомъ, въ четыре года прошла всѣ мытарства, какія можетъ пройти ничего основательно не знающая обнищавшая барыня изъ эманципированныхъ кунчихъ, попавшихъ въ дворянство.

Это ты меня до всего довелъ,— закончила она. —Полы готова была я мыть, лишь бы твоей шлюхѣ не кланяться.

Она была еще вульгарнѣе, чѣмъ прежде, потому что прежде на каждомъ шагу ее останавливалъ, какъ ментеръ, краснѣвшій за нее мужъ, да и сама она считала нужнымъ играть извѣстную роль вороны въ павлиньихъ перьяхъ на житейской сценѣ, иногда даже пересаливая въ стремленіи разыграть чопорную барыню, теперь же она чувствовала себя какъ бы за кулисами этой житейской сцены и могла быть по праву сама собой, находила это даже болѣе удобнымъ, какъ человѣкъ, сбросившій тѣсные бальные сапоги и оставшійся по-домашнему въ стоптанныхъ туфляхъ.

X.

Варвара Михайловна принадлежала къ числу людей, никогда не думающихъ о послѣдствіяхъ своихъ поступковъ и дѣлающихъ все, какъ Богъ на душу положитъ. Этого сорта люди, даже будучи не злыми по натурѣ, часто бываютъ опаснѣе отъявленныхъ злодѣевъ и мошенниковъ по призванію, такъ какъ противъ нихъ трудно принять предохранительныя мѣры да и они сами не знаютъ, какъ и что сдѣлаютъ черезъ минуту. Къ несчастію, именно такого рода люди чаще всего встрѣчаются въ обществѣ и особенно много ихъ встрѣчается среди малоразвитыхъ женщинъ. Уже первый шагъ Варвары Михайловны по ея пріѣздѣ въ Петербургъ не обѣщалъ ничего хорошаго въ будущемъ и говорилъ ясно о томъ, что четыре года полнаго разоренія и скитанія по чужимъ домамъ не научили ее ровно ничему: имѣя въ

карманѣ какихъ-нибудь двадцать—двадцать пять рублей, она остановилась въ дорогомъ номерѣ хорошей гостиницы, рискуя остаться безъ гроша черезъ день или два.

На что надѣялась она въ Петербургѣ? На поддержку сына. На эту мысль ее навела случайно какая-то приживалка, услышавшая ея жалобы на то, что ей послѣ богатства приходится мыкаться по чужимъ людямъ, и замѣтившая ей, что сынъ обязанъ кормить мать, что и по закону такъ полагается. «Это ужъ завсегда такъ; на то и дѣти, чтобъ родителевъ кормить». При этомъ приживалка пустилась въ разсужденіе о томъ, что если бы такъ-то дать дѣтямъ волю—и не слушайся, молъ, родителевъ, и не корми мать,—то тогда и на свѣтѣ было бы нельзя жить. Ну, сердится она, Варвара Михайловна, на него за самовольный бракъ,—это ея дѣло, а кормить ее все-таки онъ долженъ—это его сыновняя обязанность. Воспротивится—его и судомъ принудить можно. Подъ вліяніемъ этихъ назидательныхъ словъ, въ головѣ Мирзоевой-Сокольниковой засѣла мысль о томъ, что ей и точно надо жить на счетъ сына, а «не трепаться по чужимъ людямъ», какъ она выражалась сама. Тутъ сказалась въ ея характерѣ та черта, которою пользовался нерѣдко покойный Петръ Петровичъ, знавшій хорошо, что его жену легче всего «наводить на тѣ или другія мысли». Но содержать мать Николаю Петровичу—это значило окончательно разориться, влѣзть въ петлю. Съ перваго же мѣсяца оказалось, что на пятьдесятъ рублей въ мѣсяцъ она не можетъ просуществовать. Развѣ на такія деньги она жила прежде? Она не привыкла каждую копейку считать. Она не нищею росла. И въ приданое принесла не какіе-нибудь гроши. Ее разорилъ его отецъ, отецъ Николая Петровича. Въ своей своеобразной логикѣ она даже забывала то, что Петръ Петровичъ, прежде чѣмъ сдѣлаться отцомъ Николая Петровича, былъ выбранъ въ мужья ею самою, и на каждомъ словѣ упрекала сына:

— Этимъ всѣмъ я вашему отцу обязана, это онъ пустилъ меня по-міру. Не хотите ли вы докончить его дѣло и уморить меня съ голоду?

Разъяснять что-нибудь подобной женщинѣ было невозможно, надо было только молчать и давать деньги. Сколько давать? — этого не могли опредѣлить впередъ ни она, ни онъ...

Николай Петровичъ понялъ это и навалилъ на себя всякія постороннія работы, только бы имѣть возможность отда-

нать хоть какіе-нибудь лишніе гроши ей. Но чѣмъ больше давалось ей, тѣмъ больше тратилось ею, тѣмъ чаще повторялась фраза о томъ, что ее, когда-то богатую, мужъ пустилъ по-міру, а сынъ морить съ голоду. Какъ это всегда бываетъ, слушательницъ и соболѣзнующихъ черносалошницъ нашлось не мало. Сыну-извергу перемывались бока на всѣ лады. Заодно судачили и про Софью Даниловну, которая будто бы навязалась на шею мужу и грабитъ его...

— Скажите, пожалуйста, ваша мать очень нуждается?— спросилъ Николая Петровича неожиданно одинъ изъ его начальниковъ, и въ его голосѣ послышалась брезгливость.

Этотъ начальникъ, князь Туровъ, когда-то хорошо зналъ всю семью Мирзоевыхъ-Сокольниковыхъ и былъ не мало скандализованъ, когда открылись продѣлки покойнаго Петра Петровича, «человѣка изъ ихъ круга». Одно время князь даже подумывалъ удалить со службы Николая Петровича ради его компрометирующей порядочныхъ людей фамиліи, ради избѣжанія вѣчныхъ вопросовъ: «это вѣдь, конечно, не изъ тѣхъ Мирзоевыхъ-Сокольниковыхъ?» «Изъ тѣхъ» обозначало «изъ мошенниковъ». Если князь и оставилъ его на мѣстѣ, то только ради его репутаціи отличнаго работника.

— Да, у нея нѣтъ никакихъ средствъ, но я поддерживаю ее, отвѣтилъ Николай Петровичъ, недоумѣвая, почему этотъ баринъ вспомнилъ о его матери, которую въ свѣтѣ давно постарались забыть.

— Да—поддерживаете?—проговорилъ начальникъ, какъ-то особенно взглянувъ на него.—Вѣроятно, недостаточно. Она заходила сюда справиться, много ли вы получаете и нельзя ли васъ обязать содержать ее, какъ прилично ея званію.

По губамъ князя при этихъ словахъ скользнула ироническая улыбка. Ему казалось нелѣпымъ и смѣшнымъ, что она проситъ содержать ее «согласно ея званію». Какому? Званію какой-то разбогатѣвшей купеческой дочери? Званію вдовы мошенника?

— Я вамъ посовѣтую разъяснить ей, что жалобы на васъ не могутъ быть особенно пріятны ни начальству, ни вамъ,— сухо закончилъ князь, брезгливо относившійся ко всякимъ мѣщанскимъ дрязгамъ. — Вообще семейныя отношенія и дрязги не слѣдуетъ доводить до свѣдѣнія начальства.

— Я самъ это отлично знаю, князь,—раздражился Николай Петровичъ, блѣднѣя.

— Въ такомъ случаѣ вы должны внушить это и вашимъ

домашнимъ,—еще болѣе сухо замѣтилъ старикъ, отпуская его.—Это вашъ долгъ!...

Внушить! Внушить! Хорошо говорить это, не зная вполнѣ того, кому совѣтуютъ внушать. Помѣщица Коробочка не понимала, какъ можно продавать мертвыя души, но она все-таки отлично понимала, что можно продать пеньку и свиное сало. Варвара Михайловна не поняла бы и этого. Когда, раздраженный бесѣдою съ княземъ, Николай Петровичъ, несмотря на всю свою нелюбовь къ объясненіямъ, замѣтилъ матери:

— Какъ вамъ не стыдно было ходить къ князю съ жалобой на меня!

Она равнодушно отвѣтила:

— А-а, призывали, значитъ, тебя! Говорили! Что-жъ, если матери не слушаешь, такъ начальству покоришься! Ты думаешь, я могу жить на какіе-нибудь гроши. Я не такъ воспитана...

— Вы можете добиться того, что я буду не въ состояніи вамъ давать и этихъ грошей, когда вы доведете до того, что меня ради вашихъ жалобъ уволятъ со службы, — сказалъ онъ. — Или вы думаете, что начальству пріятно держать служащихъ, на которыхъ ходятъ жаловаться ихъ родственницы?

— Ну, ужъ пріятно или не пріятно, а все же теперь знаютъ, что ты родную мать моришь голодомъ... Не по-міру же мнѣ ходить при взросломъ и служащемъ сынѣ... Ты бы лучше своей супругѣ хвосты-то обрѣзалъ, чѣмъ мать держать впроголодь...

«Противъ глупости борются напрасно сами боги», сказалъ поэтъ, и именно это ощущалъ Николай Петровичъ, стоя лицомъ къ лицу съ матерью. Но что же будетъ дальше? Гдѣ исходъ? О, ни на минуту не задумался бы онъ наложить на себя руки, какъ сдѣлалъ его отецъ, если бы у него не было его Петруши, если бы онъ не считалъ себя обязаннымъ поддерживать жену, которая, еще не будучи его женою, могла существовать безбѣдно. Бросить на произволъ судьбы ребенка не позволяла ему отчасти горячая, сердечная привязанность къ этому ребенку; бросить безъ помощи, безъ гроша жену не позволяла ему чисто разсудочная честность.

XI

Бывали, однако, минуты, когда Николай Петровичъ останавливался надъ вопросомъ:

— Ну, а если бы не стало Петруши, сталъ ли бы я поддерживать жену, не бросилъ ли бы я ее на произволъ судьбы?

И онъ приходилъ къ одному горькому выводу:

— Да, бросилъ бы!

То-есть сдѣлалъ бы подлость по отношенію къ ней? Ему становилось жутко, тѣмъ не менѣе онъ сознавалъ, что онъ поступилъ бы именно такъ: освободилъ бы себя и отъ жены, и отъ матери самоубійствомъ...

Онъ только теперь понялъ, что никогда и ничто не связывало его и жену нравственно, духовно. Они сошлись, какъ падшіе люди сходятся вечеромъ, на улицѣ, по-скотски, чтобы разойтись навсегда утромъ. Скрѣпила ихъ связь случайность, которую встрѣтила съ проклятіями она и которую онъ встрѣтилъ въ свою очередь съ испугомъ. Эта случайность—былъ ребенокъ. Муки, перенесенныя при рожденіи этого ребенка, бракъ ради его рожденія, лишившій мать прежней свободы, внезапное измѣненіе положенія мужа въ обществѣ послѣ самоубійства старика Мирзоева-Сокольникова,—все это вмѣстѣ оттолкнуло мать отъ ребенка, какъ отъ существа, съ котораго начались всѣ ея бѣды, и произвело полное охлажденіе къ мужу.

Сперва Софью Даниловну мало интересовали странности въ характерѣ Николая Петровича, ей было смѣшно, что онъ, несмотря на свою молодость и красоту, такой дикарь, и она старалась растормошить его. Теперь ее ужасало, когда она увидала, что эти дикость и нелюдимость въ характерѣ мужа, не знавшаго никогда ни нѣжныхъ чувствъ, ни ласкъ, ни любви, еще болѣе укрѣпились подъ вліяніемъ обстоятельствъ и онъ получилъ право говорить, что имъ надо жить скромно не потому, что онъ «не любитъ» общества, а потому, что они «должны» быть скромными, не идти по дорогѣ его родителей. Мало-по-малу, они увидали, что они живутъ подъ одной кровлей только потому, что она иначе не имѣла бы средствъ къ существованію, что она считаетъ его обязаннымъ кормить ее и что онъ тоже признаетъ это. Но до пріѣзда Варвары Михайловны отношенія мужа и жены были наружно только холодны, раздраженія проявлялись только изрѣдка со стороны жены; съ пріѣздомъ же Варвары Михайловны раздраженіе Софьи Даниловны стало обычнымъ ея настроеніемъ, проявлялось въ каждомъ разговорѣ.

— Мы во всемъ обрѣзаемъ себя. Это, наконецъ, нестерпимо,—говорила она послѣ обѣда. — Я и такъ никогда не

выѣзжаю, а теперь я даже не могу посѣщать театра, этого послѣдняго своего развлеченія.

— Тысячи, милліоны людей не посѣщаютъ театровъ и не умираютъ отъ этого,—сдержанно отвѣтилъ Николай Петровичъ.

Онъ давно пришелъ къ убѣжденію, что именно эти-то балы, раугы и театры и доводятъ сперва до долговъ, потомъ до всякихъ подлостей. Самъ онъ не привыкъ къ выѣздамъ и потому не скучалъ безъ нихъ.

— Да, но я привыкла вести иную жизнь и вовсе не желаю лишать себя удовольствій ради вашей матери. Вы знаете, что я могла бы жить безбѣдно до конца своей жизни, если бы вы не вздумали исковеркать этой жизни.

— Ты знаешь, ради чего искеверкана, какъ ты выражаешься, твоя жизнь,—возразилъ мужъ.

— Ради ребенка—такъ, я согласна. Хотя нашъ ребенокъ едва ли будетъ счастливѣе отъ того, что онъ сдѣланъ законнымъ... Но мы не изъ-за него лишаемъ себя всего. Сперва вы стали жить взаперти ради скандала, сдѣланнаго вашимъ отцомъ... А теперь ради чего вы не исполняете моихъ привычекъ, ломаете строй моей жизни? Ради того, что ваша мать промотала все и сѣла вамъ на шею? Что мнѣ она? Чужая и притомъ взбалмошная женщина, ненавидящая меня. Да этого мало, что ради нея я терплю извѣстныя лишенія,—она врывается въ нашъ домъ...

— Ты можешь не выходить къ ней... она говоритъ, что она ради Петруши приходитъ.

— Такъ посылайте его къ ней, чтобы она не являлась сюда.

— Ты знаешь, я не люблю, чтобы онъ ходилъ куда-нибудь въ гости безъ меня,—коротко отвѣтилъ Николай Петровичъ.

— О, зачѣмъ эта вѣчная ложь? Нѣтъ, ты просто боишься вліянія этой взбалмошной женщины на твоего сына,—угадывала она мысли мужа и, какъ всегда, злорадно обличала его.—За сына ты боишься, но тебѣ все равно, что должна выносить я во время ея посѣщеній. Она или врывается ко мнѣ и дѣлаетъ мнѣ сцены, или разспрашиваетъ обо всемъ прислугу, дѣлаетъ сплетни, разсказываетъ простой бабѣ всю нашу подноготную.

Онъ зналъ, что все это правда, что тутъ нѣтъ преувеличеній, и молчалъ. Онъ не могъ сдѣлать вульгарную мать благовоспитанной по отношенію къ его женѣ; жестокосерд-

ную жену онъ не могъ сдѣлать снисходительной по отношенію къ ней. Онъ стоялъ между двухъ огней, не видя ни спасенія, ни исхода. И хуже всего было то, что онъ не любилъ ни жену, ни мать. Впереди же стояли еще, быть-можетъ, многіе и многіе годы такой жизни... Ихъ могла развязать, освободить, спасти одна смерть.

О, если бы не Петруша!..

XII.

— А сегодня у насъ бабушка была... Ужъ она бранила, бранила маму! — нараспѣвъ разсказывалъ Петруша только-что возвратившемуся съ портфелемъ подъ мышкою со службы Николаю Петровичу. «Вы, говоритъ, навязались моему сыну на шею»... А мама говоритъ...

— Полно, Петруша! — остановилъ его Николай Петровичъ, еще не совсѣмъ хорошо понимая болтовню сына, еще озабоченный дѣловыми соображеніями. — Бабушка и мама были чѣмъ-нибудь недовольны и погорячились... Не надо слушать дѣтямъ, когда взрослые...

— «Вы,—говоритъ бабушка,—шлялись Богъ-вѣсть гдѣ по заграницамъ»,—продолжалъ разсказывать болтливый мальчуганъ, совсѣмъ не слушая отца. — Что значитъ, папа, «шляться по заграницамъ»?.. «Путались», говоритъ...

— Петруша, довольно! уже болѣе рѣзко сказалъ Николай Петровичъ, теряя терпѣніе и переставъ разбирать бумаги, только-что вынутыя имъ изъ портфеля.—Что у тебя за скверная привычка все, что ты слышалъ, передавать?

Николая Петровича съ нѣкоторыхъ поръ начинало сильно безпокоить то, что его уже подраставшій мальчикъ каждый разъ передавалъ ему какую-нибудь грязную сцену, происходившую въ отсутствіи отца или между кухаркой и Софьей Даниловной, или между послѣдней и Варварой Михайловной.

— Татьяна тоже говоритъ, что мама по заграницамъ шлялась,—продолжалъ настойчиво мальчуганъ.—Она, какъ мама накричитъ на нее...

— Петруша,—пригрозилъ отецъ:—я тебѣ разъ и навсегда сказалъ, что ты не долженъ бѣгать въ кухню, не долженъ болтать пустяковъ, не долженъ...

— Ишь ты какой ловкій! — перебилъ его вызывающимъ тономъ мальчуганъ и сдѣлалъ конвульсивную гримасу. — Такъ и сиди я одинъ цѣлые дни. Нѣтъ, ужъ это покорно благодарю! Тоже что выдумалъ!

Николай Петровичъ широко открылъ глаза, смотря на

сына. Его поразило что-то вульгарное въ его тонѣ, поразила пошлость выраженій, поразило это гримасничанье. Мальчикъ же, не обращая вниманія на изумленіе отца, продолжалъ:

— Мама вотъ тоже ругаетъ Татьяну: «Ты, говоритъ, солдатъ водишь къ себѣ», а Татьяна...

— Замолчи!—оборвалъ его отецъ, почти крикнувъ.

— Да, ты только и знаешь, что кричать на всѣхъ, — огрызнулся мальчуганъ, и опять его лицо исказилось гримасой.—Недаромъ про тебя всѣ говорятъ...

— Петруша! Петруша!—почти съ отчаяніемъ воскликнулъ Николай Петровичъ упавшимъ голосомъ, какъ бы боясь дослушать слова сына.

— Что: «Петруша! Петруша!»—передразнилъ его сынъ, гримасничая.—Мама правду говоритъ про тебя. И бабушка тоже... И Татьяна... Всѣ говорятъ, какой ты гусь!..

Николай Петровичъ растерялся и онѣмѣлъ. Передъ нимъ разомъ развернулась какая-то страшная пропасть. До этой минуты онъ иногда мягко и даже шутливо останавливалъ мальчика: «не болтай такъ много!» «Не надо, Петруша, гримасничать!» «Не ходи въ кухню!» Но серьезнаго значенія ничему этому не придавалось. Теперь у Николая Петровича точно повязка съ глазъ упала. Среди какихъ же вліяній росъ мальчикъ? Можно ли было уберечь его отъ этихъ вліяній? Какъ же мальчику не бѣгать въ кухню, когда онъ почти весь день остается одинъ? Отецъ ребенка то въ должности, то на какихъ-то вечернихъ занятіяхъ, то за домашней срочной работой; мать ребенка старается бѣжать изъ дому, чтобы не встрѣчаться съ заходящею къ нимъ бабкой ребенка: сперва она рѣдко выходила изъ дома, потомъ стала все чаще и чаще спасаться отъ одиночества, отъ встрѣчъ со свекровью и, наконецъ, втянулась въ это шлянье безъ цѣли по магазинамъ, по гостямъ, по какимъ-то ненужнымъ для нея выставкамъ, похоронамъ, чтеніямъ, лекціямъ. Поневолѣ ребенокъ говоритъ съ прислугой, которая не уважаетъ барыню уже потому, что барыня неумѣлая, что эту барыню ругаетъ безцеремонно мать ея мужа, приходящая отъ бездѣлья въ домъ сына и сплетничающая съ прислугой. Въ послѣдніе годы эта страсть къ сплетнѣ развилась въ ребенкѣ до поразительныхъ размѣровъ: онъ словно вознаграждалъ себя за долгіе часы молчанія и одиночества усиленною болтовнею съ отцомъ при возвращеніи послѣдняго со службы; сперва это была простая невинная

болтовня, и только мало-по-малу она перешла въ страсть къ сплетнѣ, такъ какъ другой пищи для дѣтской болтовни не было. Ребенокъ слышалъ и перебранки бабки, матери и кухарки, онъ зналъ и то, зачѣмъ ходитъ солдатъ къ кухаркѣ; онъ не безъ любопытства слѣдилъ за всѣми перипетіями семейно-кухонной грязи. Этотъ порокъ сына сталъ вполнѣ ясенъ теперь Николаю Петровичу. Но откуда у ребенка являлась эта привычка гримасничать, подергивать головой? У него положительно дѣлается что-то въ родѣ судорогъ на лицѣ, нѣчто похожее на пляску св. Витта? Не начало ли это какой-нибудь болѣзни? Господи, что же съ нимъ будетъ дальше? Нужно скорѣй, скорѣй отдать его куда-нибудь на полный пансіонъ.

Спасать ребенка отъ собственной семьи отдачею въ чужія руки, въ невѣдомую среду невѣдомыхъ сверстниковъ! Не привьютъ ли тамъ къ нему еще болѣе дурныхъ привычекъ и скверныхъ чертъ въ характерѣ? Эти мысли терзали Николая Петровича... Неужели онъ сдѣлалъ закоснымъ этого ребенка только затѣмъ, чтобы вырастить изъ него негодяя: «Въ дѣдушку пошелъ», будутъ говорить люди.

XIII.

Для Николая Петровича настало время тяжелаго колебанія.

Онъ положительно не зналъ, что дѣлать съ мальчикомъ, продолжать ли его держать дома или отдать куда-нибудь на полный пансіонъ? Ему было жаль разстаться сразу съ любимымъ сыномъ, единственнымъ его утѣшеніемъ въ прошломъ,— и онъ оттягивалъ отдачу ребенка пансіонеромъ куда-нибудь, говоря себѣ, что мелкіе недостатки мальчика можно исподволь исправить дома, что онъ и недостаточно еще подготовленъ для школы, такъ какъ мать занимается съ ребенкомъ всего какихъ-нибудь два часа утромъ и то небрежно, а самъ онъ, Николай Петровичъ, можетъ ему удѣлять по вечерамъ еще менѣе времени на уроки. Всѣми силами онъ старался увѣрить себя, что недостатки ребенка незначительны, что всѣ дѣти этого возраста отличаются тѣми же шалостями и дурными привычками...

Однако, колебанія должны были скоро окончиться.

Разъ Николай Петровичъ вернулся домой и услышалъ изъ передней цѣлую бурю, происходившую въ столовой.

— Не смѣй, не смѣй, негодный мальчишка, мнѣ угрожать!—кричала Софья Даниловна.

— А вотъ пожалуюсь, пожалуюсь папѣ, тогда и узнаешь!— кричалъ Петруша, топая ногами.—Бабушка правду про тебя говоритъ, что ты...

— Молчи, молчи, дрянь!—кричала мать.

— Ты сама дрянь!—кричалъ сынъ.

— Вотъ я тебѣ уши надеру!

— Только смѣй!

Николай Петровичъ почти вбѣжалъ въ комнату. Онъ схватилъ Петрушу за руку и крѣпко стиснулъ ее, взглянувъ съ упрекомъ на жену.

— Это что за крики?—спросилъ онъ.

— Этотъ негодный мальчишка...—начала мать.

— Вотъ я все разскажу отцу!—крикнулъ съ свою очередь сынъ.

На Николая Петровича полились разомъ жалобы сына и жены. Они, какъ безумные, кричали, перебивая другъ друга. Николай Петровичъ взялъ бушевавшаго и бившагося въ его рукахъ сына и силой отвелъ въ свою комнату, которую заперъ на ключъ. Потомъ онъ, тяжело дыша отъ волненія, вернулся въ столовую и спросилъ жену, что случилось, сурово упрекнувъ ее за неумѣнье обращаться съ мальчикомъ. Она сразу загорячилась и, повидимому, рѣшилась высказать все, что накипѣло въ душѣ за многіе годы. Передъ Николаемъ Петровичемъ развернулась цѣлая картина семейнаго ада. Не было такихъ черныхъ красокъ, которыми не обрисовала бы мать своего сына. Это негодяй, это клеветникъ, это лжецъ. Онъ не уважаетъ ни ее, ни бабку, ни отца. Еще бы! Они всѣ на ножахъ, они всѣ связали другъ друга. Мальчикъ это видитъ, понимаетъ. Онъ доходитъ въ минуты гнѣва не только до дерзостей, но до неистовства.

— Наконецъ, ты, кажется, и не замѣчаешь, что у него чуть не пляска святого Витта начинается, что его гримасничающее лицо и кривлянье достаточно обличаютъ, какія привычки развились у него,—кричала Софья Даниловна.— Достаточно взглянуть на него, чтобы понять, что это въ конецъ испорченный ребенокъ.

— Ты точно радуешься этому?—жестоко упрекнулъ ее Николай Петровичъ.

— Ты самъ перестаешь понимать, что ты говоришь,— отвѣтила она.—Я не радуюсь уродству своего сына, но если ему суждено быть въ будущемъ жалкимъ негодяемъ, то я первая пожелала бы лучше, чтобы его вовсе не было на свѣтѣ.

Николая Петровича точно холодомъ обдало. Мать такъ говорить о сынѣ! Это чудовищно! Софья Даниловна, между тѣмъ, продолжала уже болѣе сдержанно, но злобно:

— Это поистинѣ несчастный ребенокъ—несчастный съ момента своего рожденія!

— О, да, дитя, предстоящее еще рожденіе котораго страшило уже его мать, какъ бѣдствіе, дѣйствительно можетъ быть названо несчастнымъ!—воскликнулъ Николай Петровичъ.

— А тебя это рожденіе не страшило?—рѣзко спросила она его, уловивъ въ его голосѣ горькій упрекъ.—Я боялась прежде всего физическихъ мукъ, а ты... чего ты тогда боялся? Или ты скажешь, что ты радовался тому, что ты будешь отцомъ? Или у тебя не являлась мысль: «о, если бы онъ родился мертвымъ! О, если бы мнѣ не нужно было жениться ради него!» Фарисей! Всегда былъ фарисеемъ.

Онъ что-то хотѣлъ возразить.

— Не лги! не лги!—почти крикнула она строптивымъ голосомъ.—Ты струсилъ въ ту же минуту, когда я сказала, что я готовлюсь быть матерью. Ты испугался при этой новости сильнѣе, чѣмъ я. Но я не скрывала своихъ чувствъ, а ты лгалъ и лгалъ... Потомъ, ради этого ребенка, ты счелъ нужнымъ связать меня по рукамъ и ногамъ, вовсе не любя меня, вовсе не желая имѣть меня своею женою. Для чего ты это сдѣлалъ? Чтобы никто не обвинялъ тебя въ неблагородствѣ? Чтобы ребенокъ носилъ твою дворянскую фамилію? Хороша тоже та фамилія, за которую можно краснѣть.

— Ты знаешь...—началъ Николай Петровичъ.

Но она, не давая времени ему защититься, перебила его:

— Да не въ томъ дѣло, не въ томъ, что это фамилія вора и мошенника, а въ томъ, что ни ты, ни я не были рождены ни для супружеской жизни, ни для ролей отца и матери: мы одинаково скверно воспитали бы и законнаго и незаконнаго ребенка; но если бы онъ былъ незаконнымъ ребенкомъ, мы могли бы мирно разойтись, а теперь...

— Ты, вѣроятно, понимаешь, что я не стану силой удерживать тебя и теперь,—проговорилъ онъ сухо и точно обрадовался при мысли, что они разойдутся.

Она съ ненавистью взглянула на него.

— Ты думаешь, что я изъ того же сорта женщинъ, какъ твоя мать?—съ негодованіемъ воскликнула она.—Ты думаешь, что я способна дѣлать тебѣ сцены, чтобы сорвать съ тебя лишній рубль? Ты думаешь, что мнѣ не легче будетъ умереть, чѣмъ ходить къ тебѣ за подачками? О, если бы я на это

была способна, я ушла бы отъ тебя съ перваго же дня замужества, когда я поняла, что ты взялъ меня только ради ребенка, только какъ мать твоего ребенка, а не какъ жену, не какъ любовницу. Я ушла бы съ перваго же дня появленія въ моемъ домѣ твоей матери, этой вульгарной сплетницы и сварливой бабы. Къ несчастію, на это у меня не хватило силъ, какъ не хватило силъ сдѣлаться нянькой, кухаркой, шпопальщицей твоихъ грязныхъ носковъ, и я жила подъ одной крышей съ тобою, переносила все и прежде всего твою душевную сухость, черствость, при которыхъ ты даже не понималъ, что доставляло мнѣ то или другое огорченіе, ту или другую обиду. Ты самъ заставлялъ меня все болѣе и болѣе не любить моего сына; терпя непріятности, обиды и огорченія, я повторяла себѣ: «это все я терплю изъ-за этого ребенка!» И что ты сдѣлалъ изъ этого ребенка? Домашняго пшіона, грубіяна, лгуна, распущенное съ дѣтства существо!

— Я! я!—перебилъ ее Николай Петровичъ.—А ты, мать, ты что же дѣлала въ это время?

— Я тебѣ говорила и говорю, что я не умѣла и не умѣю воспитывать дѣтей,—отвѣтила она.—Да, наконецъ, развѣ я могла бы его воспитывать при тѣхъ условіяхъ, при которыхъ мы живемъ, расходясь во всемъ между собою, враждуя другъ съ другомъ...

Онъ что-то хотѣлъ сказать, она опять перебила:

— Между нами одна разница: я говорю и говорила прямо то, что чувствую и чувствовала, ты же вѣчно лгалъ,—сознательно или безсознательно, но все же лгалъ, стараясь играть напускную роль честнаго и безупречнаго человѣка!.. Честный и безупречный человѣкъ! А какъ ты обставилъ теперь насъ, мать, меня, сына?

И, точно желая, во что бы то ни стало, добить его, она забрасывала грязью каждый его поступокъ, каждое его душевное движеніе.

XIV.

Бываютъ событія, сцены, разговоры, объясненія, которые зомъ проливаютъ свѣтъ на все, чего мы почти не замѣли прежде. Таковъ былъ разговоръ Николая Петровича женою послѣ того, какъ Николай Петровичъ засталъ трушу бранящимся со своею матерью. Этотъ разговоръ кимъ свѣтомъ освѣтилъ передъ Мирзоевымъ-Сокольникомъ разомъ всю ту зловѣщую мглу, которая окружала его:

жена сказала ему впервые страшное слово о томъ, что и онъ, и она прежде всего не созданы быть матерью и отцомъ, что они одинаково дурно воспитали бы своего ребенка, будь онъ законнымъ или незаконнымъ; она съ безпощадной злобой къ его матери указала и на то, что если бы даже они были самыми умѣлыми педагогами, то одни посѣщенія ихъ дома этою страшною по своей глупости и грубости женщиной испортили бы въ концѣ ихъ ребенка; она въ пылу негодованія обронила еще болѣе горькое слово о томъ, что онъ, Николай Петровичъ, лгалъ—сознательно или безсознательно, но все же лгалъ всю жизнь, играя напускную роль честнаго и безупречнаго человѣка!..

У него горѣло лицо, кружилась голова при воспоминаніи обо всей этой бурной сценѣ, обо всѣхъ перипетіяхъ и подробностяхъ этого объясненія. Только теперь вполнѣ ясно озарились передъ нимъ яркимъ свѣтомъ и настоящее положеніе его семьи, и взгляды на него его жены. Это положеніе было безысходно, какъ бездонная пропасть. Какъ и кѣмъ развилась эта ненависть? Не имъ ли?

«Ты вѣчно лгалъ, сознательно или безсознательно, но все же лгалъ, играя напускную роль честнаго и безупречнаго человѣка!»— звенѣлъ въ его ушахъ пронзительный женскій голосъ, похожій на удары хлыста, бичевавшаго его, и его охватило озлобленіе отъ этого воспоминанія.

Она выкрикивала эту фразу съ такой силой, что онъ не могъ не понять, какая ненависть созрѣла въ ея душѣ къ нему. Она готова была съ злорадствомъ врага приписать ему всѣ пороки, безсердечіе, ложь, тупость, жестокость. Она ловила каждый его промахъ и ставила въ преступленіе. Она иначе и не могла глядѣть на него: ихъ привычки, ихъ темпераменты, все было различно. Онъ не чувствовалъ лишенія отъ того, что онъ велъ замкнутую жизнь; для нея это была каторга. Онъ думалъ своею сдержанностью, своимъ спокойствіемъ перевоспитать ее; она была менѣе всего способна поддаться этому способу перевоспитанія, ее видимо раздражала его невозмутимость. Да, имъ никогда не слѣдовало быть мужемъ и женой, отцомъ и матерью...

Онъ, какъ помѣшанный, все ходилъ и ходилъ по столовой, стараясь придумать выходъ изъ невыносимаго положенія. Самоубійство? Что-жъ, это выходъ, но какой? Онъ говорилъ, что онъ жилъ для ребенка, для него пожертвовалъ всѣмъ, а теперь, оставить его нищимъ? О, тогда-то она въ правѣ будетъ утверждать, что онъ только лгалъ, играя напускную

роль честнаго и безупречнаго человѣка! Тогда и мать скажетъ про него: «онъ всегда былъ весь въ отца; такъ, какъ отецъ, и кончилъ; по-міру семью пустилъ». И окружающіе забросаютъ его грязью, повторяя, что яблочко недалеко укатилось отъ яблони. Но что же ему-то за дѣло до всего этого, когда онъ будетъ мертвъ? Вѣдь отцу, вѣроятно, было все равно, что говорили о немъ послѣ его смерти? Да, а каково было послѣ самоубійства Петра Петровича ему, Николаю Петровичу; каково будетъ послѣ смерти отца Петрушѣ?

— Несчастный, несчастный ребенокъ!—почти вслухъ проговорилъ онъ.

И только въ эту минуту онъ вспомнилъ, что мальчикъ замкнутъ въ его кабинетѣ. Онъ торопливо направилъ туда шаги, отомкнулъ замокъ, отворилъ дверь и сразу былъ пораженъ странной хрипотой ребенка. Петруша спалъ въ одеждѣ, разметавшись на турецкомъ диванѣ. Онъ весь горѣлъ и какъ-то зловѣще храпѣлъ. Въ комнатѣ было холодно. Николай Петровичъ увидалъ, что форточка была открыта настежь, несмотря на сильный морозъ. Торопливо разбудивъ сына, Николай Петровичъ ужаснулся: мальчуганъ не могъ говорить, у него захватило горло.

Забывъ все, Николай Петровичъ поспѣшно послалъ за докторомъ и захлопоталъ около сына съ какою-то лихорадочною торопливостью. Пріѣхавшій докторъ объявилъ лаконически:

— У него дифтеритъ!

XV.

Въ домѣ Николая Петровича Мирзоева-Сокольникова всѣ, казалось, потеряли голову. На помощь къ первому доктору былъ позванъ другой, на помощь къ лѣкарствамъ было признано неизбѣжнымъ сдѣлать операцію, на помощь къ отцу и матери явилась Варвара Михайловна, которую зачѣмъ-то извѣстила черезъ дворника Татьяна о болѣзни маленькаго барина. Всѣ были страшно возбуждены, суетились, теряли голову, совершенно инстинктивно угадывая, какія тяжелыя послѣдствія можетъ повлечь смерть этого ребенка.

— Да съ чего онъ захворалъ? И какъ не доглядѣли!— раздавались вопросы.

Татьяна всѣмъ и каждому разсказывала, какъ баринъ, разсердившись, заперли Петра Николаевича въ кабинетъ за капризы, какъ Петръ Николаевичъ сначала билъ ножъ-

ками и ручками въ двери, кричалъ крикомъ и плакалъ, а потомъ затихъ.

Нашлась какая-то баба, которая въ свою очередь разсказала Татьянѣ, что она «своими глазыньками видѣла, какъ ребенокъ, высунувшись въ форточку, кричалъ благимъ матомъ», и подумала она тогда, не сказать ли объ этомъ Татьянѣ, а то и такъ рѣшила, что «покричитъ-покричитъ дите, да и перестанетъ».

Дѣйствительно такъ и случилось: покричалъ ребенокъ и пересталъ, но теперь всѣ окружающіе отдали бы чуть не половину жизни, чтобы только онъ снова могъ кричать. Какое-то зловѣщее настроеніе охватило всѣхъ въ ожиданіи развязки. Даже тупая въ дѣлѣ сердечныхъ движеній и недалекая по наблюдательности Варвара Михайловна вдругъ струсила и раза два замѣтила Татьянѣ:

— Вѣдь Николай-то Петровичъ руки на себя готовъ наложить, если помретъ Петруша.

— Что говорить, только для него и жилъ!—согласилась Татьяна.

— Еще бы! Сладости-то въ семьѣ нѣтъ съ такой женой!—замѣчала Варвара Михайловна.

Самъ Николай Петровичъ, какъ совершенно обезумѣвшій человѣкъ, то и дѣло твердилъ докторамъ:

— Ради Бога, спасите его. Вѣдь это вся моя жизнь! Поймите это!

Доктора вздыхали, дѣлали всевозможные опыты для спасенія ребенка, говорили банальныя фразы:

— Успокойтесь! Надежды никогда не надо терять!..

Тѣмъ не менѣе, сами они давно уже потеряли всякую надежду на спасеніе.

Молчала одна Софья Даниловна. Она ходила, какъ тѣнь, безмолвная, сосредоточенная, осунувшаяся, поблѣднѣвшая. Никакого признака обычной строптивости не было замѣтно въ ней; ни одного рѣзкаго слова не сорвалось у нея съ языка ни относительно матери мужа, ни относительно его самого. Она казалась пришибленной. Это было единственное лицо, не отходившее ни на минуту отъ больного съ той минуты, какъ она узнала о его болѣзни.

— Ты бы пошла отдохнуть,—посовѣтовалъ ей, наконецъ, Николай Петровичъ.

Она очнулась отъ тяжелыхъ думъ и покачала головой.

— Я не устала,—тихо проговорила она и опять задумалась.

Тяжелыя думы опять охватили ее всецѣло.

Время шло и шло. Уже начались вторыя сутки послѣ того, какъ заболѣлъ ребенокъ. Въ эти сутки у всѣхъ надежды смѣнялись опасеніями и снова опасенія смѣнялись надеждами. Одна Софья Даниловна, казалось, не сознавала ничего и, какъ приговоренная къ смерти, ждала рокового удара. Она, если умретъ ребенокъ, останется попрежнему связанною съ мужемъ. Она будетъ получать его подачки, ненавидя его; будетъ терпѣть сцены отъ его матери, презирая ее. Или онъ не переживетъ сына и тогда ея положеніе будетъ еще хуже; она останется нищей, безъ умѣнья трудиться, безъ способности у кого-нибудь пристроиться; давно порваны всѣ ея связи съ обществомъ, давно потеряла она даже прежнюю чисто-внѣшнюю энергію и бойкость; давно ее убили эти годы замужества... А онъ спссбенъ наложить на себя руки! Да, да, онъ не переживетъ сына...

Она вдругъ очнулась отъ раздирающаго душу крика:

— Доктора! Доктора! Онъ умираетъ!

Это вскрикнулъ Николай Петровичъ, вошедшій въ комнату и увидавшій, что лицо ребенка совсѣмъ посинѣло.

Софья Даниловна поднялась, какъ отъ электрическаго удара. Она взглянула на синее личико малютки, коснулась рукой до его руки, почувствовала холодъ мертваго тѣла и въ ужасѣ бросилась вонъ изъ комнаты...

— Баринъ! баринъ!—кричала Татьяна, тряся за плечо упавшаго на трупъ сына Николая Петровича.—У насъ бѣда!.. Барыня Софья Даниловна наложили на себя руки... зарѣзались!..

ОТЩЕПЕНЕЦЪ.

РОМАНЪ.

I.

Матильда Ивановна Копоненъ, чухонка по происхожденію и квартирная хозяйка по ремеслу, вбѣжала въ комнату своего молодого жильца, будущаго художника Ивана Ивановича Хопрова, растрепанная, въ измятомъ ситцевомъ капотѣ, должно-быть, послѣ послѣобѣденнаго сна, и визгливымъ голосомъ объявила:

— Идите, съ дѣдкой что-то дѣлается. Машка сказала: «хрипитъ». Умреть еще, старый, тутъ...

Иванъ Ивановичъ, ходившій, засунувъ руки въ карманы панталонъ и насвистывая отъ голоду шансонетку, остолбенѣлъ на мѣстѣ.

— Какъ умретъ?—спросилъ онъ, ничего не сообразивъ сразу.

— Умретъ, какъ умираютъ! Хрипитъ, говорить не можетъ! Идите же!—отвѣтила она и, безцеремонно схвативъ своего жильца за рукавъ, потащила его черезъ темный и узкій коридоръ въ другую комнату, сердито ругаясь:

— Охъ, ужъ эти нищіе-жильцы, гроши платятъ, а возись тутъ съ ними...

Они вошли въ конуру, темную, грязную, затхлую. Въ ней было тихо; слышалось только чье-то хриплое дыханіе. При свѣтѣ внесенной сюда Хопровымъ лампочки можно было разсмотрѣть на постели, подъ грязнымъ одѣяломъ изъ пестрыхъ, какъ нарядъ арлекина, ситцевыхъ лоскутковъ, какую-то грязную человѣческую фигуру, лежащую на спинѣ. Это былъ старикъ съ лицомъ землистаго цвѣта, съ сѣрой, обильной щетиной на головѣ, щекахъ и подбородкѣ. Онъ смотрѣлъ тупо въ пространство глубоко ввалившимися подъ густыми бровями, оловянными глазами, и конвульсивно перебиралъ пальцами крупныхъ костлявыхъ рукъ, лежавшихъ, какъ плети, вдоль тѣла.

Ндка, худо тебѣ?—очень громко спросилъ Хопровъ, подходя къ старику и растерянно всматриваясь въ его лицо.

Тотъ хотѣлъ что-то сказать, но языкъ не повиновался, и пробормоталъ нѣчто безсвязное.

— Въ больницу надо, тамъ помогутъ, — такъ же громко сказалъ Хопровъ.

Не... не... торопливо забормоталъ старикъ и замоталъ отрицательно головой.

- Такъ доктора... Да какъ быть?.. Денегъ нѣтъ.— опять выкрикнулъ Хопровъ.

Глухой старикъ опять застрясъ головою и опять испуганно пробормоталъ:

- Не... не...

Въ его глазахъ отразился страхъ, почти ужасъ, пальцы неподвижно лежавшихъ рукъ зашарили безпомощно по одѣялу.

— Но нельзя же такъ, безъ помощи!—крикнулъ Хопровъ, не зная, что дѣлать.—Такъ нельзя... Слышишь?

Старикъ сдѣлалъ надъ собой усиліе и едва внятно съ разстановкой произнесъ:

— Ни-че-го...

Матильда Ивановна посовѣтовала:

— Пусть ужъ до утра полежитъ. Завтра надо въ больницу. Здѣсь умирать нельзя.

Старикъ, должно-быть, понялъ ея слова и снова замоталъ головой.

- Боится больницы, —пояснилъ Хопровъ.

— Мало ли чего, а все же нельзя такъ оставлять,—рѣшительно проговорила она.—Завтра надо чѣмъ свѣтъ свезти.

Она вышла изъ каморки, опять ворчливо негодуя на нищихъ-жильцовъ. Хопровъ постоялъ около постели старика, не зная, что дѣлать; неумѣло поправилъ подушку, одѣяло, совсѣмъ растерянный. Старикъ закрылъ, наконецъ, глаза и, казалось, сталъ дышать ровнѣе. Хопровъ, безсознательно ободряя себя, подумалъ, что, можетъ-быть, къ завтрашнему дню старику будетъ лучше, и, захвативъ лампочку, снова вернулся въ своему комнату.

Это была узенькая, неказистая комната съ грязными пестрыми обоями, хранившими цѣлый рядъ жирныхъ пятенъ надъ спинками стульевъ. Въ ней царствовалъ невообразимый безпорядокъ; на стѣнахъ висѣли, подобно лохмотьямъ и заплатамъ, обрывки картинъ на бумагѣ и клочьяхъ холста—начатые эскизы,—гдѣ облако, гдѣ нога, гдѣ рука,—сдѣланные углемъ, карандашомъ, акварелью, масломъ. Все было не

закончено, не дорисовано, не дописано. На нѣкоторыхъ лоскуткахъ начатые наброски представляли неприглядную смѣсь рукъ, ногъ, профилей, тучъ, деревьевъ, вылѣзавшихъ другъ изъ-подъ друга, сливавшихся вмѣстѣ въ невообразимый хаосъ, какъ образы и мысли въ разстроенномъ воображеніи; почти вездѣ тутъ же были нарисованы карикатуры, не столько остроумныя, сколько забористыя, иногда сальныя и грязныя, какъ холостая бесѣда послѣ ужина, какъ мужицкая брань въ кабакѣ; кое-гдѣ подъ рисунками и карикатурами были надписи въ стихахъ, нерѣдко гладкихъ и звучныхъ, но по большей части тоже нецензурныхъ. Обстановка комнаты была изъ рукъ вонъ плоха; стулья, столъ, комодъ, кровать, мольбертъ, все было не только старо, поломано и грязно, но вдобавокъ ко всему или испачкано красками и карандашами, или изрѣзано перочинными ножами, какъ школьная мебель, побывавшая подъ руками смертельно скучающихъ пансіонеровъ. Стоптанныя туфли, грязная вышитая малороссійскими узорами сорочка, разныя принадлежности бѣлья, старыя лѣтнія панталоны,—все это валялось на стульяхъ, на столахъ, на полу. Въ углу бѣлѣлъ лишенный носа гипсовый бюстъ Аполлона въ красной суконной фескѣ, покрытой пылью. Подъ столомъ валялся загрязненный гипсовый торсъ Венеры, вѣроятно служившій не разъ вмѣсто скамьи для ногъ. На ржавомъ гвоздѣ висѣлъ затасканный галстукъ, точно петля, приглашающая желающаго повѣситься. Войдя въ эту комнату, Хопровъ взялъ одну изъ валявшихся на столѣ гильзъ, набилъ ее кое-какъ смѣшанными съ пылью остатками табаку и, заткнувъ ее обрывкомъ грязной ваты, закурилъ папиросу.

— Скверная штука, если дѣдка умретъ! Въ карманѣ ни гроша, а хоронить будетъ надо,—проворчалъ онъ, дѣлая гримасу.—Неожиданный репримандъ! И какой онъ мнѣ дѣдъ!

Онъ сѣлъ верхомъ на стулъ и запустилъ красивые длинные пальцы въ густые, бѣлокурые волосы, дымя папиросой. Его всегда безпечное, беззаботное молодое лицо теперь смотрѣло мрачно, можетъ-быть, впервые съ тѣхъ поръ, какъ онъ сталъ вполнѣ помнить себя. Сознаніе, что у него нѣтъ денегъ не только на похороны старика, но даже на то, чтобы отвезти его въ больницу, просто испугало его. Бѣдъ и невзгодъ онъ пережилъ не мало, но онъ всегда утѣшалъ себя мыслью, что «авось когда-нибудь вывернется», и вывертывался: перехватитъ гдѣ-нибудь въ долгъ денегъ и съѣздитъ въ Аркадію; продастъ старыя голенища и пообѣдаетъ; нарисуетъ жан-

ровую картинку, докажетъ издателю иллюстрированнаго изданія, что ноги на картинкѣ такими кривыми и должны быть въ «ракурсѣ», что грязныя пятна сдѣланы для усиленія эффектной игры «свѣто-тѣни», сбудетъ свое произведеніе и купитъ новый галстукъ и новую шляпу, забывъ, что надо было купить панталоны. Теперь онъ вполнѣ ясно сознавалъ, что вывернуться нельзя. Богато одаренный воображеніемъ, впечатлительный, нервный, безпомощный, какъ женщина, онъ сразу упалъ духомъ, сознавая, что тутъ дѣло идетъ не о томъ, удастся или не удастся съѣздить въ Аркадію, придется или не придется сшить новую пару платья и купить мягкую шляпу съ широкими полями. А тутъ еще за стѣной кто-то плачетъ, громко, отчетливо, настойчиво плачетъ, какъ человѣкъ, желающій, чтобы всѣ, всѣ непремѣнно слышали, что онъ плачетъ.

— Точно собачонка визжитъ, — пробормоталъ онъ, раздраженный этимъ неумолкающимъ хныканьемъ. — Любовникъ бросилъ, ну, и не остается ничего больше дѣлать, какъ ревѣть до появленія новаго обожателя. Третій день ничего лучшаго придумать не можетъ. Тварь!

Онъ ее не жалѣлъ. Онъ хорошо зналъ эту личность, круглолицую, бѣлобрысую, съ плоскимъ носомъ, съ красноватыми полосками вмѣсто бровей, съ глазами телки, съ ярко-румяными щеками въ веснушкахъ и съ ямками на этихъ щекахъ и подбородкѣ. Ее, съ его словъ, знали всѣ его товарищи, нѣкоторые даже кланялись съ ней при встрѣчахъ въ коридорѣ, когда приходили къ нему и думали, косясь на ея здоровый бюстъ, что даромъ, пожалуй, можно бы свести интрижку. Когда онъ, за графинчикомъ водки или за бутылкой пива, слишкомъ громко разсказывалъ имъ у себя новые холостые анекдоты, совѣстливые изъ нихъ спрашивали: «а развѣ твоей сосѣдки нѣтъ дома?» Онъ отвѣчалъ: «ну, вотъ еще, она и получше слыхивала». Онъ ее не уважалъ, слишкомъ хорошо зная эту жизнь за стѣной и чувствуя, что она заигрываетъ съ нимъ, дѣлаетъ ему глазки, ищетъ случая, чтобы и онъ соблазнилъ ее. Онъ былъ художникъ по натурѣ, и она ему не могла нравится. Тѣмъ не менѣе, иногда въ дни голодовокъ онъ подумывалъ о ней и мимовольно разсуждалъ: «а впрочемъ, не все ли равно?» Теперь, когда онъ сказалъ про нее мысленно, что она «три дня визжитъ и ничего лучшаго придумать не можетъ», ему стало досадно на себя. Онъ вотъ тоже теперь хоть недѣлю хнычь, ничего лучшаго не придумаетъ. Онъ всталъ, охва-

ченный страхомъ и тревогой за свое положеніе, началъ шагать изъ угла въ уголъ, наконецъ, усталый, бросился на постель, подложивъ руки подъ голову, уставилъ въ пространство глаза и забылся въ думахъ.

«И какой онъ мнѣ дѣдъ? какой дѣдъ? Такъ кто-то, съ улицы приставшій!»—назойливо вертѣлось въ головѣ.

Онъ, чтобы не думать о настоящемъ, сталъ разбираться въ хламѣ прошлаго. Его семья была не велика, ихъ было всего трое: его сановитый по виду отецъ, статскій совѣтникъ Иванъ Петровичъ Хопровъ, его мать, вѣчная глупенькая дѣвочка Аглая Степановна Хопрова и онъ, безъ призора безчинствующій въ дѣтской ребенокъ Ваня. Кромѣ ихъ троихъ въ домѣ считался роднею какой-то старикъ Тарасъ Михайловичъ Тороповъ, иногда ходившій къ нимъ подкармливаться и называвшійся за старческій видъ «дѣдомъ». При гостяхъ его кормили въ задней комнатѣ, отводившейся всегда подъ дѣтскую, такъ какъ онъ былъ уже сильно «потертъ». Ваня любилъ эти дни, такъ какъ и онъ обѣдалъ тогда не съ большими, а съ дѣдкой. Дѣдку онъ считалъ не большимъ, а только старымъ, потому что съ понятіемъ о большихъ у него связывались слезливыя жалобы матери: «что это ты все около меня торчишь, точно у тебя игрушекъ нѣтъ», строгіе окрики отца: «не вертись подъ ногами», укоризненныя замѣчанія кухарки и горничной: «не слѣдъ вамъ по кухнямъ бѣгать, да шпіонничать». Дѣдка его не отгонялъ, строилъ съ нимъ изъ картъ домики, изображалъ лошадку, топотавшую ногами, говорилъ съ нимъ картавымъ языкомъ, присюсюкивая,—значитъ онъ не большой, а только старый. Притомъ и дѣдку такъ же гоняли, какъ его, давали тому выговоры, читали ему наставленія, а онъ стушевывался и робко извинялся, сначала съ улыбочкой, такъ какъ онъ былъ глухъ и не сразу понималъ, что говорятъ, а потомъ со слезами, когда уже на него просто начинали кричать. Вспоминая прошлое, Хопровъ не могъ остановиться ни на одномъ особенно дорогомъ лицѣ, ни на одномъ особенно любимомъ предметѣ: постоянно у нихъ мѣнялась прислуга, постоянно мѣнялись квартиры и вещи; всѣмъ и всегда въ домѣ были недовольны и всѣ искали чего-то лучшаго; отецъ сурово отодвигалъ тарелку и строго произносилъ: «какъ у васъ стряпаютъ; это помои, а не супъ»; мать слезливо и обиженно жаловалась: «и опять грубіянка попалась, у порядочныхъ людей не умѣютъ служить»; чуть не каждый годъ долго искали квартиру съ порядочнымъ ходомъ и при-

личнымъ швейцаромъ; находили, наконецъ, такую, гдѣ входныя двери были полированныя подъ красное дерево, или подъ дубъ, коверъ разостланъ былъ во всю лѣстницу, швейцаръ былъ въ чистой ливреѣ и представительнаго вида, квартира была въ пятомъ этажѣ, комнаты были ни... всюду разносился чадъ отъ кухни, по всѣмъ комнатамъ ... слышно, какъ кухарка ругается съ горничной изъ-за ... шаго кровавца-дворника.

Именно въ такой квартирѣ произошло событіе, оста... неизгладимый слѣдъ въ душѣ молодого Хопрова. Ра... тогда десятилѣтній мальчикъ, былъ изумленъ отсут... матери за завтракомъ и какимъ-то особеннымъ ожив... въ кухнѣ, гдѣ безъ умолку тараторили служанки. О... сидъ у горничной:

А гдѣ же мама?

Много будете знать — скоро состаритесь! — горничная, прошмыгнувъ мимо него.

Когда отецъ явился изъ должности къ обѣду, ... силъ его о томъ же, отецъ крикнулъ на него:

Не твое дѣло, дрянь-мальчишка!

Потомъ прибавилъ, грозя около его носа пал...

И чтобы я никогда не слыхалъ подобныхъ ...

Маршъ въ дѣтскую!

Затѣмъ отецъ зашагалъ черезъ всѣ комна... думая объ обѣдѣ.

Въ это время по черной лѣстницѣ поднима... этажъ невзрачно одѣтый старикъ. Широкій в... земистый, топорно и крѣпко сложенный, но в... исхудавшій, отощавшій до послѣдней степе... ввалившимися глазами, растерянно смотрѣв... нависшихъ густыхъ бровей, онъ производ... впечатлѣніе. Кожа его лица и волосатыхъ ру... загрубѣла, казалась выдубленной. Полусѣды... на головѣ торчкомъ, коротко подстриженны... Такой же густой сѣрой щетиной были пок... подо родокъ. При первомъ взглядѣ на нег... принять за бѣжавшаго изъ тюрьмы или с... только потомъ подмѣчались запуганное вы... шихся глазъ, худоба голоднаго человѣка, ... страданій, лежавшіе на всемъ его существ... робкихъ движеніяхъ, на его вылинявше... панной одеждѣ. Счастливые люди такъ н... не менѣе, онъ вызывалъ не сострадан...

къ, затравленный и голодный, но все же волкъ. Добрав-
ь до пятаго этажа, онъ вытащилъ какую-то тряпицу,
моркался, обтеръ губы, снова бережно спряталъ эту тря-
у въ карманъ и потомъ осторожно отперъ дверь въ кухню,
шло громкое переругиванье прислуги.

— Здравствуйте, здравствуйте, голубушки,—заговорилъ
вкрадчивымъ и заискивающимъ тономъ.—Запоздалъ я
юго... Господа обѣдаютъ?

Обѣдаютъ, обѣдаютъ! Поди, вотъ, накормятъ тебя се-
і,—сказала кухарка громко, зная, что теперь ей не-
бояться.

арикъ, глухой, не вполнѣ разслышавъ, что она гово-
отирая ноги о половикъ, бормоталъ, скаля привычной
ой толстыя десны и нѣсколько торчавшихъ во рту
ковъ зубовъ:

Да, да, призапоздалъ, призапоздалъ!

осторожно, точно боясь что-то разбить, прошелъ въ
ую и видимо изумился, что столъ тамъ даже и не на-
Пожевывая губы и искоса посматривая на пустой
онъ въ тупомъ недоумѣніи съ минуту не зналъ, что
лать, куда идти. Прежде чѣмъ онъ опомнился и сообра-
го-нибудь, въ комнату вошелъ Иванъ Петровичъ Хоп-
се еще продолжавшій маршировать по всѣмъ комна-
видавъ дѣда, онъ остановился.

, пожаловали!—насмѣшливо произнесъ онъ.—Зачѣмъ?
спрашиваю я васъ. Кажется, теперь вамъ здѣсь
больше дѣлать!

къ подставилъ руку къ уху, улыбаясь и низко кла-
то же время хозяину.

запоздалъ, позапоздалъ сегодня!—оправдывался онъ,
говорить мягко и приниженно.

-съ, позапоздали. Вотъ ужъ вѣрно сказали, что по-
!—совсѣмъ ядовито проговорилъ хозяинъ.—Ваша
ца уже успѣла освободить себя отъ обязанностей
матери! Слышите: успѣла освободить себя отъ обя-
. Я думаю, что и вы освободите меня отъ своего
ія!

ь уловилъ половину фразы.

сть, какъ это отъ обязанностей?—спросилъ онъ.—
бодила?

кала! Сбѣжала! Слышите, сбѣжала!—почти надъ
крикнулъ Хопровъ и прибавилъ:—Вы понимаете,
я принималъ васъ у себя въ домѣ, если я тер-

личнымъ швейцаромъ; находили, наконецъ, такую, гдѣ входныя двери были полированныя подъ красное дерево или подъ дубъ, коверъ разостланъ былъ во всю лѣстницу, швейцаръ былъ въ чистой ливреѣ и представительнаго вида, но квартира была въ пятомъ этажѣ, комнаты были низки, всюду разносился чадъ отъ кухни, по всѣмъ комнатамъ было слышно, какъ кухарка ругается съ горничной изъ-за младшаго красавца-дворника.

Именно въ такой квартирѣ произошло событіе, оставившее неизгладимый слѣдъ въ душѣ молодого Хопрова. Разъ онъ, тогда десятилѣтній мальчикъ, былъ изумленъ отсутствіемъ матери за завтракомъ и какимъ-то особеннымъ оживленіемъ въ кухнѣ, гдѣ безъ умолку тараторили служанки. Онъ спросилъ у горничной:

— А гдѣ же мама?

— Много будете знать — скоро состаритесь! — отвѣтила горничная, прошмыгнувъ мимо него.

Когда отецъ явился изъ должности къ обѣду, сынъ спросилъ его о томъ же, отецъ крикнулъ на него:

— Не твое дѣло, дрянь-мальчишка!

Потомъ прибавилъ, грозя около его носа пальцемъ:

— И чтобы я никогда не слыхалъ подобныхъ вопросовъ. Маршъ въ дѣтскую!

Затѣмъ отецъ зашагалъ черезъ всѣ комнаты, вовсе не думая объ обѣдѣ.

Въ это время по черной лѣстницѣ поднимался въ пятый этажъ невзрачно одѣтый старикъ. Широкій въ кости, приземистый, топорно и крѣпко сложенный, но въ то же время исхудавшій, отощавшій до послѣдней степени, съ глубоко ввалившимися глазами, растерянно смотрѣвшими изъ-подъ нависшихъ густыхъ бровей, онъ производилъ непріятное впечатлѣніе. Кожа его лица и волосатыхъ рукъ была темна, загрубѣла, казалась выдубленной. Полусѣдые волосы стояли на головѣ торчкомъ, коротко подстриженные, какъ щетина. Такой же густой сѣрой щетиной были покрыты его щеки и подбородокъ. При первомъ взглядѣ на него, его можно было принять за бѣжавшаго изъ тюрьмы или съ каторги злодѣя; только потомъ подмѣчались запуганное выраженіе ввалившихся глазъ, худоба голоднаго человѣка, слѣды бѣдности и страданій, лежавшіе на всемъ его существѣ, на всѣхъ его робкихъ движеніяхъ, на его вылинявшей, кое-гдѣ заштопанной одеждѣ. Счастливые люди такъ не смотрятъ. Тѣмъ не менѣе, онъ вызывалъ не состраданіе, а страхъ, какъ

волкъ, затравленный и голодный, но все же волкъ. Добравшись до пятаго этажа, онъ вытащилъ какую-то тряпицу, высморкался, обтеръ губы, снова бережно спряталъ эту тряпицу въ карманъ и потомъ осторожно отперъ дверь въ кухню, гдѣ шло громкое переругиванье прислуги.

— Здравствуйте, здравствуйте, голубушки,—заговорилъ онъ вкрадчивымъ и заискивающимъ тономъ.—Запоздалъ я немного... Господа обѣдаютъ?

— Обѣдаютъ, обѣдаютъ! Поди, вотъ, накормятъ тебя сегодня,—сказала кухарка громко, зная, что теперь ей нечего бояться.

Старикъ, глухой, не вполнѣ разслышавъ, что она говоритъ, отирая ноги о половикъ, бормоталъ, скаля привычной улыбкой толстыя десны и нѣсколько торчавшихъ во рту остатковъ зубовъ:

— Да, да, призапоздалъ, призапоздалъ!

Онъ осторожно, точно боясь что-то разбить, прошелъ въ столовую и видимо изумился, что столъ тамъ даже и не накрытъ. Пожевывая губы и искоса посматривая на пустой столъ, онъ въ тупомъ недоумѣніи съ минуту не зналъ, что ему дѣлать, куда идти. Прежде чѣмъ онъ опомнился и сообразилъ что-нибудь, въ комнату вошелъ Иванъ Петровичъ Хопровъ, все еще продолжавшій маршировать по всѣмъ комнатамъ. Увидавъ дѣда, онъ остановился.

— А, пожаловали!—насмѣшливо произнесъ онъ.—Зачѣмъ? Зачѣмъ? спрашиваю я васъ. Кажется, теперь вамъ здѣсь нечего больше дѣлать!

Старикъ подставилъ руку къ уху, улыбаясь и низко кланяясь въ то же время хозяину.

— Позапоздалъ, позапоздалъ сегодня!—оправдывался онъ, стараясь говорить мягко и приниженно.

— Да-съ, позапоздали. Вотъ ужъ вѣрно сказали, что позапоздали!—совсѣмъ ядовито проговорилъ хозяинъ.—Ваша племянница уже успѣла освободить себя отъ обязанностей жены и матери! Слышите: успѣла освободить себя отъ обязанностей. Я думаю, что и вы освободите меня отъ своего присутствія!

Старикъ уловилъ половину фразы.

— То-есть, какъ это отъ обязанностей?—спросилъ онъ.—Какъ освободила?

— Сбѣжала! Сбѣжала! Слышите, сбѣжала!—почти надъ его ухомъ крикнулъ Хопровъ и прибавилъ:—Вы понимаете, что если я принималъ васъ у себя въ домѣ, если я тер-

пѣлъ васъ, то только потому, что вы какая-то тамъ родня ей, дядюшка, дѣдушка, кто васъ тамъ знаетъ! Теперь-съ вамъ здѣсь больше нечего дѣлать.

Старикъ плохо разслышалъ, но понялъ, что его гонятъ. Онъ поникъ головой, пережевывая свои губы, что-то тупо соображая. Наконецъ, онъ поднялъ голову, какъ бы вспомнивъ о чемъ-то внезапно, и проговорилъ жалобно просящимъ тономъ:

— А Ваня?.. Ваничка?..

— Что Ваничка?—переспросилъ съ насмѣшкой Хопровъ.

— Онъ-то какъ же?—проговорилъ старикъ.

— Оболтусу пора учиться. Я его на полный пансіонъ отдамъ, — сурово отвѣтилъ Хопровъ. — Ничто-съ, ничто-съ чтобы не напоминало объ этой негодяйкѣ. Довольно я терпѣлъ...

Хозяинъ опять зашагалъ по комнатамъ. Старикъ постоялъ понуро въ столовой, качая головой и разводя руками. Хопровъ, снова дойдя до столовой, на минуту остановился передъ нимъ и сказалъ:

— А! вы еще здѣсь! Я васъ попрошу не мозолить мнѣ глазъ! Сокрушаться можете въ другомъ мѣстѣ, а мнѣ-съ нуженъ покой. Покой! Понимаете?

Старикъ очнулся, хотѣлъ что-то сказать и только махнулъ рукою, видя, что Хопровъ, опять замолчавъ, уже скрывается въ другую комнату. Кряхтя, старикъ направился въ дѣтскую. Ваня, подслушивавшій весь этотъ разговоръ у дверей, бросился въ слезахъ на шею дѣдкѣ. Впервые онъ почувствовалъ, что онъ, не знавшій никакихъ привязанностей, хоть кого-нибудь да любитъ. У дѣда тоже текли по его сѣрому щетинистому лицу слезы...

Вспомнивъ эту сцену, Иванъ Ивановичъ взволновался и теперь и смахнулъ слезы. А тутъ еще какъ нарочно за стѣной опять послышалось хныканье и слезливое сморканье сосѣдки. Душу она надрывала своимъ плачемъ, не потому, что ее можно было жалѣть, а потому, что эта музыка рыданій не смолкаетъ уже три дня. Онъ вскочилъ, снова заходилъ по комнатѣ и началъ даже что-то напѣвать, чтобы ни о чемъ не думать, ни о прошломъ, ни о настоящемъ. Съ дѣтства онъ привыкъ жить спустя рукава, ни о чемъ не думая, отдаваясь случайностямъ событій.

А въ головѣ теперь неотвязно вертѣлась мысль:

— Сперва мать освободила себя отъ обязанностей, потомъ отецъ!..

Передъ глазами носилась картина гимназическаго пансіона съ казенной обстановкой, съ казенной ѣдой, съ казенной одеждой. Онъ, всѣмъ чужой ребенокъ, брошенный матерью и отцомъ, скучаетъ и старается развлечься, то рисованіемъ карикатуръ на товарищей и учителей, то сочиненіемъ какихъ-то сатирическихъ стишковъ, то какими-то шутовскими продѣлками, паясничествомъ, всѣмъ, что можетъ вызвать смѣхъ и заглушить скуку жизни. Отецъ посѣщаетъ его рѣдко, еще рѣже беретъ къ себѣ въ домъ, гдѣ у него живетъ какая-то молоденькая экономка изъ рижскихъ нѣмокъ, чопорная и брезгливая, потому что она изъ «благородныхъ». У отца мальчику еще скучнѣе и стѣснительнѣе, чѣмъ въ гимназическомъ пансіонѣ. Но уже успѣвшій загрубѣть среди товарищей, усвоившій привычку относиться ко всему съ юморомъ и насмѣшкой, онъ и дома развлекается карикатурами, сатирическими стишками «на индѣйскаго пѣтуха» и «цецарскую курицу». Отецъ покрикиваетъ на него, экономка дѣлаетъ брезгливыя гримасы при видѣ его, но онъ съ беззаботностью мальчугана, сознающаго, что и у него, какъ у нихъ, нѣтъ никакихъ обязанностей по отношенію къ близкимъ людямъ, ведетъ себя бойко и развязно, поетъ, свищетъ и грубіянитъ. Съ него все, какъ съ гуся вода, ему все трынъ-трава. Только иногда онъ смущается, когда приходитъ къ нему въ гимназію дѣдка, отощалый, бѣдно одѣтый, и говоритъ мрачнымъ тономъ:

— Жизнь-то, голубчикъ, тяжелая штука. Жизнь-то такъ тебя изломаетъ, что косточки живой не оставитъ. Нѣ-ѣтъ, мѣстечка она живого не оставитъ: изобьетъ, исковеркаетъ, изломаетъ, а тамъ—и смерть. А пуще всего нищета: бѣденъ ты и не человѣкъ ты, хуже червя, пресмыкающагося у ногъ твоихъ; наступятъ на тебя, раздавятъ и не пискнешь, не смѣешь пискнуть.

— У насъ вотъ учитель латинскаго языка все нули крутитъ,—объясняетъ Ваня.

— Да, да, крутитъ! — соглашается глухой старикъ, уловивъ послѣднее слово.—Это ты вѣрно сказалъ. Какъ вихрь крутитъ и до чего докрутитъ—одинъ Господь знаетъ.

— Я объ учителѣ латинскаго языка, — громко кричитъ Ваня.

— Латинскій языкъ?.. Да, да, по-латыни два алтына, а по-русски шесть копеекъ, — шутитъ старикъ. — Не учился, не учился, не стану врать! — продолжаетъ онъ серьезно.— И на что она, латынь? Аптекарямъ это точно нужно. А

меня въ чиновники готовили и не учили латыни. Тамъ это не нужно. И ничего: на службу взяли чуть не ребенкомъ...

— У насъ тоже всѣ говорятъ, что латынь и греческій языкъ ни на что,—вставляетъ глубокомысленно Ваня.

Дѣдъ, не слыша его замѣчанія, продолжаетъ вспоминать свое прошлое:

— Прилежно служилъ, нечего сказать, трезвый, исполнительный мальчикъ былъ. Чины пошли. Отличали. Потомъ строгости начались, ревизія была, ну, начальство и попалось. Оно попалось, а насъ съ нимъ смели, какъ соръ. Ни душой, ни тѣломъ мы были неповинны, а сметался соръ— и насъ смели, малограмотныхъ. Охо-хо, маленькихъ людей легко смести. Пыль это одна. Фукнулъ на пылинку — и нѣтъ пылинки, была пылинка—и нѣтъ пылинки!

Это заставляло мальчика на минуты задумываться. Потомъ природная беззаботность брала верхъ и все черезъ нѣсколько минутъ забывалось. А дѣдъ опять посѣщалъ его и разсказывалъ:

— И кое-какой достатокъ имѣлъ, и жена была, и дѣти, благословеніе Божіе, были, а когда сталъ нищъ — люди отворачиваться стали, будто не узнаютъ. Узнаютъ, видишь, что узнаютъ, а сами глаза вверхъ, либо въ сторону и мимо, мимо скорыми шажками бочкомъ торопятся. Одежда, значитъ, на тебѣ невзрачная. Будь ты подлецъ да въ хорошей одеждѣ — всѣ къ тебѣ съ почтеніемъ, руки жмутъ. А въ лохмотьяхъ ты — нельзя, надо сторонкой отъ тебя пройти, сторонкой... Карманъ-то у каждаго свой, опасно за него... Да что чужіе—жена бросила съ дѣтками—законная жена! Извѣстно, голодъ! Голодъ хуже звѣря дикаго терзаетъ. Голодать нужно привыкнуть.

— А дѣти, дѣдъ? Развѣ у тебя есть дѣти?—спрашивалъ юноша, никогда не воображавшій, чтобы у дѣдки могли быть дѣти.

— Были, умерли; теперь все умерло. Дѣти маленькими съ голоду умерли. Хоронилъ — крестовъ не могъ поставить надъ могилками. Весна пришла, сравняли землю, трава на ней выросла и не стало могилокъ. Пришелъ какъ-то на кладбище, разыскиваю, гляжу—памятникъ, мавзолей стоитъ на томъ мѣстѣ, гдѣ могилки-то были. Извѣстно, у кого деньги — отъ того сворачивай съ дороги, «мое, говоритъ, это мѣсто», ну, ты и смолчи, и отойди, потому что ты нищъ, а онъ богатъ... Потомъ жена пришла, больная, голодная, оборванная; умирать ко мнѣ пришла. Собачонка

вотъ такъ блудящая бродитъ, бродитъ, нахолодается, наголодается, ноги перешибутъ ей, приплетется къ прежнему хозяину, растянется и завоетъ. Околѣвать она, значитъ, пришла домой... Я что же, я не выгналъ, похоронилъ, похоронилъ. Тоже крестъ на вороту ношу...

— Отчего же ты не шелъ на мѣсто?—говорилъ юноша.

— На мѣсто? Безъ прошенія отставили—паспортъ волчій; потомъ и ученыхъ стали на мѣста брать, а я не ученый былъ; тоже глуховатъ, лицомъ не вышелъ, манеры съ изъянцемъ...

Старикъ горько усмѣхался.

— Опасенія внушалъ!..

Онъ махнулъ безнадежно рукой и продолжалъ:

— Ну, такъ и жилъ часомъ съ квасомъ, порой—съ водой, безъ угла, безъ пристанища. Все судьба! Отъ судьбы не уйдешь. Начнетъ тебя гнать судьба—не найдешь мѣста, найдешь его—не удержишься на немъ. Начальству надо понравиться, а чѣмъ я могъ понравиться? А тоже чѣмъ я виноватъ, что понравиться не могъ? Ну, а потомъ разсудилъ и то, что служить-то на что: дѣти умерли, жена умерла, одна голова не бѣдна...

Иногда юноша совалъ дѣду сухую казенную булку, старикъ бралъ ее съ жадностью.

— Въ водицѣ ее размочу. Изъ бѣлой муки. Ржаной-то хлѣбъ больно надоѣлъ,—бормоталъ онъ, беззвучно смѣясь.— Тоже и полакомиться хочется. Охъ, грѣхи, грѣхи наши тяжкіе. Чревоугодники мы всѣ... чревоугодники...

И онъ ласково гладилъ мальчугана шершавой рукой по волосамъ. Онъ былъ единственнымъ человѣкомъ, ласкавшимъ мальчика...

— А теперь похоронить его не на что, свезти въ больницу не на что,—мучительно мелькало въ головѣ Хопрова, и въ душѣ шевельнулось что-то въ родѣ раскаянія, негодованія на себя. — Сказалъ еще давеча: «какой онъ мнѣ дѣдъ!»

Онъ захватилъ лампочку и направился въ каморку старика, охваченный, какъ въ день бѣгства матери, сознаніемъ, что онъ любилъ въ жизни только дѣдку, что кромѣ этого старика у него не было никого близкихъ. Старикъ лежалъ все въ томъ же положеніи неподвижно, безпомощно. Мучительно тяжело было на душѣ у Ивана Ивановича. Въ ней шевелились теперь угрызенія совѣсти. До двадцати пяти лѣтъ онъ дожилъ, а не завоевалъ ни опредѣленнаго

положенія, ни опредѣленнаго заработка. Близкій старикъ вотъ умираетъ, а у него нѣтъ ни гроша, чтобы помочь больному. И въ какой конурѣ жилъ бѣдняга. Удобствъ даже никакихъ не доставилъ ему онъ, Хопровъ. Платилъ за эту конуру даже не онъ, а самъ старикъ...

Прошло нѣсколько минутъ и Хопровъ услышалъ, что кто-то говоритъ около него:

— Вотъ и у васъ горе стряслось! Тетка сказала, что у васъ дѣдъ умираетъ.

Онъ обернулся: около него стояла его сосѣдка, съ любопытствомъ смотрѣвшая на больного сѣровато-голубыми круглыми глазами.

— Что же, вы его въ больницу отправите?

— На какія деньги? Ни гроша у меня нѣтъ, — безнадежно отвѣтилъ Хопровъ.

Она опять заплакала и пожаловалась на судьбу:

— Вотъ какъ у меня. Ни гроша нѣтъ, а тетка гонитъ вонъ. Гдѣ я возьму? На улицу идти, что ли? Охъ, горе-горькіе мы съ вами.

— Полноте! Слезами не помочь! — сказалъ онъ, и, не обращая на нее особеннаго вниманія, съ лампой въ рукѣ, тяжело вздохнувъ, пошелъ изъ каморки.

Она пошла за нимъ.

— Не помочь, не помочь, а если тяжко на душѣ? И никого-то нѣтъ, кто бы хоть словечко ласковое сказалъ. Тетка вотъ - единственная родня, а и та гонитъ. Да и то сказать, какая она мнѣ тетка. погубить только умѣла, продать.

Онъ вошелъ въ свою комнату, она вошла въ нее вслѣдъ за нимъ.

— Ничему не учила, а продала. Развѣ я виновата. Теперь куда я пойду? Въ воду внизъ головой? Вотъ и васъ, помяните мое слово, погонитъ она. Завтра же погонитъ. Недаромъ ругаетъ. И тунеядецъ, и шалопай, и прощелыга. Охъ, подлый языкъ! Ей люди нужны, пока у нихъ деньги есть. Всѣмъ такъ.

Она говорила ровнымъ, спокойнымъ тономъ, не стѣсняясь въ выраженіяхъ, съ откровенностью человѣка, не знающаго, что можно говорить, чего нельзя говорить.

Онъ сидѣлъ на постели, упершись локтями въ колѣни, спустивъ на руки голову, окончательно подавленный новымъ открытіемъ—вѣстью, что и его погонятъ съ квартиры. Да какъ же и не погнать! Денегъ не платитъ, а деньги всѣмъ нужны. Въ его головѣ вертѣлась теперь почему-то мысль,

что у него есть одно знакомое существо, не придающее значенія деньгамъ. Надѣется это молодое существо на его энергію, на его талантъ, надѣется наперекоръ всѣмъ, своимъ братьямъ и сестрамъ, отцу и матери, называющімъ его, Хопрова, тоже и шалопаемъ, и тунеядцемъ. Кто не зоветъ его этой кличкой? Съ той поры, когда внезапно умеръ его отецъ, когда брезгливая нѣмка изъ благородныхъ не побрезгала украсть все, кромѣ нѣсколькихъ именныхъ денежныхъ бумагъ, когда его исключили изъ гимназіи, когда онъ, колеблясь между сценой и живописью, вступилъ вольнослушателемъ въ академію художествъ и сталъ играть на клубныхъ сценахъ, безпечно проѣдая оставшіяся послѣ отца три-четыре тысячи,—его стали любить всѣ изъ товарищей и всѣ изъ солидныхъ людей стали звать его шалопаемъ. Но кругъ товарищей рѣдѣлъ, такъ какъ его кошелекъ пустѣлъ, а товарищи выходили въ люди, и въ то же время кругъ порицателей дѣлался все многочисленнѣе, потому что вышедшіе въ люди товарищи пополняли его. Наконецъ, осталась только одна личность, вѣрившая и въ его великое будущее, и въ его энергію, и въ его доброе сердце—вѣрившая даже тогда, когда онъ сталъ уже самъ сомнѣваться во всемъ этомъ въ минуты голоданья и ожесточенныхъ нападеній квартирной хозяйки.

— И никто не поможетъ, — продолжала причитать сосѣдка.—А кто и радъ бы помочь, у того у самого ничего нѣтъ. Добрые-то всегда бѣдны.

Ему было страшно тяжело въ эту минуту. Его единственный другъ, его Вѣра, Вѣрочка, Вѣра Павловна, тоже ничего не имѣетъ своего. Почти еще дѣвочка, она только начинаетъ жить, вполнѣ зависитъ отъ отца и матери. Онъ не могъ долѣе крѣпиться и заплакалъ дѣтски-неутѣшными слезами.

— Ахъ, вы бѣдный, бѣдный!—съ чувствомъ проговорила его сосѣдка и присѣла около него. — Тяжко вамъ, голубчикъ! Такъ-то мнѣ жаль васъ! Знаю я это, знаю горе-то! Я же сама глазъ не осушаю.

— Добрая вы дѣвушка!—пробормоталъ онъ безсознательно.

— Вотъ оба мы, какъ сироты горемычные, никого-то, никого-то у насъ нѣтъ, — заунывно и жалобно протянула она и склонилась въ слезахъ къ его груди. — И гдѣ мы завтра будемъ — сами не знаемъ. На улицу, можетъ-быть, выбросятъ насъ, какъ собачонокъ! Подъ какимъ-нибудь заборомъ, голодные, издохнемъ!

Онъ опять услышалъ слезы и самъ, въ слезахъ, сталъ уговаривать ее. Она сокрушалась больше всего о томъ, что они такіе молодые, что они такіе здоровые, и вотъ на улицѣ погибнуть должны, счастья не видавши, любви не знавши. Онъ смутно понималъ слова, точно въ какомъ-то бреду, точно въ опьяненіи. Кто-то жалѣлъ его, кто-то ласкалъ его, кто-то говорилъ о молодыхъ погибшихъ годахъ, о людской злобѣ, о злой судьбѣ, о любви къ нему, и ему было все равно, кто именно говорилъ все это. Хотѣлось забыться отъ нежданнаго горя на чьей-нибудь груди, хотѣлось хоть сойти съ ума, только бы забыть горькую дѣйствительность. Если бы была въ эту минуту подъ рукой водка—онъ напился бы до безчувствія мертвецки пьянымъ.

Была уже полночь, когда онъ очнулся—очнулся непріятно, чуть не со злостью отъ ея глупо-жалобныхъ, некстати произнесенныхъ словъ:

— Старичокъ-то, можетъ-быть, и умеръ, бѣдненькій!

Онъ поднялся и почти грубо сказалъ:

— Да, мы вотъ тутъ разнѣжничались, а рядомъ человѣкъ умираетъ. Подло это.

Онъ откинулъ назадъ свои густые, спутавшіеся волосы и, взявъ лампу, пошелъ въ каморку дѣда. Сосѣдка, какъ тѣнь, потащилась за нимъ.

Дѣдъ лежалъ въ странномъ положеніи, перегнувшись головой внизъ, запустивъ одну руку подъ замасленный тюфякъ; одѣяло почти совсѣмъ сбилось съ него; виднѣлись жиловатыя, обросшія волосами ноги, поднявшіяся мозолистыми пятками вверхъ: казалось, этотъ человѣкъ застылъ въ страшныхъ конвульсіяхъ.

— Умеръ!—воскликнула дѣвушка.—Умеръ!

Хопровъ весь вздрогнулъ, хотѣлъ поставить на столъ лампу, но въ комнатѣ не было стола; онъ поставилъ ее дрожащими руками на полъ и потомъ съ трудомъ, какъ разбитый, выпрямился, чтобы подойти къ дѣду.

— Бумажки!—воскликнула внятнымъ шопотомъ дѣвушка и бросилась къ покойнику.

Въ рукѣ, запущенной подъ тюфякъ, скрючившейся въ послѣднихъ судорогахъ, дѣйствительно были скомканныя деньги.

— Что вы выдумываете!— громко и со злостью сказалъ Хопровъ.

— Тише! тише! Тетку разбудите! Да что вы! Узнаетъ, все сберетъ!—въ ужасѣ остановила его сосѣдка.

— Какъ, оберетъ? Я же наслѣдникъ!—проговорилъ быстро Хопровъ и что-то такое на минуту прошло въ его душѣ, что казалось, онъ глаза выцарапаетъ каждому, кто осмѣлится отнять у него эти деньги.

— Ну, да, наслѣдникъ! Какой онъ вамъ дѣдъ,—сказала она, уже присѣвъ на полъ и торопливо хлопоча около покойника. — Надо скорѣе все взять, чтобы люди не узнали. Узнаютъ, ничего не останется.

Она уже командовала Хопровымъ, приказывая ему повернуть покойника, навалившагося на край тюфяка. Она сама, дюжая, здоровая, сильная, какъ чернорабочій человѣкъ, помогла его сдвинуть къ стѣнѣ и начала шарить подъ тюфякомъ, далеко, во всѣ углы просовывая обнаженныя руки. Вытаскивая деньги, она совала ихъ въ карманы, какъ бы окаменѣвшаго, Хопрова, въ его пиджакъ, въ панталоны. Ему было жутко въ этой угрюмой полутьмѣ, отъ этого зловѣщаго шопота возившейся на полу около постели дѣвушки, при видѣ этого прижатаго къ стѣнѣ трупа, шевелившагося едва замѣтно, когда подъ нимъ шарили ищущія денегъ руки. Хопрова пугала даже тѣнь этой грабительницы, колебавшаяся на стѣнѣ и потолкѣ. Но, тѣмъ не менѣе, онъ точно приросъ къ мѣсту и не двигался.

— Это Богъ на нашу сиротскую долю посылаетъ!—торопливымъ шопотомъ говорила между тѣмъ она.—Видишь ты, это я тебѣ счастье принесла. Чѣмъ бы хоронить? Изъ чего бы за квартиру заплатить? На улицу бы выгнала тетка. Это Богъ за наше горе послалъ, сиротъ вспомнилъ.

Потомъ, когда все было выбрано, когда были обшарены всѣ уголки, она приказала Хопрову:

— Иди! иди къ себѣ! Не надо, чтобы тебя здѣсь видѣли! Я тетку разбужу. Пусть за дворникомъ пошлетъ Машутку.— Обмыть надо, все какъ слѣдуетъ сдѣлать. Бѣдненькій старичокъ!

Хопровъ въ какомъ-то чаду пошелъ въ свою комнату, взявъ лампу, сунутую ему въ руки молодой дѣвушкой. Онъ точно отупѣлъ, не протестовалъ, повиновался автоматически, какъ кукла.

Въ коридорѣ, между тѣмъ, раздался слабый испуганный возгласъ:

— Тетя! тетя! Не умеръ ли старичокъ-то? Тихо тамъ что-то! Божья...

— А, ну тебя! первый сонъ прервала!—послышался от-

нѣтъ.—Ну, буди жильца, либо Машку, пусть посмотрятъ. Чего меня тревожить...

Хопровъ услышалъ, какъ стали будить Машку...

Черезъ четверть часа въ комнатѣ старика возились люди, обмывая шершавое тѣло. Еще черезъ нѣсколько минутъ старикъ уже лежалъ съ сложенными на груди руками на той же постели, гдѣ умеръ, только безъ тюфяка, а на голыхъ доскахъ, покрытыхъ чистой простыней. Распорядившись всѣмъ, энергично командуя людьми, покрикивая на тетку, на служанку, молодая дѣвушка прошла, наконецъ, въ комнату Ивана Ивановича, сидѣвшаго безсмысленно на своей постели, и бросилась его обнимать:

— Вотъ Богъ-то не оставилъ! Видишь, я счастливая! Сколько оставилъ дѣдъ?

Не знаю,—съ безсмысленнымъ взглядомъ отвѣчалъ Хопровъ.—Ничего не знаю.

— Ну, да что толковать; послѣ сочтемъ, благо теперь съ голоду не умремъ! Ахъ, какъ я рада, что Богъ спасъ насъ! Измучились мы оба, измаялись. Вотъ дѣдушка-то отплатилъ тебѣ за все, помяни его, Господи, во царствіи Своемъ! Ты его хорошо похорони, крестъ на могилкѣ поставь...

Хопровъ, снова пораженный не словами, а тономъ ея рѣчей, заплакалъ безсильный, какъ ребенокъ. Она обняла его, прижала его голову къ своей полной груди, покрыла поцѣлуями его лицо.

Уйди... войдетъ кто-нибудь... не надо...—безсознательно бормоталъ онъ.

— А пусть видятъ. Намъ-то что за дѣло? Боимся мы, что ли, кого-нибудь теперь? Нѣтъ, голубчикъ, съ деньгами каждый самъ себѣ панъ. Да я теперь земли подъ собой не слышу отъ радости.

Онъ такъ упалъ духомъ, такъ былъ подавленъ, что не могъ даже протестовать, не замѣчалъ, что эта женщина дѣлаетъ его и воромъ, и своимъ сообщникомъ въ воровствѣ.

II.

— Довольно, довольно спать! Ахъ, какой соня! Надо распорядиться всѣмъ.

Эти слова услыхалъ поутру Иванъ Ивановичъ, чувствуя, что кто-то весело тормошитъ его за плечо. Онъ открылъ глаза. Передъ нимъ стояла Маргарита Ѳедоровна и улыбалась всѣмъ своимъ широкимъ лицомъ, голубовато-сѣрыми глазами и широкими, красными, какъ кусокъ мяса, губами.

Ея коротенькій носъ казался еще шире отъ расплывшейся по лицу улыбки. Хопровъ не сразу понялъ, что съ нимъ происходитъ, какъ попала эта женщина въ его комнату: уходила ли она отсюда, или пробыла здѣсь всю ночь. Она засмѣялась, видя его растерянный взглядъ, и, шутя, спутала его волосы.

— Ахъ, соня, соня; съ открытыми глазами спитъ! Вставай. Надо сообразить, какъ похороны устроить...

Онъ уже пришелъ въ себя, вспомнилъ все, что было наканунѣ, заторопился встать. Совершенно ясно сознавалъ онъ теперь, что вчера умеръ дѣдъ, что онъ присвоилъ его деньги, что вмѣстѣ съ нимъ эти деньги обирала эта дѣвушка. Онъ растерялся отъ смутнаго страха, отъ стыда, отъ брезгливаго чувства. Полусознательно, подъ вліяніемъ перваго побужденія, онъ пробормоталъ:

— Надо полиціи заявить... о деньгахъ...

— Съ ума ты сошелъ!—воскликнула она.—Богъ послалъ на твою сиротскую долю кладъ, а ты хочешь полиціи все отдать. Вотъ-то хорошо! Да еще таскать тебя же начнутъ, скажутъ, что больше было, что утаили. Они, что ли, дѣдато кормили? Это твое, за твою доброту Богъ послалъ. И я тебѣ счастье принесла.

Она подошла къ нему и ласково проговорила, взявъ его за подбородокъ, опушенный свѣтлой вьющейся бородой.

— Ахъ, ты глупенькій, глупенькій, все бы ты отдалъ и на вѣтеръ расшвырялъ! Нѣтъ, голубчикъ, голодать-то не сладко, надо самимъ о себѣ думать. Другіе не помогутъ, а только послѣднюю рубашку сдерутъ.

И, принявъ дѣловой видъ, она добавила:

— Прежде всего надо сосчитать, что намъ оставилъ нашъ старичокъ.

Она пошла замыкать на ключъ дверь.

— Отъ лишнихъ глазъ!—пояснила она, кивнувъ головой и подмигнувъ однимъ глазомъ.—Меньше видятъ, меньше брешутъ... Ну, будемъ считать.

Она, распоряжаясь имъ, какъ пѣшкой, стала шарить въ его карманахъ, начала выкладывать деньги на столъ. Онъ тупо позволялъ ей распоряжаться, не протестуя, подавленный происшедшимъ.

— Десять, двадцать, тридцать рублей, — считала она, слюня пальцы и перебирая бумажки.—Сто! О, да много онъ насбиралъ милостыней... По кладбищу больше всего, говорятъ, сбиралъ. Тамъ, конечно, больше всего подаютъ... съ

горя расчувствуются, размякнутъ и подаютъ зря на поминовеніе души...

— Что? Милостыней? По кладбищамъ?—машинально повторилъ Хопровъ, какъ бы въ полуснѣ.

— Ну, да, развѣ же ты не знаешь? Чѣмъ же жилъ-то онъ? Не ты же ему давалъ. Милостыню онъ собиралъ. На Митрофаньевскомъ кладбищѣ его такъ и звали среди нищихъ «чиновникомъ».

— Это ложь!.. Я никогда...—возвысилъ голосъ Хопровъ и не кончилъ фразы.

Его точно обидѣли, глубоко оскорбили тѣмъ, что его дѣдъ собиралъ милостыню, а онъ шалопайничалъ. Вдругъ вспомнилось, что дѣдъ даже помогалъ ему изрѣдка: уплачивалъ за его комнату, приносилъ поѣсть студеня, колбасы, вѣсового бѣлаго хлѣба. Милостыню просилъ—и помогалъ ему!

Ну, вотъ! Это всѣ знаютъ,—беззаботно продолжала она, не обращая никакого вниманія на тонъ его протеста.—Какъ это ты-то не зналъ? Впрочемъ, вы, мужчины, ноть носомъ у себя ничего не видите. Вотъ-то васъ легко надувать. Совсѣмъ рохли!

И, вспомнивъ, что надо спѣшить, она перебила сама себя:

— Да не мѣшай мнѣ, а то я не кончу... Десять, двадцать, тридцать,—засчитала она снова.—Еще сто. Вотъ тутъ триста рублей. А это сторублевки. Ихъ хорошо считать: разъ, два, три и готово. Сколько ихъ? Ого, тридцать! Ишь ты сколько!

— Оставь, довольно!—остановилъ онъ ее раздражительно.—Ограбили—ну, и довольно, а тутъ еще итоги подводишь!

— Кого это ограбили?—удивилась она и покачала головой.—Покойника-то? Да на что же ему деньги? И для тебя же онъ бережъ? Или ты опять полицію награждать хочешь?

Она засмѣялась и подразнила его:

— Ну, хочешь, пойду скажу, что остались деньги! Хочешь? Возьмутъ все, похоронить-то хорошо покойника не подумаютъ, панихидки не отслужатъ, а ты помирай опять съ голоду, да еще въ подозрѣніи находись, что утаилъ нѣсколько рублей.

Онъ безсильно опустился на стулъ, уперся локтями о столъ, запустилъ пальцы въ волосы и какъ бы застылъ въ нѣмомъ отчаяніи. На мгновеніе опять появилось въ душѣ сознаніе, что онъ перерветъ горло тому, кто вздумаетъ отнять эти деньги. Прошлое, сносившееся легко и беззаботно, показалось теперь страшнымъ, непроглядно мрачнымъ. Какъ только онъ перенесъ его, это прошлое? Еще немного бы—

и онъ покончилъ бы самъ съ собою, измученный нищетой. Такъ ему казалось теперь. Прежде онъ никогда и не думалъ о самоубійствѣ. Въ головѣ мелькала ѣдкая мысль, что теперь нѣтъ уже подъ рукой даже нищаго-старика, могущаго поддержать его, собирая деньги Христовымъ именемъ. Маргарита Ѳедоровна продолжала считать рублевыя, замасленныя бумажки: рубль, два, три, четыре...

— Все? больше нѣтъ у тебя?—наконецъ, окликнула она его.

Онъ отрицательно замоталъ головой.

— Не знаю!

Она встала, пошарила въ его карманахъ, въ пиджакѣ, въ панталонахъ, въ жилетѣ, мимоходомъ потеребила шаловливо его волосы и налету поцѣловала въ голову, потомъ рѣшила:

— Нѣтъ, всѣ тутъ! Всего четыре тысячи шестьсотъ два рубля. Да это на вѣкъ хватитъ, если умно распоряжаться. Табачную лавку можно открыть. Есть улицы, гдѣ ни одной табачной лавочки нѣтъ. Выгодно. Ну, да это послѣ. А теперь иди, надо распорядиться, читальщика взять, гробъ заказать. Шевелись же! Вотъ-то тебя пришибло нежданное счастіе! Нѣтъ, я не въ тебя. Горе меня пришибаетъ: плачу, плачу и ничего придумать не могу, мыслей въ головѣ даже нѣтъ; а счастіе—крылья у меня точно отрастаютъ, такъ бы и носилась, такъ бы и носилась. Вотъ теперь земли я подъ собой не слышу, ей-Богу! Ну, иди!..

Она заперла деньги въ его комодъ, давъ ему сто рублей на расходы, сунула ключъ отъ комода въ свой карманъ, отомкнула дверь и почти силой заставила его идти распоряжаться, шепнувъ на ходу, чтобы онъ прежде зашелъ къ дѣду взглянуть.

На улицѣ его охватило свѣжимъ весеннимъ воздухомъ. Вездѣ лились цѣлые ручьи воды, около тротуаровъ въ жидкой грязи вода пробила канавки, въ воздухѣ щебетали, чирикали и звенѣли птицы въ веселыхъ хлопотахъ, солнце играло на всемъ, превращая капли воды въ алмазныя искры, дѣлая изъ лужъ свѣтящіяся зеркала, деревья въ садахъ еще не были одѣты въ листья, но уже казались издали мѣстами зеленоватыми, мѣстами красноватыми отъ оживившихся въ нихъ вѣтвяхъ соковъ. Онъ осмотрѣлся кругомъ, точно не понимая, гдѣ онъ и зачѣмъ вышелъ, съ чего всѣ такъ суетятся, и люди, и птицы, почему на улицѣ такъ шумно, дребезжатъ колеса, выкрикиваютъ что-то разносчики, отчетливо раздается благовѣстъ. Развѣ праздникъ нынче? Да,

праздникъ—весна. Онъ тяжело вздохнулъ. Онъ-то зачѣмъ вышелъ на этотъ праздникъ? Потомъ въ головѣ мелькнула мысль: «да, она велѣла къ гробовщику зайти». Онъ пошелъ и сталъ тупо думать о томъ, какъ она могла ему велѣть? кто она ему? Почему она говоритъ ему *ты*? Почему приказываетъ? Тутъ рядомъ старикъ умиралъ, а онъ не нашелъ ничего лучшаго, какъ забыться въ объятіяхъ этой женщины. Потомъ крали вмѣстѣ. Говоритъ, что это она принесла ему счастье! Онъ потеръ рукою лобъ, точно этотъ лобъ болѣлъ отъ стиснувшихъ его желѣзныхъ обручей.

— Иванъ Ивановичъ, даже друзей не узнаете!—раздался около него бойкій и веселый женскій голосъ.

Хопровъ остановился и даже пошатнулся отъ смущенія, увидавъ передъ собою миловидную молоденькую дѣвушку, одѣтую скромно, хотя и не безъ кокетливости, смотрѣвшую на него веселыми и бойкими глазами.

— Вѣра Павловна? Вы?—пробормоталъ онъ и смолкъ.

Его точно удивила неожиданность этой встрѣчи. А между тѣмъ, онъ хорошо зналъ, что именно въ этотъ часъ онъ всегда могъ ее встрѣтить здѣсь и встрѣчалъ, такъ какъ она ходила въ это время на лекціи.

— Голубчикъ, что съ вами? Вы на себя не похожи!—заботливо воскликнула она и тутъ только замѣтила безпомощное выраженіе его лица.

— Случилось что-нибудь?

— Дѣдъ... умеръ,—пробормоталъ глухо Хопровъ.

— Ахъ, бѣдненькій, бѣдненькій!—жалостливо проговорила она, немного нараспѣвъ, почти по-дѣтски.—Ну, да что же, не слѣдуетъ такъ горевать... Вѣдь онъ ужъ старичокъ у васъ былъ... Конечно, это единственный близкій къ вамъ человѣкъ...

У нея въ большихъ карихъ глазахъ стояли уже крупныя слезы. Она протянула Хопрову руку и съ чувствомъ сказала:

— Хорошо это съ вашей стороны, что вы его такъ любили!

И съ молодымъ горячимъ негодованіемъ, не удержавшись, тутъ же откровенно прибавила:

— Взглянули бы вотъ теперь наши на васъ, посмотрѣла бы я, какъ они стали бы повторять, что вы пустой и легкомысленный человѣкъ... Ей-Богу, я иногда за васъ готова имъ всѣмъ глаза выцарапать...

— Я, можетъ-быть, даже хуже, чѣмъ они думаютъ,—мимовольно сорвалось у него съ языка.

— Ну, ну, пожалуйста, безъ самобичеваній!—сердито перебила она его.—Вы знаете, не люблю я этой рисовки... Дуренъ—исправляйся, а не хвастай этимъ, какъ орденомъ или чиномъ, вотъ мое правило.. Однако, что же я болтаю; вамъ теперь не до того, хлопотъ, я думаю, не мало...

Она опять пожала его руку.

— Удосужитесь—заходите! Вы знаете, я всегда вамъ рада.

Она заторопилась, спѣша на лекціи.

Онъ тоже пошелъ своей дорогой, а передъ глазами его еще стоялъ этотъ дорогой ему образъ дѣвушки и слышались ея слова: «дуренъ—исправляйся, а не хвастай этимъ, какъ орденомъ или чиномъ». Да, да, въ этомъ вся задача. Сколько разъ послѣ разговоровъ съ этой дѣвушкой онъ давалъ себѣ слово исправиться, то-есть приняться за работу, написать хорошую картину, и каждый разъ изъ этого ничего не выходило. Вмѣсто созданія хорошей картины, силы и время тратились на рисованье какой-нибудь грошевой сценки для иллюстрированнаго изданія, на изученіе роли для клубнаго спектакля ради получки пяти-шести рублей, наконецъ просто на лежанье на постели съ отрывками неясныхъ думъ, смутныхъ образовъ, чего-то неуловимаго въ головѣ. Что-жъ дѣлать, если нужно было чаще всего думать не о славѣ, не о пріобрѣтеніи имени, а о кускѣ насущнаго хлѣба, если не было выработано въ характерѣ ни устойчивости, ни упорства, ни терпѣнія? Онъ вспомнилъ, что у него теперь есть деньги. Два, три года на эти деньги можно прожить, работая усидчиво, упорно—и тогда... Его вдругъ охватило ощущеніе бодрости, надежды. Да, теперь все можно сдѣлать. Теперь голодъ не будетъ мѣшать труду. Кончивъ большой трудъ, онъ будетъ имѣть право предложить Вѣрѣ Павловнѣ свою руку. Милое, восторженное, упрямое въ своей вѣрѣ, созданіе, какъ она будетъ счастлива, когда ея надежды на него, на его талантъ сбудутся, когда она станетъ съ нимъ подъ вѣнецъ, гордясь тѣмъ, что онъ оправдалъ ея надежды и наперекоръ ея роднымъ показалъ, на что онъ способенъ. Онъ шелъ уже съ сіяющимъ лицомъ, бодро и смѣло, точно его большой, еще не начатый трудъ уже оконченъ, точно всѣ препятствія уже устранены. Завернувъ въ мастерскую гробовщика, онъ прошелъ въ церковь, заказалъ все, что нужно, потомъ пошелъ домой, разсчитывая, что чрезъ часъ будетъ панихида, а послѣ онъ поѣдетъ на кладбище заказывать могилу. Угнетенное настроеніе духа, что-то въ родѣ

помѣшательства, помутившаго со вчерашняго вечера его умъ, страхъ и стыдъ за совершенное похищеніе денегъ, принадлежавшихъ въ сущности ему по праву, если не по закону, непріятное ощущеніе при воспоминаніи о сближеніи съ сосѣдкой въ минуту нервнаго возбужденія, въ минуту опьянѣнія отъ горя, въ минуту полной невмѣняемости, все это исчезло теперь безъ слѣда. Природный, нѣсколько легкомысленный, юморъ появился снова, и Хопровъ, съ едва замѣтной усмѣшкой на губахъ, вспоминалъ теперь, какъ командовала имъ въ прошлую ночь и въ это утро «курносая чухонка». Онъ даже не сердился на нее, а жалѣлъ ее. Тоже голову потеряла отъ голода, какъ и онъ. Надо будетъ дать немного денегъ и ей, помочь. Недаромъ же она говоритъ, что это она ему принесла счастье: все будущее теперь измѣнилось для него; вчера еще впервые его хватило отчаяніе; теперь впервые онъ твердо вѣрилъ въ то, что будущее—его.

И не знаетъ, бѣдный дѣдъ, что гроши, собранные имъ Христа ради въ теченіе долгихъ лѣтъ, спасутъ навсегда отъ гибели его Ваню. Бѣдный старикъ.

Онъ ощущалъ теперь глубокую любовь къ дѣду, съ чувствомъ грусти раздумывалъ о его судьбѣ. Сколько горя, сколько лишеній, сколько униженій перенесъ этотъ старикъ, недалекій, неразвитой, некрасивый, глухой, затравленный, какъ волкъ. Каждая копейка пріобрѣтена дорогой цѣной. Нужно будетъ свято и честно беречь эти копейки, разсчетливо распоряжаться ими...

— Да ты-то что суетишься, точно бѣсъ передъ заутреней? Тебѣ-то что тутъ за дѣло? Съ какой стороны пристегнулась?—услышалъ Хопровъ звонкій голосъ хозяйки, вернувшись въ свою квартиру.

— Меня Иванъ Ивановичъ просилъ всѣмъ распоряжаться,—такъ же визгливо отвѣчала племянница хозяйки.

— Чѣмъ распоряжаться-то? Какъ бы я васъ обоихъ не погнала сегодня, либо завтра съ квартиры!

— И сами съѣдемъ, когда похоронимъ старика!

— Да вы что-жъ, вмѣстѣ съ шарманками по улицамъ согласились ходить, что ли!

— Это ужъ не ваше дѣло!

— А чье же? за квартиру-то ты отдала, что ли?

— Отдамъ, отдамъ, не безпокойтесь!

Тетка и племянница грызлись зубъ за зубъ по-базарному, крикливо, на всю квартиру. Хопровъ поморщился и мысленно

рѣшилъ, что точно теперь надо скорѣе переѣхать съ этой квартиры, вертепъ это какой-то.

Черезъ минуту Маргарита Ѳедоровна была уже въ комнатѣ Хопрова и торопливо разспрашивала, все ли онъ сдѣлалъ, что слѣдовало, когда панихида, нанятъ ли читальщикъ. Ея тонъ былъ озабоченъ и дѣловитъ.

— Могилу вотъ еще надо заказать,—сказалъ Иванъ Ивановичъ.— Послѣ панихиды поѣду...

— Я поѣду съ тобой,—рѣшила Маргарита Ѳедоровна.

— Зачѣмъ же?

— Вотъ еще: зачѣмъ? Что же здѣсь-то мнѣ киснуть? Да я и люблю по кладбищамъ ѣздить. И особенно теперь тамъ хорошо: весна!

Онъ усмѣхнулся ея безцеремонности, но не протестовалъ. Пусть ѣдетъ, если это доставляетъ ей удовольствіе.

Послѣ панихиды онъ и Маргарита Ѳедоровна наняли извозчика и поѣхали на Митрофаньевское кладбище.

— А знаешь, если табачную лавочку открыть, — заговорила она дорогой:—то не больше трехсотъ или четырехсотъ рублей понадобится.

— Съ чего ты вбила себѣ въ голову табачную лавочку?— спросилъ онъ, усмѣхаясь.

— Ахъ, это же выгодно! У меня дядя содержалъ маленькую лавочку, а потомъ такъ расторговался — страсть! И я люблю это, за прилавкомъ хозяйкой сидѣть.

Онъ что-то сообразилъ.

— Такъ тебѣ на это триста, четыреста рублей понадобится?—спросилъ онъ.

— Какъ, мнѣ?—удивилась она.—Мы вмѣстѣ же откроемъ. Найдемъ квартирку съ магазиномъ и откроемъ лавочку.

— Ну, мнѣ-то нельзя при лавочкѣ жить. Мнѣ нужна мастерская для того, чтобы писать картину.

Она засмѣялась.

— Очень нужно тебѣ теперь картины пачкать. Пустишь въ оборотъ капиталъ, безъ всякой пачкотни проживешь.

Онъ улыбнулся надъ ея глупостью.

— Что смѣешься! Ужъ я знаю, что при деньгахъ не станешь малевать картинъ. Ну, а захочешь, такъ и при табачной лавкѣ найдется комнатка, гдѣ можешь малевать, сколько душѣ угодно. Вонъ Козловъ, сынъ башмачника, что у насъ въ домѣ,—въ подвалѣ съ семьей живетъ, а посмотри, какія вывѣски и образа мараетъ. Видѣлъ, на окнѣ у нихъ всегда выставлены его картины?

И, перемѣняя тонъ, она таинственно сказала:

— А тетка разнюхать все хочетъ. Умора!

— Что такое разнюхать?—спросилъ онъ.

— Да, понимаешь, ничего она не знаетъ, а видитъ, что ты пошелъ гробъ заказывать, я опять духу набралась, ну, и разбираетъ ее любопытство, съ чего это. «Наслѣдства, что ли, говоритъ, ждете?» Дуру напла, чтобы я ей разсказала. Да тогда бы насъ по полиціямъ да по судамъ затаскали. Хорошо еще, что это у насъ такъ ловко вышло, никто не проснулся. Ты-то, было, раскричался, хорошо, что я ротъ зажала...

Его опять охватили страхъ, стыдъ, омерзѣніе. Она говорила объ этомъ, какъ о формальной кражѣ, и была совершенно спокойна. Онъ старался доказать себѣ, что это вовсе не кража, и былъ встревоженъ, взволнованъ. Мимовольно онъ дотронулся до нея рукою и указалъ глазами на извозчика.

— Ну, что онъ пойметъ!—небрежно сказала она, но все же перемѣнила разговоръ.

На кладбищѣ она взяла его подъ руку и впала въ сентиментальный тонъ:

— Ахъ, какъ здѣсь хорошо! Что значитъ весна-то. Вездѣ жизнь, птицы. Вонъ травка. Смотри, смотри, уже цвѣточки есть. Бѣленькіе! Потомъ пойдутъ все желтые. А тамъ ужъ, лѣтомъ, лиловые и голубые. Я это знаю. Можетъ-быть, и насъ здѣсь же похоронятъ. Хорошо бы умереть весною. Весною мы сошлись, весною бы и умереть. Мнѣ такъ хорошо, такъ хорошо сегодня. Впервые я люблю...

Онъ разсердился и оборвалъ ее.

— Глупости болтаешь! Развѣ я не знаю твоей жизни. Слава Богу, два года рядомъ жили.

— Ну, такъ что же?—проговорила она спокойно. — Что ходили-то ко мнѣ эти офицеръ и купецъ? Такъ развѣ это любовь? Нѣтъ, это не любовь. Они ходили, а я иногда въ коридоръ выбѣгала на тебя взглянуть, какъ ты пройдешь. Ты красивѣе. Всегда мнѣ нравился. Ахъ! бывало, они сидятъ, а я о тебѣ вздыхаю въ мечтахъ.

Она вздохнула.

— Конечно, оба мы были голодными. Нечего было и думать сходиться. Да тетка заѣла бы меня, если бы что замѣтила тогда между нами. Ну, а теперь я плюю на нее. Теперь при всѣхъ скажу, что люблю тебя.

И, опять перемѣнивъ тонъ, она оживленно прибавила:

— А ты знаешь, я въ сорочкѣ родилась! Это правда, что въ сорочкѣ родиться—счастье. Вотъ думала я всегда о тебѣ—и сбылось: на мою долю тебѣ Богъ и деньги послалъ. Три дня я плакала и вдругъ точно что-то толкнуло посмотрѣть, какъ нашъ старичокъ умираетъ, а тамъ ты стоишь. Судьба все! А потомъ и деньги я первая увидала. Не будь меня, ты бы шумъ поднялъ, созвалъ бы всѣхъ.

Почти съ ужасомъ она воскликнула:

— Господи, да что бы тогда было! Все бы обобрали чужіе! И сидѣли бы мы сегодня безъ хлѣба, какъ вчера, на улицу насъ вышвырнули бы...

Она засмѣялась.

— Ну, цѣлуй мнѣ ручку за то, что я не растерялась!

Она поднесла къ его губамъ толстую, широкую руку, немного красноватую, немного шершавую, какъ рука работницы. Онъ какъ-то тупо, чувствуя себя снова подавленнымъ тяжелымъ гнетомъ, прикоснулся къ ней губами.

«Да что же это будетъ?—мелькнуло въ его головѣ.—Ужъ не хочетъ ли она меня женить на себѣ? Да нѣтъ, что за чепуха; это просто мимолетная связь. Дамъ ей на табачную лавочку, а тамъ ей больше ничего и не нужно. Не она первая. Не монахъ же я».

Онъ усмѣхнулся, глядя на ея курносенькое, весноватое, но здоровое и румяное лицо. Могла бы быть и покрасивѣе, да, впрочемъ, не все ли равно? Нельзя же серьезно относиться къ этимъ женщинамъ. Надо только отучить ее отъ излишнихъ фамильярностей и сентиментальничанья, поставить на надлежащее мѣсто...

Отобѣдавъ въ гостиницѣ, Хопровъ вернулся домой и, сбросивъ пиджакъ и жилетъ, прилегъ уснуть до вечерней панихиды, но ему помѣшала уснуть возня въ сосѣдней комнатѣ; тамъ выдвигались какіе-то ящики, потомъ двигалось по полу что-то тяжелое и слышались восклицанія Маргариты Ѳедоровны: «Ишь чортъ какой тяжелый, не сдвинешь съ мѣста». Наконецъ, возня кончилась и совершенно неожиданно въ комнату Хопрова отворилась боковая дверь. Въ ней показалась Маргарита Ѳедоровна. Хопровъ повернулся на постели и съ удивленіемъ спросилъ:

— Что это?

— Да вотъ комодъ отодвинула. А то что-жъ черезъ коридоръ бѣгать.

Она съ озабоченнымъ лицомъ подошла къ нему и, присѣвъ около него, таинственно и поспѣшно заговорила:

— Ты смотри, не проговорись насчетъ денегъ. Скажи, что занялъ. Тетка опять добивалась. Чуетъ негодная что-то, да понять не можетъ. А тутъ еще сосѣдки причитаютъ: «тюфякъ-то распороли ли? нѣтъ ли тамъ капиталовъ? у такихъ-то нищихъ-стариковъ часто десятки тысячъ зашиты въ тюфяки». У-у, проклятыя! Вездѣ носъ надо сунуть! Бѣда, если тетка узнаетъ — отъ нея тогда ни крестомъ, ни пестомъ не отдѣлаешься. Всѣ деньги высосетъ. Я ее знаю.

И затѣмъ со вздохомъ прибавила:

— Ахъ, скорѣй бы похоронить старичка и съѣхать. Куда-нибудь подальше переѣдемъ. Да здѣсь и не стоитъ открывать табачный магазинъ. Какой покупатель въ Коломнѣ? Все голь перекатная, да жида тоже много. Будемъ переѣзжать — выпишемся за городъ, чтобы и слѣдовъ не нашли. Послѣ, если и узнаютъ—близокъ будетъ локоть, да не укусятъ. Мало ли ты откуда могъ достать денегъ. Ну, заработалъ, что ли. Она, тетка, развѣ понимаетъ, что нечѣмъ тебѣ заработать.

Его раздражало это назойливое повтореніе все объ одномъ и томъ же, уже казавшееся ему умышленнымъ стремленіемъ запугать его, забрать въ свои руки.

— Что это ты запугать меня хочешь, кажется?—проговорилъ онъ раздражительно.

— Чего мнѣ запугивать?—совершенно просто отвѣтила она и даже удивилась его вопросу.—А знаю я васъ, мужчинъ; насъ болтушками называете, а сами вы ничего скрыть не сумѣете. Баба всегда лучше концы спрячетъ.

И вполнѣ разсудительнымъ, серьезнымъ тономъ она пояснила:

— Вмѣстѣ нашли кладъ, одинъ проболтается, а достанется обоимъ. Тоже не радость. Мнѣ моя шкура тоже дорога.

Опять ему стало невыносимо тяжело отъ сознанія, что они дѣйствительно сообщники въ этомъ дѣлѣ, что ему нужно быть осторожнымъ, чтобы не раздражать ее. Онъ еще не зналъ, что раздражить ее, уживчивую, покладистую, сговорчивую, было довольно трудно.

III.

Наканунѣ похоронъ дѣда день выдался чудесный, теплый, точно среди лѣта. Иванъ Ивановичъ приказалъ служанкѣ выставить у себя окно. Двойныя рамы съ закоптѣвшими стеклами мало пропускали свѣта въ комнату. Теперь зим-

нюю раму вынули, на лѣтней протерли стекла, распахнули ее, и въ комнату ворвались свѣтъ, воздухъ, шумъ съ улицы. Хопровъ дохнулъ полной грудью, у него на душѣ стало легко. Онъ сѣлъ на подоконникъ, поставилъ ноги на стулъ, закурилъ папиросу. Подъ окномъ послѣ теплаго ночного дождя начиналъ чуть замѣтно зеленѣть садикъ, далѣе виднѣлась широкая площадь церкви Михаила Архангела, за ней вправо садилось солнце, бросая на землю свои яркіе прощальные лучи. Купола церкви, верхніе этажи каменныхъ домовъ, все было залито блескомъ солнца. Окна въ верхнихъ этажахъ зданій казались иллюминованными. Чувство художника взяло въ душѣ Хопрова верхъ надъ всѣми остальными чувствами. Прошедшее ушло куда-то далеко, грядущее не пугало, думалось только о настоящемъ—не о своемъ настоящемъ—смерти дѣда, пріобрѣтенныхъ деньгахъ, неожиданномъ сближеніи съ сосѣдкой,—а объ этомъ движеніи на улицѣ, объ этихъ снующихъ прохожихъ, объ этихъ гремящихъ колесами экипажахъ, объ этихъ лучахъ заходящаго солнца, играющихъ и на куполахъ церкви, и на окнахъ домовъ. Вошла Маргарита Ѳедоровна и присѣла на стулъ, около его ногъ. Она начала проектировать: она сыщетъ себѣ магазинъ и найдетъ меблированную комнату для Хопрова, чистенькую, свѣтлую, не такую конуру, какъ эта. Онъ ужъ пусть и не вмѣшивается, а то переплатитъ. Она умѣетъ торговаться. Ахнетъ онъ, какъ дешево она сторгуетъ комнату. У нея было много практическаго смысла, и она очень увлекалась своими проектами, такъ что это даже вызвало улыбку на лицѣ Хопрова.

— Ты мною ужъ очень распоряжаться хочешь; точно нянька ребенкомъ,—замѣтилъ онъ шутливо.

— Да ты ребенокъ и есть. Развѣ можно было такъ жить. Дряни сколько.

Она указала на стѣны.

— Ты не понимаешь; это все мнѣ нужно. Это мой будущій хлѣбъ.

— Безносый-то турка?—указала она на бюстъ Аполлона.

— Это голова Аполлона,—замѣтилъ онъ.

— Ну, все равно, Аполлона или Агаѳона. Ломаная... Знакомый, что ли?—спросила она мелькомъ.

Онъ не отвѣтилъ.

— А это, стыдъ и срамъ!—указала она на торсъ Венеры.— Нашелъ, какую скамейку для ногъ сдѣлать. Смотрѣть мерзко.

— Да это вовсе не для ногъ,—оправдался онъ.

— Развѣ-жъ я слѣпая; вонъ все ногами изъерзано.

И наставительно она сказала:

— Нѣтъ, ты совсѣмъ, какъ маленькій. Станешь самъ всѣмъ распоряжаться—истратишь все ни на что, ни про что, какъ тѣ деньги, что послѣ отца получилъ.

— А ты откуда знаешь?—удивился онъ.

— Да шило, что ли, жизнь-то, что ее утаишь?

— Да я тогда и не здѣсь жилъ...

— Ну да, у Жозефинки въ меблированныхъ комнатахъ форса задавалъ; потомъ къ Амаліи Карловнѣ перебрался, чтобы подешевле...

Она засмѣялась:

— Гора съ горой не сходится, а люди сходятся: тетка одно узнала, я другое; языки-то мы, бабье, любимъ чесать. Иной разъ въ конкѣ съ чужими ѣдешь, а про знакомыхъ такое узнаешь, что а-ахъ!.. Ну, да про тебя-то и дѣдъ говорилъ, сокрушался тоже иногда, что деньги ушли, что весь вѣкъ можно бы прожить на нихъ!..

— На четыре-то тысячи?—вставилъ онъ небрежно, пожимая плечами.

— Ну да, на четыре. Вотъ и теперь четыре съ половиной у тебя. Съ умомъ жить—на вѣкъ хватитъ.

Онъ невольно улыбнулся.

— Чего смѣешься? На одни казенные проценты можно прожить, если не въ Петербургѣ, конечно, а въ деревнѣ жить. Двѣсти двадцать пять рублей въ годъ доходу. Чуть не двадцать въ мѣсяцъ. Да гдѣ-нибудь въ захолустьи домъ за пятьсотъ рублей купить можно... А если здѣсь жить — обороты нужно дѣлать. Казенные проценты, конечно, не Богъ вѣсть что. Вотъ табачную открыть, меблированныя комнаты снять...

— И спустить все?—добавилъ онъ.

— Ну, нѣтъ! Это дуракъ спуститъ. А ты пусти въ оборотъ тысячу, а остальныя прибереги. Да и берись за дѣло не зря, самъ слѣди, рукъ не складывай!

Она съ извѣстнымъ чувствомъ добавила:

— Нѣтъ, ужъ намъ-то бы грѣхъ наши деньги спустить. Старичокъ по копеечкѣ, по грошику въ морозъ, да въ дождь собиралъ, куска сладкаго не съѣлъ, и вдругъ бы мы на вѣтеръ пустили все, что онъ намъ оставилъ.

Его начинало уже смѣшить ея безцеремонное отношеніе къ его деньгамъ, и онъ невольно замѣтилъ:

— Такъ ты думаешь, что это онъ намъ обоимъ оставилъ?

— Никому онъ не оставлялъ, а кому Богъ далъ, тому и досталось. Родни не было. Я бы могла и одна все взять. Услала бы тебя, а сама взяла бы. Ты и не зналъ бы. Гдѣ тебѣ! Только я не жадная.

Ему стало не по себѣ, почти жутко отъ этой логики. Вѣдь и точно, онъ такой же родственникъ старику, какъ и она. Самъ онъ объ этомъ прежде думалъ: «какой онъ мнѣ дѣдъ?» говорилъ. Такіе же они родные были, какъ и съ ней. Вмѣстѣ съ ней онъ и присвоилъ чужія деньги. Ужъ не вздумаетъ ли она просто-на-просто забрать ихъ. Онъ взглянулъ безсознательно на комодъ. Деньги тамъ, у него. Да, но ключъ у нея. Возьметъ она—и спроситъ онъ не посмѣетъ. Она не побоится скандала. Что же тогда? Опять нищета и еще позоръ. И когда же? Когда онъ началъ твердо вѣрить въ возможность сдѣлаться извѣстнымъ, завоевать имя. Нѣтъ, шутяки! Ну, переѣдетъ онъ въ меблированныя комнаты, ей купитъ табачную лавочку, покуда она будетъ хозяйничать его деньгами, можетъ-быть, даже лучше, чѣмъ онъ самъ хозяйничалъ бы, а тамъ... Ему только бы написать картину, тогда онъ порветъ эту связь и женится на Вѣрочкѣ. Вѣдь эта связь его ни къ чему не обязываетъ. Мало ли съ кѣмъ сближаются холостые. Безъ этого не обойдешься. Онъ опять ободрился; ему даже стало смѣшно при мысли, что она, женщина, будетъ его опекать и нянчится съ нимъ. Онъ мысленно рѣшилъ, что это даже отчасти будетъ хорошо: никогда онъ не умѣлъ обдѣлывать практическія дѣла, найти сносную комнату, устроиться съ обѣдомъ. Отчего это? Идеализмъ это или разгильдяйство? Точно угадывая его мысли, она начала говорить о томъ, что ему пріодѣться надо, платье купить, часы.

— Ты завтра же, все, что нужно, купи, а я комнату тебѣ подыщу. У меня ужъ есть на примѣтѣ. Съѣзжать будешь, теткѣ не говори, куда выѣзжаешь. Уѣзжаешь, молъ, изъ Петербурга и конецъ весь. Нечего ей наши дѣла знать!

Цѣлыхъ два дня послѣ похоронъ были посвящены обмундировкѣ, исканью комнаты, наконецъ, на третій день все было улажено, и Хопровъ переселился на Васильевскій островъ...

Двѣ свѣтлыя комнаты, одна въ одно, другая въ два окна на улицу, высокія и просторныя, недурно меблированныя и съ свѣжими обоями, вещи и чистое бѣлье, въ порядкѣ уложенныя въ шифоньеръ, платье, повѣшенное аккуратно въ шкапу, все это какъ-то особенно повліяло на Хопрова. Онъ

вспоминалъ грязь и безпорядокъ, царствовавшіе въ его прежнихъ жилищахъ, и въ немъ пробудилось чувство брезгливости. Художникъ въ душѣ, онъ любилъ красивыя формы, изящество обстановки, блескъ роскоши. Въ то же время легкомысленный юмористъ, онъ въ тяжелыя минуты подшучивалъ надъ убожествомъ своей обстановки, своего костюма, своей жизни. Теперь, когда грязь и лохмотья были въ прошломъ, онъ даже вознегодовалъ на себя, какъ онъ могъ дойти «до этого свинства». Вспомнились дни, когда онъ даже не имѣлъ своей комнаты, а жилъ втроемъ въ одной каморкѣ, носилъ чужіе панталоны и питался на счетъ дѣда, пріютившагося тутъ же въ «сѣняхъ» и говорившаго, что имъ больше ничего и не надо, благо тутъ дешево.

— Такъ бы весь вѣкъ прожить, повторялъ онъ:—а то вотъ деньги-то зря за одинъ стѣны бросай. Подъ кровомъ лишь бы быть больше ничего и не надо человѣку!

Старика не смущала омерзительная грязь обстановки, благо мало приходилось тратить денегъ.

Въ будущемъ это уже не повторится. Онъ будетъ жить разсчетливо, напишетъ картину, завоюетъ положеніе. Да и Маргарита не дастъ ему швырять денегъ. Это хорошо, что она такой практичный человѣкъ...

Вечеромъ, въ день переѣзда на новую квартиру, Хопровъ, спокойный, веселый, бодрый, почувствовалъ необходимость освѣжиться отъ пережитыхъ волненій и тревогъ, отдохнуть подлѣ Вѣры Павловны. Онъ чувствовалъ себя превосходно съ той самой минуты, когда всякія похоронныя церемоніи кончились, и вздохнулъ широкимъ вздохомъ, когда была засыпана могила дѣда. «Конецъ!» невольно подумалъ онъ. Да, это былъ дѣйствительно конецъ всего стараго. Съ этого дня должна была начаться новая жизнь—перемѣнилъ онъ квартиру и теперь заживетъ безъ лишеній, безъ заботы о завтрашнемъ днѣ, работая надъ картиной. Какой сюжетъ выбрать? Жанръ? Историческую картину? Пейзажъ? Системы у него не выработалось въ изученіи: сегодня облако понравилось—записалъ; потомъ поразила нищая—занесъ и ее наполовину въ альбомъ, даже не закончивъ головы и вмѣсто волосъ изобразивъ какую-то копну: пришло какъ-то въ голову, что нѣтъ хорошихъ иллюстрацій къ Лермонтову,— появились десятки набросковъ: «Княжны Мери», «Печорина», «Боярина Орши», «Демона», и дѣло стало только за тѣмъ, какъ ихъ одѣть, какъ справиться съ пейзажемъ невиданныхъ мѣстъ. Разбрасывался онъ всегда, ни на чемъ не

останавливался прочно; именно этому надо положить конецъ, благо теперь есть возможность работать безъ лихорадочности, не на ходу. Въ этихъ думахъ онъ подошелъ къ дому, гдѣ жила семья Вѣры Павловны Хвощинской, и невольно сдѣлалъ ироническую гримасу при мысли о томъ, какъ его тамъ встрѣтятъ.

— Непремѣнно всѣ сидятъ за работой и непремѣнно у всѣхъ дѣловой, озабоченный видъ. Двуногіе муравьи!—проговорилъ онъ съ презрѣніемъ и позвонилъ у дверей.

Дверь отворилась.

— Господа дома?—спросилъ онъ у чисто одѣтой служанки.

— Дома-съ,—отвѣтила она.

Онъ, впрочемъ, могъ и не спрашивать: въ будни по вечерамъ Хвощинскіе никуда не выходили.

Онъ, какъ свой человѣкъ, прошелъ безъ доклада въ гостиную, гдѣ около тяжелаго круглаго дубоваго стола группировалась почти вся семья: Анна Борисовна Хвощинская, двоюродная тетка Хопрова со стороны отца, приземистая, коренастая, сѣдая, но румяная женщина лѣтъ пятидесяти съ небольшимъ; Миша и Володя, два ея сына, гимназисты шестого и седьмого классовъ; Соня, Валентина и Вѣра, три ея дочери, двѣ еще гимназистки, третья уже окончившая педагогическіе курсы. Отсутствовалъ только Павелъ Петровичъ Хвощинскій, занимавшійся, по обыкновенію, въ своемъ кабинетѣ исправленіемъ ученическихъ сочиненій, да старшій сынъ Хвощинскихъ, Разумникъ, по обыкновенію чертившій свои архитектурные планы въ своей большой, рабочей комнатѣ.

— А! Художникъ!—произнесли въ одинъ голосъ Миша и Володя съ насмѣшливою фамильярностью.

— А! гимназисты!—отвѣтилъ имъ тѣмъ же тономъ Хопровъ.

Такъ всегда начинались ихъ встрѣчи. Теперь Анна Борисовна не дала имъ продолжать въ этомъ тонѣ бесѣду, и съ необычайной для нея участливостью спросила Хопрова, поцѣловавшаго ея руку:

— А у тебя горе, говорила Вѣра. Старичокъ твой умеръ. Ну, что дѣлать, что дѣлать! Законъ природы.

— Вы страшно измѣнились за эти дни,—съ особеннымъ удареніемъ произнесла Вѣра, здороваясь съ Хопровымъ.— Радоваться бы надо, что лишній ротъ убавился, а вы вотъ вздумали похудѣть.

Было ясно, что ей хотѣлось кого-то уколоть, намекнуть

Хопрову, что кто-то говорилъ о томъ, что онъ долженъ радоваться смерти дѣда.

— Все по моему легкомыслію, Вѣра Павловна, горюю тамъ, гдѣ другіе только радовались бы, и наоборотъ, — отвѣтилъ Хопровъ, дружески сжимая ея руку.

Онъ осмотрѣлся и замѣтилъ.

— Я, однако, помѣшалъ. Вы всѣ заняты.

— Мы же всегда за работой,—отвѣтила Анна Борисовна и принялась снова за шитье.

— Я кончила свои занятія,—сказала Вѣра Павловна и отошла съ Хопровымъ въ уголъ комнаты къ дивану.

У нея всегда была кончена работа, когда являлся онъ. Всегда они садились тутъ же въ сторонкѣ, она на диванъ, онъ на кресло, въ полутѣни, въ нѣсколькихъ шагахъ отъ большого круглаго стола, стоявшаго посреди комнаты. Тамъ, озаренные большой висячей лампой, пригнувшись къ столу, работали «муравьи». Хопровъ смотрѣлъ на эти склоненныя головы гимназистовъ и гимназистокъ, гладкія, аккуратныя, на эти темно-сѣрыя домашнія блузы мальчиковъ и дѣвочекъ, похожія одна на другую по простому покрою, по удобному фасону. Всѣ скрипѣли перьями, не торопясь, увѣреннымъ почеркомъ. «Навѣрное даже почеркъ у всѣхъ одинъ».—думалъ Хопровъ.

— Почему же вы вздумали переѣхать?—спросила Вѣра, услыхавъ отъ Хопрова, что онъ уже перемѣнилъ комнату, и на минуту ей стало грустно: тутъ они жили такъ близко другъ отъ друга и часто встрѣчались, когда она въ опредѣленные часы ходила на лекціи, а онъ «случайно» попадался ей на дорогѣ. — Неудобно? Или тяжело, что тутъ умеръ дѣдъ?

— И то, и другое. Поближе къ академіи нужно было перебраться. Тамъ, положимъ, комнаты дороже, но что же дѣлать.

— Да старикъ твой оставилъ что-нибудь? — неожиданно спросила старуха Хвощинская.

Хопровъ весь вспыхнулъ.

— Откуда же!—проговорилъ онъ.

— Такъ, смотри, не запутайся! — предостерегала она его.—Я думаю, и похороны тоже кое-что встали. Совсѣмъ можешь зарваться.

— Слава Богу, покуда не запутался. Я же достаю кое-что, работаю...

Онъ былъ немного смущенъ, стыдился, что онъ лжетъ

при Вѣрѣ. Безъ нея онъ нерѣдко вралъ Хвощинскимъ о своихъ доходахъ, чтобы поднять въ ихъ глазахъ свой кредитъ. При ней ему было неловко лгать. Гимназистики при его словахъ о томъ, что онъ работаетъ, не переставая писать, переглянулись между собою, и по ихъ лицамъ скользнули недвусмысленныя улыбки.

— Ну, ужъ твоя работа!—мелькомъ замѣтила Анна Борисовна, пожимая плечами.

— Мама никакъ не хочетъ признать, что можно добывать деньги «картинками», — съ ироніей вставила Вѣра, внезапно покраснѣвъ.

Анна Борисовна, не обращая на нее вниманія, спокойно замѣтила:

— Я ужъ что-то цѣлые мѣсяцы и подписи твоей не видала ни въ одномъ иллюстрированномъ изданіи.

— Я на частныхъ лицъ работалъ,—опять солгалъ Хоперовъ, и опять ему стало досадно, что онъ лжетъ при Вѣрѣ.

— Ну, дай Богъ, дай Богъ,—вздохнула старуха Хвощинская, продолжая работать.

Вѣра какъ-то особенно смотрѣла на сидѣвшую передъ ней за работой семью, блестящими, торжествующими глазами, съ гордо поднятой головой. Она была очень довольна, гордилась тѣмъ, что онъ, ея protégé, работаетъ и зарабатываетъ деньги, когда его считаютъ ея родные тунеядцемъ.

— Нынче лѣтомъ возьметесь за свою большую работу?— спросила она его тихо.

— Да, пора,—отвѣтилъ онъ.

— На чемъ-нибудь остановились?

— Все еще колеблюсь. Не хочется дебютировать мелочами.

— Что такое мелочи?—горячо заговорила она.—За больного Сурбарана заплатилъ Эрмитажъ три тысячи франковъ, а самаго маленькаго Жераръ Доу и за десятокъ тысячъ не достать. У Мейсонье масса мелочей, но зато это мелочи Мейсонье! Конечно, вы и говорите не о размѣрахъ, даже не о сюжетѣ, а о работѣ. Надо настойчиво поработать. Это такъ. У насъ техника часто изъ рукъ вонъ плоха. Только ряженыхъ не пишите.

— То-есть какъ это?—спросилъ онъ.

— Историческаго сюжета не берите, — пояснила она. — Вамъ при вашихъ средствахъ придется писать или наобумъ, или по какимъ-нибудь маскарадным или театральнымъ костюмамъ. Ужъ одно это дурно, а потомъ едва ли и прочувствуете вы глубоко историческій сюжетъ. Далекое это

все отъ дѣйствительной жизни. Въ молодости трудно этимъ вдохновляться. А первая картина безъ вдохновенія, безъ увлеченія... Нѣтъ, мнѣ почему-то кажется, что этого не должно быть у истиннаго таланта. И истинные поэты всегда лирикой начинаютъ.

Они говорили почти шопотомъ. Но у нея такъ горѣли щеки и глаза, что онъ не могъ наглядѣться на нее. Въ ней было такъ много жизни, увлеченія, огня. Онъ очнулся, заслышавъ въ комнатѣ движеніе и громко произнесенную короткую, точно обрубленную фразу:

Чай пора!

Въ дверяхъ гостиной стоялъ худой, высокій старикъ въ очкахъ, опущенныхъ на конецъ тонкаго носа, съ сухимъ лицомъ. Что-то одеревянѣлое было во всей его сгорбившейся отъ усидчиваго труда фигурѣ, въ выраженіи его неподвижнаго лица. Это былъ самъ Павелъ Петровичъ Хвощинскій.

— Самоваръ готовъ, — отвѣтила ему жена, поднимаясь съ мѣста.

Всѣ, какъ по командѣ, начали складывать свои работы, задвигали стульями, расправляя спины.

Хозяинъ увидалъ Хопрова, кивнулъ ему слегка головой и коротко спросилъ:

— Похоронилъ?

— Да, отвѣтилъ Иванъ Ивановичъ.

Хвощинскій обратился къ дѣтямъ:

— Кончили?

— Да, — отвѣтили они разомъ.

— Ну, чай пить! — скомандовалъ онъ.

Всѣ тронулись въ столовую. Сзади всѣхъ пошла Вѣра Павловна и Хопровъ.

— У насъ все по командѣ, — съ усмѣшкой конфузящагося за поведеніе ближнихъ человѣка шепнула она Ивану Ивановичу.

— Дисциплина, — отвѣтилъ онъ такъ же тихо.

— Вотъ васъ бы въ эту школу на мѣсяцъ, на два отдать.

— Развѣ вы хотите, чтобы я повѣсился? — пошутилъ онъ.

Она передернула плечами.

— Я же не повѣсилась еще! — немного раздражительно проговорила она и сейчасъ же улыбнулась, прибавивъ: — Нѣтъ, мнѣ даже весело, что я и здѣсь сумѣла завоевать независимость. Силу свою узнала.

Всѣ усѣлись за большой столъ въ столовой. Позже всѣхъ явился сюда старшій сынъ-архитекторъ, бывшій прежде

товарищемъ Хопрова по гимназіи и академіи, высокій, худощавый, желтый, длинноносый, какъ всѣ мужчины въ семьѣ Хвощинскихъ. Онъ слегка кивнулъ головой Хопрову и пожалъ ему руку, отодвинувъ съ шумомъ свой стулъ. Онъ держалъ себя независимо въ семьѣ, но это была совсѣмъ иная независимость, чѣмъ независимость Вѣры Павловны. Въ его манерѣ было видно сознаніе того, что онъ уже вноситъ въ семейный бюджетъ львиную часть; въ ея поведеніи былъ виденъ простой протестъ, объявленіе войны семьѣ; ему уже дали право на независимость, она еще воевала изъ-за этого права.

— Ну, что, какъ твое малеванье идетъ? — спросилъ небрежно Разумникъ Павловичъ у Хопрова.

— Ничего себѣ,—такъ же небрежно отвѣтилъ тотъ.

— Все по издателямъ иллюстрированныхъ журналовъ попрежнему бѣгаешь?

— Нѣтъ, частные заказы исполняю,—совралъ Хопровъ.

— Вотъ какъ! значитъ въ славу начинаешь входить? — съ насмѣшкой спросилъ Разумникъ.

— Ну, до славы далеко намъ съ тобой въ наши годы; были бы покуда деньги на хлѣбъ и то хорошо, — отвѣтилъ Хопровъ холоднымъ тономъ.

По лицу Разумника Павловича скользнула усмѣшка. Ему было странно слышать отъ Хопрова фразу: «намъ съ тобой». Нашелъ съ кѣмъ равнять себя! Онъ обратился къ отцу:

— А знаешь, этотъ домъ Тарасова на мою долю принесетъ до пяти тысячъ. Я подвелъ итоги.

— Что-жъ, недурно,—отвѣтилъ отецъ.

— Разумѣется, придется и поработать въ теченіе лѣта,— многозначительно замѣтилъ сынъ, чтобы никто не подумалъ, что онъ безъ труда можетъ столько зашибать, и закончилъ прописной истиной на поученіе младшимъ:—Даромъ деньги не даются!

Вѣра обратилась къ Хопрову съ вопросомъ:

— Вы тоже здѣсь будете лѣтомъ работать надъ своей картиной?

— Да, нельзя уѣхать, — отвѣтилъ онъ. — Хотѣлъ, было, въ Крыму пожить лѣтомъ, да не удастся.

Онъ самъ не зналъ, для чего онъ это сказалъ. Въ Крымъ онъ вовсе не собирался.

— Дорого въ Крыму жить,—вставилъ Разумникъ Павловичъ, какъ бы говоря, что это не по карману Хопрову.

— Ну, деньги меня, вообще говоря, не стѣсняютъ,—от-

вѣтилъ Хопровъ и даже покраснѣлъ, избѣгая взгляда Вѣры.— Но работа требуетъ присутствія здѣсь.

Разумникъ не безъ удивленія взглянулъ на него.

Такъ ты точно начинаешь устраиваться?

То-есть, какъ это: начинаю? сказалъ Хопровъ и взглянулъ вызывающимъ взглядомъ на Разумника. — Мои дѣла устроены. Конечно, покуда по пяти тысячъ, какъ ты, не зарабатываю сразу, а все же... При извѣстной бережливости могу прожить и годъ, и два, а можетъ-быть, и болѣе безъ нужды, даже безъ заказовъ...

— За умъ взялся! — проговорилъ коротко старикъ Хвощинскій и, поднявъ очки на носу вверхъ, чтобы лучше разглядѣть Хопрова, болѣе мягкимъ тономъ прибавилъ: — Давно пора, давно пора, братъ, остепениться, стать на ноги и зарабатывать деньги.

Вѣра Павловна, раскраснѣвшаяся, торжествующая, замѣтила протестующимъ тономъ:

— Когда вы, кузенъ, заведете свой экипажъ и своихъ лошадей, тогда всѣ будутъ даже говорить, что въ васъ всегда прозрѣвали генія!

Мать вмѣшалась въ разговоръ.

— Ваню никто и не считалъ бездарнымъ, но жизнь онъ велъ всегда безалаберную это и онъ самъ знаетъ.

Два гимназиста вематривались безцеремонно пристально въ лицо Хопрова злыми глазами, точно желали узнать, не вретъ ли онъ, и уличить его. Хопровъ, немного смущенный, не привыкшій лгать при Вѣрѣ, безсознательно вынулъ изъ кармана золотые часы и взглянулъ, который часъ. Гимназисты быстро переглянулись между собой и одинъ изъ нихъ, не выдержавъ, спросилъ:

— Это у васъ новые часы, Иванъ Ивановичъ?

Хопровъ покраснѣлъ и отвѣтилъ:

— Нѣтъ, еще зимой купилъ.

— Дорого заплатили?

— Сто пятьдесятъ рублей.

— О-го!

Спрашивавшій и его младшій братъ опять многозначительно переглянулись между собою.

— Можно взглянуть?— спросилъ одинъ изъ братьевъ.

— Отчего же и нѣтъ,—отвѣтилъ Хопровъ и передалъ гимназистамъ часы.

Они пригнули оба свои лица къ часамъ, и выраженіе

этихъ лицъ стало алчнымъ, хищническимъ. Глаза у нихъ теперь горѣли сухимъ блескомъ.

— Напрасно, напрасно!—проговорилъ старикъ Хвощинскій, услыхавъ о цѣнѣ часовъ.—Пустая роскошь. Часъ нужны такіе, лишь бы механизмъ былъ хорошъ. Я вотъ весь вѣкъ серебряные ношу: недорого заплатилъ, а ходятъ отлично.

— Ну, что-жъ, если молодой человѣкъ пофрантить немного хочетъ,—оправдала его хозяйка дома.—Это не тряпка: и продать, и заложить можно.

Вѣра засмѣялась.

— Видите, кузенъ, мама снисходительна къ вамъ, даже франтить позволяетъ!

Мать пояснила:

— У меня одно правило: заработай и живи на заработанное, какъ позволяютъ средства. Вонъ Разумникъ въ оперѣ на кресло нынче абонировался—онъ можетъ это теперь дѣлать, и прекрасно.

— Онъ долженъ бывать въ обществѣ: связи нужны,—вставилъ коротко отецъ.

Вѣра Павловна опять засмѣялась:

— Ахъ, папа, вы такъ говорите, точно Разумникъ не слушаетъ ни музыки, ни пѣнія, а только нужныхъ людей ищетъ по партеру и по ложамъ!

— Музыку и пѣніе можно и изъ райка слушать,—пояснилъ отецъ:—а Разумникъ взялъ кресло, потому что въ его положеніи иначе нельзя.

— А вамъ, кузенъ, еще можно въ раекъ ходить?—пошутила Вѣра.

— Я хожу туда, гдѣ мѣсто есть,—отвѣтилъ Хопровъ.

Чай былъ допитъ, всѣ разомъ поднялись съ мѣстъ, раздалось чмоканье рукъ у хозяйки и хозяина.

— Заходи!—коротко сказалъ хозяинъ, прощаясь съ Хопровымъ.

— Мы, какъ знаешь, въ будни по вечерамъ всегда дома, а въ воскресенье весь день,—пояснила Хвощинская.

— Какъ-нибудь удосужусь, заверну къ тебѣ взглянуть, что пишешь,—сказалъ Разумникъ.

Гимназисты крѣпко и ободрительно пожали руку Хопрова, гимназистки, въ качествѣ дѣвочекъ, не имѣющихъ права вмѣшиваться въ разговоры взрослыхъ, не проронившія вслухъ ни слова во весь вечеръ, конфузливо сдѣлали ему реверансъ, Вѣра Павловна, по обыкновенію, пошла провожать его черезъ гостиную.

— Видите, ваши фонды поднялись, кузенъ,—пошутила она и, не умѣя еще скрывать своихъ чувствъ, горячо закончила:—если бы вы знали, какъ все это мнѣ противно! Человѣка судятъ по количеству пріобрѣтаемыхъ имъ денегъ.

— Можетъ-быть, они и правы въ нашъ практическій вѣкъ,—отвѣтилъ онъ.

— Ахъ, что вы говорите!—воскликнула раздражительно она.—Да, можетъ-быть, иной человѣкъ и сталъ именно потому недостойнымъ никакого уваженія, что у него завелись деньги. Взятку взялъ, подлостью пріобрѣлъ, ограбилъ.

Онъ смутился, точно она про него это сказала.

— Конечно, въ настоящемъ-то случаѣ я рада, что они хоть ради денегъ примирились съ вами,—поторопилась она добавить, не замѣчая его смущенія:—но въ общемъ, право же, это становится невыносимымъ. Каждаго негодяя они готовы назвать достойнымъ человѣкомъ, если только онъ имѣетъ средства...

— Вѣра,—раздался голосъ матери:—не видала ли ты моихъ ножницъ?

Каждый разъ, когда Вѣра шла провожать Хопрова до передней, ея мать теряла или клубокъ нитокъ, или ножницы, или просто иголку.

Вѣра Павловна быстро пожала руку Хопрову, зная, что мать вовсе и не думаетъ искать ножницъ, и наскоро шепнула Хопрову:

— Набросаете эскизъ картины покажете мнѣ? Да? Я хочу благословить ваше начинаніе. Слышите? Я первая хочу видѣть и имѣю на это право.

Онъ крѣпко пожалъ ея руку.

— Да, только вы и вѣрили въ меня,—прошепталъ онъ.

— И видите, не ошиблась!—воскликнула она.

Ему на минуту стало опять стыдно.

Она торопливо вернулась въ гостиную и мелькомъ взглянула на мать: ножницы были уже въ рукахъ старухи, и вопросъ о нихъ не поднимался. Дочь знала, почему позвала ее мать; мать, въ свою очередь, знала, что дочь поняла ея намекъ на неприличіе долгаго перешептыванія съ Хопровымъ. Дальнѣйшія объясненія были не нужны.

Вокругъ стола шелъ теперь разговоръ о Хопровѣ, среди отдыхавшей отъ работы семьи. Гимназистовъ особенно занималъ вопросъ о золотыхъ часахъ. Разумникъ Павловичъ сообразилъ, что, вѣроятно, Хопровъ принялся портреты писать или офицерскими жанрами промышляетъ, такъ какъ

это довольно прибыльное занятіе. Старикъ Хвощинскій скептически замѣтилъ, что, можетъ-быть, Хопровъ прихвастнулъ немного, заработалъ что-нибудь случайно, а тамъ снова все спуститъ. Хвощинская даже опечалилась по этому поводу и выразила мнѣніе, что, можетъ, и нѣтъ у Хопрова вовсе крупныхъ денегъ.

— Да вѣдь не мы же дали ему денегъ на похороны его дѣда, на эти часы, на его переѣздъ на Васильевскій островъ,— рѣзко и раздражительно вступилась Вѣра.—Мы вѣдь всегда только наставленія ему читали, а помочь, кажется, никогда и не думали.

— Прежде всего нужно было своихъ дѣтей поднять, васъ всѣхъ,—сказала мать коротко и внушительно.

— Чужихъ крышъ не кроютъ, пока своя течетъ,—вставилъ отецъ.

Вѣра съ горечью сказала:

— А у кого ни отца, ни матери, тотъ и погибай.

Разумникъ рѣшилъ:

— Это грустно, но въ этомъ ужъ не мы виноваты. Это законы жизни.

Гимназисты опять занялись вопросами о часахъ.

— Только это онъ совралъ, что у него часы съ зимы. Совсѣмъ новенькіе, ни царапинки на крышкахъ.

— Можетъ-быть, и пришелъ затѣмъ, чтобы побахвалиться.

— А вамъ и завидно стало?—спросила рѣзко Вѣра.— Руки бы расцѣловали, если-бъ онъ вамъ такіе часы подарилъ.

— Что-жъ, часы хорошіе!—отвѣтили оба въ одинъ голосъ.

IV.

Иванъ Ивановичъ сидѣлъ передъ мольбертомъ въ своей «мастерской», какъ онъ называлъ свою большую комнату, и, въ сотый разъ передумывая, какую тему выбрать для картины, всматривался въ давно набросанный имъ эскизъ «Месть Шемяки за брата». Этотъ эскизъ попался ему подъ руки совершенно случайно при разборкѣ разнаго художническаго хлама, старыхъ фотографій, измаранныхъ альбомовъ, клочковъ этюдовъ. Положивъ этотъ кусокъ раскрашеннаго полотна на мольбертъ, Хопровъ задумался... Темъ для картинъ являлось у него всегда не мало: его старый альбомъ былъ полонъ разныхъ набросковъ; на стѣнѣ висѣло множество эскизовъ; но ни на одной изъ набросанныхъ сценъ онъ не могъ остановиться окончательно. Онъ въ раздумьи

взглянулъ на рядъ эскизовъ, сдѣланныхъ наскоро карандашомъ, углемъ, акварелью, масломъ и красовавшихся на стѣнѣ. На всѣхъ эскизахъ удивительно бойко, смѣло и со вкусомъ были набросаны группы, но онъ чувствовалъ, что ни одной изъ этихъ картинъ онъ не можетъ написать..

— Что, братъ, залюбовался на свое твореніе!—раздался громкій насмѣшливый голосъ позади Хопрова.

Хопровъ обернулся и увидалъ обтерханную фигуру довольно тощаго и длиннаго господина съ копной растрепанныхъ волосъ цвѣта грязной мочалы, съ изрытымъ оспою грязно-желтымъ лицомъ, съ черными обгрызками зубовъ, торчавшими изъ-за осклабившихся губъ, съ жидкими клочьями бѣловатыхъ волосъ, замѣнявшими бороду и усы. Одежда посѣтителя была какого-то бураго цвѣта, вся въ пятнахъ; изъ-подъ нея виднѣлась грязная сорочка, вышитая русскими узорами: галстука не было. Во всемъ виднѣлись слѣды не столько бѣдности, сколько неряшливости. Это былъ Петръ Васильевичъ Жихаревъ, старый товарищъ Ивана Ивановича по академіи, оставившій академію со скандаломъ, не написавшій ни одной картины, но чрезвычайно зло ругавшій все написанное другими. Хопровъ поморщился, зная, что Жихаревъ попроситъ водки или денегъ и при этомъ выругаетъ его самого и его эскизъ. Онъ сухо поздоровался съ гостемъ и въ отвѣтъ на его слова замѣтилъ небрежно:

— Нѣтъ, это старый грѣхъ попался подъ руку. Выбросить давно было надо...

— Нѣтъ, отчего же, симпатичные тона!—сказалъ Жихаревъ съ ироніей.— Это вѣдь главное: симпатичные-то тона!

Онъ шумно засмѣялся, скаля черные обгрызки зубовъ.

— Только охота же тебѣ, шутъ гороховый, было выбирать такую эпоху,—замѣтилъ онъ:—для которой нѣтъ никакихъ точныхъ указаній на настоящіе костюмы. Вѣдь это переходъ отъ древней Руси къ татаріи и ея модамъ. Тутъ тебѣ придется перерыть массу матеріаловъ и все-таки остаться на мели, безъ серьезныхъ данныхъ насчетъ одеждъ...

— Ну, вотъ еще!—запротестовалъ Хопровъ и подумалъ: «Ну, начнетъ бахвалиться знаніями».

— Да, ужъ это вѣрно!

— Да отъ кого ты слышалъ?

— Это попугай слышалъ, а не я. Я, братъ, все это прогрызъ, мертвечину-то, археологію-то! Конецъ четырнадцатаго и начало пятнадцатаго вѣковъ самые трудные по части

одѣяній у насъ на Руси. Тутъ такія дебри, изъ которыхъ ты и не выберешься.

— Ну...

— Не нукай, если не знаешь. А ты поройся въ книгахъ, тогда и узнаешь. Ни у Прохорова, ни у другихъ знатоковъ этого дѣла достаточныхъ матеріаловъ тутъ не найдешь.

Хопровъ упалъ духомъ. Онъ не зналъ, правду ли говоритъ Жихаревъ или, по своему обыкновенію, вретъ. Онъ зналъ только, что у него-то нѣтъ дѣйствительно матеріала не только для этой, но и вообще для исторической картины. Жихаревъ, видя его смущеніе, началъ еще развязнѣе подшучивать:

— Впрочемъ, на симпатичныхъ тонахъ можно выѣхать. Вотъ нашъ фарфоровый художникъ, господинъ Грибовичъ; только этимъ и беретъ въ своихъ вылизанныхъ яко бы историческихъ жанрахъ. Барыни такъ и ахаютъ: «Ахъ, какъ нѣжно! Ахъ, какъ красиво! Такой бархатъ двѣнадцать рублей аршинъ стоитъ!» А разсмотри его картины: краги нацѣпилъ на послѣдней картинѣ на дѣйствующихъ лицъ, когда о крагахъ на Руси и не знали. А симпатичные тона есть—ну, и везетъ шельмецу! Всѣ аристократки умоляютъ: «напишите наши портреты». Еще бы, кому не лестно фарфоровой куколкой быть. Нѣтъ, нашему брату, реалисту, не добиться такихъ лавровъ: правда груба! Да, кстати: есть у тебя презрѣнный металлъ?

— Сколько?—коротко спросилъ Хопровъ.

— Сколько? сколько? Чѣмъ больше, тѣмъ лучше!—развязно сказалъ Жихаревъ.—Ишь ты какъ нынче обставился. Въ моду, что ли, входить начинаешь или подвернулась какая-нибудь богатая любительница искусствъ?

Онъ подмигнулъ мутно-сѣрыми глазами, снова оскаливъ черные зубы.

— Мы, грѣшные, и рыломъ-то вотъ не вышли, такъ что и по амурной части у насъ швахъ. Насъ вѣдь не по благородному иголочкой выгравировали статскіе совѣтники, а простымъ топоромъ обтесалъ мужикъ-вахлакъ.

Покуда Иванъ Ивановичъ доставалъ ему деньги, Жихаревъ, заглядывая во всѣ углы, взялъ съ комода бутылочку съ какой-то жидкостью.

— Водка или ладеколонъ?—спросилъ онъ.

— Eau de Colonge,—отвѣтилъ Хопровъ.

— Для мадамы своей мажешься, что ли?

Хопровъ не отвѣтилъ и подалъ Жихареву пять рублей. Жихаревъ сунулъ ихъ въ карманъ и проговорилъ:

— Эхъ, братъ, прохвостишься и ты, какъ я вижу, с ту квокве, Брутъ!.. Видно брюхо заговорило!

Онъ взялъ брошенную имъ на стулъ порыжѣвшую шляпу съ большими полями и протянулъ руку хозяину.

— Ну, счастливо оставаться... А то хочешь, пойдемъ выпить...

— Нѣтъ, я не пью...

— Ну, какъ знаешь!

По уходѣ Жихарева Хопровъ въ раздраженіи заходилъ по комнатѣ. «Нахалъ! Бахвалъ! Скотина! Кабачный засѣтитель!»—всѣми и тому подобные эпитеты сами собою срывались у него съ языка. Онъ курилъ папиросы одну за другою и успокоился не сразу. Наконецъ, его мысль остановилась на словахъ Жихарева о его этюдѣ «Месть Шемяки за брата». Нѣсколько раздумывая о замѣчаніи Жихарева, онъ пришелъ къ заключенію, что вообще ему надо отказаться отъ историческихъ сюжетовъ: для нихъ у него точно не было достаточной подготовки, нужныхъ матеріаловъ. А для какой же картины есть у него матеріалъ? Ему вспомнились роскошныя мастерскія нѣкоторыхъ изъ прославившихся художниковъ: у тѣхъ было все подъ рукою—парча, бархатъ, соболи, атласы, золотыя украшенія. Одинъ изъ нихъ, Грибовичъ, модный жанристъ, щеголь и фатъ, о которомъ сейчасъ упомянулъ Жихаревъ, еще наканунѣ, показывая завернувшему къ нему Хопрову старое кружево, замѣтилъ небрежно:

— Эта тряпка, батенька, тысячъ стоитъ.

И, вздохнувъ, кривляясь, прибавилъ:

— Что дѣлать! Наобумъ всего этого не напишешь! Вотъ и тратишься на всю эту дрянь,—онъ указалъ гостю на блестящую обстановку своей квартиры:—а рецензентишки говорятъ: «дорого деретъ за картины». Дорого! Да онѣ самому дороже стоятъ!

Онъ сдѣлалъ гримасу, развалясь на дорогой кушеткѣ. Одѣтый въ узенькіе гороховаго цвѣта панталоны, въ такой же куцый жакетъ, съ широкимъ кружевнымъ воротникомъ и крупнымъ батистовымъ бантомъ, онъ походилъ на акробата или жонглера.

— Впрочемъ, чего и ждать отъ нашихъ рецензентовъ: это голь, живущая на чердакахъ, отставные юнкера и выгнанные гимназисты. Побывали бы они за границей, такъ

и узнали бы, какъ живутъ и какъ должны жить художники. Тамъ мастерскія художниковъ — дворцы, музеи! Зато тамъ и пишутъ не однихъ «Мужика въ онучахъ» и «Мужика безъ онучъ».

Грибовичъ затянулся дорогой сигарой и, откинувшись на другую сторону кушетки, небрежно проговорилъ:

— Впрочемъ, можетъ-быть, это и интересно для какой-нибудь Матрены или Акулины. Жаль только, что Матрены и Акулины не покупаютъ картинъ.

Онъ вздохнулъ:

— Къ несчастію, въ наше искусство проникаетъ эта за раза онучъ. Оно и понятно: это легче писать, для этого не нужно ни изученія искусства, ни знанія всѣхъ сторонъ жизни, ни дорогихъ матеріаловъ. Поймалъ мужичонку и фотографируй. Пишущіе въ газетахъ мальчики безъ штановъ одобрятъ,—вотъ и слава!

Онъ немного закатилъ глаза и съ чувствомъ проговорилъ:

— Но, къ чему это насъ приведетъ—страшно подумать

Вспомнивъ теперь эту встрѣчу, Хопровъ нахмурился. Вчера ему только стало гадко отъ ломанья и кривлянья Грибовича, сегодня онъ серьезно задумался о его словахъ насчетъ стоимости «аксессуаровъ». Гдѣ ему взять все то, что нужно имѣть подъ рукою для исполненія которой-нибудь изъ задуманныхъ имъ блестящихъ картинъ? Гдѣ взять эти необходимые аксессуары? Нельзя же писать на память, выдумывать. Но развѣ нельзя найти такой сюжетъ, для котораго всѣ необходимые аксессуары стоили бы гроши? Можно, конечно. Пошелъ въ какую-нибудь трущобу, да и написалъ «Нищенскій вертепъ», «Въ кабакѣ», «Умирающую работницу». Мало ли что можно изобразить въ этомъ родѣ. Тенденція даже будетъ. «Пишущіе въ газетахъ мальчики безъ штановъ похвалятъ»,—вспомнилось ему. Но его натура влекла его къ блеску и роскоши; писать лохмотья ему было тошно. Однако, что же дѣлать, надо съ этого начать? Только какимъ сюжетомъ вдохновиться? Всѣ эти «Ученики сапожниковъ», «Нищенки», «Калѣки перехожіе», «Крючники» просто претили ему. «Хоть бы Вѣра помогла, вдохновила!» Онъ немного разсердился на нее: спрашиваетъ она его постоянно, придумалъ ли онъ сюжетъ для картины, а онъ ей вретъ, что придумалъ, такъ какъ говорятъ они постоянно при свидѣтеляхъ. Откровеннымъ нельзя быть при нихъ, нельзя сознаться, что у него руки падаютъ при выборѣ сюжета. «Не

можетъ улучить минуты, чтобы остаться съ глазу на глазъ съ нимъ»,—пронеслась въ его головѣ мысль...

Слова «съ Вѣрой надо бы поговорить» мелькали въ его головѣ постоянно, когда ему становилось тяжело, и ему казалось, что она разомъ разрѣшитъ всѣ его сомнѣнія. Недаромъ же она, и только она, умѣла подбадривать его въ тяжелые годы его жизни. Она одна вѣчно говорила ему, что у него есть талантъ, что онъ сумѣетъ побѣдить преграды, что онъ долженъ вѣрить въ себя. Ему были утѣшительны эти слова, когда никто не вѣрилъ въ него. И теперь онъ нуждался въ ея поддержкѣ. Въ послѣдніе дни онъ даже и заходилъ ради этого раза три къ Хвощинскимъ, но съ Вѣрой Павловной ему почти не удавалось переговорить. Ее ни на минуту не оставляли съ глазу на глазъ съ нимъ. Кромѣ того, у нея шли послѣдніе экзамены, и она была озабочена ими. Хвощинскіе перебрались, наконецъ, на дачу. Хопровъ обрадовался, полагая, что на дачѣ ему будетъ легче избѣжать надзора «домашней полиціи». Но и на дачѣ ему не легко было уединиться съ Вѣрой Павловной. Ея братья или сестры непремѣнно привязывались къ ней и къ нему, если Вѣра шла съ нимъ гулять. Въ этомъ было нѣчто умышленное. Анна Борисовна, съ свойственнымъ ей невозмутимымъ спокойствіемъ, какъ только Вѣра собиралась идти гулять съ Хопровымъ, тотчасъ же замѣчала:

— И отлично, по крайней мѣрѣ, дѣвочки погуляютъ.

И торопила дѣвочекъ:

— Идите съ сестрой!

Дѣвочки шли нога въ ногу съ сестрой и Хопровымъ, молчали и слушали.

— А мы всегда подъ надзоромъ домашней полиціи,— мелькомъ замѣтилъ однажды Вѣрѣ Хопровъ, посылая въ душѣ ко всѣмъ чертямъ дѣвочекъ.

— Для порядку,—отвѣтила спокойно Вѣра:—хотя подслушивать и подсматривать, кажется, нечего...

Онъ немного разсердился на нее.

Если она точно любитъ, то могла бы найти средство остаться съ нимъ наединѣ. Вѣдь должна же она понимать, что ему непріятно вѣчно говорить съ ней при соглядатаяхъ. И мало ли есть такихъ вещей, о которыхъ нельзя бесѣдовать при другихъ. Неужели она этого не понимаетъ?

Она же дѣйствительно не понимала этого. Она могла говорить все при другихъ, ей нечего было скрывать отъ кого

бы то ни было. А что же было у него такого, что можно было сказать только ей?

— О, да хоть бы то, что мнѣ нужно, наконецъ, снять передъ нею маску,—съ паѳосомъ проговорилъ онъ вслухъ.— Сказать ей, что ничего я еще не пишу, не могу написать, сказать, что я лгу и лгу, когда говорю о своихъ работахъ...

Онъ, не кончивъ фразы, подошелъ къ окну, сталъ разсѣянно смотрѣть на улицу. День стоялъ прекрасный, лѣто вступило вполнѣ въ свои права. Вотъ теперь бы остаться вдвоемъ наединѣ съ нею, высказать бы ей все, что волнуетъ и тревожитъ его. Пусть она узнаетъ все и рѣшитъ, можетъ ли она любить его такимъ, каковъ онъ есть въ дѣйствительности, а не въ ея воображеніи.

Онъ даже вздрогнулъ, когда кто-то окликнулъ его. Онъ обернулся и увидѣлъ предъ собою Мишу и Володю Хвощинскихъ.

— Вотъ мы сдержали свое слово и пришли къ вамъ,— заговорили они, пожимая ему руки.—Экзамены кончены, и мы свободны... А у васъ хорошія комнаты? О, да вы совсѣмъ хорошо живете! А жарища какая сегодня чертовская!

Они говорили быстро, безъ передышки, и въ то же время съ любопытствомъ осматривались кругомъ.

— Хотите завтракать?—спросилъ Хопровъ.

— Пожалуй; мы еще не завтракали,—отвѣтили гимназисты.

— Ну, и отлично!—сказалъ Хопровъ и пошелъ распорядиться.

Они стали все разглядывать, стѣны, мебель, эскизы. Заглянули въ его спальню. Увидали фотографіи, стали перебирать. Иванъ Ивановичъ воротился.

— Что портреты натурщицъ разсматриваете?—спросилъ онъ, видя, что они перебираютъ фотографическія карточки.

— Да,—отвѣтили они, не отрываясь отъ фотографій.

Хопровъ объяснилъ: это въ Италіи снято, это въ Австріи, это вотъ русскія.

— Такъ вотъ онѣ какія,—проговорилъ съ разстановкой Миша и подтолкнулъ локтемъ Володю.—Вы такъ съ нихъ и пишете?—спросилъ онъ Хопрова.

— Да.

— Безстыжія значитъ.

Потомъ они начали перелистывать альбомъ, просматривать эскизы Хопрова. Карикатуры и сатирическіе стишки имъ понравились. Они раскраснѣлись немного. Это они понимали и интересовались этимъ больше, чѣмъ фотографіями

натурщицъ. Они даже спросили Хопрова, знаетъ ли онъ такіе-то и такіе-то не цензурные стишки, пародіи на «Мадамъ Анго», на «Горе отъ ума». Оказалось, что Хопровъ всѣ ихъ знаетъ и даже знаетъ такіе, которыхъ не знали Хвощинскіе.

— А это вы рисовали?—спросилъ Миша, указывая на эскизъ на стѣнѣ.

— Я. Это эскизы будущихъ картинъ для выставки.

— Набросали, значитъ, только начерно,—рѣшилъ Миша тономъ понимающаго.

Хопровъ отвѣтилъ утвердительно.

— Вотъ эта хороша! — воскликнулъ Володя, смотря на одинъ изъ эскизовъ.—Старикашку-то вы какъ изобразили! Лихо. Слюни у него, должно-быть, текутъ при видѣ смазливой дѣвчонки. А означаетъ это что?

Миша толкнулъ его подъ бокъ и шепнулъ:

— Вѣру изобразилъ!

Володя кивнулъ въ знакъ согласія головой.

— Это «Пріемъ просителей въ благотворительномъ обществѣ».

— А!.. А я думалъ въ трактирѣ цыгане...

Въ это время горничная подала завтракъ: редиску, сардины, сыръ, колбасу, масло, булки. Хопровъ досталъ бутылку мадеры.

— Пьете?—спросилъ онъ.

— Это красное?—спросили Хвощинскіе.

— Нѣтъ, мадера.

— Да, а красное мы не любимъ,—рѣшительно замѣтилъ Володя.

— Да вы разстегнитесь. Мы же холостые люди. А самое лучшее и вовсе снять блузы.

Они сняли, помахали, какъ крыльями, руками, чтобы расправить прилипшіе къ тѣлу смоченные потомъ подъ мышками рукава рубашекъ. «Быть по-холостому» имъ очень понравилось. Всѣ усѣлись за завтракъ. Хвощинскіе ѣли съ аппетитомъ, звонко раскусывая редиски, усердно работая зубами и чавкая, болтая въ то же время безъ умолку съ плотно набитыми ртами.

— Фу! наѣлись!—проговорили, наконецъ, они, отдуваясь.

Володя даже похлопалъ себя съ видимымъ удовольствіемъ по животу и проговорилъ:

— Точно барабанъ! Важно!

— Онъ у насъ любитъ поѣсть,—пояснилъ Миша.

— Сейчасъ кофе дадутъ,—сказалъ Хопровъ.

— А важно вы живете, Иванъ Ивановичъ!—проговорилъ Миша.—Ей-Богу.

— Ну! насколько можно при моихъ средствахъ,—отвѣтилъ Хопровъ.

Служанка убрала завтракъ и подала кофе. Хопровъ налилъ стаканы и пригласилъ молодыхъ людей пить.

— Вы курите?—спросилъ онъ ихъ.

— Ну, отецъ на такіе пустяки денегъ не даетъ,—уклончиво отвѣтили они.

— А изъ своихъ купить?

— Какія же у насъ деньги? Отецъ не позволяетъ намъ давать уроки зимой, чтобы не мѣшало ученью.

— Но все же курите?—настойчиво допрашивалъ Хопровъ.

Гимназисты переглянулись и разомъ отвѣтили:

— Да, когда предлагаютъ, конечно... Отчего же и нѣтъ...

— Ну, такъ курите!

Они съ наслажденіемъ стали затягиваться папиросами, съ развязностью усѣвшись верхомъ на стулья. Дома имъ такъ не позволяли сидѣть.

— А васъ въ строгости держатъ,—замѣтилъ Хопровъ.

— Нѣтъ, что же,—заговорилъ старшій братъ Миша.—Теперь мы взрослые и понимаемъ, что это для нашей же пользы. Маленькіе глупы были, не понимали, было тяжело.

— Кому не тяжело, какъ порютъ,—выпалилъ младшій братъ Володя.

Онъ иногда еще наивничалъ, пускался въ откровенности. Миша наставительно и серьезно замѣтилъ:

— Да ужъ безъ этого не вырастешь. Не пороть ребятъ, такъ они на голову взрослыхъ сядутъ. Хуже разбойниковъ.

И засмѣялся, кивая и подмигивая на брата.

— А онъ это объ поркѣ говоритъ такъ потому, что очень ужъ больно ему досталось, особенно одинъ разъ. Потому онъ и вспомнилъ про порку.

Володя обидѣлся.

— Что-жъ тутъ смѣшного? Ну да, мнѣ почаще, чѣмъ тебѣ, доставалось. Я и помню.

Хопровъ улыбнулся и спросилъ:

— Что же, дворники драли?

— Ну, вотъ!—возразилъ Миша и пояснилъ:—Чужихъ-то съ чего въ домашнія исторіи вмѣшивать. Это ужъ послѣднее дѣло. Отецъ самъ сѣкъ. Онъ у насъ, вы знаете, лишнихъ разговоровъ не любилъ, какъ другіе изъ пустыхъ болтуновъ.

Н[illegible] приговоритъ: «Раздѣвайся, ложись» [illegible] у себя въ кабинетъ и высѣчетъ. Только [illegible] [illegible] болитъ и правая рука пошаливаетъ [illegible] [illegible] его. Вотъ Володькѣ потому и [illegible] [illegible] что у отца тогда печень [illegible]

Онъ разсмѣялся и заговорилъ съ одушевленіемъ.

— Влепилъ я это Володя разъ двойку [illegible] греческій языкъ. Ну, отецъ и позвалъ [illegible] «Раздѣвайся, ложись». Раздѣлся, легъ, трахъ-трахъ— [illegible] отецъ лѣнить уже. Наконецъ, остановился. И [illegible] [illegible] сейчасъ, какъ ошпаренный, вскочилъ. А [illegible] «не [illegible]ся! лежать, негодяй!» а самъ [illegible] махая уставшею рукой. Какъ только [illegible] много легче, взялся онъ опять за розгу и [illegible] горяченькихъ по больному мѣсту. Такъ [illegible] два пріема, значитъ, высѣкъ.

Онъ опять сдѣлался серьезнымъ.

— Да, что бы изъ насъ вышло, если бы не [illegible] я и не знаю. Избаловались ребятишки, распуст[illegible] [illegible]. Теперь то и дѣло за лѣность исключ[illegible] [illegible] моду[illegible]. Соскочить-то съ рельсовъ какъ [illegible] если съ самаго начала не выдрессировать. Мож[illegible] распущенная. Да вотъ насъ и дрессировали, а [illegible] Володьку, почему онъ тогда двойку заполучилъ.

Онъ плутовато улыбнулся и подмигнувъ Х[illegible] [illegible] поощряя его къ разспросамъ. Владим[illegible] сконфузился и въ то же время улыбнулся не [illegible] довольства.

— Пустяки! — процѣдилъ онъ сквозь зубы.

— Ну, ну, что ворчишь! Ужъ сознавайся! — Миша и тутъ же объяснилъ за брата: — Вздума[illegible] въ дѣвчонку одну. Дуракъ!

Хопровъ удивился и спросилъ:

— Да сколько же вамъ тогда лѣтъ было?

— Пятнадцать!

— Пятнадцать? Ого! — воскликнулъ Хопровъ.

— Да еще хорошо, — пояснилъ Миша: — что отецъ о двойкѣ зналъ, а про дѣвчонку-то не провѣдал[illegible] тѣло бы еще не такъ. Всыпалъ бы.

Хопровъ въ раздумьи проговорилъ:

— Такъ вотъ какъ васъ держали, а я и [illegible] малъ: «ну, строго держать», а это ужъ точ[illegible] кавицы.

— Да откуда же вамъ было и знать?—разсудительно ска-
ъ Миша.—У насъ семейныхъ дѣлъ не выносятъ на улицу.
а все, какъ въ могилѣ, скрыто. За что своихъ-то позо-
ь? Это мы вамъ такъ кстати разсказали, по дружбѣ къ
ъ. Да и ничего дурного тутъ нѣтъ.

Хопровъ, не слушая его, спросилъ почему-то:

— Значитъ и Разумнику попадало?

Братья переглянулись, и Миша нерѣшительно отвѣтилъ:

— Что-жъ, и онъ былъ малъ и глупъ...

Потомъ, очень довольный и завтракомъ, и мадерой, и папиросами, и возможностью посидѣть безъ форменной блузы хомъ на стулѣ, разоткровенничался:

— Изъ-за васъ вотъ ему одинъ разъ страшно влетѣло.

— Изъ-за меня?—удивился Хопровъ, ничего не понимая.— любопытно.

— Мы, конечно, не имѣемъ права говорить про семейныя а,—оговорился Миша:—но вы свой человѣкъ и притомъ, ете, вы вѣдь въ сущности хорошій товарищъ.

нъ протянулъ руку Хопрову и крѣпко пожалъ его руку. одя, считавшій долгомъ подражать брату, поторопился лать то же. Хопрову было немножко смѣшно, и какъ-то жаль ихъ.

— Вотъ видите ли,—продолжалъ, затягиваясь папиросой и кая дымъ къ потолку, Миша:—Разумникъ теперь отлично ибаетъ деньгу, онъ и въ домъ даетъ и что хочетъ етъ, а вѣдь въ сущности-то онъ самый неспособный всѣхъ насъ. Совсѣмъ тупица; только чертежникъ отличный. ему и не давались въ гимназіи древніе языки. По-те, какъ онъ учился, когда и вы были въ гимназіи, а его ли не сѣкъ отецъ. Только это отъ способностей е зависитъ. Отъ лѣности розга, конечно, отучитъ, а спо-юстей ею не вобьешь. Способности отъ Бога. Ну, такъ , когда васъ исключили изъ гимназіи, Разумникъ и под-ся на дыбы. «И я хочу быть художникомъ!» Вбилъ это въ голову и конецъ. Настойчивости у него тоже много всегда. Вотъ отецъ и призвалъ его въ кабинетъ. Слы-ъ мы, говоритъ ему что-то. Потомъ бацъ его въ ухо, мъ опять бацъ въ другое. А тотъ все свое, все свое, оселъ. Ну, и разложилъ его отецъ...

— Да вѣдь ему семнадцать лѣтъ тогда было?—воскликъ Хопровъ.

— Такъ что же? Отецъ все же отецъ.

Надо высѣчь, призоветъ: «Раздѣвайся, ложись», и тутъ же у себя въ кабинетѣ и высѣчетъ. Только печень у него, у бѣднаго, болитъ и правая рука пошаливаетъ, жаль даже иногда его. Вотъ Володькѣ потому и влетѣло въ послѣдній разъ здорово, что у отца тогда печень расходилась.

Онъ разсмѣялся и заговорилъ съ одушевленіемъ:

— Влопался это Володя разъ, двойку залѣпили ему за греческій языкъ. Ну, отецъ и позвалъ его въ кабинетъ: «Раздѣвайся, ложись». Раздѣлся, легъ, трахъ-трахъ—началъ отецъ лѣпить узоры. Наконецъ, остановился. Извѣстно, Володька сейчасъ, какъ ошпаренный, вскочилъ. А отецъ ему: «не одѣваться! лежать, негодяй!» а самъ заходилъ по комнатѣ, махая уставшею рукой. Какъ только стало рукѣ немного легче, взялся онъ опять за розгу и всыпалъ еще десятокъ горяченькихъ по больному мѣсту. Баня! Ухъ! Въ два пріема, значитъ, высѣкъ.

Онъ опять сдѣлался серьезнымъ.

— Да, что бы изъ насъ вышло, если бы не сѣчь насъ,— я и не знаю. Избаловались ребятишки, распустили ихъ родители. Теперь, то и дѣло за лѣность исключаютъ: грани потомъ мостовую. Соскочить-то съ рельсовъ какъ разъ можно, если съ самаго начала не выдрессировать. Молодежь теперь распущенная. Да вотъ насъ и дрессировали, а вы спросите Володьку, почему онъ тогда двойку заполучилъ?

Онъ плутовато улыбнулся и подмигнувъ Хопрову, дружески поощряя его къ разспросамъ. Владиміръ немного сконфузился и въ то же время улыбнулся не безъ самодовольства.

— Пустяки!—процѣдилъ онъ сквозь зубы.

— Ну, ну, что ворчишь! Ужъ сознавайся! — сказалъ Миша и тутъ же объяснилъ за брата:—Вздумалъ врѣзаться въ дѣвчонку одну. Дуракъ!

Хопровъ удивился и спросилъ:

— Да сколько же вамъ тогда лѣтъ было?

— Пятнадцать!

— Пятнадцать? Ого!—воскликнулъ Хопровъ.

— Да еще хорошо,—пояснилъ Миша:—что отецъ-то только о двойкѣ зналъ, а про дѣвчонку-то не провѣдалъ, а то влетѣло бы еще не такъ. Всыпалъ бы.

Хопровъ въ раздумьи проговорилъ:

— Такъ вотъ какъ васъ держали, а я и не зналъ, думалъ: «ну, строго держатъ», а это ужъ точно ежовыя рукавицы.

— Да откуда же вамъ было и знать?—разсудительно сказалъ Миша.—У насъ семейныхъ дѣлъ не выносятъ на улицу. Дома все, какъ въ могилѣ, скрыто. За что своихъ-то позорить? Это мы вамъ такъ кстати разсказали, по дружбѣ къ вамъ. Да и ничего дурного тутъ нѣтъ.

Хопровъ, не слушая его, спросилъ почему-то:

— Значитъ и Разумнику попадало?

Братья переглянулись, и Миша нерѣшительно отвѣтилъ:

— Что-жъ, и онъ былъ малъ и глупъ...

Потомъ, очень довольный и завтракомъ, и мадерой, и папиросами, и возможностью посидѣть безъ форменной блузы верхомъ на стулѣ, разоткровенничался:

— Изъ-за васъ вотъ ему одинъ разъ страшно влетѣло.

— Изъ-за меня?—удивился Хопровъ, ничего не понимая.—Это любопытно.

— Мы, конечно, не имѣемъ права говорить про семейныя дѣла,—оговорился Миша:—но вы свой человѣкъ и притомъ, знаете, вы вѣдь въ сущности хорошій товарищъ.

Онъ протянулъ руку Хопрову и крѣпко пожалъ его руку. Володя, считавшій долгомъ подражать брату, поторопился сдѣлать то же. Хопрову было немножко смѣшно, и какъ-будто жаль ихъ.

— Вотъ видите ли,—продолжалъ, затягиваясь папиросой и пуская дымъ къ потолку, Миша:—Разумникъ теперь отлично зашибаетъ деньгу, онъ и въ домъ даетъ и что хочетъ дѣлаетъ, а вѣдь въ сущности-то онъ самый неспособный изъ всѣхъ насъ. Совсѣмъ тупица; только чертежникъ отличный. Ну, ему и не давались въ гимназіи древніе языки. Помните, какъ онъ учился, когда и вы были въ гимназіи, а ужъ его ли не сѣкъ отецъ. Только это отъ способностей тоже зависитъ. Отъ лѣности розга, конечно, отучитъ, а способностей ею не вобьешь. Способности отъ Бога. Ну, такъ вотъ, когда васъ исключили изъ гимназіи, Разумникъ и поднялся на дыбы. «И я хочу быть художникомъ!» Вбилъ это себѣ въ голову и конецъ. Настойчивости у него тоже много было всегда. Вотъ отецъ и призвалъ его въ кабинетъ. Слышимъ мы, говоритъ ему что-то. Потомъ бацъ его въ ухо, потомъ опять бацъ въ другое. А тотъ все свое, все свое, какъ оселъ. Ну, и разложилъ его отецъ...

— Да вѣдь ему семнадцать лѣтъ тогда было?—воскликнулъ Хопровъ.

— Такъ что же? Отецъ все же отецъ.

— Вотъ-то выдралъ!—почти съ восторгомъ воскликнулъ Володя.—Не забудетъ.

— Только вы не проговоритесь ему, что мы это, по дружбѣ, вамъ разсказывали,—вставилъ Миша.

— Ну, вотъ еще. Но неужели онъ таки-таки и поддался?—проговорилъ Хопровъ.

Братья опять переглянулись. Миша отвѣтилъ съ запинкой...

— Ну, если началъ... Что-жъ, я все разскажу... Только, чуръ, вы никому. Это семейное дѣло... Видите ли, отецъ не могъ справиться, и въ первый разъ пришлось чужихъ людей призвать. Непріятно это было отцу, да что же дѣлать. Разумникъ потомъ захворалъ даже со злости, все твердилъ: «повѣшусь, ей-ей, повѣшусь». Извѣстно, онъ вѣдь упрямъ и золъ, забьетъ что въ голову, выбьешь не скоро... Однако, какъ отецъ нанялъ ему репетиторовъ, да протащилъ его чрезъ два послѣдніе класса, а потомъ отдалъ въ академію на архитектора готовиться, и кончилъ онъ съ медалью, такъ онъ у отца руку въ конференцъ-залѣ при всѣхъ поцѣловалъ, понялъ, что погибъ бы онъ иначе, безъ способностей-то...

Миша перемѣнилъ тонъ.

— А знаете. Тогда у насъ все васъ въ примѣръ ставили, какъ вы кутите, какъ спускаете деньги. Папа все пророчилъ, что вы по-міру пойдете. Было изъ-за васъ войны. Вѣра все вступалась. Дѣвочкой еще совсѣмъ была, а вступалась. Это ужъ у нея въ натурѣ, отъ рожденія: кого у насъ, бывало, ругаютъ, того она хвалитъ. Ну, да ей спускаютъ отецъ и мать, потому что же обращать вниманіе на дѣвчонку. Что такое дѣвчонки? Пфа!

Хопровъ засмѣялся.

— А поди сами подъ каждую шляпку заглядываете?

— Очень нужно! Чего не видали? Это все пустяки! И безъ нихъ не скучно.

Володя засмѣялся.

— Вотъ онъ попробовалъ поухаживать, да заполучилъ двойку да порку въ два пріема, такъ какъ рукой сняло,— пояснилъ Миша.—Да и мало ли что бываетъ еще. Нѣтъ, лучше подальше отъ грѣха. Конечно, когда время жениться придетъ, тогда такъ, надо выбрать подходящую невѣсту, а теперь только влопаешься въ какія-нибудь непріятности.

Хопровъ посмотрѣлъ на нихъ и подумалъ: «Экіе вы дохленькіе». Они были блѣдны, худощавы, немного сутуло-

ваты, подъ глазами синіе полукруги, на щекахъ только чуть-чуть игралъ румянецъ отъ возбужденія.

— А вы что же у насъ рѣдко бываете?—спросилъ Миша.

— Нѣтъ, я же бываю,—началъ Хопровъ и прибавилъ:— вотъ и сегодня собирался. Хотѣлось бы съ Вѣрой Павловной кое о чемъ поговорить... о картинѣ моей... да не поймаешь ее.

Миша и Володя переглянулись и подмигнули другъ другу.

— Вѣрно, при другихъ не хотите говорить? — сказалъ Володя.—Что-жъ, на дачѣ хорошо, пошли гулять и говорите, сколько душѣ угодно...

Миша перебилъ:

— Вотъ пріѣзжайте завтра. Завтра рожденье Володи. Пойдемъ всѣ въ Беклешовъ садъ, лодку можно взять, а вы не поѣдете съ Вѣрой.

— А дѣвочки?—спросилъ Хопровъ.

— Мы не возьмемъ ихъ,—отвѣтилъ Миша.

И въ порывѣ благодарности за хорошій завтракъ, за проведенное «по-холостому» время онъ сказалъ:

— Вы располагайте нами, какъ товарищами...

Хопровъ чуть не бросился обнимать ихъ и подумалъ: «денегъ имъ дать или подарить что-нибудь? Бѣдняги, я думаю, гроша за душой не имѣютъ». Они спросили, который часъ, и заторопились. «Часы имъ подарить, что ли?—мелькнуло у него въ головѣ.—Да, часы и нужно подарить: они будутъ знать время, когда приходить къ намъ, когда мы будемъ гулять одни съ Вѣрой». Въ его воображеніи уже мелькали картины этихъ свиданій съ нею безъ свидѣтелей. Обо всемъ ему можно будетъ теперь говорить съ нею. Да, непремѣнно надо имъ подарить пару часовъ. Оно и кстати, завтра рожденье Володи. «Никто не удивится подарку». Онъ усмѣхнулся. «Если и удивятся, то будутъ рады всѣ; для нихъ деньги—главное».

— Ну, мы идемъ!—сказали братья.

— Я съ вами, — сказалъ Хопровъ.—Надо зайти купить подарокъ одинъ.

— Кому?—торопливо спросили Хвощинскіе.

— А это тайна! Часы надо купить.

Братья вздохнули.

— Да, часы хорошая вещь. Никогда безъ нихъ не знаешь времени. А иногда забудешься, опоздаешь—дома головомойка.

Хопровъ захватилъ денегъ и вышелъ вмѣстѣ съ Хвощинскими.

— Вы гдѣ будете покупать? у Мозера?

— Не знаю еще.

— Серебряные?

— Да, мнѣ двое нужно.

— Двое?

— Да, двумъ надо подарить.

Братья переглянулись.

— А я думалъ, это вы какой-нибудь барышнѣ,—сказалъ Миша.

— Нѣтъ, молодымъ людямъ. Ну, до свиданья.

Хопровъ пожалъ имъ руки. Ему было весело, какъ никогда. Хвощинскіе пошли, разсуждая о Хопровѣ, о завтракѣ, объ обстановкѣ квартиры Ивана Ивановича.

— А что если это онъ намъ?—не выдержавъ, спросилъ Володя.

—Часы-то?—вопросительно проговорилъ Миша.

Владиміръ кивнулъ утвердительно головой.

— И я то же подумалъ,—подтвердилъ Миша.—Штука бы была!

— Вотъ ругали, ругали его, а онъ...

— Нашъ Разумникъ не догадается.

— Ну да, задавится, а не подаритъ.

— Носъ ему и наклеитъ Хопровъ.

Володя вздохнулъ.

— А можетъ-быть, и не намъ!

— А вотъ увидишь, что намъ!—рѣшилъ Миша.—Это онъ за Вѣру. Ее любитъ, ну, и насъ. Нѣтъ, онъ славный малый. Учился плохо, такъ у него талантъ. Я вотъ когда-нибудь попрошу его съ насъ портреты снять. Онъ умѣетъ. Видѣлъ, какія у него головы въ альбомѣ? Страсть!

— А что, какъ отецъ и мать не отдадутъ за него Вѣру?

— Ну, когда деньги-то у него будутъ? Дураковъ нашелъ! Съ чего не отдать? За голыша — это такъ, не слѣдъ отдавать, а будутъ деньги у него—такъ чего же еще? Да и она за голыша не пойдетъ.

— Ну, если влюблена.

— Влюблена! влюблена! Что ты толкуешь? Дура она, что ли? Влюблена, а все же не сумасшедшая. Да вотъ мы влюбились бы въ нищую — что-жъ и вѣнчаться съ нею? Нѣтъ, братъ, любовь одно—женитьба другое.

V.

Изъ небольшой табачной лавочки вышелъ франтовато-

одѣтый въ сѣрую лѣтнюю пару, въ мягкой шляпѣ съ большими полями, въ сѣрыхъ перчаткахъ, съ тростью въ рукѣ, съ легкимъ пледомъ, перекинутымъ черезъ плечо, молодой человѣкъ съ курчавыми бѣлокурыми волосами. За нимъ слѣдомъ вышла румяная, круглолицая, курносая, вся въ веснушкахъ хозяйка табачной лавки въ скромномъ платьѣ изъ свѣтлаго ситца, съ кокетливо сшитымъ, окаймленнымъ дешевыми кружевами, бѣлымъ передничкомъ. Она пожала его руку, сказала ему: «веселись» и, съ широкой улыбкой на лицѣ, застыла на мѣстѣ у дверей, любуясь на него. Это былъ Иванъ Ивановичъ Хопровъ и Маргарита Ѳедоровна Копоненъ.

Былъ пятый часъ пополудни, и Средній проспектъ Васильевскаго острова заливало свѣтомъ солнечнаго лѣтняго дня. Дома, мостовыя, чахлыя и пыльныя деревья на бульварѣ, все казалось ослѣпительно яркимъ. Въ неподвижномъ воздухѣ было душно. Движеніе на улицѣ притихло. Всѣ какъ будто попрятались отъ томительнаго зноя. Но Маргарита Ѳедоровна, казалось, не боялась этого зноя: она, кругленькая, дышащая здоровьемъ толстуха, съ блестѣвшимъ на солнцѣ, лоснящимся лицомъ, зарумянившаяся до корней волосъ, наслаждалась и яснымъ днемъ, и своимъ внутреннимъ счастьемъ. Всю жизнь такъ бы прожить: торговать въ своей лавкѣ, видѣть ежедневно своего милаго Ваню, любоваться имъ, когда онъ идетъ на прогулки, франтоватый, красивый, какъ модная картинка. Больше ей ничего не нужно. Никогда ей и во снѣ не снилось, что на ея долю выпадетъ такое счастье. Ее вывелъ изъ сладкаго забытья жалобный голосъ оборваннаго старика-нищаго, просившаго:

— Подайте, матушка-благодѣтельница, на хлѣбъ бѣдному старичку!

Она пошарила въ кармашкѣ передничка, вынула копейку и подала ее просившему:

— На, голубчикъ, на!

Она сострадательно вздохнула:

— Ахъ, бѣдность, бѣдность!

Старикъ заковылялъ дальше, посылая ей благословенія и поминая ея родителей. Она нѣкоторое время слѣдила за нимъ печальными увлажившимися глазами. «Вотъ такъ и нашъ бѣдный старичокъ ходилъ», мелькало въ ея головѣ. Она питала теперь самое нѣжное чувство къ несчастному старичку, сдѣлавшему ее счастливою. Постоявъ еще немного на улицѣ, она вернулась въ магазинъ и, примостившись у

окна, принялась за вязанье дамскаго воротничка изъ небѣленыхъ нитокъ...

«Табачный и галантерейный магазинъ М. Ѳ. Копоненъ» былъ очень не великъ, не отличался обиліемъ товаровъ, тѣмъ не менѣе онъ былъ всегда полонъ посѣтителей. Несмотря на лѣто, покупателей являлось много и даже, пожалуй, больше, чѣмъ могло бы быть зимою, такъ какъ съ приходомъ судовъ къ биржѣ и таможнѣ, лавочку посѣщалъ разный прибывшій на судахъ людъ. Молоденькая хозяйка умѣла своей привѣтливостью и болтливостью привлечь покупателей, и нѣкоторые изъ нихъ, придя за десяткомъ папиросъ, просиживали здѣсь цѣлые часы и уходили, накупивъ всякой дряни, ваксы, мундштуковъ, мѣдныхъ запонокъ, лотерейныхъ билетовъ, «самыхъ счастливыхъ», по увѣренію хозяйки, — на рубль или на два. Тутъ слышались не только русскій, но и финскій, и шведскій языки, хорошо знакомые Маргаритѣ Ѳедоровнѣ. Это привлекало къ ней пріѣзжавшихъ на судахъ финновъ и шведовъ. Кое-кто изъ покупателей осмѣливался даже черезъ выручку пожимать или цѣловать ея пухленькія и красненькія руки, хотя при этомъ она каждый разъ, застѣнчиво и жеманничая, вскрикивала и съ ужасомъ недотроги говорила, что скажетъ ея мужъ. Мужа, положимъ, у нея не было, но всѣ знали, что въ томъ же домѣ, гдѣ помѣщался въ подвальномъ этажѣ магазинъ, въ верхнемъ этажѣ въ меблированныхъ комнатахъ жилъ художникъ Хопровъ, имѣвшій, какъ видно, нѣкоторыя права на Маргариту Ѳедоровну. Самъ Хопровъ, обѣдавшій ежедневно у Маргариты Ѳедоровны, рѣдко заходилъ въ ея магазинъ, но Маргарита Ѳедоровна бѣгала къ нему такъ часто и во всякое время, что никто въ густо населенномъ и кишащемъ сплетнями домѣ не обманывался насчетъ отношеній этихъ людей. Магазинъ былъ открытъ тотчасъ послѣ похоронъ дѣда и сразу пошелъ отлично, благодаря расторопности хозяйки, сбывавшей здѣсь не только всевозможные мелкіе товары, начиная съ гильзъ и кончая игрушками, но и свои работы: вязаные воротнички и манжеты, вязаные чулки и перчатки-митени. Праздная въ дни голодовокъ, она въ счастіи готова была работать по цѣлымъ днямъ, примостившись у большого подвальнаго окна, изъ котораго она видѣла только ноги прохожихъ, и что-то вѣчно напѣвая совершенно фальшивымъ, но тѣмъ не менѣе веселымъ голосомъ. Она была теперь безмѣрно счастлива и довольна всѣмъ и всѣми, даже любовалась часто на себя въ зеркало,

улыбаясь и дѣлая глазки самой себѣ, нацѣпляя то въ волосы, то на шею глупые пестрые банты изъ грошовыхъ лентъ. Но слѣдя отлично за ходомъ своихъ дѣлъ по магазину, Маргарита Ѳедоровна уже сообразила о выгодности еще другого предпріятія. Цѣлые часы проводила она, не переставая вязать, въ думахъ о немъ, дѣлая въ умѣ выкладки доходовъ и расходовъ и улыбаясь блаженной улыбкой, при чемъ яснѣе обозначались ямки на подбородкѣ и на щекахъ, а короткій носъ дѣлался еще шире и комичнѣе. Предпріятіе, занимавшее ее, были меблированныя комнаты, тѣ самыя меблированныя комнаты, гдѣ поселился Хопровъ. Онѣ приходили каждое лѣто въ упадокъ: неряшливая и неумѣлая, но «благородная» семья, содержавшая ихъ, проѣдала всегда то, что еще не было заработано, путалась, въ концѣ-концовъ, въ долгахъ, и Маргарита Ѳедоровна сообразила, что къ нынѣшней осени, т. е. ко времени года, когда дѣла этихъ, какъ и всѣхъ другихъ, меблированныхъ комнатъ поправляются, эти комнаты будутъ непремѣнно проданы ихъ содержателями. Никакъ не выдержатъ эти люди до осени и волей-неволей прекратятъ свое дѣло передъ наступленіемъ лучшей поры—«сѣнокоса» и «жатвы». Она ждала этого момента и цѣлыми часами разъясняла Ивану Ивановичу выгодность этого предпріятія.

— Вчера твои Воронцовы-то опять присылали ко мнѣ сынишку въ долгъ табаку купить, да просили еще рубль ссудить,—разсказывала она веселымъ тономъ, быстро работая тамбурнымъ крючкомъ.—Грошa въ домѣ нѣтъ. Я дала, конечно, пусть въ долгъ залѣзутъ; мнѣ же потомъ легче будетъ принять отъ нихъ дѣло. Вотъ-то рохли: золотыя розсыпи у нихъ въ рукахъ, а они въ петлю лѣзутъ! Ну, да еще бы:—господа! работать неприлично! А по-міру пойдутъ—это прилично будетъ? Не понимаю я, какъ это люди такъ могутъ жить безъ дѣла.

Хопрова это какъ бы задѣвало за живое. Онъ замѣчалъ немного раздражительно:

— А сама же жила у тетки безъ дѣла...

— Я-то? Безъ дѣла?—восклицала Маргарита Ѳедоровна и качала отрицательно головой. — А кто же обшивалъ-то тетку? Кто ея Карлу Ивановичу бѣлье-то шилъ? Ишь ты какой, безъ дѣла! Нѣтъ, голубчикъ, не безъ дѣла я сидѣла, да еще за меня деньги рвали съ другихъ. Дура я была, это правда, уйти мнѣ слѣдовало. Только боялась я въ служанки идти, вотъ бѣда. Да и тетка грозила, что объявитъ

обо мнѣ въ полицію, какую я жизнь веду. Глупаго человѣка всегда запугать можно. А я... совсѣмъ дурой я тогда была!

Махнувъ рукою, она заканчивала:

— Ну, да что прошлое вспоминать! Прошло — и за то спасибо!

Потомъ уже другимъ тономъ возвращалась къ вопросу о меблированныхъ комнатахъ:

— И какъ я буду рада, что мы будемъ жить вмѣстѣ, когда я возьму за себя это дѣло. Я ужъ такъ все устрою, что отъ жильцовъ отбою не будетъ. И теперь меня всякая холостежь спрашиваетъ: «да почему вы не откросте меблированныхъ комнатъ; мы бы всѣ къ вамъ переѣхали». Еще бы? у меня и опрятность, и порядокъ, все будетъ. Не такъ, какъ у другихъ...

Хопровъ глядѣлъ на нее, румяную, здоровую, расторопную, и удивлялся этой энергіи, хотя иногда она и раздражала его: онъ вотъ сидитъ сложа руки, а она вѣчно за дѣломъ.

— И гдѣ ты научилась этой опрятности, этой чистотѣ?— говорилъ онъ не безъ иронія.

— Научишься, какъ сегодня бьютъ, да завтра бьютъ,— просто объясняла она.—Ты думаешь, голубчикъ, я барышней росла? Нѣтъ, покойные тетка и дядя, пока они живы были, за каждую паутинку плюхами кормили. Печкой только не били, а объ печку бивали. Что-жъ, я имъ благодарна, теперь это пригодилось. Не умри они, не мыкалась бы я такъ, какъ въ послѣднія девять лѣтъ. Чего-чего не сдѣлали бы они, а ужъ продавать меня, пятнадцатилѣтнюю дурочку, не стали бы, какъ тетушка Матильда Ивановна. Она, проклятая, меня съ моей дороги столкнула. Она и деньги покойныхъ дяди и тетки прибрала къ рукамъ, благо я незаконная и правъ не имѣла на наслѣдство...

Она вздохнула.

— Да, не дай Богъ никому незаконнымъ быть. Весь вѣкъ иному незаконному-то придется родителей проклинать...

— Ну, и законнымъ дѣтямъ иногда не легко живется,— говорилъ Хопровъ, вспоминая свое дѣтство.

— Нѣтъ, ты не говори. Законному плохо, если родители дурные, а незаконному и при хорошихъ родителяхъ горе грозитъ. Да ты вотъ меня возьми: мало что меня обобрали, такъ еще эту поганую фамилію чухонскую дали «Копоненъ». Сама русская, православная, а фамилія «Копоненъ». Точно

чухонка какая. Тожо каково слышать было, когда спрашивали: «а гдѣ твой отецъ, а кто у тебя отецъ?» Кто? гдѣ? вѣтеръ въ полѣ...

И она распространялась о своемъ горькомъ дѣтствѣ, о перенесенныхъ ею невзгодахъ, о безправіи незаконнорожденной. Жизнь дѣйствительно была не сладкая, полная труда и тычковъ, сиротства и лишеній. Нѣкоторые изъ эпизодовъ были просто возмутительны и позорны. Сперва ею помыкали, какъ тряпкой; потомъ ее отдавали, какъ вещь, на прокатъ, на подержаніе.

— И ужъ и надругались же надо мной!—коротко заключала она, отирая слезы.—Три мѣсяца я на ногахъ не могла держаться послѣ того, какъ тетушка-то Матильда мной распорядилась. Теперь вспомнить страшно. А ей что — ей только деньги были нужны. Меня же била, бывало, за непокорность. Ну, а я глупа была, сбѣжать не догадалась.

Онъ жалѣлъ ее, вмѣстѣ съ нею бранилъ ея тетку-изверга, продававшую ее, какъ невольницу, бранилъ ея отца, безчестнаго человѣка, бросившаго ея мать съ ребенкомъ въ нищетѣ.

— Да ужъ хуже-то этой подлости и нѣтъ — обольстить дѣвушку, прижить ребенка, а потомъ бросить! — говорила она съ жаромъ.— Я вотъ теперь, будь у меня сестра или знакомая изъ молодыхъ дѣвушекъ, прежде всего ее предостерегла бы отъ этого. Силой бы, кажется, отбила у обожателя, потому что сама я знаю, какова эта доля. Вѣдь вотъ слава Богу, что намъ деньги нашъ старичокъ оставилъ, а то что бы со мной самой теперь было? Страсть!

Но она тотчасъ же опять развеселилась.

— Ну, да что о вчерашнемъ дождѣ плакать! Что прошло, то не вернется. Теперь намъ обоимъ хорошо. И я, и ты живемъ не попрежнему.

Дѣйствительно, Иванъ Ивановичъ не могъ пожаловаться на Маргариту Ѳедоровну: она заботилась о немъ, какъ нянька. Ея практическій смыслъ чернорабочей былъ изумителенъ: она все предвидѣла, все умѣла разсчитать, всѣмъ умѣла распорядиться. Правду она говорила, что деньги и счастье придаютъ ей крылья; она могла бы прибавить, что онѣ придаютъ ей, ограниченной по уму, вполнѣ невѣжественной, сообразительность и изобрѣтательность. Она сумѣла найти для Ивана Ивановича подходящія меблированныя комнаты, она нашла въ томъ же домѣ табачный магазинъ для себя, она перевезла Хопрова на новую квартиру, она

потомъ переѣхала сама въ свой магазинъ и, дѣлая все это, дрожала надъ каждымъ лишнимъ грошемъ и, не теряя присутствія духа, отпарировала всѣ нападенія, всѣ подходцы тетки, Матильды Ивановны, разузнававшей, откуда взялись деньги у Хопрова и Маргариты. Эти разузнаванія имѣли далеко не безопасный характеръ и даже сопровождались намеками на сыскную полицію. Нужно было имѣть много находчивости и мужества, чтобы не смутиться и выдержать атаку, не проговориться ни словомъ. Хопровъ сознавалъ, что онъ надѣлалъ бы тысячи глупостей, если бы ему самому пришлось объясняться съ прежней квартирной хозяйкой. Когда ему разсказывала объ этихъ объясненіяхъ Маргарита, онъ весь холодѣлъ и терялся, а она только смѣялась:

— Просмотрѣли! Птичка улетѣла, а теперь не поймаешь! Вонъ она—а попробуй, слови!

Онъ даже благодарилъ Маргариту Ѳедоровну за то, что она терпитъ всѣ эти непріятности изъ-за него, а она, смѣясь, отвѣчала:

— Вовсе не изъ-за тебя! Деньги и мои, и твои; оба могли бы попасться!

Онъ сознавалъ, что она права, и даже не протестовалъ противъ того, что она держала у себя ключъ отъ ящика съ деньгами, стоявшаго у него.

— Ты все растранжирилъ бы, а я сберегу!—поясняла она, и выдавала ему сама деньги, когда онѣ были нужны ему.

Ей даже было пріятно, когда онъ пріобрѣталъ новый галстукъ «къ лицу» или шелъ прогуляться въ Зоологическій садъ.

— Нельзя же молодому человѣку сидѣть все дома,—покровительственно говорила она:—славу Богу, дѣла у насъ идутъ хорошо. Это вѣдь я тебѣ изъ своей выручки дала, капитала не тратимъ.

Онъ испытывалъ какое-то странное чувство смущенія, но все же смѣялся:

— Я, значитъ, у тебя какъ бы на содержаніи!

— Ну, вотъ, пустяки выдумалъ. Я лучше тебя хозяйничаю, вотъ и все,—просто поясняла она.—Ты бы самъ живо проторговался, если бы тебя торговать посадить. Будешь поопытнѣе, тогда другое дѣло.

— Торговать пріучусь?—спрашивалъ онъ, смѣясь ироническимъ смѣхомъ.

— Когда-нибудь и пріучишься,—съ убѣжденіемъ проговорила она.—Это вѣдь не стыдно. У насъ вонъ въ Коломнѣ

одинъ чиновникъ лавочку табачную содержалъ, дѣти въ гимназіи, родные изъ благородныхъ, двое изъ нихъ по статской части въ генералахъ состоятъ.

Онъ не считалъ нужнымъ разочаровывать ее, говорить ей о своихъ планахъ на извѣстность. Этого она все равно не пойметъ. Для этого она слишкомъ проста. Эти мысли немного утѣшали его, успокаивали. Будь она умнѣе, ему были бы невыносимо обидны ея отношенія къ нему, какъ несмысленочку, какъ ни къ чему не способному человѣку.

Иногда только она спрашивала:

— И на что тебѣ деньги? У тебя все есть!

И онъ самъ тоже думалъ:

— Точно, на что мнѣ деньги? У меня все есть.

Ему становилось даже странно, какъ это теперь ему вовсе не нужны деньги, а прежде цѣлая масса ихъ проходила между рукъ. Онъ вспоминалъ это недавнее прошлое: безалаберное, безшабашное, неряшливое, лихорадочно безпутное, и ему становилось противно и стыдно за самого себя. Чтобы добыть нѣсколько рублей, онъ спѣшно перерисовывалъ тогда черезъ кальку старые иностранные рисунки, превращалъ тирольцевъ въ малороссовъ и, не сморгнувъ глазомъ, сбывалъ эти рисунки за оригинальные разнымъ издателямъ иллюстрированныхъ изданій, или исполнялъ кое-какъ въ одинъ вечеръ плохенькій пейзажъ, «подпускалъ» въ него красочки, придѣлывалъ къ нему огромныя поля, что дѣлало пейзажъ «виднѣе», и ухитрялся «сорвать» за это деньги, «втеревъ очки» неопытному покупщику. Онъ даже хвалился этимъ среди пріятелей, вышучивая невѣждъ-покупателей, и товарищи требовали съ него «литки», «магарычи», «спрыски», на что и уплывали деньги. Иногда же не везло. Это бывали самыя скверныя минуты, приходилось упрашивать, чтобы купили его работу; нужно было выслушивать рѣзкія порицанія этой работѣ; надо было прибѣгать къ унизительнымъ заявленіямъ, что «положеніе такое, что хоть повѣситься, такъ и то въ пору»; въ отвѣтъ на это ему говорили, съ ироніей, что его работа не нужна, но что ее берутъ, чтобы онъ не вѣшался, и трудъ шелъ за безцѣнокъ, денегъ пріобрѣталось такъ мало, что было уже все равно—прѣсть ихъ въ три-четыре дня или прокутить въ одинъ вечеръ; послѣднее было веселѣе, и потому избиралось именно оно. Ему вспоминалось теперь, до чего дошелъ на этомъ пути Жихаревъ: тотъ положительно считалъ доблестью надуть кого бы то ни было, сорвать съ каждаго, надсбоширить

вездѣ. Показывая обгрызки своихъ черныхъ зубовъ и хохоча грубымъ смѣхомъ, Жихаревъ даже хвасталъ своими «подвигами» и пріувеличивалъ, прилыгалъ, выдумывалъ ихъ. Такъ онъ разсказывалъ, что одинъ купецъ заказалъ ему сдѣлать съ него «пейзажикъ», масляными красками, при чемъ торговался «какъ жидъ на базарѣ».

— Я же ему и подложилъ свинью,— бахвалился и вралъ Жихаревъ.—Написалъ голову осла, а потомъ на ней, какъ просохла она, написалъ рожу его степенства. Пусть-ка оставитъ своимъ наслѣдникамъ этотъ «тятенькинъ патретъ»— изъ-подъ купецкой-то рожи морда осла когда-нибудь и выглянетъ. Это ужъ непремѣнно. Я такъ устроилъ. Вотъ тебѣ и будетъ «фамильный портретъ».

Никто не вѣрилъ Жихареву, зная его за отъявленнаго враля, но всѣ считали долгомъ смѣяться, «не обрывая его», чтобы «не напороться на исторію» съ дешобпромъ.

А тяжелые мѣсяцы, проведенные имъ въ одной крошечной комнатѣ съ двумя товарищами,—чего стоили одни они? Какой-то шутникъ, зайдя разъ поутру «въ ихъ Іомудію», замѣтилъ: «Ну, и воздухъ у васъ; жевать его можно»: ихъ жило въ каморкѣ трое, но пребывало въ ихъ квартирѣ никогда не менѣе шестерыхъ человѣкъ. Посѣтители часто не имѣли и вовсе своего угла. Нѣкоторые изъ нихъ не вставали по цѣлымъ днямъ съ постелей, такъ какъ одинъ изъ жившихъ, нарядившись въ единственную пару платья, уходилъ раздобывать деньги; оставшіеся дома полунагіе постояльцы обманывали свой голодъ куреньемъ табаку до головной боли, до одурѣнія, до тошноты; иногда являлись опасенія: «а что какъ ушедшій запьянствуетъ? въ чемъ тогда выйти на улицу?» Гдѣ теперь они, эти товарищи? Одинъ, даровитый юноша, страстно любившій и удивительно писавшій собакъ, дошелъ до отчаянія, бросилъ живопись, нѣкоторое время пилъ безъ просыпа и теперь, какъ говорятъ, гдѣ-то въ провинціи служитъ въ портерной, тогда какъ его «Наказанная комнатная собачка» и «Опечаленный моисъ», проданные имъ за тридцать рублей, продаются въ одномъ изъ эстампныхъ магазиновъ за пятьсотъ рублей. Другой избралъ благую часть: изобразилъ акварелью серію скоромныхъ картинокъ подъ названіемъ «Радости и печали любви», продалъ ихъ, вошелъ въ моду и теперь его, разжирѣвшаго и блистающаго масломъ, можно всегда встрѣтить среди щеголеватыхъ гвардейцевъ и кокотокъ: онъ катается, какъ сыръ въ маслѣ, и, дойдя до чудовищной

разнузданности воображенія, все пополняетъ новыми и новыми серіями «Радости и печали любви», съ жирнымъ смѣхомъ говоря: «А я все кредитные билеты фабрикую и мѣняю на золото». А онъ, Хопровъ... о, скорѣй бы, скорѣй бы ему остановиться на большомъ трудѣ. Переговорить съ Вѣрой серьезно и засѣсть за работу...

Вѣра Павловна переселилась съ семьей въ Лѣсной, и туда-то отправлялся теперь Хопровъ, въ сильно возбужденномъ настроеніи духа, съ увѣренностью въ душѣ, что на этотъ разъ ему удастся остаться наединѣ съ Вѣрой. Онъ не отдавалъ себѣ яснаго отчета, что онъ скажетъ ей, чего онъ ждетъ отъ нея. У него была просто безсознательная потребность поговорить съ свѣжимъ человѣкомъ по душѣ, высказать кому-то что-то наболѣвшее въ душѣ. Онъ даже не зналъ, будетъ ли онъ говорить съ ней о картинѣ или о чемъ-нибудь другомъ. Его тянуло къ ней, потому что только съ нею онъ могъ говорить откровенно. На всемъ свѣтѣ только она еще вѣрила въ него, подбадривала его. Въ дни неудачъ, нужды и отчаянія это было для него очень важно. Онъ никогда не анализировалъ, почему эта задорная, живая и бодрая дѣвочка говоритъ ему «не унывайте! вы еще покажете всѣмъ, на что вы способны». Ему просто были пріятны эти слова, и онъ ни разу не остановился на вопросѣ: «есть ли у нея серьезныя основанія говорить такъ; понимаетъ ли она, ребенокъ, его; есть ли въ немъ что-нибудь, что оправдывало бы ея вѣру; работаетъ ли онъ серьезнѣе послѣ встрѣчъ съ нею?»...

На небольшой дачѣ Хвощинскихъ всѣ сидѣли на террасѣ, только-что покончивъ обѣдъ, когда явился Иванъ Ивановичъ. Семья встрѣтила его радушнѣе обыкновеннаго, можетъ-быть, ради его вполнѣ приличнаго костюма.

— Поздравляю, у васъ сегодня вѣдь маленькій праздникъ,—сказалъ онъ, цѣлуя руку у тетки.

— Да, рожденье Володи,—отвѣтила она.—А ты не забылъ. Это хорошо съ твоей стороны.

— Поздравляю тебя! — обратился Хопровъ къ Владиміру.—А вотъ тебѣ и подарокъ. Кстати и тебѣ, а то что же дарить одного и обходить другого,—обернулся онъ къ Мишѣ.

Оба гимназиста вспыхнули до ушей и, переглянувшись, торопливо взяли подарки.

— Такъ это вы намъ,—начали они и смолкли, вспомнивъ, что домашніе не знаютъ о ихъ визитѣ къ Хопрову.

— Балуешь мальчишекъ!— проговорилъ хозяинъ дома, опуская на колѣни газету и пожимая руку Ивана Ивановича.

Хвощинская по-родственному замѣтила:

— Лучше бы обѣдать пришелъ, чѣмъ подарки дарить.

У Хвощинскихъ никто никогда не обѣдалъ изъ чужихъ.

Гимназисты уже надѣли часы и, точно вспомнивъ что-то, потянулись теперь цѣловать Хопрова.

— Ну, садись, кури,—коротко сказалъ Павелъ Петровичъ.—Кофе сейчасъ будемъ пить.

Видя, что сыновья вертятъ въ рукахъ часы, разсматривая ихъ снаружи и внутри, онъ сказалъ:

— Сломайте еще! Его, что ли, попросите чинить!

— А у васъ здѣсь хорошо, даже въ этотъ зной,—проговорилъ Хопровъ, поздоровавшись съ Вѣрой и ея сестрами и оглядываясь кругомъ.—Въ городѣ духота.

— А вотъ пойдемъ гулять въ паркъ, тамъ еще лучше,— отозвались гимназисты,

— Отлично, покажете все! - сказалъ Хопровъ.

— Ты, Вѣра, съ нами пойдешь?— спросили сестру гимназисты.

— Хорошо.—отвѣтила она.

— А васъ не возьмемъ: пищите вѣчно, что далеко!—рѣшили храбро гимназисты, обращаясь къ двумъ младшимъ сестрамъ, и многозначительно подмигнули Хопрову.

— Нападаютъ все на дѣвчонокъ,—сказалъ Хвощинскій.

Подали кофе. Хозяйка любезно угощала Хопрова и опять пожалѣла, что онъ явился не къ обѣду. Хопровъ, въ свою очередь, чтобы быть вполнѣ любезнымъ, пожалѣлъ, что онъ не видитъ Разумника. Бѣдняга, вѣрно, на работахъ въ городѣ.

— Деньги даромъ не достаются,—изрекъ Хвощинскій.— Самъ, я думаю, знаешь это по опыту теперь.

И тутъ же сдѣлалъ наставленіе сыновьямъ.

— Вотъ вы спросите его, сколько надо поработать, чтобы купить такіе часы, какіе онъ вамъ привезъ. Это цѣнить нужно. Каждый плодъ труда дорогъ.

Кофе былъ оконченъ, и гимназисты заторопили Хопрова и Вѣру. Она все время сидѣла какъ бы сконфуженною. Подарокъ Хопрова братьямъ смутилъ ее, потому что ей было ясно, какъ ради этого подарка измѣнились отношенія семьи къ Ивану Ивановичу. Она почти сердилась на него, стыдясь за свою семью. Зачѣмъ онъ подкупаетъ ихъ? Онъ долженъ держать себя независимо, не обращать на нихъ вниманія,

идя своей прямой дорогою. Завоюетъ онъ себѣ положеніе— они сами станутъ кланяться ему. О, какъ бы рада была она тогда, какъ бы торжествовала...

Гимназисты торопили:

— Что-жъ, идемъ!.. Вѣра, спишь ты, что ли?

Они подтолкнули другъ друга локтями, указывая глазами на замечтавшуюся Вѣру:

— Втюрилась!

Хвощинская замѣтила:

— Да ты усталъ, можетъ-быть?

— О, нѣтъ!—поторопился сказать Хопровъ.

Наконецъ, молодые люди тронулись въ путь, чинно, всѣ четверо въ рядъ. Они направились въ Беклешовъ садъ, перебрасываясь отрывистыми фразами о погодѣ, о мѣстности, о прогулкахъ.

— Вы, что же, на лодкѣ поѣдете?—спросилъ вдругъ Хопровъ у гимназистовъ.

Они немного стѣснились отвѣтомъ. Онъ понялъ причину и незамѣтно сунулъ Мишѣ денегъ.

— Да, покатаемся,—развязно отвѣтилъ Миша.—А вы гдѣ съ Вѣрой будете?

— Тутъ же походимъ,—отвѣтилъ Хопровъ.

Вѣра вся вспыхнула. Ей было пріятно побыть съ нимъ вдвоемъ, и въ то же время ее смутило то обстоятельство, что это съ глазу на глазъ случилось такъ неожиданно. На минуту въ ней мелькнула даже мысль о томъ, что скажетъ мать, если узнаетъ, что она оставалась наединѣ съ Хопровымъ. Миша и Володя могутъ сосплетничать. У нихъ въ домѣ шпіонство въ ходу. Бойко вступавшаяся за Хопрова дома, она теперь боялась такого простого самостоятельнаго шага, какъ быть съ нимъ наединѣ. Ей стало досадно на себя. Чего она боится? Вѣдь встрѣчалась же она сотни разъ съ Хопровымъ въ условные часы на улицѣ? Правда, это были минутныя свиданія, но вѣдь и за нихъ могли пожурить дома, если бы узнали о нихъ. Что же безпокоитъ ее теперь? Хопровъ разомъ разсѣялъ эти колебанія, сказавъ тихо:

— Какъ давно хотѣлъ я поговорить съ вами по душѣ вдвоемъ.

Она покраснѣла и пошла за нимъ, уже не думая ни о чемъ, кромѣ него, нуждающагося въ ней, въ разговорѣ съ нею...

Гимназисты что-то кричали имъ съ лодки, но они уже не

слушали и шли, охваченные какимъ-то смутнымъ волненіемъ. Они давно хотѣли поговорить по душѣ, но, оставшись вдругъ съ глазу на глазъ, не находили, съ чего начать разговоръ, точно имъ никогда не приходилось еще быть вдвоемъ безъ свидѣтелей. Хопровъ, не глядя на нее, видѣлъ искоса ее, идущею рядомъ съ нимъ, и думалъ: «Какъ она вдругъ выросла и развилась; совсѣмъ невѣста. А давно ли была дѣвочкой». Проходившіе мимо нихъ молодые люди заглядывались на нее, онъ это видѣлъ и соглашался съ ними мысленно, что на нее можно заглядѣться. Красавица! Вотъ бы такую жену имѣть! Ну, да гдѣ нашему брату. Благодари и за то, что удостоитъ своей дружбы. Вѣра Павловна первая прервала молчаніе и заговорила наобумъ, чтобы только не молчать.

— Ну, что же ваша картина?

Хопровъ очнулся и сдѣлалъ едва замѣтную гримасу, точно сердясь, что она именно съ этого начала бесѣду.

— Картина? Какая? Ахъ да, моя будущая картина! Мы вѣдь только объ этомъ и говоримъ съ вами при благородныхъ свидѣтеляхъ.

— Въ этомъ ваше будущее,—тихо отвѣтила она.

— Только въ этомъ?—спросилъ онъ съ ироніей; въ голосѣ прозвучала какая-то злая нотка.—Вы думаете, что картинками можно наполнить всю жизнь и...

Онъ не кончилъ фразы, потомъ, помолчавъ, сталъ говорить въ раздумьи, въ какомъ-то минорномъ тонѣ:

— Я нахожусь въ странномъ настроеніи въ послѣднее время. У меня точно почва ускользаетъ изъ-подъ ногъ...

— Что съ вами?—спросила она тревожно.—Что-нибудь случилось дурное?

— Нѣтъ. Новаго ничего не случилось дурного. Но... видите ли, до сихъ поръ я «мечталъ» только о картинѣ: теперь я «сталъ думать» о ней. Тогда она являлась чѣмъ-то туманнымъ въ отдаленномъ будущемъ, теперь я хочу опредѣлить, чтобы создать ее, такъ сказать, завтра... На чемъ остановиться? Конечно, вы можете повторить свою фразу, что дѣйствительная жизнь даетъ сюжеты на каждомъ шагу. Но меня не удовлетворяютъ эти мальчишки, лежащіе на травѣ брюхомъ вверхъ или брюхомъ внизъ съ надписью: «По грибы», «По ягоды», «Поѣздъ идетъ», «Ночное», «Подпаски», «Крестьянскія дѣти» и какъ тамъ еще называютъ подобныя картины, смотря на которыя думаешь: «Гдѣ это я прежде видѣлъ?» Есть еще жалкіе

сюжеты—«Ученикъ сапожника», «Въ ученьи», «Жена мастерового», «Смерть хозяина», «Безъ матери», «Запьянствовалъ»—мелкія подчеркиванья маленькихъ невзгодъ будничной жизни...

— Непремѣнно хотите начать съ грандіознаго—съ «Казни стрѣльцовъ» или «Покореніе Великаго Новгорода»?—съ задорной усмѣшкой спросила она.

— Съ этого или съ чего другого, но не съ фельетонныхъ замѣтокъ на полотнѣ. Но дѣло не въ томъ, а вотъ въ чемъ. Я начертилъ нѣсколько композицій и самъ удивился смѣлости своего рисунка...

— Ну?

Онъ горько усмѣхнулся.

— Одѣть не во что мнѣ мои фигуры! Это дѣти нищаго.

Она не поняла сразу. Онъ пояснилъ:

— Я задумалъ картину «У благотворителей». Роскошный залъ, нарядныя дамы-патронессы, галантный секретарь комитета и передъ ними группа нищихъ-просителей, среди которыхъ выдается красотою одна дѣвочка лѣтъ пятнадцати, на которую засмотрѣлся старецъ-благотворитель... Вы не можете представить, какъ удалась мнѣ группировка. Все до мельчайшихъ подробностей я вижу передъ собою. Ваши братья заходили ко мнѣ, увидали этотъ эскизъ, пришли въ восторгъ, спросили: «Это цыгане въ гостиницѣ?»

Онъ усмѣхнулся съ горечью:

— Зарѣзали безъ ножа.

— Ну, нашли судей!—проговорила она сердито.—Это просто глупо, обращать вниманіе...

— Нѣтъ, нѣтъ, они правы!—запротестовалъ онъ.—Тысячу разъ правы! Эта комната и написана мною на память съ одной изъ залъ кафе-ресторана Бореля. А наряды дамъ-патронессъ... кажется, въ шустеръ-клубѣ я видѣлъ такіе костюмы... Да гдѣ же мнѣ найти эти кружева, бархатъ, атласъ? Изъ табачной лавки рождественскіе костюмы, что ли, напрокатъ взять?

Онъ опять усмѣхнулся невеселой улыбкой.

— Я вотъ помню, въ академіи задавали ученикамъ другія темы: «Агарь въ пустынѣ», «Грѣшница передъ Христомъ». Это полуграмотнымъ-то мальчикамъ, не выѣзжавшимъ изъ Петербурга или прибывшимъ въ него изъ Чухломы и Царевококшайска, не видавшимъ въ глаза юга, его неба, его природы; не знающимъ археологіи. Ну, вотъ Кудряшовъ, какъ сейчасъ вижу, и написалъ Христа подъ

петербургскимъ небомъ, а грѣшницу нарядилъ въ платье изъ голубого французскаго гласе, а Зотовъ соорудилъ для Агари платье изъ полосатаго муслинъ де-лэна и превратилъ въ пустыню чуть ли не Смоленское поле въ осеннюю ночь... Такъ это могли дѣлать ученики, пишущіе на заданную имъ другими тему, а не самостоятельный художникъ, самъ выбирающій сюжетъ...

— Да зачѣмъ вамъ-то понадобилось изображать непремѣнно дворецъ Шехеразады?—живо спросила Вѣра Павловна.—Ну, не можете списать аристократическаго салона, свѣтскихъ барынь—и въ сторону эту тему. Жизнь такъ разнообразна и богата...

Онъ вздохнулъ.

— Увы, Вѣра Павловна, я это и сдѣлалъ. Я только это и дѣлаю теперь, что откладываю въ сторону разныя темы.

Онъ безсознательно взялъ ея руку, положилъ на свою около локтя и, идя теперь съ нею подъ руку, увлекаясь, заговорилъ взволнованнымъ голосомъ:

— Другъ мой, вы вовсе не знаете меня, моего прошлаго, моего настоящаго! Долгое время вы поддерживали меня своими одобреніями, своей безпричинной вѣрой въ меня. Теперь мнѣ нужна болѣе серьезная поддержка съ вашей стороны...

Она слушала его, затаивъ дыханіе, въ сильномъ волненіи, немного испугавшись, точно ждала его признанія въ любви.

— Вамъ для этого нужно узнать меня такимъ, каковъ я на самомъ дѣлѣ, а не такимъ, какимъ вы меня воображаете,—тихо сказалъ онъ.—Я никогда не хитрилъ, не лгалъ передъ вами, но я обо многомъ умалчивалъ, многаго не договаривалъ. «Отчего?» спросите вы. Можетъ-быть, оттого, что во мнѣ говорилъ ложный стыдъ. Теперь же и вы не ребенокъ, и во мнѣ произошелъ переломъ.

Онъ, самъ не сознавая, почему и для чего заговорилъ о своемъ прошломъ, о томъ, о чемъ онъ за послѣднее время такъ часто передумывалъ одинъ и чѣмъ безсознательно хотѣлось подѣлиться съ кѣмъ-нибудь другимъ, кто понялъ бы его. Онъ самъ не сознавалъ, что ему необходимо нужно, чтобы кто-нибудь, любящій его, пожалѣлъ его за это прошлое, простилъ ему многое за это прошлое, которое онъ теперь все болѣе и болѣе ненавидѣлъ. За что ненавидѣлъ? За то, что это прошлое чуть не превратило его во второй экземпляръ Жихарева. За то, что оно не пріучило его къ серьез-

ному труду и не дало ему орудія, средствъ и силъ завоевать положеніе въ будущемъ. За то, можетъ-быть, что онъ не смѣлъ вотъ теперь, въ этотъ теплый чудный вечеръ, идя рука объ руку съ этой дѣвушкой, прямо сказать ей: «будь моею», а долженъ былъ сначала покаяться передъ нею въ своемъ прошломъ и только потомъ сказать: «теперь ты знаешь меня, рѣшай же, можешь ли ты любить меня». Любилъ ли онъ самъ ее—объ этомъ онъ даже и не думалъ. Впервые въ жизни, разсказывая ей это прошлое, онъ утратилъ способность юмористически относиться къ фактамъ; вмѣсто юмора въ его рѣчахъ звучала горечь, всегда такъ сильно подкупающая молодыя неопытныя сердца. Вѣра Павловна слушала его молча, серьезно пораженная тѣмъ, что пережилъ этотъ человѣкъ, жизнь котораго она, казалось, знала съ дѣтства. Она знала только одну сторону медали, теперь передъ нею открывалась другая сторона медали, неприглядная, мрачная, какое-то клеймо съ надписью «отщепенецъ». Это былъ ребенокъ, брошенный матерью и отцомъ, мальчикъ, не пріученный къ серьезному труду, выгнанный на всѣ четыре стороны школьникъ, вольный слушатель академіи художествъ, имѣющій право ничего не дѣлать; актеръ-любитель безъ школы и ангажементовъ, призываемый въ какой-нибудь грошовый клубъ замѣнять заболѣвшихъ внезапно настоящихъ клубныхъ актеровъ; человѣкъ, у котораго были пріятели, покуда были у него деньги, и который остался одинокимъ, когда денегъ не стало, а пріятели разбогатѣли; наконецъ, существо, о которомъ серьезные люди говорили только тогда, когда нужно было сказать дѣтямъ, что они не должны быть такими, какъ этотъ... «проходимецъ».

Когда онъ разсказывалъ о днѣ бѣгства матери, она вздохнула.

— Бѣдный мой другъ!

Когда онъ говорилъ, какъ онъ голодалъ съ товарищами, жившими съ нимъ въ одной комнатѣ, какъ нищій-дѣдъ носилъ имъ иногда куски черствaго хлѣба, она тихо пожала его руку и, съ навернувшимися на глаза слезами, прошептала:

— Господи, какъ вы все это пережили!

Ей было очень жаль его, и въ то же время онъ сталъ въ ея глазахъ выше, потому что онъ могъ все это перенести. Она даже не подозрѣвала того, что переживалъ онъ все легко и что только теперь все это было и тяжело, и гадко ему.

И чѣмъ ближе прижималась она къ нему, чѣмъ нѣжнѣе были ея замѣчанія, тѣмъ свѣтлѣе становилось у него на душѣ. На минуту ему показалось, что между ними все порѣшено, обговорено, кончено: онъ сказалъ ей послѣднее слово—слово любви, она отвѣтила послѣднимъ словомъ—словомъ согласія. Это была свѣтлая мечта, свѣтлый сонъ, заставившій забыть все—и Маргариту Ѳедоровну, и семью Хвощинскихъ, и не начатую еще картину. Онъ забылъ даже и то, что онъ самъ не знаетъ, точно ли онъ любитъ ее такъ, какъ нужно любить ту, съ которой хочешь связать навсегда свою судьбу...

— Вотъ-то вы заговорились! Мы пришли, кричимъ, а вы и ухомъ не ведете!—внезапно раздался возгласъ гимназистовъ.—Пора домой!

Вѣра Павловна и Иванъ Ивановичъ вздрогнули, точно упали съ облаковъ на землю. Онъ мысленно послалъ гимназистовъ къ чорту и съ горечью подумалъ о томъ, что въ сущности онъ ничего не сказалъ о своей любви къ ней, даже не намекнулъ объ этомъ. Она сконфузилась, растерялась и, чтобы только не молчать, заговорила, какъ бы продолжая начатый разговоръ:

— Да, такъ вы возьмете сюжетъ для картины изъ будничной жизни? Вотъ можно написать на тему: «И съ похоронъ обратно дроги пустыя весело бѣгутъ». Я разъ видѣла, какъ остановились дроги у портерной, и вся прислуга на улицѣ начала распивать пиво...

— А мы знатно прокатились! Мишка чуть не угодилъ на сваи подъ мостомъ,—разсказывалъ Володя.

— Или некрасовскую «Свадьбу» написать,—продолжала наобумъ, почти безсознательно Вѣра Павловна, все еще не оправившаяся отъ безотчетнаго смущенія.

Хопровъ потеръ лобъ, только теперь сообразивъ, про что она говоритъ.

— Да, да, вы это о картинахъ,—досадливо сказалъ онъ.—Веселыя похороны, печальная свадьба...

— Знатно бы выкупались!—продолжалъ Миша.—И задали бы намъ трезвону дома, узнавъ, что мы одни катались...

— Ахъ! какой ты неосторожный!—почти съ ужасомъ воскликнула Вѣра, только теперь понявъ, что онъ говоритъ.—Развѣ такъ можно! Что бы было!

Хопровъ почему-то разсердился. На кого? Онъ самъ не зналъ этого.

— Однако, вы очень побаиваетесь старшихъ!—замѣтилъ онъ не безъ ѣдкости Вѣрѣ Павловнѣ.

Она подняла на него съ упрекомъ откровенные, ясные глаза.

— Послѣ этого насъ никогда бы не отпустили гулять съ ними... безъ дѣвочекъ,—просто пояснила она причину своего страха.

Онъ въ смущеніи шепнулъ ей:

— Простите... я не сообразилъ этого сразу...

Они медленно пошли къ дому, молчаливые, задумчивые, не слушая немолчной болтовни гимназистовъ.

VI.

Иванъ Ивановичъ, выйдя отъ Хвощинскихъ, прошелъ по направленію къ Ланской станціи и сѣлъ въ пустой вагонъ конно-желѣзной дороги, чтобы пробраться къ Строгановскому мосту. Вечеръ былъ бѣлъ, мглисть, томительно душенъ. Въ бѣлесоватыхъ небесахъ изрѣдка точно что-то вспыхивало, съ угрозой, не то зарница, не то молнія. Гдѣ-то далеко-далеко глухимъ шопотомъ раздавались ворчливые раскаты грома. Теплый, точно воздухъ изъ натопленной печи, вѣтеръ налеталъ отъ времени до времени неожиданными порывами, вдругъ поднималъ, крутя клубами, бѣлую пыль и потомъ снова такъ же внезапно стихалъ. Что-то удушливое было въ этихъ порывахъ вихря, точно онъ угонялъ послѣднія частицы свѣжаго воздуха и несъ только нагрѣтую пыль да до одурѣнія сладкій, казавшійся наркотическимъ, ароматъ переспѣвшей клубники и земляники съ сосѣднихъ огородовъ. Въ кустахъ и въ листвѣ деревьевъ, несмотря на довольно поздній часъ, среди мертваго затишья, шла тревожная и хлопотливая возня птицъ, какъ видно ожидавшихъ приближенія грозы. Около станціи желѣзно-конной дороги не было ни души. Кондукторъ и кучеръ вагона усѣлись по лѣвой сторонѣ дороги на скамью у одной изъ дачъ и тупо смотрѣли внизъ,—первый, казалось, особенно сильно занялся заплатой на своемъ сапогѣ, ковыряя ее пальцемъ, второй заинтересовался узорами, выводимыми имъ кнутовищемъ на пыли. Усѣвшійся около дверей вагона Хопровъ, повидимому, заинтересовался этими отупѣлыми позами, движеніями и взглядами вагонной прислуги, сталъ всматриваться въ нее и самъ безсознательно застылъ въ неподвижной позѣ, упершись локтями въ колѣни и уткнувшись подбородкомъ на трость, сжатую въ оба

кулака. Быть-можетъ, это тупое созерцаніе, эта дремота съ открытыми глазами продолжалась бы долго, если бы кляченка, стоявшая какъ бы въ тоскливыхъ думахъ о своей судьбѣ, съ понурой головой передъ вагономъ, не вздрогнула и не качнула вагона, не то отбиваясь отъ какого-то назойливаго насѣкомаго, не то содрогаясь отъ своего положенія. Толчокъ вагона заставилъ очнуться Хопрова. Онъ выпрямился, зѣвая и моргая глазами, точно послѣ сна, вышелъ на площадку, вынулъ портсигаръ и, закуривая папиросу, спросилъ:

— Скоро тронемся?

Кондукторъ и кучеръ вздрогнули, поежились, потянулись, и кондукторъ, позѣвывая, сказалъ:

— Пора!

Для соблюденія всѣхъ формальностей, вставъ на площадку вагона, онъ машинально позвонилъ. Кучеръ поднялся къ своему посту, подобралъ вожжи и, опять ежась, передергивая плечами, словно его вездѣ покусывало, проговорилъ:

— Впередъ!

Лошаденка затопала мохнатыми ногами, сокрушительно кивая опущенной внизъ, долгогривой, длинношеей головой, и вагонъ дробезжа, какъ развинченный, и встряхиваясь, покатился впередъ.

— Позвольте получить! — проговорилъ лѣниво кондукторъ.

Очнувшись снова отъ забытья, Хопровъ досталъ деньги.

— Гроза, должно-быть, будетъ,—сказалъ онъ.

— Да, паритъ,—отвѣтилъ кондукторъ.

Они прислонились къ вагону и опять смолкли, не то дремля, не то наблюдая за проходившими около дачъ людьми. Теперь дорога, тянувшаяся между дачъ, была полна народомъ. Онъ разбрелся, какъ муравьи изъ развороченнаго муравейника, все молодежь и подростки, то группами, то парами, или во всѣхъ направленіяхъ. Кое-гдѣ раздавались смѣхъ, пѣніе, визгъ. У одной изъ дачъ два дворника, любезничая и заигрывая, усаживали на скамью горничную, звонко взвизгивавшую, отбиваясь отъ нихъ.

— Ишь, визжитъ, а самой любо! — проговорилъ кондукторъ.

Это былъ молодой парень, румяный, бѣлокурый съ прыщами на щекахъ, должно-быть, изъ деревенскихъ. Онъ вдругъ зажаловался:

— Нѣтъ, за день нашъ братъ такъ набѣгается, что какъ бы до постели. А нѣтъ хуже какъ на Каменноостровскую

линію попадешь. Соснуть некогда. Когда-то еще до парка доберешься, да сдашь выручку...

Хопровъ и слушалъ, и не слушалъ его. Въ головѣ назойливо вертѣлась мысль: «И какъ это она вдругъ такъ измѣнилась? Выросла и похорошѣла вдругъ, что ли?» Потомъ мелькнуло соображеніе, что это, вѣрно, отъ наряда. До сихъ поръ онъ видѣлъ Вѣру Павловну въ ея «мундирѣ», то-есть въ коричневомъ шерстяномъ платьѣ, а сегодня она была въ малороссійскомъ костюмѣ. Сквозь прошивки виднѣлись ослѣпительно бѣлыя руки, плечи, шея. Перестала быть дѣвочкой, невѣста, мысленно проговорилъ онъ и опять разсѣянно сталъ смотрѣть на группы и пары тянувшейся по дорогѣ молодежи. «Все завязки романовъ, начала любви», подумалъ онъ, и какое-то щемящее чувство охватило его. У него не было этой поры ухаживанья, жениханья, идиллiи любви. Была юность, не было поэзіи. Ему опять вспомнилось его прошлое. Сперва было дѣтство среди сверстниковъ товарищей, потомъ вдругъ онъ былъ выброшенъ какой-то волною на волю и окунулся въ омутъ падшихъ женщинъ. Потомъ насталъ періодъ голоданья, когда было некогда предаваться идиллiи любви и не было денегъ для разврата. Затѣмъ опять какая-то посторонняя сила бросила его въ объятія женщины, страстно любившей его, но не затрагивавшей въ немъ никакихъ нѣжныхъ чувствъ. Онъ жилъ теперь съ этой женщиной, но ни на минуту не забывалъ, что она кусокъ мяса, тупица, невѣжда, «ослица Валаама», какъ онъ называлъ ее въ минуты раздраженія. «Если бы Вѣра была на ея мѣстѣ»,—невольно мелькнуло въ головѣ, и въ его воображеніи нарисовалась живо, поразительно ясно, картина, какъ вотъ теперь онъ шелъ бы съ ней въ этотъ знойный вечеръ рука объ руку, тихо нашептывая слова любви; не ушелъ бы всю ночь съ улицы, счастливый одной близостью любимой дѣвушки, не прося у нея ничего, кромѣ сладкихъ клятвъ и увѣреній, кромѣ повторенія въ тысячный разъ слова «люблю». И вдругъ въ его головѣ мелькнула злая мысль. «Гдѣ ужъ намъ! Стала бы говорить о картинѣ! Ей моя картина дорога, а не я дорогъ! Вотъ сдѣлался бы знаменитымъ художникомъ, тогда бы, съ соизволенія родителей, пожалуй, и замужъ за меня пошла. Тоже петербургская барышня!»

— Дальше не поѣдемъ!—сказалъ неожиданно кондукторъ, сходя съ площадки.

Хопровъ очнулся: вагонъ уже доѣхалъ до Строгановскаго моста.

Иванъ Ивановичъ сошелъ на дорогу, безцѣльно осмотрѣлся кругомъ, свернулъ направо по берегу, къ Аркадіи, должно-быть, для того, чтобы сѣсть въ одинъ изъ вагоновъ Каменноостровской линіи, дошелъ до мѣста ихъ остановки. Въ Аркадіи еще горѣли фонари, оттуда доносились звуки садоваго оркестра: кругомъ раздавался грохотъ подъѣзжающихъ экипажей; на улицѣ, какъ въ пчелиномъ ульѣ, все суетилось, шумѣло, гудѣло. Безсознательно, вмѣсто вагона, Хопровъ прошелъ къ увеселительному саду, заплатилъ за входъ, вошелъ въ садъ и, въ какомъ-то одурѣніи, присѣвъ къ первому пустому столику, потребовалъ поѣсть и вина. Что ему подали ѣсть, какое вино онъ пилъ, онъ почти не сознавалъ; ѣда осталась нетронутой, бутылка приходила къ концу.

— Можно сѣсть?—раздался вопросъ.

— Можно,— отвѣчалъ Хопровъ, не обращая вниманія на личность, заговорившую съ нимъ, и крикнулъ лакею:

— Еще бутылку!

Лакей подалъ бутылку и поставилъ на столъ еще стаканъ.

Въ воображеніи Хопрова носился образъ Вѣры Павловны. Въ головѣ бродили безсвязно отрывки злыхъ мыслей. Была дѣвочкой, нравилось ей заступаться за него наперекоръ семьѣ и поощрять будущаго генія. Ему тоже нравилось, что кто-то по-дѣтски лепечетъ ему, тунеядцу, что онъ геній. Въ игрушки играли, ребята. Что-жъ, она думаетъ, что и всегда такъ можно, что онъ этимъ только и можетъ быть сытъ? Картина! Картина! Наплевать ему на картину! Любовь ему нужна, любить онъ хочетъ! Эта подбадриваетъ его, какъ мальчика: «пишите, пишите, вы — геній»; та смѣется надъ нимъ, какъ надъ несмысленочкомъ, и говоритъ: «марай, марай, отъ бездѣлья и то рукодѣлье». Какой онъ мальчикъ! Какой онъ несмысленочекъ! Любить онъ хочетъ, никогда онъ не любилъ.

— А что же вы сами не пьете? — раздался около него вопросъ.

Онъ посоловѣвшими глазами обернулся, увидалъ женщину, сидѣвшую со стаканомъ вина въ рукѣ за его столомъ, худую, нарумяненную, набѣленную, какъ рождественская маска.

— А вамъ что за дѣло? — спросилъ онъ невѣрнымъ гоcомъ.

— Скучно одной.

Онъ усмѣхнулся.

— Ну, пейте вдвоемъ... съ бутылкой?

— Ахъ, какой вы шутникъ!—засмѣялась женщина хрип-

лымъ дѣланнымъ смѣхомъ и, наливъ ему и себѣ стаканы, чокнулась своимъ стаканомъ о его стаканъ: — За ваше здоровье!

Онъ машинально выпилъ весь стаканъ и уставился мутнымъ, безсмысленнымъ взглядомъ въ ея лицо. Она что-то заговорила, смѣясь и гримасничая. Онъ ничего не понималъ и тупо, упорно смотрѣлъ на нее. Казалось, онъ спалъ съ открытыми глазами. Наконецъ, его лицо искривилось усмѣшкой, злой, почти дикой, и онъ, не спуская глазъ съ лица этой женщины, проговорилъ:

— Рожа!

— Ахъ, какъ это любезно! — воскликнула она. — Вы не имѣете права.

Онъ крикнулъ:

— Убирайтесь вы ко всѣмъ чертямъ!

И еще громче крикнулъ:

— Человѣкъ! Вотъ деньги!

Онъ швырнулъ на столъ скомканную бумажку и, съ трудомъ поднявшись съ мѣста, пробормоталъ снова пьянымъ голосомъ:

— Ко всѣмъ чертямъ!

Не обращая вниманія ни на ругательства женщины, ни на низкіе поклоны лакея, онъ побрелъ, спотыкаясь, по саду, къ выходу, вышелъ на набережную, сѣлъ на первую попавшуюся пролетку и пробормоталъ:

— Домой!

Извозчикъ хотѣлъ торговаться. Онъ крикнулъ:

— Поѣзжай, скотъ. Рубль, два, три! Ты думаешь, у меня нѣтъ? Скотина! Всѣхъ могу купить! У меня денегъ—о-о!

Онъ затихъ, задремалъ, качаясь во всѣ стороны...

Онъ очнулся вполнѣ только дома. Какъ онъ сказалъ свой адресъ извозчику, какъ онъ добрелъ до своей квартиры, ничего этого онъ не помнилъ. Но онъ ясно помнилъ на другой день, что, войдя въ свою квартиру, онъ опустился, не раздѣваясь, на свою постель и разрыдался пьяными слезами, уткнувшись въ подушку...

Весь слѣдующій день онъ провелъ, лежа на кушеткѣ съ головною болью, съ полной неохотой за что-нибудь приняться, почти не думая ни о чемъ, какъ-то тупо смотря на свой эскизъ и собираясь что-то сообразить, выяснить себѣ. Онъ въ этотъ день почти не видалъ даже Маргариты Ѳедоровны, послалъ ей сказать, что онъ не будетъ обѣдать, такъ какъ у него болитъ голова, и онъ легъ спать. Только

вечеромъ она, встревоженная и соболѣзнующая, забѣжала къ нему на минуту, но онъ опять объявилъ, что у него болитъ голова и что онъ хочетъ спать. Она испугалась, заговорила о горчичникахъ, о липовомъ цвѣтѣ, о малинѣ. Онъ разсердился и грубо крикнулъ:

— Ахъ, надоѣла ты мнѣ! Ребенокъ я, что ли, что ты нянчишься со мной?

— Ну, хорошо, хорошо! — добродушно согласилась она, зная, что на капризы больныхъ нечего сердиться.—Не ребенокъ, а хуже ребенка капризничаешь. Спи, сномъ все пройдетъ.

Она поцѣловала его въ голову. Онъ раздражительно передернулъ плечами:

— Пожалуйста, безъ миндальничаній!

Она засмѣялась:

— Капризка-мальчикъ!

Онъ схватился съ отчаяньемъ, съ яростью за голову и, когда Маргарита Ѳедоровна уже была за дверями, сталъ, стиснувъ зубы, ругаться: «Чухонка курносая! Дура набитая! Навязалась!»

Злое чувство не прошло и на слѣдующій день. Онъ злился на все: на свои эскизы, на Маргариту Ѳедоровну, на Вѣру. За что? Въ этомъ онъ не отдавалъ себѣ отчета, не останавливался даже на этомъ вопросѣ. Онъ просто швырялъ въ сторону кисти и карандаши, толкалъ ногами попадавшіеся на дорогѣ стулья, на всѣ разговоры Маргариты Ѳедоровны нетерпѣливо отвѣчалъ:

— Ахъ, оставь ты меня въ покоѣ!.. Да отстань ты, пожалуйста!

Про Вѣру Павловну онъ думалъ: «Вотъ приди къ ней теперь, сейчасъ начнетъ: «Ну, а что ваша картина? Принялись за нее?» Да, да, такъ вотъ и принялся, завтра готова будетъ, во всѣхъ газетахъ прославятъ геніемъ, тогда и къ вѣнцу можно». На его бѣду, вечеромъ, когда онъ собирался, чтобы «провѣтриться», идти въ Зоологическій садъ, къ нему зашелъ Жихаревъ.

— Ну, братъ, не во-время попалъ, я иду, — встрѣтилъ его недружелюбно Хопровъ.

— На свиданье, что ли?—спросилъ, подмигивая глазомъ, Жихаревъ.—Ну, и чортъ съ тобой. Мнѣ нужно было только перехватить...

— Я не при деньгахъ,- рѣзко перебилъ его Хопровъ.

— Что? развѣ заскупилась барыня? — отозвался Жихаревъ, осклабивъ черные зубы.

— Какая барыня? Что ты плетешь?—разозлился Хопровъ.

Жихаревъ опять подмигнулъ.

— Такъ работой, что ли, разжился? Нѣтъ, братъ, этой китайщиной не разживешься.

Онъ, разставивъ ноги, стоялъ теперь передъ «Пріемомъ просителей въ благотворительномъ обществѣ».

— Чепуху городишь! какой китайщиной?—отозвался Хопровъ, поспѣшно одѣваясь.

— Да вонъ этой!—указалъ Жихаревъ на эскизъ.—Симпатичные-то тона и тутъ есть, а перспектива-то по китайскому подгуляла. Стѣны-то валятся. Насъ, братъ, тутъ не обманешь. Мы на перспективѣ собаку съѣли...

Хопровъ плюнулъ съ досадой.

— Да ты не плюй. Я, братъ, правду въ глаза люблю говорить,—сказалъ Жихаревъ.—Такъ какъ же насчетъ металла: дашь?

— Нѣтъ!

— Сволочь ты, какъ я вижу! Пишь, часы нацѣпилъ, а другу рубля нѣтъ!

— Это ты-то другъ?—спросилъ съ презрительной ироніей Хопровъ.

— А то кто же? Не тотъ ли, кто тебя масломъ по головѣ мажетъ?

Хопровъ только пожалъ плечами и надѣлъ шляпу.

— Такъ какъ же, и рубля не дашь?—опять спросилъ Жихаревъ.

— Не дамъ!—отвѣтилъ Хопровъ.

— Ну, и чортъ съ тобой! Къ табачницѣ твоей, что ли, пойти попросить.

Ивана Ивановича точно ударило по головѣ, онъ прикрикнулъ на Жихарева.

— Ты это еще что плести начинаешь?

Жихаревъ расхохотался.

— Эге! за живое задѣло! Вонъ она суть-то! То-то я вижу, что твоя чухоночка-то въ одномъ домѣ съ тобой поселилась. Сперва глазамъ не повѣрилъ, зайдя къ ней въ табачную. Да нѣтъ, вижу: она, твоя коломенская сосѣдка!

— Ну, ну!—съ сжатыми кулаками приступилъ къ нему Хопровъ.—Ну, она! тебѣ-то что?

— А то, что возьму да и отобью ее у тебя!

Онъ захохоталъ.

— Свинья! —проговорилъ Хопровъ, задыхаясь.

— Испугался! отвѣтилъ Жихаревъ, продолжая смѣяться.— Видно, деньги завелись у нея. Какого-нибудь простофилю обобрала, да теперь съ тобой и хороводится «пуръ-амуръ»... Ну, да мы отбить сумѣемъ. Барыни на насъ не позарятся, а такія-то.—имъ, пожалуй, нашъ братъ, мужикъ косолапый, лучше васъ, сахарныхъ амурчиковъ.

Хопровъ уже поспѣшно удалялся.

Внизу у табачной лавки стояла Маргарита Ѳедоровна. Увидавъ Хопрова, она привѣтливо улыбнулась и спросила:

— Гулять? Ну, прогуляйся, прогуляйся!

— И прогуляюсь,— злобно отвѣтилъ онъ.—А вотъ ты не хочешь ли полюбезничать съ Жихаревымъ...

Даже не взглянувъ на нее, онъ пошелъ дальше, оставивъ ее съ Жихаревымъ, только-что подошедшимъ къ ней. Не обращая вниманія на Жихарева, раскланявшагося съ ней съ осклабленнымъ ртомъ, она, недоумѣвая, о комъ и о чемъ говорилъ Хопровъ, тревожно взглянула вслѣдъ удалявшемуся Ивану Ивановичу и поспѣшила въ магазинъ. Она уже начинала тревожиться, видя неудовольствіе Хопрова, продолжающееся вторыя сутки, теперь ее окончательно смутили слова о какомъ-то Жихаревѣ. Она даже забыла, что Хопровъ какъ-то разсказывалъ ей, ругая, про этого человѣка. Ея лицо смотрѣло растерянным и испуганнымъ, на глаза навертывались слезы. Кто-то около нея кашлянулъ. Она обернулась и увидала у прилавка Жихарева.

— Что вамъ угодно?—спросила она.

— Да вы меня, кажется, не узнаете?—развязно проговорилъ онъ. — Въ Коломнѣ еще встрѣчались, когда вы жили тамъ съ Ванькой.

— Я васъ не знаю.— сухо отвѣтила она.

— Жихаревъ, другъ вашего Ваньки, — отрекомендовался онъ. — Онъ мнѣ еще тогда много говорилъ о васъ. Тоже, подлецъ, любилъ похвалиться успѣхами у женщинъ. Въ глаза, поди, льститъ имъ, а за глаза ругаетъ.

Она раскраснѣлась и, тяжело дыша, проговорила:

— Уходите, если вамъ ничего не надо!

— Какъ ничего не надо? Знакомство пріятное хочу свести!

Онъ подмигнулъ ей. Въ ней сразу мелькнула мысль, что этотъ человѣкъ «наплелъ» что-то про нее Хопрову, а теперь хочетъ «наплести» ей про того. Она почти крикнула:

— Уходите или я полицію позову!

— Ого, какая сердитая!—засмѣялся Жихаревъ.—Ваньку, поди, бьете? Да и стоитъ...

— Сейчасъ вонъ изъ магазина! — закричала Маргарита Ѳедоровна и крикнула:—Акулина!

— У-у, какая страшная! — воскликнулъ Жихаревъ, однако, увидавъ появившуюся изъ кухни ражую, деревенскую бабу, счелъ болѣе удобнымъ уйти до скандала, хохоча и ругаясь надъ «бабьемъ-воеводами».

Едва закрылась за нимъ дверь, какъ Маргарита Ѳедоровна расплакалась. Причиною слезъ были не нанесенныя ей обиды, а мысль о томъ, что на нее сердится Хопровъ. За что? Не можетъ же быть, чтобы онъ приревновалъ ее къ этому уроду? Да она впервые и увидала сегодня этого человѣка, а Хопровъ дуется на нее уже два дня. Третьяго дня пріѣхалъ домой подгулявшимъ, какъ сказывалъ швейцаръ дворнику, а дворникъ Акулинѣ, Акулина же ей, и съ той ночи дуется. Ужъ не завелъ ли кого на сторонѣ? Онъ хорошенькій, ему каждая на шею повиснетъ... Точно нить съ безконечнаго клубка, потянулись черныя думы. Не любитъ онъ ее... И за что ее любить? Другую вѣрно нашелъ. У мужчинъ всегда такъ. Поиграютъ и бросятъ. Что если онъ броситъ? Деньги у нея, правда, будутъ. Да на что ей деньги безъ него? Въ первый разъ узнала она, что значитъ любовь. Прежде проклинала мужчинъ-то. Потянулись воспоминанія о постыдныхъ, гнусныхъ сценахъ прошлаго. Почти ужасъ охватилъ ее, когда она вспомнила тотъ день, когда ее продала тетка. Да и потомъ не легче было. Онъ вотъ одинъ попался такой, что душу она ему отдала, нянчиться, какъ съ ребенкомъ, готова съ нимъ, бить бы онъ сталъ ее, перенесла бы она, только бы любилъ. Она поминутно отирала слезы и сморкалась. Въ голову не шла мысль ни о какой работѣ: несчастье опять дѣлало ее растерянною, безпомощною...

Когда на слѣдующій день Хопровъ явился къ ней къ обѣду, онъ засталъ ее именно въ такомъ видѣ, съ глупо оторопѣлымъ выраженіемъ лица, съ покраснѣвшими, припухнувшими вѣками, съ раскраснѣвшимся кончикомъ коротенькаго носа. Онъ невольно брезгливо отвернулся отъ нея. Супъ, жаркое,—все было ему не по вкусу. Онъ упрекнулъ ее: «Готовить не умѣешь». Она согласилась, не протестуя что обѣдъ плохъ, стала оправдываться трусливо, жалобно.

— Точно собачонка хвостъ поджала!—проворчалъ онъ.—А то такъ командуешь!

Онъ швырнулъ на столъ скомканную салфетку и вышелъ вонъ...

Вечеромъ она, наплакавшись вволю, рѣшилась идти къ нему просить прощенія. Но дверь въ его комнату была заперта, и онъ не отозвался ни на стукъ, ни на слова Маргариты Ѳедоровны.

— Это я, Ваня, я!

Ее охватилъ почти ужасъ. Въ голову полѣзли глупыя мысли. Не наложилъ ли онъ на себя руки; проклятыя краски у него тамъ, тотъ же ядъ: взялъ, съѣлъ и конецъ! Господи, что тогда будетъ съ нею; не переживетъ она его! Вотъ отдохнула, счастье узнала и вдругъ... И кто эта разлучница? Проклятая, чужому счастью позавидовала. А ужъ больше не съ чего ему было сердиться. Она, Маргарита Ѳедоровна, ни въ чемъ предъ нимъ не виновата, какъ предъ Богомъ...

Всю ночь Акулина слышала, какъ Маргарита Ѳедоровна плакала и сморкалась въ своей комнатѣ...

VII.

— Ваня, за что ты сердишься? Я ей-Богу... — начала Маргарита Ѳедоровна на слѣдующій день, когда Хопровъ пришелъ обѣдать.

— Ахъ, дай ты мнѣ хоть поѣсть спокойно!—рѣзко оборвалъ онъ ее.—Хоть аппетита-то не отравляй! Или ты хочешь, чтобы я въ кухмистерскія ходилъ обѣдать отъ своего обѣда? Это тебѣ нужно? Это?

Она притихла. Но онъ не смолкъ.

— Человѣкъ занятъ серьезнымъ трудомъ, ему сосредоточиться нужно, обдумать все спокойно, а тутъ его нѣжностями терзаютъ: «За что сердишься? Что я сдѣлала?»—подражая ей въ тонъ, заговорилъ онъ и съ гнѣвомъ пояснилъ:— Что? Что? Работать мѣшаешь! думать мѣшаешь! Вотъ, что ты сдѣлала! Я прежде впроголодь жилъ, но жилъ на свой трудъ, на добытую потомъ и кровью копейку. А теперь въ руки карандаша и кисти не могу взять, потому что только и слышу пошлости: «Очень нужно твое маранье! Глупости однѣ эти картины». Я этими глупостями безъ чужой поддержки цѣлые годы прожилъ. Это ты на содержаньи привыкла жить, а мнѣ работа нужна. Тебѣ бы только лизаться, потому и не можешь понять, что у человѣка забота. «Сердишься, вѣрно, что сидишь задумавшись?» — снова передразнилъ онъ ея голосъ.—Это ты никогда не думала, такъ и не знаешь, какъ другіе могутъ думать.

Онъ съ шумомъ всталъ изъ-за стола, швырнулъ салфетку и ушелъ въ свою квартиру, не давъ оторопѣвшей Маргаритѣ Ѳедоровнѣ сказать ни слова.

Дома онъ схватилъ кисть и замазалъ первой попавшейся краской и «Пріемъ просителей», и «Месть Шемяки», тыча въ нихъ съ какой-то яростью кистью, точно желая, чтобы онѣ почувствовали его злобу. Вечеръ опять прошелъ въ скитаніяхъ по Зоологическому саду съ безпричинной злобой на всѣхъ и на все.

— Ломаться-то, подлецы, не умѣютъ по-новому, по-другому!—ругалъ онъ акробатовъ и клоуновъ.—Изо дня въ день одно и то же продѣлываютъ. Лѣнтяи! А деньги берутъ!

Потомъ брань изливалась на публику.

— Что за рожи! Такъ и написано на каждой, либо подлецъ, либо дуракъ. А эти размалеванныя хари, кому онѣ нужны? Туда же прельщать вышли.

Проходя мимо клѣтки дикобраза, онъ ткнулъ въ него палкою. Животное ощетинилось и убѣжало въ уголъ. Кто-то съ жирнымъ смѣхомъ проговорилъ:

— Что-о, не лю-юбишь?

И, обращаясь къ Хопрову, поощрилъ его:

— А ну-ка вы его, господинъ, еще!

Хопровъ немного сконфузился и пошелъ къ пивному буфету. У него пересохло въ горлѣ. Его томило желаніе напиться...

На утро онъ рѣшился съ какимъ-то ожесточеніемъ сѣсть прямо за эскизъ картины—«Дѣти въ полѣ» или какъ онъ, глумясь впередъ надъ нею, назвалъ ее: «Дѣти брюхомъ вверхъ и дѣти брюхомъ внизъ». Онъ началъ свою «пачкотню», какъ онъ мысленно сказалъ, принимаясь за эскизъ. Онъ проработалъ часа два. «Натуру надо найти», мелькнуло у него, наконецъ, въ головѣ, и онъ, придравшись къ удобному случаю бросить работу, вышелъ изъ дому, нашелъ какихъ-то трехъ уличныхъ мальчишекъ, зазвалъ къ себѣ, уговорился насчетъ цѣны и приказалъ имъ придти на-завтра, чтобы начать писать съ нихъ этюды. «И черти, всѣ непремѣнно бѣлобрысые», бормоталъ онъ. Три дня онъ возился съ ними, развлекался разспросами.

— А что отецъ пьетъ? Дерется съ матерью? А васъ всѣхъ порютъ?

Сперва мальчишки отвѣчали:

— Да, дяденька!

— Нѣтъ, дяденька!

Потомъ одинъ изъ нихъ расхрабрился, началъ развязно выворачивать всю грязь подвальной и кабачной жизни. Двое другихъ такъ и остались безмолвствовать, но одинъ изъ нихъ все же ухитрился своровать пятокъ папиросъ. Хопрову они уже порядкомъ надоѣли, и онъ на третій день сталъ покрикивать на нихъ за то, что они не стоятъ смирно. Четвертый день былъ воскресный. Мальчуганы пришли къ Хопрову снова, онъ разсердился.

— Такъ я и стану для васъ въ воскресенье работать! Привыкли четвертаки даромъ получать, дармоѣды! Пошли вонъ!

Онъ выгналъ ихъ и остановился передъ этюдами этой дѣтворы, пожимая плечами. «И кому это нужно? Ну, разложу ихъ среди поля. Ну, и пусть лежатъ. А публикѣ-то что до нихъ за дѣло? Нагишомъ ихъ, что ли, для пикантности изобразить, съ заглавіемъ «Купающіяся дѣти» или «На взморьѣ». Можетъ-быть, такъ кто-нибудь и купитъ. Однако, какъ никакъ, а все же удовлетворю Вѣру Павловну. Скажетъ: «Ну, что картина?» «Пишу», отвѣчу ей, и обрадуется, воскликнетъ. «Знаменитостью дѣлается,—подумаетъ.— И то хлѣбъ». Онъ капризничалъ, какъ избалованный мальчишка, а у самого такъ и щемило сердце. Если бы его попросить формулировать причину его недовольства, его тяжелаго состоянія—онъ, вѣроятно, не отвѣтилъ бы на это и самъ прямо и опредѣленно. Тутъ были и недовольство неудачами самолюбиваго человѣка, чутьемъ угадывающаго, что ему ничто не удается, и досада на то, что женщина, съ которою онъ живетъ, не удовлетворяетъ его ни своею красотою, ни своимъ умомъ, ни своимъ развитіемъ, и обидное сознаніе того, что Вѣра Павловна, нравившаяся ему теперь, возбуждавшая его, въ сущности ничѣмъ не доказываетъ, что она любитъ его самого, а не художника, обѣщающаго въ будущемъ завоевать славу и положеніе...

Не предупредивъ даже Маргариту Ѳедоровну, что онъ не будетъ обѣдать дома, Хопровъ ушелъ изъ дому довольно рано, прошлялся гдѣ-то по островамъ, увѣряя себя, что онъ ищетъ подходящій для пейзажа уголокъ, забрелъ пообѣдать въ ресторанъ на Каменномъ островѣ и, наконецъ, направился въ Лѣсной.

На дачѣ Хвощинскихъ у входа въ садъ его встрѣтили гимназисты.

— А, это вы! — воскликнули они, пожимая ему руки, и съ волненіемъ таинственно прибавили: —А у насъ Кудрявцевы!

— Какіе Кудрявцевы?—спросилъ Хопровъ, уже посылая къ чорту въ душѣ этихъ неизвѣстныхъ ему Кудрявцевыхъ.

— Варвара Николаевна и Николай Николаевичъ,—отвѣтили гимназисты.—Папа у нихъ уроки прежде давалъ. Да развѣ вы не слышали о нихъ? У насъ только и разговоръ, что о нихъ. Богачи! Дачи у нихъ здѣсь. Самыя первыя дачи. Изъ купцовъ они.

— Лабазники, что ли?

— Ну! Фабрики у нихъ, магазины! Аристократы!

— Ну-у!

И мальчуганы наперебой стали разсказывать о Кудрявцевыхъ: ихъ двое—братъ и сестра; въ домѣ тетка живетъ—старая дѣва; недавно дѣдъ у нихъ умеръ, онъ ихъ воспиталъ и милліоны имъ оставилъ; самъ Кудрявцевъ жилъ два года за границей, учился, на похороны дѣда пріѣхалъ и остался здѣсь. Все это говорилось торопливо, на ходу, отрывисто.

— Знаю, знаю!—отвѣтилъ Хопровъ, вспомнивъ, что онъ, точно, слышалъ что-то о Кудрявцевыхъ отъ Хвощинскихъ, отъ Вѣры Павловны.

— Сермяжные!

Въ его головѣ мелькала мысль: не уйти ли обратно? Но отступать было неловко. Онъ вошелъ въ садъ. На террасѣ дачи всѣ были въ сборѣ. Лица у всѣхъ были оживлены, праздничны. Всѣ сгруппировались около молоденькой дѣвушки и молодого человѣка въ траурѣ, оживленно бесѣдовавшихъ съ хозяевами. Хвощинскіе встрѣтили Хопрова съ той фамильярной привѣтливостью, съ которою встрѣчаютъ друзей и родныхъ, не особенно церемонясь съ ними. Его отрекомендовали гостямъ:

— Нашъ родственникъ, Иванъ Ивановичъ Хопровъ, будущая знаменитость,—сказалъ Разумникъ, сидѣвшій около Варвары Николаевны Кудрявцевой.

Она, толстенькая блондинка, нарядная, въ сѣрыхъ кружевахъ и такихъ же лентахъ, сощурила бойкіе глаза, глядя на Хопрова.

— Художникъ,—пояснилъ Разумникъ.

— Портретистъ?—спросила она.

— А вы не хотите ли уже сдѣлать заказъ? — сказалъ Разумникъ.

— Отчего же и нѣтъ? Впрочемъ, мое лицо никогда не удается.

Хопровъ, присѣвшій уже около Вѣры Павловны, поду-

малъ: «И не мудрено, потому что ты кусокъ мяса». Курчавый блѣдный блондинъ, братъ Кудрявцевой, сидѣвшій около Вѣры Павловны, спросилъ Хопрова:

— А молодыя лица, говорятъ, труднѣе писать?

— Кто же это говоритъ?—грубовато спросилъ Хопровъ, мысленно назвавъ молодого человѣка «бараномъ».

Тотъ, нѣсколько женственный и хрупкій на видъ, съ тонкими чертами и благороднымъ выраженіемъ лица, немного смутился и мягко, съ нѣкоторымъ замѣшательствомъ, отвѣтилъ:

— Такъ... я слышалъ...

Вѣра Павловна горячо вступилась за него:

— Разумѣется, труднѣе улавливать сходство: на молодыхъ лицахъ выраженіе, черты, характеры, все это еще не такъ рѣзко опредѣлено, какъ на старыхъ.

— Можно подумать, что вы сами начали живописью заниматься, что вы это такъ хорошо знаете, — не безъ насмѣшки вставилъ Хопровъ.

Она разсмѣялась.

— А развѣ, не будучи художникомъ, этого нельзя сообразить?

Хопровъ совсѣмъ грубо отвѣтилъ:

— Иной по глупости и не сообразитъ.

Молодой Кудрявцевъ слегка поблѣднѣлъ, но, переломивъ себя, вѣжливо спросилъ его:

— Вы въ здѣшней академіи кончили курсъ?

— У насъ же только одна академія и есть,—съ ироніей отвѣтилъ Хопровъ, уклоняясь отъ отвѣта на вопросъ объ окончаніи курса.

— Да, но академіи художествъ есть и за границей,—пояснилъ Кудрявцевъ.

У Хопрова чуть не сорвалась глупая фраза: «Гдѣ ужъ намъ по заграницамъ учиться». Но онъ вовремя опомнился и коротко отвѣтилъ:

— Я за границей не бывалъ.

— А вамъ понравилось за границей? — спросила Вѣра Павловна Кудрявцева, заминая разговоръ между молодыми людьми.

— Я же былъ тамъ не въ первый разъ нынче, — отвѣтилъ онъ.—Особенно ничто не поразило, все давно знакомо по описаніямъ, по картинамъ, по дѣтскимъ воспоминаніямъ. Впрочемъ, я больше въ лабораторіяхъ и на лекціяхъ теперь бывалъ, такъ что къ природѣ, къ жизни, къ искусству почти

не пришлось присматриваться въ этотъ годъ. Наука же... тутъ, дѣйствительно, изумляешься ея гигантскому движенію впередъ. Въ лабораторіяхъ...

— А вы—ученый?—неожиданно съ насмѣшливостью въ голосѣ перебилъ его Хопровъ.

Кудрявцевъ растерялся, сконфузился и отвѣтилъ:

— Какъ же можно... Нѣтъ... я учусь еще только...

Онъ вздохнулъ.

— Нужно много работать, чтобы имѣть теперь право называться ученымъ...

— Однако, какой вы скромникъ! — разсмѣялся грубымъ смѣхомъ Хопровъ.

Кудрявцевъ, ничего не отвѣчая, поднялъ на него ясные и чистые каріе глаза. Въ этихъ глазахъ выражалось удивленіе, любопытство, нѣмой вопросъ собесѣднику: «Съ чего ты грубишь? Что тебѣ отъ меня нужно?» Хопровъ въ смущеніи глянулъ куда-то въ сторону, раздосадованный этимъ почти строгимъ, умнымъ и спокойнымъ взглядомъ. Въ его головѣ въ то же время мелькнула пошленькая мысль: «Воображаетъ, что раздавить и уничтожить можетъ однимъ взглядомъ, разжирѣвшая скотина!» Но Кудрявцевъ уже продолжалъ разсказывать Вѣрѣ Павловнѣ о значеніи для занимающихся хорошо устроенныхъ лабораторій, о руководителяхъ этихъ лабораторій, о лекціяхъ ученыхъ естествоиспытателей, о значеніи естественныхъ наукъ вообще въ наше время. Когда его не прерывали и не конфузили, онъ говорилъ ровно, красиво, съ увлеченіемъ. Вѣра Павловна, впрочемъ, слушала его разсѣянно и думала только объ одномъ: «съ чего это наговорилъ ему грубостей и надѣлалъ безтактностей Хопровъ?» Его за глупца могъ принять Кудрявцевъ и ужъ во всякомъ случаѣ счелъ за невоспитаннаго. Ей хотѣлось какъ-нибудь оправдать его передъ Кудрявцевымъ. Надо непремѣнно разсѣять въ Кудрявцевѣ неблагопріятное впечатлѣніе, произведенное на него Хопровымъ. Вѣдь она въ эти дни такъ восторженно говорила Кудрявцеву о Хопровѣ! Увидавъ, что Хопровъ, соскучившись слушать «философствованія» и невѣжливо зѣвнувъ, всталъ съ мѣста, она обратилась къ своему собесѣднику и, конфузясь, проговорила:

— Бѣдный кузенъ сегодня совсѣмъ на себя не похожъ и просто невозможенъ. Вѣроятно, опять неудача! Онъ задумываетъ большую картину и все еще не можетъ отдаться ей. Выбиться на дорогу такъ трудно.

Ея смущеніе и волненіе не ускользнули отъ вниманія Кудрявцева, и онъ съ участіемъ спросилъ:

— Матеріальныя условія мѣшаютъ?

— Условій такъ много... Конечно, матеріальныя были главной помѣхой...

— Этому же горю можно болѣе или менѣе помочь.

— То-есть какъ? съ недоумѣніемъ спросила она.

— Я вотъ мелькомъ слышалъ: сказали, что онъ пишетъ портреты. Можно найти заказы, это болѣе или менѣе обезпечитъ, дастъ возможность окончить начатый трудъ.

И добродушно прибавилъ:

— Если вы хотите, я кое-что устрою для него. Въ нашемъ кругу швыряется столько денегъ на вѣтеръ, лучше же употребить ихъ съ хорошею цѣлью.

У нея, какъ у дѣвочки, сорвалось восклицаніе:

— Какой вы добрый! Даже не разсердились!

— За что? спросилъ онъ.

— Безтактенъ онъ,—пояснила она уже съ смущеніемъ.

— А! Ну, къ этому я-то привыкъ,—съ усмѣшкой отвѣтилъ онъ.—Въ такомъ кругу живу.

И съ такою же едва замѣтною усмѣшкой прибавилъ:

— Жаль, что это онъ не Варѣ говорилъ, она сейчасъ бы укротила его, сдѣлавъ какую-нибудь еще болѣе безтактную выходку...

— Нѣтъ, право же, онъ вовсе не такой въ дѣйствительности. Онъ добрый и милый человѣкъ. Это только сегодня,— въ волненіи проговорила она.

Онъ взглянулъ на нее и какъ-то грустно и тихо сказалъ:

— Стоитъ ли объ этомъ говорить! Я вамъ вѣрю на слово.

Ихъ разговоръ вдругъ оборвался. Зато на другомъ концѣ террасы происходила цѣлая буря. Хопровъ сцѣпился съ Варварой Николаевной. Споръ шелъ о театрѣ. Хопровъ напалъ на артистокъ-любительницъ, стремящихся на сцену ради моды. Въ душѣ онъ ихъ вовсе не осуждалъ, онъ даже не разъ ловилъ рыбу въ этой мутной водѣ, но, узнавъ, что Варвара Николаевна проходитъ драматическіе курсы и участвуетъ въ любительскихъ спектакляхъ, счелъ долгомъ очень ѣдко напасть на эту страсть нынѣшнихъ дѣвушекъ къ сценѣ, къ выставкѣ на театральныхъ подмосткахъ. Споръ велся довольно оригинально. Варвара Николаевна, вся раскраснѣвшаяся, задорно кричала:

— Не смѣйте этого говорить! Вы грубіянъ! Запретите же,

господа, этому господину дѣлать мнѣ дерзости! Я вамъ запрещаю такъ выражаться!

Хопровъ, въ свою очередь, не менѣе задорно протестовалъ:

— Имѣю же я право высказывать свои убѣжденія! Вы не кричите, а выслушайте! Такъ, барышня, нельзя спорить!

Хуже всѣхъ было положеніе семьи Хвощинскихъ: Анна Борисовна, Павелъ Петровичъ и Разумникъ, какъ огня, боялись клубовъ и клубныхъ сценъ, называя любительскіе спектакли развратомъ. Между тѣмъ, имъ приходилось теперь, волей-неволей, поддерживать Кудрявцеву и выслушивать обличенія Хопрова:

— Тетя, да не вы ли пророчили мнѣ, что я уже потому погибну, что сталъ играть на клубныхъ сценахъ? Дядя, да вѣдь вы называли эти сцены подмостками тунеядцевъ! А ты, Разумникъ, развѣ не ты говорилъ, что это «школа паденія».

— Какъ, и вы тоже?—кричала въ ужасѣ Кудрявцева.

— Но позволь, позволь, — оправдывался старикъ Хвощинскій:—надо же принимать въ соображеніе лица и условія. Что можно однимъ, при извѣстныхъ условіяхъ, то непозволительно другимъ при иныхъ условіяхъ. Бѣдняки, предпочитающіе клубные спектакли труду...

— Дядя, дядя, вы и богатыхъ громили одинаково съ бѣдными...

Старикъ Хвощинскій отиралъ уже потъ съ лица и мысленно посылалъ къ чорту Хопрова. Къ счастію, Варвара Николаевна внезапно расхохоталась, когда Хопровъ сталъ представлять, какъ клубныя барышни неизмѣнно копируютъ Савину и говорятъ, кривляясь, ея голосомъ: «Ахъ, не троньте меня!»

Звонко смѣясь, Кудрявцева воскликнула:

— Я непремѣнно сдѣлалась бы вашимъ лучшимъ другомъ, если бы вы не были такимъ противнымъ спорщикомъ!

— А я постараюсь имъ сдѣлаться, несмотря даже на то, что вы такая дерзкая спорщица!

Хвощинскіе вздохнули полною грудью. Они не на шутку боялись, что Варвара Николаевна обидится на Хопрова и разсердится ради этого на нихъ.

Только передъ вечернимъ чаемъ Хопровъ улучилъ минуту, чтобы перекинуться нѣсколькими фразами съ Вѣрой Павловной; оставшись съ ней съ глазу на глазъ у рѣшетки террасы, онъ почувствовалъ приливъ раздраженія на нее за то, что она почти все время сидѣла съ этимъ «барашкомъ».

— Ну-съ, прослушали лекцію философіи и психологіи?— спросилъ онъ ее.

Она разсмѣялась.

— Вы не въ духѣ?

И совсѣмъ серьезно сказала:

— Бросьте глупости! Скажите скорѣе, что дѣлаете. Работаете?

Это его разсердило еще болѣе.

— Что же нашему брату, бѣдняку, и дѣлать, какъ не работать? Мы вѣдь не господа Кудрявцевы, не купеческіе сынки, жирѣющіе и философствующіе насчетъ пота и крови ближнихъ...

Онъ сдѣлалъ презрительную гримасу.

— Нѣтъ, а вы мнѣ вотъ что скажите. Что это, Разумнику невѣсту или вамъ жениха у васъ задабриваютъ?—съ насмѣшкой спросилъ Хопровъ.

Вѣра Павловна вся раскраснѣлась и вспылила:

— Планы Разумника мнѣ неизвѣстны, а мной, какъ вы, кажется, знаете, никто не можетъ распоряжаться, какъ вещью.

— Ну, зачѣмъ же распоряжаться, какъ вещью, — возразилъ тѣмъ же тономъ Хопровъ.—Понравиться можетъ этотъ барашекъ.

— Вы думаете?

— Отчего же и нѣтъ.

— А вы-то въ немъ какія достоинства, какія дарованія усмотрѣли въ пять минутъ? Не за то ли, что онъ вамъ понравился, вы ему и дерзости дѣлали? — задорно спросила она.—Или вамъ онъ показался и смѣшонъ, и глупъ, но вы думаете, что для меня достаточно быть богатымъ, чтобы я полюбила?

Онъ съ раздраженіемъ сказалъ:

— Ахъ, да, вамъ нуженъ талантъ, геній, слава...

— Что же, бездарность, глупость и пошлость, по-вашему, привлекательнѣе?

— Я-съ не о томъ говорю, а о томъ, что вы прежде всего ливрею ищете, а до самого человѣка, до его сердца вамъ и дѣла нѣтъ.

Она разсмѣялась.

— Такъ вы думаете, что я безъ взаимной любви пойду замужъ?

— Я васъ не понимаю!

— Да вѣдь если меня кто-нибудь полюбитъ взаимно, у того, значитъ, я найду и сердце.

Ей было очень весело видѣть, что Хопровъ сердится. Она теперь понимала, что это маленькая ревность. Ревнуетъ — значитъ любитъ. Бѣдняжка! А впрочемъ, это хорошо. Чѣмъ больше будетъ онъ къ ней привязанъ, тѣмъ легче будетъ ей поднять въ немъ духъ, разсѣять его сомнѣнія, создать изъ него крупнаго художника. Талантъ у него есть. Безъ таланта не пробился бы онъ безъ чужой помощи до того, что вотъ уже теперь даже не терпитъ нужды. Въ будущемъ остается только не тратить силъ на мелкую, незамѣтную работу, сосредоточиться на одномъ трудѣ.

— А вашъ барашекъ, кажется, съѣсть готовъ васъ, — вывелъ ее Хопровъ изъ минутной задумчивости.

Она искоса взглянула въ ту сторону, куда указалъ Хопровъ. Тамъ стоялъ Кудрявцевъ. Миша и Володя что-то разсказывали ему съ обычнымъ оживленіемъ, перебивая другъ друга; онъ слушалъ и, повидимому, не слыхалъ ихъ словъ: его глаза были устремлены въ сторону Хопрова и Вѣры Павловны; его взглядъ былъ серьезенъ и грустенъ, казалось, спрашивалъ безмолвно о чемъ-то. Увидавъ, что Хопровъ смотритъ на него, онъ быстро отвернулся и громко сказалъ гимназистамъ:

— Кататься?.. Да, да, хорошо, завтра я заѣду за вами въ шарабанѣ...

— Только барышень не надо!—воскликнули братья.

— Какихъ барышень?—спросилъ Кудрявцевъ.—Ахъ, да, Варю! Хорошо.

— И нашихъ не надо... Вѣру...

Вѣра Павловна, услыхавъ конецъ разговора, обернулась и, чтобы подразнить «ревнивца»-Хопрова, задорно сказала:

— А если я захочу ѣхать?

Кудрявцевъ совершенно спокойно и серьезно отвѣтилъ ей за ея братьевъ:

— Вы не захотите.

Ее поразилъ тонъ его словъ, точно задѣлъ за сердце. Она взглянула на молодого человѣка и смутилась отъ взгляда его карихъ глазъ, казалось, заглядывавшихъ въ ея душу. Ей вдругъ стало не по себѣ, желаніе шутить, смѣяться и дразнить Хопрова исчезло безслѣдно. Хопровъ сдѣлалъ гримасу и едва слышно шепнулъ ей съ упрекомъ:

— Барашекъ пользуется привилегіей знать даже ваши сокровенныя желанія!

— Ахъ, ей-Богу, ей-Богу, онъ ничего не знаетъ! — подѣтски воскликнула она.

VIII.

«Дорогая
Вѣра Павловна!

Помимо моихъ хлопотъ, работа для вашего кузена нашлась: Варя непремѣнно требуетъ, чтобы онъ написалъ ея портретъ. Я буду очень радъ, если эта прихоть скучающей дѣвочки принесетъ пользу вашему молодому человѣку. Переговорите съ нимъ.

Весь вашъ
Н. Кудрявцевъ».

Эту записочку Вѣра Павловна получила на третій день посѣщенія ихъ семьи Хопровымъ и Кудрявцевыми. Она и обрадовалась, и задумалась. Конечно, Хопрову не лишнее заработать сотню или двѣ рублей — она не знала, что онъ можетъ получить за портретъ,—но въ то же время она боялась, что эта работа отвлечетъ его отъ его картины; деньги, какъ онъ самъ говорилъ, теперь у него есть, значитъ, онъ можетъ не тратиться на мелочи. Крупный трудъ требуетъ непремѣнно, чтобы человѣкъ отдавался ему всецѣло, не думая ни о чемъ посторонненъ. Она это знала по опыту и во время экзаменовъ такъ и говорила, что «ей ни до чего теперь нѣтъ дѣла, кромѣ лекцій». А обдумать картину—это еще труднѣе, чѣмъ приготовиться къ экзамену. Тѣмъ не менѣе, сказать Хопрову объ этомъ предложеніи надо. Сначала она хотѣла ему написать объ этомъ, но тотчасъ же раздумала: возьмется онъ или не возьмется за исполненіе этой работы — торопиться, во всякомъ случаѣ, не для чего, а то еще подумаютъ Кудрявцевы, что они оказываютъ благодѣяніе. Прежде всего нужно, чтобы они этого не думали, а то и безъ того уже за ними слишкомъ ухаживаютъ въ ихъ домѣ. Противно даже смотрѣть. Точно царьковъ принимаютъ. И для чего? Варя держитъ себя такъ просто, а о Николаѣ Николаевичѣ и говорить нечего. Его только конфузитъ всякая излишняя предупредительность. И какъ онъ милъ въ своей застѣнчивости! Какъ это отецъ и мать не понимаютъ, что его просто стѣсняютъ ихъ ухаживанія. Въ самомъ дѣлѣ, не видятъ ли отецъ и мать жениха и невѣсту въ этихъ молодыхъ богачахъ. Что-жъ, Разумникъ можетъ дѣлать, что ему угодно, но она, Вѣра, никогда не пойдетъ за богача, не продастъ себя. «А если бы она по-

любила?» При этой мысли она даже разсердилась на себя. Какъ же полюбить теперь, когда ей вовсе не до того. Хопрова бы только поддержать, вывести на дорогу. Ей даже и думать не слѣдуетъ ни о комъ, кромѣ Хопрова. Ну, а потомъ... Она разсуждала объ этомъ опять совершенно такъ, какъ еще недавно разсуждала о лекціяхъ ненавистной ей педагогики: «Я теперь ни о чемъ, ни о чемъ не думаю, кромѣ педагогики. Я ровно ничего въ ней не понимаю и должна думать только о ней». И точно, что же ей было думать о Кудрявцевѣ: онъ молодъ, хорошъ собой, образованъ, добръ, богатъ, счастливъ. Чего ему еще надо. У него все есть. Онъ не придетъ къ ней просить ее: «Спасите меня, поддержите меня». Правда, онъ теперь бываетъ у нихъ почти каждый день, но это не потому, что ему нужна ея поддержка, а потому, что они сошлись, какъ друзья, потому что имъ тяжело было бы не видаться хоть одинъ день. Еще бы, два года они были въ разлукѣ. Это не шутка. Сколько нужно переговорить. Хопровъ — другое дѣло! Дѣвочкой она совсѣмъ была, а ужъ и тогда онъ говорилъ ей: «Добрая, вы только и вступитесь за меня, вы только и вѣрите въ меня, вы только и ободряете меня». Безъ нея онъ непремѣнно погибъ бы. Въ этомъ она была вполнѣ убѣждена и очень огорчилась бы, если бы кто-нибудь сказалъ ей, что она ошибается. Онъ и теперь не выбьется къ славѣ безъ ея поддержки.

— Ревнивецъ!—съ улыбкой проговорила она, вспомнивъ, какъ онъ сердился, увидавъ около нея Кудрявцева.

Ревнуетъ—любитъ!

— И я его люблю, недаромъ мы братъ и сестра, и непремѣнно я добьюсь, что онъ сдѣлается знаменитостью,—рѣшила она спокойно, какъ рѣшала еще недавно: «Я знаю теперь педагогику наизусть».

Воображеніе начало рисовать картины будущаго, какъ онъ, поддержанный ею, напишетъ крупную вещь; ее примутъ на выставку; всѣ изумятся силѣ его таланта; въ газетахъ будутъ его превозносить; ея отецъ и мать удивятся, скажутъ, что надо пойти посмотрѣть; пойдутъ и тоже изумятся, а она скажетъ имъ, что она всегда вѣрила въ талантъ Хопрова, и что только они, какъ и всѣ другіе люди, нападали на него; они невольно устыдятся и согласятся съ нею, даже начнутъ ахать, когда за картину предложатъ ему тысячъ десять. Она начала припоминать цѣны картинъ, ей хотѣлось, чтобы Хопрову предложили за картину много-

много. Потомъ онъ уже смѣло приступитъ ко второй картинѣ и напишетъ ее еще лучше, затѣмъ...

Она улыбалась и ни на секунду не останавливалась надъ вопросомъ, а какую же роль будетъ играть въ это время она сама? какъ она будетъ жить съ Хопровымъ? гдѣ они поселятся? Это ее вовсе не занимало, точно это не имѣло для нея никакого значенія: успѣхи Хопрова, выставки его картинъ, его слава — все это заслоняло отъ нея какія бы то ни было представленія о прелестяхъ взаимной любви, о поэзіи молодой, семейной жизни. Ни разу она не представляла себя въ объятіяхъ Хопрова, не разгоралась румянцемъ отъ мысли о его поцѣлуяхъ, не порывалась прильнуть къ его губамъ. Она вовсе не думала, что она можетъ сдѣлаться его женой. Она даже никогда не задумалась о томъ, красивъ онъ или дуренъ, и, думая о немъ, видѣла не его образъ, а то, какъ онъ пишетъ картины, представляла ихъ уже оконченными и приходила въ восторгъ отъ мысли, что отецъ, мать, Разумникъ и всѣ-всѣ ахнутъ. Обо всемъ этомъ она говорила ежедневно съ Кудрявцевымъ, сдѣлавшимся въ послѣднее время, послѣ возвращенія изъ-за границы, повѣреннымъ ея маленькихъ тайнъ. Кудрявцевъ выслушивалъ ее спокойно и замѣчалъ:

— Добрый вы человѣкъ!..

Недѣлю спустя, въ одинъ изъ тихихъ вечеровъ, на дачу Хвощинскихъ явился снова Иванъ Ивановичъ.

— Ахъ, вы кстати зашли,—сказала среди обычныхъ привѣтствій Вѣра Павловна.—Кудрявцева желала бы, чтобы вы написали съ нея портретъ.

— Неужели?—удивилась Анна Борисовна, не знавшая о предложеніи Николая Николаевича.

— Вотъ и зашибешь опять деньгу!—замѣтилъ Хвощинскій. — Они — щедрый народъ.

— Что-жъ, я не прочь,—отвѣтилъ небрежно Хопровъ:—хотя и не интересное лицо, кусокъ мяса.

— Ну, да вѣдь она не жениться тебя на себѣ проситъ,—рѣшила Хвощинская-мать:—такъ что же тебѣ за дѣло до лица.

— Вы, тетя, не знаете, что̀ испытываетъ художникъ, когда пишетъ непріятное и неинтересное для него,—серьезно пояснилъ Хопровъ.—Вдохновиться нечѣмъ, руки падаютъ. Надо быть художникомъ, чтобы понять это.

Вѣра Павловна вмѣшалась въ разговоръ.

— Меня не это смущаетъ. Я боюсь, что это помѣшаетъ вашей серьезной работѣ.

— Какой это?—спросилъ съ ироніей Хопровъ.—«Мальченковъ нагишомъ» кончить?

Вѣра Павловна покраснѣла и нахмурилась.

— Какихъ мальченковъ?

— А вотъ тѣхъ, которыхъ я теперь изображаю! — съ ироніей отвѣтилъ онъ.—«Купающіяся дѣти». Сюжетецъ такой выбралъ.

— По заказу, что ли? — коротко спросилъ Хвощинскій.

— Нѣтъ, по собственному вдохновенію,—отвѣтилъ Хопровъ.

— Деревенскія?—спросилъ старикъ.

— Да.

— Охота! Кому нужны!

— А на благородныхъ, вы думаете, нашлось бы больше охотниковъ.

— Чумазые это какіе-нибудь,—пояснилъ Хвощинскій.—Надоѣли эти мужики. Вездѣ ихъ тычутъ, и въ литературѣ, и въ картинахъ. Паденіе искусства и порча вкусовъ. Въ былое время сѣтовали, что въ литературу «подлый слогъ» вторгается, а теперь и «подлое содержаніе» въ искусство вносятъ.

— Ну, я своихъ ребятъ вымылъ и причесалъ для продажи,—насмѣшливо сказалъ Хопровъ.

Вѣра Павловна досадливо пожала плечами. Она не любила, когда Хопровъ «напускаетъ на себя», какъ она выражалась.

— Потомъ примусь за «Купальщицъ». Этотъ товаръ идетъ ходко, — продолжалъ иронизировать Хопровъ.—И натура тутъ дешева. Никакихъ аксессуаровъ не нужно. Нашему брату это съ руки.

Никто не отвѣтилъ ему, стѣснялись говорить объ этихъ сюжетахъ «при дѣтяхъ». Нѣсколько минутъ длилось молчаніе. Наконецъ, Хопровъ искоса взглянулъ на Мишу и Володю и подмигнулъ имъ. Они поняли, что онъ имъ дастъ денегъ на катанье на лодкѣ, больше чѣмъ нужно на это, и разомъ заговорили о прогулкѣ. Вѣра вспыхнула и обрадовалась, что она снова останется вдвоемъ съ Хопровымъ. Она съ нетерпѣніемъ ждала теперь этой минуты, такъ какъ ей было нужно обо многомъ поговорить съ нимъ, пожурить его, зачѣмъ онъ при ея отцѣ и матери заговорилъ «о купающихся дѣтяхъ», о «купальщицахъ»? Онъ, конечно, это сказалъ съ ироніей, въ припадкѣ желчнаго настроенія, а они примутъ его слова за серьезное, будутъ потомъ бранить его за глаза, скажутъ, что онъ только на эти пошло-

сти и способенъ, какъ вся нынѣшняя молодежь, только и способная, что на порнографію. Они рады каждому предлогу, чтобы сказать, что онъ пустой малый и что вся молодежь теперь такая. Еще бы! Онъ не похожъ на ихъ милаго Разумника. Имъ хотѣлось бы, чтобы и вся молодежь была такою, какъ ихъ Разумникъ.

Едва она и Хопровъ успѣли остаться вдвоемъ, какъ она напала на него:

— Что это вы рисуетесь, что ли, тѣмъ, что взялись за пошлый сюжетъ?—горячо заговорила она.—Какъ это хорошо! Или мало нападаютъ на васъ? Неужели вы не понимаете, что за васъ дѣлается стыдно и больно!

— А вы думаете мнѣ не больно сознавать, что только эти пошлости мнѣ и подъ силу?—отвѣтилъ онъ.

— Когда вы перестанете сами унижать себя!—раздражительно сказала она.—Если вы увѣрены, что ничего лучшаго не можете сдѣлать, то и положите на себя крестъ, сломайте кисти, бросьте холстъ. Пошлостей довольно и безъ вашихъ картинъ.

Онъ впалъ вдругъ въ минорный, жалующійся тонъ. Обманывается она насчетъ его. У него есть талантъ, но нѣтъ средствъ для серьезной работы. Чтобы сдѣлаться настоящимъ художникомъ, дебютировать съ шумомъ, нужно быть богачомъ. Онъ ужъ ей говорилъ, что у него нѣтъ подъ рукой кружевъ, шелку, бархату,—обстановки, однимъ словомъ, для тѣхъ картинъ, къ которымъ лежитъ душа, это значитъ, губить себя, ломать свою натуру, идти на ложный путь. И вдругъ совсѣмъ уже безсознательно онъ заговорилъ:

— Наконецъ, я начинаю самъ сомнѣваться въ себѣ, въ своихъ силахъ, въ своихъ способностяхъ! И какъ не придти въ отчаяніе, когда прожито столько лѣтъ и ничего не сдѣлано, ничего не заработано!

Она поспѣшно возразила ему.

— Полноте! Не клевещите на себя! Не было бы способностей—даромъ бы денегъ не давали вамъ. Вы же вотъ безъ всякой посторонней помощи, среди враждебныхъ обстоятельствъ выбились до того, что можете годъ или даже два прожить безбѣдно. Вы вѣдь говорили это? Да?

Онъ смутился отъ неожиданности. Такого оборота разговора онъ не предвидѣлъ. Подъ первымъ впечатлѣніемъ онъ готовъ былъ воскликнуть: «Я лгалъ». Но слово замерло, не хватило силъ сознаться. Онъ съ горечью отвѣтилъ только:

— Ахъ, вы не знаете, чѣмъ добыты эти деньги!

— Чѣмъ? чѣмъ?—воскликнула она сердито.—Живописью! Чѣмъ же другимъ вы могли заработать себѣ средства. Вѣдь не грабежомъ же? Не милостыней же? Что вы рисовали—вопросъ не въ томъ, а въ томъ, что, значитъ, вашимъ талантомъ можно жить.

Она взяла его подъ руку и мягко заговорила:

— Ну, если все же средствъ еще мало, возьмитесь за портретъ Кудрявцевой. Деньги дадутъ хорошія. Удастся ея портретъ, тамъ найдется и еще, и еще работа, много работы, и это окончательно устроитъ васъ, дастъ средства...

Она ласкова улыбалась:

— Будутъ деньги даже на бархатъ и кружева, если уже они такъ нужны для вашей картины, хотя я и не понимаю, почему вамъ нуженъ сюжетъ съ богатой обстановкой.

И, опять смотря серьезно, она прибавила:

— Кромѣ того, обстановку у Кудрявцевыхъ увидите, какая вамъ нужна.

— Для «Купеческой свадьбы», что ли?—спросилъ онъ насмѣшливо.

— О, вы вовсе не знаете, какъ они живутъ,—горячо протестовала она.—Ихъ городской домъ—старинный аристократическій домъ со всей обстановкой родовитой фамиліи. Дѣдъ ихъ купилъ его такимъ и все въ домѣ оставили въ прежнемъ видѣ...

— И гдѣ-нибудь кованные купеческіе сундуки стоятъ среди севрскаго и саксонскаго фарфора?

Она покачала головой и, упрекая его, сказала:

— Зачѣмъ говорить то, о чемъ вы понятія не имѣете. Это вполнѣ образованные люди и...

Она, понизивъ тонъ, закончила:

— Они такіе знатоки искусства... Конечно, не Варя,—добавила она поспѣшно:—но Николай Николаевичъ—онъ знаетъ всѣ европейскіе музеи, изучилъ всю исторію искусствъ съ дѣтства.

— За деньги и попугаевъ говорить выучиваютъ,—вставилъ онъ ядовитымъ тономъ.

Эта фраза вышла пошловатою. Вѣрѣ Павловнѣ стало досадно и въ то же время жаль его, у него столько пробѣловъ въ воспитаніи и образованіи; особенно это сказывается, когда онъ сердится: теперь онъ сердитъ на Кудрявцева и потому говоритъ пошлости. Когда онъ, бѣдняга, поближе узнаетъ Кудрявцева, ему не разъ придется смущаться: тотъ обо всемъ можетъ говорить авторитетно, о наукѣ, объ ис-

кусствѣ. Хопровъ даже въ вопросахъ живописи явится передъ нимъ невѣждою. Не видалъ онъ, въ сущности, ничего: не могъ многаго изучить; языковъ иностранныхъ даже не знаетъ, чтобы читать спеціальныя сочиненія объ искусствѣ. И какъ досадно, что онъ сердится на Кудрявцева. Тотъ могъ бы быть ему полезенъ; онъ всегда готовъ сдѣлать доброе дѣло. Но лучше покуда не говорить о Кудрявцевѣ, пусть они прежде покороче познакомятся, тогда, можетъ-быть, Хопровъ и примирится съ нимъ. Николай Николаевичъ такой добрый и мягкій, что его нельзя не полюбить, узнавъ его поближе. Онъ воплощенная скромность и доброта... Она прекратила начатый разговоръ и нѣсколько минутъ они шли молча. Но возвратить разговоръ о Кудрявцевыхъ все же было нужно, чтобы дать отвѣтъ насчетъ портрета.

— Что-жъ, вы возьметесь за портретъ?— спросила мелькомъ Вѣра Павловна.

— Неинтересное лицо, хотя, конечно, что-жъ... можетъ, возьмусь! Все деньги.

— Нѣтъ, она миленькая!— сказала Вѣра Павловна.

— Портретъ брата!— вставилъ съ усмѣшкой Хопровъ.

Вѣра Павловна вся вспыхнула и, не сдержавшись, горячо возразила, точно ее задѣли за живое:

— У него же совсѣмъ осмысленное, интеллигентное выраженіе лица. Онъ чуть не красавецъ...

— Значитъ, нравится.

Она отдернула сердито свою руку.

— Вы сегодня нестерпимы!

— Что-жъ дѣлать, я по заграницамъ не набирался галантности! Расшаркиваться не умѣю! Какъ обтесали, такимъ и вышелъ.

По ея лицу скользнула брезгливая гримаса. Онъ это подмѣтилъ и, съ досадой, подумалъ: «Въ жихаревщину впадаю, обозлился на самого себя. А кто виноватъ? Зачѣмъ она превозноситъ этого тельца? Деньги, видно, прельстили. Тоже дочь своихъ родителей». Хопровъ вдругъ перемѣнилъ тонъ и заговорилъ съ горечью, съ упрекомъ въ голосѣ:

— Эхъ, Вѣра Павловна, скоро вы друзьямъ измѣняете! Вѣрьте мнѣ, что не все то золото, что блеститъ. При деньгахъ позолотить любой чурбанъ можно, а все же онъ чурбаномъ и останется. Въ десяти водахъ купца перемывай— торгашская душа все въ немъ останется, только въ золотой оправѣ будетъ. Да и что золото? Чрезъ него слезы льются.

«Господи, только бы онъ не началъ въ любви объясняться»,

неожиданно мелькнула въ головѣ Вѣры Павловны пугливая мысль, и совсѣмъ по-дѣтски молодая дѣвушка рѣшила: «Ему работать нужно, а онъ тутъ еще будетъ думать о любви». Она сама знала, какъ плохо работать при любви: разъ она влюбилась въ одного учителя и съ мѣсяцъ получала плохія отмѣтки. Еще недавно она мысленно радовалась тому, что онъ ее немного ревнуетъ къ Кудрявцеву и, значитъ, любитъ, то-есть будетъ повиноваться ей. Теперь, чутьемъ угадывая, что Хопровъ намѣренъ объясниться съ нею въ любви, она совершенно безсознательно боялась этой мысли, и, думая о его любви, по-дѣтски повторяла въ душѣ: «Не надо! Не надо!» Хопровъ же шелъ рядомъ съ нею и жалующимся, плачевнымъ тономъ говорилъ о своей судьбѣ. Онъ одинокъ, около него нѣтъ любящаго существа, нѣтъ нравственной поддержки, нѣтъ человѣка, для котораго онъ могъ бы работать. Въ его годы такъ нельзя жить: работать, работать— и только. А сердце? У сердца есть тоже свои требованія! Оно хочетъ жить. Тяжело тянуть лямку жизни безъ привѣта, безъ ласки, зная, что дома не ждутъ, что придешь въ пустую квартиру и ляжешь на холодную постель... «Да гдѣ же это Миша и Володя? Хоть бы они пришли!» тоскливо думала Вѣра Павловна, сознавая, что она ничего не можетъ отвѣтить Хопрову. Сказать ему, что она любитъ его. Какъ же такъ, когда она не знаетъ, любитъ ли она его? Никогда она не задавала себѣ вопроса: любитъ или не любитъ она Хопрова. Она всегда вступалась за него, другомъ, братомъ всегда его считала, но никогда даже на минуту не представляла его своимъ женихомъ или мужемъ. А тутъ вдругъ онъ завелъ эти рѣчи. Вотъ-то бѣда!.. Она, задорная, бойкая, смѣшливая, теперь потеряла даже способность подмѣтить, что онъ повторилъ фразу Жадова о «холодной постели», что онъ смѣшонъ въ роли «мокраго цыпленка», что онъ это «напускаетъ на себя». Ея сердце билось теперь въ груди, какъ пойманная птица. Она не знала, что дѣлать: сказать ему, что она любитъ его, Хопрова, но какъ же сказать, когда она сама не можетъ въ этомъ дать себѣ отвѣта, когда она вовсе не любитъ его? сказать ему, что она не любитъ его, но вѣдь это окончательно убьетъ его, лишитъ послѣдней энергіи? Она чуть не съ пятнадцати лѣтъ держала себя, какъ взрослая, воображала, что она опытнѣе всякой взрослой, теперь же она точно внезапно превратилась въ ребенка, безпомощнаго и безсильнаго, нуждающагося въ томъ, чтобы за него отвѣтили старшіе. И что это съ нею сдѣлалось?

Вѣдь должна же она была предвидѣть, что къ этому объясненію надо приготовиться? «Да, да, но не теперь,—мысленно повторяла она,—послѣ, послѣ». Когда «послѣ»—этого она опять-таки сама не понимала.

— Вы меня даже не слушаете? вдругъ съ тяжелымъ вздохомъ сказалъ Хопровъ, видя, что она молчитъ и смотритъ по сторонамъ.

Она, тревожно и безсознательно искавшая глазами братьевъ, очнулась.

— Нѣтъ, нѣтъ, я все слышу,—отвѣтила она, краснѣя и сознавая, что она лжетъ, такъ какъ она уже давно не разбирала его словъ.

— Значитъ, вамъ нечего сказать мнѣ?—съ горечью спросилъ онъ, успѣвшій уже десятокъ разъ сказать ей, что только она способна озарить свѣтомъ его жизнь, что только она одна можетъ быть его путеводной звѣздой, что только она одна можетъ согрѣть его сердце.

Она съ какимъ-то отчаяніемъ проговорила наугадъ:

— Что же мнѣ сказать? Я повторяю только то, что я говорила всегда. Не падайте духомъ, работайте и...

Онъ, ожидавшій чувствительной сцены, видѣвшій ее уже упавшею ему на грудь, вдругъ, точно слетѣвшій съ облаковъ на землю, опомнился, разозлился, заговорилъ съ желчью:

— И тогда, когда я стану извѣстнымъ художникомъ, когда я буду окруженъ славою, когда я буду богатъ, мнѣ скажутъ: «Просите моей руки у папаши и мамаши!»

Онъ грубо засмѣялся.

— Я это не объ васъ говорю, Вѣра Павловна! Гдѣ ужъ мнѣ мѣтить на уголокъ въ вашемъ сердцѣ. Я же не какой-нибудь Кудрявцевъ! Со мной можно пококетничать и только... Я говорю это вообще о барышняхъ! Барышни вѣдь вообще не мужчинъ любятъ, а чины, извѣстность, богатство, славу мужчинъ. Вотъ у разныхъ Мазини, Вальбелей, Котоньи сколько обожательницъ. Что же это самые красивые, самые честные, симпатичные изъ смертныхъ? Нѣтъ, внутреннія достоинства тутъ ни при чемъ, тутъ на первомъ планѣ слава, извѣстность, положеніе. Рукоплещутъ этимъ людямъ, ну, и лестно сдѣлаться женой, возлюбленной одного изъ нихъ.

Она молчала, боясь даже протестовать, заступаться, шутить. Онъ продолжалъ:

— Нѣтъ, Вѣра Павловна, это...

— Миша и Володя идутъ!—живо прервала она Хопрова, завидѣвъ братьевъ.

Въ этомъ восклицаніи звучала такая радость, точно погибающая увидала своихъ спасителей.

Хопровъ это подмѣтилъ и засмѣялся съ горечью:

— Какъ вы обрадовались, точно избавителей увидали.

Она уже не боялась теперь новыхъ объясненій въ любви и могла говорить, овладѣвъ собою.

— Зачѣмъ вы хотите испортить наши дружескія, родственныя отношенія?—сказала она.

— Позолотить пилюлю хотите! о дружбѣ говорите!

— Развѣ она вамъ не нужна?

Она почти ласково и немного грустно взглянула на него.

— Полноте напускать на себя! Вѣдь намъ же такъ хорошо всегда было вмѣстѣ. Право же, я не знаю, чего вы хотите еще!

— Любви!—отвѣтилъ онъ.

— Прежде всего надо думать о томъ, чтобы стать на дорогу,—торопливо проговорила она.

Онъ язвительно засмѣялся.

— Это можетъ, наконецъ, вывести изъ терпѣнія, это сказка о бѣломъ бычкѣ!

Миша и Володя были уже подлѣ нихъ, и Вѣра Павловна совсѣмъ расхрабрилась. Къ ней вернулось ея обычное задорное настроеніе.

— Ну да, это сказка о бѣломъ бычкѣ и ее надо повторять безъ конца, покуда слова не перейдутъ въ дѣло. Вы думаете, что можно уважать и любить мужчину тряпку, мужчину плаксу, мужчину безъ энергіи? О, это нытье ужъ намъ оставьте, слабымъ созданіямъ! Да я и женщинъ не люблю, когда онѣ только ноютъ. Надо не ныть и не жаловаться, а выбиваться на дорогу, бороться съ судьбой...

— Вѣра Павловна, я все это слышалъ уже тысячу разъ отъ васъ же,—перебилъ ее Хопровъ съ злой насмѣшкой.— Вы повторяетесь!

— И вы каждый разъ благодарили меня за это,—задорно сказала она.—Кому даютъ совѣтъ, въ того вѣрятъ. Да, наконецъ, вы доказали, что вы можете исполнять совѣты. Вы уже добились многаго...

— Чего это?—рѣзко и отрывисто спросилъ онъ.

— А вотъ того, что вы можете не думать о завтрашнемъ днѣ, не бояться голода...

Онъ стиснулъ зубы. Въ головѣ мелькнула злая мысль: «Что бы ты запѣла, если бы я тебѣ сказалъ, какъ пріоб-

рѣлись эти деньги». Онъ, злой, дерзкій, способный на все теперь, проговорилъ ей съ желаніемъ оскорбить ее:

— А знаете, у васъ много черт, общихъ съ вашей семьей!

Она вопросительно взглянула на него.

- Большое значеніе придаете деньгамъ,—пояснилъ онъ.— Мѣряете ими человѣка.

Она взглянула ему въ глаза и тихо, но съ особенной отчетливостью сказала:

- Какимъ вы не хорошимъ бываете иногда!

И, уже не обращая на него вниманія, заговорила съ братьями, торопясь домой...

«Гдѣ ужъ намъ, дуракамъ, чай пить: съ суконнымъ рыломъ, да въ калачный рядъ,—разсуждалъ Хопровъ, сидя уже въ вагонѣ конно-желѣзной дороги и смотря на бродящій въ темнотѣ народъ.— И цилліи любви, поэзія любви!—продолжалъ онъ, глядя на любезничающую молодежь, на влюбленныя парочки, наслаждающіяся послѣдними часами тихихъ и темныхъ вечеровъ умирающаго лѣта.—Чепуха все, маска одна! Животными не хочется казаться, ну, и играютъ комедію сентиментовъ, вотъ и все. Въ сущности, все къ одному сводится, къ разврату. Самцы и самки мы всѣ и чортъ меня дернулъ разсентиментальничаться сегодня съ благородной петербургской дѣвицей, съ почтенѣйшей Вѣрой Павловной. Тоже вообразилъ, что такая «порядочная» барышня за какого-нибудь голоштанника пойдетъ. Ей Кудрявцевы нужны—тамъ деликатность обращенія, образованность, а главное—деньги и деньги. Деньги—это первое для петербургской барышни. Недаромъ она дочь этого муравьинаго гнѣзда, дочь господина и госпожи Хвощинскихъ! Прежде меня воспріяла, генія думала создать, потому нынче геній и деньги—одно и то же. Геній это значитъ въ переводѣ: «человѣкъ, который деньги рвать можетъ». Теперь же барышнѣ повернулся молодчикъ, котораго и подготовлять не нужно для добыванія денегъ, тятенька ему ихъ наготовилъ, изъ рабочихъ выбилъ, изъ чужихъ пота и крови начеканилъ.— Ну и въ отставку меня. Дѣвочкой была—куколкой забавлялась, барышней стала—куколку можно и на улицу вышвырнуть... И наплелъ же я ей турусовъ на колесахъ. За десятерыхъ вралъ. Тоже свалялъ дурака! Еще бы, соблазнить смазливую дѣвчонку кому не лестно. Такъ-то оно такъ, а въ сущности не все ли равно? Чѣмъ моя Маргарита курносая хуже? Такая же баба. Только эта еще удобнѣе. Она хоть, какъ

собачонка, привязана. Бей ее—руки лизать будетъ!» Онъ такъ же безсознательно впадалъ теперь въ цинизмъ развратника, какъ съ часъ тому назадъ впадалъ въ сентиментализмъ несчастливца, не замѣчая даже, что и то, и другое настроеніе являются чѣмъ-то напускнымъ, какою-то распущенностью человѣка, неумѣющаго обуздывать своего характера, своихъ чувствъ, своихъ настроеній. Въ сущности, онъ не былъ ни такъ развратенъ, ни такъ глубоко несчастенъ; онъ просто подъ вліяніемъ того или другого настроенія, тѣхъ или другихъ условій «напускалъ на себя», какъ говорила Вѣра Павловна, входилъ въ извѣстную роль и всегда «переигрывалъ» ее. Теперь ему хотѣлось затопить въ грязь всякія чистыя чувства, всякія чистыя отношенія, хотѣлось съ головой окунуться въ грязь разврата, забыться среди цинизма, на время превратиться въ животное. Передъ его глазами мелькнулъ красный фонарь. Онъ съ какой-то злобой поднялся съ мѣста и быстро вышелъ изъ вагона, не дожидаясь, пока вагонъ доѣдетъ до мѣста. Красный фонарь привлекъ его къ себѣ: это былъ фонарь у входа въ портерную съ надписью «Кегельбанъ». Этотъ притонъ былъ переполненъ народомъ, пропитанъ табачнымъ дымомъ и запахомъ пива. Здѣсь былъ хаосъ звуковъ, всѣ говорили громко, слышались раскаты и удары о кегли шара, кто-то выкрикивалъ число сбитыхъ кеглей. Молодежь и старики со сдвинутыми на затылкѣ шляпами, безъ сюртуковъ, въ бѣлыхъ сорочкахъ бродили среди клубовъ дыма и какого-то пара. Опьянѣть можно было отъ одного присутствія здѣсь. Завернувъ сюда, Хопровъ потребовалъ пива. Быстро осушивъ двѣ-три кружки, онъ сталъ расплачиваться и подосадовалъ на себя, что не захватилъ съ собою побольше денегъ. «Развернулся бы я сегодня!—подумалъ онъ и тутъ же рѣшилъ:— А впрочемъ очень нужно! Маргарита-то подъ рукой. Чего еще таскаться-то по кабакамъ, когда свой домъ есть». Онъ вышелъ на улицу. Онъ шелъ по дорогѣ и почти съ ненавистью смотрѣлъ на гуляющихъ людей. «Вонъ тоже амуры все заводятъ. Клятвы, поди, другъ другу даютъ, а для чего? Что нужно скотамъ? Говорили бы ужъ прямо, что были и будутъ они скотами и животными, не прячась за поэзію да за идиллію. Мы вонъ такъ и живемъ съ Маргариткой. Баба мнѣ нужна, ну, и живу съ ней и буду жить: женюсь, въ лавкѣ торговать стану, разбогатѣемъ...»

— Извозчикъ!—крикнулъ онъ громко.

И, не торгуясь, усѣлся на дрожки.

— Попроворнѣй, шевелись! — крикнулъ онъ извозчику.

Онъ усмѣхнулся.

— И не ждетъ Маргаритка меня теперь! Поди, хнычетъ. «Разлюбилъ Ваня», думаетъ. Ахъ, ты, моя курносая дура, гдѣ ужъ мнѣ разлюбить! Слава Богу, что еще такую, какъ ты, нашелъ...

Онъ доѣхалъ до дому...

Табачный магазинъ уже былъ запертъ, и Хопровъ прошелъ во дворъ, постучалъ въ двери кухни. Служанка окликнула его и, узнавъ его голосъ, съ изумленіемъ отворила ему дверь. Никогда онъ не заходилъ къ хозяйкѣ такъ поздно. Онъ сбросилъ пальто и вошелъ въ комнату Маргариты Ѳедоровны. Она еще не гасила огня и при появленіи Хопрова поднялась съ колѣней со слезами на щекахъ. Она только-что молилась, пролакавъ почти весь день.

— Ваня, что ты?—испуганнымъ, дрожащимъ голосомъ сказала она, ожидая какой-нибудь тяжелой бури.

— Къ тебѣ пришелъ,—отвѣтилъ онъ, смѣясь, и взялъ ее за подбородокъ. Наплакалась, дурочка моя!

Его голосъ былъ ласковъ. Смущенная этимъ голосомъ, неожиданною ласковостью Хопрова, она схватила его руки и осыпала ихъ поцѣлуями. Слезы градомъ катились съ ея лица на эти руки.

— Ну, полно, полно!—проговорилъ онъ, обнимая ее.— Видишь, самъ къ тебѣ пришелъ. Рада? Чего-жъ еще плакать?

Но она уже не могла унять порывовъ безумной радости, унять почти истерическихъ рыданій. Она была похожа на влюбленную рабыню, которую гнѣвный властелинъ впервые удостоилъ своею любовью. Ей казалось все мало—цѣловать его руки, быть у его ногъ, унижаться передъ нимъ, ползать на колѣняхъ. До этой минуты онъ часто думалъ, что Маргарита Ѳедоровна держитъ его въ рукахъ; теперь онъ легко могъ бы понять, что онъ можетъ ее избить, а она, все-таки, будетъ у его ногъ. Ему было даже смѣшно отъ ея безпредѣльнаго, рабскаго обожанія, отъ ея готовности лежать у его ногъ. Немного захмелѣвшій, онъ, въ сущности, не слышалъ и не понималъ ея словъ, ея нѣжныхъ восклицаній:

— Папочка мой, папочка! Радъ ты быть папочкой, ненаглядный мой.

— Ну, папочка, такъ папочка!.. А ты кто? Мамочка? Ахъ, ты, курносая моя дурафья.

IX.

Иванъ Ивановичъ дня три не дѣлалъ ничего—или лежалъ дома въ своей мастерской, куря папиросы и пуская въ потолокъ дымъ, или сидя у своей «табачницы». Нельзя сказать, чтобы онъ чувствовалъ себя несчастнымъ. Природная лѣнь и вошедшая въ плоть и кровь привычка бездѣльничать взяли верхъ надъ всѣми остальными чувствами и желаніями. Минутами онъ пробовалъ воображать себя несчастнымъ, отвергнутымъ любимой дѣвушкой человѣкомъ, но это плохо удавалось ему: въ голову шли мысли о томъ, что эта дѣвушка, сдѣлавшись его женою, стала бы имъ командовать, запрягла бы его, понукала бы: «работай, работай». Хорошо работать, когда знаешь, что добьешься чего-нибудь, денегъ, славы. А вдругъ сорвалось бы? Да она заѣла бы его, запилила бы. И чѣмъ бы жили? Амурами не проживешь.... Это прежде для милыхъ былъ рай и въ шалашѣ. Теперь вѣкъ практичный... Эти думы прерывались веселымъ смѣхомъ, безпечнымъ пѣніемъ, нѣжными поцѣлуями «табачницы». Онъ усмѣхался, пошличалъ, сальничалъ съ нею—ей это казалось любовью, и она становилась еще веселѣе.

— Хочешь денегъ? Не надо ли тебѣ чего?—спрашивала она.—Теперь мы совсѣмъ богачи! Я вѣдь меблированныя-то комнаты снимаю...

— Сколько же возьмешь денегъ изъ капитала?—спрашивалъ онъ.

— Да, кажется, ничего не возьму,—говорила она.—Табачная лавка ужъ окупилась. Я по рублю да по рублю откладывала, не мало скопила. Съ умомъ жить всегда можно. Вотъ вѣдь глупости, кажется, всѣ эти воротнички да манжеты—а я ими всѣхъ горничныхъ по сосѣдству надѣлила, бумаги на грошъ идетъ, а платятъ по полтиннику, а то и по рублю за воротничокъ и манжеты. Были бы только узоры повычурнѣе.

И она пускалась въ объясненія того, какъ она покупаетъ эти узоры, какъ потомъ снимаетъ образцы, а затѣмъ сбываетъ съ барышомъ и самые узоры. На эти пустяки люди тратятъ болѣе всего денегъ. Начни она чулки вязать, рубашки шить, ничего не добудетъ, а пустякъ сдѣлаешь—хорошія деньги зашибешь.

— Иная безъ чулокъ ходитъ, сорочка дыра на дырѣ, а увидитъ кружевной воротничокъ гипюроваго узора—глаза

разгорятся, украдетъ деньги, а его купить. Я ужъ нашу сестру хорошо знаю.

Она засмѣялась.

— И умора съ ними, съ дѣвчонками. Толкнуло точно что меня, съѣздила на Сѣнную за ягодами для варенья, а тамъ гляжу, у бабъ на развалѣ мотки залежалой синели да полосатыя старинныя ленты—одна полоска марэ оранжевая, а другая зеленая атласная съ оранжевыми цвѣтами. Давно ужъ такихъ не носятъ. Смотрѣла я, смотрѣла и думаю: дай куплю. Купила.

— На что тебѣ?—спросилъ онъ лѣниво.—Сама говоришь, что не носятъ такой яичницы съ лукомъ.

— Да развѣ я для себя? Нѣтъ, ты слушай! Изъ синели навязала шарфиковъ—разомъ дѣвушки разобрали. А ленты... Говорю тебѣ, просто умора... наколки я двѣ изъ нихъ сдѣлала, снизу розетка изъ кружевъ, а сверху бабочка изъ лентъ большимъ бантомъ съ длинными концами; такъ, что ты думаешь, на другой же день, какъ только выставила ихъ на окно,—сразу налетѣли покупать. Какая-то писарша, такъ та чуть не расплакалась, когда у нея другая женщина отбила вторую наколку.

Она залилась смѣхомъ.

— А я-то расчинаюсь, говорю, что контрабандой эти ленты достала, что ихъ теперь еще и въ лучшихъ магазинахъ не достанешь. Оно и правда не достанешь. Моя бабушка еще носила такія на чепцѣ. Думаю опять на Сѣнную либо въ Александровскій рынокъ съѣздить къ еврейкамъ, авось, найду еще этого хлама. И еще у меня мысль: обрѣзки шелковые на толкучкѣ въ лоскутныхъ лавкахъ продаютъ. Вотъ бы накупить.

Она задумалась немного.

— И страшно, а хочется. Боюсь, не выгоритъ.

— Да что задумала-то?—спросилъ онъ, зѣвая.

— Салфетку шить на столъ, знаешь, какъ въ гостиныхъ на столы кладутъ.

— Изъ лоскутковъ-то?

— Да, изъ лоскутковъ! Рогами изобилія, либо турецкими букетами вырѣзать и съ черными да золотыми тесемочками пустить, посрединѣ звѣздочку сдѣлать...

Она шутливо затормошила его.

— Вотъ бы ты, Ваня, узоръ составилъ! А?

— Ну, какъ-нибудь составлю.

— Конечно, въ табачной этого не сбудешь! А у меня

тутъ кружевница знакомая ходитъ, изъ вологодскихъ, на комиссію возьметъ. У нея богачки есть разныя изъ покупательницъ. Одну бы только сбыть—отбою отъ заказчицъ не будетъ.

Онъ усмѣхнулся, видя ея озабоченность и оживленіе.

— Что же тебѣ, въ помпейскомъ или турецкомъ вкусѣ узоръ-то нарисовать?

— Въ пестромъ, въ пестромъ надо,—отвѣтила она.— Такъ, знаешь, чтобы и звѣздочки, и турецкіе букеты, и рога изобилія.

Она вздохнула.

— У чухонъ, вонъ, ковры изъ обрѣзковъ дѣлаютъ; я вотъ у одной барыни коверъ видѣла изъ такихъ вотъ кусочковъ сукна,—она показала на пальцѣ, изъ какихъ кусочковъ,— а сорокъ рублей онъ стоилъ... Господи, да если бы у меня десять рукъ было, что бы я надѣлала, что бы я надѣлала!

— Ты и съ двумя не пропадешь!—сказалъ онъ, и ему стало какъ-то легко при мысли, что она не пропадетъ, а вмѣстѣ съ нею и онъ.

Эта возбужденная дѣятельность Маргариты Ѳедоровны подтолкнула и его приняться хоть за что-нибудь. Надо хоть къ Кудрявцевымъ сходить, попробовать портретъ съ купецкой дочки снять. Дня два онъ объ этомъ думалъ, то бранилъ дождь, то сердился на жаръ, наконецъ, собрался идти.

Дача Кудрявцевыхъ въ Лѣсномъ была одною изъ самыхъ роскошныхъ, хотя отъ всего здѣсь вѣяло какимъ-то холоднымъ безлюдьемъ, точно это былъ брошенный людьми, хотя и поддерживаемый въ прежнемъ порядкѣ дворецъ. Цвѣты, бронза, картины, статуи—все это было на своихъ мѣстахъ, вездѣ была заботливо сметена пыль, два лакея во фракахъ были на своихъ постахъ, но они, казалось, охраняли пустой домъ. Хопровъ, поднявшись на ступени парадnаго крыльца, спросилъ, дома ли господа.

— Николай Николаевичъ въ городѣ,—отвѣтилъ лакей.— Варвара Николаевна и Марья Ивановна у себя.

— Доложи Варварѣ Николаевнѣ, что ее желаетъ видѣть Иванъ Ивановичъ Хопровъ.

— Пожалуйте въ залъ,—пригласилъ лакей.

Хопровъ вошелъ въ просторный бѣлый залъ въ два свѣта: гладкій паркетный полъ, гладкія бѣлыя стѣны, бѣлая мебель съ блѣдно-голубою обивкою, бѣлыя тяжелыя подобранныя шторы съ бахромою, бѣлая люстра и такіе же бра съ голубоватыми узорами, все было чисто, точно вчера сдѣ-

жано или подновлено, но отъ всего вѣяло холодомъ нежилого дома. Хопровъ прошелся по залѣ и почти растерялся отъ звука своихъ шаговъ, такъ гулко раздались они здѣсь.

— Этакая мертвечина!—проговорилъ онъ, остановившись у большого зеркальнаго окна, за которымъ разрослись широкіе кусты махровыхъ блѣдно-розовыхъ розъ, почти прильнувшихъ къ зеркальнымъ стекламъ. «Инымъ на пять садовъ хватило бы, — подумалъ онъ: — а у нихъ вонъ эта роскошь даже и не на видномъ мѣстѣ заброшена».

Онъ поглядѣлъ на другія нижнія окна залы; вездѣ жались къ окнамъ тѣ же блѣдныя розы. Хопровъ уже начиналъ недоумѣвать, почему такъ долго нейдетъ лакей: «Въ Кіевъ онъ, что ли, пошелъ, или ея степенство еще проклажаются въ постели на мягкихъ пуховикахъ». Наконецъ, раздались шаги слуги.

— Варвара Николаевна просятъ васъ къ себѣ!

Хопровъ повернулся и пошелъ за лакеемъ.

— Я разбудилъ, вѣрно?—спросилъ онъ.

— Варвара Николаевна встаютъ рано,—отвѣтилъ коротко лакей.

Они вошли въ бильярдную съ желтоватыми гладкими обоями и темно-зелеными кожаными диванами вдоль всѣхъ стѣнъ, перешли въ комнату съ обстановкой въ восточномъ вкусѣ, съ красной, вышитой турецкими узорами, мягкою мебелью, съ множествомъ висячихъ разноцвѣтныхъ фонарей, украшенныхъ шелковыми кистями, съ пестрымъ, съ массой позолоты, потолкомъ, далѣе Хопрову показалось, что его ввели въ оранжерею, и только потомъ онъ понялъ, что попалъ въ гостиную, откуда три двери вели на террасу и въ садъ.

— Здравствуйте, очень рада видѣть васъ!—раздался звонкій и веселый голосъ Варвары Николаевны.

Хопровъ обернулся и увидалъ молодую дѣвушку, всю въ бѣломъ фулярѣ, испещренномъ букетами блѣдныхъ, какъ бы поблекнувшихъ сѣрыхъ цвѣтовъ. Около вырѣзки лифа на груди, среди кружевъ, былъ большой черный бантъ. Она поднялась съ кресла изъ-за небольшого мозаичнаго столика. Хопровъ, уже съ давнихъ поръ не бывавшій въ порядочныхъ домахъ, посѣщавшій только семью Хвощинскихъ, немного растерялся, смутился, попавъ сюда, и самъ подосадовалъ на себя. «Роскошь, что ли, испугала?»—подумалъ онъ и напустилъ на себя храбрости.

— А вы здѣсь каетесь, вѣрно, за свои грѣхи въ этомъ одиночествѣ?—спросилъ онъ, стараясь быть развязнымъ.

— За какіе грѣхи?

— За обиды, нанесенныя мнѣ въ спорѣ.

— А!..

Она едва замѣтно усмѣхнулась, сдѣлавъ гримасу, и движеніемъ руки пригласила его сѣсть.

— Не каюсь, а скучаю,—отвѣтила она.—У насъ трауръ.

— Скучаете?—спросилъ онъ.

— Да! Видите! Кажется, это ясныя доказательства скуки.

Хопровъ перевелъ взглядъ по ея указанію на столъ и на кушетку. Тутъ были смятыя газеты, брошенныя книги, начатыя вышивки, вязанье и шитье.

— Десять начатыхъ работъ, ни одну не нужно, ни одна не интересуетъ,—сказала она съ гримасой.

— Это потому, что и безъ нихъ кушать вамъ подадутъ,—пояснилъ Хопровъ съ усмѣшкой.

Она бросила на него насмѣшливый взглядъ.

— Бѣдный Коля, я и не знала, что онъ работаетъ только потому, что голодаетъ!

Онъ хотѣлъ что-то сказать, но она перебила его нѣсколько сухо словами:

— Есть люди, которые будутъ голодать всю жизнь и все-таки будутъ сидѣть сложа руки.

Онъ немного нахмурился, точно она про него это сказала, и замѣтилъ не безъ желчи:

— Вы, вѣроятно, потому и желаете сниматься, чтобы имѣть возможность посидѣть нѣсколько часовъ сложа руки, пока я буду работать?

— Нѣтъ, это Коля придумалъ писать съ меня портретъ,— пояснила она, пожимая плечами.—Должно-быть, чтобы испытать, могу ли я посидѣть хоть полчаса на одномъ мѣстѣ. Я васъ впередъ предупреждаю, что я не выдержу, если это будетъ очень скучно.

— Значитъ, на меня возлагаются двѣ обязанности: писать вашъ портретъ и развеселять васъ?

Онъ уже начиналъ ее смѣшить своею развязностью.

— Вторую обязанность я приму на себя и постараюсь развлекаться сама,—отвѣтила она съ ироніей.

— Какъ въ прошлый разъ, споря до слезъ и дѣлая мнѣ ерзости?

— Можетъ-быть...

Она приняла серьезный и немного холодный видъ и спро-

— Когда же вы начнете писать? Я не знаю, что надо: краски, холстъ, устроить мѣсто...

— Это ужъ мое дѣло,— отвѣтилъ Хопровъ и неловко прибавилъ: — мы еще не условились... не говорили...

— Насчетъ цѣны? — небрежно спросила она и пожала плечами. Развѣ я знаю... братъ тоже не знаетъ... и это пустяки... Вы же напишете и назначите сами... что будетъ стоить...

Хопровъ немного сконфузился. Его смущалъ вопросъ о деньгахъ здѣсь, гдѣ этимъ деньгамъ не придавали никакого значенія.

— Я не о деньгахъ,—пояснилъ онъ.—Какой величины портретъ? Какую обстановку взять?

Она передернула плечами.

— Не все ли равно: большой, маленькій, какой хотите. Обстановка? Это тоже ваше дѣло. Костюмъ? Ну, вотъ такъ, какъ я теперь одѣта, можно написать?

Она слегка разсмѣялась:

— Только, чтобы ничего не было въ рукахъ, ни книги, ни работы, а то подумаютъ, что прилежную дѣвицу изображаете.

И тотчасъ же, торопясь кончить его визитъ, спросила:

— Когда же начнете?

— Хоть завтра, если позволите! Какіе часы назначите?

— Мнѣ все равно.

Онъ самъ назначилъ часъ, сказалъ, что пріѣдетъ завтра же, и сталъ откланиваться. Она, немного сконфузившись, проговорила:

— Позвольте, но деньги... Я не знаю, задатокъ надо...

И, не выдержавъ, засмѣялась.

— Вы же должны сказать сами, что надо... я ничего не понимаю, какъ это дѣлается тамъ у васъ, у художниковъ...

— Ничего не надо, никакихъ задатковъ,—отвѣтилъ онъ.

Она пожала ему руку и поднялась съ мѣста.

— Я васъ провожу, вы не найдете выхода въ нашемъ лабиринтѣ.

— Да, у васъ большая дача. Вы вдвоемъ съ братомъ живете?

— Нѣтъ. Tante Marie живетъ еще наверху, сестра нашего покойнаго отца. Но все же слишкомъ пусто въ этомъ домѣ. Надо дѣтей завести.

Онъ съ недоумѣніемъ взглянулъ на нее.

— То-есть какъ это?

Она усмѣхнулась.

— Очень просто: Колю надо женить.

— А я думалъ, вы выходите замужъ.

— Я?—съ изумленіемъ спросила она.

— Да, вотъ бы за Разумника Павловича,—не безъ ядовитости замѣтилъ Хопровъ.—Онъ-то ужъ спорить съ вами, какъ я, не будетъ ни о чемъ. Партія удобная. Право, хорошо бы.

Она взглянула на него сверху внизъ и холодно замѣтила:

— Мы еще не настолько знакомы, чтобы вы мнѣ могли давать совѣты.

И, тутъ же едва замѣтно, лукаво усмѣхнувшись, прибавила:

— Впрочемъ, совѣтъ во всякомъ случаѣ безполезный. Мой братъ непремѣнно женится на Вѣрочкѣ.

Хопровъ даже остановился на ходу отъ неожиданности. На минуту въ немъ вспыхнула злоба. Онъ самъ десятокъ разъ въ послѣдніе дни повторялъ, что Вѣра Павловна выйдетъ за Кудрявцева, и все же взбѣсился теперь, услыхавъ эту новость. Онъ ядовитымъ тономъ проговорилъ:

— Вѣра Павловна никогда, вѣроятно, по своимъ убѣжденіямъ не пойдетъ за богача, не продастъ себя. Она по взглядамъ...

Кудрявцева засмѣялась:

— Ахъ, вы вовсе не понимаете любви: кто любитъ, тотъ даже и не думаетъ о богатствѣ или нищетѣ любимаго человѣка.

— А вы думаете, что Вѣра Павловна любитъ вашего брата?

— Не думаю, а убѣждена въ этомъ,—отвѣтила Кудрявцева, смотря съ усмѣшкой на измѣнившееся лицо Хопрова.—Я первая и открыла глаза брату... онъ долго сомнѣвался... Это не минутная вспышка, впрочемъ, они чуть ни съ дѣтства любятъ другъ друга...

— Что-жъ, ея папаша и мамаша будутъ рады, что ихъ прожекты осуществятся,—злобно замѣтилъ Хопровъ.

— Я въ этомъ увѣрена,—сухо согласилась Кудрявцева.

— Они вѣдь шагу не дѣлаютъ безъ расчета, все предусматриваютъ...

— Еще бы. Имъ такъ трудно содержать семью,—согласилась опять Кудрявцева.

Она, едва удерживаясь отъ смѣха, видя его смущеніе и недоумѣніе, остановилась и коротко сказала:

— Теперь вы найдете выходъ. До свиданья.

И, прежде чѣмъ онъ ушелъ изъ дома, залилась смѣхомъ.

Своевольная, причудливая, избалованная, капризная, она любила подразнить людей, какъ только ей удавалось подмѣтить въ нихъ какія-нибудь несимпатичныя ей черты. Иногда шутки переходили въ дерзости: порой она могла показаться безсердечной и злой. Хопрова она видѣла всего во второй разъ, но знала она его по слухамъ уже довольно давно и инстинктивно не взлюбила его. Когда его жалѣла и хвалила Вѣра, она говорила, что вѣрно онъ просто лѣнтяй или бездарный. Чѣмъ ближе сходился Кудрявцевъ по возвращеніи изъ-за границы съ Вѣрой, чѣмъ яснѣе сознавала Варвара Николаевна, что братъ ея любитъ Вѣру Павловну, тѣмъ подозрительнѣе стала она глядѣть на отношенія Вѣры Павловны къ Хопрову, но чутье дѣвушки сразу подсказало ей, что Вѣра Павловна вовсе не любитъ Хопрова, никогда не любила его, а только гордится своимъ благотворнымъ вліяніемъ на него, и этотъ человѣкъ сталъ ей смѣшонъ, хотя она еще почти не знала его. Когда братъ сталъ просить ее о портретѣ, желая доставить ради Вѣры Павловны заработокъ Ивану Ивановичу, она засмѣялась:

— Да неужели ты думаешь, что онъ способенъ что-нибудь сдѣлать. Это просто тунеядецъ.

Братъ серьезно замѣтилъ ей:

— Нужно знать его положеніе, чтобы понять, какъ трудно ему выбиться на дорогу.

— А ты знаешь его положеніе?

— Вѣра Павловна говорила мнѣ...

Въ дѣтствѣ онъ звалъ Вѣру Павловну Вѣрой, она звала его Колей. Когда онъ возвратился изъ-за границы, они вдругъ стали говорить другъ другу *вы* и величать одинъ другого по отчеству даже за глаза.

— Вѣра говорила?—повторила сестра.—Съ его же словъ! Вѣдь это пустой болтунъ и больше ничего.

— Это ты съ первой встрѣчи разсмотрѣла?

— Давно я его не люблю!

— За что?

Она опять засмѣялась.

— Ну, ужъ этого-то я не скажу!

Братъ благодушно усмѣхнулся.

— Прежде научись хитрить,—сказалъ онъ ей ласково.— Но ты вовсе напрасно волновалась. Ревновала его къ Вѣрѣ Павловнѣ? Да? За меня?

Сестра утвердительно кивнула головой и засмѣялась снова.

— Теперь-то и я вижу, что онъ не опасенъ. Никогда, никогда она его не любила.

Братъ прошелся по комнатѣ.

— Да, она не любила его. Но любитъ ли меня?

Сестра разсердилась.

— А ты еще больше о наукѣ, объ общественныхъ дѣлахъ съ ней толкуй, тогда и узнаешь. Нѣтъ, это просто нестерпимо! Нужно объясниться въ любви, а они умные разговоры разговариваютъ. Да я бы на твоемъ мѣстѣ...

— Уступи мнѣ хоть десятую долю твоей беззастѣнчивости и развязности,—перебилъ онъ ее и серьезно прибавилъ:— Или ты думаешь, перемѣнить свой характеръ такъ легко?

Онъ мягко улыбнулся.

— Ужъ если я иногда конфужусь передъ тобою, такъ передъ ней-то и подавно.

Онъ провелъ по глазамъ рукою.

— И то сказать, если любитъ, скажетъ сама.

— Нѣтъ, это изъ рукъ вонъ!—сердито вскричала Кудрявцева.—Дѣвушка сама должна объясняться въ любви мужчинѣ! Да еще богачу! Вотъ тоже придумалъ!.. Ну, хочешь я за тебя...

— Нѣтъ, нѣтъ, ради Бога не вмѣшивайся... Пусть будетъ, что будетъ!.. Я не тороплюсь... Ты знаешь, что, даже и сдѣлавъ предложеніе, я не женюсь раньше весны или даже лѣта... дѣдъ умеръ такъ недавно...

Кудрявцевы остались въ дѣтствѣ круглыми сиротами, были воспитаны милліонеромъ-дѣдомъ и страстно любили старика. Вспомнивъ теперь о старикѣ, Николай Николаевичъ сталъ грустнымъ. Онъ перемѣнилъ разговоръ и заговорилъ о портретѣ. Варвара Николаевна замѣтила:

— Мнѣ все равно, хоть развлеченіе будетъ. Этотъ Хоровъ, вмѣсто шута, будетъ развлекать меня, пока ты не соберешься сдѣлать Вѣрѣ предложенія и не переѣдешь отсюда въ городъ...

— Не вздумай его оскорбить чѣмъ-нибудь, — наставительно замѣтилъ братъ.

— Его, кажется, и нельзя оскорбить. Очень ужъ онъ вульгаренъ и... неразвитъ или тупъ...

— Ну, при немъ вѣдь не было гувернеровъ и гувернантокъ.

Именно послѣ этого разговора было написано Кудряв-

цевымъ письмо Вѣрѣ Павловнѣ съ предложеніемъ работы Хопрову...

Возвратясь домой отъ Кудрявцевыхъ, Хопровъ не безъ желчи, не безъ злобы думалъ о Вѣрѣ Павловнѣ. Никогда, въ сущности, онъ не любилъ ее страстной любовью, хотя она и нравилась ему, хотя онъ и былъ не прочь разыграть съ ней идиллію любви и даже жениться на ней. Тѣмъ не менѣе его бѣсило то, что она выходитъ замужъ за другого, за перваго встрѣчнаго «золотого тельца», и онъ бранилъ ее въ душѣ за алчность, за жажду денегъ, за продажность. При этомъ тысячи бранныхъ эпитетовъ и насмѣшекъ сыпались на Кудрявцева, на золотого истукана, на смиренно-мудраго ученаго, на говорящаго попугая, на конфузливаго, тятенькина сынка. Тутъ же мелькнула мысль: «А зато же я и сорву за портретъ съ этой беззастѣнчивой дуры». Онъ разсмѣялся. «Вотъ моя табачница рветъ деньги съ дуръ за какіе-то чепцы съ старомодными лентами, а я сорву за портретъ! На то и дураки на свѣтѣ, чтобы умные за носъ ихъ водили». Онъ даже похвасталъ Маргаритѣ Ѳедоровнѣ этимъ заказомъ, увѣряя ее, что онъ сотъ пять сдеретъ за портретъ.

— Да неужели вправду?—спросила она съ умиленіемъ.

— А ты думала, что я грошами буду зарабатывать, какъ ты.

Она бросилась его цѣловать.

— Ужъ гдѣ мнѣ равняться съ тобою! Дурочка я твоя, а ты мой папа...

Ея лицо вдругъ вспыхнуло стыдливымъ румянцемъ.

И, склонившись къ Ивану Ивановичу въ припадкѣ сентиментальничанья, она стыдливо прошептала:

— Папа?.. Да? Хочешь быть папой?

Онъ, въ извѣстныя минуты животно-развратный и циничный, вообще не особенно любилъ нѣжничать и сентиментальничать съ нею и на этотъ разъ немного отстранился отъ нея и съ усмѣшкой спросилъ:

— Какъ же это я изъ обожателя превращусь въ твоего отца? Трудновато!

— Не въ моего,—нѣжно прошептала она.—Для меня ты давно и муженекъ, и папа, и все, все... Нѣтъ, я не то говорю... мнѣ кажется, я беременна.

Онъ отшатнулся, какъ ужаленный. Кровь прилила къ головѣ. Въ глазахъ потемнѣло.

— Какъ?—воскликнулъ онъ въ инстинктивномъ страхѣ.—Какъ, беременна?

— О, я сама боюсь вѣрить этому счастью!—сказала она, не понимая, что его охватилъ страхъ.—Но мнѣ кажется... если бы ты зналъ, что значитъ быть матерью!.. Никто мнѣ теперь не скажетъ, что я безчестная... У тѣхъ не бываетъ дѣтей; Богъ не даетъ дѣтей такимъ-то... Если меня что тревожитъ, такъ это то, что мы не повѣнчаны. О, проклятая моя чухонская фамилія... Вдругъ сынъ родится Кононенъ...

Онъ уже ходилъ по комнатѣ, встревоженный, взволнованный, испуганный. Онъ не могъ даже сообразить, чего онъ боится. Страхъ былъ чисто безсознательный, инстинктивный, безотчетный. Она продолжала:

— И это ужасно: отецъ дворянинъ, а сынъ будетъ мѣщаниномъ. Никакихъ правъ даже на наслѣдство не будетъ. Вонъ какъ послѣ смерти твоего дѣда воровать все намъ пришлось, а то все бы обобрала полиція. И вообще по себѣ мы знаемъ, каково жить незаконнымъ или брошеннымъ дѣтямъ. Вотъ я незаконная, такъ меня какъ собачонку держали. У однихъ родныхъ была, а потомъ тетка пріютила да и погубила сама же меня. Не лучше и тебѣ пришлось, правда, хоть ты и законный былъ. Ну, такъ зато какіе же и родители были у тебя... Ну, а ужъ мы-то своего ребенка не бросимъ. На своей шкурѣ все это испытали...

Она подошла къ нему и обняла его, нѣжно и заискивающе, со слезами на глазахъ, говоря:

— Да? вѣдь не бросимъ? Вѣдь не варвары же мы!

— Да, да,—безсознательно подтвердилъ онъ, не понимая, что говоритъ.—Не бросимъ... зачѣмъ бросать...

Онъ присѣлъ, зажавъ лицо руками. «Бросить ребенка? закабалить себя? бросить Вѣру», мелькало въ его головѣ. «Жениться на этой женщинѣ, когда можешь полюбить другую? Развитая, образованная женщина могла бы поддержать, подтолкнуть впередъ. Женишься вотъ—всему конецъ». Кто его тогда поддержитъ на избранномъ пути? Маргарита только подтруниваетъ надъ тѣмъ, что онъ мажетъ на полотнѣ то голову, то деревья, то облака. Та, Вѣра, подбадривала его, подталкивала къ дѣятельности. Безъ такой поддержки онъ броситъ все, не станетъ стремиться ни къ чему. А къ чему онъ стремится теперь? Онъ поднялъ голову и съ негодованіемъ взглянулъ на цѣлый рядъ висѣвшихъ на стѣнѣ эскизовъ—это былъ какой-то хаосъ обрывковъ, ничего додѣланнаго, ничего законченнаго, все начато и брошено на половинѣ: для одного не хватило умѣнья, для дру-

не хватило терпѣнья, для третьяго не было подходя-
щей натуры. Его охватила злоба на себя, на искусство, на
ребенка, ради котораго онъ на минуту трезво взгля-
нулъ на самого себя и увидалъ, что у него нѣтъ именно
того, что можетъ сдѣлать изъ человѣка художника: знанія,
терпѣнія, усидчивости, характера.

— Что съ тобой,—спросила испуганно Маргарита Θедо-
ровна, видя мрачное выраженіе его лица.

— Ничего,—отрывисто отвѣтилъ онъ и съ злой насмѣшли-
востью прибавилъ: — Такъ когда же ты думаешь женить
меня?

— О, разумѣется, надо до рожденія ребенка сыграть свадь-
бу,—разсудительно сказала она.— Вотъ купимъ на той недѣлѣ эти
меблированныя комнаты и повѣнчаемся потомъ...

— Купимъ! купимъ! Ты храбро распоряжаешься моими
деньгами,—презрительно проговорилъ онъ.

— Да онѣ же общія, мои и твои. Кромѣ того, я на дѣ-
ло берегу, а не на эти пустяки,—указала она на этюды и пре-
[illegible]. Я говорила тебѣ, сколько магазинъ при-
носитъ. Мы жить уже на одни эти доходы можемъ. А мебли-
рованныя комнаты въ моихъ рукахъ такъ пойдутъ, что ты
столько этихъ холстовъ можешь накупить—я и слова не
скажу.

И шутя, трепля ему волосы, она закончила покровитель-
ственнымъ тономъ:

— Ахъ, ты, горе-художникъ мой! Пудъ красокъ [illegible]
изведъ, а только вотъ и есть, что гдѣ носъ, гдѣ рука. Буду-
щій портретъ—одни разговоры пока. Ну, да Богъ
съ тобой, малюй, сколько хочешь; иные-то изъ вашего брата
на вино да на карты еще больше тратятъ...

— Спасибо и за то, что еще позволяешь малевать,—[illegible]
ронію сказалъ онъ, чувствуя уже приливъ бѣшенства.

— Что-жъ, ты этимъ зла никому не дѣлаешь,—отвѣтила
она серьезно.

Онъ стиснулъ зубы, чтобы не обругать ее. Въ ту же ми-
нуту въ его мозгу мелькнула мысль, что въ сущности она
права, что самъ онъ видитъ, что изъ него не выйдетъ ни-
чего. Ужь съ какой-то безотчетной злостью онъ подумалъ:
«Это только Вѣра Павловна увидѣла во мнѣ геніальныя спо-
собности и вздумала тащить меня на арканѣ въ будущіе
Рафаэли. Вотъ женюсь, да объявлю ей, что сочетался за-
коннымъ бракомъ съ чухонкой Маргаритою Θедоровной [illegible]
[illegible]ненъ, [illegible] и разочаруется разомъ и окончательно».

менитостью желала сдѣлать, чтобы потомъ сочетаться бракомъ. Нѣтъ, любила бы, не стала бы ждать, когда прославлюсь. Любовь не разсчитываетъ, не размышляетъ». И опять его охватило скверное чувство на себя, почти презрѣніе къ себѣ за эти мысли. Подъ вліяніемъ раздраженія, онъ грубо поддразнилъ Маргариту Ѳедоровну:

— А вдругъ я не женюсь на тебѣ, а возьму да и брошу тебя, захвативъ всѣ деньги?..

— Глупая шутка,—почти равнодушно сказала она.—Не захочешь же ты судиться. Вѣдь ребенокъ—твой. Это всѣ знаютъ. Ну, и заставятъ содержать.

— Да я могу сказать, что у меня ничего нѣтъ.

Она засмѣялась, убѣжденная вполнѣ, что онъ шутитъ.

— А я скажу, сколько ты укралъ денегъ,—подшучивая, проговорила она.—Копейку въ копейку сочту.

Онъ взглянулъ пристально на нее и рѣзко, чуть не съ ненавистью сказалъ:

— Да, ты способна на это!

— О, я на все способна!—со смѣхомъ сказала она, даже не замѣчая его тона.

— А знаешь, на что я способенъ?—неожиданно крикнулъ онъ задыхающимся голосомъ, вскакивая съ налившимися кровью глазами и сжатыми кулаками.—Задушить я способенъ человѣка!

Она широко открыла глаза, не понимая, что съ нимъ вдругъ сдѣлалось, и упавшимъ голосомъ, приложивъ руку къ сердцу и какъ бы моля о пощадѣ, прошептала:

— Ребенокъ у меня!..

Онъ смутился, прошелъ въ уголъ, налилъ себѣ воды и жадно выпилъ ее большими глотками. Ея тупость доводила его уже не въ первый разъ до этого состоянія невмѣняемости, до желанія задушить ее, не понимающую никакихъ оттѣнковъ чувствъ, голоса, отношеній, понимающую только видимые факты, ясно высказанныя слова, значеніе поднятаго кулака. Въ немъ за этими порывами происходила реакція, и онъ дѣлался человѣкомъ-тряпкой.

X.

— Ахъ, Вѣра, твой кузенъ очарователенъ въ своихъ примитивныхъ выходкахъ,—говорила Варвара Николаевна Кудрявцева, завернувъ съ братомъ къ Хвощинскимъ и цѣлуясь съ Вѣрой Павловной.—Онъ иногда меня смѣшитъ до исте-

рики своими разсказами и балагурствомъ. Какъ онъ жидовъ и армянъ копируетъ...

Вѣра Павловна сконфуженно перебила ее и спросила:

— А твой портретъ подвигается впередъ?

— Кажется... Право, не знаю... Что-то онъ тамъ мажетъ... Я вѣдь ровно ничего въ этомъ не понимаю...

И, шаловливо смѣясь, она прибавила:

— Да и мѣшаю же я ему. Болтаю безъ умолку, а онъ только и твердитъ: «сидите же смирно»... Самъ же начинаетъ тотчасъ смѣшить...

— Но вѣдь такъ портретъ никогда не будетъ оконченъ?— сказала тревожно Вѣра Павловна.

— Не знаю, можетъ-быть. Мнѣ все равно. Это вѣдь Коля тогда настоялъ, чтобы я заказала портретъ,—отвѣтила Варвара Николаевна.—Мнѣ онъ не нуженъ. А тому, что m-r Хопровъ бываетъ у насъ теперь, я почти рада, а то такая скука осенью здѣсь.

Вѣра Павловна взглянула съ недоумѣніемъ на Кудрявцева. Она до этой минуты не знала, что это именно онъ настоялъ на томъ, чтобы дать Хопрову работу. Николай Николаевичъ по обыкновенію сконфузился и заговорилъ съ Вѣрой Павловной о томъ, когда Хвощинскіе съѣзжаютъ съ дачи.

— У насъ квартиру передѣлываютъ, какъ вы слышали, и это задержитъ насъ здѣсь на неопредѣленное время, — сказала Вѣра Павловна:—но жить здѣсь неудобно: папа и дѣти ѣздятъ каждый день въ городъ.

— Ахъ, скорѣй бы вы переѣхали!—воскликнула Варвара Николаевна съ лукавой улыбкой. — Тогда, можетъ-быть, и мы переѣдемъ.

Она взглянула на смутившагося еще болѣе брата и засмѣялась. Вѣра Павловна, ничего не понимая, но смутно угадывая, что смѣхъ Кудрявцевой имѣетъ какое-то таинственное значеніе, покраснѣла и отвернулась. Кудрявцева, продолжая смѣяться, поднялась съ мѣста, пошла съ террасы и, на лету поцѣловавъ Вѣру Павловну, проговорила:

— Ты, Вѣра, совсѣмъ смѣшной ребенокъ.

Кудрявцевъ и Хвощинская, оба смущенные и раскраснѣвшіеся, остались вдвоемъ. Чтобы прервать неловкое молчаніе, Вѣра Павловна сказала:

— Какъ вы находите портретъ сестры?

— Сходство поразительное, тонъ мягокъ, есть извѣстный шикъ и вкусъ,—началъ Кудрявцевъ.

Да? Значитъ, вы довольны? Я вамъ всегда говорила, что у него талантъ! Какъ я рада, что я не ошиблась въ его талантѣ,—быстро сказала Вѣра Павловна и вся раскраснѣлась отъ радости за успѣхъ Хопрова.

— Но эта работа никогда не будетъ закончена, — добавилъ тихо Николай Николаевичъ, какъ бы щадя Вѣру Павловну и боясь ее огорчить.

— Еще бы! Они все болтаютъ,—начала Хвощинская.

— Нѣтъ, Вѣра Павловна, не то,—перебилъ онъ ее неторопливо.—Ему надо еще много учиться. Закончить онъ еще ничего не можетъ. Это ученикъ, не знающій азбуки живописи, чуть не самоучка...

Она почти съ испугомъ взглянула на него. Онъ продолжалъ серьезно.

— Какъ только ему приходится заканчивать какую-нибудь деталь, онъ теряется, замазываетъ, портитъ, изъ талантливаго наброска выходитъ суздальская живопись, какой-то раскрашенный желѣзный подносъ, а не картина.

И замѣтивъ, что она опечалилась и какъ бы сконфузилась, онъ поспѣшилъ ободрить ее:

— Но это еще не бѣда, пусть хоть какъ-нибудь кончитъ этотъ портретъ, я закажу ему еще другой, пусть tante Marie напишетъ, пусть набьетъ руку!

— То-есть вы хотите бросать деньги, чтобы онъ выучился писать? Съ чего это вы придумали, съ какой стати?— горячо и почти обиженно сказала она, сама не сознавая причины своего волненія.

— Я такъ много бросаю денегъ на пустяки, что можно хоть разъ и съ пользою бросить ихъ,—отвѣтилъ онъ.

— Потому только, что это нашъ родственникъ?—задорно спросила она, не любившая никакихъ услугъ и благодѣяній.

— Да, можетъ-быть, и потому, что онъ вашъ родственникъ, а можетъ-быть, потому, что у него есть природный талантъ, нуждающійся въ развитіи,—отвѣтилъ Кудрявцевъ.

Она уловила сдѣланное имъ удареніе на словѣ «вашъ» и замѣтила:

— Именно потому, что онъ нашъ, а значитъ и мой родственникъ, я и не хотѣла бы, чтобы вы благотворили ему.

И съ легкой досадой спросила:

— Вашему вниманію не рекомендовали ли еще кого-нибудь изъ нашихъ небогатыхъ родныхъ папа или мама? Не просили ли еще какой-нибудь помощи?

— Нѣтъ, къ сожалѣнію, —отвѣтилъ онъ спокойно и со-

вершенно просто прибавилъ:—Я въ сущности не понимаю, отчего человѣку нельзя сдѣлать добра только за то, что онъ вамъ родственникъ.

Она, вспыхнувъ до ушей, запротестовала:

— Потому, что тутъ дѣлается добро не ради него самого, а ради насъ.

Онъ покачалъ головой.

— Не ради васъ, а при вашей помощи, — поправилъ онъ ее.

— Вы познакомили меня съ нимъ, я и хочу быть ему полезнымъ. Познакомилъ бы кто-нибудь другой меня съ нимъ, я и тогда помогъ бы ему.

И совѣмъ твердымъ, не терпящимъ возраженій тономъ онъ сказалъ:

— Впрочемъ, что же объ этомъ говорить. Я сдѣлаю для него, что могу, и надѣюсь, что вы ради дѣтскаго каприза не станете вмѣшиваться въ это дѣло. Ему надо дать средства подучиться, набить руку, напрактиковаться, иначе изъ него ничего не выйдетъ.

Ее поразилъ его мужественный, рѣшительный тонъ. Обыкновенно скромный и застѣнчивый, онъ иногда говорилъ этимъ рѣшительнымъ тономъ, безапелляціонно рѣшая извѣстные вопросы. Въ эти минуты онъ особенно нравился ей. Противъ своего обыкновенія она даже не пробовала спорить и протестовать, сознавая вполнѣ, что онъ правъ. «Добрый, добрый, онъ непремѣнно сумѣетъ спасти кузена», мелькнуло въ ея головѣ. Ихъ разговоръ оборвался. Пораженная наступившимъ молчаніемъ, она взглянула на Кудрявцева. Онъ сидѣлъ неподвижно, смотря въ пространство. Его лицо было серьезно, выражало глубокую грусть. О чемъ? Можетъ ли онъ, молодой, богатый, счастливый, о чемъ-нибудь грустить? Она окликнула его:

— Николай Николаевичъ!

Онъ вздрогнулъ всѣмъ тѣломъ. Она даже испугалась и извинилась:

— Простите, я васъ испугала! Я и не знала, что вы такой нервный.

— Это въ послѣднее время,—отвѣтилъ онъ.—Осень здѣсь, въ Лѣсномъ, наводитъ тоску и разстраиваетъ нервы.

— Зачѣмъ же вы здѣсь остались?

Онъ широко открылъ глаза и взглянулъ на нее какимъ-то недоумѣвающимъ, почти испуганнымъ взглядомъ, точно она сказала нѣчто чудовищное, ужасное для него.

— Зачѣмъ?—медленно и отчетливо повторилъ онъ.—Вы спрашиваете, зачѣмъ я остаюсь здѣсь?

Она ясно видѣла, что онъ смутился и не можетъ собраться съ силами, чтобы высказать свои мысли, отвѣтить ей что-нибудь. Съ минуту онъ молчалъ, потомъ вдругъ рѣзко и неожиданно поднялся съ мѣста, провелъ рукою по лбу и по глазамъ и проговорилъ почти съ усиліемъ:

— Да, точно вы правы... Должно-быть, не для чего оставаться здѣсь, если даже вы спрашиваете меня: зачѣмъ?

У нея чуть не брызнули слезы отъ боли въ сердцѣ при этихъ словахъ, такая искренняя горечь прозвучала въ нихъ. Она бросила на него почти молящій взглядъ, точно говоря: «да разъясни же, при чемъ я-то тутъ? что ты хотѣлъ сказать своими словами?» Но онъ уже не смотрѣлъ на нее и, стоя у рѣшетки террасы, глядѣлъ на отсырѣвшія дорожки, пестрѣвшія желтыми листьями.

— Сестра ужасно обрадуется, услыхавъ, что мы переѣзжаемъ въ городъ,—замѣтилъ онъ неторопливо.—Дѣйствительно, здѣсь ей скучно. На-дняхъ опера открывается, французскіе спектакли начнутся. Она ужъ и то сговаривается съ Разумникомъ Павловичемъ, гдѣ они будутъ встрѣчаться, гдѣ танцовать, когда кончится трауръ...

Онъ вдругъ оборвалъ рѣчь и, повернувшись къ Вѣрѣ Павловнѣ, неожиданно спросилъ:

— Вѣра Павловна, скажите мнѣ откровенно, какъ доброму прежнему другу, какъ вы думаете, могъ бы вашъ братъ составить счастіе дѣвушки?

Вѣра Павловна подняла на него молча глаза съ страннымъ выраженіемъ испуга. Говорить она не могла, горло что-то сдавливало.

— Можетъ-быть, я ошибаюсь, но мнѣ кажется, что онъ имѣетъ виды на Варю. Она, легкомысленная, вѣтреная, такъ же легко, конечно, согласится на бракъ, какъ и откажется отъ брака. Это я знаю! Но вашего брата — я его очень плохо понимаю. Сдѣлаетъ ли онъ ее счастливою?

Вѣра Павловна неожиданно закрыла лицо руками и разрыдалась. Кудрявцевъ испуганно подбѣжалъ къ ней.

— Что съ вами? Что съ вами?—заговорилъ онъ тревожно.

— Это низко, низко!—воскликнула она.—У насъ только и думаютъ, что о барышахъ... продаютъ за деньги... безъ любви...

Она, всхлипывая, не кончивъ фразы, быстро пошла съ балкона.

— Милая ты моя дѣвочка!— воскликнулъ забывшій все на свѣтѣ Кудрявцевъ и бросился за ней.

Она съ испугомъ обернулась въ дверяхъ и безсознательно замахала рукой:

— Ахъ, нѣтъ, нѣтъ! Ради Бога! Не надо. Послѣ!

И прежде чѣмъ онъ успѣлъ остановить ее, она уже скрылась за дверью, чуть не сшибла съ ногъ на дорогѣ изумленную Анну Борисовну, пробѣжала въ свою комнату и залилась слезами, уткнувшись въ подушку. Слезы такъ и лились изъ ея глазъ, а все существо ея было охвачено невыразимымъ счастіемъ, блаженствомъ. Мысли, чувства, образы проносились въ ней въ хаотическомъ безпорядкѣ. Такъ вотъ зачѣмъ онъ оставался тутъ, въ Лѣсномъ? И ни разу не сказалъ ей прямо ничего? Да зачѣмъ было и говорить? Развѣ имъ не было сладко безъ всякихъ объясненій гулять рука объ руку, говорить безъ конца, каждый день ждать встрѣчи?

Ни разу и она не высказалась ему; даже не чувствовала потребности признаній, даже не мечтала о любви, потому что уже вотъ мѣсяцъ или два какъ она вся была—любовь; для нея только и существовалъ онъ. Съ перваго дня послѣ его пріѣзда изъ-за границы они только и жили другъ для друга. Она отчетливо помнила, какъ изумился онъ при встрѣчѣ съ нею, увидавъ въ ней уже не дѣвочку, она и теперь еще ощущала тотъ трепетъ, который охватилъ ее, когда впервые послѣ почти годовой разлуки ея семью посѣтилъ Кудрявцевъ, уже не прежній застѣнчивый розовенькій мальчикъ, а серьезный, нѣсколько грустный молодой человѣкъ. Она только о немъ и думала, только его и слушала. Даже о Хопровѣ и его картинахъ ей напомнили только сегодня. А какъ же онъ? Она должна его поддерживать, подталкивать, ободрять? Да, да, онъ, ея Коля, дастъ ему средства, откроетъ ему дорогу для развитія таланта. Но вѣдь онъ говорилъ ей о любви? Ахъ, это все пустяки! Ныть онъ привыкъ. Какая это любовь. Ну, да если и любилъ ее, что-жъ дѣлать. Нельзя же ей двухъ разомъ любить. Въ ушахъ же у нея повторялась одна фраза: «Милая ты моя дѣвочка!» Зачѣмъ она убѣжала, сказала: «не надо! не надо!» А вдругъ онъ подумаетъ, что она это отказала ему? Она сама знала, что онъ этого не подумаетъ, и, улыбаясь сквозь слезы, покачала головой: «Если скажу, что не люблю, не повѣритъ». На дворѣ послышался скрипъ колесъ, она подбѣжала къ окну, притаилась за тюлевой занавѣской. Вотъ

вышли Кудрявцевы и стали садиться въ экипажъ. Онъ взглянулъ мелькомъ наверхъ, она не выдержала и, какъ шаловливый ребенокъ, на мгновеніе выглянула изъ-за занавѣски, успѣла кивнуть ему головой и, смѣясь, спряталась снова. Онъ, веселый, понесся съ сестрой въ коляскѣ. На поворотѣ онъ обернулся и еще разъ кивнулъ головою, точно зная, что за занавѣской еще смотрятъ на него ея глаза.

Въ пять часовъ Хвощинскіе садились обѣдать. Вѣра Павловна, немного оправившись, сошла въ столовую, съ неостывшимъ еще лицомъ. Оно, молодое, выдавало ее, говорило, что случилось нѣчто выходящее изъ ряду вонъ. Всѣ уже были въ сборѣ. Анна Борисовна зорко взглянула на дочь. Ей непремѣнно хотѣлось узнать, что произошло между дочерью и Кудрявцевымъ. Она немного волновалась. Правда, она не очень боялась того, что дочь ему откажетъ: откажетъ она, Разумникъ женится на Варѣ; это ужъ непремѣнно. Тѣмъ не менѣе, она была бы больше рада замужеству дочери. Кудрявцевъ богаче сестры; притомъ Разумникъ сумѣетъ завоевать и другую невѣсту; наконецъ, Вѣра не сегодня-завтра можетъ остаться сиротой, безъ средствъ или выйти за перваго попавшагося бѣдняка.

— А сегодня Кудрявцевы заѣзжали, — сообщила Анна Борисовна мужу новость, хотя онъ и безъ того зналъ, что Кудрявцевы заѣзжаютъ къ нимъ каждый день. Скучаетъ здѣсь Варвара Николаевна. Должно-быть, уговоритъ брата завтра или послѣзавтра переѣхать въ городъ.

— И давно пора, — отвѣтилъ, продолжая ѣсть, Павелъ Петровичъ, хмурый и сердитый на то, что его «томятъ» съ квартирой.—Кажется, если бы не квартира, минуты бы не остался дольше здѣсь. И дернулъ чортъ просить о передѣлкѣ квартиры. Обрадовался, что даромъ все передѣлаютъ. Вотъ и навело дешевое на дорогое...

— Ну, имъ-то ѣздить не надо на службу,— замѣтила Анна Борисовна и продолжала подводить свои мины: — Жаль только, если до воскресенья уѣдутъ, Разумникъ не увидитъ Варвары Николаевны. То-то будетъ тужить.

Вѣрѣ Павловнѣ вдругъ стало ужасно смѣшно. Она едва могла сдерживаться, хотя лицо ея такъ и говорило, что она тотчасъ засмѣется. Наконецъ, она не выдержала и залилась смѣхомъ.

— Что съ тобой? — спросила Анна Борисовна немного обидчиво.

Вы, мама, говорите это такимъ тономъ, точно это к-
кое нибудь несчастіе...

— Что жъ, Разумникъ будетъ очень, очень сожалѣть...

Такъ вы извѣстите его, когда они переѣзжаютъ, и
онъ пріѣдетъ къ нимъ на городскую квартиру.

И сообщу... и сообщу, съ необычнымъ раздраженіемъ
проговорила Анна Борисовна, кивая въ знакъ подтвержд-
нія головой. Тебѣ, можетъ-быть, все равно, хоть мѣсяцъ
видишь тѣхъ, кого любишь, а Разумнику...

Вѣра Павловна вдругъ стала серьезна.

Кого же это, Николая Николаевича или Варвару
Николаевну такъ любитъ Разумникъ, что для него несч-
пропустить одно свиданіе съ ними? — рѣзко спросила

Ты, кажется, знаешь, что онъ, какъ и всѣ мы,
сблизился съ ними обоими, — сказала мать. — Кажется
дѣтьми вы...

Нѣтъ, не знаю, — твердо отвѣтила дочь, перебивая
по крайней мѣрѣ, съ Николаемъ Николаевичемъ онъ
и не могъ сблизиться, такъ какъ у нихъ нѣтъ и не
быть ничего общаго.

Хвошинскій нахмурилъ брови и строго посмотрѣ
дочь. Вѣра Павловна не замѣтила этого. Вообще
боялась отца, не занимавшагося воспитаніемъ дѣ-
предоставлявшаго ихъ всецѣло женѣ. Вѣрѣ Павлов-
минуту вспомнился Разумникъ: какую кислую мин-
онъ, когда узнаетъ, что она идетъ замужъ за К-
Ей опять стало весело.

Впрочемъ, мама, теперь и Варварѣ Ник-
кого не нужно: она такъ увлеклась кузеномъ...

Какимъ кузеномъ? — спросила Анна Бор-

Нашимъ Иваномъ Ивановичемъ, — отвѣтила
ловна.

Старуха испугалась. Такъ вотъ о чемъ п-
Узнала, что Хопровъ сблизился съ Кудряв-
вѣлась. Нечего сказать, и хорошо выйдетъ. Он-
цевѣ расплакалась о томъ, что сестра его т-
Хопровымъ. Чего добраго и жениха, и не-
ваютъ.

— Шалопай онъ! — проворчалъ неожидан-

— На пушечный выстрѣлъ не слѣдовал-
пускать къ домамъ, гдѣ есть порядочныя дѣ-
его жена и прибавила: а мы сами еще
Ку[illegible]мъ.

Вѣра Павловна нетерпѣливо пожала плечами:

— Ужъ не боитесь ли вы, что онъ женится на Варварѣ Николаевнѣ? Я думаю, тутъ большого несчастія не будетъ. Это дастъ ему средства широко развить свой талантъ.

Анна Борисовна окончательно ничего не понимала. Въ теченіе четырехъ лѣтъ она уже оберегала дочь отъ Хопрова, видя, что онъ можетъ вскружить ей голову. Въ послѣднее время она даже убѣдилась, что дочь не равнодушна къ нему. Сегодня, вотъ сейчасъ, ей даже показалось, что изъ-за него именно плакала Вѣра, а теперь Вѣра же желаетъ, чтобы онъ женился на Кудрявцевой. Впервые въ жизни сбитая съ толку, старуха потеряла способность владѣть собою и поступать съ тактомъ. Какъ только кончился обѣдъ, она поспѣшила въ комнату Вѣры Павловны. Вѣра Павловна сидѣла у окна съ книгой на колѣняхъ и не читала, отдавшись свѣтлымъ мечтамъ.

— Мнѣ надо поговорить съ тобой, Вѣра,—серьезно и строго сказала Анна Борисовна.—Ты уже не дѣвочка и тебѣ пора пристроиться. Въ послѣднее время я очень, очень недовольна тобой.

У Вѣры Павловны забилось сердце отъ предчувствія какой-то непріятности.

— Мама,—начала она.

Мать остановила ее.

— Дай мнѣ досказать. Ты непозволительно кокетничала съ Иваномъ Ивановичемъ.

— Мама! — опять воскликнула протестующимъ тономъ Вѣра Павловна, возмущенная этой клеветой на нее.

— Не возражай,—перебила Анна Борисовна, возвышая голосъ.—Какъ ни называй того, что дѣвушка ухаживаетъ за молодымъ человѣкомъ, ищетъ съ нимъ встрѣчъ, шепчется съ нимъ по угламъ, вступается за него при немъ, это все же по сущности простое кокетство, не ведущее къ добру...

Вѣра Павловна даже и не возразила. Ей становилось слишкомъ тяжело. Мать продолжала:

— Потомъ, завлекая одного, ты оставалась по цѣлымъ часамъ, гуляла вдвоемъ съ Николаемъ Николаевичемъ, говорила Богъ вѣсть о чемъ.

Вѣра Павловна вся вспыхнула и вспылила.

— Это просто безчестно, мама!—воскликнула она.—Не я оставалась съ нимъ вдвоемъ, а вы оставляли меня съ нимъ.

Старуха не смутилась.

— Вы, мама, говорите это такимъ тономъ, точно это какое-нибудь несчастіе...

— Что-жъ, Разумникъ будетъ очень, очень сожалѣть...

— Такъ вы извѣстите его, когда они переѣзжаютъ, и онъ пріѣдетъ къ нимъ на городскую квартиру.

— И сообщу... и сообщу, — съ необычнымъ раздраженіемъ проговорила Анна Борисовна, кивая въ знакъ подтвержденія головой. Тебѣ, можетъ-быть, все равно, хоть мѣсяцъ не видишь тѣхъ, кого любишь, а Разумнику...

Вѣра Павловна вдругъ стала серьезна.

— Кого же это, Николая Николаевича или Варвару Николаевну такъ любитъ Разумникъ, что для него несчастіе пропустить одно свиданіе съ ними? — рѣзко спросила она.

— Ты, кажется, знаешь, что онъ, какъ и всѣ мы, давно сблизился съ ними обоими, — сказала мать. — Кажется, еще дѣтьми вы...

— Нѣтъ, не знаю, — твердо отвѣтила дочь, перебивая ее: — по крайней мѣрѣ, съ Николаемъ Николаевичемъ онъ даже и не могъ сблизиться, такъ какъ у нихъ нѣтъ и не можетъ быть ничего общаго.

Хвощинскій нахмурилъ брови и строго посмотрѣлъ на дочь. Вѣра Павловна не замѣтила этого. Вообще она не боялась отца, не занимавшагося воспитаніемъ дѣвочекъ и предоставлявшаго ихъ всецѣло женѣ. Вѣрѣ Павловнѣ въ эту минуту вспомнился Разумникъ: какую кислую мину сдѣлаетъ онъ, когда узнаетъ, что она идетъ замужъ за Кудрявцева. Ей опять стало весело.

— Впрочемъ, мама, теперь и Варварѣ Николаевнѣ никого не нужно: она такъ увлеклась кузеномъ...

— Какимъ кузеномъ? — спросила Анна Борисовна.

— Нашимъ Иваномъ Ивановичемъ, — отвѣтила Вѣра Павловна.

Старуха испугалась. Такъ вотъ о чемъ плакала Вѣра! Узнала, что Хопровъ сблизился съ Кудрявцевой, и разревѣлась. Нечего сказать, и хорошо выйдетъ. Она при Кудрявцевѣ расплакалась о томъ, что сестра его такъ увлеклась Хопровымъ. Чего добраго и жениха, и невѣсту они прозѣваютъ.

— Шалопай онъ! — проворчалъ неожиданно Хвощинскій.

— На пушечный выстрѣлъ не слѣдовало бы такихъ подпускать къ домамъ, гдѣ есть порядочныя дѣвушки, — рѣшила его жена и прибавила: — а мы сами еще рекомендовали его Кудрявцевымъ.

Вѣра Павловна нетерпѣливо пожала плечами:

— Ужъ не боитесь ли вы, что онъ женится на Варварѣ Николаевнѣ? Я думаю, тутъ большого несчастія не будетъ. Это дастъ ему средства широко развить свой талантъ.

Анна Борисовна окончательно ничего не понимала. Въ теченіе четырехъ лѣтъ она уже оберегала дочь отъ Хопрова, видя, что онъ можетъ вскружить ей голову. Въ послѣднее время она даже убѣдилась, что дочь не равнодушна къ нему. Сегодня, вотъ сейчасъ, ей даже показалось, что изъ-за него именно плакала Вѣра, а теперь Вѣра же желаетъ, чтобы онъ женился на Кудрявцевой. Впервые въ жизни сбитая съ толку, старуха потеряла способность владѣть собою и поступать съ тактомъ. Какъ только кончился обѣдъ, она поспѣшила въ комнату Вѣры Павловны. Вѣра Павловна сидѣла у окна съ книгой на колѣняхъ и не читала, отдавшись свѣтлымъ мечтамъ.

— Мнѣ надо поговорить съ тобой, Вѣра,—серьезно и строго сказала Анна Борисовна.—Ты уже не дѣвочка и тебѣ пора пристроиться. Въ послѣднее время я очень, очень недовольна тобой.

У Вѣры Павловны забилось сердце отъ предчувствія какой-то непріятности.

— Мама,—начала она.

Мать остановила ее.

— Дай мнѣ досказать. Ты непозволительно кокетничала съ Иваномъ Ивановичемъ.

— Мама! — опять воскликнула протестующимъ тономъ Вѣра Павловна, возмущенная этой клеветой на нее.

— Не возражай,—перебила Анна Борисовна, возвышая голосъ.—Какъ ни называй того, что дѣвушка ухаживаетъ за молодымъ человѣкомъ, ищетъ съ нимъ встрѣчъ, шепчется съ нимъ по угламъ, вступается за него при немъ, это все же въ сущности простое кокетство, не ведущее къ добру...

Вѣра Павловна даже и не возразила. Ей становилось очень тяжело. Мать продолжала:

— Потомъ, завлекая одного, ты оставалась по цѣлымъ часамъ, гуляла вдвоемъ съ Николаемъ Николаевичемъ, говорила Богъ вѣсть о чемъ.

Вѣра Павловна вся вспыхнула и вспылила.

— Это просто безчестно, мама!—воскликнула она.—Не я оставалась съ нимъ вдвоемъ, а вы оставляли меня съ нимъ.

Старуха не смутилась.

— Ну да, потому что онъ хорошій женихъ, онъ богатъ... я разсчитывала...

Вѣра Павловна возмутилась, точно кто-то хотѣлъ втоптать въ грязь ея свѣтлое чувство. До этой минуты она сама ни разу не подумала о богатствѣ Кудрявцевыхъ.

— Замолчите!—крикнула она, не помня себя.—Неужели вы не понимаете, что вы затаптываете сами въ грязь мое чувство? Я только потому и полюбила его, что онъ заставилъ меня забыть о деньгахъ, о богатствѣ. Вы же хотите загрязнить и убить это чувство.

Мать испугалась. Она знала, что ея дочь изъ-за «глупаго каприза» можетъ отказать Кудрявцеву. Какъ бы не надѣлать бѣды. Но, тѣмъ не менѣе, ей хотѣлось все разузнать, облегчить, наконецъ, свою душу, и она торопливо спросила:

— А онъ? сдѣлалъ онъ тебѣ предложеніе?

— Уйдите! Уйдите! почти съ отчаяніемъ проговорила внѣ себя Вѣра Павловна.

— Что у тебя за тонъ? разгорячилась мать.—Ты еще замужъ не вышла.

— Вы и сдѣлаете то, что я не выйду! — запальчиво крикнула Вѣра Павловна. Вы меня заставите стыдиться этого брака...

Анна Борисовна растерялась и чуть не упала отъ испуга. «И откажетъ, и откажетъ!» — пронеслось въ ея головѣ. Впервые она покорилась своей капризной дѣвчонкѣ и, направляясь съ растеряннымъ видомъ мокрой курицы къ двери, сконфуженно, стараясь замаскировать испугъ, замѣтила:

— Съ тобой не сговоришь, вѣрно! Рукой махнуть надо!

Когда мать вышла, Вѣра Павловна расплакалась. На мгновенье у нея мелькнула мысль, неужели и она любитъ Кудрявцева за деньги? «Нѣтъ, нѣтъ!—мысленно повторяла она:— будь онъ нищимъ, будь онъ милліонеромъ, мнѣ все равно». Она еще съ невысохшими глазами улыбнулась улыбкой счастія, вся охваченная любовью къ этому человѣку.

XI.

Кудрявцевы переѣхали въ городъ, и Хопровъ продолжалъ тамъ писать портретъ Варвары Николаевны. Во время сеансовъ она по обыкновенію болтала о чемъ попало, иногда дразня его, иногда подшучивая надъ нимъ. Нельзя сказать, чтобы онъ оставался въ долгу, и иногда легкомысленной дѣвушкѣ приходилось коротко замѣчать ему:

— Вы нестерпимы!

Тѣмъ не менѣе, онъ забавлялъ ее и развлекалъ отъ скуки, хотя она иногда и говорила брату, что Хопровъ, кажется, никогда не кончитъ писать ея портретъ.

— Учится на мнѣ!—говорила она, надувая губки.

Но сеансовъ она не прекращала и даже не замѣчала, что Хопровъ сталъ болѣе желчнымъ, нетерпѣливымъ и рѣзкимъ за послѣднее время. Даже лицо у него нѣсколько осунулось и пожелтѣло. Разъ какъ-то Николай Николаевичъ зашелъ взглянуть на портретъ и удивился. На красновато-черномъ фонѣ ярко выдѣлялась фигура молодой дѣвушки съ золотисто-бѣлокурыми волосами, въ бѣломъ фуляровомъ платьѣ съ букетомъ блѣдныхъ сѣрыхъ цвѣтовъ, съ рѣзко выдѣлявшимся чернымъ бантомъ на груди. Законченности въ отдѣлкѣ, правда, не было, но было не мало вкуса въ этихъ туманныхъ блѣдно-сѣрыхъ цвѣтахъ на бѣломъ фонѣ платья, безъ опредѣленныхъ контуровъ, было нѣсколько ловкихъ штриховъ въ завиткахъ золотистыхъ волосъ, падавшихъ сзади капризно на лифъ платья, и на этомъ темно-красномъ горячемъ фонѣ, сдѣланномъ небрежными мазками, вся эта фигура выдѣлялась, какъ живая, несмотря на грубоватое письмо тѣла и неправильности въ рисункѣ, особенно рукъ.

— Ну, вотъ, вы и кончили свою работу,—сказалъ Кудрявцевъ, обращаясь къ Ивану Ивановичу.

— Нѣтъ, еще не совсѣмъ,—отвѣтилъ Хопровъ.—Очень ужъ много изволитъ мѣшать Варвара Николаевна...

Кудрявцевъ деликатно замѣтилъ:

— Мнѣ кажется, что тутъ больше нечего дописывать...

Онъ чувствовалъ, что дальше Хопровъ начнетъ только портить портретъ; Хопровъ самъ уже давно это чувствовалъ, злясь на себя, особенно въ тотъ день, когда онъ попробовалъ вполнѣ отдѣлать руки на портретѣ.

— Это же будетъ не вполнѣ законченный портретъ,—сказалъ онъ небрежно.—Набросокъ только, эскизъ.

— Но зато очень эффектный,—закончилъ Кудрявцевъ.—Я видѣлъ нѣсколько такихъ портретовъ Макарта... вы, можетъ-быть, тоже помните его рыжеволосую женщину, стоящую почти затылкомъ къ зрителямъ... Картина была здѣсь какъ-то на выставкѣ...

— О, вы черезчуръ лестнаго мнѣнія о моей работѣ,—сказалъ Хопровъ.—Я и Макартъ!

Кудрявцевъ не прибавилъ, что онъ видѣлъ и такіе женскіе портреты работы Макарта, гдѣ все было закончено до мельчайшихъ подробностей.

— Ну да,
я разсчитыва.
Вѣра Павл
тать въ грязь
ни разу не п
— Замолчи
вы не понима
чувство? Я т
вилъ меня за
загрязнить и
Мать испуг
каприза» мож
лать бѣды. Н
облегчить, нак
— А онъ?
— Уйдите!
внѣ себя Вѣра
— Что у т
замужъ не вы
— Вы и
крикнула Вѣр
этого брака...
Анна Борис
«И откажетъ,
Впервые она
правляясь съ
сконфуженно,
— Съ тобой
Когда мать
венье у нея м
рявцева за день
будь онъ нищи
Она еще съ
счастія, вся ох

Кудрявцевы
тамъ писать
сеансовъ она п
дрязня его, ино
чтобы онъ остал
вушкѣ приходил
— Вы нестер

— Tante Marie видѣла твой портре
рявцевъ сестру.
— Видѣла и страстно жаждетъ
тила, смѣясь, Варвара Николаевна.—
Ивана Ивановича, въ какомъ плать
— Вы согласитесь взяться за эту
силъ Николай Николаевичъ.
— Отчего же и нѣтъ? Мнѣ даже
съ тѣмъ портретомъ.
— Да, да, черты рѣзкія,—сказалъ
— Нѣтъ, меньше будетъ
ироніей отвѣтилъ Хопровъ.
Варвара Николаевна засмѣялась.
— Мы вѣдь все бранимся и
а tante Marie будетъ только видна:
Кудрявцевъ, пропустивъ мимо у
далъ Хопрову деньги за работу
Хопровымъ изысканно вѣжливо,
не допуская никакого сближенія,
Когда Хопровъ ушелъ, онъ присѣлъ
думался. Сестра засмѣялась, видя,
портретъ.
— Ты, кажется, оторвать глазъ
не можешь? проговорила она, кла
живъ на его плечи руки.
— Да, это очень сильной приро
отсутствіе школы, выучки, техники,
вдумчиво смотря на картину. Ту
но какъ напрасно! Начни онъ д
лось бы, рисунка даже въ рукахъ
Онъ повернулъ къ ней голову
— А онъ, должно быть, золъ...
— Золъ? спросила она.
— Да, ты вглядись, что онъ
капризной дѣвочки и этотъ плат
жется, разорвать его хочешь на
насмѣшка!..
— Вотъ это мило! Я этого и
замазать это... Противный грубіян
— Нѣтъ, милый ты ребенокъ,
ленъ,- мягко сказалъ братъ.—Ты
такомъ настроеніи... Да и порт
жить, а не тебѣ.

ялся съ мѣста и поцѣловалъ сестру въ лобъ.

[illegible] отомстилъ мнѣ за то, что я сказала ему, что [illegible] сестру.

— я на Вѣрѣ, — проговорила Варвара Николаевна.

— [illegible] маешь, что онъ любилъ ее?

— [illegible]е любилъ, а все же ухаживалъ за нею. Любить [illegible] Николаевна, не способенъ. Да и его едва ли кто полю- [illegible] — санъ, грубъ и пошловатъ въ минуты злости.

— [illegible] ты его изучила!

— [illegible]бы! Въ послѣднее время особенно, онъ мнѣ даже [illegible] ими дерзкими выходками.

— Да да [illegible]ъ усмѣхнулся и, взглянувъ на портретъ, за- [illegible]

— [illegible]о время онъ, вѣрно, и дѣлалъ эти злые мазки.

— [illegible]рибавилъ:

— [illegible], что мы дали ему работу, то-есть деньги. Мо- [illegible] онъ нуждается теперь. Во всякомъ случаѣ, ему [illegible] детъ полезна. Напишетъ портретъ tante Marie, [illegible] пожалуй, Вѣры...

— [illegible] и ты съ нея хочешь заставить его писать пор- [illegible]кликнула сестра.

— [illegible]ъ спросилъ:

— [illegible]?

— [illegible] ли онъ ухаживалъ за нею...

— [illegible]жалъ плечами.

— [illegible] бы онъ смѣлъ, онъ сталъ бы ухаживать и за [illegible]ить только оборвать его разъ, и онъ не станетъ [illegible] Тѣмъ не менѣе, нужно помочь ему выбиться на [illegible] было бы такъ пріятно Вѣрѣ.

— [illegible]нулся доброй улыбкой.

— [illegible] дѣвочка была бы такъ счастлива, если бы ея [illegible] геній хоть немножко прославился. Она желаетъ [illegible]ъ и теперь, хотя онъ, кажется, очень сердить [illegible]ее за свои неудачи. Почти не заходитъ къ Хво- [illegible], должно-быть,

— [illegible] спросила она [illegible]льно, Хопровъ уже давно не заходилъ къ Хво- [illegible] былъ золъ на весь міръ. Послѣ признанія, сдѣ- [illegible]гаритою Ѳедоровною, онъ внезапно почувство- [illegible] несчастнымъ, жертвою увлеченія и случайныхъ [illegible]въ, человѣкомъ, будущность котораго загубили. [illegible] попрежнему удобно жить, Маргарита Ѳедо- [illegible]ежнему ухаживала за нимъ, онъ попрежнему [illegible]жность лежать на боку, но онъ теперь носился [illegible]целью, что онъ идетъ, какъ агнецъ на закланіе, [illegible]

— Tante Marie видѣла твой портретъ! спросилъ Кудрявцевъ сестру.

— Видѣла и страстно жаждетъ тоже позировать,—отвѣтила, смѣясь, Варвара Николаевна. Она даже спрашивала Ивана Ивановича, въ какомъ платьѣ ей лучше сняться.

— Вы согласитесь взяться за эту новую работу?—спросилъ Николай Николаевичъ.

— Отчего же и нѣтъ? Мнѣ даже легче будетъ справиться съ тѣмъ портретомъ.

— Да, да, черты рѣзкія,—сказалъ Николай Николаевичъ.

— Нѣтъ, меньше будетъ разговоровъ и движеній,—съ иронісй отвѣтилъ Хопровъ.

Варвара Николаевна засмѣялась.

— Мы вѣдь все бранимся и споримъ,—сказала она.— а tante Marie будетъ только вздыхать.

Кудрявцевъ, пропустивъ мимо ушей эти замѣчанія, предложилъ Хопрову деньги за работу. Онъ держалъ себя съ Хопровымъ изысканно вѣжливо, но въ то же время холодно, не допуская никакого сближенія, никакой фамильярности. Когда Хопровъ ушелъ, онъ присѣлъ противъ портрета и задумался. Сестра засмѣялась, видя, что онъ засмотрѣлся на портретъ.

— Ты, кажется, оторвать глазъ отъ этого произведенія не можешь? проговорила она, встанъ сзади брата и положивъ на его плечи руки.

— Да, это очень большой природный талантъ и полное отсутствіе школы, выучки, техники,—отвѣтилъ онъ серьезно, вдумчиво смотря на картину. Тутъ все только набросано, но какъ набросано! Начни онъ додѣлывать, ничего не осталось бы, рисунка даже въ рукахъ нѣтъ...

Онъ повернулъ къ ней голову съ улыбкой и замѣтилъ:

— А онъ, должно-быть, золъ...

— Золъ? спросила она.

— Да, ты вглядись, что онъ написалъ. Выраженіе лица капризной дѣвочки и этотъ платокъ въ рукахъ... Ты, кажется, разорвать его хочешь на этомъ портретѣ... Это злая насмѣшка!..

— Вотъ это мило! Я этого и не замѣтила! Я ему велю замазать это... Противный грубіянъ!

— Нѣтъ, милый ты ребенокъ, я именно этимъ и доволенъ,—мягко сказалъ братъ.—Ты очаровательна именно въ такомъ настроеніи... Да и портретъ этотъ мнѣ принадлежитъ, а не тебѣ.

Онъ поднялся съ мѣста и поцѣловалъ сестру въ лобъ.

— Это онъ отомстилъ мнѣ за то, что я сказала ему, что ты женишься на Вѣрѣ, — проговорила Варвара Николаевна.

— Ты думаешь, что онъ любилъ ее?

— Ну, не любилъ, а все же ухаживалъ за нею. Любить онъ, кажется, не способенъ. Да и его едва ли кто полюбитъ. Неотесанъ, грубъ и пошловатъ въ минуты злости.

— О, да ты его изучила!

— Еще бы! Въ послѣднее время особенно, онъ мнѣ даже надоѣлъ своими дерзкими выходками.

Кудрявцевъ усмѣхнулся и, взглянувъ на портретъ, замѣтилъ:

— Въ это время онъ, вѣрно, и дѣлалъ эти злые мазки.

Потомъ прибавилъ:

— Я радъ, что мы дали ему работу, то-есть деньги. Можетъ-быть, онъ нуждается теперь. Во всякомъ случаѣ, ему практика будетъ полезна. Напишетъ портретъ tante Marie, потомъ мой, пожалуй, Вѣры...

— Какъ? и ты съ нея хочешь заставить его писать портретъ?—воскликнула сестра.

Кудрявцевъ спросилъ:

— А что?

— Но если онъ ухаживалъ за нею...

Братъ пожалъ плечами.

— Если бы онъ смѣлъ, онъ сталъ бы ухаживать и за тобою... Стоитъ только оборвать его разъ, и онъ не станетъ ухаживать... Тѣмъ не менѣе, нужно помочь ему выбиться на дорогу. Это было бы такъ пріятно Вѣрѣ.

Онъ улыбнулся доброй улыбкой.

— Моя дѣвочка была бы такъ счастлива, если бы ея неудавшійся геній хоть немножко прославился. Она желаетъ ему успѣховъ и теперь, хотя онъ, кажется, очень сердитъ даже и на нее за свои неудачи. Почти не заходитъ къ Хвощинскимъ.

Дѣйствительно, Хопровъ уже давно не заходилъ къ Хвощинскимъ и былъ золъ на весь міръ. Послѣ признанія, сдѣланнаго Маргаритою Ѳедоровною, онъ внезапно почувствовалъ себя несчастнымъ, жертвою увлеченія и случайныхъ обстоятельствъ, человѣкомъ, будущность котораго загубили. Ему было попрежнему удобно жить, Маргарита Ѳедоровна попрежнему ухаживала за нимъ, онъ попрежнему имѣлъ возможность лежать на боку, но онъ теперь носился съ одной мыслью, что онъ идетъ, какъ агнецъ на закланіе,

что онъ приноситъ жертву, исполняя долгъ чести, жертву собою своему будущему ребенку. Онъ даже самъ торопился теперь свадьбою и не безъ пафоса разсуждалъ лежа на диванѣ: «Вѣра Павловна, много вы говорили о томъ, что я зарываю въ землю свой талантъ, а побыли бы вы на моемъ мѣстѣ, что бы вы запѣли. Меня не папаша и мамаша принуждаютъ надѣть брачныя цѣпи, а голосъ моей собственной чести; я сдѣлался жертвою случайности и самъ иду на искупленіе своей ошибки. Вамъ хорошо было ораторствовать о великихъ идеяхъ, выискивая себѣ въ то же время богатаго жениха, а мы, неумѣющіе красно говорить, безъ шуму дѣлаемъ то, чего никогда не сдѣлали бы вы». Это сознаніе своего долга не мѣшало ему капризничать съ Маргаритой Ѳедоровной, срывать на ней злобу, отравлять ей жизнь придирками. Покорный своему рѣшенію, онъ чуть не вышелъ изъ себя, когда одинъ изъ его старыхъ пріятелей, тоже бывшій вольнымъ слушателемъ академіи, Макаровъ, замѣтилъ ему, что онъ прекрасно дѣлаетъ, женясь на Маргаритѣ Ѳедоровнѣ. Къ Макарову зашелъ Хопровъ случайно. Они не видались давно и столкнулись гдѣ-то на дорогѣ. Длинный, широкій въ кости, съ плоскимъ, расплывшимся въ стороны водянистымъ лицомъ, съ тупыми, безжизненными глазами, съ узенькимъ лбомъ, Порфирій Васильевичъ Макаровъ былъ прозванъ какимъ-то острякомъ: «Да-съ Макаровъ». Одни говорили, что такое прозвище было дано Макарову за то, что онъ всегда при первомъ словѣ говорилъ «да-съ», соглашаясь со всѣми; другіе говорили, что это прозвище было дано потому, что люди сотворены или мужчинами, или женщинами, а Макаровъ существомъ средняго рода: по росту гигантъ-мужчина, по характеру плюгавая бабенка.

— Ахъ, кого я вижу,—воскликнулъ Макаровъ, увидавъ на улицѣ Хопрова.—Господи, какъ я радъ, какъ я радъ!

Онъ началъ отъ всей души жать и трясти руку Хопрова.

Хопровъ никогда не былъ съ нимъ друженъ и презиралъ эту «бабу».

— Зайди ко мнѣ, зайди, я тутъ вотъ живу, въ квартирѣ Хомовскаго.

Макаровъ никогда не жилъ у себя, а всегда у кого-нибудь посторонняго.

— Я не знаю никакого Хомовскаго,—отвѣтилъ Хопровъ.

— Какъ, не знаешь? Хомовскій! Химикъ извѣстный. Да его и нѣтъ теперь въ Питерѣ. Я стерегу его квартиру.

Одинъ въ ней съ Марьей Петровной. Зайди, картину мою посмотришь.

— Опять «Сыщика» пишешь?—насмѣшливо спросилъ Хопровъ.

— Нѣтъ, теперь «Доктора-алхимика». У Хомовскаго, знаешь, реторты, колбы, банки. Ну, я и воспользовался.

Хопровъ засмѣялся.

— Да, да, ты вѣдь и «Старьевщика» писалъ потому, что халатъ какой-то отыскалъ у...

Онъ спросилъ:

— У кого ты тогда жилъ?

— У Бѣлозерова. Это у него старинный халатъ и антикварскія вещи были. Да. А теперь удачно у меня это. Я, знаешь, алхимика посадилъ у трупа дѣвушки. Натурщицей Марья Петровна согласилась быть по знакомству. Ты вѣдь знаешь ее? А обстановка—все колбы, реторты, горшки, какъ у химиковъ. Случай все, случай! Надо пользоваться. А ты что дѣлаешь?

Хопровъ отвѣтилъ:

— Жениться собираюсь!

— Прекрасно! прекрасно!

Хопровъ разсердился:

— Что прекрасно? Не знаешь на комъ, а говоришь: прекрасно!

— На комъ же?

— На табачницѣ!

— А-а, хорошо! Значитъ, съ деньгами?

— Ничего не значитъ, а значитъ то что надо жениться; понимаешь, надо!

— Да, да! надо и женишься! Это хорошо!

Хопровъ махнулъ съ раздраженіемъ рукою:

— У тебя все прекрасно! все хорошо!

Онъ хотѣлъ идти.

— Да зайди ко мнѣ, я тутъ близко,—началъ упрашивать Макаровъ и сказалъ свой адресъ.

— Зайду какъ-нибудь!—отрывисто отвѣтилъ Хопровъ.

Они простились. Потомъ, ругая въ душѣ Макарова осломъ и идіотомъ, Хопровъ сообразилъ, что его удобно пригласить въ свидѣтели и въ шафера при вѣнчаніи. Этотъ идіотъ хоть не вышутитъ его дуры. Ручки еще будетъ цѣловать у нея. Къ каждой кухаркѣ готовъ подходить къ ручкѣ. На слѣдующій же день, утромъ, онъ отправился къ Макарову, нашелъ его квартиру, позвонилъ. Макаровъ самъ

отворилъ дверь и пригласилъ его въ свою «мастерскую», благодаря его за посѣщеніе и пожимая ему руки. Въ мастерской все было загромождено химическими сосудами, посрединѣ стоялъ кухонный столъ, покрытый бѣлой простыней, а на столѣ лежалъ обнаженный костлявый трупъ женщины. При входѣ Хопрова трупъ открылъ блѣдные, оловянные глаза и, посмотрѣвъ равнодушно на посѣтителя, снова закрылъ глаза.

— Марья Петровна, отдохните теперь, — сказалъ Макаровъ, обращаясь къ трупу.

— Да я не устала; что-жъ, лежать не трудно, — отвѣтилъ трупъ и широко вздохнулъ впалой грудью.

— Да я ужъ писать не буду сегодня! Вотъ другъ зашелъ, Иванъ Иванычъ Хопровъ.

— Я тебѣ не помѣшаю. Пиши! Я на минуту, — сказалъ Хопровъ.

— Нѣтъ, нѣтъ, какъ можно! Марьѣ Петровнѣ все равно. Она и завтра полежитъ. Дайте намъ чаю, Марья Петровна.

Макаровъ засуетился, очищая большое старинное кресло, обнявъ обѣими руками и унося съ кресла манекенъ въ бархатномъ халатѣ.

— А ты опять новый халатъ досталъ? — съ усмѣшкой сказалъ Хопровъ.

— Это табачница знакомая дала. Для костюма турки у нея онъ служитъ на святкахъ. А я алхимика въ немъ пишу. Знаешь, какъ въ Фаустѣ. Вотъ кресло — купить пришлось на толкучкѣ. Кресло ничего, старое.

Марья Петровна уже безшумно слѣзла на полъ со стола, худая и длинная, какъ жердь, и конопилась позади стола, одѣваясь на полу. Полуприодѣвшись и держа въ рукахъ остальныя части туалета, она вышла изъ комнаты.

— Съ тобой живетъ?—спросилъ Хопровъ...

— Да, мыкаемъ горе. Хорошая дѣвушка. Пенсію въ двадцать рублей получаетъ послѣ отца. Жениться и нельзя.

— То-есть отчего это?

— А пенсія-то? Какъ же безъ пенсіи? Безъ пенсіи нельзя!

Хопровъ посмотрѣлъ на миніатюрную по размѣрамъ картину Макарова, узналъ исхудалый трупъ Марьи Петровны, и халатъ на манекенѣ, и портретъ академическаго небритаго сторожа, одѣтый въ этотъ халатъ, и колбы, и реторты, и кухонный столъ, покрытый простыней, не узналъ только комнаты, такъ какъ на картинѣ былъ изображенъ какой-то подвалъ со сводами и съ рѣшетками у окна.

— Это, знаешь, въ средневѣковомъ домѣ, — пояснилъ Макаровъ.

— А развѣ тогда у алхимиковъ такіе же сосуды были въ употребленіи, какъ и теперь?—спросилъ Хопровъ.

— Да, сосуды,—повторилъ протяжно и раздумчиво Макаровъ и на минуту смолкъ.—Что-жъ, другихъ нѣтъ,—со вздохомъ пояснилъ онъ, наконецъ.

Хопровъ приступилъ къ цѣли своего визита. Макаровъ обрадовался возможности услужить пріятелю и опечалился въ то же время.

— Фрака у меня нѣтъ, вотъ бѣда!.. Впрочемъ, у кого-нибудь есть, можетъ-быть... Только вотъ ростъ мой и кость широкая...

Хопровъ успокоилъ его: онъ самъ будетъ вѣнчаться въ сюртукѣ, пѣшкомъ готовъ идти въ церковь, чтобы не было толковъ, зѣвакъ, церковь какую-нибудь подыщетъ на курьихъ ножкахъ, въ глушь. Макаровъ полюбопытствовалъ:

— Но она-то все же съ кое-какими деньгами?

— Какія же деньги?

— А табачная?

— На мои деньги открыла. Наслѣдство получила.

— Второе?

— Какъ второе? Ахъ, да, это послѣ отца-то! Ну, то товарищи провѣли. Теперь умнѣе стала. Завела табачную, приставила Маргариту, она практична. Теперь меблированныя комнаты открыла, она же управляетъ.

Макаровъ вскочилъ и въ волненіи заходилъ по комнатѣ.

— Своя квартира, значитъ, у васъ?.. Господи, вотъ-то счастье! Да я бы въ кабакѣ сталъ торговать, если бы были деньги, на что его открыть, только бы уголъ свой имѣть...

— А «Старьевщики», а «Алхимики»,—разсмѣялся Хопровъ.—По боку бы ихъ?

Макаровъ сдѣлался совсѣмъ серьезнымъ. Его широкое безкровное лицо смотрѣло плачевно, въ глазахъ, казалось, стояли слезы.

— Нѣтъ, ты не шути. У меня вотъ гдѣ это все сидитъ!—онъ указалъ на затылокъ.—Это петля на шеѣ. Ты думаешь, я съ радости Марью Петровну на столѣ разложилъ, колбы эти ишу, сторожа поилъ два дня, чтобы доктора-алхимика изъ него сдѣлать? Ты думаешь, легко мнѣ было «Старьевщика» написать—халатъ-то штофный выписать, а потомъ, когда Бѣлозеровъ пріѣхалъ въ свою квар-

тиру да выгналъ меня и мнѣ пришлось халатъ на память заканчивать—каково это?

Онъ съ несвойственнымъ ему ожесточеніемъ заскрежеталъ зубами и проговорилъ глухо:

— Лучше бы воду возить!

— Зачѣмъ же было идти въ художники?

— Я не самъ пошелъ, отдали! — коротко отвѣтилъ Макаровъ.

Онъ походилъ по комнатѣ большими шагами, поуспокоился и впалъ въ свой обычный мечтательный, немного сентиментальный и слащавый тонъ:

— Жизнь-то какъ людьми играетъ. Батюшка мелкій чиновничекъ былъ, матушка швейкой была, на улицѣ познакомились, поженились, и я родился. Оба маленькіе, тщедушные, а я въ Гавани на улицѣ съ каланчу выросъ и только отъ нихъ у меня и осталось, что малодушіе. Ахъ, какъ я малодушенъ, такъ это ты и представить себѣ не можешь! Вотъ знаю, что писать надо, а забреду въ Гавань, лягу на песокъ и смотрю, какъ подростки рыбу ловятъ, пароходы ходятъ, ребятки купаются, — картина! — и мечтаю, мечтаю...

Хопровъ разсердился, самъ онъ любилъ это dolce far niente, тоже иногда забирался куда-нибудь въ лѣсъ, на взморье, лежалъ брюхомъ вверхъ по цѣлымъ часамъ, грѣлся на солнцѣ, глядѣлъ безцѣльно вверхъ, отдыхалъ. Отъ какихъ трудовъ? онъ и самъ не зналъ.

— Нашелъ чѣмъ хвалиться!—проговорилъ онъ.—Лѣнтяй!

— Да я не хвалюсь. Это и не лѣнь. А малодушіе. Силы во мнѣ нѣтъ. Ты не смотри, что я съ каланчу да съ косую сажень. Я слабъ. Это во мнѣ жиръ и вода. Пухну, значитъ. Это нездоровье. У меня сердце больное. Защемитъ, защемитъ и только и легче, пока мечтаешь на вольномъ воздухѣ. Организмъ такой. Отъ организма многіе страдаютъ. Вотъ Марья Петровна тоже: дѣвочкой на грудь она упала и легкія отшибла, ну, и не можетъ пополнѣть. Что ни дѣлай, не пополнѣетъ. Память вотъ у меня тоже слаба, потому я на затылокъ разъ упалъ въ дѣтствѣ—память и отшибло...

Хопровъ, зѣвнувъ, проговорилъ:

— Отъ бездѣлья болѣзни выдумываешь.

— Нѣтъ, ты этого не говори. Я вотъ читалъ въ одной книгѣ: у одного человѣка воду нашли въ головѣ, такъ съ чайную ложку, а онъ изъ-за этого убійцей сдѣлался.

— Это послѣ смерти-то?—усмѣхнулся Хопровъ.

— Ахъ, шутникъ ты, шутникъ! — засмѣявшись благодушно Макаровъ. — Не умѣю я разсказывать! Нѣтъ, видишь ли, онъ былъ убійцей; потомъ, когда вскрывали его, доктора нашли, что это отъ воды въ головѣ—отъ организма, значитъ.

Хопровъ хотѣлъ уже идти, но Макаровъ началъ умолять его напиться у него чаю, ради Бога, не обидѣть. Прежде чѣмъ Иванъ Ивановичъ успѣлъ подыскать предлогъ для отказа, Марья Петровна, уже пріодѣвшаяся въ скромное шерстяное платье, узенькое и черное, походившая теперь на послушницу, принесла на подносѣ два стакана съ чаемъ. Макаровъ засуетился, очищая столъ отъ реторть и колбъ. Хопровъ даже изумился, глядя на нее, смиренную, съ безнадежно вытянутымъ лицомъ, съ равнодушно покорными глазами. Очевидно, ей было все равно, служить ли въ роли служанки въ этомъ послушническомъ одѣяніи, лежать ли обнаженнымъ трупомъ на кухонномъ столѣ. Хопровъ перевелъ глаза на суетливо очищавшаго ему «мѣсто поудобнѣе» безцѣльно большого и широкаго Макарова, на его разлѣзшееся въ стороны, точно кѣмъ-то придавленное спереди лицо, на плачевно-привѣтливую улыбку этого лица, и у него на душѣ стало такъ же тоскливо, какъ были тоскливы эти два глубоко несчастныя существа, какъ была тосклива эта обстановка этой «мастерской», какъ была тосклива эта крошечная картинка съ тощимъ трупомъ, бѣлѣвшимся на ней, закрытымъ изъ скромности простынею до половины.

— И какимъ вѣтромъ тебя занесло въ академію?—спросилъ онъ невольно, какъ бы думая вслухъ.

— Судьба, все судьба! Послѣ смерти матушки, батюшка пить началъ, — сталъ торопливо разсказывать Макаровъ, грызя сахаръ и потягивая чай съ блюдечка.—Сперва онъ съ однимъ лавочникомъ пилъ, тотъ меня въ мальчики къ себѣ въ лавку хотѣлъ взять. Потомъ онъ отколотилъ батюшку во время бѣлой горячки, и батюшка захороводился съ однимъ художникомъ. Вывѣски тотъ писалъ и все объ искусствѣ говорилъ. Искусство — святое дѣло; академія — храмъ. Ну, батюшка не въ своемъ видѣ и началъ бредить: «Въ храмъ отдамъ сына; на святое дѣло пусть идетъ». Кланялся, обивалъ пороги, въ ногахъ валялся у всѣхъ, изъ жалости и приняли меня вольнымъ слушателемъ...

Онъ вздохнулъ, точно ношу тяжелую свалилъ съ плечъ, потомъ продолжалъ болѣе спокойно:

— Что-жъ, жаловаться мнѣ грѣшно. Меня не тѣснили. Самъ я человѣкъ смирный и никого не обижу, и меня не обижали, даже любили, могу сказать.

Хопровъ не безъ досады на это добродушіе сказалъ:

— Какъ же, помню! Профессоръ Ивлохинъ на другой день послѣ поповскъ кисти мыть и краски приготовлять для него заставлялъ, пока онъ валялся въ постели, а гражданская супруга профессора Щурова къ модисткамъ за платьями и въ театръ за билетами тебя посылала.

— Да, да, — весело согласился Макаровъ: — свой человѣкъ былъ у всѣхъ! Всѣ любили. Гуркинъ... покойный Александръ Ивановичъ Гуркинъ, помнишь?.. даже на дачу съ собой одно лѣто бралъ, когда у него жена умерла. Ахъ, хорошо у нихъ въ Финляндіи! Вотъ-то страна! Песокъ, мохъ, гранитныя скалы, хвойный лѣсъ и озера. Ляжешь, бывало, на берегу, гдѣ-нибудь около Саймскаго канала; вода не шелохнется, въ лѣсу ни звука, нигдѣ не видно ни души, даже птицъ словно нѣтъ, тихо, а вверху облака бѣлыя плывутъ по бездонному небу.

Макаровъ даже притихъ, вспомнивая все это, и уставилъ въ пространство свои блѣдно-сѣрые глаза, точно всматриваясь въ картину, развернувшуюся передъ нимъ.

— Ты вмѣсто дядьки, что ли, при сынѣ Гуркина былъ? — спросилъ Хопровъ съ ироніей.

Макаровъ очнулся.

— Да... то-есть нѣтъ... такъ, гулялъ съ мальчикомъ... не съ кѣмъ ему было больше гулять...

У него въ глазахъ стояли слезы умиленія.

— Лучше бы больше дѣлу учили, живописи, — сказалъ желчно Хопровъ.

Макаровъ полусонно, полусознательно отвѣтилъ:

— Нѣтъ, что же... Таланту у меня мало было... Въ головѣ много, образы, картины, сцены, а станешь писать...

Онъ безнадежно махнулъ рукой и покорно проговорилъ:

— Это отъ организма... природа такая...

Онъ помолчалъ и потомъ замѣтилъ:

— Да, природа такая. Вотъ даже самъ Черемушкинъ утѣшалъ меня и сказалъ вчера...

Иванъ Ивановичъ живо обернулся къ Макарову и спросилъ:

— А развѣ Черемушкинъ здѣсь?

— Какъ же, какъ же, здѣсь! Учителемъ гдѣ-то въ казенномъ заведеніи состоитъ, роется въ музеяхъ и въ библіотекахъ, археологіей и исторіей искусства все занимается.

Господи, что за душа-человѣкъ! На-днихъ такъ выручилъ, такъ выручилъ меня...

— Да кого онъ не выручалъ!—сказалъ Хопровъ и прибавилъ: — ты лучше разскажи, какъ онъ живетъ, что дѣлаетъ, не женился ли...

И пока Макаровъ сбивчиво и спутанно разсказывалъ о Черемушкинѣ, Хопровъ не безъ удовольствія вспоминалъ объ этомъ человѣкѣ, мягко и благодушно улыбаясь. Съ такой улыбкой вспоминали о Черемушкинѣ всѣ товарищи, которые даже никогда, какъ и Хопровъ, не были его друзьями, не были съ нимъ близки. Въ памяти Хопрова воскресла эта невзрачная фигурка, съ косматыми волосами, съ некрасивымъ худощавымъ лицомъ, съ серьезнымъ выраженіемъ лица. Что влекло къ этому человѣку, мало говорившему, вѣчно рывшемуся въ архивной пыли? Не его ли благодушная улыбка, дѣлавшая обворожительнымъ это некрасивое лицо? Не его ли прямодушіе и честная откровенность съ младшими и старшими? Не его ли вѣчная готовность отдать послѣдній грошъ товарищу, хоть бы этотъ грошъ нуженъ былъ на пьянство. Не его ли философскія воззрѣнія на жизнь, заставлявшія, между прочимъ, его говорить: «Я сержусь не на виноватаго, а на тѣ условія, которыя сдѣлали его виноватымъ?» Хопровъ не могъ дать отвѣта на эти вопросы, но при воспоминаніи о Черемушкинѣ на него какъ бы пахнуло дыханіемъ весны, вспомнились лучшія стороны юности, хорошія минуты въ товарищескихъ кружкахъ, какія-то свѣтлыя грезы, все то хорошее, что бываетъ даже въ самой скверной молодости...

— Нельзя ли пригласить и его въ свидѣтели ко мнѣ на свадьбу?—спросилъ Хопровъ.

— Отчего же нѣтъ, онъ пойдетъ! — обрадовался Макаровъ.

— Такъ пригласи его отъ моего имени.

Хопровъ сталъ прощаться, немного грустный, уже не ругавшій въ душѣ Макарова, а жалѣвшій его теперь. «Тоже ничему не научили и отъ всего отвлекли»,—мелькнуло въ его головѣ. Въ памяти воскресли образы знакомыхъ несчастныхъ лицъ: озлобившійся за свою бездарность и спившійся съ круга бахвалъ Жихаревъ; выгнанный родителями и погибшій въ нищетѣ авторъ «Наказанной комнатной собачки»; дошедшій до цинизма творецъ «Радостей и печалей любви»; хлыщеватый Грибовичъ, вылѣзшій въ люди за «симпатичные тона»; Макаровъ, лишенный вся-

каго дарованія и проведшій годы ученья не въ занятіяхъ живописью, а на посылкахъ у профессоровъ и ихъ законныхъ и незаконныхъ женъ; наконецъ, онъ самъ, попавшій въ академію такъ же случайно, какъ онъ попалъ на клубную сцену, отъ бездѣлья, оттого, что въ былые годы онъ чувствовалъ въ себѣ всякіе таланты и актерскіе, и писательскіе, и художническіе. «Не осуждайте ихъ, господа, а подумайте, кѣмъ и чѣмъ они доведены до этого», пронеслись въ воспоминаніи слова Черемушкина. Онъ глубоко вздохнулъ, пожалѣлъ, что онъ не сошелся во-время съ Черемушкинымъ, тотъ его спасъ бы благими совѣтами, поддержалъ бы. «А теперь вотъ табакомъ торговать буду, Маргарита говоритъ, что это самое подходящее дѣло», — съ ироніей проговорилъ онъ. Его опять охватила злоба, почти бѣшенство. Онъ вошелъ въ свою «мастерскую» и сѣлъ на диванъ, смотря на свои этюды. «Бросить все въ огонь и положить на себя крестъ? Быть табачнымъ торговцемъ и только? Техники нѣтъ, знаній нѣтъ, таланта нѣтъ?» Въ его головѣ мелькнуло воспоминаніе о словахъ Кудрявцева. «Съ Макартомъ сравнилъ!»

— Ну да, и могъ бы быть Макартомъ, если бы не такъ сложилась проклятая жизнь! — громко проговорилъ онъ. — Таланта нѣтъ? Вздоръ! Обстоятельства, люди виноваты, что у насъ не можетъ еще развиваться правильно художникъ. Нищіе мы, потому намъ и нужны еще не художники, а чернорабочіе. Не будь двухъ-трехъ меценатовъ, ни одинъ талантъ не пробилъ бы себѣ дороги; всѣ погибли бы съ голода. Солдатенковы и Третьяковы — вотъ кто спасаетъ еще отъ гибели художниковъ. Меня вонъ господинъ Кудрявцевъ желаетъ теперь спасти. Жаль, поздно явился!

Онъ злобно засмѣялся.

— Поздно! Но все же я имъ покажу, что могло бы изъ меня выйти! Чѣмъ это? «Купающимися ребятишками»?

Онъ на минуту закрылъ руками лицо, охваченный отчаяніемъ. Вдругъ ему вспомнились слова Вѣры Павловны о картинѣ на тему некрасовской «Свадьбы». У него мелькнула въ головѣ злая мысль написать свою Маргариту и себя. Она,—беременная невѣста, онъ—поневолѣ женящійся на ней женихъ. Да, эта картина выйдетъ у него хорошо. Изобразить Маргариту такою, какою она бываетъ въ минуты горя; изобразить себя хлыщеватымъ мастеровымъ, нахальнымъ, способнымъ на все въ минуту отчаянія. Паперть маленькой бѣдной церкви; нѣсколько глазѣющихъ

бабъ и ремесленниковъ; мальчишка-сапожникъ, забѣжавшій съ сапогами въ рукахъ по дорогѣ «на зрѣлище»; франтъженихъ изъ мастеровщины въ лихой позѣ наглеца, идущаго съ безшабашнымъ отчаяніемъ на погибель; понурая невѣста въ интересномъ положеніи, въ шерстяномъ платьѣ и въ дешевенькой «увалѣ», предвидящая впередъ, что мужъ будетъ ее бить, пинать ногами, и тутъ же суетящійся напомаженный дружка, подзывающій извозчика. О, все это удастся ему изобразить.

— Кровью я напишу эту картину, душу вложу въ нее! — воскликнулъ онъ.

И почувствовалъ, что по его спинѣ пробѣгаетъ какой-то холодокъ, въ вискахъ стучитъ точно молоткомъ, а передъ глазами рисуется его картина, яркая, залитая солнцемъ, надрывающая сердце своимъ будничнымъ содержаніемъ.

XII.

Въ одной изъ маленькихъ захолустныхъ церквей Петербургской стороны шелъ обрядъ вѣнчанія. Когда женихъ и невѣста стали къ аналою, женихъ бросилъ искоса взглядъ на черезъ мѣру округленный станъ невѣсты, потомъ перевелъ глаза на ея лицо: оно сіяло счастьемъ. По его лицу скользнула досадливая, злая усмѣшка и гримаса, исказившая это красивое дѣло. Онъ подумалъ: «Счастлива, что закабалила», и тотчасъ же поймалъ себя на этой мысли, понялъ выраженіе своего лица и рѣшилъ: «Вотъ бы теперь съ меня снять фотографію для моей картины». Это были Иванъ Ивановичъ Хопровъ и Маргарита Ѳедоровна Копоненъ. Онъ не слыхалъ, что говорилъ священникъ, и думалъ о своей «жертвѣ», о своей картинѣ, и злился. Если-бъ онъ могъ, онъ оскорбилъ бы свою невѣсту, заставилъ бы ее расплакаться и не смутился бы, а былъ бы даже доволенъ. Невѣста же стояла притихшая, сіяющая, благоговѣйно молясь и благодаря Бога за то, что Онъ отпустилъ ей ея согрѣшенія, допустилъ ее къ честному вѣнцу, благословилъ зачать. Когда вѣнчаніе кончилось, она сказала:

— Надо къ образамъ приложиться!

Онъ машинально повиновался.

Потомъ она сказала:

— Поцѣлуемся!

Онъ слегка пожалъ плечами, точно говоря: «зачѣмъ?» и поцѣловался съ нею. Ей хотѣлось, чтобы «все было, какъ слѣдуетъ», и она очень обрадовалась, когда Макаровъ сталъ

горячо поздравлять ее и ея мужа, больно пожимая имъ руки. Марью Петровну онъ тоже привелъ съ собою на свадьбу и тутъ же замѣтилъ, рекомендуя ее молодымъ:

— Марья Петровна Ѳедорова. Мы вотъ тоже когда-нибудь повѣнчаемся. Теперь нельзя еще. У Марьи Петровны пенсія, существовать надо.

Марья Петровна вздохнула кроткимъ вздохомъ покорности. Маргарита Ѳедоровна поцѣловалась съ нею и тихо, добродушнымъ тономъ шепнула:

— Дай вамъ Богъ скорѣй!

Ей хотѣлось теперь, чтобы всѣ дѣвушки вышли замужъ.

Когда нужно было ѣхать домой, Маргарита Ѳедоровна пригласила всѣхъ въ карету: на переднемъ мѣстѣ сѣли молодые и между ними «свѣшникъ» съ образомъ, занятый у сосѣдей мальчикъ въ красной рубашкѣ и плисовыхъ штанишкахъ; напротивъ, между двумя шаферами-свидѣтелями, Макаровымъ и Черемушкинымъ, помѣстилась Марья Петровна, про которую впередъ замѣтилъ Макаровъ:

— Марья Петровна не займетъ много мѣста!

Дѣйствительно, она, какъ доска, почти не занимала мѣста и изъ смиренія, повидимому, только приткнулась къ сидѣнью.

Хопровъ очень изумился, пріѣхавъ домой и увидавъ въ своей «мастерской» нѣкоторыя преобразованія, въ родѣ прибраннаго въ уголъ мольберта, большого накрытаго бѣлою скатертью стола и гостей, ожидавшихъ «молодыхъ». Гостями были три жильца меблированныхъ комнатъ, молодой офицеръ, только-что поступившій въ академію генеральнаго штаба, пожилой слонообразный банковскій чиновникъ и его молоденькій племянникъ, тоже служивший въ банкѣ, продавщица-шведка, временно замѣнявшая Маргариту Ѳедоровну въ табачной лавкѣ и вѣчно страдавшая флюсомъ то съ одной, то съ другой стороны лица, и, наконецъ, учительница, единственная женщина, жившая въ меблированныхъ комнатахъ Маргариты Ѳедоровны, такъ какъ Маргарита Ѳедоровна по принципу не пускала къ себѣ жить «бабъ», но учительницу, худую и тощую, какъ левретка, впустила, рѣшивъ сразу: «какая же это женщина». Хопровъ поморщился при видѣ гостей, но когда подали шампанское, онъ засмѣялся и подумалъ: «все хочетъ сдѣлать, какъ у людей». Онъ выпилъ бокалъ почти залпомъ, принимая поздравленіе гостей, и ему стало какъ бы веселѣе. Гости усѣлись въ ожиданіи чаю и закуски, а Хопровъ пошелъ въ свою спальню, чтобы захватить папиросъ. Здѣсь онъ остановился въ нѣ-

мелъ изумленія; противъ его нарядно убранной кровати стояла теперь другая точно такъ же убранная кровать; между кроватями лежалъ коврикъ; на коврикѣ стояли двѣ пары новыхъ туфель, а на кроватяхъ лежали на одной свѣтлый капотъ, на другой сѣрый халатъ съ синей атласной отдѣлкой.

— Спальню новобрачныхъ приготовила, сюрпризъ сдѣлала, дурища!—пробормоталъ Хопровъ, саркастически усмѣхаясь.

— За здоровье молодыхъ!—неожиданно раздался голосъ старика банковскаго чиновника.

Хопровъ поморщился. Не послать ли всѣхъ къ чорту? Не сдѣлать ли скандалъ?

— Иванъ Ивановичъ! Иванъ Ивановичъ! — кричалъ весело Макаровъ.

Хопровъ вышелъ въ большую комнату.

— Твое здоровье! — произнесъ Макаровъ съ чувствомъ.

Хопровъ выпилъ еще бокалъ залпомъ, точно стараясь утолить страшную жажду.

— Горько!—крикнулъ слонообразный старикъ.

Маргарита Ѳедоровна обрадовалась и потянулась цѣловаться съ мужемъ. Совсѣмъ такъ, какъ на настоящей свадьбѣ. Не успѣлъ еще Хопровъ отойти отъ нея, какъ кто-то началъ душить его въ объятіяхъ, говоря:

— Какъ я радъ, какъ я радъ за тебя!

Это былъ пришедшій въ умиленіе Макаровъ. Онъ всегда приходилъ въ восторгъ, когда видѣлъ цѣлующихся людей.

Начались приготовленія къ чаю. Маргарита Ѳедоровна сняла вуаль и уже суетилась въ роли счастливой хозяйки, впервые видящей у себя гостей. Гости курили, говорили безъ умолку, чувствуя себя какъ дома; между собой они почти всѣ были знакомы, сталкивались въ коридорѣ, въ кухнѣ. Незнакомыми были только Черемушкинъ, Макаровъ, Марья Петровна, но Макаровъ знакомился и приходилъ въ восхищеніе отъ новыхъ знакомыхъ очень быстро, а Марья Петровна тотчасъ же взяла на себя роль помощницы хозяйки и превратилась въ добровольную служанку, стала украшать столъ, откупоривать бутылки, разставлять приборы. На Черемушкина никто не обращалъ особеннаго вниманія: невзрачный, некрасивый, грустный на видъ, какъ бы сосредоточенный въ самомъ себѣ, онъ сидѣлъ нокуда въ сторонѣ, покуривая папиросы и молчаливо смотря на «суету сует». Общество же, мало-по-малу, начало оживляться, воз-

бужденное шампанскимъ. Гавриленко, молоденькій армейскій офицеръ, только-что поступившій въ академію генеральнаго штаба, провинціалъ съ головы до ногъ, походившій на кадета лѣтъ семнадцати, безъ признаковъ растительности на лицѣ, маленькій, жиденькій, подвижной, съ черными, какъ угольки, глазами, первый началъ разговоръ о живописи и, конфузясь, сознался, какъ въ преступленіи, что онъ тоже рисуетъ «перышкомъ». Макаровъ пришелъ въ восторгъ отъ этого открытія и попросилъ показать что-нибудь нарисованное имъ.

— Я самоучкой,— застѣнчиво пояснилъ офицеръ, краснѣя до ушей. — Вы, господа-художники, критиковать будете, и притомъ у меня такіе сюжеты...

Онъ замялся, искоса взглянувъ на дамъ, и пояснилъ:

— Я съ фотографическихъ карточекъ копирую... съ чего же больше...

Макаровъ все-таки приталъ къ нему и упросилъ показать картины. Офицеръ, весь красный, сбѣгалъ въ свою комнату и принесъ двѣ картинки скоромнаго содержанія. Макаровъ началъ ахать:

— Да у васъ талантъ! Это точно офорты! Вамъ учиться нужно! Какой тонкій штрихъ!

— Это я маленькимъ перышкомъ, — пояснялъ, сіяя отъ восторга, офицеръ:—маленькимъ перышкомъ... Вы серьезно думаете, мнѣ можно учиться?

— Должно! должно! — почти кричалъ въ восторгѣ Макаровъ, тиская его руки.

Хопровъ тоже одобрилъ рисунки.

Учительница, желтая, худая и длинная, какъ жердь, привыкшая среди одинокой жизни, среди лишеній, среди неустаннаго хожденія съ урока на урокъ, держаться по-мужски, сидя теперь положивъ ногу на ногу и куря папиросу, потребовала, чтобы и ей показали рисунки. Офицеръ, походившій теперь цвѣтомъ на варенаго рака, стѣснялся и оттоваривался, но учительница, не терпѣвшая возраженій и, какъ она выражалась, миндальничаній, безцеремонно взяла рисунки и стала разсматривать.

— Мальчишескія поползновенія, а нарисовано хорошо, — рѣшила она послѣ тщательнаго и серьезнаго осмотра рисунковъ.

— Не хорошо, а превосходно, замѣчательно, божественно!— воскликнулъ Макаровъ, махая руками.

Гавриленко почти плакалъ отъ избытка чувствъ, сжимая и тряся руку Макарова. Онъ, путаясь и заикаясь, что бы-

вало съ нимъ всегда въ минуты волненій, объяснялъ теперь Макарову очень сбивчиво, что онъ это началъ отъ скуки, отъ одиночества, въ провинціи: «знаете, если винтить не умѣешь, если не развратился еще». Макаровъ кивалъ въ знакъ согласія головой и повторялъ горячо:

— Да, да! Такъ, такъ!

Неожиданно раздался голосъ Герасимова, молодого бѣлобрысенькаго жильца Маргариты Ѳедоровны, служившаго въ банкѣ. Онъ обратился къ Долгину, тучному, слонообразному, съ отвислымъ подбородкомъ и глазами на выкатъ банковскому чиновнику, и съ упрекомъ сказалъ:

— Видишь, знающіе люди поощряютъ талантъ, а не гасятъ искру Божію!

Всѣ обернулись и взглянули на него: это была полудѣтская милая мордочка, румяная и свѣжая; юноша очень забавно смотрѣлъ теперь нахохлившимся пѣтушкомъ, сидя съ надутыми алыми губами.

— Ну, теперь найдетъ на него!—спокойно и невозмутимо сказалъ старикъ.—Я погубилъ его, я его угасилъ...

Пѣтушокъ загорячился и разразился цѣлымъ потокомъ упрековъ:

— А ты скажешь: нѣтъ? Я, можетъ-быть, теперь имя бы себѣ сдѣлалъ, знаменитостью бы сдѣлался. Ты меня столкнулъ съ этого пути.

— Да, въ банкъ посадилъ, питаешься ты теперь, не ходишь по-міру, штанишки модные носишь. Точно, великое несчастіе!—невозмутимо пояснилъ старикъ.

Всѣ пришли въ нѣкоторое недоумѣніе, немного сконфузились отъ этой семейной ссоры. Всѣ называли Долгина и Герасимова дядей и племянникомъ, хотя эти люди и не были между собою роднею. Нанимали они комнаты всегда вмѣстѣ, ходили въ должность и въ гости тоже вмѣстѣ, за глаза Долгинъ всегда говорилъ только о Герасимовѣ, а Герасимовъ о Долгинѣ и постоянно въ одномъ и томъ же смыслѣ: Долгинъ называлъ Герасимова удивительнымъ и рѣдкимъ человѣкомъ, Герасимовъ называлъ, въ свою очередь, Долгина рѣдкимъ и удивительнымъ человѣкомъ.

— А у васъ былъ, значитъ, большой талантъ?—участливо спросилъ Макаровъ Герасимова.

Долгинъ отвѣтилъ за племянника.

— Подозрѣніе одно было. Молодятина всегда подозрѣваетъ въ себѣ всѣ таланты. Кровь играетъ, ну, и кажется, что и музыкантомъ, и живописцемъ, и актеромъ, и инжене-

ромъ призванъ человѣкъ быть, да еще геніальнымъ. Каждый мальчишка непремѣнно въ извѣстный періодъ считалъ себя Колумбомъ, начитавшись путешествій, а, посѣтивъ впервые оперу, воображалъ, что онъ заткнетъ за поясъ всѣхъ Маріо и Тамберликовъ. Я вонъ въ молодости воображалъ, что изъ меня госпожа Тальони выйдетъ...

Присутствующіе засмѣялись, смотря на этого слона и представляя его порхающимъ въ коротенькой юбочкѣ на сценѣ.

— Да, но, можетъ-быть, все же,—началъ Макаровъ, вступаясь за Герасимова:—если талантъ у нихъ былъ...

Долгинъ сдѣлалъ гримасу.

— Голодъ у него былъ, вотъ что было! Прежде всего ѣсть нужно было. Ну, вотъ теперь общество кормитъ сытнѣе всего въ банкахъ, я его и помѣстилъ въ банкъ: ѣшь и благодари Господа денно и нощно, что отъ бѣды спасенъ.

Начались дебаты. Гавриленко, Макаровъ и Герасимовъ были противъ Долгина, доказывая, что зарывать талантъ грѣхъ. Хопровъ вступился за Долгина и съ нѣкоторымъ драматизмомъ началъ доказывать, что обществу печной горшокъ дороже произведеній искусства, а потому оно и оставляетъ голодать художниковъ. Искусство — роскошь, а наше общество — обществу нянчихъ. Намъ не до искусства. Благо тому, кто можетъ существовать помимо живописи и не возлагать на нее надежд. Спасаются изъ живописцевъ не многіе и эти, по большей части, обязаны спасеніемъ меценатамъ. Анисимова, тощая учительница, рѣзко высказалась за взгляды Хопрова и Долгина, безцеремонно прибавивъ, что «живопись одно шалопайство, если не для наглядnаго обученія». Въ разгарѣ спора, поѣдая обильную закуску и попивая водку, пиво и вино, всѣ разоткровенничались. Гавриленко опять сознался, что онъ пристрастился къ рисованію не потому, что художникомъ хотѣлъ сдѣлаться, а потому, что не любилъ кутить съ офицерами, въ винтъ не умѣлъ играть, барышень интересныхъ не встрѣчалъ въ городѣ, скучалъ въ провинціи и «надо же было какъ-нибудь убивать время». Макаровъ слезливо пояснилъ, что при его слабомъ здоровьи и неподготовленности ни къ чему, «куда же ему было идти», разъ его пристроили въ академію? Хопровъ опять впалъ въ драматизмъ и заявилъ, что, «взглянувъ трезво на вещи, онъ рѣшилъ не дѣлать изъ искусства дойной коровы, а служить ему безкорыстно, существуя чернымъ трудомъ». Герасимовъ все еще дулся, оттопыривъ сочныя губы, и могъ только замѣтить, что онъ

остается при своемъ мнѣніи о томъ, что его погубилъ дядя, а какъ погубилъ—пусть онъ самъ разсказываетъ.

— И разскажу! Ты думалъ, что не разскажу? Нѣтъ, разскажу! — почти крикнулъ Долгинъ и сталъ разсказывать, набивая ротъ ѣдою и запивая ее виномъ.

Герасимовъ не кончилъ гимназіи; сиротой безъ средствъ остался на мостовой и потому не кончилъ ученья. Погранилъ онъ мостовую и достукался до больницы. Тутъ-то и познакомился съ нимъ Долгинъ, услыхавъ о его положеніи отъ знакомаго доктора. Онъ, Долгинъ, старый холостякъ, коптилъ небо даромъ; въ краску его даже бросило, когда онъ услыхалъ, что вотъ такой мальчугашка гибнетъ съ голоду, а онъ, старый кабанъ, только жретъ. Ну, пошелъ, посмотрѣлъ на мальчугашку.

— Вонъ, смотрите, какая мордочка?—обратился онъ къ присутствующимъ, указывая на Герасимова.

Всѣ засмѣялись.

— Старый дуракъ!—проворчалъ надувшійся Герасимовъ и не могъ удержаться отъ улыбки.

Долгинъ продолжалъ разсказывать. Мальчишка оказался брыкливый: помощи не хочу, милостыни не прошу, чужимъ не желаю одолжаться. Изъ дуракова племени, значитъ. Пришлось около него повозиться. Однако, уломали кое-какъ мальчишку, перевезли къ Долгину. Началось новое брыканье: чувствую призваніе къ искусству, къ живописи, къ музыкѣ. Опять пришлось ломать, да ужъ тутъ чуть не съ дракою. Нужно было доказать, что это искусство, всѣ эти призванія, всѣ эти таланты плевка не стоятъ, что нужно прежде всего жрать, и когда нажрешься, имѣть возможность смотрѣть, какъ для тебя ломаются всѣ эти голодные скоморохи, живописцы, пѣвуны, писатели, актеры, шарманщики.

— Нѣтъ, вы послушайте этого стараго циника!—воскликнулъ съ азартомъ Герасимовъ. — Слушать противно! Хоть бы ты людей постыдился!

Долгинъ вдругъ какъ-то особенно запыхтѣлъ, точно паровикъ, и въ волненіи, уже немного подпивши, громко произнесъ:

— Да, циникъ, циникъ!.. Я вамъ, господа, вотъ, что скажу. Ему я даже, поросенку этому, никогда не говорилъ этого, а теперь скажу. У меня братъ былъ, старшій братъ. Любилъ я его, любилъ такъ, что вотъ этого чижа поганаго не такъ люблю. И вздумалъ этотъ мой братъ, что у него талантъ художника, вздумалъ и, бросивъ все, принялся за

живопись. Отецъ-съ у насъ былъ изъ старыхъ военныхъ, изъ выслужившихся, изъ аракчеевцевъ. Никакихъ такихъ талантовъ и живописей онъ не признавалъ, развѣ только иногда допускалъ живопись на чьей-нибудь рожѣ. Ну-съ, онъ и нашелъ прежде всего самымъ подходящимъ выбить изъ брата талантъ. Понимаете, господа, что это вынесъ братъ, какія такія живописи на своемъ собственномъ тѣлѣ, татуировки эти самыя? Вотъ-съ, вынесъ онъ все, а убѣжденіе, что у него талантъ, укоренилось еще сильнѣе, вбилось, такъ сказать, въ него, кровью освятилось. Рѣшился онъ бѣжать и порвать всякую связь съ отцомъ. Бѣжалъ, порвалъ связь, былъ проклятъ отцомъ и — какъ въ воду канулъ...

Старикъ перевелъ духъ и, быстро смахнувъ слезу, торопливо закончилъ дрожащимъ, обрывающимся голосомъ:

— Черезъ пять лѣтъ послѣ смерти отца я нашелъ брата въ Питерѣ и закрылъ ему глаза: съ голоду онъ умеръ, съ голоду-съ...

Онъ быстро взялъ бутылку пива, налилъ полный стаканъ и залпомъ осушилъ его, потомъ посмотрѣлъ на Герасимова и тихо мягкимъ голосомъ сказалъ:

— Поросенокъ... Недоставало еще, чтобы и ты когда-нибудь подохъ...

Онъ оборвалъ рѣчь и махнулъ рукою.

— Да, много жертвъ принесется, прежде чѣмъ искусство пріобрѣтетъ полное право на существованіе,—проговорилъ чей-то глухой голосъ.

Всѣ обернулись: это говорилъ Черемушкинъ, молчавшій почти въ теченіе всего вечера. Хопровъ обернулся къ нему.

— Да ты-то, дружище Николай Андреевичъ, лучше всѣхъ насъ знаешь, какъ оно обставляется,—проговорилъ онъ.

Всѣхъ заинтересовало, почему Черемушкинъ лучше всѣхъ это знаетъ. Хопровъ объяснилъ: Николай Андреевичъ самъ прошелъ весь академическій курсъ, прошелъ его не для того, чтобы писать картины для продажи, а чтобъ изучить искусство, научиться и самому рисовать для себя лично. Во все время своего пребыванія въ академіи, онъ интересовался всѣми мелочами быта художниковъ, собиралъ всякія свѣдѣнія по этой части.

— Да вы что же писать объ этомъ хотите, что ли?—спросилъ Долгинъ Черемушкина, перебивъ Хопрова.

— Нѣтъ,—отвѣтилъ Черемушкинъ и по его некрасивому лицу скользнула удивительно мягкая, чарующая улыбка:—

просто натура такая, могу я по цѣлымъ часамъ наблюдать, какъ муравьи свою кучу созидаютъ, какъ пауки паутину плетутъ...

Онъ съ милымъ добродушіемъ подшутилъ надъ собой:

— Любознательность значитъ!

— Зато и накопилъ онъ наблюденій—вороха цѣлые,—сказалъ Хопровъ.

— А должно-быть, въ этой жизни много и веселаго, и смѣшного; воля полная тутъ,—замѣтилъ Гавриленко.

— Какъ смотрѣть,—отвѣтилъ Черемушкинъ.—Вонъ спросить бы покойнаго натурщика Тараса Михайлова, смѣшно ли ему было, какъ рука у него отнялась. Заставили человѣка стать вотъ въ такую позу: онъ остановился какъ бы съ разбѣга, уперся лѣвой рукой въ колѣно, правую зонтикомъ къ глазамъ приставилъ. Простоялъ онъ это часа полтора такъ, кажется, поза легкая, а какъ распрямился—лѣвая-то рука и отнялась. Нѣсколько недѣль не владѣлъ ею, потомъ только вылѣчился и напился на радостяхъ пьянъ. А Иванъ... помнишь,—обратился онъ къ Хопрову:—сталъ въ позу, а тутъ вдругъ женщины въ классъ вошли, его, какъ колпакомъ стекляннымъ, потомъ покрыло, соскочилъ онъ, убѣжалъ за ширму, весь мокрый, пыхтитъ и вытирается, къ чорту всѣхъ посылая... Что-жъ, это, пожалуй, и смѣшно... Но памятнѣе всего мнѣ, какъ привели маленькаго натурщика, уложили его, подперли ему голову рукой, полежалъ онъ съ полчаса, затекла его ручонка, вздумалъ онъ перемѣнить позу, а ему со всѣхъ сторонъ кричатъ: «Не шевелись, не шевелись!» Какъ разревется онъ, бѣдняга, мы всѣ даже дрогнули, бросились утѣшать его, кто-то пирожковъ и конфетъ притащилъ ему, а дитя такъ и рыдаетъ...

Черемушкинъ на минуту смолкъ.

— Да, сценки комическія, а жизнь—подвалы были темные, сырые, жалованьишко грошовое, ѣда впроголодь, пьянство съ горя. Газъ не горѣлъ въ бѣлые дни въ этихъ трущобахъ отъ спертаго воздуха. А люди въ этой каморкѣ должны были и формы тѣла, и колоритъ кожи сохранять, не то и мѣсто можно было потерять... И среди этого люда были и такіе люди, какъ Тарасъ Михайловъ. Посмотрите его на Аничковомъ мосту. Что за формы! Что за позы! Самъ угадывалъ чутьемъ, что надо художнику, на ученическихъ работахъ вмѣсто профессоровъ отмѣтки ставилъ по достоинству, безъ ошибки, великій художникъ въ душѣ...

Хопровъ замѣтилъ, немного воодушевленный воспоминаніями:

— Да, вѣдь мы застали еще кусочекъ героическаго и легендарнаго существованія академіи.

— Какъ же, какъ же! — съ милой улыбкой согласился Черемушкинъ, отрываясь отъ пріятныхъ воспоминаній. — Помнишь Станкевича Вѣчнаго архитектора-бродягу? Вотъ, господа, такіе романы только можно написать, выводя его въ герои. Пришелъ онъ изъ Кутаиса. Отецъ приказалъ поступить на архитектурные классы, а онъ батальнымъ живописцемъ рѣшился быть. Отецъ отрекся отъ него. Пошелъ онъ, когда разъ продалъ все, махнулъ съ пятьюдесятью рублями въ Америку. Вывѣски тамъ писалъ, себѣ ли краски. Батракомъ на фермахъ служилъ, дважды разъ чуть убитъ не былъ, сколотилъ кое-какія крохи, пріѣхалъ снова въ Петербургъ, опять поработалъ въ академіи, опять вырустнулъ съ сидѣнья на одномъ мѣстѣ, потянуло на Кавказъ къ матери, а оттуда — потянуло дальше... Вѣчный бродяга...

Онъ обернулся къ Хохрову:

— А знаешь, на югѣ я раза два читалъ о выставкахъ его картинъ.

— Значитъ, живъ? — спросилъ Хохровъ.

— Да, бродяжничаетъ и пишетъ. И что за душа была у человѣка: вѣчно въ кабакѣ, коверкотъ человѣкъ въ рубахѣ.

— Ну, Куневъ вотъ не то, а тоже примѣръ въ Петербургѣ по призванію, — вставилъ Хохровъ.

— Куневъ — это, братъ, тоже преоригинальная натура — отвѣтилъ Черемушкинъ. — Хохлацкое самолюбіе, самодовольная смѣлость и полная беззаботность, невѣжество и непроходимое... Дѣйствительно, онъ бросилъ своихъ родителей, а былъ, будучи простымъ крестьянскимъ мальчишкой. Природа его наградила, феноменъ, самородокъ, сами товарищи потянули его за уши, дотянули до нѣсколькихъ медалей, до званія художника, но дотянули только до образованія, до таланта.

— Помнишь, какъ онъ въ мундирѣ къ отцу ѣздилъ? — спросилъ Хохровъ.

— Какъ же, а потомъ сѣтовалъ, что онъ уши не прицѣплялъ къ медалямъ и въ карманѣ ихъ носилъ.

— А разъ, когда онъ явился на похоронахъ профессора Г[illegible]?

— Это когда его акварелью расписали на другой день? Надо было, видите ли, идти получать стипендію, а онъ весь въ синякахъ отъ побоища, ну, и позвалъ акварелиста, тотъ его такъ расписалъ, что и въ правленіе можно было идти.

Черемушкинъ задумался и проговорилъ:

— Да, а вотъ другой такой же пришедшій по призванію въ академію человѣкъ, Амвросихой его звали, тянулъ лямку и вдругъ созналъ, что призваніе есть, а таланта нѣтъ. Изломалъ онъ кисти и ушелъ на Сѣнную капусту рубить осенью, порубилъ капусту и вдругъ нежданно-негаданно ушелъ въ монастырь кончать вѣкъ въ монахахъ... Вотъ они, наши легендарные герои. Теперь нравы иные въ академіи, только едва ли лучшіе... Маклаки стали нарождаться, конкуренція охватила всѣхъ...

— Я вотъ тоже всегда Ванѣ говорилъ, что мазня эта самая—это одна мечта, такъ, для времяпровожденія хороша только,—неожиданно проговорила Маргарита Ѳедоровна.

— Много ты понимаешь!—оборвалъ ее Хопровъ.

Молодой офицеръ въ эту минуту очень кстати далъ другое направленіе разговору. Ужъ давно наѣвшись чисто по-кадетски, онъ разсматривалъ альбомъ Хопрова и спросилъ:

— А кто эта дѣвица?

Хопровъ заглянулъ въ альбомъ и отвѣтилъ уклончиво:

— Такъ, барышня одна.

Это былъ портретъ Вѣры Павловны.

— Въ разныхъ видахъ рисовали,—сказалъ Гавриленко.

— Влюбленъ, вѣрно, былъ,—сказалъ Макаровъ.—У художниковъ всегда можно узнать, въ кого они влюблены. Это съ Рафаэля ведется.

Онъ засмѣялся своимъ жидкимъ смѣхомъ. Всѣ стали смотрѣть, въ кого былъ влюбленъ Хопровъ. Маргарита Ѳедоровна тоже полюбопытствовала. Офицеръ удивился:

— Неужели, это правда?

— Какъ же, вотъ нашъ знаменитый скульпторъ Куроѣдовъ, такъ тотъ въ кого влюбится, такъ сейчасъ и проситъ: «Позвольте вашу головку вылѣпить»,—пояснилъ Макаровъ.

Начались анекдоты о томъ, въ кого кто изъ художниковъ былъ влюбленъ. Среди говора и смѣха Маргарита Ѳедоровна спросила у Хопрова:

— А она жива?

— Кто это, она?—спросилъ онъ, пожимая плечами.

— А вотъ та, которую ты рисовалъ?

Всѣ засмѣялись.

— Ахъ, ревнуете! Вы за нимъ смотрите въ оба.

— Что-жъ, онъ теперь женатъ, о другихъ нечего думать!—отвѣтила Хопрова.

— А если вотъ вздумается думать?—насмѣшливо сказалъ Хопровъ.

— Это ужъ послѣднее дѣло для женатаго. И холостые довольно нашу сестру губятъ, а женатые—тутъ поправить грѣха нельзя.

— Еще бы, кандалы надѣты!—рѣзко сказалъ Хопровъ.

— Законъ соблюдать нужно!—отвѣтила Маргарита Ѳедоровна.

Было уже далеко за полночь, приходилось кончить пиръ. Всѣ, пошатываясь, поднялись съ мѣстъ, поблагодарили заплетающимся языкомъ хозяевъ и стали расходиться. Хозяева остались одни. Хопровъ поспѣшилъ въ свою спальню, быстро раздѣлся и, завернувшись съ головой въ простыню и одѣяло, обернулся лицомъ къ стѣнѣ. Совсѣмъ захмелѣвшій, онъ чувствовалъ себя скверно, въ угнетенномъ состояніи духа. Ему хотѣлось ничего не видѣть, не слышать. Когда Маргарита Ѳедоровна, прибравъ кое-что со служанкой и шведкой съ флюсомъ посуду, вошла въ спальню, онъ уже спалъ тяжелымъ сномъ и слегка стоналъ, точно кто-то душилъ его.

XIII.

Въ одинъ изъ воскресныхъ дней утромъ въ «мастерскую» Хопрова зашли Герасимовъ и Гавриленко поболтать съ нимъ и посмотрѣть на его «Свадьбу». «Свадьба» довольно туго подвигалась впередъ, но, тѣмъ не менѣе, главныя фигуры уже были настолько набросаны, что было возможно предугадывать, что изъ нихъ выйдетъ. Герасимовъ и Гавриленко смотрѣли на нихъ чуть не съ благоговѣніемъ, какъ на первые зародыши великаго произведенія. Герасимовъ при видѣ этого произведенія впадалъ въ элегическій тонъ, думая о томъ, что, можетъ-быть, и онъ создалъ бы нѣчто подобное, если-бъ «дядя» не отвлекъ его отъ живописи, а Гавриленко приходилъ въ изумленіе и проникался уваженіемъ къ Хопрову, когда тотъ выяснялъ ему небрежно тайны искусства: «Надо писать мазками, зализанность никуда не годится», «самое трудное уловить вѣрные и эффектные ракурсы», «игра свѣто-тѣни имѣетъ огромное значеніе» и, далѣе забрасывая слушателя терминами въ родѣ «подмалевка», «тона», «красочность», Хопровъ неизмѣнно поправлялъ Гавриленко, когда тотъ говорилъ: «Рисовать картину», словами: «Писать картину». Глядя немного свысока на обоихъ наивныхъ юношей, Хопровъ все же чувствовалъ къ нимъ извѣстную симпатію,

какъ къ первымъ своимъ поклонникамъ. Онъ съ удовольствіемъ полулежалъ теперь на диванѣ и наблюдалъ за ними, разсматривавшими съ любопытствомъ его начатую работу, и совѣтовалъ имъ: «Отойдите подальше, вправо, такъ лучше видно». Гавриленко, нѣсколько стѣсняясь и конфузясь, спросилъ его вполголоса:

— Вы это Маргариту Ѳедоровну изобразили?

— Узнали, — отвѣтилъ Хопровъ и съ гримасой добавилъ:—хотя, конечно, она не совсѣмъ такова...

Онъ усмѣхнулся.

— Ужасно разсердилась она, что не прикрасилъ ея, а придалъ ей съ намѣреніемъ болѣе жалкій видъ...

Въ головѣ Хопрова промелькнуло воспоминаніе о сценѣ, сдѣланной ему Маргаритою Ѳедоровною, когда она увидѣла впервые свое изображеніе. Обыкновенно невозмутимая и спокойная, она сильно разсердилась, взглянувъ на эту картину. Въ ней заговорило женское самолюбіе.

— Развѣ я такая? — сердито проговорила она. — Богъ знаетъ, что намалевалъ...

— А развѣ и не такая?—съ насмѣшкой спросилъ Хопровъ.

— Урода намазалъ!—обидчиво сказала она.—Стыдъ и срамъ! Людямъ на потѣху, что ли, вышутить хочешь!

— Много ты смыслишь!—отвѣтилъ онъ и, видя, что она не на шутку сердится, прибавилъ:—Ничего ты не понимаешь. Это не окончено, подмалевка одна...

И уже насмѣшливо добавилъ:

— Кончу, красавицей выйдешь!

Она, все еще не успокоившаяся, отрывисто замѣтила:

— Никогда не кончишь, даромъ только холстъ пачкаешь...

Они разругались. Теперь, вспоминая, какъ его жена каждый разъ, заходя въ его комнату, или отворачивалась отъ его картины, или плевала въ ея сторону, онъ подумалъ: «А и подлую же рожу изобразилъ я».

— Да, ужъ не польстили ей,—сказалъ Гавриленко, какъ бы угадывая его мысли.

Герасимовъ серьезно пояснилъ:

— Развѣ вы не понимаете, что это было нужно по смыслу картины. Въ этомъ-то и выражается ея глубокая идея.

И, указавъ на лицо жениха, сказалъ:

— Вѣдь и это не Иванъ Ивановичъ, хотя сходство внѣшнее и есть. Это некрасовскій женихъ, это человѣкъ, невольно связавшій себя по рукамъ и ногамъ, попавшій въ безвыходное положеніе, полный безшабашнаго отчаянія, и

вы чувствуете, что онъ будетъ мстить за принесенную имъ жертву.

Хопрову польстило, что Герасимовъ угадалъ смыслъ его картины чуть ли не лучше его самого, и онъ не безъ мелодраматизма замѣтилъ:

— Да, господа, это нужно прочувствовать, пережить, чтобы такъ изобразить. Это кровью пишется.

Герасимовъ молча подошелъ къ нему, крѣпко пожалъ ему руку и съ чувствомъ сказалъ:

— Я васъ понимаю!

И, вспомнивъ, что «дядя» загубилъ его талантъ, не пустивъ его идти на ту дорогу, куда влекло его «призваніе», онъ добавилъ:

— Ужасно, когда близкіе люди не понимаютъ, не въ состояніи понять того, что въ душѣ человѣка. Они могутъ быть добрыми, честными, любящими, но что же вы станете дѣлать, если они лишены чуткости?

— Ну, Ивану Ивановичу наплевать на чужія мнѣнія, за него говорятъ его работы, — горячо сказалъ Гавриленко.

— Да, а каково слышать каждый день, что эта работа мазня, маранье, отъ бездѣлья рукодѣлье!—проговорилъ Хопровъ со вздохомъ и прибавилъ:—Каково сознавать, что и уйти отъ этого некуда!

Герасимовъ вздохнулъ.

— Я васъ вполнѣ понимаю. Это—адъ!

Хопровъ любилъ эти бесѣды съ Герасимовымъ и Гавриленко, съ которыми онъ искренно сблизился, любилъ съ ними просиживать цѣлые часы въ трактирахъ, послѣ театра, иногда рисоваться несчастіями своей жизни, иногда передавать имъ сотни холостыхъ анекдотовъ, удивляя слушателей своими остротами, умѣньемъ подражать жидамъ и армянамъ, всѣмъ тѣмъ, что такъ легко усваивается на разныхъ клубныхъ сценахъ, среди бездѣльничающаго люда. Онъ сознавалъ, что они ровно ничего не понимаютъ въ живописи, но ему очень льстили восторги передъ его начатыми произведеніями этихъ платоническихъ любовниковъ искусства. Передъ этой «толпой», передъ этими профанами въ искусствѣ онъ могъ являться жрецомъ искусства и поражать ихъ кабалистическими словами. Но еще болѣе по душѣ ему было то, что они понимали его положеніе «жертвы», и онъ даже не сердился на нихъ, когда они посылали по адресу его жены не особенно лестные эпитеты. Чѣмъ искреннѣе сочувствовали они ему, тѣмъ сильнѣе вздыхали о

его положенія, тѣмъ сильнѣе чувствовалъ онъ размѣры «своей жертвы» и находилъ въ этомъ особое наслажденіе, рисуясь и позируя въ эффектной роли героя. Въ сущности, жилось ему теперь хорошо, но онъ даже передъ самимъ собою еще не рѣшался сознаться, что онъ и созданъ для этого сѣраго халата съ синими атласными отворотами и съ синими шелковыми шнурками и кистями и для этихъ вышитыхъ синимъ шелкомъ и золотой канителью туфлей, подаренныхъ ему въ день свадьбы Маргаритой Ѳедоровной. Разомъ сжечь свои корабли и истребить воздушные замки трудно; хотѣлось прежде нарисоваться, поныть, оповѣстить всѣхъ, что эта жертва приносится поневолѣ, подъ вліяніемъ роковыхъ обстоятельствъ, съ кровавыми слезами. Иногда, нѣжась и покоясь въ халатѣ и туфляхъ, онъ вдругъ какъ бы приходилъ въ себя, какъ бы заставалъ себя на мѣстѣ преступленія и вдругъ съ какимъ-то ожесточеніемъ начиналъ думать о томъ, что Маргарита Ѳедоровна его окончательно погубила, тащитъ куда-то въ тину, разрушила въ немъ всѣ лучшія мечты и грезы. Онъ начиналъ вспоминать, какъ много онъ прежде работалъ, не имѣя даже сноснаго угла, ходя въ дырявыхъ сапогахъ, преувеличивалъ свою прежнюю дѣятельность и, сравнивая прошлое съ настоящимъ, взваливалъ всю вину на Маргариту Ѳедоровну. «Поневолѣ руки опустятся, когда только и слышишь, что глупости и пошлости, когда дня нѣтъ покойнаго, когда ежеминутно врываются къ тебѣ», разсуждалъ онъ. «Навинтившись» на этотъ мелодраматическій строй и въ это утро, онъ вышелъ изъ дому съ угрюмымъ выраженіемъ лица. Онъ шелъ къ Кудрявцевымъ, чтобы получить деньги за портретъ tante Marie. Этотъ портретъ былъ такъ же не оконченъ, какъ и портретъ Варвары Николаевны, но Хопровъ самъ сознался въ душѣ, что дальше писать нечего, нельзя и рѣшилъ, что онъ оконченъ. Этотъ портретъ вообще подвигался впередъ медленно, что, впрочемъ, не было непріятно для tante Marie. Она сентиментально склоняла на бокъ голову, любуясь и имъ, молодымъ художникомъ, очаровавшимъ старую дѣву, помѣшанную на романахъ и платонически влюбленную во всѣхъ молодыхъ и талантливыхъ представителей искусства, оперныхъ пѣвцовъ, французскихъ актеровъ, даровитыхъ художниковъ, краснорѣчивыхъ адвокатовъ, хорошо служащихъ обѣдни дьяконовъ, кудрявыхъ монастырскихъ послушниковъ.

— О, какой у васъ талантъ!—шептала она восторженно, глядя на произведеніе Хопрова.

Дѣйствительно, она имѣла основаніе восхищаться портретомъ. Ея накрашенныя брови на портретѣ смотрѣли совершенно настоящими бровями, ея взбитые, какъ пѣна, жиденькіе волосы, казались подъ кистью Хопрова густыми, ея дряблая шея утопала на холстѣ въ массѣ черныхъ кружевъ испанской косынки и эти же кружева придавали ея желтому лицу бѣлизну, а выцвѣтшіе, «дешевые», какъ называлъ ихъ мысленно Хопровъ, глаза приняли выраженіе томной мечтательности. Все это вмѣстѣ взятое заставляло старую дѣву восхищаться портретомъ и говорить:

— Это я, какъ живая!

Не щадящая никого въ своихъ насмѣшкахъ, Варвара Николаевна называла tante Marie «ходячей элегіей». Это прозвище было, конечно, извѣстно только въ тѣсномъ семейномъ кружкѣ. Когда же молодая вѣтреница увидала портретъ тетки, она даже разсердилась на то, что Хопровъ точно подслушалъ ея шутку и написалъ вмѣсто tante Marie «музу мечтаній и элегій подъ осень жизни». Позволяя себѣ подшучивать надъ старой родственницей, она вовсе не допускала, чтобы посторонніе смѣялись надъ нею, тѣмъ болѣе, что tante Marie была, помимо своей мечтательности и платоническихъ обожаній, воплощенной добротой, любимицей всѣхъ «униженныхъ и оскорбленныхъ», разной прислуги и разныхъ ребятишекъ и бѣдняковъ. Тѣмъ не менѣе, сердясь на Хопрова, Кудрявцева не могла не согласиться, что портретъ Хопрова удаченъ, не могла не признать этого уже и потому, что имъ восхищалась сама наивная tante Marie. Варвара Николаевна, однако, не удержалась отъ гнѣва передъ братомъ и замѣтила рѣзко, что это не портретъ, а «пасквиль».

— Ну, это уже черезчуръ! — съ улыбкой остановилъ сестру Кудрявцевъ.—Пожалуй, это можно назвать легкой сатирой, маленькой карикатурой, удачнымъ шаржемъ, но не пасквилемъ. Ты видишь, tante Marie довольна, значитъ, тутъ нѣтъ ничего оскорбительнаго.

Потомъ онъ съ невольной грустью замѣтилъ:

— Этотъ портретъ убѣждаетъ меня еще болѣе, что Хопровъ очень большой талантъ и что этотъ талантъ можетъ совершенно погибнуть, если его не поддержать, не развить. По техникѣ, по законченности эта вещь ничего не стоитъ, по талантливости—это превосходное произведеніе, яркая характеристика...

— Яркая характеристика!—горячо перебила Варвара Николаевна.—Чего? Слабой стороны tante Marie!

— Да, того, что прежде всего бросается въ глаза,—согласился братъ.

Онъ прошелся по комнатѣ въ глубокомъ раздумьи.

— Но какъ помочь? Я совсѣмъ не знаю этого господина, что онъ за человѣкъ, способенъ ли онъ серьезно отдаться дѣлу, развить лежащіе въ немъ задатки, наверстать потерянное.

Варвара Николаевна пожала нетерпѣливо плечами.

— Ты говоришь объ этомъ такъ, точно его судьба касается насъ! Кажется, намъ нѣтъ никакого дѣла до него...

Братъ покачалъ головой.

— Нѣтъ никакого дѣла до того, что на нашихъ глазахъ можетъ погибнуть несомнѣнный талантъ? Полно! На то мы и богатые люди, чтобы оказывать помощь тамъ, гдѣ мы можемъ это сдѣлать. Ты не любишь его и потому смотришь такъ сухо на его участь. Я самъ не особенно симпатизирую ему лично, хотя и мало его знаю. Но въ дѣлѣ помощи ближнему прежде всего надо не вмѣшивать свои личныя симпатіи или антипатіи.

Онъ мягко усмѣхнулся.

— Это только чувствительныя барышни подаютъ милостыню не потому, что человѣкъ голоденъ, а потому, что онъ симпатичный и миленькій...

— Да, да, ты правъ,—согласилась Варвара Николаевна, стараясь принять серьезное выраженіе. — Тоже бываютъ такіе люди, что съ опасностью для своей жизни готовы въ воду броситься за утопающимъ щенкомъ, чтобы только заслужить благосклонную улыбку какой-нибудь дамы своего сердца.

Онъ понялъ намекъ и ласковымъ взглядомъ взглянулъ на сестру.

— Ты не ошиблась,—отвѣтилъ онъ добродушно.—Бываютъ и такіе благодѣтели. Мнѣ не для чего скрывать, что мною руководятъ тѣ же побужденія. Я воображаю, какъ счастлива была бы Вѣра, если бы изъ него вышло что-нибудь крупное. Она такъ много и такъ часто говорила мнѣ о немъ.

— А ты знаешь, что онъ сказалъ бы, если бы ты помогъ ему?—рѣзко спросила сестра.—Сказалъ бы, что ты платишь ему за то, что отбилъ у него невѣсту.

Кудрявцевъ поморщился и проговорилъ:

— Очень можетъ быть. Онъ, кажется, очень недалекій человѣкъ. Но до этого мнѣ нѣтъ никакого дѣла.

— Что же ты намѣренъ сдѣлать для этого господина? — съ усмѣшкой спросила его сестра. Заставить его написать еще десять портретовъ со всѣхъ нашихъ родныхъ, знакомыхъ и слугъ? Коллекцію неконченныхъ портретовъ составить?

Братъ покачалъ отрицательно головой.

— Это принесетъ мало пользы. Хотя съ этого приходится начать.

Въ воскресенье, когда къ Кудрявцевымъ зашелъ Хопровъ, Николай Николаевичъ приказалъ лакею попросить господина Хопрова завернуть отъ Марьи Ивановны на его половину. Иванъ Ивановичъ, услышавъ приглашеніе, сдѣлалъ гримасу, обругалъ въ душѣ Кудрявцева за то, что этотъ невѣжа и нахалъ не вышелъ къ нему самъ, а проситъ его къ себѣ. Тѣмъ не менѣе, онъ пошелъ за слугою по ряду роскошно убранныхъ комнатъ по направленію къ кабинету Кудрявцева. Николай Николаевичъ уже ждалъ его и встрѣтилъ на порогѣ своего кабинета. Онъ поздоровался съ нимъ и провелъ его къ себѣ. Пригласивъ его сѣсть и молча подвинувъ ящикъ съ сигарами, Кудрявцевъ, по обыкновенію, немного теряясь и конфузясь, заторопился расплатиться съ нимъ за портретъ tante Marie.

— О, вы слишкомъ щедры,—небрежно проговорилъ Хопровъ, принимая безъ счета деньги.—Я уже и такъ вознагражденъ Маріей Ивановной: она сегодня сдѣлала мнѣ подарокъ.

Онъ показалъ на палецъ, на которомъ красовалось кольцо съ брильянтомъ. Кудрявцевъ едва замѣтно усмѣхнулся и коротко замѣтилъ:

— Это отъ избытка восторга.

И, сдѣлавшись очень серьезнымъ, подавляя свое смущеніе, онъ озабоченно проговорилъ:

— Я хотѣлъ проговорить съ вами серьезно и откровенно, и потому пригласилъ васъ сюда... чтобы не помѣшали...

Въ головѣ Хопрова, при видѣ смущенія Кудрявцева, мелькнула глупая мысль: «Ужъ не насчетъ ли моихъ прежнихъ отношеній къ Вѣрѣ Павловнѣ? Боится, можетъ-быть, впросакъ попасть».

— Къ вашимъ услугамъ,—развязно произнесъ онъ вслухъ.

«Вотъ можно бы комедію разыграть,—пронеслось въ его головѣ.—Не поблагодарила бы меня Вѣра Павловна».

— Неужели вы думаете ограничить свою дѣятельность одной портретной живописью?—спросилъ Кудрявцевъ.

— Изъ чего это вы заключаете?—отвѣтилъ Хопровъ и

не удержался отъ лжи.—Я пишу давно уже большую картину, а портреты—это занятіе между дѣломъ, чистая случайность. Я согласился на это изъ простой любезности...

Лицо Кудрявцева на минуту сдѣлалось грустнымъ. Онъ сразу понялъ, что Хопровъ или лжетъ, или обманывается насчетъ своихъ способностей. Большой картины теперь онъ не можетъ написать. Для Кудрявцева, съ дѣтства знакомаго съ искусствомъ, это было ясно, какъ день. Онъ совершенно просто и вполнѣ искренно задалъ Хопрову вопросъ:

— И вы думаете, что вы вполнѣ справитесь со своею задачею?

Хопрову кровь бросилась въ голову, точно его глубоко оскорбили, и онъ почти дерзкимъ тономъ запальчиво отвѣтилъ:

— Что вы этимъ хотите сказать, что я бездарность, неучъ? Я, кажется...

Кудрявцевъ положилъ свою руку на его руку, останавливая его на полусловѣ, и мягко, но твердо замѣтилъ:

— Не сердитесь, я желалъ бы поговорить съ вами, какъ съ человѣкомъ, котораго я уже считаю не чужимъ, не посторонниимъ и въ которомъ я вижу громадные задатки таланта...

Хопровъ, не ожидавшій этого оборота разговора, этой похвалы, растерялся и не зналъ, что отвѣтить. Онъ часто или, вѣрнѣе сказать, постоянно ругалъ въ душѣ Кудрявцева, но въ то же время не могъ не сознать, что этотъ человѣкъ былъ знатокомъ въ искусствѣ, «на тятенькины деньги всякую премудрость произошелъ», какъ выражался онъ мысленно. Похвала Кудрявцева имѣла для него уже не то значеніе, какое имѣли въ его глазахъ похвалы Гавриленко и Герасимова. Хвастая передъ послѣдними своими талантами, онъ не разъ говорилъ имъ: «Самъ господинъ Кудрявцевъ съ Макартомъ сравнилъ мой талантъ». Кудрявцевъ продолжалъ:

— Помните, вы какъ-то назвали меня смиренникомъ или скромникомъ—не помню точнаго выраженія—за то, что я сказалъ, что я не смѣю еще называть себя ученымъ. Вы ошиблись тогда: я не смѣю называть себя ученымъ не изъ скромности, а просто потому, что я еще не доучился, что я еще долженъ учиться, и считаю неудобнымъ хвастать тѣмъ, чего нѣтъ. Это не мѣшаетъ, конечно, мнѣ воображать себя въ будущемъ и Дарвиномъ, и Спенсеромъ, и... геніемъ, однимъ словомъ...

Онъ усмѣхнулся.

— Не обижайтесь же, что я прямо скажу и про васъ: вамъ надо учиться, учиться и учиться.

Хопровъ вспылилъ снова и обозвалъ мысленно своего собесѣдника «нахаломъ» и «мальчишкой».

— Я, кажется, не давалъ вамъ права дѣлать мнѣ наставленія,—проговорилъ онъ задорно.

— Я ихъ и не дѣлаю, я только говорю о томъ, что, конечно, гораздо лучше меня сознаете вы сами,—спокойно продолжалъ Кудрявцевъ:—и ужъ разумѣется, не считаете чѣмъ-то постыднымъ того, что вамъ нужно учиться. Я, впрочемъ, заговорилъ съ вами объ этомъ предметѣ не безъ цѣли, не изъ праздная любопытства. Вашъ талантъ, яркій, бьющій въ глаза, совсѣмъ подкупилъ меня, изумилъ... Здѣсь онъ можетъ погибнуть, заглохнуть, если вы не поѣдете за границу, чтобы закончить свое художественное образованіе. Зарывать его въ землю было бы просто непростительно.

У Хопрова все точно дрогнуло внутри. Эта похвала, этотъ тонъ и подняли его въ его собственныхъ глазахъ, и точно пришибли въ то же время. Талантъ, слава, путешествіе за границу, Маргарита Ѳедоровна, неимѣніе средствъ вырваться изъ Петербурга, все это хаотически мелькало въ его головѣ, тупой болью отозвалось въ сердцѣ, и онъ вдругъ почувствовалъ, что вотъ-вотъ изъ его глазъ брызнутъ «подлыя» слезы. Онъ, пересиливъ себя, кусая себѣ губы, съ какимъ-то глухимъ отчаяніемъ, почти безсознательно проговорилъ:

— Ахъ, вы не знаете моего положенія!

— Вы ошибаетесь, я его знаю,—тихо отвѣтилъ Кудрявцевъ.

Онъ, самъ взволнованный, глубоко сожалѣющій въ эту минуту несимпатичнаго ему Хопрова, поднялся съ мѣста и заговорилъ не безъ смущенія, сердечнымъ тономъ:

— Вы должны ѣхать за границу, во что бы то ни стало. Деньги—это пустяки. Все, что вамъ будетъ нужно, будетъ у васъ. Васъ ждетъ блестящая будущность и всякіе долги вы легко заплатите съ жидовскими процентами, если нужно. Стѣсняться передъ вопросомъ о займѣ было бы нелѣпостью, непростительною ошибкою. Въ два-три года вы достигнете за границей того, чего не достигнете здѣсь никогда, порвавъ съ академіею, идя ощупью, безъ опытныхъ руководителей, тратясь на мелочи, на пустяки ради хлѣба.

Кудрявцевъ говорилъ, не замѣчая того, что Хопровъ

сидѣлъ, опустивъ голову на руки, подавленный неожиданностью всего случившагося. Если когда-нибудь онъ искренно чувствовалъ себя вполнѣ несчастнымъ, такъ это именно въ эту минуту. Случайно взглянувъ на него, Кудрявцевъ смутился, подошелъ къ нему и дружески дотронулся до его плеча.

— Такъ по рукамъ?

Хопровъ вздрогнулъ и поднялся съ мѣста, блѣдный, подавленный, почти плачущій, безсильный, какъ ребенокъ.

— Я долженъ подумать,—глухо проговорилъ онъ, проводя рукой по глазамъ.—Такъ нельзя рѣшить...

На мгновеніе въ немъ вспыхнуло еще разъ сознаніе, что «этотъ золотой телецъ предлагаетъ ему милостыню», и онъ съ усмѣшкой, похожей на мучительную гримасу, сказалъ:

— Я еще ни разу не пользовался ничьей чужой благотворительностью. Я самъ поднялъ себя на ноги...

— Ростовщики не благотворители,—отвѣтилъ съ улыбкой Кудрявцевъ.—Вы вернете мнѣ все... Вотъ тутъ мнѣ плафоны нужны, фрески потребуются... На тысячи будетъ работы... Развѣ тутъ можетъ быть рѣчь о благодѣяніи?..

Хопровъ только сжалъ его руку, опять чувствуя себя несчастнымъ, безпомощнымъ, охваченный снова тяжелой мыслью о томъ, что передъ нимъ открывается дорога къ счастію, къ славѣ, а на его шеѣ виситъ Маргарита Ѳедоровна. Въ его глазахъ стояли слезы, грудь что-то давило, а въ головѣ носилось роковое слово: «Поздно!» Кудрявцевъ пошелъ провожать его до лѣстницы, продолжая настаивать на томъ, чтобы онъ не медлилъ рѣшеніемъ, чтобы онъ ѣхалъ скорѣе. Годы уходятъ, ихъ не вернуть потомъ. Онъ говорилъ это, а въ головѣ мелькала одна мысль: «Какъ будетъ благодарить Вѣра, узнавъ, что онъ, Николай Николаевичъ, придумалъ сдѣлать для этого человѣка. Ребенокъ она, ее такъ тѣшитъ мысль, что она поддержала талантливаго человѣка, что она наперекоръ всѣмъ ободряла его»...

Хопровъ вышелъ на улицу въ состояніи невмѣняемости, осматриваясь кругомъ, не зная, гдѣ онъ, на какой улицѣ, куда нужно идти, точно въ чужомъ городѣ.

Передъ его глазами проносилась, Богъ вѣсть отчего, теперь одна картина: утро на другой день его свадьбы. Онъ проснулся, противъ своего обыкновенія, очень рано, проснулся потому, что въ комнатѣ уже горѣла свѣча и слышалась какая-то возня; онъ обернулся и увидалъ Маргариту Ѳедоровну, бродящую по комнатѣ въ ночномъ костюмѣ, въ ноч-

ломъ чепцѣ, въ туфляхъ; она, какъ обыкновенно, поднялась съ пѣтухами и одѣвалась, торопясь распорядиться хозяйствомъ и идти заглянуть въ табачный магазинъ. Никогда не казалась она ему такой некрасивой, какъ теперь, въ этомъ ночномъ костюмѣ, съ неуклюже расползшейся тальею. Онъ почти съ ненавистью глядѣлъ на нее, на ея смятую постель, и въ головѣ бродили мысли о томъ, что эта постель вѣчно будетъ мозолить ему глаза, что каждое утро долженъ будетъ просыпаться съ пѣтухами, что при этомъ прежде всего онъ будетъ видѣть эту неуклюжую женщину въ туфляхъ, одѣтыхъ на босую ногу, въ ночномъ чепцѣ, съ выбивающимися изъ-подъ него волосами, въ неуклюжей длинной сорочкѣ и неуклюжей широкой кофтѣ. Маргарита Ѳедоровна неосторожнымъ движеніемъ уронила въ это время одинъ изъ альбомовъ, лежавшихъ на столѣ. Этого было довольно, чтобы Хопровъ, какъ бѣшеный, сорвался съ постели и огласилъ комнату криками. «Ему даже ночью покоя нѣтъ! Поднимутся съ пѣтухами и поднимаютъ шумъ! Кажется, довольно и того, что днемъ его раздражаютъ на каждомъ шагу! Не хотятъ ли, чтобы онъ изъ своей спальни перебрался! На улицѣ, что ли, ему жить?» Это была первая сцена его супружеской жизни, необузданная, бѣшеная, сдѣланная въ припадкѣ невмѣняемости. Онъ вдругъ вспомнилъ ее теперь, идя домой, и въ его мозгу потянулся рядъ воспоминаній о другихъ такихъ сценахъ. Съ чего онѣ начинались, трудно и сказать. До свадьбы онъ только видѣлся съ Маргаритой Ѳедоровной, когда была надобность въ этомъ; теперь они жили вмѣстѣ, и она сдѣлалась для него бѣльмомъ на глазу. Она входила днемъ въ спальню, когда онъ, соскучившись отъ бездѣлья, валялся на постели, и ему казалось, что она глумится надъ нимъ или укоряетъ его, говоря шутливо: «Что послѣ работы на бочокъ привалился, дѣточка?» Она неслышными шагами входила въ комнату, когда онъ въ халатѣ и туфляхъ, сидя верхомъ на стулѣ передъ начатой картиной и куря папиросу, безцѣльно смотрѣлъ на свое недоконченное твореніе, и, смѣясь, замѣчала: «Ужъ хорошо, хорошо, нечего любоваться!» Это его тоже приводило въ бѣшенство. Убѣгая изъ дому, онъ бродилъ по городу, по толкучкѣ, по Апраксину и накупалъ какихъ-то старыхъ вещей, благо были деньги, полученныя имъ за портретъ Варвары Николаевны. «Господи, вотъ-то хлама накупилъ!—восклицала Маргарита Ѳедоровна.—А шестолеты-то, да шпаги на что понадобились? Съ кѣмъ это воевать

собрался? На турку, что ли, пойдешь? Да я ночей спать теперь не буду, все буду бояться, что кто-нибудь придетъ да этими же шпагами заколетъ насъ или изъ пистолета застрѣлитъ». Онъ ругалъ ее дурой, ничего не понимающей, невѣждой, олухомъ царя небеснаго, жаловался на нее Гавриленкѣ и Герасимову: «Мнѣ аксессуары для картинъ нужны, а тутъ хламомъ это называютъ; не могу же я, какъ Макаровъ, у чужихъ людей выпрашивать колбы, чтобы алхимика писать». Его бѣсило даже и то, что теперь она почти не смущалась, не плакала отъ его брани и только замѣчала: «Охъ, ты воевода мой», или называла его «капризкой мальчикомъ». Онъ не могъ понять, что она вся поглощена мыслью о ребенкѣ, что въ сравненіи съ этимъ ребенкомъ для нея все пустяки, что отъ всего остального она теперь можетъ уйти, а ребенокъ—онъ у нея тутъ, подъ сердцемъ, онъ еще нераздѣльно слитъ съ нею, дышитъ вмѣстѣ съ нею, бьется біеніемъ ея сердца. Хопровъ ея равнодушіе объяснилъ по-своему. «Какъ же, теперь жена, законная жена, въ шею не выгонишь, знаетъ это»,—злобно думалъ онъ и, ругая ее, ругалъ въ то же время и себя за тряпичность, за слабохарактерность: прикрикнетъ онъ на нее и тотчасъ же осядетъ, сбѣжитъ, подожметъ хвостъ.

Подъ вліяніемъ всѣхъ этихъ думъ, онъ вернулся домой не въ духѣ, несмотря на крупную сумму и подарокъ, полученные имъ. Маргариты Ѳедоровны не было дома, онъ прилегъ на диванъ и сталъ мечтать, какъ онъ былъ бы счастливъ, если бы могъ ѣхать за границу. Тамъ гдѣ-нибудь въ Дюссельдорфѣ или въ Мюнхенѣ онъ быстро усовершенствовался бы въ техникѣ, кончилъ бы даже эту картину. Онъ взглянулъ съ ироніей на начатую имъ и почти не подвигавшуюся впередъ «Свадьбу». Въ его душѣ опять поднялась злоба, почти ненависть при видѣ этой «подлой рожи», изображенной имъ на полотнѣ.

Въ комнату вошла Маргарита Ѳедоровна, съ работой въ рукахъ, озабоченная, серьезная, чувствовавшая потребность поговорить съ мужемъ о дѣлахъ: въ скоромъ времени она можетъ сдѣлаться матерью, можетъ проболѣть долго, надо, чтобы мужъ ознакомился поближе съ дѣлами, нельзя же бросить безъ призора и магазинъ, и меблированныя комнаты, и кухарку, готовящую кушанье на всѣхъ жильцовъ. Она присѣла къ окну и, принявшись за шитье, хотѣла начать разговоръ обо всѣхъ дѣлахъ. Но едва она успѣла взглянуть на мужа, какъ ей бросилось въ глаза блестѣвшее

у него на пальцѣ брильянтовое кольцо. Она невольно спросила:

— Что это, опять обновку купилъ?

— Не купилъ, а подарили,—отрывисто отвѣтилъ Хопровъ.

— Ну! подаришь-то уѣхалъ въ Парижъ, а остался купишь,—сказала Маргарита Ѳедоровна, и, принимаясь снова за работу, шутливо замѣтила:—Ужъ не та ли барышня, въ которую ты влюбленъ-то былъ, подарила?

Хопровъ злобно и насмѣшливо взглянулъ на жену.

— Можетъ-быть, и она,—отвѣтилъ онъ, дѣлая гримасу.

— Смотри, какъ бы сама она не взяла съ тебя,—сказала жена довольно равнодушно.

Ивана Ивановича раздосадовало еще болѣе ея спокойствіе. Онъ чувствуетъ себя несчастнымъ, а она спокойна! Онъ проговорилъ желчно, желая раздразнить ее:

— Не возьметъ, не безпокойся! Вотъ еще за границу уѣдемъ съ ней.

— Отъ своего-то дома? съ усмѣшкой спросила Маргарита Ѳедоровна.

— Отъ своего дома! отъ своего дома!—передразнилъ ее желчно Хопровъ.—Я къ нему не привязанъ. Не песъ сторожевой.

Маргарита Ѳедоровна опять подняла отъ работы глаза на мужа.

— Глупости все болтаешь! Вотъ теперь нужно подумать, какъ ты меня замѣнишь, когда я слягу. По магазину и по хозяйству надо будетъ присмотрѣть за всѣмъ, я могу пролежать тоже долго.

Онъ загорячился:

— Ужъ не думаешь ли ты, что я въ лавкѣ сидѣть буду, на рынокъ стану бѣгать?

— Не безъ хозяйскаго же глаза все бросить.

Она оставила шитье и подошла къ Хопрову.

— Я вотъ серьезно хотѣла поговорить объ этомъ. Затѣмъ и зашла къ тебѣ. Теперь время близко, не сегодня, такъ завтра могу я слечь. Надо будетъ тебѣ хоть немного поприглядѣть за всѣмъ, познакомиться съ дѣломъ, пока я еще на ногахъ...

— Да ты что это выдумала?—почти крикнулъ онъ.— Мнѣ надо свой талантъ развить, мнѣ надо за границей докончить...

— Да полно ты заграницей-то бредить!—серьезно проговорила она.—Теперь не до шутокъ. Потомъ пугай меня,

сколько хочешь, заграницами, а теперь надо серьезно обсудить все. Папочка...

Она готова была нѣжно обнять его, но онъ вскочилъ, какъ ужаленный.

— Убирайся! Опротивѣла ты мнѣ!—крикнулъ онъ и сильно толкнулъ ее въ грудь.

— Съ ума ты сошелъ!—крикнула она въ испугѣ и съ ужасомъ ухватилась за столъ.—Я въ такомъ положеніи, а ты чуть не сшибъ съ ногъ...

Она тяжело переводила духъ, суровая, гнѣвная, полная страха за свое дитя. Впервые онъ увидалъ ее такою.

— Не ровенъ часъ, съ ребенкомъ Богъ знаетъ что можетъ сдѣлаться. Господь Богъ даетъ, а ты...

Она опять съ трудомъ передохнула широкимъ вздохомъ.

— Креста на вороту у тебя, что ли, нѣтъ? Надо мной можешь хорохориться. Мнѣ все равно. Я васъ, мужчинъ, знаю: рады надъ бабой поломаться, а потомъ къ ней же тащитесь. А теперь у меня ребенокъ. Передъ Богомъ и ты, и я отвѣтимъ, если что случится, не здѣсь будь сказано, недоброе...

Его вспышка уже прошла, и онъ почти съежился, смотря на эту разгнѣванную мать, испугавшуюся за жизнь своего ребенка. Она же, серьезная и озабоченная, продолжала:

— Не знаю, что ты тамъ плелъ про заграницу, съ кѣмъ ѣхать хочешь, а знаю, что тебѣ о домѣ теперь думать надо. Въ заграницы-то тебя не возили, когда ты безъ сапогъ ходилъ, и теперь не повезутъ. Развѣ скрадешь денегъ дома, да самъ кого ни на есть катать вздумаешь. Ну, такъ этого я теперь не допущу. У насъ ребенокъ будетъ. О немъ надо думать, чтобы на мостовой онъ не остался. Довольно и отецъ съ матерью нашлялись по грязи. Пусть хоть ему хорошо поживется. Ты видишь, я все устроила, ты самъ какъ сыръ въ маслѣ катаешься. Ты и цѣни это да заботься, чтобы и дитя твое ни въ чемъ не нуждалось. Пора, кажется, ребенкомъ перестать быть. Потѣшились мы, помиловались, пока такъ жили, а теперь, слава Богу, мужъ и жена, по закону надо жить, по-божески, о домѣ, о семьѣ думать...

И опять ея взглядъ упалъ на кольцо на его рукѣ, въ душѣ поднялось чувство женщины, смутно подозрѣвающей мужа въ невѣрности.

— О другихъ-то нечего думать,—сказала она.—Можетъ-быть, онѣ и хороши, да заботиться-то о тебѣ ни одна не

будетъ такъ, какъ жена. Гдѣ онѣ были, когда ты нужду терпѣлъ? Въ подворотни попрятались. А я—я ночей не спалю, думаю, какъ бы тебѣ лучше жилось, какъ бы у тебя все было. Ты бы дѣдушкинъ капиталъ мигомъ спустилъ, да еще, какъ воръ, въ тюрьмѣ насидѣлся бы, а я, какъ зѣницу ока, его берегла и, слава Богу, твой домъ чаша полная. Сама я, быть-можетъ, куска сладкаго не съѣла, а у тебя онъ былъ и будетъ. Да какъ и не быть ему, если честно, по-семейному, какъ Богъ велитъ, жить будемъ. Богъ насъ спасъ, мы Ему и служить должны.

Человѣкъ-тряпка, онъ дѣлался звѣремъ въ минуты бѣшенства, но когда эти минуты проходили, онъ становился безпомощнымъ и жалкимъ. Теперь онъ слушалъ жену молча, упавъ духомъ, сознавая, что точно безъ нея онъ пропалъ бы. Можетъ-быть, именно за это сознаніе онъ ее и ненавидѣлъ иногда, какъ злѣйшаго врага.

XIV.

Никогда не улыбалось такъ сильно счастье Хопрову, какъ теперь; никогда онъ не чувствовалъ себя болѣе несчастнымъ, чѣмъ теперь. Онъ сознавалъ, что ему надо сжечь за собою корабли, то-есть разомъ отказаться отъ художественной карьеры—писать картины, безъ дальнѣйшаго художественнаго образованія нечего было и думать, ѣхать за границу было нельзя, когда его не отпустила бы отъ себя Маргарита Ѳедоровна и когда онъ самъ, по лѣни, по неувѣренности въ своихъ силахъ, по сознанію, что ему и такъ хорошо живется, создавалъ себѣ тысячу преградъ къ этой поѣздкѣ, а между тѣмъ, окружающіе то и дѣло восхищались его талантомъ и пророчили ему блестящую будущность. Гавриленко и Герасимовъ восторгались его картиной и только сожалѣли, что она такъ туго подвигается впередъ, а онъ вздыхалъ, говорилъ мелодраматическія фразы о томъ, что ему въ его настоящей обстановкѣ трудно писать, разсказывалъ, дразня Маргариту Ѳедоровну, что ему предлагаетъ «одна особа» ѣхать за границу, а онъ долженъ, ради семейныхъ обстоятельствъ, отказаться отъ этой поѣздки. Володя и Миша, забѣгавшіе къ нему часто, ради сытныхъ завтраковъ и возможности выпить мадеры, и поговорить по-холостому, тоже одобрили его картину и болѣе всего ихъ восхищало въ ней то, что невѣста «брюхата», какъ выражались они. Tante Marie приглашала его на свои интимные «четверги» и рекомендовала его всѣмъ, какъ даровитаго

художника, забывшись о немъ, съ нѣжностью влюбленной институтки Кудрявцевъ мелькомъ осторожно намекалъ ему о путешествіи, спрашивая: «скоро ли?» «когда же?» и, повидимому, считая это дѣло рѣшеннымъ въ принципѣ. Даже Вѣра Павловна, несмотря на то, что Хопровъ былъ съ нею холоденъ и сухъ и избѣгалъ съ нею встрѣчъ, настойчиво говорила ему, что ей нравятся написанные имъ портреты, что она слышала отъ братьевъ о его картинѣ, что ему теперь, повидимому, остается сдѣлать одинъ шагъ для завоеванія себѣ имени. Сталкиваясь со всѣми этими лицами, Хопровъ, смотря по надобности, разыгрывалъ роль несчастнаго, или принималъ похвалы съ высокомѣріемъ, или соглашался съ тѣмъ, что вотъ-вотъ онъ уѣдетъ за границу и вернется оттуда вполнѣ законченнымъ художникомъ, и лгалъ во всѣхъ этихъ случаяхъ, сознавая со злобой, что онъ лжетъ, что онъ запутывается во лжи, что выходъ у него одинъ—нужно сказать, что онъ порываетъ съ живописью, что онъ вовсе не желаетъ гнаться за чѣмъ-то невѣрнымъ, биться и работать, когда онъ можетъ жить бариномъ безъ всякаго дѣла, имѣя подъ рукой Маргариту Ѳедоровну съ ея табачной лавкой и меблированными комнатами. Ложью пройдешь впередъ, но назадъ не воротишься—эту истину испыталъ теперь на себѣ Иванъ Ивановичъ. Иногда ему хотѣлось крикнуть Гаврыленкѣ и Герасимову, чтобы они убирались ко всѣмъ чертямъ и не надоѣдали ему восторгами и соболѣзнованіями, и вмѣсто этого онъ юлилъ передъ ними, толковалъ о заѣденности или храбрился, говоря о томъ, что онъ, наконецъ, «порветъ свои цѣпи, броситъ все и уѣдетъ за границу». Видя Володю и Мишу, восхищающихся его «брюхатой невѣстой», онъ готовъ былъ оборвать ихъ словами: «Ничего вы не смыслите, олухи царя небеснаго», и вмѣсто того, наслаждался ихъ восклицаніями: «знатно изобразили», «лихо расписали» и угощалъ ихъ съ щедростью патрона, довольнаго лестью клевретовъ. Вмѣсто откровеннаго отказа отъ предложенія Кудрявцева, онъ изобрѣталъ предлоги, которыми можно было объяснить замедленіе въ отъѣздѣ, и даже не рѣшался бросить въ глаза «золотому тельцу» эффектную фразу, вертѣвшуюся у него на языкѣ: «Я милостыни никогда не бралъ у сытыхъ людей», точно боялся того, что онъ порветъ этимъ съ Кудрявцевымъ, который можетъ ему еще пригодиться. Встрѣчаясь съ Вѣрой Павловной, онъ сотый разъ хотѣлъ ее «огорошить» словами: «Я-съ, Вѣра Павловна, женился на чу-

хонкѣ-табачницѣ и о художествахъ больше не думаю», и принималъ меланхолическій видъ, произнося со вздохомъ: «Вдохновеніе, Вѣра Павловна, спутникъ счастья, а не удѣлъ надломленныхъ людей», и съ холодной небрежностью начиналъ хвастать, что все же, несмотря ни на что, онъ пишетъ, кажется, удачно. Каждый разъ, возвращаясь съ четверговъ tante Marie, онъ спрашивалъ себя, зачѣмъ онъ «пляется» туда, заходилъ въ трактиры, напивался съ горя, безобразничалъ съ женщинами, и все же его манило въ домъ Кудрявцевыхъ—тамъ ухаживала за нимъ старая дѣва, туда привлекали роскошь и блескъ обстановки, тамъ среди избраннаго общества, подъ звуки музыки и пѣнія извѣстныхъ артистовъ и артистокъ, онъ забывалъ на минуту и свою чухонку, и свою табачную лавку, и свои меблированныя комнаты, испытывалъ эстетическія наслажденія. Бывали минуты, когда Хопрову самому казалось, что онъ сходитъ съ ума: по цѣлымъ днямъ онъ не бралъ кисти въ руки, по цѣлымъ часамъ онъ лежалъ въ бездѣйствіи, на душѣ становилось легко отъ сознанія, что все у него теперь есть, что можетъ онъ прожить такъ весь вѣкъ «безъ всякихъ живописей», и вдругъ точно какой-то вихрь проносился въ душѣ, навѣвая хаотическія мысли, что онъ затянулся въ тину, что онъ погубленъ, что онъ могъ бы быть великимъ человѣкомъ, что у него нѣтъ выхода. Тогда начинались обвиненія Маргариты Ѳедоровны. Это она его затащила въ болото, она приковала его цѣпко къ себѣ, она не выпускаетъ его изъ когтей. Стоило ей войти въ его комнату въ эту минуту и ее оглушали крики: «Минуты покойной нѣтъ! чего ты шляешься со своимъ животомъ! сосредоточиваться нельзя у себя въ комнатѣ! что тебѣ надо?» Маргарита Ѳедоровна теперь не терялась, не плакала, не падала духомъ отъ этихъ криковъ мужа: она вся была сосредоточена на мысли о будущемъ своемъ ребенкѣ, жила одною жизнью съ нимъ, боялась встревожить его своими волненіями, тѣмъ не менѣе, иногда она задумывалась о томъ, какія причины такъ измѣнили ея Ваню. Беременна она—это главная причина. Въ это время, можетъ-быть, завелъ онъ кого-нибудь на сторонѣ. Ужъ и точно не влюбленъ ли онъ серьезно въ ту дѣвчонку, чей портретъ у него вездѣ въ альбомахъ? Тоже вотъ кольцо, говоритъ, она подарила. О заграницѣ толкуетъ, не то въ шутку, не то серьезно. Вретъ, можетъ-быть, ей, что не женатъ, видитъ она его пріодѣтымъ, франтомъ, пожалуй, и думаетъ, что

разбогатѣлъ. Пока бѣднымъ былъ, вниманія не обращала, поправились у него дѣла, стала ухаживать сама. Она машинально брала альбомъ мужа, задумчиво разсматривала изображеніе Вѣры Павловны. «Хорошенькая она, совсѣмъ еще дѣвочка, вскружить такому-то ребенку голову не долго, а потомъ будетъ весь вѣкъ она, горемычная, плакаться, какъ узнаетъ, что онъ женатъ, да будетъ поздно. Ахъ, мужчины, мужчины, имъ только бы свое сорвать, а объ участи дѣвушки и не думаютъ. Узнать бы, кто такая эта дѣвушка—предупредила бы ее она, Маргарита Ѳедоровна. Время-то теперь только такое, что не до того ей, не сегодня, такъ завтра матерью она будетъ. И хорошо ей, и страшно. Что какъ умретъ она? Господи, не попусти!» И мысли уже шли въ этомъ направленіи о ребенкѣ, о родахъ.

— Ваня! Ваня! Охъ, худо мнѣ!—громко застонала Маргарита Ѳедоровна, разметавшись на постели и призывая спавшаго Хопрова.

Онъ открылъ глаза, не сразу понялъ, что дѣлается.

— Акушерку, акушерку скорѣй!—стонала жена.

Онъ быстро вскочилъ, одѣлся и засуетился, испытывая инстинктивный, безотчетный страхъ. Выбѣжавъ на улицу, онъ нанялъ, не торгуясь, извозчика и помчался. Черезъ полчаса акушерка была уже въ спальнѣ Хопровыхъ. Хопровъ самъ перешелъ въ «мастерскую» и сталъ въ тревогѣ ходить по комнатѣ. Стоны въ сосѣдней комнатѣ продолжались. Въ головѣ Хопрова разомъ разлетѣлись всѣ другія мысли, кромѣ мысли о томъ, что за стѣной его жена испытываетъ страшныя мѵки. «Неужели она умретъ? Что же тогда? Онъ останется одинъ съ ребенкомъ. Пропащій онъ человѣкъ! Что тогда дѣлать? Но, вѣдь, можетъ-быть, и ребенокъ умретъ? Одинъ онъ останется. Свобода!» Стоны усилились, послышался крикъ: «Умираю! помогите!» «Подлецъ, подлецъ, чему радуюсь!»—злобно обругалъ онъ себя, заслышавъ эти крики, и устремился въ спальню. Акушерка замахала рукой.

— Уйдите, уйдите, еще не скоро!

Онъ, точно пришибленный, точно обиженный, вошелъ опять въ «мастерскую», зажалъ уши, упалъ ничкомъ на диванъ. «Господи, какъ долго длятся эти мѵки». Прошло съ полчаса. Стоны вдругъ стихли, воцарилась страшная тишина. Онъ вскочилъ, сѣлъ, уставилъ въ пространство широко открытые глаза.

— Умерла? Неужели, умерла? А ребенокъ?

Онъ сталъ вслушиваться, весь облитый холоднымъ потомъ. Кто-то взялъ его за плечо; онъ безсознательно, дико осмотрѣлся мутными глазами. Это была акушерка.

— Скорѣе за докторомъ, за акушеромъ, — проговорила она.— Роды будутъ трудные.

— Вы думаете?—безсмысленно спросилъ онъ.

— Ахъ, что тутъ думать, развѣ я не вижу, — грубовато отвѣтила она, какъ человѣкъ, всецѣло занятый дѣломъ. — Скорѣе поѣзжайте. Вотъ адресъ.

— Но она выживетъ? спросилъ онъ.

Да, поѣзжайте, поѣзжайте!

Онъ заторопился, отирая съ лица потъ. На улицѣ его освѣжилъ холодный вѣтеръ. Онъ ободрился, сталъ думать, что «на все воля Божія, что будетъ, то будетъ», и самъ опять поймалъ себя на мысли, что онъ былъ бы, пожалуй, радъ, если бы все кончилось смертью. Ему стало отвратительно, скверно, точно отъ сознанія своей подлости, низости. Съ какой-то излишней лихорадочностью онъ сталъ торопить акушера, отыскавъ его квартиру. Въ голосѣ его было отчаяніе, преувеличенное совершенно безсознательно, точно ему хотѣлось увѣрить и себя, и акушера, что со смертью жены онъ долженъ умереть самъ. Они поѣхали вмѣстѣ и вошли въ квартиру. Стоны и крики слышались уже въ коридорѣ.

— Ахъ, это ужасно, ужасно!—прошепталъ Хопровъ, хватаясь за голову.

Акушеръ прошелъ въ комнату родильницы. Хопровъ на цыпочкахъ заходилъ по «мастерской». Ему попался на глаза револьверъ, такъ пугавшій всегда Маргариту Ѳедоровну и заряженный имъ на зло ей. Иванъ Ивановичъ взялъ его въ руки и въ головѣ мелькнула мысль: «Умретъ— покончу съ собою!» Потомъ подумалось опять: «Для чего же? ну, умретъ, что-жъ дѣлать». Онъ отбросилъ револьверъ и злобно стиснулъ голову, скрежеща зубами. «Кромѣ подлости, ничего нѣтъ въ головѣ!» Мучительные стоны и крики возобновились снова.

— Господи, этому конца не будетъ!

Въ какомъ-то безсильномъ отчаяніи онъ сѣлъ къ столу и началъ слегка барабанить пальцами, стараясь упорно ни о чемъ не думать.

«Да хоть бы она не кричала! Душу выматываетъ! — вдругъ мелькнуло въ головѣ.—Вотъ радовалась, что будетъ матерью, а теперь...»

Онъ началъ мимовольно думать о жизни. «Неужели это

всегда такъ бываетъ? Вѣдь это же нестерпимое наказаніе за минуты счастія. Какъ выносятъ это женщины. И за что эта казнь? А развѣ вся жизнь не казнь, не пытка? Вотъ его Маргарита стремилась къ честной жизни, проклинала невольный развратъ; сошлась съ нимъ по любви, радовалась, что стала честной женщиной, а теперь переноситъ за это страшныя мукн, какихъ прежде и не знала. А ребенокъ, можетъ-быть, помретъ; если же и не помретъ, то что изъ него выйдетъ; Богъ знаетъ. Какъ его воспитать? кому воспитать? Она недалекая женщина: онъ, Хопровъ, не желалъ вовсе ребенка, не любитъ его, не сумѣетъ воспитать».

Онъ опять всталъ, пораженный криками жены, взглянулъ на часы, былъ уже полдень. «Какъ это она еще жива. Неужели точно всѣ женщины такъ страдаютъ? О, благо тому, кто не былъ женатъ, у кого не было дѣтей!»

— Съѣздите по этому адресу, скажите доктору, что нужно хлороформировать,—раздались около него слова акушерки.

— То-есть, какъ это?.. Операція?—спросилъ Хопровъ.

— Скорѣе, скорѣе!—заторопила акушерка.

Опять онъ поѣхалъ, ничего не понимая, представляя себѣ, что будутъ дѣлать какую-то операцію, что кого-то будутъ рѣзать. Онъ вдругъ какъ будто отупѣлъ, сдѣлался безсмысленнымъ, ничего не понимающимъ автоматомъ. Привезъ новаго доктора, зажалъ опять уши, полежалъ на диванѣ и, наконецъ, вскочилъ, убѣжалъ въ комнату Гавриленко и залился слезами. Ему теперь было ясно одно, что и его, и Маргариту Ѳедоровну погубило ихъ сближеніе, что и ребенокъ ихъ погибнетъ, что всему причиной та проклятая ночь, когда они сошлись у постели умирающаго дѣда. Въ его воображеніи вдругъ нарисовался этотъ страшный трупъ въ полутемной конурѣ, скорчившійся въ предсмертныхъ судорогахъ, стараясь вытащить изъ-подъ тюфяка деньги. Сколько страдалъ старикъ передъ смертью — этого никто не зналъ, не видѣлъ; объ этомъ говорилъ только его трупъ, застывшій въ конвульсіяхъ. Вотъ и Маргарита теперь страдаетъ. Она тоже умираетъ, умретъ подъ ножомъ.

Было уже около четырехъ часовъ, когда кто-то сталъ будить Хопрова, уснувшаго, сидя на стулѣ и опустивъ голову на столъ Гавриленко.

— Слава Богу, баринъ, все кончено,—послышались слова Акулины.—Можете пройти къ барынѣ.

— Умерла?—воскликнулъ Хопровъ.

— Что вы! Христосъ съ вами, зачѣмъ умирать! Жива, слава Богу. Съ сыномъ проздравляю!

Хопровъ, противъ своего ожиданія, не почувствовалъ ни радости, ни счастья. Онъ, обезсиленный, безучастный теперь ко всему, пошелъ въ комнату жены. Она лежала безъ силъ, затихшая, едва замѣтно улыбающаяся. Онъ поцѣловалъ ее, взглянулъ мелькомъ на сморщеннаго, краснаго ребенка; ребенокъ показался ему чѣмъ-то уродливымъ, отвратительнымъ. Въ комнатѣ пахло еще хлороформомъ, воздухъ былъ спертъ, тяжелъ. У Хопрова кружилась голова, онъ чувствовалъ потребность возбужденія, ему нужно было пріободриться, собраться съ силами. Онъ прошелъ къ Гавриленко, захвативъ бутылку съ виномъ...

Маргарита Ѳедоровна была здоровымъ человѣкомъ и, несмотря на трудные роды, стала оправляться быстро. Что-то особенное было теперь во всемъ ея существѣ: она была невозмутимо спокойна, ясна и вся дышала счастіемъ. Въ ея благодушіи было что-то подкупающее, что-то заставлявшее забыть, что она некрасива собой, недалека по уму, вполнѣ не развита. Это была женщина, когда-то проклинавшая свое паденіе и сознававшая теперь въ простотѣ сердечной, что Богъ отпустилъ ея грѣхъ и далъ ей, какъ знаменіе этого прощенія, дитя. Этотъ красный, сморщенный, безформенный кусочекъ мяса былъ для нея даромъ Божіимъ, живымъ свидѣтельствомъ отпущенія ея грѣховъ, и она вся прониклась благодушіемъ, сознавая, что злой нельзя быть, когда даже къ ней, къ великой грѣшницѣ, такъ милостивъ Богъ. Да и можно ли быть злой, когда на свѣтѣ есть такіе добрые люди, какъ, напримѣръ, Макаровъ и Марья Петровна? Эти люди, какъ только узнали, что Маргарита Ѳедоровна «больна», прибѣжали къ ней и, такъ сказать, прикомандировались къ ней: Макаровъ бѣгалъ на посылкахъ по хозяйству и по дѣламъ табачной лавки; Марья Петровна выяснила Маргаритѣ Ѳедоровнѣ, что она въ дальнѣйшихъ хлопотахъ можетъ замѣнить акушерку и, значитъ, послѣдней не нужно будетъ платить за лишнія заботы. Маргарита Ѳедоровна много видѣла людей и сразу поняла, что этими двумя лицами руководятъ не корыстные расчеты, а простая готовность служить ближнимъ — готовность ограниченныхъ, смѣшныхъ, жалкихъ, но все же добрыхъ людей, доводившихъ свою доброту до добровольнаго холопства. Особенно трогало ее, когда Марья Петровна, купая маленькаго Ваню, называла его «пупочкой», «кра-

савчикомъ», «бутончикомъ», а Макаровъ, несуразный, долговязый, широкій, восторженно увѣрялъ, что «Ваня ему смѣется». и Маргарита Ѳедоровна подмѣчала, что и у Марьи Петровны, и у Макарова стоятъ въ эти минуты слезы умиленія. Эти люди заставляли Маргариту Ѳедоровну даже не огорчаться тѣмъ, что ея мужъ относился къ ребенку вполнѣ равнодушно и безучастно. Вообще, какъ-то помимо воли всѣхъ, Хопровъ вдругъ очутился одинокимъ, отчужденнымъ, оставшимся за бортомъ. Онъ этого и самъ не замѣчалъ, не видѣлъ, что Макаровъ хозяйничаетъ въ кухнѣ, что онъ покупаетъ товары для табачной лавки, что Марья Петровна няньчится съ ребенкомъ, что Маргарита Ѳедоровна почти не обращается къ нему, къ своему мужу, съ дѣловыми вопросами. Онъ весь былъ занятъ своимъ личнымъ положеніемъ и вертѣлся, какъ рыба на сковородѣ: то ему нужно было улизнуть отъ встрѣчи съ семьей Кудрявцевыхъ, то онъ боялся, что Володя и Миша навернутся къ нему въ эти дни и узнаютъ, что у него родился ребенокъ, то ему хотѣлось убѣжать изъ дома отъ дѣтскаго крика, то просто мелькало въ головѣ одно слово: «Убѣжать бы! убѣжать бы!» Куда? Зачѣмъ? Онъ не отдавалъ себѣ въ этомъ отчета и все чаще и чаще проводилъ цѣлые часы въ трактирахъ, гдѣ-то за городомъ, бродя до изнеможенія, безъ мысли, безъ цѣли, не находя нигдѣ себѣ мѣста. Но все, что творилось въ немъ, было покуда непонятно ему самому. Наконецъ, какъ-то разъ, вернувшись домой, онъ засталъ Маргариту Ѳедоровну уже сидящею на креслѣ. Передъ нею стояли Марья Петровна съ ребенкомъ на рукахъ и Макаровъ, передававшій ей деньги и счетъ покупокъ. Они не замѣтили прихода Ивана Ивановича и продолжали начатый разговоръ.

— Дайте мнѣ васъ поцѣловать, родной мой, — сказала Маргарита Ѳедоровна, обращаясь къ Макарову. — Я такъ, такъ обязана вамъ.

— Что вы, голубушка моя! — воскликнулъ Макаровъ и бросился ее обнимать и чмокать ей губы и руки.—Я радъ, радъ все сдѣлать.

— Ого! какія нѣжности! — воскликнулъ, разсмѣявшись, Хопровъ.

Всѣ обернулись въ его сторону.

— Что же... я радъ... я готовъ,—растерянно заговорилъ Макаровъ, точно его уличили въ преступленіи.

Маргарита Ѳедоровна спокойно замѣтила:

— Да мы вѣчно должны благодарить Порфирія Васильe-

вича и Марью Петровну. Родные того не сдѣлали бы, что они сдѣлали для насъ въ это время.

Иванъ Ивановичъ съ ироніей спросилъ:

— Отъ гибели спасли?

— Не отъ гибели, — сказала Маргарита Ѳедоровна: — а и сыты всѣ были въ домѣ, и дѣла въ магазинѣ не стояли, только благодаря имъ. Ты, вѣдь, милый мой, къ дѣламъ вѣрно никогда не привыкнешь.

— Табачникомъ не родился, — началъ съ усмѣшкою Хопровъ.

Макаровъ вступился за него:

— Гдѣ же ему, Маргарита Ѳедоровна! Онъ не такъ воспитанъ!.. Это же черный трудъ... Тутъ нужно тоже алтынникомъ быть, Маргарита Ѳедоровна...

— Пожалуйста, безъ заступничества!—воскликнулъ Хопровъ и хотѣлъ уйти въ свою комнату, какъ онъ всегда это дѣлалъ, чтобы прекратить разговоръ. Но, осмотрѣвшись, онъ увидѣлъ, что уйти некуда, такъ какъ общество и было именно въ его комнатѣ.

Онъ сдвинулъ брови и чуть не сказалъ: «Вы мѣшаете мнѣ заниматься», но тотчасъ же опомнился. «Чѣмъ заниматься? Писаньемъ картины?» Онъ за нее не принимался уже нѣсколько недѣль и она была ему теперь противна — противна потому, что каждая ея мелочь напоминала ему о рядѣ безплодныхъ усилій; каждый мазокъ на ней былъ передѣланъ сотни разъ; каждый контуръ рисованъ и переписованъ безъ конца; каждая подробность наводила на вопросы, что, можетъ-быть, это невѣрно? можетъ-быть, это онъ не сумѣетъ дописать? можетъ-быть, тутъ камня на камнѣ не останется, если начать разбирать условія перспективы, ракурсовъ, сочетанія красокъ? Онъ въ какомъ-то безсиліи опустился на стулъ и замеръ безмолвно на мѣстѣ, разставивъ ноги, упершись въ колѣни локтями, опустивъ на ладони голову. А около него шли уже дѣловые разговоры, прерванные его приходомъ. Маргарита Ѳедоровна обсуждала съ Макаровымъ и Марьей Петровной вопросы, что стоили роды, скоро ли покроются эти расходы, сколько дали за это время барышей меблированныя комнаты и табачный магазинъ.

— Ахъ, если бы вы рѣшились перебраться съ Марьей Петровной въ магазинъ, — со вздохомъ сказала Маргарита Ѳедоровна.—Спала бы я спокойно.

— А какъ же Аделаида ваша?—спросилъ Макаровъ.

— Она на лѣто все равно уйдетъ,—отвѣтила Маргарита Ѳедоровна.—Она и то запоздала. У нея мѣсто кассирши на финляндскихъ пароходахъ. Флюсъ она на нихъ нажила, а все же манитъ ее туда, къ своимъ чухнамъ.

— Если такъ, то мы съ Марьей Петровной очень бы рады,—воскликнулъ Макаровъ и даже покраснѣлъ.

— Помѣщеніе я отдѣлаю,—сказала Хопрова.

— Намъ не надо! На что намъ! Добрая вы!

Онъ бросился съ благодарностью цѣловать руку Маргариты Ѳедоровны.

— Ну, теперь я буду, какъ у Христа за пазухой,—сказала она.

— А мы-то, мы-то! — въ волненіи воскликнулъ Макаровъ.—Никогда еще своей квартиры у насъ не было!..

Онъ отвернулся и отеръ своимъ крупнымъ кулакомъ глаза. Они всѣ затихли, счастливые, въ сладкомъ волненіи. Потомъ, увидавъ, что ребенокъ проснулся и напоминаетъ о своемъ голодѣ, они поспѣшили перейти въ спальню. Хопровъ остался одинъ въ мастерской. Среди воцарившейся тишины, онъ очнулся, осмотрѣлся и неожиданно для самого себя, полусознательно проговорилъ:

— Нѣтъ, надо кончить!

Его взглядъ упалъ на револьверъ.

XV.

На жизненномъ пиру у многихъ людей нѣтъ опредѣленнаго мѣста. Иногда они успѣваютъ приткнуться на-время куда-нибудь къ уголку чужого стола; временами имъ удается даже развернуться и пожить весело и широко; тѣмъ не менѣе опредѣленнаго, постояннаго мѣста за житейской трапезой имъ не назначено или назначено такое, отъ котораго, по тѣмъ или другимъ причинамъ, они бѣгутъ сами. У нихъ все случайно, и занятіе, и состояніе, и радости, и невзгоды. Не получившіе золотой медали художники, актеры, не принятые въ какую-нибудь постоянную труппу, учителя, безъ дипломовъ и безъ казенныхъ мѣстъ, писатели, не имѣющіе настолько способностей, знаній и ловкости, чтобы составить себѣ имя и сдѣлаться необходимыми при какомъ-нибудь изданіи, люди, обманувшіеся въ своемъ призваніи и въ теченіе долгихъ лѣтъ, бросивъ все остальное, изучавшіе пѣніе или музыку, не имѣя ни голоса, ни музыкальнаго слуха, болѣзненно самолюбивыя натуры, гнушающіяся чернымъ трудомъ, подозрѣвая въ себѣ геніевъ и талантовъ, вѣчные

неудачники, срывавшіеся вездѣ, начиная съ первыхъ выпускныхъ экзаменовъ въ гимназіи, или непоправимые лѣнтяи отъ природы, работающіе спустя рукава даже и тогда, когда у нихъ нѣтъ сапогъ на ногахъ, всѣ эти люди составляютъ цѣлое полчище. Чѣмъ шире и сложнѣе дѣлается теченіе общественной жизни, уносящее впередъ и впередъ своихъ избранныхъ, тѣмъ бо́льшее число этихъ несчастныхъ выбрасывается на мель и тѣмъ труднѣе дѣлается имъ сдвинуться съ мели и догнать своихъ счастливыхъ сверстниковъ. Иногда такое положеніе развиваетъ раздражительное озлобленіе, видящее вездѣ козни враговъ, несправедливость судьбы, невозможность существованія стараго строя; порой же оно приводитъ къ халатному прекраснодушію, не знающему непрощаемыхъ обидъ, горечи завистливаго чувства, различія между своимъ и чужимъ, чужимъ и своимъ; всегда же это вызываетъ въ жизни неправильность, распущенность, неряшливость, цыганщину во всемъ, изъ чего слагается жизнь, и ту безхарактерность, при которой нельзя выйти побѣдителемъ изъ борьбы съ болѣе счастливыми людьми. Эти люди отщепенцы и такимъ отщепенцомъ явился Хоповъ. Никогда онъ не былъ въ состояніи формулировать вполнѣ ясно своего положенія, не могъ выяснить его окончательно въ своемъ умѣ и теперь; но онъ смутно сознавалъ теперь, что онъ «выкинутъ за бортъ», «уткнулся лбомъ въ стѣну», «повисъ въ воздухѣ», какъ онъ самъ выражался, размышляя о своемъ положеніи. Ему часто случалось падать духомъ, но всегда это было или временное явленіе или напускное настроеніе. Теперь было не то: онъ ощущалъ угнетенное состояніе духа, растерянность, полную несостоятельность даже для обсужденія своего положенія, какъ-то разомъ осѣлъ. Съ горькой усмѣшкой онъ мысленно повторялъ одну фразу: «даже Маргаритѣ не нуженъ!» Хуже этого, повидимому, не могло ничего быть, но оказалось, что можетъ быть для него нѣчто еще худшее. Видя его всегда мрачнымъ, угнетеннымъ, притихнувшимъ, Маргарита Ѳедоровна начала тревожиться. Она продолжала его любить попрежнему и, уже не заботясь болѣе исключительно о ребенкѣ, стала нерѣдко всматриваться въ своего милаго Ваню. Нѣсколько разъ она спрашивала его: «почему онъ такой скучный». Онъ вяло и коротко отвѣчалъ ей: «такъ, ничего», и только спѣшилъ сбѣжать изъ опротивѣвшаго ему дома, бродилъ по улицамъ, заходилъ въ трактиры и рестораны, не имѣя не только силы, но даже потребности остановиться

надъ вопросомъ: «что же дѣлать дальше?» Въ его душѣ стихнули даже всякія вспышки гнѣва, отчаяніе; ощущалась одна вялая тоска, одно угнетенное желаніе не видать никого. Вѣроятно, это было начало болѣзни, которая въ одинъ прекрасный день могла обостриться, уложить его въ постель, совершить крупный переворотъ во всемъ его существѣ. Но покуда онъ былъ еще на ногахъ, разстраивалъ свои нервы и расшатывалъ свой организмъ одинокими выпивками, почти самъ не сознавая, что онъ пьянствуетъ. Наконецъ, Маргарита Ѳедоровна, замѣчавшая что-то неладное въ мужѣ, съ грустью видѣвшая, какъ онъ худѣетъ и блѣднѣетъ, не выдержала и въ одинъ изъ теплыхъ весеннихъ вечеровъ, заботливо уложивъ спать ребенка, прошла въ мастерскую и подсѣла къ мужу.

— Чижикъ ты мой нахохлившійся!—окликнула она его, забывшагося въ тупомъ, полудремотномъ состояніи, и обвила его руками.

Онъ въ эту минуту только-что думалъ вяло и апатично о томъ, что онъ даже Маргаритѣ не нуженъ. Ея ласки вывели его изъ забытья, и онъ съ какимъ-то отвращеніемъ отшатнулся отъ нея, какъ бы испугавшись этихъ ласкъ, какъ бы оскорбившись ея словами. Она не оставила его въ покоѣ и сказала съ нѣжностью:

— Ну, полно, папочка, дуться! Похохлился—и довольно!

Она хотѣла присѣсть къ нему на колѣни.

— Оставь меня! Оставь! — съ ужасомъ крикнулъ онъ, отстраняя ее, и въ немъ вспыхнула снова покинувшая его въ послѣднее время энергія.—Или ты хочешь меня держать на содержаніи? Любовника хочешь изъ меня сдѣлать?

Онъ дико взглянулъ на нее мутными глазами:

— Доведешь до того, что покончу съ собой!

Она въ недоумѣніи взглянула на него, ничего не понимающая, испуганная.

— Что съ тобой, Ваня? Развѣ же мы не мужъ и жена?

— Тебѣ не мужъ, а любовникъ нуженъ,—отвѣтилъ онъ.— Ну, а я на содержаніи ни у кого еще не жилъ...

Онъ бросилъ на нее полный отвращенія взглядъ, какъ бы содрогаясь отъ мысли, что онъ когда-нибудь могъ играть роль любовника при этой женщинѣ, казавшейся ему теперь противной, отталкивающей, безобразной. Этотъ взглядъ былъ такъ выразителенъ, что его поняла даже Маргарита Ѳедоровна, и въ ней пробудилось чувство оскорбленной женщины.

— Что же, лучше нашелъ?—спросила она не своимъ голосомъ. -Такъ лучшія-то чужія, а я жена...

Онъ ничего не отвѣтилъ, опять охваченный страшнымъ, почти безумнымъ сознаніемъ, что она можетъ заставить его жить съ нею, какъ съ женой, сорвался съ мѣста, захватилъ на ходу шляпу и ушелъ изъ дому, оставивъ жену въ негодованіи и тревогѣ. Сперва у нея пронеслась пугливая мысль: «Не наложилъ бы онъ рукъ на себя? Да съ чего же?» Отвѣтъ тотчасъ явился: «Любитъ другую, потому и опостылѣла жена». Кто эта другая? «Конечно та, которую рисовалъ все. На шею, видно, бросилась. Не знаетъ, къ чему это ведетъ. Поиграетъ онъ съ нею и броситъ, и ей, глупой, придется вѣкъ горевать. Долго тоже съ нею онъ хороводиться не станетъ. Денегъ не будетъ, чтобы хороводиться съ нею, либо забеременѣетъ она, ну, и броситъ онъ ее. А если она богатая? Гдѣ же богатая станетъ съ чужимъ мужемъ возиться. Была бы богата, прежде сошлась бы съ нимъ. Или, можетъ, прежде и знакомы не были, познакомился вотъ въ это время, когда Богъ дитя намъ далъ? Ужъ не отъ нея ли и деньги стали появляться у него? Откуда же больше? За портретъ, говорилъ, получилъ! Дадутъ, какъ же, за мазню его. Вонъ какихъ уродовъ изъ себя и изъ меня сдѣлалъ. Нѣтъ, за это денегъ никто не дастъ». Она взяла альбомъ мужа, отыскала одинъ, другой, третій портреты Вѣры Павловны, посмотрѣла. «Нѣтъ, бѣдная, должно-быть, платьишки все коричневыя, не то ситецъ, не то такъ дешевенькія шерстяныя. Богатыя-то въ такихъ одѣяніяхъ не ходятъ. Узнать бы, кто она!»

Хопровъ же, по обыкновенію, безцѣльно бродилъ по городу, но настроеніе его духа было теперь иное, чѣмъ въ послѣдніе дни. Апатія и подавленность исчезли; въ немъ все бушевало теперь; казалось, кто-то нанесъ ему личное оскорбленіе, и онъ не знаетъ, какъ смыть его, какъ раздѣлаться за него! Дремавшее въ немъ въ послѣднее время мелкое и раздражительное самолюбіе вдругъ проснулось. «Быть ненужнымъ даже Маргаритѣ» — это еще онъ могъ снести, это только угнетало его; быть нужнымъ ей въ качествѣ любовника—это возмущало его, поднимало въ немъ бурю: «Нѣтъ, ужъ лучше смерть!» — мелькнула въ головѣ мысль, и ему вдругъ стало какъ будто легче, точно онъ нашелъ исходъ, котораго не было у него до этой минуты. Еще наканунѣ онъ не думалъ вовсе о самоубійствѣ: теперь эта мысль назойливо вертѣлась въ его головѣ и даже вы-

звала легкую улыбку. Какъ просто можно разрѣшить все! Не будутъ надоѣдать Герасимовъ и Гавриленко, Миша и Володя; не нужно будетъ одолжаться сытымъ скотамъ въ родѣ Кудрявцевыхъ; не придется лгать и изворачиваться передъ назойливыми и непрошенными опекунами въ родѣ Вѣры Павловны; главное же то, что никогда, никогда не придется уже чувствовать прикосновенія къ себѣ этого куска мяса, этой потной кухарки, этого курносаго урода, вовлекшаго его во все. Онъ теперь точно наверстывалъ послѣдніе дни безсмысленной апатіи и думалъ лихорадочно. Въ головѣ кипѣло, какъ въ котлѣ. Мысли безпорядочно, хаотически переплетались и путались въ мозгу, то посылались кому-то проклятія, то всѣ казались жалкими, ничтожными, то вспоминались неудачники-товарищи, кончившіе нищетой, пьянствомъ, затерявшіеся гдѣ-то, то приходили на память нѣсколько счастливцевъ, ловкихъ или энергичныхъ, талантливыхъ или усидчивыхъ, но насчитывалось ихъ мало, одинъ изъ десятковъ, изъ сотенъ. Наконецъ, онъ почувствовалъ усталость, сталъ осматриваться блуждающими глазами, соображая, куда онъ забрелъ, поискалъ глазами, гдѣ бы отдохнуть, увидалъ какой-то домъ, съ закрытыми наглухо ставнями, и рѣшилъ: «Тамъ можно»...

Часу въ двѣнадцатомъ утра онъ снова появился на улицѣ, неузнаваемый, непохожій на себя, съ блѣднымъ, измятымъ лицомъ. Во всемъ его тѣлѣ чувствовалась усталость, но мысль работала попрежнему неугомонно. Ему было гадко вспомнить о томъ, какъ и гдѣ провелъ онъ эту ночь. Ему было гадко сознавать, что въ послѣднее время онъ сталъ все чаще и чаще запивать, пропадать Богъ вѣсть гдѣ. Въ головѣ мелькала мысль, что всѣ неудачники такъ кончаютъ; спиваются съ круга, погрязаютъ въ развратѣ, дѣлаются нищими. Но онъ же не нищій: у него табачная лавка, меблированныя комнаты. Ужъ не заняться ли этимъ дѣломъ и видѣть двусмысленныя улыбки разныхъ Жихаревыхъ, Гавриленко, Герасимовыхъ, Хвощинскихъ, слышать отъ нихъ: «Такъ вотъ вы на что промѣняли искусство?» Потомъ вспомнилось, что дома встрѣтитъ его Маргарита Ѳедоровна упреками, можетъ-быть, бранью. Теперь отъ нея можно всего ждать. Чтобы избавиться отъ этого, нужно играть роль мужа. Не лучше ли не ворочаться больше домой и покончить съ собой тутъ же, теперь же. Онъ осмотрѣлся кругомъ и покачалъ головой: вотъ они, мѣста, гдѣ началась развязка его молодой жизни; вонъ тамъ онъ жилъ съ дѣдомъ въ послѣд-

нее время: поворотить немного, и онъ увидитъ домъ, гдѣ живутъ Хвощинскіе. Пройти развѣ туда и броситься въ Екатерининскій каналъ противъ ихъ дома? Можетъ-быть, увидятъ и впервые взволнуются по поводу его участи. Глухая ненависть къ этимъ роднымъ поднялась въ его душѣ. Ни разу въ жизни не пригрѣли они его, не спросили они его, ѣлъ ли онъ, не справились, живъ ли онъ. Вотъ теперь войти къ нимъ, высказать имъ все, что накипѣло въ душѣ, и потомъ прямо отъ нихъ уйти и броситься въ воду. Онъ подошелъ къ ихъ дому и въ нерѣшительности сталъ ходить взадъ и впередъ. Теперь они всѣ пришли отъ обѣдни — каждое воскресеніе эти набожные христіане ходятъ къ обѣднѣ. Счастливы они теперь, какъ никогда, выискали жениха богатаго для дочери, будущность обезпечена, ликуютъ, и Вѣра Павловна ликуетъ болѣе всѣхъ. Въ душѣ вспыхнула ненависть къ ней, точно она была главной виновницей его гибели. Онъ вдругъ остановился и точно очнулся, услыхавъ свое имя. Онъ обернулся и увидѣлъ Вѣру Павловну. Это была роковая встрѣча.

— Вы къ намъ шли?—спросила она.

— Нѣтъ,—отвѣтилъ онъ.

Она взглянула на него и испугалась.

— Что съ вами?—проговорила она, всматриваясь въ его лицо.—Вы страшно измѣнились.

— Вы тоже, Вѣра Павловна, измѣнились,—отвѣтилъ онъ, глядя на ея цвѣтущее лицо.—Жизнь, видно, однихъ одной краской, другихъ другой красить...

Онъ почувствовалъ неодолимую ненависть къ этой дѣвушкѣ, цвѣтущей, нарядной, счастливой. Помутившійся мозгъ подсказывалъ, что она, и только она была виновницей его гибели, какъ нѣсколько минутъ тому назадъ внутри мозгъ говорилъ, что вина лежитъ на Маргаритѣ Ѳедоровнѣ.

— Къ господину Кудрявцеву изволите идти? — спросилъ онъ насмѣшливо.

— Да, къ Варѣ,—коротко сказала она, точно испуганная его видомъ, его тономъ.

— Счастливецъ Николай Николаевичъ! Вотъ ко мнѣ не зайдете даже на мою картину взглянуть,—сказалъ онъ къ слову.

Въ его головѣ тутъ же мелькнула безумная мысль: настоять, чтобы она зашла къ нему, и покончить послѣ ея визита съ собой, высказавъ ей, какъ онъ любилъ ее, какъ она своимъ кокетствомъ погубила его. Онъ былъ теперь

убѣжденъ и въ томъ, что онъ любилъ ее, и въ томъ, что она кокетничала съ нимъ.

— Если хотите, когда-нибудь заѣду съ Варей,—сказала она.

— Когда-нибудь? Съ Варварой Николаевной?—повторилъ онъ съ усмѣшкой.—Отчего же не теперь? Не безъ нея?

Онъ вспомнилъ, что ея свадьба должна быть въ этомъ мѣсяцѣ.

— Или послѣ свадьбы, когда уѣдете за границу?

— О, нѣтъ, свадьба еще въ концѣ мѣсяца будетъ,— отвѣтила она и заторопилась.—Меня ждутъ...

— Вотъ и отлично, возьмемъ извозчика и поѣдемте сначала ко мнѣ, а потомъ къ Кудрявцевымъ...

— Право, я тороплюсь...

— Ужъ вы не боитесь ли меня?—спросилъ онъ насмѣшливо.

Она пожала плечами.

— Что вы выдумываете!

Она за минуту, выходя изъ дому и увидавъ лицо Хопрова, испугалась за него; теперь она уже боялась не за него, а за себя. Какое-то смутное чувство подсказывало ей, что онъ не въ своемъ умѣ. Онъ вдругъ сообразилъ что-то и сказалъ:

— Вотъ и видно, что вы не желаете, чтобы я ѣхалъ за границу. Пока вы не увидите моей картины, я не соглашусь на предложеніе Николая Николаевича. Вѣдь моя картина навѣяна вами, и вы же сами хотѣли ее увидѣть прежде всѣхъ. Теперь, вѣрно, другія времена?

И съ находчивостью безумца онъ прибавилъ:

— Вамъ ваши братья не говорили, какой сюжетъ я взялъ? Я вѣдь пишу картину на заданную вами тему: некрасовская «Свадьба».

— А! вотъ я говорила, что это хорошій сюжетъ!—замѣтила она оживленно.—Это интересно.

— А взглянуть все же не хотите? Или боитесь къ холостому человѣку въ квартиру зайти? Такъ я же художникъ. Ко мнѣ дамы могутъ ходить: портреты пишу.

— Ничего я не боюсь, а просто мнѣ надо спѣшить. Ждутъ меня,—отвѣтила она и безсознательно оглядѣлась кругомъ, точно ища кого-нибудь, кто бы выручилъ ее.

— Полчаса разницы ничего не значитъ, — сказалъ онъ и рѣшительно позвалъ извозчика. — Тутъ и по дорогѣ. Мы мигомъ доѣдемъ ко мнѣ, а потомъ обратно на Англійскую набережную...

Вѣра Павловна побѣдила чувство безотчетнаго страха,

даже начала сердиться на себя за то, что она колебалась. Въ самомъ дѣлѣ, ее проситъ человѣкъ взглянуть на картину, подсказанную ею же, и она колеблется. Наконецъ, ея визитъ рѣшитъ его участь: онъ согласится тогда ѣхать за границу. И чего она боится? Вѣдь встрѣчались же они сотни разъ на улицѣ, гуляли вмѣстѣ. Онъ живетъ не въ трущобѣ. Въ меблированныхъ комнатахъ, среди народа и всегда можно крикнуть, если... Она передернула плечами отъ досады на себя. Для чего кричать? Что онъ можетъ сдѣлать? Станетъ говорить, какъ тогда въ Лѣсномъ, о любви— она уйдетъ, вотъ и все...

Они доѣхали до Средняго проспекта, сошли съ дрожекъ, поднялись до третьяго этажа, вошли въ коридоръ меблированныхъ комнатъ. Хопровъ вошелъ впередъ и, войдя въ мастерскую, заперъ на ключъ дверь въ спальню. Вѣра Павловна вошла за нимъ, охваченная смутнымъ страхомъ. Мастерская Хопрова была просторная, сносно обставлена, разукрашена разными накупленными имъ бездѣлушками, оружіемъ, русскими полотенцами. Въ углу на мольбертѣ находилась его картина. Вѣра Павловна остановилась передъ нею и сразу невольно проговорила:

— Зачѣмъ это... зачѣмъ вы написали себя въ такомъ видѣ?

Хопровъ усмѣхнулся:

— Потому что это кровью писано!—проговорилъ онъ и сразу у него вылетѣли изъ головы всѣ мысли о самоубійствѣ, явилось одно желаніе порисоваться передъ Вѣрой Павловной, поразить ее жалкими и мелодраматическими фразами.—Да, это писано кровью, тутъ перечувствованъ каждый мазокъ... Вы помните, Вѣра Павловна, когда-то — о, какъ это было недавно, какъ это было давно! — я разсказывалъ вамъ о своей жизни? Вы, можетъ-быть, не слыхали даже половины; вѣдь вы уже были тогда всецѣло заняты мыслью о господинѣ Кудрявцевѣ...

Она хотѣла что-то сказать, но онъ остановилъ ее.

— Не оправдывайтесь, я васъ не упрекаю. Вы не виноваты, что вы полюбили другого. Но мнѣ-то было отъ этого не легче. Я васъ любилъ, вы, можетъ-быть, сами не зная того, подавали мнѣ надежды...

Она рѣшилась прервать это объясненіе холоднымъ вопросомъ о картинѣ, которую она внимательно разсматривала:

— Полноте! Что говорить о прошломъ! Вы знаете, что я тутъ ни при чемъ. Поговоримте лучше о вашемъ будущемъ. Гдѣ вы будете кончать свою картину? Она вѣдь еще не кончена?

— Ахъ, что мнѣ за дѣло теперь до нея. Я хочу вамъ сказать все, касающееся до меня. Не упрекать васъ хочу, а разсказать, до чего дошелъ я...

Онъ готовъ уже былъ передать ей съ паѳосомъ, какъ онъ дошелъ «до паденія», какъ, отвергнутый ею, бросился въ омутъ, какъ вотъ эта женщина съ картины сдѣлалась его любовницей, потомъ его женою, какъ онъ затянулся въ эту петлю и принесъ себя въ жертву. Въ эту минуту въ сосѣдней комнатѣ послышался дѣтскій плачъ. Вѣра Павловна спросила:

— Тутъ дѣти у васъ?

Хопрову кровь бросилась въ голову, и онъ рѣзко сказалъ:

— Я же не одинъ живу въ меблированныхъ комнатахъ, тутъ всякаго народа и ребятъ много...

Эта ложь сорвалась мимовольно съ его языка и ему тутъ же стало досадно, что онъ не воспользовался случаемъ сказать съ паѳосомъ: «это мое несчастное дитя». Онъ, немного раздраженный, началъ снова свои признанія.

— Я думалъ, Вѣра Павловна, что я сойду съ ума въ тотъ проклятый вечеръ, когда повязка спала съ моихъ глазъ...

Дверь въ его мастерскую отворилась и на порогѣ появилась, вся раскраснѣвшаяся, Маргарита Ѳедоровна. Вѣра Павловна невольно отодвинулась къ письменному столу и сразу поняла, что это—женщина съ картины.

— Мнѣ пора,—начала она.

Но ея голоса никто не слыхалъ. Хопровъ злобно крикнулъ женѣ:

— Что нужно? Зачѣмъ?

Та разсмѣялась злымъ смѣхомъ.

— Не во-время пришла? На самомъ интересномъ мѣстѣ помѣшала? Ну, что дѣлать!

Вѣра Павловна замерла на мѣстѣ, съ испугомъ глядя на это широкое лицо чухонки, въ чепцѣ, въ мятой блузѣ, въ кухонномъ передникѣ. Она не понимала, зачѣмъ и по какому праву ворвалась эта кухарка. Какое отношеніе имѣетъ она къ Хопрову? Почему именно она изображена на картинѣ?

— Испугались, барышня? — насмѣшливо обратилась къ ней эта женщина. — Что дѣлать, это всегда можетъ случиться, когда къ молодымъ мужчинамъ станете ходить. Взялся за гужъ—не говори, что не дюжъ.

— Вонъ!—крикнулъ Хопровъ и сдѣлалъ движеніе, чтобы вытолкать жену.

Она отстранила его рукой.

— Ну, ну, потише!—проговорила она и впервые у ней пробудилась бѣшеная злоба и ревность при видѣ этой красавицы-дѣвушки.—Вонъ вы какая нарядная, изъ порядочной семьи, можетъ-быть, а что дѣлаете...

Вѣра Павловна сдѣлала движеніе, чтобы идти, но у ней ноги подламывались. Маргарита Ѳедоровна замѣтила это и, глумясь, продолжала:

— Не слѣдъ-съ ходить къ молодымъ мужчинамъ... До добра это не доведетъ. Что бы сказали ваши родители, если бы узнали? По головкѣ бы не погладили, вѣрно. Сама я была дѣвушкой. Знаю все это.

Вѣра Павловна собралась съ силами и дрогнувшимъ голосомъ сказала:

— Я не знаю, какое вы имѣете право? Зачѣмъ вы здѣсь?

Раздался смѣхъ Маргариты Ѳедоровны.

— Это я васъ должна спросить, зачѣмъ вы здѣсь, а не вы меня,—произнесла она со злобой.—Папашу да мамашу вашихъ сюда бы привести, чтобы они полюбовались, какъ ихъ дочь къ молодымъ людямъ бѣгаетъ.

— Молчать! Или я!—крикнулъ внѣ себя Хопровъ и заметался по комнатѣ, чего-то ища, какъ безумный.

— Иванъ Ивановичъ,—начала безпомощно Хвощинская и не могла кончить, безсильно прислонившись къ столу, чувствуя, что ее оставляютъ силы.

— Да, ужъ какъ не зовите его, а дѣла не поправите!—продолжала выкрикивать Маргарита Ѳедоровна. — Что ни говорите теперь, а вы-то только его любовницей можете быть, а я, какъ-никакъ, все же...

Хопровъ забылъ все и сознавалъ, что вотъ-вотъ его жена произнесетъ послѣднее слово—то самое слово, которымъ онъ за минуту передъ тѣмъ самъ хотѣлъ поразить Вѣру Павловну. Теперь онъ помнилъ только одно, что Вѣра Павловна узнаетъ, что онъ лгалъ ей. Никогда не перенесетъ онъ этого. Эти мысли хаосомъ проносились въ его головѣ и ни о чемъ другомъ, болѣе существенномъ, онъ не думалъ, безумный, дикій, какъ звѣрь.

— Я его законная...—продолжала Маргарита Ѳедоровна и не кончила.

Онъ уже нашелъ то, что, безумно мечась по комнатѣ, искалъ: револьверъ былъ у него въ рукахъ и, прежде чѣмъ она успѣла крикнуть, онъ въ дикой ярости пристрѣлилъ ее, какъ взбѣсившуюся собаку.

Оглавленіе

XIV ТОМА.

	стр.
Изъ трясины на дорогу. Романъ	3
Дядя Коля. Разсказъ	157
Позолоченный позоръ. Романъ	177
Пасхальная ночь. Разсказъ	323
Дядюшка изъ Америки. Разсказъ	338
Дѣти улицы. Романъ	353
Несчастный бракъ	503
Отщепенецъ. Романъ	553

824 SEP 27

THE UNIVERSITY OF MICHIGAN
GRADUATE LIBRARY

DATE DUE

OCT 15 1974

OCT 18 1974